ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1875. ИЗДАВАЕМЫЙ 1.

Петромъ Бартеневымъ

(бывшимъ библіотекаремъ Чертковской Библіотеки).

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Типографія Грачева и Комп., у Пречистенскихъ вор., д. Шиловой.

1875.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ СЕДЬМАЯ КНИГА

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

СОДЕРЖАНІЕ

СЕДЬМОЙ КНИГИ

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

ЦАРСТВОВАНІЕ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

(1875).

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

(1875).

КНИГА ПЕРВАЯ

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И К., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.
1875.

Историческое изданіе, содержаніемъ своимъ удовлетворяющее не одному минутному любопытству и цѣнное не только для нашей современности, но и для временъ будущихъ, необходимо, по нашему мнѣнію, печатать въ такомъ видѣ, чтобы читатели и люди ученые могли немедленно отыскивать въ немъ прочтенное и обращаться къ нему за справками. Вотъ почему, съ перваго года Русскаго Архива присоединяются къ нему азбучные указатели, посредствомъ которыхъ все напечатанное въ нашемъ сборникѣ легко обозримо и сподручно для изыскателя. Мы нарочно печатали Русскій Архивъ въ два столбца, чтобы, отыскивая какое либо имя или событіе, съ именемъ связанное, легче и скорѣе можно было сдѣлать нужную справку. Для этого и счетъ страницъ не прерывался въ годовомъ изданіи, которое такимъ образомъ представляло за весь годъ одну книгу.

Обиліе историческихъ бумагъ и статей расширили объемъ Русскаго Архива такъ, что счетъ страницъ безмѣрно увеличился, и указатели съ числами въ четыре цифры сдѣлались уже неудобны.

Отнынѣ годовое изданіе Русскаго Архива будетъ составлять три сподручныя по объему своему книги, каждая съ своимъ указателемъ, при чемъ раздѣленіе на два столбца прекращается. *П. Б.*

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКІЯ ЗАНЯТІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ В. С. ПОПОВА КЪ Я. И. БУЛГАКОВУ *).

I.

Милостивый государь Яковъ Ивановичь.

Ежели вамъ и время есть и нетрудно заняться Польскимъ языкомъ, то пожалуйте, простя мою дерзкую просьбу, потрудитесь перевести Польскаго Гербовника отъ 364 по 375 страницу, о Чарторижскихъ. Не осмѣлился бы я васъ симъ безпокоить, естьлибъ не считалъ, что подобныя упражненія вамъ пріятны; но естьли я ошибся, то чувствительно обязать меня изволите снисходительнымъ извиненіемъ съ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностью вашего превосходительства всепокорнаго слуги Василія Попова.

Признаюсь вамъ, что этотъ переводъ надобенъ Государынѣ.

1 Августа 793. С. Царское.

II.

Еще осмѣливаюсь трудить васъ о выпискѣ изъ приложенныхъ при семъ книгъ трехъ фамилій, и именно

Оссовецкихъ или Совецкихъ, Спаскихъ или Спажскихъ, Конинскихъ.

Я принялъ смѣлость доложить, что вы за трудъ сего не поставите и надѣюсь, что я въ томъ не ошибся.

Всегда съ истиннымъ высокопочитаніемъ и проч.

12 Августа 793. С. Царское.

III.

Всепокорно прошу принять трудъ перевести для Ея Величества фамилію Четвертинскихъ изъ посылаемаго при семъ Гербовника.

IV.

Всепокорнѣйше прошу принять трудъ перевести фамилію Сангушковъ. Вы изволите знать, для кого сіе надобно.

V.

Всепокорнѣйше прошу васъ, милостивый государь Яковъ Ивановичь, пожаловать потрудиться выписать изъ препровождаемой при семъ книги родъ Огинскихъ. Сія выписка, такъ какъ и прежнія, благоугодна Ея Императорскому Величеству.

---

*) Василій Степановичь Поповъ находился въ то время статсъ-секретаремъ при Государынѣ, а Я. И. Булгаковъ (переводчикъ *Всемірнаго Путешественника*) зналъ Польскій языкъ по двукратной дипломатической службѣ своей въ Варшавѣ. *П. Б.*

VI.

Осмѣливаюсь ваше превосходительство покорнѣйше просить принять трудъ перевесть для Ея Императорскаго Величества изъ гербовника роды

Друцкихъ, Соколинскихъ, Озерецкихъ, Любецкихъ, Подбересцкихъ.

На сихъ дняхъ я постараюсь имѣть честь лично увѣрить васъ о истинномъ высокопочитаніи и пр.

19 Ноября 793.

Къ этому письму приложенъ листъ почтовой бумаги, на которомъ рукою императрицы Екатерины написано:

„Карчинскіе Князи. Минскіе Князи."

(Сообщено съ подлинниковъ П. С. Киселевымъ).

ЗАПИСОЧКА ГРАФА Ѳ. В. РОСТОПЧИНА КЪ Я. И. БУЛГАКОВУ.

Завтрашній день Императоръ изволитъ ѣхать въ Петергофъ, откуда, сѣвъ на фрегатъ Эмануилъ, предводительствуя флотомъ, доѣдетъ до Ревеля. Въ Петергофѣ будетъ 5-го числа свадьба графа Дидрихштейна, цесарскаго генерала и назначеннаго *ad interim* намѣсто графа Кобенцеля, съ графинею Шуваловою. Князь Александръ Андреевичь (Безбородко) не совсѣмъ еще оправился отъ трудовъ пути *) и теперь очень страдаетъ рюматизмомъ въ рукѣ. Онъ остался въ Петербургѣ, а Дмитрій Прокофьевичь**) поплыветъ, и мы еще разъ будемъ имѣть неудовольствіе видѣть край, Нѣмецкимъ языкомъ изобилующій.

Отъ 30 Іюня 1797. Павловскъ.

(Сообщено съ подлинника П. С. Киселевымъ).

ПИСЬМА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА КЪ М. А. МАКАРОВУ.

Съ дѣтскихъ лѣтъ находясь въ званіи генералъ-адмирала, Павелъ Петровичь, при Екатеринѣ Второй, носилъ оное только по имени. Воцарившись въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, онъ потому самому не могъ выказать свою дѣятельность на морѣ; но какъ только наступила весна, на четвертый день послѣ своего коронованія въ Москвѣ, онъ уже помышляетъ о плаваніи по Балтійскому морю и занятъ распоряженіями по этому предмету. Нижеслѣдующія письма его къ Михаилу Андреевичу Макарову сообщены въ Русскій Архивъ подлинниками отъ потомковъ Макарова, при посредствѣ И. Я. Рогалева. *П. Б.*

---

*) Изъ Москвы въ Петербургъ. *П. Б.*

**) Трощинскій. *П. Б.*

1.

Москва, Апрѣля 8 дня 1797 году.

Господинъ контръ-адмиралъ Макаровъ. По полученіи сего извольте со всею ввѣренною вамъ эскадрою слѣдовать къ своимъ портамъ въ Финской заливъ. Въ путеплаваніи вашемъ рекомендуется вамъ безъ большой нужды не заходить въ чужіе порты. Буде бы какія и потребовались исправленія, то въ разсужденіи нынѣшняго способнаго времени къ плаванію сдѣлать только самонужнѣйшія; а прочее можно будетъ исправить въ Ревелѣ. По приходѣ же въ Финской заливъ должны соединиться съ означеннымъ для эволюціи флотомъ. Впрочемъ пребываемъ къ вамъ всегда благосклонны. „Павелъ."

„Старайтесь соединиться со мною въ морѣ близь Ревеля, а не прежде, и для того лучше попозже выйти вамъ изъ Аглинскихъ портовъ, дабы быть ко мнѣ кругъ 10 или 15 Іюля *). П."

2.

«Фрегатъ Эммануель, Іюля 6. 1797.»

Весьма хорошо сдѣлали, Михаила Андреичь, что пришли къ мѣсту, гдѣ вы теперь. Вы дожидайтесь моего прихода по сю сторону Готланта и когда меня увидите, то оставайтесь съ своею Аглинскою эскадрою особо, пока не сдѣлаю сигнала вамъ идти въ свои мѣста въ назначенный ордеръ-де-баталіи, дабы я могъ васъ распознать съ дивизіею Пушкина. Мнѣ же вѣтеръ весьма мѣшаетъ. Вашъ благосклонный „Павелъ."

3.

Господинъ вице-адмиралъ Макаровъ. По союзу нашему съ его величествомъ королемъ Великобританскимъ и по случаю требуемой имъ отъ насъ помощи, повелѣваемъ вамъ съ пятью кораблями, пристойнымъ числомъ фрегатовъ и другихъ военныхъ небольшихъ судовъ отправиться для соединенія съ Англинскими флотами къ берегамъ Англіи; равно и Архангелогородской эскадрѣ, состоящей подъ командою нашего вице-адмирала Тота, предписали мы соединиться съ вами и быть подъ вашимъ начальствомъ, повелѣвая ему для сего идти прямо на рейдъ Норъ, которой предполагается общимъ рандеву. Дальнѣйшія же о семъ наставленія, какимъ образомъ поступать во взаимныхъ содѣйствіяхъ съ Англинскимъ флотомъ, вскорѣ за симъ къ вамъ доставлены будутъ. Пребываемъ впрочемъ на всегда благосклонны. „Павелъ."

Павловское. Апрѣля 22-го дня 1798 года.

---

*) Десятидневное плаваніе Павла Петровича на фрегатѣ Эммануилъ описано А. С. Шишковымъ (Записки его, Берлинъ 1870, I, 26—35). По его словамъ, за дурнымъ вѣтромъ, Государь не доѣхалъ до Ревеля и отъ Красной Горки возвратился въ Петербургъ еще до Петрова дни (тамъ же стр. 37). По числовой отмѣткѣ слѣдующаго письма Государя къ Макарову и по вышеприведенному письму графа Растопчина видно, что въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1797 года Государь снова плавалъ по Финскому заливу. *П. Б.*

4.

Господинъ вице-адмиралъ Макаровъ. При главнокомандующемъ надъ арміею по Рейну назначенъ быть, въ должности военнаго министра, нашъ генералъ-адъютантъ графъ Толстой, съ которымъ вы и должны быть въ отношеніи, доставляя свѣдѣнія о всѣхъ вашихъ операціяхъ и движеніяхъ, дабы на случай, когда бы гдѣ востребовалась нужда въ содѣйствіяхъ съ морской стороны, то учинить бы было возможно. Впрочемъ пребываемъ къ вамъ благосклонны.

„Павелъ“

Въ Петербургѣ. Февраля 18 дня 1799 года.

5.

Господинъ вице-адмиралъ Макаровъ. Избравъ три самые надежные корабля и одинъ фрегатъ изъ эскадры, начальству вашему ввѣренной, извольте поручить ихъ въ команду контръ-адмирала Карцова, коему повелѣно идти въ Средиземное море для соединенія съ вице-адмираломъ Ушаковымъ; къ вамъ же вмѣсто оныхъ повелѣно слѣдовать отъ города Архангельскаго, подъ командою контръ-адмирала Баратынскаго *), новымъ тремъ кораблямъ и одному фрегату, которые и останутся у васъ вмѣсто посланныхъ въ Средиземное море. Пребываемъ впрочемъ благосклонны. „Павелъ“

Петербургъ. Марта 6 дня 1799 года.

6.

Господинъ вице-адмиралъ Макаровъ. Находя съ нѣкотораго времени наклонность Гамбурскаго правленія къ правиламъ анархическимъ и правленію Французскихъ похитителей власти, повелѣваемъ вамъ всѣ торговые и другіе всякіе ихъ корабли брать въ добрый призъ и отсылать къ нашимъ портамъ за конвоемъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. „Павелъ“

Въ Петербургѣ. Марта 21 дня 1799 года.

7.

Господинъ вице-адмиралъ Макаровъ. Назначенные отправленіемъ въ Средиземное море подъ командою вице-адмирала Карцова корабли и фрегатъ повелѣваемъ вамъ оставить по прежнему при эскадрѣ вашей, поелику въ нихъ уже надобности въ Средиземномъ морѣ не настоитъ, дозволяя при томъ употребить оные соединенно съ Англинскими, буде бы нужда того потребовала и противу Брестскаго флота, когда бы оный дѣйствительно оттуда вышелъ. И какъ съ прибытіемъ къ вамъ отъ города Архангельскаго эскадры, кораблей будетъ у васъ достаточно, почему и можете по представленію

---

*) Дядя поэта Евгенія Абрамовича Баратынскаго, который занялся отъ него любовью къ морю и писалъ:

«Съ дѣтства влекла меня сердца тревога,

Въ область свободную влажнаго бога» и пр.

вашему корабли Алексѣй и Изяславъ и фрегатъ Нарву отправить къ нашимъ портамъ. Впрочемъ пребываемъ вамъ благосклонны.

„Павелъ“

Въ Павловскѣ. Маія 18 дня 1799 года.

8.

Господинъ вице-адмиралъ Макаровъ. Буде бы, паче чаянія, экспедиція Голандская по какимъ бы то ни было случаямъ была манкирована такъ, что вслѣдствіе условій съ Англіею войски наши должны бы были зимовать въ Англіи, въ такомъ случаѣ, не соизволяя мы уже болѣе на вторую кампанію, повелѣваемъ отправить оныя будущею весною къ своимъ портамъ, сдѣлавъ о семъ распоряженіе по сношенію съ министромъ нашимъ въ Лондонѣ, генераломъ отъ инфантеріи графомъ Воронцовымъ, дабы, въ недостаткѣ кораблей нашихъ къ помѣщенію войскъ сихъ, дано было потребное оныхъ число отъ Англинскаго правительства. Пребывая впрочемъ всегда вамъ благосклонны. „Павелъ“

Въ Гатчинѣ. Октября 3 дня 1799 года.

9.

Господинъ вице-адмиралъ Макаровъ. Такъ какъ изъ обстоятельствъ открывается, что Голандская экспедиція манкирована, почему и повелѣваемъ вамъ употребить эскадры вамъ ввѣренныя для забранія съ береговъ Голандскихъ войски наши, и вслѣдствіе договоровъ съ Англіею, по сношенію съ министромъ нашимъ графомъ Воронцовымъ, въ разсужденіи поздняго времени, перевести оныя на Англинскіе берега, гдѣ они и должны остаться до первой весенней коммуникаціи, по открытіи которой съ первою удобностію, забравъ всѣ войски на эскадры, со всѣми военными кораблями и фрегатами, включая и эскадру вице-адмирала Баратынскаго, возвратиться въ свои порты. Буде же военныхъ судовъ для забранія войскъ будетъ недостаточно, въ такомъ случаѣ потребное оныхъ число истребовать отъ Англинскаго правительства чрезъ посредство графа Воронцова. Впрочемъ пребываемъ вамъ благосклонны.

„Павелъ“

„А естьли бы вамъ транспортовъ не дали, то нанять.“

Въ Гатчинѣ. Октября 23 дня 1799 года.

10.

Господинъ вице-адмиралъ Макаровъ. Въ слѣдствіе даннаго уже отъ насъ вамъ повелѣнія о возвращеніи со всѣми эскадрами, подъ командою вашею состоящими, равно и сухопутными войсками, къ своимъ портамъ, повелѣваемъ, чтобы сіе исполнено было со всевозможною поспѣшностію; тѣ же корабли и прочіе суда, которые еще исправляются, чтобъ собою не могли останавливать, могутъ

забраны быть вице-адмираломъ Баратынскимъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. „Павелъ"

„Извольте идти съ полученія сего. П."

Въ Павловскѣ. Маія 22 дня 1800 году.

11.

Господинъ вице-адмиралъ Макаровъ. Извольте отправиться въ Ревель и принять въ команду свою Ревельское отдѣленіе флота, вооруживъ оное съ поспѣшностію выдти на рейдъ и расположиться въ линіи такъ, чтобъ быть готову по теперешнимъ обстоятельствамъ. Буде бы Агличане вздумали сдѣлать каковое покушеніе на Ревель, или Кронштатъ, или иное мѣсто, чтобъ быть во всякой готовности сему воспрепятствовать. Впрочемъ пребываемъ къ вамъ благосклонны. „Павелъ"

Въ Гатчинѣ. Августа 24 дня 1800 года.

ПИСЬМО ГРАФА Г. И. КУШЕЛЕВА.

Секретно.

Милостивый государь Михайло Кондратьевичъ *).

Такъ какъ высочайше ввѣрено вамъ отдѣленіе Ревельское флота и по теперешнимъ извѣстіямъ Аглитской флотъ, въ 10 корабляхъ состоящій, теперь въ Зундѣ, то буде бы они вошли въ наше море и въ возмездіе наложенія амбарго на ихъ націи суда захотѣли бы учинить непріятельское впаденіе на берега наши, вы должны быть готовы къ отраженію оныхъ; и потому, выведя со всевозможною поспѣшностію флотъ изъ гавани, расположить какъ сочтете выгоднѣе на Ревельскомъ рейдѣ. Я бы думалъ, что полезнѣе стать на сѣкущейся линіи флангами къ выходу, учредя на Карлосѣ и Брегитовскомъ берегу сильныя батареи, кои, буде не существуютъ и береговой артиллеріи не будетъ, хоть взять съ тѣхъ кораблей, которые въ гавани и приготовить очаги для разжиганія ядеръ. При томъ имѣть авизъ противу Наргена въ крейсерствѣ, также на Наргенѣ учредить извѣщательный караулъ со сигналами, дабы вы могли знать обо всѣхъ проходящихъ къ Кронштату судахъ. Буде бы Аглитской флотъ пошелъ къ Кронштату, тогда немедленно, снявшись съ якоря, должно перерѣзать ему ретираду назадъ и его преслѣдовать, чтобъ поставить его между собою и Кронштатскаго отдѣленія, между двухъ огней. На сіе есть высочайшая воля. Впрочемъ отъ вашей храбрости, благоразумія и расторопности всего ожидать должно во благо. Со всегдашнимъ почтеніемъ пребываю вашего превосходительства покорный слуга графъ Григорій Кушелевъ.

1800 г. Августа 25 дня. Гатчино.

*) Намъ въ точности неизвѣстно отчество вице-адмирала Макарова; выше онъ названъ Андреевичемъ. Здѣсь кстати замѣтить, что большая часть писемъ къ нему императора Павла писана рукою графа Кушелева. *П. Б.*

12.

Господинъ вице-адмиралъ Макаровъ. Буде бы Англинской капитанъ Потамъ съ эскадрою вошелъ въ Балтійское море и приближился бы къ берегамъ нашимъ, а паче буде бы подошелъ къ Ревельскому порту, тогда повелѣваемъ вамъ, выведя всѣ Англійскіе суда, находящіеся въ Ревельской гавани на рейдъ, предъ его глазами сжечь. Въ разсужденіи же порта имѣть всѣ должныя осторожности и тотчасъ по сожженіи судовъ съ нарочнымъ увѣдомить Нарвскаго коменданта и адмирала Ханыкова, коимъ предписано съ Англійскими судами учинить тоже. Впрочемъ пребываемъ къ вамъ благосклонны. „Павелъ"

Въ Петербургѣ. Декабря 13 дня 1800 году.

ПИСЬМА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА КЪ АДМИРАЛУ МАКАРОВУ.

1.

Секретно.

Господинъ адмиралъ Макаровъ. Извольте, вооружа Ревельскую часть флота, выйти на рейдъ, какъ скоро оной совершенно отъ льда очистится и ни каковой опасности отъ онаго для кораблей настоять не будетъ и расположиться въ линіи, прикрывъ фланги оной Брегитовскою батареею и гаванью, или какъ вы для лучшей обороны найдете за лучшее. Какъ скоро возможность будетъ, пошлите авизы къ Наргену и за оной къ Дагерорту, кои бы извѣщали васъ, буде бы Аглитской флотъ вошелъ въ наше море. Въ семъ положеніи вы должны остаться, доколѣ получите извѣстіе, что между Кронштата и Ревеля уже очистился ледъ; тогда со всею частію Ревельскаго флота слѣдуйте въ Кронштатъ, оставя въ крейсерствѣ два корабля и одинъ фрегатъ между Ревеля и Кронштата, кои будутъ прикрывать перевозы къ портамъ, и буде получите извѣстіе о приближеніи многочисленнаго непріятельскаго флота отъ авизъ или коммерческихъ судовъ, то и они должны слѣдовать въ Кронштатъ. Впрочемъ, будучи увѣрены, что вы сдѣлаете все сіе такъ, какъ искусный и храбрый начальникъ, пребываемъ къ вамъ благосклонны. „Александръ"

Въ С. Петербургѣ. Марта 21 дня 1801 году.

2.

Господинъ адмиралъ Макаровъ. Въ слѣдствіе даннаго уже вамъ отъ насъ повелѣнія, какъ скоро возможность будетъ, слѣдовать въ Кронштатъ и льды вамъ не воспрепятствуютъ, то извольте, ни мало не теряя времени, туда слѣдовать. Для извѣщенія васъ о семъ предписано отъ насъ и адмиралу Ханыкову послать изъ Кронштата къ вамъ авизу, которую, можетъ быть, задержутъ противные

вѣтры; а потому, ежели и прежде приходу оной получите извѣщеніе, не дожидайте ее, а слѣдуйте въ Кронштатъ, имѣя позади себя фрегаты, которые бы могли наблюдать и извѣщать васъ, буде бы непріятельской флотъ сталъ васъ преслѣдовать. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. „Александръ"

Въ Петербургѣ. Апрѣля 12 дня 1801 года.

РАСПОРЯЖЕНІЕ ВРЕМЕНЪ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА.

Усмотря во многомъ числѣ офицеровъ съ окутанными шеями родомъ толстыхъ бѣлыхъ платковъ, или другаго сорту обвитія, наподобіе какъ бы одержимы были жабною болѣзнію, но столькожъ недозволеннаго и неприличнаго къ мундиру, какъ бы и платокъ на шеѣ распущенной, и затѣмъ никто, съ полученія приказа, да не осмѣлится такъ неприлично быть одѣту въ мундирѣ: ибо сіе дозволительно и пристойно къ утреннему платью или сертуку, но нимало пріѣзжать во дворецъ или гдѣ долгъ званія требуетъ. А имѣть галстухи обыкновенно бѣлые, и въ толщину, и въ ширину обыкновенную. А буде бы кто изъ офицеровъ не хотѣли понять, каковой галстухъ я приличнымъ офицерской одеждѣ почитаю, то можетъ смотрѣть на своей роты солдатъ и держась того или которой онъ прежде на шеѣ имѣлъ до возложенія теперь многими употребляемаго сего рода хомутины, то и будетъ одѣтъ, какъ былъ прежде по одеждѣ своей, а не такъ какъ въ утреннемъ платьѣ. Къ сему жъ тѣ господа могутъ быть увѣрены, что и въ тѣхъ мѣстахъ, откуда сіе перешло, конечно ни одинъ офицеръ съ мундиромъ никогда не только чтобы надѣвать, но и не мнилъ, и видя здѣсь, столько же странно находитъ, какъ и всякой въ военномъ назначеніи служащій. Къ тому жъ сказать долженъ и то, что одежда строевая не перемѣняется никогда по примѣру первовъѣзжаго изъ чужихъ земель, но остается навсегда, какъ предположено.

(Сообщено съ современнаго списка М. Ѳ. Шугуровымъ).

АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ ЕГОРА ѲЕДОРОВИЧА ФОНЪ-БРАДКЕ.

МОИМЪ ДѢТЯМЪ.

Родъ нашъ происходитъ изъ Швеціи; мой прадѣдъ, во времена Карла XII, былъ полковникомъ и Шведскимъ комендантомъ въ Любекѣ. О древнѣйшихъ предкахъ со стороны моего отца мнѣ ничего неизвѣстно; даже не знаю, принадлежали-ли они къ дворянству, или мой прадѣдъ былъ первый возведенъ въ это достоинство, къ чему впрочемъ я былъ вполнѣ равнодушенъ.

Мой прадѣдъ имѣлъ только двухъ сыновей, которые начали свою службу въ Ольденбургскихъ или Голштинскихъ войскахъ и переселились оба въ поручьичемъ чинѣ въ Россію. Къ этому переселенію вѣроятно побудили ихъ, между прочимъ, семейныя непріятности: отецъ ихъ, вступивъ во второй бракъ съ одною вдовою, у которой была дочь отъ перваго мужа, такъ полюбилъ свою падчерицу, что предоставилъ ей все свое состояніе безъ исключенія и исходатайствовалъ у королевы Ульрики-Элеоноры мужу этой падчерицы, какому-то врачу, право принять фамилію „фонъ Брадке" вмѣстѣ съ возведеніемъ въ дворянское достоинство. Вотъ что я знаю о моемъ прадѣдѣ. Прибавить развѣ еще, что падчерица дѣда моего не имѣла дѣтей, и стало быть въ Швеціи фамилія фонъ-Брадке вымерла. Между этою падчерицею и родными его сыновьями дальнѣйшихъ отношеній не было; она только написала имъ по кончинѣ своего вотчима весьма неласковое письмо въ тѣхъ видахъ, чтобы они не вздумали предъявлять права на наслѣдство, чего они и не предпринимали.

И такъ мой дѣдъ и братъ его вступили въ Русскую службу. Они сражались противъ Турокъ подъ начальствомъ фельдмаршала Миниха. Братъ моего дѣда дослужился до генерала-лейтенанта и былъ первымъ генералъ-квартермистромъ Русской арміи. Кажется, онъ былъ весьма значительнымъ человѣкомъ. Сыновей у него не было, а изъ трехъ дочерей одна была за адмираломъ Алексѣемъ Наумовичемъ Сенявинымъ, другая за генераломъ Гартвисомъ (Hartwiss), а третья, говорятъ, за графомъ Воронцовымъ: не знаю навѣрное *).

Дѣдъ мой, въ ранахъ и съ разстроеннымъ здоровьемъ, вышелъ въ отставку полковникомъ. Императрица Екатерина пожаловала ему

---

*) Графинею Воронцовою была не дочь генерала лейтенанта фонъ-Брадке, а внука его Екатерина Алексѣевна († въ Августѣ 1784) Сенявина, въ супружествѣ за графомъ Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ, сынъ котораго фельдмаршалъ князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ заявлялъ Егору Ѳедоровичу фонъ-Брадке о своемъ дальнемъ родствѣ съ нимъ. На Смоленскомъ (Нѣмецкомъ) кладбищѣ въ Петербургѣ сохранился бѣломраморный памятникъ адмиральши Сенявиной, по отцу Анны Елисаветы фонъ-Брадке (род. 14 Апр. 1733 † 16 Окт. 1776). *П. Б.*

аренду на островѣ Монѣ, въ Эзельскомъ округѣ. Въ качествѣ Шведскаго дворянина, онъ былъ принятъ въ Эзельское благородное сословіе. Женатъ онъ былъ на дѣвицѣ Адеркасъ и имѣлъ отъ нея сына (моего отца) и двухъ дочерей. Больше я о немъ ничего не знаю: онъ скончался за долго до моего рожденія. Но бабушку мою, вступившую во второй бракъ съ рентмейстеромъ Рубушемъ, я очень живо помню въ моемъ дѣтствѣ, и я былъ при ея кончинѣ ребенкомъ лѣтъ 7 — 8. Черезъ тетокъ моихъ, дочерей генерала-лейтенанта фонъ-Брадке, мы вошли въ родственныя связи съ аристократическими Русскими семействами, но отецъ мой вовсе не поддерживалъ съ ними близкихъ отношеній. Только Александръ Львовичъ Нарышкинъ, женатый на Сенявиной (одной изъ дочерей моей тетки) оказывалъ намъ всякое родственное расположеніе. Онъ ласкалъ и меня, когда мнѣ было 14—18 лѣтъ отъ роду и часто звалъ къ себѣ въ свои великолѣпныя палаты. Я иногда бывалъ у него, а генералъ-губернатору Остзейскихъ губерній, князю Суворову, однажды сказалъ въ шутку, что онъ мнѣ внукъ, такъ какъ мать его была дочерью Марьи Алексѣевны Нарышкиной, урожденной Сенявиной, — т. е. моей племянницею.

Вотъ почти все, что̀ я знаю про моихъ предковъ съ отцовской стороны. Не привожу другихъ разсказовъ и сохранившихся извѣстій, не увѣренный въ ихъ точности.

Отецъ мой *) родился и воспитывался на островѣ Эзелѣ и рано вступилъ въ военную службу. Сперва онъ былъ юнкеромъ въ Вятскомъ пѣхотномъ полку, а потомъ, будучи фронтовымъ и кадетскимъ офицеромъ, перешелъ, по настоянію А. Н. Сенявина, во флотъ, состоялъ при немъ генеральсъ-адъютантомъ, затѣмъ въ чинѣ подполковника командовалъ отдѣльнымъ егерскимъ баталіономъ, былъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ при генералъ-лейтенантѣ Нумсенѣ и при столь знаменитомъ впослѣдствіи генералѣ Суворовѣ въ Финляндіи, затѣмъ командиромъ гарнизоннаго полка своего имени въ Ригѣ, откуда, во времена Павла I, въ чинѣ генералъ-маіора, назначенъ комендантомъ г. Полоцка и шефомъ гарнизоннаго полка своего имени. Здѣсь постигла его участь столь многихъ: въ силу особаго высочайшаго повелѣнія, безъ всякихъ причинъ, его „выбросили" изъ службы, какъ именно было и сказано. Для человѣка съ женою и дѣтьми это было тяжелымъ ударомъ; но будучи твердъ, отецъ мой отнесся къ несчастію съ смиренною покорностью, видя въ немъ Божіе указаніе. Онъ узналъ о своемъ увольненіи въ табельный день, когда у него былъ парадный обѣдъ, но ни мало не смутился и лишь на другой день объявилъ о случившемся женѣ и своимъ подчиненнымъ. Городъ Полоцкъ предложилъ ему значительный даръ для покупки имѣнія, но онъ съ благодарностью отклонилъ его. Затѣмъ онъ обратился письменно къ князю Сергію Ѳедоровичу Голицыну, съ которымъ былъ очень коротко знакомъ, прося его сообщить ему о причинахъ его увольненія, но получилъ вскорѣ отвѣтъ, что и самъ князь въ тотъ же день „былъ выброшенъ" изъ служ-

*) Его звали Ѳедоромъ Ивановичемъ. См. въ Р. Архивѣ 1874, кн. 2-я, стр. 959 двѣ записочки къ нему имп. Павла. *П. Б.*

бы. Тогда мой отецъ собралъ небольшія крохи своего достоянія и, воспользовавшись предложенною ему его тестемъ и друзьями ссудою, купилъ сильно запущенное, на Двинѣ лежащее, имѣніе Верховье, въ 350 душъ (въ Витебской губ., въ Велижскомъ уѣздѣ).

Въ два года осмотрительной и настойчивой дѣятельности отца моего, разработаны и пущены въ ходъ всѣ силы имѣнія, доходы стали получаться въ нѣсколько тысячъ, и предстояла возможность въ непродолжительное время освободиться отъ долга, какъ вдругъ полученъ высочайшій приказъ императора Павла, чтобы отецъ мой немедленно ѣхалъ въ Петербургъ. Генералъ-адъютантъ графъ Ливенъ предложилъ ему вопросъ, за что онъ отставленъ. Отецъ отвѣчалъ, что причина отставки ему неизвѣстна. Собраны справки, и безъ его прошенія онъ допущенъ къ лицу Императора, который необыкновенно милостиво его принялъ. Разговоръ шелъ на Нѣмецкомъ языкѣ, на которомъ Государь отлично говорилъ. Отецъ отпущенъ изъ дворца шефомъ 4-го егерскаго полка. Глубоко тронутый признаніемъ своей невинности и изъявленіями монаршей милости, онъ былъ однако озабоченъ судьбою своего имѣнія, которое непремѣнно требовало личнаго его присутствія. Поэтому спрашивалъ онъ графа Ливена, не льзя ли ему просить о всемилостивѣйшемъ дозволеніи по прежнему жить въ отставкѣ. Въ отвѣтъ ему сказано, что такая просьба можетъ имѣть весьма дурныя послѣдствія, и пожалуй не придется ему и хозяйничать въ имѣніи. Такимъ образомъ отецъ мой отправился въ полкъ, стоявшій въ западныхъ губерніяхъ и, когда было можно, навѣщалъ Верховье, которымъ управляла моя матушка по его наставленіямъ.

Со восшествіемъ на престолъ государя императора Александра I-го, отецъ подалъ въ отставку и до 1807 года жилъ въ Верховьѣ, которое во всѣхъ отношеніяхъ совершенно преобразилось. Въ 1807 году, по случаю войны съ Франціею, по всей Россіи устроивалась милиція. Отецъ мой думалъ, что ему можно остаться въ сторонѣ, такъ какъ многіе генералы, старше его, желали получить званіе начальника губернской милиціи, весьма въ то время высокое. Когда къ нему обращались по этому предмету, онъ отвѣчалъ, что едва освободился изъ стѣснительныхъ обстоятельствъ и что такое назначеніе поведетъ его къ полному разоренію. Но его настоятельно просили пріѣхать на выборы, и онъ былъ единогласно выбранъ губернскимъ начальникомъ Витебской милиціи, а въ возмѣщеніе необходимо-умножавшихся отъ того расходовъ, дворянство, также единогласно, назначало ему ежегодно по 20 тыс. руб. ассигн. Его тронуло сочувствіе дворянства, и онъ не имѣлъ духа отказаться отъ должности, но деньги рѣшительно отвергнулъ. Такимъ образомъ онъ переѣхалъ въ Витебскъ и занялся образованіемъ милиціи. Дѣло пошло въ ходъ быстро и, по окончаніи войны, доставило отцу моему Анненскую ленту, многимъ дворянамъ разныя награды и всему дворянскому сословію монаршее благоволеніе. Дворянство выразило ему свою благодарность особымъ, весьма тепло-написаннымъ письмомъ. Но вслѣдствіе жизни въ Витебскѣ, гдѣ приходилось ежедневно держать

открытый столъ, накопились новые долги, и такое постоянно-неустроенное положеніе удручало отца моего. Къ умноженію издержекъ, стоявшій въ Витебскѣ главный командиръ, графъ Буксгевденъ, не заводя своего хозяйства, ежедневно со свитою своею обѣдалъ у моего отца; надо было и отвозить его домой, такъ какъ онъ не держалъ собственнаго экипажа. Буксгевденъ предлагалъ отцу поступить къ нему въ дежурные генералы, а когда это не состоялось, занять опорожнившееся мѣсто Эстляндскаго губернатора. Въ виду этого мѣста, отецъ мой продалъ свое имѣніе, свелъ счеты и со всею семьею поѣхалъ въ Петербургъ, но тамъ узналъ, что графъ Буксгевденъ уже представилъ Эстляндскимъ губернаторомъ барона Икскюля. Не знаю, что̀ побудило графа Буксгевдена къ такому вѣроломному поступку; но бывшіе друзья разошлись между собою. Уваженіе, которымъ пользовался мой отецъ, обратило на него личное вниманіе императора Александра I-го, и вскорѣ онъ получилъ мѣсто гражданскаго губернатора въ Вяткѣ съ увеличеннымъ окладомъ.

Вятская губернія, съ милліономъ богатыхъ казенныхъ крестьянъ, до тѣхъ поръ была сильно разоряема управленіемъ. До моего отца и послѣ него, чиновники, не исключая и губернаторовъ, бывали увольняемы съ преданіемъ уголовному суду. Съ свойственною ему настойчивостію возстановивъ порядокъ, батюшка управлялъ губерніею семь лѣтъ и, благодаря его личному бдительному надзору, во всѣ эти семь лѣтъ ни одинъ чиновникъ не былъ преданъ суду. Много лѣтъ послѣ его кончины, императоръ Александръ I-й, проѣзжая Вятку, увидѣлъ въ гимназіи портретъ моего отца и, узнавъ, что гимназія была имъ основана, остановился передъ портретомъ и произнесъ: „это былъ человѣкъ рѣдкой честности и настойчивости.“ При этомъ его величество изволилъ разсказать, что на пути своемъ онъ говорилъ съ крестьянами, и всѣ они, отъ мала до велика, отзывались, что, начиная съ незапамятныхъ временъ, только при отцѣ моемъ управленіе было честное и правосудное.

Утомленный служебною дѣятельностью, страдая отъ сильнаго гемороя и совершеннаго разстройства желудка, мой отецъ просилъ объ увольненіи отъ службы, но въ 1816 или въ концѣ 1815 года былъ всемилостивѣйше пожалованъ въ тайные совѣтники и Петербургскіе сенаторы. Онъ исправлялъ почти два года, въ отсутствіе барона Кампенгаузена, должность государственнаго контролера и умеръ въ началѣ 1818 г., на пожарѣ, въ Петербургѣ.

Еще живучи въ Эзелѣ, въ чинѣ артиллерійскаго капитана-лейтенанта по флоту, мой отецъ женился на дочери умершаго маіора фонъ-Гакъ, которому по царской милости было дано въ арендное пользованіе казенное имѣніе Кергель и который былъ женатъ на дѣвицѣ Глюкъ, внучкѣ извѣстнаго Маріенбургскаго пастора Глюка. Такимъ образомъ мы происходимъ по матери отъ этого пастора Глюка, который, въ качествѣ иностранца, доставилъ людямъ, среди коихъ онъ поселился, новый неисчерпаемый источникъ благодати переводомъ Библіи на Эстонскій языкъ, и въ тоже время чрезъ его первоначальное посредство явилась въ Россіи императрица, въ лицѣ

Екатерины I. Вотъ какъ это случилось. Глюкъ однажды ѣздилъ верхомъ со святыми дарами къ одному умиравшему; на возвратномъ пути его настигла страшная гроза съ проливнымъ дождемъ, такъ что онъ долженъ былъ укрыться въ избушкѣ бѣднаго лѣснаго сторожа, принадлежавшаго къ его приходу. Тутъ онъ встрѣтилъ множество дѣтей въ самомъ бѣдственномъ положеніи и, подъ вліяніемъ возбужденнаго сострáданія, предложилъ родителямъ отдать къ нему въ домъ одного изъ дѣтей по ихъ выбору. Такимъ образомъ, когда гроза кончилась, посадили къ нему на лошадь маленькую Катеньку, и онъ привезъ ее къ своей женѣ, гдѣ она примкнула къ его многимъ дочерямъ, раздѣляла съ ними ихъ учебныя занятія и въ тоже время выполняла тѣ служебныя обязанности, которыя соотвѣтствовали ея возрасту. Семейное преданіе повѣствуетъ также о ея дальнѣйшей исторіи, которая впрочемъ мнѣ только отрывочно извѣстна, и потому я считаю нужнымъ сослаться на тѣ записки, которыя составлены были по этому предмету моимъ двоюроднымъ братомъ, сенаторомъ Пейкеромъ. Когда, по взятіи Русскими Маріенбурга, пасторъ Глюкъ со всѣмъ семействомъ былъ привезенъ въ Москву, то импер. Екатерина, узнавъ о прибытіи своего пріемнаго отца, тотчасъ его навѣстила и потомъ ѣзжала къ нему по утрамъ. Петръ I употреблялъ Глюка для устройства школъ, и онъ умеръ въ большемъ почетѣ; дочери его были назначены статсъ-дамами *) къ Ея Императорскому Величеству и съ богатыми придаными выданы замужъ въ знатнѣйшія семьи Лифляндіи, которыхъ имена я не могу припомнить. Но его единственный сынъ, мой прадѣдъ, въ то время еще ребенокъ, не былъ взысканъ счастіемъ, благодаря незаботливости его сестеръ, и мнѣ ничего неизвѣстно о его дальнѣйшей судьбѣ, которая впрочемъ должна быть изложена въ вышеупомянутыхъ запискахъ сенатора Пейкера.

Я счелъ необходимымъ привести этотъ перечень фактовъ, чтобы по крайней мѣрѣ настолько сохранить внѣшнія событія нашего семейства, на сколько они мнѣ извѣстны изъ многихъ разсказовъ моихъ родителей и другихъ родственниковъ и изъ документовъ; а другимъ путемъ никто не могъ-бы доставить о нихъ никакихъ свѣдѣній. Хотя я, по свойствамъ своей души, и весьма далекъ отъ всякой дворянской и родовой спѣси, но не могу также одобрять того равнодушія, въ силу котораго многіе никогда не вспоминаютъ о судьбахъ своихъ предковъ, не отказываясь въ тоже время отъ правъ и преимуществъ, пріобрѣтенныхъ ихъ заслугами и не принимая во вниманіе, что въ гражданскомъ и государственномъ быту всюду, гдѣ есть права, существуютъ и обязанности и тамъ, гдѣ эти обязанности не выполняются, надлежало-бы по справедливости прекратиться и правамъ.

*

Когда наступало время моего рожденія **), отецъ мой былъ командиромъ егерскаго баталіона, имѣвшаго порученіе охранять пограничную таможенную линію въ западныхъ губерніяхъ, и такъ

*) Т. е. фрейлинами. *П. Б.*

**) 16 Мая 1796 года. *П. Б.*

какъ ему приходилось безпрестанно мѣнять свое мѣстопребываніе, то мои родители нашли неудобнымъ странствовать такимъ образомъ съ груднымъ ребенкомъ, а потому, съ согласія сестры моего отца, г-жи Мейеръ, было рѣшено, что моя мать разрѣшится отъ бремени на островѣ Эзелѣ и затѣмъ оставитъ меня у моей тетки, что̀ и было выполнено. Такимъ образомъ я, одинъ изо всей нашей семьи, родился и получилъ первоначальное воспитаніе въ Балтійскихъ провинціяхъ. У моей тетки не было дѣтей, и потому мои воспитатели всецѣло предались препорученному имъ юному существу. Они окружили меня прямо-родительскою любовью. Для того, чтобы Нѣмецкое произношеніе ребенка не было испорчено, было совершено преобразованіе въ домашнемъ быту, и единственный слуга и двѣ горничныя обязаны были говорить только понѣмецки. Эстонскій языкъ былъ совершенно изгнанъ изъ дому, а Русскому языку было предоставлено надлежащее представительство въ лицѣ слуги, который изъяснялся на немъ довольно непонятнымъ образомъ. Когда кормилицу отпустили, то моя тетушка приняла на себя уходъ за мною, въ чемъ неоднократно пособлялъ ей и ея супругъ, а прислугѣ не было дозволено прикасаться къ дитятѣ. Лишь тогда, какъ ребенокъ началъ ползать и ходить, къ нему приставили на нѣсколько часовъ во дню долговязаго слугу, который преимущественно изъяснялся съ нимъ порусски и при этомъ употреблялъ чрезвычайныя усилія, чтобы своими шутовскими пріемами довести обыкновенно-серьезнаго малютку до смѣха.

Такъ возросъ я, обожаемый всѣми домашними, составляя центръ всего дома; отъ меня исходили и радость и горе на всѣхъ окружающихъ.

По шестому году я поступилъ въ первоначальную школу г-на Казанскаго и кромѣ того бралъ Русскіе уроки у одного офицера. О первомъ я помню, что у него колотили палкою по пальцамъ. На седьмомъ году меня отдали въ уѣздное училище, гдѣ я два года учился полатини и ариѳметикѣ. Лучшимъ школьнымъ пріятелемъ моимъ былъ Карлъ Поль, впослѣдствіи директоръ канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ.

Между тѣмъ мой отецъ выражалъ желаніе имѣть меня при себѣ, и когда воспитатель мой скончался, то это несчастное событіе и послужило поводомъ моего возвращенія къ родителямъ, и мой дѣдушка Рубушъ рѣшился зимою съ 1805 на 1806 годъ предпринять со мною путешествіе въ Витебскую губернію. Страстныя изліянія никогда не проявлялись въ моемъ дѣтствѣ, но сердце раздиралось у меня отъ горя, когда пришлось мнѣ разстаться съ моею возлюбленною тетушкою, которая старалась сохранить наружный видъ спокойствія, но не могла скрыть свою внутреннюю скорбь.

Путешествіе совершилось благополучно, и мы добрались до Верховья. Съ стѣсненнымъ чувствомъ вступилъ я въ чуждый мнѣ родительскій домъ: я зналъ его лишь по той тревогѣ, съ которою подвергалъ строгой цензурѣ каракули мои въ письмахъ къ родителямъ. Здѣсь я конечно нашелъ все несогласнымъ съ моими привычками. Боль-

шой домъ, множество прислуги, широкій образъ жизни, рѣдко прерываемый приливъ посторонних посѣтителей, которые если и не по долгу оставались, то уѣзжали лишь для того, чтобы уступить свое мѣсто другимъ: это все меня сильно озадачивало, а еще болѣе строгій видъ отца, любящаго, но отклоняющаго всякое сближеніе, равно какъ и привѣтливый, но не нѣжный пріемъ моей матери..... Ученіе было мнѣ не трудно. Въ довольно большой библіотекѣ отыскалъ я много романовъ и съ жадностью поглощалъ Лафонтена и Крамера, Грандисона и Кларису во множествѣ томовъ. Впослѣдствіи мнѣ запретили это чтеніе, но я тайкомъ продолжалъ его....

Такимъ образомъ, примѣняясь наружно къ обстоятельствамъ и не возбуждая ничьего особеннаго вниманія, таилось во мнѣ, девятилѣтнемъ ребенкѣ, внутреннее существованіе, состоявшее почти исключительно изъ безплодныхъ мечтаній, которыя могли-бы со временемъ произвести на меня нравственно-разслабляющее дѣйствіе. Одинъ мой отецъ, казалось, примѣчалъ это, не смотря на то, что при своихъ многообразныхъ занятіяхъ онъ рѣдко видѣлъ насъ: онъ часто бралъ меня съ собою въ своихъ прогулкахъ и осмотрахъ и когда примѣтилъ, что я внимательно слушаю и могу понимать его, то между нами образовались довѣрчивыя отношенія, ближе меня съ нимъ ознакомившія и послужившія основаніемъ глубокой привязанности и уваженія, которыя я питалъ къ нему съ юношескаго возраста. При этомъ мой отецъ убѣдился, что мое дальнѣйшее пребываніе въ Верховьѣ могло-бы принести мнѣ болѣе вреда, чѣмъ пользы, и потому отвезъ меня лѣтомъ 1806 г. въ Петербургъ, гдѣ, по совѣту своихъ друзей, помѣстилъ меня пенсіонеромъ въ Горный Корпусъ, почитавшійся въ то время лучшимъ и солиднѣйшимъ заведеніемъ, при чемъ мой добрый отецъ сдѣлалъ все, что только могъ, на мою пользу. Не желая лишить меня вполнѣ женскаго общества, онъ условился съ одною вдовою, полковницею Ренофанцъ, проживавшею въ зданіи корпуса, чтобы мнѣ приходить къ ней къ утреннему и вечернему чаю. Онъ также разрѣшилъ мнѣ брать частные уроки, которыми я воспользовался отчасти для музыки и въ особенности для Французскаго языка. Въ музыкѣ я успѣвалъ плохо; я выбралъ скрипку, но недоставало терпѣнія, и я кончилъ тѣмъ, что разбилъ инструментъ, потому что онъ не хотѣлъ издавать требуемыхъ мною звуковъ.

Мое вступленіе въ корпусъ, принятое не слишкомъ благосклонно моими товарищами по причинѣ моего сквернаго Русскаго произношенія и моей неповоротливости, должно было, по тогдашнему обычаю, начаться съ испытанія моего терпѣнія. Вечеромъ, немедленно по удаленіи нашего надзирателя, кадеты погасили всѣ свѣчи въ той комнатѣ, гдѣ мы всѣ вмѣстѣ сидѣли за длиннымъ столомъ, и каждый изъ нихъ началъ колотить меня, сколько могъ. Такъ какъ я не возражалъ ни слова и не жаловался, то испытаніе было признано достаточнымъ, и меня сочли хорошимъ товарищемъ. Послѣ экзамена былъ я переведенъ въ 3-й классъ (высшій изъ младшихъ), гдѣ оказал-

ся моложе и меньше всѣхъ ростомъ, потому что всѣ мои товарищи уже достигли 12—15 лѣтняго возраста. Когда я преодолѣлъ первоначальныя затрудненія по отношенію къ языку и методу преподаванія, то уже все болѣе и болѣе пріобрѣталъ расположеніе учителей и уваженіе товарищей, постоянно былъ первымъ или однимъ изъ первыхъ въ классѣ и въ 4 года догналъ лучшихъ воспитанниковъ высшаго класса, гдѣ обыкновенное преподаваніе прекращалось, и оставались только занятія по предметамъ горнаго вѣдомства. А такъ какъ они не соотвѣтствовали ни цѣлямъ моего отца, ни моимъ желаніямъ, то я и оставилъ корпусъ въ 1810 году.

Теперь мнѣ остается только коснуться остальныхъ корпусныхъ отношеній и ихъ вліянія на мое внѣшнее и внутреннее развитіе. Пища была отвратительная, хотя и считалась лучшею, чѣмъ въ другихъ казенныхъ заведеніяхъ. Хотя мясо было хорошо, а бѣлый хлѣбъ, выдаваемый къ завтраку, былъ отличный; но масло пахло изъ третьей комнаты, супу нельзя было въ ротъ взять, а рыба и постное масло отзывались такимъ крѣпкимъ запахомъ, что я не касался ихъ никогда, и меня часто тошнило отъ одного зловонія. Двѣ чашки чаю утромъ и вечеромъ у г-жи Ренофанцъ, сопровождаемыя 4-мя сухарями, не могли утолить моего голода; а потому и употреблялись мною опредѣленные отцемъ моимъ 5 руб. ежемѣсячныхъ карманныхъ денегъ на покупку сбитня и другихъ снадобій, не весьма привлекательныхъ, но при хорошемъ аппетитѣ удобоваримыхъ; или, если этихъ денегъ недоставало, то съѣдалось извѣстное количество хлѣба съ солью. Надзоръ въ Горномъ Корпусѣ былъ весьма недостаточенъ. Мы были распредѣлены по большимъ комнатамъ, гдѣ спали и вообще проводили все свободное отъ классовъ время; въ каждой комнатѣ находился студентъ (такъ назывались воспитанники двухъ высшихъ классовъ), унтеръ-офицеръ, имѣвшій при себѣ помощника изъ 1-го высшаго или 3-го средняго класса. Имъ препоручены были всѣ дисциплинарныя взысканія, за исключеніемъ тѣлесныхъ наказаній, и лишь весьма немногіе изъ нихъ были заботливы и справедливы. Одинъ дежурный офицеръ имѣлъ общее надъ всѣмъ наблюденіе, но онъ обыкновенно сидѣлъ въ своей дежурной комнатѣ и только одинъ разъ въ день проходилъ мимо насъ. Оба начальника отдѣленій, между которыми былъ распредѣленъ надзоръ за воспитанниками, заботились развѣ только объ одеждѣ и бѣльѣ, а такъ называемый корпусный „маіоръ“, въ рукахъ котораго сосредоточивалась вся дисциплинарная власть, назначалъ тѣлесныя наказанія и появлялся лишь въ весьма важныхъ случаяхъ. Настоящимъ начальникомъ корпуса былъ его командиръ, въ то время дѣйствительный статскій совѣтникъ Казадаевъ, человѣкъ доброжелательный и отлично образованный, но державшій себя въ совершенномъ отдаленіи; надъ нимъ былъ директоръ, обыкновенно знатный сановникъ, навѣщавшій насъ, почета ради, не болѣе одного раза въ годъ. И такъ мы были почти вполнѣ предоставлены самимъ себѣ, и никто не заботился о насъ, если мы только не разбивали себѣ головъ, не производили буйства и вообще не совершалось никакого внѣшняго нарушенія порядка; для всѣхъ важнѣйшихъ проступковъ на недѣлѣ опредѣлялось наказаніе по субботамъ послѣ обѣда.

При подобномъ положенiи дѣлъ естественно, что среди слишкомъ 300 молодыхъ людей, изъ которыхъ многимъ было уже около 25 лѣтъ, нравственность находилась въ плачевномъ состоянiи. Не только читались глупѣйшiе и мерзѣйшiе романы, но даже стихотворенiя самаго безпутнаго и грязнаго свойства распространялись въ рукописяхъ. Въ большинствѣ этой молодежи, не имѣвшей родныхъ въ Петербургѣ и потому обреченной проводить по нѣскольку лѣтъ въ четырехъ стѣнахъ, чувственныя наклонности находились въ страшномъ возбужденiи, и при такомъ сообществѣ, не сдерживаемая никакимъ нравственнымъ влiянiемъ, эта наклонность къ пороку должна была естественно достигать до крайнихъ размѣровъ. Никакое изъ души исходящее послушанiе не могло здѣсь имѣть мѣста; но отчасти страха ради, отчасти въ силу еще господствовавшей тогда въ семьяхъ строгости, общiй строй какъ-то держался. Ученье еще удавалось лучше остальнаго: трудились усиленно и часто даже основательно, помогали другъ другу, и Горный Корпусъ подготовилъ многихъ дѣльныхъ людей по разнымъ отдѣльнымъ отраслямъ. Нельзя относиться съ особенною похвалою къ тогдашнему методу преподаванiя, гдѣ учитель мало напрягалъ свое вниманiе и предоставлялъ все самому ученику и гдѣ не было и рѣчи о какихъ либо педагогическихъ приспособленiяхъ; но этотъ методъ, при полнѣйшемъ отрѣшенiи отъ всякой педагогики, нынѣ столь злоупотребляемой, имѣлъ и свою полезную сторону: онъ принуждалъ учениковъ къ самостоятельной умственной дѣятельности и, при существовавшемъ между кадетами обычаѣ взаимнаго содѣйствiя, облегчалъ дальнѣйшiе успѣхи слабѣйшимъ изъ нихъ, трудившимся по охотѣ или отъ страха. Церковь весьма усердно посѣщалась воспитанниками Греческаго вѣроисповѣданiя, но ученики другихъ исповѣданiй не были ни уговариваемы, ни побуждаемы къ тому и предавались въ это время безпрепятственно шалостямъ, такъ какъ дежурный офицеръ и унтеръ-офицеры находились въ церкви, и не было бы никакого надзора, если бы случайно не нашли унтеръ-офицера иновѣрца.

Я оставилъ Горный Корпусъ въ 1810 году 14-ти лѣтнимъ мальчикомъ, съ упорно-работающимъ разсудкомъ, съ основательными познанiями въ математическихъ и историческихъ наукахъ и въ трехъ живыхъ языкахъ (за исключенiемъ лишь навыка къ бойкой Французской рѣчи), съ самодѣльными и опытомъ добытыми правилами, которыя разумѣется не могли оставаться безъ измѣненiя; съ сильно-развращеннымъ воображенiемъ и съ высокимъ о себѣ мнѣнiемъ, которое впрочемъ часто и весьма глубоко измѣнялось подъ влiянiемъ совѣсти, хотя и весьма подавленной, но все-же не вполнѣ бездѣйствовавшей. Естественныя науки преподавались въ корпусѣ такимъ жалкимъ образомъ, что я, или лучше сказать, всѣ воспитанники получили къ нимъ полнѣйшее отвращенiе, которое я съ большимъ усилiемъ успѣлъ преодолѣть въ себѣ лишь тогда, когда уже былъ попечителемъ въ Кiевѣ. Древнимъ языкамъ совсѣмъ не обучали.

Отецъ мой имѣлъ намѣренiе тотчасъ помѣстить меня въ Генеральный Штабъ, при которомъ, подъ главнымъ начальствомъ из-

вѣстнаго князя Петра Михайловича Волконскаго, въ то время основывалась школа колоно-вожатыхъ для образованія офицеровъ, и въ нее поступала вся тогдашняя высшая аристократія. Но князь, узнавъ, что мнѣ только 14 лѣтъ и обративъ вниманіе на мой малый ростъ, отклонилъ мое вступленіе словами: „пусть подростетъ, и привезите его черезъ годъ". Тогда отецъ мой рѣшился взять меня съ собою въ Вятку, гдѣ онъ былъ въ то время губернаторомъ, и употребить по возможности усилія къ довершенію моего образованія.

Въ отдаленной губерніи, населенной почти исключительно казенными, удѣльными и заводскими крестьянами, безъ дворянскаго сословія, положеніе губернатора, какъ прямаго представителя монархической власти, было весьма значительно. Даже и насъ дѣтей величали, при всякой встрѣчѣ, „превосходительства́ми", не смотря на запрещеніе отца моего. Мы помѣщались въ каменномъ, двухъэтажномъ губернаторскомъ домѣ съ садикомъ, весьма хорошимъ по тамошнему климату.—Братъ мой (11-ти лѣтъ) бралъ уроки у гимназическихъ учителей и по два часа ежедневно писалъ въ отцовской канцеляріи; а у меня былъ отличный учитель архитектуры, который, въ теченіи моей годичной жизни въ Вяткѣ, познакомилъ меня съ разными строительными матеріалами, ихъ приготовленіемъ и употребленіемъ, для чего мы ѣздили по окрестнымъ заводамъ. Отъ другихъ учителей я отказался, такъ какъ, усвоивъ себѣ хорошо математику, я уже могъ продолжать занятія безъ руководства. По-французски, за неимѣніемъ хорошаго учителя, читалъ и переводилъ я про себя; и въ историческихъ наукахъ мнѣ не трудно было идти самому впередъ. Только не давалась мнѣ географія, потому что такова была моя особенность, что я не удерживалъ въ памяти ничего не относящагося къ разсудку и напротивъ твердо помнилъ все что̀ усвоивается умственно. Я старался помочь себѣ составленіемъ таблицъ и другими пріемами, но собственно говоря узналъ географію позднѣе, вслѣдствіе многократныхъ поѣздокъ, статистическихъ служебныхъ работъ, а также и чтенія газетъ. Кромѣ того, въ первое полугодіе я обязанъ былъ ежедневно по четыре часа работать въ канцеляріи отца моего и подъ его руководствомъ прошелъ всю лѣстницу канцелярской службы; а на второе полугодіе, за отбытіемъ секретаря его, управлялъ всею его канцеляріею. Мои учебныя занятія, разумѣется, отодвинулись назадъ, но я уже достаточно подготовился для пріемнаго экзамена въ Школу Колоновожатыхъ или въ Институтъ Водяныхъ Комуникацій. Верховой ѣздѣ училъ насъ генералъ Хитровъ, зять фельдмаршала Кутузова, но эти упражненія были безполезны.

По воскресеньямъ, за неимѣніемъ Лютеранской церкви, отецъ ѣздилъ со мною и съ братомъ въ Греческую *), и оттуда мы отправлялись къ архіерею, у котораго всегда подавали большой завтракъ. У насъ въ этотъ день обѣдало человѣкъ 15 приглашенныхъ лицъ. Въ главные праздники бывали у насъ балы или большіе обѣды, человѣкъ на сто, въ томъ числѣ приглашались и духовныя лица.

*) Эту привычку молиться въ нашей церкви Е. Ѳ. фонъ-Брадке сохранилъ и впослѣдствіи. *П. Б.*

Въ Вяткѣ происходила моя конфирмація, для чего приглашенъ былъ изъ Перми пасторъ; къ сожалѣнію, это былъ человѣкъ безъ познаній, безъ вѣры и любви.

Отецъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, какъ думаю я о своей будущности, и я выбралъ недавно открывшійся Институтъ Водяныхъ Комуникацій. Прошеніе и нужные документы отправлены въ Петербургъ. Въ началѣ лѣта 1811 года возвращалась туда генеральша Хитрова, пріѣзжавшая въ Вятку навѣстить своего мужа; я провожалъ ее въ своемъ экипажѣ.

Подвергая нынѣ строгому разбору мое пребываніе въ Вяткѣ, я начинаю думать, что оно имѣло большое вліяніе на развитіе моихъ умственныхъ способностей: путемъ научныхъ занятій, соединенныхъ съ самостоятельнымъ и напряженнымъ размышленіемъ, естественно возмужала моя умственная дѣятельность; благодаря же возложенному на меня значительному дѣловому труду, подъ руководствомъ осторожнаго и совѣстливаго человѣка, слѣдившаго кромѣ того съ теплымъ отцовскимъ чувствомъ за моимъ развитіемъ, я пріобрѣлъ сознаніе служебнаго долга и получилъ твердое направленіе, чего иначе никогда-бы не достигъ.

Тутъ пришлось мнѣ, вопреки юношескимъ мечтаніямъ, узнать на опытѣ, что въ государственной жизни форма и буква суть вещи неизбѣжныя, безъ коихъ, особливо въ большомъ кругу управленія, нѣтъ устойчивости; что, правда, буква можетъ быть помѣхою добру, но, при несовершенствѣ всѣхъ человѣческихъ отношеній, обходя ее подвергаешься опасности произвести еще болѣе тяжкія недоразумѣнія; но что въ тоже время, предоставляя буквѣ столь значительное вліяніе, никогда не слѣдуетъ забывать, что она въ сущности есть только служительница духа, помогающая охранять требованія онаго въ испорченности человѣческихъ отношеній, блюсти должныя границы внѣшности, легко переступаемыя при господствующемъ недостаткѣ въ духовномъ образованіи, и что если не держаться строго этого соотношенія, то духъ утратитъ подобающее ему значеніе, разрушится весь государственный и общественный строй, и какъ надгробная ему надпись останется одна мертвая буква. Я уразумѣлъ также смыслъ и значеніе служебной присяги и понялъ, что она, передъ лицемъ Божіимъ, обязываетъ служащаго содѣйствовать общему благу государства; что безъ того безплодны и даже часто бываютъ вредны всякія филантропическія чувства и краснорѣчивыя изъявленія.

Послѣ этого приготовительнаго направленія моего дѣтскаго возраста, отправился я, въ началѣ лѣта 1811 года, не достигнувъ еще полныхъ 15 лѣтъ, въ столицу, чтобы, предоставленный самому себѣ, безъ всякой людской помощи, вступить въ борьбу съ искушеніями и невзгодами внѣшняго міра.

Въ Казани мы останавливались въ женскомъ монастырѣ, гдѣ настоятельницею была нѣкогда знатная дама большаго свѣта, пріятельница госпожи Хитровой. Монастырь слѣдовалъ новѣйшимъ модамъ: комната игуменьи была чѣмъ-то въ родѣ Парижскаго будуара,

кушанья самыя тонкія, лакомствъ и закусокъ всякаго рода въ полномъ изобиліи. Тутъ воспитывалось множество молодыхъ дѣвушекъ изъ лучшихъ семействъ, разодѣтыхъ съ отмѣннымъ вкусомъ; онѣ пѣли на крылосахъ. Въ разговорахъ не слыхалъ я ничего монастырскаго, напротивъ царствовала полная свобода. Мы прожили тутъ нѣсколько дней, и мнѣ не хотѣлось уѣзжать. Казанскій архіерей неоднократно пытался заявить свои требованія относительно этой свѣтскости, но ничего не успѣвалъ по причинѣ важныхъ связей игуменьи. Впрочемъ, не смотря на черезъ чуръ свѣтскую обстановку, игуменья не допускала грубаго соблазна.

По прибытіи въ Петербургъ, остановились мы въ домѣ княгини (тогда еще супруги простаго генерала) Кутузовой, гдѣ для дочери ея былъ приготовленъ верхній этажъ, и тамъ же отведена мнѣ отдѣльная и весьма уютная комната. Здѣсь наступилъ для меня періодъ разочарованій. Добродѣтельнѣйшая г-жа Хитрова полюбила неудержимо вихорь свѣта и даже не трудилась скрывать этого. Она до того забыла Русскій языкъ, на которомъ очень хорошо говорила и писала въ Вяткѣ, что въ малѣйшей записочкѣ дѣлала самыя грубыя ошибки (выраженное мною въ этомъ случаѣ неожиданное удивленіе было ей непріятно). Въ бель-этажѣ шло не лучше: старушка Кутузова, почти 70-ти лѣтъ отъ роду, одѣвалась какъ молоденькая, бойкая дѣвица, между тѣмъ какъ она отъ старости уже совсѣмъ высохла. Вся обстановка дома была блестящая, но даже отъ моихъ неопытныхъ взоровъ не могло укрыться, что его посѣщали только личности нетвердой репутаціи. Дѣвица Жоржъ, г. Дюранъ играли значительную роль, и вообще Французскій театръ имѣлъ тамъ многихъ представителей, чего въ то время въ хорошихъ домахъ еще не допускалось. Старикъ Кутузовъ находился въ Турціи и далеко еще не пользовался тѣмъ значеніемъ, которое пріобрѣлъ въ 1812 году, когда многія самыя высоко-поставленныя особы за честь считали быть принятыми въ гостиной княгини.

Я имѣлъ въ Петербургѣ родственные дома генерала Адеркаса, графа Оппермана и полковника Пейкера, гдѣ былъ принятъ вполнѣ дружественно. Когда я въ первый разъ явился къ Пейкеру, состоявшему въ то время при генеральномъ штабѣ, то онъ настоятельно убѣдилъ меня поступить не въ вѣдомство путей сообщенія, но въ Школу Колоновожатыхъ, вслѣдствіе чего я поспѣшилъ взять назадъ свои документы и подалъ прошеніе князю Волконскому, который, послѣ удовлетворительно-выдержаннаго экзамена, приказалъ включить меня въ число колоно-вожатыхъ. Хотя Кутузова съ величайшею привѣтливостью выразила желаніе, чтобы я оставался жить у нея и только ходилъ въ школу и даже предлагала обратиться съ просьбою о томъ къ князю Волконскому; но пребываніе мое въ этомъ домѣ, благодаря его обстановкѣ, сдѣлалось столь непріятнымъ, что я довольно-неловкимъ образомъ отклонилъ это любезное предложеніе и съ радостью перебрался въ отведенныя колоно-вожатымъ комнаты въ зданіи Генеральнаго Штаба.

Здѣсь жили мы вмѣстѣ человѣкъ 40 молодыхъ людей, представлявшихъ собою самые разнородные элементы. Были тутъ такіе,

которые уже совершили походы и имѣли по 25 лѣтъ отъ роду; другіе прошли уже полный курсъ въ „Ecole politechnique“ въ Парижѣ (двое князей Голицыныхъ и двое Перовскихъ) и затѣмъ еще нѣкоторые, по нѣскольку лѣтъ занимавшіеся въ Германскихъ университетахъ. Остальные товарищи прибыли изъ различныхъ мѣстностей Имперіи и принадлежали почти всѣ къ знатнѣйшимъ и богатѣйшимъ семействамъ, такъ какъ эта школа, подъ покровительствомъ государева любимца, была въ большой модѣ. И здѣсь я былъ младшимъ, малорослымъ и бѣднѣйшимъ изъ всѣхъ товарищей моихъ. Школа была очень хорошо устроена, но меблировка, общій столъ и вообще всѣ наши потребности лично нами оплачивались. Она раздѣлялась на два класса, гдѣ преподавались преимущественно военныя науки и математика; но проходили весьма внимательно и всеобщую исторію, при чемъ въ особенности обращалось вниманіе на военную исторію и военную географію. Учителя были очень хороши, и вообще школа носила оттѣнокъ высшаго образовательнаго заведенія, приличествующаго возрасту большинства воспитанниковъ и предпринятой цѣли. Предоставлялась полнѣйшая свобода дѣйствій, и только въ 11 часовъ вечера всѣ обязывались быть дома. Это было какое-то странное сожительство: многіе не подходили нравами другъ къ другу, что̀ и образовало отдѣльные кружки. Въ эту распущенную эпоху нечего было и думать о проявленіи религіознаго чувства; самое научное стремленіе недостаточно выражалось; увлеченія юношескаго возраста смѣнялись дѣтскими шалостями. Мнѣ въ школѣ въ особенности посчастливилось: три брата Муравьевы преподавали въ школѣ математику и военныя науки; они вѣроятно признали во мнѣ живое стремленіе или сжалились надъ моею юностью и привлекли меня въ свое общество, а такъ какъ они также занимали въ домѣ казенную квартиру, то я могъ ежедневно и ежечасно пользоваться этимъ пріятнымъ приглашеніемъ. Они были весьма образованные и скромные молодые люди, у которыхъ почти всякій вечеръ собиралось очень пріятное общество одинаковаго съ ними направленія и проводило время въ чтеніи, въ размышленіи и въ прѣніяхъ, при чемъ разговоръ носилъ всегда печать общаго стремленія къ высшему развитію. Здѣсь проводилъ я всѣ свои свободные часы, и это знакомство, перешедшее со временемъ въ сближеніе, а съ младшимъ Муравьевымъ (нынѣ министромъ государственныхъ имуществъ) даже носившее характеръ дружбы, сохранило меня отъ многаго зла и усилило во мнѣ жажду къ дальнѣйшему образованію. Мои занятія шли хорошо и, при происходившемъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ того-же 1811 года испытаніи, я былъ представленъ въ офицеры Генеральнаго Штаба; но князь Волконскій мнѣ въ томъ отказалъ по молодости моихъ лѣтъ и слишкомъ еще краткому сроку службы. Это меня тѣмъ болѣе огорчило, что князь весьма часто выказывалъ мнѣ свое благоволеніе, и ему, казалось, доставляло большое удовольствіе, при посѣщеніи школы иностранными принцами или другими знатными особами, пускаться со мною въ долгія математическія прѣнія и вызывать къ тому другихъ.

Съ 1812-мъ годомъ наступила для нашего дорогаго отечества замѣчательнѣйшая и обильная послѣдствіями година, и нашей школѣ также суждено было принять участіе въ этихъ событіяхъ, такъ какъ, по недостатку офицеровъ Генеральнаго Штаба, колоновожатые были призваны къ выполненію ихъ обязанностей. И меня также предназначали въ армію, но капитанъ гвардіи Рахмановъ, въ то время одинъ изъ лучшихъ нашихъ математиковъ, дававшій намъ уроки въ школѣ и уже прежде сильно осуждавшій князя за его несогласіе на мое производство, теперь потребовалъ, чтобы я оставался въ Петербургѣ для продолженія моихъ математическихъ занятій, къ которымъ, по его мнѣнію, я былъ одаренъ особенными способностями. И такъ я, противъ своей воли, остался въ столицѣ и былъ прикомандированъ къ полковнику Эйхену; но вознегодовалъ такъ сильно на это непрошеное вмѣшательство въ мою судьбу, что никогда не навѣщалъ Рахманова и ничего о немъ знать не хотѣлъ. Такимъ образомъ провелъ я почти годъ въ школѣ и могу его считать по преимуществу „безумнымъ" годомъ въ моей жизни....

Въ теченіи этого времени князь Кутузовъ былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ войскъ противъ Французовъ; онъ пользовался большимъ значеніемъ и невообразимою популярностью. Такъ какъ онъ еще прежде, собственноручнымъ письмомъ, просилъ моего отца доставить ему случай на его дѣтяхъ доказать ему свою благодарность за ласки, оказанныя его зятю Хитрову, то отецъ мой прислалъ мнѣ рекомендательное письмо на его имя. Я только что получилъ это письмо и сидѣлъ передъ каминомъ, обдумывая мое завтрашнее представленіе князю, находившемуся въ то время въ Петербургѣ, когда мнѣ вдругъ пришло въ голову, что я ни разу не былъ у княгини и, при дальнѣйшемъ размышленіи, я остановился на мысли, что было бы весьма неблаговидно нынѣ, когда я нуждаюсь въ ея покровительствѣ, униженно искать его. Послѣдствіемъ этого безспорно-натянутаго умозаключенія было то, что письмо попало въ каминъ, и я на другой день князю не представлялся, за что и отецъ мой не осудилъ меня, не чувствуя расположенія къ искательству и покровительству....

Въ концѣ того-же года, былъ я посланъ, по моему желанію, въ Або, для занятій по землемѣрной части, съ каковою цѣлью уже нѣсколько лѣтъ находилась тамъ партія изъ 4 или 5 офицеровъ Генеральнаго Штаба и 10 или 15 колоновожатыхъ подъ начальствомъ полковника Хатова... Черезъ годъ, князь Волконскій поручилъ мнѣ преподавать моимъ товарищамъ (которые большею частью были старше меня) математику и военныя науки.

Почти три года провелъ я въ Финляндіи, зимою въ Або, лѣтомъ на измѣреніяхъ въ разныхъ мѣстностяхъ, и былъ сильно обрадованъ, когда, въ началѣ 1815 года, получилъ приказаніе ѣхать въ армію. Черезъ нѣсколько дней я пустился въ путь на Петербургъ, Варшаву и Вильну и очутился въ Силезіи.

Послѣ Польши, въ то время еще весьма грязной, Силезія должна была произвести весьма пріятное впечатлѣніе. Съ удоволь-

ствіемъ осмотрѣли мы на пути нашемъ Дрезденъ и отправились послѣ двухдневнаго въ немъ пребыванія далѣе черезъ Барейтъ въ Бамбергъ, куда мы прибыли въ то самое время, когда маршалъ Бертье бросился изъ окна 3-го этажа въ зàмкѣ и, ударившись головою о металлическій шпиль, упалъ на мостовую въ ужасномъ состояніи. Говорятъ, что какая-то переписка его съ Наполеономъ, попавшая въ руки союзниковъ, была причиною того, что, при первомъ звукѣ Русскаго барабана, онъ рѣшился избавиться отъ позора своей измѣны. Ужасъ этого событія еще усугублялся тѣмъ, что его супруга и дѣти помѣщались на той-же сторонѣ зàмка въ бель-этажѣ и что они, какъ говорятъ, видѣли его летящаго мимо ихъ оконъ. Такъ какъ главная квартира Русской арміи въ этотъ именно день расположилась въ Бамбергѣ, то Русскія войска сопровождали Бертье въ могилу со всѣми подобающими званію его почестями.

Мы явились въ Бамбергѣ къ начальнику штаба барону Дибичу, и я получилъ приказаніе отправиться въ Гейдельбергъ и поступить въ распоряженіе императорской главной квартиры. Здѣсь, въ качествѣ исправляющаго должность плацъ-адъютанта, я былъ подчиненъ коменданту императорской главной квартиры полковнику Гейдеману, который былъ столь-же неуклюжъ и неповоротливъ, сколько долговязъ: онъ превышалъ обыкновенный человѣческій ростъ. Въ тѣ двѣ недѣли, чтò главная квартира пробыла въ Гейдельбергѣ, я былъ такъ усиленно занятъ службою, что только мелькомъ могъ обозрѣть кое-какія достопримѣчательности и, благодаря тревожному и тяжелому характеру моего начальника, впрочемъ весьма добродушнаго человѣка, не имѣлъ покоя ни днемъ, ни ночью.

Наконецъ мы двинулись впередъ, перешли Рейнъ при Мангеймѣ и направились къ Нанси. Во Франціи мы встрѣтили со стороны населенія дружескій и радушный пріемъ; однако на походѣ по лѣсамъ насъ тревожили Французскіе мародёры, которые, хотя и не могли нанести намъ существеннаго вреда, но, прикрываясь деревьями, причиняли нѣкоторымъ нашимъ офицерамъ болѣе или менѣе опасныя раны. Однажды нѣсколько пуль долетѣли до свиты Государя, не причинивъ впрочемъ никакого вреда; Государь перескочилъ черезъ ровъ и поскакалъ въ лѣсъ; съ большимъ трудомъ удалось убѣдить его, чтобы онъ не подвергалъ опасности свое драгоцѣнное существованіе. Впослѣдствіи устанавливали вдоль лѣса стрѣлковую цѣпь, и это бездѣльное дурачество прекратилось.

Въ Нанси нашъ Государь узналъ, что Пруссаки и Англичане, подъ командою Блюхера и Веллингтона, намѣревались вступить въ Парижъ, а такъ какъ Блюхеръ при этомъ выразилъ угрозу, что онъ взорветъ Аустерлицкій, Іенскій и другіе мосты, носящіе подобныя отличительныя названія, а такой поступокъ, при Французскомъ тщеславіи, легко могъ повести къ отчаянной рѣзнѣ на улицахъ, то нашъ возлюбленный Монархъ покинулъ насъ и поспѣшилъ инкогнито, въ почтовомъ кабріолетѣ, въ Парижъ, чтобы воспрепятствовать этому роковому намѣренію. Армія получила по-

велѣніе приближаться къ Парижу форсированными маршами. Тѣмъ временемъ полковникъ Гейдеманъ, благодаря своей неповоротливости, получилъ другое назначеніе, и на его мѣсто былъ назначенъ комендантомъ главной квартиры полковникъ Чертковъ; но такъ какъ и при немъ дѣло не ладилось, то дежурный генералъ, генералъ-адъютантъ Закревскій рѣшился не подвергать себя болѣе ошибкамъ при новомъ выборѣ, и потому, когда уже мы вступили въ Парижъ, возложилъ на меня комендантское управленіе въ занятой нашими войсками части города, а равно и сношенія съ другими комендантскими управленіями и всѣ отношенія къ мѣстному населенію. Въ тоже время старшему по чину плацъ-адъютанту порученъ былъ надзоръ за караулами и все относящееся до фронта. Въ этомъ случаѣ мнѣ сильно пригодилось мое практическое изученіе Французскаго языка, и эти познанія, а равно и доброе мнѣніе Закревскаго о моихъ служебныхъ способностяхъ, доставили мнѣ важное и пріятное назначеніе. На первое время было весьма много дѣла, такъ что я вынужденъ былъ употреблять большія усилія, чтобы выполнять надлежащимъ образомъ мои служебныя обязанности; но по истеченіи мѣсяца трудъ мой облегчился: я былъ занятъ 5 или 6 часовъ въ день и могъ посвятить остальное время на осмотръ достопримѣчательностей Парижа. При этомъ занимаемая мною должность доставляла мнѣ много весьма важныхъ преимуществъ: прекрасный барскій домъ для моего жилья, для канцеляріи и для пріема многочисленныхъ просителей, экипажъ отъ города, отличный столъ отъ знаменитаго Вери́, ежедневно четыре билета во всѣ театры, двухъ чиновниковъ — весьма образованныхъ и услужливыхъ, прикомандированныхъ отъ Сенской и Полицейской префектуръ, свободный входъ не только въ общественныя зданія, но и въ частные дома для осмотра квартиръ, разнообразнѣйшія знакомства между знатью всѣхъ возможныхъ національностей. Все это могло почитаться большими удобствами, которыя, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, рѣдко доставались въ удѣлъ 19-ти лѣтнему юношѣ, еще не имѣвшему даже офицерскаго чина. За то Французы и считали меня весьма знатною особою, не умѣя иначе объяснить себѣ мое положеніе. Для извѣстнаго смотра Русскихъ войскъ при Вертю, въ Шампаньи, получилъ я порученіе приготовить тамошнюю мѣстность. Во время смотра я находился вмѣстѣ съ моими товарищами въ линіи, гдѣ долженъ былъ простоять 10 часовъ на равнинѣ при сильнѣйшемъ зноѣ. За тѣмъ, 30-го Августа, былъ я произведенъ въ прапорщики Генеральнаго Штаба (принадлежавшаго въ то время къ свитѣ Е. И. В.) по квартирмейстерской части. Изъ Шампаніи вернулись мы въ Парижъ, гдѣ я до нашего выступленія оставался въ прежней должности.

Не чувствую расположенія разсказывать вамъ о примѣчательностяхъ Парижа и о происходившихъ въ немъ событіяхъ, потому что уже было такъ много о томъ писано, и предметъ этотъ до того исчерпанъ, что̀ трудно сказать что либо, что́ могло бы лучше охарактеризовать положеніе дѣлъ. Считаю только нужнымъ подтвердить съ своей стороны, что все то, что́ было говорено о боготвореніи

императора Александра I, не преувеличено и что мы Русскіе также могли похвалиться сердечною привѣтливостью Французовъ. Что̀ касается до нравовъ, то по тому времени нельзя справедливо судить о нихъ: военное возбужденіе вызываетъ такія явленія, которыя не имѣютъ мѣста въ мирное время. Признакомъ испорченности были многочисленные игорные и распутные дома, пользовавшіеся покровительствомъ власти; а несмѣтное количество дерзкихъ дѣвокъ, которыя нахально являлись повсюду, показывало, что зло это не было произведеніемъ того времени, но укоренилось издавна. Въ Парижѣ непримѣтно было и слѣдовъ религіозной жизни, такъ что его можно было считать магометанскимъ или языческимъ городомъ. Меня хранило Провидѣніе; но многіе изъ моихъ товарищей уѣхали оттуда зараженные нравственно и физически.

Наконецъ мы оставили Парижъ и вернулись въ Россію черезъ Нанси, Мангеймъ, Франкфуртъ на Майнѣ, Дармштадтъ, Лейпцигъ и Познань. Мы совершали походъ верхомъ, были довольны, что приближаемся къ нашему отечеству, бодры и веселы, какъ бываютъ только въ молодости. По упраздненіи главной квартиры въ Парижѣ, я былъ опредѣленъ въ главную квартиру фельдмаршала князя Барклая-де-Толли, которой предназначалось находиться въ Могилевѣ на Днѣпрѣ. Уже по сю сторону Познани, выполнивъ возложенное на меня въ Вильнѣ порученіе, получилъ я отпускъ на островъ Эзель и на пути навѣстилъ мою сестру, мужъ которой, генералъ Гернгроссъ, командовалъ въ то время первою драгунскою дивизіею и стоялъ въ Новогрудкѣ (въ Гродненской губерніи)...:

Я прибылъ благополучно въ Могилевъ въ началѣ 1816 года. Два года, мною тамъ проведенные, принадлежатъ къ числу счастливѣйшихъ во всей моей служебной дѣятельности.

Персоналъ главной квартиры былъ отличный. Фельдмаршалъ Барклай-де-Толли и начальникъ его штаба, генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ, помимо столь извѣстныхъ воинскихъ дарованій, были люди самаго доброжелательнаго и благороднаго направленія. Генералъ-квартирмейстеръ арміи, генералъ-маіоръ Гартингъ, родомъ Голандецъ, 26 лѣтъ, былъ во всѣхъ отношеніяхъ одною изъ даровитѣйшихъ личностей, какія я когда либо знавалъ. При основательныхъ познаніяхъ, говорилъ онъ свободно на 7 или 8 живыхъ языкахъ, которыхъ литература была живо имъ усвоена со всѣми разнообразными особенностями; въ военныхъ наукахъ онъ былъ признанный авторитетъ, а въ топографическихъ познаніяхъ границъ Россіи и прилегающихъ къ ней государствъ едва-ли могъ найти себѣ подобнаго. Онъ обладалъ замѣчательнымъ талантомъ къ рисованію, и при томъ обѣими руками. Къ тому же пріятная наружность, не выдающееся, но въ высшей степени привлекательное обращеніе, смѣсь кротости съ оживленіемъ, скромности съ достоинствомъ, внушающимъ уваженіе, придавали ему высокое значеніе въ обществѣ и вліяніе, котораго онъ съ своей стороны не только не искалъ, но скорѣе избѣгалъ. Какая-то меланхолія, замѣтная преимущественно въ минуты искренности, еще болѣе усиливала

обаяніе его личности. Я не заботился въ то время узнать объ его религіозныхъ убѣжденіяхъ; но мнѣ извѣстно, что Ѳома Кемпійскій принадлежалъ къ числу любимѣйшихъ его писателей, что онъ обладалъ истиннымъ сердечнымъ смиреніемъ, что вся его жизнь была дѣйствительно-христіанская, при чемъ незамѣтно было ни притворства, ни самоувѣренности. Сообразно со словами нашего Искупителя: „по плодамъ познаете вы ихъ", я полагаю, что внутренняя жизнь его руководилась божественнымъ духомъ, потому что человѣкъ, по грѣховности своей природы, самъ собою не могъ-бы проявлять подобныхъ духовныхъ плодовъ. Одно его появленіе уже умѣряло порывы раздраженія въ генералѣ Дибичѣ, и всѣ его подчиненные съ любовью и довѣріемъ дорожили всякимъ его взглядомъ, такъ что малѣйшее къ нему нерасположеніе возбудило-бы противъ себя всеобщее негодованіе. Будущій Императоръ, въ то время еще великій князь Николай, которому онъ долженъ былъ показывать мѣста сраженій 1812 года, почувствовалъ къ нему искреннюю дружбу, выражавшуюся съ величайшею сердечностью и подкрѣпляемую непрерывною перепиской. По своемъ вступленіи на престолъ назначилъ онъ его генералъ-квартирмейстеромъ императорской главной квартиры; но когда Гартингъ вернулся въ Могилевъ, чтобы взять съ собою жену (рожденную графиню Ламздорфъ) и дѣтей, то захворалъ, вслѣдствіе испытанныхъ на пути трудностей и окончилъ жизнь, едва достигнувъ 35 лѣтъ. Его бренные останки сопровождало въ могилу духовенство всѣхъ вѣроисповѣданій, вся главная квартира, весь городъ и въ особенности всѣ бѣдные и неимущіе. Вліяніе этого человѣка на общество было въ высокой степени благодѣтельно...

Князь Барклай былъ изъ числа тѣхъ людей, которыхъ наружный видъ нисколько не изобличаетъ ихъ внутренняго существа. Холоденъ и сухъ въ обращеніи, молчаливъ и неловокъ на оффиціальныхъ представленіяхъ, онъ былъ однимъ изъ отличнѣйшихъ генераловъ своего времени въ цѣлой Европѣ. Одно уже его знаменитое, почти безпримѣрное отступленіе въ 1812 году упрочило за нимъ безсмертіе въ лѣтописяхъ военной исторіи. Множество письменныхъ замѣтокъ, сдѣланныхъ собственноручно въ книгахъ его библіотеки, изобличаютъ въ немъ его призваніе и геніальный взглядъ. Строгій въ своихъ нравственныхъ требованіяхъ по отношенію къ самому себѣ, онъ ввелъ строгую воинскую выправку въ арміи, въ которой, послѣ продолжительныхъ похода и пребыванія во Франціи, дисциплина сильно ослабла. По обыкновенію обвиняли его въ суровости и жестокосердіи, хотя онъ отнюдь не заслуживалъ этого упрека, напротивъ того всюду обнаруживалъ кротость, гдѣ только она не могла причинить вреда. Его преемникъ по должности показалъ, что̀ значитъ строгость, и я часто слышалъ искреннее раскаяніе въ тѣхъ обвиненіяхъ, которыя старались взводить на Барклая. Онъ неопровержимо доказалъ на дѣлѣ высокій патріотизмъ своей души, напоминàвшій древній Римъ въ его лучшую эпоху, и я ссылаюсь въ этомъ случаѣ на его донесеніе Государю о двѣнадцатомъ годѣ, которое вѣроятно въ скоромъ времени бу-

детъ опубликовано *). Ненавидимый всею Россіею, оскорбленный и осмѣянный, никогда, ни однимъ словомъ неудовольствія или оправданія, не выразилъ онъ того что̀ у него было на душѣ, и когда его невинность и высокія заслуги были признаны, онъ одинъ никогда не говорилъ о нихъ, и въ его присутствіи избѣгали говорить о томъ. Одаренный желѣзнымъ характеромъ, онъ лишь въ единственномъ, но весьма важномъ отношеніи обнаруживалъ большую слабость: а именно жена его, впрочемъ очень почтенная дама, съ весьма похвальною наклонностью къ благотворенію, но легко трогающаяся при видѣ слезъ и моленій, часто недостойныхъ, могла побуждать его къ дѣйствіямъ, которыя онъ самъ признавалъ неосмотрительными и несправедливыми. Онъ говорилъ своимъ приближеннымъ: „Эта женщина долгое время выносила со мною великую бѣдность, когда еще не могло мнѣ и грезиться о фельдмаршалскомъ жезлѣ, и она была тогда весела и терпѣлива“. Княгиня по цѣлымъ днямъ изощрялась въ своемъ искусствѣ, наконецъ преодолѣвала въ этомъ случаѣ своего супруга и бывала очень довольна, что совершила доброе дѣло, тогда какъ тѣ, которые не умѣли плакать и жаловаться, оставались часто безъ малѣйшаго пособія. Князь имѣлъ единственнаго сына, который былъ женатъ на баронессѣ Кампенгаузенъ и нынѣ живетъ въ бездѣтномъ вдовствѣ; онъ хорошій человѣкъ, но не имѣетъ ни дарованій, ни энергіи отца.

Генералъ-адъютантъ, впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ графъ Дибичъ, начавшій свое блистательное поприще въ 1812 году, сталъ также быстро возвышаться съ 1815 года. Такъ какъ я имѣлъ счастіе находиться въ довольно-близкихъ къ нему отношеніяхъ и въ самой дружеской связи съ людьми, еще ближе къ нему стоявшими, то полагаю, что я точно и вѣрно усвоилъ себѣ настоящее понятіе объ его личности.

Его проницательный взглядъ умѣлъ обнимать въ высшей степени живымъ и быстрымъ умомъ все, что̀ ему представлялось; его любящая душа охватывала съ теплымъ, почти пламеннымъ чувствомъ всякій предметъ, который онъ считалъ того достойнымъ. Религіозный по чувству, но безъ глубокой основы, онъ получилъ замѣчательное образованіе и посвятилъ себя съ полнѣйшею любовью военной наукѣ и всѣмъ вспомогательнымъ познаніямъ по этой части. Такого рода дарованіямъ обыкновенно недостаетъ глубины, но я не берусь рѣшить, страдалъ-ли Дибичъ подобнымъ недостаткомъ; во всякомъ случаѣ онъ до того увлекался своимъ быстрымъ взглядомъ, что принималъ его часто за основаніе въ своихъ сужденіяхъ. Вспыльчивый до самозабвенія, онъ скоро утихалъ и былъ всегда готовъ сознать все имъ совершенное и, если возможно, исправить. Его благородной душѣ были чужды наушничество, мстительность, даже злопамятство. Неловкій по наружному виду, онъ не любилъ многолюдныхъ собраній, особенно дамскихъ, но былъ весьма оживленъ и веселъ въ небольшомъ кругу,

*) Это донесеніе напечатано въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древностей, 1858 г., кн. 4-я. *П. Б.*

гдѣ разговоръ касался научныхъ, въ особенности военныхъ вопросовъ. Его считали ревнивцемъ и пьяницею. Въ первомъ отношеніи слѣдуетъ замѣтить, что, женатый на баронессѣ Торнау, онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ ввести эту молодую женщину въ неизящный кругъ Могилевскихъ дамъ; а самъ поистинѣ былъ такъ занятъ, что не былъ въ состояніи, безъ особаго отягощенія, выносить свѣтскую болтовню мужскаго общества. Что̀-же касается до пьянства, то это правда, что по вечерамъ онъ выпивалъ по два большихъ стакана крѣпкаго пуншу, за обѣдомъ рюмку водки и нѣсколько стакановъ вина, но я видалъ его во всякое время дня, и мнѣ не приходилось никогда замѣчать въ немъ ни малѣйшаго возбужденнаго состоянія, и ни о чемъ подобномъ я никогда не слыхалъ отъ его приближенныхъ. Его послѣдній эпизодъ на военномъ поприщѣ былъ печаленъ. Чтобы подавить быстрѣе Польское возстаніе, было предположено предпринять зимній походъ, во избѣжаніе препятствій со стороны рѣкъ и болотъ; но зима была до того теплая, что рѣки всѣ вскрылись, и болота оказались непроходимыми; а между тѣмъ всѣ распоряженія шли къ быстрому окончанію похода, и потому армія была поставлена въ величайшее затрудненіе. Живыя и пламенныя натуры живѣе воспринимаютъ внѣшнія впечатлѣнія: въ это-же самое время Дибичъ получилъ извѣстіе о смерти своей жены, и его взволнованный духъ, усматривая какую-то воображаемую связь между тѣмъ и другимъ, принялъ ея кончину за указаніе, что отъ него отступился ангелъ-хранитель, виновникъ всякаго счастія и удачи его земной жизни. Съ тѣхъ поръ сохранилась въ немъ лишь смутная тѣнь прежняго, столь пламеннаго человѣка. Душа его охолодѣла, хотя пламя ея еще вспыхивало. Онъ просилъ объ увольненіи, но Государь затруднялся исполнить его желаніе. Наконецъ при Пултускѣ полная подвигами жизнь его была быстро пресѣчена жестокимъ припадкомъ холеры. За день до этого онъ еще былъ у насъ въ Пултускѣ, гдѣ находился штабъ авангарда арміи, при которомъ я занималъ должность начальника штаба. Онъ обѣдалъ у графа Витте, у котораго я всегда имѣлъ готовый приборъ; послѣ обѣда пришлось мнѣ доложить ему нѣсколько только что полученныхъ депешъ; изъ нихъ нѣкоторыя даже возбудили въ немъ сильный смѣхъ; онъ пробылъ довольно долго и покинулъ насъ около 7 или 8 часовъ вечера, совершенно бодрый и веселый. Генералъ Бергъ проводилъ его до главной квартиры и оставилъ вполнѣ здоровымъ;—а на другой день получили мы извѣстіе о его смерти: въ 5 или 6 часовъ времени борьба была кончена. Онъ не оставилъ послѣ себя потомства, и родъ его прекратился; но еще велико число тѣхъ людей, которые всегда будутъ вспоминать о немъ съ благодарнымъ чувствомъ. Распространившіеся въ то время слухи объ его отравленіи лишены всякаго основанія и возникли гораздо позднѣе.

Упомяну здѣсь еще о тогдашнемъ адъютантѣ генерала Дибича, нынѣшнемъ намѣстникѣ въ Польшѣ, князѣ Горчаковѣ. Дибичъ цѣнилъ его, какъ высоко одареннаго молодаго человѣка, обладающаго отличнѣйшими военными познаніями. Онъ быстро обнималъ пред-

метъ, но часто бывалъ нерѣшителенъ и разсѣянъ; по этому товарищи относились къ нему невсегда благопріятно, хотя нельзя было отрицать великихъ его способностей. Въ обращеніи былъ онъ неодинаковъ, часто высокомѣренъ, часто слишкомъ обходителенъ и довѣрчивъ, вообще неровенъ. Трудно сказать, въ чемъ именно заключались его недостатки. Такимъ, какъ слышно, остался онъ и до сихъ поръ; но благорасположеніе къ людямъ въ немъ усилилось, чѣмъ и пріобрѣлъ онъ къ себѣ любовь въ своемъ намѣстничествѣ.

Въ 1817 году послѣдовало высочайшее повелѣніе откомандировать полковника Паренсова и меня въ распоряженіе графа Аракчеева по военнымъ поселеніямъ, и поэтому, послѣ весьма лестныхъ прощальныхъ отзывовъ со стороны Барклая и Дибича, я былъ отправленъ въ Москву, гдѣ въ то время находился Дворъ, а при немъ и графъ Аракчеевъ, котораго я для краткости просто буду называть графомъ.

Принятый этимъ въ то время всесильнымъ человѣкомъ съ величайшею любезностью, получилъ я отъ него позволеніе повеселиться въ Москвѣ, и точно въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, мною тамъ проведенныхъ, меня почти ничѣмъ не занимали. Мы вмѣстѣ съ Паренсовымъ наняли квартиру и сани съ парою лошадей, пока продлится наше Московское пребываніе. Въ прежнее доброе время было нетрудно познакомиться въ Москвѣ съ древними дворянскими семействами. Гостепріимство было широкое, и черезъ нѣсколько дней мы получили столько приглашеній на обѣды и вечера, или постоянно, или въ назначенные дни, что, при полнѣйшей готовности, невозможно было всѣми воспользоваться. Не имѣя служебныхъ занятій и не считая возможнымъ, при неопредѣленности срока нашего пребыванія, приступить къ какому нибудь частному труду, мы предавались упоенію общественнаго праздношатанія и развѣ только посвящали утро осмотру достопримѣчательностей столицы, а дóма занимались легкимъ чтеніемъ.

При всей внѣшней широтѣ своей, жизнь въ Москвѣ не была привлекательна: обѣденный столъ, обремененный множествомъ кушаній, послѣ него карточная игра; вечеромъ опять карты, иногда танцы, когда случайно соберется нѣсколько молодежи обоего пола; на балахъ много роскоши и чинности; тонъ аристократическаго высокомѣрія, злорѣчивые толки, непризванныя сужденія обо всемъ на свѣтѣ, безъ всякихъ опредѣленныхъ понятій, чопорныя, и въ тоже время рѣзкія на языкъ барышни; въ добавокъ ко всѣмъ этимъ пріятностямъ множество старыхъ княженъ, не оставлявшихъ безъ рѣшительнаго приговора ни одного добраго имени, говорившихъ за картами грубости своимъ партенёрамъ и вообще всячески отмщавшихъ на ближнемъ невольное свое добродѣтельное воздержаніе отъ проклятой брачной жизни. Онѣ съ отмѣннымъ искусствомъ и съ крайнимъ немилосердіемъ добивались подробностей о вашемъ происхожденіи и о вашемъ семействѣ. Добрые нравы господствовали, и не было слышно о разводахъ, или разъѣздахъ; два рѣдкіе случая въ этомъ родѣ неумолимо осуждены общественнымъ мнѣніемъ, и обвиненнымъ отказано во

всѣхъ домахъ. — Можно было конечно ходить пѣшкомъ, и придти въ знакомый домъ, но тогда въ передней прислуга не подымалась съ мѣста, и вы сами должны снимать съ себя верхнее платье. Мужщина еще могъ ѣздить въ открытомъ экипажѣ въ двѣ лошади, но даму непремѣнно должна была везти четверня. Одна богатая и знатная дама, госпожа Шереметева, утратила всякое къ себѣ уваженіе за то, что ѣздила въ дрожкахъ, обрѣзала себѣ волосы и одѣвалась просто [1]).

Въ Москвѣ я нашелъ моего прежняго учителя, полковника Александра Николаевича Муравьева, состоявшаго начальникомъ штаба при находившемся тамъ гвардейскомъ отрядѣ. Онъ былъ арестованъ лично Государемъ за какой-то промахъ по фронту, и я засталъ его въ чрезвычайно-раздраженномъ состояніи духа. Почти каждый день проводилъ я у него нѣсколько часовъ, и повидимому мое присутствіе его успокоивало; наконецъ онъ предложилъ мнѣ ввести меня въ самую знатную изъ Московскихъ масонскихъ ложъ, и я не рѣшился отказаться отъ его любезнаго предложенія, хотя никогда не былъ расположенъ къ этимъ тайнымъ обществамъ съ неопредѣленными цѣлями. Быть можетъ, мною руководило безсознательное любопытство; какъ-бы то ни было, но я выразилъ свое согласіе, и день моего вступленія былъ уже назначенъ, когда мой неожиданный отъѣздъ въ Новгородъ насильственно воспрепятствовалъ выполненію этого намѣренія. Впослѣдствіи я горячо благодарилъ Бога за эту милость, такъ какъ мое участіе въ этомъ обществѣ могло бы причинить мнѣ множество затрудненій. И самъ Муравьевъ, весьма дѣятельный членъ Союза Благоденствія, отступился рѣшительно отъ этого союза при его дальнѣйшемъ развитіи, когда рѣчь зашла о крови и возстаніи; но такъ какъ онъ, связанный своимъ обязательствомъ, не донесъ о томъ, то и былъ сосланъ въ Сибирь, съ сохраненіемъ чина и дворянства. Затѣмъ былъ онъ губернаторомъ въ Архангельскѣ и состоитъ нынѣ генералъ-маіоромъ при главномъ штабѣ. Онъ старшій братъ бывшаго главнаго командира Закавказья (другой братъ—министръ государственныхъ имуществъ). Онъ весьма кроткій и образованный человѣкъ, съ строго-религіозными правилами и піэтистическимъ направленіемъ [2]).

Однажды утромъ мы оба съ Паренсовымъ были позваны къ графу и получили приказаніе, не позднѣе слѣдующаго дня, отправиться въ Новгородъ, куда онъ долженъ былъ на другой день послѣдовать за нами. Такимъ образомъ мы оставили Москву съ бодрымъ духомъ и довольные тѣмъ, что, благодаря поспѣшному отъѣзду, были избавлены отъ скучныхъ прощальныхъ визитовъ.

Приблизительно около половины Февраля (1818) прибыли мы въ Новгородъ, гдѣ къ намъ въ помощь прикомандировали нѣсколько офицеровъ изъ поселеній, и мы приступили къ составленію плановъ военныхъ поселеній Новгородской губерніи по тѣмъ неудовлетворительнымъ, отрывочнымъ матеріаламъ, которые находились у насъ

---

[1]) Вѣроятно Надежда Николаевна Шереметева, тетка Ѳ. И. Тютчева. *П. Б.*

[2]) Т. е. А-ъ Н. Муравьевъ. *П. Б.*

подъ рукою. Въ тоже время мы дѣлали визиты почетнымъ лицамъ города и были особенно радушно и дружественно приняты въ домѣ губернатора, Николая Назаровича Муравьева, гдѣ я впослѣдствіи нѣсколько разъ въ недѣлю обѣдалъ и проводилъ вечера. Этотъ человѣкъ, старый морякъ, показался мнѣ въ то время весьма пріятнымъ; онъ много читалъ и повидимому владѣлъ большимъ запасомъ здраваго разсудка; но дальнѣйшая судьба его тому противорѣчитъ, такъ какъ честолюбіе, чванство и чувственность довели его до безразсудныхъ поступковъ, казавшихся непонятными для тѣхъ, кто знавалъ его прежде. Г-жа Муравьева была достойная женщина, весьма образованная, съ направленіемъ религіознымъ; она рано скончалась, и весьма вѣроятно, что она своимъ вліяніемъ спасала мужа отъ многихъ ошибокъ.

Въ Новгородѣ мое служебное положеніе выбилось изъ колеи. Полковникъ Паренсовъ, по чину и возрасту, долженъ былъ быть моимъ прямымъ начальникомъ, но, не смотря на мои настоянія, рѣшительно уклонился отъ этого. Внѣ службы такое уравненіе было бы пріятно для обѣихъ сторонъ, но въ службѣ оно могло быть только вреднымъ, и было таковымъ, потому что къ намъ почти ежедневно поступали молодые люди, съ которыми Паренсову не хотѣлось имѣть начальническія отношенія, такъ что эта обязанность, противъ моей воли, перешла ко мнѣ.—Съ Паренсовымъ я довольно долго былъ близокъ. Подобнаго оригинала рѣдко можно встрѣтить, и я долженъ изобразить его вамъ съ возможною вѣрностью. Онъ сынъ Русскаго сельскаго священника, человѣка (какъ самъ Паренсовъ не обинуясь говорилъ) вполнѣ грубаго. Отецъ и мать были невоздержны въ винѣ. Они еще тогда были въ живыхъ. Сестры и братья выросли безъ всякаго воспитанія; первыя вышли замужъ за крестьянъ. Князь Горчаковъ, усмотрѣвъ въ молодомъ Паренсовѣ отличныя дарованія, взялъ его къ себѣ въ домъ для воспитанія вмѣстѣ съ его сыновьями, изъ которыхъ одинъ теперь намѣстникомъ въ Польшѣ. Мальчики были много моложе, но ушли въ познаніяхъ дальше и были гораздо развитѣе Паренсова, ради котораго нельзя было начинать ученье съизнова. Такимъ образомъ Паренсову пришлось начинать сверху и самому усвоивать себѣ первоначальныя основанія наукъ. При слабо-развитой мыслительной силѣ это было для него очень трудно и, благодаря желѣзному прилежанію, онъ достигалъ кое-чего внѣшняго, но ключа къ наукѣ не было у него въ рукахъ: онъ могъ усвоивать памятью отдѣльныя истины, будучи не въ состояніи умственно переработывать ихъ. Такимъ образомъ учился онъ много, и очень много; но основанія всетаки не было, и отъ того въ головѣ его образовалась совершенная путаница, которая впослѣдствіи становилась еще непроходимѣе отъ напряженнаго и неправильнаго чтенія. Это была замѣчательная личность, понимавшая все не такъ, какъ другіе. Чѣмъ проще идея, тѣмъ труднѣе было ему одолѣть ее, потому что онъ съ возбужденнымъ напряженіемъ старался провѣдать скрытое значеніе ея. Иногда говорилъ онъ и писалъ очень хорошо, но часто у него ничего нельзя было понять, при всей граматической правильности предложеній. Князь Михайла Гор-

чаковъ весьма вѣрно называлъ его une bibliothèque renversée [1].... Наивное добродушіе его заставляло многихъ любить и уважать его. Маленькаго роста, почти карликъ, цѣлою головою ниже меня [2]), необыкновенно широкоплечій, съ большою, неуклюжею головою и непривлекательными манерами, онъ воображалъ, что молодыя дѣвушки должны въ него влюбляться, и по своей строгой добросовѣстности переставалъ ходить во многіе дома, гдѣ были дочери-невѣсты. Дѣти часто почитали его себѣ ровесникомъ; онъ былъ радъ тому и могъ цѣлые часы играть съ дѣтьми и разсказывать, за что ему подарили хорошія вещи, именно его ордена. Онъ имѣлъ славу храбраго офицера и былъ чрезвычайно усерденъ въ службѣ. Будучи отмѣнно-крѣпкаго сложенія, онъ однако прибѣгалъ ко всевозможнымъ врачебнымъ средствамъ и едва не разстроилъ своего здоровья. Впослѣдствіи, если не ошибаюсь, лѣтъ 60-ти отъ роду, онъ женился на Б., сестрѣ извѣстнаго архимандрита, и имѣлъ отъ нея дочь и сына.

О самомъ Новгородѣ много говорить не приходится; слѣды древняго знаменитаго Ганзейскаго города сохранились только въ монастыряхъ, отстоящихъ отъ города въ верстъ 10 или 15 и принадлежавшихъ прежде къ его владѣніямъ. Общество состоитъ исключительно изъ чиновниковъ; купечество мало образовано и не останавливаетъ на себѣ вниманія; губернское дворянство, благодаря сосѣдству Петербурга, предпочитаетъ проживать тамъ, если только имѣетъ на то средства, не находя въ губернскомъ городѣ ничего заманчиваго для жизни.

Помнится, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ получили мы оба отъ графа приглашеніе прибыть въ его великолѣпное имѣніе—Грузино. Пріѣхавъ туда вечеромъ, мы были тотчасъ отведены полицеймейстеромъ въ назначенные для насъ нумера, которыхъ въ особыхъ флигеляхъ находилось нѣсколько десятковъ, весьма удобно устроенныхъ. Намъ подали и чаю, но съ такимъ скудно-опредѣленнымъ количествомъ бѣлаго хлѣба, что мы никакъ не могли имъ насытиться и просили добавленія; слуга вернулся черезъ нѣсколько времени съ извиненіемъ, что онъ не могъ нигдѣ отыскать графа, и мы тогда узнали, что поданная намъ порція хлѣба опредѣляется имъ самимъ для каждаго гостя и не можетъ быть увеличена безъ его соизволенія. Вскорѣ послѣ того мы получили извѣщеніе явиться на другой день ко второму завтраку, послѣ котораго графъ намѣренъ съ нами заняться. Такимъ образомъ мы оказались свободными все утро до 12 час. и осмотрѣли это великолѣпное жилище, во многихъ отношеніяхъ едва-ли имѣющее себѣ подобное по чисто-царской роскоши въ отдѣлкѣ. Двухъ-этажное, каменное зданіе скорѣе слишкомъ мало для своего назначенія, но выстроено и отдѣлано съ роскошнымъ комфортомъ; вы могли тамъ найти совершенно просто-разставленными драгоцѣннѣйшіе предметы изъ Парижа, Лондона и Италіи, великолѣпнѣйшія картины и образцовыя произведенія знаменитѣйшихъ ваятелей—бо̀льшею частью подарки Государя и царской фамиліи,

---

[1]) Разбросанная библіотека.

[2]) Е. Ѳ. Фонъ-Брадке былъ очень малаго роста. *П. Б.*

желавшей тѣмъ польстить привязанности графа къ своему Грузину. Противъ дома, на разстояніи 150 саж. отъ него, стоитъ прекрасный соборъ, украшенный богатѣйшимъ образомъ; это единственная соборная церковь въ частномъ имѣніи. Между этими двумя зданіями выстроенные для гостей домики составляли красивую улицу. Паркъ величественъ, и прекрасная рѣка Волховъ, на берегу которой онъ расположенъ, еще умножаетъ его прелесть. Все это украшается множествомъ хозяйственныхъ построекъ, въ томъ же стилѣ сооруженныхъ, кладовыми, руинами и бесѣдками. Цѣлая флотилія, бо̀льшею частью Государемъ подаренная, во главѣ которой находилась построенная для Государя въ Англіи яхта, которая была отдѣлана поцарски, вооружена матросами, подъ командою флотскаго офицера—все это вмѣстѣ взятое придавало этому мѣсту видъ царской лѣтней резиденціи. Изъ парка можно было обозрѣть почти все имѣніе, состоявшее слишкомъ изъ 3000 душъ. Прекрасныя деревни, множество домовъ съ зеркальными стеклами, соединенные между собою шоссейными дорогами, представляли весьма живописную, общую картину.

Къ имѣнію принадлежитъ огромное пространство земли. На Волховѣ имѣются луга, съ которыхъ, кромѣ сѣна, употребляемаго во множествѣ на хозяйство, поступаетъ въ продажу до 20 тыс. пудовъ; такимъ-же образомъ и лѣсъ, разбитый на участки, даетъ ежегодно отъ 8 до 10,000 руб. дохода. Казенныя повинности крестьянъ обезпечены особымъ капиталомъ, процентами съ котораго онѣ покрываются; равнымъ образомъ помѣщены въ Банкѣ особые капиталы: для ссуды крестьянамъ, для ремонта строеній, словомъ для всѣхъ правильно-наступающихъ расходовъ по имѣнію. И при всѣхъ этихъ нескончаемыхъ выгодахъ сельское населеніе чувствовало себя очень несчастнымъ: деспотическій характеръ графа ставилъ крестьянина въ положеніе, которое не согласовалось съ его бытомъ. Вообще все внутреннее и внѣшнее управленіе сопровождалось неумолимою строгостью и обременительною любовью къ порядку. Обѣденный столъ графа былъ весьма хорошъ, но порціи не должны были превышать извѣстной мѣры; такъ напримѣръ, куски жаренаго или котлеты были опредѣлены по числу гостей, и горе тому, кто возьметъ двѣ котлеты: онъ могъ расчитывать на долгое преслѣдованіе со стороны графа. Малѣйшая пылинка на стѣнѣ, едва примѣтная для микроскопическаго наблюденія, имѣла послѣдствіемъ для слуги палочные удары и арестъ для чиновника.

Мнѣ хотѣлось предпослать это описаніе Грузина и его управленія, чтобы сразу дать живое понятіе о человѣкѣ, который игралъ столь важную роль въ судьбахъ Россіи.

Въ 12 часовъ явились мы въ главное зданіе; насъ провели немедленно въ столовую, гдѣ мы были приняты графомъ не какъ подчиненные, а какъ дорогіе гости знатнаго помѣщика. Послѣ завтрака и небольшой прогулки въ паркѣ, гдѣ онъ весьма благосклонно показывалъ намъ все достопримѣчательное и водилъ насъ даже въ молочную, весьма красиво устроенную,—прошли мы въ его кабинетъ,

гдѣ онъ принялъ тотчасъ офиціальный, хотя и дружественный тонъ. Здѣсь мы были ознакомлены съ ожидавшимъ насъ назначеніемъ: намъ предстояло опредѣлять линіи построекъ, приготовлять поля, луга и пастьбища для новыхъ поселенцевъ, для чего предоставлялось въ наше распоряженіе извѣстное число баталіоновъ; затѣмъ мы должны были наблюдать за окончательною обработкою полей, покуда они не достигнутъ вполнѣ удовлетворительнаго состоянія. Когда-же мы, каждый по своему, заявили, что мы не имѣли ни малѣйшаго понятія о сельскомъ хозяйствѣ, что осушеніе болотъ и оплодотвореніе земли не входило ни на практикѣ, ни по теоріи въ составъ нашихъ занятій, то суровое выраженіе отразилось на лицѣ графа, и онъ сказалъ намъ, что онъ не привыкъ выслушивать подобныя неосновательныя отговорки, что всякій служащій обязанъ выполнять возлагаемыя на него обязанности, что онъ не желаетъ слышать ни о какихъ затрудненіяхъ и что мы должны готовиться къ этому труду, безъ всякихъ возраженій, несовмѣстимыхъ съ служебными обязанностями.

Три дня насъ привѣтливо угощали въ Грузинѣ; совершались прогулки сухимъ путемъ и водою на прелестной яхтѣ и на роскошно-убранномъ яликѣ, при чемъ насъ сопровождала музыка; часа по два ежедневно излагалъ онъ намъ свои планы и предположенія, и мы однако вновь утверждали, что при всемъ нашемъ желаніи мы, по незнанію, ничего не съумѣемъ сдѣлать путнаго. Наконецъ онъ весьма милостиво отпустилъ насъ съ заявленіемъ, что имъ уже даны нужныя приказанія для выполненія нашихъ требованій. И такъ мы покинули Грузино, чтобы поближе присмотрѣться къ дѣлу на мѣстѣ и затѣмъ внимательно взвѣсить всѣ эти обстоятельства, по отношенію къ намъ лично.

Переѣхавъ въ поселенія, старались мы собрать всѣ возможныя свѣдѣнія, относящіяся до ихъ учрежденія и до руководящихъ или основныхъ положеній,—и результатомъ нашихъ изысканій были слѣдующія данныя, которыя я, во избѣжаніе повтореній, здѣсь излагаю въ томъ видѣ, какъ они мною были усвоены лишь послѣ 10-ти лѣтней опытности.

Императора Александра I-го весьма часто и болѣзненно смущала мысль, что солдатъ, выступая на защиту отечества, лишенъ даже утѣшенія предоставить своей женѣ и дѣтямъ особый кровъ, гдѣ онъ могъ-бы съ увѣренностью найти ихъ по окончаніи службы. Многіе планы возникали въ умахъ его приближенныхъ, чтобы пособить этой нуждѣ, но они всѣ оказывались неудобоисполнимыми, тѣмъ болѣе, что потребныя къ тому денежныя суммы во многомъ превышали дѣйствительныя средства государственной казны. Наконецъ остановились на той мысли, что слѣдовало воспользоваться находящимися въ Новгородской губерніи обширными помѣстьями казеннаго вѣдомства, для доставленія нѣсколькимъ полкамъ постоянныхъ квартиръ, гдѣ-бы они могли въ мирное время заниматься хлѣбопашествомъ и ремеслами, пользуясь полнымъ благосостояніемъ, при чемъ и военныя упражненія продолжались-бы

своимъ чередомъ, такъ что ихъ участіе въ войнѣ также отъ этого не пострадало-бы, но напротивъ того защита собственнаго очага еще могла усилить ихъ мужество. Этотъ проэктъ удостоился полнѣйшаго одобренія Государя: его доброжелательной душѣ рисовались въ будущемъ идилліи Геснера, садики и овечки. Но графъ Аракчеевъ сначала былъ рѣшительно противъ этого и былъ вынужденъ изъявить свое невольное согласіе лишь изъ опасенія, что тотъ, кто приметъ на себя выполненіе этой любимой мечты, можетъ сдѣлаться его опаснымъ соперникомъ.

Такимъ образомъ графу было поручено въ началѣ поселить 1-ю гренадерскую дивизію, состоявшую изъ 6 полковъ (въ количествѣ 18-т. человѣкъ) на берегу Волхова или въ другой мѣстности, на государственныхъ земляхъ Новгородской губерніи. Когда для того было опредѣлено примѣрно 1200 кв. верстъ съ принадлежащимъ къ нимъ населеніемъ, то все это было передано графу въ его управленіе, и постановлены слѣдующія правила: всѣ домохозяева крестьянскихъ дворовъ и всѣ въ хозяева годные были утверждены въ званіи хозяевъ, но въ тоже время зачислены солдатами въ поселенные полковые баталіоны; всѣ остальные совершеннолѣтніе крестьяне поступали солдатами въ дѣйствующіе баталіоны и служили къ ихъ укомплектованію. Изъ несовершеннолѣтнихъ крестьянскихъ дѣтей были образованы баталіоны кантонистовъ, изъ которыхъ достигшіе законнаго возраста также вступали въ ряды дѣйствующихъ баталіоновъ, если только они, въ качествѣ наслѣдниковъ хозяевъ, не должны были принимать на себя хозяйства. Каждая рота состояла изъ 228 хозяевъ, а образованный изъ 4 ротъ поселенный баталіонъ изъ 1012 домохозяевъ. Это количество, при недостаткѣ наличныхъ домохозяевъ, было пополняемо изъ соотвѣтствующихъ полковъ, при чемъ выбирались люди надежные и преимущественно такіе, которые обладали нѣкоторыми познаніями и опытностью въ земледѣліи.

Предполагалось поселить роты въ цѣломъ ихъ составѣ изъ 228 домохозяевъ въ одномъ мѣстѣ, полковые штабы устроить среди самыхъ полковъ, соединивъ ихъ шоссейными дорогами. Каждому домохозяину имѣлось въ виду предоставить нѣсколько сотъ кв. сажень огородной земли, 4½ десятины пашни, раздѣленной на 3 поля, необходимое количество луговъ и пастбище. У каждаго поселеннаго хозяина должны были квартировать два солдата, по одному изъ каждаго дѣйствующаго баталіона; онъ обязанъ былъ содержать ихъ, а они въ свободные часы помогать ему по его хозяйству. Потребное количество скота и земледѣческихъ орудій слѣдовало правительству разъ навсегда припасти для каждаго домохозяина. Это учрежденіе должно было начаться съ полка графа Аракчеева, поселеннаго вдоль Волхова по близости отъ Грузина, на разстояніи 30—40 верстъ отъ него.

И такъ мы заняли наши первыя квартиры при этомъ полку и начали поближе присматриваться къ дѣлу. Въ числѣ предлежавшихъ намъ задачъ, самою подходящею къ кругу дѣйствій офицеровъ ге-

неральнаго штаба была съемка мѣстности для опредѣленія полковыхъ штабовъ и ротъ, дорогъ, полей, луговъ и пастбищъ; а потому мы начали съ обученія прикомандированныхъ къ намъ офицеровъ практическимъ пріемамъ съемки, и дѣло пошло такъ хорошо, что за тѣмъ многіе изъ этихъ плановъ удостоились высочайшаго утвержденія. Но вскорѣ мы получили извѣщеніе, что будетъ присланъ баталіонъ для разчистки и осушенія болотъ, и мы стали готовиться къ тому, чтобы 250 рабочихъ силъ могли быть употребляемы ежедневно съ пользою. Тутъ дѣло шло плохо, такъ какъ о подобныхъ работахъ мы положительно не имѣли никакого понятія. Правда, что были выписаны и прочитаны книги, но много ли это могло намъ пособить, а потому и стали мы искать изустнаго наставленія. Множество офицеровъ было здѣсь собрано для выполненія всѣхъ предстоявшихъ столь различныхъ задачъ; но при ближайшемъ знакомствѣ мы убѣдились, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ офицеровъ путей сообщенія, никто не занимался никогда тѣмъ, что̀ ему было поручено и къ тому не готовился: это былъ настоящій хаосъ. Не требовалось особенной проницательности, чтобы съ достовѣрностью предположить, что первый годъ нашихъ трудовъ не будетъ блестящимъ. Такъ какъ отъ этихъ господъ многому нельзя было научиться, то мы розыскали разумныхъ крестьянъ, поступили къ нимъ въ ученіе, кое-что изучили и затѣмъ развили съ помощью чтенія и размышленій. Тѣмъ временемъ прибылъ баталіонъ, и наши ловкіе солдаты вскорѣ сами на столько приспособились къ дѣлу, что намъ оставалось только указывать имъ на нѣкоторыя облегченія, принимать мѣры къ устраненію несчастій и ближайшимъ образомъ опредѣлять ежедневное количество работы.

Относительно болотъ и самая мудрость нашихъ солдатъ простиралась недалеко, но къ счастью въ этомъ полку болота были менѣе значительны, и наши первыя работы такъ хорошо намъ удались, что нѣкоторыя болотистыя мѣстности, имѣющія около квадратной версты въ округѣ, по истеченіи двухъ лѣтъ, могли быть употребляемы для посѣва овса. Въ началѣ еще не могло быть и рѣчи о раздѣленіи полей и раздачѣ земель домохозяевамъ, такъ какъ прежде всего слѣдовало обратить землю въ пахатную; а потому и пользовались мы досугомъ для пріобрѣтенія нѣкоторыхъ свѣдѣній по этимъ предметамъ. Графъ неоднократно навѣщалъ насъ, выражалъ свое удовольствіе и преподалъ намъ наставленіе, что съ доброю волею можно всего достигнуть, и по тому всякое колебаніе въ предпріятіи чего либо изобличаетъ дурное намѣреніе; наше возраженіе, что мы все таки навѣрное надѣлали множество ошибокъ, которыхъ человѣкъ свѣдущій легко-бы избѣгнулъ, онъ не захотѣлъ признать справедливымъ....

Только этотъ годъ служили мы вмѣстѣ съ Паренсовымъ. Позднѣе у насъ были разныя обязанности, а лѣтомъ я находился въ непосредственномъ сношеніи съ графомъ, который сталъ явно недовѣрять Паренсову по причинѣ его увлеченій, Между тѣмъ работы станови-

лись все значительнѣе и простирались на всѣ поселенные полки. Въ нѣкоторые годы число баталіоновъ доходило до 20 и 30, такъ что я могъ ежедневно употреблять на работы до 5 и даже до 7 тысячъ человѣкъ. Офицеровъ у меня тоже бывало человѣкъ по 30 и болѣе: я имѣлъ право выбирать ихъ, по мѣрѣ надобности, изо всѣхъ войскъ военныхъ поселеній. Съ Апрѣля по Октябрь мы проводили въ поселеніяхъ, а на зиму собирались въ Петербургъ....

Что̀ же касается до моего личнаго положенія въ военныхъ поселеніяхъ и по отношенію къ графу Аракчееву, то оно обрисовалось довольно оригинальнымъ образомъ. Я поступилъ подъ начальство графа подпоручикомъ, 20-ти лѣтъ отъ роду. Избалованный своими прежними начальниками, съ преувеличенными понятіями о чести и съ твердо-установившимся сознаніемъ своего достоинства, я, собственно говоря, не былъ подготовленъ къ службѣ при человѣкѣ, который въ своемъ умственномъ высокомѣріи едва-ли считалъ своихъ подчиненныхъ людьми и часто обращался съ ними „en canaille.“ Такъ какъ многіе другіе молодые люди, раздѣлявшіе мои чувства, были прикомандированы къ поселеніямъ, какъ напримѣръ извѣстный скрипачъ Львовъ, состоявшій въ то время поручикомъ путей сообщеній,—то мы въ началѣ постоянно прощались, другъ съ другомъ на долгое время всякій разъ что̀ графъ требовалъ насъ къ себѣ, твердо рѣшившись не выносить никакихъ грубостей; а естественнымъ послѣдствіемъ подобнаго образа дѣйствій несомнѣнно было-бы заточеніе въ Шлюссельбургскіе казематы. Но эти опасенія продолжались недолго: наше строго-выработанное, полнѣйшее подчиненіе, при твердомъ обращеніи, произвело на графа благопріятное впечатлѣніе, а строгое выполненіе возложенныхъ на насъ обязанностей, безъ всякаго вниманія къ личнымъ затрудненіямъ, нравилось ему, и хотя онъ называлъ насъ своими „Carbonari“, но обращался съ нами учтиво и привѣтливо, такъ что мы, молодые и незначительные офицеры, находились въ исключительномъ положеніи, по сравненію съ важнѣйшими чинами его окружавшими. Когда онъ желалъ досадить намъ или выразить свое неудовольствіе, онъ обращался къ намъ въ третьемъ лицѣ: „въ наше время молодые люди дѣлаютъ“ то и то; имѣютъ „тѣ или другіе взгляды и т. д.“, при чемъ мы, по зрѣломъ обсужденіи, рѣшились на эти косвенныя нападки не возражать и не выказывать досады, что̀ было весьма трудно выполнить, потому что онъ мастерски умѣлъ отыскивать и затрогивать чувствительнѣйшія струны человѣческаго сердца. Въ позднѣйшіе годы случилось однажды, что, послѣ долгаго подавленія въ себѣ досады, я наконецъ не выдержалъ, просилъ его уволить меня по разстроенному здоровью и, выходя изъ его кабинета, захлопнулъ за собою дверь съ такою силою, что оконныя рамы задрожали. Вернувшись домой и придя въ себя, я сталъ ожидать фельдъ-егеря и отправленія въ Шлиссельбургъ; фельдъ-егерь дѣйствительно явился,—но для приглашенія меня на другой день къ обѣду, за которымъ графъ посадилъ меня подлѣ себя и обращался со мною какъ съ почетнѣйшимъ гостемъ. Объяснить этотъ кажущійся непонятнымъ поступокъ психологически довольно легко: графъ былъ взволнованъ, желалъ,

въ видѣ утѣшенія, и меня вывести изъ себя и когда это не удалось ему, то мое наружное хладнокровіе еще болѣе его раздражило; а затѣмъ, при возбужденномъ во мнѣ раздраженіи, онъ почувствовалъ себя весьма удовлетвореннымъ. Впослѣдствіи я имѣлъ много случаевъ убѣдиться въ справедливости моихъ выводовъ; въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ и въ настоящемъ, высокое государственное положеніе графа исключало всякое подозрѣніе о желаніи оскорбить его. Въ первые годы моей службы подъ его начальствомъ, однажды сказалъ я ему: „Ваше сіятельство даете мнѣ иныя порученія, противорѣчащія моимъ убѣжденіямъ. Позвольте мнѣ въ такихъ случаяхъ предъявлять вамъ мои соображенія, и за это я вамъ обѣщаюсь, когда приказаніе ваше будетъ безповоротно, исполнять его съ такимъ же искреннимъ усердіемъ, какъ если бы оно вполнѣ согласовалось съ моимъ мнѣніемъ, развѣ только вы прикажете (чего трудно ожидать) исполнить что нибудь вопреки моей совѣсти. Въ семъ послѣднемъ случаѣ я конечно выскажусь вамъ почтительнѣйше и стану спокойно ожидать моей участи". Долго смотрѣлъ онъ на меня испытующимъ взглядомъ. Просьба моя очевидно была для него новостью, и онъ какъ будто не зналъ, что̀ сказать на нее; но черезъ нѣсколько минутъ послѣдовалъ спокойный и рѣшительный отвѣтъ: „хорошо". Этимъ „хорошо" я воспользовался при первомъ случаѣ; тогда въ разговорѣ нашемъ онъ началъ меня запутывать и забрасывать разными боковыми вопросами и замѣчаніями. На первыхъ порахъ мнѣ было чрезвычайно трудно защищаться противъ его сильной логики, великой изворотливости въ рѣчи и противъ несравненнаго преимущества направлять самому прѣніе, а не подчиняться ходу онаго. Впослѣдствіи я пріобрѣлъ нужную для того опытность и сталъ сдерживать свою горячность. Впрочемъ онъ никогда не соглашался прямо съ моимъ мнѣніемъ, но при окончательномъ исполненіи отдавалъ приказаніе, измѣненное на основаніи мною заявленныхъ доводовъ; и нерѣдко онъ дѣлалъ мнѣ же косвенный упрекъ, будто я не понялъ его какъ слѣдуетъ. Я разумѣется отмалчивался, довольный тѣмъ, что достигъ своей цѣли. Отлично зная людей и притомъ спеціально искусившись въ разслѣдованіи людскихъ страстей и дурныхъ склонностей, онъ пользовался этими познаніями съ отмѣнною ловкостью и лукавствомъ. Самолюбіе мое отлично имъ эксплуатировалось и доводилось до крайняго напряженія. Тогда я замѣтилъ, что очутился въ его власти, и лишь послѣ долгихъ усилій удалось мнѣ освободиться отъ этихъ оковъ. Одно время выражалъ онъ мнѣ желаніе ввести меня въ свой тѣсный домашній кругъ; но такъ какъ онъ жилъ въ разводѣ съ своею женою, и его домашній бытъ олицетворяла собою личность, бывшая его любовницею и теперь еще находившаяся въ двусмысленныхъ къ нему отношеніяхъ, то я счелъ неприличнымъ отвѣчать согласіемъ на подобное предложеніе. За это онъ никогда не выражалъ мнѣ своей досады, и когда я даже одинъ съ нимъ обѣдалъ, то эта дама не появлялась къ столу, хотя важнѣйшіе сановники и свѣтлѣйшіе государственные вельможи постоянно ухаживали за нею и почитали за честь принимать участіе въ ея многочисленныхъ и пышныхъ

собраніяхъ *). Такое вниманіе къ утонченному чувству мелкаго офицера заслуживаетъ во всякомъ случаѣ особенно-благодарнаго признанія, тѣмъ болѣе, что оно проявляется весьма рѣдко и напротивъ того навлекаетъ часто преслѣдованіе на главу непреклоннаго. По службѣ графъ выказывалъ мнѣ величайшее довѣріе; по моимъ аттестаціямъ полковники и генералы получали благодарности или выговоры; онъ часто употреблялъ меня, чтобы сглаживать неудовольствія и придавать новое движеніе остановившимся предпріятіямъ. Съ Паренсовымъ дѣла постоянно шли нехорошо: въ началѣ его устранили, поручивъ другія занятія, а потомъ по его желанію вернули въ генеральный штабъ; а мнѣ была передана, въ чинѣ капитана, важная должность оберъ-квартирмейстера военныхъ поселеній, причемъ корпусные оберъ-квартирмейстеры, полковники и генералы, фактически мнѣ были подчинены. Неохотно лишился я этого вѣрнаго друга, съ которымъ, при всемъ затрудненіи нашихъ взаимныхъ отношеній, никогда у насъ не было ни малѣйшаго несогласія или недовѣрія.

Въ Маѣ или Іюнѣ 1819 года, еще будучи въ капитанскомъ чинѣ, я былъ вызванъ изъ военныхъ поселеній въ Петербургъ, къ графу. Когда я къ нему представился, онъ ввелъ меня въ кабинетъ свой, разложилъ карту и сказалъ: „Цвиленевъ (генералъ-лейтенантъ, начальникъ поселеній въ Могилевской губерніи) прислалъ на утвержденіе мое множество представленій по дѣламъ, которыя зависятъ совершенно отъ мѣстныхъ условій. Поэтому я посылаю туда васъ, чтобы вы на мѣстѣ дали ему именемъ моимъ нужныя разрѣшенія. Вообще вы приведете тамошнія хозяйственныя дѣла въ такой порядокъ, чтобы они потомъ могли идти безъ помѣхи. Я написалъ Цвиленеву, что вы знаете мою волю и сообщите ему ее, и чтобы онъ считалъ ваши распоряженія за мои приказанія". Я испугался и сталъ говорить графу, что порученіе столь важное превышаетъ мои силы, что я ничего не смыслю въ сельскомъ хозяйствѣ и не умѣю отличить овса ото ржи. На это онъ очень спокойно отвѣчалъ: „Это глупости. Порученія должны быть исполняемы, коль скоро на насъ лежитъ служебная обязанность". — „Но, сказалъ я, если я исполню ихъ дурно по дѣйствительному невѣдѣнію?" — „Такъ я отдамъ васъ подъ судъ", отвѣчалъ онъ мнѣ въ утѣшеніе. Тѣмъ кончилось наше первое объясненіе. Второе не было успѣшнѣе. Я принялъ въ соображеніе, что въ самомъ дѣлѣ не было на лице другаго чиновника, который бы зналъ это дѣло и, положившись на успѣхъ моихъ Новгородскихъ занятій, рѣшился, чтобы совсѣмъ не оставлять служебнаго поприща, послушаться. Четыре мѣсяца пришлось мнѣ прожить въ Могилевѣ. Я кинулся собирать мѣстныя свѣдѣнія, работалъ и обсуждалъ, учился и училъ въ одно и тоже время и наконецъ оставилъ генералу Цвиленеву общее наставленіе о хозяйственномъ управленіи колоніями. По возвращеніи въ Петербургъ, графъ выразилъ мнѣ полнѣйшую благодарность, но прибавилъ съ насмѣшкою: „Видишь, все идетъ хорошо, коль скоро есть добрая воля".

*) См. письма этой особы къ Аракчееву въ Р. Архивѣ 1868 года.

Я отвѣчалъ, что доброй воли тутъ мало, а надобно знать дѣло, съ чѣмъ онъ рѣшительно не согласился.

Скажу нѣсколько словъ о томъ, какъ мы жили. Лѣтомъ работы начинались въ 4 часа; отъ 11 до 1 или 2 часовъ отдыхъ, обѣдъ и сонъ; за тѣмъ опять работы до 8 часовъ. Зимою мы занимались въ штабѣ военныхъ поселеній постоянно отъ 8 до 3 часовъ; но всего послѣобѣденнаго времени едва доставало, чтобы управиться съ занятіями на дому. Часто приходилось сидѣть до поздней ночи и затѣмъ приниматься за дѣло въ 4 часа утра. Въ одну зиму я долженъ былъ ходить къ графу съ докладами по два раза въ день: занятія шли безперерывно, днемъ и ночью, и чиновники денные смѣняли ночныхъ. О воскресеньяхъ и праздничныхъ дняхъ не было и помину. Я едва успѣвалъ причаститься св. тайнъ, не то чтобы навѣщать кого нибудь.

Трудное было время. Мы его выносили, пока оно длилось; а начинать опять такую жизнь никто бы по доброй волѣ не согласился. Но намъ выбора не было. Большая часть чиновниковъ не имѣли состоянія; а кто уходилъ отъ графа противъ его воли, тому уже нельзя было нигдѣ опредѣлиться. Не было такимъ образомъ и поблажки суетности, которая легко могла развиться по моимъ отношеніямъ къ остальному міру: передъ именемъ графа отворялись двери во всѣхъ вѣдомствахъ и у знатнѣйшихъ сановниковъ государства; всюду допускали насъ и принимали съ отмѣнною вѣжливостью.

Въ 1819 или 1820 году шефомъ штаба военныхъ поселеній назначенъ полковникъ Клейнмихель, занявшій такимъ образомъ очень важное положеніе. Онъ былъ крестный сынъ графа и находился къ нему какъ бы въ родственныхъ отношеніяхъ, что̀ для Клейнмихеля было скорѣе вредно, нежели выгодно, такъ какъ, на основаніи этого духовнаго родства, графъ обращался съ нимъ уже нисколько не стѣсняясь. Сначала не обращали вниманія на Клейнмихеля и когда онъ захотѣлъ входить во всѣ дѣла, не рѣдко отстраняли его; но съ пріобрѣтеніемъ бо̀льшей опытности и въ силу его сердечнаго и духовнаго самопожертвованія графской волѣ, съ нимъ освоились, и вліяніе его становилось все сильнѣе. Выгоды отъ того конечно не было, такъ какъ вмѣсто одного начальника приходилось имѣть дѣло съ двумя....

Думаю, что мнѣ не слѣдуетъ покидать этого предмета, не коснувшись государственнаго положенія и характера графа Аракчеева, на сколько они для меня выяснились за то время, когда я находился подъ его начальствомъ, по близости моихъ къ нему отношеній и вслѣдствіе дружественнаго обмѣна мыслей съ моими товарищами.

Аракчеевъ происходилъ отъ древней, но весьма недостаточной фамиліи Тверской губерніи; какъ онъ мнѣ самъ разсказывалъ, все его воспитаніе обошлось въ 50 руб. ассигнаціями, выплаченныхъ мѣдными пятаками. По окончаніи курса въ артиллерійскомъ училищѣ, онъ долгое время давалъ уроки математики, попалъ наконецъ въ Гатчину, гдѣ жилъ великій князь Павелъ Петровичъ, и заслужилъ его милостивое расположеніе. Въ царствованіе императора Павла

мы видимъ его комендантомъ императорской главной квартиры и генералъ-квартирмейстеромъ, съ рѣдкимъ въ Россіи титуломъ барона, живущимъ въ зимнемъ дворцѣ и вскорѣ послѣ того „выброшеннымъ“ изъ службы, какъ было буквально выражено въ дневномъ приказѣ, и сосланнымъ въ его помѣстье Грузино, полученное имъ отъ Государя въ подарокъ. Поводомъ къ этой послѣдней катастрофѣ послужилъ, какъ мнѣ передавалъ одинъ изъ его близкихъ родственниковъ, слѣдующій случай. Тогдашній баронъ принялъ не задолго до того въ число своихъ приближенныхъ одного иностранца, ему неизвѣстнаго, но котораго ему рекомендовали съ хорошей стороны и который числился въ чинѣ подполковника при нашемъ генеральномъ штабѣ. Однажды, въ минуту сильнаго раздраженія, баронъ высказалъ ему нѣсколько глубоко - оскорбительныхъ словъ, послѣ чего подполковникъ рѣшился застрѣлить Аракчеева и потомъ самъ застрѣлиться. Онъ уже явился въ зимній дворецъ съ заряженными пистолетами въ карманѣ. Когда ему выяснили все безуміе подобнаго поступка, то онъ, правда, отказался отъ него, но нѣсколько дней спустя всадилъ себѣ пулю въ лобъ, оставивъ послѣ себя письма къ Государю, Наслѣднику и нѣкоторымъ государственнымъ сановникамъ. По этому случаю поднялась буря негодованія противъ Аракчеева при Дворѣ и въ городѣ, и даже Государь и Наслѣдникъ ожесточились противъ него, и совершилось то, что̀ было выше сказано. Лишь за нѣсколько дней до кончины императора Павла получилъ онъ прощеніе и былъ вызванъ обратно. Наслѣдникъ никогда не отзывался объ Аракчеевѣ съ выгодной стороны, и человѣколюбивая, кроткая душа Монарха была слишкомъ противоположна природѣ Аракчеева, чтобы можно было опасаться когда либо сближенія между ними; а между тѣмъ все таки взяло верхъ соображеніе, что не слѣдуетъ оставлять безъ пользы такія замѣчательныя дарованія: ему была поручена артиллерія, находившаяся въ то время въ плачевномъ состояніи, и онъ ее совершенно преобразовалъ и по крайней мѣрѣ приравнялъ къ артиллеріи, существовавшей въ то время въ остальной Европѣ. Потомъ онъ былъ нѣсколько лѣтъ военнымъ министромъ, покинулъ это поприще (по собственному ли желанію или вопреки ему), занималъ затѣмъ разныя обыкновенныя должности, былъ впослѣдствіи членомъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, но находясь постоянно въ числѣ ближайшихъ особъ, окружавшихъ Государя. Здѣсь удалось ему пріобрѣсти все бо̀льшее и бо̀льшее вліяніе на дѣла государственныя, и наконецъ, въ его лицѣ, безъ особеннаго офиціальнаго званія или положенія, сосредоточилось все внутреннее управленіе Имперіи, съ непосредственнымъ подчиненіемъ ему собственной императорской канцеляріи. Всѣ представленія Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ восходили черезъ него на высочайшее усмотрѣніе, и черезъ него объявлялись всѣ высочайшія повелѣнія. Такимъ образомъ, за исключеніемъ вопросовъ внѣшней политики и отчасти военнаго управленія, состоялъ онъ какъ-бы посредникомъ между Монархомъ и государствомъ и, въ силу особаго высочайшаго указа, всѣ объявляемыя имъ отъ имени Е. И. В. повелѣнія должны были приниматься за подлинное выраженіе монаршей воли.

Послѣдовавшее затѣмъ созданіе военныхъ поселеній, хотя и не послужило къ умноженію его власти, но усилило милостивое къ нему расположеніе Государя, который питалъ къ этому вопросу сердечное участіе. Неожиданная кончина Императора Александра застигла его на этой высшей ступени почестей, доступной для подданнаго, и Императоръ Николай также продолжалъ оказывать ему благоволеніе и уваженіе, какъ ближайшему сотруднику покойнаго Монарха. Но тутъ самъ собою началъ возникать разладъ. Новый Государь желалъ дѣйствительно быть самодержцемъ, что̀ и принадлежало ему вполнѣ въ силу божественнаго и человѣческаго права; а графъ, напротивъ того, считалъ бразды правленія своею принадлежностью. Этотъ разладъ очень легко разрѣшился. Государь приказалъ управляющему собственною его канцеляріею, статсъ-секретарю Муравьеву перевести канцелярію изъ квартиры графа въ зимній дворецъ и докладывать ему дѣла лично, а не черезъ графа. Государственный секретарь и управляющій дѣлами Комитета Министровъ были поставлены въ непосредственныя отношенія къ Его Императорскому Величеству, и такимъ образомъ графъ былъ устраненъ, при чемъ даже не было потрачено ни одного листа бумаги. Только военныя поселенія были ему оставлены, но его честолюбіе не могло этимъ удовлетвориться, и онъ просилъ отпуска за границу, при чемъ обнаружились разныя проявленія, ясно свидѣтельствовавшія о его раздражительности и высокомъ о себѣ мнѣніи и оставленныя императорскою фамиліею безъ вниманія. За границею напечаталъ онъ на Французскомъ языкѣ письма императоровъ Павла и Александра и нѣкоторыхъ другихъ членовъ царской фамиліи, адресованныя на его имя, и такъ какъ онъ не испросилъ на это, какъ-бы слѣдовало, высочайшаго соизволенія и эти письма въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не могли быть напечатаны, то всѣ наши посольства получили повелѣніе препятствовать ихъ появленію въ свѣтъ и перекупить всѣ уже изданные экземпляры, такъ что, сколько мнѣ извѣстно, дѣйствительно изъ нихъ ничего не сохранилось въ обращеніи. Что̀ затѣмъ совершилось,—неизвѣстно: отказался-ли онъ добровольно или вслѣдствіе полученнаго внушенія отъ офиціальнаго значенія, это составляетъ тайну между нимъ и императоромъ Николаемъ и могло быть извѣстнымъ лишь весьма немногимъ; но достовѣрно одно, что онъ прямо отправился въ Грузино, что ему оставлено все его содержаніе и домъ въ Петербургѣ и, согласно его желанію, предоставлено въ его распоряженіе нѣсколько чиновниковъ. Здѣсь могъ-бы онъ, при наступившей старости, благополучно и въ почетѣ довершить свое земное существованіе, пользуясь тѣми отличіями, которыя и теперь еще часто оказывались ему отъ царскихъ щедротъ и при такихъ доходахъ, которые несравненно превышали всѣ его потребности; но честолюбіе—такой червь, который никогда не умираетъ въ отчужденномъ отъ Бога смертномъ, и къ этому еще присоединилось болѣзненное опасеніе, при всемъ своемъ избыткѣ, умереть съ голоду. Словомъ, онъ влачилъ жалкое существованіе и умеръ непримиренный съ собою, безъ утѣшенія и отрады; ни единая слеза сострананія не омочила его смертнаго одра. Такъ какъ, въ силу со-

хранившагося по повелѣнію императора Александра въ Сенатѣ духовнаго завѣщанія его, титулъ графа Аракчеева долженъ былъ перейти къ его наслѣднику, а между тѣмъ этотъ наслѣдникъ имъ указанъ не былъ, и по смыслу самаго завѣщанія назначеніе наслѣдника предоставлялось въ подобномъ случаѣ на усмотрѣніе Государя, то императоръ Николай, по вскрытіи духовнаго завѣщанія, предоставилъ его наслѣдство Новгородскому кадетскому корпусу, который и понынѣ носитъ названіе „Новгородскаго графа Аракчеева кадетскаго корпуса“ и пользуется всѣми доходами съ его весьма значительнаго имущества.

Коснувшись такимъ образомъ внѣшней стороны дѣятельности графа, насколько я самъ былъ тому свидѣтелемъ и затѣмъ вкратцѣ и послѣдующаго ея развитія, я полагаю, что я обязанъ упомянуть и о внутренней жизни этого безспорно-замѣчательнаго человѣка, чтобы выяснить причину его необычайнаго государственнаго положенія.

Что Аракчеевъ былъ человѣкъ необыкновенныхъ природныхъ способностей и дарованій, едва-ли можетъ быть подвержено сомнѣнію со стороны тѣхъ лицъ, кто его хоть нѣсколько зналъ и кто не увлекался безусловно своими предубѣжденіями. Быстро охватывая предметъ, онъ въ тоже время не лишенъ былъ глубины мышленія, когда самъ того желалъ и когда она не вовлекала его въ противорѣчія съ предвзятыми его намѣреніями. Его образованіе ограничивалось математикою и военными науками, въ которыхъ онъ обладалъ обширными познаніями; исторія и литература промелькнули мимо него, оставивъ впрочемъ за собою нѣкоторый слѣдъ; но исторія, какъ основаніе государственнаго развитія и вообще государственное право, были ему вполнѣ неизвѣстны, и онъ даже почиталъ всѣ возникшія на этой почвѣ понятія и теоріи совершенною безсмыслицею и весьма искусно умѣлъ осаживать и осмѣивать людей, которые толковали объ этомъ заученными и отрывочными фразами. Его религіозныя понятія были, такъ сказать, церковныя, и онъ строго придерживался предписанныхъ въ этомъ отношеніи правилъ; но во внутреннюю его жизнь перешло изъ нихъ весьма немногое: недоставало смиренія, и при полнѣйшемъ отсутствіи самосознанія, религія любви не могла утвердиться въ его сердцѣ и затѣмъ отразиться въ его внѣшней жизни. Ему казалось, что онъ стоялъ одинокимъ, что его высота была умственно-недосягаема, и съ этого воображаемаго величія взиралъ онъ на бѣдное человѣчество и пользовался его слабостями и страстями, для достиженія своей цѣли и для усиленія своего безгранично-возраставшаго самолюбія. Поистиннѣ, рѣдкая и строго-направляемая дѣятельность, необыкновенная правильность въ распредѣленіи времени и воздержаніе отъ безмѣрнаго пользованія плотскими наслажденіями давали ему очевидную возможность совершать болѣе того, что̀ могло быть сдѣлано обыкновеннымъ путемъ и служили въ его беззастѣнчивой рукѣ бичемъ для всѣхъ его подчиненныхъ. Но его нравственныя правила были нетверды; у него почти постоянно были незаконныя связи, и при этомъ онъ часто хвалился своимъ воздержані-

емъ. Жена его лишь нѣсколько дней могла вынести сожительство съ нимъ, потому что онъ желалъ въ тоже время удержать при себѣ свою любовницу; они разстались и съ тѣхъ поръ не хотѣли уже знать другъ друга *).

Его отношенія къ Императору Александру отличались ловкостью и тонкимъ расчетомъ, но ихъ нельзя было назвать честными. Подъ личиною строгой любви къ правдѣ и попеченія о государственномъ благосостояніи онъ часто весьма грубо и непочтительно возражалъ ему; но какъ только онъ замѣчалъ, что Государь не желаетъ отступаться отъ задуманнаго имъ намѣренія, то онъ тотчасъ убѣждался его доводами и покорялся его верховнымъ соображеніямъ. При этомъ, поддѣлываясь подъ чувствительное настроеніе Монарха, онъ часто предавался нѣжностямъ и выказывалъ, подчасъ какъ-бы невольно, сентиментальную преданность къ Государю, въ видѣ неудержимаго порыва, чѣмъ успѣвалъ дѣйствительно внушить довѣрчивому Монарху дружеское къ себѣ расположеніе, которое иначе могло-бы казаться непонятнымъ. За рѣшительнымъ отклоненіемъ всякой награды и всякаго оффиціальнаго повышенія скрывалось, подъ видомъ смиренія, неограниченное высокомѣріе человѣка, который и безъ того почитался безспорно первымъ лицомъ въ государствѣ послѣ Его Императорскаго Величества.

Его обращеніе съ товарищами по службѣ было повелительное и весьма часто безсовѣстное и грубое. Обнаруживалось иногда и милостивое снисхожденіе; но я думаю, что едва-ли кого либо считалъ онъ своимъ сотоварищемъ. По общей служебной іерархіи, онъ, какъ генералъ отъ артиллеріи и членъ Государственнаго Совѣта, не составлялъ еще особенно-выдающейся личности; но его неоффиціальное положеніе возвышало его надъ всѣми и придавало ему совершенно-исключительное значеніе. Вслѣдствіе этаго предсѣдатель Государственнаго Совѣта князь Лопухинъ (собственно говоря, непосредственный его начальникъ) и дѣйств. тайный совѣтникъ Куракинъ, предсѣдательствовавшій часто во многихъ комитетахъ, гдѣ графъ состоялъ простымъ членомъ, относились къ нему какъ покорнѣйшіе его слуги, принимали съ глубочайшимъ уваженіемъ всѣ его приказанія, подчинялись всякимъ съ его стороны дерзостямъ, ухаживали за его любовницею и съ величайшею поспѣшностью кидались къ графу, когда ему недоставало партнера за карточнымъ столомъ. Чего домогались эти двѣ личности, которыя принадлежали къ знатнѣйшимъ фамиліямъ, обладали большимъ состояніемъ и уже пользовались всѣми возможными государственными отличіями, довольно трудно понять. Это можетъ объясниться лишь безгранично и безцѣльно-возбужденнымъ честолюбіемъ. Весьма немногіе не слѣдовали этому примѣру или сохраняли покрайней мѣрѣ нѣкоторое собственное достоинство, но большинство высшихъ сановниковъ въ столицѣ поклонялись той высокой власти, которую онъ держалъ въ своихъ рукахъ. При этомъ онъ умѣлъ быть весьма любезнымъ

*) Другіе разсказываютъ, что причиною разъѣзда была замѣченная Аракчеевымъ въ супругѣ своей наклонность къ взяткамъ. (См. Жизнь графа Муравьева, соч. Кропотова). *П. Б.*

въ своемъ снисхожденіи, въ особенности въ Грузинѣ, гдѣ онъ желалъ разыгрывать роль простаго дворянина, хотя и тутъ весьма часто проявлялись его тигровыя когти. На станціи Чудовѣ, верстахъ въ 20-ти отъ Грузина, былъ выставленъ флагъ, который, подымаясь или опускаясь, возвѣщалъ, принимаетъ-ли графъ въ своемъ Грузинѣ, такъ что высшіе сановники не рѣдко вынуждены были изъ Чудова возвращаться въ Петербургъ, не достигнувъ своей цѣли. Его требованія по отношенію къ подчиненнымъ были неограниченны и безмѣрны: всѣ семейныя связи слѣдовало приносить въ жертву службѣ, т. е. ему. Здоровье оставлялось безъ вниманія до самаго крайняго изнуренія. Смертельная болѣзнь жены или ребенка не могла прервать служебныхъ обязанностей ни на минуту; однажды онъ спросилъ одного штабъ-офицера, который со слезами на глазахъ объяснялъ незначительное промедленіе по службѣ смертью своей жены: „А что̀ мнѣ за дѣло до смерти твоей жены?“ Другой, по причинѣ страданія въ легкихъ и совершеннаго физическаго разслабленія, не могъ подняться на лѣстницу къ мѣсту своего служенія; онъ велѣлъ ему сказать, что если онъ тотчасъ не явится, то онъ заключитъ его въ казематъ, и тотъ разумѣется немедленно взобрался на верхъ и, на сдѣланный ему мною упрекъ, возразилъ, что его здоровье въ сущности еще болѣе могло-бы пострадать въ казематѣ. Послѣ четырехмѣсячной нервной горячки, отъ коей я былъ спасенъ однимъ лишь божественнымъ чудомъ, графъ навѣстилъ меня въ то время, когда два рослыхъ солдата водили меня по комнатѣ, и я собственно не могъ еще вполнѣ владѣть ногами. Онъ сказалъ, что „я скучаю“ и, прислалъ мнѣ на другой день работу, которою и за тѣмъ продолжалъ постоянно снабжать меня, такъ что я впослѣдствіи поплатился за это въ теченіи многихъ лѣтъ сильнѣйшими нервными страданіями. Съ этою неумолимою безчувственностью ко благу и вреду своихъ подчиненныхъ соединялъ онъ въ себѣ самое низкое лукавство. Такъ напримѣръ, держался онъ того правила, что слѣдуетъ каждому обѣщать на столько, чтобы побудить его къ самой сильной дѣятельности; но не слѣдуетъ спѣшить выполненіемъ этого обѣщанія, чтобы рвеніе не охладилось, и привлекательная цѣль всегда оставалась-бы передъ глазами.

И однако этотъ человѣкъ, для котораго чувство не имѣло никакой цѣны, предался самымъ дикимъ выходкамъ, когда умертвили женщину, которая нѣкогда была его любовницею и за тѣмъ не переставала удерживать за собою его привязанность. Онъ вполнѣ отказался отъ служебныхъ обязанностей, удалился въ Грузино, отпустилъ себѣ бороду, носилъ на шеѣ платокъ, омоченный ея кровью, сталъ дикъ и злобенъ и подвергалъ ужаснѣйшимъ истязаніямъ множество людей, которые на дѣлѣ или только помыслами участвовали въ убійствѣ или могли, хотя косвенно, знать о томъ. Но и его постигли кары небесныя еще при жизни. Кромѣ того, что въ самомъ непомѣрномъ его самодовольствѣ уже заключался зародышъ того червя, который видимо подтачивалъ его сердце и еще усиливалъ муки уязвленнаго честолюбія, по волѣ Всевышняго еще былъ у него живой бичъ, причинившій ему немало раздраженія, въ особенности

во время его заграничнаго путешествія. Онъ считалъ себя отцемъ одного незаконнорожденнаго сына, котораго воспиталъ въ Пажескомъ корпусѣ и затѣмъ возвелъ въ гвардейскіе офицеры и флигель-адъютанты императора Александра [1]); этотъ молодой человѣкъ былъ одаренъ (на сколько я его знавалъ) отличными способностями, привлекательною наружностью и большимъ природнымъ добродушіемъ. Хотя, говорятъ, впослѣдствіи обнаружилось, что онъ не былъ сынъ Аракчеева, но графъ все-же сохранилъ къ нему свою прежнюю привязанность. Этотъ юноша съ раннихъ лѣтъ предавался разнымъ увлеченіямъ, въ особенности пьянству; бывали минуты отрезвленія, но продолжались недолго. Во время несчастной катастрофы убійства графской любовницы и слѣдовавшихъ затѣмъ жестокостей, которыя его сильно возмутили, онъ обратился къ графу съ настоятельными увѣщаніями въ пользу обреченныхъ жертвъ и, не достигнувъ своей цѣли, предался безусловно пьянству и довелъ эту страсть до крайнихъ предѣловъ къ тому времени, когда ему пришлось сопровождать графа въ его путешествіи по Германіи и Франціи.

Въ припадкахъ опьяненія, когда графъ пытался удержать его отъ дальнѣйшихъ кутежей, онъ, говорятъ, съ поразительною наглядностью выставлялъ ему зеркало его собственной жизни, и съ такимъ жаромъ, что передававшій мнѣ о томъ мой сослуживецъ докторъ Миллеръ, который бывалъ иногда третьимъ лицомъ при этихъ часто повторявшихся сценахъ, приходилъ отъ нихъ въ трепетъ. Въ теченіи многихъ мѣсяцевъ графъ выносилъ эти тяжелыя минуты, но потомъ пробужденная совѣсть вѣроятно слишкомъ сильно заговорила, и онъ разстался навсегда съ своимъ обличителемъ. Шумскій (такъ звали молодаго человѣка) прошелъ всѣ ступени погибели, погрязъ впослѣдствіи въ самой темной средѣ и умеръ преждевременно отъ послѣдствій своего разврата. Тотъ-же Миллеръ, мой почтенный другъ, пользовавшій графа въ продолженіи десятковъ лѣтъ, находился также при его смерти, когда онъ, цѣпляясь за жизнь съ безграничною тоскою, не хотѣлъ думать о послѣднемъ часѣ и отталкивалъ отъ себя всякое о немъ напоминаніе; а равно и не рѣшался, подъ вліяніемъ овладѣвшаго имъ ужаса, дополнить свое завѣщаніе, хотя и намѣревался это сдѣлать въ здоровомъ состояніи [2]).

Если я нѣсколько подробно изложилъ этотъ характеристическій очеркъ, то поводомъ къ тому послужило мнѣ убѣжденіе, что я изучилъ характеръ этого человѣка, игравшаго столь значительную роль

---

[1]) Аракчеевъ очевидно готовилъ своему Шумскому блестящую будущность. Басаргинъ передаетъ, что въ 1823 году, во время Тульчинскаго смотра, дошло уже до того, что Шумскій читалъ Государю доклады по дѣламъ (см. Девятнадцатый Вѣкъ, кн. 1-я, стр. 85). *П. Б.*

[2]) Государь прислалъ въ Грузино лейбъ-медика Вилліе, чтобы оказать медицинское пособіе Аракчееву. Вилліе предписалъ ему, кромѣ лекарствъ, полное спокойствіе, но однажды утромъ засталъ своего паціента съ желѣзнымъ аршиномъ въ рукѣ; въ комнатѣ находился мальчикъ-садовникъ, съ окровавленнымъ носомъ. Оказалось, что умиравшій Аракчеевъ наказывалъ провинившагося мальчика, производя ему равномѣрные удары аршиномъ по носу. (Слышано отъ В. А. Кокорева, а имъ отъ самаго бывшаго садовника). *П. Б.*

въ исторіи Россіи, несравненно ближе и имѣлъ гораздо болѣе къ тому случаевъ, чѣмъ большинство его окружавшихъ, и что другимъ могло недоставать безпристрастія, которому я, по крайней мѣрѣ сознательно, никогда не измѣнялъ; при чемъ я не могу сообщать никакихъ анекдотовъ изъ „chronique scandaleuse" графа и не хочу передавать того, что̀ не могло бы служить къ разъясненію его характера. Остается сказать еще нѣсколько словъ о его политическомъ и церковномъ положеніи. Въ политикѣ, во времена конституціонныхъ тенденцій императора Александра, онъ держался совершенно противоположныхъ воззрѣній и высказывалъ ихъ вполнѣ откровенно; однажды онъ сказалъ нѣкоторымъ изъ насъ: „вы всѣ карбонаріи!" Въ церковномъ отношеніи онъ стоялъ на почвѣ неподвижнаго православія; дѣятельность библейскаго общества, вызовъ духовенства другихъ исповѣданій, вліяніе г-жи Крюднеръ и другихъ мистиковъ внушали ему отвращеніе, такъ что онъ прервалъ всякія сношенія съ княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ и другими его единомышленниками. Онъ былъ руководителемъ той оппозиціи, къ которой принадлежалъ знаменитый архимандритъ Фотій, графиня Орлова и многіе знатнѣйшіе сановники Имперіи. Въ обоихъ этихъ направленіяхъ онъ возымѣлъ перевѣсъ: Государь возложилъ на него, какъ на представителя самодержавнаго начала, бразды внутренняго управленія; а въ церковномъ вопросѣ князь Голицынъ былъ вынужденъ оставить министерство духовныхъ дѣлъ, передавъ его адмиралу Шишкову. Русское библейское общество было закрыто, и правовѣріе превозмогло, хотя, по милости Божіей, библейское настроеніе не вполнѣ погибло.

Если теперь спросить: были ли военныя поселенія плодомъ мудрости и человѣколюбія, сдѣлали они солдата счастливѣе и его семейныя отношенія разумнѣе, доставили они государству опору, ратующую за свой очагъ силу и сократили-ли они огромныя затраты на содержаніе дѣйствующихъ армій;—то на всѣ эти вопросы приходится отвѣчать рѣшительнымъ „нѣтъ", въ особенности по отношенію къ сѣвернымъ поселеніямъ пѣхоты, состоявшимъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ графа. Уже самый выборъ мѣстности можетъ почитаться роковымъ. Въ Новгородской губерніи, въ округѣ 1-й гренадерской дивизіи,—почти сплошной лѣсъ и при томъ уже устарѣвшій, попорченный, съ обширными и глубокими болотами, весьма затруднительными для обработки; населеніе,—большею частью весьма мало занимавшееся земледѣліемъ, благодаря близости столицы и большой судоходной рѣкѣ Волхову; грунтъ—глина съ глинистою-же подпочвою, при сыромъ и холодномъ климатѣ, требующемъ громадныхъ усилій при обработкѣ. Въ Могилевской губерніи была избрана обширная волость, и ея населеніе въ нѣсколько тысячъ человѣкъ было переселено въ Херсонскую губернію, но изъ нихъ лишь весьма немногіе достигли мѣста своего назначенія; остальные погибли съ отчаянія, съ тоски по родному жилью, отъ пьянства, отъ голода по собственной винѣ причиненнаго, и отъ полнѣйшаго унынія, и сошли въ безвременную могилу во время самаго переселенія. Я забылъ настоящую цифру погибшихъ, но она была ужас-

на; говорятъ, что это извѣстіе повергло императора Александра въ величайшее горе. На ихъ мѣсто поступилъ баталіонъ солдатъ, отвыкшихъ отъ земледѣлія, вполнѣ незнакомыхъ съ мѣстностью, недовольныхъ своимъ новымъ назначеніемъ, лишенныхъ опытныхъ руководителей; и потому они страшно бѣдствовали и долго не могли обезпечить себѣ даже самое жалкое существованіе. Всѣ эти поселенцы, впредь до ожидавшихся распоряженій, получали съ женами и дѣтьми опредѣленное для солдата количество хлѣба, и такимъ образомъ нельзя было въ скоромъ времени ожидать какого либо сбереженія, а расходы еще увеличивались содержаніемъ солдатскихъ семействъ. Сооруженіе великолѣпныхъ зданій для полковыхъ штабовъ, для помѣщенія поселенныхъ солдатъ, и устройство шоссе обошлись въ каждомъ полковомъ округѣ слишкомъ въ три милліона ассигнаціями; подготовка пашни, заготовленіе земледѣльческихъ орудій, скота, запасовъ сѣмянъ и другихъ необходимыхъ потребностей стоили около милліона, такъ что на каждый полкъ была сдѣлана затрата въ четыре милліона, съ которыхъ приходилось выручать проценты. Въ самой основѣ учрежденія не заключалось залоговъ успѣха. Деревни состояли каждая изъ одной роты, т. е. 228 человѣкъ, а въ Могилевской губерніи изъ 57 домохозяевъ, представлявшихъ собою отдѣльное капральство, что на Сѣверѣ, гдѣ безъ удобренія ничего не произрастаетъ, составляло громадной трудъ при одномъ лишь удабриваніи полей, такъ какъ луга и пастьбы находились за полями, и скотъ приходилъ на пастьбу совершенно изнуреннымъ. Накупили дорогаго, заграничнаго скота, а луга еще не были подготовлены, и скотина падала отъ голода и отъ злокачественности болотныхъ травъ. Внѣшній порядокъ былъ тягостенъ, такъ что соблюденіе его отвлекало поселянъ и ихъ женъ отъ работы. Все это и еще множество другихъ затрудненій, проистекавшихъ отъ неумѣнія и деспотическаго произвола, при полнѣйшемъ невѣжествѣ, возбудило среди солдатъ неудовольствіе и отчаяніе, еще усугубленныя безцѣльною жестокостью обращенія, такъ что это учрежденіе въ общей его сложности представляло по своему внѣшнему, поверхностному виду нѣчто весьма блестящее, но внутри его преобладали уныніе и бѣдствіе. Когда императоръ Николай отправлялся на коронованіе въ Москву и пожелалъ посѣтить поселенія 1-й гренадерской дивизіи, то всѣ эти обстоятельства впервыя подверглись открытому обсужденію. Графъ былъ въ то время за границею, а Клейнмихель не находилъ нужнымъ что либо скрывать. Размѣры зла слишкомъ ярко кидались въ глаза, чтобы не замѣтить ихъ, если только желали. Но какъ горю пособить? Трудно отмѣнить предпріятіе, совершенное въ такихъ громадныхъ размѣрахъ и съ такими страшными затратами, въ особенности когда къ нему причастна такая масса людей; кромѣ того Клейнмихель не былъ въ состояніи изобразить Государю истинное положеніе вещей, ему самому лишь поверхностно извѣстное. Было предложено множество преобразованій, и стоило многаго труда и времени, чтобы доказать, что они не цѣлеобразны; наконецъ, уже гораздо позднѣе, прекрасныя новыя зданія гвардейской кавалеріи были обращены въ казар-

мы, для которыхъ онѣ оказались весьма пригодными, а колонисты вернулись къ хлѣбопашеству по деревнямъ, особо съ этою цѣлью устроеннымъ, и говорятъ, что они теперь вполнѣ довольны своимъ положеніемъ. О поселеніяхъ близь Старой-Русы я не говорю, хотя я также принималъ въ нихъ весьма дѣятельное участіе; но они въ государственномъ отношеніи не представляютъ ничего новаго. Вамъ достаточно будетъ и общей картины, мною изображенной, такъ какъ я не желаю вдаваться въ частности, въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ не имѣли вліянія на общій ходъ дѣла. О южныхъ поселеніяхъ я буду говорить впослѣдствіи.

Но вы вправѣ, дѣти мои, спросить меня, почему ты не выставлялъ Аракчееву на видъ вредной стороны военныхъ поселеній, коль скоро она тебѣ была такъ знакома? На это я дамъ вамъ откровенный и добросовѣстный отвѣтъ. Во первыхъ, я не могъ обнять въ то время этотъ предметъ въ общемъ его видѣ такъ, какъ въ настоящую минуту, и былъ такъ поглощенъ возложенными на меня частностями, что не имѣлъ досуга предаваться соображеніямъ, не относившимся прямо къ моимъ обязанностямъ. Кромѣ того, мнѣ шелъ всего 21-й годъ, и мой взглядъ еще недостаточно созрѣлъ; а за тѣмъ образовалась привычка, всегда замѣняющая ясность нашихъ сужденій. Во вторыхъ, графъ очень хорошо сознавалъ истинное положеніе вещей, но не желалъ его видѣть; то была игрушка, подносимая имъ Государю въ видѣ важнаго дѣла, и при этомъ не приходилось останавливаться на томъ, что она стоила милліоны и дѣлала многія тысячи человѣкъ несчастными; и наконецъ, въ третьихъ, я положительно и весьма часто говорилъ графу правду, навлекая на себя нерѣдко его неудовольствіе, и мои такъ называемыя романическія мечтанія были имъ постоянно отклоняемы. Неоднократно представляемыя просьбы мои объ увольненіи были просто помѣчаемы „къ дѣлу“, а въ тѣхъ порученіяхъ, которыя лично на меня возлагались, не заключалось ничего такого, отъ чего-бы я по совѣсти былъ вправѣ отказаться.

Послѣ удаленія графа, на Клейнмихеля было возложено управленіе военными поселеніями по всей Имперіи; къ тому времени я достигъ чина подполковника и оставался въ прежнемъ званіи исправляющаго должность оберъ-квартирмейстера военныхъ поселеній. Занятія шли своимъ чередомъ: много шуму, много мученій, много бѣготни и суеты, а дѣйствительной пользы — никакой. Такъ какъ мое здоровье совершенно разстроилось, то я получилъ наконецъ, послѣ долгихъ отказовъ, отпускъ на о. Эзель, и когда я вернулся оттуда съ укрѣпившимися силами, то узналъ по газетамъ о моемъ назначеніи оберъ-квартирмейстеромъ 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса въ Елисаветградѣ.

(*Продолженіе будетъ*)

ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, НАЧАТОЙ ВЪ 1813 ГОДУ *).

Шведскій наслѣдственный принцъ Оскаръ (въ послѣдствіи король), во время пребыванія своего въ Петербургѣ, сказалъ Жуковскому, какъ жалѣетъ онъ, что обстоятельствами и требованіями званія своего былъ онъ брошенъ на сцену свѣта и въ дѣятельность, прежде нежели успѣлъ порядочно довершить образованіе свое и научиться всему что̀ необходимо знать. Офиціальное лицо, назначенное у насъ находиться при особѣ принца, вмѣшалось въ разговоръ и сказало: Monseigneur, vous m'encouragez; maintenant, je n'aurai plus honte d'être un ignorant, en apprenant que vous l'étes aussi (Ваше высочество, вы придаете мнѣ смѣлости; теперь не буду стыдиться невѣжества своего, зная, что и вы невѣжда). Скромно и чистосердечно высказано, но не совсѣмъ ловко.

Принцъ имѣлъ много успѣха въ Петербургѣ, и фрейлины Двора находили его очень любезнымъ. Многіе говорили, что въ немъ есть нѣкоторое сходство съ знаменитымъ княземъ Багратіономъ.

Графъ Фикельмонтъ разсказывалъ мнѣ странное и повидимому мелкое обстоятельство, которое возвело Французскаго маршала Бернадота на Шведскій престолъ. Графъ Фикельмонтъ былъ нѣкогда Австрійскимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ и слышалъ эти подробности отъ многихъ достовѣрныхъ и государственныхъ людей. Во время Наполеоновскихъ нашествій на Европу, въ числѣ разнородныхъ плѣнниковъ былъ и Шведскій офицеръ. Бернадотъ всегда обращался съ плѣнными внимательно и кротко. Онъ отличался отъ своихъ сослуживцевъ, Французскихъ военачальниковъ, уваженіемъ къ личному достоинству человѣка, безкорыстіемъ и по возможности облегченіемъ повинностей и пожертвованій, возлагаемыхъ на жителей тѣхъ мѣстъ, которыя подвергались военному постою. Когда, вслѣдствіе разныхъ событій и переворотовъ, Шведскій сеймъ разсуждалъ о избраніи наслѣдника престола и колебался между разными именами, помянутый Шведскій офицеръ вспомнилъ о Бернадотѣ и сообщилъ мысль свою одному пастору. Онъ говорилъ: „Швеціи не знать спокойствія и не оградить себя отъ Русскаго вліянія, если не прибѣгнетъ она ко Французскому покровительству и не приметъ изъ рукъ Франціи наслѣдника престола. Сей наслѣдникъ на лицо, и неминуемо быть долженъ Бернадотъ“. Пасторъ подался на это мнѣніе. Оно разошлось по городамъ и селамъ. Сказано и сдѣлано. Молодой офицеръ скачетъ въ Парижъ и является къ Бернадоту, удостовѣряя, что Швеція желаетъ имѣть его будущимъ вла-

*) См. Девятнадцатый Вѣкъ, книгу 2-ю и Р. Архивъ 1872—1874 годовъ. Можемъ порадовать читателей извѣщеніемъ, что въ нынѣшнемъ году они прочтутъ многія выдержки изъ этой записной книжки. *П. Б.*

стителемъ своимъ. Маршалъ отвѣчаетъ, что дѣлаемое ему предложеніе очень лестно для него, но что онъ желалъ бы видѣть свидѣтельство уполномочія, даннаго ему его согражданами на подобное предложеніе. Офицеръ, убѣдившись въ согласіи Бернадота, обращается къ Шведамъ изъ знатнѣйшихъ фамилій и сообщаетъ имъ дѣло, которое онъ затѣялъ. Большинство одобряетъ это предположеніе. Наконецъ Шведская депутація отправляется къ Бернадоту и приглашаетъ его принять титулъ наслѣдника Шведскаго престола. Отселѣ начинаются офиціальные и дипломатическіе переговоры, и вотъ Французъ, сынъ адвоката, является впослѣдствіи Карломъ XIV-мъ (не далеко по счету отъ Карла XII), основателемъ новой династіи,—единственный уцѣлѣвшій обломокъ отъ огромнаго революціоннаго корабля, который былъ послѣ окрещенъ именемъ Наполеона. Онъ пережилъ и событія, въ которыхъ участвовалъ, и порядокъ, который они устроили. Послѣ онъ самъ содѣйствовалъ сокрушенію этого порядка. Впрочемъ, онъ никогда вполнѣ не ладилъ ни въ началѣ съ Бонапартомъ, ни позднѣе съ императоромъ Наполеономъ. Оба они другъ друга опасались.

Приписка, сдѣланная въ 1850-хъ годахъ.

Послѣ того всплылъ обломокъ изъ того же корабля и подъ тѣмъ же роковымъ именемъ. Впрочемъ, однимъ Французамъ могла присниться мысль возстановить этотъ забытый остатокъ забытой династіи. Можно заботиться о возстановленіи принципа; реставрація имени, нѣкогда славнаго, но окончательно погубившаго славу свою и къ тому же реставрація личности, не имѣющей сама по себѣ никакого нравственнаго и политическаго значенія, есть одно политическое ребячество. Французская исторія, съ послѣдняго десятилѣтія минувшаго вѣка до нашихъ дней, есть ничто иное какъ фантасмагорія, то кровавая и звѣрская, то жалкая и смѣшная, въ которой, по какому-то сумасбродному треволненію, лихорадочно передвигаются и перебѣгаютъ неожиданныя событія и лица.

*

Нѣсколько разъ говорили мы о кн. Бѣлосельскомъ, принадлежавшемъ вѣку Екатерины и царствованію Александра I-го. Онъ столько же былъ извѣстенъ устною любезностью, сколько эксцентричностью пера своего. Вотъ примѣръ изъ многихъ, а именно надпись его къ портрету кн. Багратіона:

Si Souvoroff, si grand, si fortuné,
Est le père de la victoire,
Bagration en est le fils aîné:
Il joue avec la mort et couche avec la gloire.

(Если Суворовъ, столь великій, столь одаренный счастіемъ, есть отецъ побѣды, то Багратіонъ—старшій сынъ ея. Онъ играетъ со смертію и ночуетъ со славою).

Впрочемъ, иногда вырывались у него и дѣльные стихи. Говоря объ одномъ историческомъ лицѣ, сказалъ онъ:

D'autres ont fait le mal: il a mal fait le bien.
(Другіе дѣлали худое, а онъ худо дѣлалъ хорошее).

В. Л. Пушкинъ разсказывалъ, что князь Бѣлосельскій читалъ ему однажды стихи, написанные имъ на смерть камердинера своего:

Подъ камнемъ симъ лежитъ признательный Василій:
Миръ и покой ему отъ всѣхъ земныхъ насилій...
И чтó есть человѣкъ?—Горсть пыли и водицы.

J'aime cette водица, прерывая чтеніе, сказалъ съ умиленіемъ князь Бѣлосельскій. Не правда ли, такъ кажется, и видишь, какъ протекаютъ ваши дни?

*

В. Л. Пушкинъ любилъ добродушно оказывать вниманіе и поощреніе молодымъ новичкамъ на поприщѣ литтературномъ. Онъ по вечерамъ угощалъ ихъ чаемъ, а нерѣдко приглашалъ ихъ къ себѣ и обѣдать. Одинъ изъ такихъ новобранцевъ былъ въ Москвѣ частымъ посѣтителемъ его. „А къ какому роду поэзіи чувствуете вы въ себѣ болѣе склонности?“ вопросилъ его однажды Пушкинъ съ участіемъ и нѣкоторою классическою важностью. „Признаюсь“, отвѣчалъ тотъ смиренно, „любилъ бы я писать сатирическіе стихи, да родственники отсовѣтовали, говоря, что такими стихами могу нажить враговъ себѣ и повредить карьерѣ своей по службѣ“.—„А скажите мнѣ что нибудь изъ вашихъ сатирическихъ стиховъ“.— „Вотъ, напримѣръ, эпитафія:

Подъ камнемъ симъ лежатъ два друга:
Колбасникъ и его супруга».

*

Въ пріятельскомъ кружкѣ говорили о многихъ благихъ мѣрахъ, предпринимаемыхъ правительствомъ, которыя, по обстоятельствамъ и по силѣ вещей (какъ говорятъ Французы), по внутреннимъ причинамъ, по личнымъ особенностямъ, не достигаютъ указанной и желаемой цѣли. На это Жуковскій сказалъ: „Нашъ фарватеръ годенъ только пока для мелкихъ судовъ, а не для большихъ кораблей. Мы часто жалуемся, что корабль, пущенный на воду, не подвигается, не замѣчая, что онъ попалъ на мель.“ Вотъ Крылову прекрасная канва для басни.

*

Въ хорошемъ и дѣльномъ журналѣ Revue Britannique 1825 г. есть статья о Русской литтературѣ. Встрѣчаются обыкновенные и неизбѣжные промахи, но вообще статья порядочная. Въ ней между прочимъ сказано: „Сибирскій бардъ, слѣпой Эросъ, бросилъ въ публику томъ игривыхъ и веселыхъ стихотвореній.“ Отгадайте, кто этотъ бардъ и чтó это за бардъ! А я отгадалъ. Рѣчь идетъ о маленькой поэмѣ: Эросъ, лишенный зрѣнія, которую написалъ сосланный въ Сибирь несчастный Панкратій Сумароковъ, издававшій между прочимъ журналъ подъ названіемъ Иртышъ превращающійся въ Ипокрену. Французскій критикъ окрестилъ поэта именемъ поэмы его. Вотъ вамъ и слѣпой Сибирскій бардъ, и вотъ какъ пишется исторія.

*

Въ минуты хандры своей N. N. говаривалъ въ Швейцаріи: „Ну что́ же есть такого особеннаго и плѣнительнаго въ Женевскомъ озерѣ? Огромнаго размѣра лахань воды, вотъ и только!“

*

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ разсказывалъ о двухъ дядяхъ своихъ, также Голицыныхъ. Послѣ многолѣтней разлуки условились они съѣхаться въ Петербургѣ, между прочимъ и для объясненій по важнымъ семейственнымъ и хозяйственнымъ дѣламъ. Съѣхавшись, рѣшились они отобѣдать вдвоемъ и тутъ приступить къ предстоящимъ переговорамъ. Когда сѣли они за столъ, и подали супъ, они отослали прислугу и велѣли ей явиться только по призыву ихъ: такъ заботливо хотѣли они оставаться одни, чтобы ничто не могло помѣшать ихъ откровенной бесѣдѣ. Сначала слышенъ былъ безпрерывный и оживленный разговоръ; мало по малу голоса начали утихать, вскорѣ совсѣмъ затихли. Молчаніе продолжалось съ часъ. Наконецъ дворецкій, удивленный и испуганный такимъ продолжительнымъ затишьемъ, рѣшился войти въ столовую: оба братья, съ повисшими на грудь головами, погружены были въ глубокій сонъ.

*

Тургеневъ, Александръ Ивановичъ, былъ тоже мастеръ по этой части. Однажды Карамзинъ читалъ молодымъ пріятелямъ своимъ нѣкоторыя главы изъ Исторіи Государства Россійскаго, тогда еще неизданной. Посреди чтенія и глубокаго вниманія слушателей вдругъ раздался трескучій храпъ Тургенева. Всѣ какъ будто съ испуга вздрогнули. Одинъ Карамзинъ спокойно и хладнокровно продолжалъ чтеніе. Онъ зналъ Тургенева: духъ бодръ, но плоть немощна. Впрочемъ, склонность его къ засыпанію, въ продолженіи дня, была естественна. Онъ вставалъ рано и ложился поздно. Цѣлый день былъ онъ въ безпрестанномъ движеніи, умственномъ и матеріальномъ. Утромъ занимался онъ служебными дѣлами по разнымъ отраслямъ и вѣдомствамъ офиціальныхъ обязанностей своихъ. Остатокъ дня рыскалъ онъ по всему городу, часто ходатаемъ за пріятелей и знакомыхъ своихъ, а иногда и за людей совершенно ему постороннихъ, но прибѣгавшихъ къ посредничеству его; рыскалъ часто и по собственному влеченію, потому что въ натурѣ его была потребность рыскать. Одинъ изъ пріятелей его говорилъ о немъ: il n'est pas le grand agitateur (извѣстный Ирландскій великій агитаторъ Оконель), mais le grand agité (не великій волнователь, но великій волнующійся). Дмитріевъ прозвалъ его маленькимъ Гриммомъ, а потомъ пилигримомъ, потому что онъ былъ дѣятельнымъ литературнымъ корреспондентомъ и разносителемъ въ обществѣ всѣхъ новыхъ произведеній Жуковскаго, Пушкина и другихъ. (Въ половинѣ минувшаго столѣтія, Нѣмецъ, баронъ Гриммъ поселился въ Парижѣ, сблизился и подружился со всѣми такъ называемыми философами и велъ обширную литтературную перепи-

ску со многими владѣтельными особами, Екатериною II, герцогомъ Саксъ-Гота и другими).

Александръ Тургеневъ былъ типичная, самородная личность, хотя и не было въ немъ цѣльности ни въ характерѣ, ни въ умѣ. Онъ былъ натуры эклектической, сборной или выборной. Въ немъ встрѣчались и Нѣмецкій педантизмъ, и Французское любезное легкомысліе: все это на чисто-Русскомъ грунтѣ, съ его блестящими свойствами и качествами и, можетъ быть, частью и недостатками его. Онъ былъ умственный космополитъ: ни въ какомъ участкѣ человѣческихъ познаній не былъ онъ, что́ называется, дома, но ни въ какомъ участкѣ не былъ онъ и совершенно лишнимъ. Въ немъ была и маленькая доля милаго шарлатанства, которое было какъ-то къ лицу ему. Упоминаемъ о томъ не въ укоръ любезной памяти его: онъ самъ первый смѣялся своимъ добродушнымъ и заливнымъ хохотомъ, когда другъ его Жуковскій, или другіе близкіе пріятели, ловили его на мѣстѣ преступленія и трунили надъ замашками и выходками его. Въ долгое пребываніе свое въ Парижѣ, сошелся онъ съ Шатобріаномъ по салону милой Рекамье (какъ назвалъ ее Дмитріевъ въ написанномъ имъ шуточномъ путешествіи Вас. Львов. Пушкина, и какъ съ легкой руки Дмитріева Тургеневъ постоянно называлъ ее въ письмахъ своихъ). Тургеневъ сообщилъ Шатобріану много Германскихъ свѣдѣній, нужныхъ ему для предпринятаго имъ сочиненія, и совершенно недоступныхъ и тарабарскихъ ему (какъ и подобаетъ истому Французу, будь онъ Шатобріанъ и геній семи пядей во лбу) Французскій писатель въ предисловіи своемъ изъявляетъ благодарность Тургеневу за просвѣщенныя указанія и содѣйствіе его въ трудѣ, который онъ совершилъ, и говоритъ между прочимъ: M-r le comte Tourgueneff, çi-devant ministre de l'instruction publique en Russie, homme de toutes sortes de savoiretc. (г. Тургеневъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія въ Россіи, человѣкъ всякаго рода познаній).

„Угораздился-же Шатобріанъ“, сказалъ Блудовъ, прочитавъ эти строки, „выразить въ нѣсколькихъ словахъ три неправды и три нелѣпости: Тургеневъ не графъ, не бывалъ никогда министромъ просвѣщенія и далеко не всевѣдущъ“. Отъ ранней молодости до 1826 года, Тургеневъ и Блудовъ были большими пріятелями, чуть не братьями; Жуковскій скрѣплялъ эту пріязнь дружбою своею къ тому и другому. Политическія событія навлекли тѣни на эту пріязнь, то есть пріязнь, связывавшую Тургенева и Блудова, и обратили ее въ непримиримый разрывъ. Жуковскій же оставался до конца другомъ того и другого, а въ отношеніи къ братьямъ Тургеневымъ былъ онъ нерѣдко горячимъ ходатаемъ ихъ предъ верховною властью. Не станемъ входить въ разборъ и оцѣнку самой сущности тяжбы, которая, разумѣется, негласнымъ и несудебнымъ порядкомъ, но не менѣе того прискорбно возникла между пріятелями, до того единовѣрцами и единомышленниками. Александръ Тургеневъ почиталъ себя въ правѣ быть недовольнымъ отзывомъ Блудова о братѣ его Николаѣ, въ докладѣ слѣдственной коммиссіи по дѣлу 14 Декабря и по дѣламъ къ нему прикосновеннымъ. Давно поли-

тическія вражды, которыя волновали Русское общество до воцаренія Екатерины II, не проявлялись у насъ. Могли быть политическія разногласія, соперничества, совмѣстничества, столкновенія; но язва нѣкоторыхъ западныхъ обществъ, политическая вражда въ слѣдствіе открытой борьбы мнѣній, паденія одного или торжества другого изъ нихъ, не раздирала общества нашего и не раздѣляла его на два непріятельскіе стана. Однимъ изъ прискорбныхъ явленій и послѣдствій злополучнаго 14 Декабря и событій ему соотвѣтственныхъ, должно, безъ сомнѣнія, признать и это насильственное раздвоеніе общества нашего, раздвоеніе, которое между прочимъ такъ сильно выразилось въ честныхъ, уваженія и сочувствія достойныхъ личностяхъ, каковы Тургеневъ и Блудовъ.

Тургеневъ имѣлъ прекрасныя, глубокія, внутреннія качества; но, какъ бываетъ вообще и съ другими, имѣлъ свои слабости (не скажемъ недостатки), которыя любилъ онъ выставлять на показъ, а иногда и на заказъ, не зная (какъ тоже бываетъ со многими) что̀ именно у него есть и чего нѣтъ, въ чемъ таится настоящая сила его и гдѣ слабыя и уязвимыя его стороны. Напримѣръ, онъ хотѣлъ выдавать себя и таковымъ себя ложно признавалъ, за человѣка способнаго сильно чувствовать и предаваться увлеченіямъ могучей страсти. Ничего этого не было. Онъ, напротивъ, былъ отъ природы человѣкъ мягкой, довольно легкомысленный и готовый уживаться съ людьми и обстоятельствами. Когда-же онъ, бывало, упрется на какое-нибудь мнѣніе, заупрямится, то, по Французскому выраженію—un poltron révolté—онъ выказывалъ въ себѣ взбунтовавшееся, озлобившееся добродушіе. Тутъ запылитъ онъ, закричитъ, выйдетъ изъ себя, и буквально выйдетъ: потому что у себя и въ себѣ вовсе не чувствовалъ онъ подобнаго пыла, и никакая гроза въ немъ не бушевала. Однажды, въ припадкѣ притязанія на таковую странность, бѣсновался онъ предъ Жуковскимъ. „Послушай, любезнѣйшій, сказалъ ему другъ его: ты напоминаешь мнѣ людей, которые разчесываютъ малѣйшій пупырышекъ вскочившій на ихъ лицѣ и растравляютъ его до настоящей болячки. Такъ и ты, работалъ, работалъ, ковырялъ въ сердцѣ своемъ, да и расковырялъ себѣ страсть“.

Во время другой сердечной разработки, когда онъ ухаживалъ за одною барышнею въ Москвѣ, въ знакъ страсти своей похитилъ онъ носовой платокъ ея. Чрезъ нѣсколько дней, опомнившись и опасаясь, что это изъявленіе можетъ показаться слишкомъ обязательнымъ, онъ возвратилъ платокъ, проговоря съ чувствомъ два стиха изъ Французскаго водевиля, который былъ тогда въ большомъ ходу въ Москвѣ:

Il troublerait ma vie entière,
Reprenez le, reprenez le.

Однажды долженъ онъ былъ жениться. Свадьба разстроилась и, кажется, по его почину. Невѣста, во всѣхъ отношеніяхъ и по высокому положенію въ обществѣ, отвѣчала условіямъ счастливаго и выгоднаго брака. Карамзинъ, питавшій къ Тургеневу чувства, такъ

сказать, отцовскія и братскія, былъ огорченъ этимъ разрывомъ и просилъ его объяснить ему причины того. Тургеневъ пустился въ длинныя и подробныя объясненія, путался, болѣе часа держалъ Карамзина въ ожиданіи окончательнаго объясненія и ничего не объяснилъ, такъ что Карамзинъ былъ самъ не радъ, что вызвалъ его на исповѣдь.

Въ пользу искренности его должно замѣтить, какъ указали мы выше, что хотя и любилъ онъ иногда позировать и рисоваться, но онъ самъ предъ друзьями не щадилъ себя и выдавалъ имъ себя живьемъ. Вотъ одно доказательство тому изъ многихъ. Въ Англіи познакомился онъ съ В. Скоттомъ, который пригласилъ его къ себѣ въ Абботсфордъ. Дорогою къ нему, говорилъ онъ, вспомнилъ я, что не читалъ ни одной строки В. Скотта. Въ слѣдующемъ городѣ купилъ онъ первый попавшійся ему на глаза романъ его. Поспѣшно и вскользь пробѣжалъ онъ его, чтобы имѣть возможность, продолжалъ онъ, при удобномъ случаѣ намекнуть хозяину о романѣ, или ввернуть въ разговорѣ какую нибудь цитату изъ него. Вообще онъ былъ мастеръ и удачливъ на цитаты. На ловца и звѣрь бѣжитъ! Мало знавшіе его могли предполагать, что онъ всю жизнь корпѣлъ надъ книгами и глубоко рылся въ нихъ. Напротивъ, онъ мало читалъ, да и некогда было читать ему. Но съ удивительно-острымъ умомъ, съ смѣтливостью и угадчивою проницательностью, онъ схватывалъ сливки съ книги: онъ пронюхивалъ ее, смыслъ ея, содержаніе и самъ, бывало, окурится и пропитается запахомъ и испареніями ея. Другой до поту лица и до головной боли займется книгою, а Тургеневъ однимъ чутьемъ опередитъ его. Будь онъ болѣе положителенъ, усидчивъ и въ занятіяхъ своихъ, и въ дѣйствіяхъ своихъ, онъ могъ-бы достигнуть до цѣлей немногимъ доступныхъ; могъ-бы онъ оставить по себѣ память и отличнаго дѣятеля на поприщѣ государственномъ и литтературномъ. Конечно такъ! Но за то лишились-бы мы того Тургенева, котораго мы знали и любили за добродѣтели его и за милыя ребячества. Въ средѣ публичной дѣятельности было-бы однимъ почетнымъ лицомъ болѣе; но въ средѣ пріятельской, но въ избранномъ кругу любезныхъ и увлекательныхъ праздношатающихся, которые усвоили себѣ девизомъ: „скользите смертные, не напирайте!“ было-бы мѣсто пустое и теперь незамѣстимое.

Будемъ довольствоваться и тѣмъ, что онъ былъ dilettante по службѣ, наукѣ и литературѣ. Подобныя личности худо оцѣниваются педантами и строгими нравоучителями, а между тѣмъ прелесть общества, прелесть общежительности и условій на нихъ основанныхъ держатся ими. Спеціальности, виртуозности, преподавательные и проповѣднические пріемы и обычаи хороши въ свое время и на своемъ мѣстѣ; постоянное-же ихъ присутствіе и деспотизмъ, съ которымъ хотятъ они насильственно и безпрекословно овладѣть общимъ вниманіемъ и покорствомъ, есть сущая язва въ обыденномъ потребленіи и во взаимныхъ отношеніяхъ людей, собравшихся вмѣстѣ въ силу аксіомы: „не добро быть человѣку едину“. Вотъ почему, мимоходомъ будь сказано, лице въ обществѣ, каковъ Чацкій на сце-

нѣ, былъ-бы со всѣмъ остроуміемъ и велерѣчіемъ своимъ, невыносимо тяжелъ и скученъ. Наши плечистые и коренастые критики тяжести этой не чувствуютъ и о ней не догадываются; скукою-же ихъ не удивишь и не испугаешь: эта прилипчивая оспа съ самаго рожденія ихъ была имъ привита.

Дилетантизмъ Тургенева проглядывалъ и въ политическихъ убѣжденіяхъ его. Когда обстоятельства, не столько его личныя, сколько братнины, произвели крутой переворотъ въ положеніи его и поставили преграды на служебномъ его поприщѣ, онъ, по счастью и къ чести его, очутился dilettante и въ рядахъ такъ называемой оппозиціи. Вся оппозиція его сосредоточивалась и волновалась въ страстной любви его къ двумъ братьямъ своимъ. Можетъ быть и тутъ расковыривалъ онъ, по выраженію Жуковскаго, болячку свою; но побужденіе, которымъ онъ увлекался, было по существу своему такъ чисто, такъ благородно, что и въ крайностяхъ своихъ оно внушаетъ сочувствіе и уваженіе. Можно сказать, что несчастію, которому подвергъ себя братъ его Николай, онъ принесъ въ жертву всѣ матеріальныя и общежительскія выгоды и преимущества. Онъ не поколебался ни на минуту разорвать дружескія связи свои съ людьми подобными Блудову и Дашкову, который впрочемъ былъ тутъ не при чемъ. Онъ покинулъ родной отечественный очагъ, съ которымъ онъ свыкся и который любилъ. Онъ предалъ себя жизни скитальческой, вопреки благоразумнымъ и теплымъ увѣщаніямъ друга своего Карамзина, такъ сказать, пастыря и патріарха избраннаго тѣснаго кружка, къ которому, еще по родительскимъ преданіямъ, принадлежалъ и Тургеневъ съ самыхъ отроческихъ лѣтъ. Все матеріальное и денежное благосостояніе свое перевелъ онъ за живо въ собственность брата своего Николая. Самъ онъ жилъ болѣе чѣмъ экономически, ограниченными средствами, которыя за собою оставилъ. Вотъ, повторяемъ, дѣятельный кругъ оппозиціи, въ которомъ онъ вращался. Для соблюденія историческаго безпристрастія внесемъ въ этотъ кругъ оппозиціи и нѣкоторые рѣзкіе отзывы о событіяхъ и людяхъ и устныя эпиграммы, которыя мимолетно срывались съ языка его и часто съ просонья. Въ немъ не было ни капли желчи, и если оказывалось что нибудь похожее на злопамятливость, то это была скорѣе дань приносимая имъ принципу: потому что и онъ, какъ многіе изъ людей характера болѣе уживчиваго, чѣмъ упорнаго, любилъ иногда облекать себя во всеоружіе неприступности и непреклонности. Многіе или, покрайней мѣрѣ, нѣкоторые видѣли въ немъ человѣка опаснаго для общественнаго спокойствія и гражданскаго благочинія; они приписывали ему тайные помыслы и виды. Близко знавшимъ его, эти опасенія были до крайности забавны и смѣшны. Не было человѣка болѣе безвреднаго и безобиднаго, какъ онъ. Карамзинъ говаривалъ о немъ, что доброта, благодушіе его испаряются изо всѣхъ его потовыхъ скважинъ (sortent par tous les pores). Можетъ быть, ему самому иногда нравилось казаться и слыть такимъ пугаломъ. Какъ-бы то ни было, вотъ забавный случай, породившійся отъ этихъ опасеній. Онъ пріѣхалъ въ Москву, помнится, 30 или 31 го-

да. Къ Московскому пріятелю его ходилъ въ то время несчастный мелкій чиновникъ, служившій въ такъ называемой тайной полиціи: онъ желалъ перемѣнить родъ службы и просилъ помянутаго пріятеля исходатайствовать ему другое мѣсто служенія. Однажды приходитъ онъ къ нему и говоритъ: „Вы всегда были такъ милостивы ко мнѣ, окажите и нынѣ особую и великую милость. Вы хорошо знакомы съ А. И. Тургеневымъ и въ обществѣ встрѣчаетесь съ нимъ не рѣдко. Мнѣ по начальству поручено надсматривать и слѣдить за нимъ и ежедневно доставлять репортичку о выѣздахъ и дѣйствіяхъ его. А какъ мнѣ услѣдить за нимъ? Онъ съ утра до поздней ночи колеситъ по всему городу изъ конца въ конецъ. Да такимъ образомъ въ три дня на однихъ извощиковъ растрачу все свое мѣсячное жалованье. Помогите мнѣ: дайте мнѣ матеріала для моихъ репортичекъ". Вотъ пріятель Тургенева и обратился въ шпіона и въ соглядатая его. Были продиктованы слѣдующія бюллетени: такого-то числа Тургеневъ два раза завтракалъ, разъ на Кузнецкомъ мосту, другой на Плющихѣ у того то и того-то, три раза былъ у С-ой, два раза отвозилъ письма свои въ почтамтъ почтдиректору А. Я. Булгакову, обѣдалъ въ Англійскомъ клубѣ, вечеромъ пилъ чай у митрополита Филарета, а во второй разъ позднѣе у Ив. Ив. Дмитріева. Такого-то числа: прятался въ сѣновалѣ манежа, чтобы смотрѣть, какъ дѣвица Ш. ѣздитъ верхомъ, былъ на двухъ лекціяхъ въ университетѣ, отвозилъ письма къ Булгакову, вечеромъ на Трехъ Горахъ у К., вальсировалъ и любезничалъ съ дѣвицами Г. и Б. Такого-то числа пилъ чай вечеромъ у г-жи *. (именующейся въ полицейскихъ спискахъ извѣстной *), а вечеромъ на балѣ у П. въ Петровскомъ, опять любезничалъ, и вальсировалъ съ помянутыми дѣвицами Б. и Г.

Такимъ образомъ съ малыми измѣненіями были, въ продолженіи двухъ недѣль, составляемы кондуитные и явочные списки Тургенева. Всего чаще встрѣчались въ нихъ имена .....ой и митрополита Филарета. Съ послѣднимъ былъ онъ въ близкихъ отношеніяхъ и по сочувствію, и уваженію къ нему, а равно и по прежнему служенію своему при князѣ А. Н. Голицынѣ.

Кто-то охарактеризовалъ слѣдующимъ образомъ пребываніе Тургенева въ Москвѣ:

Святоша вѣчный онъ и вѣчный волокита,
У ногъ ......ой, или митрополита.

Мы назвали Тургенева многостороннимъ dilettante. Но былъ одинъ кругъ дѣятельности, въ которомъ являлся онъ далеко не дилетантомъ, а развѣ пламеннымъ виртуозомъ и неутомимымъ труженикомъ. Это—кругъ добра. Онъ не только дѣлалъ добро по вызову, по просьбѣ: онъ отыскивалъ случаи помочь, обезпечить, устроить участь меньшей братіи, гдѣ ни была-бы она. Онъ былъ провидѣніемъ забытыхъ, а часто обстоятельствами и судьбою забитыхъ чиновниковъ; провидѣніемъ сирыхъ, безпріютныхъ, безпомощныхъ. По близкимъ отношеніямъ своимъ къ князю Голицыну, пользовался онъ болѣе или менѣе свободнымъ доступомъ ко всѣмъ власть имѣю-

щимъ, а по личнымъ свойствамъ своимъ былъ онъ также болѣе или менѣе въ связи, въ соприкосновенiи съ людьми какъ нибудь значущими во всѣхъ слояхъ и на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Въ ходатайствѣ за другихъ былъ онъ ревностенъ, упоренъ, неотвязчивъ. Онъ смѣло, горяче заступался за всѣ нужды и оскорбленiя противу неправдъ, ратовалъ противъ произволовъ, беззаконностей начальства. Помню, какъ за обѣдомъ у графини Потоцкой живо схватился онъ съ гр. Милорадовичемъ, бывшимъ тогда С. Петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, и упрекалъ его за нерасположенiе къ одному изъ чиновниковъ, при немъ служившихъ. „Вы сами", говорилъ онъ, „честный и благородный человѣкъ, а хотите удалить отъ себя единственнаго честнаго чиновника, чрезъ котораго могутъ обращаться къ вамъ порядочные люди. Нѣтъ, графъ, стыдно будетъ вамъ, если не оставите его при себѣ". Милорадовичъ оправдывался, какъ могъ и какъ умѣлъ; многочисленные гости за столомъ въ молчанiи и съ удивленiемъ присутствовали при этой тяжебной распрѣ. Правда, что Тургеневъ, какъ ловкiй военачальникъ, призвалъ въ союзницы себѣ двухъ красавицъ-дочерей хозяйки, и побѣда осталась за нимъ. Списокъ всѣхъ людей, которымъ помогъ Тургеневъ, за которыхъ вступался, которыхъ возстановилъ, во время служенiя своего, могъ-бы превзойти длинный списокъ любовныхъ побѣдъ, одержанныхъ Донъ-Жуаномъ, по свидѣтельству Лепорелло въ оперѣ Моцарта. Русская литтература, Русскiе литтераторы, нуждавшiеся въ покровительствѣ, въ поддержкѣ, молодые новички, еще не успѣвшiе проложить себѣ дорогу, всегда встрѣчали въ немъ ходатая и умнаго руководителя. Онъ былъ, такъ сказать, долгое время, посредникомъ, агентомъ, по собственной волѣ уполномоченнымъ и акредитованнымъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Русской литтературы при предержащихъ властяхъ и образованномъ обществѣ. Одна эта заслуга, мало извѣстная, нынѣ забытая, даетъ ему почетное мѣсто въ литтературѣ нашей, особенно когда вспомнишь, что онъ былъ другомъ Карамзина и Жуковскаго.

Позднѣе, когда сошелъ онъ съ служебнаго поприща и кругъ влiятельной дѣятельности его естественно съузился, онъ съ тѣмъ же усердiемъ, съ такимъ-же напряженнымъ направленiемъ, сдѣлался въ Москвѣ ходатаемъ, заступникомъ, попечителемъ несчастныхъ, пересылаемыхъ въ Сибирь. Острогъ и Воробьевы горы были театромъ его мирныхъ и человѣколюбивыхъ подвиговъ, а иногда и скромныхъ, но благочестивыхъ побѣдъ, когда удавалось ему спасти или, по крайней мѣрѣ, облегчить участь того или другого несчастнаго. Смерть, такъ сказать, неожиданно застигла его въ исполненiи усиленныхъ и добровольно принятыхъ имъ обязанностей. Жизнь его, свѣтскую, разсѣянную, но всегда согрѣтую любовью къ добру, смерть прекрасно увѣнчала и запечатлѣла безкорыстнымъ и всепреданнымъ служенiемъ скорби, а можетъ быть и пробужденiемъ умиленiя и раскаянiя не въ одномъ изъ сердецъ, возмущенномъ страстью и порокомъ. Послѣ тревожной жизни, платившей по временамъ дань суетности, умственнымъ и нравственнымъ немощамъ

человѣчества, онъ, такъ сказать, отрезвился, смирился и на закатѣ своемъ, отрѣшась отъ всего блестящаго что̀ даетъ намъ свѣтъ, сосредоточилъ всѣ свойства и стремленія свои въ одномъ чувствѣ любви и состраданія къ ближнему. Это чувство никогда не было ему чуждо, но здѣсь оно очистило, заглушило и поглотило всѣ другія побужденія, замыслы и ненасытныя желанія. Примѣромъ, который онъ добровольно подалъ сверстникамъ и товарищамъ, Тургеневъ могъ-бы въ Россіи быть предтечею и основателемъ общины братьевъ милосердія.

Для пополненія очерка нашего нельзя не упомянуть о другой страсти его. Она, и говорить нечего, маловажнѣе первой; даже, пожалуй, она и не страсть, а укоренившаяся повадка, то, что̀ на патологическомъ языкѣ можно было-бы назвать маніей (manie). Но, впрочемъ, и эта манія имѣла свою хорошую сторону и пользу. Полагаемъ, что не было никогда и нигдѣ борзописца ему подобнаго. Онъ могъ сказать съ поэтомъ: „Какъ много я въ свой вѣкъ бумаги исписалъ". Но ни друзья его, ни потомство, если оно захватитъ его, не ставили и не ставятъ того ему въ упрекъ. Дѣятельность письменной переписки его изумительна. Она поборала нѣсколько-лѣнивую натуру его, разсѣяніе и разсѣянность. Спрашиваешъ: когда успѣвалъ онъ писать и разсылать свои всеобщія и всемірныя грамоты? Онъ переписывался и съ просителями своими, и съ братьями, и съ друзьями, и съ знакомыми, и часто съ незнакомыми, съ учеными, съ духовными лицами всѣхъ возможныхъ исповѣданій, съ дамами всѣхъ возрастовъ, различныхъ лѣтъ и поколѣній; былъ въ перепискѣ со всею Россіею, съ Франціей, Германіей, Англіей и другими государствами. И письма его—большею частію, образцы слога, живой рѣчи. Они занимательны по содержанію своему и по художественной отдѣлкѣ, о которой онъ не думалъ, но которая выражалась, изливалась сама собою подъ неутомимымъ и беззаботнымъ перомъ его. Русскимъ языкомъ въ особенности владѣлъ онъ, какъ немногимъ изъ присяжныхъ писателей удается имъ владѣть. Этого еще мало: при обширной, разнообразной перепискѣ, онъ еще велъ про себя одного подробный дневникъ. Въ фоліантахъ переписки и журнала его будущій историкъ нашего времени, отъ первыхъ годовъ царствованія Александра Павловича до 1845 года, найдетъ безъ сомнѣнія содержаніе и краски для политическихъ, литтературныхъ и общественныхъ картинъ прожитаго періода.

Еще была у него маленькая страстишка. Онъ любилъ, а иногда и съ грѣхомъ пополамъ, присвоивать себѣ, натурою или списываньемъ, всѣ возможныя бумажныя рѣдкости и драгоцѣнности. Не даромъ говорили въ Арзамасѣ, что онъ не только Эолова Арфа (прозваніе, данное ему, съ позволенія сказать, по обычному бурчанію въ животѣ его), но что онъ и Двѣ огромныя руки, какъ сказано въ одной изъ балладъ Жуковскаго. Въ самомъ дѣлѣ, это не двѣ, а сотни бріарейскихъ рукъ захватывали на право и на лѣво, вверху и внизу, всѣ мало-мальски замѣчательныя рукописи, историческія, политическія, административныя, литературныя и т. д.

Въ архивѣ его, или въ архивахъ (потому что многое перевезено имъ къ брату въ Парижъ, а многое оставалось въ Россіи) должны храниться сокровища, достойныя любопытства и вниманія всѣхъ просвѣщенныхъ людей. О письменной страсти его достаточно, для убѣжденія каждаго, разсказать слѣдующій случай. Послѣ ночнаго, бурнаго, томительнаго и мучительнаго плаванія изъ Булони въ Фолькстонъ, онъ и пріятель его, въ первый разъ тогда посѣщавшій Англію, остановились въ гостинницѣ по указанію и выбору Тургенева и, признаться (вслѣдствіе экономическихъ опасеній его) въ гостинницѣ весьма неблаговидной и далеко нефешьонабельной. Пріятель на первый разъ обрадовался и этому: разстроенный переѣздомъ, усталый, онъ бросился на кровать, чтобъ немножко отдохнуть. Тургеневъ сей часъ переодѣлся и какъ встрепанный побѣжалъ въ Русское посольство. Спустя четверть часа, онъ запыхавшись возвращается, и на вопросъ, почему онъ такъ скоро возвратился, отвѣчаетъ, что узналъ въ посольствѣ о немедленномъ отправленіи курьера и поспѣшилъ домой, чтобы изготовить письмо. „Да кому же хочешь ты писать?“ Тутъ Тургеневъ немножко смутился и призадумался. „Да въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ, я обыкновенно переписываюсь съ тобою, а ты теперь здѣсь. Но все равно: напишу одному изъ почтъ-директоровъ, или Московскому Булгакову, или Петербургскому“. И тутъ же сѣлъ къ столу и настрочилъ письмо въ два или три почтовые листа.

Мы уже замѣтили, что, не смотря на свой темпераментъ нѣсколько лѣнивый, на расположеніе къ тучности, на сонливость свою (онъ могъ засыпать утромъ, только что встанетъ съ постели, въ полдень и вечеромъ, за проповѣдью и въ театрѣ, за чтеніемъ книги и въ присутствіи обожаемаго предмета), онъ былъ чрезвычайно подвиженъ и легокъ на подъемъ. Въ разговорѣ, когда рѣчь коснется до струны, на этотъ часъ болѣе въ немъ натянутой, онъ, бывало, вспыхнетъ, горячится и становится, безъ всякой желчи, безъ озлобленія, противникомъ не всегда умѣреннымъ и разборчивымъ и, какъ говорится, не всегда деликатнымъ. Можетъ быть, иногда горячка эта была частью и напускная, тоже изъ уваженія къ принципу; но вообще недоброжелательства и озлобленія въ немъ не было, развѣ за исключеніемъ нѣкоторыхъ лицъ. Эти лица, также по принципу, ставилъ онъ себѣ въ обязанность ненавидѣть. Впрочемъ, если онъ чтó и скажетъ обиднаго въ сердцахъ, то это бывало вспышкою: сердце его скоро остывало.

Относительно рысканій его намъ приходитъ на память одинъ случай. Пріятель его изъ Москвы отправилъ къ нему, черезъ К. Я. Булгакова, письмо съ слѣдующею подписью на пакетѣ: „Безпутному Тургеневу гдѣ нибудь на распутіи“. Въ то время онъ, на поклоненіе сердечному кумиру своему, очень часто ѣздилъ въ Царское Село. Булгаковъ, пославъ почтальона съ письмомъ на Пулковскую гору, приказалъ ему сторожить Тургенева въ проѣздъ его, остановить коляску и передать письмо по адресу, буквально.

По матеріальной части сдѣлаемъ еще отмѣтку. Онъ былъ не гастрономъ, не лакомка, а просто обжорливъ. Вмѣстимость желудка

его была изумительная. Однажды, послѣ сытнаго и сдобнаго завтрака у церковнаго старосты Казанскаго собора, отправляется онъ на прогулку пѣшкомъ. Зная, что вообще не былъ онъ охотникъ до пѣшеходства, кто-то спрашиваетъ его: Что̀ это вздумалось тебѣ идти гулять?—„Нельзя не пройтись, отвѣчалъ онъ: мнѣ нужно проголодаться до обѣда.“

Въ послѣднихъ годахъ жизни своей, онъ не рѣдко наѣзжалъ въ Москву и проживалъ въ ней по нѣсколькимъ мѣсяцамъ. Онъ въ Москвѣ, какъ и въ Парижѣ, былъ до́ма. Онъ Москву любилъ: она была для него, такъ сказать, неутральнымъ мѣстомъ. Петербургъ могъ напоминать ему и прежніе успѣхи его, и послѣдовавшіе за ними недочеты и непріятности; въ гостепріимной и неучаствовавшей во всемъ этомъ Москвѣ было ему льготнѣе. Тогда Московское общество или, по крайней мѣрѣ часть его была раздѣлена на два стана, которые прозвали себя или были прозваны Славянофилы и Западники. Тургеневъ, по складу своего ума, по привычкамъ и убѣжденіямъ, разумѣется, принадлежалъ болѣе къ послѣднимъ; но и съ первыми, по крайней мѣрѣ съ вожатыми ихъ, былъ онъ въ пріятельской связи, основанной на сочувствіи и на уваженіи къ ихъ личностямъ. Признакъ возвышенныхъ натуръ есть уживчивость и терпимость въ отношеніи къ мнѣніямъ противнымъ: эти два вооруженные стана сходились часто, едва ли не ежедневно, на полѣ діалектической битвы. Они маневрировали оружіями своими, живо нападали другъ на друга и потомъ мирно расходились, не оставляя увѣчныхъ и плѣнныхъ на полѣ сраженія, потому что весь бой заключался скорѣе въ ловкомъ фехтованіи, нежели въ дракѣ на животъ и на смерть. Каждый противникъ, думая, что побѣда за нимъ, возвращался съ торжествомъ въ свой станъ; на другой день возобновлялась таже *холостая* битва, и такъ далѣе, пожалуй, до скончанія вѣковъ. Много ума, много выстрѣловъ его расточено было въ этихъ словесныхъ сшибкахъ; но завоеваній, кажется, никакихъ не было ни съ одной, ни съ другой стороны. Но все же эти военныя упражненія не остались совершенно безплодными. Нѣкоторые умы въ нихъ изощрились и окрѣпли; въ самомъ обществѣ, не принимавшемъ въ нихъ постояннаго и дѣятельнаго участія, отголоски этихъ прѣній отзывались, зарождали мимоходомъ въ умахъ новыя понятія и бросали въ почву ежедневной жизни сѣмена, отличающіяся отъ обыкновеннаго и общимъ порядкомъ заведеннаго посѣва. Слѣдовательно польза была, но польза нѣсколько отвлеченная: много сѣялось, но мало пожиналось. Дѣло, по мнѣнію нашему, въ томъ, что какъ Западники, такъ и Славянофилы, а въ особенности послѣдніе, не имѣли твердой почвы подъ ногами. Тѣ и другіе вращались въ какомъ-то туманѣ и часто витали въ облакахъ. Они увлекались силою, прелестью и соблазнами слова. Дѣло у нихъ было въ сторонѣ; а если они и гонялись за дѣломъ, то за несбыточнымъ. Русскій умъ есть умъ преимущественно практическій; Русскій простолюдинъ, крестьянинъ можетъ быть круглымъ невѣждою, но у него врожденное практическое чутье, которымъ онъ пробавляется и дѣлаетъ свое дѣло. Русскія головы, которыя,

хотя Нѣмцевъ и не любятъ, но нѣсколько германизируются и отвѣдываютъ плодовъ съ Нѣмецкаго древа познаній, философіи и различныхъ умозрѣній, обыкновенно утрачиваютъ практическую трезвость свою. Хмель зашибаетъ ихъ. И выходитъ, что шумитъ у нихъ въ головѣ и непорусски, и непонѣмецки. Нѣкоторыя журнальныя и полемическія статьи, пущенныя изъ этого лагеря, особенно при началѣ, такъ были писаны (хотя и Русскими буквами), что невольно хотѣлось попросить кого нибудь перевести ихъ съ Нѣмецкаго на общеупотребляемый Русскій языкъ. Такимъ образомъ и самое руссофильство не имѣло ни запаха, ни смака произведеній Русской почвы, а отзывалось или подражаніемъ, или плодомъ, выхоженнымъ въ чужой теплицѣ. Хлестаковъ говоритъ о какомъ-то захолустьѣ, изъ котораго скачи хоть три года, а никуда не доѣдешь. Есть тоже и вопросы, которые поднимай, про которые толкуй и спорь хоть двадцать лѣтъ, а ни до какого разрѣшенія не дойдешь. Встрѣчаются умы, которые любятъ охотиться за подобными вопросами, благо есть время, есть свора рѣзвыхъ и прыткихъ собакъ: почему же не пуститься, въ веселой компаніи, въ безконечное отъѣзжее поле? Есть ли тамъ звѣрь, будетъ ли пожива, о томъ наши безкорыстные охотники не заботятся.

Какъ бы то ни было, Тургеневу было готовое мѣсто въ этихъ увеселительныхъ словесныхъ упражненіяхъ. Онъ и самъ былъ Нимродомъ, великимъ ловцомъ слова предъ Господомъ Богомъ и предъ людьми. Въ томъ и другомъ станѣ, какъ сказано нами, были у него пріятели. Онъ не былъ завербованъ ни подъ однимъ изъ знаменъ, развѣвавшихся съ Кремлевскихъ стѣнъ, а вольнымъ наѣздникомъ переѣзжалъ съ одного рубежа на другой. Западники были, разумѣется, современнѣе и слѣдовательно опирались болѣе твердою ногою на почву, которую избрали они себѣ. Славянофилы или Руссофилы были какіе-то археологическіе либералы. Французскаго писателя, сподвижника Жозефа-де-Местра, прозвали пророкомъ минувшаго; въ ученіи Славянофильскомъ отзывались сѣтованія и надежды подобнаго пророчества. Сколько намъ извѣстно, Тургеневъ, по мѣрѣ ума и дарованій тѣхъ и другихъ, сочувствовалъ имъ, охотно съ ними бесѣдовалъ, иногда препирался съ ними, но не увлекался ихъ умозрѣніями и заносчивыми стремленіями ни вспять, ни впередъ. Онъ слишкомъ долго жилъ за границею, слишкомъ наслушался прѣній во Франціи, въ Германіи и Англіи, прѣній и политическихъ и соціальныхъ, литературныхъ и философическихъ, чтобы придавать особенную важность Московскимъ опытамъ въ этой умственной дѣятельности.

Тургеневъ сошелся въ Москвѣ съ прежнимъ Петербургскимъ пріятелемъ Чадаевымъ. Они были пріятели, но вмѣстѣ съ тѣмъ во многихъ отношеніяхъ и противоположно расходились. Однѣ точки соприкосновенія, существовавшія между ними, были умъ, образованность, благородство, честная независимость, вѣжливость (не только въ смыслѣ учтивости, а болѣе въ смыслѣ благовоспитанія, однимъ словомъ цивилизаціи понятій, воззрѣній, правилъ, обхожденія; цивилизаціи, которая, мимоходомъ будь сказано, прививается

и развивается въ одной благопріятной и временемъ разработанной средѣ). Этихъ условій, этихъ свойствъ сродства достаточно, чтобъ, и при нѣкоторомъ разнорѣчіи въ мнѣніяхъ и разности въ характерахъ, порядочные люди группировались на одной сторонѣ и сходились на неутральной почвѣ общихъ сочувствій. Вотъ несомнѣнные признаки людей, воспитавшихся въ школѣ истинно-высшаго и избраннаго общества. Этихъ условій и держались Чадаевъ и Тургеневъ. Во всемъ прочемъ были они прямые антиподы. Тургеневъ жилъ болѣе жизнію открытою и внѣшнею; хотя и онъ (грѣха таить нечего) любилъ иногда пускать пыль въ глаза, но ничего не было въ немъ подготовленнаго, заранѣе придуманнаго. Скажемъ напрямикъ: шарлатанскія выходки его были, по легкомыслію его, невинно-забавны и даже милы. Чадаевъ рисовался серьозно и съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ смотрѣлъ на подлинникъ, въ который преображался. Онъ былъ гораздо умнѣе того, чѣмъ онъ прикидывался. Природный умъ его былъ чище того систематическаго и поучительнаго ума, который онъ на него нахлобучилъ. Не будь этой слабости, онъ остался бы замѣчательнымъ человѣкомъ и дѣятелемъ на томъ или на другомъ поприщѣ. Чадаевъ, особенно въ Москвѣ, предначертилъ себѣ планъ особничества и ни на волосъ, ни на іоту отъ него не отступалъ. Тургеневъ былъ разсѣянъ, обмолвливался иногда нечаянно, иногда умышленно, но всегда забавно и часто остроумно. Чадаевъ былъ всегда погруженъ въ себя, погруженъ въ созерцаніе личности своей, пребывалъ во внимательномъ прислушиваніи къ тому, что́ самъ скажетъ. Онъ былъ доктринеръ, преподаватель съ подвижной каѳедры, которую переносилъ изъ салона въ салонъ. Тургеневъ былъ увлекательный собесѣдникъ, вмѣшивался въ толпу и сгоряча и на обумъ говорилъ все что́ родится и мелькнетъ въ головѣ его. Чадаевъ былъ ума и обхожденія властолюбиваго. Онъ хотѣлъ быть основателемъ чего-то. Онъ готовъ былъ сказать и вѣроятно говорилъ себѣ, въ подражаніе Людовику XIV-му: моя философія, это я! Между тѣмъ, если онъ имѣлъ довольно слушателей (потому что говорилъ хорошо и что въ Москвѣ, на досугѣ, любятъ слушать) онъ, кажется, не создалъ себѣ адептовъ и единовѣрцевъ. Развѣ между дамами имѣлъ онъ нѣсколько крылошанокъ и неофитокъ. Тургеневъ былъ ручнѣе, общедоступнѣе его. И положеніе его въ обществѣ было, такъ сказать, блистательнѣе. Чадаевъ, при всей пріязни своей, смотрѣлъ на него свысока. Пуританизмъ его смущался развязностью Тургенева; онъ осуждалъ нѣкоторое легкомысліе его и отсутствіе въ немъ всякаго формализма и обряднаго священнодѣйствія. Тютчевъ забавно разсказываетъ о письмѣ Чадаева къ Тургеневу. Онъ однажды заманилъ къ себѣ Тютчева и прочелъ ему длинную, нравоучительную и нѣсколько укорительную грамоту. Прочитавъ ее, Чадаевъ спросилъ: не правда ли, что это напоминаетъ письмо Ж. Ж. Руссо къ Парижскому архіепископу?—„А что же, вы послали это письмо къ Тургеневу?“ спросилъ Тютчевъ.—„Нѣтъ, не посылалъ“, отвѣчалъ Чадаевъ. Это характеристическая черта. А вотъ и другая. Чадаевъ очень дорожилъ своимъ литографированнымъ портретомъ и прислалъ къ Тютчеву

десятка два экземпляровъ для раздачи въ Петербургѣ и разсылки по Европѣ. Нашелъ же онъ человѣка для исполненія подобнаго порученія! Эти экземпляры, кажется, такъ и остаются нерозданными и нетронутыми у безпечнаго посредника и комиссіонера. Чадаевъ назначилъ одинъ день въ недѣлѣ для пріема знакомыхъ своихъ въ предобѣденное время, т. е. отъ часа до четырехъ, въ домѣ, имъ занимаемомъ на Басманной. Туда съ поспѣшностью и съ нетерпѣніемъ стекались представители различныхъ мнѣній и нравовъ. Бывали тутъ и простые слушатели или зрители даваемыхъ даровыхъ представленій. Иные, чтобы сказать, что и они были въ спектаклѣ, другіе потому, что сочувствовали развлеченіямъ подобнаго лицедѣйствія. Утренній салонъ или кабинетъ Чадаева, этого Периклеса, по выраженію друга его Пушкина, былъ въ нѣкоторомъ и сокращенномъ видѣ Ликей, перенесенный изъ Аѳинъ за Красные ворота. Тутъ показывались иногда и пріѣзжіе изъ Петербурга, бывшіе товарищи и сослуживцы Чадаева, нынѣ попавшіе уже въ люди, какъ говорится. Хозяинъ бывалъ очень радъ и польщенъ этими иногородными посѣщеніями. Въ положеніи своемъ, если не совсѣмъ опальномъ, то по крайней мѣрѣ нѣсколько двусмысленномъ, онъ вѣроятно доволенъ былъ показать Москвичамъ, что и онъ что нибудь да значитъ въ возвышенныхъ общественныхъ сферахъ. Однажды, въ день посѣщенія одного столичнаго гостя, постоянный изъ туземныхъ посѣтителей его пріѣхалъ какъ-то позднѣе и уже не засталъ почетнаго гостя. „Что́ это вы такъ опоздали?“ сказалъ ему Чадаевъ: „уже всѣ почти разъѣхались“. — „Какъ всѣ?“ возразилъ опоздавшій гость, „у васъ еще много“.—„Да, отвѣчалъ Чадаевъ, но такой-то *** только сей часъ уѣхалъ“.—„Выходка для насъ присутствующихъ не очень лестная“, замѣтилъ Н. Ф. Павловъ, разсказавшій мнѣ этотъ разговоръ. Много ходило по городу подобныхъ анекдотовъ. Нѣкоторая суетность, можно сказать нѣкоторое слабодушіе встрѣчаются иногда въ людяхъ, и одаренныхъ впрочемъ твердостью и независимостью самобытности. Что же тутъ дѣлать! Человѣкъ вообще сложное, а не цѣльное созданіе. Онъ не мѣдная статуя, которая выливается сразу и въ полномъ составѣ.

Можно вообразить себѣ, какою жизненностію, какимъ движеніемъ и разнообразіемъ подобныя личности одушевляли Московское общество или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ кружковъ его. Тутъ нельзя было подмѣтить красокъ и Московскихъ отпечатковъ Фамусовской Москвы, въ которую Грибоѣдовъ упряталъ своего Чацкаго.

Къ именамъ Тургенева и Чадаева причислимъ еще нѣкоторыя имена, придерживаясь однихъ покойниковъ. Умный, образованный, прямодушный Михаилъ Орловъ; Хомяковъ, діалектикъ, облеченный во всеоружіе слова, всегда неутомимаго и не притупляющаго; Константинъ Аксаковъ, мыслитель заносчивый, но прямодушный, съ которымъ можно было не соглашаться, но котораго нельзя было не уважать и не любить; отецъ его С. Т. Аксаковъ, который подъ старость просвѣтлѣлъ и ободрился силою и свѣжестью прелестнаго дарованія; Кирѣевскій, который началъ Европейцемъ и какими-то волнами былъ закинутъ на анти-европейскій берегъ, но

и тутъ явилъ какую-то дѣвственную чистоту и цѣломудріе новыхъ своихъ убѣжденій; Павловъ, который, при остромъ и легкопостигающемъ умѣ, могъ бы сдѣлаться лучшимъ и первымъ журналистомъ нашимъ и полемическимъ писателемъ, если бы одаренъ былъ способностью прилежать къ труду, а не довольствоваться рѣдкими и случайными взрывами, показывая, какъ много таилось и глухо кипѣло въ немъ дарованій и зиждительныхъ силъ. Еще нѣкоторыя лица просятся въ этотъ перечень; но пока довольно и поименованныхъ, чтобы дать понятіе объ этомъ словесномъ факультетѣ, который изъ любви къ искусству для искусства и къ слову для слова расточительно преподавалъ свое ученіе.

Впрочемъ, нельзя не упомянуть здѣсь еще объ одномъ свѣтломъ имени. Баратынскій никогда не бывалъ пропагандистомъ слова. Онъ, можетъ быть, былъ слишкомъ лѣнивъ для подобной дѣятельности, а во всякомъ случаѣ слишкомъ скроменъ и сосредоточенъ въ себѣ. Едва ли можно было встрѣтить человѣка умнѣе его, но умъ его не выбивался наружу съ шумомъ и обиліемъ. Нужно было допрашивать, такъ сказать, буровить этотъ подспудный родникъ, чтобы добыть изъ него чистую и свѣтлую струю. Но за то попытка и трудъ бывали богато вознаграждаемы. Умъ его былъ преимущественно способенъ къ разбору и анализу. Онъ не любилъ возбуждать вопросы и выкликать прѣнія и словесныя состязанія; но за то, когда случалось, никто лучше его не умѣлъ вѣрнымъ и мѣткимъ словомъ порѣшать сужденія и выражать окончательный приговоръ и по вопросамъ, которые, болѣе или менѣе, казались ему чужды, какъ напр. вопросы внѣшней политики или новой Нѣмецкой философіи, бывшей тогда Русскимъ конькомъ нѣкоторыхъ изъ Московскихъ коноводовъ. Во всякомъ случаѣ, какъ былъ онъ сочувственный, мыслящій поэтъ, такъ равно былъ онъ мыслящій и пріятный собесѣдникъ. Аттическая вѣжливость, съ нѣкоторыми пріемами Французской остроты и любезности, отличавшихъ прежнее Французское общество, плѣнительная мягкость въ обращеніи и въ сношеніяхъ, нѣкоторая застѣнчивость при умѣ самобытномъ, твердо и рѣзко опредѣленномъ, всѣ эти качества, всѣ эти прелести придавали его личности особенную физіономію и утверждали за нимъ особенное мѣсто среди блестящихъ современниковъ и совмѣстниковъ его.

Пріятно въ картинной галлереѣ памяти своей наткнуться на близко знакомыя лица, остановиться передъ ними, заглядѣться на нихъ, и при этомъ задуматься грустно, но и сладостно. Вотъ кстати сказать:

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

И точно, вѣрится съ трудомъ, чтобы лѣтъ за двадцать или тридцать встрѣчались на бѣломъ свѣтѣ личности подобныя Тургеневу и нѣкоторымъ изъ сверстниковъ его, нами здѣсь упомянутыхъ. Какая была въ нихъ мягкость, привлекательная сила, какая гуманность въ то время, когда это понятіе и выраженіе не были еще опошлены и почти опозорены неумѣстнымъ употребленіемъ!

Какъ чистъ и свѣтелъ былъ ихъ либерализмъ, истекающій еще болѣе изъ души, нежели изъ сухихъ политическихъ соображеній, рабскихъ заимствованій, а часто и лжеумствованій. Либерализмъ этихъ избранныхъ людей былъ чувство, а не формальность. Самыя слабости ихъ облекались въ какую-то умиротворяющую прелесть, которая вызывала снисхожденіе. Эти слабости, немощи, свойственныя человѣческой натурѣ, не избѣгали строгой оцѣнки и суда, но и не отталкивали сочувствія къ нимъ. Тургеневъ, какъ и многіе, принадлежалъ къ либераламъ, желающимъ улучшеній въ гражданскомъ быту, а не къ либераламъ, желающимъ ниспроверженія и революціи, во что бы ни стало. Къ сожалѣнію, встрѣчаются люди, въ которыхъ есть что-то претительное, возбуждающее почти враждебное противодѣйствіе, при изъявленіи ими началъ, по видимому честныхъ и благонамѣренныхъ: такъ изъявленія эти грубы, наглы и исключительно-самовластительны. Въ подобныхъ людяхъ такая личность какъ Тургеневъ, доживи онъ до настоящаго времени, не возбудила бы ни малѣйшаго сочувствія. Да они и не поняли бы его, какъ лишенные чувства обонянія не догадываются объ ароматныхъ испареніяхъ благоуханнаго растенія. Одно, можетъ статься, и способно нынѣ обратить вниманіе ихъ на такую личность, а именно то, что Тургеневъ въ свое время слылъ либераломъ. Слѣдовательно онъ нашъ, говорятъ эти господа. Нѣтъ, милостивые государи, совсѣмъ не вашъ, и съ вами ничего сходнаго онъ не имѣетъ.

Есть цѣховые и положительные либералы, которые положительную посредственность свою (чтобы не сказать положительную ничтожность) расцвѣчиваютъ либеральными узорами и виньетками, заимствованными изъ дешевыхъ иностранныхъ изданій. Чтобы подкрѣпить и усилить себя, они охотно вербуютъ заднимъ числомъ въ артель свою лица, которыхъ либерализмъ есть явное опроверженіе ихъ ремесленнаго либерализма. Эти господа, на числахъ невѣрныхъ, на лживыхъ данныхъ, берутся разрѣшать общественныя задачи. Они выводятъ категоріи, раздуваютъ системы, въ которыхъ нѣтъ ни достовѣрности, ни даже правдоподобія. Стóитъ только дотронуться до нихъ булавкой исторической и практической критики, и всѣ эти неловко и насильственно надутые пузыри тутъ же прокалываются, свертываются и скомкиваются. Суворовъ, говорилъ, кажется, Каменскому: „Объ императрицѣ Екатеринѣ можетъ говорить Репнинъ всегда, Суворовъ иногда, а Каменскій не долженъ говорить никогда“. Можно бы вывести такое правило и для многихъ журнальныхъ Несторовъ, которые, зря и мудрствуя лукаво, пишутъ общественныя лѣтописи про общество, котораго они не знаютъ, про людей совершенно имъ чуждыхъ, съ которыми они ни сблизиться, ни даже сойтись не могли, про событія, которыя доходятъ до нихъ изъ третьихъ или четвертыхъ рукъ. И эти лица и событія перекладываютъ они на свой ладъ, развиваютъ или сушатъ въ жарко натопленной теплицѣ своихъ сочувствій, благопріятныхъ или враждебныхъ. Хороши выходятъ ихъ разсказы и картины, съ коими потомству придется справляться для полнаго изображенія

минувшей эпохи! Не къ одному изъ нихъ, а къ многимъ прилично примѣнить стихъ:

Живетъ онъ въ Чухломѣ, а пишетъ о Парижѣ.

*

Въ записной книжкѣ Русскаго путешественника, прошлаго столѣтія, записано: un bonheur passé est un malheur présent (счастіе минувшее есть несчастіе настоящее).

Онъ же разсказываетъ, что въ молодости своей, путешествуя въ Португаліи, онъ разсердился на почтаря, который везъ его очень медленно. Въ старые годы отъ Русской досады до Русской ручной управы было не далеко: Русскій путешественникъ потузилъ Португальца. Тотъ, не говоря ни слова, ушелъ и оставилъ путешественника посреди дороги съ коляскою и лошадьми. Тутъ этотъ послѣдній догадался и заключилъ, что есть нѣкоторая разница между Португальскою и Русскою ѣздою.

*

Русскіе люди выводятся. Выражаемъ здѣсь сѣтованіе и укоризну вовсе не-славянофильскія. Напротивъ, мы говоримъ о средневѣковомъ поколѣніи нашего общества, о современникахъ Екатерины, которые носили еще отпечатокъ предыдущихъ царствованій и которыхъ духомъ и вліяніемъ пропитались нѣкоторыя лица позднѣйшаго времени. Ничего нѣтъ тяжелѣ и скучнѣе Русскихъ по обязанности, Русскихъ, сдѣлавшихся Русскими въ слѣдствіе и на основаніи какой нибудь исторической или философической системы: подъ гнетомъ системы стирается, убивается вся свѣжесть, вся краска, вся поэтическая своеобразность Русской натуры. То-ли дѣло чисто-кровный Руссакъ, который не добивается казаться Русскимъ, не хвастается тѣмъ, что онъ Русскій и даже будто не догадывается, что онъ Русскій. Θедоръ Петровичъ Опочининъ былъ одна изъ этихъ личностей. Онъ былъ еще не старъ, а на немъ какъ будто легли многіе слои Русскихъ преданій. Онъ безсознательно закалилъ себя въ Русскомъ горнилѣ, заматерѣлъ въ Русской закваскѣ. Разумѣется, все это понимаемъ мы и принимаемъ въ хорошемъ значеніи. Есть худая закваска, но есть и вкусная, и лакомая. Умъ Опочинина былъ совершенно Русской складки и Русскаго содержанія. Въ немъ были и тонкость, и сметливость, и наблюдательность; была Русская шутливость, которая вообще отличается отъ инонародной. Порусски говорилъ онъ превосходно, мастеръ былъ разсказывать, а запасъ разсказовъ его былъ неистощимъ. Разсказы, когда они кстати-умѣстны и удачны, имѣютъ особенную прелесть. Они драматизируютъ разговоръ. Они жизнь и дѣйствіе его. Философическія, отвлеченныя бесѣды хороши въ кабинетѣ, съ глазу на глазъ, или съ каѳедры, но въ пріятельскомъ, откровенномъ кружкѣ онѣ утомительны. Однимъ лѣтомъ сошлись мы съ нимъ въ Ревелѣ. Тогда записалъ я нѣкоторыя изъ сказаній его. Вотъ между прочимъ слѣдующія.

Какой-то бояринъ посланъ былъ, помнится, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ Китай съ дипломатическимъ порученіемъ и сво-

рою отличныхъ собакъ, лягавыхъ и борзыхъ, въ подарокъ правителю Небесной имперіи. Однажды проситъ онъ одного приближеннаго къ царю мандарина узнать, какъ понравились собаки его величеству.—„Собаки были очень вкусны", получилъ онъ въ отвѣтъ, „особенно зажаренныя на касторовомъ маслѣ". „Злодѣй!" воскликнулъ ошеломленный бояринъ: „онъ съѣлъ царемъ пожалованныя ему собаки. И охота нашему государю связываться съ такимъ поганымъ народомъ".

*

Предъ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ 1812 г. и во время приготовленій къ ней, частые курьеры пріѣзжали къ губернатору одной изъ губерній, прилежащихъ къ будущему театру войны. Эти посланныя отъ военнаго министра, или отъ главнокомандующихъ войсками, привозили предписанія и ордера о немедленномъ заготовленіи или высылкѣ провіанта, о заготовленіи подводъ и о прочихъ воинскихъ потребностяхъ. Эти предписанія постоянно ссылались на статьи извѣстной желтой книжки (полевой уставъ), по которымъ, въ случаѣ замедленія, или неточнаго исполненія данныхъ приказаній, виновникъ подвергается всей строгости законовъ: тутъ были опять ссылки на какія-то статьи. Эти курьеры какъ-то обыкновенно пріѣзжали по вечерамъ. Въ эти часы губернаторъ отдыхалъ отъ своихъ дневныхъ подвиговъ и предавался за карточнымъ столомъ мирному занятію бостона. Получивъ пакетъ, онъ торопливо распечатывалъ его, кидалъ на содержаніе бумаги бѣглый и разсѣянный взглядъ и отдавалъ ее правителю канцеляріи для надлежащаго исполненія.

Въ теченіи двухъ-трехъ недѣль курьеры наѣзжали, и все обходилось и сходило съ рукъ благополучно. Однажды подобный военный гонецъ пріѣхалъ утромъ. Губернаторъ на досугѣ прочиталъ бумагу, заключающую въ себѣ постоянныя ссылки на какія-то таинственныя статьи. „Да, бишь, теперь кстати скажи мнѣ, сказалъ онъ правителю канцеляріи, какія это статьи, на которыя они все указываютъ? Давно собирался я спросить тебя, но все времени не было." —„Эти статьи, отвѣчалъ чиновникъ, относятся до военнаго суда, по которому виновные подвергаются иногда смертному приговору, особенно въ военное время".—„Ого, вскричалъ ошеломленный губернаторъ; здѣсь видно не до шутки: слуга покорный, и Богъ съ ними со всѣми!" Тутъ, отъ испуга, занемогъ-ли онъ въ правду, или сказался больнымъ, но въ тотъ же день сдалъ должность свою вице-губернатору, а мѣсяцъ спустя вышелъ, по совершенно-разстроенному здоровію, въ чистую отставку. Съ той поры онъ, безпрепятственно и не смущаясь духомъ, могъ вполнѣ предаваться мирнымъ упражненіямъ своимъ по части бостона.

*

Мы говорили объ одномъ баринѣ, пріѣхавшемъ въ Ревель. Кажется, этотъ баринъ (сказалъ Опочининъ) ума твердаго, но не быстраго (забавно ударяя на послѣдніе слоги). Нельзя шутливѣе и вѣжливѣе высказать, что человѣкъ туповатъ.

Опочининъ былъ одинъ изъ близкихъ людей къ Великому Князю Константину Павловичу, который удостоивалъ его своею особенною довѣренностью и любилъ умъ и бесѣду его. Въ Константинѣ Павловичѣ также била чистая Русская струя.

*

Упомянутое выше посольство въ Китай напоминаетъ другое посольство, также замѣчательное, по слѣдующему обстоятельству. Бояринъ съ какимъ-то порученіемъ отправленъ былъ изъ Москвы къ одному изъ Европейскихъ дворовъ. Онъ прибылъ къ назначенію своему, когда король былъ боленъ. Пріема быть не могло. Проходятъ дни, недѣли, а король все нездоровъ. Потерявъ терпѣніе, бояринъ объявляетъ, что онъ далѣе ждать не можетъ и что получилъ приказаніе возвратиться въ Россію. На настоятельныя и упорныя требованія его имѣть предъ отъѣздомъ аудіенцію даютъ ему знать, что король приметъ его, но въ постелѣ, съ которой, по болѣзни своей, онъ встать не можетъ.—„Хорошо, отвѣчаетъ бояринъ, но въ такомъ случаѣ, приготовьте и мнѣ кровать, возлѣ королевской. Мнѣ, уполномоченному представителю Русскаго царя, неприлично было бы стоять или сидѣть, когда король лежитъ".

*

Нѣкто, пріѣхавшій съ Дону, только что и говорилъ о своихъ Донскихъ похожденіяхъ и подвигахъ. Это было въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Мицѣльскій, въ Варшавѣ, сказалъ на это: „S'il n'a pas le don de la parole, il a du moins la parole du Don. (Игра словъ, непереводимая на Русскій языкъ).

*

Говорили однажды о звукоподражательности, о собраніи нѣкоторыхъ словъ на разныхъ языкахъ, такъ что и незнающему языка можно угадать приблизительно, по слуху, къ какой категоріи то или другое слово должно принадлежать. Въ Москвѣ пріѣзжій Итальянецъ принималъ участіе въ этомъ разговорѣ. Для пробы спросили его: „Что̀ по вашему должны выражать слова: любовь, дружба, другъ?"—„Вѣроятно, что нибудь жесткое, суровое, можетъ быть, и бранное", отвѣчалъ онъ.—„А слово телятина?"—„О, нѣтъ, сомнѣнія, это слово ласковое, нѣжное, обращаемое къ женщинѣ".

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ.

1. Политическаго.

X. Сомнѣваться нечего: Пальмерстонъ вѣдь не глупъ, и вотъ что на это сказалъ бы онъ....

Д. (перерывая его). Нѣтъ, воля твоя, если на то пошло, то Пальмерстонъ не можетъ никогда сказать то, что̀ ты скажешь.

2. Литтературнаго.

Н. Все же нельзя не удивляться изумительной дѣятельности его: посмотрите, сколько книгъ издалъ онъ въ свѣтъ!

N. N. Нѣтъ, не издалъ въ свѣтъ, а развѣ пустилъ по міру.

3. Служебнаго.

Чиновникъ. Я пришелъ всепокорнѣйше просить ваше превосходительство уволить меня на годъ въ заграничный отпускъ.

Директоръ департамента. Чтò это вамъ вздумалось?

Чиновникъ. Да такъ-съ; нынѣшній годъ не хорошъ для чиновниковъ.

Директоръ. Какъ не хорошъ?

Чиновникъ. Въ нынѣшній годъ почти всѣ табельные дни приходятъ на воскресенья, такъ что мало остается неприсутственныхъ дней. Поэтому и желаю я воспользоваться этимъ годомъ.

4.

Докладчикъ. Такой-то чиновникъ проситъ о дозволеніи ему вступить въ законный бракъ.

Министръ Врончeнко, письменно изъявляя согласіе, говоритъ: „Не имѣю чести знать его, а долженъ быть большой дуракъ". Эта формула неизмѣнно и стереотипно повторялась въ продолженіи многихъ лѣтъ при каждомъ подобномъ докладѣ.

5.

Директоръ департамента. А ваша невѣста хороша собой?

Женихъ-чиновникъ. Совсѣмъ не гнусна, ваше превосходительство. Съ позволенія вашего, она нѣсколько похожа на вашу супругу.

6. Филантропическаго.

Л. Подпишитесь на выдачу какой нибудь ежегодной суммы въ пользу заведенія для раскаявшихся грѣшницъ.

М. Покорнѣйше благодарю! Я и такъ уже издержалъ довольно денегъ въ пользу ихъ до раскаянія, а теперь ни денегъ, ни охоты нѣтъ на новыя издержки.

7. Супружескаго.

Жена (въ провинціи). Ты вѣрно забудешь меня въ Петербургѣ.

Мужъ. Какъ не стыдно тебѣ подозрѣвать меня: ты знаешь, что я тебя безъ памяти люблю.

8. Дружескаго.

Въ Таврическомъ дворцѣ, въ прошломъ столѣтіи, князь Потемкинъ, въ сопровожденіи Левашева и князя Долгорукова, проходитъ чрезъ уборную комнату мимо великолѣпной ванны изъ серебра.

Левашевъ. Какая прекрасная ванна!

Князь Потемкинъ. Если берешься ее всю наполнить (это въ письменномъ переводѣ, а въ устномъ текстѣ значится другое слово), я тебѣ ее подарю.

Левашевъ (обращаясь къ Долгорукову). Князь, не хотите ли попробовать по поламъ?

Князь Долгоруковъ слылъ большимъ обжорою.

9. Министерскаго.

Графъ Канкринъ. А по какимъ причинамъ хотите вы уволить отъ должности этого чиновника?

Директоръ департамента. Да стóитъ, ваше сіятельство, только посмотрѣть на него, чтобы получить къ нему отвращеніе: длинный, сухой, неуклюжій Нѣмецъ, физіономія суровая, рябой....

Графъ Канкринъ. Ахъ, батушка, да вы это мой портретъ рисуете! Пожалуй, вы и меня захотите отрѣшить отъ должности.

(Продолженіе будетъ).

ДВѢ ЗАПИСОЧКИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА КЪ АДМИРАЛУ П. В. ЧИЧАГОВУ.

C'ést à l'instant que je reçois votre lettre. Je ne puis vous rendre toute la peine qu'elle m'a causé. J'entre dans toute l'horreur de votre situation. Mais ne perdez pas tout espoir. J'ai envoyé à l'instant pour qu'on ne sonne pas les cloches; mais je crains qu'on ne les aye sonné déjà. On m'a apporté votre lettre, tandis que j'ai été à la grande parade. Je ne fais que rentrer dans ce moment. Tout à vous pour la vie.

(Писано въ 1803 году, по поводу болѣзни адмиральши Чичаговой, родомъ Англичанки).

ПЕРЕВОДЪ.

Сейчасъ получилъ я ваше письмо. Не могу передать вамъ, какъ оно меня огорчило. Постигаю весь ужасъ вашего положенія. Но не теряйте надежды. Я сейчасъ послалъ приказать, чтобъ не звонили въ колокола, но боюсь, что уже звонили. Письмо ваше мнѣ принесли, когда я былъ на большомъ парадѣ. Я только что вернулся. Весь вашъ навсегда.

II.

C'est respectant votre douleur, mon cher amiral, que je n'ai pas voulu vous importuner plus tôt de mon écriture. Dans un malheur comme le vôtre, s'entendre répéter que d'autres partagent votre peine n'est pas une consolation; car quand on a perdu l'être auquel on avait voué toutes ses affections, je crois qu'il n'y en a plus. Aussi ce n'est pas dans l'espoir de vous en offrir que je vous exprime toute la part bien sincère que je prends à votre douleur et à votre position si malheureuse. Vous connaissez mon amitié pour vous de longue date; elle a été et sera toujours la même.

Si vous n'avez pas de répugnance à sortir, je vous recevrai avec empressement demain après dîner, à 7 heures, afin que vous ne soyez dans le cas de rencontrer personne. Tout à vous Alexandre.

(Писано въ 1811 году, по кончинѣ адмиральши Чичаговой).

ПЕРЕВОДЪ.

Уважая вашу скорбь, мой любезный адмиралъ, я не хотѣлъ до сихъ поръ безпокоить васъ моимъ писаніемъ. Въ несчастіи, каково ваше, нельзя утѣшиться, слыша отъ другихъ частыя изъявленія сочувствія; ибо мнѣ кажется, что утѣшенія нѣтъ, коль скоро лишишься существа, которому посвящены были всѣ ваши чувства. И такъ, выражая мое искреннее сочувствіе вашему горю и вашему несчастному положенію, я не имѣю надежды утѣшить васъ. Вы издавна знаете мою дружбу къ вамъ, она была и всегда будетъ одна и таже. Если вамъ непротивно отлучиться изъ дому, я съ живѣйшею готовностью приму васъ завтра послѣ обѣда въ 7 часовъ, чтобы самъ не повстрѣчать никого. Весь вашъ Александръ.

(Изъ Записокъ адмирала Чичагова, изданныхъ въ Лейпцигѣ въ 1862 году).

ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ МЕЛЬНИКОВЪ

И ЕГО ТРИДЦАТИПЯТИЛѢТНЯЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ *).

Ровно 35 лѣтъ тому назадъ, въ Ноябрьской книжкѣ Отечественныхъ Записокъ за 1839 годъ, въ отдѣлѣ Смѣси, появилась статья подъ заглавіемъ „Дорожныя записки на пути изъ Тамбовской губерніи въ Сибирь". Записки эти потомъ продолжались и во многихъ послѣдующихъ номерахъ того же журнала. Сжатое, но обстоятельное описаніе городовъ, селъ, монастырей, заводовъ, типовъ мѣстнаго населенія и мѣстной природы, трезвыя сужденія, начитанность и даже нѣкоторые признаки учености, обнаруженные въ ссылкахъ на историческія свидѣтельства, въ статистическихъ указаніяхъ, въ этнографическихъ и даже филологическихъ объясненіяхъ—все это должно было обратить на автора вниманіе читающей публики, по крайней мѣрѣ наиболѣе просвѣщенной ея части, и дѣйствительно обратило. Мало того, означенныя записки не потеряли своего научнаго интереса и для нашего времени. Интересъ этотъ возрастаетъ еще болѣе, когда мы узнаёмъ, что авторомъ записокъ былъ 20-лѣтній молодой человѣкъ, успѣвшій впрочемъ уже два года тому назадъ окончить свой университетскій курсъ и подвизавшійся въ то время на педагогическомъ поприщѣ. Конечно мы напрасно стали бы искать здѣсь тѣхъ художественныхъ картинъ, которыми авторъ прославился впослѣдствіи. Талантъ литературный, какъ и всякій другой, крѣпнетъ и развивается постепенно; онъ не рождается во всеоружіи, какъ Аѳина изъ головы Юпитера.

П. И. Мельниковъ родился 22 Октярбя 1819 года, въ Нижнемъ Новгородѣ. Отецъ его, небогатый помѣщикъ Семеновскаго уѣзда, служилъ по дворянскимъ выборамъ и по дѣламъ службы жилъ нѣкоторое время въ уѣздномъ городѣ Семеновѣ. Здѣсь-то, въ этомъ глухомъ Заволжскомъ краю, провелъ свое дѣтство будущій писатель. Онъ росъ посреди лѣсовъ Керженскихъ и Чернораменскихъ, знаменитыхъ своими раскольничьими скитами; онъ съ раннихъ лѣтъ напитался впечатлѣніями той природы и того быта, которыя впослѣдствіи изобразилъ намъ съ такимъ мастерствомъ.

Въ 1830 году онъ поступилъ въ Нижегородскую гимназію; а спустя четыре года, перешелъ въ Казанскій университетъ, въ которомъ и окончилъ курсъ кандидатомъ словеснаго факультета въ 1837 году. Изъ кандидатскаго диплома видно, что кромѣ обязательныхъ предметовъ онъ выслушалъ на восточномъ отдѣленіи факультета исторію Востока по восточнымъ авторамъ, а также исторію Арабской и Персидской литературъ у профессора Эрдмана. Въ слѣдующемъ году онъ назначенъ учителемъ исторіи и статистики въ Пермскую гимназію; лѣтомъ этого года предпринималъ по Пермской губерніи путешествіе, которое и дало ему матеріалъ для упомянутаго выше перваго печатнаго труда его. Черезъ годъ онъ, по желанію своему, былъ переведенъ въ Нижегородскую гимназію на преподаваніе тѣхъ же предметовъ, и въ должности этой оставался до 1846 года.

*) Читано въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности 10 Ноября 1874 г., на 35-лѣтнемъ литературномъ юбилеѣ П. И. Мельникова.

Семилѣтняя педагогическая дѣятельность Павла Ивановича обнаружила, что онъ не имѣлъ къ ней призванія, т. е. не владѣлъ потребными для нея качествами, въ чемъ онъ самъ добродушно сознается.

Одинъ изъ его учениковъ по Нижегородской гимназіи, теперь профессоръ Петербургскаго университета, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, въ біографическомъ очеркѣ другаго его ученика, покойнаго Ешевскаго, слѣдующими словами характеризуетъ эту дѣятельность:

„Пав. И. Мельниковъ мало занимался самымъ преподаваніемъ, рѣдко говорилъ въ классѣ, никогда не слушалъ отвѣтовъ учениковъ, не исполнялъ самыхъ основныхъ началъ педагогіи. Говорятъ, что въ началѣ своей педагогической дѣятельности онъ усиленно работалъ для классовъ, но по неопытности требовалъ слишкомъ многаго съ учениковъ. Египетскія династіи по Шамполіону, философскіе взгляды на паденіе Западной Римской имперіи (составленныя для этого свои записки онъ напечаталъ тогда же въ „Литературной Газетѣ"), Персидская исторія въ эпоху Сассанидовъ входили въ его преподаваніе. Неудача этихъ требованій охладила его: онъ впалъ въ рутину; но если случалось ему замѣчать, что кто нибудь изъ учениковъ интересуется историческими вопросами, онъ говорилъ съ нимъ по цѣлымъ часамъ, звалъ его къ себѣ на домъ, давалъ книги, спрашивалъ о прочитанномъ, толковалъ и, такимъ образомъ, поддерживалъ интересъ. Говорилъ онъ всегда превосходно, книги выбиралъ интересныя. Оттого многіе ему чрезвычайно обязаны, а между этими многими въ особенности Ешевскій и я". (См. Сочиненія Ешевскаго, т. I, стр. VI).

Для самого П. И. эта педагогическая эпоха его жизни нисколько не пропала даромъ: онъ много работалъ, онъ постоянно продолжалъ учиться. Въ этомъ отношеніи на него имѣло счастливое вліяніе одно знакомство. Въ началѣ 1840 года въ Нижній, на мѣсто директора ярмарки, назначенъ былъ графъ Д. Н. Толстой, владѣющій блестящимъ образованіемъ, впослѣдствіи извѣстный знатокъ и любитель отечественныхъ древностей. Онъ немедленно пожелалъ познакомиться съ авторомъ Дорожнихъ записокъ на пути въ Сибирь, сблизился съ нимъ, предоставилъ въ его распоряженіе свою обширную библіотеку и вообще поддерживалъ въ немъ живой научный интересъ. П. И. съ признательностію вспоминаетъ объ этомъ знакомствѣ. Въ связи съ тѣмъ же знакомствомъ издана была имъ въ 1845 г. особая книга о Нижегородской ярмаркѣ; трудъ этотъ немедленно обратилъ на себя вниманіе Географическаго Общества, которое избрало его въ число своихъ членовъ.

Между тѣмъ важнымъ побужденіемъ для П. И. къ занятіямъ мѣстной исторіей и археологіей послужило по Высочайшей волѣ возложенное на него въ 1843 году порученіе изслѣдовать вопросъ о потомствѣ Козьмы Минина. Въ слѣдствіе этого порученія онъ долженъ былъ ознакомиться съ Нижегородскими архивами, а это знакомство дало ему матеріалы для разработки Нижегородской исторіи и древностей. Историческія статьи его, относящіяся къ эпохѣ Суздальско-Нижегородскаго княжества и къ событіямъ Смутнаго Времени, помѣщаемы были отчасти въ Отеч. Зап. и Москвитянинѣ, а главнымъ образомъ въ Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, которыхъ онъ состоялъ редакторомъ съ 1845 по 1850 годъ. Кромѣ собственно статей по гражданской и церковной исторіи края, онъ печаталъ здѣсь грамоты и другіе документы, извлеченные изъ разныхъ архивовъ, описанія старинныхъ церквей и монастырей, матеріалы этнографическія и статистическія; далѣе, статьи о фабричной и заводской промышленности, о хлѣбной торговлѣ и т. п. Надобно замѣтить, что въ то-

же время онъ былъ и секретаремъ Статистическаго Комитета. Вообще неоффиціальный отдѣлъ Губернскихъ Вѣдомостей за упомянутые годы, можно сказать, переполненъ работами П. И-ча; вы ихъ найдете почти въ каждомъ номерѣ, рядомъ съ разными хозяйственными и медицинскими замѣтками, которыми также изобиловало это почтенное, сѣрое изданіе, въ родѣ, напримѣръ, способовъ: „охранять зерновой хлѣбъ отъ мышей", „сохранять молодыхъ индѣекъ отъ болѣзней", „улучшать прогорклость въ маслѣ" и т. п. Тутъ же мы встрѣчаемъ и такія заявленія, которыя указывали на старанія П. И-ча поддерживать въ губернскомъ обществѣ высшіе, научные интересы не однимъ перомъ, но и живымъ словомъ. Такъ въ № 7-мъ за 1847 годъ читаемъ слѣдующее:

„Въ продолженіе наступающаго великаго поста, разныхъ ученыхъ обществъ дѣйствительный членъ и корреспондентъ надв. сов. *Мельниковъ*, съ разрѣшенія начальства Казанскаго Учебнаго Округа, въ залѣ Александровскаго Дворянскаго Института, будетъ читать публичныя лекціи о Россіи и въ особенности о Нижнемъ Новгородѣ въ началѣ XVII вѣка. За входъ въ залу ничего не платятъ".

Изъ дальнѣйшихъ объявленій видно, что таковыхъ лекцій было прочтено пять; а по словамъ автора, на нихъ собиралось все лучшее общество Нижняго; обширная зала была полна каждый разъ, и особенно много присутствовало дамъ. Это были едва ли не первыя въ Россіи публичныя лекціи по отечественной исторіи въ не-университетскомъ городѣ.

Въ это именно время П. И., оставившій учебное вѣдомство, былъ опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при Нижегородскомъ военномъ губернаторѣ, князѣ Мих. Александр. Урусовѣ. По устнымъ разсказамъ П. И-ча, князь Урусовъ въ свои чиновники по особ. поруч. умѣлъ отыскивать даровитыхъ и образованныхъ молодыхъ людей. Удачный выборъ его подтвердился и тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ эти бывшіе молодые люди занимаютъ теперь высокія мѣста въ служебной іерархіи, за исключеніемъ развѣ одного только нашего юбиляра. Губернаторъ и супруга его *) относились къ нимъ такъ радушно, что они принадлежали какъ бы къ членамъ ихъ семьи.

Въ салонѣ княгини Урусовой не только имѣли мѣсто обыкновенныя свѣтскія удовольствія, но у нея не рѣдко происходили литературныя чтенія; такъ въ 1848 году П. И-чъ прочелъ здѣсь избранному кружку нѣсколько лекцій изъ исторіи Русской литературы. По его словамъ это именно былъ періодъ въ его прошломъ, когда онъ увлекался свѣтскою жизнію.

Въ продолженіи своей службы при Нижегородскомъ губернаторѣ П. И., не переставая быть редакторомъ Губерн. Вѣдомостей и секретаремъ Статист. Комитета, исполнилъ по предписаніямъ начальства до 87 порученій, какъ гласитъ его послужной списокъ. Порученія касались разнообразныхъ предметовъ, но наибольшею частію онѣ относились къ дѣламъ раскола. Между прочимъ, по желанію начальства, онъ составилъ подробное описаніе раскольничьихъ скитовъ Нижегородской губерніи. Въ эту именно эпоху онъ и началъ свое основательное изученіе раскола съ его разныхъ сторонъ, вооружаясь кромѣ того разнообразными научными свѣдѣніями, сюда относящимися. Такъ въ томъ же послужномъ спискѣ приводится между прочимъ и слѣдующій фактъ: „При знаніи каноническаго права и раскольничьихъ сочиненій, содѣйствовалъ своими убѣжденіями

---

*) Княгиня Екатерина Петровна, урожденная Энгельгардтъ. *П. Б.*

къ обращенію въ единовѣріе раскольничьихъ скитовъ Керженскаго и Осиновскаго".

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, графъ Перовскій, который также былъ извѣстенъ своимъ умѣніемъ находить и выдвигать талантливыхъ людей, прямо, безъ всякой просьбы со стороны П. И-ча, причислилъ его къ своему министерству чиновникомъ особыхъ порученій, оставивъ его на первое время при Нижегородскомъ военномъ губернаторѣ впредь до окончанія начатыхъ имъ статистическихъ работъ. Это было въ 1850 году. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени, слѣдовательно около 25 лѣтъ, онъ состоитъ въ этомъ сравнительно-скромномъ званіи, т. е. чиновникомъ при Министерствѣ Внут. Дѣлъ. За гр. Перовскимъ послѣдовалъ Бибиковъ, за Бибиковымъ гр. Ланской, за гр. Ланскимъ Валуевъ и т. д.; но при перемѣнѣ лицъ служебное положеніе П. И-ча, повидимому, не подвергалось важнымъ измѣненіямъ, и повышеніе его совершалось не особенно быстро. Участвуя въ разныхъ комитетахъ и исполняя возлагаемыя на него разнообразныя порученія, онъ изъѣздилъ значительную часть Россіи, продолжая при этомъ изученіе Русскаго раскола и вообще Русскаго народнаго быта, при чемъ главнымъ поприщемъ его дѣятельности по прежнему оставался родной край, т. е. Нижегородская и смежныя съ ней губерніи.

Между прочимъ въ 1852—53 гг. онъ состоялъ начальникомъ статистической экспедиціи, отправленной Министерствомъ В. Д. въ Нижегородскую губернію, при чемъ ему поручено было собрать свѣдѣнія преимущественно о числѣ раскольниковъ, которое такъ далеко расходилось съ оффиціальными данными, а кромѣ того, на сколько возможно, уяснить и самый духъ раскола. Понятно, что подобныя порученія принадлежали къ числу не только т. наз. секретныхъ, но и самыхъ секретнѣйшихъ. Плодомъ этихъ работъ явился обширный трактатъ, представлявшійся правительству частями въ теченіе 1853 — 54 гг. подъ заглавіемъ „О современномъ состояніи раскола". Трактатъ этотъ во многихъ копіяхъ ходилъ по рукамъ между высшими лицами гражданскаго и церковнаго вѣдомства и производилъ болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе. Чтобы дать нѣкоторое понятіе объ этомъ впечатлѣніи, приведу одинъ примѣръ. Пока появлялись тѣ части трактата, въ которыхъ изображался расколъ съ разныхъ неблагопріятныхъ для него сторонъ, одно высокопоставленное духовное лицо показывало П. И-чу лестное вниманіе; но когда появилась послѣдняя часть, въ которой указаны отношенія къ расколу со стороны сельскаго духовенства, означенное лицо отвернулось отъ автора и, съ свойственнымъ ему остроуміемъ, замѣтило, играя именами: „Было время, когда изъ Савла вышелъ Павелъ, а нынѣ изъ Павла вышелъ Савлъ". Отрывки изъ означеннаго трактата появились потомъ въ нѣкоторыхъ духовныхъ журналахъ, впрочемъ безъ ссылки на автора. Къ эпохѣ того же трактата относится и сближеніе его съ двумя замѣчательными людьми, служившими въ Министр. В. Д. Это были: Николай Ивановичъ Надеждинъ и Николай Алексѣевичъ Милютинъ, которые также имѣли свою долю хорошаго вліяніи на нашего писателя.

Графъ Ланской, назначенный Министромъ В. Дѣлъ въ первый годъ настоящаго царствованія, оказывалъ П. И-чу особое благорасположеніе, такъ что избралъ его редакторомъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ о внутреннемъ состояніи государства. Отчеты эти не были похожи на предшествующіе, въ которыхъ, какъ извѣстно, съ замѣчательнымъ постоянствомъ возвѣщалось о неуклонномъ гражданскомъ преуспѣяніи. Отчетъ за 1855 годъ, написанный блестящимъ перомъ нашего юбиляра, въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ представилъ правдивую картину внутренняго

положенія Россіи. На поляхъ этого отчета начертано много Высочайшихъ резолюцій, и въ нихъ уже высказывались зачатки тѣхъ благодѣтельныхъ реформъ, которыми Государь Императоръ вскорѣ потомъ осчастливилъ свой народъ. Отрывки изъ этихъ первыхъ отчетовъ были напечатаны въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Въ началѣ 1858 года, Государь Императоръ, при разсмотрѣніи представленныхъ Ему дѣлъ о раскольникахъ, изволилъ замѣтить, что, не смотря на обиліе печатныхъ и рукописныхъ трактатовъ, исторія, статистика и законодательство раскола еще весьма мало обработаны и что незнаніе всѣхъ обстоятельствъ затрудняетъ правительство не только при рѣшеніи частныхъ случаевъ о раскольникахъ, но въ особенности при избраніи правильной и твердой системы дѣйствія въ отношеніи къ расколу вообще. Посему Государь Императоръ повелѣлъ министру внутреннихъ дѣлъ употребить особыя, чрезвычайныя мѣры для составленія подробнаго и основательнаго изслѣдованія о расколѣ и о всѣхъ раскольничьихъ толкахъ съ изложеніемъ ихъ исторіи, статистики, догматовъ, относившагося къ нимъ законодательства и пр., употребивъ на этотъ *важный государственный трудъ* самыхъ способныхъ чиновниковъ и лицъ, спеціально-знакомыхъ съ предметомъ. Графъ С. С. Ланской вскорѣ доложилъ Государю, что исполненіе Высочайшей воли возложено на двухъ спеціально-занимающихся сею работою чиновниковъ. Это были: П. И. Мельниковъ и его университетскій товарищъ, недавно похищенный смертью, извѣстный нашъ статистикъ Александръ Ивановичъ Артемьевъ. Они успѣли собрать новую массу разныхъ архивныхъ матеріаловъ и издать три тома Сборника постановленій, относящихся къ расколу; но когда въ 1861 году перемѣнилось лицо, управлявшее министерствомъ, работы эти прекратились.

Указавъ вкратцѣ на важнѣйшія работы П. И-ча, сопряженныя съ его служебною дѣятельностію, перейдемъ къ его трудамъ на поприщѣ собственно-изящной словесности.

Я упомянулъ, что первое напечатанное произведеніе сблизило его съ графомъ Д. Ник. Толстымъ, въ то время только что воротившимся изъ Славянскихъ земель. Между прочимъ П. И. учился у него попольски и перевелъ въ стихахъ изъ Мицкевича поэтическое произведеніе его, озаглавленное *Великій Мастеръ* (Arcy-mistrz). Переводъ этотъ былъ напечатанъ въ Литер. Газетѣ 1840 года, издававшейся, также какъ и Отеч. Зап., А. А. Краевскимъ. Стихъ перевода былъ хотя и гладокъ, но не выразителенъ; двадцатилѣтній переводчикъ понялъ, что поэзія ритмическая не его призваніе и далъ себѣ слово не писать болѣе стиховъ, каковое и исполнилъ. Въ томъ же 1840 году онъ сдѣлалъ попытку написать повѣсть изъ уѣзднаго быта въ сатирическомъ родѣ, подражая извѣстному произведенію Основьяненки „Панъ Халявскій". Повѣсть была озаглавлена „Ельпидифоръ Перфильичъ" и напечатана тамъ же, въ Литературной Газетѣ. Хотя издатель ея, вмѣстѣ съ извѣстнымъ нашимъ критикомъ Бѣлинскимъ, просили П. И-ча продолжать въ томъ же родѣ; но молодой авторъ сознавъ свою житейскую неопытность, свое еще слишкомъ малое знакомство съ народомъ и невыработанность самаго языка. Послѣ того онъ занимался только статьями научнаго содержанія и въ теченіе одинадцати лѣтъ не повторялъ своей попытки писать повѣсти.

Въ 1849 году переѣхалъ въ Нижній Новгородъ В. И. Даль, въ качествѣ управляющаго Удѣльною Конторою. П. И. познакомился съ нимъ еще года четыре назадъ, во время своей первой поѣздки въ Петербургъ; а теперь они сблизились окончательно. Юбиляръ нашъ приписываетъ

Далю весьма большое вліяніе на свою литературную дѣятельность, считаетъ себя его ученикомъ и сохраняетъ о немъ благоговѣйную память. Онъ бывалъ у Даля чуть ли не каждый день и помогалъ ему въ его первоначальныхъ трудахъ по составленію Толковаго Словаря, о чемъ Даль и заявляетъ въ предисловіи къ словарю. Онъ-то послѣ многихъ настояній и убѣдилъ своего Нижегородскаго друга писать повѣсти. Первою изъ нихъ была „Красильниковы", напечатанная въ Москвитянинѣ 1852 года. Здѣсь авторъ хотѣлъ изобразить столкновеніе молодаго, образованнаго, но еще слабаго силами поколѣнія съ старою, раскольничьею средою, при чемъ первое гибнетъ подъ ударами суроваго, непреклоннаго характера. Эта небольшая повѣсть обнаруживаетъ еще нѣкоторую неопытность, а также излишнюю густоту и яркость красокъ; но въ ней уже видѣнъ будущій художникъ. Она явилась подъ псевдонимомъ: Андрей Печерскій. По своимъ служебнымъ отношеніямъ авторъ считалъ нужнымъ скрыть свое настоящее имя, съ чѣмъ соглашался и Даль. Послѣдній придумалъ для него и самый псевдонимъ, избравъ для того названіе Печерской улицы, на которой въ то время они оба жили.

За Красильниковыми послѣдовалъ цѣлый рядъ повѣстей, каковы: *Поярковъ*, *Дѣдушка Поликарпъ*, *Старые Годы*, *Медвѣжій Уголъ*, *Непремѣнный*, *Именинный Пирогъ*, помѣщенные въ Русскомъ Вѣстникѣ; *Бабушкины Росказни и Гриша* — въ Современникѣ. Повѣсти эти совпали съ тѣмъ оживленнымъ періодомъ нашей литературы, который мы обыкновенно называемъ „обличительнымъ". Почти всѣ наши писатели, съ большей или меньшей энергіей, устремились на изображеніе пошлыхъ и темныхъ сторонъ нашего быта. П. И-чъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ, которые при этомъ изображеніи съумѣли остаться въ предѣлахъ художественности и осмыслить многія явленія, казавшіяся безсмысленными для поверхностнаго взгляда. Здѣсь почти въ каждомъ его произведеніи видна тонкая наблюдательность, основательное и разностороннее изученіе Русской жизни, соединенныя съ добросовѣстнымъ, теплымъ отношеніемъ къ дѣлу и съ тѣмъ чувствомъ мѣры, которое дается только художественному чутью. Напримѣръ, изъ упомянутыхъ его повѣстей особенно сильное впечатлѣніе на читающую публику, если не ошибаюсь, произвели *Старые годы*. Наканунѣ уничтоженія крѣпостнаго права, авторъ изобразилъ намъ ту степень безобразія, до котораго могли доходить люди, злоупотреблявшіе этимъ правомъ. Онъ взялъ нѣкоторыя отдѣльныя черты отъ извѣстныхъ деспотовъ и самодуровъ прошлаго времени, каковы: Измайловъ, Баташевъ, кн. Грузинскій и др., и создалъ рядъ картинъ, которыя, при чрезвычайной своей рельефности, все-таки не выступаютъ за предѣлы изящнаго. Другой его разсказъ „Медвѣжій уголъ" произвелъ весьма сильное впечатлѣніе въ томъ вѣдомствѣ, къ которому онъ относится. Авторъ, не имѣя въ виду никакой особой личности, изобразилъ здѣсь просто типъ инженера-эксплуататора. Но изображеніе попало такъ мѣтко, что нѣсколько лицъ, находившихся въ разныхъ губерніяхъ, приняли его на свой счетъ и грозили или послать автору вызовъ, или учинить ему какую нибудь другую непріятность. Относительно повѣстей П. И-ча надобно поставить ему въ заслугу и то обстоятельство, что въ эту обличительную эпоху, когда въ нашей литературѣ выступили на сцену разныя направленія, онъ не увлекся духомъ времени, не злоупотреблялъ словами „народъ", „община" и т. п., не вводилъ въ свои произведенія никакихъ искусственныхъ тенденцій, а просто изображалъ добро и зло, какъ они представляются большинству образованныхъ людей. Онъ относился къ своему предмету, такъ сказать, эпически и, ярко изображая темныя стороны на-

шего быта, оставался человѣкомъ порядка и послѣдовательнаго прогресса.

Наиболѣе граціозный, наиболѣе поэтичный разсказъ изъ этой эпохи безспорно составляетъ *Гриша*, заимствованный изъ того быта, который сдѣлался такъ близокъ сердцу автора, т. е. изъ быта раскольничьяго. Къ этому быту и къ исторіи раскола онъ возвращается при всякомъ удобномъ случаѣ. За Гришей послѣдовалъ цѣлый рядъ литературно-историческихъ статей, посвященныхъ раскольничьему вопросу. Таковы, во первыхъ, *Письма о расколѣ*, явившіяся въ 1862 г. Онѣ написаны въ отпоръ мнѣнію, первоначально высказанному нѣкоторыми представителями нашей іерархіи, а потомъ подхваченному соціально-демократическимъ элементомъ въ нашей литературѣ, будто расколъ составляетъ готовую почву для переворота, такъ какъ онъ хранитъ въ себѣ демократическія стремленія и имѣетъ не церковное только, но и политическое значеніе. Далѣе явились *Старообрядческіе архіереи* и *Историческіе очерки поповщины* (въ Рус. Вѣстникѣ), обработанные по неизвѣстнымъ дотолѣ источникамъ, извлеченнымъ изъ архивовъ Синода и Министерства В. Д., потомъ *Тайныя Секты, Бѣлые Голуби.* Кромѣ того, въ Чтеніяхъ Общ. И. и Древн., П. И-чъ началъ было печатать обширные матеріалы для исторіи Хлыстовской и Скопческой ересей; но печатаніе это по нѣкоторымъ обстоятельствамъ онъ прекратилъ *).

Литературныя работы его, относящіяся къ расколу, уже начали приносить свой плодъ. Онѣ пролили много свѣта въ одинъ изъ самыхъ темныхъ угловъ Русской жизни, ослабили то отчужденіе, которое мы питали къ этому углу и вызвали болѣе сознательный интересъ къ нему въ Русскомъ обществѣ. Начинающаяся эпоха новыхъ мѣропріятій по этой части находится въ непосредственной связи съ дѣятельностію П. И-ча, о чемъ прямо на дняхъ заявилъ ему въ своей поздравительной телеграммѣ г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ.

Чтобы пополнить списокъ наиболѣе замѣчательныхъ литературныхъ работъ его, я долженъ упомянуть еще о прекрасныхъ этнографическихъ *Очеркахъ Мордвы* (помѣщ. въ Рус. Вѣст.), въ которыхъ изображены религіозныя вѣрованія и обряды этого племени. Упомяну также о томъ, что въ 1859 г. онъ издавалъ въ Петербургѣ ежедневную и очень дѣльную газету *Русскій Дневникъ*. Газета эта прекратилась, говорятъ, по недостатку матеріала, такъ какъ она не имѣла иностраннаго отдѣла; но я полагаю, она прекратилась прежде всего потому, что ежедневная публицистика была не въ духѣ ея редактора и не соотвѣтствовала процессу его литературныхъ работъ.

Перейдемъ теперь къ послѣднему и самому замѣчательному труду нашего юбиляра. Съ 1868 года началъ печататься въ Р. Вѣст. его этнографическій романъ „За Волгой", который потомъ продолжался подъ другимъ заглавіемъ: „Въ лѣсахъ". Вотъ что разсказываетъ авторъ о происхожденіи этого труда.

Уже графъ Ланской, съ большимъ вниманіемъ слѣдившій за литературной его дѣятельностію, не разъ говорилъ П. И-чу, чтобы онъ, при обширномъ знакомствѣ своемъ съ народнымъ бытомъ, описалъ его во всѣхъ подробностяхъ. Далѣе, въ 1861 г., ему выпала честь сопровождать

---

*) Какъ не пожалѣть, что до сихъ поръ не собраны и не изданы вмѣстѣ сочиненія П. И. Мельникова. Конечно тому причиною скромность и недосугъ автора; а также—непредпріимчивость нашихъ книгопродавцевъ-издателей. *П. Б.*

покойнаго Цесаревича Николая Александровича въ первомъ путешествіи послѣдняго на Нижегородскую ярмарку и за тѣмъ по Волгѣ до Казани и обратно. Извѣстно, что Цесаревичъ очень любилъ Русскія преданія, повѣрья, пѣсни и вообще все, что относится до нашего народнаго быта. Во время этой поѣздки, на пароходѣ, П. И-чъ указывалъ ему на разныя мѣста нагорнаго и луговаго береговъ Волги и передавалъ сказанія объ этихъ мѣстахъ *). Однажды, когда они плыли около Лыскова, онъ распространился о жизни за Волгой, о тамошнихъ лѣсахъ, скитахъ и т. п. Наслѣдникъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ и сказалъ:

„Чтобы вамъ, Павелъ Ивановичъ, все это написать, изобразить повѣрья, преданія и весь бытъ Заволжскаго народа". Передъ тѣмъ онъ только что прочелъ Гришу, въ томъ году отдѣльно изданнаго. П. И-чъ уклонялся, а Наслѣдникъ настаивалъ.

—„Нѣтъ, непремѣнно напишите; я за вами буду считать въ долгу повѣсть о томъ, какъ живутъ *въ лѣсахъ, за Волгой*".

На отговорки, что это большой трудъ и что при служебныхъ занятіяхъ не достанетъ на него времени, Великій князь продолжалъ повторять:

—„Нѣтъ, вы у меня въ долгу".

Прошло нѣсколько лѣтъ, и разговоръ этотъ былъ почти забытъ. Но когда П. И-чу пришлось присутствовать на погребеніи Царственнаго Юноши, ему живо припомнились слова покойнаго, и онъ тогда же рѣшилъ привести въ исполненіе его желаніе. Вскорѣ потомъ онъ почти удалился отъ служебнаго поприща, переѣхалъ въ Москву и здѣсь принялся за свой трудъ.

Я не намѣренъ войти въ разборъ этого труда: мы находимся еще подъ слишкомъ живымъ впечатлѣніемъ, да онъ и не оконченъ. Я желалъ только главнымъ образомъ обратить ваше вниманіе, м. гг. и. м. г-рыни, на то, съ какимъ запасомъ творческихъ силъ, съ какою громадною подготовкою, съ какою степенью зрѣлости приступилъ авторъ къ своему послѣднему произведенію (т. е. послѣднему относительно настоящей минуты). Мы видимъ счастливое соединеніе многихъ обстоятельствъ, обусловившихъ огромный успѣхъ этого произведенія, успѣхъ вполнѣ заслуженный. Авторъ рисуетъ предъ нами край, который онъ знаетъ съ самаго дѣтства и который наблюдалъ всю свою жизнь. Кромѣ близкаго нагляднаго знакомства съ своимъ предметомъ, онъ вооруженъ еще обширными научными свѣдѣніями, историческими и этнографическими. Онъ основательно изучилъ богатую Русскую рѣчь и мастерски ею пользуется. Онъ принадлежитъ и къ первымъ знатокамъ Русскаго народнаго быта вообще. Владѣя сильнымъ литературнымъ талантомъ, онъ изощрилъ этотъ талантъ долговременнымъ упражненіемъ и усвоилъ себѣ привычку подвергать свои произведенія вполнѣ добросовѣстной и тщательной обработкѣ, прежде нежели выпустить ихъ на свѣтъ Божій — привычку, которой, къ

---

*) Волга до сихъ поръ не описана въ надлежащей полнотѣ и подробности. Не имѣется въ печати и общедоступной карты ея теченія. Между тѣмъ такая карта, съ подробнѣйшими обозначеніями, съ историческими и статистическими свѣдѣніями, давно уже составлена. Мы имѣли случай разсматривать ее и любоваться ею у г-на бывшаго товарища министра путей сообщеній, князя А. П. Щербатова. Если бы ее отпечатать и продавать, по доступной цѣнѣ на Волжскихъ пристаняхъ, то конечно издержки изданія скоро бы возмѣстились, такъ какъ карта эта лучше всякаго путеводителя, и путешественники перестали бы вздыхать о томъ, какъ подробно описанъ Рейнъ и какъ мало знаемъ мы нашу Волгу. *П. Б.*

сожалѣнію, въ послѣднее время слѣдуютъ очень немногіе изъ нашихъ писателей.

Надѣюсь, всѣ кто знакомъ съ произведеніями нашего юбиляра, согласятся, что слова мои не реторика, что я отдаю ему только должное. Предлагающій эту характеристику вообще не желалъ бы никогда ставить на ходули героя своей бесѣды, кто бы онъ ни былъ. А кто знаетъ лично П. И-ча, его скромный, непритязательный характеръ, его простые и чрезвычайно-общительные пріемы, тотъ знаетъ также, какъ не шла бы къ его изображенію какая либо реторика или ходульность.

Конечно строгая критика впослѣдствіи можетъ быть найдется сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія и на послѣднее произведеніе; но таже критика должна будетъ сознаться, что замѣчанія эти съ избыткомъ выкупаются неоспоримыми достоинствами. Обыкновенно указываютъ на излишнее обиліе романическаго элемента въ данномъ трудѣ, который можно назвать собственно художественной этнографіей. Но и тутъ, въ этомъ романическомъ содержаніи, сколько живыхъ, мастерски очерченныхъ типовъ рисуется передъ нами. Для примѣра, приведу вамъ на память слабодушную, эгоистичную натуру Алексѣя, сладкоглаголиваго и крайне падкаго на искушенія Василія Борисыча, деспотичный, но не лишенный нѣкоторыхъ теплыхъ сторонъ характеръ Потапа Максимыча—этотъ образчикъ великорусскаго тысячника, привыкшаго все гнуть по своему. Еще болѣе удачны по нашему мнѣнію нѣкоторые женскіе типы; передъ нами, напримѣръ, строгая, по наружности, какъ бы застывшая, фигура матери Манефы, въ дѣйствительности однако не успѣвшая совсѣмъ погасить своего внутренняго пламени; далѣе, бойкая, энергичная, во все путающаяся Флёнушка, сантиментальная Настя, сонная Параша и нѣсколько идеальная Дуня Смолокурова. Послѣдняя представляетъ поэтическій, хотя еще блѣдный образъ, но отъ котораго, также какъ отъ другихъ, вѣетъ знакомыми, національными чертами *). Однимъ словомъ. „Въ лѣсахъ“ послужило для Русской читающей публики обильнымъ источникомъ эстетическаго наслажденія и завоевало своему автору полное право на ея признательность.

Мнѣ остается заявить наше безспорно общее горячее желаніе, чтобы П. И-чъ и по окончаніи этого труда какъ можно долѣе дарилъ насъ подобнымъ наслажденіемъ и продолжалъ бы въ такихъ же изящныхъ картинахъ раскрывать передъ нами разнообразные тайники Русской жизни и Русскаго духа.

Д. Иловайскій.

---

*) Дуня Смолокурова, какъ случилось намъ слышать отъ автора, должна появиться въ третьей части его труда, которая называется: „Въ горахъ“. *П. Б.*

ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ

ГЕНЕРАЛА-ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА БОРИСА ПЕТРОВИЧА ШЕРЕМЕТЕВА.

Во имя всесотворшаго и всемогущаго, въ Троицѣ славимаго, Бога Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Понеже всякое время рода человѣческаго, по правосудному предѣлу Божію, подлежитъ отъ узъ плотскихъ разрѣшитися и смерти долгъ отдать, то сего чая и азъ многосогрѣшающій рабъ Господа моего Борисъ и слушая гласа Его во Святомъ Евангеліи глаголющаго: „будите готови, и въ оньже часъ не мните, Сынъ человѣческій пріидетъ, вечеръ, или полунощь, или утро, да не пріидетъ внезапу и обрящетъ спящія", того гласа Господня слушая и трепеща, еще же и часто недугомъ одержимъ бываемъ и день до дне тѣломъ изнемогая *) и чая на всяко время оного Господемъ глаголаннаго нечаяннаго часа смертнаго, а по силѣ моей пріуговляяся ко исходу жизни сея временныя,—возжелалъ сію духовную цѣлымъ своимъ умомъ и памятію написать и извѣстно всякому явити и, видя къ себѣ высокую милость всемилостивѣйшаго моего Царя и Государя, пріемлю смѣлость и дерзаю милости его величества просить и душу свою грѣшную ко управленію вручаю его царскому величеству, вѣдая его величества великодушіе и милость, которую на себѣ ношу не по заслугамъ моимъ, но по щедротамъ своимъ меня милуетъ, и въ такомъ надѣяніи зостаю, что и по смерти моей по моему рабскому прошенію меня не оставитъ, какъ и дѣдъ его царскаго величества, блаженной и вѣчнодостойной памяти, великій государь царь и великій князь Михаилъ Өедоровичъ, и отецъ его государевъ, блаженной и вѣчнодостойной памяти, великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ не погнушался на прошеніе прадѣда моего Өедора Ивановича Шереметева, соизволили духовную его собственною своею царского величества рукою подписать и душеприкащикамъ по тому его завѣщательному письму приказъ исправлять повелѣли, о чемъ я вашего царскаго величества всепокорнѣйше со слезами прошу о подпискѣ вашего царскаго величества собственною рукою сей моей духовной.

А при сей моей духовной свидѣтели: преосвященный Іоасафъ Кроковскій, митрополитъ Кіевскій, мой отецъ духовной; душеприкащики: генералъ и кавалеръ князь Никита Ивановичъ Репнинъ, губернаторъ Кіевскій князь Дмитрей Михайловичъ Голицынъ, братъ мой брегадиръ Володимеръ Петровичъ Шереметевъ, полковникъ Петръ Савеловъ.

---

*) Графъ Б. П. Шереметевъ родился 25 Апрѣля 1652 года; слѣд. при написаніи этого завѣщанія ему шелъ 67-й годъ. Скончался онъ 17 Февраля 1719 года въ Москвѣ. *П. Б.*

Погребсти мой грѣшной трупъ, ежели случуся близъ Кіева, въ Печерскомъ Кіевскомъ монастырѣ; вкладу дать тысячу червонныхъ на погребеніе и на выносъ, архіерею пятьдесятъ рублевъ, архимандриту Печерскому тридцать рублевъ, архимандритамъ же, которые будутъ, по пятнадцати рублевъ человѣку; игумнамъ Кіевскимъ, а имянно: Михайловскому, Никольскому, Выдубецкому, Кирильскому, Братскому, по десяти рублевъ; въ Печерскомъ монастырѣ давать по рукамъ милостыню на погребеніе, на третины, на девятины, на полусорочины, на сорочины, священникамъ по двѣ гривны, діаконамъ по пяти алтынъ, простымъ монахамъ по гривнѣ, послушникамъ, которые въ Печерскомъ монастырѣ обрѣтаются, по пяти копѣекъ; игумну Троицкому больнишному десять рублевъ, а на больницу давать милостыню также, какъ и въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ. Да вкладужъ дать: въ Богоявленскій монастырь что̀ въ Москвѣ у иконного ряду, сто рублевъ, въ Троицкой монастырь Чудотворца Сергія сто рублевъ, въ Кириловской монастырь сто рублевъ, въ Лукьянову пустыню пятьдесятъ рублевъ, въ Ниловъ монастырь сто рублевъ, Александровы пустыни въ дѣвичь монастырь сто рублевъ; въ церковь Николая Чудотворца, что̀ въ Гнѣздникахъ [1]), пятьдесятъ рублевъ, въ Страстной дѣвичь монастырь, что́ за Тверскими вороты, тридцать рублевъ; въ дѣвичьи монастыри Кіевскія, а имянно: во Фроловской [2]) тридцать рублевъ, въ Ерданской двадцать рублевъ, въ пустыню Николая Чудотворца, что́ на Сѣверкѣ, тридцать рублевъ, въ новосозданной дѣвичь монастырь Тихвинскія Богородицы, которой учиненъ въ Украинской моей слободѣ Борисовкѣ, сто рублевъ, и тотъ монастырь содержать во всякомъ довольствіи по мнѣ дѣтямъ моимъ, какъ при мнѣ было и о семъ содержаніи того монастыря игуменьѣ дать съ сего моего завѣщанія для предку вѣдѣніе. Во всѣ мои вотчины, гдѣ церкви есть, роздать сорокоустіе и крестовымъ обыкновенное, а въ вышеписанныя церкви и монастыри, отдавъ вкладъ по сему завѣщанію, просить, дабы написано было имя мое въ синодики церковные, и́ творили бъ поминовеніе, а милостину давать убогимъ по рукамъ по возможности.

Будетъ же волею Божіею я скончаюся въ чужихъ краяхъ, тогда, гдѣ скончаюся, тутъ мое грѣшное тѣло и погребсти, а никуды не возить. Отцу духовному, которой прилучится при смерти моей, тому дать сто червонныхъ или двѣсти рублевъ денегъ. Ежелижъ, по волѣ Божіей, смерть меня постигнетъ въ Москвѣ или въ иномъ которомъ мѣстѣ, отъ Кіева во отдаленіи, то прошу вашего царскаго величества повелѣть тѣло мое грѣшное отвезть и погребсть въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ или гдѣ воля вашего величества состоится [3]); только даяніе въ тотъ Печерской и другіе монастыри послѣ меня исполнить, какъ выше сего написано.

---

[1]) Въ Москвѣ, близь Тверской. *П. Б.*

[2]) Гдѣ впослѣдствіи скончалась въ монашествѣ дочь графа, княгиня Н. Б. Долгорукая. *П. Б.*

[3]) Петръ Великій приказалъ перевезти тѣло своего сподвижника въ Петербургъ и торжественно похоронилъ его въ Невской Лаврѣ; по свидѣтельству Бюшинга государь намѣревался воздвигнуть графу Шереметеву памятникъ. *П. Б.*

Дѣтямъ моимъ, которыя отъ жены моей Анны Петровны [1]) обрѣтаются, во благословеніе и въ раздѣлъ моихъ пожитковъ опредѣляю по сему.

Сыну моему Петру во благословеніе образъ Пресвятыя Богородицы Ѳедоровской, образъ Пресвятыя Богородицы Тихвинскія, крестъ золотой, въ немъ часть древа животворящаго креста Господня, панагія за стекломъ жолтымъ, съ цѣпочкою серебряною, ключь золотой, которымъ по взятіи Риги подъ высокодержавную царскаго величества руку и по введеніи въ оную въ 1710 году войскъ Россійскихъ, которыми я тогда командовалъ, презентовали меня Рижской Магистратъ; да собственное его серебро и прочее что́ его дарили на родинахъ и на крестинахъ, которыхъ его не лишить и въ жеребей не класть. Егожъ Петра оставляю по себѣ наслѣдникомъ и отдаю ему все недвижимое, вотчины, и помѣстье, и дворы во всѣхъ провинціяхъ, гдѣ ни обрѣтаются.

Другому сыну моему Сергію во благословеніе образъ Пресвятыя Богородицы Срѣтенія, образъ Спасителевъ на камнѣ (Моленіе въ Вертоградѣ), золотой Римской образъ Спасителевъ Нерукотворенной, печатной, въ кіотѣ серебреномъ, тутже во мускусѣ запечатлѣнна кровь Спасителева, крестъ благословящій съ мощьми, съ каменья и съ жемчугомъ; емужъ шпага эфесъ золотой съ алмазы, да ключь золотой, которой мнѣ презентованъ въ Ригѣ отъ Магистрату.

Дочери своей Натальѣ благословляю образъ Живоначальныя Троицы въ кіотѣ корольковомъ, образъ Пресвятыя Богородицы въ рамахъ шитыхъ, образъ великомучениковъ Бориса и Глѣба въ окладѣ серебряномъ.

Другой дочери жъ своей Вѣрѣ [2]) благословляю образъ Богоявленія Господня корольковый въ шитыхъ рамахъ, чаша водосвятная съ образомъ серебряная сканная, образъ Пресвятыя Богородицы, писанной на мѣди.

И вышеписаннымъ моимъ дѣтямъ всѣ движимые мои пожитки; только его сына моего Сергія не лишить и въ раздѣлъ и въ счетъ съ ними не класть того, что́ ему собственно пожаловалъ королевское величество Польской Августъ, такожъ что́ свозили ему на родины и на крестины и съ котораго все сообщено и сдѣлано, будучи во Гданску и въ Гамбургѣ серебро и подъ именемъ его сына моего Сергія подписано.

Да ему жъ сыну моему Сергію изъ приходныхъ денегъ съ вотчинъ и съ деревень, которыми будетъ по мнѣ владѣть сынъ мой Петръ, яко наслѣдникъ, давать по три тысячи рублевъ на годъ.

Жену свою Анну Петровну благословляю: образъ Пресвятыя Богородицы, нарицаемыя Нерыдай мене мати, Греческаго письма, окладъ съ чернью, съ набои, и вручаю ей весь свой домъ съ вот-

---

[1]) Урожденной Нарышкиной, въ первомъ бракѣ Салтыковой. Это была вторая супруга фельдмаршала; отъ первой, урожд. Чириковой, онъ имѣлъ сына графа Михаила, тоже отличнаго воина, скончавшагося въ 1714 году. *П. Б.*

[2]) Въ супружествѣ Лопухиной. *П. Б.*

чины и съ помѣстьи и съ пожитками, и владѣть ей всѣмъ и дѣтей содержать во страсѣ Божіи и въ наукѣ, а по смерти ея жены моей раздѣлить дѣтямъ моимъ, какъ написано въ сей моей духовной непремѣнно. А что̀ обрѣтается у ней жены моей собственнаго ея пожитку и что̀ она покупала на собственныя свои деньги, будучи за мною и которыя я ей при себѣ давалъ, и до того дѣла никому нѣтъ.

Умершаго сына моего Михаила Борисовича, а своего внука Алексѣя Михайловича съ сестрами и съ матерью его Алексѣевою, а съ моею невѣсткою Авдотьею Григорьевною *), которыя были въ одномъ со мною домѣ, я при животѣ своемъ, по согласію съ ними, въ особливой домъ отдѣлилъ и изъ движимыхъ и недвижимыхъ моихъ и отца его Михаила Борисовича пожитковъ награжденіе учинено и раздѣльными крѣпостьми я съ нимъ внукомъ своимъ Алексѣемъ и съ невѣсткою, писанными въ приказѣ крѣпостныхъ дѣлъ, укрѣпились, и для того въ сей моей духовной я уже ничего не упоминаю.

Дочь свою вдову Анну Борисовну, которая была за Иваномъ Ѳедоровичемъ Головинымъ, благословляю: образъ Успенія Пресвятыя Богородицы, въ немъ мощи преподобныхъ отцовъ Печерскихъ, окладъ серебряной гладкой, золоченъ и на окладѣ рѣпья серебреныя бѣлыя; другой образъ Святыя Троицы, окладъ такой же, да цугъ возниковъ вороныхъ съ каретою черною и съ шлеями. Дѣтямъ ея дочери моей, а моимъ внукамъ, во благословеніе Петру Ивановичу образъ да лошадь съ уборомъ, Ѳедору Ивановичу образъ и лошадь съ уборомъ; внукѣ моей Марьѣ Ивановнѣ во благословеніе образъ.

Брата Ѳедора Петровича благословляю образомъ и даю лошадь; сыну его, а моему племяннику Василью Ѳедоровичу благословляю образъ Спасителевъ Римской на сукнѣ, рамы орѣховыя, да лошадь моего сѣдла съ уборомъ и съ пистолеты, узда и паперсь и пахви серебряныя. Женѣ его Ѳедоровой, а моей невѣсткѣ, Пелагеѣ Борисовнѣ во благословеніе образъ Пресвятыя Богородицы Казанскія на холстинѣ, которымъ образомъ въ Новгородѣ Сѣверскомъ пожаловалъ меня благословилъ царское величество, да денегъ пять сотъ рублевъ.

Брата Василья Петровича благословляю образомъ и даю лошадь.

Брата Володимера Петровича благословляю образомъ и даю лошадь.

Племянника своего Василья Васильевича благословляю образомъ и даю лошадь.

Племянника своего Алексѣя Петровича благословляю образомъ и даю лошадь.

Племянника своего Ивана Петровича благословляю образомъ и даю лошадь.

Внучатамъ своимъ и дѣтямъ Ѳедора Володимеровича Шереметевымъ благословляю по образу.

---

*) Урожд. Нарышкиной.

Теткѣ своей Катеринѣ Семеновнѣ благословляю образъ и даю пару возниковъ.

Людямъ крѣпостнымъ и полоннымъ всѣмъ и крестьянскимъ дѣтямъ, которыя взяты во дворъ, даю волю и по окладомъ ихъ выдать годовое жалованье, хотя и сроковъ не придетъ; а ежели толикова числа денегъ у меня не будетъ обрѣтаться, то занявъ исполнить по сему моему завѣщанію.

Я жъ, очищая душу свою, объявляю въ сей духовной, что есть на мнѣ долгу царскаго величества пять тысячь рублевъ, которыя я бралъ въ разныхъ годѣхъ между неполученія его государева жалованья, а имянно будучи во Псковѣ, изъ сбору сѣнныхъ денегъ и давалъ въ нихъ своей руки росписки полковнику Григорью Карташову, дьяку Ивану Алексѣеву, подъячему Якову Полунину, и тѣхъ моихъ росписокъ сыскать негдѣ и вѣдать некому, понеже тѣ вышеписанные люди, кому росписки даваны, померли. Сверхъ того на мнѣжъ долгу есть его царскаго величества еще три тысячи триста пятнадцать рублевъ, которые я съ 1710 году бралъ изъ розныхъ неокладныхъ сборовъ у канцеляристовъ своихъ, какъ они держали расходъ, а имянно у Кузьмы Попова, у Патрекея Перфильева, въ которыхъ я имъ канцеляристамъ давалъ росписки собственной своей руки, а въ иныхъ указы моею жъ рукою крѣплены. И по тѣмъ своимъ роспискамъ долженъ я и по смерти моей жена моя и наслѣдникъ оставшійся заплатить и росписки изъ канцеляріи вынять, или взять отпись со очисткою: ибо тѣ деньги я у нихъ канцеляристовъ бралъ сверхъ вышеписанныхъ денегъ и росписки имъ давалъ въ другихъ годѣхъ; однакожъ просить милости у его царскаго величества за службы мои и что я предъ симъ служилъ безъ жалованья о отпущеніи того на мнѣ долгу. А ежели его царское величество тѣмъ долгомъ не пожалуетъ, то заплатить женѣ моей и оставшемуся по мнѣ наслѣднику.

Разныхъ чиновъ людемъ никому собственно я не долженъ и росписокъ не давалъ, а буде кто станетъ сказывать на мнѣ свои долги, а росписокъ за подписаніемъ руки моей не объявитъ, то въ томъ никому не вѣрить; ежели же кто по роспискамъ руки моей долговъ будетъ требовать, и такіе долги должно платить, смотря подписанія руки моей или какого собственнаго письма моей же руки.

Сіе свое завѣщательное письмо подписываю своею рукою, въ цѣломъ умѣ и памяти. Борисъ Шереметевъ. Сего 1718-го году Марта въ 28 день.

Подлинникъ хранится въ Москвѣ, въ Архивѣ Министерства Юстиціи. Сообщено въ спискѣ графомъ С. Д. Шереметевымъ.

ОЧЕРКИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ФАМИЛІЙ. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВА ВЪ XVII И XVIII ВѢКАХЪ,

СОБИРАЕМЫЕ А. М. ЛАЗАРЕВСКИМЪ.

1. АПОСТОЛЫ.

1. Павелъ Апостолъ, миргородскій полковникъ, 1659. Его родственники (?) миргородскіе полковники: 1) Демьянъ Апостолъ (Постоленко) 1664 и 2) Григорій Апостолъ, 1668.
2. Данило, р. 1654†1734, миргородскій полковникъ 1683—1727; гетманъ 1727—1734. Жена—Ульяна Васильевна Искрицкая [1] . . . . 1.
3. Анна, † 1729. Мужъ—Лукьянъ Жураховскій, полковникъ нѣжинскій . . . . 1.
4. Иванъ, жена—Елена Михайловна Корсакъ . . . 2.
5. Петръ, полковникъ лубенскій 1730—1758, потомъ бригадиръ. Жена—N N Храповицкая † 1760. . . . . . 2.
6. Павелъ, полковникъ миргородскій, 1727—1736. Убитъ въ Крыму въ 1736. Жена—Ѳедора Николаевна Энгельгардтъ. . . . . 2.
7. Татьяна, мужъ—Иванъ Ивановичъ Ломиковскій. 2.
8. Прасковья, † 1731. Мужья: 1 (Михайло Васильевичъ Дунинъ-Борковскій; 2) Михайло Васильевичъ Скоропадскій. . . . . 2.
9. Дочь N. Мужъ—Петръ Ивановичъ Кулябка, полковникъ лубенскій. . . . . 2.
10. Марья, мужъ — Андрей Дмитріевичъ Горленко, бунчуковый товарищъ . . . . 2.
11. Дочь N, мужъ—Василій Васильевичъ Кочубей, полковникъ полтавскій. . . . . 2.
12. Павелъ, прапорщикъ Семеновскаго гвард. полка, † 1742. Жена—Акулина Ивановна N, бывшая за вторымъ мужемъ Карломъ Штофельномъ, полковникомъ. . . . 4.
13. Данило, р. 1728; генеральный хорунжій 1762. Жена—Марина Власьевна Будлянская. . . . . 5.
14. Софья, мужъ—князь Петръ Сергѣевичъ Долгорукій, 1739. . . . . 5.

---

[1]) Въ поминальной записѣ 1690 г., родъ Дан. А-ла, „живые и мертвые", поименованы такъ: Марія, Даніилъ, Ульяна, Іоаннъ, Павелъ, Василій, Григорій, Іоаннъ 2, Стефанида (Опис. Черниг. Епархіи. Черниговъ. 1873. III, 275).

15. Дочь, N., мужъ—Матвѣй Артамоновичъ Муравьевъ, генер.-майоръ, сынъ котораго—Иванъ сталъ именоваться Муравьевымъ-Апостоломъ. . . . . **5**.

16. Катерина, р. 1741. Мужъ—Кондратій Петровичъ Битяговскій, полковникъ. . . . . **12**.

17. Михайло, секундъ-майоръ 1782. Жена—Елисавета Николаевна Чорба. . . . . **13**.

18. Марья, мужъ—Селецкій, полковникъ. . . . . . . **13**.

Апостолы вышли, по преданію, изъ Молдавіи (изъ Волохъ) и поселились въ Миргородскомъ полку [2]).

Въ 1659 г. Павелъ А. былъ еще новымъ человѣкомъ въ „войскѣ запорожскомъ“, судя по письму къ нему Выговскаго, который напрасно перезывалъ А. на свою сторону: въ это время А. предводительствовалъ гадяцкими казаками, считаясь казацкимъ полковникомъ. Когда же миргородскій полковникъ Лѣсницкій бѣжалъ съ Выговскимъ въ Польшу, мѣсто его заступилъ Павелъ А. [3]) Но онъ не долго занималъ этотъ урядъ; въ 1664 г. видимъ другаго полковника—Демьяна, а въ 1668 г. Григорія Постоленковъ, которые были если не сыновьями Павла, то близкими его родичами. [4]) Павелъ въ это время не занималъ никакого уряда: по купчей 1664 г., житель м. Хомутца, какой-то Вашлевичъ, заявилъ въ миргородской ратушѣ: „Отецъ мой, небожчикъ, подъ часъ року дорогого, остался виненъ *пану Павлу Апостолу* золотыхъ 300 и купъ 8, которіи бралъ на пожитокъ свой, жебы насъ, дѣтокъ своихъ, голодною смертью не помарить. До сего часу, сумма тая ваковала, а часу теперешнего до мене пришло, же бымъ по смерти небожчика отца своего, п. Апостолу оній долгъ платилъ; я, яко позостаній по отцу, не могучи тому досить учинить, на остатокъ взялемъ у п. Апостола до суммы той 13 купъ готовыхъ грошій, що чинитъ всей суммы полъ-чварта ста золотыхъ, за которую сумму п. Апостолу подалемъ лѣсъ отцевскій и Панкувскій, которими отецъ небожчикъ користовалъ подъ Хомутцемъ зъ давнихъ часовъ, за свѣдомомъ людей добрыхъ, межи Хороломъ и Рудками, зъ луками, зъ изами и зо всѣми користми до того лѣсу приналежачими; до того тежъ и садъ въ мѣстѣ Хомутцѣ, надъ греблею Клепачевою, зо всею оселею отцовскою, которіе лѣсъ и грунта менованному п. Павлу Апостолу пущаю въ поссесію, во вѣчное и спокойное держане и уживане...“ [5]) Изъ другихъ купчихъ записей 1669, 1671 и 1672 г. видно, что Павелъ А., не занимая никакого уряда, скупалъ въ Миргородщинѣ земли, преимущественно въ Хомутцѣ и въ Бакумовкѣ. По купчей 28 марта 1672 г. „Михайло Моцовитій, житель Харковскій (с. Харковецъ) продалъ лѣсъ свой власный зъ заизками, стоячій на р. Хоролѣ, пану *Павловѣ Апостолу, полковникови* войска его ц. пр. вел. зап. *миргородскому*“. На этотъ разъ Павелъ А. урядъ полковничества занялъ послѣ Михайла Кіяшки (1671), но долго ли оставался на этомъ урядѣ—неизвѣстно; въ 1683 г. миргородскимъ полковникомъ былъ уже сынъ его—*Данило А.* Около этого време-

---

[2]) Съ Апостолами пришли въ Миргородщину и другіе „Волохи“; такъ въ 1696 г. миргородскимъ сотникомъ былъ *Сандулъ Маневичъ*, конечно Волохъ.

[3]) Акты Ю и З. Рос. VII, 302 и IV, 272. Упоминаемый (ibid. VII, 306) Павелъ Ефремовъ—конечно, тотъ же Апостолъ.

[4]) Ibid. VI, 15 и VII, 89.

[5]) Изъ рукописи нашей библіотеки.

ни (1685—1692 г.) встрѣчаемъ какого-то *Павла Апостола Щуровскаго* на правомъ берегу Днѣпра, въ чинѣ казацкихъ полковниковъ, которыхъ выставляла Польша для удержанія за собою правобережной Малороссіи; но былъ ли это—отецъ Данила или другой—не знаемъ [6]).

Данило А., занявъ полковничій урядъ, будучи только 30 лѣтъ (р. 1654 г.) оставался на этомъ урядѣ непрерывно 44 года, и пережилъ за это время такіе противоположные въ Малороссіи порядки, какіе были при Самойловичѣ и Мазепѣ и потомъ настали при Скоропадскомъ. Умѣнье А. продержаться на полковничьемъ урядѣ во все продолженіе петровскихъ реформъ, измѣнившихъ весь строй старохазацкой жизни, во всякомъ случаѣ показываетъ особенное свойство принаравливаться къ требованіямъ времени. Извѣстно, что Д. А-лъ былъ горячимъ сторонникомъ партіи недовольныхъ реформами Петра и пользовался, по свидѣтельству Орлика, большимъ значеніемъ у Мазепы; въ 1707 г. А. говорилъ Мазепѣ: „Очи всѣхъ на тя уповаютъ, и не дай Боже на тебя смерти,—мы останемся въ такой неволѣ, что и куры насъ загребутъ!“ [7])

Бѣдность свѣдѣній о составѣ малороссійскаго общества въ XVII в. такова, что личность Данила А. выясняется нѣсколько лишь за время его гетманства, изъ дневника Якова Марковича.

За XVII в., о Данилѣ А. знаемъ только, кромѣ участія его въ тогдашнихъ походахъ, что онъ, подобно остальной старшинѣ, все стараніе обращалъ на увеличеніе въ Миргородщинѣ своихъ земельныхъ угодій, при чемъ пользовался, какъ и другіе, своимъ вліяніемъ на полчанъ. Д. А-лъ скупалъ земли въ Хомутцѣ, Сорочинцахъ, Бакумовкѣ, Поповкѣ, Кибинцахъ и частью заселялъ ихъ слободами. Купивъ нѣсколько кусковъ земли около с. Кибинецъ, въ урочищѣ Шарковщинѣ, А. поселилъ здѣсь слободу, теперешнее село Шарковщину; имъ же поселены села Фидровка и Пустовойтово, теперешнее мѣстечко. Въ 1689 г. А. получилъ универсалъ на Хомутецъ, на Бакумовку и на поселенную имъ Фидровку, а въ 1690 г. маетности эти были укрѣплены за нимъ и царскою грамотою. Черезъ двадцать лѣтъ, А. получилъ другую грамоту, которою за нимъ утверждались кромѣ Хомутца, Бакумовки и Фидровки, Савинцы, Поповка, Сухобаровка, Вергуны и въ Черниговскомъ полку—Шабалтасовка, Хлопяники и Лузики. Эту грамоту А. получилъ въ мартѣ 1710 г., т. е. въ то время, когда Петръ В. продолжалъ еще карать и награждать малороссійскую старшину за мазепинское дѣло. Участіе А. въ этомъ дѣлѣ извѣстно: онъ умѣлъ выйти изъ него „безъ подозрѣнія“; также точно онъ благополучно выпутался и изъ полуботковскаго дѣла, когда по смерти Скоропадскаго, войсковая старшина снова рѣшилась было заявить свой протестъ противъ Петровскихъ реформъ въ Малороссіи [8]). Въ 1727 г. А. былъ избранъ гетманомъ и шесть лѣтъ правилъ Малороссіею подъ вліяніемъ Наумова, состоявшаго при немъ въ должности министра и въ качествѣ—дядьки.

Какъ гетманъ, А-лъ преслѣдовалъ преимущественно личные интересы, устраивалъ свою родню и гналъ ея противниковъ. Подъ конецъ своего гетманства, А. потерялъ всякое значеніе и первенствовалъ только на бан-

---

[6]) Арх. Югозап. Рос., ч. III, т. 2, стр. 51. Въ 1673 г., встрѣчается на правомъ берегу и другой полковникъ—*Apostol Durak*. Ojczyste Spominki, Ambr. Grabowskiego. Krakov, 1845, II, 222.

[7]) Письмо Орлика къ Яворскому, Основа, 1862, октябрь.

[8]) Дневникъ Як. Марковича, I, 32.

кетахъ, которые задавали глуховскіе чиновники. Въ апрѣлѣ 1733 г., задавъ банкетъ по случаю коронаціи, гетманъ „самъ больше всѣхъ пьянъ былъ" (ему было 75 л.) и въ первый разъ пораженъ былъ параличемъ; въ январѣ слѣдующаго года, празднуя свадьбу внуки, гетманъ заболѣлъ снова и 17 января умеръ. Современникъ его прибавляетъ, что по случаю болѣзни гетмана, съ мая 1733 г. „Нарышкинъ правилъ Малороссійскими дѣлами, токмо подъ именемъ гетмана". Похороненъ А. „при особливой церемоніи", въ Сорочинцахъ, тогдашнимъ кіевскимъ митрополитомъ Заборовскимъ.

Семья Данила А., какъ видимъ, была большая: три сына и пять дочерей. *Иванъ А.* (4) умеръ раньше отца; онъ былъ женатъ на Ел. Мих. Корсакъ, правнучкѣ гетмана Самойловича, котораго сынъ Семіонъ дочь свою, Марью, выдалъ за Смоленскаго шляхтича, Михайла Корсака. Черезъ жену Ивана, конечно, гетманъ поженилъ и другихъ своихъ сыновей на Смолянкахъ.

Петръ (5) былъ взятъ, едва ли не въ качествѣ заложника, при Петрѣ В., ко Двору, гдѣ и воспитывался подъ надзоромъ Менщикова [9]). Въ 1728 г., во время бытности гетмана въ Москвѣ, императоръ лично назначилъ Петра—лубенскимъ полковникомъ, при посредствѣ камеръ-юнкера Алепли, земляка Апостоловъ [10]). Но и за тѣмъ гетманичь оставался въ Москвѣ болѣе двухъ лѣтъ и только лѣтомъ 1730 г., уже по смерти Петра II, отпущенъ былъ на управленіе полками [11]); послѣднимъ онъ завѣдывалъ до 1757 г., когда долженъ былъ уступить свое мѣсто Кулябкѣ, за что получилъ чинъ бригадира. По своему образованію Петръ А. выдѣлялся изъ современнаго ему общества и, конечно, образованіемъ своимъ обязанъ пребыванію въ Москвѣ [12]).

---

[9]) Описаніе всѣхъ обит. въ Рос. госуд. народовъ. Спб. 1799, IV, 314.

[10]) Дневникъ Марк., I, 277, 296.

[11]) Ibid., I, 354.

[12]) Приводимъ здѣсь письмо Петра А-ла, писанное къ Якову Марковичу (автору Записокъ) въ 1743 г., которое можетъ показать степень образованія писавшаго. „Письмо ваше, сердечнаго моего добродѣя, за сообщеніемъ при газетахъ вѣдомости о щастіи Кози (*Оболонскаго?*) по дачи маетности (*Горошина?*) въ сусѣдство къ намъ прійти имѣющаго, подано мнѣ очень à propos. Когда я читалъ по ряду въ Белѣевомъ Дикціонаріи исторію Руфина, котораго происхожденіе такъ казалось многимъ въ то время странно, какъ намъ многихъ намъ современныхъ—слѣпое щастіе есть удивительно и что тогда Клавдіанъ, колеблющійся мыслями своими о правдѣ судебъ Божіихъ, покамѣстъ не увидѣлъ конца фаворита онаго, разсуждалъ и изобразилъ стихами, тое жъ всякаго вѣка временщикамъ апплѣковатъ можно. Стихи же тѣ слѣдующаго суть содержанія:

Saepe mihi dubiam traxit sententia mentem *и проч.*

„Дозде Клавдіанъ; я же тому, до кого сіе апплѣкуется, турецкимъ штилемъ желаю: *ему же да будетъ конецъ благополучный:* О пожалованіи товарища нашего п. Андрея Горленка чиномъ и деревнями, уповаю, что и вы, мой сердечный добродѣю, сорадуетеся въ разсужденіи его бѣдности и доброты сердца. Какъ же то онъ въ томъ радостномъ случаѣ чуприну себѣ спереду гладилъ и на пальчикахъ подымался! Желалъ бы я при томъ купно съ вами быть и хахатать вмѣстѣ.—Газеты обратно при семъ съ прилогомъ 4 тома Спектатора посылаю." (Украинск. Журн. 1826 г.).

Павелъ (Є) получилъ миргородское полковничество 3 окт. 1727 г., т. е. чрезъ два дня послѣ оглашенія отца своего гетманомъ. Женился въ 1733 г. на дочерѣ Смоленскаго стольника Энгельгардта, а черезъ три года (20 іюля 1736) убитъ въ Крыму. Современникъ говоритъ: „была баталія подъ горами, надъ рѣчкою, подъ городомъ, гдѣ побито зъ гарматъ нечаянно (?) мирг. полк. Апостолъ.“ Потомства послѣ него, кажется, не осталось.

Павелъ (12), внукъ гетмана; въ 1732 г., учился въ Петербургѣ, получая отъ правительства особое на то жалованье. Ханенко, въ своемъ дневникѣ, говоритъ: „зъ паничемъ (Пав. Ив. Ап.) былъ разговоръ о томъ, что не учится и поступаетъ не по приличію зъ учителемъ“ [13]). Въ 1739 г., онъ былъ сержантомъ Преображенскаго, а потомъ прапорщикомъ Семеновскаго полковъ. Послѣ него осталась одна дочь—Катерина, которая, по записи 1760 г., имѣнія свои передала матери своей и вотчиму полковнику Штофельну: „Имѣю я села Глобиное, Сухобаровку и слободки Лузики, Ушивцы, Долгую Греблю и, усмотря доброе мнѣ отъ матери и отчима воспитаніе, а наипаче, что я отчима моего г. Штофельна трудомъ, неусыпнымъ попеченіемъ и немалымъ коштомъ обучена разныхъ языковъ, яко то понѣмецки, пофранцузски, поитальянски читать, писать и говорить, такожде тѣхъ языковъ штилюсу, науки слѣдующія: ариѳметики, гисторіи, географіи и музыки, за что считая всю уплату рознымъ учителямъ болѣе 2000 р. заплаченыхъ.... что онъ, отчимъ заплатилъ долги отца моего и что я получила отъ матери и отчима: серьги бриліантовыя—800 р., перстень бриліантовый—100 р., табакерку золотую зъ готовальнею золотою—100 р., часы золотые репетирные—124 р., часы золотые—80 р., два куска кружева брабантскаго—80 р., бѣлья разнаго на 600 р., сервизъ фарфоровый саксонскій — 50 р. и того на 1814 р..... За то всѣ недвижимыя въ разныхъ полкахъ и сотняхъ мои добра вышеупоминаемыя матери моей Акулинѣ Ив. и отчиму моему Карлу Ѳед. Штофельну уступаю во вѣчное и потомственное владѣніе“.... Уступная запись была засвидѣтельствована на полковомъ урядѣ; но приглашенный къ свидѣтельству родственникъ Апостоловъ, А. А. Горленко, полтавскій полковникъ, „по свойству своему въ дѣло то вмѣшаться не похотѣлъ“ [14]). Въ маѣ того же 1760 г., Катерина, вышедши уже замужъ за подполковника Кондратія Битяговскаго, еще разъ подтвердила свободную свою волю при совершеніи уступки 28 января 1760 г. Въ 1771 г. Штофельны почему-то возвратили Катеринѣ Павловнѣ Сухобаровку и Долгую Греблю.

Михайло (17) наслѣдовалъ послѣ отца большую часть богатствъ своего прадѣда: по ревизіи 1782 г. за нимъ значилось въ м. Хомутцѣ и с. Поповкѣ съ слобод. Клюшниковою—8051 человѣкъ крестьянъ об. п. Остальныя имѣнія Апостоловъ перешли въ родъ Муравьевыхъ.

2. БАЗИЛЕВСКІЕ.

1. Онисимъ.

2. Василій. Началъ службу въ компанейскомъ полку Новицкаго, гдѣ дослужился до ротмистра; съ 1676 г.—сотникъ бѣлоцерковскій (мѣстечко Хорольск. у.) потомъ—миргородскій обозный. † 1709. . . . . 1.

13) Черниг. Епарх. Вѣд. 1865 г. особый оттискъ, стр. 7, 28, 29, 35.

14) Полтавск. поземельн. акты 1757—1772, ркпсь нашей библіотеки.

3. Лаврентій, сотникъ бѣлоцерковскій, 1701 — 1737, съ небольшими перерывами. † 1747. . . . . **2**.

4. Емельянъ. . . . . **2**.

5. Ѳедоръ, сотникъ остаповскій, 1738. . . . . **3**.

6. Иванъ, сотникъ бѣлоцерковскій, 1737—1749. . . . . **3**.

7. Анна. . . . . **3**.

8. Григорій, сотникъ остаповскій, а потомъ съ 1764—Остаповскій земскій судья . . . . **5**.

9. Иванъ, р. 1743. Учился въ кадетскомъ корпусѣ и при выпускѣ получилъ медаль. Потомъ—подполковникъ. Умеръ неженатымъ. За нимъ показано имѣнія: въ Остапьѣ—658, въ Родіоновкѣ—352, въ Зубаняхъ—150, въ харьковской губ.—624 и въ с. Вергунахъ купленныхъ—539, всего 2323 крестьянъ об. п. . . . . **5**.

10. Ѳедоръ, р. 1744. Началъ службу въ 1759 въ генер. канцеляріи; потомъ съ 1764 г. наслѣдовалъ послѣ брата урядъ остаповскаго сотничества; съ 1772 — миргородскій полк. судья; въ 1779—титулярн. совѣтникъ; предводитель дворянства голтвянскаго уѣзда 1782—1791. Имѣнія его въ с. Кринкахъ (Больш., кременчугск. у.)—827, въ Остапьѣ—804 и купленныхъ въ с. Пустовойтовѣ—626 крестьянъ об. п. Умеръ неженатый. . . . . **5**.

11. Петръ, подполковникъ. Учился въ артилл.-инженерн. кадетск. корпусѣ . . . . **5**.

12. Андрей, р. 1753. Въ 1772 г. наслѣдовалъ послѣ брата Ѳедора, Остаповское сотничество; въ 1784—бунчук. товарищъ; въ 1785—коллежскій ассесоръ. За Андреемъ, вмѣстѣ съ другими братьями, показано 10634 крест. об. п. Жена—Анна Васильевна Евреинова. . . . . **5**.

13. Степанъ **5**.

14. Иванъ 2-й **5**.

(13, 14) Оба учились въ геттингенскомъ университетѣ 1775 г.; затѣмъ служили переводчиками въ коллегіи иностр. дѣлъ и прокурорами въ Кіевѣ, Степанъ—губернскаго магистрата, а Иванъ—верхней расправы.

Родъ Базилевскихъ происходитъ изъ рядоваго казачества и извѣстенъ тѣми значительными земельными богатствами, которыя собраны были Базилевскими уже въ половинѣ XVIII в. Богатства эти были собраны, какъ можно догадываться, преимущественно двумя братьями (5 и 6), занимавшими сотничьи уряды въ половинѣ прошлаго вѣка; особенно много, кажется, сдѣлалъ пріобрѣтеній остаповскій сотникъ Ѳедоръ Б., такъ какъ послѣ него въ одномъ м. Остапьѣ осталось дѣтямъ 1462 крест. об. п. Такія богатства пріобрѣтались войсковыми чиновниками сплошь и рядомъ покупкою земель въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ вліяніе, по занимаемымъ урядамъ, всегда было сильно, при безурядицѣ малороссійской администраціи средины XVIII в.

Сохранилось духовное завѣщаніе извѣстнаго родоначальника Б-ихъ, Василія, изъ котораго видны какъ незначительность его происхожденія, такъ и его скудное еще имущество. „Я, рабъ божій Василій *Онисимовичъ*, обо-

зный полку миргородскаго, чиню вѣдомо симъ моимъ тестаментомъ... ижъ распоряжаю такъ: напредъ жонѣ моей Параскевіи отдѣляемъ 800 золотыхъ готовыхъ грошей, а товару рогатаго и коней, кромѣ верховыхъ, и овецъ третья часть жонѣ моей; а тіи двѣ части сыновѣ моему Лаврентію. А що есть грунтовъ *набытку* (пріобрѣтенія) *моего*, и поля, и луки, и що колвекъ, все отказую Лаврентію синовѣ моему рожоному"... Завѣщаніе подписано: „Емеліянъ Отомовичъ рукою" *). Значитъ, Василій былъ бѣднякъ, не имѣвшій никакой населенной маетности, былъ неграмотенъ, что между тогдашнею малороссійскою старшиною было рѣдкостью и не имѣлъ даже рядоваго прозвища, называя себя по имени отца. Сынъ его Лаврентій, занимая сотничій урядъ болѣе 35 л., получилъ уже и населенную маетность, впрочемъ незначительную и при томъ не по гетманскому универсалу, а по „листу" своего полковника—Данила Апостола: „уважаючи на значеніе славной памяти небожчика Василія Онисимовича, бувшаго обознаго полку нашего, войсковыя заслуги, а видячи сына его п. Лаврентія *Васильевича* въ тѣхъ же войсковыхъ услугахъ знайдуючогося," полковникъ подтвердилъ ему владѣніе с. Рѣшетиловочкою.

Въ своемъ завѣщаніи 1744 г., „Лаврентій Васильевичъ" назначилъ уже на церкви, бѣлоцерковскія и сосѣднія, 50 рублей и затѣмъ грунта, уже значительные (потребовалось поименованіе каждаго изъ нихъ), подѣлилъ межъ двумя своими сыновьями, Ѳедоромъ и Иваномъ, вмѣстѣ съ Рѣшетиловочкой и „людьми бѣлоцерковскими", которыхъ онъ, значитъ, поселилъ на своихъ земляхъ.—Въ завѣщаніи и Лаврентій называетъ себя еще по отцовскому имени, но въ другихъ бумагахъ онъ уже сталъ подписываться Базилевскимъ, полонизируя отцовское имя и тѣмъ избѣгая слѣдовавшаго ему народнаго прозвища—Василенка, чтобъ выдѣлиться изъ массы.

О дѣтяхъ и внукахъ Лаврентія, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ другихъ свѣдѣній, кромѣ приведенныхъ выше и взятыхъ нами изъ ихъ послужныхъ списковъ. Сохранились только дипломы, выданные геттингенскимъ университетомъ Степану и Ивану Базилевскимъ.

(*Продолженіе будетъ*).

---

*) Завѣщаніе писано въ 1708 году.

КАНЦЛЕРЪ КНЯЗЬ БЕЗБОРОДКО *).

(ОПЫТЪ РАЗРАБОТКИ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ).

VIII.

Труды по управленію почтовымъ вѣдомствомъ.

Въ первую половину царствованія Екатерины почтовое дѣло Россіи вѣдалось „Почтовымъ Департаментомъ", однимъ изъ трехъ департаментовъ „Публичной Экспедиціи Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ". Безбородко сталъ въ близкое отношеніе къ почтовымъ дѣламъ съ 1776 года, т. е. съ самаго опредѣленія своего ко Двору. Съ этого времени онъ докладывалъ дѣла почтовыя Императрицѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ резолюціи, писанныя его рукою на докладахъ по почтовымъ дѣламъ, и указы. Во время своихъ докладовъ, Безбородко, вѣроятно, хорошо ознакомился съ состояніемъ почтъ въ Россіи, а потому и былъ назначенъ завѣдывать непосредственно этимъ вѣдомствомъ. 20 Декабря 1781 г. указомъ, даннымъ Сенату, порученъ былъ Почтовый Департаментъ „въ точное вѣдѣніе и наблюденіе генералъ-маіору Безбородкѣ" [1]).

Само собою разумѣется, что Екатерина поручила Почтовый Департаментъ Безбородкѣ съ тою цѣлію, чтобы онъ привелъ почтовое дѣло въ такой порядокъ, который отвѣчалъ бы требованіямъ времени. Понятно также, что успѣшному достиженію упомянутой цѣли мѣшали какъ второстепенное положеніе Почтоваго Департамента въ ряду другихъ государственныхъ учрежденій, такъ и тѣсная административная связь его съ Коллегіей Иностранныхъ Дѣлъ. Потому 4 Марта слѣдующаго 1782 г. Сенату данъ новый замѣчательный указъ, испрошенный у Императрицы Безбородкою. Въ 10-мъ пунктѣ этого указа говорится, что „Почтовый Департаментъ или Экспедиція долженствуетъ быть на ряду съ прочими мѣстами, установленными для внутренняго благоустройства, подъ вѣдѣніемъ Сената нашего и подъ отчетомъ, въ казенныхъ дѣлахъ и издержкахъ, учрежденныхъ экспедицій, а потому и все содержаніе его будетъ заимствоваться изъ почтовыхъ доходовъ" [2]). Такимъ образомъ, почтовое управленіе въ Россіи съ этого времени сдѣлалось самостоятельнымъ.

Безбородко, получивъ, вмѣстѣ съ независимостью ввѣреннаго ему почтоваго управленія, бо́льшую свободу для своей начальственной

---

*) Первыя семь главъ этого историческаго труда помѣщены во 2-й книгѣ Р. Архива 1874 года. *П. Б.*

[1]) Дѣло Почтоваго Департамента, 1781 г., № 40.

[2]) 1-е Полн. Собр. Зак., № 15.361.

дѣятельности, приложилъ все стараніе свѣтлаго и неутомимаго ума своего къ усовершенствованію почтъ.

До Безбородки почтовое управленіе въ Россіи складывалось и расширялось подъ вліяніемъ отдѣльныхъ и, при томъ, случайныхъ указаній опыта, да и въ такомъ видѣ оно удовлетворяло лишь самымъ общимъ потребностямъ государственной и частной жизни. Безбородко внесъ въ почтовое управленіе систему обдуманнаго усовершенствованія. Онъ произвелъ въ немъ весьма важныя улучшенія и измѣненія, которыхъ требовало быстрое развитіе, сообщенное Екатериною II-ю всѣмъ отраслямъ государственнаго быта и которыя послужили началомъ преобразованій, отчасти продолжающихся и въ наше время.

Авторъ „Біографическихъ свѣдѣній объ управлявшихъ почтовою частію въ Россіи" подтверждаетъ это мнѣніе, когда говоритъ, что „при Безбородкѣ почтовая часть сдѣлала важные шаги, по которымъ управленіе его оною можно назвать эпохою" [3]). Это мнѣніе неизвѣстнаго автора тѣмъ важнѣе для насъ, что оно составилось по спеціальному изученію подлинныхъ документовъ почтоваго вѣдомства, бо́льшая часть которыхъ невозвратно утрачена [4]), почему и невозможно теперь прослѣдить дѣятельность Безбородки, какъ главноначальствующаго надъ почтами, во всѣхъ ея подробностяхъ: приходится потому ограничиться тѣми немногими данными, которыя могли быть добыты усиленными поисками.

Первою заботою Безбородки, по вступленіи въ управленіе почтовымъ вѣдомствомъ, была забота объ улучшеніи помѣщенія почтоваго двора и центральнаго управленія почтами. Прежнее помѣщеніе было „неудобно и тѣсно", какъ отозвался о немъ Безбородко въ письмѣ къ кн. Вяземскому, отъ 17 Февр. 1782 г. Въ томъ-же письмѣ Безбородко сообщалъ Вяземскому, что его хлопоты о новомъ помѣщеніи для почтоваго вѣдомства увѣнчались успѣхомъ. Онъ писалъ: „Ея Императорское Величество повелѣть соизволила купить домъ гр. Сергѣя Павловича Ягушинскаго, въ Новой Исакіевской улицѣ состоящій, который тѣмъ сходнѣе для сего употребленія, что кромѣ множества покоевъ для помѣщенія Санктъ-Петербургскаго Почтамта и самаго главнаго почтоваго правленія, на двухъ супротивъ лежащихъ пустыхъ мѣстахъ можно будетъ построить конюшни, и все то, что̀ принадлежитъ къ станціи для почты конной и колясочной, когда оная учреждена будетъ" [5]). Въ концѣ Февраля 1782 г. послѣдовалъ указъ Сенату [6]) о покупкѣ дома

---

[3]) Прибавленіе къ общему циркуляру по главному управленію почтъ. СПб., 1846 г., № 33, стр. 18—23.

[4]) Въ архивѣ Почтоваго Департамента, за время управленія Безбородкою почтовою частью, въ царствованіе Екатерины II сохранилось только 141 дѣло, объ увольненіи и опредѣленіи чиновъ и объ учрежденіи почтовыхъ конторъ.

[5]) Дѣла Кабинета Е. И. В., связка № 447., 1782 г., № 13.

[6]) Указъ нашему Сенату. Купленный съ аукціона, за 30 т. рублей, каменный домъ генералъ-поручика, гр. Сергѣя Ягушинскаго, состоящій въ Новой Исакіев-

гр. Ягушинскаго для почтоваго вѣдомства; а за недѣлю до указа, 17 Февраля, Безбородко благодарилъ кн. Вяземскаго „за старанія о сей нужной покупкѣ“, и въ то-же время представилъ свое мнѣніе „о состояніи департамента, имъ принятаго“. Это письмо знакомитъ съ мельчайшими подробностями тогдашняго почтоваго управленія въ Россіи. „Ваше сіятельство“, писалъ Безбородко, присутствовавъ сами при разсмотрѣніи Ея Императорскимъ Величествомъ, въ началѣ 1779 г., штата Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и всѣхъ къ тому нужныхъ свѣдѣній, мною собранныхъ, извѣстны были, колико не въ лучшемъ порядкѣ обращалося управленіе почтами отъ сего департамента зависѣвшее. На первое тогда время казалося достаточнымъ положеніе, въ указѣ Ея Величества Генваря 29 того года [7]) Коллегіи данномъ изображенное, о неупотребленіи безъ именныхъ указовъ почтовыхъ доходовъ ни на что иное кромѣ содержанія почтъ, и о дачѣ отчетовъ въ прежнихъ издержкахъ въ теченіи пятилѣтнихъ упражненій моихъ по высочайшей Ея Величества довѣренности въ дѣлахъ иностраннаго департамента, довольно могъ я видѣть, что производство почтовыхъ дѣлъ и распоряженіе деньгами выходили изъ всѣхъ правилъ, законами предположенныхъ. Почтовые доходы почитаемы были какъ собственною казною Коллеґіи Иностранныхъ Дѣлъ, изъ коей волею своею удѣляла она на жалованье излишнимъ людямъ, на содержаніе экипажей, секретарямъ при двухъ первыхъ министрахъ того департамента, на награжденіе канцелярскимъ служителямъ и курьерамъ, на пропитаніе разнымъ людямъ, а иногда и на заимообразную дачу. Такимъ образомъ, истрачены по напрасну многія тысячи рублей, кои могли бы замѣнить государственные расходы въ разныхъ потребныхъ артикулахъ“.

ской улицѣ, повелѣваемъ отдать въ точное вѣдомство нашего генералъ-маіора Безбородко, для употребленія по надобностямъ препорученнаго ему Почтоваго Департамента; но какъ въ указѣ нашемъ Сенату данномъ, 6 Сентября 1781 г., предписано оставшуюся на графѣ Ягушинскомъ казенную претензію, въ 21.388 р. 65 к. взыскавъ съ него, отдать по принадлежности въ Коммерческій Банкъ, то соизволяемъ мы, чтобъ зачесть сіи деньги графу Ягушинскому въ число, надлежащей ему суммы за купленный домъ и, выключа изъ капитала того Банка, въ долгу не числить; достальныя же за тѣмъ деньги съ пошлинами и прочими росходами заплачены будутъ отъ генерала-маіора Безбородко. *Екатерина.* Въ Санктъ-Петербургѣ, Февраля 24 дня, 1782 года“. Въ именномъ-же указѣ, данномъ Сенату 6 Сентября 1781 г., читаемъ: „По дошедшему къ намъ прошенію генералъ-поручика графа Сергѣя Ягушинскаго о взыскиваемыхъ съ него Конторою Конфискаціи 38.188 р. 65 к. всемилостивѣйше повелѣваемъ для окончательнаго рѣшенія сей оставшейся на немъ казенной претензіи взыскать только 21.388 р. 65 к. и нынѣ же отдать оныя по принадлежности въ Коммерческій Банкъ съ тѣмъ, чтобъ недостающія 16.730 р. выключить изъ капитала Банка и не считать въ долгу ни на графѣ Ягушинскомъ, ни на томъ, кому тѣ деньги были выданы по соизволенію нашему“ (Подлин. въ Архивѣ Сената, въ СПб. кн. 147, стр. 216 и кн. 148, стр. 133).

[7]) 1-е Полн. Собр. Зак., № 14.834.

„При таковомъ расточенiи и собственное внутреннее почтъ управленiе служило еще къ подрыву ихъ дохода: ибо первое, письма въ чужiе краи частныхъ людей съ платежемъ ходили тѣхъ только, кои не имѣли знакомства въ канцелярiяхъ министровъ; а кто оное прямо или посредственно имѣлъ, такожъ всѣ канцелярскiе служители посылали ихъ безъ заплаты; всѣ штафеты и посылки, къ членамъ Коллегiи и къ ихъ секретарямъ надписываемыя, обращалися на счетъ почтовой казны; да еще второе, также недовольно, что теряла доходъ свой, она должна была платить за всѣ такiя письма и прочее по разсчету иностраннымъ почтамтамъ; сiи же почтамты обременяли здѣшнюю почтовую казну возвышенiемъ, такъ особливо въ земляхъ Прусскихъ. А хотя и можно было бы, по дружеству обѣихъ державъ, нѣкоторыя учинить условiя въ разсужденiи таксъ, или же употребить противъ того осторожности обращенiемъ нѣкоторыхъ почтъ, по крайней мѣрѣ, чрезъ другiя земли; но о семъ и помышляемо не было. Третiе, опредѣленiе почтмейстеровъ происходило не всегда по надобности для службы; но по прихотямъ и желанiямъ дать мѣсто человѣку, не смотря на знанiе и способность; оклады имъ назначаемы были не по трудамъ и важности мѣста, но въ маломъ городѣ давали столько, сколько и въ самомъ большомъ; умножали жалованье, взявъ за поводъ чинъ, даваемый въ награжденiе. Четвертое, изъ сего происходило, что не только не было смотрѣнiя за порядочнымъ теченiемъ почтъ и въ посылкахъ утрачены многiя суммы денегъ; но еще и сами почтмейстеры приличилися въ похищенiи ассигнацiй и тому подобнаго, за что еще прежде опредѣленiя меня, по настоянiю однако жъ моему, отданы подъ судъ; но совсѣмъ тѣмъ казна должна была, для соблюденiя довѣрiя къ почтамъ въ публикѣ, заплатить до тридцати тысячь частнымъ людямъ, безъ надежды возвращенiя своей потери“.

„При изданiи штата Коллегiи Иностранныхъ Дѣлъ нужно было освободить сей государственный департаментъ отъ многихъ излишнихъ людей, между коими были и требовавшiе, по долговременной своей службѣ и прежнимъ трудамъ, особливаго пристроенiя. Ея Величество, обыкши воздавать заслугамъ монаршею своею щедротою, благоволила назначить имъ пенсiи; а дабы не отяготить казну, на многiя другiя издержки потребную, всѣ пенсiи и всѣ прибавочные оклады, по именнымъ указамъ сдѣланныя, сложены тогда на почтовые доходы, которыхъ всѣхъ съ послѣдовавшими послѣ накопилося до двадцати тысячь рублей. Къ симъ издержкамъ не причисляю я того, что̀ платежъ прогоновъ и многiе другiе артикулы возвышенiемъ цѣнъ сами съ собою приносятъ, ибо сiе точно къ почтовому департаменту принадлежитъ“.

„Удостовѣренъ я совершенно, что сокращенiе расходовъ излишнихъ, высочайшее повелѣнiе о платежѣ за письма въ чужiе краи и за штафеты и другiя тому подобныя распоряженiя послужатъ къ умноженiю доходовъ почтовыхъ, и не преминулъ я, по долгу службы, предостерегать все, что къ ущербу сихъ доходовъ обращаться можетъ, какъ то и остановилъ уже я разныя заготовленныя отъ

Коллегіи прибавки къ окладамъ почтовыхъ служителей и представленія о пенсіяхъ увольняемымъ, предполагая взнести отъ себя куда надлежитъ съ мнѣніемъ, на законахъ и справедливомъ разборѣ трудовъ основаннымъ; но всѣ сіи хозяйственныя распоряженія требуютъ времени и далеко еще отъ того, чтобы Почтовой Департаментъ могъ во всякое время всякимъ своимъ надобностямъ удовлетворять отъ избытковъ своихъ".

„По симъ обстоятельствамъ прошу всепокорно ваше сіятельство доложить Ея Императорскому Величеству, чтобъ во первыхъ, сумма за домъ у гр. Ягушинскаго купленный потребная, сверхъ зачета долгу его, выдана была изъ казны; а какъ отдѣлка того дому съ прикупленнымъ мною, по дозволенію Ея Величества мѣстомъ, такожъ съ приторгованнымъ, по крайней надобности, чрезъ гофъ-маклера Барца, на большомъ позади тѣхъ мѣстъ домѣ безъ всякихъ прихотей, но по сущимъ нуждамъ для помѣщенія сего обширнаго департамента требуетъ не малой издержки: то не угодно-ли будетъ повелѣть отпустить заимообразно, подъ обязательство Почтоваго Департамента, изъ Ассигнаціоннаго Банка 70 т. р., кои Почтовый Департаментъ, начиная съ слѣдующаго 1783 г. будетъ уплачивать по шести процентовъ на годъ, покуда вся сумма возвращена будетъ. Когда послѣдуетъ на сіе монаршее соизволеніе, тогда представлю я на апробацію какъ планъ всему строенію, такъ и всѣ распоряженія, кои нужны будутъ къ производству его въ дѣйство, со всевозможнымъ сбереженіемъ казны и вѣрнымъ отчетомъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда слѣдуетъ доставить оный" [8]).

Покупка дома, которою Безбородко началъ приводить въ исполненіе свои планы объ улучшеніи тогдашняго почтоваго помѣщенія въ Петербургѣ, была дѣломъ далеко нелегкимъ, и ему, не смотря на его положеніе, нужно было употребить немало хлопотъ для окончательнаго завершенія этой покупки. Едва ли ошибемся, сказавъ, что только благодаря положенію Безбородки, благодаря довѣрію, которымъ онъ пользовался у Государыни, эта покупка и могла состояться. Денежныя дѣла гр. Ягушинскаго были сильно запутаны; домъ его, съ публичнаго торга, перешелъ въ руки гофъ-маклера Барца. Покончивъ это дѣло, въ Февралѣ 1782 г., предписаніемъ объ „уплатѣ пошлинъ, денегъ аукціонныхъ и куртажныхъ гофъ-маклеру Барцу и о препровожденіи остальныхъ денегъ въ Губернское Правленіе, для доставленія гр. Ягушинскому", Безбородко сдѣлалъ распоряженіе: „Домъ принять здѣшнему почтамту, опредѣля туда человѣка, который могъ бы собирать покуда доходъ" [9]).

Въ бумагѣ, изъ которой извлечено приведенное распоряженіе, къ нему сдѣлана такая прибавка касательно дома: „о перестройкѣ его дано будетъ мое распоряженіе". На подобное же, бывшее въ предположеніи, распоряженіе указываетъ и записка Безбородки, отъ 4

---

[8]) Дѣла Кабинета Е. И. В., связ. 447, 1782 г., № 82.

[9]) Собственноручный подлинникъ въ архивѣ Почтоваго Департамента, дѣло 1782 г., № 46, стр. 11.

Марта 1782 г. Здѣсь, имѣя въ виду указъ, данный 3 Марта тогоже года остаточному казначейству, объ отпускѣ заимообразно 35.000 р. „въ вѣдомство нашего генералъ-маіора Безбородко", онъ говоритъ: „Съ исполненіемъ по сему указу спѣшить еще не должно для того, что я собираюся сдѣлать планъ и распоряженіе по строенію покоевъ" [10]). Наконецъ, 7 Іюня 1782 г., Безбородко писалъ главному почтовыхъ дѣлъ правленію: „извѣстно оному правленію изъ высочайшихъ именныхъ Ея Императорскаго Величества указовъ, данныхъ Правительствующему Сенату и мнѣ, что во первыхъ домъ г-на генерала-порутчика, гр. Ягушинскаго, въ Новой Исакіевской улицѣ лежащій, съ публичнаго торгу гофъ-маклеромъ Барцомъ купленный, назначено обратить для почтоваго двора въ Санктъ-Петербургѣ. Второе, два противъ него положенія имѣющія мѣста профессора Урсинуса и нотаріуса Медера дозволено купить для распространенія того двора. Третіе, изъ казначейства для остаточныхъ суммъ учрежденнаго предписано отпустить въ мое вѣдомство, въ нынѣшнемъ году, 35 т. Изъ сихъ послѣднихъ денегъ для таковаго же распространенія почтоваго двора купленъ лежащій позади, на Крюковомъ каналѣ, домъ нотаріуса Медера, а остальныя, по волѣ Ея Императорскаго Величества, предполагаются на начало, въ настоящемъ году, строенія помянутаго почтоваго двора, въ которомъ помѣщены будутъ не только здѣшній станъ и Почтъ-Амтъ, но и главное почтовыхъ дѣлъ правленіе съ жилищами для всѣхъ сего департамента чиновъ и служителей. Сочиненныя на основаніи данной отъ меня программы присутствующимъ въ главномъ почтовыхъ дѣлъ правленіи совѣтникомъ посольства г. Львовымъ планы и фасады всему тому строенію Ея Императорскому Величеству мною были представлены и удостоены высочайшей ея апробаціи, чего ради и надлежитъ приступить къ производству того въ дѣло" [11]).

Выше было замѣчено, что Безбородко „внесъ въ почтовое управленіе систему обдуманнаго усовершенствованія". Эта система явилась у него плодомъ изученія почтовыхъ порядковъ въ другихъ странахъ. Не знаемъ, кому пришла первая мысль обратиться для устроенія почтоваго вѣдомства въ Россіи къ изученію соотвѣтственныхъ дѣлъ въ другихъ странахъ, геніальной-ли монархинѣ, сочинившей по мыслямъ лучшихъ тогдашнихъ писателей Европы наказъ, или даровитому исполнителю ея предначертаній по почтовымъ дѣламъ, который, въ теченіи пятилѣтнихъ упражненій въ дѣлахъ иностраннаго департамента, довольно могъ видѣть, „что̀ за порядки наблюдались у насъ по почтовому вѣдомству" [12]).

Въ Апрѣлѣ 1782 года, изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Безбородкѣ были доставлены присланныя нашими заграничными мини-

---

[10]) Собственноручный же подлинникъ, тамъ же, № 46, стр. 22.

[11]) Собственноручный подлинникъ, тамъ же, № 46, стр. 26.

[12]) Дѣла Кабинета Е. И. В., связ. 447, 1782 годъ, № 82, письмо А. А. Безбородки къ кн. Вяземскому, отъ 17 Февраля 1782 г.

страми подробныя извѣстія объ устройствѣ почтовой части въ иностранныхъ государствахъ. Извѣстія эти заключались въ брошюрахъ и рукописяхъ, коихъ общимъ числомъ было 83 [13]). Авторъ сочиненія: „Историческое развитіе постановленій Русскаго законодательства по почтовой части", говоритъ: „Нѣкоторыя черты учрежденія почтовой части въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ такъ сходны съ существовавшимъ въ то время во Франціи почтовымъ устройствомъ, что кажется, будто первая мысль такихъ преобразованій заимствована была изъ этой страны" [14]). Дѣйствительно, изучивъ доставленныя гр. Остерманомъ рукописныя записки и печатныя брошюры, Безбородко нашелъ лучшимъ и болѣе соотвѣтственнымъ съ потребностями Россіи устройство почтъ во Франціи и, сообразно съ ея законоположеніями, приступилъ къ преобразованію и улучшенію почтовой части во всей Россіи.

Впрочемъ, первыя распоряженія Безбородки по устройству различныхъ отправленій почтовой части въ Россіи начинаются раньше полученія имъ иностранныхъ свѣдѣній отъ гр. Остермана. Такъ, 7 Января 1782 г., высочайше было повелѣно Малороссійскому почтамту быть въ зависимости отъ Почтоваго Департамента и доходы его присоединить къ общимъ почтовымъ доходамъ. „Образъ тогдашняго управленія въ Малой Россіи былъ таковъ, что многія частныя заведенія не были связаны съ главными мѣстами государственными тѣхъ же званій, хотя то необходимо нужно было для порядка въ дѣлахъ и для генеральнаго по всей Имперіи соображенія о каждой части, отъ чего происходили неудобства" [15]). Тогда же, для единообразія въ завѣдываніи Малороссійскими почтовыми станціями, учрежденъ почтамтъ въ Черниговѣ. Черезъ недѣлю, 13 Января, состоялся новый весьма замѣчательный указъ ко всѣмъ генералъ-губернаторамъ о составленіи примѣрной почтовой карты всѣхъ дорогъ и подробнаго обозрѣнія всѣхъ способовъ къ устройству почтъ, для удобнѣйшаго сообщенія между всѣми мѣстами въ Имперіи. Въ началѣ указа говорилось, что „настоящее Всероссійской Имперіи раздѣленіе на губерніи, умноженіе губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, приращеніе внѣшней и внутренней торговли и оборотовъ по-

---

[13]) Графъ Остерманъ, 17 Апрѣля 1782 г., писалъ къ Безбородкѣ препровождая въ Почтамтъ упомянутыя брошюры и рукописи. „По высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, писавъ къ пребывающимъ при иностранныхъ Дворахъ нашимъ министрамъ и другимъ повѣреннымъ особамъ о собраніи и присылкѣ сюда всѣхъ нужныхъ свѣдѣній, до почтовыхъ учрежденій касающихся, получилъ я вслѣдствіе того отъ князя Д. М. Голицына, отъ господъ Симолина, Сакена, Струве и отъ барона Криднера прилагаемыя здѣсь бумаги. По отношенію сей матеріи къ департаменту, ввѣренному въ дирекцію вашего превосходительства, имѣю честь оныя вамъ сообщить купно съ копіями министеріальныхъ писемъ, коими они препровождены были; коль же скоро и прочія по сей матеріи бумаги ко мнѣ присланы будутъ не премину я ихъ вамъ, милостивый государь мой, равномѣрно доставить" (Дѣла Почтоваго Департамента 1782 г., №. 43.).

[14]) Казань, 1855 г., стр. 28, примѣч. 1-е.

[15]) 1-ое Полн. Собр. Закон., № 15.316.

ставляютъ государство наше въ необходимость имѣть порядочныя почты, которыя могли бы облегчать между всѣми мѣстами сообщеніе, заимствуя отъ себя содержаніе свое, а со временемъ присовокупляя и нѣкоторые до казны доходы". За тѣмъ повелѣвалось находить ближайшія или же удобнѣйшія для пути и проѣзда дороги и сокращенія разныхъ въ одну, для уменьшенія издержекъ, съ назначеніемъ станцій не далѣе 15—25 верстъ одна отъ другой [16]). Указъ этотъ открылъ новый взглядъ на почты—взглядъ финансовый. Явленіе весьма важное въ исторіи почтоваго законодательства; оно показываетъ, что почты, дошедши до общеупотребительности, вмѣстѣ съ тѣмъ получили характеръ финансовой регаліи, которая, какъ увидимъ ниже, стала приносить значительныя выгоды.

Въ слѣдъ за тѣмъ, 21 Января того же 1782 г., состоялся указъ объ отправленіи почты изъ Санктъ-Петербурга въ Москву и обратно два раза въ недѣлю, о раздѣленіи оной на легкую и тяжелую, объ обязанностяхъ Почтамта и другихъ мѣстъ и лицъ при отправленіи почтъ и о правилахъ выдачи подорожень на почтовыхъ лошадей [17]). Сенатъ по выслушаніи этого указа, распорядился объ исполненіи его въ примѣненіи къ Петербургскому и Московскому почтовымъ округамъ. „Что жъ принадлежитъ до исполненія высочайшаго повелѣнія о учиненіи распоряженія въ разсужденіи другихъ мѣстъ, гдѣ подобными средствами можно облегчить нужное между различными мѣстами сообщеніе, то какъ дирекція надъ Почтамтами ввѣрена г. генералъ-маіору Безбородкѣ, въ разсужденіи чего и потребовать отъ него о семъ мнѣніе" [18]). Получивъ изъ Сената указъ съ требованіемъ мнѣнія по вышеизложенному дѣлу, Безбородко сдѣлалъ распоряженіе: „Вслѣдствіе прилагаемаго при семъ указа изъ Сената надлежитъ: первое, доставить копію онаго къ господамъ почтъ-мейстерамъ Санктпетербургскому, Московскому, Малороссійскому и Рижскому для свѣдѣнія и исполненія къ кому что слѣдуетъ. Второе, Санктпетербургскому и Московскому почтъ-директорамъ предписать о пріемѣ въ вѣдомство ихъ ямской почты, на прописанномъ въ указѣ основаніи, о сдѣланіи нужныхъ распоряженій къ отправленію оной дважды въ недѣлю, между столицами, о назначеніи дней соглашаясь съ другими почтами, когда она отходитъ и приходитъ, куда должна (слѣдовать) и объ увѣдомленіи о томъ экспедицію, дабы она могла исполнить предписанное ей относительно опубликованія о томъ. Третье, какъ въ именномъ указѣ, по пятому, пункту велѣно, со стороны Почтоваго Департамента, учредить также о помѣщеніи ямской почты и объ опредѣленіи людей необходимо-потребныхъ, то и истребовать отъ господъ Санктпетербургскаго и Московскаго почтдиректоровъ ихъ нынѣшнимъ числомъ канцелярскихъ служителей, или же за нужное признаютъ при-

---

[16]) 1-е Полн. Собр. Зак., № 15.323.

[17]) Тамъ же, № 15.330.

[18]) Собраніе законовъ по управленію почтовому, съ 1649—1801 г. СПб. 1846 г., т. II, стр. 160—161, въ примѣчаніи.

бавить ихъ и съ какимъ окладомъ, также где они ту ямскую почту помѣстить могутъ". Въ заключеніе Безбородко предписываетъ почтдиректорамъ сообщить ему свои примѣчанія по устройству на новыхъ началахъ ямской почты въ Россіи [19]).

Приведенныя распоряженія Безбородки указываютъ на его заботливость о сокращеніи путей почтоваго сообщенія и объ устройствѣ на новыхъ началахъ ямской, легкой и тяжелой почты. Особенно заботился Безбородко о сокращеніи, въ обширной имперіи, путевыхъ линій сообщенія, именно объ избраніи для нихъ возможно-болѣе прямаго и слѣдовательно ближайшаго къ центральнымъ и станціоннымъ пунктамъ направленія. Самымъ яркимъ образомъ указанную заботливость Безбородки рисуютъ собственноручныя бумаги его, адресованныя князю Вяземскому по этому дѣлу. Въ письмѣ отъ 27 Февр. 1782 г. онъ говоритъ: „По высочайше возложенному на меня управленію Почтовымъ Департаментомъ, я должностію себѣ поставляю изыскивать себѣ все то, что къ облегченію сообщенія между различными мѣстами пособствовать можетъ, сокращая при томъ колико можно казенныя издержки и народную тягость. Вслѣдствіе сего имѣю честь увѣдомить васъ, милостивый государь мой, о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ относительно дорогъ и почтъ въ Санктпетербургской губерніи, признаваемыхъ мною за нужное, прося васъ о предложеніи того Губернскому Правленію. Первое, настоящая дорога къ городу Архангельскому, чрезъ Новую-Ладогу, Вытегру и Каргополь, хотя по картѣ и весьма прямою оказывается; но какъ въ самомъ дѣлѣ оная таковою быть не можетъ; по объявленію же проѣзжихъ и весьма невыгодна, слѣдственно и не заслуживаетъ таковаго предпочтенія, чтобъ ее отмѣнить нельзя было, если найдется другая болѣе сходственная. Въ семъ послѣднемъ видѣ, представляется мнѣ удобнѣйшимъ проложить ее изъ Новой-Ладоги на Олонецъ, а оттуда уже на Вытегру и Каргополь. По состоянію областнаго города Олонца, здѣшнее Губернское Правленіе и прочія мѣста обязаны обращаться во всегдашнемъ сообщеніи, особливо же то нужно для заводовъ и торговли того края, почему и нужно будетъ содержать порядочную и въ довольномъ количествѣ лошадей почту; а и отъ Олонца къ уѣзднымъ той области городамъ Каргополю и Вытегрѣ необходимо потребно подобное для переписки сообщеніе, слѣдовательно къ сокращенію издержекъ казенныхъ и уменьшенію тягости народной. Представляемое мною распоряженіе весьма надежнымъ кажется, когда оное со стороны Губернскаго Правленія за благо принято будетъ; то и не соизволитъ ли оно предписать исправникамъ о поправленіи дорогъ и переправъ, о переводѣ съ нынѣшней дороги станцій на сію новую, устроя оныя по высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, въ рескриптѣ къ господину генералу-маіору Потапову, отъ 13 Генваря 1782 г. изображенному, и о поставкѣ на новыя станціи столько же лошадей до времени, сколько положено до сего на прочихъ

[19]) Съ собственноручнаго подлинника, въ архивѣ Почтоваго Департамента, въ дѣлѣ 1782 г., № 44.

станахъ города Архангельскаго. Второе, по картѣ казалося бы ближайшею дорогою отъ Санктпетербурга къ городу Архангельскому чрезъ Олонецъ, Петрозаводскъ и Онегу. Многія выгоды и особливо нужное тамошняго края оживленіе убѣждали бы сей путь предпочесть всякому другому; но удобность проѣзда на немъ вовсе неизвѣстна, а сказано мнѣ отъ бывшихъ съ господиномъ генералъ-губернаторомъ Вологодскимъ въ городѣ Архангельскомъ, что сообщеніе между симъ областнымъ городомъ и уѣзднымъ Онегою невыгодно; въ слѣдствіе сего, не благоволитъ ли Санкпетербургское Губернское Правленіе дать повелѣнія свои исправникамъ объ осмотрѣ сихъ дорогъ и о съѣздѣ ихъ съ исправниками Вологодскаго намѣстничества Архангельской области, на границѣ, сходно съ рескриптомъ 13 Генваря 1782 г., по предварительному о томъ сношенію обѣихъ Губернскихъ Правленій, и о присылкѣ обстоятельныхъ всему извѣстій?“

„Третіе, между тѣмъ, какъ мы уже вѣдаемъ высочайшее монаршее соизволеніе объ устроеніи связи между городами губернскими или областными вѣдомства ихъ уѣздными, не угодно ли будетъ Губернскому Правленію отъ Олонца къ Петрозаводску, а чрезъ сей городъ и къ Подонску, поставить на каждой станціи по четыре лошади, учредя оныя станціи по основанію помянутаго рескрипта? Сего количества лошадей весьма довольно будетъ для возки писемъ въ недѣлю однажды и на случай посылки курьеровъ. Чтò же касается до заведенія почтоваго сообщенія между Петрозаводскомъ и Вытегрою, оное принадлежитъ къ разсмотрѣнію Губернскаго Правленія, по свѣдѣнію его поколику то нужно быть можетъ; а я долженъ буду, съ моей стороны, по возможности удовлетворить требованіямъ всѣмъ отъ меня зависящимъ“.

„Четвертое, коль скоро получу я отъ Губернскаго Правленія сообщеніе на все мною тутъ предъявляемое, тотчасъ предпишу здѣшнему Почтамту о сдѣланіи потребныхъ распоряженій; а поелику во многихъ городахъ по сей дорогѣ находятся опредѣленные почтмейстеры, то, оставляя ихъ по мѣстамъ, имѣю честь чрезъ васъ сообщить Губернскому Правленію, не соизволитъ ли оное согласиться со мною, чтобъ въ Петрозаводскѣ и Подонскѣ, гдѣ другой и нѣтъ почтовой переписки, кромѣ отъ тамошнихъ мѣстъ и къ нимъ слѣдующей, отправленіе должности почтмейстерской до времени возложить на кого либо изъ тамошнихъ бургомистровъ или ратмановъ, по добровольному ихъ соглашенію, опредѣля имъ на содержаніе конторы и за труды нѣкоторое награжденіе отъ Почтоваго Департамента“.

„Пятое, прогонныя деньги, по отдаленности сего края и по дороговизнѣ, по мнѣнію моему, не могутъ быть менѣе двухъ копѣекъ на версту, а такса, по апробованнымъ правиламъ отъ Почтоваго Департамента, издана будетъ. Чтò же принадлежитъ до фуражныхъ на станціи денегъ, то Губернское Правленіе не соизво-

литъ ли какъ о томъ, такъ о назначенiи прогонныхъ денегъ, да обо всемъ распоряженiи представить Правительствующему Сенату?“ [20])

Безбородко не ограничивался только поверхностнымъ начальствомъ надъ почтовымъ управленiемъ, но входилъ въ самыя сокровенныя стороны дѣла, чтобы доставить „выгоды казнѣ и пользу частнымъ лицамъ“. Особенно послѣднее обстоятельство вызывало его заботы, чтобы достигнуть полнаго довѣрiя частныхъ лицъ къ казнѣ. Мѣра, направленная къ достиженiю этой важной цѣли, была выработана особою коммисiей, въ которой находились членами, кромѣ Безбородки, кн. Вяземскiй, гр. Шуваловъ и гр. А. Р. Воронцовъ. Коммисiя, въ Мартѣ 1783 г., представила Государынѣ докладъ, въ которомъ выразила между прочимъ, что она пришла къ заключенiю „о неминуемой надобности установить въ пользу почтъ платежъ по полупроценту съ цѣны, пересылаемой въ натурѣ золотой и серебряной монеты и государственныхъ ассигнацiй; а хотя серебро по тягости своей и менѣе имѣетъ удобности къ перевозу, но тягость его награждается превосходствомъ вѣсовыхъ денегъ, по узаконеннымъ почтовымъ таксамъ собираемыхъ. Таковое установленiе не можетъ быть для публики ни ново, ни отяготительно; ибо всѣ уже сдѣлали привычку пересылать деньги свои чрезъ почты и добровольно подвергнутъ себя весьма умѣренному платежу за вѣрное доставленiе ихъ капиталовъ, будучи обезпечены тѣмъ, что всякая утрата останется на отчетѣ почтъ. Къ вящему сего доказательству приводится то, что нѣтъ тутъ ни самомалѣйшаго кому-либо принужденiя, но каждый воленъ пересылать деньги свои чрезъ почты или посредствомъ переводныхъ векселей; однако векселя имѣютъ извѣстный на разныя мѣста срокъ, и не такъ скоро платежъ по нимъ происходитъ, какъ пересылкою чрезъ почты настоящихъ денегъ, коими можно пользоваться въ самую минуту полученiя. При всей же объявленной здѣсь выгодности, безопасной отъ всякихъ подлоговъ, переводящiй деньги чрезъ векселя больше имѣетъ расходовъ, нежели пересылающiй чрезъ почты, платя при взятьѣ векселя, по введенному коммерческому установленiю, полъ процента за коммисiю и четверть процента маклерскихъ. Представя согласiе общественной пользы съ дѣлаемымъ нами постановленiемъ, соображали мы и то, дабы почты, принимающiя на свой страхъ вѣрную пересылку денегъ, не понесли излишнихъ противу ожидаемой прибыли издержекъ, и не токмо по правдоподобiю, но основываясь на дѣйствительныхъ опытахъ, надѣемся, что установляемый платежъ будетъ достаточенъ на расходы и непредвидимыя случайныя утраты денежныя: ибо при пересылкѣ денегъ бываетъ всего оборота въ годъ до 6.000.000 рублей, съ коихъ полъ процента составляютъ 30.000, почти равную сумму той, какая утратилась на почтахъ съ 1769 до нынѣ текущаго года, то есть со времени учрежденiя Ассигнацiонныхъ Банковъ“. Докладъ этотъ Государыня утвердила 7 Мар-

[20]) Дѣла Кабинета Е. И. В., связ. 447, № 85.

та 1783 г. [21]). А въ томъ же Мартѣ Безбородко предписалъ „сдѣлать", по поводу приведеннаго высочайше конфирмованнаго доклада, „потребныя распоряженія для безопасности почтъ, съ коими и не умедлить" [22]).

При такой заботливости Безбородки объ устройствѣ почтовыхъ порядковъ, не удивительно, что почтовыя сношенія въ государствѣ мало по малу развивались и расширялись: для нихъ открывались новые пути, новые пункты и новыя обезпеченія. Само общество на́чало, по мѣстамъ, принимать участіе въ расширеніи тогдашнихъ почтовыхъ сношеній въ Россіи. Около разсматриваемаго времени Ольвіопольскій почтмейстеръ Пулевичь доносилъ главному почтовыхъ дѣлъ правленію, что „собравшіеся въ г. Херсонѣ разные негоціанты сожалѣютъ, что въ Херсонѣ, для пріему на почтѣ писемъ и раздачи оныхъ, порядочнаго почтоваго правленія не имѣется". Изъ уваженія къ этому желанію Херсонскихъ негоціантовъ Безбородко, 19 Марта 1783 г., самъ опредѣлилъ „пограничнымъ почтмейстеромъ" въ новоучрежденную по этому случаю почтовую контору въ Херсонѣ „Академіи Художествъ инспекторскаго помощника Эрнеста Германа фонъ-Меллера". Въ тоже время Безбородко предписалъ и о дачѣ ему, фонъ-Меллеру, чина коллежскаго ассесора представить Правительствующему Сенату, и снабдить его всѣмъ потребнымъ [23]).

Между тѣмъ, на ряду съ подобными частными мѣрами, продолжались общія новыя распоряженія Безбородки по почтовому вѣдомству. Изъ числа ихъ можно остановиться на распоряженіи о платежѣ прогонныхъ денегъ во всѣхъ губерніяхъ, до городовъ Перми и Уфы, по двѣ копѣйки на версту, и между Петербургомъ, Москвою и первыми отъ оныхъ станціями, по 4 копѣйки на версту, за каждую лошадь [24]).

Вѣроятно въ тоже время были обозначены особыми небольшими каменными столбами версты въ 600 саженъ. Эти-то столбы и вызвали остроумное слово ямщика, который везъ Безбородку изъ Чернигова въ село Стольное, гдѣ жила его мать. „Когда Императрицѣ" (пишетъ г. Ханенко) „угодно было увеличить прогонные платежи, то, чтобы сдѣлать это менѣе непріятнымъ образомъ для народа, говорилъ Безбородко, я предложилъ Государынѣ уменьшить самыя версты изъ 700-тыхъ въ 600-тыя, что̀ было одобрено и приведено въ дѣйствіе. Кучеръ, везшій меня пьяный, зацѣпивъ колесомъ за версту, началъ сердиться и ворчать, а вмѣстѣ съ тѣмъ

---

21) 1-е Полн. Собр. Зак., № 15. 684. Собраніе Законовъ по управленію почтовому, съ 1649—1801 г., т. II, стр. 185, № 376.

22) Изъ собственноручнаго подлинника, въ Архивѣ Почтоваго Департамента, въ дѣлѣ 1783 г., № 51.

23) Изъ собственноручнаго подлинника, въ Архивѣ Почтоваго Департамента, въ дѣлѣ 1783 г., № 50-й.

24) 1-е Полн. Собр. Зак., № 15.703.

сказалъ: „Що такъ густо понаставлено столпивъ, що не можно проихать не зачепившись“ [25]).

Заботясь и о поспѣшнѣйшемъ доставленіи переписки, Безбородко 23 Марта 1783 г. доносилъ Сенату: „Для поспѣшнѣйшаго доставленія переписки между присутственными мѣстами и частными людьми, по мнѣнію моему, весьма нужно распорядить слѣдующія дороги отъ здѣшней столицы: первую, къ Тобольску не чрезъ Москву, какъ до сего было, но чрезъ Новую-Ладогу, Кириловъ, Вологду, Тотьму, Устюгъ-Великій, Вятку, Пермь и Алапаевъ, которая и будетъ ближе прежняго и по нынѣшнимъ разстояніямъ болѣе 200 верстъ. Вторую, къ Казани, вмѣсто прежней на Москву, идущей чрезъ Новую-Ладогу, Тихвинъ, Устюжну-Желѣзо-Польскую, Пошехонье, Ярославль и Балахну до Нижняго Новагорода, гдѣ уже оная соединяется съ прежнею. Третію, къ городу Архангельскому, вмѣсто бывшей до сего чрезъ Каргополье, изъ Новой-Ладоги на Олонецъ, Петрозаводскъ, Повѣнецъ и Онегу. Дорога сія и по нынѣшнему маршруту считается ближе прежней болѣе ста верстъ; когда же со стороны Вологодскаго намѣстничества проложена она будетъ отъ города Архангельскаго къ Онегѣ прямѣе и отъ моря отдаленнѣе, какъ то удостовѣрялъ меня господ. т. сов., сенаторъ, Ярославскій и Вологодскій генералъ-губернаторъ Алексѣй Петровичь Мельгуновъ, признавая то необходимымъ по причинѣ частыхъ приливовъ по сей близкой къ морскимъ берегамъ дорогѣ; то разстояніе между здѣшнею столицею и городомъ Архангельскимъ еще болѣе сократится, не упоминая о томъ, что учрежденіе между сими двумя городами сообщенія чрезъ Олонецъ, Петрозаводскъ, Повѣнецъ и Онегу послужитъ къ немалой пользѣ того края, а особливо сихъ послѣднихъ мѣстъ. Представляя о семъ на разсмотрѣніе Правительствующему Сенату, прошу предписать господамъ генералъ-губернаторамъ и правящимъ ту должность въ намѣстничествахъ, чрезъ кои идутъ вышеозначенныя дороги, о приложеніи старанія, дабы тѣ дороги для надежнѣйшаго сообщенія и скораго доставленія переписки приведены были въ надлежащую исправность и чтобъ со стороны ихъ къ учрежденію по онымъ почты сдѣланы были надлежащія распоряженія, доставя мнѣ подробные маршруты и обстоятельное увѣдомленіе о таковыхъ распоряженіяхъ, дабы и я могъ все къ тому касающееся и отъ ввѣреннаго мнѣ департамента зависящее учредить“ [26]).

Результатомъ этого донесенія былъ сенатскій указъ объ учрежденіи почтъ по дорогамъ отъ Санктъ-Петербурга къ Тобольску, Казани и Астрахани, обнародованный 4 Апрѣля 1783 г. Имъ повелѣвалось. „Съ прописаніемъ доношенія генералъ-маіора и кавалера Безбородко, генералъ-губернаторамъ, правящимъ ту должность и губернаторамъ въ губерніяхъ, чрезъ кои идутъ назначаемыя дороги, предписать, чтобъ они, снесясь между собою, въ приведеніи ихъ

---

[25]) Русскій Архивъ, 1868 г., стр. 1078.

[26]) Дѣла Кабинета Е. И. В., связ. 448, № 13.

въ надлежащую исправность и для надежнѣйшаго сообщенія и скораго доставленія переписки въ распоряженіи по онымъ почтъ, если не встрѣтится какихъ-либо затрудненій, народнаго отягощенія и коронныхъ издержекъ, не оставили сдѣлать должнаго пособія, доставя генералъ-маіору и кавалеру Безбородкѣ о таковыхъ распоряженіяхъ подробные маршруты и обстоятельное увѣдомленіе, о чемъ и Сенату рапортовать; буде же проложеніе сихъ новыхъ дорогъ потребуетъ каковыхъ коронныхъ издержекъ или народнаго налога, то не приступая къ самому дѣлу, напередъ сдѣлавъ обстоятельныя описанія тѣмъ новымъ дорогамъ, станціямъ, новымъ мостамъ, переправамъ и какая на исправленіе и содержаніе всего того сумма потребна будетъ, представили бы Сенату [27]“.

Въ концѣ 1783 г., именно 14 Ноября, состоялся указъ о единообразной таксѣ за доставленіе писемъ и посылокъ. Повелѣвалось съ каждаго письма въ одинъ лотъ или три золотника на 100 верстъ, взимать по 2 копѣйки, меньше же 100 верстъ—по 1 копѣйкѣ, и такъ далѣе по разсчету верстъ [28]).

Изъ почтовыхъ распоряженій Безбородки за дальнѣйшее время управленія департаментомъ можно остановиться на слѣдующихъ. Обыватели нѣкоторыхъ губерній были освобождены отъ почтовой повинности и обложены особымъ денежнымъ сборомъ; разрѣшено было содержать станціи частнымъ лицамъ, давая преимущество мѣстнымъ помѣщикамъ въ ихъ деревняхъ, а въ городахъ—жителямъ, съ правомъ пользоваться прогонными деньгами [29]). Разрѣшено содержателямъ почтъ между уѣздными городами и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ оныя нужны только для переписки присутственныхъ мѣстъ, проѣзжихъ же курьеровъ и эстафетъ въ отправленіи вовсе почти не бываетъ, по добровольному договору, назначить изъ почтовыхъ доходовъ, за отправленіе казенныхъ пакетовъ по обыкновенной, неплатной почтѣ, вознагражденіе половинными, а въ случаѣ нужды и полными прогонами [30]). Такъ какъ были жалобы, что разныя военныя команды не только берутъ насильнымъ образомъ, безъ подорожной, лошадей, „и платятъ не на то число прогонныя деньги, сколько ими подъ отвозъ лошадей взято было, но на меньшее; а сверхъ того причиняютъ почтъ-содержателямъ и ямщикамъ, по допущеніямъ ихъ командирами, смертельные побои и крайнія озорничества“, то узаконено отправлять воинскія команды и полковыя и казенныя тягости на наемныхъ, а не на почтовыхъ лошадяхъ, и „не чинить содержателямъ почтъ обидъ и побоевъ“ [31]).

Приведенное узаконеніе состоялось 24 Марта 1785 г., а 25 Мая того же года, когда „съ распространеніемъ Почтоваго Департамента и въ разсужденіи“ того, что „Безбородко, будучи обязанъ раз-

27) 1-е Полн. Собр. Зак., № 15.707.

28) 1-е Полн. Собр. Зак. № 15.875.

29) 1-е Полн. Собр. Зак., № 16.012.

30) Тамъ-же, № 16.013, ук. отъ 8 Іюля 1784 г.

31) Тамъ-же, № 16.171.

ными другими должностями, долженъ былъ для осмотра почтъ употреблять другихъ лицъ"—къ двумъ совѣтникамъ прибавленъ третій совѣтникъ, на эту должность былъ опредѣленъ надворный совѣтникъ Дмитрій Прокофьевичь Трощинскій [32]).

Въ лицѣ Трощинскаго мы встрѣчаемся съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка. Трощинскій родился въ Малороссіи въ 1754 г. и, получивъ образованіе въ Кіевской Академіи, началъ службу съ нижнихъ чиновъ въ тогдашней Малороссійской Коллегіи. Въ 1773 г. онъ поступилъ секретаремъ въ штатъ кн. Н. В. Репнина и занимался дѣлами княжества Молдавскаго, по случаю войны съ Турціею, а черезъ годъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ кн. Репнина. Послѣ Трощинскій сопутствовалъ кн. Репнину, какъ секретарь, въ Константинополь, куда князь ѣздилъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ, и на Тешенскій конгрессъ, на которомъ кн. Репнинъ былъ полномочнымъ со стороны Россіи. Далѣе Трощинскій завѣдывалъ канцеляріею кн. Репнина во время его генералъ-губернаторства въ разныхъ губерніяхъ и во время его командованія въ Польшѣ резервнымъ корпусомъ. Трощинскій дослужился до чина надворнаго совѣтника и, получивъ опытность въ дѣлопроизводствѣ разнообразнаго свойства, подъ руководствомъ знаменитаго воина и дипломата, перешелъ къ Безбородкѣ. Если къ приведеннымъ свѣдѣніямъ о Трощинскомъ прибавить, что, кромѣ разносторонней опытности, онъ обладалъ свѣтлымъ и основательнымъ умомъ, неутомимымъ трудолюбіемъ и искренностію, то вполнѣ будетъ понятно, какого подручнаго человѣка по почтовымъ дѣламъ нашелъ себѣ Безбородко и какое онъ оказывалъ ему довѣріе. Съ опредѣленіемъ его въ совѣтники Главнаго Почтоваго Правленія, скучная работа—писаніе резолюцій на докладахъ Правленія отошла къ Трощинскому, почеркъ котораго мало-по малу окончательно вытѣснилъ руку Безбородки въ дѣлахъ по почтовому вѣдомству. Такую же ревностную помощь онъ оказывалъ Безбородкѣ, находясь при немъ, какъ секретарѣ Екатерины II, о чемъ будетъ подробно говорено ниже.

Впрочемъ, несправедливо думать, что, предоставивъ Трощинскому писаніе резолюцій и слѣдовательно направленіе дѣлъ, Безбородко совершенно оставилъ наблюденіе надъ ними. Напротивъ, и въ годы, слѣдовавшіе за вступленіемъ Трощинскаго въ Главное Почтовое Правленіе, онъ продолжалъ слѣдить и за общимъ ходомъ почтовыхъ дѣлъ, и за частными случаями той или другой ихъ постановки. Такъ, на докладѣ о наймѣ для Рождественской почтовой конторы дома, за тѣснотою, Трощинскій, въ 1788 г., писалъ слѣдующее: „Графъ Александръ Андреевичь самъ въ нынѣшнемъ своемъ проѣздѣ чрезъ Рождественъ хочетъ осмотрѣть подлинную неудобность тамошняго почтоваго дома и потомъ дастъ надлежащее предписаніе" [33]). Въ томъ же году окружный Рижскій почтамтъ ходатай-

---

32) Тамъ-же, № 16.200.

33) Изъ дѣлъ, хранящихся въ Почтовомъ Департаментѣ, 1786 г., № 72.

ствовалъ у Главнаго почтовыхъ дѣлъ Правленія о разрѣшеніи на учрежденіе въ мѣстечкѣ Болдерахъ почтовой конторы. На докладѣ объ этомъ ходатайствѣ Безбородко написалъ карандашемъ: „Можно обождать до изданія почтоваго устава, ибо кажется мѣстечко Болдеры не такъ еще важно, чтобъ въ немъ столь дорогую контору заводить; оно же столь близко Риги, что г. почт-директоръ можетъ управить самъ или чрезъ посылаемаго изъ канцелярскихъ служителей“ [34]).

Обозрѣнный нами періодъ времени составляетъ одну изъ самыхъ лучшихъ страницъ въ исторіи почтовыхъ учрежденій въ Россіи. Успѣхъ преобразованій и улучшеній, произведенныхъ въ почтовомъ вѣдомствѣ Безбородкою, обозначился и увеличеніемъ числа почтовыхъ пунктовъ въ государствѣ, и расширеніемъ почтовыхъ сношеній съ чужими землями, и умноженіемъ денежнаго казеннаго дохода отъ почтъ.

Въ Мартѣ 1781 г. было составлено „росписаніе, гдѣ нынѣ почтовыя конторы учреждены“. По росписанію за означенное время въ Россіи считалось всего 73 конторы, а именно: въ вѣдомствѣ С. Петербургскаго почтамта—32; Московскаго—35 и Рижскаго—6 [35]). Въ пятнадцати-лѣтнее управленіе почтами Безбородкою было вновь учреждено два почтамта: въ Черниговѣ и Ольвіополѣ [36]) и двадцать двѣ конторы: въ Шлиссельбургѣ, Ораніенбаумѣ, Рождественѣ, Ямбургѣ, Перми, Нижнемъ-Новгородѣ, Арзамасѣ, Муромѣ, Херсонѣ, крѣпости св. Елизаветы, Чебоксарахъ, Ростовѣ, Кременчугѣ, Тотьмѣ, Чухломѣ, въ мѣстечкѣ Болдерахъ, Острѣ, крѣпости св. Димитрія, въ Нерчинскихъ заводахъ и въ Лепелѣ [37]).

Для удобнѣйшихъ сношеній съ иностранными государствами установлены были новые почтовые тракты въ Константинополь и Вѣну и возстановленъ почтовый трактъ изъ Риги чрезъ Митаву до Мемеля и Варшавы. Указъ о заведеніи почты въ Константинополь чрезъ Бендеры, Яссы и Бухарестъ мотивированъ слѣдующими словами: „Въ замѣну отправленія ежечасныхъ курьеровъ въ Константинополь, сопряженнаго съ немалыми издержками, не меньше для пользы подданныхъ нашихъ, приказали мы завести кратчайшимъ путемъ безпосредственную почту до помянутой Оттоманской столицы [38]). А въ распоряженіи объ учрежденіи почты изъ Риги чрезъ Митаву до Мемеля встрѣчается интересное указаніе на извѣстный историческій фактъ, относящійся къ Курляндіи. „Когда, по вступленіи нашемъ на Всероссійскій императорскій престолъ (говоритъ въ указѣ Екатерина) рѣшилися мы изъ единаго чело-

---

[34]) Тамъ-же, дѣло 1786 г., № 71.

[35]) Дѣло Почтов. Департ. 1781 г. № 39.

[36]) Тамъ же, 1781 г., № 37 и 1782 г., № 44.

[37]) Дѣла Почтов. Департамента: 1781 г., № № 35, 38 и 39; 1782 г. № 49; 1783 г., № № 50, 52, 55, 59, 60; 1785 г. № 61; 1786 г. № 69; 1791 г. № № 91 и 101; 1793 г. № 125 и 1795 г. № 149.

[38]) Указъ 1782 г., 10 Февраля. Полн. Собр. Зак., № 15.339.

вѣколюбія возставить бывшаго Курляндскаго герцога Эрнеста Іогана во владѣніи княжествомъ Курляндскимъ и когда мы щедроты наши къ нему и къ дому его до того распространили, что, всѣ притязанія отложа, находившіяся въ секвестрѣ деревни ему возвратили, въ то время помянутый герцогъ въ данномъ, отъ 2 Сентября 1762 г., актѣ именемъ своимъ и преемниковъ своихъ обѣщалъ, между прочимъ, въ 7 пунктѣ онаго акта: Россійскую императорскую почту, которая напредъ сего изъ Риги чрезъ Митаву въ Мемель ходила, установить опять по прежнему, какъ то было (во) время секвестраціи. Мы не входимъ въ причины, для чего сіе постановленіе въ дѣйствіи сохранить упущено было; но.... повелѣваемъ ее учредить" [39]).

Указанные заграничные пути почтовыхъ сообщеній Россіи, съ одной стороны, значительно сократили государственный расходъ по пересылкѣ казенной корреспонденціи, а съ другой—открыли возможность и для частныхъ, напримѣръ, торговыхъ и семейныхъ, нашихъ сношеній съ тѣми пунктами, къ которымъ они направлялись.

Чтò касается почтовыхъ доходовъ, то они быстро начали возрастать со времени отдѣленія почтъ отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Надежда Безбородки, что почты, добывая себѣ обезпеченное содержаніе, со временемъ будутъ „присовокуплять и нѣкоторые для казны доходы", вполнѣ оправдалась [40]). Въ настоящемъ случаѣ умѣстно будетъ привести нѣсколько цифръ. Въ послѣдніе годы царствованія Петра I почтовые доходы доставляли казнѣ не болѣе 16.000 руб. Въ 1745 г. въ одномъ С. Петербургскомъ почтамтѣ находилось годоваго сбора около 121,000 рубл., въ 1782 г. 139.000 рубл., въ 1783 г. болѣе 163.000 рубл., а 1784 г. до 211.000 рубл. [41]). О почтовыхъ доходахъ въ послѣдующіе годы будутъ впослѣдствіи приведены собственныя слова Безбородки.

Нельзя сказать, что почтовое дѣло въ Россіи за время Безбородки шло такъ-же блистательно по губерніямъ и захолустьямъ, какъ шло оно въ Петербургѣ, на его глазахъ. Административныя предписанія Главнаго Почтоваго Правленія не вездѣ исполнялись мѣстными чинами. На такую неисправность второстепенныхъ и низшихъ исполнителей въ отношеніи къ порядкамъ почтоваго вѣдомства указываетъ повтореніе нѣкоторыхъ предписаній. Особенно же ярко названная неисправность рисуется въ отчетѣ Московскаго почтдиректора Пестеля. По порученію Главнаго Правленія обревизовавъ станціи отъ Москвы на Смоленскъ и далѣе къ Ригѣ, онъ прислалъ доношеніе или отчетъ въ своей поѣздкѣ. Изъ этого отчета узнаемъ о слѣдующихъ обстоятельствахъ. Не только на первой отъ Москвы къ Смоленску станціи Developing Вяземѣ, но и на всѣхъ по дру-

---

[39]) Указъ 1783 г. Генваря 12 дня 1-ое Полн. Собр. Зак., № 15.630.

[40]) Изъ указа 13 Января 1782 г., 1-ое Полн. Собр. Зак., № 15.323.

[41]) Дѣло Архива Почтоваго Департамента 1782 года, № 7-й. Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи, сочин. графа Д. А. Толстаго. СПб., 1848 года, стр. 223, 224.

гимъ трактамъ крестьяне, обязавшіеся отправлять почтовую гоньбу, ни для проѣзжающихъ, ни для почты не держали особыхъ лошадей, а кинувъ жребій, кому достанется вести почту, приводили лошадей съ поля. Всѣ почтовые домы крайне обветшали; печи въ нихъ обвалились, конюшни и сараи стояли безъ крышъ; за недостаткомъ почталіоновъ, почты возились безъ провожатыхъ, въ рваныхъ мѣшкахъ, съ большою небрежностью, а потому часто случались потери весьма важныхъ отправленій. Писарями на станціяхъ были чаще всего крѣпостные, безграмотные люди почтъ-комисаровъ, которые по собственному произволу перемѣняли ихъ и вообще нисколько не заботились объ исправномъ ходѣ почтъ, почитая это дѣло ничтожнымъ; разгонъ лошадей не записывался, и полнаго ихъ комплекта нигдѣ не было; часто для проѣзжающихъ и даже самой почты лошади нанимались у ближнихъ крестьянъ, а иногда почта посылалась и пѣшкомъ. Пестель находилъ станціи, гдѣ лошадямъ не отпускалось овса, подъ предлогомъ дороговизны. Въ Оршѣ онъ нашелъ, что тамошній почтмейстеръ жилъ въ своей деревнѣ, въ 6 верстахъ отъ города. Вообще почтовыя станціи и тракты найдены въ самомъ разстроенномъ видѣ. Жиды пробирались тогда до завѣдыванія станціями и постоянно разстроивали ихъ [42]).

Безспорно замѣченныя Пестелемъ неисправности очень рѣзки. Но само собою разумѣется, онѣ вовсе не унижаютъ достоинства распоряженій и усовершенствованій, произведенныхъ Безбородкою, и нисколько не уменьшаютъ уже выясненнаго значенія услугъ, оказанныхъ имъ нашимъ почтовымъ учрежденіямъ.

(*Продолженіе будетъ*).

---

[42]) Дѣло Почтов. Департ. 1789 г. № 189. Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи, изданныхъ Статистическимъ отдѣленіемъ Императ. Географич. общества, кн. II, СПб., 1854 г., статья „о почтахъ въ Россіи“ дѣйств. члена Ив. Ал. Гана.

СЕЛО БОЛЬШОЕ МУРАШКИНО.

(НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ, КНЯГИНИНСКАГО УѢЗДА)

Большое Мурашкино было селеніемъ Татарскимъ или Мордовскимъ. Послѣднее мнѣніе правдоподобнѣе, ибо вся нынѣшняя Нижегородская губернія заселена была нѣкогда Мордвою, которая вытѣснена въ отдаленные уѣзды той-же области около 1230 года великимъ княземъ Юріемъ Всеволодовичемъ. Сынъ его, великій-же князь Константинъ Юрьевичъ повелѣлъ Русскимъ людямъ селиться на Мордовскихъ жилищахъ, гдѣ кто похочетъ. Говорятъ, что Мурашкино основано двумя братьями, по имени Большой и Малый Мурашка и послѣ заселено было Новогородцами, по покореніи этихъ мѣстъ Русскими. Время-же покоренія должно отнести къ эпохѣ довольно отдаленной (вѣроятно къ XIII столѣтію). До этой еще эпохи, по преданію, поставлены въ Мурашкинѣ двѣ земляныя башни, при заложеніи которыхъ совершенъ слѣдующій обрядъ. Народъ далъ клятву, что въ день заложенія башенъ, первый кто встрѣтится на этихъ мѣстахъ будетъ живой засыпанъ землею. На одной сторонѣ явилась дѣвушка, шедшая за водой, на другой сторонѣ показался быкъ; оба принесены въ жертву, какъ выше изъяснено. Изъ этого видно, что въ Мурашкинѣ жилъ народъ языческій.

Не имѣется далѣе ни историческихъ доказательствъ, ни даже преданій о Мурашкинѣ до XVI вѣка. Есть сказаніе, что царь Иванъ Васильевичъ Грозный, отправляясь въ походъ на Казань, имѣлъ временную стоянку въ Мурашкинѣ и тамъ расположился близъ границы своихъ владѣній, за которыми слѣдовали Татары и Мордва. На Сѣверъ и въ не дальнемъ разстояніи отъ Мурашкина есть село Клычово, на лѣвомъ берегу рѣки Сундовика. У села двѣ насыпи, одна выше другой. На этомъ мѣстѣ, по преданію, царь Иванъ Васильевичъ Грозный велѣлъ каждому воину взять руками по горсти земли и этимъ образовать высокую насыпь. Тоже самое царь приказалъ повторить, возвращаясь изъ Казани и замѣтилъ, что вторая насыпь ниже первой отъ убыли войска послѣ похода.

За симъ преданіемъ снова промежутокъ времени, а за нимъ начинаются уже письменные документы.

Мурашкино, по писцовымъ книгамъ, значится государевой отчиной царя Михаила Θеодоровича. Потомъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ пожаловано боярину Борису Ивановичу Морозову. Еще до того, а именно въ 1624 году, при возобновленіи Макарьевской ярмарки, Мурашкино славилось своими мѣховыми издѣліями. Одинъ изъ описателей этой ярмарки г-нъ Зубовъ (въ 1839 г.) говоритъ слѣдующее: „Лысковское полотно, Керженецкая деревянная посуда, Заволожскія шляпы и валенки, Мурашкинскія рукавицы, тулупы и шапки были первыми товарами, привозимыми въ избыткѣ на это торжище“.

При бояринѣ Б. И. Морозовѣ начинается цвѣтущее состояніе Мурашкина: устроенъ земляной валъ о пяти порогахъ съ глубокимъ рвомъ, съ башнями; на обрубѣ вала стояли 13 пищалей желѣзныхъ. Церкви были: Рождества Христова, Ильи Пророка, Благовѣщенія; кромѣ того два монастыря: Троицкій женскій (построенный въ 1632 году повелѣніемъ патріарха Филарета Никитича) и Спасскій мужской. Торговля производилась значительная. Въ Мурашкинѣ были государева таможня и ряды: сапож-

ный, серебреный, красильный, щепетильный, овощной, хлѣбный, мясной, рукавичный, шапочный, иконный, соляной и рыбный. Къ Мурашкину причислялось 8 приселковъ (въ томъ числѣ и Малое Мурашкино), 12 деревень и слобода, называемая *Выѣздной Козачьей*, въ которой жили служивые козаки со времени царя Михаила Ѳеодоровича.

По смерти боярина Б. И. Морозова, въ 1662 году, Мурашкино перешло ко вдовѣ его бояринѣ Аннѣ Ильиничнѣ [1]. Къ этому времени относится много сыскныхъ дѣлъ, по большой части выписки изъ приводныхъ и распросныхъ рѣчей, по случаю большаго количества бѣглыхъ, бобылей и выѣздныхъ козаковъ, которые „были крѣпки“ въ Лысковѣ, въ Мурашкинѣ и Гридинѣ. Наконецъ, можетъ быть, по сему послѣднему обстоятельству Мурашкино отписано въ 1665 году Давыдомъ Племянниковымъ за царя Алексѣя Михайловича.

Свирѣпствовавшая около этого времени въ Россіи моровая язва коснулась и Мурашкина.

Въ 1670 году въ Мурашкинѣ загорѣлся бунтъ. Оно было занято и вскорѣ послѣ разграблено, какъ сказано въ писцовыхъ книгахъ 1681 года, *воровскими козачишками* [2], и подъ Мурашкинымъ, равно какъ и подъ Арзамасомъ, было сраженіе противъ ратныхъ людей царя Алексѣя Михайловича, состоявшихъ подъ начальствомъ окольничаго и воеводы князя Константина Осиповича Щербатова. Послѣдствіемъ было всеобщее разореніе: народъ умиралъ съ голоду, а ратные люди обходились съ нимъ какъ съ непріятелемъ.

Въ вышесказанныхъ писцовыхъ книгахъ Мурашкино показано не селомъ, а городомъ.

Изъ всѣхъ письменныхъ документовъ XVII столѣтія, относящихся къ Мурашкину, мы выберемъ полнѣйшій, то есть отписныя книги Давыда Племянникова, и выпишемъ любопытный перечень крестьянскимъ работамъ и денежнымъ сборамъ. Этотъ отрывокъ важенъ для изученія Русскаго стариннаго быта, равно и языка того времени.

„А какъ то село Мурашкино по указу великаго государя дано было бо„ярину Борису Ивановичью Морозову, и десятинная пашня, которую паха„ли на великаго государя, отставлена и вмѣсто того положенъ на нихъ де„нежный оброкъ и столовые запасы, и работали на будныхъ заводахъ, а „что съ нихъ какихъ денежныхъ доходовъ и столовыхъ запасовъ и вся„кихъ податей и во что имъ подъ тѣ столовые запасы и будныя работы „и всякія задѣлья ставилось, и то писано въ сихъ книгахъ подлинно по„рознь. Оброку платили по 15 рублевъ съ выти, да столовыхъ запасовъ „съ выти по два пуда свиного мяса (пудъ купили по 10 алтынъ), по гу„сю, да по поросенку, и за гуси и за поросята имано деньгами по 4 ал„тына по 2 деньги съ выти, да по ведру малины (ведро купили по 5 ал„тынъ), по четверику ядръ орѣховыхъ (четверикъ купили по 10 алтынъ),

---

[1]) Изъ рода Милославскихъ, меньшая сестра царицы Маріи Ильиничны.

[2]) Упоминается о какомъ-то атаманишкѣ Мишкѣ Семеновѣ, вѣроятно изъ шайки Стеньки Разина; но очень можетъ быть, что въ числѣ грабителей были Татары и Мордовцы, которые (какъ исторически извѣстно) неистово и продолжительно опустошали весь этотъ край и въ 1615 году завладѣли Троицкимъ Алатырскимъ монастыремъ. Есть тоже преданіе, что самъ Стенька Разинъ являлся въ Мурашкино и тамъ сжегъ соборную деревянную церковь. Временное жительство его было между селами Большаго и Малаго Мурашкина, въ разстояніи версты, въ лѣсу. На этомъ мѣстѣ растетъ теперь кустарникъ и называется Стенькинымъ островомъ.

„да имано съ дыма по гривенкѣ коровья масла, по курицѣ сушеной, по „гривенкѣ шерсти (покупали они то по 3 алтына): и того съ 1456 дворовъ „131 рубль, 1 алтынъ, 4 деньги. И имется съ выти по рублю, по 7 алтынъ „по 3 деньги; съ выти-жъ по хомуту, хомутъ по 16 алтынъ, по 4 деньги, „да по кербѣ (?) льну (покупали по 16 алтынъ по 4 деньги). Да къ вин„ному сидѣнію имано дровъ съ выти по сажени, сажень покупали „по полтора рубли; работниковъ было по 10 человѣкъ, найму давали „по 4 рубли человѣку на всю сѣдку. Для буднаго дѣла и на кубовую по„чинку съ выти по коробу уголья, покупали по 20 алтынъ коробъ уго„лья. Да подъ запасы имано съ выти къ Москвѣ по подводѣ, подводу „наимывали по два рубли. Золы на будное дѣло плачивали съ выти по „96 чети, а денегъ имъ боярскихъ за тое золу давано за четверть по „10 денегъ, а они крестьяня покупали, прибавливая къ тѣмъ боярскимъ „деньгамъ своихъ денегъ за четь по 10 алтынъ; да дровъ имано съ выти „по 4 сажени, а сажень покупали по 2 рубли. Да на буды-жъ наимывали „на все лѣто, покамѣстъ будное дѣло идетъ, по два человѣка, изъ костровъ „къ горну подвозить, найму имъ обоимъ давано по 36 рублевъ. Да къ Во„логдѣ возили поташу по 5 бочекъ на выть, а къ боярскимъ деньгамъ за „провозъ своихъ денегъ прибавливали по полтинѣ съ бочки. А на будное „дѣло работниковъ и подводъ сколько имано, итого именно написать нель„зя, потому что имано непоровну, а работали безъ престани; да прика„щикомъ на годъ давано съ выти по полторы чети ржи и овса противъ „того въ полы, на три праздника въ годъ, по алтыну съ дыму. А бобыли „безпашенные, которые платятъ денежной оброкъ, на будное дѣло золы „платили 330 четей съ осминою на годъ, а денегъ имъ боярскихъ давано „за тое золу по 10 денегъ за четверть, а они бобыли своихъ денегъ при„бавливали и покупали по той-же цѣнѣ какъ и пашенные крестьяня. Да „они-же хаживали къ Москвѣ и къ Вологдѣ за боярскими лошадьми въ годъ „человѣкъ по 10 и больши, а которые въ свое мѣсто наимывали, и они „найму давали по рублю и больше человѣку; да они-жъ хаживали и ѣз„живали съ грамотками въ боярскія вотчины.“

Въ 1730 году Мурашкино было пожаловано дѣтямъ покойнаго Волошскаго господаря князя Димитрія Кантемира, князьямъ Матвѣю, Сергію и Антіоху и княжнѣ Маріи, но, по неизвѣстному случаю въ 1745 году отъ братьевъ опять взято въ коронное вѣдомство, кромѣ части, оставленной сестрѣ ихъ княжнѣ Маріи Кантемиръ и въ послѣдствіи поступившей къ братьямъ уже по праву наслѣдства, которая часть, переходя изъ рукъ въ руки, нынѣ составляетъ владѣніе (въ Мурашкинѣ) графини А. Е. Толстой и наслѣдниковъ А. Н. Соймонова. Часть-же, отобранная въ казну (въ 1745 году) пожалована въ 1755 году императрицею Елисаветою Петровною вице-адмиралу и генералъ-кригсъ-комиссару князю Михаилу Андреевичу Бѣлосельскому.

Изъ древностей въ Мурашкинѣ сохранились остатки вала и церкви, упомянутыя выше, съ тѣмъ измѣненіемъ, что монастыри обращены въ приходскія церкви и что Рождественская церковь нынѣ соборная церковь. Кромѣ сихъ храмовъ есть еще церкви: Тихвинской Пресвятой Богородицы [1]), вѣроятно строенная во время князей Кантемировъ и единовѣрческая Покрова Пресвятой Богородицы, роскошно перестроенная на иждивеніе Мурашкинскаго уроженца, Московскаго купца Исаева и его наслѣдниковъ [2]).

---

[1]) Въ ней есть замѣчательный мѣстный образъ съ надписью на ризѣ: „Тщаніемъ князя Матвѣя Димитріевича Волошскаго Кантемира 1753 года.“

[2]) При церкви школа, достойная замѣчанія.

У Мурашкинскихъ крестьянъ имѣются заводы кожевенные, мерлужечные, овчинные, шубные и рукавичные. Дѣлаются также подпруги изъ волосъ для лошадей. Главнѣйшій сбытъ въ Нижнемъ Новгородѣ. Мурашкинскіе жители имѣютъ тамъ лавки на ярмаркѣ въ гостинномъ дворѣ подъ лит. В, 6 лавокъ и за Заливною канавой три корпуса каменныхъ лавокъ, гдѣ продаютъ мѣховой товаръ. На Волгѣ лавокъ нѣтъ нынѣ, потому что это мѣсто покрывается водою; и прежнія лавки переведены были на площадь, гдѣ теперь строится новый соборъ, но въ настоящее время изъ нихъ осталась одна кожевенная лавка.

Для закупки овчинъ сырьемъ Мурашкинцы ѣздятъ въ Сибирь, въ Саратовскую, Пензенскую, Казанскую, Харьковскую и Тамбовскую губерніи, а для сбыта иногда въ тѣже мѣста.

По послѣдней ревизіи въ Мурашкинѣ крестьянъ: удѣльнаго вѣдомства 98 душъ муж. пола, государственныхъ имуществъ 8 душъ, князя Волконскаго 1067 душъ, графини Толстой 531 душа, наслѣдниковъ А. Н. Соймонова 14 душъ (нынѣ собственники). Въ Козей слободѣ государственныхъ имуществъ 271 душа. Эти свѣдѣнія выписаны изъ Волостнаго Правленія.

Часть имѣнія, принадлежащая князю Волконскому,перешла къ нему слѣдующимъ порядкомъ.

По кончинѣ (въ 1755 году) князя Бѣлосельскаго имѣніе досталось его вдовѣ княгинѣ Натальѣ Григорьевнѣ, рожденной графинѣ Чернышевой, которая имъ владѣла обще съ дѣтьми.

Послѣ нея владѣлъ сынъ ея князь Александръ Михайловичъ Бѣлосельскій-Бѣлозерскій (тогда л. г. коннаго полка вахмистръ, въ послѣдствіи посланникъ въ Дрезденѣ, въ Туринѣ и оберъ-шенкъ Высочайшаго Двора). По смерти его, въ1809 году, числившіяся тогда 1327 душъ поступили въ раздѣлъ дочерямъ его: Маріи, замужемъ за дѣйствительнымъ камергеромъ Александромъ Сергѣевичемъ Власовымъ, —315 д., княжнѣ Зинаидѣ (впослѣдствіи замужемъ за флигель-адъютантомъ княземъ Никитою Григорьевичемъ Волконскимъ *)—270 душъ и княжнѣ Натальѣ (впослѣдствіи замужемъ за генералъ-лейтенантомъ Василіемъ Даниловичемъ Лаптевымъ) 742 души. По смерти Натальи Александровны Лаптевой, ея часть досталась сестрѣ ея княгинѣ З. А. Волконской, которая имѣніе это передала своему сыну, нынѣшнему владѣльцу, въ 1840 году. Онъ же прикупилъ въ 1841 году часть села Мурашкина, принадлежавшую его теткѣ М. А. Власовой.

Мурашкино расположено на возвышенной, живописной мѣстности. Видъ его болѣе городской, чѣмъ сельскій. Дома́ въ немъ построены послѣ пожара 1823 года Августа 3-го числа, когда сгорѣло 700 домовъ и нѣсколько церквей. Этотъ пожаръ былъ для Мурашкина эпохой общаго измѣненія, не только въ постройкѣ домовъ, но даже и въ костюмѣ женщинъ. До 1823 года онѣ носили кокошники изъ золотой парчи, богато украшенные жемчугомъ; на переднюю часть головы надѣвали рефети, тоже жемчужныя. Старожилы расказываютъ, что нарядныя убранства добровольно продавались, чтобы помочь возстановленію разрушенныхъ жилищъ. Нынѣ только въ торжественные праздники женщины носятъ платки изъ золотой ткани и такіе же шубейки и сарафаны.

Ежегодно, 10-го Іюля, посѣщаютъ проходомъ село Б. Мурашкино поклонники изъ города Козмодемьянска (Казанской губерніи), отправляющіеся въ село Палецъ, въ 15 верстахъ отъ Мурашкина, для служенія мо-

---

*) Позднѣе генералъ-маіоръ и егермейстеръ Высочайшаго Двора.

лебна иконѣ Страстной Одигитріи. Козьмодемьянцевъ встрѣчаютъ съ иконами и провожаютъ до церкви Тихвинской Божіей Матери, гдѣ отбывается молебствіе. Поклонникамъ даютъ гостепріимство на одну ночь, и они продолжаютъ свой путь до села Палецъ. Козмодемьянцы ходятъ на это богомоліе (какъ говоритъ преданіе) по обѣщанію, послѣ прекратившагося у нихъ землетрясенія.

Удобства жизни, постепенныя улучшенія въ промыслахъ, все указываетъ въ Мурашкинѣ на движеніе къ полному преуспѣянію. Начало взаимнаго вспомоществованія изстари сохраняется въ Мурашкинѣ. Ежегодно собирается сходка для раскладки оброчной суммы по ревизскимъ душамъ; ихъ распредѣленіе основано на ежегодномъ состояніи, то есть капиталѣ каждой ревизской души. Чѣмъ выше этотъ ежегодный капиталъ, тѣмъ болѣе налагается на владѣльца онаго ревизскихъ душъ: напримѣръ, семейство состоящее изъ 5 душъ, можетъ нести обязанность платить за 10 душъ, и на оборотъ. Можно сказать, что болѣе пятой части всего населенія избавлено этимъ отъ оброчнаго платежа. Избавленные отъ онаго не принимаютъ уже участія въ общественныхъ сходкахъ.

Въ Мурашкинѣ, какъ и вездѣ, изглаживаются прежніе обычаи и мѣстныя особенности. Одна изъ этихъ сохранившихся особенностей, исключительно замѣченная въ Мурашкинѣ, есть та, что матери не кормятъ дѣтей своимъ молокомъ, а отдаютъ ихъ на попеченіе старухамъ, посвятившимъ себя стараніямъ о младенцахъ. Кормятъ же ихъ изъ рожка козьимъ молокомъ, но теперь все болѣе и болѣе молокомъ коровьимъ. Молоко бо́льшею частію носятъ изъ домовъ родителей. Во многихъ странахъ западной Европы для воспитательныхъ домовъ и пріютовъ кормленіе козьимъ молокомъ изъ рожка считается весьма пригоднымъ средствомъ питанія новорожденныхъ.

Въ промышленномъ отношеніи Мурашкину предстоитъ счастливая будущность, по причинѣ трудолюбія его обитателей *), а воспоминанія о его прошедшемъ не лишены интереса для любителей отечественной исторіи.

Князь А. Н. Волконской.

---

*) На первой Лондонской всемірной выставкѣ въ 1851 году присуждены была медали разнымъ Мурашкинскимъ уроженцамъ, за дѣланіе дубленыхъ тулуповъ.

ЕЩЕ ВОСПОМИНАНІЕ О Н. П. КОЛЮБАКИНѢ.

Въ Ноябрьской тетради Архива 1874 г. съ особеннымъ удовольствіемъ и живѣйшимъ участіемъ прочли мы два письма покойнаго Н. П. Колюбакина къ его другу и *ратному товарищу* П. Ѳ. Хлопову, отзывъ о Колюбакинѣ Бенкендорфа и нѣсколько сочувственныхъ словъ о немъ издателя Р. Архива. Впервыя послѣ его кончины и послѣ появившейся тогда-же въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ прелестной статьи, вылившейся изъ подъ теплаго и даровитаго пера графа В. А. Соллогуба, — впервыя, говоримъ мы, появилось печатное упоминаніе объ этой замѣчательной въ своемъ родѣ личности, заслуживающей, по нашему мнѣнію, почетнаго и виднаго положенія среди лучшихъ дѣятелей Кавказа и вообще среди представителей нашего общества пятидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія.

Это краткое упоминаніе, кромѣ своего непосредственно-отраднаго дѣйствія на насъ, глубоко любившихъ и уважавшихъ покойнаго Николая Петровича, было еще особенно пріятно потому, что оно какъ-бы доставило намъ возможность, и такъ сказать, нѣкоторый *поводъ* изложить нѣсколько личныхъ воспоминаній о Колюбакинѣ, за время послѣднихъ годовъ его жизни въ Москвѣ. Въ наше время (предоставляемъ самому читателю опредѣлить точнѣе его направленіе и дать ему заслуженную кличку) почти всякому печатному слову суждено встрѣчать такое неотразимое и неумолимое *препятствіе*, передъ которымъ всевозможныя строгости цензуры и самыя ярыя нападки литературной критики теряютъ свое первенствующее значеніе. Это препятствіе—*общественное равнодушіе* ко всему, что̀ не относится непосредственно къ интересамъ дня, къ бо̀льшимъ или меньшимъ выгодамъ или невыгодамъ общественныхъ и единоличныхъ кармановъ или къ удовлетворенію нашихъ пресыщенныхъ, циническихъ и грубыхъ инстинктовъ. Самыя строгія, скажемъ даже чрезмѣрно-придирчивыя требованія цензуры могутъ быть такъ или иначе устранены; самая несправедливая, ожесточенная критика можетъ и несомнѣнно должна быть обезоружена выраженіемъ общественнаго довѣрія и сочувствія къ породившему ее печатному слову; но гдѣ то орудіе, съ помощью котораго можно пробить кору *общественнаго безучастія*, безразлично карающаго собою все, что̀ не согласуется съ всепоглощающимъ и всепритупляющимъ реализмомъ нашего времени? Въ самомъ дѣлѣ: не потому-ли и литература наша такъ исхудала и зачахла (о поэзіи даже и говорить какъ-то смѣшно), что *спросу* на нее нѣтъ и, говоря современнымъ *практическимъ* языкомъ, не потому-ли *потребляемое* такъ скудно, что *потребителей* не оказывается? Развѣ еще какой нибудь ланцетъ безспорно талантливаго, но цинически-неумолимаго Емиля Золя̀ въ состояніи расшевелить на минуту наше какъ-бы застывшее вниманіе своимъ безпощаднымъ, анатомическимъ анализомъ растлѣвающаго и до мозга костей развращеннаго организма несчастной Франціи; но и то счастливый авторъ „Ventre de Paris“ уже успѣлъ утратить значительную долю своего обаянія послѣдующимъ произведеніемъ „la Conquête de Plassans“, гдѣ отвлеченный принципъ, доведенный до фанатизма, заступилъ мѣсто болѣе реальныхъ, пластическихъ, обще-доступныхъ интересовъ.

При подобныхъ условіяхъ трудно рѣшиться представить на судъ *общественнаго равнодушія* дорогую для насъ память о человѣкѣ, хотя и замѣчательнаго ума и высокихъ душевныхъ качествъ, но все-же простаго человѣка, со всѣми его обычными свойствами и къ тому-же сохранивша-

го до послѣдняго дня своей жизни многія человѣческія стороны и стремленія, которыя въ общей ихъ сложности ежедневно становятся болѣе непонятными и чуждыми для нашего современнаго большинства.

Вотъ почему мы нуждались въ этомъ *починѣ*, сдѣланномъ издателемъ Русскаго Архива, чтобы заговорить о покойномъ Н. П. Колюбакинѣ и, подъ охраною собственныхъ его двухъ писемъ, поневолѣ уже остановившихъ на себѣ хотя мимолетное вниманіе читателей, рѣшаемся присовокупить къ нимъ и наши краткія воспоминанія, болѣе въ видѣ слабой дани нашего уваженія къ его памяти, чѣмъ въ надеждѣ выставить въ должномъ свѣтѣ эту даровитую и почтенную личность.

Мое личное знакомство съ покойнымъ Колюбакинымъ началось въ концѣ лѣта 1862 года, и по этому поводу не могу воздержаться, чтобы не передать здѣсь нѣсколько подробно всю обстановку этой первой встрѣчи, не лишенной того особеннаго отпечатка, который отличалъ Николая Петровича. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1862 года я былъ неожиданно вызванъ эстафетою въ Москву изъ Можайска (гдѣ находился по службѣ на мировомъ съѣздѣ) по случаю приключившагося съ отцемъ моимъ апоплексическаго удара хотя и не весьма сильнаго, но лишившаго его движенія въ лѣвой ногѣ и лѣвой рукѣ и на первое время затруднявшаго даже произношеніе и свободу рѣчи. Естественно, что подобное тяжелое и столь неожиданное испытаніе наложило печать безмолвія и грусти на весь домъ; кромѣ докторовъ и ближайшихъ родственниковъ никто не могъ проникнуть въ нашъ семейный кругъ, и всѣмъ постороннимъ лицамъ сообщались у входа извѣстія о болѣзни при строжайшемъ запретѣ принимать кого-бы то ни было. Недѣли черезъ двѣ нашъ больной сталъ видимо поправляться, рѣчь сдѣлалась свободною; но онъ оставался еще въ постели и кромѣ семьи не могъ и не желалъ видѣть никого. Однажды утромъ я сошелъ внизъ въ гостинную, чтобы подышать болѣе свѣжимъ воздухомъ и вдругъ среди обычной тишины услыхалъ звукъ шпоръ и сабли въ залѣ. Подойдя къ двери, я въ изумленіи увидѣлъ среди комнаты незнакомую мнѣ личность въ генеральскомъ мундирѣ со звѣздами, съ военною осанкою, съ сѣдыми, довольно-рѣдкими волосами, лѣтъ 55-ти, подходящую ко мнѣ съ видомъ домашняго человѣка. Въ отвѣтъ на мой удивленный взоръ, онъ объявилъ мнѣ, что онъ Ник. Петр. Колюбакинъ, назначенъ сенаторомъ въ Москву и поспѣшилъ явиться къ моему отцу, своему бывшему сослуживцу и начальнику. Я вспомнилъ тогда, что отецъ мой дѣйствительно неоднократно и весьма сочувственно отзывался о немъ, вспоминая о своей службѣ въ Варшавѣ и о Польской кампаніи 1831 года. Въ то время батюшка мой, въ чинѣ полковника, въ званіи флигель-адъютанта и старшаго дивизіонера Л. Гв. Гродненскаго полка, въ продолженіи почти всего похода и при взятіи Варшавы, командовалъ полкомъ, потому что полковой командиръ Штрандманъ начальствовалъ особымъ отрядомъ, въ составъ котораго входилъ и Гродненскій полкъ. Колюбакинъ былъ въ то время, въ чинѣ корнета, полковымъ адъютантомъ и уже обращалъ на себя вниманіе своими недюжинными дарованіями и благородными душевными свойствами. Это послѣднее обстоятельство послужило къ сближенію этихъ двухъ личностей, столь различныхъ въ то время по своимъ лѣтамъ и по оффиціальному положенію, и затѣмъ черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ свело ихъ вновь въ званіи сенаторовъ въ Москвѣ. — Какъ громомъ пораженный сообщеннымъ ему извѣстіемъ о болѣзненномъ состояніи отца, Колюбакинъ однако категорически объявилъ, что не выйдетъ изъ дома, не видавъ его и матушки и, когда я направился противъ воли къ верхнему этажу, чтобы сообщить объ этомъ оригинальномъ

явленіи, онъ преспокойно послѣдовалъ за мною, и мы *по неволѣ* очутились вмѣстѣ у дверей отцовской спальни. Говорю *по неволѣ*, потому что съ первой минуты въ этой настойчивости, обыкновенно столь раздражающей въ подобныхъ случаяхъ, послышалось мнѣ такое простое, искреннее, горячее участіе, что я подчинился ему, и завѣтная спальня была взята приступомъ. Надобно было видѣть, съ какимъ чувствомъ уваженія, преданности и душевнаго волненія эта бодрая, шумливая, боевая фигура, исполненная жизни и энергіи, подходила къ постели своего бывшаго товарища и начальника: долгій тридцатилѣтній промежутокъ, казалось, былъ забытъ, и вновь вернулся юный корнетъ и адъютантъ, смотрящій съ сердечнымъ уваженіемъ и горячимъ участіемъ на своего бывшаго командира. Чутьемъ своего теплаго, преданнаго сердца онъ понялъ что могло быть полезнымъ и отраднымъ для нашего бѣднаго больнаго, и черезъ нѣсколько минутъ отецъ мой оживился, посвѣжѣлъ и даже смѣялся, подъ вліяніемъ неудержимаго и блестящаго юмора своего собесѣдника. Съ этой минуты до послѣдняго дня своей жизни Николай Петровичъ оставался возлюбленнымъ и неизмѣннымъ другомъ нашего семейства, отвѣчавшаго ему такою-же искреннею привязанностью.

Я нѣсколько распространился на счетъ этого перваго свиданія не только ради его оригинальности, но и съ цѣлью указать, какъ свѣжо и упорно сохранялись въ этой повидимому столь впечатлительной и постоянно увлекавшейся личности всѣ воспоминанія и привязанности далекаго прошлаго; какъ одинаково-безсильны оказывались и время, и жизненный, тяжелый опытъ въ своей борьбѣ съ этою горячею, любящею душею, съ этимъ пылкимъ воображеніемъ и съ этимъ живымъ, столь замѣчательнымъ умомъ. И подлинно, крѣпкаго закала должны были быть умственныя, душевныя и даже физическія силы такого человѣча, который по собственному его выраженію (см. письмо къ П. Ѳ. Хлопову) „не сгибаясь и не чванясь дошелъ отъ Лицейской скамьи до генеральства“, имѣлъ шесть ранъ, перенесъ безчисленное множество походовъ, занималъ всѣ возможныя гражданскія и военныя должности, обязанъ былъ единственно своимъ замѣчательнымъ способностямъ быстрымъ возвышеніемъ по службѣ и послѣ всего этого тяжелаго, разнообразнаго и долгаго жизненнаго пути, предсталъ предъ нами въ Москвѣ въ 1862 году все тѣмъ же бодрымъ, даровитымъ, почти пламеннымъ дѣятелемъ, которому, какъ онъ самъ говоритъ, „генеральскіе эполеты могли подавить плечи, но не душу.“

Естественно, что человѣку подобнаго закала, его служебныя занятія по Сенату и, въ строгомъ смыслѣ, самое пребываніе въ мирной, невозмутимой Москвѣ, не могли прійтись *по мѣркѣ*. Къ тому-же въ то время уже занималась заря новой судебной реформы, и дѣятельность Сената вообще ежедневно съуживалась и сокращалась. Въ тридцать лѣтъ служенія на Кавказѣ онъ привыкъ имѣть передъ собою живое дѣло, широкое поприще, борьбу въ открытомъ полѣ и въ генералъ-губернаторскомъ кабинетѣ за трудами организаторскими и кодификаціонными. Колюбакинъ пытался было своимъ блестящимъ, восточно-цвѣтистымъ слогомъ вдохнуть какой-то новый живительный элементъ въ сенаторскія прѣнія и передать свою свѣтлую вѣру въ новую готовящуюся реформу сенатскимъ секретарямъ и оберъ-секретарямъ; но товарищи большею частью добродушно улыбались его выходкамъ и непонятному увлеченію, а канцелярія относилась какъ-то недовѣрчиво къ этимъ неподобающимъ сану вспышкамъ, тѣмъ болѣе, что многимъ изъ нихъ виднѣлась за плечами этой реформы грозная тѣнь увольненія или оставленія за штатомъ.—Пришлось нашему неутомимому дѣятелю искать пищи внѣ служебной сферы, и въ скоромъ времени онъ проникъ съ ис-

тинно-Суворовскими быстротою и натискомъ во всѣ самые замкнутые и самые разнообразные круги Московскаго общества. Его постоянно *какъ жаръ горящіе эполеты* можно было видѣть и въ свѣтскомъ кругу, среди барынь и молодежи, и въ своеобразномъ кабинетѣ князя Одоевскаго, и въ скромныхъ собраніяхъ такъ называемыхъ Славянофиловъ, и на публичныхъ лекціяхъ и ученыхъ засѣданіяхъ въ стѣнахъ Университета;—словомъ, онъ поспѣвалъ повсюду, вездѣ искалъ удовлетворенія своей жаждѣ знанія и наблюденій и всюду вносилъ съ собою живительный элементъ ума и доброжелательнаго юмора.

При всемъ обычномъ однообразіи Московской общественной жизни и патріархальной замкнутости ея отдѣльныхъ кружковъ, періодъ времени, который привелось Колюбакину провести въ Москвѣ (1862—1868 г.), ознаменовался нѣсколькими крупными явленіями въ общемъ государственномъ и политическомъ строѣ Россіи, и эти явленія не могли не отозваться въ нашей древней столицѣ сильнѣе и знаменательнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Введеніе земскихъ учрежденій, судебной реформы, ноты Европейскихъ кабинетовъ по Польскому вопросу и достойный отпоръ ими заслуженный; минута всеобщаго, истинно-патріотическаго увлеченія и адресы, полетѣвшіе отовсюду къ Державному Оберегателю Русской чести и къ краснорѣчивому истолкователю Его воли; пріѣздъ Славянъ въ Москву и пр. и пр. Надобно было видѣть Колюбакина въ эти минуты! Онъ весь отдавался настроенію эпохи, дышалъ полною грудью среди этихъ моментовъ общественнаго одушевленія, отдавался имъ вполнѣ и, не довольствуясь личнымъ участіемъ въ нихъ, старался уяснить себѣ ихъ значеніе въ тиши своего кабинета и исписывалъ цѣлыя стопы своихъ замѣтокъ, изобличавшихъ меткость наблюденій, большую начитанность и замѣчательную легкость въ изложеніи. Нѣкоторыя изъ этихъ замѣтокъ тогда-же были списаны нами съ его разрѣшенія, и мы надѣемся, что когда нибудь, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, намъ удастся познакомить читающую публику съ нѣкоторыми выдержками изъ этихъ записокъ, могущихъ служить живымъ очеркомъ той эпохи и въ тоже время нѣкоторою характеристикою самаго Николая Петровича.

При этомъ считаемъ умѣстнымъ указать здѣсь, что Колюбакинымъ была составлена и напечатана весьма замѣчательная брошюра о примѣненіи крестьянскаго вопроса къ Кавказскому населенію; и кромѣ того въ „Сводѣ замѣчаній на проэктъ Устава о военно-морскомъ судѣ, за 1861-й годъ“ помѣщена довольно большая статья его, изобличающая глубокую начитанность, вѣрный, скажу почти-пророческій взглядъ на готовящуюся судебную реформу вообще и проникнутая тою непоколебимою вѣрою въ свѣтлое будущее обновляющейся Россіи, которая составляла его постоянное, отличительное убѣжденіе.

Впрочемъ тоже оживленіе, съ которымъ онъ относился къ общественнымъ и политическимъ вопросамъ, вносилъ онъ во всѣ свои ежедневныя, интимныя отношенія и подчасъ даже возбуждалъ въ кругу близкихъ знакомыхъ и друзей нѣкоторое утомленіе тѣмъ контрастомъ, который выступалъ слишкомъ рѣзко наружу между его энергическою, цѣльною природою и окружавшею его средою, постепенно склонявшеюся къ нынѣ столь благополучно воцарившемуся застою и реально-безразличному настроенію. Самымъ близкимъ и симпатичнымъ для него центромъ былъ кружокъ, сгруппировавшійся вокругъ незабвеннаго для всѣхъ его знавшихъ князя В. Ѳ. Одоевскаго. На Смоленскомъ бульварѣ, въ домѣ князя Волконскаго дышалось какъ-то особенно хорошо и привольно; не требовалось ни громкаго имени, ни литературной извѣстности, чтобы проникнуть въ эту скромную, привѣтливую

гостинную; но въ тоже время всякій, кто проникалъ туда и принимался въ этотъ избранный кружокъ, непремѣнно долженъ былъ проявить чѣмъ либо свои права на это отличіе. По меткому выраженію покойнаго Д. Н. Свербеева девизомъ кн. Одоевскаго могло, по справедливости, служить извѣстное изреченіе: „homo sum et nihil humanum a me alienum puto.“ Не говоря уже о патентованныхъ, такъ сказать, литераторахъ, ученыхъ и артистахъ, всякій кто проявлялъ чѣмъ либо свою духовную, человѣческую сторону, находилъ пріютъ и радушный пріемъ въ домѣ Одоевскихъ и, если существовала здѣсь какая либо классификація, то она совершалась сама собою: болѣе свѣтскій элементъ поворачивалъ на лѣво и примыкалъ къ кружку добрѣйшей, гостепріимной княгини; а болѣе серьозные, не свѣтскіе посѣтители входили направо въ кабинетъ князя, этотъ „fac simile“ кабинета доктора Фауста, но только Фауста остановившагося на порѣ своего увлеченія наукою и находящаго въ ней полнѣйшее удовлетвореніе своему уму и сердцу. И отрадно, и грустно въ одно и тоже время остановиться въ своемъ воспоминаніи на этомъ замѣчательномъ кабинетѣ и на миломъ и незабвенномъ образѣ его хозяина. Этотъ „Себастіановъ“ (оргáнъ, созданный самимъ кн. Одоевскимъ и посвященный имени великаго Баха), мрачно возвышающійся въ глубинѣ комнаты; эта галлерея, ведущая кругомъ стѣнъ къ его возлюбленному книгохранилищу; эта лампа, висящая посрединѣ съ какимъ-то абажуромъ особеннаго устройства, бросающимъ какую-то особую тѣнь на хаотическій безпорядокъ разставленныхъ кругомъ столовъ съ книгами и тетрадями, инструментами и станками всѣхъ сортовъ и размѣровъ. Обаяніе хозяина заключалось не въ изысканности пріема и не въ утонченности обращенія, а скорѣе въ отсутствіи всякаго пріема; разъ, что вы тѣмъ или другимъ образомъ пріобрѣли право переступить черезъ порогъ этого святилища, вы уже чувствовали себя какъ дома, и мягкій, чистый до прозрачности (въ духовномъ смыслѣ) взглядъ хозяина покоился на васъ, скажу болѣе обезоруживалъ васъ, если-бы даже вы чувствовали въ себѣ до той минуты нѣкоторое расположеніе къ раздраженію или злословію.

Понятно, что въ такой обстановкѣ Колюбакинъ (по самой природѣ своей расположенный быть вездѣ какъ дома) чувствовалъ себя особенно хорошо и особенно въ ударѣ. На первыхъ порахъ, его воинственная осанка, его громкій голосъ, рѣзкія манеры и подчасъ слишкомъ меткія и откровенныя искры его неистощимаго юмора, производили нѣкоторый диссонансъ съ обычнымъ серьознымъ и мирнымъ настроеніемъ этого кружка, и женственно-нѣжная натура хозяина тревожно прислушивалась къ этому своеобразному явленію и нѣсколько озадачивалась этими выходками. Но вскорѣ двѣ столь различныя по складу и темпераменту, но столь родственныя по духу личности вполнѣ уразумѣли другъ друга, и тихій, одобрительно-доброжелательный смѣхъ князя Одоевскаго раздавался первымъ, при малѣйшей удачной юмористической вспышкѣ нашего неистощимаго генерала [1]).

---

[1]) Не могу не припомнить здѣсь, что и самому, столь душевно-любимому имъ князю Влад. Ѳедоровичу доставалось иногда отъ бѣдоваго язычка Колюбакина. Когда въ публичномъ засѣданіи Общ. Любит. Россійск. Словесн. читалось однажды возраженіе князя Одоевскаго на извѣстное „Довольно“ Ив. Серг. Тургенева, и нашъ ученый князь, съ точки зрѣнія науки и высшаго духовнаго призванія человѣка, въ продолженіи часоваго чтенія, упорно опровергалъ и разилъ этотъ поэтическій вздохъ усталой души поэта; то по окончаніи продолжительнаго чтенія Колюбакинъ, съ трудомъ выносившій столь долгое, обязательное молчаніе, вскочилъ

Такъ и видишь, кажется, передъ собою эту неизмѣнную группу въ одну изъ Пятницъ, расположившуюся въ этомъ кабинетѣ, и тяжело сказать себѣ, что многихъ, очень многихъ изъ самыхъ обычныхъ посѣтителей уже нѣтъ въ живыхъ. Въ какія нибудь 10 лѣтъ не стало ни Ник. Роман. Ребиндера, ни Сергѣя Александр. Соболевскаго, ни Владим. Ив. Даля, ни Дмитрія Николаевича Свербеева, ни Ник. Петр. Колюбакина, ни самаго кн. Влад. Ѳедор. Одоевскаго, не завѣщавшаго никому своего неоцѣненнаго дара соединять въ одинъ кружокъ людей мысли, представителей науки и искусства и связывать ихъ вмѣстѣ силою искренней любви и уваженія къ его свѣтлой личности.

Просто оторваться не хочется отъ этихъ воспоминаній, еще столь свѣжихъ и недавнихъ по времени и столь неизмѣримо-далекихъ по духу; но именно, благодаря этому послѣднему условію, и не слѣдуетъ на нихъ слишкомъ долго останавливаться, чтобы не подвергать ихъ равнодушному вниманію и, пожалуй, даже осмѣянію со стороны нашей созрѣвшей, слишкомъ трезвой современности...

Но, къ несчастію, тѣмъ-же самымъ элементамъ, которые составляли насущную потребность Колюбакина, суждено было служить основаніемъ къ роковой развязкѣ его жизненнаго поприща. Всѣмъ Москвичамъ вѣроятно весьма памятенъ пріѣздъ нашихъ Славянскихъ гостей и тотъ великолѣпный праздникъ, который данъ былъ Москвою въ честь ихъ пріѣзда въ Сокольникахъ, 2-го Мая 1867 года. Николай Петровичъ разумѣется участвовалъ въ этомъ торжествѣ, видѣлъ въ немъ, со свойственнымъ ему увлеченіемъ, какую-то новую эру, наступавшую для всего Славянскаго міра, горячо слѣдилъ за произносившимися на обѣдѣ тостами, привѣтствіями, въ особенности волновался и отзывался неодобрительно о знаменательной, почти политической рѣчи одного изъ участниковъ пиршества, извѣстнаго N. N.: словомъ, болѣе чѣмъ когда либо, откликался всѣми силами своего ума и сердца на окружавшее его одушевленіе. Вѣроятно это чрезмѣрное преобладаніе нравственныхъ силъ слишкомъ сильно потрясло его неизбѣжно-дряхлѣвшій съ лѣтами организмъ; но дѣло въ томъ, что онъ вернулся въ особенно-возбужденномъ состояніи и хотя на слѣдующій день еще былъ на ногахъ и успѣлъ сообщить намъ всѣ впечатлѣнія прошлаго дня, но въ ночь съ 3-го на 4-е Мая съ нимъ сдѣлался ударъ, и съ той минуты до своей кончины, приключившейся 15 Октября 1868 г., онъ уже никогда вполнѣ не могъ вернуться къ своему прошлому, по крайней мѣрѣ въ физическомъ отношеніи. Къ довершенію несчастія, какъ только медленно возвращавшіяся силы дозволили ему встать съ постели и по возможности возобновить обыкновенный образъ жизни, онъ забылъ слабость своего потрясеннаго организма и при какомъ-то неосторожномъ, слишкомъ быстромъ движеніи, упалъ и переломилъ себѣ и безъ того уже на половину парализованную ногу. Пришлось слишкомъ два мѣсяца пролежать неподвижно съ наложенною на ногу гипсовою перевязкою, и можно себѣ представить, какъ разрушительно дѣйствовала подобная тяжелая необходимость на такую натуру, которую ни страданія, ни постепенное физическое разрушеніе не могли сломить, ни обуздать вполнѣ.

съ своего мѣста, подошелъ къ нашей группѣ и воскликнулъ: „Каковъ нашъ Одоевскій. Такъ и валяетъ картечью въ соловья!“ Болѣе меткаго замѣчанія трудно было придумать, и самъ виновникъ его разразился при этомъ добродушнымъ смѣхомъ.

Вытянутый на постелѣ, среди своего кабинета, съ отяжелѣвшею въ своей оправѣ, недвижною ногою, Колюбакинъ продолжалъ разсуждать, горячиться, толковать о современныхъ политическихъ вопросахъ, сыпать блестками своего неистощимаго остроумія и подчасъ даже смѣшить сѣхъ его окружавшихъ. Наконецъ лѣтомъ того-же года, поднявшись вторично на ноги, онъ отправился, съ Высочайшаго соизволенія, за границу для излеченія болѣзни; но и тутъ онъ, послѣ курса водъ, облетѣлъ полъ-Европы, пробылъ нѣкоторое время въ Парижѣ, гдѣ съ свойственною ему любознательностью, подъ руководствомъ своего стараго товарища Ханыкова, зорко приглядывался и прислушивался ко всему достойному нѣкотораго наблюденія и вернулся къ осени нравственно-освѣженный; но увы! физически почти тѣмъ-же инвалидомъ, какимъ и уѣхалъ изъ Москвы. Эта упорная борьба продолжалась еще слишкомъ годъ; въ 1868 году онъ снова ѣздилъ на воды, но вернулся уже съ печатью смерти въ чертахъ и въ ночь на 15 Октября угасъ въ нѣсколько часовъ отъ повторившейся апоплексіи.

И только! Быть можетъ, возразятъ намъ многіе; нѣсколько отрывочныхъ воспоминаній о личности уже угасшей и представляющей ничтожную единицу въ общей статистической таблицѣ умершихъ за 1868-й годъ! Приносимъ повинную въ нашей слабости: намъ было отрадно помянуть добрымъ словомъ этого высоко-честнаго, замѣчательно-даровитаго и благороднаго человѣка и ради памяти о немъ коснуться съ благодарнымъ чувствомъ той эпохи и той симпатичной среды, въ которой пришлось ему провести послѣдній закатъ своей жизни, исполненной тревогъ боевыхъ и житейскихъ. Намъ представлялось даже не совсѣмъ безполезнымъ убѣдиться его примѣромъ, что человѣкъ, одаренный быстрыми, недюжинными умственными способностями, твердою волею и благородною душею, можетъ, безъ всякихъ посороннихъ вліяній, подняться до высшихъ ступеней въ оффиціальномъ и нравственномъ отношеніи, не только не утрачивая своего личнаго достоинства и самоуваженія, но даже сохраняя въ глазахъ своего Государя прозвище *„немирнаго“*. Это послѣднее названіе имѣетъ въ нашихъ глазахъ огромное значеніе въ данномъ случаѣ; оно служитъ неопровержимымъ доказательствомъ, что никакія житейскія выгоды и служебныя отличія не могли исказить и сломить эту прямую и честную натуру; что, не путемъ обычныхъ уступокъ и служебной угодливости, покойный Колюбакинъ (для котораго служба составляла единственное средство къ существованію) подвигался быстро и успѣшно въ своей дважды возобновленной карьерѣ отъ солдата до генералъ-лейтенанта и сенатора; но что онъ такъ сказать, бралъ, всѣ эти постепенныя повышенія съ бою и до конца сохранилъ,—въ настоящемъ случаѣ столь знаменательное, почти лестное названіе *„немирнаго“*....

Ѳ. Тимирязевъ.

25 Ноября 1874 г.

ТЮТЧЕВЪ И ГЕЙНЕ.

И. С. Аксаковъ въ своемъ сочиненіи о Ѳ. И. Тютчевѣ, помѣщенномъ въ Русскомъ Архивѣ 1874 года, упоминаетъ между прочимъ кратко о томъ, что поэтъ Гейне особенно часто посѣщалъ гостинную Тютчева и въ другомъ мѣстѣ, что „такъ какъ слишкомъ 20 лѣтъ проведено Тютчевымъ на чужбинѣ, то бо́льшая часть самыхъ интересныхъ подробностей его существованія для насъ безвозвратно потеряны". Въ виду скудости біографическаго матеріала, я полагаю, что почитателямъ какъ Тютчева, такъ и Гейне будетъ любопытно узнать слѣдующія подробности, тоже впрочемъ довольно скудныя, о сношеніяхъ обоихъ поэтовъ и патріотовъ. Въ прошломъ году вышло вторымъ изданіемъ сочиненіе подъ заглавіемъ: H. Heines Leben und Werke von A. Strodtmann. Въ этомъ прекрасномъ и добросовѣстномъ трудѣ Стродтмана упоминается, что Гейне былъ очень друженъ съ „барономъ" Тютчевымъ и состоялъ съ нимъ въ перепискѣ. Далѣе узнаёмъ, что Гейне въ концѣ 20-хъ годовъ очень усердно хлопоталъ о полученіи профессуры въ Мюнхенѣ. Баварскій министръ внутреннихъ дѣлъ фонъ Шенкъ покровительствовалъ Гейне и обѣщалъ ему положительно стараться всѣми силами о томъ, чтобы его назначили профессоромъ Нѣмецкой литературы. Но назначеніе это заставляло себя очень долго ждать, и Гейне, теряя терпѣніе, обратился изъ Флоренціи къ посредничеству Тютчева. „Съ Тютчевымъ", говоритъ Стродтманъ, „съ его прекрасною супругою и ея молодою прелестною сестрою Гейне находился въ самыхъ задушевныхъ сношеніяхъ; и посему очень естественно, что онъ, пользуясь этимъ знакомствомъ, обратился къ Тютчеву за свѣдѣніями о рѣшеніи короля. Относящееся до сего мѣсто изъ письма Гейне гласитъ: „Положеніе моего дѣла о назначеніи меня профессоромъ вамъ извѣстно. Я обѣщалъ г. Шенку, по прибытіи въ Италію, сообщить ему свой адресъ, дабы онъ могъ меня увѣдомить о рѣшеніи короля. Въ ожиданіи я писалъ за 4 недѣли къ Шенку, прося его доставить мнѣ это увѣдомленіе во Флоренцію. Пріѣхавъ сюда сегодня утромъ, я отправился на почту, но письма не было. Я поэтому написалъ второе письмо Шенку, которымъ извѣщаю его, что останусь здѣсь и буду ждать его отвѣта. Тысяча причинъ могутъ быть поводомъ его молчанія; но такъ какъ онъ поэтъ, то полагаю, что причиною лѣнь, та духовная лѣнь, которая насъ такъ сильно одолѣваетъ, когда намъ приходится писать къ друзьямъ нашимъ.... Прилагаю при семъ письмо, которое благоволите немедленно доставить ему. Навѣдайтесь къ нему черезъ нѣсколько дней,—онъ знаетъ, какъ вы со мною дружны, — скажите ему, что я сообщилъ вамъ, отъ чего зависитъ мое возвращеніе въ Германію и такъ какъ вы дипломатъ, то вамъ легко будетъ узнать о положеніи моего дѣла такъ, чтобы Шенкъ не догадывался, что я васъ просилъ извѣстить меня о томъ, и та́къ, чтобы онъ не считалъ себя освобожденнымъ отъ обязанности увѣдомить лично меня. Вы знаете, какъ я люблю Шенка, какъ увѣренъ въ его доброжелательствѣ; онъ великъ какъ поэтъ, но еще болѣе великодушенъ; онъ знаетъ свои обязанности относительно перовъ (pairs) таланта; онъ знаетъ, что потомство будетъ судить его, соображаясь съ этимъ; но онъ при всемъ томъ государственный мужъ". Замѣтимъ при этомъ, что Гейне не получилъ профессуры, которой такъ усердно домогался и что Тютчевъ въ 1830 г, проѣзжая черезъ Гамбургъ въ Петербургъ, посѣтилъ его въ Вандсбекѣ съ женою и сестрою. Вотъ все, что́ Стродтманъ говоритъ въ своей книгѣ о Ѳ. И. Тютчевѣ.—Лирическія сочиненія Тютчева переведены на Нѣмецкій языкъ Гейнрихомъ Ноэ (Noé) въ 1861 году.

25 Ноября въ 1874. Рига. *Павелъ Ч—въ.*

Приложенъ портретъ графа М. Л. Воронцова и снимокъ съ его почерка.

Цѣна ДВА рубля.

(Пересылка за 4 фунта).

Складъ изданія находится въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, гдѣ можно получать и первыя шесть книгъ Архива Князя Воронцова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

РУССКІЙ АРХИВЪ
1875 ГОДА.

(ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ ЖИЗНИ И РУССКОЙ МЫСЛИ.—СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ ВООБЩЕ.—КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

ВЫХОДИТЪ 12 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1875 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1875 году доставляютъ или высылаютъ эти **ВОСЕМЬ** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Берсеневской Набережной Москвы-рѣки, за большимъ Каменнымъ мостомъ, противъ храма Спасителя, въ домъ Московскаго Археологическаго общества, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу.* Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, при книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева.* Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается при книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова,* на Невскомъ проспектѣ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

Заграничные подписчики къ вышеозначенной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи — 2 р., для Франціи и Англіи—3 р., для Швейцаріи и Италіи—2 р. 50 к.

Годовое изданіе Русскаго Архива 1874 года можно получать въ двухъ большихъ книгахъ, съ гравированными на стали портретами при каждомъ томѣ, по 4 рубля за книгу (съ пересылкою).

Вышла седьмая книга Архива Князя Воронцова.

(Содержаніе см. на оборотѣ)

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартеневъ.**

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1875. 2.

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ

(бывшимъ библіотекаремъ Чертковской Библіотеки).

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1875.

СОДЕРЖАНІЕ

СЕДЬМОЙ КНИГИ

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

ЦАРСТВОВАНІЕ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФИНИ АНТОНИНЫ ДМИТРІЕВНЫ БЛУДОВОЙ *.

УСМИРЕНІЕ ПОЛЬСКАГО МЯТЕЖА 1831 ГОДА. ГРАФЪ КАПОДИСТРІЯ.

Краткое газетное извѣстіе о положеніи оружія арміей Рыбинскаго еще не означало окончанія войны: двѣ крѣпости оставались въ рукахъ мятежниковъ; къ тому же никакихъ подробностей не знали въ Берлинѣ, а въ Петербургѣ тѣмъ менѣе. Переписка наша опять становилась нѣсколько тревожна. Батюшка писалъ:

С.-Петербургъ, 19 Сентября (1 Октября) 1831 года.

Вы ничего не знаете о Польскомъ войскѣ, которое остановилось близь Модлина, и мы также еще ничего не знаемъ и надѣемся, особливо послѣ разбитія и бѣгства Ромаринова корпуса, что съ Рыбинскимъ и съ его корпусомъ также дѣло будетъ скоро кончено. Другихъ новостей нѣтъ. Третьяго дня здѣсь пронесся слухъ, будто въ Парижѣ было сильное возмущеніе, и бунтовщики, узнавъ о штурмѣ Варшавы, требовали войны съ Россіею. Говорили даже, что Себастіани и Казимиръ-Перье уступили этому требованію; но, слава Богу, вышло, что все это вздоръ. По Берлинскимъ и Французскимъ газетамъ, которыя я получаю, видно, что 4/16 Сентября въ Парижѣ, или по крайней мѣрѣ въ публикѣ Парижской, еще неизвѣстно было о взятіи Варшавы и всѣхъ происшествіяхъ 25, 26 и 27-го Августа.

С.-Петербургъ, 23 Сентября (5 Октября) 1831 года.

Ты меня спрашиваешь, какъ я провелъ день моихъ имянинъ. Увы! отвѣтъ будетъ короткій: я провелъ его какъ провожу почти всѣ дни вѐчера моей жизни, особливо съ тѣхъ поръ, какъ въ разлукѣ съ вами: въ трудахъ, въ грусти, немножко и въ болѣзни, потому что у меня болѣла голова и нѣчто похожее на лихорадку бродило по всему тѣлу. По утру было собраніе Государственнаго Совѣта, но я дозволилъ себѣ не быть въ этомъ собраніи, помня слова Евангельскія, что, воздавая Кесарю должное, надобно воздавать и Богу, что̀ Ему принадлежитъ. Вмѣсто Совѣта я былъ у обѣдни, здѣсь въ домѣ [1]), и хотя настоящій здѣшній имянинникъ, хозяинъ дома, праздновалъ этотъ день на берегахъ не Невы, а Вислы, однакожъ

---

*) См. Р. Архивъ 1873 и 1874 годовъ. Читатели припомнятъ, что семейство графа Д. Н. Блудова находилось въ Берлинѣ во время Польскаго мятежа 1831 года. Воспоминанія графини, его дочери, групируются вокругъ семейной переписки. *П. Б.*

1) Т. е. въ домѣ графа Шереметева, гдѣ тогда жилъ графъ Дмитрій Николаевичь Блудовъ. *П. Б.*

богослуженіе было торжественное, съ молебномъ и огромнымъ хоромъ пѣвчихъ. Тѣже пѣвчіе послѣ обѣдни пришли ко мнѣ въ комнату съ музыкальнымъ поздравленіемъ. Эта почесть стóила мнѣ пятьдесятъ рублей, и случилось, что Русскимъ духовнымъ концертомъ я угощалъ Поляковъ, Уніатскихъ и Римско-Католическихъ духовныхъ, которые въ то время были у меня также съ церемоніальнымъ поздравленіемъ, хотя и безъ музыки. Я не догадался велѣть отказывать, не подозрѣвая, что знаютъ, кто изъ святыхъ отцевъ мой патронъ и когда ему празднуютъ. Послѣ концерта былъ завтракъ, не у меня, а у Татьяны Васильевны; послѣ завтрака я обѣдалъ у другаго имянинника Дашкова, а послѣ обѣда мы съ нимъ вмѣстѣ явились и къ графу Кочубею въ Комитетъ, который продолжался до одинадцати часовъ. Я былъ званъ на вечеръ къ Австрійскому послу; но, слѣдуя тому же Евангельскому правилу, о которомъ думалъ по утру, предпочелъ должность такъ называемому веселью; однакожъ заѣхалъ къ графу Фикельмонту для исполненія другаго долга: учтивости, но уже послѣ нашего длиннаго и труднаго засѣданія, почти въ исходѣ двѣнадцатаго часа и, разумѣется, на короткое время.

С.-Петербургъ, 26 Сентября (8 Октября) 1831 года.

Утро или большую часть его у меня отняли, какъ дѣлà, такъ и бездѣлье, то есть визиты, въ томъ числѣ одинъ довольно интересный. Не помню, сказывалъ ли я тебѣ третьяго года, что въ Варшавѣ нашелъ одного своего стараго знакомаго Фовицкаго [2]). Онъ тогда помогъ мнѣ осмотрѣть заведенія, достопамятности и окрестности этого въ то время мирнаго и цвѣтущаго города; теперь же разсказывалъ о томъ, чтó происходило въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался столицею Польской революціи, отъ перваго бунта 17 Ноября прошлаго года до 5-го Іюня нынѣшняго, когда бѣдному Фовицкому наконецъ удалось изъ него выбраться и вмѣсто Эмса, куда его отпустили изъ плѣна, возвратиться въ Россію. Своими любопытными и, какъ ясно видно, совершенно-правдивыми разсказами онъ занялъ меня около двухъ часовъ, и я на это конечно бы не жаловался, если бы не боялся пропустить почту: потому что у насъ хотя карантины сняты, но письма все еще прокалываются. Впрочемъ и писать много сего дня нечего. Слава Богу, у насъ холеры почти нѣтъ, и у васъ она уменьшается. Изъ Польши слышно только, что остатки войска мятежниковъ еще въ Плоцкѣ, еще смѣнили двухъ главнокомандующихъ и что фельдмаршалъ назначилъ имъ послѣдній срокъ — двое сутокъ, для того чтобы одуматься и сдаться. Между тѣмъ, какъ сказываютъ, одинъ изъ главныхъ предводителей не войска, а бунта, Немоёвскій, взятъ въ плѣнъ нашимъ казакомъ, котораго онъ не могъ прельстить ни обѣщаніями, ни червонцами. Объ успѣхахъ Красовскаго и Ридигера вы конечно уже знаете, а мы ничего больше не знаемъ.

Польское возмущеніе и участіе Россіи въ войнѣ были кончены побѣдоносно; только частные случаи, только личныя страданія, только тяжелая необходимость строгихъ общихъ мѣръ, отъ которыхъ иногда страдали если не совершенно невинные, то по крайней мѣрѣ люди менѣе виновные, все это было въ родѣ печальныхъ

[2]) Фовицкій (окончившій дни свои въ Крыму) лице замѣчательное; у насъ имѣется письмо о немъ В. А. Жуковскаго, который высоко цѣнилъ его и его познанія въ Польскомъ языкѣ и исторіи. Фовицкій имѣлъ отношенія къ Великому Князю Константину Павловичу. *П. Б.*

отголосковъ войны, которые не слышны были ликующимъ жителямъ Петербурга и Москвы, но для насъ, среди Польскихъ бѣглецовъ и сочувствующихъ имъ кружковъ Берлинскаго общества, они слишкомъ были внятны и наводили на меня грусть, съ примѣсью отвращенія къ тѣмъ пошлымъ фразамъ, которыми тогдашніе честолюбцы, также какъ нынѣшніе, прикрывали свое даже, можетъ быть, безсознательное властолюбіе, свою погоню за почестями, за выгодными мѣстами, за громкою популярностію. „Какъ справедливо говоритъ Gazette de France. (писала я): „Partout: où est écrit: souveraineté du peuple, pouvoir constituant, on lit: révolution et par conséquent ces vers si connus de Dante:

Per me si va nella città dolente,
Per me si va nel eterno dolore;
Per me si va tra la perduta gente,
Lascîate ogni speranza, voi ch'intrate [3]".

И въ самомъ дѣлѣ, не легка тиранія народа-царя, — этого миѳа! И въ западной Европѣ онъ имѣлъ тогда льстецовъ и искателей фортуны, обманывавшихъ его не менѣе, чѣмъ теперь. Возмущенія народныя почти всегда похожи на повѣтріе болѣзни: они какъ будто прилипчивы, и ихъ легко заносятъ зараженные агенты тайныхъ или открытыхъ обществъ, изъ края въ край. Въ Саксоніи и Брауншвейгѣ, въ Гессенъ-Касселѣ, были маленькія революціи, какъ бывало на театрѣ давали водевили и фарсы послѣ трагедіи или драммы. Въ Дрезденѣ революція достигла своей великой государственной цѣли: изгнанія Италіанской оперы. Опера эта была замѣчательно-хороша и, привлекая молодые свѣжіе голоса и таланты Италіи, привлекала тоже иностранцевъ въ Дрезденъ и обогащала конечно маленькую Нѣмецкую столицу. Однако это послужило придиркой для обвиненія короля въ расточительности. Онъ отказался отъ Königliches Oper", взялъ себѣ своего наслѣдника въ соправители, и все это стόило много денегъ и причинило потерю многихъ доходовъ не королевскихъ, а городскихъ. За то Саксонцы могли хвастаться, что они не отстаютъ отъ Французовъ и что у нихъ тоже была своя маленькая либеральная революція. Въ Гессенъ-Касселѣ вышло еще проще и, какъ говорили въ одной газетѣ, „цѣль была такъ легко достигнута, что народъ не понималъ, конченъ-ли переворотъ, или надобно съизнова начинать шумѣть". Ничто такъ не озадачиваетъ народъ, взявшійся за оружіе, чтобъ „завоевать силою свои вѣчныя права", какъ государь, который бросаетъ ему эти права въ лице, безъ всякаго сопротивленія, какъ бы говоря: На, бери эту дрянь! Толпа не знаетъ,

[3]) Эти стихи припоминаютъ мнѣ, что въ одно время (въ 40-хъ годахъ), когда предлагались нѣкоторыя мѣры большой важности, и члены Государственнаго Совѣта съ равнодушіемъ и легкомысленностію принимали или отклоняли ихъ почти единогласно, по личнымъ отношеніямъ къ предлагающимъ, отецъ мой, ратуя противъ нихъ съ незначительнымъ меньшинствомъ, говорилъ, что можнобы надъ дверями Государственнаго Совѣта выставить два послѣдніе стиха приведеннаго четверостишія.

куда обратить свою ярость, а предводители возмущенія не успѣли прославиться своими талантами, и всѣ выходятъ смѣшными. Такъ случилось въ Касселѣ. Нѣсколько жителей города прокричали на улицѣ: „Хотимъ конституціи“. Курфирстъ услышалъ, подошелъ къ окну и сказалъ: „Вы желаете конституціи. Я согласенъ; составьте сами и введите въ дѣйствіе“. Кассельцы очень сконфузились: никто изъ нихъ не имѣлъ понятія о такомъ сочиненіи. Къ счастію, тутъ случился г. Іорданъ, который предложилъ свои услуги народу, говоря: „Я профессоръ народнаго права въ Марбургѣ, такъ я и конституціи умѣю сочинять: для меня это плёвое дѣло“. Вышло, что у г. Іордана даже готовая конституція была въ запасѣ. Ее принесли и тутъ же провозгласили. Узнавъ объ этомъ, курфирстъ вышелъ на балконъ и присягнулъ на вѣрность этой импровизаціи. „Кто же приведетъ конституцію въ дѣйствіе?“ спросили крикуны. „Поручите кому угодно“, отвѣчалъ курфирстъ и захлопнулъ дверь балкона. Президентъ Шенкъ-фонъ-Швейндорфъ выступилъ впередъ и объявилъ, что онъ мастеръ этого дѣла. — „Ну такъ вы и введите конституцію“, отвѣчалъ народъ, и всѣ разошлись по домамъ. Но главный комитетъ революціонный былъ въ отчаяніи отъ такой развязки. Оно вышло какъ-то не великолѣпно, а смѣшно. Стали подбивать народъ опять просить снятія таможенъ, требовать части въ княжеской казнѣ (весьма богатой). Тиранъ согласился и половину казны своей отдать. Ужасный человѣкъ этотъ курфирстъ! Просто бѣдовый для народа, жаждущаго славы великой революціонной борьбы; все сдается безпрекословно. Что́ дѣлать? Тогда эти господа придрались къ частной жизни курфирста. Съ 1172 года, когда Людвигъ, прозванный Желѣзнымъ, наслѣдовалъ княжество послѣ отца своего Людвига Бородатаго, курфирсты Кассельскіе имѣли наслѣдственную слабость къ женщинамъ. Покойный курфирстъ часто мѣнялъ своихъ фаворитокъ; нынѣ царствующій курфирстъ вѣренъ все одной и той же графинѣ Рейхенбахъ, а сынъ его еще нравственнѣе и женился на своей фавориткѣ. Еслибъ Кассельцы искренно жаждали постепеннаго усовершенствованія, они бы поклонялись такому прогрессу; но они очень требовательны и настояли на удаленіи гр. Рейхенбахъ. Курфирстъ удалилъ ее; но самъ за ней удалился въ вольный городъ Франкфуртъ, гдѣ и нравы вольные. Уѣзжая, онъ назначилъ сына своего ко-регентомъ своимъ. — Король Саксонскій еще прежде придумалъ тоже самое. Если такой обычай распространится, мы увидимъ по два государя на каждомъ престолѣ: вотъ весь прогрессъ революціи.

Волненія и уличные безпорядки и въ Англіи, между прочимъ въ Бристолѣ, унимались вооруженною силою. Тогда были первыя прѣнія объ Reform-bill при Вильгельмѣ IV. Lord Brougham и Lord John Russell были сторонниками его.

Въ это тревожное время все принимало какое-то мрачное значеніе, все казалось, какъ говорится поанглійски, ominous, и не одинъ простой народъ смотрѣлъ съ тайнымъ или открытымъ смущені-

емъ даже на естественные феномены. До сихъ поръ живо помню что-то въ родѣ сѣвернаго сіянія необычайной свѣтлости и багроваго цвѣта, которое повторялось четыре ночи сряду въ Берлинѣ около этого времени. Въ письмахъ нашихъ мы всѣ описываемъ его.

16 (28) Сентября.

....Когда мы дошли до Weidendammer-Brücke, въ двухъ шагахъ отъ нашего дома, широкій горизонтъ открылся передъ нами въ чудномъ великолѣпіи. Темно-пурпуровый цвѣтъ неба становился все багровѣе къ краю горизонта, въ прекрасной противуположности съ черными рядами домовъ, тянущихся вдаль, и съ высокими Италіанскими тополями, отдѣляющимися своими темными стволами на рдѣющемъ небосклонѣ, который повторялся кровавымъ отблескомъ въ водѣ около моста. Оно было великолѣпно, напоминая какую нибудь прекрасную декорацію на театрѣ, или необозримое зарево пожара; только пожаръ всегда соединяется съ мыслію о несчастіи и опасности для погорѣлыхъ, но тутъ, въ этомъ необычайномъ явленіи природы, я могла любоваться безъ печали, а только чувствовала то неопредѣленное безпокойство духа, какъ бы ожиданіе наступающей бѣды, that nameless dread of coming wo [4]), которое даже несуевѣрный человѣкъ почти всегда испытываетъ при зрѣлищѣ переворотовъ въ природѣ, совпадающихъ такъ неожиданно съ переворотами и несчастіями между людьми въ наше время. Когда мы дошли до бульвара Unter den Linden и направились къ тріумфальнымъ воротамъ (Brandenburges Thor), Колесница побѣды все отчетливѣе и яснѣе стала отдѣляться, темная и мрачная, тихо летящая на воздухѣ — и мнѣ казалась фигурой самой судьбы, которая, огромной мрачной тѣнію, шла тяжелыми шагами на городъ съ кроваваго огненнаго поля. На Unter den Linden можно было читать при свѣтѣ зарева. Какъ бы мнѣ хотѣлось знать, какая причина этого темно-лучезарнаго багроваго свѣта на небѣ? (пишетъ братъ). Здѣсь, какъ вездѣ, простой народъ суевѣренъ и думаетъ, что это предзнаменуетъ бѣду; наша кухарка даже очень совѣтовала намъ не слишкомъ смотрѣть на такое небо, чтобъ не накликнуть на себя бѣды, а нашъ Русскій лакей увѣряетъ, что непремѣнно будетъ кровопролитная война; въ такомъ случаѣ побѣда должна быть на сторонѣ Прусаковъ, такъ какъ ихъ побѣдная колесница лицемъ къ городу стоитъ въ этомъ сіяніи; да у нихъ вѣдь и задача не Богъ вѣсть какая,—только волненія въ Нейшателѣ, съ которыми, надѣюсь, скоро справятся.

На меня впечатлѣніе было менѣе успокоительное: я такъ отвѣчала на упреки батюшки за недостатокъ патріотизма, за грустныя слезы, съ которыми я приняла вѣсть о сдачи Варшавы.

Берлинъ, 16 (28) Сентября 1831 года.

....Наконецъ вы узнали о взятіи Варшавы! Не понимаю, какими судьбами Суворовъ, который вообще такъ быстро путешествуетъ, на этотъ разъ ѣхалъ такъ долго. Для насъ было почти столько же грусти, какъ радости въ этомъ извѣстіи. Въ Петербургѣ вы должны были радоваться вполнѣ: весь городъ чувствовалъ, какъ вы; тревожная радость встрѣчала васъ на всѣхъ лицахъ, а громъ пушекъ,—а крѣпость наша, а наша

---

[4]) Miss Landon.

синяя Нева!..... Но мы! Что̀ было у насъ здѣсь возбудительнаго? Недовольныя, сердитыя лица народа попадающагося на встрѣчу, монотонная дорога въ Потсдамъ, проливной, постоянный дождь; мысль объ огромномъ числѣ убитыхъ и опасенія измѣнническаго покушенія на нашу армію, которымъ бредили Прусаки въ своей дружеской къ намъ фантазіи: они совсѣмъ порѣшили, что Варшаву взорвутъ на воздухъ съ нашимъ войскомъ въ ней. И съ самаго этого дня, какъ только почта опоздаетъ, наши дорогіе друзья Берлинцы съ удивительнымъ богатствомъ воображенія выдумываютъ разные ужасы. Слава Богу однако, даже они не могутъ разсказывать о потрясающихъ убійствахъ и звѣрствахъ въ Варшавѣ казаковъ и другихъ дикарей. Дѣло въ томъ, что всѣ принуждены сознаться въ примѣрномъ поведеніи нашихъ солдатъ; шесть человѣкъ только провинились противъ строгой дисциплины и разстрѣляны, а всѣ остальные совершенно-мирно держатся. Что́ же касается охотниковъ идти на штурмъ, о которыхъ вы пишете, они напрашивались толпами, какъ разсказываетъ очевидецъ (Прусскій офицеръ, пріѣхавшій изъ нашей арміи курьеромъ). Между ними были два унтеръ-офицера, одинъ ветеранъ, другой очень молодой юнкеръ; когда бросили жребій, старому солдату посчастливилось, а молодой сталъ настойчиво упрашивать его помѣняться съ нимъ. Наконецъ онъ предложилъ старику сто рублей, говоря ему: „Ты старъ и былъ во многихъ сраженіяхъ; а для меня это первое! Уступи мнѣ, голубчикъ твое мѣсто.“ Но старый воинъ ни за что не согласился и къ моей неописанной радости воротился со штурма невредимъ.

Со дня нашего торжества ненависть Берлинцевъ къ намъ увеличилась по мѣрѣ ихъ зависти; но за то и страхъ ихъ отъ Французовъ воскресъ послѣ возмущенія, или émeute, противъ министерства Казимира-Перьера: и они былибъ въ восхищеніи, еслибъ Русскія войска были на сторонѣ Пруссіи, quitte à nous haïr après encore plus, à proportion des services que nous pourrions leur rendre [5]). Что̀ дѣлать? Такъ живется на свѣтѣ, и я лишь одного желаю, чтобъ милое отечество мое всегда заслуживало такого рода ненависть и всегда прощало.

Простой народъ столько же боится Французовъ, какъ боялся холеры, когда она сначала появилась, и увѣряетъ, что отъ него скрываютъ, но что Луи-Филипъ уже объявилъ Пруссіи войну, и что феноменъ на небѣ это доказываетъ: они считаютъ это знаменіемъ временъ (ein Zeichen) и говорятъ, что и смотрѣть на него не подобаетъ. Но какъ это явленіе великолѣпно! Особенно, если идти по бульвару Unter den Linden, точно какъ будто лошади побѣды въ самомъ дѣлѣ мчатъ черную колесницу по пламенѣющему воздуху! И поистинѣ становится жутко смотрѣть; кажется, что пораженный геній земли Прусской бѣжитъ съ ужасомъ отъ грозящаго врага.

Но вы подумаете, что и я заразилась мрачностію Германской фантазіи; да времена-то такія безпокойныя и тяжелыя!

Я и до сихъ поръ помню волненія той поры по всей Европѣ и безпокойство, съ которымъ встрѣчалась не только всякая перемѣна, но всякій слухъ о перемѣнѣ министерства.

Казимиръ-Перьеръ всѣхъ больше внушалъ довѣрія въ сохраненіи мира, хотя многіе во Франціи жаловались на его буржуазную

---

[5]) Получивъ возможность ненавидѣть насъ еще болѣе по мѣрѣ услугъ, которыя могли бы мы оказать имъ.

уступчивость. Въ то время страшились партіи, которую звали du mouvement по теперешнему республиканцы или интернаціоналы, le nom ne fait rien à la chose [6]), и среди всей ненависти и всѣхъ колкостей и нападеній, общее чувство было уваженіе къ этому человѣку, отдавшемуся всей душой сохраненію мира и огражденію отечества отъ тлетворной привычки безпрестанныхъ смутъ и переворотовъ. Частныя измѣненія въ личномъ составѣ министерства не измѣняли его направленія, но физическія силы измѣняли Казимиру-Перьеру. Стали поговаривать даже о воздѣйствіи на его умственныя способности, стали появляться статьи сатирическія и карикатуры. Одну особенно запомнила я, потому что, въ продолженіи моей жизни, слишкомъ часто, слишкомъ грустно, исполнялось изрѣченіе, на которомъ основана эта карикатура, представляющая женщину въ вѣнцѣ (Францію), сидящую у колеса точила; вмѣсто ножей она оттачивала министровъ тогдашнихъ: одинъ за другимъ, тоненькіе, извостренные, щедушные, падали какъ изношенныя маріонетки кукольной комедіи; и въ рукахъ по очереди она держала Казимира-Перьера. Подписано было: Le pouvoir use les hommes [7]). Увы! слишкомъ справедливо оправдался этотъ афоризмъ на многихъ и многихъ министрахъ на моемъ вѣку. Мнѣ какъ-то случилось разъ упомянуть объ этомъ князю Горчакову; онъ нѣсколько измѣнилъ поговорку, и она вышла также справедлива, хотя невсегда. Le pouvoir use, говорила я ему... — Le pouvoir grise [8]), возразилъ онъ. И то и другое бываетъ нерѣдко.

Въ то время еще не совсѣмъ улажено было дѣло Бельгійское; глухо волновалась почти вся Италія, и недобрыя вѣсти появлялись въ газетахъ изъ Греціи, хотя исключительная забота о нашихъ собственныхъ дѣлахъ въ Польшѣ слишкомъ занимала насъ для того, чтобы мы обратили вниманіе на этотъ дымокъ, поднимавшійся изъ кратера политическаго Везувія.

Однако уже $\frac{5}{17}$ Августа писали въ газетахъ изъ Корфу: „Неудовольствіе, которое давно было замѣтно на Греческихъ островахъ, особенно въ Гидрѣ, перешло въ открытый бунтъ. Гидріоты захватили въ Поросѣ фрегатъ Геллась и другія Греческія суда и сожгли ихъ".

$\frac{14}{26}$ же Августа было успокоительное извѣстіе, что президентъ временнаго правленія графъ Каподистрія объявилъ созваніе народнаго собранія въ Октябрѣ мѣсяцѣ и подалъ ноту (записку) представителямъ трехъ покровительствующихъ державъ, настаивая на окончательномъ рѣшеніи дѣлъ Греціи, на прекращеніи гибельнаго временнаго, неопредѣленнаго положенія края.

Но мы еще въ то время стояли передъ сильной Польской арміей, съ мятежническими шайками сзади, въ Царствѣ Польскомъ и Литвѣ, съ другими шайками, наброшенными дружески съ Австрій-

---

[6]) Названіе не измѣняетъ предмета.
[7]) Власть изнашиваетъ людей.
[8]) Власть пьянитъ.

ской границы и съ Варшавой, Модлиномъ и Замостьемъ, укрѣпленными, съ сильными гарнизонами въ рукахъ непріятеля; а во Франціи было открыто-враждебное намъ правительство. Разумѣется, Австрія и Англійское правительство, относящіяся постоянно съ непріязнію ко всему православному на Востокѣ, не спѣшили внимать нашему одинокому голосу, предупреждавшему Европу о бѣдствіяхъ, которыя грозили освободившимся Грекамъ, оставленнымъ въ такомъ переходномъ положеніи, въ которомъ они должны были стоять вооруженными, постоянно на сторожѣ, подъ предводительствомъ храбрыхъ, но грубыхъ партизановъ, свыкшихся не съ свободою еще, а съ своеволіемъ и распущенностію начальниковъ шаекъ.

Такъ шли дѣла во всей западной и восточной Европѣ, кромѣ Россіи, гдѣ вѣрность и любовь къ Государю, не смотря на частные безпорядки, какъ напримѣръ въ военныхъ поселеніяхъ и на Сѣнной въ Петербургѣ, оставались неизмѣнныя, даже среди самаго взрыва народнаго мятежа. Нахожу въ одномъ изъ многихъ писемъ, что когда Государь пріѣхалъ на Сѣнную площадь во время бунта по случаю холеры и своими словами: „не у меня прощенія просите, а у Бога, Котораго прогнѣвали", заставилъ всю эту толпу броситься на колѣни передъ церковью Спаса, въ это время какой-то инвалидъ подошелъ къ Государю и просилъ его не оставаться въ Петербургѣ, „чтобъ не пристала къ нему холера." Такова была нѣжная забота простыхъ людей о любимомъ Царѣ, въ тò время, когда они считали, что сами находились въ смертельной опасности. Что эта любовь существовала во всѣхъ слояхъ Русскаго народа, ясно видимъ въ единодушіи, съ которымъ всѣ и всякій относился къ войнѣ съ Польшей. Не было этой болѣзненной, малодушной боязни мнѣнія иностранцевъ или Поляковъ, или своихъ либераловъ, въ отношеніи къ подавленію мятежа; всѣ, даже католики западныхъ губерній, служащіе въ нашей арміи, шли храбро и рѣшительно въ бой съ Польской арміей, а съ шайками и подавно. Хомяковъ, вышедшій изъ военной службы послѣ взятія Адріанополя по случаю смерти старшаго брата и по семейнымъ дѣламъ, подалъ было просьбу о вступленіи опять въ ряды и въ тоже время излилъ всю душу свою въ прекрасныхъ стихахъ.

Просьба.

О сжальтесь надо мной! Отдайте волю мнѣ!
Изъ края дальнаго волшебный зовъ несется;
И кровь моя кипитъ, и сердце бурно рвется
Въ тотъ дальній край, къ войнѣ, къ войнѣ!
Вы видите: стремятся ополченья,
И взоры ихъ блестятъ надеждою побѣдъ...
Туда, туда, въ кровавыя сраженья
Я полечу за ними въ слѣдъ и т. д.

Также единодушно было и прощеніе, примиреніе, готовность къ забвенію вражды со стороны Государя и всѣхъ его подданныхъ. Это свидѣтельствуютъ всѣ частные, равно какъ и офиціальные документы тогдашніе, и всѣ стихи, написанные въ то время. Вообще

меня поражаетъ это поэтическое настроеніе, котораго, кажется, совершенно не было въ послѣднюю борьбу нашу съ Польшей (1863).

Въ одной газетѣ „Инвалидъ", въ Сентябрѣ и началѣ Октября 1831 г. сколько напечатано стиховъ!

8 Сентября Якубовича: Солдатская пѣсня.

17 Сентября прекрасные стихи Хомякова:

О замолчите, битвы громы;
Остановись, кровавый бой!......
Потомства пламеннымъ проклятьямъ
Да будетъ преданъ тотъ, чей гласъ
Противъ Славянъ Славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ въ преступный часъ.
Да будутъ прокляты преданья,
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ,
И повѣсть мщенья и страданья,—
Вина неисцѣлимыхъ ранъ.

Эти стихи мало извѣстны теперь. Тогда многіе и многіе проклинали съ поэтомъ эту напускную вражду, ибо тогда она точно была вызвана голосомъ иностранцевъ, особенно Французовъ. Тогда еще не существовало эмиграціи, но увы! съ тѣхъ поръ сами Поляки, начиная съ Лелевеля и Мицкевича, не только разработывали и распространяли, но даже выдумывали и искажали преданія. И позаботились и теперь заботятся сами Поляки, и другъ и недругъ наши, чтобъ ни намъ, ни потомству не видать никогда, какъ

Орлы Славянскіе взлетаютъ
Широкимъ, дерзостнымъ крыломъ,
Но мощную главу склоняютъ
Предъ старшимъ Сѣвернымъ орломъ...

А уже какъ „будущихъ Баяновъ струны поютъ согласье и покой" между Славянами, кажется мнѣ никогда несбыточной мечтою. То что́ сказалъ Волынскій (кажется) о Русскихъ, можно повторить съ еще бо́льшей справедливостью о нашихъ единоплеменникахъ: „На что Славянамъ хлѣбъ? Они другъ друга ѣдятъ" [9]).

Какъ бы то ни было, мы всѣ поднялись духомъ, всѣ ликовали; и въ прозѣ и въ стихахъ изливалось общее чувство радости.

18 Сентября нахожу я стихи Бека, 25 опять стихи Жуковскаго: Русская Слава, 9 Октября отголосокъ изъ Москвы: стихи Шишкова (младшаго, переводчика Шиллера), писанные въ Останкинѣ.

Извѣстія доходили до Берлина скорѣе, чѣмъ до Петербурга; мы были уже спокойны духомъ, и тонъ нашихъ писемъ становился веселѣе, хотя болѣе чѣмъ когда либо тянуло домой, туда, гдѣ единодушіе, любовь и торжество всѣхъ соединяли. За то въ политическомъ отношеніи уже почти нечего выписывать изъ писемъ, въ которыхъ нахожу такіе анекдоты, напримѣръ: Le Figaro prétend

---

[9]) За этой великолѣпной (по многочисленности) трапезой, безспорно можно уступить Полякамъ первое мѣсто. Вотъ уже „primus inter pares", воистинну.

que le prétendant portugais a pour devise: „C'est en les fusillant qu'on gouverne les hommes“ [10]). Изъ другой газеты:

Impromptu adressé a m-le général de Lafayette qui a élevé la meilleure des républiques (Луи Филиппа) et un cochon superbe, dont il a fait hommage à la société d'émulation de Clermont, qui lui a décerné la médaille d'or:

Quoi! toujours de nouveaux fleurons
Viendront orner ta couronne civique?
Après les cent ovations
Que te décerna l'Amerique,
Tu ne pouvais manquer d'obtenir, homme unique!
Le prix dans l'art d'engraisser les cochons [11]).

И не только такія балагурства являлись въ газетахъ, но даже слѣдующія шутки: On lit dans un journal anglais une disposition législative encore existante, qui est fort remarquable par sa bizarrerie: „les proprietaires d'ânes sont obligés de leur raccourcir les oreilles afin que leur longueur n'effraie pas les chevaux“ [12]).

Между тѣмъ однако двѣ крѣпости въ Царствѣ Польскомъ еще держались, и кружекъ Вильгельмъ-Штрасе [13]) еще оплакивалъ ихъ будущую судьбу, когда весь гарнизонъ взлетитъ на воздухъ, взорвавъ собственными руками укрѣпленія. Я уже разсказала закулисныя сцены при сдачѣ Варшавы, но для полноты разсказа о полузабытыхъ происшествіяхъ тогдашнихъ, кажется, не безъ интересно прочитать и офиціальныя извѣстія, посылаемыя намъ изъ Петербурга.

Во время штурма Воли 26 Августа, фельдмаршалъ Паскевичъ сильно контуженъ въ руку ядромъ. Баронъ Гейсмаръ, князь (Михаилъ Дмитріевичъ) Горчаковъ и генералъ маіоръ Мартыновъ ранены пулями. Графъ Ностицъ и генералъ Зассъ контужены; 176 офицеровъ, 4202 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ ранено. Мы потеряли до 1000 человѣкъ убитыми. Въ 6 часовъ вечера огонь артиллеріи нашей заставилъ генерала Крюковецкаго написать на имя Государя письмо, въ которомъ объявляетъ, что народъ Польскій покоряется безусловно. Вотъ это письмо пофранцузски: „Sire, chargé dans ce moment-même du pouvoir de parler à Votre Majesté Impériale et Royale au nom de la nation Polonaise, je m'adresse par

---

[10]) Фигаро увѣряетъ, что у Португальскаго претендента девизъ: людьми правятъ разстрѣливая ихъ.

[11]) Экспромптъ, обращенный къ генералу Лафайету, воспитавшему лучшую изъ республикъ и въ тоже время превосходную свинью, представленную имъ въ общество поощренія въ Клермонтѣ, которое присудило ему золотую медаль: „Какъ! Все новые цвѣты украшаютъ твой гражданскій вѣнецъ? Послѣ множества почестей, которыми тебя осыпала Америка, ты—человѣкъ единственный—не утерпѣлъ, чтобы не получить награды за искусство откармливать свиней“.

[12]) Въ Англійской газетѣ находимъ законодательное распоряженіе, доселѣ имѣющее силу и весьма замѣчательное своею странностью: „Владѣльцы ословъ обязаны карнать имъ уши, чтобы лошади не пугались длинныхъ ушей“.

[13]) Улица въ Берлинѣ по сосѣдству съ дворцомъ Радзивиловъ, раздувавшихъ ненависть къ Россіи. *П. Б.*

son excellence m-le marechal comte Paskewitsch d'Erivan à Votre coeur paternel. En nous soumettant sans aucune condition à Votre Majesté notre Roi, la nation Polonaise sait qu'elle seule est à même de faire oublier le passé et de guérir les plaies profondes qui ont laceré notre patrie. Comte Krukowetzky, général d'infanterie, président du gouvernement" [14]).

Получивъ это письмо, фельдмаршалъ отправилъ генерала Берга (въ послѣдствіи графа и намѣстника Царства Польскаго) въ Варшаву, снабдивъ его полномочіемъ, съ тѣмъ чтобы объявить, что если къ 4-мъ часамъ не будетъ все условлено и въ готовности къ сдачѣ, то начнется непремѣнно штурмъ самаго города. Но въ самое время, когда надобно было приступить къ рѣшенію дѣла, генералъ Бергъ узналъ, что генералъ Крюковецкій подалъ въ отставку. Онъ тогда обратился къ графу Малоховскому, главнокомандующему ихъ арміей, который написалъ къ фельдмаршалу слѣдующее письмо:

Monsieur le marechal. M-r. le comte Krukowiezki s'étant absenté de Varsovie sans prévenir les autorités du gouvernement et de la ville reviendra sans doute dans peu de moments pour recevoir le message dont votre excellence a chargé le général Berg [15]). Потомъ слѣдуютъ подробности о сдачѣ и выступленіи войскъ.

Вслѣдствіе этого письма выступленіе войскъ изъ Варшавы и Праги съ ея мостомъ совершилось, и по обоюдному условію Польская армія ретировалась на Плоцкъ, гдѣ и будетъ ожидать приказаній Его Величества. Такъ говорилось въ рапортѣ.

Но какъ Крюковецкій скрылся въ рѣшительную минуту, такъ и главные члены революціоннаго правительства теперь воспользовались конвенціей только для того, чтобъ уйти изъ Варшавы, а не для прекращенія своихъ дѣйствій и хотя вполнѣ человѣколюбивая цѣль фельдмаршала въ отношеніи къ жителямъ Варшавы была достигнута, и они могли въ непродолжительномъ времени безопасно ходить даже въ театръ, однако война еще могла возобновиться. Фельдмаршалъ писалъ въ другомъ донесеніи: „Къ несчастію, по наущенію нѣкоторыхъ членовъ революціоннаго правительства, вышедшихъ съ арміей изъ Варшавы, Польскія войска, которыя должны были ретироваться на Плоцкъ и ожидать приказаній, вѣроломно отказались заключить конвенцію, двинулись на Модлинъ, отча-

---

[14]) Государь! Уполномоченный въ эту самую минуту писать къ Вашему Императорскому и Королевскому Величеству во имя Польскаго народа, я обращаюсь черезъ его сіятельство фельдмаршала графа Паскевича Эриванскаго къ Вашему отеческому сердцу. Польскій народъ безусловно покоряется Вашему Величеству, нашему королю, и знаетъ, что вы одни можете покрыть забвеніемъ прошедшее и исцѣлить глубокія раны, коими изъязвлено наше отечество. Графъ Крюковецкій, генералъ отъ инфантеріи, президентъ правительства.

[15]) Господинъ фельдмаршалъ. Генералъ Крюковецкій, отлучившійся изъ Варшавы, не предупредивъ правительственныхъ и городскихъ властей, возвратится безъ сомнѣнія въ скоромъ времени, чтобы принять извѣстіе, которое вы поручили генералу Бергу.

сти въ самую крѣпость, отставивъ своего главнокомандующаго графа Малаховскаго, назначили на его мѣсто Рыбинскаго и, поддерживаемые другими подошедшими къ нимъ отрядами, собираются начать непріятельскія дѣйствія. Тоже самое сдѣлалъ отрядъ, стоящій около Сѣдлецъ подъ командою Ромарино, съ которымъ находились князь Чарторыжскій, Лелевель и другіе члены революціоннаго правительства и сейма. Желая истощить всѣ мѣры снисхожденія, фельдмаршалъ послалъ генерала Берга снова къ начальнику Польской арміи, требуя добровольнаго исполненія конвенціи 26 Августа и сдачи крѣпостей Модлина и Замостья; но въ тоже время всѣ мѣры приняты для исполненія силою этихъ требованій, если начальникъ Польской арміи отвергнетъ ихъ. Впрочемъ ихъ войска находились подъ вліяніемъ революціонной партіи, которая представлена въ арміи Немоёвскимъ и Моравскимъ. Этотъ послѣдній, говоря съ генераломъ Бергомъ, и не касался статей перемирія, а распространялся только о самыхъ безумныхъ планахъ кампаній противъ насъ и часто даже принималъ тонъ угрозы".

„При такихъ обстоятельствахъ фельдмаршалъ принужденъ былъ опять употребить силу оружія; послѣдствіемъ было уничтоженіе отряда Ромарино и соединенныхъ отрядовъ Ружицкаго и Каминскаго".

Такія извѣстія не могли не огорчать и не волновать батюшку. Наконецъ пришелъ рапортъ главнокомандующаго дѣйствующей арміи.

„Комендантъ крѣпости Модлина полковникъ Ледуховскій, будучи поставленъ въ извѣстность, что армія мятежниковъ подъ начальствомъ Рыбинскаго, тѣснимая Россійскими войсками, вошла въ предѣлы Пруссіи, гдѣ была обезоружена и что Великій Князь Михаилъ Павловичъ изволитъ проѣзжать чрезъ блокадный корпусъ, облегающій Модлинъ, изъявилъ желаніе сдать крѣпость сію Его Императорскому Высочеству и, явясь лично, просилъ объ исходатайствованіи гарнизону прощенія прежнихъ проступковъ. Государь Великій Князь приказалъ объявить полковнику Ледуховскому, что Его Императорское Высочество не можетъ принять никакихъ условій, но совѣтуетъ ему, сложа оружіе на гласисѣ, сдаться. Полковникъ Ледуховскій тогда обьявилъ, что крѣпость сдается безусловно. Вслѣдствіе сего, командующій блокадными войсками генералъ-лейтенантъ Головинъ принялъ крѣпость 28 Сентября".

За тѣмъ получено извѣстіе о сдачѣ крѣпости Замостья съ 200 пушекъ.

Спокойствіе было возстановлено по всему Царству Польскому. Мы искренно желали полнаго примиренія; но тутъ же, на первыхъ порахъ, при такомъ изъявленіи, матушка потерпѣла пораженіе. Въ Берлинѣ тогда жила графиня Нессельроде, Полька рожденіемъ, но какъ жена Русскаго генерала и родственница Русскаго министра, знакомая съ Русскими. Она была очень дружна или въ родствѣ съ женою Ледуховскаго. Около этого времени матушка както съ ними встрѣтилась. „Ну! Модлинъ въ вашихъ рукахъ", сказала графиня Нессельроде.—„Да, теперь все кончено, миръ возстановленъ, и слава Богу конецъ враждѣ", отвѣчала матушка въ ду-

шевномъ порывѣ. „На нашъ вѣкъ хватитъ, можетъ быть, перебила Ледуховская, а дѣти наши еще съ бо́льшей ненавистью будутъ враждовать; я вамъ ручаюсь". Пророчество сбылось; но, кажется, сама пророчица и ея соотечественницы къ тому приложили свои старанія. У насъ же, добродушныхъ и легковѣрныхъ Русскихъ, себя обольщали и Пушкинъ, и Хомяковъ, и Жуковскій и отецъ мой, который писалъ:

С.-Петербургъ, 6 (18) Октября 1831 г.

....Сегодня мы празднуемъ окончаніе войны съ Польскими мятежниками: будутъ большой парадъ и молебствіе на Царицыномъ лугу. Эта церемонія была назначена въ прошедшее Воскресенье и отложена за дурной погодой. Сегодня же будутъ обнародованы манифестъ и приказъ войскамъ. Посылаю ихъ къ тебѣ, мой другъ, въ рукописныхъ копіяхъ, потому что печатанныхъ еще не имѣется. Можетъ быть, узнаешь, что и манифестъ, и приказъ оба моей работы; отгадаешь также, что я писалъ ихъ съ живымъ, непритворнымъ чувствомъ и, слава Богу, кажется Государь былъ ими очень доволенъ. Не знаю что́ съ своей стороны скажетъ публика, это сложное существо, которое Вальтеръ Скоттъ называетъ: „Thou manyheaded monster-thing" [16]).

Манифестъ.

Божію милостію мы, Николай I и проч. и проч. Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ. Возженная измѣной война прекратилась. Народъ Царства Польскаго освобожденъ отъ насилія мятежниковъ, и тѣ слабые остатки ихъ полчищъ, кои до конца упорствовали въ заблужденіи, тѣснимые отовсюду нашими храбрыми войсками, удалились въ предѣлы сосѣдственныхъ съ нами державъ, и тамъ положили оружіе. Вѣрные подданные наши! Возвѣщая вамъ о семъ торжествѣ, истинно-утѣшительномъ, ибо имъ возстановляются спокойствіе и порядокъ, мы, также какъ при началѣ сей горестной для сердца нашего борьбы, обращаемся вмѣстѣ съ вами къ Тому, Кто, владычествуя судьбами царствъ и народовъ, столь видимо благословилъ наше правое дѣло.

Первая мысль наша, первая жертва хвалы и благодаренія да вознесутся къ престолу Его. Онъ, въ неисповѣдимомъ совѣтѣ Своемъ, положилъ подвергнуть насъ новымъ тягостнымъ испытаніямъ, но посреди ихъ явилъ и новые знаки къ намъ благости, показалъ твердость могущества Россіи, и вѣрныя наши войски, сію необоримую ограду Отечества, покрылъ новымъ блескомъ славы. Храбрые воины наши оправдали нашу довѣренность. Прославленные подвигами на берегахъ Ефрата, на высотахъ Балкана, Тавра и на поляхъ Румеліи, они въ семъ достопамятномъ, болѣе семи мѣсяцевъ не прерывавшемся походѣ, умѣли еще превзойти себя, презирая опасности, перенося неимовѣрные труды и нужды, сражаясь съ препятствіями, самою природою поставляемыми и съ отчаяннымъ сопротивленіемъ враговъ, не щадившихъ достоянія и крови народа, ими вовлеченнаго въ преступленіе; и рядъ блистательныхъ успѣховъ достойно заключенъ покореніемъ Варшавы, гдѣ непріятель былъ равно изумленъ великодушнымъ мужествомъ побѣдителей и уваженіемъ ихъ къ собственности и жизни побѣжденныхъ. Но сею кротостію въ побѣдѣ, симъ безкоры-

---

16) Многоголовое чудовище.

стіемъ и человѣколюбіемъ ознаменованы и всѣ дѣйствія нашихъ воиновъ въ Царствѣ Польскомъ; помня слова наши, они среди самыхъ кровопролитій старались уменьшать ужасы сей междоусобной брани, вездѣ щадили падшихъ, заблуждающихся и всѣхъ возвращающихся къ долгу принимали какъ братьевъ. Россіяне! Съ помощію небеснаго Промысла, мы довершимъ начатое нашими храбрыми войсками. Время и попеченія наши истребятъ сѣмена несогласій, столь долго волновавшихъ два соплеменные народа. Въ возвращенныхъ Россіи подданныхъ нашихъ Царства Польскаго вы также будете видѣть лишь членовъ единаго съ вами великаго семейства. Не грозою мщенія, а примѣромъ вѣрности, великодушія, забвенія обидъ, вы будете способствовать успѣху предначертанныхъ нами мѣръ, тѣснѣйшему, твердому соединенію сего края съ прочими областями Имперіи, и сей государственный, неразрывный союзъ, къ утѣшенію нашему, ко славѣ Россіи, да будетъ всегда охраняемъ и поддерживаемъ чувствомъ любви къ одному Монарху, однѣхъ нераздѣльныхъ потребностей и пользъ и общаго никакимъ раздоромъ не возмущаемаго счастія.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 6-й день Октября, въ лѣто отъ Рождества Христова 1831-е, царствованія же нашего 6-е.

Николай.

ПРИКАЗЪ ДѢЙСТВУЮЩЕЙ АРМІИ.

Воины! Вы исполнили мои ожиданія. Я ввѣрилъ вамъ усмиреніе мятежной Польши, защиту Отечества, и вы явили себя достойными хранителями его спокойствія и чести. Едва возвратясь изъ Тавриза, изъ Адріанополя, вы и нынѣ, въ борьбѣ съ отчаяннымъ непріятелемъ, умѣли преодолѣть всѣ трудности и своими незабвенными подвигами на берегахъ Вислы, Буга, Нарева, въ глубокихъ рвахъ и на раскатахъ Варшавы еще возвысить блескъ Россійскаго оружія. Судьба увѣнчала ваши усилія. Мятежъ усмиренъ, Царство Польское возвращено Державѣ Россійской и, видя конецъ своихъ бѣдственныхъ волненій, сами побѣжденные благословляютъ наши побѣды. Храбрые воины! Господу силъ принадлежитъ первая слава; но, возславъ къ Нему дань благодаренія нашего, я обращаюсь къ вамъ. Благодарю васъ именемъ торжествующаго, признательнаго Отечества. На васъ устремлены взоры Россіи; она гордится вами, и память вашихъ славныхъ дѣлъ сохранитъ въ своихъ лѣтописяхъ. Вы съ храбростію соедините другія, еще возвышеннѣйшія доблести истиннаго воина: умѣренность въ побѣдѣ, снисхожденіе къ падшимъ, готовность къ примиренію съ противниками, когда они возвращаются къ долгу, и всюду жизнь и собственность обезоруженныхъ жителей были для васъ священны. Воины! Продолжайте оправдывать мою довѣренность и по возстановленіи мира соблюденіемъ строгой подчиненности и благоустройства въ рядахъ вашихъ и въ покоренномъ краѣ, внушайте, какъ прежде, любовь къ себѣ и порядку, любовь и приверженность къ престолу моему и уваженіе къ Россіи.

Николай.

*

6-го Октября 1831 года.

Посылаю къ тебѣ (продолжаетъ свое письмо отецъ мой) также книги, которыхъ ты просила для дѣтей: l'Enéide traduite par Delille. Но едва ли имъ надобно читать ее: переводъ очень слабъ и даже невѣренъ; они же учатся полатини и кажется съ успѣхомъ, такъ пусть читаютъ Виргилія

въ подлинникѣ. По просьбѣ Лидиньки, я къ Римскому древнему поэту прилагаю Италіанскаго почти древняго Dante; но отъ этого и отъ нѣсколькихъ фунтовъ чаю (который вамъ также нуженъ или и еще необходимѣе книгъ, потому что хорошія книги есть и въ Берлинѣ, а чаю такого, какой вы любите, тамъ нѣтъ) посылка моя сдѣлается очень огромна. Къ счастью, какъ мнѣ сказывали, сверхъ нынѣшняго курьера отправляется другой завтра........ Однакожъ двухъ интереснѣйшихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, самыхъ легкихъ, т. е. тоненькихъ книжекъ я не хочу оставлять до завтра, а посылаю сего дня же: стихи Жуковскаго и Пушкина на взятіе Варшавы и другое стихотвореніе Жуковскаго: Русская Слава. Много прекраснаго въ тѣхъ и другихъ, особливо въ послѣднемъ, которое можно было назвать галлереею мастерскихъ картинъ военной Русской исторіи. Вы всѣ безъ сомнѣнія будете ими восхищаться: одна другой лучше, разительнѣе. Какая живость, какая вѣрность въ изображеніяхъ и особливо какая сила въ слогѣ. Право, въ иныхъ стихахъ больше мыслей, нежели словъ, и какъ трогателенъ конецъ! Чтобы вы его совершенно поняли, надобно вамъ разсказать, какимъ образомъ написаны эти стихи. Въ концѣ Іюля, какъ вы знаете, въ военныхъ Новгородскихъ поселеніяхъ было довольно сильное возмущеніе. Государь самъ, по обыкновенію, презирая всѣ опасности, поскакалъ туда и точно своимъ присутствіемъ, своею твердостію прекратилъ начинавшійся и уже ознаменованный многими ужасами мятежъ. Онъ выѣхалъ изъ Царскаго Села 25 Іюля по утру, и тотъ день и слѣдующій прошли безъ извѣстій: по крайней мѣрѣ Жуковскій не зналъ ничего. Вдругъ 27-го Іюля, рано утромъ, его будятъ и сказываютъ, что Императрица благополучно родила Великаго Князя. Онъ накинулъ на себя фракъ и побѣжалъ узнать вѣрнѣе о здоровьи ея,—все съ мыслію, что Государь еще въ Новгородѣ, посреди бунтующихъ. Кого же перваго онъ встрѣчаетъ въ корридорѣ? Самаго Императора, съ новорожденнымъ на рукахъ. Жуковскій тутъ же, въ своемъ поэтическомъ и, какъ можно надѣяться, пророческомъ восторгѣ, поздравляя Государя, со слезами сказалъ ему: „Ваше Величество! Это счастливый кризисъ въ дѣлахъ нашихъ; намъ Богъ послалъ новаго ангела“.

Стихи Жуковскаго однако не всѣмъ понравились. Помню между прочимъ, что ходило по городу острое словцо (какъ разсказалъ намъ батюшка). Стихи начинаются. „Была пора.“ И критики сказали:

Была пора Жуковскому писать,
Пришла пора ему и перестать.

*

С.Петербургъ, 10 (22) Октября 1831 года.

О производствахъ и другихъ новостяхъ въ день празднества 6-го Октября вы узнаете изъ газетъ и замѣтите конечно, что маленькій восьмилѣтній сынъ фельдмаршала князя Варшавскаго сдѣланъ офицеромъ: такихъ офицеровъ, по крайней мѣрѣ между дѣтьми частныхъ людей, не бывало со временъ Екатерины. Государь и весь Дворъ еще въ Царскомъ Селѣ, но завтра переѣзжаютъ въ Петербургъ. Я также завтра, если не сегодня, думаю переѣхать въ свой домъ. Вчера у насъ погода была опять хорошая, то есть ясная, хотя и холодная, и я еще ходилъ въ Шереметьевскомъ саду, но недолго, потому что имѣлъ, кромѣ обыкновенныхъ дѣлъ, одну довольно упрямую работу, которая заставила меня отложить мой и безъ того поздній обѣдъ до девяти часовъ вечера.

*

С.-Петербургъ, 14 (26) Октября 1831 года.

Ты конечно не думала, и я самъ не воображалъ, что былъ лжецомъ, когда въ прошедшую Суботу писалъ къ тебѣ о пребываніи Государя въ Царскомъ Селѣ и о переѣздѣ его на другой день со всѣмъ Дворомъ въ Петербургъ. И однакожъ вышло такъ: въ Воскресенье къ намъ пріѣхала только самая младшая часть Императорскаго дома, Великій Князь Наслѣдникъ съ своими хотя Августѣйшими, но меньшими братцами и сестрицами. Государь готовился пріятнымъ образомъ изумить свою древнюю столицу и въ ночь съ Пятницы на Суботу отправился въ Москву. За нимъ въ слѣдъ, въ Воскресенье по утру, поѣхала и Государыня, съ весьма небольшою свитою. Сами Царскосельскіе наиболѣе приближенные ко Двору жители узнали объ этомъ только въ Пятницу; здѣсь лишь въ Суботу поутру, и не рано. Ко мнѣ, правда, съ этою вѣстью приходили въ то самое время, когда я писалъ къ вамъ, но я ей не повѣрилъ, бывъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ (въ Четвергъ ввечеру) въ Царскомъ Селѣ и не слыхавъ ничего. Впрочемъ немудрено, что я ничего не зналъ, когда и князь Голицынъ, главный директоръ почтъ, нынѣ снова поступившій въ званіе нянюшки Великихъ Князей и Княженъ, получилъ извѣстіе объ отъѣздѣ Государя и Государыни не ранѣе насъ. Сказываютъ, что Государь заранѣе очень забавлялся мыслію застать Московскихъ жителей и правителей въ расплохъ. Онъ и Императрица пробудутъ въ Москвѣ пять или шесть недѣль, слѣдственно по всей вѣроятности возвратятся уже зимнимъ путемъ.—Благодарю васъ всѣхъ за ваши милыя письма, Андрюшу сверхъ того благодарю и цалую за стихи его, которые получилъ вчера. Онъ требуетъ моей критики, и я собираюсь прислать къ нему мои замѣчанія, если успѣю, съ первымъ курьеромъ; но говорю заранѣе, что читалъ его стихи съ удовольствіемъ, ибо нашелъ въ нихъ то что̀ лучше, гораздо лучше правильнаго сочетанія риѳмъ и расположенія словъ: чувства хорошія, живыя, чувства, которыя съ живыми мыслями составляютъ главное достоинство стиховъ и прозы. Искусство слога пріобрѣтается навыкомъ, размышленіемъ, изученіемъ изящныхъ образцовыхъ сочиненій; но мысли и чувства должны выходить прямо изъ души нашей безъ натяжки, безъ преувеличенія, особливо безъ всякаго притворства, какъ у иныхъ мнимо-сентиментальныхъ авторовъ: ибо они тогда только дѣйствуютъ на читателей и, такъ сказать, сообщаются имъ, когда истинны. „Rien n'est beau que le vrai“ [17]), сказалъ Буало: это справедливо во всемъ и въ литературѣ, и въ нравственности, и въ произведеніяхъ искусства, и въ самыхъ обыкновенныхъ дѣйствіяхъ жизни. На этотъ разъ не скажу еще ничего объ другихъ статьяхъ дѣтей, потому что не успѣлъ прочесть ихъ. Но это не мѣшаетъ мнѣ каждый день радоваться милыми подарками нашихъ милыхъ дѣтей и каждый день внутри души моей благодарить сначала Бога, потомъ ихъ самихъ за то, что они посвящаютъ свое время такимъ занятіямъ, которыя питаютъ и возвышаютъ умъ и чувства, слѣдственно ведутъ душу къ великой, Небомъ предназначенной для нея цѣли.

Эти послѣднія строки, какъ многія другія въ этой перепискѣ, такого частнаго семейнаго характера, что, можетъ быть, лучше было бы не помѣщать ихъ здѣсь; но они такъ вѣрно характеризуютъ отца моего, его правила и воззрѣнія, что, мнѣ кажется, не лишнее переписать ихъ. Вообще, когда передаю мои воспоминанія и отрывки моей переписки въ печать, мнѣ хочется лишь одного: возстановить, реставрировать колоритъ времени, черты нѣкоторыхъ славныхъ дѣ-

---

[17]) Только вѣрное прекрасно.

ятелей и многихъ простыхъ, скромныхъ современниковъ, которыхъ карикатуры мнѣ слишкомъ часто встрѣчаются нынѣ. „Notre grand poëte, notre grand médecin, notre grand avocat, notre grand journaliste,“ говорятъ дѣйствующія лица у Скриба въ его Camaraderie. „Nul n'aura d'esprit que nous et nos amis“ [18]), хотя и преимущественно черта Французскаго характера, однако привилась и къ намъ. Пусть такъ и будетъ, но для будущаго историка пускай матеріалы будутъ собраны изъ разныхъ кружковъ такъ, чтобы онъ могъ видѣть и хорошую, и дурную сторону и тѣхъ и другихъ, какъ ни составляй романы на дѣйствующихъ лицъ сыны ихъ и внуки. On dit: il n'y a pas de héros pour son valet de chambre, сказалъ какъ-то фельдмаршалъ Паскевичъ, mais tous les contemporains sont des valets de chambre [19]),—остроумное замѣчаніе, довольно справедливое въ томъ смыслѣ, что современники ближе видятъ недостатки историческихъ лицъ; но зато потомки рѣдко умѣютъ ставить эти лица въ ихъ современную обстановку, а между тѣмъ сколько обстановка бросаетъ тѣни или свѣта на личность: Вотъ этотъ духъ современности дышетъ въ домашнемъ ежедневномъ бытѣ, въ воззрѣніяхъ, предразсудкахъ, привычкахъ, съ которыми борятся или которымъ поддаются дѣйствующія въ исторіи лица. А какъ много должно имѣть вліянія на наше сужденіе о нихъ знакомство съ окружающей ихъ средой. Оттого мнѣ кажется, что есть серіозный интересъ и въ нѣкоторыхъ мелочахъ и въ перепечатаніи нѣкоторыхъ публичныхъ актовъ, какъ напримѣръ эти манифестъ и приказъ. Хотя слогъ нѣсколько устарѣлъ, но нельзя не сочувствовать теплотѣ и возвышенности чувства и религіозному характеру этихъ воззваній, которыя Государь призналъ за удовлетворительное выраженіе его собственныхъ мыслей и намѣреній.

И въ самомъ дѣлѣ, эти намѣренія были самыя снисходительныя. Не была возвращена конституція, которую Поляки сами уничтожили, но за то былъ данъ Статутъ (Statut Organique), съ весьма широкими правами и, еслибъ онъ исполнялся въ точности, нечего было бъ и требовать больше. Но, какъ говоритъ князь Горчаковъ, le pouvoir grise, и конечно фельдмаршалъ Паскевичъ сдѣлался скоро совершенно самодержавнымъ намѣстникомъ. (Киселевъ увѣрялъ, что когда посмотритъ на Паскевича въ Петербургѣ при Дворѣ, онъ ему все кажется какимъ-то графомъ Шамборомъ). И это еще была не такая великая бѣда, потому что, при всемъ самодержавіи Паскевича, Поляки любили его; но не всѣ окружающіе его были хороши, и своекорыстіе, даже продажность многихъ чиновниковъ, губили всѣ добрыя намѣренія и благоразумныя мѣры. Двѣ мѣры, однако, благоразумныя и справедливыя, ужасно раздражили Поляковъ; это вопервыхъ указъ 5-го Ноября 1831 года о шляхтѣ въ Западныхъ губерніяхъ. Онъ начинается объясненіемъ „что люди сіи, по недостатку осѣдлости и по образу жизни, наиболѣе склонялись къ возстанію“, и назначаетъ разряды для раздѣленія всѣхъ не доказавшихъ своего

[18]) Умны только мы и наши друзья.

[19]) Говорятъ, для камердинера не бываетъ героя; но всѣ современники суть камердинеры.

дворянства на разныя степени простыхъ обывателей, „не отъемля однако права доказывать дворянство въ послѣдствіи". Это конечно было непріятно, но въ особенности тѣмъ, что это задѣвало Польскій гоноръ и лишало дворы богатыхъ магнатовъ части блеска, низводя ихъ придворную шляхту на степень дворовыхъ людей.

Другою мѣрою, еще справедливѣйшей, было распоряженіе по министерству просвѣщенія, провозгласившее обученіе Русскому языку обязательнымъ во всѣхъ училищахъ Царства Польскаго. Но нѣкоторые приняли это съ хорошей стороны, расчитывая, что, выучиваясь хорошо порусски и вступая всей массой учившихся въ коронную службу, они вытѣснятъ или по крайней мѣрѣ не дадутъ хода Русскимъ въ самой Россіи и, на случай новаго возстанія, будутъ имѣть въ рукахъ сильное оружіе противъ правительства. Такъ говорили многіе мнѣ самой въ то время, и отчасти оно оказалось такъ впослѣдствіи.

Вообще же Поляки обижались и сердились безразсудно. Между прочимъ вспомнилось мнѣ смѣшное приключеніе въ Парижѣ въ 1862 году. Мы были тамъ проѣздомъ изъ Трувиля, гдѣ батюшка лечился. Разъ, утромъ, пришли сказать, что прикащикъ изъ магазина „aux Montagnes Russes" принесъ мнѣ обращики, не угодно ли посмотрѣть? Такъ какъ мои финансы и вкусы даже тогда не увлекали меня на покупки, я велѣла сказать, что ничего не надобно; человѣкъ однако опять пришелъ, а потомъ и моя горничная, чтобъ сказать, что только просятъ посмотрѣть, съ настойчивостію Парижскихъ магазиновъ, увѣренныхъ, что придти, взглянуть, значитъ быть побѣжденнымъ. Я наконецъ пошла въ свою комнату и нашла молодаго прикащика, ничѣмъ незамѣчательнаго, съ книгами и папками обращиковъ; перелистывая эти книги, я увидѣла очень дешевое легонькое платье и сказала горничной: вотъ это бы можно было привести въ гостинецъ очень молодой дѣвушкѣ (которую назвала), да не знаю, который цвѣтъ будетъ болѣе къ лицу? Вдругъ слышу порусски: „Она бѣлокурая или брюнетка?" Я обратилась съ удивленіемъ. Это говорилъ весьма чисто порусски, хотя съ какимъ-то не совсѣмъ Русскимъ выговоромъ, прикащикъ. „Вы не Русскій?" спросила я. „Нѣтъ".—„Вы выучились здѣсь порусски?—„Нѣтъ".—„Гдѣ же?"—„Въ Варшавѣ: насъ принуждали (съ мелодраматическимъ удареніемъ на слово) учиться порусски въ гимназіи". „Ну, вы видите, что оно иногда и пригодится. Чѣмъ больше знаешь языковъ, тѣмъ лучше". И я стала распрашивать про цѣны товара. Но прикащикъ, кажется, не съ тѣмъ пришелъ, чтобъ дѣлать дѣла́ своего магазина; онъ все пускался въ политику и сталъ увѣрять меня, что Поляки не питаютъ никакой вражды къ Русскимъ, напротивъ, что мы одного племени, всѣ Славяне и проч. и проч. Мнѣ казалось и смѣшно, и безполезно толковать въ Парижѣ съ прикащикомъ моднаго магазина о Славянскомъ единствѣ, но онъ все приставалъ и сказалъ, что Поляки готовы стоять за одно съ Русскими, только противъ правительства, которое они терпѣть не могутъ. „Не воображайте, что Русскіе измѣнятъ своему правительству, чтобы пре-

дать вамъ Отечество", отвѣчала я и ушла. Но онъ продолжалъ съ другой Русской дамой, которая была съ нами, говорить, что много есть недовольныхъ въ Россіи и что скоро будетъ что нибудь. Потомъ онъ сталъ ребячески хвастаться, какъ явится съ уланскимъ полкомъ въ Москву. Въ Москву онъ не являлся съ уланами, но что нибудь они-таки сотворили въ слѣдующемъ году. Когда этотъ господинъ опять прислалъ спросить, чтó я закажу, я вышла къ нему и сказала, что я заѣду въ ихъ магазинъ. „Но спросите меня, чтобъ я именно показалъ вамъ эти вещи", сказалъ онъ, подавая адресъ магазина. „Да какъ васъ спросить?"—„Мое имя внизу подъ адресомъ магазина". Я прочла въ углу слово Алонзо. „Какой вздоръ", вырвалось у меня невольно: „вы говорите, что вы Полякъ; какое же это Польское имя Алонзо?" Тутъ нашъ прикащикъ принялъ самое трагическое выраженіе лица. „У меня было имя, но мое имя я забылъ". „Какъ это странно!" я возразила. „Вы кончили курсъ гимназіи въ Варшавѣ, слѣдовательно были въ такихъ лѣтахъ, что знали, какъ васъ звали—почему же забыли?"—„Я не могу носить моего настоящаго имени, потому что было бы опасно.... Правительство могло бы". „И, помилуйте! Здѣшнее правительство, кажется, благоволитъ къ вамъ всѣмъ".—„Не здѣшнее правительство, а Русское". „Пойдите!" сказала я. „Когда человѣкъ живетъ тихо и честно заработываетъ свой хлѣбъ, такъ невинно, въ модномъ магазинѣ, продавая шелковыя матеріи, Русскому правительству все равно, какъ его зовутъ. Прощайте!" Такъ я и не дала ему удовольствія добиваться его фамиліи или догадываться, не Потоцкій ли онъ или чего добраго, не Чарторійскій ли младшей отрасли этого царствующаго въ Парижѣ дома. Я слышала послѣ, что онъ являлся такимъ образомъ ко всѣмъ Русскимъ дамамъ съ обращиками и политикой и съ предвѣщаніями чего нибудь ожидаемаго вскорѣ. Какая была цѣль или какое было удовольствіе въ этомъ шутовскомъ названіи Алонзо и мелодраматическихъ взглядахъ и восклицаніяхъ по поводу Русскаго правительства, и Славянскаго братства, и нашествія на Москву съ уланскимъ полкомъ,—я и до сихъ поръ не постигаю; но во всякомъ случаѣ порусски онъ говорилъ очень бѣгло и чисто, чтò доказываетъ, что распоряженія 1831 года исполнялись въ гимназіяхъ. Когда мы разсказали батюшкѣ о нападеніи прикащика Алонзо съ уланскимъ полкомъ на первопрестольный градъ Россіи, онъ вспомнилъ воинственность прикащиковъ въ 1817 и 1818 годахъ, когда это было у нихъ модою и куплетъ, который былъ сочиненъ на нихъ:

Mais ces fiers enfans de Bellone,
Qui vous font frémir à les voir,
Ont pour arme une demie-aune,
Pour champ de bataille un comptoir [20]).

Видно, племя это во Франціи не переводилось.

---

20) Эти гордыя чада Беллоны, на которыхъ посмотрѣть беретъ ужасъ, вмѣсто оружія держатъ аршинъ, а поле битвы для нихъ конторка.

Впрочемъ, какъ у иныхъ людей, такъ и у цѣлыхъ народовъ бываетъ врожденное влеченіе къ театральности, какое-то особенное наслажденіе въ разъигрываніи роли, взятой на себя ради картинности, безъ особой цѣли, изъ любви ко всему искусственному, чтобъ не сказать лживому. Со всѣми нашими національными пороками, у насъ, Русскихъ, однако этого недостатка нѣтъ. Простота выраженія, какъ въ словахъ, такъ и въ дѣйствіяхъ—отличительная черта наша во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ и даже въ ежедневной жизни. Можно судить, какъ мы неискусны на эфектныя выходки, между прочимъ по неудачности тостовъ и рѣчей застольныхъ и неуклюжему виду вывѣшенныхъ на улицахъ флаговъ: кажется, какъ будто самимъ этимъ флагамъ неловко, такъ некрасиво они висятъ.

Образцевъ же этой непритворной простоты въ самые торжественныя минуты было немало и во время Польской войны, и на приступѣ къ предмѣстью Волѣ. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ писалъ:

Теперь скажу тебѣ, что̀ я самъ и многіе изъ насъ видѣли и слышали. Когда приказано было назначить съ каждой роты гвардейскаго полка по 12 человѣкъ охотниковъ, капитанъ Т., въ присутствіи всѣхъ насъ, вызвалъ желающихъ. Вся рота вышла, а солдаты одинъ передъ другимъ на перерывъ испрашивали себѣ это позволеніе, такъ что капитанъ находился въ затрудненіи, стараясь по возможности удовлетворить каждаго. Одинъ солдатъ, уже 20 лѣтъ прослужившій, отличный поведеніемъ и знаніемъ своего дѣла, убѣдительно просилъ офицеровъ исходатайствовать ему сію милость у капитана; и когда сей послѣдній спросилъ: „Что̀ побуждаетъ тебя къ тому? Ты хорошій солдатъ и здѣсь не менѣе полезенъ, при томъ тебѣ скоро и отставка“, онъ отвѣчалъ: „Тамъ, ваше высокоблагородіе, больше буду имѣть средствъ показать мое полное усердіе, исполняя долгъ присяги, данной Богу и Государю; пусть рука моя накажетъ нарушителей оной! Къ тому же хочу непремѣнно умереть за Отечество.“ Онъ былъ назначенъ, и великодушное желаніе его сбылось: онъ умеръ отъ сильной раны.

Другой солдатъ, имѣвшій знакъ отличія военнаго ордена, со слезами просилъ позволенія быть въ охотникахъ, говоря: „Во время тяжкой болѣзни обѣщалъ я предъ Богомъ, по исцѣленіи, сражаться въ первомъ дѣлѣ, что̀ силъ моихъ станетъ, и черезъ два дни выздоровѣлъ. Не заставьте меня согрѣшить, ваше высокоблагородіе!“ Онъ первый вскочилъ на редутъ, дрался отлично, спасъ жизнь командовавшему колонною охотниковъ, лейбъ-гвардіи Павловскаго полка подполковнику Ѳедяеву и возвратился невредимъ. Л. Г.

Также простъ былъ и необъятный восторгъ Москвы, когда 12-го Октября (1831) въ 8 часовъ утра радостно удивлена была столица видомъ флага на дворцѣ въ Кремлѣ. Мы знаемъ, что̀ такое это живое море, наводняющее и запружающее Кремлевскую площадь, когда народъ Русскій привѣтствуетъ Русскаго Царя въ стѣнахъ старой столицы своей.

«Народомъ полонъ Кремль великій,
«Народомъ движется Москва,
«И слышны радостные клики,
«И звонъ, и громы торжества.

Можно вообразить, что̀ это было тогда! Въ послѣдній разъ передъ тѣмъ, Государь тоже пріѣзжалъ неожиданный, невзначай, во время страха, и плача, и смертной тоски очумленнаго города, пріѣзжалъ раздѣлить съ народомъ опасность, принести помощь его страданіямъ, научить его своимъ живымъ примѣромъ спокойно отдавать себя на волю Божію, разумно принявъ всѣ человѣческія мѣры для огражденія себя. Свѣжее было воспоминаніе одного изъ тѣхъ благодѣяній, которыя зависятъ не отъ богатства средствъ, не отъ полноты власти, изъ тѣхъ благодѣяній, которыя возможны только лично отъ человѣка человѣку, отъ сердца любящаго сердцу любящему, и которыя, слава Богу во вѣки, и самымъ бѣднымъ, самымъ маленькимъ человѣкомъ цѣнятся выше злата и сребра, къ великой чести человѣческаго рода.

И пріѣхалъ Государь подѣлиться съ Москвою своей и общей Русской радостію, отпраздновать побѣду надъ враждою и крамолою чужихъ, надъ измѣной и ненавистью своихъ подданныхъ, пріѣхалъ сообщить Русскому своему вѣрному народу свои надежды на примиреніе, свое великодушное прощеніе обидъ, и пріѣхалъ, зная, что̀ это примиреніе и прощеніе въ духѣ самаго народа и усвоится имъ съ радостію и искренностію, зная, что у всякаго Русскаго человѣка на устахъ и въ душѣ завѣтное слово: „лежачаго не бьютъ".

„Наше сердце поняло сердце Монарха! Мы чувствуемъ всю глубину любви его къ намъ! И въ то время, когда душа его изливалась предъ престоломъ Всевышняго въ благодарственныхъ мольбахъ объ умиротвореніи царства его,—наши сердца сливались въ единый молитвенный возгласъ о немъ, нашемъ миротворителѣ". Такъ писали изъ Москвы. Я не знаю ничего величественнѣе, трогательнѣе, болѣе возвышающаго душу, какъ эта встрѣча лицемъ къ лицу Русскаго Царя съ Русскимъ народомъ, въ этомъ священномъ Кремлѣ, среди всѣхъ великихъ воспоминаній нашей великой, трогательной, мученической исторіи. Эти соборы Кремлевскіе, эти безчисленныя главы, виднѣющіяся изъ за стѣнъ Кремля за Москвойрѣкой, этотъ звонъ колоколовъ, эти гробницы угодниковъ и священныхъ дѣятелей прошлыхъ дней, все на Кремлевской площади носитъ на себѣ отпечатокъ вмѣстѣ умилительный и величавый, который подобаетъ государству и народу-христіанскому, долготерпѣливому, кроткому и крѣпкому. А есть же люди, которые не понимаютъ этого и говорятъ съ убѣжденіемъ, что у насъ нѣтъ исторіи. Жалкіе слѣпцы! Но къ несчастію они себя дѣлаютъ вождями слѣпыхъ и ведутъ ихъ въ пропасть; ибо человѣкъ, который презираетъ свое Отечество, не можетъ быть достойнымъ гражданиномъ, ни полезнымъ дѣятелемъ своего края: онъ, на всякой службѣ, на всякомъ поприщѣ, будетъ ничто иное какъ жалкій наемникъ-иностранецъ.

Еслибъ враги Россіи (писалъ кореспондентъ Французской газеты) могли видѣть Императора здѣсь (въ Москвѣ) безъ всякой придворной обстановки, одного среди народа, какъ отецъ среди своихъ дѣтей, эти враги Россіи поняли бы, что сила этого государства со-

стоитъ не столько въ многочисленныхъ ея арміяхъ, сколько въ любви народа къ царственному дому Романовыхъ".

Государь пріѣхалъ на легкѣ, безъ остановки, по тогдашнему шоссейному пути, т. е. на лошадяхъ, въ три дня. Императрица за нимъ послѣдовала и пріѣхала 15. Одни за другими шли пріемы, торжества, праздники. Когда вспомню царственную чету въ тѣ дни,—вспомню, какъ они оба были цвѣтущи молодостью, и красотой, какъ просты и привѣтливы въ обращеніи, и какая была общая радость послѣ тяжелыхъ испытаній, мятежей, войны и моровой язвы, то всѣ восторженныя описанія, которыя нахожу въ старыхъ газетахъ, не удивляютъ меня и не кажутся лестію, а сердечнымъ увлеченіемъ прекрасной той поры. Императрица была въ первый разъ въ Москвѣ послѣ кончины императрицы Маріи Ѳеодоровны, и Государь самъ передавалъ ей институты, вводилъ ее, такъ сказать, въ управленіе, перешедшее ей, какъ дорогое наслѣдство.

Въ Екатерининскомъ институтѣ, Государыня, послѣ литіи въ церкви, посѣтивъ дортуары и лазаретъ, вошла въ столовую, гдѣ воспитанницы собирались къ обѣду, сѣла за столъ съ ними, потребовала такого же чернаго хлѣба и кушанья какъ у нихъ и кушала отъ общаго стола, первое блюдо съ старшимъ, а потомъ продолжала обѣдъ съ младшимъ классомъ, обращаясь со всѣми съ простотою и материнской ласковостью. Дѣти окружили ее, любовались, и наконецъ многія заплакали. Спросили, отъ чего? „О т ъ р а д о с т и", былъ отвѣтъ. Александровскій институтъ, малолѣтній кадетскій корпусъ, Воспитательный Домъ были осмотрѣны во всѣхъ подробностяхъ, съ такимъ же простымъ и привѣтливымъ обращеніемъ съ дѣтьми.

На балѣ въ дворянскомъ собраніи Государь и Государыня ужинали въ общемъ залѣ, среди всѣхъ посѣтителей такъ, что всѣ могли наглядѣться и нарадоваться на нихъ.

Наконецъ Государь поѣхалъ въ новое учебное заведеніе для п р и з р ѣ н і я с и р о т ъ, оставшихся послѣ родителей, умершихъ отъ холеры; тутъ маленькія дѣти, самыя бѣдныя, самыя безпріютныя, толпой окружили его съ безцеремонностію своего возраста и, обласканныя имъ, стали играть и рѣзвиться свободно, восхищаясь его обѣщаніемъ прислать имъ игрушекъ. Одинъ мальчикъ спросилъ у Государя: „Какъ васъ зовутъ?"—„Николай", отвѣчалъ онъ. „И я тоже Николай!" вскричалъ другой малютка.

Разсказывали бездну анекдотовъ, всѣ веселые или трогательные. И Царь, и Царица, и Москва были другъ-другомъ довольны, другъ-другомъ любовались и гордились. Хорошая была пора!

Батюшка однако оставался въ Петербургѣ и по обыкновенію работалъ и за себя, и за другихъ. Уже это бываетъ такъ на роду написано у иныхъ людей. Батюшка писалъ изъ Петербурга 19 (31) Октября:

Посылаю тебѣ съ графиней Брюжъ два тома Русскаго, однако сочиненнаго Нѣмцемъ [21]), романа. Онъ долго лежалъ у меня на столѣ, но я не успѣлъ даже и пробѣжать его. И какъ успѣть! Нынѣ, за числомъ безпрестанно-умножающихся моихъ занятій, письменныхъ и совѣщательныхъ, министерскихъ, статсъ-секретарскихъ и комитетскихъ, я едва успѣваю обѣдать иногда въ 9 часовъ вечера, и въ сумерки по улицамъ или въ саду погулять; а спать почти не успѣваю, и еще чаще отъ волненія крови и нервъ не могу. Такъ я провелъ послѣднія двѣ ночи почти совсѣмъ безъ сна и, не смотря на то, мнѣ теперь совсѣмъ не хочется спать; но я чувствую изнеможеніе усталости отъ Совѣта, въ которомъ я былъ все утро до 3-хъ часовъ, и комитета для дѣлъ Литовско-Украинскихъ, въ которомъ провелъ весь вечеръ. Надобно было, чтобъ къ этому еще князь Ливенъ уѣхалъ въ Москву и наградилъ меня текущими дѣлами министерства просвѣщенія и управленіемъ цензуры......

*

21 Октября (2 Ноября). Вы конечно уже знаете, что крѣпость Замостье сдалась нашимъ войскамъ, и все Царство Польское очищено отъ мятежниковъ. Знайте также, что Государь и Государыня благополучно пріѣхали въ Москву. Въ прибавокъ скажу вамъ, что и Великій Князь Наслѣдникъ, новый Цесаревичь [22]), также ѣдетъ въ Москву 1-е число будущаго мѣсяца. За то мы сюда ожидаемъ Великую Княгиню Елену Павловну на пароходѣ изъ Англіи; она должна прибыть сего дня или завтра. Кромѣ Августѣйшихъ путешественниковъ въ Москву поѣхали или собираются многія другія оффиціальныя особы. Завтра графъ Чернышевъ, во Вторникъ Дашковъ, за нимъ вслѣдъ гр. Нессельроде; кн. Ливенъ уже уѣхалъ прошедшее Воскресенье, совсѣмъ неожиданно. Не успѣю досказать всего чтò думалъ, принимаясь за перо; мнѣ пришли объявить, что меня дожидаются съ докладомъ, не Вигель, который все воображаетъ себя въ холерѣ, а его начальникъ отдѣленія.

*

С.Петербургъ, *24 Октября (5 Ноября)*

Кажется, я уже въ послѣдній разъ пишу къ тебѣ изъ дома гр. Шереметева. Погода болѣе и болѣе портится, становится холоднѣе, сырѣе, мои комнаты также, и я начинаю чувствовать нужду перебраться въ высшій этажъ, къ лучшимъ печкамъ и двойнымъ окошкамъ. Сказавъ тебѣ о моемъ предполагаемомъ переѣздѣ изъ улицы въ улицу, разскажу о другихъ болѣе важныхъ и дальнѣйшихъ путешествіяхъ. Великій Князь Наслѣдникъ отправляется завтра въ Москву. Великую Княгиню Елену Павловну мы ждали, ждали и наконецъ узнали вчера, что не дождемся: она вмѣсто Петербурга отправилась въ Биберихъ, къ сестрѣ своей, принцессѣ Насауской. Спутница ея графиня Нессельроде возвращается одна, на казенномъ трехъ-мачтовомъ суднѣ и вѣроятно не застанетъ здѣсь своего мужа. Вотъ, кажется, всѣ наши новости. О себѣ говорить нечего: я замученъ работой и утѣшаюсь истинно только вашими письмами и маленькими сочиненіями нашихъ милыхъ. Я когда-то помянулъ о двухъ извѣстныхъ своими прекрасными романами сестрахъ Misses Burney. Знаешь ли ты ихъ исторію? Онѣ дочери одного ученаго, кажется, профессора, который отъ трудовъ почти потерялъ зрѣніе и такъ утомилъ свою голову, что на старости не могъ уже, какъ прежде, посвящать большую часть дня, особливо вечерà, своимъ любимымъ изысканіямъ, и даже серіозному чтенію. Не зная, чтó

[21]) Эртелемъ.

[22]) Титулъ Цесаревича оставался за Константиномъ Павловичемъ до его кончины и въ то время недавно перешелъ къ Великому Князю Наслѣднику.

дѣлать, онъ принялся за романы, но вскорѣ истощилъ весь запасъ хорошихъ книгъ этого рода, который въ то время былъ еще весьма не великъ, искалъ и не находилъ новаго. Тогда, для утѣшенія отца, старшая дочь его, нынѣ m-me d'Arblay, вздумала написать Евелину, потомъ Сесилію и такъ далѣе; ея примѣру послѣдовала и меньшая сестра ея, и публика выиграла вмѣстѣ съ старикомъ-профессоромъ. Эти добрыя дочери и милыя писательницы misses Burney мнѣ часто приходятъ на мысль.

*

28-го Октября (9 Ноября). Я переѣхалъ въ Воскресенье изъ дома гр. Шереметева въ свое собственное жилье [23]) и на лѣстницѣ встрѣтился съ свадьбой. M-lle Foulon везли къ вѣнцу; она вышла за Львова, брата славнаго музыканта-скрыпача, и сына не менѣе славнаго Ѳедора Петровича, который прежде былъ нѣжнымъ поэтомъ и объ которомъ теперь можно сказать какъ Rhulières объ Richelieu: Changé comme son siècle, en ce tems il n'est rien [24]). Говорили еще о другихъ болѣе блистательныхъ, принадлежащихъ къ высшему такъ называемому хорошему обществу, свадьбахъ; кажется, я слышалъ, что старшая дочь кн. Трубецкаго, Hélène, выходитъ за мужъ, не знаю за кого, не знаю даже, не ослышался-ли я [25]). Изъ Москвы вѣсти пріятныя: Государь и Императрица здоровы и видятъ съ удовольствіемъ восторгъ жителей древней столицы. Сказываютъ, что они собираются на богомолье въ Троицкую Лавру, мѣсто святыни и патріотическихъ воспоминаній отъ Св. Сергія и Куликовской битвы, на которую онъ благословилъ Дмитрія Донскаго, до славнаго келаря Аврамія Палицына, сподвижника Пожарскаго и Минина; и даже до 1812 г., потому что и въ это время, во время плѣна Москвы, Лавра по крайней мѣрѣ не осквернена присутствіемъ непріятелей. Къ стати, говоря о 1812-мъ годѣ, скажу тебѣ, что Государь пріѣхалъ въ Москву 11-го Октября, въ тотъ самый день, въ который она освобождена отъ Французовъ; это всѣми замѣчено. Посылаю вамъ вновь вышедшее собраніе повѣстей Пушкина; я не читалъ его, получивъ только вчера.

Въ этомъ письмѣ батюшка упоминаетъ о томъ, что Троицкая Лавра не была занята Французами въ 1812 году. Не знаю, извѣстно ли вообще преданіе или, лучше сказать, легенда, относящаяся къ сохраненію Лавры отъ Французовъ; не знаю даже, въ Лаврѣ ли разсказываютъ объ этомъ, или преданіе сохранилось только между сосѣдними простолюдинами. Говорятъ, что для занятія Лавры былъ назначенъ отрядъ, принадлежавшій къ войскамъ принца Евгенія Богарне. Наканунѣ, когда принцъ заснулъ, ему приснилось, что входитъ въ его комнату или палатку старецъ съ кроткимъ сіяющимъ лицемъ и говоритъ ему: „Удержи войско свое, не пускай его занять сосѣдній монастырь; это обитель моя, и если пощадишь ее, я своими молитвами призову благословеніе на тебя и на твой родъ. Бѣда и гибель ожидаютъ вашу армію, недолго вамъ хозяйничать у насъ; но если ты меня послушаешь, и самъ ты уцѣлѣешь, и званіе свое сохранишь, и потомки твои будутъ жить между нами въ уваженіи и чести, знатны и богаты". Сонъ такъ подѣйствовалъ на принца Евгенія, какъ увѣряютъ, что на другой день, проснувшись, онъ отмѣнилъ прежнія распоряженія, и Лавра оста-

---

[23]) На Владимірской, домъ Погребова.

[24]) Измѣнившись съ своимъ вѣкомъ, онъ теперь—ничто.

[25]) Она умерла въ дѣвушкахъ, кажется, вскорѣ послѣ этого времени.

лась свободна. Какъ бы ни было, но внуки принца сдѣлались Русскими и живутъ въ Россіи, знатными и богатыми, въ уваженіи и чести, членами Императорскаго дома. Эта легенда ходила въ народѣ, когда сталъ свататься къ Великой Княжнѣ Маріи Николаевнѣ герцогъ Лейхтенбергскій, сынъ принца Евгенія. Впрочемъ есть варіанты этого преданія, которые относятъ случай этотъ къ Савинскому монастырю.

Пока извѣстія въ батюшкиныхъ письмахъ были такія пріятныя и успокоительныя, мы съ нашей стороны въ Берлинѣ тоже забывали политику и занимались старыми друзьями нашими, книгами. Я писала изъ Берлина 18-го Октября:

Нынче не могу много писать, ибо всѣ эти дни у насъ всякій вечеръ были гости, которые не разсказывали намъ никакихъ новостей, а только мѣшали намъ читать. Вообразите, что съ Понедѣльника мы совсѣмъ не читали вмѣстѣ; я все была въ гостяхъ или дома съ гостями; теперь м-зель дю-Туръ многое читаетъ съ Лидинькой и братьями, чего я не могу съ ними слушать отъ этого несноснаго большаго свѣта. Еслибъ вы знали, какую грусть эта мысль наводитъ на меня, и какъ мнѣ завидно. Чѣмъ этотъ большой свѣтъ можетъ замѣнить такія тихія, истинныя удовольствія? Намедни одна дама очень наивно спрашивала меня, какую нахожу разницу между вечеромъ проведеннымъ дома или въ гостяхъ, не все-ли равно? Она видно не знаетъ, что́ такое домашнее счастье въ своей семьѣ. Эти гости мѣшали мнѣ тоже заниматься, такъ что сего дня я цѣлое утро работала надъ приготовленіями къ урокамъ Ноеля и Калмыкова и не могла къ вамъ писать утромъ. Съ Калмыковымъ мы начали проходить правленіе Елены Глинской во время малолѣтства Іоанна Грознаго; какъ онъ трогателенъ, этотъ бѣдный малютка, когда плачетъ въ объятіяхъ Оболенскаго послѣ смерти матери. А какъ подумаешь, что̀ изъ него вышло!

Это письмо безъ всякой политики; я такъ рада!

*

И вотъ среди душевнаго спокойствія, наставшаго наконецъ для насъ, Русскихъ, когда въ нашемъ семействѣ мы еще только начинали отдыхать сердцемъ,—вдругъ грянулъ громъ. Печальная, неожиданная вѣсть, тяжелая для батюшки и матушки, даже для насъ, сестры́ и меня, дошла до насъ такъ поздно, что съ теперешними средствами скораго сообщенія кажется неимовѣрно. Только 21 Октября въ Берлинъ, а въ Петербургъ 4-го Ноября пришло извѣстіе объ ужасной кончинѣ Каподистріи, предательски убитаго 11-го Октября. Мы въ своихъ письмахъ къ батюшкѣ говорили о томъ, какъ о слухѣ.

Берлинъ, *21 Октября (2 Ноября).* Вчера, во время визита одной пріѣзжей дамы, веселый разговоръ былъ прерванъ весьма печальнымъ извѣстіемъ, которое, если не дай Богъ, оно справедливо, я увѣрена очень огорчитъ васъ, какъ и меня. Говорятъ, будто Каподистрія, добрый, умный, прекрасный нашъ Каподистрія, который доказалъ полнѣйшимъ самопожертвованіемъ свою безкорыстную любовь къ Грекамъ, убитъ этими же самыми Греками, сохранившими неблагодарность и буйство, зависть и непостоянство, словомъ всѣ отличительныя качества своихъ предковъ, да и вообще республиканцевъ. „Tu n'es pas formé pour être révolutionnaire, „pour siéger sur ces bancs égoïstes, toi, né pour le dévouement“ [26]).

[26]) Ты не созданъ быть возмутителемъ, сидѣть на этихъ скамьяхъ эгоистовъ, ты, рожденный для преданности.

Такъ Jules Janin заставляетъ Mirabeau говорить одному молодому человѣку въ своемъ романѣ, и конечно Mirabeau могъ бы сказать это со всею справедливостью. Любовь этихъ господъ къ неограниченной свободѣ,— ничто иное, какъ желаніе удовлетворить свое честолюбіе, властолюбіе и всѣ дурныя страсти.

Подъ тѣмъ же впечатлѣніемъ писала сестра:

Берлинъ, 21 Октября 1831.

Справедливо ли это печальное извѣстіе о смертѣ графа Каподистріи, которое мы вчера нашли въ Нѣмецкой газетѣ? Если, къ несчастію, оно справедливо, вы уже знаете его въ Петербургѣ. Какой конецъ для Каподистріи, который пожертвовалъ жизнію и спокойствіемъ для счастія неблагодарнаго отечества, и сколько трудно должно быть править такимъ непостояннымъ народомъ какъ Греки. Они впрочемъ всегда были неблагодарны, и какъ много примѣровъ подаетъ ихъ исторія о великихъ полководцахъ и ораторахъ, осужденныхъ къ смерти или ссылкѣ, когда проходила опасность, изъ коей они спасли своихъ согражданъ. Упрекаютъ царей въ неблагодарности; но какъ справедливо Шекспиръ говоритъ о народѣ:

„Look, as J blow this feather from my face,
„And as the air blows it to me again,
„Obeying with my wind as J do blow
„And yielding to another, when it blows,
„Commanded always by the greater gust:
„Such is the lightness of you, common men [27]).

Лидія Б.

Отвѣтъ батюшки на эти письма получили мы отъ 4 (16) Ноября:

Пишу единственно, чтобъ отвѣчать тебѣ,—всѣмъ вамъ на ваши письма. Послѣднія привезли мнѣ печальное извѣстіе, которое я почти въ ту же минуту узналъ отъ другихъ и изъ газетъ, извѣстіе объ ужасномъ концѣ нашего любезнаго Каподистріи. Вотъ награжденіе за его ревностную, безкорыстную службу соотечественникамъ, за то, что онъ все принесъ имъ въ жертву, имѣніе, здоровье, спокойство, всѣ наслажденія жизни, и самую жизнь. Ахъ! Напрасно говорятъ и повторяютъ стихъ Вольтера: „Les rois, ces illustres ingrats!“ [28]). Народъ еще гораздо неблагодарнѣе царей. Даже и тѣ изъ нихъ, которые не имѣютъ добраго, чувствительнаго сердца, по крайней мѣрѣ боятся суда Исторіи; а народы и объ ней не думаютъ. И сверхъ того, надобно признаться, можетъ быть со стыдомъ, человѣкъ, если природа въ немъ не исправлена, не возвышена чувствомъ истинной вѣры, всегда естественно склоненъ къ неблагодарности; и потому, служа, стараясь благодѣтельствовать людямъ или всему человѣчеству вообще, надобно думать не о нихъ единственно, а о Томъ, Который со временемъ сдѣлаетъ ихъ достойными названія Своихъ сыновъ.

---

[27]) Гляди, какъ я отдуваю это перо отъ моего лица и какъ воздухъ несетъ его ко мнѣ назадъ; оно повинуется моему вѣтру, когда я дую и уступаетъ другому, когда тотъ дуетъ, всегда управляемое тѣмъ, чье дуновеніе сильнѣе. Таково ваше легкомысліе, обыкновенные люди.

[28]) Цари, сіи славные себялюбцы.

Такое общее было негодованіе въ нашемъ семействѣ противъ всего народа Греческаго въ эту минуту, и я живо помню до сихъ поръ, какъ возмущалась я душей въ горести моей при извѣстіи о смерти одного изъ тѣхъ героевъ нашего дѣтскаго воображенія, которые являлись намъ какъ живые отрывки Исторіи, какъ осуществленія поэтическихъ образовъ нашихъ любимыхъ писателей и которые казались намъ какими-то сверхъестественными, безсмертными явленіями, недосягаемые для покушеній злобы людской. Между ними Каподистрія былъ, для меня, одинъ изъ самыхъ любимыхъ. Его прекрасныя черты, его благородная осанка, грустный взглядъ большихъ черныхъ глазъ, этихъ восточно-южныхъ черныхъ глазъ, въ которыхъ такая особенная прелесть, когда въ ихъ влажной темнотѣ искрится мысль, свѣтлая или остроумная (что́ не всегда бываетъ въ нихъ), даже черныя брови, рѣзко отличающіяся отъ сѣдины волосъ, коротко остриженныхъ, все такъ шло къ нему. Все это вижу и теперь передъ собой, какъ на яву, и помню, что мнѣ казалось, будто какая-то свѣтлая, тихая атмосфера окружала его, будто онъ всегда былъ освѣщенъ заходящимъ солнцемъ, и отблескъ отъ него составлялъ родъ сіянія около Каподистріи. Не умѣю передать этого свѣтлаго, тихаго, но грустнаго впечатлѣнія наружности Каподистріи на мое ребяческое воображеніе, впечатлѣнія, которое ни мало не измѣнилось, когда я его увидѣла уже въ 1826 году въ Петербургѣ. Тогда впрочемъ я его видѣла только мелькомъ, въ лѣтнемъ саду и на Адмиралтейскомъ бульварѣ. Мы тогда уже весьма серіозно учились; въ теченіи дня мало бывали у матушки; время прогулки было почти единственное время свободное. Но два года передъ тѣмъ, мы его видали ежедневно, тоже прогуливаясь на водахъ въ Эмсѣ, и тамъ мы его видали тоже у матушки, и случилось мнѣ раза два принимать его, пока она или батюшка одѣвались и просили его нѣсколько минутъ подождать. Тутъ-то выраженіе его глазъ и тихая привѣтливость съ ребенкомъ (мнѣ было 12 лѣтъ) такъ сильно подѣйствовали на меня. Мы привыкли, почти съ тѣхъ поръ какъ себя помнили, слышать, какъ говорили о немъ съ восторженной привязанностію, и батюшка, и матушка, и Дашковъ, и Жуковскій, сначала и Сѣверинъ, который потомъ присталъ къ партіи противной, но все таки не позволялъ себѣ ничего говорить дурнаго о немъ. Къ Каподистріи и Карамзину у насъ въ домѣ относились съ какой-то благоговѣйной любовію, какъ ни къ кому другому. Такимъ образомъ его память осталась необычайно-свѣтлою для меня. А можетъ быть и эти встрѣчи, бо́льшею частію въ садахъ, между зеленью, при ясномъ лѣтнемъ солнцѣ и безоблачномъ небѣ, немало способствовали къ особенно-поэтическому оттѣнку его личности для меня. Къ тому же, хотя я такъ рѣзко отнеслась къ Грекамъ въ моемъ письмѣ, это было только въ порывѣ горестнаго негодованія, незаслуженнаго въ этомъ случаѣ: ибо убійство было дѣломъ частной злобы, и масса народа вполнѣ понимала и отвергала отъ себя отвѣтственность за это злодѣйство. Когда одинъ изъ убійцъ, Петро-Бей, уже на мѣстѣ казни, обратился къ народу, прося прощенія передъ смертію, вся толпа отвѣчала въ

одинъ голосъ громовымъ кликомъ: Анаѳема! Анаѳема! (отвергаемъ, проклинаемъ.) Есть что-то потрясающее въ этомъ всенародномъ отлученіи недостойнаго члена народа, предателя роднаго края, запятнавшаго честь Отечества, честь великой, геройской борьбы. А эта борьба какъ давно насъ занимала! Съ какимъ страстнымъ увлеченіемъ я слѣдила за нею съ самаго дѣтства! Казалось, что тутъ, въ настоящее прозаическое время, совершались опять всѣ изумительные подвиги баснословнаго времени Гомера, что полубоги древняго міра опять ходятъ на землѣ. Всѣ уроки и чтенія нашей классной комнаты, всѣ разсказы нашей дѣтской объ сосѣднемъ намъ Востокѣ, объ ужасахъ войны, о замученныхъ христіанахъ, о прелестныхъ плѣнныхъ Турчанкахъ, о морскихъ разбойникахъ и о пашахъ въ огромныхъ чалмахъ, всѣ эти знакомыя воображенію картины повторялись для меня уже нѣсколько лѣтъ въ извѣстіяхъ изъ Мореи и съ Греческихъ острововъ, и въ книгахъ Англійскихъ путешественниковъ, и въ поэмахъ Байрона, и въ переводахъ Жуковскаго и Козлова. Все это стало принимать болѣе ясный смыслъ для меня съ 1824-го года, хотя я была еще малымъ ребенкомъ. Изъ живыхъ представителей Греціи я видѣла немногихъ. Помню однако молодаго Зантіота Карвелласа, который ухаживалъ за одной изъ нашихъ родственницъ; но онъ мнѣ казался недостойнымъ своего народа: онъ былъ такой живой, веселый, разговорчивый, точно какъ будто народъ его не томился въ рабствѣ и мученіяхъ. Гораздо болѣе отвѣчали воображаемому мною типу двѣ женщины (правда, обѣ бывшія красавицы): бѣдная старушка, Дарья Егоровна, Гречанка-козачка, о которой я уже говорила, и старая маркиза Маруцци, которой античныя черты, грустное и благородное выраженіе и важная осанка остались въ моей памяти доселѣ и казались мнѣ олицетвореніемъ какой-то Гекубы. Эти два женскія лица, да прекрасное лицо Каподистріи, вотъ все что̀ представляло намъ живое въ Грекахъ; но съ самаго 1821 года, за обѣдомъ у насъ, слышались вѣсти о Греческомъ возстаніи; всѣ взрослые, съ самымъ живымъ, увлекающимъ краснорѣчіемъ, сообщали другъ другу геройскіе подвиги или ужасныя мученія, о которыхъ доходилъ слухъ до насъ, и тутъ уже я привыкла смотрѣть на Метерниха, на Кастльрея, на Стратфорда, какъ на безчеловѣчныхъ людей и недоброжелателей всего того что́ священно и дорого для Россіи. Уже тогда имя Шатобріана, какъ политическаго дѣятеля и писателя, сдѣлалось мнѣ близкимъ и любимымъ. Но все это было конечно весьма неясно, однако же гораздо осязательнѣе, нежели легендарныя впечатлѣнія первыхъ лѣтъ; осязательнѣе и дѣйствительнѣе: ибо живое лице, бывшій съ графомъ Строгоновымъ въ Константинополѣ Дашковъ, самъ былъ передъ нашими глазами, и говорилъ съ матушкой и батюшкой объ убіеніи патріарха и другихъ архіеревъ, казняхъ и мученіяхъ Христіанъ въ Царьградѣ.

Помню особливо, что, когда Дашковъ воротился, говорили намъ, что его съ графомъ Строгоновымъ чуть не посадили въ Семибашенный за̀мокъ,—этотъ за̀мокъ хорошо извѣстный намъ, какъ пе-

реходное жилище, или такъ сказать станція на пути къ насильственной смерти, то удавленіемъ, то усѣкновеніемъ главы, то утопленіемъ въ Босфорѣ. Помню, во сколько мое уваженіе къ Дашкову увеличилось какимъ-то умиленіемъ въ чувствахъ моихъ къ нему, котораго мы всѣ любили отъ души, какъ друга и товарища батюшки. Теперь же меня страхъ бралъ при мысли объ ужасной опасности, въ какой онъ былъ ради заступленія за Христіанъ-мучениковъ, за которыхъ графъ Строгоновъ мужественно и благородно стоялъ отъ имени Россіи, не смотря на недостаточность инструкцій и на неимѣніе никакихъ средствъ къ вещественной защитѣ ни для нихъ, ни для себя. Это чувство непреодолимаго страха минувшей уже для любимаго человѣка опасности часто бывало и бываетъ у меня понынѣ. Въ самую минуту опасности какъ-то цѣпенѣешь, какое-то неестественное спокойствіе поддерживаетъ; но, минула гроза,—и овладѣваютъ мною какой-то безумный страхъ и трепетъ, и не могу безъ ужаса вспомнить, не могу подумать о томъ что̀ могло бы быть, могло бы случиться, и хочется закрыть глаза и бѣжать прочь отъ этого несбывшагося несчастія. Отъ того, кажется, мнѣ всегда приходились такъ по сердцу послѣдніе стихи „Моря" Жуковскаго:

И мгла исчезаетъ, и тучи уходятъ;
Но полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блескъ возвращенныхъ небесъ
Нескоро тебѣ тишину возвращаетъ;
Обманчивъ твоей неподвижности видъ:
Ты въ безднѣ покойной скрываешь смятенье;
Ты, небомъ любуясь, дрожишь за него.

Но кромѣ живыхъ, лично-знакомыхъ, предметами нашего поклоненія и любви были всѣ тѣ идеальныя лица, которыя почти также живы и осязательны для насъ, лица описанныя въ поэмахъ, которыя мы читали. Эти лица рѣшительно для меня существовали на столько, на сколько существовали отсутствующіе знакомые люди. Древнихъ Грековъ я терпѣть не могла, какъ народъ, потому что въ Иліадѣ я предалась всей душею Троянамъ, защищающимъ свое Отечество отъ цѣлаго сборища иностранныхъ народовъ, или по крайней мѣрѣ государствъ. Мнѣ все казалось, что Троя была совершенно въ такомъ же положеніи, какъ Россія 1812 года, и хотя Ликургъ, Кодръ, Сократъ, Эпаминондъ были моими полубогами, но только потому, что они или противились нашествію враговъ, или что были преданы и обижены соотечественниками. Тѣмъ болѣе эти соотечественники мнѣ казались противны. Но съ тѣхъ поръ, какъ Греція стонала подъ игомъ Турокъ, опять такъ какъ Россія подъ игомъ Татаръ, и что Греки стали Русскими, по выраженію Гаврилы и Авдотьи Харитоновны (т. е. православными), а Русскіе Греками по выраженію Дарьи Егоровны (по той же причинѣ общей церкви съ ними), они для меня переродились и прямо влѣзли въ душу мнѣ, по простонародному сердечному выраженію. Это безсознательное убѣжденіе о народности у моихъ простыхъ раз-

скащицъ было очень вѣрно. Въ теченіи трехъ съ половиной столѣтій, во всей бывшей Византійской Имперіи, одна только горсть Христіанъ, въ природной крѣпости дикихъ горъ, удержала за собой независимость и свободу, съуживаясь все болѣе и болѣе въ своихъ границахъ, но все болѣе и болѣе закаляясь въ неравной борьбѣ. Все остальное населеніе, Греческое и Славянское, подпало подъ иго Турецкое. Но въ этомъ долгомъ плѣнѣ и въ такое время, когда Норманы съ Англами, Варяги съ Славянами, Франки съ Галлами, Лонгобарды съ Итальянцами, являли примѣръ полнѣйшаго перерожденія, Греки и Славяне съ Турками не слилися, также какъ въ теченіи двухъ столѣтій не слилися Русскіе съ Татарами. Нѣсколько мелкихъ племенъ или, лучше сказать, нѣсколько именитыхъ родовъ Сербскихъ отуречились подъ названіемъ „Спагіевъ", въ Босніи и Албаніи, но единственно принявъ магометанство; какъ у насъ, на Западѣ, Русскіе именитые роды ополячились, принявъ Римско-католическое вѣроисповѣданіе. Одна церковь Православная, во всѣ, самыя тяжкія и продолжительныя испытанія, сохранила у Грековъ, какъ и у насъ, народность и энергію, въ твердой вѣрѣ, что она есть надежда ненадѣемыхъ, якорь спасенія сыновъ своихъ, и что „врата адовы не одолѣютъ ея". На сторонѣ угнетеннаго, измученнаго, презрѣннаго побѣдителями, забытаго сосѣдями народа, были истина и долготерпѣніе той вѣры, которая научаетъ самоотверженію, воздержанію, твердости, дѣятельности, любви въ самой покорности Провидѣнію, и неутомимости духа даже въ изнуреніи физическихъ силъ, которая дается только тѣмъ, у кого надежда неземная, неложная, вѣчная, какъ самъ Господь, сказавшій намъ: „Претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ". Такая нравственная сила сохраняла Христіанъ. Со стороны же Турокъ религія сладострастія, насилія, исключительности, дѣлала изъ нихъ неудержимо-фанатическое, храброе войско для нападенія, для завоеванія; но въ мирѣ, въ безспорномъ владѣніи всѣхъ земныхъ благъ, они тупѣли, слабѣли и неподвижны оставались въ своемъ умственномъ застоѣ и лѣни, между тѣмъ какъ животные инстинкты переходили въ звѣрскія страсти, когда властолюбіе или корыстолюбіе какого нибудь вождя или воеводы, какого нибудь министра или евнуха, доводили до бунта или до придворнаго переворота въ султанскомъ сералѣ.

Что такое Турція? спросилъ кто-то у Греческаго епископа Никифора Ѳеотокиса, когда онъ жилъ на покоѣ въ Даниловскомъ монастырѣ, въ концѣ прошлаго столѣтія.—„Турція, это земля, гдѣ сосредоточиваются всѣ благодатнѣйшіе дары природы и всѣ злодѣянія человѣческаго своеволія", отвѣчалъ старецъ (бывшій епископъ Новороссійскій и архіепископъ Астраханскій, вызванный въ Россію при Екатеринѣ). Со дней самаго перваго завоеванія Греціи Турками, между Россіей или (правильнѣе говоря) между Русскими людьми и Греками никогда не прекращались сочувственныя сношенія, хотя силы нашего государства еще не довольно окрѣпли для помощи войскомъ, до тѣхъ поръ пока Россія, втянувшись въ такъ называемую Европейскую систему, не возбудила такого опасенія и зависти со стороны нѣкоторыхъ дружественныхъ державъ, что

эта просвѣщенная Европа почти вся напала на Россію, ради сохраненія дикаго самовластія „темнаго Агарянскаго царства". Долгое время было принято выраженіе: Le concert europeen. Господи, какъ фальшиво играютъ виртуозы этого концерта! Какъ хочется сказать имъ стихами Крылова:

«А вы, друзья, какъ ни садитесь,
«Все въ музыканты не годитесь.

Однако святая сила единой вѣры и единой церкви преодолѣвала препятствія политики, и во всѣхъ углахъ Москвы пріютились подворія Аѳонскихъ, Греческихъ и Славянскихъ монастырей, щедро награждаемыхъ нашими царями и богатыми частными людьми; между тѣмъ какъ наши богомольцы всѣхъ званій и сословій, набожно плавая въ Іерусалимъ и на Аѳонъ, возвращались очевидцами страданій Христіанъ восточныхъ и подкрѣпляли ихъ этими личными сношеніями, поддерживая духовную связь съ великой церковью Цареградской; а сами восточные патріархи пріѣзжали въ Россію,— кто за милостыней, кто для утвержденія вѣры и разъясненія сомнѣній Русскихъ людей, въ то время, когда Кіевская митрополія стала вводить въ соблазнъ свою паству подъ вліяніемъ Литовскихъ и Польскихъ князей. Одинъ изъ этихъ Греческихъ патріарховъ, Іеремія, привезъ на Волынь икону Божіей матери Аннѣ Гонской, которая для этой иконы и построила первую церковь славной Почаевской Лавры. Замѣчательно, что 9 лѣтъ только передъ разгромомъ Сербо-Болгарской державы Амуратомъ на Косовомъ полѣ, Россія впервыя дала побѣдоносный отпоръ Татарамъ при Димитріѣ Донскомъ; а немного лѣтъ спустя послѣ паденія Константинополя, Иванъ Васильевичъ не низвергнулъ, а стряхнулъ съ себя послѣдніе остатки Татарскаго ига. Святитель Кипріянъ привезъ въ Россію драгоцѣнныя рукописи изъ разграбленныхъ Славянскихъ монастырей; Софія Ѳоминишна (Палеологъ) внесла съ собою въ велико-княжескій дворъ любовь къ искусствамъ изъ втораго своего отечества, Италіи, откуда и вызванъ, между многими, Аристотель Болонскій (Fioravente), строитель Кремлевскихъ соборовъ. Промыслъ Божій, такъ сказать, передавалъ на храненіе Россіи ковчегъ вѣры и свѣточъ науки съ Востока. Вѣрная-ли она была хранительница просвѣщенія, не берусь рѣшить; но вѣру она твердо и свято отстояла до нашихъ дней. Эта духовная связь наша съ Европейскимъ Востокомъ, не понятная на Западѣ Европы, была понята Екатериной Великой, и плѣняла ея умъ, въ тоже время какъ согрѣвала ея женское сердце. Разрѣшеніе Восточнаго вопроса тогда казалось очень просто: изгнаніе Турокъ изъ Европы. Вся задача была въ томъ, у кого хватитъ силы? Въ то время еще вѣрили въ прочность династическихъ союзовъ, и Екатерина мечтала о Русскомъ великомъ князѣ на престолѣ Цареградскомъ, какъ увѣряютъ. Во всякомъ случаѣ, наши побѣды и завоеванія много подняли духъ Христіанъ въ Турціи, сроднили Русскихъ съ мыслію о нравственной солидарности между нами и дали поводъ къ прозванію Русской партіей тѣхъ Грековъ, которые надѣялись на поддержку

своихъ единовѣрцевъ. Но съ 1793 года явилась другая надежда, надежда на Французовъ, которые провозглашали свободу повсюду и бросали свои арміи на помощь всѣмъ, которые возставали гдѣ нибудь противъ кого нибудь. Все это броженіе однако выказывалось наружу только мѣстными, неважными вспышками и политическимъ разбоемъ такъ называемыхъ Паликаровъ (вооруженныхъ шаекъ въ гористыхъ мѣстностяхъ). Но на Сѣверѣ, между Славянъ, скоро дѣло приняло болѣе серіозное направленіе. Нестерпимыя преслѣдованія, убійства, обезчещенныя жены и дѣти довели до отчаяннаго возстанія Сербовъ; скоро явился и народный вождь, Черниджорджъ (Карагеоргій), и съ 1806 по 1812 годъ длилась борьба малочисленнаго племени, расбросаннаго, растерзаннаго, задавленнаго, со всѣхъ сторонъ стѣсненнаго и врагами-завоевателями, и Латынянами-недоброжелателями, Австрійцами и Итальянцами. Разсказы отца моего, бывшаго въ походѣ 1811-го года, пріучили меня съ дѣтства къ именамъ Черниджорджа, Ненадовича, Обреновича, Гайдукъ-Вельки. Когда мирный трактатъ подписанъ былъ въ Букарестѣ, выговорены были амнистія и нѣкоторыя права для Сербовъ; но Турки, узнавъ о нашествіи Французовъ на Россію, воротились въ Сербію и кровавымъ возмездіемъ заплатили за его успѣхи несчастному народу; перерѣзали тысячи и тысячи, мучили самыми страшными пытками, и огнемъ, и мечомъ, прошли весь край, прекративъ свои неистовства только, когда паденіе Наполеона освободило наше войско. Но объ исполненіи условій трактата не было и помину. Сербы терпѣли, выжидая время, послушные Милошу Обреновичу. Это и есть его великая заслуга передъ Отечествомъ. Даже когда въ 1817 году все христіанское населеніе Турціи тревожно готовилось къ грозному заявленію своихъ человѣческихъ правъ, въ надеждѣ на поддержаніе освободившейся Европы, и Черниджорджъ воротился въ Сербію для новой попытки возстанія, разумный, хитрый Милошъ, понимая безнадежность дѣла, удержалъ свой народъ, и погибъ одинъ Черниджорджъ, принесенный въ жертву Отечеству, какъ говорилъ Милошъ, или собственному властолюбію Милоша, какъ говорятъ другіе. Все же Сербія была спасена благоразумной выдержкой этого времени.

Между тѣмъ, въ новомъ составѣ Европейскихъ державъ Россія занимала первое мѣсто, и естественно возбуждались надежды всѣхъ нашихъ единовѣрцевъ. Теперь, казалось, настала пора вознагражденія за всѣ страданія, за всѣ усилія; вознагражденія самаго справедливаго, самаго заслуженнаго, ибо кто былъ болѣе угнетенъ? Кто остался такъ вѣренъ и христіанству, и Европейскому началу, какъ христіанскіе народы Востока? А теперь вознаграждали всѣхъ и каждаго, и даже съ грѣхомъ пополамъ. Но къ несчастію православныхъ Христіанъ, Императоръ Александръ впалъ въ мистицизмъ. Несбыточныя мечты объ основаніи христіанскаго союза всѣхъ государей, для соблюденія мира, добродѣтелей и всякой чистоты и нравственности въ своихъ народахъ, увлекли его къ созданію „Священнаго Союза.“ Практическая Англія первая отказа-

лась; хитрая Австрія пристала только изъ учтивости, но умѣла потомъ разработать дѣло въ свою исключительную пользу; одинъ Прусскій король искренно сочувствовалъ союзу, въ тѣ времена религіозной возбужденности. Теперь отъ этого союза остается только мѣдная доска, прибитая въ одному изъ столбовъ въ Невской Лаврѣ съ гравированными на ней статьями трактата, въ память благонамѣренности съ нашей стороны и эксплуатаціи со стороны другихъ.

Болѣе серіозный былъ такъ называемый союзъ четырехъ державъ (Quadruple Alliance) между Россіей, Пруссіей, Австріей и Англіей, составленный во время кампаніи, въ Шатильонѣ, и къ которому почти насильно пристала Бурбонская Франція. Цѣль была огражденіе существующихъ новыхъ границъ и существующаго политическаго порядка отъ внѣшнихъ и внутреннихъ домогательствъ. Но тутъ опять, для сохраненія этого согласія, императору Александру приходилось безпрестанно жертвовать интересами самыми близкими Россіи, жертвовать народами искренно-преданными и дозволить Европѣ несправедливости, которыхъ теперь и исправить нельзя. Христіянскій долгъ прощенія обидъ и забвенія предательства занималъ его умъ исключительно, затмѣвая мысль о такомъ же священномъ долгѣ благодарности и справедливости къ тѣмъ, которые вѣрно и крѣпко стояли за общее дѣло во время этихъ предательствъ. Неохотно, послѣ сильной оппозиціи, Англія и Австрія согласились на возстановленіе Царства Польскаго; но эту уступку либеральнымъ увлеченіямъ императора Александра и патріотизму Чарторижскаго, по требованію Австріи, стали вымещать на всякомъ движеніи другихъ народностей, не замѣчая противорѣчія такого образа дѣйствій, или пренебрегая имъ, что разумѣется повело за собой ненависть къ правительствамъ и тайныя общества со всѣхъ сторонъ; а бунты въ Неаполѣ, въ Піемонтѣ, въ Испаніи раздражали императора все больше и больше. Такъ проходила эпоха конгрессовъ, какъ назвали это время.

Не вѣрилось однако Грекамъ, что имъ нельзя ожидать, чтобъ на этихъ державныхъ совѣщаніяхъ не поднялся въ ихъ пользу всемогущій голосъ Россіи. Въ это время въ Турціи царствовалъ султанъ-реформаторъ Махмудъ; разумѣется, реформаторъ на мелочи, на показъ, какъ бываютъ эти жалкіе подражатели нашего Петра, въ сущности мало озабоченные просвѣщеніемъ народа, но влюбленные въ комфортъ и удобства Европейской жизни для себя и своихъ приближенныхъ. Первою заботою Турецкихъ реформаторовъ было созданіе единодержавія, или скорѣе (выражаясь по нынѣшнему) единства кассъ, посредствомъ конфискацій. Паши, сильные и богатые, управляли разными провинціями по обычаю (ибо правъ никакихъ не знали и знать не хотѣли) удѣльныхъ или феодальныхъ владѣльцевъ, или лучше сказать предводителей дивизій и корпусовъ Турецкой арміи, наживающихся на постоѣ у Христіянъ и дѣлавшихся добычею съ султаномъ. Все же ихъ вассальное положеніе и признаніе ими полудуховнаго характера власти наслѣдниковъ Магомета составляли нѣкоторую связь между Цареградомъ и ими и сохра-

няли цѣльность Имперіи, которая была ничто иное, какъ армія пришельцевъ, стоящая лагеремъ среди Европы. Ихъ богатства, т. е. конфискація ихъ, особенно прельщали Сераль. Одинъ изъ главныхъ двигателей этой междоусобной войны и любимецъ султана, Халетъ-Ефенди, былъ личнымъ врагомъ Али-паши, Янинскаго правителя, или лучше сказать владѣтеля Албаніи, котораго властолюбіе было безъ границъ, а сокровища безъ числа. Али-паша былъ для меня типомъ поэтической стороны Турковъ. Его портретъ видѣла я въ Англійской книгѣ (воспоминанія объ Албаніи) нашего Англійскаго доктора Галланда, котораго я конечно не помню, но который прислалъ книгу отцу моему въ подарокъ отъ автора. Если судить по этому портрету, Али-паша былъ замѣчательной наружности. У злаго старика были правильныя, благородныя черты, Кавказскій типъ и глаза продолговатые, большіе, съ широкими вѣками и длинными рѣсницами, придающими общую мягкость лицу, между тѣмъ какъ совсѣмъ другаго характера было выраженіе жестокаго, недобраго, безулыбочнаго рта. Подъ его чертами всегда являлся мнѣ паша въ Абидосской Невѣстѣ, а Селимъ, не смотря на удостовѣреніе поэта (который долженъ знать свое собственное твореніе) у меня всегда выходилъ Грекъ,—сынъ Христіянки, покрайней мѣрѣ готовый кинуться въ Морею, на помощь Грекамъ. Впрочемъ, кажется, Байронъ своего Абидосскаго пашу писалъ съ натуры, едвали не съ Али, или съ его сына Вели-паши, у котораго онъ гостилъ въ Мореѣ. Великолѣпное описаніе его представленія Али-пашѣ, въ его лѣтнемъ дворцѣ (и родинѣ), въ Тебеленѣ, всѣмъ извѣстно (Canto II, Child Harold).

Въ бесѣдкѣ пышной, гдѣ Дюнтана
Струя прозрачная журчитъ,
Гдѣ ложе мягкое дивана
На отдыхъ сладостный манитъ,—
Въ коврахъ пушистыхъ утопая,
Али усталый возлежитъ,
Сѣдую бороду лаская.
Онъ былъ старикъ. Кто бъ угадалъ,
Какія тайныя движенья,
Какія темныя мечты
Скрывали старыя черты,
Гдѣ поселилось преступленье?
Какая черная тоска
Терзала сердце старика?
Не пылкость юноши смущаетъ
Грудь старика избыткомъ силъ;
«Любовь сѣдины покоряетъ»,
Гафизъ когда-то говорилъ.
Мудрецъ Теосскій думалъ тоже.
Но преступленья многихъ лѣтъ,
Всю нѣжность чувства уничтожа,
На немъ оставили свой слѣдъ.
Такое сердце не томила
Порывомъ огненнымъ любовь.
«За око—око, кровь—за кровь!»
Вотъ все что́ имъ руководило.
Такихъ людей одинъ удѣлъ—
Ужасный рядъ кровавыхъ дѣлъ.

Таковъ являлся нашему дѣтскому воображенію Али-паша. Онъ заслужилъ милость султана, въ молодости, убійствомъ собственна-

го тестя, и за это былъ назначенъ пашей въ Албанію. Тамъ онъ сперва сталъ относиться дружелюбно къ Французамъ, занявшимъ Далмацію и острова̀, во время Французской республики; но потомъ измѣнилъ имъ и былъ за то произведенъ (говоря по нашему) въ пашу всей Румеліи. Эпиръ, Македонію и почти весь Греческій полуостровъ онъ уже самъ себѣ прибралъ къ рукамъ. Онъ попытался прежде всего подослать убійцъ въ Цареградъ противъ любимца султана и своего личнаго врага. Но дѣло открылось. Халетъ уцѣлѣлъ, и гордый властелинъ Албаніи былъ приговоренъ къ смерти, какъ непослушный рабъ. Тогда, поднявъ открыто знамя бунта и желая укрѣпиться въ Мореѣ, онъ призвалъ къ оружію, къ возстанію, Грековъ Пелопонеса, обѣщая признать ихъ независимость, если съ ними одержитъ побѣду надъ султаномъ. На его кличъ съ восторгомъ отвѣчали Греки и, пользуясь междоусобіемъ Турокъ, возстаніе Греческое росло и росло. Всѣхъ своихъ бывшихъ владѣній Али отстоять не могъ; однако три года продержался въ Янинѣ и въ это время давалъ возможность Христіянамъ доставать снаряды и порохъ и вооружать свои купеческіе корабли, такъ что у нихъ въ непродолжительномъ времени образовалась цѣлая флотилія безстрашныхъ корсаровъ, между которыми прославились особенно Канарисъ и Міаулисъ; а партизанская, нескончаемая, утомительная война въ горахъ и ущельяхъ велась цѣлое десятилѣтіе мелкими отрядами подъ отважными предводителями: Колокотрони, Гриваса, Карайскакиса, Гаджи-Петроса и двоихъ Боцарисовъ. Длинный рядъ годовъ прошелъ съ тѣхъ поръ, много было разочарованія на счетъ даже этихъ лицъ; а все таки сердце дрогнуло во мнѣ, на старости лѣтъ, когда я познакомилась съ сыновьями Боцариса и Колокотрони и увидѣла престарѣлаго, но еще бодраго, плечистаго богатыря Гаджи-Петроса: такъ сильно было для меня обаяніе этихъ именъ въ моей молодости.

Въ самое время этихъ происшествій, статсъ-секретаремъ и, по своему вліянію, настоящимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ у насъ графъ Каподистрія. Онъ былъ Корфіотъ по рожденію, учившійся въ Итальянскомъ университетѣ (Падуанскомъ). Нелюбовь къ Французскому обладанію заставила его покинуть родину, гдѣ онъ, несмотря на свою молодость, занималъ значительную должность. Императоръ Александръ охотно принималъ такихъ людей, которые готовы были на противодѣйствіе Наполеону, и Каподистрія поступилъ въ Русскую службу въ 1809 году. Замѣчательно, что два наши дипломата, имѣвшіе въ свое время самые вліятельные посты для чужестранной политики и смотрѣвшіе на дѣла съ самой Русской точки зрѣнія, понимавшіе интересы и симпатіи Русскихъ, какъ немногіе Русскіе ихъ понимаютъ,—оба были иностранцы, и даже никогда не были Русскими подданными: Каподистрія и Поццо-ди-Борго. Когда читаешь меморіи, представленныя ими по дѣламъ Польши и по дѣламъ Востока, сожалѣешь только, что такъ много у насъ Русскихъ неспособныхъ даже понять то, что̀ для иностранцевъ въ Русской службѣ такъ ясно и просто казалось полвѣка назадъ и такъ оправдалось впослѣдствіи. Поццо-ди-Борго я видѣла

всего два раза въ Берлинѣ, и его блистательный разговоръ и обращеніе человѣка лучшаго тона плѣнили меня. Но я могла только судить о немъ, какъ о любезномъ, остроумномъ собесѣдникѣ, а не какъ о человѣкѣ, тѣмъ менѣе о политическомъ дѣятелѣ. Черные какъ угли глаза горѣли, но не тѣмъ тихимъ, задумчивымъ свѣтомъ, какъ у Каподистріи; вся же наружность его была южная, но совершенно инаго типа. Немного спустя, стали говорить о его болѣзни, и онъ долженъ былъ выдти въ отставку, вслѣдствіе совершенной потери памяти. Единственно своимъ необычайнымъ умомъ и яснымъ взглядомъ государственнаго человѣка, Поццо постигалъ нужды и призваніе Россіи. Каподистрія, самъ православный, постигалъ Россію умомъ и сердцемъ своимъ.

Я нашла въ записной книжкѣ отмѣтку, взятую не знаю откуда, изъ разговора, или изъ письма, или изъ книги: „On ne comprend pas „la Russie, parcequ'on y cherche une nation, et la Russie est une „église“ [28]). Это, можетъ быть, преувеличено; но есть немало правды въ этой характеристикѣ. Впрочемъ, Каподистрія, по добросовѣстности, отличавшей его, старался изучать Россію, особенно въ болѣе свободное время начàла его службы, отъ 1809-го до 1811-го года, когда онъ жилъ безъ постоянныхъ занятій и опредѣленной должности. Онъ въ это время сошелся съ Карамзинымъ, или по крайней мѣрѣ съ его кружкомъ, съ тѣми вѣрными друзьями, которыхъ любовь не покидала его до конца жизни. Отъ нихъ и черезъ нихъ старался Каподистрія ознакомиться съ Русской народностію, съ составомъ громаднаго государства, въ которое, по преданію, или по инстинкту, вѣрили его соотечественники, какъ въ будущую опору и спасеніе. Одинъ изъ его Петербургскихъ друзей, Греко-Руссъ Стурдза, говоритъ, что „все его вниманіе обращалъ на себя простой народъ „Русскій, котораго бодрость, сила и простота напоминали ему отважныхъ горцевъ Эпира и казались ему залогомъ будущаго новаго стрòя жизни, стрòя, для котораго нуженъ этотъ юный народъ, поставленный Провидѣніемъ на грани устарѣвшаго западнаго міра.“ Уже тогда у мыслящихъ людей начинала слагаться система, разработанная нынѣ нѣкоторыми Московскими писателями и учеными, которыхъ поднимаютъ на смѣхъ и которые, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ только обманываютъ себя мечтою.

Но горе! Вѣкъ прошелъ, и мертвеннымъ покровомъ
Задернутъ Западъ весь! Тамъ будетъ мракъ глубокъ....
Услышь же гласъ судьбы, воспрянь въ сіяньи новомъ,
Проснися, дремлющій Востокъ!

Если это мечта, то этой мечтой обманывали себя высокіе умы, необыкновенные таланты, люди дѣятельности и опыта, игравшіе важную и полезную ролю на государственномъ поприщѣ—и между ними Каподистрія. По его словамъ нашъ крестьянинъ (т. е. Великорусскій) „олицетвореніе человѣческой энергіи, крѣпкаго сло-

[28]) Россіи не понимаютъ, потому что ищутъ въ ней народа, тогда какъ Россія есть церковь.

„женія и тонкаго ума, краснорѣчивый и веселый, добродушно-колкій, предпріимчивый и неутомимый. Сама крѣпостная зависимость „не убила въ немъ ни его бодрой дѣятельности, ни отважности, ко„торая играетъ жизнію и презираетъ опасности. Съ врожденной ве„селостію нрава, Русскій крестьянинъ однако глубоко проникнутъ „религіознымъ чувствомъ, преданъ своей вѣрѣ, въ тоже время полонъ „терпимости для вѣры чужой, вообще не причастенъ къ грѣху фа„натизма." Любовь Русскихъ къ разсказамъ, къ пѣнію, къ стихамъ, самая музыка старыхъ пѣсней и слова многихъ изъ нихъ, занимали Каподистрію и плѣняли его, а способность Великоруссовъ къ колонизаціи и хлѣбопашеству, въ степяхъ и пустыняхъ Новороссійскаго края и въ Сибири, его изумляла.

„Онъ видѣлъ въ насъ счастливую смѣсь Азіи съ Европой: восточ„ную покорность власти и величественное спокойствіе въ несчастіи, „почти переходящее изъ Христіянской покорности въ какой-то фа„тализмъ; и съ тѣмъ вмѣстѣ дѣятельность и удаль, чисто Европей„скую, потомковъ Яфетовыхъ" [29]).

Проживъ такимъ образомъ въ бесѣдахъ съ друзьями и въ ученыхъ занятіяхъ два года, Каподистрія просилъ канцлера Румянцева послать его въ Вѣну, куда и прикомандировали его къ посольству. Графъ Штакельбергъ, принявшій его сначала недовѣрчиво, скоро сталъ поручать ему составленіе разныхъ меморій, въ которыхъ наконецъ признали замѣчательный талантъ. Въ это время уже готовились великія событія 1812-го года. Адмиралъ Чичаговъ [30]), принявъ начальство надъ арміей Дунайской, выписалъ знакомаго ему Каподистрію въ Бухарестъ, чтобъ поручить ему дѣла по сношеніямъ съ Сербами и съ диванами (верховнымъ совѣтомъ) Молдавіи и Валахіи, т. е. тѣ самыя дѣла, которыя передъ этимъ были въ рукахъ отца моего, при Каменскомъ. Чичаговъ поручилъ ему тоже устройство вновь уступленныхъ Россіи, по Бухарестскому трактату, земель Бессарабской области,—дѣло, которое послѣ переходило въ разныя руки (между прочимъ и отецъ мой былъ нѣсколько времени прикомандированъ къ графу Кочубею по этимъ работамъ). Скоро пришлось отозвать и южную армію въ границы Россіи, и Каподистрія очутился среди военнаго лагеря, сперва при Чичаговѣ, потомъ съ Барклаемъ, въ обѣ кампаніи 1812 и 1813 года. Тутъ уже самъ Императоръ началъ давать ему дипломатическія порученія, и среди интригъ, предательствъ и мелкихъ соперничествъ разныхъ правительствъ, окружавшихъ Государя, сдѣлавшагося уже, такъ сказать, не только Русскимъ, а обще-Европейскимъ владыкой, Каподистрія скоро умѣлъ такъ себя поставить, что сталъ главнымъ совѣтникомъ Государя и настоящимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, хотя не носилъ этого названія. Однако, съ высокою честностію своей прекрасной души, онъ умѣлъ всегда отдѣлять интересы своего Отечества (собственными интересами онъ никогда не

---

[29]) Стурдза.

[30]) По прямому указанію императора Александра Павловича (см. Записки Чичагова, изданныя въ Берлинѣ, въ 1855 году). *П. Б.*

дорожилъ) отъ интересовъ той земли, Государю которой онъ служилъ; не даромъ Жуковскій назвалъ его нашимъ Христіянскимъ Аристидомъ и сожалѣлъ, что не всѣ могутъ раздѣлять тѣ чувства удивленія къ нему, которое сохранили до конца и онъ самъ, и отецъ мой, и всѣ знавшіе Каподистрію въ Россіи.

Во время Вѣнскаго конгресса ему были поручены меморіи по самымъ щекотливымъ вопросамъ, касавшимся Пруссіи, Польши и Швейцаріи, на конференціяхъ, гдѣ графъ Разумовскій и Гарденбергъ боролись съ трудомъ противъ Метерниха, Талейрана и Кастльрея. По его настоянію была формально признана независимость Іоническихъ острововъ; но тутъ онъ слѣдовалъ своему убѣжденію, что освобожденіе его Отечества совпадаетъ съ пользою Россіи; покровительство же Англіи было принято, какъ меньшее зло, нежели Французское или Австрійское. Однако онъ не могъ достигнуть горячо-желаемаго имъ, общаго соглашенія по уничтоженію торговли Неграми, и для принятія мѣръ противъ морскаго разбоя Алжирскаго и Тунисскаго беевъ. Англія не согласилась, и проэктъ былъ отложенъ въ долгій ящикъ.

Манифесты о возобновленіи военныхъ дѣйствій 1815 года противъ Наполеона и о возстановленіи или, лучше сказать, о созданіи новаго Царства Польскаго, были писаны Каподистріею; послѣдній, по порученію и почти подъ диктовкой Императора, хотя Каподистрія нѣсколько разъ заявлялъ ему свое личное мнѣніе, что, заглаживая нѣкоторыя несправедливости въ прошедшемъ, эта мѣра не обезпечивала будущности ни Польскаго народа, ни Россіи: слишкомъ много было разрушенія и гнили въ старомъ зданіи, слишкомъ заѣлся политическій развратъ въ плоть и кровь Поляковъ, чтобы возможно было прочно возстановить такое государство. Не только въ это время, но неоднократно и впослѣдствіи, Каподистрія старался доказать это императору Александру; но вліяніе Чарторижскаго и собственное влеченіе къ этой мечтѣ своей юности мѣшали Императору вникнуть въ справедливость доводовъ гр. Каподистріи, какъ они мѣшали ему увѣриться въ истинѣ краснорѣчивой записки Карамзина. Каподистріи-же, какъ уполномоченному отъ Россіи, было поручено Императоромъ вести въ Парижѣ въ 1815 году трудное дѣло сохраненія за Франціей ея старыхъ границъ. Онъ доказывалъ Англіи, Пруссіи и Австріи, что если они рѣшили необходимымъ для мира Европы укрѣпить Бурбоновъ на престолѣ, то безумно было-бъ требовать отъ нихъ уступокъ, несовмѣстныхъ съ честію Франціи. Наконецъ, когда герцогъ Ришелье ожидалъ, что съ часу на часъ дойдетъ до разрыва и въ отчаяніи обратился къ Каподистріи, отъ него онъ получилъ совѣтъ Людовику XVIII-му написать частное письмо къ императору Александру съ объявленіемъ рѣшенія своего отречься отъ престола, коль скоро не оставятъ Франціи ея достоинства и чести. Это письмо престарѣлаго короля, поддержанное Императоромъ, наконецъ подѣйствовало на союзныя правительства, и Франція сохранила тѣ провинціи и крѣпости, которыя, по безумію ея правителя, она недавно потеря-

ла. Наученное опытомъ, на этотъ разъ Русское правительство уже не вмѣшалось въ дѣла неблагодарной страны. Но въ 1815 и 1818-мъ годахъ императоръ Александръ еще обольщалъ себя надеждой примиренія непримиримыхъ политическихъ интересовъ и считалъ обязанностію своей, такъ сказать, какъ всемірнаго посредника, жертвовать всѣмъ для блага общаго, для мирнаго состоянія всей Европы, надѣясь благостію и уступчивостію привить къ другимъ, ко всему человѣчеству, тѣ христіанскія добродѣтели, которыя должны были привести къ какому-то миленіуму на земли, уже приближающемуся въ видѣніяхъ мистиковъ разныхъ оттѣнковъ: и m-me Krüdner, и странствующихъ квакеровъ, и библейскаго общества и т. д. Но такаго настроенія души никто изъ государей другихъ земель не раздѣлялъ съ Александромъ Павловичемъ.

Въ путаницѣ и безнадежной розни между большими и малыми правительствами, имѣвшими своихъ представителей на всѣхъ конгрессахъ того времени, Каподистрія старался только оградить по возможности честь и вліяніе Россіи и способствовать цѣли императора Александра къ возстановленію прочнаго мира въ Европѣ. По всему, что̀ я слышала отъ батюшки и отъ другихъ близкихъ къ Каподистріи людей, онъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ могъ подавать голосъ, совѣтовалъ не увлекаться, не поддаваться напору нѣкоторыхъ неискреннихъ союзниковъ, не пугаться безпорядковъ, какъ неизбѣжныхъ послѣдствій безграничнаго деспотизма Наполеонова съ одной стороны, а съ другой, неосторожныхъ обѣщаній многихъ правительствъ во время опасности; совѣтовалъ особенно различать возможное отъ невозможнаго, не требовать того, до чего еще не доспѣла пора; различать справедливыя требованія отъ несправедливыхъ. Въ такомъ смыслѣ онъ употребилъ все свое вліяніе въ пользу освобожденія Франціи отъ занятія иностранными войсками. Въ 1817 году, его искусному веденію дѣлъ и настойчивости императора Александра должно приписать уменьшеніе на 600 милліоновъ франковъ требованной контрибуціи отъ Франціи, а въ 1818 году на Ахенскомъ конгрессѣ рѣшеніе вывести остатки войска изъ Франціи. Такимъ образомъ, въ третій разъ Франція была обязана Россіи облегченіемъ тяжелаго бремени, наложеннаго на нее послѣ паденія Наполеона. Съ рѣдкимъ умѣніемъ и тактомъ Каподистрія успѣлъ поддержать Французскаго министра герцога Ришелье въ его негоціаціи, воспользовавшись свидѣтельствомъ Веллингтона и Поццо-ди-Борго о мирномъ состояніи края. Каподистрія надѣялся покончить въ Ахенѣ и съ союзомъ Шатильонскимъ четырехъ державъ, дабы развязать руки Россіи или, по крайней мѣрѣ, болѣе опредѣленно оформить взаимныя обязательства; но слишкомъ выгодно было для нѣкоторыхъ державъ это средство эксплуатировать Россію. По обыкновенію, стали пугать революціонными движеніями, не касающимися Россіи, и наконецъ, утомленный борьбою императоръ Александръ согласился остаться при Шатильонскомъ союзѣ. Какъ тяжело это было Каподистріи, свидѣтельствуетъ унылый тонъ одного письма его къ моему отцу (въ Лондонъ), которое я нашла въ бумагахъ батюшки:

11/23 Novembre 1818. Aix-la-Chapelle.

Je voudrais vous écrire, mon cher Bloudoff, une longue lettre, mais (où est) le moyen de le faire?[31]) C'est minuit passé. Je pars demain de grand matin, je suis malade. Et depuis mon arrivée ici, je n'ai pas eu un seul instant de repos. Grâce à Dieu, tout-est fini, et assez bien. Les grandes questions sont décidées raisonnablement. Je charge Sévérine de vous en parler. Reste à savoir, si lui-même en aura le tems et la force. Notre jeune et malheureux ami [32]) est toujours souffrant. Chose remarquable, les personnes qui ont le plus travaillé, sont celles qui étaient les plus faibles et les plus malades! L'Empereur a été satisfait de notre bonne volonté, et vous, comme tout bon Russe, doit l'être aussi. C'est là ma plus chêre et ma plus belle récompense [33]).

Потомъ слѣдуетъ цѣлая страница непонятная для насъ, темныхъ людей. Очевидно, надобно читать между строками о какомъ-то вѣроломномъ дѣйствіи котораго-то изъ правительствъ союзныхъ съ нами. „Mon opinion, toute particulière, est qu'il existe quelque „chose de semblable à l'acte du mois de Janvier 1815" [34]), т. е. этотъ гнусный трактатъ противъ Россіи, который Наполеонъ прислалъ къ императору Александру въ Вѣну, въ обличеніе Лудовика XVIII, Австріи, Англіи, Баваріи и Голландіи.

Батюшка былъ повѣренный въ дѣлахъ въ Лондонѣ, въ это время и, какъ видно, попалъ на слѣдъ такой же измѣннической продѣлки. Мнѣ неизвѣстно, найденъ ли настоящій актъ, было ли это документально-скрѣпленное дѣйствіе союзниковъ противъ Россіи (и вѣроятно Пруссіи) или только словесный разговоръ; но уже одно правдоподобіе такой гнусности, подозрѣваемой и батюшкою въ Англіи, и Каподистріею въ Ахенѣ, рисуетъ въ темныхъ тѣняхъ положеніе членовъ конгресса, въ которомъ было три лишь человѣка честныхъ: императоръ Александръ, его статсъ-секретарь Каподистрія, да король Прусскій. Продолженіе письма наводитъ на унылое раздумье. Уже такъ сроднились съ мыслію объ измѣнѣ самыхъ союзныхъ правительствъ, такъ дорожили хотя коекакимъ невѣрнымъ, непрочнымъ подобіемъ мира, послѣ изнурительной долголѣтней военной тревоги Наполеона, что заранѣе

---

[31]) Итальянское выраженіе, переведенное на Французское.

[32]) У Северина умерла тогда первая его жена-красавица, сестра Стурдзы.

[33]) Я хотѣлъ писать къ вамъ, мой милый Блудовъ, больше письмо; но какъ это сдѣлать? Теперь за полночь. Я ѣду завтра, рано утромъ; я боленъ. И съ моего пріѣзда сюда, не было у меня ни минуты покоя. Слава Богу, все кончено, и довольно хорошо. Великіе вопросы рѣшены благоразумно. Поручаю Северину передать вамъ о томъ; но не знаю, будетъ ли и у него на то времени и силы. Нашъ молодой несчастный другъ по прежнему страдаетъ. Замѣчательно, что самые слабые и самые больные работали больше всѣхъ. Государь былъ доволенъ нашимъ усердіемъ; и вы должны быть также, какъ всякій добрый Русскій. Въ этомъ для меня драгоцѣннѣйшая и прекраснѣйшая награда.

[34]) Что̀ касается до меня лично, я думаю, что тутъ есть нѣчто похожее на Январьскій трактатъ 1815 года.

готовы мириться съ гнусностію этой союзной лжи, и только воспользоваться ею для острастки волковъ въ овечьей шкурѣ.

„Qui sait si vous ne parviendrez pas à découvrir la chose! Cette „découverte serait importante, non pour rompre, mais pour resserrer „les liens qui unissent. Le jour qu'on saura que le fait est connu (si „toutefois ce fait existe) quelles facilités pour les......... et „quelles avances ne nous ferait-on pasó... La non-existence d'une pareille „transaction est encore une découverte importante. Je vous préviens „que toute la correspondance, relative à cette partie du service, n'est „connue que de l'Empereur seul" [35]).—Оказалось, что это была интрига одного авантюриста, который преслѣдовалъ личныя цѣли. Замѣчательно только, что предательская продѣлка казалась правдоподобною.

Въ другомъ письмѣ Каподистрія такъ говоритъ о Поццо-ди-Борго, при посылкѣ батюшки рекомендательнаго письма къ нему въ 1818 г.

„Le général Pozzo vous fera plaisir. S'il est en train, il vous parlera „politique, et vous en serez enchanté" [36]).

На дорогѣ въ Ахенъ, императоръ Александръ останавливался въ Варшавѣ, въ этомъ любимомъ царствѣ его созданія. Каподистрія въ письмѣ къ батюшкѣ оттуда говоритъ: „....Avant-hier au soir, j'ai „trouvé Sa Majesté lisant le manuscrit de Karamzine (его Исторію). Je „ne lui dirai pas tout ce que S. M. a eu la bonté de me dire. Ce que „je sais, c'est que ce livre fait un grand bien....." [37])

Какая сложная натура была натура императора Александра! Онъ примиряетъ между собою враговъ, ежедневно готовыхъ обратиться противъ него; читаетъ съ высокимъ наслажденіемъ великія творенія литературы; великодушно прощаетъ и благотворитъ Полякамъ; съ истиннымъ, непритворнымъ интересомъ религіознымъ слушаетъ восторженныя мечтанія г-жи Крюднеръ и банальныя рѣчи проѣзжихъ Англійскихъ проповѣдниковъ; а между тѣмъ неуклонно отвергаетъ всякую энергическую мѣру для спасенія тысячей и тысячей Христіанъ, погибающихъ отъ руки неистовыхъ тирановъ; Христіанъ единовѣрныхъ, по всѣмъ преданіямъ историческимъ, по всѣмъ соображеніямъ политическимъ, стоящихъ въ прямомъ отношеніи покровительствуемыхъ Россіею народовъ! Императоръ, въ началѣ гоненія, согласился послать барона Григорія Александровича Строганова въ Константинополь чрезвычайнымъ посломъ, если

---

[35]) Кто знаетъ, не удастся ли вамъ вскрыть дѣло! Это вскрытіе было бы важно не для разрыва, но для того, чтобъ затянуть связующія узы. Какъ скоро узнаютъ, что дѣло обнаружилось (если только оно существуетъ), какъ будетъ удобно для... и какъ будутъ съ нами предупредительны. Самое отсутствіе подобной сдѣлки есть важное открытіе. Предупреждаю васъ, что вся переписка по этому служебному предмету извѣстна только одному Государю.

[36]) Генералъ Поццо будетъ вамъ пріятенъ. Если найдетъ на него стихъ, онъ станетъ говорить съ вами о политикѣ, и вы будете отъ того въ восхищеніи.

[37]) Третьяго дня вечеромъ я засталъ Его Величество за чтеніемъ рукописи Карамзина. Не передамъ ему всего, что̀ Его Величество изволилъ говорить мнѣ. Знаю только, что книга эта приноситъ большую пользу.

не по выбору Каподистріи, то по крайней мѣрѣ къ его искренней радости. Баронъ Строгановъ принадлежалъ къ тому поколѣнію, которое въ молодости еще знавало Екатерину II-ю, еще принадлежало къ ея придворному кругу. Онъ обладалъ отличительными качествами этого поколѣнія: иностранной наружностью и Русскимъ чувствомъ, обращеніемъ и языкомъ чисто-Французскимъ, и сердцемъ и умомъ всецѣло-Русскими; любилъ, и гордился, и поклонялся Россіи, и умѣлъ безстрашно поддерживать честь имени Русскаго, самымъ изящнымъ языкомъ, съ самымъ Парижскимъ выговоромъ. Это поколѣніе переряжалось въ иностранцевъ, но такой нарядъ былъ лишь костюмомъ для гостинной: въ своемъ кабинетѣ надѣвался родной халатъ, а на войнѣ Суворовскій мундиръ. И шли эти люди, безъ оглядки, противъ тѣхъ же портныхъ, парикмахеровъ и даже учителей, которыхъ они казались твореніемъ. Баронъ Григорій Александровичъ оставилъ такую память о себѣ у Христіянъ Турецкихъ, что они и понынѣ говорятъ: „Никогда не было такого Русскаго посла, какъ онъ!" И однако онъ не могъ ничего сдѣлать, потому что Императоръ никакъ не согласился ни на экспедицію, ни даже на военную демонстрацію въ подкрѣпленіе негоціацій, хотя Каподистрія, хорошо знакомый съ Турками, убѣждалъ его двинуть войско на границу, зная, что Порта не признаетъ никакихъ доводовъ, кромѣ грубой силы и считаетъ трусостію всякія уступки и всякія мирныя убѣжденія. Греки, съ своей стороны, не понимали возможности такого долготерпѣнія въ продолжительныхъ переговорахъ, когда побѣдоносная армія стояла на готовѣ, и все, казалось, поклонялось вождю царей, Александру. Они вообразили, что у посла были инструкціи нарочно затягивать дѣла, нарочно привести Турцію къ отказу въ удовлетвореніи требованій, для того чтобы имѣть предлогъ къ объявленію войны для освобожденія Христіянъ. Самое то̀ обстоятельство, что иностранными дѣлами заправлялъ въ Россіи Грекъ, придавало вѣроятность такой мечтѣ. Каподистрія однакоже самъ, желая защиты, Русскаго могучаго слова противъ гоненія Христіянъ въ Константинополѣ, никакъ не желалъ ихъ возстанія и считалъ преждевременнымъ созданіе независимой Греціи. Онъ считалъ, что Греки еще не подготовлены къ политической самостоятельности, что прежде всего нужно было просвѣтить ихъ, пріучить къ моральной дисциплинѣ и дать окрѣпнуть не только волѣ, но и разуму и мысли. Онъ не желалъ и не могъ довольствоваться тѣмъ клочкомъ земли, изъ котораго впослѣдствіи составили Греческое королевство, и находилъ, что до той Греціи, которую онъ носилъ въ своемъ умѣ и въ сердцѣ, сами Греки не доросли. Онъ употреблялъ все свое вліяніе на далекихъ соотечественниковъ, чтобы разочаровать ихъ, но понапрасну. Между Греками уже были полуобразованные люди, тѣ люди, нахватавшіеся кое-какихъ поверхностныхъ познаній и именно вслѣдствіе своего невѣжества пренебрегающіе здравымъ смысломъ и готовые вести цѣлые народы въ пропасть, люди, которыхъ слишкомъ много вездѣ, авантюристы нашего времени, что-то въ родѣ странствующихъ рыцарей или кондотіеровъ среднихъ вѣковъ, когда они не просто за просто мошенники.

Эти-то люди устроили тайныя общества подъ названіемъ, гетерій, по разнымъ мѣстностямъ Греціи и нѣсколько разъ присылали своихъ агентовъ въ Петербургъ, чтобъ развѣдать о намѣреніяхъ Императора. Каподистрія всякій разъ, не обинуясь, лишалъ ихъ всякой надежды и строго выговаривалъ за неосторожныя попытки къ преждевременной борьбѣ. Но имъ неугодно было ждать, ибо имъ нужно было, для себя и своего собственнаго самолюбія,—начинать дѣло, не жалѣя жизни тѣхъ, которыхъ они вызывали на гибель; имъ нужно было увѣрить народъ, что Русскіе идутъ къ нимъ на выручку, и они не остановились передъ злодѣйствомъ, чтобъ скрыть настоящія намѣренія Александра. Одинъ изъ ихъ агентовъ, честный человѣкъ, узнавъ всю истину въ Петербургѣ, возвращался съ намѣреніемъ передать ее, безъ всякихъ прикрасъ, начальникамъ мѣстнаго возстанія. Другіе члены гетеріи злодѣйски умертвили его, а сами обратились къ молодому и пылкому князю Александру Ипсиланти и уговорили его явиться въ Молдавіи во главѣ бунта и обнародовать воззваніе къ Грекамъ отъ своего имени, но такое, чтобы оно казалось извѣстнымъ Императору, котораго онъ былъ флигель-адъютантъ. Это извѣстіе пришло въ Лайбахъ (1821 г.), гдѣ новый конгрессъ занимался именно потушеніемъ разныхъ безпорядковъ въ Неаполѣ, Піемонтѣ, Испаніи, и скоро послѣ того времени какъ въ Парижѣ былъ убитъ герцогъ Беррійскій. Опасеніе разстройства Европейскаго союза и тѣнь, брошенная на его добросовѣстность, безумнымъ поступкомъ Ипсиланти, поступкомъ, который онъ считалъ предательствомъ, рѣшили императора Александра, во что бы ни стало, доказать свою твердую волю въ исполненіи всѣхъ обязательствъ трактатовъ. Отъ Ипсиланти Русское правительство всенародно отказалось. Турки успокоенные вошли въ Молдавію, раззорили ее, а возставшихъ въ одно время съ нею Морейскихъ Грековъ рѣзали и мучили вездѣ, гдѣ они попадались въ руки.

Такимъ образомъ, отвергая Ипсиланти и всякое намѣреніе возмущать Христіянъ въ Молдавіи, Россія не успокоила Порты, не удержала ея отъ неистовствъ, а напротивъ, дала ея жестокости полную волю разгуляться. Баронъ Строгановъ протестовалъ; но протестъ, не поддержанный силою, ни къ чему не повелъ. Каподистрія настаивалъ на занятіи Придунайскихъ княжествъ, чтобы остановить возстаніе Ипсиланти этимъ вооруженнымъ протестомъ, и вмѣстѣ устрашить Турокъ. Но Европейскіе союзники наши требовали укрощенія не Турковъ, а Итальянскихъ безпорядковъ, и не довѣряли искренности отреченія Императора отъ Молдавскаго движенія. Онъ рѣшился не дѣлать со стороны Турціи демонстраціи, которая могла бы раздражить Англію и Австрію. Вмѣсто того, Ермоловъ получилъ приказаніе воротиться съ Кавказа, чтобы принять команду надъ стотысячною арміею, назначенною въ Италію, какъ вспомогательное войско для Австрійцевъ, противъ трусливыхъ Неаполитанскихъ карбонаріевъ.

Это было въ Мартѣ мѣсяцѣ, а 10 Апрѣля, въ самый день Свѣтлаго Воскресенья, когда все христіянское, безоружное населеніе

Константинополя собиралось мирно праздновать великій день примиренія Неба съ грѣшнымъ человѣчествомъ, въ то время, когда престарѣлый вселенскій патріархъ Григорій, со всѣмъ духовенствомъ, совершивъ пасхальную литургію, выходилъ изъ церкви, благословляя толпящихся около него православныхъ, Турецкая стража схватила его и бывшихъ съ нимъ трехъ архіереевъ. Это былъ сигналъ общей рѣзни Христіянъ въ городѣ; а патріарха и епископовъ, продержавъ долго въ тюрьмѣ, приговорили къ смертной казни и повѣсили публично. Тѣло старца-мученика, снявъ съ висѣлицы, отдали на глумленіе и всякаго рода поруганіе Еврейскаго населенія Константинополя. Издѣваясь надъ христіянскимъ архипастыремъ, Жиды поволокли тѣло его по улицамъ, отъ угла въ уголъ древней Византіи и наконецъ кинули трупъ въ море, привязавъ тяжелый камень къ шеѣ, чтобы отнять всякую возможность у Христіянъ предать тѣло землѣ съ священными обрядами церкви нашей. Но что̀ можетъ людская злоба противъ неисповѣдимыхъ судебъ Провидѣнія? Нельзя не замѣтить, что точно такое средство употребили нѣкогда язычники Тавриды, чтобы приковать ко дну моря тѣло другаго іерарха-мученика, убіеннаго ими, папы Климента, святителя Римскаго [38]). Такимъ дикимъ, неистовымъ торжествомъ изувѣровъ кончился этотъ ужасный день (10-го Апрѣля 1821 г.). Кто изъ Грековъ, могли бѣжать пользуясь торговыми судами, тѣ отправились въ Россію, гдѣ уже передъ тѣмъ скрывались болѣе значительные Греки, принужденные оставить Турцію. Какое было положеніе, какое чувство горести и страха овладѣло несчастными, уцѣлѣвшими отъ кривой сабли Османліевъ, можно если не понять, то чуять сердцемъ и намъ теперь, при разсказѣ объ этихъ ужасахъ. Еще день прошелъ, въ сравнительномъ покоѣ, но въ опасеніи новыхъ казней, въ свѣжемъ воспоминаніи казней вчерашнихъ; и Христіяне съ трепетомъ, въ безнадежномъ унынiи, ходили на берегъ моря сѣтовать и молиться о невинно-убіенномъ старцѣ. Подъ вечеръ что-то показалось на волнахъ морскихъ; что-то плыло тихо, около берега. Вглядѣвшись, узнали человѣческій трупъ. Пользуясь сумерками, притянули къ землѣ и увидѣли тѣло патріарха, котораго огромный камень не увлекъ къ морскому дну. Какимъ образомъ этотъ камень (можетъ быть дурно привязанный) упалъ съ шеи умершаго, намъ неизвѣстно; но камня не оказалось; тѣло всплыло, и его прибило къ берегу въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не случилось ни Турокъ, ни Жидовъ, но гдѣ случились Христіяне, которые съ благовѣніемъ перенесли его на торговый корабль Ивана Склавоса, капитана уже готоваго сняться съ якоря, чтобъ отплыть въ Одессу, гдѣ онъ передалъ дорогіе останки въ Карантинную гавань. Для Рус-

[38]) Св. папа Климентъ, сосланный на каменоломную работу въ Инкерманъ, былъ замученъ язычниками Крыма, и тѣло его брошено въ море около Херсониса (Севастополя) съ якоремъ на шеѣ; 400 лѣтъ спустя, свв. Кириллъ и Меѳодій нашли тѣло его нетлѣнное въ морѣ и привезли на берегъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ спустя, они же, отправляясь въ Римъ для защиты своего перевода Священнаго Писанія, пріѣхали опять за драгоцѣнными останками и перевезли ихъ въ Римъ.

скаго человѣка всякій покойникъ—священный предметъ почитанія и, можно сказать, нѣжнаго ухода. Съ какимъ же благоговѣніемъ приняли это тѣло, тихо возвращенное волнами на руки сѣтующихъ Христіянъ, тайно перевезенное изъ невѣрнаго въ православный край! Ктобы ни былъ этотъ покойникъ, его бы приняли съ молитвой и слезою, но тутъ было еще предположеніе, что это мощи мученика. Карантинное начальство, совершенно правильно, положило удостовѣриться въ личности и, созвавъ главныхъ представителей переселившихся недавно Грековъ, сдѣлало формальное дознаніе, по которому оказалось несомнѣнно, что привезенный трупъ точно есть тѣло Григорія V, вселенскаго патріарха, убіеннаго въ Константинополѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ. Только что разнесся слухъ по городу, какъ народъ сталъ валить толпами въ помѣщеніе около карантина, куда положили покойнаго и, во все время (пока курьеръ посланный къ Государю съ этой необыкновенной вѣстію не воротился съ распоряженіями) день и ночь горѣли свѣчи, и читалось Евангеліе, и молился народъ около гроба мученика [39]). По приказанію Императора были высланы изъ Петербурга великолѣпныя ризы, и въ нихъ облачили тѣло. Преосвященный Димитрій, архіепископъ Бессарабскій, въ сопровожденіи двухъ Греческихъ епископовъ и преосвященнаго Леонтія, митрополита Сербскаго, пріѣхалъ для отпѣванія, которое было совершено съ особеннымъ благолѣпіемъ, въ присутствіи всѣхъ Одесскихъ властей, при выстроенномъ вокругъ церкви войскѣ и нѣсколькихъ тысячахъ Грековъ, бѣжавшихъ отъ Турецкаго гоненія, да несмѣтнаго числа народа, собравшагося со всего сосѣдства отдать послѣднюю дань почтенія архипастырю. Много патріарховъ Греческихъ пріѣзжало въ Россію, но, конечно, ни одного живаго патріарха съ такимъ торжествомъ и благоговѣніемъ не принимали, какъ этого усопшаго. Его положили въ Греческой церкви Одесской, и только прошлаго года, по просьбѣ Греческаго духовенства и народа, позволили увезти обратно его мощи. Поплылъ патріархъ опять по Черному морю, но уже не потаеннымъ изгнанникомъ послѣ смерти, а прославленнымъ священно-мученикомъ, окруженный всѣмъ блескомъ трогательнаго обряда церкви, охраняемый освобожденными потомками его бывшей паствы.

Вспомнимъ далекія времена лѣтописныхъ сказаній Славянъ Паннонскихъ и Моравскихъ, и мы встрѣтимъ такую же картину возвращенія въ Римъ мощей св. Климента черезъ св. Кирилла, съ береговъ того же Чернаго моря, изъ Греческой церкви, стоявшей тамъ, гдѣ нынѣ строится монастырь св. Владиміра, подъ Севастополемъ. Тѣже южные берега Россіи дважды, на разстояніи девяти съ половиной столѣтій, пріютили прахъ, чудесно ввѣренный ей волнами моря, святителей-мучениковъ двухъ первенствующихъ церквей древняго міра: Рима и Византіи; дважды возвращала Россія невозбранно, просящимъ ихъ церквамъ, святые останки, когда миновала пора преслѣдованій и опасностей, сохраняя для себя лишь святую па-

---

[39]) Подлинную переписку обо всемъ этомъ читатели могутъ найти въ Р. Архивѣ 1871 года. *П. Б.*

мять ихъ, примѣръ ихъ долготерпѣнія и духъ ученія ихъ. Благо было бы намъ, еслибы когда-нибудь Славянская церковь могла служить примирительницей между церквами Греческой и Латинской. Это было-бы еще поразительнѣй и чудеснѣе.

Баронъ Строгоновъ употребилъ всѣ усилія, всѣ мѣры убѣжденія и угрозы, чтобы прекратить гоненія, чтобы заставить Турокъ понять, что, карая враговъ вооруженныхъ, они должны уважать общій законъ и не трогать невинныхъ, безоружныхъ подданныхъ Порты; его требованія только раздражали султана, который съ своей стороны употребилъ угрозу, и можно было ожидать со дня на день, что Строганова и все посольство посадятъ въ Семибашенный замокъ, въ видѣ заложниковъ, на случай движенія Русской арміи. Не смотря на явную опасность, баронъ Строгоновъ тѣмъ не менѣе отстаивалъ Христіянъ, а отъ своего собственнаго правительства надѣялся поддержки военною силою. Каподистрія поручилъ ему подать окончательную ноту съ требованіемъ отвѣта въ теченіи недѣли; отвѣта не было, и Строгановъ со всѣмъ посольствомъ выѣхалъ, увѣренный, что послѣдуетъ объявленіе войны.

Это было въ Іюлѣ 1821 г. Турки, промолчавъ до отъѣзда Строгонова, послали отвѣтъ въ газеты, отвѣтъ, въ которомъ, говоря о неожиданномъ, будто бы, отъѣздѣ Строганова, жаловались на всѣ дѣйствія Россіи и въ заключеніе оправдывали убійство патріарха примѣромъ Петра Великаго, казнившаго будто-бы патріарха Русскаго.

Каподистрія сталъ настаивать, по крайней мѣрѣ, на занятіи княжествъ, ради спасенія хоть остатковъ Христіянъ, находящихся въ Константинополѣ; онъ настаивалъ ради чести Русской, послѣ такого разрыва. Ничто не подѣйствовало. Императоръ Александръ выше всего дорожилъ миромъ въ Европѣ, не захотѣлъ рискнуть, разстроить Шатильонскій союзъ и предоставилъ дѣла Турціи на разрѣшеніе Европейскому верховному совѣту государей. Каподистрія, вполнѣ сознавая возможность такихъ воззрѣній со стороны Императора, сознавалъ тоже невозможность для самаго себя измѣнить свой образъ мыслей. Совѣсть православнаго человѣка и Грека не позволяла ему продолжать службу въ другой странѣ, у другаго государя, когда эта служба сдѣлалась чуждой и враждебной его родинѣ. Онъ чистосердечно объяснился съ Императоромъ, который сказалъ ему „что на его мѣстѣ онъ бы сдѣлалъ тоже“, и что, сохраняя къ нему полное уваженіе, онъ даетъ ему безсрочный отпускъ, но отставки полной не согласится дать. Они разстались навсегда, но безъ горечи, безъ раздраженія, даже сохраняя другъ къ другу уваженіе; а Каподистрія вмѣстѣ и то нѣжное чувство къ Императору, которое я находила у всѣхъ близко стоявшихъ къ нему и которое такъ много говоритъ о его личномъ обаяніи.

Я была тогда такимъ малымъ ребенкомъ, мы тогда такъ недавно воротились изъ Лондона, что я не помню совсѣмъ этого времени, ни происшествій, кромѣ одного только, о которомъ говорила,

именно о возвращеніи и объ опасности Дашкова; да смутное общее впечатлѣніе, что Каподистрія—герой, герой чего-то неопредѣленнаго, и почти мученикъ за Грековъ-Христіянъ, которыхъ убиваютъ Турки, и что его многіе оставили, и что это было низко съ ихъ стороны; и что Северинъ что̀-то не совсѣмъ вѣрнымъ оказался политикѣ и образу мыслей Каподистріи.

Каподистрія поселился въ Женевѣ, гдѣ онъ считался почетнымъ гражданиномъ, а вскорѣ послѣ открылся Веронскій конгрессъ, на который былъ вызванъ лордъ Страдфордъ, для объясненій по дѣламъ Греческаго возстанія: ибо онъ увѣрялъ, что оно подавлено, между тѣмъ какъ Морея болѣе нежели когда либо успѣшно защищалась, и уже нѣсколько городовъ, Саламисъ, Навплія, Мисолунги, были въ рукахъ Грековъ. Казалось, что наконецъ сознàютъ Европейскія великія державы важность событій, что наконецъ разоблачатся ложь и интриги дипломаціи. Со стороны Франціи, оба уполномоченные, Монморанси и Шатобріанъ, извѣстны были своею склонностію къ Греческому дѣлу противъ Магометанъ; вѣдь не даромъ же они принадлежали къ древнимъ Французскимъ родамъ (les fils des Croisés). Кастльрею померещилось какое-то всеобщее осужденіе его политики, и отголосокъ въ Англіи, гдѣ онъ и такъ не былъ любимъ и, въ минуту молодушнаго унынія, онъ застрѣлился. Напрасны были его опасенія: зная своихъ товарищей дипломатовъ, онъ бы могъ успокоиться въ убѣжденіи, что они, во что̀ бы ни стало, поддержатъ Турцію, ради того же какъ онъ—ради ненависти и недовѣрія къ Россіи. Между тѣмъ Греки уже составили временное правленіе всей мѣстностію, отбитою ими отъ Турокъ и, вмѣстѣ съ пріѣздомъ лорда Стратфорда изъ Константинополя, пріѣхали и депутаты Греческіе въ Верону. Сиръ Томасъ Мейтландъ, губернаторъ Іоническихъ островов, ненавистный Грекамъ и, разумѣется, нерасположенный къ нимъ, увѣрялъ Англійское министерство въ непродолжительности успѣховъ Христіянъ. Лордъ Стратфордъ подтвердилъ тоже передъ самими монархами, съѣхавшими въ Верону. Императоръ Александръ, плѣненный умомъ Шатобріана, обласкалъ его, раздѣлялъ его чувства христіянскія, но не рѣшился допустить разногласія между собою и другими державами. Согласились предоставить Франціи вмѣшательство въ дѣла Испаніи, но съ тѣмъ, что̀бы не затрогивать вопроса Восточнаго, и чуть-ли не на этомъ конгрессѣ было положено основаніе тому принципу, что Турецкое правительство должно почитать законной монархіей [40]), и приговорить на вѣчныя времена Христіянъ того края терпѣть мученичество безропотно, не ради Христа Спасителя, а ради божественнаго права монарха-султана. Впрочемъ можно было-бы, съ легкимъ измѣненіемъ въ титулѣ, допустить такое воззрѣніе и писать манифесты

[40]) Въ прежнее время почти вся Европа смотрѣла на изгнаніе Турокъ изъ Европы какъ на общее дѣло христіянскихъ державъ и на миръ съ ними какъ на перемиріе только. Такимъ же образомъ въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ смотрѣли Русскіе на миръ съ Татарами и Поляками.

султана, не „Божіей милостію", а „Божіимъ попущеніемъ, мы Махмудъ II и проч. и проч."

Эта горькая насмѣшка надъ собственными правами родилась по внушенію Австріи (отказавшейся такимъ образомъ отъ собственныхъ преданій и блистательныхъ подвиговъ своихъ предковъ), съ согласія всей остальной Европы, хваставшейся своими крестовыми походами и упрекающей съ презрѣніемъ Россію за то, что она не участвовала въ нихъ. Греческіе депутаты не были даже приняты, и лордъ Стратфордъ воротился побѣдителемъ.

Недавно на нашихъ глазахъ было сказано высокимъ и чистымъ историческимъ лицемъ: Когда время пришло и необходимы важныя перемѣны, „лучше, чтобъ онѣ были начаты сверху, чѣмъ снизу". Эту истину не хотѣли сознать въ Веронѣ, и дѣло справедливое и необходимое взяли въ руки уже не правительства, а частные люди и, къ прискорбію (какъ слишкомъ часто бываетъ) авантюристы, головы горячія, но пустыя. Всякій сбродъ Европейскій, вышедшій въ отставку по окончаніи Наполеоновскихъ войнъ, ринулся на помощь Грекамъ; но вмѣсто помощи они внесли съ собой только интриги, воровство и анархію. Однако были и люди искренніе, и честные, и безкорыстные; люди, возмущенные дѣйствіями дипломаціи, плѣненные подвигами народа, который и по вѣрѣ былъ близокъ, и по дѣтскимъ, школьнымъ воспоминаніямъ имѣлъ особое для нихъ обаяніе: Французъ Ейнаръ (Eynard), Англичанинъ капитанъ Hastings, въ задушевномъ порывѣ братскаго чувства, стали употреблять всѣ средства, которыми обладали, чтобъ устроивать многочисленныя общества въ пользу Греціи и доставить ей денегъ и аммуниціи. Образовались комитеты въ Германіи, во Франціи, въ Англіи и вездѣ съ состраданіемъ къ Грекамъ; распространялись осужденіе и ненависть къ двуличной политикѣ Европейской; сваливалось все на Священный Союзъ, хотя сами союзники подписали его только для формы. Такъ кончился этотъ конгрессъ, члены котораго, подъ видомъ и названіемъ мира, явили полнѣйшее недовѣріе другъ къ другу, ненависть и интриги, уступки совѣсти и ослѣпленіе.

Доселѣ показываютъ въ Веронѣ палаццо, гдѣ жилъ Русскій императоръ и говорятъ о блистательной той порѣ. Вся роскошь Юга, и синее небо, и высокіе кипарисы, и шумно-клубящаяся рѣка, и чудеса искусствъ, и прелесть древнѣйшаго христіянскаго зодчества, и капризная красота средневѣковыхъ зданій, изящество фантастическихъ украшеній (даже подоконниковъ и воротъ), и эти наружные фрески на домахъ, и эти воспоминанія Данта и Шекспира, вмѣстѣ съ остатками первыхъ вѣковъ христіянскихъ,—все, кажется, должно было настроить душу на высокое, благородное, расположить къ нѣжности, къ правдѣ, къ вѣрѣ, къ состраданію, къ любви! Мнѣ случилось быть нѣсколько разъ въ двухъ мѣстностяхъ, знаменитыхъ по собранію въ нихъ представителей силы, науки, ума, дѣятельности своего времени, почти всей Европы. Обѣ эти мѣстности обогащены всѣми прелестями природы; въ обѣихъ, съ промежуткомъ 400 лѣтъ, были собранія, для суда и расправы и для тѣснѣйшаго соединенія

между главными народами Европы, для укрощенія опасныхъ волненій; и въ обѣихъ, не захотѣли и не умѣли понять, какія реформы свыше могли укротить волнующееся поколѣніе, въ которомъ конечно огромное большинство не желало разрыва съ прежнимъ, а только справедливаго искорененія превышающихъ всякую мѣру терпѣнія злоупотребленій. Эти двѣ мѣстности: Констанцъ и Верона. Первый городъ небольшой и какъ будто смиренный, straggling along the shore [41]), стоитъ на одномъ изъ прелестныхъ озеръ Швейцаріи (можно сказать, хотя онъ въ половину Нѣмецкій). Самое зданіе, гдѣ засѣдалъ Соборъ церковный, уцѣлѣло до сихъ поръ и стоитъ на берегу. Когда подойдешь къ окну этой (роковой памяти) комнаты, передъ глазами растилается спокойная, гладкая лазурь, и вдали синѣютъ верхушки горъ; но горы, еще не исполинскія, не крутыя, не утесистыя, а мягкія линіи большихъ холмовъ. По бокамъ, всюду на изгибахъ берега, зеленыя долины, и бѣлѣющіеся домики, или цѣлыя деревни, да на зеркалѣ водъ, отраженіе бѣлыхъ парусовъ отъ плавающихъ по всѣмъ направленіямъ лодокъ. Смотришь, не наглядишься, и чувство небеснаго покоя вливается въ душу. А какъ оглянешься на комнату внутри и вспомнишь, что̀ тамъ было, когда встанутъ передъ мысленными очами эти знакомыя лица прежнихъ лѣтъ, кроткій, исхудалый, задумчивый Гусъ; пылкій, страстный Іеронимъ, и вѣрный рыцарь Іоаннъ Хлумскій, и предательскій Австрійскій [42]) типъ Сигизмунда, и Витебскіе Францисканы, и этотъ фратеръ котораго восковая фигура теперь стоитъ тутъ, достойная у́жаснаго собранія преступниковъ мадамъ Тюссо [43]); какъ оглянешься на все это, такъ и охватываетъ сердце стыдомъ и омерзѣніемъ къ человѣческому роду, гдѣ ангельское подобіе составляетъ исключеніе, а масса образованнаго, ученаго, гордаго своимъ просвѣщеніемъ люда давитъ и сокрушаетъ все высокое и чистое, съ своекорыстнымъ убѣжденіемъ въ непогрѣшимости разума и законности деспотизма своей касты (по теперешнему интеллигенціи): ибо конечно вся ученость и почти вся литература того времени сосредоточивалась въ духовныхъ лицахъ, всѣ преподаватели университетовъ и управляющіе ими принадлежали болѣе или менѣе къ какой нибудь степени духовенства. И это было въ вѣкъ Колумба и Гутенберга, въ вѣкъ, прозванный періодомъ открытій и торжества человѣческой мысли!

Гусъ писалъ къ своимъ друзьямъ: „Когда первый Англійскій богословъ пересталъ говорить, другой сталъ шумно спорить, а всѣ присутствующіе начали кричать, я просилъ, чтобъ его выслушали, что я буду ему отвѣчать; но онъ съ мрачнымъ видомъ сказалъ только: „этотъ человѣкъ—еретикъ“. Господа Вячеславъ Дуба, Іоаннъ Хлумскій и Петръ-Нотаріусъ, эти безстрашные борцы за истину, знаютъ, какіе крики, какія недостойныя насмѣшки, какія

[41]) Безпорядочно тянется по берегу.

[42]) Въ политическомъ смыслѣ.

[43]) The Chamber of Horrors.

богохульства поднялись противъ меня въ этомъ собраніи. Оглушенный этимъ неистовымъ крикомъ, я сказалъ имъ: „Я думалъ найти въ этомъ соборѣ болѣе приличія, болѣе набожности, болѣе сдержанности и порядка". Тогда императоръ заставилъ ихъ молчать. Кардиналъ, которой предсѣдательствовалъ, сказалъ мнѣ: „Ты говорилъ съ бо̀льшимъ смиреніемъ въ твоей тюрьмѣ". Я отвѣчалъ: „Конечно, ибо тогда никто не кричалъ на меня, а теперь всѣ вопіютъ неистово!" И вотъ, теперь, когда вы стоите въ этой комнатѣ и вспоминаете это письмо, вся эта неурядица, и грѣхъ, и нравственное насиліе какъ будто совершаются опять передъ вами, какъ будто совершаются вѣчно, опять и опять.

И въ самомъ дѣлѣ, подъ разными предлогами, подъ разными знаменами, не повторялись ли они изъ вѣка въ вѣкъ, не повторяются ли на нашихъ глазахъ? Или они только иногда сдержаны силою? Тяжело и душно становится въ этой комнатѣ, и съ радостію принимаешь предложеніе лонъ-лакея уйти изъ залы Собора и поѣхать за городъ, туда, гдѣ, среди тишины полей и луговъ, между двумя яблонями, показываютъ мѣсто, гдѣ былъ зажженъ костеръ, гдѣ съ христіянскимъ всепрощеніемъ мученикъ Славянскій благословлялъ своихъ палачей; гдѣ, вѣрный до конца отличительной чертѣ своего личнаго и народнаго характера,—тихому смиренію и покорности,—онъ отдалъ душу Богу съ послѣднимъ звукомъ псалма, который пѣлъ среди пламени, подкрѣпляемый той вѣрой, съ которой писалъ передъ тѣмъ къ ученикамъ своимъ:

.......„Они (т. е. члены Собора) не убѣждали меня ни словами Священнаго Писанія, ни словами разума; они только старались ложью и угрозами застращать меня и силою вырвать у меня отрѣченіе; но Господь Богъ, многомилостивый, Его же правду я прославляю, былъ со мною; Онъ со мною и теперь, и несомнѣнно уповаю, что Онъ будетъ со мною до конца. Что̀ касается моей смертной казни, она отложена; одинъ Богъ знаетъ, почему, также какъ приговоръ нашего возлюбленнаго брата Іеронима, который, надѣюсь, умретъ свято и безвинно. Я знаю только, что теперь онъ дѣйствуетъ и страдаетъ съ бо̀льшей твердостію, нежели я, слабый грѣшникъ. Господь продлилъ намъ время, чтобъ мы лучше могли припомнить всѣ наши грѣхи и съ бо̀льшей твердостію готовиться къ покаянію. Онъ далъ намъ время, дабы это долгое и великое испытаніе омыло грѣхи наши, и такимъ образомъ самое испытаніе принесло намъ утѣшеніе. Прощайте; думаю, что это письмо послѣднее. Завтра буду очищенъ отъ грѣховъ моихъ жестокою смертію, въ упованіи на Христа" [44]).

---

[44]) Гусъ кончаетъ письмо это (предпослѣднее) съ трогательнымъ смущеніемъ духа. „Еще не могу повѣрить что̀ случилось въ эту ночь. Сигизмундъ такъ лукаво поступилъ со мной: да проститъ ему Господь". Самое послѣднее письмо его было къ другу своему Ледерицу: „Господинъ Ледерицъ, вѣрный другъ мой; вы, госпожа Маргарита; и вы всѣ, которые любите меня, да подастъ вамъ Господь всѣ Свои блага за ваши заботы, за столько благодѣяній, полученныхъ мной отъ васъ! Вѣрный, возлю-

Такимъ тихимъ пѣніемъ псалмовъ готовился къ смерти и нашъ древній мученикъ, Владиміровъ сынъ, Борисъ, ожидая вторженія убійцъ въ его ставку. Какой-то неземной покой, кажется, окружаетъ память такихъ историческихъ лицъ и ложится на самой мѣстности ихъ кончины; будто слышатся внятно слова: „Свято есть мѣсто сіе“. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось намъ, батюшкѣ и мнѣ, когда мы стояли между этими яблонями, гдѣ не было тогда ни памятника, ни какого знака, отмѣчающаго мѣсто, кромѣ живаго преданія, изъ поколѣнія въ поколѣніе сохранившаго, лучше всякаго могильнаго камня, лучше всякой великолѣпной раки, память святую, которую современники воображали, что уничтожили вмѣстѣ съ пепломъ, тщательно собраннымъ и брошеннымъ въ Рейнъ, омывающій эти зеленые берега.

Это первое посѣщеніе Констанца оставило во мнѣ глубокое впечатлѣніе; а въ тотъ же годъ,—еще не было тогда желѣзныхъ дорогъ,—мы продолжали путь черезъ прелестную Via mala (надлежало бы назвать ее Via bella, Via bellissima) и спустились со Шплюгена въ Итальянскія долины, около Комо, направивъ путь на Миланъ и Верону.

Для меня Италія, и остатки Римскаго міра, и первыхъ вѣковъ христіянства были совершенно неизвѣстны, совершенно новы и вмѣстѣ такъ знакомы! Новы въ дѣйствительности, знакомы по книгамъ и мечтамъ молодыхъ лѣтъ. Этотъ чудный міръ Юга, этотъ блескъ, и красота, и жизнь, и вѣчная юность природы,—вся эта картина, развертывающаяся постепенно въ изгибахъ и поворотахъ на ту сторону Альповъ, очаровала меня несказанно: казалось, въѣзжаемъ мы въ землю обѣтованія.

Въ Веронѣ, мы ночевали; оттуда открыта уже была желѣзная дорога въ Местре. Мы, ка̀къ пріѣхали, тотъ часъ пошли гулять по городу; и тутъ новое очарованіе, новый сонъ на яву, встрѣчалъ меня на всякомъ шагу. Стояли мы въ Hôtel des Deux Tours, противъ церкви Santa Anastasia, и пошли по узкой, длинной улицѣ, прямо, куда глаза глядятъ,—а глаза глядѣли на площадь въ концѣ улицы: зеленно̀й рынокъ. И окинувъ взглядомъ наружныя фрески и галлереи нѣсколькихъ старинныхъ домовъ, мы пошли дальше и заглядѣлись на маленькую площадь, къ которой поворотили, на Piazza dei Signori, на этотъ уцѣлѣвшій уголокъ среднихъ вѣковъ во всей, необыкновенной для меня, оригинальности своихъ зданій, аркадъ, галлерей, статуй: все исполнено памятью Данта [45]), съ уцѣлѣвшими стѣнами жилища его; а въ двухъ шагахъ, еще площадка,—не понятная какая-то, маленькая, почти какъ сѣни, на которой, за высо-

бленный Христіянъ, да будетъ Господь съ тобою! Мартынъ, ученикъ мой, не забывай, какъ вѣрно толковалъ я тебѣ Слово Божіе. Николай, Петръ, іереи Господни, король мой, учители и старшіе Университета, храните свято Слово Божіе. Галлій, проповѣдуй Слово, и вы всѣ, возлюбленіи мои, внимайте ему и храните Слово въ сердцахъ вашихъ“.

[45]) Статуя тогда еще не была поставлена.

кой, узорчатой, желѣзной рѣшеткой буквально тѣснятся могилы, занимая ее почти сплошь, своими монументами рыцарей-всадниковъ и рыцарей, покоющихся на смертномъ ложѣ своемъ, у дверей маленькой, старой церкви IX-го вѣка. Не могу передать странности впечатлѣнія этого средневѣковаго фамильнаго кладбища, среди города, подлѣ рынка и дворцевъ владѣтелей Вероны, знаменитыхъ Скалиджеріевъ и знаменитѣйшаго изъ нихъ Can grande della Scala, друга и покровителя Данта, во время его изгнанія. Завернули мы въ другую старую, узкую улицу. „Вотъ домъ Капулеттовъ", сказали намъ: бѣдный старенькій, грязненькій домъ, но во второмъ этажѣ виднѣлась клѣтка, и канарейка громко пѣла на окошкѣ Джюлієтты.

Таковъ былъ первый бѣглый осмотръ Вероны. Отдохнувъ, мы поѣхали смотрѣть арену. День былъ теплый, ясный, воздухъ мягкій, въ началѣ Августа. Солнце еще не садилось, но уже косвенными лучами освѣщало громаду амфитеатра, и тѣни длинныя ложились на наружныя стѣны; и темно, и мрачно зіяли арки входовъ, изъ которыхъ выпускались разъяренные тигры и львы, изъ которыхъ выводили на съядѣніе звѣрямъ и стараго, и малаго, и знатнаго, и нищаго, признававшихъ божественность Христа Спасителя. Никогда не забуду впечатлѣнія этого дня! Мнѣ не случалось еще быть такъ близко къ мѣстамъ страданія, исповѣданія первыхъ мучениковъ, исповѣданія вѣры Христовой, этой вѣры обновляющагося міра, міра благодати и любви, передъ отживающимъ, жестокимъ, гордымъ, разрушающимся міромъ языческимъ, съ его богатствами мысли, и блескомъ обстановки, и нахальствомъ разврата, міромъ, опьянѣлымъ силою и всемогуществомъ Рима, и обоготвореніемъ человѣка, со всѣми его пороками и преступленіями.

Много мучениковъ здѣсь погибло, и мы стояли тутъ, на полѣ сраженія, гдѣ тогда казалося, что смиренное воинство ихъ и не противилось врагамъ; а въ сущности судъ уже произносился свыше, и доброю побѣдою [46]) они уже побѣдили міръ. Здѣсь Св. Зинонъ замученъ былъ, въ этой самой аренѣ,—разорванный конями, къ которымъ были привязаны его члены и которыхъ гнали въ разныя стороны вокругъ арены. Тутъ же въ Веронѣ его разорванные члены, собранные учениками, хранятся въ саркофагѣ, въ великолѣпной церкви его имени.

Вспоминая эти святыя преданія, отецъ мой и я прошли около наружныхъ стѣнъ и вошли въ темницу, гдѣ ожидали смерти приговоренные Христіяне, и оба мы крестились, и молились, и взошли внутрь амфитеатра какъ-бы въ церковь. И что же? Среди этой громадной арены, гдѣ помѣщались десятки тысячь зрителей, и неслися рядомъ запряженныя четвернями колесницы, вдругъ, видимъ, стоитъ какая-то безобразная, крошечная будка. Тутъ тоже готовится представленіе: Пулчинелля.

Въ настроеніи духа, въ которомъ я находилась, мнѣ это показалось кощунствомъ, насмѣшкой глупой, гнусной! Меня взяло не-

---

[46]) Добропобѣдные мученики, по выраженію церкви.

годованіе, столько же на себя, какъ на городскія власти Вероны; на себя, что такого ничтожнаго случая было достаточно, чтобъ разстроить меня, чтобы встревожить и отогнать всѣ добрыя чувства, наполнявшія душу передъ тѣмъ. Мы поѣхали назадъ мимо палацца, гдѣ жилъ императоръ Александръ и заговорили объ конгрессѣ; не доставало этихъ воспоминаній, чтобъ окончательно разстроить меня. Увы! Ни память тѣхъ, которые тутъ кровію своею созидали церковь, къ которой мы принадлежимъ, ни мѣсто ихъ страданій, безпрестанно передъ глазами, не заставили дипломацію отнестись похристіянски къ новымъ христіянскимъ мученикамъ; ни живая, въ Веронѣ, память великаго обличителя-поэта 14-го вѣка не заставила ихъ задуматься о судѣ Исторіи! Одно занимало ихъ— ненависть, недовѣріе къ Россіи, ревнивое опасеніе вліянія Императора Александра и забота какъ-бы умалить, если не уничтожить совсѣмъ, это вліяніе. Такъ, черезъ четыреста лѣтъ, Западный міръ относился къ тому Славянскому элементу въ лицѣ Россіи, который онъ приговорилъ къ уничтоженію въ лицѣ Гуса и Чешскихъ реформатовъ въ Констанцѣ: ибо нѣтъ сомнѣнія, что въ основѣ преслѣдованія Гуса, еще въ Прагѣ, лежали вражда къ нему Нѣмецкой партіи Университета и корыстолюбіе Пражскихъ гражданъ, потерпѣвшихъ большіе убытки отъ выхода изъ Университета нѣсколькихъ тысячь Германскихъ студентовъ. Но, какъ-бы ни было, конгрессъ закрытъ въ Веронѣ, при общемъ удовольствіи его членовъ, оградителей „мира Европы"; а императоръ Александръ такъ крѣпко полагался на его прочность, что единственный совѣтъ, данный имъ нарѣченному наслѣднику своему, содержался въ многознаменательныхъ словахъ: „Никогда не уменьшай численности стоячей арміи".

И съ этихъ мирныхъ будто бы дней Европы, всѣ правительства, всѣ народы, стоятъ подъ ружьемъ, рука на прикладѣ!...

Однако куда унеслась мысль моя отъ Каподистріи и Греческаго возстанія! Это возстаніе не прекратилось по приговору конгресса; оно росло, хотя теряло первоначальную чистоту, хотя все болѣе и болѣе не разборчивы въ средствахъ становились его представители. Около этого времени еще одинъ изъ нашихъ близкихъ сердцу, хотя не виданныхъ въ глаза, друзей, принялъ дѣятельное участіе, почти сталъ во главѣ Греческаго дѣла.

Это былъ лордъ Байронъ. Съ тѣхъ поръ какъ помню первую свою дѣтскую повѣсть „Franck", миссъ Эджевортъ, авторы читаемыхъ мною книгъ были для меня живые, милые знакомые, только отсутствующіе, но тѣмъ не менѣе близкіе.

Теперь Childe Harold, лично участвующій въ возстаніи, еще болѣе придалъ поэзіи войнѣ. Все это слышала я за обѣдомъ у насъ. Съ страстностію, на которую уже потомъ я не была способна, ловила я всякое извѣстіе, слушала всѣ разсужденія большихъ и, улегшись въ постель вечеромъ, долго не засыпала, воображая сраженія и схватки, опасности и горе, труды Гречанокъ, старающихся доставить пищу или порохъ мужьямъ и братьямъ. Часто я

придумывала невозможныя обстоятельства, при которыхъ сама находилась между ними, раздѣляя ихъ заботы, участвуя въ ихъ подвигахъ, спасая какого нибудь героя отъ гибели, или обращая въ христіянство какого нибудь злаго, но храбраго Мусульманина. У дѣтей есть всегда свой особый, сказочный міръ, въ который они уходятъ отъ большихъ, въ который они этихъ большихъ не пускаютъ, даже самыхъ любимыхъ,—отъ того, можетъ быть, что они боятся насмѣшки ихъ; но въ этомъ особомъ мірѣ такъ хорошо живется, такъ легко творится невозможное, такъ привольно и свѣтло! Я помню одинъ изъ періодовъ моего дѣтства, когда этотъ міръ былъ у меня въ какой-то благословенной землѣ, мною самой открытой, гдѣ все были сады благоуханные, и моря спокойныя, и безконечные лѣса, съ лучами солнца, просвѣчивающими сквозь зелень ихъ, и радужныя небеса; а люди всѣ вѣчно младенцы съ крыльями, на которыхъ носились они поверхъ лѣсовъ, или порхали по цвѣтамъ, или улетали далеко въ поднебесную, какъ жаворонки летаютъ, и все это шелестило, и гудѣло, и пѣло, сливаясь въ несказанную гармонію. Я такъ сжилась въ это время съ такой страной и существами, что иногда спрашивала себя: „Почему не могло быть такого края? Не найдется ли Колумбъ, чтобы открыть его?"

Въ другомъ родѣ былъ міръ Морейскій моего воображенія въ 1824-мъ году; но онъ столько же былъ мнѣ дорогъ и болѣе святъ, такъ сказать. Вниманіе не однихъ дѣтей приковалъ къ себѣ великодушный подвигъ Байрона. Его слава, его красота, даже шумный скандалъ его жизни въ послѣдніе года, наполняли почти всю Европейскую печать; стихи его переводились на всѣ образованные языки, портреты его показывались за стеклами всѣхъ лавокъ, гдѣ продавались гравюры или книги.

Не столько своенравіе и распущенность, сколько несчастное стеченіе обстоятельствъ разстроили его семейную жизнь [47]) и, вмѣстѣ съ жесткостію Англійскаго моднаго свѣта, сдѣлали его изгнанникомъ изъ Отечества. Избалованный публикой, влюбленный въ громкую славу, которая сдѣлалась для него душевной потребностію, онъ томился среди наслажденій праздной жизни, въ чужомъ краю, и не могъ не чувствовать того одиночества, той моральной пустыни, которая расширяется больше и больше съ каждымъ днемъ вокругъ иностранца, не имѣющаго корня въ чужой почвѣ, не видящаго ни въ комъ сочувствія, ни интереса къ тому, что̀ для него близко и дорого. Негодованіе противъ Европейской политики сдѣлалось сильнымъ развлеченіемъ для его ума.

Въ Англіи, Георгъ IV, бывшій другомъ и товарищемъ всей блестящей, порядочной, а больше безпорядочной молодежи, богатой со-

[47]) Такъ называемая тайна Байрона, т. е. настоящая причина его семейнаго разлада, хранится у насъ: ее передалъ, въ запечатанномъ пакетѣ, соотечественницѣ нашей О. А. Новиковой (урожденной Кирѣевой) извѣстный Англійскій писатель Кинглекъ, сообщивъ словесно имя того (нынѣ престарѣлаго) лица, по кончинѣ котораго можно будетъ вскрыть пакетъ. (Сообщено О. А. Новиковою).

П. Б.

стояніемъ или богатой умомъ и дарованіями, изъ Англійскаго литературнаго и великосвѣтскаго круга, Георгъ, когда былъ принцъ Валійскій, принадлежалъ къ либеральной партіи; по крайней мѣрѣ къ самымъ остроумнымъ и веселымъ кутиламъ этой партіи, которая довольно наивно воображала, что онъ останется ей вѣренъ на престолѣ. Поэтому на него смотрѣли какъ на предателя и перелета. Байронъ конечно принадлежалъ къ либеральной партіи. Живя въ Италіи и влюбившись въ графиню Гуичіоли, онъ находился въ короткихъ отношеніяхъ со многими Итальянскими патріотами, оскорбленными безцеремонными распоряженіями Европейскихъ союзниковъ въ отношеніи къ Италіи. Онъ уже перемѣнилъ свою буйную жизнь первой поры, сталъ работать усиленно;—драмма за драммой, поэма за поэмой, полились изъ подъ его пера; но душа жаждала другаго, но онъ слишкомъ свыкся съ тревогою и волненіемъ сердечнымъ, чтобъ жить долго, тихо и мирно въ кабинетной работѣ и почти семейномъ кругу. Давно, еще въ первой молодости, онъ говорилъ: „Быть первымъ человѣкомъ между своими людьми, не Силлой, или Октавіемъ, не тираномъ, а благодѣтелемъ и освободителемъ,—Вашингтономъ или Аристидомъ, предводителемъ людей въ исканіи истины и свободы: это я называю быть близкимъ къ божеству, это призваніе, выше котораго я не знаю на землѣ". Имъ овладѣла эта мысль, это желаніе. Онъ было сталъ помогать Итальянскимъ карбонаріямъ, но скоро съ презрѣніемъ отшатнулся отъ гнусной трусости и измѣны Неаполитанцевъ, не скрывая въ тоже время ненависти ко всѣмъ мѣрамъ Итальянскихъ правительствъ и Австрійскихъ правителей.

Въ самое это время, когда онъ уже сталъ думать о переселеніи въ Америку, Греко-Англійскій комитетъ въ Лондонѣ рѣшился послать денегъ, оружія и довѣреннаго человѣка на помощь Грекамъ, настолько же почти угнетеннымъ политикою Англійскаго правительства, какъ и самими Турками. Не знаю, кто подалъ мысль обратиться къ лорду Байрону; но онъ принялъ предложеніе ѣхать въ Грецію, и принялъ его не съ минутнымъ увлеченіемъ, но съ рѣшимостію и практичностію, на которыя такъ способенъ умъ Англичанъ. Его денежныя дѣла только что пришли въ порядокъ черезъ продажу части имѣнія, и онъ распорядился, чтобы всѣ свободныя деньги перевести къ банкирамъ Италіи и Іоническихъ острововъ, дабы все употребить въ дѣло для лучшаго успѣха своего предпріятія. Глубоко трогательны его письма и распоряженія этого времени: столько въ нихъ широкой щедрости и человѣчности, съ грустнымъ предчувствіемъ ранняго конца и, съ тѣмъ вмѣстѣ, столько благоразумія и справедливости въ оцѣнкѣ средствъ и людей! Онъ не обманывалъ себя мечтами объ идеальной безупречности тѣхъ, которымъ онъ приносилъ себя въ жертву; даже въ юности своей, онъ не чувствовалъ ребяческаго восхищенія; онъ тогда еще, описывая Грецію, сказалъ: „Where all, save the spirit of man, is divine" [48]). А теперь онъ слишкомъ близко видѣлъ интриги и разбой,

[48]) Гдѣ все божественно, кромѣ духа людей.

чтобъ сохранить какія либо иллюзіи. „Я совершенно согласенъ съ Апостоломъ Павломъ“, писалъ онъ, „нѣтъ разницы между Евреемъ и Еллиномъ—и тѣ и другіе равно мошенники и подлецы“. А между тѣмъ онъ же писалъ. „Если я брошу это предпріятіе, могу увѣрить, что это можетъ случиться только по винѣ самихъ Грековъ, а не по милости священныхъ союзниковъ, или священнѣйшихъ Мусульманъ; но я надѣюсь на лучшій исходъ. Полковникъ Стангопъ пріѣхалъ (какъ всѣ, кто не бывалъ въ здѣшнемъ краѣ) съ радужными понятіями ученика шестаго класса въ Гарровѣ или Итонѣ [49]); но полковникъ Непиръ и я его разочаровали съ разу; это необходимо, чтобы не допустить до унынія или возвращенія во свояси, не сдѣлавъ ничего. Теперь мы можемъ бодро подставить плечо подъ колесо, чтобъ двинуть повозку, не удивляясь грязи, которою иногда забрасываетъ. Мы съ Непиромъ на столько же преданы дѣлу Греціи, какъ любой Нѣмецкій студентъ; но мы—люди видавшіе свѣтъ здѣсь и въ другихъ краяхъ, мы не можемъ не видѣть дѣло и людей въ истинномъ свѣтѣ, съ ихъ недостатками и съ ихъ прекрасными сторонами; тѣмъ болѣе, что съ полнымъ освобожденіемъ народа, пороки его должны постепенно изгладиться“.

Въ это время (1823) Англійское министерство иностранныхъ дѣлъ уже было въ рукахъ знаменитаго Каннинга, поэта, либерала и блестящаго оратора. Смѣлый геній этого человѣка не могъ подчиниться близорукой политикѣ своего предмѣстника, не могъ не понять потребностей времени и справедливости заявленныхъ Христіянами правъ:

«Мы вольны, мы къ битвѣ готовы,
«И подвигъ нашъ честенъ и святъ;
«Намъ Богъ разрываетъ оковы,
«Намъ Богъ закаляетъ булатъ!»

На такой зовъ Каннингъ долженъ былъ найдти отголосокъ въ своей душѣ; но есть закоснѣлые предразсудки у цѣлыхъ народовъ, какъ у частныхъ лицъ; и въ Англіи, кажется, предразсудки коренятся въ политикѣ больше, нежели у кого на свѣтѣ. Каннингъ въ одной изъ своихъ рѣчей, говоря о революціонномъ духѣ, скрывающемся во всѣхъ странахъ Европы, сказалъ, что: „въ Англіи вертепъ Эола, изъ котораго она можетъ раздувать вѣтеръ бури на всѣ остальныя державы“. Однако сознавалъ ли онъ, что Россія и такого рода бури выдержитъ безопасно, или рутина дипломаціи и имъ владѣла? Какъ бы то ни было, если онъ не опасался вліянія Россіи,—онъ завидовалъ этому вліянію на Востокѣ и, рѣшившись уже внутренно дать помощь Грекамъ, отказалъ въ общемъ дѣйствіи за нихъ. Вмѣсто того, удерживая Россію, онъ сталъ поддерживать дома всѣ усилія Греческаго комитета, давая полный просторъ Англійскимъ офицерамъ и артиллеристамъ отправляться въ Грецію, перевозить оружіе, аммуницію и открыть подписку на заемъ временнаго Греческаго правительства. Всего неудачнѣе шелъ заемъ, и даже суммы комитетскія были скудны. Лордъ Байронъ

[49]) Знаменитыя Англійскія училища.

почти одинъ весь свой доходъ и всѣ экстренныя средства свои посвятилъ Грекамъ. За то комитетъ Лондонскій посылалъ много оружія и вещей, „всѣ отличнаго качества, и нѣкоторыя полезныя, „но нѣкоторыя не совсѣмъ примѣнимыя къ дѣлу (писалъ Байронъ); „на примѣръ, математическіе инструменты пропадутъ даромъ: ни„кто изъ здѣшнихъ Грековъ не знаетъ разницы между астроля„біей и кочергой; надобно освободить землю сперва, а ужъ потомъ „дѣлать съемки. Польза музыкальныхъ трубъ тоже сомнительна; „развѣ предположить, что Константинополь—Іерихонъ, и стѣны его „разрушатъ трубачи своей музыкой“.

Другое средство дѣйствій комитета была высылка множества учебниковъ для школъ и типографіи; прислали даже господина, который тотчасъ же началъ издавать газету. Но Греческіе герои были не грамотнѣе своихъ предковъ временъ Гомера, а Фанаріоты, члены правительства, сейчасъ же начали грызть другъ друга въ печати, и брань и клевета посыпались въ газетѣ, какъ первые плоды свободы Греческой прессы. Забавно, что Байронъ, поэтъ и писатель, практично и благоразумно относился къ этимъ наивнымъ попыткамъ цивилизаціи, между тѣмъ какъ полковникъ Стангопъ, военный, основывалъ на нихъ главную надежду успѣховъ войны.

Наконецъ пріѣхалъ артиллеристъ, съ пушками, снарядами, и проч. и съ нѣсколькими фейерверкерами, чтобъ обзавестись горной артиллеріей. Его звали „Паррей“ [50]), и Байронъ обрадовался ему какъ „честному, дѣльному человѣку, работающему безъ восторговъ, „практично. Онъ жалуется горько на купеческій, скупой духъ и „пустую восторженность комитета, гдѣ члены портятъ сами дѣя„тельность комитета и уменьшаютъ тѣмъ подписку. Онъ глубоко „сѣтуетъ о расходахъ на типографію и другія просвѣтительныя по„собія и желалъ бы, чтобъ не было ни одной воскресной школы на „свѣтѣ, а у Грековъ никакой школы совсѣмъ, кромѣ развѣ пат„роннаго заведенія“.

Заботы Байрона о просвѣщеніи и истинномъ успѣхѣ гражданственности, даже среди шума военнаго, были вмѣстѣ и великодушны и примѣнимы къ обстоятельствамъ. Онъ не жалѣлъ ни силъ, ни денегъ, ни времени своего для умиротворенія Грековъ между собою. Маврокордато, Фанаріотъ, былъ тогда предсѣдателемъ временнаго правительства въ Мисолунги. Марко-Боцарисъ, защитникъ города отъ Турокъ, одинъ изъ тѣхъ чистыхъ историческихъ лицъ, которыя какъ будто отмѣчены судьбой очистительными жертвами въ каждой народной войнѣ (ибо въ каждой отчаянной борьбѣ нуженъ Кодръ и Курцій, чтобы, во всеоружіи безграничнаго самоотверженія своего, броситься въ бездну зла и раздора, вносимыхъ мелкими честолюбцами въ великое дѣло и закрыть ее) Марко-Боцарисъ, вызвавшій Байрона письмомъ, въ самый послѣдній день своей жизни [51])—палъ въ ночной атакѣ на Турецкій лагерь у са-

---

[50]) Parry.

[51]) Ваше письмо очень обрадовало меня. Ваше превосходительство (excellence) именно такой человѣкъ, который для насъ наиболѣе нуженъ. Не дозволяйте ника-

мой палатки паши. Городъ однако уцѣлѣлъ; на этотъ разъ и Турки довольствовались блокадой съ моря, а сухимъ путемъ сношенія не были отрѣзаны. Къ несчастію, именно отношенія между княземъ Маврокордато и военноначальниками Мореи, особенно Колокотрони, были почти открыто-враждебными; несогласія дошли до бунта Суліотовъ, изъ которыхъ былъ цѣлый отрядъ на содержаніи лорда Байрона и которые наконецъ оставили городъ; но обаяніе Байрона было такъ велико, что Колокотрони предложилъ собрать совѣтъ изъ главныхъ начальниковъ для устройства дѣлъ и примиренія, съ тѣмъ чтобы лордъ Байронъ былъ посредникомъ между ними, съ обѣщаніемъ исполнить его рѣшеніе, какое бы оно ни было.

Такимъ примирительнымъ вліяніемъ и поддержкой того правительства, которое все таки имѣло нѣкоторую самостоятельность и отвѣтственность, Байронъ старался возстановить единство дѣйствій и управленія, которое и есть первая потребность гражданскаго общества. Съ другой стороны, онъ старался внести болѣе человѣчный, истинно-цивилизованный образъ войны между ними и Турками. Съ плѣнными обѣихъ сторонъ жестоко обращались: даже когда не убивали ихъ, они, съ цѣлыми семействами, дѣлались рабами, работниками, дурно содержанными, голодающими, и на нихъ смотрѣли какъ бы на заложниковъ, которыхъ при первомъ случаѣ неудовольствія рѣзали безпощадно. Этотъ ужасный обычай лордъ Байронъ постарался измѣнить; онъ снабжалъ Турецкихъ плѣнныхъ деньгами, употреблялъ свое вліяніе на Грековъ для отпуска ихъ на родину и писалъ самъ къ пашѣ, предлагая обмѣнъ или, лучше сказать, взаимное дѣйствіе со стороны Турокъ въ отношеніи къ Греческимъ плѣннымъ. Въ его короткое пребываніе въ Мисолунги, нѣсколькихъ такихъ обмѣновъ онъ достигъ: его имя и Англійская національность дѣйствовали на Турокъ. Это конечно были первые шаги къ истинной, благодѣтельной гражданственности; а хорошія школы и газеты были впереди.

Между тѣмъ Греки готовились уже къ наступательнымъ дѣйствіямъ, надѣялись завладѣть Лепантомъ, Патрасомъ или Аѳинами и, по настоянію Грековъ всѣхъ партій, лордъ Байронъ долженъ былъ участвовать въ походѣ, съ отрядомъ, который онъ содержалъ на свой счетъ.

„Я и на это согласенъ", писалъ онъ; „въ какомъ бы ни было качествѣ, буду служить Греческому дѣлу, лишь бы принесъ истинную пользу"; и тутъ, упоминая о поэтахъ, сражавшихся на войнѣ, называетъ между прочимъ Жуковскаго. „Это Русскій соловей (сыскать можете въ Антологіи Бовринга)", говоритъ онъ.

кимъ препятствіямъ мѣшать вамъ пріѣхать именно въ эту часть Греціи (Мисолунги). Непріятель грозитъ намъ съ большими силами, но съ помощію Божіей и вашей, онъ найдетъ крѣпкое сопротивленіе. Нынче мнѣ недосугъ; въ ночь у меня будетъ дѣло съ нѣсколькими тысячами Албанцевъ, которые стоятъ лагеремъ подъ городомъ. Но послѣ завтра я выйду къ вамъ на встрѣчу съ отборнымъ отрядомъ. Не откладывайте..... Марко-Боцарисъ.

Такъ прошли 1823 годъ и начало 1824 года, когда вдругъ было получено извѣстіе о его смерти,—отъ болѣзни, на 37 году жизни. Помню хорошо грустное впечатлѣніе этой вѣсти на отца моего. Онъ никогда не раздѣлялъ мнѣнія о Байронѣ, господствующаго въ Англійскомъ обществѣ, именно въ то время, когда мы пріѣхали въ Лондонъ; но отецъ мой вообще почиталъ священный огонь въ поэзіи за святое начало, и къ великимъ двигателямъ мысли относился съ великой любовью, а любовь все прощаетъ, всего уповаетъ. И такъ онъ прощалъ геніямъ многія отступленія, многія паденія и вѣрилъ, что искра божественная невидимо тлится въ нихъ, что отрицаніе у нихъ не вѣковѣчно и должно смѣниться вѣрою рано или поздно, потому что они слишкомъ одарены, душа у нихъ слишкомъ свѣтла, чтобъ не увидѣть и не полюбить, когда нибудь, вѣчный свѣтъ истинной вѣры. Къ личнымъ погрѣшностямъ великихъ писателей онъ былъ снисходителенъ; только безпощадно относился къ грязнымъ сторонамъ, равно личнаго характера и сочиненій. И такъ, я не была воспитана въ страхѣ лорда Байрона, какъ какого-то демона, и у меня до сихъ поръ хранится маленькій томикъ избранныхъ отрывковъ изъ Байрона, подаренный мнѣ въ дѣтствѣ. Впрочемъ лордъ Байронъ, безпощадно оклеветанный Англійскимъ высшимъ обществомъ, въ сущности былъ человѣкъ пылкій, страстный, гордый, человѣкъ грѣшный (въ одно время даже падшій въ унизительный развратъ, но скоро бросившій такую жизнь), но все таки, въ дѣлахъ вѣры, не человѣкъ отрицанія, а сомнѣнія только, и сомнѣнія не въ существованіи Бога, ни въ Его силѣ и благости, ни въ Его руководящемъ Промыслѣ даже, а въ богословскихъ толкованіяхъ и въ тайнахъ Писанія; но и это не съ упрямой гордостію (хотя въ другихъ отношеніяхъ онъ былъ гордъ и упрямъ), а въ смущеніи духа, не совмѣщающаго въ себѣ понятія объ убѣжденіи безъ доказательствъ.

„Я не изъ тѣхъ", говорилъ онъ самъ, „которые отрицаютъ Священное „Писаніе и хотятъ оставаться въ безвѣріи; напротивъ, я бы желалъ увѣ„ровать, потому что не нахожу накакого счастія въ неопредѣленно„сти моихъ религіозныхъ мыслей; но я не могу достигнуть пониманія, „не могу уразумѣть Писанія. Я всегда почиталъ тѣхъ, кто добросовѣстно „вѣруетъ въ Священное Писаніе и всегда довѣряю такимъ людямъ болѣе „всѣхъ другихъ; но я рѣдко встрѣчалъ людей искренно вѣрующихъ".

Другой разъ онъ говорилъ: „Я, кажется, дѣлаю успѣхи противъ преж„няго; я вѣрю въ предназначеніе и убѣжденъ въ развращенности чело„вѣческаго сердца вообще,—и моего сердца въ особенности..... Я читалъ „у Соутвуда (Southwood), что, въ концѣ вѣковъ, всѣ творенія Божія бу„дутъ наслаждаться счастіемъ. Мнѣ кажется это такъ свойственно Богу, „по Его всемогуществу и любви, которая есть главная принадлежность „Его божества".

Въ одномъ изъ своихъ дневниковъ онъ писалъ:

„Даже если полагать, что сотвореніе человѣка древнѣе Адама, или ина„че было, нежели въ Писаніи, все таки свѣтъ нашъ имѣлъ начало и Твор„ца, ибо мысль о сотвореніи міра проще и вѣрнѣе, нежели случайное „сліяніе атомовъ: все въ мірѣ беретъ начало изъ источника, даже если „потомъ разливается въ необъятность океана".

Смерть Байрона была истиннымъ несчастіемъ для Грековъ. Другіе Англичане, находившіеся въ Мисолунги, не имѣли ни его матеріальныхъ средствъ, ни громкой славы, ни его разумной, самоотверженной преданности дѣлу; они сами раздѣлились на партіи: кто приставалъ къ временному правительству, кто къ Паликарамъ Мореи. Дѣйствуя безъ всякаго единства, Греки уже боролись со всѣми возможными лишеніями, и скоро разбой и пиратство запятнали національную войну. Не будь Каннингъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Англіи, вѣроятно и тамъ бы скоро нашли средство парализовать небольшія отправки оружія и вещей Лондонскаго комитета. Турки, хотя были сами въ невыгодномъ положеніи, однако стали наступать и опять осадили Мисолунги, вновь укрѣпленные Греками, еще при жизни Байрона; возстановленіе этихъ укрѣпленій, начатое на его средства, было одно изъ послѣднихъ дѣйствій его, когда уже страдалъ онъ отъ перваго приступа болѣзни, предвѣстника близкой кончины.

Въ Мисолунги заперся теперь другой братъ Боцарисъ, и эта осада, продлившаяся цѣлый годъ восхищала меня несказанно.

Конечно, съ бо́льшей горестію, съ бо̀льшимъ сердечнымъ страданіемъ, и ужасомъ, и мученіемъ, слѣдила я, 30 лѣтъ спустя, за нашимъ Севастополемъ; но едва-ли съ бо̀льшимъ нетерпѣніемъ и интересомъ ожидала я извѣстій, чѣмъ въ дѣтствѣ, изъ Мисолунги. Наконецъ пала крѣпость, но не взятая Турками, а взорванная на воздухъ самимъ Боцарисомъ, который погибъ съ своими товарищами въ пылающихъ развалинахъ, между тѣмъ какъ часть гарнизона пробилась сквозь непріятельскую армію и ушла въ горы. Одного изъ живыхъ обломковъ этой эпохи видѣли мы недавно въ Петербургѣ, — Колокотрони, сына стараго воеводы, который 13-ти лѣтнимъ юношей высидѣлъ всѣ 12 мѣсяцевъ въ Мисолунги, участвовалъ во всѣхъ вылазкахъ и пробился сквозь Турецкую армію. Онъ, какъ всѣ подвижники того времени, не смотря на освобожденіе родины, на ея независимое правительство и на притязанія прозванныя „великой идеей", все таки сохранялъ какое-то благоговѣйное чувство къ Россіи и къ Православному Царю. Не могу забыть его восхищенія, когда, по просьбѣ одного изъ его Петербургскихъ пріятелей, Императрица ему прислала икону, въ благословеніе его женѣ: слезы катились изъ глазъ, и рука дрожала, и восторженныя выраженія благодарности посыпались на Итальянскомъ, не совсѣмъ чистомъ, нарѣчіи, на которомъ онъ объяснялся съ нами.

Не исчезло еще для стараго поколѣнія обаяніе православной страны, бывшей долго единственной заступницей единовѣрцевъ, въ вѣковомъ плѣненіи ихъ!

Все это трудное время Каподистрія провелъ въ Женевѣ, исключая лѣтнихъ поѣздокъ на воды и къ своему другу, барону Штейну въ его уединеніе. Эти два добрые подвижника въ доброй борьбѣ великой эпохи, не могли принимать участія въ дѣлахъ, направленіе коихъ совершенно измѣнилось и по ихъ убѣжденію измѣни-

лось во вредъ правительствъ и народовъ, дружное, совокупное дѣйствіе которыхъ было единственнымъ залогомъ мира и преуспѣянія, единственнымъ прочнымъ и вѣрнымъ союзомъ противъ будущихъ безпорядковъ и золъ. Но оба они сохраняли неизмѣнную и, можно сказать, нѣжную привязанность лично къ своимъ Государямъ и не хотѣли прибавлять новыя затрудненія ко всѣмъ трудностямъ положенія императора Александра и короля Прусскаго какими либо дѣйствіями оппозиціи. Ученые труды, литературный отдыхъ наполняли ихъ досуги, и эти свиданія въ лѣтнюю пору съ старыми друзьями были дорогимъ для нихъ развлеченіемъ. Но Штейнъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, и вокругъ него двѣ дочери умѣли собирать симпатичный ему кружекъ. Каподистрія, во всей силѣ возраста, совершенно одинокимъ проживалъ длинные мѣсяцы и годы. Его политическое положеніе, извѣстность его близкихъ отношеній къ императору Александру ставили его въ невозможность принимать личное участіе въ войнѣ Греческой; его появленіе на родинѣ имѣло бы почти такое же пагубное дѣйствіе, какъ попытка Александра Ипсиланти и возбудило бы, можетъ быть, прямыя враждебныя дѣйствія Англіи и Австріи, вообразившихъ бы конечно, что онъ Русскій агентъ. Долгъ совѣсти въ отношеніи къ Отечеству, на столько же, сколько въ отношеніи къ императору Александру, заставилъ его отказаться отъ прямаго участія въ войнѣ, а еще больше, — слишкомъ близкое знакомство съ тѣми интригами, ненавистію и завистію, которыя раздирали Грецію и которыя бы стали еще болѣе свирѣпствовать между начальниками партій, еслибы новый соперникъ-соотечественникъ появился въ ихъ лагерь. Болѣя душею еще болѣе объ этой неурядицѣ, нежели о кровавыхъ потеряхъ Грековъ, Каподистрія приносилъ и эту высшую жертву Отечеству: оставался въ бездѣйствіи, далеко отъ него, употребляя всѣ свои матеріальныя средства, все моральное вліяніе, сохраненное имъ надъ нѣкоторыми изъ главныхъ лицъ, чтобы стараться поддержать честныхъ людей и облагородить дѣйствія правленія. Отъ анархіи и усобицы въ Греціи онъ слишкомъ вѣрно предусматривалъ гибельныя послѣдствія для будущей ея судьбы. Этимъ унылымъ настроеніемъ отзывается и одно письмо его къ отцу моему изъ Женевы:

Genève, ce $\frac{3}{15}$ Fevrier 1823.

Je viens de recevoir, mon cher Bloudoff, votre aimable lettre du 9 Janvier et je m'empresse de vous remercier des sentimens d'amitié dont elle me porte l'expression. J'y suis d'autant plus sensible qu'ils trouvent dans mon coeur une réciprocité que le tems et les distances me rendent tous les jours plus chers. Ma santé, à laquelle il vous plait de prendre un intérêt si vif, a passé, durant le long mois de Décembre, par des épreuves très douloureuses. Je relève d'une forte et vilaine maladie. Ma convalescence est lente, sans être ni trop incommode, ni trop ennuyeuse. Je commence même à espérer que la belle saison contribuera à mon rétablissement. L'apparition du soleil sur l'horizon du lac de Genève m'a déjà fait plus de bien que toutes les ordonnances de la

faculté. Quelque soit du reste l'influence salutaire des climats, de l'air et des températures, je ne me fais pas illusion sur mon avenir. Ayant déjà atteint ma 45-me année, en souffrant depuis longtems d'un état plus ou moins valétudinaire, comment et pourquoi prétendre à une santé rayonnante..? Il ne s'agit donc que de rendre supportable le fardeau de la vie. Et c'est à quoi se bornent mes espérances... Si le bon Dieu veut m'accorder plus que je n'ose Lui demander, j'en serai heureux, surtout si je puis encore consacrer mon tems et ma bonne volonté au service de notre Empereur et de votre patrie. Ce voeu, mon cher Bloudoff, est bien sincère...... Vous n'en doutez pas, parceque vous savez que la gratitude est la plus douce des affections de l'âme et que la mienne envers l'Empereur et la Russie s'est déjà identifiée avec le sentiment de mon existence.

Agréez encore une fois mes remercimens pour votre lettre. Prouvez moi que vous les agréez en effet, en me donnant quelquefois de vos nouvelles. Rappellez moi au souvenir de m-me et de m-r Karamzine. Mille amitiés à m-rs Dachkoff, Joukovsky et à tutti quanti; mes respects à madame Bloudoff.

Le dévoué ami
Capodistrias [52]).

Какая-то неопредѣленная грусть и душевное утомленіе дышатъ въ этомъ письмѣ. Чувствуется, что недостаетъ пишущему той широкой арены, и государственной дѣятельности, и блистательной умственной среды, съ которыми сжился онъ, и довѣрія Государя, ко-

---

[52]) Женева, 3 (15) Февраля 1823. Я получилъ, мой дорогой Блудовъ, ваше любезное письмо отъ 9 Января и спѣшу благодарить васъ за выраженное въ немъ дружество. Оно мнѣ тѣмъ чувствительнѣе, что ему отвѣчаетъ мое сердце; время и разстояніе лишь усиливаютъ эту взаимность. Здоровье мое, въ которомъ вы изволите принимать столь живое участіе, подвергалосъ въ теченіи долгаго Декабря мѣсяца, весьма скорбнымъ испытаніямъ. Я оправляюсь отъ сильной и дрянной болѣзни. Мое выздоровленіе идетъ медленно, что̀ однако не безпокоитъ меня и не докучаетъ мнѣ. Начинаю даже надѣяться, что хорошая погода поможетъ моему возстановленію.Появленіе солнца на горизонтѣ Женевскаго озера уже сдѣлало мнѣ больше добра, нежели всѣ предписанія докторовъ. Но каково бы ни было благотворное вліяніе климатовъ, воздуха и температуръ, я не обольщаю себя относительно будущности моей. Мнѣ уже 45 годъ, я издавна нахожусь въ состояніи болѣе или менѣе болѣзненномъ; поэтому какъ и почему разсчитывать мнѣ на цвѣтущее здоровье?... И такъ дѣло въ томъ только, чтобъ можно было выносить бремя жизни, и этимъ ограничиваются мои надежды... Если Богъ благоволитъ даровать мнѣ больше, нежели осмѣливаюсь просить у Него, я буду счастливъ, особливо же, если бы я могъ посвятить мои досуги и добрую волю на службу нашему Государю и вашему Отечеству. Это желаніе, мой дорогой Блудовъ, очень искреннее... Вы не сомнѣваетесь въ томъ, такъ какъ знаете, что благодарность есть самое сладкое изъ душевныхъ ощущеній; а моя благодарность къ Государю и къ Россіи уже отождествилась съ чувствомъ бытія моего. Еще разъ благодарю васъ за ваше письмо. Докажите мнѣ, что вы принимаете эту благодарность и сообщите мнѣ когда нибудь о себѣ. Напомните обо мнѣ г-ну и г-жѣ Карамзинымъ. Мои поклоны г. г. Дашкову, Жуковскому, и пр. Мое почтеніе г-жѣ Блудовой. Преданный другъ Каподистрія.

тораго зоветъ своимъ, и простора земли Русской, съ которой связываютъ его благодарность и самая польза его службы ей.

Для меня эти строки такъ много воскрешаютъ изъ прошедшаго. Въ концѣ письма, это простое, обыкновенное порученіе кланяться, одинъ перечень именъ этихъ, такъ переноситъ мысль мою во дни дѣтства, въ этотъ свѣтлый, бодрый, благородный кругъ! Такая тоска беретъ по нимъ,—по этимъ отшедшимъ. И блескъ ихъ ума, и свѣтлость ихъ чистыхъ душъ, какимъ-то сіяніемъ озаряютъ весь періодъ ихъ дѣятельности; — дѣятельности было такъ много, и такъ мало суетливости у нихъ.

Мнѣ еще слышится тутъ другая грустная струна. Это то неудовлетворенное чувство, тотъ душевный разладъ, которые волнуютъ пламенныя натуры, когда онѣ отдались съ любовію и преданностію служенію другаго, можетъ быть и родственнаго, но не роднаго края. Конечно есть люди, которые честно и добросовѣстно служатъ чужой землѣ и, окончивъ поприще свое, удаляются съ чистою совѣстію и заслуженнымъ достаткомъ на свою родину, съ чувствомъ исполненнаго долга, заслуженнаго, высокаго положенія. Это люди почтенные и полезные другимъ и себѣ. Таковъ былъ Поццо-ди-Борго. Но у Каподистріи душа была слишкомъ высокая, сердце слишкомъ горячее, умъ слишкомъ страстный, чтобы хладнокровно умѣрять порывы чувствъ, и онъ пристрастился, онъ влюбился въ задачу свою на службѣ Россіи: оставаясь Греческимъ патріотомъ, онъ въ глубинѣ сердца уже не могъ отдѣлить Грецію отъ Россіи. А между тѣмъ, могло случиться,—уже случилось, даже не разъ, что пользы и дѣйствія одной приходили въ столкновеніе съ дѣйствіями, если не съ пользой, другой. Это своего рода пытка, которую трудно выносить.

Такъ прошли для Каподистрія 1823 и 1824 годы. Въ это время моя мать очень опасно занемогла, и докторъ Мюллеръ отправилъ насъ въ Маріенбургъ, прописавъ остаться на зиму въ умѣренномъ климатѣ и на другой годъ пить Эмскія воды. Такимъ образомъ, послѣ зимы въ Дрезденѣ и весны въ Карлсбадѣ, мы встрѣтились въ Эмсѣ съ Каподистріею. Кажется однако, какъ это ни странно, что въ его длинныхъ ежедневныхъ разговорахъ съ отцемъ моимъ они не касались политическихъ обстоятельствъ тогдашнихъ, хотя они были такъ важны для Греціи. Можетъ быть, тайное опасеніе слишкомъ больно задѣть душу Каподистріи мѣшало имъ сообщать другъ другу на словахъ то, чтò конечно занимало мысль того и другаго; такъ по крайней мѣрѣ полагаю, въ виду сожалѣнія Карамзина, что отецъ мой ничего не могъ сообщить ему объ воззрѣніи Каподистріи на современныя событія. Карамзинъ тоже упоминаетъ въ своемъ письмѣ къ нему о „печальныхъ обстоятельствахъ ихъ разлучающихъ и которыя все продолжаются“. Эти обстоятельства были нескончаемые переговоры о Греческихъ дѣлахъ, въ которыхъ по прежнему невозможно было достигнуть общаго соглашенія съ Европейскими державами, и также казалось невозможно императору Александру отказаться отъ этого согла-

шенія. Въ это время, именно, была назначена конференція въ С. Петербургѣ для разсмотрѣнія новаго предложенія со стороны Россіи о коллективномъ, моральномъ (все таки) давленіи на Турецкое правительство въ виду устройства той части Греціи, которая уже была въ рукахъ Грековъ, по примѣру Молдавіи, Валахіи и Сербіи, вассальнымъ княжествомъ съ внутреннимъ самостоятельнымъ управленіемъ. Но въ самое время, когда мы дѣлали новыя уступки Турціи въ надеждѣ на Европейское соглашеніе, Греческіе начальники, доведенные до отчаянія, не имѣя болѣе средствъ продолжать войну, не успѣвая негоцировать давно обѣщанный въ Англіи заемъ, рѣшились идти подъ вассальство Англіи, не смотря на угнетеніе Іоническихъ острововъ и, собравъ нà—скоро и неправильно безпорядочное національное представительство, отдали себя и народъ свой подъ защиту одной Англіи, въ Іюлѣ 1825 года. Греція съ своими морями, гаванями и островами, на пути между Европой и Азіей, показалась достаточнымъ залогомъ для торговой націи, и подписка на Греческій заемъ стала быстро пополняться, однако на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Это неожиданное извѣстіе также непріятно поразило императора Александра, какъ и Каподистрію, который, разочарованный на счетъ Англійскаго правительства въ отношеніи къ Іоническимъ островамъ, предвидѣлъ для Греціи, для всѣхъ Христіянъ только двойной гнетъ: экономической Англіи и прежній, дикій, Турецкаго султана. Россія же, его вторая любовь, теряла и вѣсъ, и вліяніе, и уваженіе къ ней другихъ державъ.—Таковы были плоды нашей осторожности, нашей податливости, нашихъ уступокъ вѣрнымъ союзникамъ, спасеннымъ кровію Русскою и твердостію Императора отъ постыднаго ига Наполеонова! Отецъ мой до такой степени былъ возмущенъ ролью, которую навязывали Россіи; онъ такъ открыто порицалъ политику нашу, что, не бывъ дотолѣ особенно хорошъ съ Нессельродомъ, онъ въ это время рѣшительно съ нимъ разошелся и, спросивъ категорически: думаетъ ли министръ дать ему когда либо назначеніе посланникомъ? получилъ такой же категорическій отвѣтъ: что для него не имѣется въ виду ваканціи.

Въ это время отецъ мой рѣшился оставить службу, и такъ какъ на его прежнихъ постахъ (весьма скудно оплачиваемыхъ въ то время) онъ много тратилъ своего и вошелъ въ долги, то онъ, съ матушкой, согласились заложить ея Нижегородское имѣніе, продать домъ нашъ на Невскомъ около Литейной и, для бòльшей экономіи, переѣхать въ Дерптъ, гдѣ жизнь дешева и университетъ хорошъ, такъ что для насъ были бы учителя, для батюшки книги и общество профессоровъ, а для матушки кромѣ мужа и дѣтей ничего не было необходимо; впрочемъ, музыку, которую она очень любила, можно было иногда слышать хорошую, какъ насъ увѣряли.

Гдѣ тонко, тамъ и рвется, говорятъ: около этого времени обанкрутился Петербургскій банкиръ Ливіо, и 20000 р. батюшкиныхъ денегъ, оставленныхъ у него во время заграничной поѣздки, которые батюшка не успѣлъ у него взять обратно, пропали. Рѣшеніе пе-

реѣзда и продажи дома, кажется, принять было не очень трудно; но я помню, какъ батюшка былъ взволнованъ и безпокоился о залогѣ, или перезалогѣ деревень, потому что мысль о долгахъ и займѣ была для него ужасно тяжела: ему казалось это отвѣтственностію передъ дѣтьми и матушкой, такъ какъ ея имѣніе закладывалось; не знаю, почему не его. Это все было для меня совершенно непонятно. Мнѣ было немножко жаль нашего дома, и очень жаль нашихъ Воейковыхъ! Хотя онѣ иногда бы и могли пріѣхать въ Дерптъ, гдѣ у нихъ была бабушка Протасова; но все же мы стали, такъ сказать, прощаться ежедневно съ ними, и мнѣ ужасно было грустно разставаться съ моей Катей. Осень уже перешла въ зиму; мы, по обыкновенію, всякій день, позавтракавъ, отправлялись гулять, все прямо черезъ Аничкинъ мостъ на Адмиралтейскую площадь и назадъ, съ нашей гувернанткой m-elle du Tour; а противъ Аничкина дворца, въ домѣ Меншикова, жила Александра Андреевна Воейкова. Ея дочери съ ихъ гувернанткой miss Parrish въ тѣже часы гуляли и обыкновенно встрѣчали насъ у Аничкина моста, и мы гуляли вмѣстѣ,—я съ Катей; моя сестра съ ея младшей сестрой Сашей; а наши гувернантки шли за нами. У Воейковыхъ были голубыя атласныя платьица, обшитыя лебяжьимъ пухомъ, и голубыя же шляпки. Онѣ видны были издали, и мы звали ихъ „наши голубыя звѣздочки“ (blue stars). Екатерина Александровна Воейкова была замѣчательно-красивый, граціозный ребенокъ, сіяющая улыбками, радостію, веселостію, съ вьющимися темными волосами и смѣющимися карими глазами. 27-го Ноября (помню какъ бы вчера было) мы шли долго, не встрѣчая нашихъ голубыхъ звѣздочекъ, и мнѣ становилось скучно и холодно; уже на возвратномъ пути завидѣли мы ихъ недалеко отъ ихъ дома; онѣ поворотили, чтобъ идти съ нами хоть немножко, и у Кати было озабоченное личико. „Знаешь ли?“ сказала она мнѣ, какъ скоро мы пошли объ руку,—знаешь ли? Получены дурныя извѣстія. Государь очень опасно болѣнъ. Великій князь (Николай Павловичь) поѣхалъ въ зимній дворецъ, мы видѣли; — и онъ давно тамъ“. Эта вѣсть меня гораздо менѣе смутила, нежели Катю, лично знавшую Государя, который былъ очень милостивъ къ Александрѣ Андреевнѣ. Мнѣ же никогда не случилось даже встрѣтить его на улицѣ. Мы много жили за границей, не гуляли по набережной, не бывали въ Царскомъ Селѣ, такъ что разъ только, въ церкви Каменнаго Острова, за обѣдней, я видѣла его и императрицу Елисавету Алексѣевну; но мы стояли сзади всѣхъ, у дверей, а царственная чета, разумѣется, впереди; такъ что я помню только высокій ростъ и мундирный воротникъ Государя, да большую соломенную шляпу Императрицы. Впрочемъ, „что Государь болѣнъ“, думала я, „вѣдь это же не значитъ, что онъ не выздоровѣетъ“. Однако мы скоро разстались съ нашими подругами и пошли домой.

Въ теченіи дня вѣсть о кончинѣ Императора дошла до батюшки. Когда мы пришли на урокъ Русской Исторіи, который онъ самъ давалъ намъ, я нашла матушку въ слезахъ, отца грустнаго, взволнованнаго, а тамъ пріѣхала тетушка Олимпіада Петровна Шиш-

кина. Всѣ плакали, всѣ вспоминали 1812-й годъ и взятіе Парижа, и никто не припоминалъ уже объ Аракчеевѣ, ни объ Магницкомъ и Руничѣ. Послѣднее, тяжелое время, было забыто; — помнили только молодаго Царя героя, отважно защищавшаго Россію, молодаго побѣдители, вождя всѣхъ народовъ Европы.

Здѣсь не мѣсто говорить о происшествіяхъ, послѣдовавшихъ за тѣмъ и не относящихся прямо къ дѣламъ Греціи.

Только примомню тѣ внѣшнія картины, которыя врѣзались въ моей памяти съ тогдашнихъ поръ. Помню, какъ, въ день присяги, отецъ мой, поѣхавшій во дворецъ, долго не возвращался; матушка безпокоилась, а мы, дѣти, были очень голодны и смотрѣли безпрестанно въ окошко. Меня поражали необыкновенная тишина и опустѣлость улицы. Это было на Невскомъ, второй домъ отъ Литейной: обыкновенно мѣсто оживленное, а тутъ ни одна карета, ни сани, ни дрожки, почти ни одного пѣшехода; странно мнѣ казалось — и становилось жутко. Наконецъ взошелъ Гаврила, носъ и щеки красные съ воздуха, но, какъ всегда, тихъ и спокоенъ съ виду. „Говорятъ, большой парадъ у Исакія“, сказалъ онъ; „съ утра все шли полки, а теперь пройдти нельзя; что-то долго новый Государь смотритъ войска“.

—Не можетъ быть, возразила матушка: шестой часъ; смотръ не бываетъ такъ поздно. — Я спросила Гаврилу, самъ ли онъ былъ тамъ? Нѣтъ, его не допустили.

„Ученье что-ли?“ прибавилъ онъ, „стрѣляютъ“.

И, въ самомъ дѣлѣ, издали послышался слабый гулъ пушечнаго выстрѣла. Мы уже не отходили отъ окошка; время шло; показались наконецъ на улицѣ люди, почти бѣжавшіе; потомъ экипажи, одинъ за другимъ. Гаврила опять пришелъ, съ слѣдами тревоги на старомъ, спокойномъ лицѣ.

„Матушка Анна Андреевна,—говорятъ, бунтъ“. И тотъ часъ исчезъ, выбѣжалъ на улицу и, вѣроятно, направился на встрѣчу къ своему возлюбленному барину, ибо экипажи все въ бо̀льшемъ числѣ появлялись на улицѣ. Однако, уже совсѣмъ было темно, когда карета, безъ фонарей, подъѣхала, и батюшка явился утомленный, встревоженный, блѣдный. Это было 14-го Декабря 1825 года.

Потомъ другая, мрачная, величественная картина: насъ возили смотрѣть процессію, когда привезли тѣло императора Александра; и все это траурное шествіе, и всѣ эти первые чины Двора, въ черныхъ мантіяхъ и большихъ черныхъ шляпахъ, и эти факелы, и убранная вся въ гербахъ верховая лошадь Императора, и знамена съ чернымъ крепомъ, и обтянутые чернымъ барабаны, и похоронный маршъ, и заупокойное пѣніе пѣвчихъ въ траурѣ, и томительный перезвонъ колоколовъ: все это мрачное, черное, нескончаемое, долго и долго повторялось кошемаромъ въ моихъ снахъ.

А тамъ, въ Казанскомъ Соборѣ, толпа безчисленная народа, и опять трауръ кругомъ, и монотонное чтеніе дьякона, и эстрада

огромной вышины (конечно измѣряя моимъ дѣтскимъ мѣриломъ), такой огромной, что всѣ и молящіеся, и особенно мы, дѣти, казались Лилипутами въ моихъ глазахъ, подлѣ громадности этого катафалка. И на верху этихъ ступеней золотой гробъ, къ которому мы приложились и въ которомъ лежала, съ Александромъ, вся слава, и сила, и величіе нашего вѣка,—какъ казалось мнѣ!

Должно быть, что гробъ не былъ открытъ (хотя тѣло было бальзамировано), потому что иначе меня бы поразили мертвое лице и корона, особливо такъ какъ я никогда еще не видывала покойника. Помню еще, тутъ же въ Соборѣ, — или при другомъ случаѣ публичнаго стеченія народа,—помню худую, тощую фигуру, съ огромнымъ носомъ, въ красномъ мундирѣ. Намъ сказали: „это Веллингтонъ", и я смотрѣла во всѣ глаза съ благоговѣніемъ, но и съ разочарованіемъ, на героя Испаніи и Ватерло, на сподвижника того великаго Русскаго императора, котораго въ послѣдніе годы эти сподвижники такъ искусно подвели, обманули и истомили, до болѣзненной меланхоліи и отвращенія отъ государственной дѣятельности, казавшейся ему такой безплодной въ своихъ результатахъ.

(*Продолженіе будетъ*).

ПИСЬМО КНЯГИНИ Е. Р. ДАШКОВОЙ КЪ ПАВЛУ СЕРГѢЕВИЧУ ПОТЕМКИНУ.

5 Февраля 1786 года (*Спб.*)

Послѣ того какъ Ея Императорскому Величеству угодно было въ Имперіи своей ввесть новое раздѣленіе и многіе города вновь учредить, Академія Наукъ, посылая въ разныя мѣста обсерваторовъ, опредѣлила черезъ астрономическія наблюденія многихъ мѣстъ долготу и широту, коихъ точное положеніе прежде сего было неизвѣстно и между тѣмъ, сколько могла, старалась собирать извѣстія, служащія къ изданію новаго атласа Россійской Имперіи. Но собранныя извѣстія недостаточны, особливо въ разсужденіи положенія вновь учрежденныхъ городовъ и границъ каждой губерніи. Академія, предпріемля изданіе новаго атласа, въ виду имѣетъ наипаче пользу общества, и какъ я совершенно увѣрена, что и ваше превосходительство не менѣе объ оной ревнуете, и безъ сумнѣнія уже сняты карты ввѣренныхъ вамъ намѣстничествъ съ показаніемъ на нихъ дорогъ, то покорно прошу сообщеніемъ оныхъ споспѣшествовать намѣренію Академіи. Не подумайте, чтобъ труды ваши Академія себѣ присвоить была намѣрена; я смѣю увѣрить, что она за долгъ почтетъ споспѣшествовавшимъ засвидѣтельствовать должную благодарность и при изданіи каждой карты объявить, ежели будетъ угодно, отъ кого именно она получена въ Академіи. Между тѣмъ прошу сообщить мнѣ для Календаря на будущій годъ разстоянія намѣстническихъ городовъ отъ столицъ; а уѣздныхъ отъ намѣстническихъ. Вашего превосходительства покорная услужница княгиня Дашкова.

(*Сообщено Н. Ѳ. Дубровинымъ*).

ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, НАЧАТОЙ ВЪ 1813 ГОДУ *).

Ш. говорилъ кудревато, высокопарно и съ какою-то заведенною торжественностію. Въ началѣ 20-хъ годовъ толковали въ одномъ пріятельскомъ кружкѣ о какой-то правительственной мѣрѣ, которая была вопросомъ дня. Каждый выражалъ мнѣніе свое. Ш. вмѣшался въ разговоръ и сказалъ: „Если имѣлъ бы я высокую честь засѣдать въ Государственномъ Совѣтѣ, я позволилъ бы себѣ сказать....“— „Какую нибудь глупость“, перебилъ его и выстрѣлилъ въ него какъ изъ пистолета генералъ Бороздинъ.

*

Имя графа Александра Ивановича Остермана-Толстаго принадлежитъ военной лѣтописи царствованія императора Александра Перваго, богатой многими блестящими именами. Почти всѣ они, болѣе или менѣе, вышли изъ военной школы, имѣвшей преподавателями своими Румянцова, Суворова, Репнина, Долгорукаго-Крымскаго. Въ числѣ своихъ знаменитыхъ сверстниковъ и сослуживцевъ графъ Остерманъ умѣлъ себя выказать. Рыцарское безстрашіе въ сраженіи, отвага, когда была она нужна, и неодолимая стойкость, когда дѣйствіе требовало упорно отстаивать оспариваемое мѣсто, были, по словамъ свѣдущихъ людей, отличительными принадлежностями военныхъ способностей его. Но здѣсь намъ дѣло не до воина. Въ далеко неполномъ очеркѣ мы хотимъ припомнить здѣсь отрывочныя черты, которыя могутъ дать понятіе объ этой замѣчательной и своеобразной личности; хотимъ передать впечатлѣнія, которыми врѣзалась она въ памяти нашей.

Графъ Остерманъ-Толстой былъ высокаго роста, худощавъ; смуглое лицо его освѣщалось выразительными глазами и добродушіемъ, которое пробивалось сквозь темный оттѣнокъ наружной холодности и даже суровости. Ядро, оторвавшее руку его до плеча, запечатлѣло внѣшній видъ его еще бо́льшимъ благородствомъ и величавостью. Что́ ни думай о войнѣ и о ужасахъ этаго человѣческаго самоуправства, но раненые ветераны, эти живые памятники народныхъ событій, опаленные и раздробленные грозою, всегда поражаютъ зрителей почтительнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ. Нравственныя качества его, болѣе другихъ выступавшія, были прямодушіе, откровенность, благородство и глубоко-врѣзанное чувство Русской народности, впрочемъ не враждебной иноплеменнымъ народностямъ. Тогда было время уживчивое. Враговъ знали только на полѣ битвы; въ мирное время люди не умудрялись, какъ-бы питать и поддерживать между-племенныя предубѣжденія и недоброжелательства. Воинское рыцарство имѣло въ графѣ Остерманѣ и нѣжный оттѣнокъ

*) См. выше стр. 54.

средневѣковаго рыцарства. Онъ всегда носилъ въ сердцѣ цвѣта возлюбленной госпожи своей (la dame de ses pensées). Правда, и цвѣта и госпожи по временамъ смѣнялись другими; но чувство, но сердечное служеніе оставались неизмѣнными посреди радужныхъ переливовъ и измѣненій. Это рыцарство, это кумиро-поклоненіе предъ образомъ любимой женщины было одною изъ отличительныхъ примѣтъ Русскаго или, покрайней мѣрѣ, Петербургскаго общества въ первые годы царствованія императора Александра. Оно придало этому обществу особый колоритъ вѣжливости и свѣтской утонченности. Были, разумѣется, и тогда матеріалисты въ любви, но много было и сердечныхъ идеалоговъ. Это былъ золотой вѣкъ для женщины и золотой вѣкъ для образованнаго общества. Женщина царствовала въ салонахъ не однимъ могуществомъ тѣлесной красоты, но еще болѣе тайнымъ очарованіемъ внутренней, такъ сказать, благоухающей прелести своей.

Нелединскій былъ первосвященнымъ жрецомъ этого платоническаго служенія. Остерманъ, въ свое время, былъ усерднымъ причастникомъ этого прихода. Говоря просто порусски, онъ былъ сердечкинъ. Однимъ изъ предметовъ поклоненія и обожанія его была Варшавская красавица, княгиня Тереза Яблоновска, милое, свѣжее созданіе. Натура вообще, и Польская натура въ особенности, богато одѣлила ее своими привлекательными дарами. Польша много издержала, растратила силъ своихъ невоздержностью по части политической гигіены; но двѣ силы, если не политическія, то поэтическія, два неотъемлемыя сокровища, два побѣдоносныя орудія остались при ней, а именно женщина и мазурка. У графа Остермана былъ прекрасный во весь ростъ портретъ княгини Терезы. Онъ всегда и всюду развозилъ его съ собой, и это дѣлалось посреди бѣла-дня общественнаго и не давало никакой поживы сплетнямъ злословія. Во первыхъ, графъ былъ уже не молодъ, и рыцарское служеніе его красотѣ было всѣмъ извѣстно; во вторыхъ, княгиня принимала клятву его въ нѣжномъ подданствѣ съ признательностью свойственною женщинамъ въ этихъ случаяхъ, но и съ спокойствіемъ привычки ко взиманію подобныхъ даней. Нужна еще одна краска для полноты картины. Замѣтимъ, что въ то время графъ былъ женатъ; но не слышно было, чтобы романическія похожденія его слишкомъ возмущали миръ домашняго его очага. Вотъ впрочемъ обращикъ супружескихъ отношеній его. Графиня была болѣзненнаго сложенія и пріѣхала однажды въ Парижъ искать облегченія у Французскихъ врачей. Мужъ былъ тогда въ Италіи; но, по непредвидимымъ сердечнымъ обстоятельствамъ, вынужденъ былъ и онъ пріѣхать въ Парижъ въ то самое время, какъ и графиня. Онъ скрывался въ отдаленной части города, подъ чужимъ именемъ и въ своей потаенной засадѣ продолжалъ переписываться съ женою изъ Италіи.

Послѣ всего сказаннаго, не для чего прибавлять, что Остерманъ былъ великій оригиналъ, или чудакъ во всѣхъ дѣйствіяхъ и пріемахъ своихъ. Нѣкоторые боялись оригинальности его; многіе сочувство-

вали ей и любовались ею. Оригинальныя личности бываютъ и анекдотическія. Человѣкъ, за которымъ нельзя закрѣпить ни одного анекдота, есть человѣкъ пропадшій: это лице безъ образа, по выраженію поэта. Онъ тонетъ въ толпѣ. Мы говорили, что Остерманъ разъѣзжалъ съ портретомъ красавицы. Иногда разъѣзжалъ онъ и съ другими предметами своей приверженности: позднѣе, когда командовалъ онъ корпусомъ, кажется гренадерскимъ, въ дорогѣ слѣдовали за нимъ два или три медвѣженка, которые имѣли свою особенную повозку и свои приборы за столомъ, когда графъ останавливался обѣдать на станціи. Можно представить себѣ переполохъ станціонныхъ смотрителей, когда графъ наѣзжалъ съ своими попутчиками.

Однажды явился къ нему по службѣ молодой офицеръ. Графъ спросилъ его о чемъ-то порусски. Тотъ отвѣчалъ на Французскомъ языкѣ. Графъ вспылилъ и началъ выговаривать ему довольно жестко, какъ смѣетъ забываться онъ предъ старшимъ и отвѣчать ему по-французски, когда начальникъ обращается къ нему съ Русскою рѣчью. Запуганный юноша смущается, извиняется, оправдывается, но не преклоняетъ графа на милость. Наконецъ отпускаетъ онъ его; но офицеръ едва вышелъ за двери, графъ отворяетъ ихъ и говоритъ ему очень вѣжливо пофранцузски: „У меня танцуютъ по Пятницамъ; надѣюсь, что вы сдѣлаете мнѣ честь посѣщать мои вечеринки".

Одинъ новопожалованный генералъ говорилъ безрукому герою: „А вамъ, графъ, должно быть страшно въ толпѣ; неравно, кто нибудь толкнетъ васъ, и вамъ будетъ больно".—„Меня не толкнетъ", отвѣчалъ онъ хладнокровно и сурово и тутъ-же спиною обратился къ нему.

Графу понадобился кучеръ; на вызовъ явился къ нему парень видный собою съ хорошими рекомендаціями, съ окладистою рыжею бородою. „Охотно взялъ бы я тебя, сказалъ Остерманъ, но я рыжихъ терпѣть не могу".—„Чѣмъ-же виноватъ я, говорилъ кучеръ, что я рыжимъ родился, и что-же мнѣ тутъ дѣлать"?—„А идти къ генералу С**, который чернитъ себѣ волосы, продолжаетъ графъ, и попросить его научить тебя, какъ себя очерноволосить".—Кучеръ, принимая буквально эти слова, отправляется къ помянутому генералу и докладываетъ ему: „Графъ Остерманъ приказалъ кланяться вашему превосходительству и пожаловать мнѣ рецептъ для крашенія волосъ". Легко понять, какъ генералъ принялъ эту просьбу и досадовалъ на Остермана, подозрѣвая его въ умышленной насмѣшкѣ.

Съ царствованіемъ императора Александра кончилась, такъ сказать, и Русская жизнь графа Остермана. Съ этой поры онъ исчезаетъ для Россіи. Прискорбныя-ли недоразумѣнія, дѣйствительныя-ли непріятности по службѣ, или просто причудливость нрава его, рѣшить положительно не беремся; но какъ бы то ни было, что-то совратило его со стези и положенія, на которомъ занималъ онъ видное и почетное мѣсто. Говорили (но не всегда говореному

можно безусловно вѣрить), что, въ противность обязанности своей и даже приличію, не явился онъ къ торжественному обряду, при которомъ долженъ былъ присутствовать по званію генералъ-адъютанта и какъ одинъ изъ старѣйшихъ и почетнѣйшихъ генераловъ Русской арміи. Говорили, что вмѣсто того, чтобы пріѣхать въ Москву въ назначенное время, онъ отправился въ Италію, „куда влекла его могущая любовь". Если все это такъ, то разумѣется послѣдствія должны были нѣсколько неблагопріятно отразиться на высшія отношенія къ нему. Какъ-бы то ни было, и какія бы обстоятельства ни оторвали его отъ Россіи, но съ того времени онъ въ ней уже не живалъ. Онъ много путешествовалъ, объѣздилъ, кажется, Востокъ, и только изрѣдка доходили о немъ до Отечества отдѣльные и смутные слухи. Когда праздновалась годовщина Кульмской битвы, императоръ Николай, желая видѣть на этомъ историческомъ празднествѣ Кульмскаго героя, повелѣлъ пригласить его къ назначенному торжеству. Но онъ, подъ разными предлогами, отказался отъ приглашенія. Не обращая вниманія на странность подобнаго поступка, но помня и признавая однѣ боевыя заслуги и блестящее участіе его въ знаменитомъ Кульмскомъ дѣлѣ, Государь прислалъ ему знаки ордена Св. Андрея Первозваннаго: прекрасная черта и благородное, такъ сказать, отмщеніе за выходку довольно неприличную. Увѣряютъ, что пакетъ, заключавшій въ себѣ эти знаки отличія, остался у него до кончины нераспечатаннымъ.

Послѣдніе годы жизни своей провелъ Остерманъ въ Женевѣ или въ предмѣстіи города. Тутъ увидѣлся я съ нимъ, лѣтъ 20 и болѣе спустя послѣ прежнихъ свиданій нашихъ. „Что̀ дѣлаете вы, графъ въ Женевѣ?" спросилъ я его. Je tourne le dos au Montblanc", отвѣчалъ онъ (оборачиваюсь спиною къ Монблану). И въ самомъ дѣлѣ, кресло, на которомъ сидѣлъ онъ цѣлый день почти неподвижно, упиралось въ простѣнокъ между двухъ оконъ, изъ которыхъ былъ великолѣпный видъ на Бѣлую Гору. Онъ былъ уже утомленъ жизнію и дряхлъ, но память его была еще бодра и свѣжа. Впрочемъ и о памяти его можно сказать, что она остановилась на исторической страницѣ, которою замыкается царствованіе императора Александра Павловича; далѣе не шла она, какъ остановившіеся часы. Новѣйшія Русскія событія не возбуждали вниманія его. Онъ о нихъ не говорилъ и не распрашивалъ что̀ дѣлается въ Россіи. Не слыхать было отъ него ни слова теплаго участія, ни слова сожалѣнія, ни слова укоры. Какая ни была причина размолвки, если въ немъ не было христіянскаго смиренія и прощенія дѣйствительнымъ или мнимымъ оскорбленіямъ, то не было и тѣни злопамятства, по крайней мѣрѣ на словахъ. Онъ просто въ отношеніи къ Россіи заживо замеръ и похоронилъ себя во днѣ 19-го Ноября 1825 года.

Въ прежніе годы, рыцарь красоты, нынѣ принесъ онъ обѣтъ рыцарской вѣрности памяти Александра. Кабинетъ его въ Женевѣ былъ какъ-бы усыпальницею покойнаго Императора. Всѣ возможные портреты его, во всѣхъ видахъ и объемахъ, бюсты, статуетки, медали, все что̀ только могло напоминать его, было развѣшено по

стѣнамъ, разставлено на столахъ. Онъ былъ окруженъ этими воспоминаніями; онъ хранилъ ихъ съ нѣжнымъ благоговѣніемъ. Онъ жилъ въ нихъ и въ минувшемъ, которое они изображали. На столѣ его постоянно лежало собраніе стихотвореній Державина. „Вотъ моя Библія", говорилъ онъ. Жаль, если Лажечниковъ, бывшій долгое время при немъ адъютантомъ, не собиралъ и не записывалъ по горячимъ слѣдамъ любопытныя проявленія этой своеобразной личности: она и вездѣ была бы на виду, а у насъ, при нѣкоторой блѣдности общаго колорита, она поражала яркостью красокъ своихъ и выпуклостью очертаній.

Мы пользовались пріязнью графа, но никогда не были съ нимъ въ короткихъ и постоянныхъ сношеніяхъ. Встрѣчались мы урывками, время отъ времени, и опять на долго разставались. А потому, сказанное здѣсь о немъ далеко не портретъ, развѣ легкій очеркъ; ближе знающіе его могутъ пополнить этотъ черновой набросокъ.

*

Мы упомянули выше о положеніи женщины въ началѣ нынѣшняго столѣтія и нѣсколько позднѣе. Въ Петербургскомъ, а частью и въ Московскомъ обществѣ женщина обладала силою и властью. Женщины на Западѣ завидовали ей и оплакивали свое лишеніе всѣхъ правъ состоянія. Это лишеніе было неминуемымъ слѣдствіемъ политическихъ, общественныхъ и нравственныхъ переворотовъ. Тьеръ выдумалъ аксіому, которою погубилъ монархію во Франціи: le roi règne et ne gouverne pas (король царствуетъ, а не управляетъ). На выворотъ этому опредѣленію, можно-бы сказать, что западная женщина, если иногда такъ или сякъ управляетъ, то уже не царствуетъ, а женщины любятъ царствовать. Женщины, синія чулочницы или красныя чулочницы, или женщины политическія, парламентарныя, департаментскія—какія-то выродки, перестающія быть женщиной и неспособныя быть мущиною. Нелединскій, Пушкинъ, Остерманъ не любили этихъ кунсткамерныхъ уклоненій отъ природнаго порядка. Нерѣдко слыхалъ я отъ свѣтскихъ дамъ за границею, что только у Русскихъ еще сохранилось поклоненіе женщинѣ (le culte de la femme). Однажды на балѣ въ Парижѣ разговаривалъ я съ дамою, которой только что былъ представленъ. Она сидѣла, а я стоялъ у кресла ея. Вблизи былъ стулъ, и стояло нѣсколько дамъ. Она предложила мнѣ взять стулъ и сѣсть для продолженія разговора. Я отказывался, говоря, что не сяду, когда при мнѣ дамы стульевъ не имѣютъ.—Сдѣлайте одолженіе, сказала она улыбаясь, бросьте ваши Петербургскія вѣжливости: здѣсь никто ихъ не пойметъ.—Разумѣется, и въ старину бывали женщины аристократическія и демократическія, женщины избранныя и женщины общедоступныя. Нерѣдко (нечего грѣха таить) тѣ-же платоническіе жрецы, пожалуй, можетъ быть, тотъ-же Нелединскій, тотъ-же Остерманъ, при чистомъ служеніи обожаемой Лаурѣ, совращались иногда съ цѣломудреннаго и свѣтлаго пути своего и спускались потаенно на битую и торную дорогу. Изысканія и разслѣдованія этихъ противорѣчій и противочувствій принадлежатъ психологіи, или просто мужской натурѣ. Не нужно забы-

вать притомъ и эпоху, и современные ей нравы. Какъ бы то ни было, аристократическая женщина, то есть аристократка не только по рожденію, но и по другимъ преимуществамъ, жила въ то время особнякомъ, опираясь на возвышенное подножіе, сидѣла на тронѣ посреди двора своего. Женское разночинство тайкомъ оспаривало иногда власть такой женщины, стараясь перенимать ея моды, пріемы, осанку; но все это было ничто иное какъ внѣшнія попытки, а на дѣлѣ глубокая бездна отдѣляла однѣхъ отъ другихъ. Нынѣ перекинутъ мостъ чрезъ эту бездну, и на немъ сходятся и смѣшиваются порубежныя населенія, такъ что со стороны нескоро разглядишь, гдѣ кончается аристократическая, гдѣ начинается плебейская любовь.

*

Что ни говори, а Молчалины народъ въ литературѣ драгоцѣнный. Въ тетрадкахъ ихъ сохранилось многое, чтò безъ нихъ пропало-бы безъ вѣсти. Вотъ, напримѣръ, одна изъ подобныхъ находокъ. Стихи писаны давно, но по содержанію едва-ли не примѣнимы они ко многимъ эпохамъ:

Всѣхъ обращиковъ, всѣхъ красокъ
Онъ живой лоскутный рядъ:
Нѣтъ лица, но много масокъ,
Всюду взятыхъ на прокатъ.

—

Либиралъ, чиновъ поклонникъ,
Чрезполосная душа,
Съ правымъ онъ его сторонникъ,
Съ лѣвымъ онъ и самъ лѣвша.

—

Въ трехъ строкахъ — его вся повѣсть:
И торгашъ, и арлекинъ,
На вѣсъ продаетъ онъ совѣсть,
Убѣжденья на аршинъ.

*

Старикъ Бенкендорфъ постоянно пользовался особеннымъ благоволеніемъ и, можно сказать, пріязнью Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны, чтò не всегда бываетъ при Дворѣ одновременно и совмѣстно: равновѣсіе дѣло трудное въ жизни, а въ придворной тѣмъ паче. Онъ расказывалъ барону Будбергу (бывшему послѣ Эстляндскимъ губернаторомъ, отъ котораго я это слышалъ) о забавномъ и затруднительномъ положеніи, въ которое онъ однажды попалъ въ Павловскомъ или Гатчинскомъ дворцѣ. Это было въ самый разгаръ платонической и рыцарской привязанности Павла Петровича къ фрейлинѣ Нелидовой. Бенкендорфъ нечаянно входитъ въ одинъ изъ покоевъ дворца и застаетъ Павла Петровича, сидящаго на диванѣ рядомъ съ Нелидовой. Предъ ними столикъ съ двумя свѣчами; въ глубинѣ комнаты догораетъ огонь въ каминѣ. Разговоръ слышится живой, но въ полъ-голоса. Третьему лицу тутъ мѣста нѣтъ: оставаться неловко, уйти неприлично. Бенкендорфъ въ недоумѣніи пересеменяваетъ съ ноги на ногу. Въ рѣдкія секунды молчанія пытается онъ вставить какое нибудь малозначительное слово; но на попытки его отвѣта нѣтъ. Наконецъ Великій Князь говоритъ ему: Et bien, monsieur

de Benkendorff, vous ne vous occupez plus de politique?—Pourquoi pas, votre altesse, отвѣчаетъ онъ". — „Voici sur la cheminée la dernière gazette de Hambourg, et vous n'en prenez pas connaissance? (какъ это, г-нъ Бенкендорфъ, вы политикою уже не занимаетесь?—Почему-же нѣтъ, ваше высочество.—Вонъ на каминѣ лежитъ послѣдній нумеръ Гамбургской газеты, а вы ея не читаете?) Бенкендорфъ обрадовался этому поводу къ честному отступленію. Онъ идетъ къ камину и при слабомъ мерцаніи догорающаго камина готовится углубиться въ чтеніе газеты. Что-же оказывается? Самой газеты нѣтъ, а есть одно прибавленіе къ ней съ объявленіями о разныхъ продажахъ, вызовѣ прислуги, отысканіи сбѣжавшей собаки и пр. Дѣлать нечего: надобно было предаться чтенію, и оно продолжалось около часа.

*

Этотъ случай наводитъ на два слѣдующіе разсказа.

Позднѣе, нѣжное вниманіе императора Павла было обращено на другую фрейлину, жившую во дворцѣ. Въ такъ называемомъ фрейлинскомъ коридорѣ Императоръ встрѣчаетъ однажды гвардейскаго офицера, помнится Каблукова, и говоритъ ему: „Милостивый государь, по этому коридору ходить одному изъ насъ, вамъ или мнѣ".

Во время Суворовскаго похода въ Италію, Государь, въ присутствіи фрейлины княжны Лопухиной, читаетъ вслухъ реляцію, только что полученную съ театра войны. Въ сей реляціи упоминалось между прочимъ, что князь Гагаринъ (Павелъ Гавриловичъ) раненъ; при этихъ словахъ Императоръ замѣчаетъ, что княжна Лопухина поблѣднѣла и совершенно измѣнилась въ лицѣ. Онъ на это не сказалъ ни слова, но въ тотъ-же день посылаетъ Суворову повелѣніе, чтобы князь Гагаринъ былъ немедленно отправленъ курьеромъ въ Петербургъ. Курьеръ пріѣзжаетъ. Государь принимаетъ его въ кабинетѣ своемъ, приказываетъ ему освободиться отъ шляпы, сажаетъ и распрашиваетъ его о военныхъ дѣйствіяхъ. По окончаніи аудіенціи Гагаринъ идетъ за шляпою своею и на прежнемъ мѣстѣ находитъ генералъ-адъютантскую шляпу. Разумѣется, онъ не беретъ ея и продолжаетъ искать своей.

„Что̀ вы, сударь, тамъ ищете"? спрашиваетъ Государь.—Шляпы моей. —„Да вотъ ваша шляпа", говоритъ онъ, указывая на ту, которою, по приказанію Государя, была замѣнена прежняя. Такимъ замысловатымъ образомъ князь Гагаринъ узналъ, что онъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты. Вскорѣ за тѣмъ была помолвка княжны и князя, а потомъ и свадьба ихъ.

Князь Гагаринъ не совсѣмъ чуждъ литературѣ нашей. Онъ писалъ Русскіе стихи, которые печаталъ Жуковскій, временный издатель Вѣстника Европы. Вѣроятно писалъ онъ и Французскіе стихи. На Французскомъ языкѣ была напечатана имъ брошюра о поѣздкѣ въ Финляндію, куда онъ, въ должности генералъ-адъютанта, провожалъ императора Александра Павловича *).

---

*) Les treize journées en la Finlande. См. статью Н. В. Путяты: „Сеймъ въ городѣ Борго, въ 1809 году" (Р. Вѣстникъ 1860, I, 286).

Французскій поэтъ сказалъ:

La patrie est aux lieux où l'âme est enchaînée *). Шутникъ замѣтилъ, что если такъ, то Россія есть отечество по преимуществу, что въ ней встрѣчаются души и крѣпостныя и заложенныя. Шутка эта, по счастію, выдохлась, откупоренная положеніемъ 19-го Февраля. (Примѣчаніе переписщика).

*

Вотъ портретъ изъ старинной картинной галлереи:

Онъ весь приглаженъ, весь прилизанъ,
Съ иголки умъ его и фракъ;
И фракъ крестами весь унизанъ,
И умъ подъ канцелярскій лакъ.

—

Онъ чопоренъ, онъ накрахмаленъ,
На разговоръ онъ тупъ и скупъ,
И глупо онъ офиціаленъ,
И то-жъ офиціально глупъ.

*

Выше, говоря о нашихъ критикахъ, привели мы стихъ: „Живетъ онъ въ Чухломѣ, а пишетъ о Парижѣ". Про иного можно сказать: если не о Парижѣ, такъ о Петербургѣ. Иной авторъ, романистъ, публицистъ, пишетъ, пожалуй, на Мойкѣ, или на Фонтанкѣ, а такъ и сдается, что на статьѣ его красуется Чухломскій почтовый штемпель. Провинціализмъ сильно одолѣваетъ литтературу нашу. Этого прежде на было. Авторы, съ непривычки и незнакомые со средою, въ которой они очутились, смотрятъ на все, на людей и на вещи, глазами мутными и напуганными: точно провинціалъ, изъ глуши своей перенесенный въ блестящій столичный салонъ. У него рябитъ въ глазахъ и въ головѣ. Скромный, благоразумный провинціалъ цѣломудренно сидитъ себѣ и молчитъ, или отвѣчаетъ на вопросы о уѣздѣ своемъ, который онъ хорошо знаетъ; но провинціалъ удалой, провинціалъ-сорванецъ, хотя и сидитъ на стулѣ развязно, скрестя ногу на ногу, какъ подобаетъ фешьонабельному джентельмену, но нагло вмѣшавшись въ разговоръ, вдругъ брякнетъ такое слово, что всѣхъ съ ногъ сшибаетъ, или уморитъ со смѣху. Мы не желаемъ оскорбить провинціаловъ; охотно соглашаемся, что многіе изъ нихъ люди добропорядочные, разсудительные, что иногда даже отъ нихъ многому и научиться можно; но провинціалъ оставайся въ провинціи и не залетай въ высокіе хоромы. Писатель, не знающій аза въ глаза изъ той свѣтской или политической грамоты, которую онъ берется толковать, можетъ, по своей самонадѣянности и самоувѣренности, только раздосадовать или разсмѣшить другихъ своими провинціальными промахами.

Есть еще одно слабое и больное мѣсто въ литтературѣ нашей. Творенія прежнихъ писателей отзывались болѣе или менѣе личностью ихъ; слогъ ихъ было чистое зеркало, которое отражало ихъ самихъ

*) Отечество тамъ, гдѣ душа закрѣпощена.

внѣшне и внутренно. Нынѣ слогъ причисляется къ какимъ-то предубѣжденіямъ и слабоуміямъ чопорной старины. Хотятъ ли порицать сочиненіе, по какимъ нибудь поводамъ не соотвѣтственное понятіямъ и направленіямъ критиковъ, не находятъ болѣе оскорбительнаго, болѣе убійственнаго приговора, какъ слѣдующій: сочиненіе писано Карамзинскимъ слогомъ. Вотъ до чего утрачены всякое чувство изящнаго, вкусъ и всякое художественное пониманіе письменнаго искусства. А между тѣмъ, искусство существуетъ. Дарованія, призванныя оставить по себѣ слѣдъ въ исторіи литтературы, будутъ изучать это искусство въ твореніяхъ Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина. Они ознакомятся съ ними, пропитаются ими. У каждаго будетъ свой складъ, своя, такъ сказать, физіономія; каждый внесетъ въ общее дѣло долю личности своей, не будетъ рабскимъ сколкомъ, а останется самимъ собой и только далѣе и глубже разработаетъ поле, перешедшее ему въ наслѣдство. Но все-же эти лица сохранятъ черты сродства съ образцами своими, будутъ члены одной избранной семьи, сыновья и внуки знаменитыхъ предковъ. И теперь можетъ быть сыщется родственное сходство между многими членами живаго поколѣнія; но дѣло въ томъ, что это сходство часто безобразное; безобразное въ томъ и другомъ смыслѣ: безобразное, потому, что оно какъ-то неблаговидно, нескладно, или потому, что тутъ нѣтъ никакого образа вполнѣ и рѣзко отчеканеннаго. Часто чтò одного автора прочесть, чтò другаго, все равно: всѣ они подстрижены подъ одну гребенку, какъ солдаты одного полка, всѣ одѣты въ одну амуницію, носятъ на груди своей одну и ту-же бляху, какъ артельщики одной артели, какъ цеховые одного цеха. Рѣчь вездѣ условная, стереотипная; нѣтъ живаго слова, свободно бьющаго изъ живой груди, какъ свѣжая струя изъ обильнаго родника. Каждый черпаетъ въ свой маленькой сосудецъ воду, уже накаченную изъ уличнаго колодезя; вездѣ раздается однозвучное *слушай* часоваго, который стоитъ на одномъ мѣстѣ; вездѣ переходитъ изъ устъ въ уста, изъ подъ пера подъ перо, тотъ-же *пароль*, обязательно присвоенный въ томъ или другомъ лагерѣ; вездѣ торчитъ и рѣдко развѣвается лоскутокъ хоругви того или другаго ополченія. И все это, со всѣмъ тѣмъ, не ратники, не мужественные воины: бойцовъ, въ истинномъ значеніи слова, нѣтъ; а есть одни знаменоносцы, полковые барабанщики, флейщики, насвистывающіе все одинъ и тотъ же маршъ: Malbrough s'en va-t'en guerre, Ne sait quand reviendra.

*

Пушкинъ забавно разсказывалъ слѣдующій анекдотъ. Гдѣ-то шла рѣчь объ одномъ событіи, ознаменовавшемъ начало нынѣшняго столѣтія. Каждый вносилъ свое свѣдѣніе. Да чего лучше, сказалъ одинъ изъ присутствующихъ, академикъ ** (который также былъ на лице) современникъ той эпохи и жилъ въ томъ городѣ. Спросимъ его, какъ это все происходило. И вотъ академикъ ** начинаетъ свой разсказъ: „Я уже легъ въ постель, и вскорѣ пополуночи будитъ меня сторожъ и говоритъ: извольте надѣвать мундиръ и

идти къ президенту, который прислалъ за вами. Я думаю себѣ: что̀ за притча такая, но одѣлся и пошелъ къ президенту; а тамъ-уже пуншъ". Пушкинъ говорилъ: „Разскащикъ далѣе не шелъ; такъ и видно было, что онъ тутъ-же сѣлъ за столъ и началъ пить пуншъ. Это значитъ имѣть свой взглядъ на исторію".

*

Дмитріевъ гулялъ по Кремлю въ Мартѣ мѣсяцѣ 1801 г. Видитъ онъ необыкновенное движеніе на площади и спрашиваетъ стараго солдата, что̀ это значитъ? „Да съѣзжаются, говоритъ онъ, присягать Государю".—Какъ присягать и какому Государю?—„Новому".—Что̀ ты, рехнулся-ли?—„Да императору Александру". Какому Александру? спрашиваетъ Дмитріевъ, все болѣе и болѣе удивленный и испуганный словами солдата.—„Да Александру Македонскому что ли!" отвѣчаетъ солдатъ (Слышано отъ Дмитріева).

*

„Отъ высокаго до смѣшнаго только шагъ одинъ", сказалъ Наполеонъ, улепетывая изъ Россіи въ Жидовскихъ саняхъ. Впрочемъ Наполеонъ въ эту минуту былъ не столько смѣшонъ, сколько жалокъ; жалокъ по человѣческому чувству сердоболія и состраданія къ бѣдствію ближняго; жалокъ и съ точки философическаго возрѣнія, суда и осужденія. Какъ могъ человѣкъ съ подобными способностями, частью геніальными, какъ могъ онъ съ такой высоты слетѣть, провалиться стремглавъ въ подобную низменность. Какой историческій и назидательный урокъ! Впрочемъ, если Исторія многому учитъ, то она никого не научаетъ. Но здѣсь рѣчь не о Наполеонѣ. Мы только натолкнулись на него по поводу оставленнаго имъ изрѣченія, которое, въ виду слѣдующаго разсказа, хотѣли мы вотъ какъ перефразировать: отъ смѣшнаго до трагическаго только шагъ одинъ. Нашъ разсказъ можно-бы озаглавить *простая исторія*, и къ сожаленію очень обыкновенная исторія.

Во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ былъ въ Москвѣ молодой человѣкъ, сынъ благородныхъ родителей, ни за собою, ни предъ собою ничего не имѣющій. Получилъ онъ образованіе, кажется, въ Московскомъ университетѣ. По окончаніи учебнаго курса поступилъ онъ на службу въ канцелярію одного изъ Московскихъ департаментовъ Сената. Жалованіе, разумѣется, было скудное; пропитываться имъ и содержать себя нѣсколько не только прилично, но сносно, было невозможно. Для подмоги себѣ началъ онъ давать уроки дѣтямъ въ частныхъ домахъ по части Русскаго языка, Географіи, Исторіи и рисованія, какъ водится по общепринятой программѣ домашняго обученія. Дѣла его пошли изрядно. Онъ не вдавался въ умствованія, въ нововведенія; да и время было еще не такое. Онъ шелъ и велъ учениковъ по извѣстной колеѣ. Онъ былъ скроменъ, кротокъ, вѣжливъ, прилеженъ, добросовѣстенъ въ исполненіи педагогическихъ занятій своихъ. Ученики полюбили его, родители были къ нему благосклонны и внимательны. Пожалуй, онъ маленько смахивалъ на Молчалина, но вращался въ другой средѣ, которая была образованнѣе и чище; а потому и самъ былъ онъ

благоприличнѣе и чище: по собственному-ли влеченію, или по счастливой случайности, онъ не попадалъ въ домъ какого нибудь Фамусова, ни въ руки какой нибудь Софьи Павловны. Онъ также долго былъ умѣренъ и акуратенъ, но никогда не бывалъ приписнымъ нахлѣбникомъ и приживалкою. Въ строевомъ порядкѣ общежитія занималъ онъ если не блестящее, то безукоризненное и честное мѣсто. Обстоятельства перенесли его изъ Москвы въ Петербургъ. Для людей подобныхъ свойствъ, подобнаго темперамента, климатъ Москвы благопріятнѣе и здоровѣе Петербургскаго. Но впрочемъ и здѣсь продолжалъ онъ свои занятія. Кругъ ихъ даже расширился и на нѣсколько градусовъ поднялся. Онъ былъ принятъ и вхожъ въ нѣкоторые дома, принадлежащіе избранному обществу. Къ учительскимъ упражненіямъ имѣлъ онъ случай прибавить и полу-литтературныя, напримѣръ Д. П. Бутурлинъ, болѣе привыкшій къ письменнымъ занятіямъ на Французскомъ языкѣ, нежели на Русскомъ, давалъ ему на граматическое и на синтаксическое исправленіе рукопись своей Исторіи Смутнаго Времени. Разумѣется, всѣ эти труды были прилично вознаграждаемы. Умѣренное и акуратное (чего-же болѣе?) счастіе улыбалось ему. Онъ даже имѣлъ нѣкоторые свѣтскіе успѣхи. Въ одинъ изъ домовъ, въ которомъ былъ онъ домашнимъ, ѣзжали нерѣдко блестящія придворныя фрейлины того времени. Имъ съ непривычки полюбилась его нѣсколько-простодушная провинціальность. На танцовальныхъ вечеринкахъ онѣ даже избирали его себѣ въ кавалеры. Онъ танцовалъ хорошо и ловко, одѣвался всегда прилично и съ примѣтнымъ притязаніемъ на щегольство. Однимъ словомъ, Молчалинъ Петербургскаго изданія, очищеннаго и исправленнаго, новичекъ въ окружающей его свѣтской средѣ, былъ лице довольно своеобразное, не только терпимое, но вообще и сочувственное. Веселія и пріятности жизни шли своею чередою, но не забывалась, не пренебрегалась и польза. Онъ ежегодно откладывалъ часть своихъ трудовыхъ доходовъ. Составился маленькій капиталъ, и онъ пустилъ его въ ростъ по знакомымъ и пріятельскимъ рукамъ. И тутъ удавалось ему его невинное ростовщичье ремесло. Но вотъ пришелъ и черный день. Большую часть капитала своего ввѣрилъ онъ однажды за проценты человѣку близко ему знакомому и, повидимому, совершенно благонадежному. Не знаю, какъ, но этотъ человѣкъ со временемъ оказался несостоятельнымъ. Деньги, нажитыя тружеником, плодъ пота и крови его, безвозвратно пропали. Нашъ капиталистъ пришелъ въ мрачное и свирѣпое отчаяніе. Молчалинъ обратился въ бѣшенаго Гарпагона, лишившагося своей драгоцѣнной шкатулки. Онъ возненавидѣлъ человѣчество. Не разъ смѣшилъ онъ насъ проклинаніями своими. Въ пламенныхъ порывахъ неистоваго краснорѣчія говорилъ онъ: „Нѣтъ, теперь дѣло кончено: приди ко мнѣ все человѣчество и валяйся у меня въ ногахъ, умоляй дать ему пять рублей въ займы, не дамъ“. На эту тему разыгрывалъ онъ непрестанно новыя и новыя заклинанія и импровизаціи. Хотя намъ было его и жаль, но изступленныя и вмѣстѣ съ тѣмъ комическія выходки его забавляли насъ. А вотъ здѣсь смѣхъ пере-

ходитъ въ трагедію. Нѣсколько времени не видали мы его и полагали, что онъ ходитъ по судамъ и пытается возвратить себѣ тяжебнымъ и законнымъ путемъ свои утраченныя деньги. Что́-же оказалось? До того времени благонравный и трезвый, заперся онъ въ комнатѣ своей и за̀пилъ. Не долго послѣ того умеръ онъ отъ запоя, этаго медленнаго и унизительнаго Русскаго самоубійства.

Если хорошенько пошарить въ темныхъ углахъ нашей общественной жизни, то наткнешься не на одну подобную этой обыкновенную исторію и драму домашнюю. Не просится-ли и она въ составъ замышленной нами Россіяды?

*

Талейранъ, хорошо знающій своихъ соотечественниковъ, говоритъ: Ne vous y trompez pas: les Français ont été à Moscou; mais gardez-vous bien de croire que les Russes soient jamais venus à Paris (не ошибайтесь: Французы были въ Москвѣ, но Русскіе никогда не вступали въ Парижъ). Другими словами, но въ этомъ-же смыслѣ и духѣ писаны многія Французскія военныя исторіи, особенно-же пресловутая книга Тьера.

*

Въ старой тетради, сборникѣ Русскаго хроникера, отыскалась слѣдующая нагробная надпись:

On le connut fort peu, lui ne connut personne.
Actif, toujours pressé, bouillant, impérieux,
Aimable, séduisant même sous la couronne,
Voulant gouverner seul, tout voir, tout faire mieux,
Il fit beaucoup d'ingrats et mourut malheureux *).

(Его знали слишкомъ мало: онъ никого не зналъ. Дѣятельный, всегда торопливый, вспыльчивый, повелительный, любезный, обольстительный даже подъ царскимъ вѣнцомъ, онъ хотѣлъ править одинъ, все видѣть, все дѣлать лучше; онъ породилъ много неблагодарныхъ и умеръ несчастливымъ).

*

Пріѣзжій изъ Италіи разсказывалъ слѣдующее. Въ какомъ-то казино, что̀ у насъ называется клубомъ, слышитъ онъ Русскія слова, напѣваемыя на Итальянскіе мотивы изъ оперъ тогда наиболѣе въ ходу на сценѣ. Подходитъ онъ къ столу, за которымъ сидѣли и играли въ карты Русскіе и одинъ Итальянецъ. Любезные наши земляки мурлыкали и ворковали между собою: поди въ черви, поди въ бубноваго короля, и такъ далѣе, на голосъ i tanti palpiti или: il piu triste de mortali. Добродушный Итальянецъ удивлялся музыкальнымъ способностямъ Русскихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и тому, что онъ все проигрываетъ.

*

Въ одномъ изъ городовъ Италіи, ради какого-то ночнаго безпорядка сдѣлано было полиціею распоряженіе, чтобы позднѣе извѣстнаго часа никто не выходилъ на улицу иначе, какъ съ зажженнымъ

---

*) О томъ же лицѣ случилось намъ слышать такое двустишіе графа Растопчина:

Dieu Toutpuissant, Arbitre de son sort,
Pardonne lui sa vie en faveur de sa mort

(Боже всемогущій, Судія его участи, прости ему его жизнь, ради его смерти).

П. Б.

фонаремъ. Находящійся тогда въ томъ городѣ нашъ молодой Сенъ-При, отличный каррикатуристъ, котораго карандашъ воспѣтъ Пушкинымъ въ Онѣгинѣ, расписалъ свой фонарь забавными, но схожими изображеніями городскихъ властей. Само-собою разумѣется, что онъ съ фонаремъ своимъ прогуливался по всѣмъ улицамъ наиболѣе люднымъ.

Этотъ молодой человѣкъ, веселый и затѣйливый проказникъ, вскорѣ за тѣмъ, въ той-же Италіи, застрѣлилъ себя неизвѣстно по какой причинѣ и, помнится, ночью на Свѣтлое Воскресеніе. Утромъ нашли трупъ его на полу, плавающій въ крови. Вѣрная собака его облизывала рану его. Онъ былъ сынъ графа Сенъ-При, Французскаго эмигранта, братъ котораго съ честью вписалъ свое Французское имя въ лѣтописи Русскаго войска въ ряду лучшихъ генераловъ нашихъ. Мать его, урожденная княжна Голицына, была родная сестра графини Толстой и графини Остерманъ. Отецъ, вѣроятно при герцогѣ де-Ришелье, былъ губернаторомъ въ южной Россіи; онъ былъ человѣкъ образованный, уважаемый и любимый въ Русскомъ обществѣ. Онъ довольно свободно и правильно говорилъ порусски. Онъ въ Россіи принадлежалъ административной школѣ герцога де-Ришелье, бывшаго долгое время Новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ; Одесса въ особенности много была обязана ему процвѣтаніемъ своимъ. Эта школа, хотя и подъ Французскою фирмою, оставила по себѣ въ Россіи хорошіе и не совсѣмъ безплодные слѣды.

Другой сынъ бывшаго Подольскаго губернатора, графъ Алексѣй принадлежалъ болѣе Франціи, нежели Россіи, хотя по матери былъ онъ полу-русскій уроженецъ. Природа и судьба какъ будто хотѣли означить это происхожденіе: онъ родился въ Петербургѣ 1805, а умеръ въ Москвѣ 1851 года. Онъ былъ перомъ Франціи, въ царствованіе Филиппа, и членомъ Французской Академіи. Служебная дѣятельность его развилась преимущественно на дипломатическомъ поприщѣ, на которомъ занималъ онъ посланническія должности въ Бразиліи, Португаліи, Даніи. Сверхъ того, извѣстенъ онъ многими историческими и политическими сочиненіями, заслуживающими вниманія и уваженія читателей. Въ нашей литтературѣ стòитъ упомянуть о немъ, по содѣйствію его во Французскомъ драматическомъ сборникѣ, появившемся въ Парижѣ подъ названіемъ: Иностранный Театръ. Въ этомъ сборникѣ напечатанъ переводъ, имъ сдѣланный, одного или двухъ Русскихъ драматическихъ произведеній. Сестра его была за мужемъ за княземъ В. А. Долгоруковымъ. Она извѣстна была въ Петербургскомъ обществѣ умомъ своимъ и привѣтливымъ, хотя нѣсколько страннымъ и отличающимся независимостью характеромъ.

Молодой и несчастный Сенъ-При, съ котораго начали мы рѣчь свою, добылъ себѣ мѣсто въ нашей общественной лѣтописи по своимъ остроумнымъ каррикатурамъ. Замѣчательно, что талантъ его по живописи или рисовкѣ былъ въ немъ нѣкотораго рода наслѣдственный: братъ матери его, извѣстный подъ именемъ князя Егора (Голицына), также въ концѣ минувшаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, славился своими забавными и удачными каррикатурами. Въ молодую пору сердечныхъ похожденій своихъ Карамзинъ встрѣтилъ въ немъ счастливаго соперника. Не смотря на свою безобид-

чивость и свое мягкосердечіе, Карамзинъ, въ одной изъ своихъ повѣстей, отплатилъ ему за это нѣкоторыми штрихами и своего карандаша.

Мы остановились на семействѣ Сенъ-При, потому что намъ пріятно связать нѣкоторыя наши родныя и общественныя преданія съ преданіями иноплеменными. Но многіе хотѣли бы поставить Русскаго какимъ-то особнякомъ, какимъ-то образцовымъ, пробнымъ членомъ (specimen) въ Европейской семьѣ, на удивленіе и поклоненіе человѣчеству и потомству. Они мысленно и всѣми желаніями сердца ограждаютъ себя отъ чуждаго прикосновенія и повѣтрія, если не совсѣмъ стѣною желтой столицы, то по крайней мѣрѣ Кремлевскою стѣною Московскаго Китай-города. Мы, напротивъ, любимъ отыскивать въ стѣнахъ ворóта, черезъ которые, но съ узаконеннымъ видомъ, есть свободный пропускъ изъ города и въ городъ, на основаніи порубежныхъ порядковъ. Мы и сами рады въ гости ходить, да рады и гостямъ.

*

ОТРЫВЧАТЫЕ РАЗГОВОРЫ.

1.

В. Угадать не могу, кого X. хотѣлъ задѣть въ послѣднемъ своемъ фельетонѣ.

N. N. И я толку не добьюсь; но во всякомъ случаѣ и окончательно задѣлъ онъ самаго себя. Онъ въ полемикѣ своей похожъ на бойца, который, въ поединкѣ на шпагахъ, ранитъ ли противника своего, это еще бабушка нà-двое ворожила, а что себя, по неловкости, шпагою своею какъ нибудь и гдѣ нибудь да приколетъ до крови—это несомнѣнно.

2.

Два пріятеля послѣ долгой разлуки.

Первый. Да, любезнѣйшій; много на вѣку своемъ пришлось мнѣ видѣть и много вынести. Посмотри, какова шея моя! Чтò ты на это скажешь?

Другой. Чтò же, ты эти раны получилъ на войнѣ, или на поединкѣ?

Первый. Нѣтъ, отъ золотухи.

3.

Сотрудникъ одного изъ журналовъ. Чтò ни говорите, а равнодушіе окраинъ нашихъ, т. е. Остзейцевъ и Поляковъ къ литтературѣ нашей не можетъ и не должно быть терпимо.

N. N. Ага! Вы хотѣли бы расширить рынокъ на свой товаръ и умножить число потребителей своихъ. Да, понимаю: это желаніе довольно натуральное.

Сотрудникъ. Нѣтъ, здѣсь не личный разсчетъ, а указаніе на обязанность противодѣйствовать враждебному чувству къ Россіи.

N. N. Чтó же дѣлать, если Польская образованность и читающая Нѣмецкая публика предпочитаютъ чтеніе своихъ природныхъ книгъ, или Французскихъ и Англійскихъ, чтенію Русскихъ!

Сотрудникъ. Нужно дѣятельнѣе и упорнѣе водворять Русскій языкъ въ этихъ областяхъ грамотнаго отщепенства.

N. N. Но правительство, въ объемѣ своихъ офиціальныхъ потребностей, это и дѣлаетъ: оно настаиваетъ на томъ, чтобы офиціальный языкъ въ этихъ областяхъ былъ Русскій. Нельзя же требовать отъ центральнаго правительства, чтобы оно вело дѣла государства на разнородныхъ языкахъ. Говори, пой, молись каждый у себя дóма на своемъ родительскомъ и наслѣдственномъ нарѣчіи; но когда имѣешь дѣло до государства, то потрудись, для своихъ же собственныхъ выгодъ, выучиться языку, на которомъ говоритъ, судитъ, обнародываетъ свои законы и постановленія то государство, къ которому ты политически принадлежишь.

Сотрудникъ. Этого мало. Вы довольствуетесь какими-то служебными и дисциплинарными обязанностями; мы требуемъ нравственнаго преобразованія, пересозданія.

N. N. Да, вы хотѣли бы, чтобы къ каждому Поляку и Нѣмцу была, какъ въ Урокѣ Дочкамъ, приставлена няня Василиса, которая каждому изъ нихъ твердила бы безпрестанно: „Извольте радоваться порусски, извольте горевать и гнѣваться порусски, извольте читать порусски, извольте забавляться порусски и переводить для вашихъ сценъ Русскія комедіи и драмы".

Сотрудникъ. Кстати о театрѣ. Въ одномъ Петербургскомъ журналѣ было замѣчено съ справедливымъ негодованіемъ, что напримѣръ въ Ригѣ ничего не знаютъ о Гоголѣ и не даютъ Ревизора на Рижскомъ театрѣ. Чтó вы скажете на это?

N. N. Скажу, что съ своей стороны я очень благодаренъ Нѣмецкому театральному директору, что онъ не знакомитъ съ Рижскими бюргерами Гоголевскаго Ревизора. Ревизоръ—домашняя Русская комедія и должна дóма оставаться. Извѣстны Французская и Русская поговорки: черное бѣлье должно мыть семейно, и сора изъ избы не выносить. Тѣмъ болѣе не слѣдуетъ приглашать постороннихъ, встрѣчныхъ и поперечныхъ, къ подобнымъ домашнимъ очищеніямъ и съ какимъ-то самодовольствомъ говорить имъ: „Посмотрите и полюбуйтесь, какъ много у насъ грязнаго бѣлья и какъ много всякаго хлама и сора въ нашей избѣ".—Разскажу вамъ по этому поводу случай, котораго я былъ свидѣтелемъ. Кажется, въ 50-тыхъ годахъ пріѣхалъ въ Карлсбадъ одинъ изъ нашихъ Нѣмецко-русскихъ или Русско-нѣмецкихъ литтераторовъ. Онъ привезъ съ собою Нѣмецкій переводъ Ревизора и хотѣлъ ознакомить съ нимъ Нѣмцевъ на публичномъ чтеніи. Онъ просилъ содѣйствія моего для раздачи билетовъ. Я отвѣчалъ ему, что Русскимъ раздамъ по возможности нѣсколько билетовъ, но вовсе не желаю привлекать иностранцевъ на это чте-

ніе. По заведенному порядку, рукопись должна была быть представлена на предварительный просмотръ комиссару водъ. Этотъ, по прочтеніи, возвратилъ ее переводчику при слѣдующихъ словахъ: „Какъ могли вы думать, что будетъ вамъ разрѣшено публичное чтеніе подобнаго пасквиля на Россію? Вы вѣроятно забыли, что Австрія находится въ дружественныхъ соотношеніяхъ съ Россіею, и изъ однихъ правилъ приличія и международной вѣжливости я не могу допустить нарушенія этихъ правилъ". И скажу вамъ откровенно, по мнѣ, комиссаръ былъ правъ. Гоголь, пожалуй, и не писалъ пасквиля; но хорошо, что комедія его показалась пасквилемъ иностранцу, и горе намъ, если бы онъ призналъ въ ней картину дѣйствительности. Нѣтъ, оставимъ Ревизора на народныхъ нашихъ сценахъ. Проницательность публики, любуясь художествомъ автора, будетъ умѣть отдѣлять въ немъ что́ есть истина и что̀ плодъ разыгравшейся фантазіи и веселости автора. Признаюсь, я до вашей искусственной и журнальной руссификаціи не охотникъ. Вы метите въ цѣль, и попадаете въ другую, ей совершенно-противную. Того и гляди, вы будете ставить въ вину окраинамъ нашимъ, что у нихъ растутъ тополи и каштановыя деревья и для вящаго однообразія захотите приневолить ихъ разсаживать у себя поболѣе ельника и ветлы.

N. N. говоритъ, что руссификація на бумагѣ, о которой разглашаютъ и витійствуютъ наши журнальные бумагопотребители или истребители—дѣло очень легкое, но едва ли благонадежное. Герценъ говорилъ, и писалъ, и печаталъ порусски; но мыслилъ-ли онъ и чувствовалъ-ли порусски?

*

Императоръ Александръ Павловичъ говорилъ Царскосельскому садовнику: „Гдѣ увидишь протоптанную тропинку, тамъ смѣло прокладывай дорожку: это указаніе, что есть потребность въ ней". Въ садоводственномъ правилѣ Государя можно отыскать и правило политической экономіи и вообще государственнаго домостроительства. Во всякомъ случаѣ это садовое указаніе—признакъ ума свѣтлаго и либеральнаго. Есть садоводство самовластительное, есть и садоводство либеральное. Деревья, подъ куполъ и подъ пирамиду стриженныя, прямыя, регулярныя аллеи, въ струнку вытянутыя, всѣ эти насильственнымъ искусствомъ изувѣченныя созданія природы, которыми знаменитый Ленотръ прославилъ себя и Французскіе сады, носятъ отпечатокъ великолѣпнаго и величаваго самовластительства Людовика XIV-го: онъ и въ природу хотѣлъ ввести офиціальный свой порядокъ и подчинить ее придворному этикету; для него и природа была вспомогательнымъ заведеніемъ (succursale) Двора его. Въ свободѣ, въ своенравномъ разнообразіи Англійскихъ садовъ отзывается Англійская независимость: деревья, на волѣ растущія, какъ и человѣческая личность, пользуются охранительнымъ закономъ habeas corpus.

*

Досужіе языки, Богъ вѣсть съ чего, прочили кого-то въ министры. C'est un homme de bois, il est vrai, сказалъ N N, mais il n'est pas du bois dont on fait les ministres. (Онъ деревянный, это правда; но не того дерева, изъ коего дѣлаются министры).

*

Недостатокъ прежней нашей литтературы заключается, можетъ быть, въ томъ, что писатели не договаривали, не вполнѣ высказывали себя: они не давали или иногда не могли давать читателямъ все что̀ было у нихъ на умѣ. Недостатокъ литтературы настоящей есть излишество ея: вообще писатели наши выдаютъ болѣе, чѣмъ выдерживаетъ ихъ умъ. Чувствуется, что у прежнихъ еще оставалось что-то въ запасѣ и на днѣ; проницательный читатель угадываетъ это что-то и дополняетъ написанное мысленнымъ междустрочнымъ чтеніемъ. Въ отношеніи къ новымъ видишь, что хотя они сказали много, но послѣ сказаннаго ничего до̀ма не остается. Заемныя письма выданы, а капитала для уплаты по нимъ нѣтъ.

*

Отъ слова заговоръ вышло слово заговорщикъ. Почему же отъ слова разговоръ не вывести слова разговорщикъ (causeur)? Говорунъ—не то; собесѣдникъ—какъ-то неумѣстно-важно.

*

N. N. говоритъ, что жизнь слишкомъ коротка, чтобы имѣть дѣло до X** или завести съ нимъ разговоръ. Нуженъ, иной разъ, битый часъ, чтобы растолковать ему то, что̀ другой пойметъ въ двѣ минуты. У него слишкомъ медленное и тугое пищевареніе головы.

*

У насъ изумительный и неимовѣрный расходъ на геніевъ. Они вездѣ рѣдки, но у насъ пекутся они какъ блины или ассигнаціи, или ростутъ какъ грибы подъ чернильнымъ дождемъ. Кто-то въ старину написалъ шуточное стихотвореніе: Русскій Парнасъ съ разными подраздѣленіями. Объ одномъ изъ этихъ отдѣленій сказано:

„Гдѣ геніевъ нѣтъ первокласныхъ,
А только просто хороши“.

Теперь мы уже не довольствуемся хорошими геніями, а требуемъ, и поставляютъ намъ, даже свыше требованій нашихъ, все геніевъ первокласныхъ. Оно, пожалуй, пріятно и лестно; но то худо, что оно сбиваетъ понятія, роняетъ цѣну на истинныя дарованія и придаетъ славѣ какую-то пошлость. Народный Пантеонъ преобразовывается въ человѣколюбивый домъ дешевыхъ квартиръ.

Кто напишетъ у насъ оперу, картину, драму съ несомнѣнными признаками дарованія, тотъ уже не въ примѣръ другимъ или, напротивъ, очень въ примѣръ другимъ, сейчасъ производится въ геніи и сажается на̀ голову всѣмъ знаменитымъ Европейскимъ музыкаль-

нымъ композиторамъ, живописцамъ, драматическимъ писателямъ. Воля ваша, это просто невѣжество. Это значитъ: знай нашихъ!

Любовь къ Отечеству и народная гордость сами по себѣ дѣло прекрасное, но нужно умѣть примѣнять ихъ къ дѣйствительности. Знаменитая Француженка Ролланъ, восходя на революціонный эшафотъ, сказала: „О свобода, сколько преступленій совершается во имя твое!" Понизивъ діапазонъ, можно бы сказать въ свою очередь: „О патріотизмъ (или, пожалуй, о отечестволюбіе, если у кого хватитъ духу выговорить это слово), сколько глупостей, безтолковщины высказывается, пишется и дѣлается подъ твоей благородной фирмой!"

Можно имѣть нѣкоторыя свойства геніальности, но еще не быть геніемъ. Геній есть что-то цѣльное, державное, всемогущее. Мы уже замѣтили, что геніи вездѣ рѣдки. У насъ, по многимъ причинамъ, они еще рѣже. Геній у насъ, можетъ быть, и былъ одинъ—Петръ I-й. Не смотря на слабости и погрѣшности свои, еще болѣе свойственныя времени его, чѣмъ его личности, онъ совершилъ подвигъ геніальный. Вполнѣ ли хорошо, или частію пополамъ съ грѣхомъ, совершилъ онъ его, это другой вопросъ; но отрицать никому нельзя, что онъ былъ запечатлѣнъ могущимъ геніемъ и духомъ преобразованія. Ломоносовъ былъ болѣе геніаленъ, нежели геній: въ немъ было мало творчества; онъ не былъ геніемъ-создателемъ, а развѣ геніемъ-путеводителемъ, указателемъ, Моисеемъ къ обѣтованной землѣ. Какъ другой Христофъ-Коломбъ, онъ внутренно прозрѣлъ, угадалъ, предчувствовалъ новый міръ, составилъ путеводители для достиженія неизвѣстныхъ земель, но Америкою онъ не овладѣлъ. Онъ ничего такого по себѣ не оставилъ, что̀ могло бы служить образцемъ; но многое оставилъ, что̀ можетъ служить поученіемъ.

Есть геніи, такъ сказать, пропавшіе, которые родились послѣ времени, или неумѣстно. Представимъ себѣ, что какой нибудь дикарь на далекомъ и пустынномъ островѣ, не знающій, что часовое мастерство давно на свѣтѣ существуетъ, изобрѣлъ и смастерилъ бы въ юртѣ своей часы. Разумѣется, это было бы дѣло генія; но какая польза вышла бы отъ того для человѣчества? Многіе изъ такихъ геніевъ напоминаютъ добраго Нѣмца, которой, не зная, что Телемакъ писанъ Фенелономъ, перевелъ его на Французскій языкъ съ Нѣмецкаго перевода и думалъ, что онъ обогатилъ и осчастливилъ Французскую литтературу, познакомивъ ее съ безсмертнымъ твореніемъ.

Тоже что̀ о Ломоносовѣ, можно бы сказать о Суворовѣ. Онъ былъ геніаленъ. Случай, событія, не дозволили ему утвердить за собою неопровержимое званіе генія. Судьба не свела его грудь съ грудью въ бой съ современнымъ геніемъ войны. Поединокъ между Бонапарте и Суворовымъ рѣшилъ бы окончательно и побѣдоносно, кому изъ двухъ неотъемлемо принадлежатъ честь и слава быть военнымъ геніемъ.

Мало быть или слыть геніемъ въ околоткѣ своемъ; мало быть геніемъ доморощеннымъ. Нужно еще на то и согласіе общее, всенародное. Геній—исключеніе въ семьѣ человѣческой; онъ гражданинъ всемірный. Что такіе за геніи, которымъ выдается плакатный билетъ на жительство въ такой-то мѣстности и на извѣстное время? Будемъ же довольствоваться тѣми избранными и высокими дарованіями, которыми насъ Богъ, если не щедро, то и не скупо наградилъ. Скажемъ и за то спасибо и волѣ, даровавшей ихъ, и имъ, которые таланта своего въ землю не зарыли; но воздержимся отъ напрасной и смѣшной погони за геніями и отъ производства въ геніи тѣхъ, которымъ удалось придти намъ по вкусу. Задоръ этихъ ловцовъ и производителей еще не бѣда: Богъ съ ними! Они себя тѣшатъ и насъ забавляютъ. Прекрасно! Но жаль, что эти поставщики, эти крестные отцы геніевъ вредятъ многимъ изъ крестниковъ своихъ, вовсе неповиннымъ въ такомъ насильственномъ производствѣ. Напримѣръ, Пушкинъ, какъ высокое, оригинальное дарованіе, не сбиваемъ съ законнаго мѣста своего. Какъ геній, онъ подлежалъ бы критической переоцѣнкѣ, сомнѣніямъ и пререканіямъ. О другихъ нашихъ такъ называемыхъ геніяхъ и говорить нечего. Дарованія ихъ задушены, подавлены почестью, которою ихъ облекаютъ. Все это, на повѣрку, объясняется двумя обстоятельствами: съ одной стороны критика наша не опирается ни на какихъ правильныхъ и законныхъ основаніяхъ; съ другой, ложная народная гордость натираетъ и подкрашиваетъ патріотическою вохрою свою домашнюю утварь.

*

Ф.** не косноязыченъ, а косноуменъ. У него мысль заикается, но съ нѣкоторымъ терпѣніемъ можно иногда дождаться отъ него и путнаго слова.

*

Какъ трудно съ жизнью справиться, говорила молодая***. Счастіе законное, тихое, благовѣрное неминуемо засыпаетъ въ скукѣ. Счастіе бурное, нѣсколько порочное, рано или поздно кончается недочетами, разочарованіемъ, горькими послѣдствіями.

*

Кто-то замѣтилъ, что профессоръ и ректоръ университета Антонскій имѣетъ свойство—полнымъ именемъ своимъ составить правильный шестистопный стихъ:

Антонъ Антоновичъ Антонскій-Прокоповичъ.

О немъ же было сказано:

Тремя помноженный Антонъ,
И на закуску Прокоповичъ.

Пожалуй, оно и такъ; но Россія не должна забывать, что Антонскій умѣлъ первый угадать и оцѣнить нравственныя качества и поэтическое дарованіе своего воспитанника въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ. Этотъ скромный воспитанникъ не

обращалъ на себя вниманія и особеннаго благоволенія начальства, какое иногда оказывается по родственныхъ связямъ и положенію въ обществѣ. Нѣтъ, сочувствіе къ неизвѣстному еще Жуковскому было со стороны Антонскаго совершенно безкорыстное и свободное. Это сочувствіе—чистая и неотъемлемая заслуга, которую литтературныя преданія должны сохранить. Когда Жуковскій вышелъ изъ пансіона и былъ безъ средствъ и безъ особенной опоры, Антонскій, такъ сказать, призрѣлъ его и пріютилъ въ двухъ маленькихъ комнаткахъ маленькаго принадлежащаго университету домика въ Газетномъ переулкѣ. Жуковскій всегда сохранялъ къ нему сердечную признательность, приверженность и преданность.

Дмитріевъ любилъ Антонскаго, но любилъ и трунить надъ нимъ, очень застѣнчивымъ, такъ сказать, пугливымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ легко-смѣшливымъ. Смущеніе и веселость попеременно выражались на лицѣ его подъ шутками Дмитріева. „Признайтесь, любезнѣйшій Антонъ Антоновичь, говорилъ онъ ему однажды, что вашъ университетъ совершенно безжизненное тѣло: о движеніи его и догадываешься только, когда ѣдешь по Моховой и видишь сквозь окна, какъ профессора и жены ихъ переворачиваютъ на солнцѣ большія бутыли съ наливками".

*

Въ одно изъ минувшихъ царствованій, нѣкто (должно замѣтить, плотная и дородная личность) говорилъ: „Государь отмѣнно благоволитъ ко мнѣ. Вотъ еще на дняхъ, на многолюдномъ балѣ, я имѣлъ счастіе стоять близко позади его; онъ обернулся ко мнѣ и изволилъ сказать: отъ тебя пышетъ какъ отъ печки". Другой перетолковалъ бы эти слова такимъ образомъ: здѣсь и такъ тѣсно и душно, а ты меня еще подпариваешь; нельзя ли сдѣлать одолженіе и убраться подалѣе? Но мой пріятель имѣлъ способность смотрѣть на все съ выгодной ему стороны. Онъ недѣли двѣ развозилъ съ самодовольствомъ по городу слова, сказанныя Государемъ. Вообще онъ былъ благополучнаго сложенія по плоти и по духу, въ житейскомъ и нравственномъ отношеніи. Комнаты его въ Петербургѣ были на солнцѣ и, кажется, свѣтило оно чаще на улицѣ его, нежели на другихъ. На улицѣ его вѣчный праздникъ, въ домѣ вѣчное торжество-торжествъ. На окнахъ стояли горшки съ пышными, благоуханными цвѣтами; на стѣнахъ висѣли клѣтки съ разными птицами пѣвчими; въ комнатахъ раздавался бой стѣнныхъ часовъ съ звонкими курантиками. Однимъ словомъ, все было у него свѣтозарно, оглушительно, охмелительно. Самъ, посреди этого сіянія, этой роскошной растительности и пѣвучести, выставлялъ онъ румяное, радостное лице, лице расцвѣтающее какъ махровый красный піонъ и заливающееся, какъ канарейка, пѣніемъ. Мнѣ всегда ужасно было завидно смотрѣть на праздничную обстановку. Впрочемъ, мнѣ никогда не случалось завидовать умнымъ людямъ; зависть забираетъ меня только при видѣ счастливой глупости.

*

Знаменитый Неккеръ написалъ маленькій трактатъ: Le bonheur des sots (счастіе глупцовъ). Другая знаменитость въ своемъ родѣ Копьевъ перевелъ эту бездѣлку на Русскій языкъ. Неизвѣстно, былъ ли переводъ напечатанъ и сохранился ли въ книжномъ мірѣ.

*

Талейранъ сказалъ о комъ-то: Ce n'est pas un sot, c'est le sot. Этотъ тонкій, но многознаменательный оттѣнокъ, кажется, невозможно перевести порусски. Онъ не глупый человѣкъ, а глупецъ—не вполнѣ, такъ сказать, неосязательно выражаетъ остроумное опредѣленіе Талейрана. Неимѣніе въ нашемъ языкѣ члена (l'article) тому причина.

*

Есть люди, которые переплываютъ жизнь; еще есть люди, которые просто въ ней купаются. Къ этому разряду принадлежатъ преимущественно дураки. Однимъ приходится выбирать удобныя мѣста для плаванія, бороться съ волнами, бодро и ловко дѣйствовать мышцами. Другіе сидятъ себѣ спокойно по уши въ глупости своей. Имъ и горя нѣтъ: имъ всегда свѣжо.

*

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія была въ большомъ ходу и пѣвалась въ Москвѣ пѣсня, изъ которой помню только первый куплетъ:

Непостижимой силой
Я приверженъ къ милой.
Господи помилуй
Ее и меня

Ее приписывали одному важному духовному лицу. Сохранилась ли она гдѣ нибудь? Вотъ вопросъ, которой часто задаешь по поводу литтературныхъ и поэтическихъ преданій. Не думаю, чтобы наша литтература была радикальная, но во всякомъ случаѣ она не консервативная: она не сохраняетъ. У Французовъ не пропадаетъ ни одного нѣсколько замѣчательнаго и удачнаго четверостишія или двоестишія, писаннаго въ минувшемъ столѣтіи. У нихъ, при разнообразіи и богатствѣ во всѣхъ родахъ литтературы, не пренебрегается и не затеряется и малѣйшая лепта. Нѣсколько разъ обрушались и мѣнялись правленія, законодательства, весь бытъ государственный и гражданскій, но написаннаго перомъ у нихъ, подлинно, не вырубишь и топоромъ.

Нельзя не пожалѣть у насъ о многихъ литтературныхъ бездѣлкахъ стараго времени, которыя или пропали безъ вѣсти, или остались сиротами непомнящими родства, т. е. безъ указанія, кто были родители ихъ. Разумѣется, литтература наша, по существу, не могла бы въ настоящее время щеголять этими самоцвѣтными каменьями въ старой и нѣсколько грубой оправѣ ихъ; но все же имѣли бы они приличное мѣсто въ семейныхъ и наслѣдственныхъ досканцахъ любителей и почитателей старины. Въ однѣхъ пѣсняхъ (не говоря уже о простонародныхъ) можно было бы отыскать мно-

го милаго добра. Дмитріевъ издалъ, по возможности, если не полный (едва ли не въ концѣ минувшаго столѣтія), то съ умѣньемъ и разборчивымъ вкусомъ собранный любопытный Русскій пѣсенникъ. Дальнѣйшія подобныя собранія были дѣломъ чистой спекуляціи, и къ тому же довольно невѣжественной. Многіе ли знаютъ теперь, и рѣшительно никто уже не поетъ, прелестной пѣсни князя Хованскаго, котораго оплакивалъ Карамзинъ: „Друзья, Хованскаго не стало"! Вотъ эта пѣсня:

Я вечӧръ въ лугахъ гуляла,
Грусть хотѣла разогнать,
И цвѣточковъ тамъ искала,
Чтобы къ милому послать.

*

Долго, долго я ходила.
Погасалъ ужъ солнца свѣтъ;
Всѣ цвѣточки находила,
Одного лишь нѣтъ, какъ нѣтъ.

*

И цвѣточка голубова
Я въ долинахъ не нашла,
Безъ цвѣточка дорогова
Я домой было пошла.

*

Шла домой съ душой унылой.
Недалеко отъ ручья
Вижу я цвѣточекъ милой
Вмигъ его я сорвала.

*

Незабудочку сорвала;
Слезы покатились вдругъ.
Я вздохнула и сказала:
Не забудь меня, мой другъ.

Тутъ и слѣдовало бы кончить пѣсню стихомъ, вырвавшимся изъ сердца и прекрасно и вѣрно заключающимъ эту маленькую дѣвическую драму. Но, къ сожалѣнію, авторъ прибавилъ слѣдующій куплетъ:

Не дари меня ты златомъ,
Подари лишь самъ себя.
Что̀ въ подаркѣ мнѣ богатомъ?
Ты скажи: люблю тебя!

Все это лишнее. П о д а р и л и ш ь с а м ъ с е б я—какъ-то изысканно и вмѣстѣ съ тѣмъ пошло. З л а т о м ъ не соглашается съ простою рѣчью всей пѣсни, хотя часто на простонародномъ языкѣ нашемъ слышатся слова и выраженія, которыя, по правиламъ науки, относятся болѣе къ в ы с о к о м у с л о г у. Но за исключеніемъ послѣдняго куплета, какъ много свѣжести и простосердечія въ этой идилліи! Даже самая безыскусственность и, такъ сказать, б е з ц е р е м о н н о с т ь риѳмъ здѣсь не только позволительны, но кстати и придаютъ прелесть разсказу. Болѣе богатыя и яркія риѳмы были бы непріятною разноголосицею.

Въ старину распѣвалася еще пѣсня (помнится, какого-то Салтыкова); и по стихамъ, и по музыкѣ, на которую они были положены, она имѣла большой успѣхъ.

Мѣста тобою украше́нны,
Гдѣ дни я радостьми считалъ,
Гдѣ взоръ тобой обвороженный
Мои всѣ чувства услаждалъ,
Въ пустыню скоро обратятся,
Веселья потерявъ свои:
Веселья вслѣдъ тебя стремятся,
Они всѣ спутники твои.

Далѣе не помню; но и въ другихъ куплетахъ встрѣчались стихи сильно прочувствованные, просто и вѣрно выраженные. Гдѣ эти пѣсни, эти сердечныя исповѣди, въ которыхъ изливалось когда-то живое и глубокое чувство? Сердце ввѣряло имъ свое волненіе, свою тоску, свои надежды, и сочувственное ему сердце откликалось на голосъ его. Неужели слезы, проливаемыя въ старину, были хуже тѣхъ, которыя проливаютя нынѣ, если еще кое-гдѣ проливаются онѣ? Мы говоримъ о свободѣ своей, о разрѣшеніи мыслей и понятій отъ условныхъ формъ, которымъ подчинялись отцы наши; а сами мы— деспотическіе рабы новыхъ формъ, внѣ коихъ, по мнѣнію нашему, нѣтъ ни удачи, ни спасенія. Старая пѣсня можетъ сказать съ поэтомъ:

Я на землѣ земное совершила:
Я на землѣ любила и жила.

*

Нѣкоторые изъ нашихъ журнальныхъ корифеевъ какъ будто не догадываются, что могутъ быть умные консерваторы и глупые либералы. По ихъ легкомыслію или, правильнѣе тупоумію и пустоумію, всѣ консерваторы люди пошлые, всѣ либералы народъ умный, бойкій и на все способный. И въ этомъ отношеніи кто ни попъ, тотъ и батька. У нихъ и Вашингтонъ либералъ, и Сенъ-Жюстъ либералъ, и Мордвиновъ либералъ, что̀ не мѣшаетъ быть либералами и Бѣлинскому и Герцену. Для многихъ изъ нихъ, Полевой, напримѣръ, выше Карамзина, потому что сей послѣдній озаглавилъ твореніе свое: Исторія государства Россійскаго, а тотъ Исторія Русскаго народа, что̀ гораздо либеральнѣе и слѣдовательно умнѣе: государство отзывается старою школою. Государство—назадъ, народъ—впередъ!

(*Продолженіе будетъ*).

ИЗЪ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО.

Умныя рѣчи пріятно послушать. Отсюда понятно не только желаніе, но даже удовольствіе подѣлиться такими рѣчами съ ближнимъ, въ назиданіе сему послѣднему.

Вотъ рѣчь Ивана Онуфріевича Сухозанета [1]), 17 Октября 1846 г. къ поступившимъ въ томъ году въ Военную Академію офицерамъ: „Я вамъ „повторяю то, что̀ говорю при началѣ курса ежегодно. Вы приняты и „должны заниматься, учиться; Академія не щадитъ лѣнивыхъ. Не всѣмъ „достается переходить въ практическій [2]) классъ; иные, вмѣсто того, „исключаются изъ Академіи. Кромѣ занятій, вы не должны забывать „службы: отъ васъ конечно здѣсь не потребуютъ мелочей, но строго „соблюдайте форму—ни малѣйшаго отступленія!"

А вотъ рѣчь и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, бесѣда его же 14 Ноября 1846 г. Въ этотъ день, утромъ, по отданному заранѣе приказанію, всѣ, и начальники, и обучавшіеся въ Академіи офицеры, явились въ классы въ полной формѣ. За чѣмъ, того никто не зналъ, хотя и догадывались, что поводомъ къ такому парадному собранію послужилъ проступокъ Жданъ-Пушкина, выпускнаго уже (т. е. кончившаго курсъ въ Академіи) артиллерійскаго прапорщика, который явился къ Сухозанету съ недостаточно-выбритымъ подбородкомъ „съ бородой à la Henri IV", по выраженію Ивана Онуфріевича. Теоретическій классъ сталъ, по полка̀мъ, противу оконъ въ той комнатѣ, гдѣ находился (а можетъ быть и теперь находится) портретъ Государя Императора; позади этого класса сталъ классъ практическій, а насупротивъ окончившіе курсъ офицеры, еще не отправленные къ мѣстамъ службы. Начальство стояло по срединѣ. Долго ждали главнаго начальника; наконецъ, раздалось: ѣдетъ! У всѣхъ, даже у вице-директора (покойнаго генерала Ризенкампфа) руки вытянулись по швамъ. Впрочемъ, Ризенкампфъ стоялъ надувшись, какъ старый кадетъ, и переваливался съ ноги на ногу. Сухозанетъ вошелъ въ сертукѣ и фуражкѣ и уже послѣ обнажилъ голову. Штабъ-офицеры — нѣчто въ родѣ надзирателей—представляли ему, каждый, своихъ офицеровъ теоретическаго класса, составленнаго изъ вновь поступившихъ въ Академію. Это представленіе ограничивалось довольно глубокимъ поклономъ его высокопревосходительству каждаго, кого называли по фамиліи. За тѣмъ Сухозанетъ произнесъ слѣдующую рѣчь: „Я, господа, собралъ васъ, чтобъ „говорить съ вами о самомъ непріятномъ случаѣ. Я замѣчаю, что въ „васъ нисколько нѣтъ военной дисциплины. Наука, въ военномъ дѣлѣ, „не болѣе какъ пуговица къ мундиру: мундиръ безъ пуговицы не льзя „надѣть, но пуговица еще не составляетъ всего мундира. Въ этомъ (разумѣй недостатокъ дисциплины) вы, господа, виноваты, продолжалъ онъ, „обращаясь къ генералу Ризенкампфу и штабъ-офицерамъ; это совершенно „но отъ васъ зависитъ, и я замѣчаю, что вы, Александръ Павловичъ

---

[1]) И. О. Сухозанетъ, храбрый артиллерійскій генералъ, отличившійся въ Лейпцигскомъ сраженіи и подъ Остроленкою. *П. Б.*

[2]) Въ Военной Академіи было тогда два класса: младшій—теоретическій и старшій — практическій.

„(Ризенкампфъ) и (указывая рукою) гг. штабъ-офицеры, дѣлаете послабле-„нія. Иначе, какъ осмѣлился бы Пушкинъ просить, чрезъ штабъ-офице-„ра, позволенія объясниться со мною? *Я* буду объясняться съ прапорщи-„комъ!! Значитъ, вы, господа, допускаете подобныя объясненія. Ну, ска-„жи напримѣръ ты, Б-тъ“, сказалъ ораторъ, обращаясь къ одному изъ штабъ-офицеровъ, „что̀ бы ты сдѣлалъ, если бы тебя встрѣтилъ офицеръ, „хотя и не твоего отдѣленія, и не то что̀ не въ должномъ порядкѣ, а на „примѣръ, съ растегнутыми крючками, или съ другимъ какимъ отступле-„ніемъ отъ формы?“—Я остановилъ бы его, сдѣлалъ бы ему замѣчаніе... началъ было Б-тъ. „Ну, а вы, Б-чъ, что̀ бы вы сдѣлали, если бы, на „вашемъ дежурствѣ, офицеръ опоздалъ въ классы?“—Я, ваше высокопр-во, „сперва постарался бы узнать причину..... „Какъ? Что!? Вы стали бы „объясняться! Я такъ и думалъ, продолжалъ Сухозанетъ, начиная дро-жать всѣмъ тѣломъ.... „Какъ вы отвѣтили мнѣ, Б...тъ?“—Я, ваше в...... во (сказалъ Б-тъ, измѣняя свой первый отвѣтъ) сей часъ доложилъ бы о томъ Стѐфану (другому штабъ-офицеру) „Какъ, Стѐфану? Это за чѣмъ? „Почему Стѐфану?“ Б-тъ молчалъ, а Сухозанетъ не спускалъ съ него глазъ.... Я, ваше впр..-во, тотчасъ отвелъ бы его къ вице-директору, проговорилъ наконецъ Б-тъ.—„Это зачѣмъ!? Вашъ первый отвѣтъ былъ „гораздо лучше. Стыдитесь, господа; вы здѣсь не школьники надъ школь-„никами; вы здѣсь полные начальники; вы можете и должны требовать „совершеннаго повиновенія. Здѣсь не университетъ, гдѣ какой нибудь „профессоришка, колежскій елистраторишка, котораго никто и въ грошъ „не ставитъ, которому ничего и не остается больше дѣлать, какъ жало-„ваться. Вы всегда и во всякое время (продолжалъ Сухозанетъ, возвыся „голосъ) можете сами послать офицера подъ арестъ — сперва въ Акаде-„мію, потомъ на гауптвахту и только доложить объ этомъ президенту. А „то они думаютъ, что, безъ меня, никто ихъ и арестовать не можетъ, „что о нихъ надо доводить до свѣдѣнія Самаго Государя Императора! Объя-„сняться съ ними!! Да ежели я узнаю причину проступка офицера, то „значитъ я уже дѣлаю снисхожденіе; тогда я уже становлюсь болѣе от-„цомъ, нежели начальникомъ (обращаясь къ обучающимся). Вотъ настоя-„щій смыслъ военной дисциплины! Только проникнувшись ею, вы будете „въ состояніи водить людей на смерть, а то хоть будьте разстратѐгами, „безъ дисциплины ни къ чему не будете годиться“. Выходя изъ залъ Ака-деміи, Иванъ Онуфріевичь встрѣтилъ одного выпускнаго офицера... „А ты гдѣ былъ?“—Выходилъ, ваше впр-во.—„Вотъ у нихъ дисциплина! Ждутъ начальника, а онъ (офицеръ) пошелъ до в....ру!“

Рѣчь, выраженная въ литографированномъ приказѣ его же 14 Февр. 1847 г., здѣсь прилагается. Въ началѣ приказа говорится о только что разсказанномъ случаѣ. О какомъ проступкѣ и какого офицера говорится во второй половинѣ приказа, рѣшительно не припомню; а трудно было бы забыть, если бы здѣсь было что нибудь похожее на проступокъ.

Кто, знакомый съ временемъ 1846—1847 годовъ, повѣритъ, что тогда дисциплина могла падать въ Военной Академіи? И откуда же эти вопли Сухозанета объ упадкѣ дисциплины? Сдѣланный президентомъ Военной Академіи, Сухозанетъ давно уже былъ на покоѣ; наука его не интересовала; въ нее онъ не вѣрилъ, проповѣдуя постоянно, что „безъ науки побѣждать возможно“; а надо же было проявлять хотя изрѣдка служебную дѣятельность, и вотъ дисциплина падаетъ, а онъ ее поддерживаетъ.

Жалѣю, что у меня сохранились только три приведенныя рѣчи; ихъ было больше; но я на столько уважаю истинну, что не рѣшусь говорить ни на память, ни понаслышкѣ.

Старый воспитанникъ Военной Академіи.

ПРИКАЗЪ ПО ВОЕННОЙ АКАДЕМІИ. 14 ФЕВРАЛЯ 1847 ГОДА.

Въ концѣ прошлаго года, предъ послѣднимъ академическимъ выпускомъ, я имѣлъ уже случай замѣтить, что правила военной дисциплины послаблены между офицерами, образующимися въ Военной Академіи; я тогда же изъявилъ глубокое свое негодованіе не только г. вице-директору и каждому изъ гг. штабъ-офицеровъ поодиночкѣ, но и собиралъ нарочно всѣхъ офицеровъ какъ выпускныхъ, такъ и остающихся въ Академіи, и въ присутствіи всего начальства, въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, доказывалъ, въ какой степени эти правила необходимы, и какъ этимъ образомъ мыслей должны быть проникнуты тѣ молодые офицеры, которыхъ образованіе устремлено къ высокой цѣли приготовленія ихъ, ежели не къ занятію самыхъ высшихъ мѣстъ въ арміи, то покрайней мѣрѣ для того, чтобы они, находясь при высшихъ начальникахъ, могли легко постигать всѣ ихъ мысли, и чтобы начальники съ своей стороны могли съ твердымъ убѣжденіемъ возлагать на нихъ порученія.

Но чего ожидать отъ того офицера, который военную дисциплину пренебрегаетъ, который субординаціи не чтетъ свято, который попираетъ чинопочитаніе? При такомъ превратномъ понятіи о военной службѣ, всѣ пріобрѣтаемыя свѣдѣнія причинятъ болѣе вреда, нежели принесутъ пользы; такой офицеръ будетъ скрытою чумою для той части войска, въ которой будетъ находиться; онъ будетъ по своимъ свѣдѣніямъ пользоваться значеніемъ, тогда какъ онъ ничего не заслуживаетъ кромѣ презрѣнія.

Сожалѣю о молодомъ офицерѣ, подавшемъ нынѣ вновь поводъ къ этому тягоствому для меня и для всей Академіи приказу. По долгу службы, я не могъ ничего сдѣлать менѣе — офицеръ наказанъ шестинедѣльнымъ арестомъ по винѣ его. Это очень слабо, но это не въ примѣръ для будущаго времени. Я ограничилъ взысканіе: не подвергъ виновнаго строгости военныхъ законовъ; чтобы не предать имени его будущему порицанію; я не хочу даже называть офицера, въ той надеждѣ, что онъ еще можетъ постигнуть и поправить ложное сужденіе о своемъ назначеніи: онъ молодъ и можетъ еще сдѣлаться полезнымъ для службы. Вину его я отношу болѣе къ послабленію начальства, раздѣляю ее лично и укоряю себя, что подъ моею командою могъ подобный безпорядокъ проявиться.

Не излишнимъ считаю здѣсь повторить еще то, что̀ я говорилъ уже нѣсколько разъ при сборѣ офицеровъ въ Академіи: безъ науки побѣждать возможно, но безъ дисциплины—никогда.

(Подписалъ) Генералъ-адъютантъ Сухозанетъ.

КАНЦЛЕРЪ КНЯЗЬ БЕЗБОРОДКО *).

ОПЫТЪ РАЗРАБОТКИ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ.

IX.

Опредѣленіе въ члены „Коммисіи о дорогахъ въ государствѣ" и „Совѣта при Ея Императорскомъ Величествѣ"—Труды по учрежденію „государственнаго заемнаго банка".—Пожалованіе въ званіе гофмейстера.

Въ началѣ 1786 года, почти одновременно, состоялись два высочайшія повелѣнія, изъ которыхъ однимъ графъ Безбородко назначался членомъ „Коммисіи о дорогахъ въ государствѣ", а вторымъ — „Совѣта при Ея Императорскомъ Величествѣ". По государственно-административному характеру и значенію, учрежденія эти представляются совершенно различными, а потому и труды Безбородки по нимъ можно разсматривать отдѣльно по каждому учрежденію.

Извѣстно, какое важное значеніе въ общественно-бытовой жизни каждаго народа имѣютъ пути сообщенія, а потому Екатерина, заботившаяся о благѣ народа своего, не могла не обратить вниманія своего и на эту важнѣйшую отрасль государственнаго благоустройства.

Вскорѣ послѣ „учрежденія о губерніяхъ" были изданы правила для завѣдыванія вообще дорогами, что̀ возлагалось на губернскія правленія, и въ то же время учреждена была „Канцелярія отъ строенія государственныхъ дорогъ", которая, въ 1780 году, была упразднена [1]). Въ 1786 г. Канцелярія была возобновлена подъ именемъ „Коммисіи о дорогахъ въ государствѣ" [2]).

При неотысканіи дѣлъ „Коммисіи о дорогахъ" и скудости имѣющихся о ней въ печати свѣдѣній, трудно опредѣлить характеръ этого учрежденія, тѣмъ болѣе, что Коммисія существовала всего только десять лѣтъ [3]).

Высочайшимъ указомъ, даннымъ на имя Коммисіи 14 Марта 1786 года, ей повелѣвалось состоять подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Императрицы, при чемъ въ число членовъ ея назначены были слѣдующія лица: графы А. П. Шуваловъ и Безбородко, генералъ-

---

*) См. выше стр. 98.

[1]) 1-ое Пол. Собр. Зак., № 15.074.

[2]) Тамъ же, № 16.346.

[3]) Коммисія упразднена была въ 1796 г., вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было закрыть и всѣ „особыя дорожныя экспедиціи" (1-е Полн. Собр. Зак., № 17. 670).

маіоръ Соймоновъ [4]), исправляющій должность Олонецкаго вице-губернатора Зиновьевъ и одинъ инженеръ. Обязанностію Коммисіи поставлялся высшій надзоръ за соблюденіемъ и приведеніемъ въ дѣйствіе правилъ, изданныхъ въ 1775 г., для завѣдыванія вообще дорогами [5]). Въ 1795 г. Коммисія представила Императрицѣ всеподданнѣйшій докладъ „съ первою частію генеральныхъ правилъ о строеніи въ Россіи дорогъ." Екатерина повелѣла разсмотрѣть его, со всѣми планами въ Совѣтѣ, который, „выслушавъ оный докладъ,—какъ записано въ протоколѣ его, 12 Марта 1795 г.,—разсудилъ изъяснить мнѣніе свое по упомянутымъ новосочиненнымъ правиламъ для дорогъ тогда, когда оныя присутствующими прочтены будутъ" [6]). Чтеніе проекта отняло весьма много времени, что́ видно изъ слѣдующей приписки на протоколѣ: „упомянутыя въ протоколѣ Совѣта отъ 13 Марта 1795 г. правила и чертежи, до строенія дорогъ касающіеся, были долгое время у господъ членовъ для прочтенія и разсмотрѣнія, а по тому Совѣту докладовано неоднократно; но положенія никакого не учинено; 26 же Февраля 1797 года, господа члены отозвались, что теперь, по упраздненіи Коммисіи о дорогахъ, слѣдуетъ оные правила и чертежи хранить токмо при дѣлахъ Совѣта" [7]).

При столь скудной результатами дѣятельности Коммисіи, за 10-ти лѣтній періодъ ея существованія, ничего нельзя сказать и о трудахъ Безбородки; но тѣмъ не менѣе должно упомянуть, что Безбородко понималъ все важное значеніе путей сообщенія въ государствѣ, и когда возбужденъ былъ вопросъ о недостаточности средствъ, которыми Коммисія можетъ распоряжаться, то Безбородко „объявилъ, что суммы до 10.000 ежегодно и до 3.000 единовременно могутъ быть ассигнованы изъ почтовыхъ доходовъ" [8]).

Ровно черезъ мѣсяцъ, 18 Апрѣля 1786 года, послѣдовало высочайшее повелѣніе, написанное собственноручно Екатериною: „графу Безбородкѣ присутствовать въ Совѣтѣ" [9]). Въ понедѣльникъ, 20 Апрѣля, Вейдемейеромъ, правителемъ канцеляріи Совѣта, отмѣчено въ запискѣ засѣданій Совѣта: „Предъявлено Совѣту высочайшее повелѣніе о присутствованіи въ ономъ г. тайному совѣт-

---

[4]) Соймоновъ, Петръ Александровичь, генералъ-маіоръ, въ это время находился при собственныхъ Ея Императорскаго Величества дѣлахъ у принятія челобитенъ (Мѣсяцесловъ на 1786 г., стр. 11).

[5]) 1-е Полн. Собр. Зак., № 16.346.

[6]) Архивъ Госуд. Совѣта. СПб. Т. I, 1869 г., столб. 686.

[7]) Архивъ Госуд. Совѣта С. П. Б. т. I, ч. II, ст. 686.

[8]) Архивъ Госуд. Совѣта, ст. 686. Рескриптъ на имя графа Безбородки, объ отпускѣ 10.000 р. на 1795 г., былъ подписанъ Екатериною, 3 Іюня 1795 г. Дѣла Кабинета Е. И. В., св. 445, № 368.

[9]) Подлинникъ хранится при протоколахъ Совѣта, въ Архивѣ Госуд. Совѣта, за 1786 г. Секретарь императрицы, Храповицкій, подъ 18 Апрѣля, въ дневникѣ своемъ отмѣтилъ: гр(афу) Без(бородкѣ) повелѣно присутствовать въ Совѣтѣ (Дневникъ А. В. Храповицкаго, съ біограф. его и указ., сост. Н. П. Барсуковымъ. СПб., 1874, 7).

нику и кавалеру Александру Андреевичу Безбородку, который сегодня и присутствовалъ". Это было первое засѣданіе Совѣта въ 1786 году, и первое, въ которомъ присутствовалъ Безбородко [10]).

Разсматривая дѣятельность графа Безбородки по званію члена Совѣта, нельзя не замѣтить, что дѣятельность эта была обширна и касалась предметовъ первостепенной государственной важности. Но, важная по предметамъ, къ которымъ относилась, эта дѣятельность представляется еще болѣе важною по тому значенію, какое графъ Безбородко имѣлъ въ Совѣтѣ, какъ членъ и, въ особенности, какъ постоянный докладчикъ верховной власти, со дня поступленія своего въ него по день смерти. И самая продолжительность, и, что̀ особенно важно, вліяніе его на ходъ государственныхъ дѣлъ, какъ увидимъ ниже, въ продолженіи болѣе двѣнадцати лѣтъ, привлекаютъ къ себѣ особенное вниманіе.

Совѣтъ, учрежденный въ 1768 году императрицей Екатериной II, „для соображенія всѣхъ дѣлъ, относящихся къ веденію Турецкой войны", только что тогда объявленной, принадлежалъ къ высшимъ государственнымъ учрежденіямъ [11]). Въ него призывались только знатнѣйшіе сановники Отечества [12]). До 22-го Января 1769 г. Совѣтъ имѣлъ характеръ чрезвычайнаго собранія, въ которомъ предсѣдательствовала сама Императрица. Засѣданій такого собранія было только 10. Такъ какъ въ нихъ скоро обнаружилось, что веденіе войны и успѣхи ея много зависятъ отъ состоянія государственныхъ финансовъ, отъ внутренняго устройства и народнаго благосостоянія, то Совѣту, по необходимости, пришлось расширить кругъ своей дѣятельности и мало по малу превратиться изъ временнаго въ учрежденіе постоянное. Съ 1769 г. Совѣтъ имѣлъ уже своимъ разсужденіемъ, кромѣ „веденія войны", чрезвычайные налоги, внѣшніе займы, разсмотрѣніе бюджета, учрежденіе и устройство банковъ. Когда появилась въ Россіи моровая язва, онъ занимался изысканіемъ средствъ къ ея прекращенію. Во время Пугачевскаго бунта, въ немъ разсуждали о мѣрахъ къ пресѣченію его. Что̀ касается до проектовъ важнѣйшихъ законоположеній, изданныхъ въ царствованіе Екатерины, то не всѣ они проходили чрезъ Совѣтъ, но большая часть ихъ была проектирована въ особыхъ коммисіяхъ,

---

[10]) Въ засѣданіи этомъ присутствовали: графъ Разумовскій, князь Потемкинъ, графъ Чернышевъ, князь Вяземскій, графъ Иванъ Остерманъ и графъ Александръ Безбородко, которые и подписали протоколъ его въ томъ порядкѣ, въ какомъ отмѣчены здѣсь фамиліи.

[11]) При составленіи очерка о Совѣтѣ, я пользовался подлинными протоколами и дѣлами, хранящимися въ Архивѣ Госуд. Совѣта, и изданіями: а) Архивъ Госуд. Совѣта, СПб. 1869 г., т. I, части 1 и 2-я; б) Историческая записка о Совѣтѣ въ царствованіе императрицы Екатерины II, сост. И. А. Чистовичемъ, СПб. 1870 г., и в) Исторія образованія Госуд. Совѣта въ Россіи, сост. Даневскимъ. СПБ. 1859 г.

[12]) Первоначально въ числѣ членовъ его были: графъ К. Г. Разумовскій, князь А. М. Голицынъ, графы Н. и П. Панины, князь М. Н. Волконскій, графъ З. Г. Чернышевъ, графъ Г. Г. Орловъ, князь А. А. Вяземскій и кн. А. М. Голицынъ. Въ послѣдствіи времени число членовъ его значительно увеличилось.

или они исходили непосредственно отъ верховной власти, или состоялись по всеподданнѣйшимъ докладамъ Сената и главнокомандующихъ отдѣльными частями.

Совѣтъ, въ царствованіе Екатерины, имѣлъ 2359 собраній, и по нимъ составлено 1598 протоколовъ. Изъ нихъ за время Безбородки состоялось 872 протокола, изъ которыхъ не подписаны имъ 253; былъ случай, когда Безбородко присутствовалъ въ Совѣтѣ одинъ, а именно 1-го Іюля 1793 г. Въ 63 засѣданіяхъ предсѣдательствовала сама Императрица. Когда Императрица не присутствовала въ Совѣтѣ, протоколы его были подносимы на ея воззрѣніе однимъ изъ членовъ Совѣта.

Призванный былъ членомъ Совѣта, Безбородко съ перваго же раза занимаетъ въ немъ особое положеніе, какъ въ отношеніи къ членамъ и дѣламъ Совѣта, такъ и въ отношеніи къ верховной власти.

До назначенія Безбородки, воля Императрицы Совѣту объявлялась, равно и протоколы засѣданій его докладывались ей, графомъ Н. И. Панинымъ, княземъ Г. А. Потемкинымъ, княземъ А. А. Вяземскимъ и правителемъ канцеляріи Стрекаловымъ; со времени же поступленія Безбородки, или точнѣе говоря, съ 1787 года, ту и другую должность исполняетъ исключительно онъ одинъ. Кромѣ того, всѣ письма, мнѣнія, проекты и другія бумаги, имѣющія отношенія къ занятіямъ Совѣта, прежде докладывалисьСовѣту различными членами, смотря по тому, на чье имя были адресованы; съ поступленіемъ же Безбородки въ Совѣтъ, всѣ подобныя бумаги, по большей части, адресовались на его имя [13]), имъ однимъ исключительно докладывались и писались.

Къ числу послѣднихъ слѣдуетъ отнести указы Императрицы о назначеніи новыхъ членовъ, писанные рукою Безбородки и только подписанные Екатериною, которая, надо думать, назначала ихъ не безъ рекомендаціи Безбородки [14]). Кромѣ того, и самыя повѣстки о дняхъ, назначенныхъ Императрицею для экстренныхъ засѣданій Совѣта, писались собственноручно Безбородкою [15]).

---

[13]) Бумаги эти, къ сожалѣнію, не отыскались въ архивѣ. Краткое содержаніе ихъ напечатано въ изданіи: „Архивъ Государственнаго Совѣта“, которымъ я и пользуюсь при своемъ изложеніи. О другихъ письмахъ, не вошедшихъ въ мой текстъ, считаю не лишнимъ упомянуть, что онѣ напечатаны на нижеслѣдующихъ страницахъ 1-й и 2-й ч. I тома „Архива“: въ 1-й ч.: 631, 663, 729, 783, 807, 808, 811, 813, 854, 859, 860, 862, 863 и 914; во 2-й ч.: 32, 38, 90, 302, 368, 374 и 383.

[14]) Содержаніе указа о назначеніи членовъ въ 1787 г. слѣдующее: „Въ 31 день Августа, по утру, въ 11 часу, сверхъ наличныхъ членовъ Совѣта, собраться въ ономъ генераламъ: графу Брюсу, Салтыкову, графу Мусину-Пушкину, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникамъ графу Шувалову и графу Воронцову, тайнымъ совѣтникамъ Стрекалову и Заводовскому. Екатерина. Въ С.-П.-бургѣ. Августа 30. 1787 г.“. (Подлинные протоколы Совѣта въ его архивѣ, за 1787 годъ).

[15]) См. протоколы Совѣта, хранящіеся въ Архивѣ Госуд. Совѣта за 1788 г., стр. 400 и за 1789 г., стр. 144.

Нельзя не отмѣтить и того внѣшняго, но для исторіи и характеристики Безбородки весьма важнаго факта, что, съ поступленіемъ его въ Совѣтъ, протоколы пріобрѣтаютъ гораздо болѣе интереса и полноты. До Безбородки протоколы были излагаемы чрезвычайно сжато; записывались въ нихъ только предметы разсужденій и состоявшіяся опредѣленія Совѣта; со вступленіемъ Безбородко, они становятся просторнѣе и полнѣе. Безбородко понималъ, что Совѣтъ величайшаго въ свѣтѣ государства работаетъ не для временнаго только обихода, но и для исторіи своей страны, для всемірной исторіи. Въ этомъ отношеніи онъ достигъ того, что Совѣтъ поставилъ своею задачею „излагать весь ходъ разсужденій со всѣмъ разнообразіемъ обращавшихся въ немъ мнѣній" [16]).

Назначенные въ Совѣтъ члены присягали хранить въ тайнѣ разсужденія его. Каждый вступающій членъ подписывалъ свою фамилію на присяжномъ листѣ. Фамилія Безбородки находится въ немъ рядомъ съ фамиліею графа Остермана, въ углу правой стороны листа, что̀ лишаетъ возможности опредѣлить, которое мѣсто должна занимать фамилія Безбородки въ общемъ спискѣ членовъ. По списку же, составленному Вейдемейеромъ за время Екатерины II-й, онъ занимаетъ 19-е мѣсто, между фамиліями графа Андрея Петровича Шувалова и Степана Ѳедоровича Стрекалова.

По роду и свойству вопросовъ, возникавшихъ въ Совѣтѣ, дѣятельность Безбородки можетъ быть разсматриваема въ связи съ событіями царствованія Екатерины Великой.

Первое, по времени, дѣло, въ которомъ принималъ дѣятельное участіе Безбородко, заключалось въ разсмотрѣніи Совѣтомъ записки графа А. П. Шувалова объ учрежденіи Заемнаго Банка.

Въ Апрѣлѣ 1786 г. графъ Шуваловъ подалъ Императрицѣ записку, въ которой представлялъ, что, для улучшенія государственныхъ финансовъ, необходимо новое учрежденіе ассигнаціонныхъ банковъ. Государыня, 10 Апрѣля тогоже года, писала: „Прочитавъ со вниманіемъ поданную намъ записку отъ нашего дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Шувалова о разныхъ выгодныхъ государству распоряженіяхъ посредствомъ банковъ ассигнаціонныхъ, пріемлемъ съ особливымъ удовольствіемъ труды помянутаго нашего дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, соединенныя съ усердіемъ къ службѣ нашей и искусствомъ въ дѣлахъ и, желая, дабы способы, имъ представляемые къ пользѣ и славѣ имперіи нашей и къ утвержденію всеобщаго довѣрія къ заведеніямъ нашимъ, наилучшимъ образомъ въ дѣйство произведены быть могли, — повелѣваемъ ему, графу Шувалову, съ нашими дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Воронцовымъ и тайными совѣтника-

[16]) При учрежденіи Совѣта, въ 1769 г., для собраній его назначены были два дня въ недѣлю: Понедѣльникъ и Четвергъ; собирались члены къ 10 часамъ утра. Въ лѣтніе дни Совѣтъ собирался въ Понедѣльникъ, гдѣ присутствовала Императрица, а въ Четвергъ въ Петербургѣ; въ послѣдствіи Совѣтъ, по множеству дѣлъ, сталъ собираться и по Субботамъ.

ми Завадовскимъ и графомъ Безбородкомъ вступить въ подробное сего дѣла разсмотрѣніе, составить, по содержанію означенной записки, надлежащіе планы и проекты и оныя намъ представить" [17]). Вслѣдъ за тѣмъ, другимъ указомъ, отъ 6 Мая, велѣно было присутствовать въ этой вновь образованной Коммисіи генералъ-майору Ермолову. Едва только состоялся указъ объ Ермоловѣ, какъ Коммисія, въ первыхъ числахъ Іюня, представила свои соображенія во всеподданнѣйшемъ докладѣ, за подписью всѣхъ членовъ, а 15 числа онъ внесенъ былъ Безбородкой, по приказанію Государыни, на разсмотрѣніе въ Совѣтъ [18]). Нѣтъ надобности говорить подробно объ этой новой финансовой мѣрѣ, предпринятой правительствомъ для улучшенія государственной казны; она подробно и всесторонне должна быть разсмотрѣна въ сочиненіяхъ, спеціально посвященныхъ Русскимъ финансамъ. Достаточно будетъ привести здѣсь слова Совѣта, записанныя въ его протоколѣ, чтобы видѣть, какъ смотрѣли на эту мѣру тогдашніе передовые государственные люди и сама Екатерина.

Въ протоколѣ читаемъ: „Совѣтъ, уважая изображенную въ докладѣ надобность въ деньгахъ для уплаты долга и для разныхъ государству полезныхъ и нужныхъ предпріятій, какъ то строенія Московской дороги, дѣланія Вытегорскаго канала и прочихъ, не можетъ не быть согласенъ на предложенное устроеніе государственныхъ банковъ съ опредѣленіемъ новой, для раздачи въ займы, суммы и разныхъ выгодъ для самихъ банкировъ, яко на средство, человѣколюбію Ея Императорскаго Величества и матернему ея о благѣ вѣрноподданныхъ своихъ попеченію столь сообразное: ибо безъ отягощенія народнаго удовлетворяетъ оно вышеозначенному предмету, доставляя при томъ дворянству и городамъ вспоможеніе на пользу земледѣлія, хозяйства и торговли. А дабы сіе средство воспріяло скорѣе свое дѣйствіе, выгодное казнѣ и государству, можно бы, по мнѣнію Совѣта, не опредѣлять срока для начатія раздачи новой заемной суммы, но по обнародованіи манифеста и по учрежденіи банка выдавать, сколько когда ассигнацій въ готовности будетъ. Сверхъ того Совѣтъ почитаетъ нужнымъ объяснить въ манифестѣ причину, для которой положены разные проценты въ дворянскомъ и городскомъ займахъ" [19]).

Одинъ только генералъ-прокуроръ, князь Вяземскій, не раздѣлялъ убѣжденій Совѣта, и подалъ отъ себя особое мнѣніе, о чемъ можно заключать изъ слѣдующихъ словъ его записки, писанной по поводу присланныхъ изъ Совѣта бумагъ по этому дѣлу: „Не нахожу ничего такого",—писалъ князь Вяземскій,—„которое бы могло убѣдить совѣсть мою къ перемѣнѣ моихъ мыслей, представленныхъ отъ меня Ея Величеству. Почему и остаюсь относительно сего на томъ мнѣніи. А какъ въ докладѣ и манифестѣ предпола-

---

17) Дѣла Каб. Е. И. В., св. 442, № 357.

18) Архивъ Госуд. Совѣта, С. П. Б. 1869 г. т. I, ч. II. столб. 536—562.

19) Архивъ Госуд. Совѣта, С. П. Б. 1869 г. т. I, ч. II, столб. 535—536.

15*

гаются и такія матеріи, которыя не вошли въ записку графа Андрея Петровича, по важности коихъ и по сущей слабости теперь головы моей, не могу ничего сказать рѣшительно“ [20]).

Результатъ трудовъ Безбородки и другихъ лицъ, по этому финансовому вопросу, извѣстенъ: въ 1786 г. былъ учрежденъ Государственный Заемный Банкъ и ассигнаціонные банки соединены въ одинъ, получившій названіе Государственнаго Ассигнаціоннаго Банка [21]).

Государственный Заемный Банкъ выпустилъ 33 милліона новыхъ ассигнацій, сверхъ находившихся въ обращеніи 50 милл., а для увеличенія средствъ казначейства было выпущено еще 17 милліоновъ. Долги же казначейства и кабинета, превышавшіе въ это время 22½ м. р., предполагалось покрыть отчасти этими 17 м., отчасти доходами Заемнаго Банка.

Выпущенныя на 100 милл. ассигнаціи, по видимому, поправили финансы; но если въ 1783 г. ассигнаціи вымѣнивались съ платежемъ лажа, то теперь, естественно, онѣ не могли удержаться въ номинальной цѣнѣ. Дороговизна обнаружилась въ столицахъ, въ мѣстахъ скопленія денегъ; цѣна ассигнацій упала до 68½ к. вмѣсто рубля, а рубль серебрянный дошелъ до 146 коп [22]).

За труды свои Безбородко, какъ и его товарищи, были щедро вознаграждены Императрицей. Изъ сохранившейся переписки Безбородки съ княземъ Потемкинымъ видно, что первый былъ главнымъ дѣятелемъ въ этомъ дѣлѣ [23]), такъ какъ къ нему обратился

[20]) Архивъ Госуд. Сов., С. П. Б. 1869 г. т. I, ч. II, столб. 536.

[21]) 1-ое Полн. Собр. Зак., № 16. 409.

[22]) Русскій Вѣстникъ 1858 г., Декабрь, т. XVII, стр. 343.

[23]) Н. А. Львовъ, въ письмѣ своемъ къ Державину, отъ 19 Іюня 1786 г., отсовѣтывая ему продавать деревню Михайловскую, между прочимъ, пишетъ о скоромъ открытіи новаго заемнаго банка. По его выраженію: „вся сія операція безмѣрной важности выдумана графомъ Андреемъ Петровичемъ (Шуваловымъ, директоромъ ассигнаціон. банка, сенаторомъ по межевой экспедиціи и главнымъ надзирателемъ шпалерной мануфактуры), обработана же графомъ Александромъ Андреевичемъ, графомъ Александромъ Романовичемъ (Воронцовымъ) и Петромъ Васильевичемъ Завадовскимъ (Соч. Г. Р. Державина, изд. академикомъ Я. К. Гротомъ, т. V, стр. 492).

Въ Диканьскомъ Архивѣ князя С. В. Кочубея (по моей описи, № 1401) хранится нѣсколько бумагъ, писанныхъ собственноручно карандашемъ Безбородкою, разобрать которыя нѣтъ никакой возможности. По нѣкоторымъ отдѣльнымъ фразамъ можно заключить, что бумаги эти содержатъ черновой проектъ манифеста о банкахъ и разныя цифирныя выкладки. Достаточнымъ свидѣтельствомъ о трудахъ Безбородки въ этой Коммисіи можетъ служить письмо его къ графу А. Р. Воронцову, писанное въ Маѣ 1786 года, слѣдующаго содержанія: „Завтрѣ мы будемъ бесѣдовать по нашей коммисіи. Здѣсь я по сіе время не вижу затрудненій, развѣ они изъ Александровска *) вдругъ послѣдуютъ. Надобно очень спѣшить концомъ дѣла, дабы успѣть огрызаться противу всякаго невѣжества; но мнѣ кажется, что у насъ все не такъ скоро готово будетъ. Дѣло станетъ не за Петромъ Васильевичемъ. Ежели бы ему все дали, хотя просто и черно отдѣланное, давно

*) Дача генералъ-прокурора князя Вяземскаго? *П. Б.*

Потемкинъ, вѣроятно, по приказанію Екатерины, за совѣтомъ, кого чѣмъ наградить. Безбородко не отказался содѣйствовать своимъ товарищамъ по службѣ и письменно отвѣчалъ на запросъ Потемкина слѣдующими собственноручными двумя письмами. 16 Іюня 1786 г. онъ писалъ о себѣ: „Излишнее было-бы дѣло изъяснять вашей свѣтлости, колико тронутъ я отзывомъ Государыни относительно труда нашего. Я считаю и то себѣ въ большое награжденіе, что работа, въ коей я участвовалъ, угодна Ея Величеству; но когда вы, по милости своей, приказываете мнѣ откровенно сказать вамъ мои желанія, то, сему повинуяся, смѣю представить, что денежное награжденіе не принесетъ мнѣ большой пользы въ моемъ состояніи. Получивъ въ три раза, по милости монаршей, при знатныхъ и славныхъ случаяхъ, гдѣ и я употребленъ былъ, семь тысячь душъ для заведенія въ нихъ хозяйства, для по способности къ нимъ необходимо-нужныхъ деревень, сдѣлалъ я большіе долги, кои, конечно, и просить было бы совѣстно замѣнять денежными наградами, особливо теперь, когда и открываютъ способы доброю экономіею, въ извѣстное время, избавиться отъ подобнаго бремени. Самая величайшая для меня была бы милость, если бы Ея Величество благоволила пожаловать изъ недвижимыхъ имѣній въ Малой Россіи нѣкоторое количество прилегаемыхъ къ моимъ деревнямъ и кои хотя разсѣяны, состоятъ въ разныхъ частяхъ самыхъ мелкихъ и приносятъ самые мелкіе же доходы, но для меня тѣмъ выгодны, что мои маетности оными поправятся. Я осмѣливаюсь приложить онымъ записку [24]), оставляя на волю вашу употребленіе ея или убавку; да и вообще благодѣтельному старанію вашему ввѣряю жребій мой, прося вашу свѣтлость предохранить, чтобъ не приняли сего въ досаду, такъ какъ и подать увѣреніе, что я всякую монаршую милость приму съ достодолжнымъ благодареніемъ. Чтобъ не имѣла Ея Величество сомнѣнія по множеству названій деревень Малороссійскихъ, упомянутыхъ въ запискѣ, ваша свѣтлость скажете самую истину, что оставшіяся изъ нихъ за раздачею суть вовсе незавидныя, да и такія, въ коихъ и приращенія быть не можетъ“ [25]).

Въ другомъ письмѣ Безбородко писалъ о своихъ товарищахъ по трудамъ: „Ваша свѣтлость, по особливой ко мнѣ довѣренности, благоволили, чтобы я объяснился относительно товарищей моихъ по извѣстной коммисіи. Исполняя вашу волю, съ должною откровенностію, имѣю честь донесть. Что́ принадлежитъ до графа Андрея

бы онъ то кончилъ, а сдѣланное и поправить легче. Но подумайте, что начатая записка у графа Андрея Петровича третьяго дня еще не была кончена. Пункты о мелкихъ билетахъ, о мѣди и о прочемъ не сдѣланы, штаты банковъ не начаты. Я сомнѣваюсь, чтобъ я въ три недѣли мы поспѣли. Я о семъ поговорю съ вами завтрѣ. Пребываю искренно вамъ преданнымъ“.

[24]) Записки я не отыскалъ.

[25]) Опытъ разработки новѣйшей Русской исторіи. Графы Н. и П. Панины. Соч. П. Лебедева. СПб. 1863, 317—318.

Петровича, неоспоримо онъ былъ первый въ дѣлѣ семъ и по изобрѣтенію и по труду, занимаяся онымъ близко года, съ того времени, какъ я ему сообщилъ волю и намѣреніе Государыни о пособіи городамъ и разнымъ предпріятымъ ея заведеніямъ и объ изысканіи средствъ къ умноженію доходовъ. Ваша свѣтлость проникли его мысли, и если онъ удостоится пожалованія перваго ордена съ знатною денежною суммою, то конечно всѣ его желанія удовлетворятся. Графъ Александръ Романовичъ и Петръ Васильевичъ, я думаю, совершенно довольны будутъ, если имъ пожаловано будетъ тысячь по пятидесятъ, а при томъ первому крестъ и звѣзда алмазная св. Александра Невскаго, а послѣднему орденъ св. Владиміра перваго класса; но, впрочемъ, примите, ваша свѣтлость, сіе какъ единственно для васъ сказанное, и ежели найдете что излишнимъ, вы сами то лучше исправите, привыкши людямъ отдавать справедливость и одобрять усердіе къ службѣ. Денежныя суммы, на награжденіе употребляемыя изъ Кабинета, замѣнятся съ избыткомъ изъ тѣхъ, кои казна пріобрѣтетъ отъ вымѣна ассигнацій и отъ другихъ, сверхъ предложеннаго нами расчета находимыхъ. Сихъ послѣднихъ тотчасъ вступитъ полмилліона, особливо, ежели конторъ не заводить. Я забылъ доложить вашей свѣтлости, что слышалъ я прежде желаніе Петра Васильевича быть гофмейстеромъ; но кажется, что первое для него будетъ выгоднѣе, развѣ бы крестъ замѣнить симъ званіемъ" [26]).

Ходатайство Безбородки и всесильнаго Потемкина увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: каждый изъ трудившихся, о которыхъ писалъ Безбородко, получилъ желаемое [27]). Награды эти были объявлены 28 Іюня 1786 года, въ день восшествія на престолъ Императрицы. О пожалованіи Безбородкѣ деревень въ современныхъ газетахъ было сказано глухо, что они „въ указѣ, данномъ Сенату, поимянованы" [28]). Въ началѣ же этого указа, между прочимъ, сказано, что деревни жалуются Безбородкѣ въ воздаяніе ревностной службы и трудамъ, подъемлемыхъ ко благоугодности нашей и на поль-

---

[26]) На письмѣ рукою князя Потемкина помѣчено: „16 Іюня 1786 года". Подлинное письмо хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

[27]) 28 Іюня состоялся указъ о выдачѣ графамъ Шувалову и Воронцову и Завадовскому, первому 60.000 р., а послѣднимъ по 50.000 р., между прочимъ, въ немъ сказано: „Сверхъ того трудившимся подъ вѣдѣніемъ ихъ и нашего тайнаго совѣтника графа Безбородко на раздѣлъ по росписи, у сего приложенной, 15.000 р." Сумма эта была раздѣлена такимъ образомъ: на канцеляріи графовъ Шувалова и Безбородки — по 6.000 р., а графа Воронцова и Завадовскаго по 1.500 р. (Дѣла Кабинета Е. И. В., св. 442, № 536).

[28]) СПб. Вѣдомости за 1786 г. 30 Іюня, № 52, стр. 629. Таинственное опубликованіе награды, пожалованной Безбородкѣ, навело нѣкоторыхъ изъ его пріятелей на догадки. Такъ Свистуновъ, въ письмѣ къ Державину, 2 Іюля, сообщая о лицахъ, награжденныхъ 28 Іюня, между прочимъ, упоминаетъ о наградѣ Безбородкѣ, которому (пишетъ онъ) пожаловано „слышно, что 1.200 душъ монастырскихъ" (Соч. Державина, изд. академик. Я. К. Гротомъ, т. V, стр. 499).

зу государственную“ [29]). Въ день-же объявленія наградъ, 28 Іюля, послѣдовалъ на имя участвовавшихъ въ Коммисіи, по учрежденію Заемнаго Банка, высочайшій рескриптъ, въ которомъ Императрица проводитъ мысль, что дѣло Коммисіи далеко еще не кончено. „Принявъ съ особливымъ удовольствіемъ усердные труды ваши,—писала Екатерина,—„въ разсмотрѣніи плана, отъ перваго изъ васъ намъ поданнаго, о способахъ на разныя выгоды государству, посредствомъ новаго устроенія ассигнаціонныхъ банковъ и въ распространеніи того плана на вящую пользу Имперіи, мы уже волю нашу изъявили манифестомъ, обнародованнымъ въ первый день двадесять пятаго лѣта нашего царствованія и указами нашими Сенату и прочимъ, до кого касалося, данными. А дабы и прочія предположенія наши по сей части достигли желаемаго успѣха, поручаемъ вамъ: первое, на основаніи представленія вашего, въ докладѣ изъясненнаго, собрать отъ генералъ-губернаторовъ и правящихъ ту должность свѣдѣнія о городахъ съ мнѣніями ихъ, которому изъ нихъ какую ссуду и какимъ образомъ назначить можно, для подкрѣпленія торговли, ремеслъ и промысловъ, и все то намъ взнесть, съ вашимъ разсужденіемъ, благовременно, дабы срокъ, для займовъ городамъ предполагаемый, упущенъ не былъ. Второе, представить намъ подробный планъ, на какомъ основаніи быть Монетному Двору, Государственному Ассигнаціонному Банку, отъ насъ позволяемому, имѣя за правило соизволеніе наше, чтобъ изъ золота и серебра дѣлана была особая банковая монета, достоинствомъ лучшей иностранной не уступающая. Третіе, взнесть къ намъ подробныя положенія, касающіяся до Страховой Конторы, до есконта или учета векселей и вообще, что́ слѣдуетъ по первоначальнымъ отъ насъ начертаніямъ изъяснить и распространить къ пользѣ государственной по сей части. И, наконецъ, четвертое, сочинить, на разсмотрѣніе наше, для обоихъ банковъ, проекты уставовъ и штатовъ, равно и о прочемъ, что̀ вслѣдствіе того нужнымъ и полезнымъ признано будетъ, подать намъ ваши представленія [30]“). Результаты этого рескрипта извѣстны.

---

[29]) Содержаніе этого указа слѣдующее: „Указъ нашему Сенату. Въ воздаяніе ревностной службы нашего тайнаго совѣтника графа Александра Безбородка и трудамъ имъ подъемлемымъ ко благоугодности нашей и на пользу государственную, всемилостивѣйше пожаловали мы ему въ вѣчное и потомственное владѣніе въ Малороссіи оставшееся отъ раздачи изъ бывшихъ на урядѣ генеральнаго подскарбія мѣстечко Чернухи съ прочими деревнями; урядовыя деревни генеральнаго и судоваго писарей, съ хуторомъ Тиницкимъ; втораго генеральнаго есаула, полковниковъ Прилуцкаго и Нѣжинскаго, сотниковъ: Глуховскаго, съ казенными прудомъ и лѣсомъ, на рѣчкѣ Шосткѣ, Басанскаго и Куренскаго; также села урядовыя: Евламовку, Куликовку, Ильницы, Хотуничи, Осполковъ и деревню Черныжовъ; да отписное Кантакузинское село Ольхи, съ принадлежащими къ нимъ землями и угодьями, и повелѣваемъ Сенату нашему, предписавъ куда слѣдуетъ о надлежащей оныхъ отдачѣ ему, графу Безбородкѣ, заготовить къ подписанію нашему жалованную нашу грамоту. Екатерина. Въ Петергофѣ, Іюля 26 1786 года“ (Подлинн. хранится въ Архивѣ Прав. Сената, въ СПб., кн. № 161, ук. № 89).

[30]) Дѣла Кабинета Е. И. В., св. 442, № 527.

Со времени опредѣленія въ Совѣтъ, сношенія Безбородки съ Екатериною стали еще чаще. Государыня видимо была довольна его трудами, а потому, не смотря на множество лежавшихъ на немъ должностей, пожаловала Безбородкѣ званіе гофмейстера, 20 Августа 1786 г. [31]). А на другой день Безбородко писалъ матери: „Вчера, т. е. 20 Августа, угодно было Ея Императорскому Величеству пожаловать меня своимъ гофмейстеромъ, оставляя и при прочихъ возложенныхъ на меня должностяхъ".

Эта новая должность, хотя прибавляла къ трудамъ его новыя обязанности, но тѣмъ не менѣе льстила его самолюбію, потому что званіе это носили только приближеннѣйшія къ Государынѣ лица [32]).

(*Продолженіе будетъ*)

ЗАПАДНЫЙ КРАЙ ВЪ ЕГО ИСТОРИЧЕСКИХЪ ПАМЯТНИКАХЪ.

Былая жизнь какой бы то ни было страны можетъ быть доступна для насъ двумя путями: посредствомъ знакомства съ бытомъ, судьбами и дѣяніями ея населенія, или посредствомъ изученія тѣхъ вещественныхъ памятниковъ этого быта, которые уцѣлѣли до насъ. Обязанность изобразить прошлую жизнь населенія лежитъ на историкахъ; объясненіе старинныхъ памятниковъ этой жизни принадлежитъ археологамъ. Только при совмѣстныхъ трудахъ бытописателей и реставраторовъ старины возможно болѣе или менѣе полное знаніе той жизни, которая господствовала нѣкогда въ изучаемомъ краѣ. Западныя губерніи Россіи представляютъ въ этомъ отношеніи еще ту трудность, что въ теченіе среднихъ вѣковъ главнымъ дѣятелемъ въ ихъ исторіи было Литовско-русское населеніе, а позднѣе господство въ цѣломъ краѣ перешло къ Польскому элементу, и только съ нынѣшняго столѣтія Русская жизнь стала возраждаться въ этихъ мѣстностяхъ. Отъ первой эпохи остались письменныя свидѣтельства и вещественные памятники, полузабытые, полуразрушенные, которые приходится теперь возстановлять. Эпоха Польскаго владычества не только измѣнила во многомъ внѣшній и внутренній бытъ края, но и старалась сте-

---

[31]) Храповицкій, въ дневникѣ своемъ, подъ 21 Августа, записалъ: „Поднесъ и написалъ указъ о бытіи гр(афу) А(лександру) А(ндреевичу) Б(езбородкѣ) гофмейстеромъ; число поставлено 20-е, для того, что въ тотъ день отецъ А(лександра) М(атвѣевича) Мамонова пожалованъ въ сенаторы". (Дневникъ А. В. Храповицкаго, съ біогр. и указ., сост. Н. П. Барсуковымъ, СПб. 1874, 15).

Содержаніе указа слѣдующее: „Указъ нашему Сенату. Всемилостивѣйше повелѣваемъ нашему тайному совѣтнику графу Александру Безбородку быть нашимъ гофмейстеромъ, оставляя его при прочихъ ввѣренныхъ ему должностяхъ. Екатерина. Въ Санктпетербургѣ, 20 Августа 1786 года" (Подлинн. хранится въ Архивѣ Прав. Сената, въ СПб., кн. № 161, ук. № 166, стр. 596).

[32]) П. В. Неклюдовъ, въ письмѣ къ Г. Р. Державину, 27 Августа 1786, сообщалъ: „Къ свѣдѣнію вашему, за новое донести вамъ имѣю, что на прошлой недѣлѣ графъ Александръ Андреевичъ пожалованъ гофмейстеромъ, чрезъ что онъ теперь и есть старше всѣхъ тайныхъ совѣтниковъ". (Соч. Г. Р. Державина съ объясн. прим. академика Я. К. Грота, т. V, стр. 551). Князь П. Д. Циціановъ, 3 Сентября 1786 г. писалъ В. Н. Зиновьеву: „Забылъ еще великую новость сказать: графъ Безбородко пожалованъ гофмейстеромъ, только не на мѣсто Елагина, для того что тотъ остался, по прежнему, оберъ-гофмейстеромъ" (Русск. Архивъ 1872 г.).

реть всѣ отличительные признаки и черты Русскаго быта, существовавшаго здѣсь издавна. Современная намъ жизнь съ одной стороны вызываетъ къ дѣятельности народныя начала, сохранившіяся въ мѣстномъ населеніи изъ его первоначальной исторіи, съ другой стремится возстановить эту исторію во всей ея чистотѣ, со всею ея обстановкой. Немалую услугу послѣднему дѣлу можетъ оказать Русская наука. Но ея задача двоякая: изучая прошлую исторію края, она должна не только раскрыть всѣ историческія свидѣтельства, но и снять съ нихъ тотъ нерѣдко ложный оттѣнокъ, который приданъ былъ Западно-Русской исторіи вообще во времена Польскаго владычества; а приводя въ извѣстность всѣ вещественные памятники, существующіе въ западномъ краѣ, она должна опредѣлить ихъ истинное происхожденіе и назначеніе.

Всѣмъ этимъ требованіямъ вполнѣ удовлетворяетъ шестой (къ сожалѣнію, послѣдній) выпускъ „Памятниковъ Русской старины въ западныхъ губерніяхъ Имперіи", которые изданы по Высочайшему повелѣнію П. Н. Батюшковымъ. Если мы говоримъ выпускъ, то это обозначаетъ довольно объемистую книгу въ большую четвертку и при ней прекрасный альбомъ съ 18 рисунками, изъ которыхъ девять исполнены въ Россіи, въ Петербургской хромолитографіи Траншеля, а остальные въ Германіи, у Берлинскихъ хромолитографовъ Винкельмана и Лойлота.

Отвѣчая своимъ содержаніемъ вышеуказаннымъ научнымъ требованіямъ, изданіе г. Батюшкова и въ послѣднемъ выпускѣ распадается на два отдѣла: историческій и археологическій. Въ первомъ предлагается очеркъ исторіи города Вильны, составленный профессоромъ Петербургскаго университета В. Г. Васильевскимъ, именно три послѣднія главы (отъ 1610 до 1795 г.); во второмъ отдѣлѣ напечатаны объясненія къ рисункамъ альбома и матеріалы для Западно-Русской старо-печати, къ коимъ приложены подлинный текстъ постановленій Виленскаго собора 1509 года и перечень старопечатныхъ книгъ церковно-славянскаго шрифта, вышедшихъ съ XV до XIX вѣка въ областяхъ, принадлежавшихъ нѣкогда Литовско-Польскому государству. Оба отдѣла выполняютъ такимъ образомъ главную цѣль, предположенную для изданія: разъясненіе прошлыхъ судебъ Русскаго населенія въ западномъ краѣ и разысканіе въ ономъ Русскихъ старинныхъ памятниковъ. Скажемъ нѣсколько словъ о томъ и другомъ.

О первыхъ главахъ сочиненія г. Васильевскаго уже было говорено въ первой тетради „Русскаго Архива" за 1873 годъ, и мы не будемъ повторять здѣсь вполнѣ заслуженнаго авторомъ благопріятнаго отзыва объ общемъ характерѣ его сочиненія; но считаемъ не лишнимъ хотя вкратцѣ познакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ напечатанныхъ нынѣ главъ. Вильна отъ 1610 до 1655 года, населенная Русскими, Литовцами, Поляками, Евреями и западно-европейскими выходцами, а по религіонымъ отличіямъ — православными, уніатами, католиками, протестантами всѣхъ подраздѣленій и послѣдователями іудейской вѣры, Вильна представляла собою образецъ средневѣковаго города, въ стѣнахъ котораго безпрестанно разыгрывались религіозныя смуты. Къ этой весьма характерной сторонѣ тогдашней жизни присоединялись еще явленія, свойственныя исключительно городскому быту: разрозненность цеховъ и ихъ взаимныя столкновенія, своевольство шляхты, поселившейся въ городѣ и возбуждавшей неудовольствія противъ себя въ горожанахъ, борьба торговыхъ интересовъ, мало по малу переходившихъ изъ рукъ мѣстнаго купечества въ распоряженіе Еврейской общины. Вотъ главныя стороны жизни, которыя изображаются въ шестой главѣ сочиненія г. Васильевскаго. Описаніе внѣш-

няго вида Вильны въ то время по показаніямъ иностранныхъ путешественниковъ; война на Виленскихъ улицахъ между двумя магнатскими фамиліями, Радивилами и Ходкевичами; казнь Итальянца Франки, публично осуждавшаго католицизмъ; сцены насилія при Кальвинскомъ сборѣ; дѣятельность православнаго Свято-духовскаго братства; постоянная борьба между уніатами и православными, между уніатами и католиками; дѣйствія Іосифа Рутскаго, Іова Борецкаго, Мелетія Смотрицкаго и Іосафата Кунцевича; борьба іезуитовъ съ представителями всѣхъ не-католическихъ вѣроисповѣданій, все это дало автору возможность связать исторію Вильны съ исторіей всего края и придать живость ея изложенію. Седьмая глава, излагающая состояніе Вильны подъ Русскимъ управленіемъ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (1655—1661), особенно интересна для насъ. Борьба за народность и за православіе, начавшаяся въ Малороссіи и послужившая потомъ къ освобожденію ея изъ подъ Польскаго владычества, отразилась и на судьбахъ Вильны. Если на Украйнѣ, послѣ одного сраженія съ возставшими казаками, гетманъ Конецпольскій, осматривая мѣсто битвы и видя рядомъ трупы казаковъ и Польскихъ шляхтичей, могъ сказать: „Вотъ настоящая унія, лежитъ Русь съ Поляками"; то въ 1551 году наступала такая же унія и для Вильны, къ которой приближалась рать Московскаго царя. Слишкомъ пять лѣтъ Вильна находилась подъ Русскимъ управленіемъ, и въ это время ея Русскіе горожане и православныя церкви отдохнули отъ гоненій, которымъ они подвергались до тѣхъ поръ. Любопытною чертою этихъ лѣтъ представляется то явленіе, что и Московскіе, и Виленскіе православные готовы были признать право существованія за католицизмомъ, но не хотѣли терпѣть уніи: ибо „она Всемогущему Богу грубна", ибо это была не вѣра, а замыселъ злыхъ людей, которые отступили отъ Греческаго закона и между Греческимъ закономъ и католическою вѣрою чинятъ ссору. Старанія уничтожить унію, попытки разрѣшить Еврейскій вопросъ и переговоры съ мѣстною шляхтою составляютъ самую видную сторону въ дѣйствіяхъ Русскаго управленія Вильною. Трое Русскихъ воеводъ стояли тогда во главѣ Виленскаго края: князья Черкасскій, Шаховской и Мышецкій. Первый взялъ Вильну; на долю втораго выпали наибольшія затрудненія по внутреннему управленію городомъ; третій прославился героическою обороною Виленской крѣпости, за что и былъ казненъ Яномъ Казиміромъ. Восьмая и послѣдняя глава разбираемой книги представляетъ лишь краткое обозрѣніе Виленской исторіи въ теченіе 130 лѣтъ, отъ возвращенія ея подъ власть Польши при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ до окончательнаго присоединенія къ Россіи при Екатеринѣ II. Время упадка самой Польши отразилось и на исторіи Вильны въ эту эпоху, закончившуюся сдачею города Русскимъ войскамъ подъ начальствомъ Тучкова. „Я увидалъ (писалъ самъ Тучковъ, по поводу этой сдачи) по обѣ стороны дороги къ предмѣстью двѣ толпы народа. Одна состояла изъ людей обыкновеннаго роста, другая начиналась толпою карловъ. Первая находилась на правой сторонѣ и тамъ были Греко-Россійскіе обыватели, исповѣдующіе нашу религію и вообще не участвовавшіе въ мятежѣ; другая состояла изъ Поляковъ; они стояли на колѣняхъ". Послѣдніе потому-то и показались Тучкову карлами. Русскій генералъ соскочилъ съ лошади, поцѣловалъ крестъ, поднесенный ему игуменомъ Свято-Духовскаго монастыря, потомъ опять сѣлъ на лошадь и, обратившись къ лѣвой сторонѣ, сказалъ: „Императрица Екатерина объявляетъ вамъ прощеніе. Вставайте!" Всѣ закричали: „виватъ!"

Нельзя не пожелать, чтобы „Очеркъ Исторіи города Вильны", вышедшій изъ подъ пера г. Васильевскаго, былъ изданъ и отдѣльною книгою.

Онъ можетъ быть любопытенъ и полезенъ не для однихъ любителей и знатоковъ Русской старины и ея художественныхъ памятниковъ; но, будучи изданъ въ общемъ сборникѣ съ послѣдними и при томъ въ двухъ выпускахъ его, этотъ „Очеркъ" остается недоступнымъ для большинства Русскихъ читателей, хотя и составляетъ самъ по себѣ совершенно отдѣльное сочиненіе.

Переходимъ къ археологическому отдѣлу. Въ его текстѣ описаны, на этотъ разъ, а въ альбомѣ изображены слѣдующіе старинные памятники: 1) Видъ, или лучше сказать планъ, города Вильны до 1523 года, заимствованный изъ сочиненія Георгія Брауна и Франциска Гогенбергія „Civitates orbis terrarum", которое было издано въ Кёльнѣ въ вышепомянутомъ году; 2) Развалины дворца и замка великихъ князей Литовскихъ, зданія коихъ были выстроены руками Русскихъ, приглашенныхъ Гедеминомъ въ качествѣ учителей для Литовцевъ; 3) Замковая гора въ Вильнѣ въ теперешнемъ ея видѣ; 4) Развалины Трокскаго замка, построеніе коего относится къ XIV вѣку; 5) Лидскій замокъ (1323) и Виленская церковь временъ Ольгерда; 6) Мало-можейковская церковь начала XV вѣка въ Лидскомъ уѣздѣ; 7) Плащаница, хранящаяся въ Виленскомъ Никольскомъ соборѣ; 8) Шестиконечный изъ дерева крестъ, обложенный въ XV вѣкѣ позолоченнымъ серебромъ, а мѣстами листовою мѣдью, хранившійся сперва въ Жировицахъ, а потомъ перенесенный въ Виленскій Никольскій соборъ; 9) Древній саккосъ изъ ризницы того же собора; 10) Старинный восьмиконечный крестъ изъ чернаго дерева конца XVI вѣка, принадлежавшій одному изъ господарей земли Молдавской; 11) Хранящіяся въ ризницѣ Свято-Духовскаго монастыря: чаша, подаренная въ 1594 г. царемъ Ѳеодоромъ Ивановичемъ въ церковь Зачатія Св. Анны въ Московскомъ Китай-городѣ, письмо Св. Дмитрія Ростовскаго къ М. Г. Грохольскому отъ 20 Октября 1709 года и крестъ 1690 года; 12) Страница изъ Туровскаго Евангелія XI вѣка; 13) Страница изъ пергаменнаго евангельскаго отрывка XIV вѣка, съ четырьмя заглавными буквами оттудаже, и страница изъ Николаевскаго Евангелія XVI вѣка; 14) На одномъ рисункѣ вязь и начальная буква изъ Супрасльскаго Субботника, заставка и вязь изъ Сангушковскаго памятника, начальныя буквы и заставка изъ Волковыйскаго Евангелія, двѣ заставки изъ втораго Туровскаго Евангелія и автографы Воловича, Масальской, Полубенской и Льва Сапѣги; 15) Заставка и ликъ Евангелиста Іоанна изъ Николаевскаго Евангелія и заглавная буква и орнаментъ изъ Волковыйскаго Евангелія; 16) выходный листъ Виленскаго Апостола 1525 года, вмѣстѣ со страницею изъ посланія къ Коринѳянамъ, а также образцы рѣзьбы по дереву старинныхъ Виленскихъ художниковъ; 17) Три образца изъ старопечатныхъ книгъ XVI и XVII в. и образцы шрифтовъ и рѣзьбы на деревѣ въ началѣ XVII и въ началѣ XIX столѣтій; 18) Такіе же образцы изъ старопечатныхъ книгъ XVI вѣка.

Мы уже сказали, что выпускъ, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, есть послѣдній и заканчивающій изданіе, порученное П. Н. Батюшкову. Разставаясь съ изданіемъ, редакторъ его счелъ нужнымъ указать на обиліе матеріала, который предстоитъ будущимъ дѣлателямъ, и даже прямо назвать нѣкоторые изъ Западно-Русскихъ архитектурныхъ памятниковъ, нуждающихся въ скорѣйшемъ ихъ обнародованіи. Но и тѣмъ, что́ уже сдѣлано шестью выпусками „Памятниковъ Русской старины въ западныхъ губерніяхъ Имперіи", положено прочное основаніе для изученія прежней Русской жизни и Русскихъ старинныхъ памятниковъ въ этомъ краѣ. Пожелаемъ, чтобы столь полезное для Русской науки дѣло не было покинуто.

Нилъ Поповъ.

КНИЖНЫЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ ВѢСТИ.

Исторія и Мемуары.

Въ Филадельфіи вышелъ 2-й томъ Записокъ Джона Адамса, шестаго президента Сѣверо-американскихъ Штатовъ (Memoirs of John Quincy Adams. Edited by Charles Francis Adams. Vol. II. Philadelphia, 1874, Lippincott). Прежде своего президентства онъ былъ посланъ въ 1809 году въ Россію и былъ первымъ представителемъ Сѣв. Американск. Штатовъ при Русскомъ правительствѣ. Этотъ томъ Записокъ занятъ описаніемъ пребыванія его въ Петербургѣ и переговоровъ о мирномъ трактатѣ, закончившемъ, въ 1812 году, войну между Англіей и Америкой. Выѣхавъ изъ Бостона 5 Авг. 1809 года, Адамсъ прибылъ въ П-бургъ послѣ 75-дневнаго плаванія и принятъ былъ при Русскомъ Дворѣ съ большимъ благоволеніемъ. Русскій Дворъ былъ очень доволенъ назначеніемъ постояннаго резидента отъ Американской республики, и причина этого удовольствія была высказана Адамсу канцлеромъ гр. Румянцевымъ въ интимномъ разговорѣ. „Великобританскія претензіи на морское владычество и пренебреженіе къ правамъ другихъ націй заставляютъ ихъ и въ особенности Россію, желать, чтобы еще иная великая торговая нація утвердилась въ соперничествѣ съ Англіей. Такая именно нація—Сѣверо-Американскіе Штаты; всячески поддерживать ее и помогать ей есть дѣло величайшаго интереса для Россіи, тѣмъ болѣе, что какъ той, такъ и другой державѣ, по взаимному ихъ положенію, не предстоитъ рѣшительно никакой опасности другъ отъ друга". Франція была въ эту пору на верху могущества, и Русскій Дворъ выказывалъ желаніе вступить въ тѣсный союзъ съ нею. Адамсъ приводитъ нѣсколько случаевъ, въ которыхъ выражалась исключительная внимательность къ Французскому послу Коленкуру. Такъ, на одномъ придворномъ балѣ всѣ иностранные министры съ большимъ вниманіемъ ждали, будутъ ли Императрица и Великая Княжна Анна Павловна танцовать съ Австрійскимъ посломъ. Онѣ не танцовали съ нимъ, а съ однимъ Коленкуромъ, и онъ одинъ ужиналъ съ ними за императорскимъ столомъ. Въ другой разъ, на оффиціальномъ обѣдѣ у Австрійскаго посланника, въ день рожденія Австр. императора, провозглашенъ былъ за него тостъ, и всѣ гости встали; но еще прежде чѣмъ успѣли они сѣсть, гр. Румянцевъ обратился къ бывшему по другую сторону хозяина Коленкуру съ тостомъ за здоровье Французскаго императора. Эти отношенія вскорѣ, впрочемъ, измѣнились, и Адамсу пришлось выслушивать отъ канцлера совсѣмъ иныя рѣчи объ Наполеонѣ. Однажды, когда Адамсъ сталъ выражать надежду на миръ, канцлеръ закачалъ головою и сказалъ: „Нѣтъ, это невозможное дѣло. Миръ не въ его натурѣ; онъ ни за что не успокоится. Я передамъ вамъ, между нами, что этотъ человѣкъ разъ сказалъ мнѣ. Я говорилъ съ нимъ объ Испанскихъ и Португальскихъ дѣлахъ, и вотъ какія были его слова: „Я *долженъ* все идти впередъ, не останавливаясь. А послѣ Тильзитскаго мира куда было мнѣ идти? Развѣ только въ Испанію. Я и пошелъ въ Испанію потому, что кромѣ ея идти было некуда". Но, за исключеніемъ приватныхъ бесѣдъ и личныхъ наблюденій, Адамсъ имѣлъ, повидимому, скудныя свѣдѣнія о фактахъ внутренней и внѣшней политики, потому что не имѣлъ почти вовсе

въ распоряженіи своемъ средствъ, которыми располагали другіе дипломаты: республика давала своимъ представителямъ ничтожное содержаніе. Адамсъ жилъ не только скромно, но и съ нуждою, и даже не въ состояніи былъ выѣзжать лѣтомъ на дачу. Однажды въ эту пору Государь встрѣтилъ его на улицѣ и спросилъ, отъ чего онъ остается въ городѣ? Неужели отъ недостатка средствъ? Адамсъ съ такою же откровенностью сознался въ этомъ и услышалъ отъ Государя комплиментъ за благоразумную бережливость.

—

Въ Ноябрѣ 1874 г. вышелъ въ Лондонѣ первый томъ біографіи покойнаго супруга нынѣшней королевы, принца Альберта, составленной г. Мартиномъ, по запискамъ и корресподенціямъ, предоставленнымъ въ распоряженіе сочинителя самою королевой Викторіей (The Life of H. R. H. the Prince-Consort, by Theodore Martin. Lond. 1874. Smith, Elder and C⁰). Въ этомъ томѣ, доводящемъ разсказъ до 1848 года, есть между прочимъ подробности, относящіяся къ впечатлѣнію, произведенному въ Лондонѣ посѣщеніемъ императора Николая въ 1844 году и служащія дополненіемъ того что̀ разсказано о томъ же предметѣ въ Запискахъ барона Штокмара (См. Книжныя Вѣсти 1873 года). Вотъ какъ отзывается объ имп. Николаѣ королева Викторія въ письмѣ къ королю Леопольду Бельгійскому отъ 4 Іюня 1844 года: „Разумѣется, этотъ пріѣздъ великое событіе для насъ и знакъ большой къ намъ учтивости; здѣшній народъ очень польщенъ этимъ визитомъ. Безъ всякаго сомнѣнія личность императора Николая сама по себѣ способна поразить каждаго (he is a very striking man); онъ еще очень хорошъ, профиль его прекрасенъ, манеры исполнены достоинства и граціи; онъ чрезвычайно вѣжливъ,—даже приводитъ въ смущеніе (quite alarmingly polite): до того преисполненъ вниманія и всякихъ politesses. Но выраженіе взгляда его строгое, какого я еще ни у кого не видала. На меня и на Альберта онъ производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто этого человѣка нельзя признать счастливымъ, какъ будто на немъ лежитъ тяжкимъ, болѣзненнымъ бременемъ громадная власть, соединенная съ его положеніемъ. Онъ рѣдко улыбается, а когда появляется улыбка, она не говоритъ о счастіи. Но обращеніе съ нимъ свободно и незатруднительно“.

—

Древняя Русская Исторія, соч. Рольстона (Early Russian History. Four Lectures by W. R. S. Ralstone. Lond. 1874. Sampson-Low.).

Новый трудъ почтеннаго и неутомимаго доброжелателя Россіи въ Англійской литературѣ, г. Рольстона. Содержаніе книги составляютъ четыре лекціи, прочитанныя имъ весною 1874 года, публично, въ Оксфордѣ, о древней Русской исторіи. Самъ авторъ въ предисловіи уподобляетъ свой очеркъ закускѣ, которая подается въ Россіи передъ обѣдомъ и должна служить для возбужденія аппетита. Такова и его цѣль—возбудить въ Англійской публикѣ своимъ очеркомъ интересъ къ Русской Исторіи, которая, по увѣренію его, напрасно ославлена на Западѣ своей сухостью: въ ней есть живописныя, романтическія черты, есть драматическій интересъ въ ея сценахъ.

При составленіи своей книги Рольстонъ, близко знакомый съ Русскою литературой, пользовался исключительно Русскими источниками, преимущественно сочиненіями Соловьева, Погодина, Костомарова, Бестужева-Рюмина и разсказами Петрушевскаго. Книга написана плавнымъ, яснымъ языкомъ, и разсказъ, не запутанный лишними подробностями, имѣетъ

цѣльный интерессъ для иностраннаго читателя. Въ книгѣ всего 7 главъ. Въ 1 главѣ разсказывается *легендарная исторія* Россіи, до Владиміра. 2-я глава, „*Раздѣленная Русь*, содержитъ въ себѣ краткій очеркъ удѣльнаго періода до Татаръ, 3-я глава—о Татарскомъ погромѣ, 4-я—о Татарскомъ владычествѣ, 5-я—*начало Царства*, 6-я глава—*смутное время*, содержитъ въ себѣ разсказъ о Василіи, о Грозномъ, Годуновѣ, Лжедимитріи и о междуцарствіи до Романовыхъ. На этой эпохѣ разсказъ останавливается, но въ послѣдней, 7-й главѣ, которая названа дополнительною, объясняются кратко, но обстоятельно и на основаніи Русскихъ ученыхъ изслѣдованій, нѣкоторые отдѣльные вопросы исторіи: о древнихъ Славянскихъ племенахъ, о Варягахъ и Варяжскомъ періодѣ, о происхожденіи Монголовъ и о нѣкоторыхъ Русскихъ историческихъ дѣятеляхъ, которыхъ коснулась въ недавнее время критическая мысль г. Костомарова. Русскому читателю пріятно видѣть въ изложеніи г. Рольстона не только безпристрастное, но и сочувственное отношеніе къ Россіи и къ Русской исторіи. По поводу Татарскаго нашествія Рольстонъ говоритъ о великомъ значеніи церкви въ судьбахъ земли Русской. Выписываемъ прекрасныя слова его. „Войдите, говоритъ онъ, въ Русскую церковь, не въ великолѣпный соборъ, съ которымъ соединяется идея о церкви торжествующей, но въ простую, бѣдную, иногда совсѣмъ голую деревенскую церковь, и посмотрите на крестьянскій народъ въ церкви на молитвѣ. Вглядитесь въ выраженіе умиленія и мольбы, которымъ оживляются и смягчаются черты, въ иную пору можетъ быть кажущіяся безчувственными. Подумайте при томъ, что̀ пережили въ быту своемъ эти бѣдные крестьяне, чего натерпѣлись отцы ихъ и дѣды и прадѣды: тогда поймете вы до нѣкоторой степени, чѣмъ была церковь для Русскаго человѣка въ страшную пору Татарскаго нашествія. Потомъ, когда случится вамъ проѣзжать Русскую деревню ночью, замѣтьте эти блѣдные огоньки, которые свѣтятся кое-гдѣ въ окнахъ. Это свѣтится лампада передъ иконой, передъ главною святыней Русскаго домашняго очага. Зная, чѣмъ была Россія, мы поймемъ, что въ этомъ огонькѣ—образъ того утѣшительнаго свѣта, который свѣтилъ въ непроглядной тьмѣ разоренному и отчаянному народу въ эпоху опустошенія Россіи: свѣтъ слабый и колеблющійся, но въ этомъ свѣтѣ являлось народу обѣтованіе грядущей съ высоты зари утренняго сіянія. И когда все, казалось, погребено было подъ волнами Монгольскаго варварства, въ этомъ свѣтѣ открывался взору народному образъ Того, Кто нѣкогда укротилъ бурю на озерѣ Генисаретскомъ посреди смятенныхъ учениковъ, и запретилъ вѣтру и смятенію волнъ, и улеглась буря, и бысть тишина“.

—

Исторія войны за Испанское наслѣдство, Нордена. (Noorden. Europäische Geschichte im 18 Jahrhundere, 1 Abth. Der Spanische Erbfolgekrieg, 2 Band. Düsseldorf, 1874, 592 стр.) Это сочиненіе принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ явленій исторической литературы, по основательности и полнотѣ изложенія. Въ изслѣдованіи о войнѣ за Исп. наслѣдство авторъ останавливается съ подробностію на событіяхъ великой Сѣверной войны и объясняетъ ихъ дѣйствіе на исходъ борьбы между державами Западной Европы. Сочиненіе это писано на основаніи множества новыхъ документовъ, недавно открытыхъ въ Вѣнскихъ архивахъ.

—

Германія въ войну за Испанское наслѣдство и въ великую Сѣверную войну, соч. Сугенгейма (Deutschland im Spanischen Erbfolge und im grossen Nordischen Kriege, von Prof. Sugenheim. Berlin. 1874). Книга эта содержитъ въ себѣ исторію борьбы Россіи со Швеціей, въ періодъ отъ

Утрехтскаго до Ништатскаго мира, съ объясненіемъ причинъ возвышенія Россіи въ ряду великихъ державъ Европейскихъ.

—

Дройзена, Исторія Прусской политики (Gesch. der Preussischen Politik). Въ 1874 вышелъ въ Лейпцигѣ 5 томъ этого извѣстнаго сочиненія, содержащій въ себѣ царствованіе Фридриха II.

—

Дипломатическіе этюды о восточномъ вопросѣ (Etudes diplomatiques sur la question d'Orient. Tome I. Münich, 1873, 196 стр.). Неизвѣстный авторъ въ предисловіи предлагаетъ одинъ изъ рецептовъ для разрѣшенія Восточнаго вопроса, а въ текстѣ излагаетъ новѣйшую его исторію: въ первой главѣ исторію Петербургскаго протокола 4 Апрѣля 1826 года, а во второй главѣ исторію Лондонскаго трактата 6 Іюля 1827 года. Книга написана живымъ слогомъ и легко читается. Она составляетъ повидимому только начало сочиненія, коего продолженіе обѣщано въ будущемъ.

—

Книгопродавецъ Гирдель въ Лейпцигѣ издаетъ отдѣльными томами Исторію новыхъ Европейскихъ государствъ. Недавно изданъ 7 томъ этого собранія, содержащій въ себѣ *Исторію Россіи и Европейской политики съ 1814 по 1831 годъ*, соч. г. Бернгарди (Geschichte Russlands und der europäischen Politik in den Jahren 1814 bis 1831, v. Theodor Bernhardi. Leipz. 1874, Erste Abtheilung). Въ этомъ томѣ, вслѣдъ за введеніемъ въ общую исторію Европы, изложенъ обстоятельный обзоръ древняго періода Русской Исторіи, до Петра Великаго.

—

Гогенцоллернскія колонизаціи, соч. д-ра Бегеймъ-Шварцбаха (*Beheim-Schwarzbach*, Hohenzollernsche Colonisationen. Leipzig, 1874, 637 стр.). Это сочиненіе относится къ исторіи германизаціи восточныхъ окраинъ Германской имперіи и Германскихъ завоеваній въ при-одерскихъ и привислянскихъ областяхъ; но спеціальный предметъ изслѣдованія составляетъ позднѣйшая политика Гогенцоллернскаго дома и Прусскаго правительства, въ 17, 18 и 19 вѣкахъ, по заселенію Прусскихъ земель иностранными колонистами. Особенный интересъ для Русскаго читателя представляютъ распоряженія Фридриха II и его преемниковъ по заселенію земель, пріобрѣтенныхъ въ слѣдствіе раздѣла Польши, и поселенія, при Фридрихѣ Вильгельмѣ III, выходцевъ изъ Россіи: Филипоновъ и Русскихъ въ Александровѣ.

—

Источники для исторіи Германской политики императорскаго Австрійскаго правительства во время Французскихъ революціонныхъ войнъ, изд. Вивенó (Quellen zur Geschichte der deutschen Kaiserpolitik Oesterreichs während der französischen Revolutionskriege. Herausg. v. Alfred von Vivenot. Bd. 2. Wien. 1874). Вышедшій второй томъ этого богатаго собранія содержитъ въ себѣ до 200 актовъ Австрійской дипломатической переписки съ Апрѣля 1792 по Мартъ 1793 года. Эти акты показываютъ, что оба Германскія государства, въ войнѣ своей съ Франціей, соревнуя между собою, соединялись во враждебномъ чувствѣ къ Россіи, которую подозрѣвали всего болѣе въ намѣреніи провесть ихъ и обдѣлить въ свою пользу, по случаю втораго раздѣла Польши. Для исторіи этого раздѣла они доставляютъ много интересныхъ матеріаловъ.

—

Въ Лейпцигѣ издано критическое изслѣдованіе Цейсберга объ источникахъ Польской исторіи въ средніе вѣка и объ историческихъ писателяхъ

того времени. Сочиненіе это удостоено преміи на тему, предложенную историческимъ обществомъ графа Яблоновскаго, и считается образцовымъ въ своемъ родѣ (Heinr. Zeissberg. Die polnische Geschichtschreibung des Mittelalters. Leipzig, 1873, 439 стр.).

—

Адольфъ Бееръ, авторъ Исторіи Раздѣла Польши (см. Книжныя Вѣсти 1874 года), издалъ еще собраніе важныхъ матеріаловъ, послужившихъ основаніемъ его историческаго труда. (Friedrich II und Van Swieten. Von Ad. Beer. Leipz. 1874). Это сборникъ донесеній Австрійскаго дипломата Фанъ-Свитена князю Кауницу о ходѣ ежедневныхъ переговоровъ его съ Фридрихомъ Великимъ о раздѣлѣ Польши и о взаимныхъ по поводу того отношеніяхъ между тремя державами.

—

Вивенó: Историческія причины втораго раздѣла Польши (Vivenot. Zur Genesis der Zweiten Theilung Polens. Wien, 1874).

Переписка Леопольда II, Франца II и Екатерины, изд. Бееромъ, съ предисловіемъ (Beer, Leopold II, Franz II und Catharina. Ihre Correspondenz, nebst einer Einleitung. Leipz. 1874).

Екатерина II и ея любимцы. Секретныя записки изъ семейныхъ бумагъ. (Catherine II de Russie et ses favoris. Mémoires secrets extraits de papiers de famille. 1874, Würzburg, Julien).

Deux lettres inédites de l'Imperatrice Catherine II à Stanislas Poniatowski, publiées pour la première fois d'après les originaux par P. L. Jacob, bibliophile. Paris, 1873.

Изъ военной исторіи Россіи, соч. Русскаго офицера Генер. Штаба (Zur Kriegsgeschichte Russlands, von einem Russischen Staabsofficier. Leipz. 1874, 44 стр.)

Походъ Наполеоновъ въ Москву въ 1812 году. Историческая картина, соч. Грубе (Grube, Napoleons Kriegszug nach Moskau im Jahre 1812. Ein Geschichtsbild. Stuttgart, 1874, 120 стр.).

Культурно-историческій этюдъ о Петрѣ Великомъ, соч. Рау. (Rau, Peter des Grosse. Eine Kulturhistorische Studie. Cassel. 1874, 49 стр.).

Въ Аѳинахъ изданъ учебникъ церковной исторіи, соч. Киріакоса (Kyriakos. Δοκίμιον εκκλησιαστικής ἱστορίας. Athen, 1873, 454 стр.), въ коемъ нѣсколько главъ посвящено исторіи Русской церкви.

Переписка и дневникъ княгини Амаліи Голицыной (Briefwechsel und Tagebücher der Fürstin Amalie von Galitzin. Münster, 1873). См. Книжныя Вѣсти 1872 года. Въ этой книжкѣ напечатана корреспонденція кн. Голицыной въ дополненіе къ прежнему изданію 1868 года; въ числѣ писемъ наиболѣе замѣчательны письма министра Фюрстенберга и двухъ братьевъ Румянцовыхъ. Тѣ и другія относятся къ предметамъ духовной мистики.

Въ Миланѣ издана небольшою брошюрою статья Г. Берліоза о М. И. Глинкѣ. (M. Glinka. Par Hector Berlioz. Milan, 1874, 15 стр.). Статья написана была Берліозомъ въ Парижѣ въ 1845 году и издана теперь г-жей Горчаковою въ Итальянскомъ переводѣ, къ первому представленію *Жизни за Царя* въ Миланѣ, въ Маѣ 1874 года.

Прегрѣшенія Россіи противъ католической церкви въ Польшѣ (Die Sünden Russlands gegen die katholische Kirche oder die Geschichte des alten Polen. Nach den Erzählungen eines geistlichen Emigranten. Mainz, 1874, 243 стр.) Политическій памфлетъ, наполненный клеветами и пристрастно

раскрашенными разсказами о преслѣдованіи Католической церкви въ Польшѣ и въ Западномъ Краѣ. Книга написана въ формѣ записокъ ксендза, бѣжавшаго изъ Польши за границу; но и записки эти не его собственныя, а составлены, какъ объяснено издателемъ, со словъ его.

Обращенія въ Русскую вѣру, по описанію г. Самарина, соч. Мирнаго Наблюдателя. (Russische Bekehrungen, wie sie Herr Samarin enthüllt und bekennt. Von einem stillen Beobachter. Leipzig, 1874, XXXII и 338 стр.)

*

Въ Венгріи графъ Кунъ издалъ свои изслѣдованія объ исторіи Крыма (G. Kunn, Adalèkok Krim történetéhez). Онѣ содержатъ въ себѣ подробное ученое описаніе Генуэзскихъ владѣній на Крымскомъ полуостровѣ, на основаніи документовъ, открытыхъ авторомъ въ Генуэзскомъ архивѣ.

*

Памятные Листки (Gedenkblätter. Prag, 1874, 313 стр.). Подъ этимъ заглавіемъ извѣстный исторіографъ и политическій дѣятель Чехіи Францъ Палацкій издалъ сборникъ записокъ, статей и писемъ, написанныхъ имъ въ теченіе 50 лѣтъ по разнымъ вопросамъ, возникавшимъ въ общественной и политической жизни Чешскаго народа. Книга раздѣлена на двѣ части, соотвѣтствующія двумъ періодамъ: съ 1822 по 1848 г. и съ 1848 по 1873-й годъ. Читателю, особливо читателю знакомому съ исторіей національнаго возрожденія Чехіи, эти статьи напоминаютъ интереснѣйшіе моменты этой исторіи. Такъ, въ первомъ отдѣлѣ любопытны документы, относящіеся до устройства Чешскаго Національнаго Музея и Чешской Матицы, полемическія статьи по поводу Краледворской рукописи и отписки Палацкаго противъ политическихъ подозрѣній Австрійскаго правительства. Любопытны и историческія записки, составленныя Палацкимъ для разъясненія передъ правительственными лицами нѣкоторыхъ вопросовъ, получавшихъ политическое значеніе: такова записка о происхожденіи и отмѣнѣ крѣпостнаго состоянія въ Чехіи и, въ особенности, прекрасно составленное обозрѣніе древней и новѣйшей Чешской литературы, въ связи съ возрожденіемъ Чешскаго языка и Чешской національности. Статьи втораго отдѣла относятся къ тому періоду, когда національное движеніе приняло размѣры политическаго движенія и вошло въ неразрывную связь съ вопросами внутренняго политическаго устройства Австрійской имперіи. Въ статьяхъ Палацкаго отражается бурная эпоха революціоннаго движенія, и онъ является защитникомъ законности, династическаго начàла и въ особенности начàла равноправности національностей, которую упорно и съ самоотверженіемъ отстаивалъ онъ на сеймахъ и въ литературѣ противъ Нѣмцевъ—представителей революціоннаго начала и высшей Нѣмецкой культуры. Примѣчательна, въ числѣ этихъ актовъ, статья, написанная Палацкимъ въ 1849 году противъ Бакунина, являвшагося представителемъ Нѣмецко-революціоннаго движенія между Славянами. Для Русскаго читателя имѣетъ еще особый интересъ статья: *Русскіе и Чехи*, написанная въ 1873 году въ опроверженіе нападокъ Русскаго писателя г. Макушева на стремленіе Чеховъ и Палацкаго къ обособленію Чешской народности и въ опроверженіе выраженнаго Макушевымъ мнѣнія о необходимости сліянія Чеховъ съ Русскими въ политическомъ отношеніи. Послѣдняя статья, 1874 года, подъ назв. *Заключительное слово*, содержитъ въ себѣ любопытное оправданіе политики уклоненія, принятой въ послѣднее время Старо-Чешскою партіей, и бросаетъ свѣтъ на внутреннія причины разлада этой партіи съ партіей Нѣмецкихъ либераловъ, раціоналистовъ и конституціоналистовъ.

Это послѣднее изданіе, на Нѣмецкомъ языкѣ, служитъ дополненіемъ къ изданному въ 1872 году на Чешскомъ языкѣ, въ 3 томахъ, собранію политическихъ статей автора, подъ названіемъ: Radhost. Изъ числа этихъ статей одна, обратившая на себя особливое вниманіе, именно *Политическое завѣщаніе Палацкаго*, издана отдѣльно въ Нѣмецкомъ переводѣ (Palacky's Politisches Vermächtniss. Prag, 1872, 37 стр.) Она особенно интересна для Русскихъ читателей, потому что цѣлая половина ея занята разсужденіями о Россіи и о политикѣ Россіи въ отношеніи къ Славянскимъ народамъ.

—

Въ Нѣмецкомъ переводѣ издана исторія Финновъ и Финляндіи, соч. Коскинена (Finnische Geschichte, Leipzig, 1874, 638 стр.). Литература сочиненій, относящихся до Финляндіи, начинается не болѣе какъ за сто лѣтъ назадъ, съ книги о Финляндіи, изданной ученымъ Финномъ Портаномъ. За нею послѣдовали „Извѣстія о Финляндіи“ Шлецера, изд. въ 1779 году, и книга Рюса, изд. въ 1809 г.: *Финляндія и ея обитатели*. Всѣ эти сочиненія имѣли предметомъ описаніе страны и народа. Политическая исторія Финляндіи является теперь въ первый разъ, благодаря патріотическому усердію проф. Коскинена. Но вся эта книга служитъ лучшимъ доказательствомъ тому, что Финляндія не имѣетъ никакой политической исторіи; ибо все изложеніе книги есть не что иное, какъ исторія Швеціи, и самъ авторъ сознаетъ въ этой книгѣ, что національное сознаніе въ Финляндіи возникло съ того лишь момента, какъ эта страна сдѣлалась предметомъ раздора между Россіей и Швеціей, т. е. не ранѣе, какъ при Густавѣ III. Книга написана сухо и не легко читается.

—

Введеніе въ исторію Славянской литературы, съ изложеніемъ древнѣйшаго ея періода, соч. Крека, профессора въ Грацкомъ университетѣ (Krek, Einleitung in die Slavische Literaturgeschichte und Darstellung ihrer älteren Perioden. 1-r Theil. Graz, 1874, 336 стр.). Книга эта составлена изъ академическихъ чтеній Крека и содержитъ обстоятельное изложеніе предмета, доказывающее близкое и подробное знакомство автора съ массою матеріаловъ. Вышедшая первая часть раздѣлена на двѣ книги. Первая книга содержитъ въ себѣ результаты филологическихъ изысканій и свидѣтельства древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ о языкѣ, исторіи и культурномъ бытѣ у древнихъ Славянъ. По отзывамъ ученой критики, эта глава содержитъ въ себѣ самое полное и обстоятельное изложеніе всего что до сихъ поръ добыто наукою древнѣйшей исторіи и археологіи Славянъ. Вторая книга названа такъ: „Общія замѣчанія о литературѣ устнаго преданія у Славянъ и объ отношеніи ея къ культурной ихъ исторіи и къ миѳологіи“. Она содержитъ въ себѣ результаты изслѣдованій о пѣсняхъ, сказкахъ, былинахъ, поговоркахъ, загадкахъ, преданіяхъ и суевѣріяхъ у Славянскихъ племенъ. Всего менѣе мѣста отведено въ этой книгѣ пѣснямъ, о коихъ авторъ предполагаетъ издать особое изслѣдованіе. Автору близко знакома какъ иностранная, такъ и Русская литература предмета, и онъ ссылается на ученые труды Буслаева, Стасова, Миллера, Веселовскаго и многихъ другихъ Русскихъ писателей. Замѣчательно, что, вопреки господствующему мнѣнію о Славянскихъ сказкахъ и былинахъ, онъ не признаетъ ихъ заимствованными, но утверждаетъ, что онѣ составляли исконное достояніе Славянскаго племени, и если сходятся напр. съ Индійскими сказаніями, то это сходство надлежитъ приписать единству идеи въ духовномъ творчествѣ разноплеменныхъ народовъ.

Г. Иванъ Лучицкій нашелъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ собраніе Французскихъ донесеній и писемъ, относящихся къ эпохѣ Варѳоломеевой ночи; эти документы составляютъ важный матеріалъ для исторіи этого событія и для объясненія дѣйствій Французскаго правительства по участію въ немъ. Они изданы въ Парижѣ отдѣльною брошюрой (Documents inédits sur l'histoire du Languedoc et de la Rochelle après la St. Barthélemy. Paris, 1873). Кромѣ того готовится къ изданію полный каталогъ Французскихъ рукописей Публичной Библіотеки, составленный Бертраномъ, членомъ комитета историческихъ работъ, ѣздившимъ для этой цѣли три раза въ Россію.

—

Университетская библіотека въ Стразбургѣ обогатилась значительнымъ собраніемъ книгъ, принадлежавшимъ покойному Шлецеру, генеральному консулу въ Любекѣ. Собраніе это отличается богатымъ подборомъ сочиненій, относящихся до исторіи Россіи и Русскихъ прибалтійскихъ губерній.

ПУТЕШЕСТВІЯ. ОПИСАНІЯ. СОЧИНЕНІЯ О РОССІИ И О СЛАВЯНАХЪ.

По Россіи. Подъ этимъ названіемъ издано г-жею Гётри описаніе поѣздки въ Россію. (Through Russia, by Mrs. Guthrie. 2 vls. Lond, 1874. Hurst and Blackett).

Имя, которое носитъ сочинительница, давно уже извѣстно въ литературѣ Англійскихъ сочиненій о Россіи. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ 1802 году, появилась книга, написанная Англичанкою той же фамиліи, мистрисъ Маріей Гётри, бывшей когда-то начальницею воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ въ Петербургѣ (A Tour performed in the years 1765—6 through the Taurida or Crimea, by Mrs Maria Guthrie. London, 1802, in 4-to. См. въ Каталогѣ Rossica Публ. Библіотеки, N. 1398). Книга эта въ свое время считалась замѣчательнымъ описаніемъ Крыма въ тогдашнемъ его состояніи (1765 года) и содержитъ въ себѣ между прочимъ обстоятельное описаніе древностей Таврическаго полуострова. Она прекрасно написана и могла бы даже теперь имѣть интересъ для Русскихъ читателей, при бѣдности нашей литературы о Крымѣ. Сочиненіе мистрисъ Гётри пересмотрѣно и издано мужемъ ея Матвѣемъ Гётри, который самъ извѣстенъ былъ въ литературѣ замѣчательнымъ для того времени сочиненіемъ о Русской миѳологіи.

Нынѣшняя книга мистрисъ Гётри содержитъ въ себѣ очень живо изложенное описаніе поѣздки по Россіи, т. е. въ Петербургъ, въ Москву, потомъ черезъ Владиміръ въ Нижній на ярмарку, внизъ по Волгѣ до Астрахани, и съ Царицына и Калача внизъ по Дону до Таганрога и до Крыма. Авторъ останавливается съ женскимъ любопытствомъ на многихъ подробностяхъ и мелочахъ, но не лишена описательнаго таланта. Россія понравилась ей, и народъ повсюду производитъ на нее пріятное впечатлѣніе. Въ Москвѣ она пришла въ восторгъ отъ вида съ Воробьевыхъ горъ и описываетъ его съ особенной любовью. Вся ея поѣздка продолжалась три мѣсяца.

—

Полярное лѣто. Поѣздка въ Лапландію и на полуостровъ Канинъ. Соч. Аубеля (Ein Polarsommer, Reise nach Lapland und Kanin. Von H. und K. Aubel. Leipzig, Brockhaus, 1874, 413 стр.). Книга очень хорошо написанная въ литературномъ отношеніи; она содержитъ въ себѣ много

прекрасныхъ картинъ нашего Сѣвера и посвящена болѣе описаніямъ природы, нежели разсказамъ о бытѣ мѣстныхъ жителей. Но цѣлая глава въ ней посвящена описанію Самоѣдовъ.

Сочиненіе Англичанина Барри́ о Россіи (см. Книжныя Вѣсти 1871 года) появилось и въ Нѣмецкой передѣлкѣ подъ названіемъ: Das Neue Russland. Nach Barry's *Russia* und Ivan at Home, Berlin, 1873.

—

Извѣстный геологъ Гохштеттеръ, въ сопровожденіи помощника своего Франца Ту́лье, предпринималъ осенью 1872 года поѣздку изъ Вѣны, черезъ П.бургъ и Москву, въ Казань, Пермь и оттуда на Уралъ, для осмотра соляныхъ, угольныхъ и металлическихъ копей и заводовъ. Совершивъ эту поѣздку въ 62 дня, онъ излагаетъ результаты своихъ изслѣдованій Уральской горной промышленности, въ докладѣ, представленномъ Вѣнскому Обществу Естествоиспытателей. Этотъ докладъ напечатанъ особо подъ назв. Ueber den Ural (Berlin, 1873, 58 стр.), въ извѣстномъ изданіи Sammlung gemeinverständlichen wissenschaftlichen Vorträge.

—

Путевыя замѣтки по Кавказу, въ Персіи и Азіатской Турціи, соч. барона Тильмана (Streifzüge im Kaukasus, in Persien und in der Asiatischen Türkei von Freiherr Max von Thielman, D-r Juris. Leipzig, 1875, 493 стр.).

Авторъ, дипломатическій чиновникъ при Сѣверогерманскомъ посольствѣ въ Петербургѣ, успѣвъ выучиться въ короткое время порусски, предпринялъ свое путешествіе въ Августѣ 1872 г. изъ Одессы, съ двумя спутниками Нѣмцами, Вурмбомъ и Рейсвицемъ. Изъ Одессы проѣхали они на Севастополь, потомъ по южному берегу Крыма, черезъ Керчь, въ Сухумъ-Кале и Поти, отсюда въ Кутаисъ. Изъ Кутаиса предприняли трудную и исполненную приключеній поѣздку въ Сванетію; потомъ черезъ Квирилы и Сурамскій перевалъ ѣздили въ Боржомъ, гдѣ пользовались гостепріимствомъ Великаго Князя Намѣстника. Изъ Боржома, черезъ Ахалцихъ, Ахалкалахи, Александрополь и Эривань, ѣздили они въ Эчміадзинъ и на Араратъ, и потомъ, мимо Гокчайскаго озера, въ Тифлисъ; изъ Тифлиса предпринимали поѣздку въ Кахетію и въ Дагестанъ; были и на Гунибѣ. 12 Октября закончили они поѣздку по Кавказу въ Петровскѣ, откуда, черезъ Ленкоранъ, направились въ Персію, потомъ черезъ Тавризъ проѣхали въ Мосулъ и Багдадъ, и лишь въ Январѣ 1873 года достигли до Бейрута, гдѣ и оканчивается описаніе.

Книга написана довольно живо и легко читается. Авторъ получилъ, повидимому, основательное образованіе, наблюдателенъ и приготовилъ себя къ поѣздкѣ изученіемъ капитальныхъ сочиненій, относящихся до исторіи и топографіи Кавказа. Знаніе Русскаго языка давало ему возможность знакомиться съ мѣстными жителями и распрашивать ихъ. Онъ останавливается съ интересомъ всюду на памятникахъ древности и на чертахъ мѣстнаго быта и обычая; по мѣстамъ встрѣчаются въ книгѣ очерки исторіи края. Книга состоитъ изъ 8 отдѣловъ, изъ коихъ большая часть (245 стр.) занята описаніемъ поѣздки по Россіи. Повсюду отмѣчаетъ онъ подробности, интересныя для путешественника по краю, относительно напр. путей сообщенія, цѣнъ, способовъ передвиженія и т. под., съ тою цѣлью, чтобъ книга его могла быть руководительною: вся послѣдняя глава посвящена исключительно этой цѣли. Изданіе книги очень хорошо; въ ней есть рисунки, хорошо исполненные (въ томъ числѣ виды Боржома и Тифлиса) и путевая карта.

Едва появилась въ Германіи книга г. Тильмана, какъ уже книгопродавецъ Мюррей въ Лондонѣ объявляетъ о скоромъ выходѣ въ свѣтъ перевода ея, сдѣланнаго г. Генинджемъ.

—

Страна Царева, соч. г. Валя (The Land ot the Czar. By O. W. Wahl. Lond. 1875. Chapmon and Hall, 383 стр.). Подъ такимъ изысканнымъ заглавіемъ появилось новое описаніе Россіи, составленное г. Валемъ, который самъ, какъ объясняетъ въ предисловіи, провелъ въ Россіи и путешествовалъ много лѣтъ и знакомъ съ Русскимъ языкомъ. Но книга его, къ сожалѣнію, есть плодъ не однихъ только личныхъ его наблюденій и личнаго изученія, но представляетъ, въ большей части, компиляцію изъ другихъ сочиненій, тоже компилированныхъ. Тамъ, гдѣ авторъ говоритъ отъ себя, онъ разсуждаетъ основательно и выказываетъ знаніе дѣла; повидимому, онъ знаетъ ближе всего Закавказскій край по личнымъ наблюденіямъ. Вообще въ сочиненіи Валя выражается благопріятное расположеніе къ Россіи. Книга дѣлится на 3 части. Первая (230 стр.) содержитъ въ себѣ географическое и этнографическое описаніе; вторая (230 — 318), самая слабая, посвящена исторіи; третья говоритъ о Русской церкви, о языкѣ и о разныхъ племенныхъ нарѣчіяхъ; въ концѣ—краткій, необстоятельный и невѣрный очеркъ литературы.

—

Художественное путешествіе въ сѣверныя столицы Европы, соч. Аткинсона (An Art-Tour to the Northern Capitals of Europe. By J. Beavington Atkinson. Lond., 1874, Macmillan). Авторъ, знатокъ въ искусствѣ, опытный цѣнитель и умный писатель, собралъ въ этой книгѣ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ поѣздки въ Копенгагенъ, Христіанію, Стокгольмъ, въ Петербургъ и въ Москву. Книга его можетъ служить надежнымъ руководителемъ иностранцу при обзорѣ музеевъ и памятниковъ искусства въ этихъ городахъ. Описанія его всегда обстоятельны и сужденія обдуманы. Не ограничиваясь предметами художества, онъ описываетъ и людей, и природу посѣщенныхъ имъ мѣстностей. Въ Петербургѣ описываетъ онъ подробно Эрмитажъ, музеи, храмы, памятники; въ Москвѣ останавливается съ особымъ интересомъ на церквахъ и на богослуженіи, которое ставитъ, по обрядности Восточной церкви, выше всѣхъ прочихъ обрядностей, какія ему случалось видѣть.

Къ тому же предмету относится: Poorten (Arved), Tournée artistique dans l'interieur de la Russie. Bruxelles, 1873. (Артистическая поѣздка по внутренней Россіи).

—

Къ числу иностранныхъ путешественниковъ по Россіи, оставившихъ слѣдъ своихъ впечатлѣній въ литературѣ, присоединился въ 1874 году Персидскій шахъ, по распоряженію коего напечатанъ въ Тегеранѣ на Персидскомъ языкѣ дневникъ его путешествія по Европѣ. Онъ содержитъ въ себѣ замѣтки о видѣнномъ и слышанномъ на пути, интересныя болѣе всего по той дѣтской наивности, которая выражается во всѣхъ впечатлѣніяхъ Персидскаго монарха при встрѣчѣ съ новыми для него предметами и обычаями. Первыя, и едва-ли не самыя свѣжія и живыя, изъ этихъ впечатлѣній принадлежатъ Россіи, въ которую шахъ въѣхалъ прямо изъ своихъ владѣній. Дневникъ шаха изданъ и въ Лондонѣ, въ Англійскомъ переводѣ. (The Diary of H. M. the Shah of Persia during his Tour through Europe in 1873, transl. by Redhouse. Lond. 1874. Murray).

Собраніе Египетскихъ древностей въ императорскомъ Эрмитажѣ, въ Петербургѣ, содержить въ себѣ немало памятниковъ интересныхъ для новѣйшей египтологіи; но они мало извѣстны были Европейскимъ ученымъ. Объ нихъ упоминалъ только Бругисъ въ своемъ сочиненіи: *Путешествіе по Персіи;* и сверхъ того небольшая статья объ нихъ г. Голенищева напечатана была недавно въ Нѣмецкомъ журналѣ: Zeitschrift für aegyptische Sprache und Alterthumskunde. Въ послѣднее время, въ Германской ученой литературѣ, появилось спеціальное сочиненіе г. Либлейна, посвященное описанію Египетскихъ древностей въ сѣверныхъ музеяхъ Россіи, Швеціи и Даніи (Lieblein. Die aegyptischen Denkmäler in St. Petersburg, Helsingfors, Upsala und Copenhagen. Mit 35 Tafeln. Christiania, 1873, 82 стр.). Главное мѣсто отведено въ этой книгѣ памятникамъ Петербургскаго собранія.

—

Россія въ девятнадцатомъ столѣтіи, соч. г. Ленгенфельда (Russland im neunzehnten Jahrhunderte v. Theod. v. Lengenfeldt. Berlin, 1874). Книга эта содержитъ въ себѣ статистическое, по оффиціальнымъ источникамъ, описаніе Россіи въ промышленномъ, торговомъ, желѣзнодорожномъ, военномъ и пр. отношеніи, съ очеркомъ Русскихъ государственныхъ учрежденій.

—

Авторъ появившейся въ прошломъ году извѣстной книги *Aus der Petersburger Gesellschaft* издалъ въ нынѣшнемъ году ея продолженіе, подъ назв. *Новыя картины Петербургскаго общества* (Neue Bilder aus Petersb. Gesellschaft. Von einem Russen. Leipzig, 1874). Нѣкоторыя статьи уже появлялись прежде въ Нѣмецкихъ журналахъ, именно въ Берлинскомъ: Gegenwart. Хотя авторъ и называетъ себя Русскимъ, но повѣрить этому трудно, во первыхъ по обнаруженному имъ, невозможному для Русскихъ, невѣжеству относительно общеизвѣстныхъ въ Россіи обстоятельствъ (такъ напр. онъ называетъ Великаго Князя Владиміра президентомъ всѣхъ обществъ сельскаго хозяйства въ Россіи) и по коверканью Русскихъ именъ (напр. Logobubzof вмѣсто Боголюбовъ), а во вторыхъ по крайней горечи и раздражительности его сужденій объ Россіи, въ которой онъ отвергаетъ всякую возможность самостоятельной цивилизаціи и для которой все спасеніе видитъ въ Нѣмцахъ. Для Русскаго читателя интереснѣе прочихъ глава, посвященная Русской литературѣ и цензурѣ, съ пространною біографіей Пушкина, содержащею въ себѣ любопытныя подробности о предсмертной его катастрофѣ. Послѣдняя глава посвящена Петерб. Академіи Наукъ, о которой авторъ отзывается съ суровымъ и пренебрежительнымъ осужденіемъ.

—

Закулисныя сцены въ Россіи, соч. Каррингтона (Behind the scenes in Russia, by George Carrington. Lond. 1874, Bells.) Вздорная книга, наполненная клеветами и сплетнями и вкушенная ненавистью къ Россіи. Хотя авторъ провелъ нѣкоторое время въ Москвѣ, въ качествѣ гувернера, и занимался преподаваніемъ Англ. языка въ казенномъ учебномъ заведеніи, но не выучилъ ни одного Русскаго слова и, разумѣется, не могъ имѣть вѣрнаго и яснаго понятія о томъ чтò у насъ видѣлъ и слышалъ. Объ этой книгѣ въ самой Англіи разумная критика отозвалась съ осужденіемъ и даже съ негодованіемъ на невѣжество автора.

—

Paul Argant. Relations sur la Sibérie. 1-re Conférence. I. Le voyage par Etapes. 2. Minousinsk et son district. 3. Une visite chez les Tartares. Posen, 1874, 37 стр.

Русскій сельскохозяйственный вопросъ, соч. д-ра Валькера (Die russische Agrarfrage, mit besonderer Berücksichtigung der Agrar-enquête von 1873, v. Dr. Carl Walker. Berl. 1874) Извѣстный Валькеръ, бывшій проф. Харьковскаго университета, выставляя себя знатокомъ Россіи и Русскихъ отношеній, излагаетъ въ этой книгѣ результаты сельскохозяйственнаго дознанія, произведеннаго въ 1873 году Коммисіей при М-вѣ Госуд. Имуществъ, по даннымъ, содержащимся въ 5 томахъ трудовъ Коммисіи. Къ этому сочиненію присоединенъ критическій разборъ извѣстной книги: „Aus der Petersburger Gesellschaft“.

—

Въ Лейпцигѣ появилось весьма интересное изслѣдованіе о географическомъ положеніи городовъ Европы, соч. Кòля. Оно представляетъ полный и обстоятельный анализъ всѣхъ географическихъ и природныхъ условій, въ которыхъ находятся Европейскія столицы, при чемъ обращено особенное вниманіе на военные пути и на стратегическія соображенія. Авторъ останавливается на слѣдующихъ пунктахъ: Константинополь, Римъ, Мадридъ, Лиссабонъ, Парижъ, Лондонъ, Дублинъ, Эдинбургъ, Франкфуртъ, Вѣна, Пестъ, Тріестъ, Венеція, Берлинъ, Копенгагенъ, Христіанія, Стокгольмъ, наконецъ *Москва, Варшава и Петербургъ.* (Kohl, Die geographische Lage der Hauptstädte Europa's. Leipzig, 1874, 466 стр.).

—

Край Туго-Славянскій, его состояніе, физическое и политическое. (Le Pays Thougo-Slave, son état physique et politique. Paris, 1874). Книжка эта, неизвѣстнаго автора, содержитъ въ себѣ географическое и политическое описаніе странъ, населенныхъ Славянскимъ племенемъ; но это описаніе издано съ тою же заднею мыслью, которая побуждаетъ Французскихъ писателей, послѣ военнаго погрома, обращаться съ особеннымъ интересомъ и сочувствіемъ къ бывшему у нихъ прежде въ презрѣніи Славянскому элементу. Авторъ, въ длинномъ предисловіи, жалуется на безуміе своихъ соотечественниковъ, на то, что они теряютъ время въ безплодныхъ разлагольствіяхъ о коммунизмѣ и федерализмѣ вмѣсто того, чтобы обдумывать средства къ отпору противу предстоящихъ вторженій Германской стихіи и Прусскаго властолюбія. Главнымъ къ тому средствомъ, по мнѣнію автора, должно быть тѣсное соединеніе со Славянскими племенами, въ виду имѣющей возникнуть всеобщей борьбы этихъ племенъ съ Германцами.

—

Очерки быта Лужичанъ изъ поѣздки въ край Вендовъ, соч. Андрѐ (Richard Andrée. Wendische Wanderstudien, zur Kunde der Lausitz und der Sorbenwenden. Stuttgart, 1874). Эта книга содержитъ въ себѣ историческія, энтологическія и филологическія изслѣдованія о Лужицкихъ Вендахъ и о возрожденіи языка ихъ и литературы. Книга написана живою рѣчью, съ талантомъ и знаніемъ.

Проф. Богишичь (нынѣ Одесскій) издалъ на Сербскомъ языкѣ сочиненіе о гражданскихъ законахъ у Славянъ.

Польское законодательство о крестьянскомъ землевладѣніи и о городовомъ общественномъ устройствѣ, съ 1791 года. Соч. Рембовскаго (Rembovski, Polnische Agrargesetzgebung и Stadtgemeindeordnung vom Jahre 1791. Ein Beitrag zur Geschichte des Gemeindewesens. Heidelberg, 1873, 34 стр.).

Южные Славяне, соч. Прикó де Сентъ-Мари (Les Slares méridionaux Par m. Pricaut de Sainte Marie. Paris, 1874). Описаніе южно-славянскихъ

племенъ, составленное преимущественно на основаніи во 1-хъ стариннаго Глоссарія Дюканжа, перваго Французскаго писателя, изслѣдовавшаго исторію Славянскихъ племенъ въ древней Иллиріи, во вторыхъ сочиненій нашего Гильфердинга и Австрійскаго писателя Рачки. Первая часть книги содержитъ физическую географію Балканскаго полуострова, съ изслѣдованіемъ о происхожденіи южно-славянскихъ племенъ; вторая часть-краткую исторію древней Иллиріи и образованія Славянскихъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ съ 630 до 810 года по Р. Х.

Раячича, — Бытъ, нравы и обычаи южныхъ Славянъ, обитающихъ въ Австрійской имперіи (Rajacicz, Das leben, die Sitten und Gebräuche der im Kaiserthum Oesterreich lebenden Südslaven. Wien, 1874, 196 стр.). Переводъ съ Сербскаго подлинника. Авторъ описываетъ живо и съ одушевленіемъ обычаи своихъ соплеменниковъ Сербовъ, останавливаясь съ особенною подробностью на семейномъ устройствѣ и на семейномъ обычномъ правѣ. Любопытно подробное описаніе свадебныхъ обычаевъ и обрядовъ у Сербовъ.

СОЧИНЕНІЯ О СРЕДНЕЙ АЗІИ И О ХИВИНСКОМЪ ВОПРОСѢ.

Туркестанъ, по наблюденіямъ путешественника въ 1871 году, соч. Пецгольда (Petzholdt, Turkestan. Auf Grundlage einer im Jahre 1871 unternommenen Bereisung des Landes. Leipzig, 1874, VI и 88 стр.).

Хива въ Мартѣ 1873 года. (Le Khiva en Mars 1873. Paris, 1873, 89 стр.).

Хивинскій походъ, соч. Велля (Well, L'expedition de Khiva. Paris, 1874, 72 стр. Publication de la réunion des officiers).

Лейтенантъ Прусской службы Штуммъ, состоявшій при главной квартирѣ Русской арміи въ Хивинскомъ походѣ 1873 года, издалъ въ Берлинѣ описаніе Хивы и военныхъ противъ нея дѣйствій, съ 5 картами и планами (Aus Khiwa, Berlin, 1874).

Нѣмецкое сочиненіе извѣстнаго Руссофоба Вамбери о центральной Азіи и объ Англорусскомъ пограничномъ вопросѣ появилось въ Англ. переводѣ г. Беннетта. (Central Asia and the Anglorussian Frontier-Question, by A. Vambéry. Transl. by Bunnett. London, 1874). Книга эта составлена изъ статей Вамбери, напечатанныхъ въ Нѣмецкомъ журналѣ *Unsere Zeit.*

Вопросъ объ Аральскомъ морѣ (Die Aralseefrage, v. Roesler. Wien, 1873, 88 стр.) Записка, читанная въ Вѣнской Академіи наукъ Реслеромъ съ цѣлію опровергнуть мнѣніе Англ. ученаго Ролинсона о періодичности существованія Аральскаго моря.

Пониженіе Аральскаго и Каспійскаго морей, соч. Шмика (Die Aralo-Kaspi-Niederung und ihre Befunde im Lichte der Lehre von den säkulären Schwankungen des Seespiegels und der Wärmezonen, v. Prof. Dr. Schmieck. Leipzig, 1874, 119 стр.).

Движеніе Россіи на Востокъ (Russia's Advance Eastward. By capt. Howard Vincent. Lond. 1874. King et C°). Подъ этимъ заглавіемъ капитанъ Винсентъ издалъ небольшую книгу, содержащую въ себѣ переводъ донесеній Прусскому правительству лейтенанта Штумма, состоявшаго при Русской арміи въ Хивинскомъ походѣ и извлеченіе изъ статей Вѣстника Европы о томъ же предметѣ.

На дорогѣ въ Хиву, соч. Кера (On the Road to Khiva by David Ker. Lond. 1874. Henry King.). Авторъ, корреспондентъ Лондонской газеты

Daily Telegraph, надѣялся присоединиться къ Русскимъ войскамъ на походѣ въ Хиву 1873 года, но не успѣлъ въ своемъ намѣреніи, хотя и тщательно скрывалъ свое званіе газетнаго корресподента. Доѣхавъ отъ Оренбурга до Казалинска, онъ здѣсь задержанъ былъ мѣстными властями на 7 недѣль; потомъ получилъ разрѣшеніе проѣхать въ Ташкентъ, гдѣ встрѣтился съ другимъ Англійскимъ путешественникоиъ Аштономъ Дилькомъ; за тѣмъ оба ѣздили въ Самаркандъ. Такимъ образомъ, не имѣвъ возможности сопровождать Русскія войска въ походъ, Керъ могъ только встрѣтить ихъ по возвращеніи изъ похода. Однако съ дороги отправлялъ онъ въ свою газету по телеграфу извѣстія о военныхъ событіяхъ, оказывавшіяся въ послѣдствіи невѣрными, къ великому соблазну редакціи и читателей. Въ изданной теперь книгѣ г. Керъ описываетъ, довольно искусно и съ помощью авторскаго шарлатанства, по большей части такія сцены, которыхъ не видѣлъ и такія событія, которыхъ самъ не былъ свидѣтелемъ.

—

Кампанія на Оксѣ и паденіе Хивы, соч. Мекъ-Гехена (Campaign on the Oxus and the Fall of Khiva, by J. A. Mac-Gahan. Lond. 1874. Sampson-Low). Авторъ этой книги—корреспондентъ Американской газеты New York Herald, посланный редакціей для описанія Хивинскаго похода. Намѣреніе его было присоединиться къ главной квартирѣ Русскаго главнокомандующаго, но къ исполненію этого плана встрѣтились препятствія со стороны правительства, не желавшаго пропускать къ арміи постороннихъ иностранцевъ. Смѣлый Американецъ успѣлъ однако преодолѣть эти препятствія чрезвычайными усиліями, и главный интересъ его книги состоитъ въ описаніи переѣздовъ его по степи, въ надеждѣ настигнуть главную квартиру и присоединиться къ ней съ дозволенія генерала Кауфмана, котораго онъ надѣялся, но не успѣлъ уже застигнуть въ Оренбургѣ. Ему удалось благополучно проѣхать одному, своими средствами, Кизилькумскую степь и достигнуть своей цѣли.

Сочиненіе Мекъ-Гехена, написанное очень живо, прекраснымъ языкомъ, раздѣлено на три части. Въ первой авторъ описываетъ свои приключенія во время смѣлаго переѣзда черезъ степь—отъ Казалинска до Форта Перовскаго и отсюда до Иркибая и крѣпости св. Георгія, наконецъ до Алти-Кундюка, гдѣ онъ настигъ Русскій отрядъ на походѣ въ Хиву. Во второй части описано взятіе Хивы, въ третьей—описаны походы на мятежныхъ Іомудовъ. Авторъ говоритъ только о томъ что̀ самъ видѣлъ и слышалъ, безъ хвастовства, и рѣчь его носитъ на себѣ отпечатокъ искренности. Въ Русской арміи онъ, повидимому, былъ принятъ дружелюбно.

Преданія и сказки.

Въ Лондонѣ продолжаютъ выходить интересующія публику книги о народной литературѣ у Славянскихъ племенъ. Г. Накѐ, одинъ изъ чиновниковъ Британскаго Музея, издалъ собраніе волшебныхъ народныхъ сказокъ Русскихъ, Польскихъ, Сербскихъ и Чешскихъ (Slavonie Fairy Tales, collected and translated from the Rossian, Polisch, Servian and Bohemian, by John Naaké. Lond. 1874. H. King).

—

Г-жа Міятовичь издала въ Англійскомъ переводѣ собраніе Сербскихъ народныхъ сказокъ, съ предисловіемъ г. Дентона, извѣстнаго въ Англ. литературѣ своими сочиненіями о Сербіи и поборника Славянскихъ интере-

совъ (Serbian Folk-Lore. Popular Tales, Selected and translated by madame Csedomille Mijatoviec, Lond. 1874. Isbister).

Русскія народныя сказки, во Франц. переводѣ г. Брюйера (Contes populaires de la Russie, trad. por Louis Bruyère. Paris, 1874).

Филологія.

Профессоръ Дерптскаго университета Котляревскій написалъ обзоръ Русской литературы съ 1860 по 1872 годъ по историческимъ, этнографическимъ и филологическимъ вопросамъ, относящимся до Славянскаго міра. Эта статья, на Чешскомъ языкѣ, появилась въ Прагѣ, въ ученомъ обозрѣніи, издающемся при тамошнемъ музеѣ, и служитъ продолженіемъ подобнаго же труда г. Лавровскаго, доведеннаго до 1860 года.

Въ Прагѣ вышло, на Чешскомъ языкѣ, сочиненіе проф. *Гейтлера* о фонологіи древне-Болгарскаго или церковно-Славянскаго нарѣчія.

Миклошича, Сравнительная грамматика Славянскихъ нарѣчій (Vergleichende Grammaik der Slavischen Sprachen. Wien, Braumüller.) Вышелъ IV томъ, содержащій въ себѣ Синтаксисъ.

Ученіе о формахъ древне-Славянской рѣчи, въ парадигмахъ изложенное, соч. Миклошича (Miklosich, Altslavonische Formenlehre, in Paradigmen. Wien, 1874).

Всеславянское письмо. Соображенія о разныхъ системахъ Славянской грамоты и о составленіи одного алфавита общаго для всѣхъ Славянъ, соч. Рошковскаго, изд. на Франц. языкѣ въ Венеціи (Ecriture Omni-slave. Mémoire par m. Roszkowski. Venise, 1874, 46 стр.).

Вниманіе ученыхъ филологовъ въ Венгріи обращается въ послѣднее время на изученіе Финскаго и Монгольскаго нарѣчій (см. Книжн. Вѣсти 1872 года), для изслѣдованія сродства ихъ съ Венгерскимъ. Венгерская Академія командировала недавно г. Гавріила *Балинта* для изученія на мѣстѣ Калмыцкаго и Монгольскаго языковъ. Онъ уже вернулся изъ своей поѣздки, пробывъ нѣкоторое время въ Казани, въ Астрахани и въ Ургѣ, и готовитъ къ изданію ученый трудъ свой о Казанско-Татарскихъ нарѣчіяхъ. Въ слѣдъ за тѣмъ онъ намѣренъ издать изслѣдованіе о Калмыцкомъ и Монгольскомъ нарѣчіяхъ, со словаремъ и со сборникомъ мѣстныхъ пѣсенъ и сказокъ.

Въ Венгріи вышелъ въ 1873 году новый трудъ Павла Гунфальви по сравнительному изученію Угорскихъ нарѣчій и кореннаго ихъ сродства съ нарѣчіями Турецко-Татарскими. Предметомъ этого труда служитъ текстъ перевода Евангелія св. Марка на Вогульскомъ нарѣчіи, съ грамматическими изслѣдованіями и краткимъ лексикономъ.

Вышедшій первый томъ *Словаря Литовскаго языка*, соч. Куршата (Kurschat, Wörterbuch der Lithauischen Sprache) содержитъ въ себѣ Нѣмецко-Литовскую часть. Самъ авторъ принадлежитъ къ Литовскому племени, и этотъ трудъ предпринятъ имъ въ интересѣ земляковъ, коихъ онъ насчитываетъ до 150000 въ предѣлахъ Прусскаго государства. Для того чтобы облегчить имъ сношенія съ Прусскими чиновниками, онъ не только переводитъ на Нѣмецкій языкъ Литовскія слова, но и старается выразить для нихъ Германскія идеи въ Литовской фразеологіи. Цѣль его — возстановить чистоту Литовской народной рѣчи, во многомъ испорченной съ одной стороны полонизмами, съ другой — германизмами. Онъ отзывается неблагопріятно о книгахъ на Литовскомъ нарѣчіи, напечатанныхъ

въ Россіи, Русскимъ алфавитомъ, который затруднителенъ для чтенія Литвинамъ, такъ что многіе изъ нихъ добываютъ себѣ молитвенники Тильзитской печати.

Вышла 1-я часть предпринятаго ученымъ филологомъ Доннеромъ Сравнительнаго словаря Финско-Угорскихъ нарѣчій (Vergleichendes Wörterbuch der Finnish-ungarischen Sprachen).

Разсказы изъ русскаго быта.

Двѣ ночи въ заколдованномъ домѣ въ Россіи. Рождественская сказка, написанная въ память бракосочетанія герцогини Эдинбургской, соч. г. Турнерелли (Twoo Nights in a Launted House in Russia. A Christmos Tale, by Tracy Turnerelli. Lond. 1873). Авторъ этой небольшой книжки, жившій довольно долго въ Россіи (если не ошибаемся, онъ былъ лекторомъ Англ. языка въ Казанскомъ университетѣ) и сохранившій благодарныя объ ней воспоминанія, заслуживаетъ вниманія по слѣдующему обстоятельству, которое самъ онъ, со ссылкою на документы, разсказываетъ. Въ самый разгаръ Восточной войны, когда все въ Англіи дышало ненавистью къ Россіи и къ нашему Государю, вскорѣ по полученіи извѣстія о кончинѣ императора Николая, г. Турнерелли одинъ имѣлъ смѣлость отдать ему справедливость и издать біографію его подъ названіемъ: Чтò я знаю о покойномъ императорѣ Николаѣ и семействѣ его (What I knew of the late Emperor Nicholas and His Family). Съ великимъ трудомъ нашелъ онъ издателя для книги, написанной въ духѣ весьма въ то время непопулярномъ, однако она имѣла нѣсколько изданій и разошлась въ 10000 экземлярахъ. Въ ту же пору, именно въ Декабрѣ 1855 года, случилось ему присутствовать на публичномъ чтеніи о томъ же предметѣ. Чтеніе преисполнено было, въ духѣ толпы, выдумками и клеветами на Россію и на покойнаго Государя. Турнерелли едва могъ сдерживать свое негодованіе, а когда ораторъ кончилъ, онъ вскочилъ самъ на каѳедру и обратился къ публикѣ съ такими словами: „Господа! Не удивляйтесь, что я такъ странно обращаюсь къ вамъ: я дѣлаю это ради истины и прямоты (fair play),ради того качества, которое дорого каждому Англичанину. Вы слушали сегодня чтеніе о покойномъ императорѣ Николаѣ, и ораторъ самъ сознавался, что никогда не бывалъ въ Россіи. Не благоволите ли выслушать другого оратора, о томъ же предметѣ, Англичанина, который долго жилъ въ этой странѣ и много тамъ путешествовалъ. Я долженъ сказать заранѣе, что мое мнѣніе объ этомъ Государѣ совершенно расходится съ его мнѣніемъ; но въ такомъ случаѣ вы будете имѣть возможность выслушать и сравнить оба мнѣнія, въ интересѣ истины. И такъ ровно черезъ недѣлю, въ такой же день, если вы благоволите собраться здѣсь же въ залѣ Мерильбонскаго института, я разскажу вамъ все чтò знаю о покойномъ царѣ и о его преемникѣ. Плату же за входъ, сколько ея ни соберется, заранѣе жертвую въ пользу патріотическаго фонда для семействъ храбрыхъ нашихъ воиновъ". Въ назначенный день, 22 Дек., это чтеніе состоялось, хотя друзья Турнерелли всячески его отвращали отъ этого предпріятія, представлявшаго въ то время значительную опасность. Цѣлью его было — выставить и объяснить лучшія, свѣтлыя стороны и черты въ характерѣ Государя и Русскаго народа; но, не взирая на то, чтеніе имѣло успѣхъ, до такой степени, что за нимъ послѣдовало еще два другихъ чтенія о Русскомъ дворянствѣ и о крѣпостномъ состояніи въ Россіи; кромѣ того, г. Турнерелли поѣхалъ по Англіи и повторилъ первое свое чтеніе въ 123 городахъ, съ успѣхомъ.

Только это предисловіе имѣетъ интересъ, но самый разсказъ, содержащій въ себѣ исторію скандальныхъ порожденій Русской барыни, не достоинъ вниманія.

—

Артуръ Гельпсъ, извѣстный въ Англійской литературѣ сочиненіями философскаго и политическаго содержанія, сталъ въ послѣдніе годы писать драмы и повѣсти, и сюжеты для нихъ выбирать изъ Русской жизни и исторіи. Такъ въ 1872 году издалъ онъ драму подъ названіемъ *Улита, крѣпостная дѣвушка* (Oullita, the serf), воспользовавшись сюжетомъ изъ разсказовъ Тургенева. Въ 1873 году появился романъ его, подъ заглавіемъ: Иванъ Биронъ, или Русскій Дворъ въ половинѣ прошлаго столѣтія (Ivan de Biron or the Russian Court in the Middle of Last Century. By the Author of „Friends in Council". Lond.) Разсказъ начинается съ паденія Бирона и относится къ царствованію имп. Елисаветы; онъ написанъ съ талантомъ; мѣстомъ дѣйствія служитъ—на половину Сибирь, на половину Петербургъ, въ придворныхъ сферахъ.

Чиновники и бояре, соч. кн. Любомирскаго (Fonctionnaires et Boiards, par le prince Lubomirski. Paris, 1874) Романъ, содержаніе коего взято изъ быта Петербургскаго общества въ царствованіе императора Николая.

Царскій сынъ — Алексѣй Петровичь, соч. Арну и Фурньѐ (Le fils du Czar, Alexis Petrowitch, par Arnould et Fournier. Paris, 1874, 310 стр.). Разсказъ спекулятивной фабрикаціи, наполненный небылицами.

Sacher-Masoch. Russische Hofgeschichten. Leipz. 1874. III IV томы и

Иванъ Поповъ, Русскій крестьянинъ, разсказъ, основанный на фактахъ (Ivan Papoff, the Russian Peasant, a Tale founded on Facts, by the Author of Joseph Pilmor. Edinbourgh, 1874, Olephant).

Въ Сербской литературѣ (1873 г.) появилась драма, сюжетъ коей взятъ изъ Русской исторіи. Эта драма соч. Матѳія Бана, подъ названымъ *Паденіе Новгорода*.

Сочиненія русскихъ писателей и смѣсь.

Въ Берлинѣ вышла на Русскомъ языкѣ книга: *Наше Положеніе*, соч. А. Кошелева, содержащая въ себѣ критическій обзоръ разныхъ частей государственнаго и общественнаго управленія въ Россіи.

Вышелъ V томъ Окраинъ Россіи, Ю. Ѳ. Самарина.

Г. Геннади издалъ въ Дрезденѣ Французскую библіографію книгъ на Франц. языкѣ, написанныхъ Русскими (Les écrivains franco-russes. Bibliographie des ouvrages français publiés par les Russes. Dresde, 1874, 89 стр.).

Г. *Ѳедоръ Вешняковъ* (см. Книжныя Вѣсти прежнихъ годовъ) издалъ въ Парижѣ продолженіе своихъ антропологическихъ изслѣдованій (Th. Wechniakoff. Troisième section des recherches sur les conditions anthropologiques de la production scientifique et esthétique. Groupes, idéo-emotif et sensu-émotif, appliqués à la culture originale des arts et des sciences. Paris, 1873, 151 стр.). Авторъ, какъ мы указывали прежде, поставилъ себѣ цѣлью изслѣдовать антропологическія условія научной и художественной дѣятельности. Для сего онъ предполагаетъ сдѣлать систематическое обозрѣніе различныхъ типовъ (types fonctionnels) этой дѣятельности, съ тѣмъ чтобъ вывесть за тѣмъ, по роду каждаго типа, анатомико-физіологическое его объясненіе. Въ этой брошюрѣ выведены

имъ типы, указанные въ заглавіи, съ объясненіемъ ихъ біографическими чертами замѣчательныхъ представителей. Книга посвящена извѣстному ученому Дюрингу.

Письмо къ г. Трейчке по поводу нѣкоторыхъ сужденій о Русской церкви. (Lettre à mr. H. de Treitschke à propos de quelques jugements sur l'église de Russie. Leipzig, 1874). Одинъ изъ Русскихъ, проживающихъ за границею, былъ слушателемъ лекцій проф. Трейчке о политикѣ, въ Гейдельбергскомъ университетѣ и написалъ эту брошюру въ опроверженіе нѣкоторыхъ мнѣній Трейчке о Русской церкви и о церковной политикѣ. Онъ вооружается въ особенности противу мнѣнія о подчиненности, въ которой состоитъ будто бы Русская церковь у свѣтской власти, и доказываетъ его неосновательность; при этомъ старается выяснить передъ иностранною публикой характеръ Русской національной церкви, сравнительно съ характеромъ протестантизма и католицизма. Трейчке, въ послѣдней книжкѣ за 1874 г. издаваемаго имъ Берлинскаго журнала: *Preussische Jahrbücher*, помѣстилъ, въ отвѣтъ на эту брошюру, статью *о Русской церковной политикѣ.* Статья начинается съ обозрѣнія исторіи дружественныхъ отношеній Россіи съ Пруссіей, которыя авторъ приписываетъ единственно династическимъ причинамъ и которыя считаетъ благодѣтельными какъ для того, такъ и для другаго государства. За тѣмъ, отдавая полную справедвость просвѣщеннымъ сужденіямъ и выводамъ автора брошюры, Трейчке не соглашается съ нимъ вполнѣ. Вѣрный преданіямъ западной науки и вглядамъ на предметъ, свойственнымъ Германской народности и цивилизаціи, Трейчке—какъ и слѣдовало ожидать—отказывается вѣрить и въ свободу и въ дѣйственную силу Русской церкви. Онъ радуется, вмѣстѣ съ авторомъ брошюры, что Русская церковь не признаетъ папскаго главенства и не стоитъ въ одномъ лагерѣ съ католицизмомъ при начинающейся нынѣ политической борьбѣ; но остается все таки при томъ мнѣніи, что католическая церковь несравненно богаче Греко-русской церкви внутреннею духовною жизнью, и что католичество съ протестантизмомъ — дѣти одного дома и одной цивилизаціи, отъ которой Греческая церковь отпала. На этомъ основаніи не вѣритъ онъ и въ возможность сближенія старокатоликовъ съ Русскою церковью, такъ какъ старокатолицизмъ, по мнѣнію его, есть чадо Германской науки. Трудно было и представить себѣ, чтобъ ученый Германскій профессоръ былъ иного мнѣнія, и напрасно Русскій за границею надѣялся переубѣдить его.

Русская вольная печать, перебравшаяся послѣ Герцена съ Женеву, сосредоточилась въ послѣднее время снова въ Лондонѣ, въ слѣдствіе нѣкоторыхъ, неудобныхъ для необузданной печати, перемѣнъ въ Швейцарскомъ законодательствѣ. Въ Лондонѣ издается революціонный журналъ на Русскомъ языкѣ подъ назв. *Впередъ*, Русскою вольною типографіей. Послѣднее изданіе этой типографіи — сборникъ статей означеннаго журнала, подъ заглавіемъ: *По поводу Самарскаго голода.*

Извѣстный въ Германіи Русскій поборникъ спиритизма Александръ Аксаковъ предпринялъ съ 1874 г. изданіе (въ Лейпцигѣ, у книгопр. Освальда Мутце) ежемѣсячнаго журнала подъ названіемъ: Психическіе Этюды (Psychische Studien). Онъ будетъ посвященъ изслѣдованію такъ называемыхъ мистическихъ явленій въ природѣ и въ душѣ человѣческой, т. е. явленій галлюцинаціи, сенситивности, двойнаго зрѣнія и т. п., явленій сна и животнаго магнетизма, и наконецъ явленій спиритизма. Первый отдѣлъ журнала будетъ *историческій и опытный*, второй — *теоретическій и полемическій,* третій — *новости.* Въ программѣ поименованы сотрудники, б. частью Англійскіе профессоры, а изъ другихъ странъ Петер-

бургскій профессоръ *Бутлеровъ*, котораго статья (Bestätigung der Realität mediummistischer Erscheinungen) помѣщена уже въ первой книжкѣ журнала. Годовое изданіе стоитъ 3½ талера.

Іезуитъ *Мартыновъ* издалъ брошюру *объ употребленіи Русскаго языка въ католическомъ богослуженіи* (De la langue russe dans le culte catholique. Lyon, 1874, 65 стр.)

Въ Прагѣ, у книгопродовца Опты, вышла книжка: *Въ чьмъ залѐжи тресть Православія* (Въ чемъ состоитъ сущность Православія); она содержитъ въ себѣ краткій православный катихизисъ и издана по случаю освященія православнаго храма въ Прагѣ.

Постоянныя воздушныя и морскія теченія, соч. капитана Шиллинга, Русской морской службы (Die beständigen Strömungen in der Luft und im Meere, v. Baron N. Schilling. Berlin, 1874.).

Переводы.

Въ Лондонѣ появился переводъ извѣстнаго сочиненія графа Д. А. Толстаго о Римской церкви въ Россіи, сдѣланный г-жею М'Киббинъ съ Французскаго оригинала (Romanism in Russia. An Historical Study by the Count Dmitry Tolstoy. Transl. by Mrs. M'Kibbin. 2 vls. London, 1874, Hayes.) Къ сожалѣнію, переводчица взялась за дѣло, зная очень плохо Французскій языкъ и не умѣя писать на своемъ Англійскомъ языкѣ. Отъ того переводъ ея вышелъ невѣрный и безграмотный. Для примѣра достаточно указать на Французскую фразу: En s'unissant à l'église grecque qui l'avait enfantée à la foi, la Russie etc. Переведено: присоединившись къ Греческой церкви, *которая была колыбелью вѣры*, Россія и проч.— Книга вышла съ предисловіемъ одного изъ Англиканскихъ епископовъ, Роберта Эдена, преисполненнымъ вѣры въ возможность соединенія Англиканской церкви съ Русскою, при чемъ епископъ совершенно напрасно ссылается на авторитетъ Московскаго митрополита Филарета.

Русскій писатель, генералъ-лейтенантъ кн. Голицынъ предпринялъ издавать, одновременно на Русскомъ и на Нѣмецкомъ языкѣ, *Всеобщую военную исторію* всѣхъ народовъ отъ древности до нашего времени. Предполагается всего 23 тома, въ 4 отдѣленіяхъ, изъ коихъ первое обнимаетъ періодъ до 476 г. по Р. Х., второе—до 1618 г., третье до 1815 года. Вышелъ уже въ Касселѣ первый томъ, заключающій въ себѣ начало двухъ параллельныхъ отдѣленій 1-го и 3-го. Переводъ сдѣланъ маіоромъ Стрецціусомъ въ Касселѣ и полковникомъ Эйхвальдомъ въ Ригѣ. Нѣмецкая критика отзывается объ этомъ томѣ съ большой похвалою.

Въ Лондонѣ изданъ переводъ брачнаго богослужебнаго чина Греко-россійской церкви, г. Ричардсономъ (The Marriage Service of the Greek church, by the rev. A. Richardson. Lond. 1874, Monbray).

Вышелъ Нѣмецкій переводъ басень Крылова, г. Лёве, со статьей о значеніи Крылова въ Русской литературѣ (Kryloff's sämmtliche Fabeln. Aus dem russ. übersetzt v. Ferdinand Löwe. Leipzig, 1874, Brockhaus).

Нѣмецкихъ было уже издано два перевода басенъ Крылова: одинъ, 1842 г. въ Лейпцигѣ, Фердинандомъ Торней; другой—неизвѣстно чей, въ Петербургѣ 1863 года. Нынѣшній переводъ г. Лёве, сдѣланный въ стихахъ, большею частью размѣромъ подлинника, замѣчателенъ и точностью, и изяществомъ. Г. Лёве извѣстенъ уже въ Нѣмецкой литературѣ переводомъ Эстонскихъ народныхъ сказокъ (Esthnische Märchen. Aus dem esthnischen überstzt v. Löwe. Halle, 1869).

Сочиненія Тургенева съ каждымъ годомъ находятъ болѣе и болѣе восторженныхъ цѣнителей въ иностранной литературѣ. Въ Лондонскомъ журналѣ *Atlantic* за 1874 годъ напечатана критическая статья Лотропа, подъ загл. *Будущность романа въ литературѣ*. Главныхъ представителей этого будущаго развитія авторъ видитъ въ нашемъ Тургеневѣ и въ извѣстномъ Норвежскомъ писателѣ Біорнсенѣ.

Въ Лондонѣ вышелъ, подъ названіемъ *Русскія повѣсти* (Russian Romance, 1874. Henri King) переводъ повѣстей Бѣлкина, сдѣланный г-жею Тельферъ, урожденною Муравьевой.

Въ Лондонѣ вышелъ переводъ романа г. Маркевича: *Забытый вопросъ*, сдѣланный двумя княжнами Урусовыми (The neglected Question by B. Markevitch. Transl. by the princesses Ouroussoff, 2 vls. Lond. 1874. Henry King) Англійская критика отзывается съ похвалою о переводѣ, но о самомъ романѣ съ осужденіемъ.

Князь Серебряный гр. Толстаго, въ Англ. переводѣ кн. Голицына (Prince Serebrenni, by J. Tolstoy, transl. from the Russian by Prince Galitzine. 2 vls. London, 1874, Chapmon and Hall).

Очеркъ Русской литературы съ древности до нашего времени, соч. Петрова (Tableau de la littérature russe par Const. Petrow, trad. par Romald. Paris, 1874).

Переводъ соч. Венюкова о Средней Азіи (Die russisch-asiatische Grenzlande v. Wenjukow. Übers. r. Krahmer. Leipzig, 1874).

Вышелъ первый томъ предпринятаго въ Парижѣ изданія сочиненій Александра Герцена во Французскомъ переводѣ. Онъ содержитъ въ себѣ повѣсти и разсказы (Oeuvres d'Alexandre Herzen. Récits et nouvelles. Paris, Germer Baillière).

Французскій переводъ *Ревизора* (Gogol, L'inspecteur en tournée. Trad. du Russe par A. Challandès. Neufchatel. 1874).

Въ Нѣмецкомъ переводѣ явилось соч. Данилевскаго: Die Pioniere des Ostens, пер. Лебенштейна. Leipzig, 1874.

Соч. Авдѣева: Тамаринъ и Ивановъ, въ переводѣ Полвина, въ 2 томахъ. Jena, 1874).

Въ Берлинѣ вышелъ Нѣмецкій переводъ книги проф. Мартенса о консулахъ и консульской юрисдикціи на Востокѣ (Martens, Das Consularwesen und die Consularjurisdiction im Orient. Mit Ergänzungen des Authors, übers. v. Skerst. Berlin, 1874, 594 стр.).

Вышедшій въ Прагѣ 10-й выпускъ изданія: *Всемірная поэзія* (Поэзія Свѣтова) заключаетъ въ себѣ второй отдѣлъ стихотвореній Лермонтова, въ переводѣ А. Дурдика.

Статьи въ журналахъ.

Въ Revue de deux Mondes.

Продолженіе статей Геруà Больè о Россіи. *15 Января.* Исторія и элементы цивилизаціи въ древней и новой Россіи. Обозрѣніе Русской исторіи и реформъ новаго времени съ Петра I. 1 *Марта.* Статья о Русской церкви въ догматическомъ, національномъ и политическомъ ея значеніи, весьма обстоятельно и безпрестрастно написанная.—*1 Мая* вторая часть той-же статьи: патріархатъ и Св. Сунодъ, религіозная терпимость и управленіе иностранныхъ исповѣданій

15 Іюня. L'empire des Tzars. Вторая статья о Русской церкви: *Каста духовенства и церковная реформа. Черное и бѣлое духовенство. Монахи и священники.* Авторъ описываетъ состояніе духовенства въ Россіи и реформы послѣдняго времени, довольно обстоятельно; но въ послѣдней статьѣ встрѣчается болѣе неточностей, чѣмъ въ первой. Къ сожалѣнію, главнымъ руководствомъ служила автору извѣстная, непечатанная заграницей, желчная и пристрастная книга: *Черное и бѣлое духовенство въ Россіи.* 1 Ноября. Статья Геруа́ Больѐ о расколѣ и старообрядческихъ сектахъ въ Россіи.

Статьи Рамбо̀:

1 Февр. Императрица Екатерина въ домашнихъ своихъ отношеніяхъ. Эта статья обстоятельно составлена по новымъ документамъ, напечатаннымъ въ Сборникѣ историч. общества и другихъ Русскихъ изданіяхъ, на основаніи послѣднихъ томовъ исторіи Соловьева и книга Сибигка о поѣздкѣ Екатерины II въ Россію къ свадьбѣ.

1 Апр. *Русскіе въ Севастополѣ,* обстоятельная и весьма сочувственная статья, составленная по тремъ томамъ *Севастопольскаго Сборника.* Къ стыду надобно сказать, что книга эта и въ Русской журналистикѣ не вызвала ни одной статьи, которую по достоинству можно было бы сравнить съ этою статьей Французскаго журнала.

Въ книжкѣ 1 Іюля статья Рамбо̀: *Русскій Эпосъ,* содержащая въ себѣ изложеніе и характеристику Русскихъ былинъ, по сочиненіемъ и сборникамъ Гильфердинга, Кирѣевскаго, Рыбникова, Миллера и Майкова.

15 Нояб. *Рамбо́.* Описаніе Севастополя въ нынѣшнемъ его видѣ, съ путевыми замѣтками о Балаклавѣ, Георгіевскомъ монастырѣ и Херсонесѣ.

15 Дек. *Рамбо́,* Воспоминаніе о Кіевѣ и объ археологическомъ съѣздѣ 1874 года.

Въ книжкѣ 15 Апрѣля статья Эмиля де Лявелѐ: Успѣхи общественнаго образованія въ Россіи, составленная по Русскимъ источникамъ, то есть по оффиціальнымъ уставамъ, по книгѣ Танѣева и по отчетамъ министра народнаго просвѣщенія за 1872 и 1873 годы.

1 *Сентября.* Ст. Блерзи́ о Хивинской экспедиціи и ея значеніи въ Средней Азіи (Les révolutions de l'Asie centrale. IV. Les conquêtes de la Russie.).

1 Декабря. Путевыя замѣтки г. Патнотра, состоящаго при Французской миссіи въ Тегеранѣ, на проѣздѣ его въ Персію черезъ Одессу и Кавказъ, отъ Чернаго до Каспійскаго моря.

Въ Ноябрской книжкѣ Journal des Economistes 1874 г. помѣщена обратившая на себя общее вниманіе статья проф. Бунге о банкахъ и о денежномъ обращеніи въ Россіи.

Въ сборникѣ, посвященномъ изслѣдованію Исторіи Ганзы: Hansische Geschichtsblätter, издаваемомъ отъ общества Ганзейской исторіи (см. Книжн. Вѣсти 1873 года), помѣщена, за 1872 годъ, статья Гельбаума: Основаніе Нѣмецкой колоніи на Двинѣ.

Въ Preussiche Jahrbücher 1873 г., №. 5. статья Фонъ-деръ-Бриггена: Внутреннее состояніе Польши передъ первымъ ея раздѣломъ.

Въ новомъ Нѣмецкомъ журналѣ: Deutsche Rundschau №. 1, (изд. Роденберга) статья Зибеля: Первый раздѣлъ Польши.

Въ ежемѣсячномъ журналѣ Старо-прусскія лѣтописи (Altpreussische Monatschrift v. Reicke und Wickert) №. 7 за 1873 г. статья: Нѣмецкій рыцарскій орденъ въ Литвѣ съ 1370 по 1386 годъ.

Въ журналѣ Historisch-Politische Blätter für das katholische Deutschland за 1873 г. № 11, статья: Графъ Ѳедоръ Растопчинъ.

Наиболѣе обстоятельная изъ журнальныхъ статей, вызванныхъ новымъ Русскимъ закономъ о воинской повинности, въ журналѣ Vierteljahrschrift für Volkswirtschaft und Kulturgeschichte, herausg. v. Jul. Faucher, статья Клейнвехтера, подъ заглавіемъ *Русская всеобщая воинская повинность въ сравненіи съ Германскою и Австрійскою.*

Въ книжкѣ новаго Нѣмецкаго журнала: Германское Обозрѣніе (Deutsche Rundschau) помѣщена статья Зибеля о первомъ раздѣлѣ Польши. Главною причиною его историкъ полагаетъ внутреннее разложеніе Польскаго государства и главную отвѣтственность за это событіе возлагаетъ на Польскую политику.

Въ Unsere Zeit, 1874, № 21, статьи *о Нѣмцахъ въ Россіи.*, соч. Бѣта (Das Deutschtum in Russland, v. Beta). Тамъ же, въ 1-й книгѣ 1875 года, статьи Вамбери: *Среднеазіатскій вопросъ послѣ Хивинскаго похода.*

Въ Апрѣльской книгѣ Quarterly Review статья *о завоеваніяхъ Россіи въ Средней Азіи.*

Contemporary Review. April, 1874. Статья Рольстона: *Русскія идилліи.* Авторъ хочетъ познакомить Англійскихъ читателей съ картинами Русскаго крестьянскаго быта, изъ сочиненій Кольцова и Никитина. Статья состоитъ большею частью изъ подробнаго и вѣрнаго перевода стихотвореній Кольцова: *Урожай*, *Косарь*, *Сяду я за столъ*, *Не шуми ты рожь*; и двухъ стихотвореній Никитина.

Въ Блеквудовомъ Магазинѣ 1874 г. (Февраль и Мартъ) разсказъ изъ двухъ эпохъ жизни Сперанскаго, подъ заглавіемъ: *Два Сперанскихъ.*

Въ Итальянскомъ журналѣ, *Rivista Europea*, Анжело-де-Губернатисъ напечаталъ (изданную потомъ отдѣльно) критическую статью о сочиненіяхъ гр. Алексѣя Толстаго. Въ этой статьѣ немало разсужденій о характерѣ и духовныхъ свойствахъ Русскаго народа. Авторъ бывалъ въ Россіи и приводитъ нѣсколько разсказовъ о преступникахъ, которыхъ видѣлъ въ Русскихъ тюрьмахъ, объясняя этими разсказами свои соображенія о психическомъ отношеніи Русскаго крестьянина къ предметамъ вѣры и нравственности.

Подъ руководствомъ ученаго *Ujfalvy* издается въ Парижѣ съ 1874 года журналъ: Revue de Philologie et d'Ethnographie. Въ первой, недавно вышедшей книжкѣ этого журнала помѣщена статья г. Адàма, обратившая на себя вниманіе ученаго міра: „Вогульская исторія міросозданія." У Русскихъ Вогуловъ сохранились миѳическія сказанія, пріобрѣтающія особенный интересъ въ настоящую пору, когда вниманіе ученыхъ обращено на изслѣдованіе миѳологіи у Туранскихъ племенъ. Сказанія, въ четырехъ отдѣльныхъ пѣсняхъ, собраны на мѣстѣ ученымъ изслѣдователемъ Регули и изданы въ 1864 году г. Гунфальви. Предметомъ ихъ служатъ сотвореніе міра и человѣка, учрежденіе брака, борьба сыновъ Божіихъ съ сынами человѣческими, потопъ и возрожденіе человѣчества послѣ потопа. Въ той же книжкѣ есть статья о путешествіи Герберштейна по Россіи.

ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ АННЫ МОНСЪ.

Женщина эта, извѣстная въ нашей исторіи подъ именемъ Анны Ивановны Монсъ, была дочь Іоанна Монса, Нѣмца, золотыхъ дѣлъ мастера, поселившагося въ Москвѣ въ половинѣ XVII в. При Петрѣ она была героинею не одной Московской Нѣмецкой Слободы. Нѣкоторые писатели утверждаютъ даже, что Петръ Первый имѣлъ намѣреніе вступить съ нею въ законный бракъ. Она потомъ вышла замужъ за Прусскаго посланника Кейзерлинга. Уже будучи вдовою, въ 1714 году, составила она печатаемое ниже духовное завѣщаніе. Она умерла въ томъ же 1714 г. Есть преданіе, будто бы Петръ I-й, для бывшей еще въ дѣвицахъ Анны Монсъ, построилъ въ Нѣмецкой Слободѣ каменный домъ; но это не подтверждается ни духовнымъ ея завѣщаніемъ, ни подворною описью домовъ Нѣмецкой Слободы, составленною при Петрѣ I, именно въ 1718 году, и имѣющеюся въ Московскомъ Отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба. Въ этой описи, между прочимъ, показанъ Лефортовскій дворецъ, принадлежавшій бывшей еще въ живыхъ вдовѣ Лефорта.

Г. Александровъ.

Копія.

Во имя Господне. Я Анна-Маргрета, вдова Фонъ-Кейзерлинга, родомъ Фонъ-Монсонъ.

Понеже щедрый Господь непрестанно мя немощію посѣщаетъ и мнѣ, по вся мгновенія ока, смерть предъ очима представляетъ: то я пожелала, съ доброю мыслію и своею собственною доброю волею, духовную сію написать. И хощу, дабы по смерти моей (дай Боже блаженную кончину), тако учинено было, что ежели Всевышнему соизволящу мя отъ сего суетнаго міра взяти: то да будетъ моему злату, сребру, жемчугамъ и алмазамъ мой любезный будущій супружникъ яко Карлъ-Іоганнъ Фонъ-Миллеръ единъ наслѣдникъ; а мати моя наслѣдница платью, такожде и всему полотняному. А особливо и покойнаго моего мужа пожитки такожде да будутъ моему любимому будущему супружнику, реку Карлу Іоганну Фонъ-Миллеру. И все, что́ я ему теплою рукою дала, ничто же отъ него да не будетъ отъемлемо. А что̀ надлежитъ о деньгахъ, которыя у консула поставлены, яко шестнадцать сотъ рублевъ, изъ тѣхъ погребена да буду, и достальныя на половину съ матерью моею да раздѣлятся. А буде же мой любезный будущій супружникъ прежде смертію отъидетъ, нежели моя любезная мати: то остаточное паки моей матери возвращено да будетъ. И сія есть моя послѣдняя воля, и для крѣпчайшаго подкрѣпленія приложу свою руку и печать. На Москвѣ, въ 1-й день Февраля 1714 года.

Анна-Маргрета, вдова Фонъ-Кейзерлинга, родомъ Фонъ-Монсонъ.

(Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Шт. оп. 3, св. 4, изъ № 7-го).

ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА ТРЕТЬЯГО.

ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ПЯТОЙ КНИГѢ АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Приложенъ портретъ графа М. Л. Воронцова и снимокъ съ его почерка.

Цѣна **два** рубля.

(Пересылка за 4 фунта).

Складъ изданія находится въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, гдѣ можно получать и первыя шесть книгъ Архива Князя Воронцова.

Въ Москвѣ *продается* на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, у И. Г. Соловьева.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1875 ГОДА.

(ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ ЖИЗНИ И РУССКОЙ МЫСЛИ.—СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ ВООБЩЕ.—КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

ВЫХОДИТЪ 12 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1875 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1875 году доставляютъ или высылаютъ эти **ВОСЕМЬ** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Берсеневской Набережной Москвы-рѣки, за большимъ Каменнымъ мостомъ, противъ храма Спасителя, въ домъ Московскаго Археологическаго общества, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу.* Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, при книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева.* Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается при книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова,* на Невскомъ проспектѣ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

Заграничные подписчики къ вышеозначенной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи — **2** р., для Франціи и Англіи—**3** р., для Швейцаріи и Италіи—**2** р. **50** к.

Годовое изданіе Русскаго Архива 1874 года можно получать въ двухъ большихъ книгахъ, съ гравированными на стали портретами при каждомъ томѣ, по 4 рубля за книгу (съ пересылкою).

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартеневъ.**

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

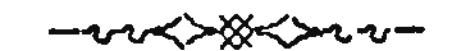
РУССКІЙ АРХИВЪ

1875. ИЗДАВАЕМЫЙ 3.

Петромъ Бартеневымъ

(бывшимъ библіотекаремъ Чертковской Библіотеки).

СОДЕРЖАНІЕ.



МОСКВА.

Типографія Грачева и Комп., у Пречистенскихъ вор., д. Шиловой.

1875.

СОДЕРЖАНІЕ

СЕДЬМОЙ КНИГИ

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

ЦАРСТВОВАНІЕ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ ЕГОРА ѲЕДОРОВИЧА ФОНЪ-БРАДКЕ [1]).

Кажется, въ 1818 году, прибыли въ Петербургъ два католическіе священника, сначала Линдль, потомъ Госнеръ [2]). Перваго я не слышалъ, не помню почему: оттого ли что меня его проповѣдничество не занимало, или потому, что дѣло было лѣтомъ, и я жилъ въ военныхъ поселеніяхъ. Въ 1819 году, однимъ вечеромъ, меня уговорили отправиться въ большую католическую церковь послушать, какъ Госнеръ объясняетъ Библію. Я увидалъ на каѳедрѣ весьма незначительную фигуру, которая плохо произносила слова и выражалась очень грубо, что̀ произвело на меня непріятное впечатлѣніе, и я дивился, за чѣмъ такое множество моихъ знакомыхъ, отлично образованныхъ людей обоего пола, стекалось слушать эти пошлости. Я неоднократно высказывалъ это мнѣніе. Не помню, какъ въ другой разъ пришлось мнѣ опять быть на проповѣди Госнера. Тутъ я уже не смотрѣлъ на внѣшность, слушалъ внимательно и былъ глубоко пораженъ Божіимъ Словомъ, яснымъ и разительнымъ объясненіемъ его. Съ этого дня я прилежно посѣщалъ Госнера въ католической церкви и потомъ въ частномъ домѣ на Малой Морской, гдѣ наняли для этихъ бесѣдъ двѣ большія, сплошныя залы. Я бывалъ и въ Мальтійской церкви, гдѣ Госнеръ служилъ обѣдни на Нѣмецкомъ языкѣ со многими нововведеніями, и всегда съ проповѣдью. Лично съ нимъ я не былъ знакомъ, и хотя видалъ его нѣсколько разъ у дяди моего Адеркаса, но не чувствовалъ потребности идти къ нему, довольствуясь его проповѣдями. Чтеніе Священнаго Писанія постепенно вело меня къ раскрытію истинъ, коихъ осуществленіе въ самой жизни сдѣлалось для меня высшею задачею, а такъ какъ я чувствовалъ свое безсиліе въ этомъ дѣлѣ, то старался все больше и больше молиться......

Когда Госнеръ былъ удаленъ изъ Россіи, во всемъ Петербургѣ не нашлось лица, которое бы могло соединить вокругъ себя его слушателей. Старикъ Мортимеръ былъ уже очень слабъ и нерѣдко засыпалъ на каѳедрѣ. По необходимости устроились частныя собранія, изъ коихъ особенно многолюдны бывали у купца Нотбека, съ одобренія правительственной власти. Собранія эти утверждались на христіанскомъ основаніи, хотя и тутъ примѣшивалось много піетистическихъ началъ. У Нотбека собирались обыкновенно въ Суботу

---

[1]) См. выше, стр. 13.

[2]) О Госнерѣ, дѣятельность котораго повела къ закрытію Библейскихъ Обществъ, см. Записки Н. И. Греча въ Р. Архивѣ 1868 года. *П. Б.*

вечеромъ, прочитывали главу Св. Писанія, слушали какое нибудь сочиненіе Госнера, Таулера, Спенера и другихъ, и за тѣмъ снова совершали колѣнопреклоненную тихую молитву. Болѣе близкіе знакомые оставались пить чай и проводили время въ тихой искренней бесѣдѣ; никто не выставлялъ себя на показъ и не выражалъ притязаній на святость, какъ бываетъ у піетистовъ. Впрочемъ и тутъ было кое-что въ томъ духѣ.... Меня считали полу-христіаниномъ, такъ какъ, я, по множеству моихъ занятій, не могъ постоянно являться и не подчинялся безусловно тамошнимъ понятіямъ и установленіямъ, даже иногда явно противорѣчилъ имъ. Мнѣ было ненавистно принимать на себя несвойственный мнѣ тонъ, съ особеннымъ обращеніемъ и способомъ выражаться. Однако мы остались всегда съ Нотбекомъ добрыми друзьями, и никакой размолвки у насъ не было....

Назначеніе въ Елизаветградъ [3]) очень озабочивало меня. Всѣ мои родные уговаривали меня перейти въ гражданскую службу, что̀, въ тогдашней моей обстановкѣ, можно было устроить выгоднымъ образомъ; но я не захотѣлъ этого, рѣшившись довольствоваться тѣмъ, что мнѣ предоставлялось Божіимъ Промысломъ.

По прибытіи въ Петербургъ, узналъ я отъ генерала Клейнмихеля, что Его Императорское Величество, вслѣдствіе неудовлетворительнаго состоянія экономическихъ и хозяйственныхъ дѣлъ въ военныхъ поселеніяхъ Херсонской губерніи, высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы туда было командировано надежное лицо съ обширными полномочіями и что Государь, безъ всякаго участія самаго Клейнмихеля, лично соблаговолилъ назвать мое имя. Для покрытія моихъ путевыхъ расходовъ высочайше повелѣно было, безъ всякаго съ моей стороны ходатайства, назначить мнѣ 2000 руб. ассигнаціями, кромѣ прогонныхъ денегъ...

Мои служебныя отношенія въ Елизаветградѣ ни въ какомъ смыслѣ не могли быть пріятны уже потому, что они вновь ставили меня въ положеніе, совершенно чуждое моимъ познаніямъ и моей предъидущей опытности. Въ этой громадной степной мѣстности, гдѣ 90 т. душъ, приписанныхъ къ военнымъ поселеніямъ, занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ, хозяйство велось совершенно-инстинктивно и неправильно, что̀ по мѣстному нарѣчію и называется дикимъ или воровскимъ хозяйствомъ. Ни малѣйшаго раздѣла полей, никакихъ отведенныхъ луговъ и пастьбищъ: пашутъ, гдѣ хотятъ; сѣютъ, покуда урожаи хороши или даже посредственны и затѣмъ бросаютъ этотъ участокъ, доколѣ онъ не отдохнетъ отъ испытаннаго имъ обремененія, что̀ совершается обыкновенно, смотря по степени размѣровъ и плодородія, въ промежутокъ времени отъ пяти до нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Тѣмъ временемъ выростаетъ на этомъ изнуренномъ пространствѣ (навозъ тамъ употребляется лишь на топливо, но не какъ удобреніе) сперва сорная трава, въ особенности полынь, служащая отличнымъ топливомъ, а потомъ, когда зем-

---

[3]) Въ военныя поселенія, въ должность оберквартирмейстера 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса. *П. Б.*

ля вновь нѣсколько окрѣпнетъ, болѣе густая или рѣдкая трава, употребляемая для пастьбы или сѣнокошенія. И такъ мнѣ предстояло заводить здѣсь правильное хозяйство, наперекоръ всеобщему мнѣнію, смотрѣвшему съ отвращеніемъ на всякое нововведеніе, при чемъ я самъ считалъ себя вполнѣ неспособнымъ, не зная мѣстныхъ степныхъ условій и вообще незнакомый основательно съ общими правилами раціональнаго хозяйства. Я уже совсѣмъ было рѣшился предоставить это смѣлое предпріятіе будущности и болѣе искуснымъ рукамъ, когда мнѣ пришлось совершить объѣздъ всѣхъ военныхъ поселеній. Здѣсь я нашелъ этихъ прежде столь зажиточныхъ поселянъ въ величайшей нуждѣ и бѣдствіи, и мнѣ не трудно было открыть причину этого грустнаго положенія. Когда полки вступили въ пользованіе опредѣленными имъ участками и приняли на себя управленіе, ими овладѣло пламенное усердіе къ пользамъ казны, и они, по отношенію къ доставшимся имъ природнымъ богатствамъ, не довольствовались выручаемымъ обильнымъ содержаніемъ для своихъ людей и лошадей, но старались накоплять наибольшее количество запаснаго хлѣба и сѣна. Этой цѣли они безъ сомнѣнія достигли, хотя и тутъ цѣлыя стада крысъ уничтожали добрую половину; но въ тоже время полки отнимали у крестьянина лучшія земли, дѣлали огромные посѣвы безъ всякаго соображенія съ трудовыми силами и предоставляли крестьянину лишь скудный остатокъ времени на его собственное хозяйство. Такъ какъ пахота, при продолжительномъ лѣтѣ, можетъ производиться долго, и труда по удобренію не существуетъ, то эта система была-бы еще менѣе вредна для матеріальнаго благосостоянія поселенцевъ; но во время уборки, когда при жгучемъ солнечномъ зноѣ часто все ра́зомъ созрѣваетъ, хлѣбъ въ одинъ день начинаетъ спѣть, а трава обращается въ солому, казенные огромные посѣвы требовали такого усиленнаго труда, что уборка крестьянскихъ полей отлагалась до окончанія этихъ работъ, и крестьяне часто привозили въ свои гумна одну лишь солому. Это отчаянное положеніе столь значительнаго населенія требовало быстрыхъ мѣропріятій, и потому, по моему представленію, было первоначально строго предписано графомъ Виттомъ, начальникомъ военныхъ поселеній, чтобы каждый поселенецъ не употреблялся болѣе трехъ дней въ недѣлю на казенную работу. Это все таки нѣсколько обуздало безграничный произволъ и было мною постоянно требуемо. Первыя изліянія благодарности со стороны поселенцевъ были въ высшей степени трогательны. Но я вполнѣ сознавалъ, что это лишь временное средство и что на мнѣ лежалъ нравственный долгъ опредѣлить въ точности взаимныя права этихъ людей и количество обязательнаго ихъ труда въ пользу ихъ владѣльца — казны, чтобы никакая неблагонамѣренность или слишкомъ рьяное рвеніе начальствующихъ лицъ не могли на будущее время вновь подвергнуть опасности благосостояніе крестьянъ. Для достиженія этой цѣли, слѣдовало отдѣлить земли казенныя отъ крестьянскихъ участковъ „in natura", опредѣлить окончательно количество работы поселянъ и требуемаго ими земельнаго надѣла для ихъ содержанія, назначить предстоявшіе имъ труды и разграничить

число и мѣру посѣвовъ въ натурѣ. Чтобы достигнуть подобнаго результата, оказалось необходимымъ введеніе строгой хозяйственной системы, основанной на научныхъ основаніяхъ, и тутъ я снова впалъ въ свою прежнюю, тяжкую борьбу. Напрасны были всѣ старанія найти человѣка дѣльно подготовленнаго для этой задачи, и тѣ, которые, вслѣдствіе своего долгаго тамъ пребыванія, могли почитаться наиболѣе способными къ выполненію этой задачи, были такъ пропитаны установившимися предразсудками, что не могли и даже не желали предпринять этого столь важнаго труда. И такъ, послѣ долгаго размышленія и вслѣдствіе сердечнаго участія къ бѣдствіямъ нѣсколькихъ тысячь семействъ, я не могъ выбрать ничего другаго, какъ приняться самому за эту работу и, въ смиренномъ упованіи, призвать на помощь милосердіе и премудрость Творца для довершенія труда.

..Я отправилъ по участкамъ двухъ опытнѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба, съ тѣмъ, чтобы они отобрали въ полковыхъ комитетахъ ясные и простые отвѣты на цѣлый рядъ составленныхъ мною вопросовъ. Для разъясненія и исправленія полученныхъ такимъ образомъ свѣдѣній они должны были переговорить съ толковитыми крестьянами, потомъ съ болѣе образованными людьми изъ дворянства и за тѣмъ общій выводъ представить мнѣ. Работа эта продолжалась цѣлое лѣто, и о двѣнадцати полкахъ получилъ я гибель бумагъ, исполнившихъ меня ужасомъ. Но разъ начатое надо было кончить; я заперся у себя совершенно, дабы разобраться въ дѣлѣ. Послѣ этого я самъ объѣхалъ участки, и плодомъ всего этого вышло въ свѣтъ мое „Положеніе о хозяйственномъ управленіи военными поселеніями въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ“. Оно было мною подвергнуто предварительно всевозможному просмотру и критикѣ и представлено на высочайшее утвержденіе, которое и послѣдовало. Это Положеніе до сихъ поръ имѣетъ силу, за нѣкоторыми исключеніями, которыя потомъ вызваны были перемѣнами, произведенными въ составѣ военныхъ поселеній. Вы найдете въ моихъ книгахъ печатный экземпляръ Положенія, а въ моихъ бумагахъ, въ черновомъ донесеніи Государю Императору, историческую записку о развитіи и нынѣшнемъ положеніи Новороссійскаго края и объ устраненіи золъ, угрожающихъ всему его матеріальному существованію. Отчетъ мой многократно обсуждался въ Министерствѣ Удѣловъ, вызвалъ нѣсколько временныхъ распоряженій, но, кажется, до сихъ поръ еще не привелъ къ какой либо рѣшительной мѣрѣ, такъ какъ для того нужны энергія и настойчивость.

Личное мое положеніе въ Елизаветградѣ устроилось лучше, чѣмъ я ожидалъ. Такъ какъ я имѣлъ большія полномочія и право непосредственнаго сношенія съ Петербургскими властями, то полагалъ, что на меня станутъ смотрѣть какъ на несноснаго наблюдателя, станутъ мнѣ дѣлать препятствія и въ особенности остерегаться меня. Случилось совершенно противное. Графъ Виттъ отнесся ко мнѣ съ любезнымъ радушіемъ и величайшимъ довѣріемъ, раздѣлялъ всѣ мои воззрѣнія и предоставлялъ мнѣ полную свободу дѣйствія. Примѣру его

послѣдовали всѣ генералы и другіе чиновники. Какая была тому причина, я до сихъ поръ не могу дознаться.—Генералъ отъ кавалеріи графъ Виттъ былъ сынъ одного генерала-маіора, поступившаго въ Русскую службу изъ Голландіи. Онъ женился на прекрасной Гречанкѣ или Молдаванкѣ, которую потомъ уступилъ за весьма значительную сумму влюбившемуся въ нее богачу, графу Потоцкому. Эта госпожа извѣстна во всѣхъ западныхъ губерніяхъ подъ именемъ графини Софіи Потоцкой, и портретъ ея можно встрѣтить во всѣхъ домахъ тамошней аристократіи и средняго сословія; но нравственность ея не согласовалась съ ея красотою, а безстыдство выразилось между прочими въ противуестественной тяжбѣ ея съ ея сыновьями. Я немного знаю о молодости графа Витта. Онъ былъ человѣкъ большаго природнаго ума, необыкновенно-быстраго проницанія, но безъ глубины, образованія многосторонняго, но поверхностнаго, большаго такта и умѣнья распознавать людей во внѣшнемъ ихъ проявленіи. Ни въ чемъ не отказывать и никогда не сдерживать обѣщаннаго, обо всемъ умствовать и ничего не обслѣдовать, всегда влюбляться, и всякій разъ не надолго, всѣмъ говорить любезности и тотчасъ забывать о сказанномъ: таковы были главнѣйшія черты этого ничтожнаго характера. И тѣмъ не менѣе графъ Виттъ, благодаря любезности своей, имѣлъ большое значеніе, и императоръ Александръ весьма отличалъ его. Въ мое время онъ велъ скандальную интригу съ разведенною Собаньскою, урожденною графинею Ржевускою, принадлежавшею къ древнѣйшимъ Польскимъ фамиліямъ; она жила съ нимъ открыто, къ ней всѣ ѣздили, и она вела себя какъ будто его жена, хотя онъ не былъ разведенъ съ своею настоящею женою, которую нѣкогда тоже взялъ у ея мужа. Когда онъ пріѣхалъ съ этою госпожею въ Елисаветградъ и выразилъ желаніе ввести меня въ свой домашній кругъ, я долженъ былъ отказаться. Жена моя тоже, конечно, не поѣхала туда, не слѣдуя примѣру всѣхъ другихъ генеральшъ и чиновныхъ дамъ. Сначала это не понравилось; но я держалъ себя спокойно и твердо, и меня оставили въ покоѣ. Къ чести графа Витта я долженъ сказать, что онъ никогда не далъ мнѣ этого замѣтить и всегда оказывалъ мнѣ особенное довѣріе.

Графъ расположился на жительство въ Одессѣ и къ намъ только наѣзжалъ изрѣдка; у насъ же первенствовалъ начальникъ штаба, генералъ Е., почтенный старикъ, но безъ всякой энергіи въ характерѣ и не слишкомъ уважаемый графомъ Виттомъ. У Е. была молодая, красивая, очень причудливая жена, желавшая во все вмѣшиваться, что̀ и удавалось ей вполнѣ, благодаря положенію мужа. По необходимости возникла изъ того борьба, вскорѣ принявшая значительные размѣры и кончившаяся полнымъ моимъ торжествомъ. Графъ поручилъ мнѣ наблюдать за очень хорошимъ дѣвичьимъ пансіономъ, который содержала въ Елисаветградѣ одна весьма почтенная Француженка, госпожа Бурковская. Мадамъ Е. и тутъ дала себя знать съ неблагопріятной стороны, и между прочимъ брала дѣвочекъ изъ пансіона на свои балы и танцовальные вечера, т. е. въ

общество молодыхъ офицеровъ. Я счелъ своею обязанностью рѣшительно воспротивиться тому. Поднялась буря, со слезами, обмороками и спазмами, но спокойная настойчивость взяла верхъ. Съ старымъ генераломъ мы до конца оставались въ дружескихъ отношеніяхъ. Супруга его напослѣдокъ стала оказывать мнѣ только любезности и всегда соглашалась со мною....

Въ 1829 году я едва не принужденъ былъ оставить службу. Въ одномъ важномъ дѣлѣ, касавшемся устройства края, возникло изъ суетности разногласіе между графами Виттомъ и Клейнмихелемъ, при чемъ первый, противъ своего обыкновенія, тоже горячился и не хотѣлъ уступать. Мнѣ поручено было разъясненіе дѣла, и тутъ я неизбѣжно долженъ былъ высказаться рѣшительно, а Клейнмихель, обѣщаніями и угрозами, хотѣлъ склонить это рѣшеніе въ свою пользу. По совѣсти я велъ дѣло съ надлежащимъ безпристрастіемъ и рѣшеніемъ своимъ не угодилъ ни той, ни другой сторонѣ. Надо было ожидать, что вслѣдствіе этого обѣ стороны примирятся и станутъ сообща дѣйствовать противъ меня. Такія дѣйствія и начались по вѣдомству Клейнмихеля, но я энергически стоялъ на своемъ. На этотъ разъ, въ противность обыкновенному порядку дѣлъ, рѣшеніе состоялось по высшей волѣ. И Клейнмихель, и графъ Виттъ стали оказывать мнѣ еще болѣе уваженія и довѣрія, и мое вліяніе въ военныхъ поселеніяхъ чрезвычайно отъ того выигрыло. . . .

Въ высшей степени изнуренный и разстроенный моими чрезвычайными обязанностями, всегда чувствуя склонность вести образъ жизни такъ называемаго средняго круга и не стремясь къ повышеніямъ по службѣ, я все болѣе и болѣе утверждался въ намѣреніи просить увольненія и искать по гражданскому вѣдомству такой должности, которая доставила-бы мнѣ необходимыя средства и скромную дѣятельность. Получить гдѣ либо мѣсто директора училищъ было въ особенности предметомъ моихъ желаній. По надлежащемъ совѣщаніи съ вашею матерью и съ моею [4]) и съ ихъ согласія, подалъ я просьбу объ отставкѣ и, хотя меня со всѣхъ сторонъ сильно побуждали взять просьбу назадъ, однако я считалъ нужнымъ оставаться при своемъ намѣреніи. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ опредѣляетъ! Въ ту самую минуту, когда моему прошенію предстояло двинуться далѣе по начальству, корпусъ нашъ получилъ приказаніе быть готовымъ въ 24-ре часа къ выступленію, и такъ какъ этимъ несомнѣнно предвѣщалась возможность скорой войны, то я не могъ покинуть военную службу и былъ вынужденъ взять назадъ просьбу объ отставкѣ.

Недѣли черезъ двѣ полученъ приказъ выступать. Мы дошли сперва до Каменца-Подольска, при чемъ я исполнялъ должность оберъ-квартирмейстера при корпусѣ и кромѣ того, въ отсутствіи дежурнаго штабъ-офицера, исправлялъ его обязанности, такъ что мнѣ было довольно дѣла. Пробывъ въ Каменцѣ-Подольскѣ нѣкоторое время, примѣрно 4 недѣли, получили мы извѣстіе о внезапно и неожиданно вспыхнувшемъ Польскомъ возстаніи и приказъ двинуться усиленны-

[4]) Авторъ писалъ эти Записки для дѣтей своихъ. *П. Б.*

ми маршами къ границѣ и присоединиться къ арміи фельдмаршала графа Дибича, что̀ нами и было исполнено.

Эту несчастную междоусобную борьбу такъ часто описывали, что я считаю излишнимъ входить здѣсь въ подробное ея описаніе, но все таки полагаю, что для васъ будетъ небезполезно, если я представлю вамъ ея главные моменты, чтобы разъяснить кое-какія темныя стороны и исправить нѣкоторыя ошибочныя мнѣнія, на что̀ я думаю имѣть нѣкоторое право, потому что въ продолженіи всей войны былъ въ состояніи подробно знать все, что́ дѣлалось, а послѣдніе пять мѣсяцевъ состоялъ даже начальникомъ штаба въ авангардѣ арміи, съ принадлежащими въ то время къ этой должности довольно обширными правами и достаточнымъ значеніемъ и, наконецъ, по вступленіи въ Варшаву, былъ облеченъ въ должность начальника штаба при военномъ генералъ-губернаторѣ графѣ Виттѣ.

Хотя правительству не безъизвѣстны были событія, предшествовавшія революціи и, зная неспокойный духъ тамошняго дворянства, оно предвидѣло возстаніе; но, въ виду полнаго довѣрія Великаго Князя Константина Павловича къ странѣ и войску, всякія приготовленія къ подавленію безпорядковъ представлялись вполнѣ излишними. И подлинно, Цесаревичъ имѣлъ право ожидать вѣрности и преданности отъ Польской арміи, потому что онъ всѣмъ сердцемъ ей принадлежалъ, и въ проявленіяхъ его расположенія не было недостатка. Отеческое чувство къ творенію своихъ рукъ выражалось въ немъ въ высшей степени пристрастно: онъ доставлялъ этимъ любимцамъ своимъ все, что́ могъ; а власть его была обширна, по званію намѣстника и старшаго брата Государева. Имъ также много было сдѣлано для всего Царства Польскаго. Въ 1815 году не было въ Польшѣ ни фабрикъ, ни шоссейныхъ дорогъ, и нищета господствовала повсемѣстно; въ 1831 году застали мы страну въ цвѣтущемъ благосостояніи, усѣянную фабриками и перерѣзанную шоссейными путями по всѣмъ направленіямъ. Такимъ образомъ, когда вѣсть о вспыхнувшей революціи достигла Петербурга, и быстрота дѣйствій сдѣлалась неизбѣжною необхо́димостью, то всѣ близь границы стоявшія войска получили приказаніе выступать; но такъ какъ никакихъ приготовительныхъ мѣръ принято не было, то и пришлось считать за лучшее то, что̀ могло быть сдѣлано немедленно. Частію расчитывали на контрибуцію въ самой Польшѣ, а частію было предписано западнымъ губерніямъ доставлять войскамъ провіантъ и фуражъ на крестьянскихъ подводахъ. Чтобы не дать Полякамъ времени организоваться и перейти Вислу, покуда она еще покрыта льдомъ, а равно и во избѣжаніе всякихъ затрудненій отъ болотъ, была рѣшена зимняя кампанія, и 25-го Января 1831 г. перешли мы въ нѣсколькихъ мѣстахъ границу царства. Но Божіе благословеніе не сопутствовало намъ въ первой половинѣ нашего предпріятія, быть можетъ потому, что, въ нашей грѣховной самонадѣянности, мы были слишкомъ увѣрены въ успѣхѣ. Морозъ не явился къ намъ на помощь, постоянная оттепель распустила все, и уже Бугъ вынудилъ насъ пробыть на берегу его нѣсколько дней и принимать разныя мѣры для переправы, которая при всемъ томъ могла состояться лишь въ весьма немногихъ

пунктахъ. Подвигаясь далѣе, узнали мы, что и Висла вскрылась, и такимъ образомъ рушились всѣ надежды на зимній походъ и вмѣсто того, чтобы вступить церемоніальнымъ маршемъ въ Варшаву, гдѣ въ то время еще не были воздвигнуты укрѣпленія, стоившія намъ впослѣдствіи столько крови и гдѣ плоская мѣстность не могла оказать ни малѣйшаго отпора нашей блестящей кавалеріи, — мы вынуждены были бродить вдоль праваго берега Вислы, не имѣя при себѣ понтоновъ для переправы черезъ рѣку. Между тѣмъ дороги совершенно испортились, благодаря теплому времени, и ожидаемое продовольствіе подходило весьма медленно и въ совершенно-недостаточномъ количествѣ: бо̀льшая часть его была потреблена на пути самими крестьянами, а остальное сложено ими въ городахъ, потому что они на своихъ жалкихъ лошаденкахъ не могли двигаться далѣе. На мѣстѣ мы также не находили никакихъ запасовъ, и часто наши люди и лошади подвергались крайнимъ недостаткамъ, въ особенности послѣднія, для которыхъ гнилая солома съ крышъ была нерѣдко лакомствомъ. Дибича всѣ упрекали, что послѣ битвы 13-го Февраля онъ не воспользовался полнѣйшимъ разстройствомъ Польской арміи и не проникъ слѣдомъ за нею въ Варшаву по Вислинскому мосту; но безосновательность подобнаго упрека можетъ легко быть доказана всякимъ здравомыслящимъ человѣкомъ, который пожелаетъ обсудить этотъ вопросъ на мѣстѣ. Во первыхъ, достаточно было бы одного человѣка, чтобы поджечь этотъ деревянный мостъ, не подвергаясь при томъ ни малѣйшей опасности. Во вторыхъ, лѣвый берегъ рѣки образуетъ крутой скатъ, вполнѣ господствующій надъ правымъ берегомъ, и будь оттуда пушки направлены противъ переправы, переходъ черезъ этотъ весьма длинный мостъ становится невозможнымъ; и наконецъ, въ третьихъ, тотчасъ за мостомъ начинается узенькая улица съ высокими, многоэтажными домами, такъ что пришлось-бы подниматься въ гору, гдѣ небольшая кучка отважныхъ защитниковъ могла-бы заслонить дорогу цѣлой арміи. Предположить, что ни одинъ Полякъ не имѣлъ-бы на столько отваги и присутствія духа, чтобы оказать сопротивленіе, было-бы несправедливо, такъ какъ Польскія войска всегда отличались храбростью.

Послѣ безполезной битвы 13-го Февраля мы заняли наши зимнія квартиры. Заботы о продовольствіи продолжались съ величайшею энергіею, и между прочимъ вашъ дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ Пейкеръ былъ посланъ въ Пруссію, чтобы, при содѣйствіи генеральнаго консула въ Данцигѣ — Тенгоборскаго (впослѣдствіи члена Государственнаго Совѣта) произвести необходимыя закупки, что̀ и было выполнено съ успѣхомъ. Побоище при Остроленкѣ, едва-ли имѣющее себѣ подобное въ лѣтописяхъ военной исторіи, также оставалось безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, и тутъ Дибичъ заслужилъ справедливый упрекъ: онъ лишь на третій день началъ преслѣдовать непріятеля и тѣмъ далъ возможность разстроенной Польской арміи вновь собраться съ силами и организоваться. Послѣ этого сраженія мы безпрепятственно двинулись къ Пултуску, и весь вопросъ теперь заключался въ томъ, какъ мы перейдемъ черезъ Вислу. Наконецъ было рѣшено заказать мостъ въ Пруссіи и перейти рѣку близь

Прусской границы, при чемъ мы еще пріобрѣтали то преимущество, что могли всего удобнѣе воспользоваться закупленнымъ для насъ продовольствіемъ. Вдругъ Дибичъ скончался; графъ Толь принялъ на себя временное начальство, и вскорѣ вновь назначенный главнокомандующій, князь Паскевичъ прибылъ въ армію. Признавая основательность предшествовавшихъ распоряженій своего предмѣстника, онъ предписалъ фланговое движеніе къ Прусской границѣ. Весьма слабо тревожимая непріятелемъ армія благополучно достигла моста, и какъ при немъ находилось лишь нѣсколько человѣкъ изъ Польской дружины, то переходъ черезъ Вислу совершился безъ малѣйшихъ затрудненій. Этотъ переходъ былъ первымъ значительнымъ успѣхомъ, достигнутымъ безъ всякаго кровопролитія; съ тѣхъ поръ дѣла пошли иначе, и явно стало благословеніе свыше. Мостъ былъ наведенъ въ такомъ мѣстѣ гдѣ занятый нами правый берегъ возвышается надъ сплошными болотами и кустарникомъ лѣваго берега; а съ сего послѣдняго идетъ одна только дорога на столь крутую высоту, что даже съ двойною упряжкою едва можно было втащить туда наши пушки и фуры. Непріятель съ немногими пушками и батальонами могъ надѣлать намъ большаго вреда, и если бы насъ встрѣтила здѣсь Польская армія, то едва ли бы переправа черезъ рѣку принесла намъ пользу, и можетъ быть пришлось бы идти назадъ. Но Польскія власти именно въ эти дни перессорились между собою. Никто изъ предводителей не хотѣлъ уходить изъ Варшавы, изъ опасенія, чтобы въ его отсутствіе противникъ его не взялъ верха.

Было тогда еще одно обстоятельство, которое теперь, когда уже нѣтъ въ живыхъ графовъ Дибича и Витта, извѣстно только графу Бергу и мнѣ, и котораго уже нечего больше таить. Поляки въ это время не могли получить почти никакихъ свѣдѣній о состояніи и размѣщеніи нашихъ войскъ. Одушевленіе народа, легко возбуждаемаго, но въ тоже время скоро устающаго, уже значительно ослабло. Предводители конечно затруднялись этимъ. Чтобы добыть нужныхъ извѣстій, наряжены были два артиллерійскіе офицера, которымъ велѣно пробраться въ нашъ лагерь. Имъ разумѣется устроили торжественные проводы, какъ героямъ; Польскія красавицы обнимали и цаловали ихъ на прощаніи. Они дѣйствительно отправились въ опасный путь свой, но одинъ пропалъ безъ вѣсти, а другаго захватили наши казаки и привели въ главную квартиру нашего авангарда, гдѣ его задержали какъ слѣдуетъ. Когда ему объявлено было, какой участи онъ подвергается по силѣ военныхъ законовъ, имъ овладѣло страшное отчаяніе, и онъ на колѣняхъ молилъ о пощадѣ. Пощада была ему дана, но подъ условіемъ, чтобы онъ составилъ свое донесеніе въ главную Польскую квартиру такъ, какъ ему прикажутъ. Передатчикомъ былъ Еврей, имѣвшій домъ и семью въ Пултускѣ; Поляки нарядили подставныхъ, чтобы скорѣе получить отъ этого Еврея необходимыя для нихъ извѣстія. Намъ надо было увѣрить Поляковъ, что мы намѣрены переправляться черезъ Вислу у Австрійской границы. Графъ Виттъ лично составлялъ донесеніе для Польскаго лазутчика, и оно было такъ ловко написано, что, не смотря на явныя противорѣчія, не смотря на то,

что всѣмъ было извѣстно объ устроеніи переправы съ Прусской границы и о заготовленныхъ въ тѣхъ мѣстахъ большихъ запасахъ, Поляки спутались въ извѣстіяхъ, не знали что̀ имъ дѣлать, и переправа наша черезъ Вислу обошлась безъ всякаго съ ихъ стороны препятствія. Много было тутъ смѣшныхъ сценъ, и мы не разъ хохотали.

Перейдя черезъ Вислу, мы остановились, чтобы перепечь въ хлѣбы муку полученную изъ Пруссіи и дать войскамъ вздохнуть. Остановка эта длилась дольше, чѣмъ слѣдовало, какъ и вообще Паскевичь не любилъ спѣшить, а пользовался временемъ. Наконецъ мы пошли впередъ и при Псурѣ встрѣтили непріятеля въ сильномъ положеніи. Правое крыло его опиралось на Вислу, передовая линія прикрывалась Псурою, рѣкою не очень глубокою, но чрезвычайно тинистою и топкою, правый берегъ которой, занятый Поляками, состоялъ почти сплошь изъ лѣсу и кустарника. У лѣваго крыла находился укрѣпленный городокъ Ловичь, кругомъ котораго извиваются небольшія, болотистыя рѣчки, образующія въ соединеніи своемъ рѣку Псуру. Въ Ловичѣ Поляки устроили гошпиталь на 2 т. человѣкъ. Не смотря на приближеніе наше, они не увезли больныхъ,—доказательство, что свое положеніе и особенности въ Ловичѣ почитали они вполнѣ надежными. Кровавое столкновеніе, долженствовавшее стоить намъ многихъ тысячь людей, было неизбѣжно. Фельдмаршалъ медлилъ нападеніемъ; но осень приближалась, и терять время было уже нечего. Въ это, конечно, нелегкое время, однажды ночью разбудилъ меня казакъ и объявилъ, что онъ и его товарищъ заняли Ловичь, что товарищъ остался тамъ сторожить, а онъ поспѣшилъ сюда дать знать. Сначала я подумалъ, что онъ сходитъ съ ума; но онъ сталъ разсказывать, какъ, стоя часовыми на мосту, который ведетъ къ городу Ловичу, они услышали въ городѣ большой шумъ, за которымъ послѣдовала глубокая тишина, какъ они потомъ прокрались въ городъ и тамъ убѣдились, что весь гарнизонъ вышелъ, и въ Ловичѣ не осталось ни одного солдата. Я туже минуту пошелъ къ генералу Муравьеву (впослѣдствіи Кавказскому намѣстнику) и просилъ его идти въ Ловичь съ своимъ отрядомъ и со всѣми, кто ему попадется на встрѣчу. Я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы весь авангардъ былъ готовъ выступить, послалъ надежнаго офицера удостовѣриться въ этомъ удивительномъ дѣлѣ и разбудилъ графа Витта. Муравьевъ выступилъ черезъ четверть часа, а весь авангардъ черезъ три четверти; фельдмаршалу немедленно послано донесеніе, и въ 8 часовъ утра главная квартира была уже въ Ловичѣ. Поляки показались было, но, видя, что городъ занятъ крѣпко, ушли назадъ. Ихъ выступленіе изъ Ловича совершилось такъ скоро, что они не сожгли моста, который велъ туда съ нашей стороны, чѣмъ значительно сократилось для насъ время. Уже по взятіи Варшавы, объяснилъ мнѣ причину этого поспѣшнаго и тогда непонятнаго для насъ выступленія генералъ Стрынскій, командовавшій гарнизономъ Ловича. Шесть казацкихъ полковъ нашего авангарда, за невозможностью дѣйствовать имъ противъ праваго непріятельскаго крыла и противъ его передовой линіи, были всѣ собраны противъ

лѣваго крыла и начали производить тутъ свои отчаянные и мастерскіе наѣзды. Они нападали на всѣ отряды, присылаемые для подкрѣпленія находившагося въ Ловичѣ Польскаго корпуса, проникали даже за Ловичь, и внушили Стрынскому опасеніе, а потомъ и увѣренность, что Русская армія можетъ боковымъ переходомъ напасть на длинно-растянувшуюся Польскую линію въ самой ея серединѣ и окончательно отрѣзать войска, находившіяся въ Ловичѣ. Стрынскій не сообразилъ, что подобное боковое движеніе сопряжено было бы для насъ съ великими затрудненіями, и подъ вліяніемъ страха ушелъ изъ города такъ скоро, что не зажегъ моста и оставилъ въ наши руки большой гошпиталь.

Покинувъ позицію при Псурѣ, Поляки не могли уже держаться въ открытомъ полѣ и отступили за укрѣпленія Варшавы, куда мы послѣдовали за ними. Сраженіе подъ Варшавою при мѣстечкѣ Маціершице (Macierscice) окончилось блестящимъ для насъ образомъ, при чемъ мы захватили въ плѣнъ весь высланный противъ насъ отрядъ въ 2000 человѣкъ подъ начальствомъ Французскаго полковника Галуа, съ двумя пушками и всѣмъ обозомъ; но этотъ успѣхъ не имѣлъ впрочемъ дальнѣйшаго вліянія на исходъ дѣла. Такимъ образомъ мы очутились на Варшавскихъ равнинахъ и приступили къ осадѣ. Послѣдовавшій затѣмъ штурмъ укрѣпленій былъ блестящій и выполненъ съ образцовою точностію; но такъ какъ фельдмаршалъ не желалъ подвергать городъ неизбѣжной опасности приступа, то начаты переговоры, которые окончились сдачею Варшавы, а Польская армія выступила къ Прусской границѣ.

Тѣмъ окончился походъ, и Польша была вновь завоевана, потому что ея разстроенная армія не помышляла о сопротивленіи; она перешла границу, гдѣ положила оружіе и сдалась Пруссакамъ. Въ продолженіи всей этой несчастной войны Поляки обнаружили самую блестящую храбрость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и невозможность долгаго единодушія; величайшій патріотизмъ во всѣхъ случаяхъ, когда онъ могъ внѣшнимъ образомъ проявляться, но въ тоже время и полнѣйшій эгоизмъ, когда ихъ тщеславіе было уязвляемо; безграничное легкомысліе и отсутствіе всякаго чувства приличія во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Вмѣстѣ съ истинно-рыцарскимъ и благороднымъ настроеніемъ въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ и подъ вліяніемъ минутнаго одушевленія, они не отличались ни малѣйшею выдержкою въ своихъ предпріятіяхъ и весьма часто впадали въ совершеннѣйшее самоуниженіе. Ихъ существомъ не руководило истинно-религіозное чувство, и религія большею частью была имъ дорогà, какъ политическое орудіе, какъ-бы освящавшее своимъ одобреніемъ всѣ ихъ возмущенія противъ Россіи. Конечно я знавалъ многія исключенія изъ этого общаго правила, любилъ и уважалъ этихъ людей; но все-же то были лишь исключенія, и такія личности рѣдко пользовались всеобщимъ уваженіемъ. Я могъ-бы представить тому множество примѣровъ, но не нахожу повода выставлять ихъ на показъ.

По взятіи Варшавы графъ Витте былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ города и губерніи, а я начальникомъ его штаба. Совер-

шенно изнуренный пятимѣсячнымъ исправленіемъ должности начальника штаба въ авангардѣ, безъ малѣйшаго покоя ни днемъ, ни ночью, я просилъ уволить меня отъ этого званія или по крайней мѣрѣ предоставить мнѣ дня три, чтобы выспаться и отдохнуть; но такъ какъ фельдмаршалъ лично выразилъ мнѣ свое желаніе въ видѣ просьбы, то никакое дальнѣйшее сопротивленіе не оказывалось возможнымъ. Какъ только мы овладѣли Варшавою, надобно было тотчасъ ввести въ ней управленіе, которое совершенно распáлось и обратить возникшую при Польскомъ господствѣ анархію вновь въ положительное благоустройство. Вечеромъ того дня, когда мы вступили въ городъ, у меня работали уже 20 чиновниковъ, раздѣленныхъ на пять отдѣловъ, и такъ какъ въ тотъ-же вечеръ число просителей доходило до тысячи, и они держали дворъ, садъ и всѣ комнаты въ осадномъ положеніи: то мы въ первые три дня не могли уснуть ни минуты, и лишь впослѣдствіи, когда всѣ убѣдились, что всякое прошеніе разсматривалось и получало быстрое направленіе, приливъ Варшавскаго населенія сдѣлался болѣе покойнымъ и правильнымъ, и мы по крайней мѣрѣ могли поддерживать наши силы ночнымъ отдохновеніемъ. Здѣсь я долженъ возстановить фактъ, за истину котораго могу поручиться. Говорили и печатали, что во время штурма Варшавы творились многіе грабежи и другія беззаконія. Такъ какъ жалобы на подобныя дѣйствія поступали ко мнѣ, то я могу удостовѣрить, что до меня дошло только 6 или 7 жалобъ, весьма неважнаго свойства, на грабежъ и присвоеніе чужой собственности, и виновные въ томъ подверглись строгому наказанію. Не думаю, чтобы въ подобныхъ случаяхъ когда либо соблюдался лучшій дисциплинарный порядокъ.

Послѣдствія столь долгаго и усиленнаго напряженія вскорѣ обнаружились: я подвергся сильнѣйшему припадку холерины, едва не доведшему меня до могилы; но по милости Божьей вновь поднялся на ноги, однако ослабъ до того, что получилъ отъ фельдмаршала неограниченный отпускъ въ Россію для возстановленія здоровья.

Эта кампанія произвела существенную перемѣну въ моемъ поприщѣ: я началъ ее только что произведеннымъ въ полковники съ Анною 2-й степени и Владиміромъ 4-й степени, и получилъ за Грохово Владиміра 3-й степени, за Нуръ аренду въ 800 р. сер. на 12 лѣтъ, за Маціерчицу золотую шпагу и за штурмъ Варшавы, по собственному желанію, былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, такъ какъ я, по совершенно-разстроенному здоровью, не могъ уже долѣе оставаться въ военной службѣ.

Заключая здѣсь мой разсказъ о Польской кампаніи, считаю нужнымъ присовокупить, что въ продолженіи этого похода я возымѣлъ высокое уваженіе и расположеніе къ нашему войску и въ особенности къ нашимъ солдатамъ. Блестящая храбрость, стойкость при удачѣ и неудачѣ, спокойное, сносливое отношеніе ко всякимъ лишеніямъ, глубокая благодарность за всякій знакъ доброжелательства, ловкость и готовность выполнять полученныя приказанія, суть качества, которыми Русскій обладаетъ въ высшей степени и которыя весьма часто не цѣнятся, а употребляются во зло начальниками. Бывало не рѣд-

ко, что продовольствіе выдавалось весьма скудное; я навѣщалъ лагерь и выражалъ на этотъ счетъ мое сожалѣніе; солдаты бодро смотрѣли мнѣ въ глаза и утѣшали меня словами: „еще не такъ плохо, и настанутъ еще хорошіе деньки.“ Когда они видятъ доброжелательство и должную оцѣнку, то ихъ нелегко сбить съ толку.

Получивъ отпускъ, я отправился къ моему зятю, который проживалъ въ то время въ арендномъ имѣніи въ Могилевской губерніи, на границѣ Смоленской, въ селѣ Трипутинѣ, гдѣ ожидали меня матушка и жена моя съ сыномъ. Здѣсь получилъ я прямо отъ тогдашняго министра Народнаго Просвѣщенія князя Ливена совершенно-неожиданное предложеніе принять на себя вновь учреждаемую должность попечителя въ Кіевѣ. Я долженъ былъ отвѣчать на это, что здоровье мое совершенно ослаблено, что въ тамошнемъ краю дѣло воспитанія неизбѣжно связано съ политическими вопросами, которые утомили меня, и что въ добавокъ у меня нѣтъ состоянія, а человѣку небогатому невозможно съ успѣхомъ занимать такую должность.

Въ Маѣ мы поѣхали на островъ Эзель навѣстить родныхъ и купаться въ морѣ; а въ Сентябрѣ отправились въ Петербургъ, гдѣ должно было опредѣлиться мое будущее поприще.

Когда я представился князю Ливену (котораго до тѣхъ поръ никогда не видалъ) и доложилъ ему, что я охотно принялъ бы мѣсто попечителя, только не въ западныхъ губерніяхъ, то онъ отвѣчалъ, что другаго такого мѣста нѣтъ, кромѣ учреждаемаго въ Кіевѣ. Онъ не хотѣлъ слушать моихъ возраженій, но любезно пригласилъ меня бывать у него къ обѣду. Между тѣмъ школьный товарищъ мой Карлъ Поль говорилъ мнѣ много хорошаго про своего тогдашняго начальника Блудова. Я рѣшился поѣхать къ Блудову и спросить, не приметъ ли онъ меня на службу по своему вѣдомству. Я явился къ нему безъ всякой рекомендаціи и назвалъ только прежнихъ моихъ начальниковъ, прося, чтобъ онъ освѣдомился обо мнѣ у нихъ. Искать мѣста подобнымъ образомъ не въ обычаѣ. Блудовъ, кажется, принялъ во мнѣ участіе и, послѣ довольно продолжительной бесѣды, сказалъ, чтобы я къ нему навѣдался, когда кончится переписка по производству моему въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Но черезъ два дня онъ прислалъ звать меня къ себѣ и объявилъ, что готовъ опредѣлить меня на всякое порожнее мѣсто въ своемъ министерствѣ. Губернаторство въ Ставрополѣ я отклонилъ, а когда онъ предложилъ мнѣ туже должность въ Эстляндіи, я отвѣчалъ, что готовъ съ благодарностію принять ее. Явно, что необыкновенная внимательность Блудова была слѣдствіемъ полученныхъ обо мнѣ хорошихъ отзывовъ; но отъ кого именно шли эти отзывы, я не могъ узнать. Между тѣмъ князь Ливенъ очень ласково принималъ меня; послѣ обѣда, когда другіе гости разъѣдутся, мы оставались съ нимъ съ глазу на глазъ въ пріятной бесѣдѣ. Я посѣщалъ его довольно часто, хотя нерѣдко мы расходились во мнѣніяхъ, и не разъ доходило у насъ до горячихъ споровъ. Однажды только онъ опять заговорилъ о Кіевѣ, но я по прежнему отказался. Я лежалъ въ постелѣ больной, когда пріѣхалъ ко мнѣ директоръ

его канцеляріи съ увѣдомленіемъ отъ имени князя, что производство мое состоялось и что я назначенъ попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа. Сначала меня глубоко огорчило такое насильственное распоряженіе моею судьбою. Я отправился поговорить съ Блудовымъ. Онъ мнѣ сказалъ, что выборъ зависитъ отъ меня и что онъ готовъ представить Его Величеству о назначеніи меня въ Эстляндію, но что онъ совѣтуетъ мнѣ безусловно подчиниться волѣ Государя, что въ подобныхъ случаяхъ Государь не любитъ противорѣчій, хотя бы и самыхъ основательныхъ, что и безъ того я уже показалъ свою настойчивость: ибо когда меня представляли къ чину дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Его Величество выражалъ желаніе, чтобъ я оставался въ военной службѣ, отзываясь, что для возстановленія здоровья можно бы дать мнѣ отпускъ за границу на неопредѣленное время. Такимъ образомъ, мнѣ приходилось покориться своей участи. Я имѣлъ весьма значительный разговоръ съ Ливеномъ, послѣ чего началъ готовиться къ исполненію моихъ будущихъ обязанностей.

Для этого я просилъ князя дать мнѣ возможность познакомиться съ училищами въ Петербургѣ. Онъ мнѣ поручилъ осмотрѣть ихъ и донести объ ихъ состояніи. Около двухъ или трехъ мѣсяцевъ сряду, ежедневно проводилъ я все дообѣденное время, отъ 8 до 2 часовъ, въ учебныхъ заведеніяхъ, а именно у Миддендорфа въ Педагогическомъ Институтѣ, въ 3-й гимназіи у Шнейдера, въ Петропавловской школѣ у Шуберта и въ Реформатскомъ церковномъ училищѣ у Гордака. Въ остальныхъ заведеніяхъ мнѣ нечему было позаимствоваться. Реформатская школа была въ особенности предметомъ моего прилежнаго изученія, такъ какъ въ ней, какъ нигдѣ въ Россіи, процвѣтало первоначальное преподаваніе, въ курсѣ трехкласнаго уѣзднаго училища, и при томъ на строго-обдуманномъ основаніи. Иногда мнѣ случалось просиживать тамъ, на школьной скамьѣ, по цѣлымъ утрамъ и напрягать все вниманіе, что̀ потомъ принесло мнѣ великую пользу въ Кіевѣ, гдѣ я не встрѣтилъ ни малѣйшихъ понятій о педагогіи и гдѣ мнѣ приходилось самому вводить образовательные пріемы преподаванія. По совѣту моему многіе мои родственники отдали дѣтей своихъ въ эту школу, и примѣру этому послѣдовали потомъ многія другія высоко поставленныя лица.

Въ Ноябрѣ надлежало приступить къ окончательнымъ распоряженіямъ относительно моего отъѣзда и хотя князь Ливенъ благоволилъ ко мнѣ, но его безграничная бережливость казенныхъ денегъ не дозволила ему поставить меня въ такое положеніе, чтобы я могъ считать свое существованіе обезпеченнымъ. Все мое содержаніе было опредѣлено въ 6000 руб. ассигнаціями; на путевыя издержки я не получилъ ни гроша, и даже по поводу самыхъ неотложныхъ служебныхъ потребностей возникала постоянно въ высшей степени непріятная борьба, которая глубоко оскорбляла меня, при томъ искреннемъ уваженіи, которое я питалъ къ характеру этого впрочемъ столь достойнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что это часто доводило меня до весьма непріятныхъ вспышекъ. Но дѣло зашло уже слишкомъ далеко, что-

бы можно было остановить его, и потому я рѣшился, при этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, предпринять мое путешествіе въ Декабрѣ мѣсяцѣ.

Доѣхавъ до Черниговской губерніи, принадлежавшей къ моему учебному округу, я остановился въ г. Стародубѣ и отправился въ 9 часовъ утра въ уѣздное училище. Я засталъ всѣхъ учениковъ бѣгающими по двору и по ихъ слѣдамъ стараго, хромаго солдата, который расправлялся съ ними словомъ и дѣломъ, когда они слишкомъ бунтовали и подвергались какой либо тѣлесной опасности. При моемъ появленіи, они нѣсколько смутились; но такъ какъ я отнесся къ нимъ весьма привѣтливо, то игры продолжались до 10-ти часовъ, когда всѣ перешли въ классы, гдѣ и я преспокойно усѣлся. Въ 11 часовъ появился первый учитель, а въ 11½ и двое остальныхъ. Меня не тревожили, и я присутствовалъ при преподаваніи, которое заключалось единственно въ буквальномъ переспросѣ уроковъ и въ распредѣленіи новыхъ задачъ. По окончаніи классовъ, я назвалъ себя и просилъ учителей явиться ко мнѣ немедленно въ полномъ составѣ, при чемъ въ сильнѣйшемъ возмущеніи высказалъ имъ мой взглядъ на подобный образъ дѣйствій. Но инспекторъ смиренно представилъ мнѣ слѣдующее оправданіе: что сегодня-де базарный день, что жалованье учителей заключается въ 120 р. ассигн., что они не въ состояніи держать у себя прислуги и потому должны пользоваться торговымъ днемъ, если желаютъ продовольствоваться въ теченіи всей недѣли. Разумѣется, я не вправѣ былъ придавать этимъ причинамъ оффиціальнаго значенія; но „языкъ мой прильпѣ къ гортани“, и я съ трудомъ могъ воздержаться отъ смѣха. Въ Черниговѣ осматривалъ я гимназію и нашелъ совершенно запущенное и нетопленное помѣщеніе, дряхлаго директора, мало хорошихъ, а большею частью слабыхъ учителей и весьма даровитую, но вполнѣ неразвитую молодежъ; и здѣсь также старшій учитель получалъ 300 р. ассигн. жалованья. Эти оба заведенія послужили мнѣ мѣриломъ для всѣхъ остальныхъ, и я съ грустнымъ чувствомъ продолжалъ свой путь въ Кіевъ, ожидая весьма немногаго въ будущемъ. Какъ я могъ надѣяться пріобрѣсти даже посредственныхъ преподавателей при существующихъ окладахъ?

Верстъ за 20 до Кіева есть въ лѣсу поляна, откуда виднѣются куполы знаменитаго монастыря Кіево-Печерской лавры; на этомъ мѣстѣ я засталъ болѣе ста крестьянъ и крестьянокъ, шедшихъ изъ разныхъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстностей и соединившихся на пути для совмѣстнаго паломничества. Когда они увидѣли издали святыя мѣста, то всѣ пали ницъ, чтобы въ величайшемъ смиреніи привѣтствовать эту священную обитель. Исходило ли это наружное проявленіе изъ глубины души, извѣстно лишь одному Божественному Сердцевѣдцу, но это зрѣлище пріятно меня тронуло. Мѣстоположеніе Кіева производитъ величественное и привѣтливое впечатлѣніе. Высокій берегъ Днѣпра въ своихъ развѣтвленіяхъ пересѣкаетъ городъ во многихъ мѣстахъ и образуетъ горы и долины, вошедшія въ составъ городской черты. Почти каждый домъ обнаруживаетъ какую нибудь новую прелесть, и послѣ многолѣтняго тамъ пребыванія бываешь

иной разъ удивленъ при видѣ чего-нибудь еще никогда не виданнаго. Красивыя, древнія церкви съ многочисленными, высокими колокольнями немало способствуютъ къ усиленію общаго впечатлѣнія. Окрестности Кіева также величественны и очаровательны, за исключеніемъ непригожаго лѣваго берега, который совершенно плоскій, почти въ уровень съ рѣкою и представляетъ взорамъ лишь песокъ и корявый лѣсъ.

Первое свое посѣщеніе направилъ я въ гимназію. Я нашелъ значительное, но совершенно запущенное зданіе, въ которомъ едва можно было взобраться по прежней парадной лѣстницѣ, ведущей во второй этажъ: до того она была близка къ разрушенію. Комнаты никогда не топились, и сохранился похвальный обычай не мести ихъ, даже ради пріѣзда новаго начальника. Учителя и воспитанники сидѣли по просту въ бараньихъ шубахъ, и при входѣ моемъ первые сняли ихъ, чтобы показать мнѣ, что они въ мундирахъ. Эти учителя, съ длинными, всклокоченными волосами, и многіе изъ старшихъ учениковъ небритые, имѣли довольно дикій видъ. Въ числѣ долгихъ бородъ нѣкоторыя еще находились въ младшемъ классѣ, и я узналъ, что многіе уже 8 лѣтъ въ немъ оставались и при этомъ промышляли извощичьимъ ремесломъ, а также состояли въ услуженіи въ лавкахъ и мастерскихъ и посѣщали гимназію раза два въ мѣсяцъ, не имѣя при томъ другой цѣли кромѣ добродушнаго удовольствія пощеголять на праздникахъ въ гимназическомъ мундирѣ. Директору и инспектору, вмѣстѣ взятымъ, было 150 лѣтъ отъ роду; первый изъ нихъ весьма достойный, но ни по дарованіямъ своимъ, ни по здоровью неспособный человѣкъ; второй вполнѣ непригодный, хотя еще бодрый. Въ числѣ учителей было нѣсколько даровитыхъ личностей, но всѣ безъ исключенія выполняли свои обязанности какъ тяжелое ремесло. Уѣздное училище, находившееся въ томъ-же помѣщеніи, отличалось тѣмъ-же складомъ: инспекторъ старый, но еще вполнѣ свѣжій человѣкъ, лѣтъ 60-ти, пользовался славою ничѣмъ не брезгать со стороны учениковъ. Простой ли бѣлый хлѣбъ или бутылку вина и водки,—все принималъ онъ съ должною признательностью, и часто лѣтомъ прерывались классы, чтобы доставить дѣтямъ укрѣпляющее, тѣлесное упражненіе посредствомъ обработки его сада.

Я крѣпко взмылилъ голову учителямъ и предъявилъ имъ ясно и подробно мои требованія и при этомъ приказалъ топить въ классахъ и приготовить смѣты для исправленія зданія, послѣ чего я возвѣстилъ имъ, что намѣренъ теперь же совершить мѣсячный объѣздъ, а послѣ ревизіи и по возвращеніи подробно осмотрю гимназію и если не найду перемѣны въ способѣ преподаванія, то это можетъ имѣть для нихъ весьма пагубныя послѣдствія.

Дня черезъ два я справился съ нужнѣйшими визитами и получилъ въ это время депутацію со стороны дворянства Волынской губерніи, которое весьма сердечно меня привѣтствовало и выражало заранѣе свое ко мнѣ довѣріе. Это неожиданное явленіе впослѣдствіи разъяснилось тѣмъ, что офицеры бывшей Польской арміи, вернувшись на родину, отзывались обо мнѣ съ благодарностью, чего я никакъ не ожи-

далъ, не сдѣлавъ для нихъ ничего особеннаго; но это привлекло ко мнѣ сердца дворянъ.

Производя ревизію въ Подольской и Волынской губерніяхъ, я нашелъ школы вообще въ гораздо лучшемъ состояніи, чѣмъ въ Кіевѣ и Черниговѣ, хотя и тутъ обнаруживались весьма существенные недостатки, а господствующее направленіе отличалось вполнѣ монашескимъ характеромъ. Во всѣхъ городахъ меня встрѣчали знатнѣйшія лица изъ окрестнаго дворянства, и всѣ просили позволенія присутствовать на ревизіи, на что̀ я охотно соглашался, и они являлись цѣлыми толпами. Это было тѣмъ замѣчательнѣе, что, изъ желанія выиграть время, я производилъ экзамены отъ 7 часовъ утра до 9 часовъ вечера, съ перерывомъ только въ обѣденное время.

Тогда же посѣтилъ я Кременецъ. Онъ лежитъ недалеко отъ Австрійской границы, въ живописной мѣстности. Тамъ еще оставались тогда всѣ преподаватели, чиновники, кабинеты, ботаническій садъ и библіотека такъ называемаго Кременецкаго Лицея. Онъ былъ устроенъ знаменитымъ Чацкимъ, человѣкомъ знатнымъ, богатымъ, всѣми уваженнымъ, чрезвычайно-образованнымъ и до фанатизма преданнымъ учебному дѣлу, для успѣховъ котораго онъ готовъ былъ на всякую жертву. Онъ старался добывать нужныя суммы, предлагая свои ходатайства, а рѣдкія книги или другія достопримѣчательные предметы просто похищалъ собственноручно, коль скоро нельзя было получить ихъ иначе. Лицей имѣлъ назначеніемъ доставлять высшему дворянству соотвѣтственное образованіе и воспитывать молодыхъ людей вѣрными подданными Русскаго императора, но съ сохраненіемъ народности. Чацкій воспользовался для того своимъ сильнымъ значеніемъ, которое основывалось отчасти на особливой милости къ нему императора Александра, и старался какъ можно выше поднять Лицей и доставлять ему всѣ нужныя матеріальныя средства. Это и удалось ему: Кременецъ явно соперничалъ съ Вильною, и многіе профессора были лучше Виленскихъ. Суетность знати удовлетворялась, добровольныя пожертвованія умножались, собранъ былъ капиталъ въ нѣсколько сотъ тысячъ, и распространялось убѣжденіе, что частный человѣкъ обязанъ жертвовать своими собраніями на умноженіе собраній Лицея. Такимъ образомъ число книгъ въ библіотекѣ превысило 100 тысячъ томовъ, и кабинеты видимо умножались. Многіе ревностные патріоты начали проводить въ Кременцѣ зимніе мѣсяцы; маленькій дотолѣ городокъ оживился безпрестанными балами и другими увеселеніями, въ которыхъ преимущественно участвовала учащаяся молодежъ. Дошло до того, что на масляницу многія знатнѣйшія семейства переселялись въ Кременецъ изъ Парижа. Много говорили о томъ, что въ Лицеѣ воспитываются фанатики; но въ сущности это было не такъ. Фанатизмъ былъ естественнымъ послѣдствіемъ общественныхъ связей, и его питали женщины, имѣющія въ западныхъ губерніяхъ великую власть надъ молодежью. Кременецъ сдѣлался любимымъ мѣстопребываніемъ Польскаго дворянства, и по

смерти Чацкаго стала въ тамошнемъ обществѣ развиваться мысль о будущей самостоятельной, великой Польшѣ, а въ сердцахъ укоренялась враждебность къ метрополіи и къ государству, съ коимъ связана была Польша. Самый Лицей немного или почти вовсе не содѣйствовалъ этому превратному направленію; напротивъ, директоръ и преподаватели оставались почти совершенно чужды оному и негодовали на то, что возбужденіе умовъ отвлекало молодыхъ людей отъ науки. Послѣднимъ директоромъ былъ породнившійся впослѣдствіи съ нами Бокчанинъ, человѣкъ, вполнѣ преданный правительству, твердыхъ правилъ и вѣрный долгу. Въ профессорахъ я встрѣтилъ людей, фанатически преданныхъ только своей наукѣ и мало помышлявшихъ о дѣлахъ міра сего. Правда, двое представляли исключеніе, и одинъ изъ нихъ Русскій; но и тѣхъ во всякомъ случаѣ нельзя назвать дѣятелями. Большая часть преподавателей перешли потомъ въ Кіевскій университетъ, и туда же перевезены Лицейскія собранія, въ томъ числѣ и рѣдкія растенія ботаническаго сада.

Изъ Кременца, гдѣ я пробылъ цѣлую недѣлю, чтобы вполнѣ ознакомиться съ дѣломъ и сдѣлать нужныя распоряженія къ перевозкѣ движимости, я совершилъ поѣздку въ знаменитый Почаевскій монастырь, находящійся въ 4-хъ или 5-ти верстномъ разстояніи отъ Австрійской границы и доставшійся крестьянамъ-уніятамъ, при переходѣ ихъ въ православіе. Я навѣстилъ проживавшаго тамъ Волынскаго епископа. Этотъ монастырь и теперь еще служитъ мѣстомъ поклоненія для великаго множества прежнихъ уніятовъ; строенія его обширны, весьма красивы и большею частью воздвигнуты нѣкіимъ графомъ Потоцкимъ, который былъ всѣмъ извѣстенъ какъ чудовище и желалъ замолить свои грѣхи этими приношеніями. И понынѣ неистлѣвшіе бренные останки его, въ полномъ одѣяніи, лежатъ на столѣ въ одной изъ многихъ комнатъ монастыря; но, при всей ихъ нетлѣнности, не могли найти достаточнаго повода, чтобы признать графа достойнымъ канонизаціи.

По возвращеніи въ Кіевъ, прежде всего необходимо было учредить управленіе округомъ; но князь Ливенъ, изъ экономическихъ соображеній, не опредѣлялъ ко мнѣ секретаря, выбраннаго мною въ Петербургѣ, и на первыхъ порахъ обстановка моя была самая жалкая. Тогда же я началъ ревизовать гимназію, съ двоякою цѣлію — познакомиться съ ея состояніемъ и въ тоже время, посредствомъ экзаменовъ, опредѣлить главнѣйшія черты въ системѣ преподаванія. Тутъ я замѣтилъ съ радостію, что въ отсутствіе мое учителя начали усерднѣе заниматься дѣломъ, и хотя не успѣли произвести что либо значительное, но уже желали того. Прежде всего надлежало доставить имъ насущный хлѣбъ, чтобъ они могли существовать какъ на службѣ, такъ и внѣ ея. Я отправилъ къ этому предмету настоятельное представленіе къ только что вступившему тогда въ должность министру Уварову, прося ввести уже утвержденный новый штатъ Кіевскаго учебнаго округа, и не увольнялъ никого изъ преподавателей, пока на его долю не выходило пенсіона,

болѣе значительнаго противъ прежняго. Между тѣмъ я искалъ людей, дѣлалъ нѣкоторыя предварительныя распоряженія, чтобы при благопріятнѣйшей обстановкѣ привлечь болѣе годныхъ людей и продолжалъ ежедневно посѣщать гимназію, заступая мѣсто директора и инспектора, прилежно наблюдая за преподаваніемъ и руководя имъ. Стараго директора я попросилъ отдохнуть и, чтобы не огорчить его, поручилъ его сыну, бывшему учителемъ, исполнять мои приказанія по гимназіи. Инспектора назначилъ я въ предсѣдатели одной коммисіи, и такимъ образомъ мнѣ по крайней мѣрѣ никто не мѣшалъ повести дѣло въ иномъ направленіи.

Генералъ-губернаторъ графъ Левашевъ, находившійся въ Петербургѣ, когда я пріѣхалъ въ Кіевъ, теперь возвратился. Сначала ему было непріятно мое назначеніе, такъ какъ онъ вовсе не зналъ меня, а по независимому положенію моему я имѣлъ возможность иной разъ противодѣйствовать ему; но познакомившись мы весьма подружились. Супруга его [5]) въ высшей степени достойная женщина, оказывала мнѣ также много довѣрія и дружбы.

Въ это время высшее учебное учрежденіе въ Кіевѣ становилось настоятельною необходимостью. Въ немъ какъ нельзя болѣе нуждалась молодежъ западныхъ губерній и царства, и кромѣ того чувствовалась потребность въ приготовленіи хорошихъ учителей. Происходили о томъ совѣщанія, и сначала въ Петербургѣ рѣшено было учредить Университетъ въ Оршѣ для Бѣлорусскаго учебнаго округа, а въ Кіевѣ Лицей. Конечно для меня было чрезвычайно важно добиться Университета въ Кіевѣ. Левашовъ весьма желалъ того же, и мы оба ревностно старались достигнуть нашей цѣли. Дѣло удалось скорѣе, нежели мы разсчитывали, потому что не предъявлено было никакого затрудненія со стороны моего сосѣда, Бѣлорусскаго попечителя Карташевскаго, человѣка очень ученаго и въ высшей степени достойнаго, но робкаго и нерѣшительнаго. Не прошло года, какъ меня потребовали въ Петербургъ для ближайшихъ разъясненій. Суммъ Лицея было достаточно, чтобы покрыть содержаніе Университета въ первые два года и, по устраненіи важнаго денежнаго вопроса, уставъ былъ утвержденъ, и я получилъ уполномочіе учредить Университетъ, какъ скоро дозволятъ обстоятельства; я же, чтобы не терять времени въ столь важномъ дѣлѣ, объявилъ, что открою Университетъ въ Іюлѣ слѣдующаго года. Эта быстрота возбудила всеобщее удивленіе. Мнѣ говорили, что я не найду ни помѣщенія, ни преподавателей; а я съ своей стороны возражалъ, что помѣщеніе найду какое придется, что преподавателей нельзя приглашать за много лѣтъ впередъ и если затрудняться преподавателями, то могутъ пройти многіе годы прежде, чѣмъ найдешь ихъ, какихъ желательно; что во всякомъ случаѣ дѣло это очень важно, и по нуждѣ я открою Университетъ на улицѣ (къ каковой крайности я конечно не думалъ прибѣгать). Рѣшительность моя одолѣла всѣ сомнѣнія, вызвала даже одушевленіе къ этому дѣлу, такъ что старикъ отецъ вашъ нѣкоторое время былъ моднымъ человѣкомъ, и знакомства его

---

[5]) Графиня Авдотья Васильевна, урожденная Пашкова. *П. Б.*

искали самыя высшія особы. Но это, разумѣется, какъ и бываетъ со всякою модою, продолжалось недолго. Добившись столь важнаго рѣшенія, я возвратился въ Кіевъ.

Между тѣмъ введенъ новый штатъ учебнаго округа: чиновникамъ и учителямъ предоставлены пенсіоны, какихъ они никогда не ожидали. Я былъ такъ счастливъ, что уволить пришлось только инспектора Кіевской гимназіи; остальные неспособные и лѣнивые учителя, а равно и тѣ, которымъ сдѣлалось неудобно продолжать безнравственный образъ жизни, сами просили объ увольненіи, въ виду строго заявленныхъ требованій. Назначеніе хорошихъ директоровъ и инспекторовъ въ гимназіи и уѣздныя училища и ежегодный осмотръ всѣхъ этихъ заведеній сообщили имъ новую жизнь и дали возможность постепенно совершенствоваться.—Лицей, основанный въ Нѣжинѣ щедротами семейства Безбородковъ, нашелъ я также въ состояніи разложенія. Онъ состоялъ изъ жалкаго математическаго факультета и не былъ связанъ съ гимназіею, отчего занятія не представляли никакой опредѣленной цѣли, и въ студенты поступали только на степендіи. Директоромъ былъ старикъ, не имѣвшій никакого усердія къ заведенію; молодежъ свободно распутничала; профессора были по большей части вполнѣ ничтожные люди, и во всякомъ случаѣ непохвальнаго образа жизни. По моимъ настоятельнымъ представленіямъ, учрежденъ юридическій факультетъ, и къ Лицею присоединена гимназія. Благодаря этому и назначенію надежнаго директора и знающихъ преподавателей, учрежденіе оживилось и стало преуспѣвать. По этому поводу припоминаю два случая, произведшіе на меня сильное впечатлѣніе. Учитель Нѣмецкаго языка въ Кіевской гимназіи, отчаянный пьяница, какъ скоро прибылъ новый попечитель, еще не представляясь ему, рѣшился бросить свой порокъ: онъ сдержалъ слово и былъ потомъ у меня однимъ изъ лучшихъ учителей. Другой случай до такой степени противорѣчитъ общему мнѣнію, будто въ старости нельзя ожидать исправленія, что мнѣ хочется привести его. Вышеупомянутый инспекторъ уѣзднаго училища, не отвергавшій самаго малаго приношенія и во всю прошедшую жизнь свою погрязавшій въ безнравственности, не былъ уволенъ, въ уваженіе большой семьи и дабы онъ могъ дождаться возвышеннаго пенсіона и хоть сколько нибудь обезпечить свое существованіе на старости лѣтъ. Я перевелъ его въ инспекторы особаго дворянскаго уѣзднаго училища о четырехъ классахъ, при чемъ были приняты мѣры улучшенія посредствомъ хорошихъ учителей и постояннаго надзора. Но вскорѣ надзирать стало нечего: старикъ-инспекторъ сдѣлался усерденъ и точенъ; училище быстро пріобрѣло добрую славу въ среднихъ сословіяхъ, и число учениковъ возрасло до того, что я долженъ былъ завести двойные классы. Черезъ два года по учрежденіи я былъ на годовомъ публичномъ актѣ этого училища, вмѣстѣ съ графомъ Левашевымъ и многими другими посѣтителями. По окончаніи акта, по тамошнему обычаю, мы пошли на квартиру инспектора къ завтраку. У меня было уговорено, чтобъ на этихъ завтракахъ отнюдь не подавали ничего роскошнаго. Тутъ вижу на столѣ бокалы для шампанскаго. На вопросъ что̀ это значитъ, меня просятъ, чтобъ я

допустилъ исключеніе только на этотъ разъ. Послѣ завтрака старикъ-инспекторъ, съ бокаломъ въ рукѣ и со слезами на глазахъ, падаетъ передо мною на колѣни. Меня это озадачило нѣсколько. Я прошу и приказываю ему встать. „Не передъ попечителемъ стою я на колѣняхъ—отвѣчалъ старикъ—а передъ орудіемъ Божескаго милосердія, которое изъ негодяя сдѣлало меня почтеннымъ человѣкомъ, возвратило меня самому себѣ. Я грѣшилъ такъ, что всѣ о томъ знали; хочу гласно и покаяться въ моемъ грѣхѣ“. Всѣ были тронуты и, признаюсь, мнѣ пришлось сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы самому слишкомъ не растрогаться. Многіе годы потомъ этотъ человѣкъ, нравственно, похристіянски, съ любовью и успѣхомъ, трудился для блага своего училища, и когда онъ умеръ, почти весь городъ провожалъ его до кладбища. Вообще долженъ я замѣтить, что исполненіе долга, на первыхъ порахъ вынуждаемое, становилось скоро самопроизвольнымъ. Когда я выѣхалъ изъ Кіева, не оставалось слѣдовъ бывшей распущенности; и между учителями различныхъ заведеній преобладала серьезность, съ полнымъ отсутствіемъ кичливости. Можетъ быть, бывали случаи лицемѣрія; но тутъ судитъ уже Богъ-Сердцевѣдѣцъ, а усердіе къ дѣлу и нравственная жизнь учителей во всякомъ случаѣ принесли пользу ученикамъ.

Въ такомъ положеніи дѣлъ умножалось довѣріе: ученики съѣзжались въ Кіевъ со всѣхъ концовъ государства; приходилось заводить двойные классы, учреждать новыя училища. По достиженіи 12 лѣтняго возраста, дѣти уже не оставались дома, и самыя знатныя семейства довѣряли ихъ гимназіямъ. Надо было учреждать казенные пансіоны; въ одномъ Кіевѣ ихъ учреждено четыре на триста мальчиковъ, а требованіе все расло. Такого наплыва въ общественныя училища не было и въ блестящія времена графа Чацкаго. При назначеніи моемъ я принялъ двѣ тысячи воспитанниковъ и передалъ своему преемнику слишкомъ двѣнадцать тысячь.— Пансіоны служили мнѣ отдохновеніемъ. Сначала я былъ долженъ заниматься ими настойчиво и входить въ мельчайшія подробности, потому что никто не смыслилъ въ этомъ дѣлѣ; но потомъ, когда дѣти необыкновенно полюбили меня, и я радовался успѣхамъ, ѣздить по пансіонамъ стало для меня отрадою: я отдыхалъ тамъ отъ дневныхъ трудовъ, которые нерѣдко удручали меня.

Между тѣмъ принимались всѣ мѣры къ открытію Университета. Мнѣ удалось нанять три частныхъ, хорошихъ каменныхъ дома; въ одномъ изъ нихъ помѣстились аудиторіи, актовый залъ и всѣ служебныя принадлежности; а въ двухъ другихъ перевезенные изъ Кременца кабинеты вмѣстѣ съ библіотекою. Все было не роскошно, но прилично и удобно, послѣ сдѣланныхъ на счетъ Университета исправленій. Многихъ профессоровъ получилъ я изъ Кременца, преимущественно для физико-математическаго факультета; юридическій факультетъ образовался изъ тѣхъ юристовъ, которые были мнѣ уступлены Сперанскимъ или, лучше сказать, которыхъ я взялъ у него силою; они были подготовляемы подъ руководствомъ этого замѣчательнаго

человѣка для законодательной коммиссіи, затѣмъ въ продолженіи трехъ лѣтъ учились въ Берлинѣ и въ другихъ Университетахъ Германіи, и изъ нихъ нѣкоторые соединяли замѣчательныя природныя способности съ прочнымъ и основательнымъ образованіемъ и впослѣдствіи оказались отличными преподавателями. Недостающее число профессоровъ было пополнено лучшими доцентами другихъ Университетовъ, привлеченными новымъ учрежденіемъ, и Дерптъ тоже внесъ свою долю участія (Гофманъ, Нейкирхъ и Траутфеттеръ).

Нужно было время и много выносливой терпѣливости, ниспосылаемой Божескою благодатью бѣдному и слабому ея орудію, чтобы подвести эти разнообразные элементы подъ одно иго и согласить противорѣчившія одна другой національности въ общемъ чувствѣ сердечной привязанности къ учрежденію, къ которому они принадлежали и для блага котораго должны были мирно и единодушно работать [6]).

15 Іюля 1834 года, въ день Святаго Владиміра, Университетъ былъ открытъ. Еще за нѣсколько дней стало во множествѣ съѣзжаться дворянство изъ Кіевской, Подольской и Волынской губерній, и въ меньшемъ числѣ изъ Черниговской и Полтавской. Съѣхалось больше, чѣмъ съѣзжается на контракты въ Январѣ мѣсяцѣ. За три рубли въ сутки нельзя было достать крошечной комнаты. Многіе богатые люди располагались по сараямъ и въ клѣтяхъ, такъ какъ иначе ни за какую цѣну не находилось пристанища. До такой степени три западныя губерніи сочувствовали этому торжеству. Накануне, 14 Іюля, мы только что отпили чай въ саду, какъ начало съѣзжаться разодѣтое дворянство. Не ожидая такого заранѣе условленнаго съѣзда, я приказалъ было принести стулья, но скоро увидѣлъ, что стульевъ не достанетъ. Гости становились группами, по уѣздамъ; дворянскіе предводители представляли мнѣ ихъ по одиночкѣ. Не скрою, что такая предупредительность, ничѣмъ съ моей стороны невызванная, весьма пріятно меня тронула.—Наша актовая зала едва вмѣщала въ себѣ 350 человѣкъ, и по этому я отослалъ тремъ дворянскимъ предводителямъ по сту входныхъ билетовъ; но они настоятельно просили еще билетовъ, и я долженъ былъ распорядиться, чтобы впускали всякаго одѣтаго въ дворянскій мундиръ, предоставляя этимъ господамъ самимъ позаботиться о размѣщеніи. 15-го числа, въ 9 часовъ утра, въ Лаврѣ началось богослуженіе; служилъ митрополитъ. Оттуда около 11 часовъ, мы отправились въ Университетъ. Митрополитъ, съ знатнымъ духовенствомъ, освятилъ покои. Зала, сосѣднія комнаты и лѣстница наполнились до невозможности: хотѣли, по крайней мѣрѣ, присутствовать. Много стульевъ повынесли, чтобы только выгадать больше мѣста. Для стараго фельдмаршала Сакена, генералъ-губернатора, ду-

---

[6]) Великія заслуги Е. Ѳ. фонъ-Брадке по устроенію и управленію Кіевскаго учебнаго округа изложены, на основаніи подлинныхъ бумагъ, г. Виталіемъ Шульгинымъ въ статьѣ его „Исторія Университета св. Владиміра", въ Русскомъ Словѣ 1859 г., кн. 10-я. Въ этой статьѣ между прочимъ сказано: „Для Брадке Русскій, Нѣмецъ и Полякъ не существовали, а только способные и неспособные люди" (стр. 27).

ховенства, начальниковъ губерній и предводителей дворянства приготовлены были особыя мѣста; я помѣстился рядомъ съ университетскими чинами возлѣ каѳедры, спиною къ публикѣ. Когда прочли императорскіе рескрипты и профессоръ исторіи Цихъ окончилъ ученую рѣчь, я обратился къ публикѣ и изложилъ причины основанія Университета и намѣренія правительства, послѣ чего три дворянскихъ предводителя, въ нѣсколькихъ словахъ, выразили Государю благодарность за оказанное благодѣяніе, и это были не пустыя слова: собраніе обнаруживало явно радостное и восторженное возбужденіе [7]). Въ тотъ же день, на деньги, собранныя членами Университета, устроенъ былъ обѣдъ для властей и дворянства. Тутъ тоже я долженъ былъ уступить просьбамъ предводителей и вмѣсто 150 разослать 300 приглашеній: они меня увѣряли, что дѣло не въ числѣ приборовъ, но что имъ хочется увезти домой воспоминаніе объ этомъ праздникѣ. Тосты вызвали большое одушевленіе, которое усилилось, когда встали изъ за стола и фельдмаршалъ съ духовенствомъ уѣхали. Раздавались восторженныя привѣтствія Университету, и тостамъ не было конца. Видя, что начинаетъ быть уже слишкомъ шумно, я хотѣлъ потихоньку удалиться; но меня поймали, подняли на верхъ, пили еще разъ за мое здоровье; дворянство на рукахъ снесло меня внизъ и посадило въ экипажъ. Этотъ экспериментъ не представлялъ ничего пріятнаго для страждущаго тѣла моего. Послѣ были большой обѣдъ у генералъ-губернатора, балъ отъ дворянства и многія другія торжества; выражалось много симпатіи, но я чувствовалъ усталость. Въ заключеніе торжественныя депутаціи дворянства трехъ губерній являлись благодарить меня.

Такъ кончились эти торжества, и мы приступили къ открытію курсовъ.

Генералъ Левашевъ и прибывшій по высочайшему повелѣнію отъ министерства графъ Протасовъ выражали мнѣніе, что было бы выгодно на первыхъ порахъ облегчить пріемные экзамены; но я не могъ согласиться съ этимъ и лично наблюдалъ, чтобы поступающіе въ студенты экзаменовались какъ слѣдуетъ. Впослѣдствіи оба согласились, что я былъ правъ.

Открылся сначала одинъ первый курсъ, и помѣщеніе было достаточно съ избыткомъ; хотя каѳедры не всѣ были заняты, но преподаватели не обременялись дѣломъ. И по открытіи всѣхъ курсовъ, мѣста было довольно, а въ это время порожнія каѳедры замѣщались, по мѣрѣ надобности, надежными лицами....

---

[7]) Особенное сочувствіе мѣстнаго дворянства (большею частію Польскаго происхожденія) къ открытію Университета объясняется словами высочайшаго указа 8 Ноября 1833 года: „Признали мы за благо, по переводѣ Волынскаго Лицея изъ Кременца въ Кіевъ, преобразовать оный въ высшее учебное заведеніе съ надлежащимъ распространеніемъ и на твердыхъ основаніяхъ, преимущественно для жителей Кіевской, Волынской и Подольской губерній, коихъ наслѣдственное усердіе въ пользу просвѣщенія упрочило и на будущія времена благосостояніе учебныхъ заведеній того края.“

Студенты могли свободно развивать свои силы, а къ вспышкамъ юношеской живости относились отечески, строго требуя однако соблюденія существующихъ законовъ и постановленій. Попечитель всегда обращался съ студентами какъ отецъ и другъ. Такимъ его всѣ и почитали, и только въ важныхъ и рѣдкихъ случаяхъ предъявлялъ онъ свою начальническую власть, что́ и производило всякій разъ сильное впечатлѣніе. Молодые люди часто прибѣгали къ нему въ своихъ личныхъ и семейныхъ дѣлахъ; родители тоже, и такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ много бывало семейныхъ столкновеній, то попечителю не рѣдко приходилось брать на себя посредничество. Прямымъ начальникомъ студентовъ былъ инспекторъ (эту должность занималъ сначала зять мой, полковникъ Люце). У него было два помощника; полицейскую должность исполняло нѣсколько человѣкъ педелей. Всѣ дѣла обсуждались и улаживались словесно, и только въ сложныхъ и очень рѣдкихъ случаяхъ инспекторъ прибѣгалъ къ письменному донесенію. Принятые въ первый годъ студенты представляли собою довольно нравственный кружокъ, въ которомъ уважалась религія и развито было чувство чести. Такъ какъ число ихъ доходило лишь до 60 человѣкъ, то я зналъ всѣхъ лично и могъ слѣдить за ними. Я внушалъ имъ, чтобы они сами оберегали честь своего студенчества и въ случаѣ нужды обращались ко мнѣ за содѣйствіемъ. Это было по поводу того, что два перешедшіе изъ Казани студента были замѣчены въ пьянствѣ. Въ теченіи цѣлаго года студенты утверждались въ добрыхъ правилахъ, и за тѣмъ новопоступавшіе уже поневолѣ вторили общему настроенію Университета. Вообще должно сказать, что хотя и не обходилось безъ юношескихъ увлеченій, но студенты держали себя нравственно. Позднѣе, къ сожалѣнію, образовалась печальная путаница въ умахъ, благодаря политическому направленію западныхъ губерній; но иначе и быть не могло въ виду судорогъ Польской революціи и по причинѣ фанатизма въ старшемъ поколѣніи, особливо въ женщинахъ. Я предвидѣлъ это и лично докладывалъ объ этомъ Государю, еще до основанія Университета.

Во второмъ году существованія Университета былъ высочайше утвержденъ планъ особаго университетскаго зданія, по смѣтѣ въ три милліона рублей ассигн., а въ третьемъ году было приступлено къ самымъ постройкамъ.

Теперь разскажу о личной обстановкѣ моей въ Кіевѣ.

Изъ выше сказаннаго вы можете заключить, мои милыя дѣти, что въ Кіевѣ весь я, душею и тѣломъ, преданъ былъ дѣлу. Послѣдствія прежнихъ служебныхъ напряженій не разъ давали себя непріятно чувствовать. Много и тяжко страдалъ я тогда сильными геморроидами, ревматизмомъ и мучительною болью въ лицѣ, такъ называемымъ tic douloureux, и въ довершеніе всего нервы находились въ очень возбужденномъ состояніи. И тѣмъ не менѣе служебное дѣло начиналось раньше 7 часовъ, какъ только входилъ я къ себѣ въ кабинетъ и продолжалось до 2-хъ, когда мы садились за обѣдъ, къ которому ежедневно приглашаемы были нѣсколько чиновни-

ковъ, а по воскресеньямъ четверо преподавателей или административныхъ лицъ, четверо студентовъ и по нѣскольку воспитанниковъ изъ пансіоновъ. Кромѣ того, по разнымъ поводамъ, бывали у меня парадные обѣды, и разъ въ недѣлю профессорскій вечеръ, на который посторонніе допускались не иначе какъ по личному приглашенію. Послѣ обѣда, послѣ короткаго сна, я либо опять занимался необходимыми дѣлами, либо ѣхалъ въ заведенія. Въ 8 часовъ мы пили чай, и тутъ собиралось множество лицъ, желавшихъ переговорить со мною: они знали, что только въ это время я былъ свободенъ отъ занятій. Выпивался поспѣшно чай, закуривались сигары, и я бралъ подъ руку то одного, то другаго, чтобы пройтись по залѣ и поговорить, о чемъ было нужно. Это продолжалось обыкновенно до 11 часовъ, т. е. до отхода нашего ко сну. Въ семь лѣтъ Кіевской моей жизни намъ случилось только одинъ вечеръ провести въ тѣсномъ семейномъ кругу, къ которому принадлежало четверо или пятеро дѣтей, взятыхъ мною въ домъ. По воскресеньямъ собиралось на вечеръ отъ 40 до 50 человѣкъ, и когда пріѣзжало довольно дамъ, устраивались танцы. Разъ пять и болѣе въ зиму давалъ я балы; на нихъ я приглашалъ также молодыхъ дѣвушекъ изъ высшихъ частныхъ заведеній, при чемъ соблюдался строгій выборъ кавалеровъ. Въ посты давались у меня концерты воспитанниками и воспитанницами разныхъ учебныхъ заведеній, при содѣйствіи Кіевскихъ и проѣзжихъ музыкантовъ; между прочимъ знаменитый Липинскій нѣсколько разъ восхищалъ насъ своею игрою. Такой образъ жизни былъ чрезвычайно утомителенъ и начетистъ; шести тысячъ жалованья конечно не доставало. Полковничья аренда моя пошла на покупку дома (такъ какъ квартиры мы не могли найти) и на первое обзаведеніе. Вторую аренду получилъ я, по личному благоволенію Государя, лишь позднѣе, такъ что намъ пришлось прожить въ Кіевѣ 50 тысячъ руб. асс., доставшихся мнѣ и матери вашей по наслѣдству. Можно, пожалуй, осудить насъ за это, потому что слѣдовало бы жить гораздо скромнѣе; но тогда пришлось бы отказаться отъ многаго, чего удалось мнѣ достигнуть въ моей дѣятельности. Въ западныхъ губерніяхъ открытый домъ есть необходимое условіе для того, чтобы пользоваться довѣріемъ и уваженіемъ. Иначе мнѣ невозможно было войти въ близкія отношенія къ высшимъ сословіямъ, а равно и къ преподавателямъ и воспитанникамъ. На первомъ частномъ представленіи Государь указалъ мнѣ прекрасную цѣль содѣйствовать укрѣпленію пріязненной связи между населеніемъ и правительствомъ. Въ связи этой видѣлъ я единственную возможность упрочить мѣстное благосостояніе, и для нея жертвовалъ я вполнѣ и своимъ отвращеніемъ къ тамошнимъ нравамъ, и своею склонностью къ тихой семейной жизни, и своими хозяйственными дѣлами. Впрочемъ дѣлалось это безъ разсчета и устроилось само собою. Лишь по выѣздѣ изъ Кіева сталъ я обсуждать тамошній образъ моихъ дѣйствій; но тогдашнее возбужденіе моихъ чувствъ не заставляло меня раскаяваться.

По отозваніи графа Левашова, съ которымъ я находился постоянно въ дружескихъ сношеніяхъ, генералъ-губернаторомъ назна-

ченъ графъ Гурьевъ. Онъ ненавидѣлъ всѣ университеты... Хотя лично между нами не было никакихъ неудовольствій, но по университетскимъ дѣламъ вышли столкновенія, такъ что дѣла доходили до Государя, рѣшавшаго ихъ въ мою пользу. На мѣсто Гурьева назначенъ Бибиковъ, человѣкъ великихъ природныхъ способностей, но безъ научнаго образованія. По внѣшности мы были друзьями; но потомъ явно оказалось, что онъ съ самаго начала имѣлъ намѣреніе соединить попечительское мѣсто съ генералъ-губернаторскимъ и что онъ добивался этой цѣли всевозможными путями.

Къ остальнымъ властямъ мои отношенія были пріязненныя. Дворянство оказывало мнѣ полное довѣріе и продолжало оказывать даже долго спустя послѣ того, какъ я оставилъ мѣсто. Университетъ и остальныя учебныя заведенія, особливо юношество, были мнѣ искренно преданы, въ чемъ я не разъ имѣлъ случай положительно убѣждаться.

Изъ лицъ, жившихъ въ Кіевѣ, особенно замѣчательны были восмидесяти слишкомъ лѣтній фельдмаршалъ князь Сакенъ и начальникъ его штаба генералъ-лейтенантъ Муравьевъ. Сакенъ былъ не женатъ, но имѣлъ много незаконныхъ дѣтей и былъ въ нравахъ своихъ вообще грязноватъ. На немъ ясно было можно видѣть, что чувственность не умираетъ даже и тогда, какъ изсякла возможность удовлетворять ее: онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ въ присутствіи хорошенькихъ женщинъ, и на экзаменахъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ мнѣ приходилось удерживать его отъ непроизвольныхъ, но въ тоже время чрезвычайно неприличныхъ изъявленій. Впрочемъ онъ былъ человѣкъ большаго ума и отличныхъ военныхъ познаній. Ко мнѣ онъ особенно благоволилъ: велѣлъ помѣстить мой портретъ противъ того мѣста, гдѣ обыкновенно сидѣлъ и бывалъ такъ предупредителенъ, что въ моемъ присутствіи никогда не позволялъ себѣ своихъ обычныхъ легкомысленныхъ шуточекъ и намековъ.—Муравьевъ, въ послѣдствіи Кавказскій намѣстникъ, человѣкъ великаго духа и отличныхъ военныхъ способностей. Онъ знаетъ нѣсколько Европейскихъ и восточныхъ языковъ, читаетъ много и основательно. Онъ горячо преданъ своему вѣроисповѣданію и строгъ въ правилахъ, но высокомѣренъ, причудливъ и рѣзкаго нрава. Въ школѣ колоновожатыхъ былъ онъ моимъ учителемъ по военнымъ наукамъ, и мы съ нимъ служили вмѣстѣ почти всю Польскую кампанію. Поэтому сначала онъ очень дружественно со мною сблизился; но его обращеніе было такъ неровно, а причуды такъ часты, что подъ конецъ я почувстовалъ необходимость отдаляться отъ него и откровенно объявилъ ему, что близость нашу надо прекратить. На это онъ никакъ не хотѣлъ согласиться, и до самаго моего отъѣзда изъ Кіева мы оставались дружны. Позднѣе его постигли большія непріятности по службѣ, къ которымъ онъ отнесся чрезвычайно раздражительно, просилъ отставки, дожидался ея въ Кіевѣ и дѣйствительно получилъ. Въ этотъ промежутокъ я навѣщалъ его ежедневно и повидимому всякій разъ доставлялъ ему утѣшеніе; но онъ по прежнему сталъ

причудничать, и тутъ я ему объявилъ, что не стану на это обращать никакого вниманія, послѣ чего ничто не нарушало нашего согласія. Въ послѣдствіи я имѣлъ многія доказательства его дружескаго расположенія ко мнѣ.

Я долженъ упомянуть еще объ одномъ человѣкѣ, въ судьбѣ котораго явственно выразилась благодать Божія. Это былъ ректоръ Университета, профессоръ исторіи Цихъ, Чехъ или Венгерецъ по происхожденію, но родившійся и воспитавшійся въ Россіи. Въ Харьковѣ, гдѣ онъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ, его ненавидѣли и дѣлали ему непріятности за его строгія правила. Тамъ въ короткое время смѣнилось три попечителя, изъ которыхъ первый и послѣдній были очень привержены къ церкви, а второй явно безбожничалъ. Преподаватели мѣняли свои убѣжденія сообразно убѣжденію начальниковъ. Это такъ подѣйствовало на Циха, что онъ сталъ рѣшительно презирать человѣчество и пришелъ къ убѣжденію, что всѣ люди льстецы и притворщики. Исключеніемъ являлся ему одинъ только старикъ Розенштраухъ: онъ многіе годы старался отыскивать въ немъ что либо фальшивое, но не могъ найдти. Я зналъ объ его отличныхъ способностяхъ и, получивъ его согласіе на переводъ въ Кіевъ, представилъ его въ ординарные профессоры исторіи, которымъ и былъ онъ назначенъ въ Университетъ Св. Владиміра. Тогда у меня не было рѣшительно ни одного человѣка, на котораго я бы могъ положиться, и я сильно разсчитывалъ на помощь Циха во множествѣ тогдашнихъ дѣлъ моихъ. Онъ мнѣ очень понравился, и я поручилъ ему тотчасъ по его прибытіи массу дѣлъ, которую онъ охотно на себя принялъ. Потомъ узналъ я отъ директора моей канцеляріи Симовскаго, который былъ хорошъ съ Цихомъ еще въ Харьковѣ, что Цихъ намѣревался ограничиться одною профессурою и отклонять отъ себя всѣ постороннія дѣла, но что онъ увлекся моимъ энтузіазмомъ къ учебному вѣдомству и не станетъ раскаяваться, если бы потомъ и я оказался притворщикомъ. Цихъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ былъ откровененъ и прямъ; все что онъ говорилъ было ясно и чуждо двуязычія. Возложенное на него онъ исполнялъ осмотрительно и быстро. Я все больше къ нему привязывался, и отношенія наши пріобрѣтали характеръ взаимнаго довѣрія. Онъ сталъ раскрывать передо мной свое внутреннее состояніе и признался, что уже много лѣтъ не приступалъ къ Святымъ Тайнамъ, не желая самаго себя презирать какъ притворщика, но въ тоже время, чтобъ не подавать соблазну, никогда не позволялъ себѣ выражать свое мнѣніе объ этомъ предметѣ. Между тѣмъ замѣтно было, что, не смотря на видимое здоровье, онъ чѣмъ-то страдалъ и не хотѣлъ въ томъ сознаться. Какъ ни приглашали его къ обѣду, онъ ни зачто не являлся; за чаемъ тоже не ѣлъ ничего. Стали слѣдить за нимъ, и оказалось, что никто никогда не видалъ, чтобъ онъ ѣлъ. За то онъ пилъ много чаю и ни въ какой часъ дня отъ него не отказывался. Передъ Страстной недѣлей, однажды вечеромъ, сидѣлъ онъ у насъ, и мы довольно долго оставались одни. Онъ сталъ говорить о религіозныхъ предметахъ.

Сильное возбужденіе чувствовалось въ словахъ его. Въ немъ живо пробудилось чувство грѣховности, и онъ искренно жаждалъ утѣшенія религіи, но вѣра еще не давалась ему. Въ Понедѣльникъ на Страстной узналъ я, что Цихъ строго говѣетъ, а въ Четвергъ встрѣтился мнѣ университетскій священникъ, и я спросилъ его про Циха. Оказалось, что онъ говѣлъ и причащался и на исповѣди такъ горячо и искренно каялся, что самъ священникъ пришелъ въ умиленіе. Въ Субботу на Страстной онъ пришелъ ко мнѣ весь радостный и говорилъ только о религіозныхъ предметахъ; другіе преподаватели сказывали мнѣ, что Цихъ, до сихъ поръ совершенно чуждый вопросамъ вѣры, въ эти дни только и говоритъ о нихъ. Въ день Пасхи, я ѣхалъ съ поздравленіемъ къ генералъ-губернатору, какъ повстрѣчался мнѣ профессоръ Новицкій, остановилъ меня и рыдая объявилъ, что Цихъ только что скончался. Около двухъ часовъ ночи съ нимъ сдѣлался сильный припадокъ; немедленно послали за докторомъ и за жившими по близости профессорами, которые тотчасъ же объявили, что спасеніе невозможно. Смерть его была легка; въ послѣднія минуты онъ радостно повторялъ, что охотно разстается съ жизнію и исповѣдывалъ твердую вѣру въ Господа и Спасителя. Тутъ узнали, что уже нѣсколько лѣтъ онъ не могъ ничего ѣсть (его ото всего рвало), что онъ долго лечился противъ этой болѣзни, но безуспѣшно. Смерть Циха была незамѣнимою утратою для Университета. Всѣ его очень любили и уважали. Своимъ энергическимъ характеромъ, тактомъ и пріятнымъ обращеніемъ снискалъ онъ себѣ рѣшительное нравственное вліяніе на своихъ товарищей. Похороны его показали, какъ цѣнили его и внѣ Университета. Епископъ Инокентій самъ выразилъ желаніе отпѣвать его съ своимъ духовенствомъ; къ отпѣванію явились генералъ Ридигеръ съ своимъ штабомъ и всѣ власти. Университетъ былъ глубоко опечаленъ; одинъ профессоръ и одинъ студентъ, произносившіе рѣчи, едва могли окончить ихъ отъ волненія, и до сихъ поръ еще въ Университетѣ помнятъ и цѣнятъ Циха.

Объ остальныхъ жителяхъ Кіева сказать вамъ нечего; но я долженъ назвать еще епископа Инокентія, съ которымъ я находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ такъ извѣстенъ, что слабыя слова мои ничего не прибавятъ къ восторженному почитанію, которымъ пользуется этотъ отличный человѣкъ. Онъ жилъ въ Михайловскомъ монастырѣ, по сосѣдству съ нами, и мы почти ежедневно видались. Глубокое и основательное знакомство съ Нѣмецкими философами навлекало на него подозрѣніе въ свободомысліи; онъ былъ также вполнѣ знакомъ съ богословскими сочиненіями исповѣданій Евангелическаго и Католическаго и отзывался объ нихъ съ большою ясностію, глубокомысліемъ и терпимостію. Его лекціи въ Академіи слушались съ восторгомъ; сочиненія его переведены на многіе языки; но въ общественномъ отношеніи отличался онъ великимъ даромъ сообщать поучительное и образовательное направленіе бесѣдѣ даже съ самыми пустыми людьми: тутъ проявлялись сила и ясность его духа и кротость его характера. Онъ умѣлъ всегда сказать кстати рѣшительное и мѣткое слово. Въ санѣ архіепис-

копа Херсонскаго и Таврическаго онъ снискалъ себѣ между прочимъ любовь и уваженіе старовѣровъ, съ которыми вступалъ въ открытыя прѣнія, держа Священное Писаніе въ рукахъ.

Наша Лютеранская церковь въ Кіевѣ находилась въ печальномъ состояніи...

Открытіе Университета послѣдовало два года спустя по окончаніи Польскаго мятежа; поступавшіе въ него студенты прочувствовали въ своемъ сердцѣ всѣ волненія этой эпохи и если принять во вниманіе ту пламенную раздражительность національнаго характера и ту несообразность религіозныхъ и нравственныхъ понятій, которыя почти повсемѣстно преобладаютъ въ Польшѣ, то едва-ли можно было сомнѣваться во вліяніи ихъ на юношество, что̀ меня именно и побуждало, какъ было сказано выше, отказываться отъ мѣста въ Кіевѣ. При всемъ томъ, въ началѣ, въ политическомъ отношеніи все шло весьма хорошо, и я одинъ только разъ былъ поставленъ въ необходимость выпроводить изъ города за недостойное поведеніе одного молодого человѣка, который казался мнѣ подозрительнымъ, но которому, за недостаткомъ положительныхъ уликъ, я не могъ отказать въ поступленіи; впослѣдствіи узналъ я, что онъ былъ эмиссаромъ Польскаго революціоннаго комитета въ Парижѣ. Когда Государь, въ первый разъ послѣ моего назначенія и въ первый годъ существованія Университета, соблаговолилъ посѣтить Кіевъ, то онъ былъ особенно милостивъ и внимателенъ ко мнѣ и ко всему учебному округу и соизволилъ мнѣ выразить, что всѣ опасенія относительно настроенія учащейся молодежи нынѣ устранены и всѣ ея вредныя наклонности окончательно уничтожены, что̀ Его Величеству всемилостивѣйше угодно было приписать моему вліянію. На это я счелъ своею обязанностью заявить, что начало этого дѣла дѣйствительно, по милости Божіей, оказалось благопріятнымъ, но что, по моему мнѣнію, изъ этого нельзя еще выводить никакого заключенія на счетъ будущаго; что, по полученнымъ мною извѣстіямъ, образовавшійся въ Парижѣ Польскій комитетъ съ величайшею тревогою слѣдитъ за сближеніемъ молодежи съ правительствомъ и вѣроятно предприметъ все, что́ только возможно для противодѣйствія такому сближенію; что нѣкоторыя демонстраціи этого, ни передъ какими средствами не отступающаго, комитета уже были мною подавлены и что, при ожидаемыхъ возбужденіяхъ со стороны этихъ фанатичныхъ и безнравственныхъ личностей и при легкомысліи и ложномъ патріотизмѣ молодежи, ея родителей и родственниковъ, не слѣдуетъ предаваться излишней увѣренности и должно ожидать еще много худаго. Его Величеству, по видимому, не угодно было придавать особаго значенія этимъ опасеніямъ, и Государь изволилъ мнѣ замѣтить, что я желаю самъ уменьшать свои заслуги и тревожу себя безполезными заботами.

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда я ѣздилъ въ окрестности Одессы, для подкрѣпленія моего слабаго здоровья морскимъ купаньемъ, были найдены въ отдаленномъ закоулкѣ, въ навозной кучѣ, четыре рукописи съ возмутительными выходками противъ всѣхъ правительствъ,

съ положительнымъ революціоннымъ оттѣнкомъ и, по тщательномъ изслѣдованіи, было обнаружено, что онѣ принадлежали студентамъ. Когда я вернулся въ Кіевъ, дальнѣйшее слѣдствіе для открытія виновныхъ едва было начато и производилось подъ непосредственнымъ руководствомъ графа Гурьева. Пріѣхавъ къ нему, я засталъ его въ величайшей тревогѣ, которую я успокоилъ, заявивъ, что мнѣ, какъ попечителю, принадлежитъ право вести это слѣдствіе, что я, въ качествѣ начальника Университета, принимаю отвѣтственность на себя и что онъ совершенно напрасно навлекъ на себя эту заботу. По слѣдствію оказалось, что агентъ Парижскаго комитета, извѣстный по имени, но къ несчастію успѣвшій ускользнуть за границу, разбросалъ эти возмутительныя прокламаціи по улицѣ въ виду молодыхъ людей и что сіи послѣдніе не воздержались отъ искушенія поднять ихъ; но по прочтеніи прониклись такимъ опасеніемъ, что скрыли ихъ подъ подоконниками. Когда впослѣдствіи между студентами распространилась молва о готовящемся домовомъ обыскѣ, то они вынули ночью эти рукописи и бросили ихъ въ навозную кучу, гдѣ онѣ разумѣется были найдены и представлены жандармскому полковнику, глупому и пьяному человѣку, который, не переговоривъ предварительно ни со мною, ни съ генералъ-губернаторомъ, отправилъ ихъ прямо въ Петербургъ. Вскорѣ послѣ этого Государь былъ проѣздомъ въ Кіевѣ и, раздраженный отзывами генералъ-губернатора, который по своей душевной тревогѣ и ненависти къ Университету представилъ ему все дѣло въ ложномъ свѣтѣ, не удостоилъ меня ни одного слова, хотя я былъ приглашенъ къ высочайшему обѣденному столу. По окончаніи обѣда Государь поговорилъ еще съ нѣсколькими генералами, затѣмъ прошелъ мимо меня и потребовалъ меня въ свой кабинетъ. Первоначальный пріемъ его не былъ милостивъ, и Его Величество отнесся къ этому дѣлу съ самой худшей стороны; полчаса разъяснялъ я ему всѣ обстоятельства. Государь меня обнялъ, упрекалъ, что я слишкомъ огорчаюсь этимъ дѣломъ и возвратилъ мнѣ свое милостивое расположеніе. И на слѣдующій день, на аудіенціи, Его Величеству угодно было оказать мнѣ всемилостивѣйшее вниманіе и милость и повторить данное мнѣ обѣщаніе, что проступокъ четырехъ студентовъ не измѣнитъ его мнѣнія объ Университетѣ. Виновные были приговорены военнымъ судомъ къ разжалованію въ солдаты, безъ лишенія правъ дворянства; одинъ изъ нихъ умеръ въ Оренбургѣ, а три остальные дослужились скоро до офицерскихъ чиновъ и имѣли хорошія мѣста по службѣ.

Года черезъ полтора или черезъ два послѣ мятежа, во всей странѣ начали появляться признаки преступнаго броженія, въ коемъ принимали участіе многіе дворяне; но, не смотря на всю бдительность мою, я не могъ никого заподозрить въ предѣлахъ учебнаго округа; генералъ-губернаторъ также не могъ найдти никакихъ уликъ. Происки злоумышленниковъ вскрылись наконецъ въ Вильнѣ и повели къ дальнѣйшимъ открытіямъ. Тамъ находился тогда Уваровъ. Къ нему пришелъ студентъ Маціевскій, только что окончив-

шій курсъ и съ откровеннымъ, сердечнымъ раскаяніемъ признался ему, что участвовалъ въ преступныхъ замыслахъ. Его арестовали и прислали ко мнѣ. Между тѣмъ открытія, сдѣланныя въ Вильнѣ, навели подозрѣніе на многихъ лицъ въ Кіевской, Подольской и Волынской губерніяхъ. Наряжена комиссія для разслѣдованія дѣла, и оказалось, что въ заговорѣ принимали участіе 18 студентовъ, изъ которыхъ многіе уже не принадлежали болѣе Университету, пятеро знали тайну, а остальные бывали на сходкахъ подъ предлогомъ литературныхъ бесѣдъ и благотворительныхъ цѣлей. Это преступное сообщество на первыхъ порахъ ограничивалось тѣмъ, чтобъ поддерживать въ своихъ членахъ патріотическое настроеніе; оно понимало невозможность предпринять что либо при тогдашнихъ мѣстныхъ условіяхъ, но питалось надеждою, что обстоятельства перемѣнятся въ ихъ пользу. Все дѣло исходило изъ Парижскаго Польскаго комитета, посылавшаго къ намъ своихъ агентовъ, которые однако ничего не знали другъ о другѣ; имъ поручено было выбирать второстепенныхъ агентовъ, которые въ свою очередь набирали сообщниковъ, но опять такъ, что одинъ не зналъ ничего про другаго, и всѣ поодиночкѣ хранили тайну заговора. Поэтому съѣздовъ быть не могло. Каждому предписывалось снискивать довѣріе властей трудомъ и осторожнымъ поведеніемъ, дабы, достигнувъ вліятельнаго положенія, имѣть возможность принести пользу обществу. При первомъ извѣщеніи, что время дѣйствовать наступило, члены обязывались безпрекословно слѣдовать приказаніямъ своихъ старшинъ. Все это было разсчитано на то, чтобы правительство не могло открыть ихъ дѣйствія и, коль скоро они обнаружатся, привлечь къ отвѣту наименьшее число виновныхъ. Такимъ образомъ общество, по самому составу своему, лишено было возможности дѣйствовать съ какимъ либо успѣхомъ. Многіе студенты просто позабыли о своей принадлежности къ обществу или не предавали ему почти никакого значенія, и я убѣжденъ, что лишь весьма немногіе рѣшились бы приступить къ какимъ либо дѣйствіямъ. Во время слѣдствія одинъ изъ главныхъ агентовъ, когда его спросили, какъ могъ онъ при столь неблагопріятныхъ условіяхъ на что либо разсчитывать, отвѣчалъ, что они не обольщались никакою надеждою и дѣйствовали, не помышляя о послѣдствіяхъ. „Если бы правительство (говорилъ онъ) употребляло лишь карательныя мѣры и тѣмъ питало общее неудовольствіе, то мы были бы довольны и стали бы дожидаться лишь благопріятной минуты для нашего дѣла; но оно начало, въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ, отвлекать отъ насъ сердца молодежи, такъ что частное воспитаніе почти прекратилось, и все юношество толпами уходило въ правительственныя школы. Тутъ мы начали опасаться, что при такомъ ходѣ дѣлъ ослабѣетъ и пожалуй совсѣмъ угаснетъ патріотизмъ въ поколѣніи старшемъ. Мы сочли себя обязанными, во что бы то ни стало, начать борьбу за наше дѣло и принять мѣры противъ возраставшаго разложенія. Теперь наше предпріятіе не удалось, но мы все-таки въ выигрышѣ, ибо правительство должно насъ наказывать, а эти наказанія воспламенятъ снова чувства

ненависти и патріотизма.“ Отзывъ этотъ слышалъ я лично отъ самаго тогдашняго генералъ-губернатора Бибикова, который переодѣвался штабъ-офицеромъ и присутствовалъ на засѣданіяхъ Комиссіи. Приговоръ суда былъ смягченъ милосердіемъ императора Николая, но къ сожалѣнію не обошлось безъ лицепріятія: бѣдняки поплатились, а богатые люди получили пощаду. Студенты большею частію разжалованы въ солдаты, но не лишились дворянскихъ правъ, и въ послѣдствіи почти всѣ получили хорошее служебное положеніе.

Въ слѣдствіе этихъ обстоятельствъ Университетъ былъ закрытъ на годъ, и по возобновленіи лекцій всѣмъ студентамъ изъ западныхъ губерній объявлено, чтобъ они подавали прошенія о переводѣ въ другіе Университеты.

Въ такомъ положеніи дѣлъ я не разсчитывалъ болѣе приносить пользу государству и странѣ. Здоровье мое, и безъ того уже ослабленное неизбѣжною тревогою, совершенно расшаталось; я не могъ спокойно смотрѣть на студентовъ: они сознавали вину свою и раздирали мнѣ сердце своимъ раскаяніемъ. Когда я подалъ прошеніе объ отставкѣ, его величество всемилостивѣйше назначилъ меня членомъ главнаго управленія училищъ съ повелѣніемъ оставаться на мѣстѣ до назначенія мнѣ преемника и до его прибытія. Такимъ образомъ мнѣ пришлось еще нѣсколько мѣсяцевъ прожить въ Кіевѣ. Какъ мнѣ ни было тяжело это, я преодолѣлъ въ себѣ болѣзненное настроеніе и старался дѣйствовать по прежнему, за что министръ потомъ благодарилъ меня....

При моихъ тѣсныхъ отношеніяхъ къ Университету и другимъ заведеніямъ, разставаться намъ было тяжело. Сначала я хотѣлъ вовсе не прощаться съ молодыми людьми, но долженъ былъ уступить настоятельнымъ просьбамъ казенныхъ студентовъ и пансіонеровъ, взявъ съ нихъ напередъ обѣщаніе, что они не позволятъ себѣ никакихъ пылкихъ изъявленій. Прощаніе съ ними взволновало меня до глубины души, и мнѣ стоило великаго усилія сдержать себя. Студенты плакали, но оставались спокойны; пансіонеры же вѣшались ко мнѣ на шею, и я едва могъ освободиться отъ нихъ. Отъ прощальнаго пиршества я отказался рѣшительно: скрыть совершенно, почему именно я оставляю должность, было нельзя, и я опасался заявленій, которыя могли бы подать поводъ къ толкамъ и, превратно истолкованныя, причинили бы вредъ изъявителямъ...

Вечеромъ 31 Марта 1839 года пріѣхалъ я въ Петербургъ. . .

На одномъ изъ собраній въ Зимнемъ дворцѣ, которыя я посѣщалъ нерѣдко, подошелъ ко мнѣ Уваровъ и съ отмѣнною любезностію сталъ мнѣ выговаривать, зачѣмъ я у него не бываю. Послѣ того я нѣсколько разъ ѣздилъ къ нему на вечера. Вдругъ узнаю чрезъ Киселева, что Уваровъ настойчиво предлагаетъ Государю назначить меня попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа. Назначеніе не состоялось по соглашенію между обоими министрами. Я лично держалъ себя совершенно въ сторонѣ.

Въ это время получилъ я отъ министра государствен. имуществъ графа Киселева предложеніе принять на себя управленіе 3-мъ департаментомъ этого министерства, потому что тогдашній директоръ, генералъ-адъютантъ баронъ Деллингаузенъ *) подалъ въ отставку, и въ тоже время косвеннымъ путемъ было мнѣ предложено министромъ юстиціи Дашковымъ мѣсто оберъ-прокурора въ Сенатѣ. Мало или вовсе незнакомый съ судебною частью, я по совѣсти не могъ принять послѣдней должности и вступилъ въ непосредственные переговоры съ графомъ Киселевымъ.

На оффиціальномъ представленіи Его Императорское Величество благоволилъ довольно долго со мной разговаривать и даже изволилъ спросить меня о моихъ глазахъ, которые тогда у меня очень болѣли.

Въ началѣ Мая 1839 года назначенъ я директоромъ 3-го департамента государственныхъ имуществъ. Въ немъ было два главныхъ занятія: 1) поощреніе сельскаго хозяйства во всѣхъ его отрасляхъ, какъ-то садоводства, шелководства, винодѣлія, скотоводства и лѣсоводства; всѣ относящіяся сюда учебныя заведенія и частныя общества подчинены этому департаменту, который обязанъ былъ руководить ими и поддерживать ихъ, равно какъ слѣдить за всѣми успѣхами сельскаго хозяйства въ Россіи и за границею, устроивать въ подчиненныхъ ему заведеніяхъ пробныя хозяйства и, по мѣрѣ успѣха, распространять оныя; 2), измѣрить и регулировать всѣ казенныя земли, вводить кадастръ въ удѣлахъ, руководить и надзирать за работами по этимъ предметамъ; собирать и издавать статистическія извѣстія какъ о казенныхъ имѣніяхъ, такъ и обо всемъ государствѣ. Кромѣ того департаментъ разсматривалъ проэкты новыхъ сооруженій, изготовлялъ привилегіи по сельско-хозяйственнымъ предметамъ и предлагалъ всякаго рода улучшенія. При департаментѣ находился ученый комитетъ подъ предсѣдательствомъ директора.

Такимъ образомъ это вѣдомство было чисто-ученое и техническое; но предшественникъ мой не подумалъ набрать себѣ чиновниковъ изъ людей свѣдущихъ. Отъ того дѣла велись по общему канцелярскому порядку, при чемъ чиновники упражнялись только въ великомъ, но безплодномъ искусствѣ безсознательнаго многословія или, что̀ еще хуже, по разнымъ важнымъ отраслямъ вводились начала, вычитанныя съ поспѣшностію изъ извѣстныхъ сочиненій, плохо-понятыя и неусвоенныя.

Положеніе мое было очень тяжело. По нѣкоторымъ предметамъ, какъ наприм. по садоводству, шелководству и винодѣлію, равно какъ и по лѣсоводству, я имѣлъ весьма недостаточныя свѣдѣнія. Кадастръ представлялъ собою совершенно новую сферу дѣйствій; ввести его считалось до сихъ поръ невозможнымъ по причинѣ гигантскихъ размѣровъ государства. Сельскимъ хозяйствомъ хотя

*) По какой причинѣ, разсказано въ Запискахъ В. А. Инсарскаго, Р. Архивъ 1873, стр. 566. *П. Б.*

многократно и занимался я практически, но настоящихъ, систематическихъ свѣдѣній по этой части не имѣлъ и лишь урывками восполнялъ чтеніемъ мое невѣжество. Если бы мнѣ поручили быть исполнителемъ въ предѣлахъ опредѣленныхъ, я, можетъ быть, справился бы съ дѣломъ; но тутъ ничего еще не было выяснено, все вращалось въ сферѣ идей, все нуждалось въ устроеніи, и такая неопредѣлительность только вредила дѣлу.

Между тѣмъ я былъ занятъ въ моемъ департаментѣ почти сверхъ силъ. Огромная машина съ сотнею чиновниковъ, которая распространяла свои дѣйствія на все государство и главнѣйшія основанія которой еще надлежало установлять, требовала основательнаго и добросовѣстнаго къ ней отношенія. На мою долю приходилось не менѣе 12 — 14 часовъ работы, и я бывалъ иногда до того утомленъ, что не могъ ни думать, ни говорить. Когда я направилъ ходъ машины, пріучилъ чиновниковъ къ труду и указалъ направленіе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ отраслей, мнѣ наиболѣе знакомыхъ, то я убѣдился, что, для опредѣленія различныхъ отдѣловъ сельскаго хозяйства, мнѣ слѣдовало на мѣстѣ ознакомиться съ его потребностями и съ мѣстными служащими лицами, и потому я предпринялъ лѣтомъ 1841 года, по высочайшему повелѣнію, поѣздку по Россіи.

Я посѣтилъ Горки (Могилевской губ.), Черниговъ, Кіевъ, Одессу, Екатеринославль, Полтаву, Лугань (Екатеринославской губ.), Таганрогъ, Новочеркаскъ, Ставрополь, Пятигорскъ, Кизляръ, Астрахань, Сарепту, Саратовъ, тамошнія Нѣмецкія колоніи, Симбирскъ, Пензу, Казань, Уфу; оттуда на обратномъ пути въ Петербургъ Казань, Нижній-Новгородъ во время большой ярмарки, Владиміръ, Москву, Тверь, Новгородъ. Отчетъ объ этомъ путешествіи вы найдете въ моихъ бумагахъ. Представленные мною уставы Горыгорецкаго института, фермъ и образцовыхъ хозяйствъ, школъ винодѣлія и шелководства и многихъ другихъ учрежденій были высочайше утверждены и дѣйствуютъ доселѣ.

Еще до моего отъѣзда былъ разрѣшенъ, въ особомъ комитетѣ подъ моимъ предсѣдательствомъ, вопросъ о кадастрѣ и началъ приводиться въ исполненіе. Во время моего управленія была произведена оцѣнка государственныхъ имуществъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ и введенъ поземельный сборъ, вмѣсто подушнаго. Этотъ вопросъ доставилъ мнѣ много труда и головоломной работы, но въ тоже время и много удовольствія. Кадастровыя коммисіи отличались отъ другихъ учрежденій своимъ живымъ, осмотрительнымъ рвеніемъ и строгою добросовѣстностью, а введенный поземельный налогъ убѣдилъ крестьянъ въ значеніи земельнаго надѣла и внушилъ имъ бо̀льшую заботливость при пользованіи имъ. Мы также пріобрѣли путемъ этихъ коммисій многія важныя, статистическія свѣдѣнія, которыя повели къ нѣсколькимъ благодѣтельнымъ, административнымъ распоряженіямъ.

Мое положеніе въ департаментѣ установилось весьма прочно; чиновники трудились усердно и старались ближе ознакомиться съ

своими специальными отдѣлами и вслѣдствіе того привязывались болѣе къ своему дѣлу. Съ министромъ я также былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. При его страстномъ, въ высшей степени нетерпѣливомъ характерѣ и совершенномъ незнаніи порядковъ дѣлопроизводства, не могло быть недостатка въ столкновеніяхъ, изъ коихъ первое, случившееся при самомъ вступленіи моемъ въ должность, едва не послужило поводомъ къ моему выходу въ отставку; но онъ дѣйствовалъ, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ другихъ, вполнѣ благородно и относился ко мнѣ съ уваженіемъ. Его въ сущности благонамѣренное направленіе и пламенное стремленіе къ пользамъ порученной ему почти половинной части народонаселенія Имперіи искупали многіе недостатки, которые были послѣдствіемъ его свѣтскаго образованія и постояннаго вращенія въ высшихъ общественныхъ сферахъ. При своей высокомѣрной и величавой наружности, онъ обладалъ однако большимъ сердечнымъ смиреніемъ и часто бывалъ весьма обходителенъ. Даже послѣ моего выхода изъ министерства, мы оставались постоянно въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, и онъ неоднократно доказывалъ мнѣ свое довѣріе и доброжелательство.

Послѣ пятилѣтняго управленія департаментомъ, я почувствовалъ, что мои физическія силы не могутъ долѣе выносить подобнаго напряженнаго труда и, хотя Киселевъ меня очень убѣдительно просилъ остаться, но и онъ наконецъ сдался и, съ его согласія, я обратился къ графу Панину, чтобы выразить ему мое желаніе быть принятымъ въ Сенатъ. Панина я до тѣхъ поръ вовсе не зналъ. Необыкновенно-высокаго роста, чрезвычайно-сухой наружности, онъ не производитъ собою пріятнаго впечатлѣнія, однако въ немъ развито чувство любви къ красотамъ природы, и въ особенности страстно любитъ онъ цвѣты. Онъ домосѣдъ и на службу свою смотритъ какъ на жертву, приносимую имъ государству во исполненіе долга. Позднѣе представился особенный случай, убѣдившій меня, что онъ человѣкъ теплаго сердца; но когда я говорилъ о томъ другимъ, ни за что не хотѣли тому вѣрить. Когда я выразилъ ему свое желаніе, онъ отвѣчалъ мнѣ, что нужно-бы предварительно имѣть на это одобреніе графа Киселева, на что я возразилъ ему, что графъ предполагалъ лично переговорить съ нимъ о томъ, но что я не желаю подвергать его возможности отказа. На это онъ мнѣ отвѣчалъ весьма сухимъ тономъ, что моя репутація не давала мнѣ права ожидать неблагопріятнаго отвѣта; но эти любезныя слова, благодаря тому тону, съ которымъ они были сказаны, остались для меня сперва непонятными. Вскорѣ послѣ того я былъ назначенъ сенаторомъ и поступилъ во 2-е отдѣленіе 3-го, такъ называемаго Балтійскаго, департамента. Здѣсь мнѣ пришлось сѣсть снова на школьную скамью и начать новое изученіе; цѣлый годъ серьознаго и упорнаго труда былъ мною посвященъ на то, чтобы изучить законы и дать себѣ возможность, при дальнѣйшихъ занятіяхъ, добросовѣстно и сознательно выполнять мои служебныя обязанности.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, я былъ переведенъ во второе отдѣленіе уголовнаго департамента, оттуда черезъ годъ въ мой прежній

3-ій департаментъ, и наконецъ въ 1-й департаментъ, гдѣ я оставался до назначенія въ Дерптъ.

Въ 1851 году высочайше повелѣно мнѣ осмотрѣть Херсонскую губернію, по поводу жалобъ поступившихъ на тамошняго губернатора. Отчетъ о томъ находится въ моихъ бумагахъ. Въ этомъ путешествіи, продолжавшемся почти цѣлый годъ, меня сопровождали Романовскій, Стороженко, Эссенъ, Стакельбергъ, Гюне, Брянчаниновъ и нѣкоторые другіе чиновники. То было самое трудное время моей жизни. Кромѣ того что приходилось усиленно работать отъ 12 до 14 часовъ въ сутки, я находился въ печальной необходимости быть судьею.

Вообще у насъ принято смотрѣть на званіе сенатора, какъ на отдохновеніе послѣ многолѣтнихъ, пройденныхъ трудовъ, и это весьма справедливо по отношенію къ тѣмъ, кому совѣсть дозволяетъ присоединять лишь свое мнѣніе къ мнѣнію другаго, безъ провѣрки; но тому, кѣмъ руководитъ сознаніе долга и данной присяги, дѣлъ довольно, и онъ весьма часто подвергается тревожнымъ сомнѣніямъ. Однако званіе сенатора все таки имѣетъ многія значительныя преимущества: независимость положенія, подчиненнаго единственно Высочайшей власти, свободное выраженіе своего мнѣнія, отсутствіе подчиненныхъ, а потому и всякой отвѣтственности, неспѣшный трудъ, такъ какъ 6 или 7 часовъ вполнѣ достаточно, и свобода отъ занятій во время каникулъ черезъ каждые два года, а иногда два раза въ три года. На основаніи всякихъ житейскихъ соображеній, я почти съ увѣренностью могъ предполагать, что никакой перемѣны въ моемъ положеніи произойдти не можетъ, а между тѣмъ я все таки получилъ назначеніе въ попечители Дерптскаго округа и, хотя я отклонялъ сдѣланное мнѣ первоначальное предложеніе, но затѣмъ подчинился безъ всякаго прекословія высочайшей волѣ.

Нѣсколько мѣсяцевъ до моего назначенія въ Дерптъ, дворянство Прибалтійскихъ губерній выразило желаніе выбрать меня членомъ въ Генеральную Консисторію, на что и послѣдовало высочайшее соизволеніе...

Такимъ образомъ пришлось мнѣ разсказать вамъ о тѣхъ милосердыхъ путяхъ, по которымъ нашъ любвеобильный Искупитель провелъ вашего престарѣлаго родителя до новаго назначенія моего въ Дерптъ; и такъ какъ моя дѣятельность въ Дерптѣ еще до того свѣжа, что къ сопоставленію и обсужденію моихъ отношеній моглобы примѣшаться нѣкоторое заблужденіе, то я и рѣшился окончить здѣсь мое родительское повѣствованіе.

Пусть этотъ очеркъ напоминаетъ вамъ вашего стараго отца, и да поможетъ онъ вамъ извлечь себѣ изъ событій моей жизни нѣкоторый опытъ и утѣшеніе въ неизбѣжной борьбѣ и испытаніяхъ здѣшняго бреннаго существованія.

*

Читатели Русскаго Архива припомнятъ отзывы объ Егорѣ Ѳедоровичѣ фонъ-Брадке въ Запискахъ В. А. Инсарскаго, напечатанныхъ нами въ 1873 году. Описывая

его наружность, тогдашній его подчиненный прибавляетъ: „Онъ былъ выше всякаго красавца силою великолѣпной души, которая отражалась во всѣхъ его словахъ, поступкахъ и даже манерахъ. Его нельзя было не любить и не почитать, и всѣ, кого судьба ставила въ какія либо соотношенія съ нимъ, его любили и почитали.“ Подобные же отзывы о немъ случалось намъ нерѣдко слышать отъ многихъ лицъ, разнаго возраста и разнаго общественнаго положенія.

*

Подобно славному соплеменнику своему, великому трудолюбцу прошедшаго столѣтія, графу Я. Е. Сиверсу, подобно дѣятельности В. И. Даля въ сферѣ Русскаго языкознанія и словесности, Е. Ѳ. Брадке заслужилъ себѣ почетное и признательное воспоминаніе Русскихъ людей. Такого рода дѣятели оставляютъ если и не особенно яркій, то неизгладимый и благодѣтельный слѣдъ въ исторіи своего Отечества. Тутъ мало блеску и шуму, за то много прочнаго созиданія. Вотъ почему мы особенно обязаны лицу, дозволившему помѣстить въ Русскомъ Архивѣ извлеченіе изъ Записокъ фонъ-Брадке.

*

Ѳ. И. Тимирязевъ, помогавшій намъ сдѣлать это извлеченіе, присоединилъ къ труду своему нижеслѣдующія строки. *П. Б.*

Предлагаемыя здѣсь выдержки изъ автобіографіи Е. Ѳ. фонъ-Брадке замѣчательны столько-же по событіямъ той эпохи, которую они изображаютъ, сколько и по тѣмъ довольно-рѣдкимъ пріемамъ, какіе употребляетъ авторъ въ своемъ разсказѣ. Обыкновенно подобныя автобіографіи или служатъ исключительнымъ выраженіемъ личныхъ мнѣній и взглядовъ біографа на всѣ событія пройденнаго имъ поприща, какимъ-то „profession de foi“, во имя котораго нерѣдко факты и дѣйствія освѣщаются довольно-одностороннимъ образомъ и не могутъ дать полнаго понятія объ историческомъ развитіи извѣстной эпохи; или-же подобныя біографическія свѣдѣнія всецѣло посвящаются дѣятельности самаго повѣствователя, его личнымъ отношеніямъ, родственнымъ связямъ, успѣхамъ и заслугамъ и потому не могутъ имѣть общаго интереса и содѣйствовать всестороннему изученію и оцѣнкѣ совершавшихся въ его время государственныхъ и общественныхъ событій. Сенаторъ Е. Ѳ. фонъ-Брадке, не смотря на то, что въ своихъ Запискахъ имѣлъ въ виду единственно своихъ дѣтей и „ту пользу, которую они могли извлечь изъ добытаго имъ труднымъ жизненнымъ путемъ тяжелаго опыта“, не впадаетъ однако-же ни въ одну изъ указанныхъ нами крайностей и ко всѣмъ событіямъ и дѣятелямъ современной ему эпохи сохраняетъ почти-объективное отношеніе. За исключеніемъ нѣкоторыхъ страницъ, относящихся до его семейныхъ отношеній и личнаго, служебнаго поприща, весь разсказъ его носитъ на себѣ характеръ исторической правды. Лица, имъ описываемыя, не выставляются только въ образѣ его доброжелателей и друзей или недруговъ и завистниковъ; а просто изображаются такими, какими онъ представлялъ ихъ себѣ въ то время, въ непосредственной связи съ обстоятельствами и обстановкою того времени. Событія, совершавшіяся въ его присутствіи и при его участіи, находятъ въ немъ, по возможности, безпристрастнаго и вѣрнаго истолкователя и представляются именно въ томъ видѣ, въ какомъ мы до сей поры привыкли ихъ видѣть, при чемъ однако весьма часто, одною мѣтко-подмѣченною чертою или однимъ вѣрно-схваченнымъ выраженіемъ, разоблачается вполнѣ ясно то, что́ смутно предполагалось или выводилось изъ прежде слышанныхъ и читанныхъ разсказовъ и подробностей.

Воспитаніе въ горномъ корпусѣ, потомъ дальнѣйшее пребываніе въ школѣ колоновожатыхъ и первоначальная дѣятельность въ Финляндіи составляютъ весьма живой и интересный очеркъ образовательнаго элемента того времени, со всѣми его хорошими и вредными особенностями. Затѣмъ краткій обзоръ достопамятныхъ событій 1813-1815 годовъ и характеристика нѣкоторыхъ лучшихъ дѣятелей той эпохи носятъ на себѣ отпечатокъ правды и прибавляютъ нѣкоторыя новые черты и оттѣнки въ запасъ нашихъ историческихъ свѣдѣній того времени. Но самою занимательною частью этого разсказа, по нашему мнѣнію, должно считать описаніе дѣятельности автора въ военныхъ поселеніяхъ, его отношеній къ графу Аракчееву и чрезвычайно вѣрно и правдиво очерченный имъ образъ знаменитаго временщика. Непреклонная и подчасъ свирѣпая и необузданная натура Аракчеева не въ состояніи поколебать безпристрастіе его изобразителя, и онъ охотно указываетъ на тѣ, хотя и рѣдкія, но все-же существовавшія достоинства и заслуги своего грознаго начальника *). Наконецъ разсказъ о дѣятельности Брадке въ Кіевскомъ учебномъ округѣ, объ основаніи Кіевскаго университета, о борьбѣ съ Польскимъ враждебнымъ элементомъ—все это безъ сомнѣнія уже давно извѣстно; но нѣкоторыя подробности дополняютъ картину той эпохи, и кромѣ того есть такіе предметы, которые, подобно Польскому элементу и живучести Польской интриги, никогда не могутъ быть вполнѣ исчерпаны, и всякое о нихъ упоминаніе можетъ принести новыя полезныя указанія для современной намъ системы дѣйствій, по отношенію къ нашимъ западнымъ окраинамъ. Автобіографія писана понѣмецки и отпечатана въ видѣ рукописи въ 1871 году, въ Петербургѣ, въ имп. акад. наукъ, на 215 страницахъ, въ 10 экземплярахъ.

Нѣмецкій подлинникъ автобіографіи носитъ такое заглавіе: Georg von Bradke's (geb. 16 Mai 1796, gest. 3 April 1861) eigene Aufzeichnungen über sein Leben bis zum Jahre 1854. Geschrieben 1857-1859. Als Manuscript gedruckt. т. е. Георга-фонъ-Брадке (род. 16 Мая 1796, ум. 3 Апрѣля 1861) собственныя замѣтки объ его жизни до 1854 г. Писано въ 1857-1859 гг. Напечатано въ видѣ рукописи.

Въ Русскомъ извлеченіи нашемъ сохранено, по возможности, все главное и обще-важное, и опущены главнѣйшимъ образомъ только подробности вполнѣ частнаго и семейнаго значенія. *П. Б.*

---

*) Аракчеевъ выразился о Брадке: «Способенъ и достоинъ; но жаль, что часто забываетъ свой малый чинъ передъ старшими». (Записки В. А. Инсарскаго въ Р. Архивѣ 1873, стр. 589).

ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, НАЧАТОЙ ВЪ 1813 ГОДУ *).

Варшавскіе разсказы.

Лѣтомъ, въ окрестностяхъ Варшавы, молодыя барыни катались на лодкѣ по большому озеру. Лодка покачнулась, и дамы попадали въ воду. Англичанинъ, влюбленный въ одну изъ нихъ, увидя бѣду, тотчасъ кинулся съ берега въ озеро, нырнулъ и вытащилъ одну барыню; но, замѣтя, что это была не возлюбленная его, бросилъ ее опять въ воду и нырнулъ еще разъ, чтобы спасти настоящую.

*

Старикъ К**, добросердечный и нѣжный мужъ, но слабопамятный отецъ, бывало, спрашивалъ жену свою: „Скажи мнѣ пожалуста, моя милая, кто-же отецъ нашего меньшаго сына? Я никакъ припомнить не могу“. А въ другой разъ: „У меня вовсе изъ памяти вышло, какъ зовутъ отца нашего втораго сына“, и т. д.

*

Когда маршалъ Давў командовалъ Французскими войсками и проконсульствовалъ въ Варшавѣ, онъ не разъ требовалъ отъ городскаго начальства, чтобы въ назначенномъ мѣстѣ наведенъ былъ мостъ черезъ Вислу. То за однимъ, то за другимъ предлогомъ все откладывали исполненіе приказанія. Наконецъ маршалъ призвалъ къ себѣ президента города и сказалъ ему: „Если послѣ завтра, въ 12 часовъ по полудни, моста на Вислѣ не будетъ, вы перейдете черезъ нее, какъ она есть, на другой берегъ“. Не слышно было, чтобы президентъ подвергъ себя простудѣ послѣ такой прогулки.

*

На сеймѣ, въ царствованіе Станислава Понятовскаго, одинъ нунцій предложилъ собранію присудить начальнику почтоваго вѣдомства народную награду. „По какому поводу и за что?“ спросили разомъ нѣсколько голосовъ. „А за то, отвѣчалъ нунцій, что каждый, расширившій предѣлы государства, заслуживаетъ благодарность согражданъ: донынѣ отъ Варшавы до границы считалось столько-то миль; при новомъ управленіи теперь взимаютъ съ насъ прогонныхъ и портовыхъ денегъ за 20 милей болѣе“.

*

Нѣкоторая мѣстность Польскаго королевства была разоряема шайкою разбойниковъ. Одинъ Польскій помѣщикъ явился къ поли-

---

*) См. выше стр. 196.

цейскому начальству и объявилъ, что онъ знаетъ, гдѣ разбойничій притонъ и что, если дадутъ ему нѣсколько человѣкъ изъ военной силы, онъ берется переловить всѣхъ мошенниковъ и представить ихъ въ Варшаву. Получивъ военную команду, отправился онъ съ нею въ одинъ повѣтовый городъ прямо въ зданіе главнаго присутственнаго мѣста, приказалъ солдатамъ схватить и перевязать всѣхъ чиновниковъ и съ тѣмъ вмѣстѣ послалъ рапортъ по начальству съ донесеніемъ, что переловилъ злоумышленниковъ, которые грабили край и ожидаетъ дальнѣйшихъ приказаній.

*

Еще одно послѣднее сказаніе о старой Польшѣ. Кажется, въ началѣ минувшаго столѣтія, одинъ изъ графовъ Потоцкихъ, въ видахъ патріотическихъ и политическихъ, переселился въ Константинополь и обратился въ Магометанскую вѣру. Онъ совершенно отуречился, и все это въ надеждѣ снискать довѣренность и уваженіе Турецкаго правительства и употребить ихъ въ пользу Польши, во вредъ Россіи. Мысль объ отступничествѣ между тѣмъ тревожила порою набожную совѣсть его. „Знаю, говорилъ онъ въ минуты смущенія, что Господь, по правосудію Своему, сошлетъ меня въ адъ за мой грѣхъ; но съ другой стороны я убѣжденъ, что, видя чистоту побужденій моихъ, Онъ, по безпристрастію Своему, и карая меня, не откажетъ мнѣ въ уваженіи Своемъ“.

*

Повиновеніе закону и представителямъ его есть нравственно-политическое побужденіе и чувство, а вовсе не порожденіе страха. Страхъ есть тоже, что̀ по пословицѣ щука въ морѣ (хотя, кажется, въ морѣ щукъ не бываетъ, и рыба она рѣчная и прудовая). Кто любитъ щуку, заводи ее въ пруду своемъ; но знай, что она переглотаетъ всѣхъ другихъ рыбъ. Одинъ страхъ, посаженный властью въ сердце человѣка, также истребитъ въ немъ всѣ другія благородныя чувства.

*

N. N. говорилъ о комъ-то: „Онъ недовольно уменъ, чтобы дозволять себѣ дѣлать глупости“. О другомъ: „А этотъ недостаточно высоко поставленъ, чтобы дозволять себѣ подобныя низости“.

*

Пушкинъ спрашивалъ пріѣхавшаго въ Москву стараго товарища по Лицею про общаго пріятеля, а также сверстника-лицеиста, отличнаго мимика и художника по этой части *): „А какъ онъ теперь лицедѣйствуетъ и что̀ представляетъ?“—Петербургское наводненіе. „И что же?“—Довольно похоже, отвѣчалъ тотъ. Пушкинъ очень забавлялся этимъ довольно похоже.

*

Кто-то говорилъ: ничего нѣтъ менѣе литтературнаго, какъ многіе изъ нашихъ литтераторовъ. Они, пожалуй, люди и дѣльные, т. е.

*) М. Л. Яковлева. *П. Б.*

дѣловые, ловкіе, даже бойкіе, но не литтераторы въ томъ смыслѣ, которой общепринятъ и узаконенъ образованными людьми. Прослушавъ какое-то музыкальное произведеніе, чуть-ли не Вагнера, Россини сказалъ: Si c'était de la musique, ce serait bien mauvais (если это была бы музыка, то это было бы очень плохо). И о многихъ письменныхъ произведеніяхъ нашего времени можно сказать: будь это литтература, то оно никуда не годится; но какъ оно не литтература, то можетъ быть оно въ своемъ родѣ и недурно. А что̀ это за родъ, пока опредѣлить еще трудно. Люди пишутъ, слѣдовательно ихъ читаютъ; а если читаютъ, то и слѣдуетъ, что люди хорошо дѣлаютъ, что пишутъ. Каковъ товаръ, таковъ и спросъ; а каковъ спросъ, таковъ и товаръ. Рыбакъ рыбака далеко въ плёсѣ видитъ; а писатель читателя, и читатель писателя. Такимъ образомъ всѣмъ есть мѣсто подъ Божіимъ солнцемъ. На Французскомъ языкѣ есть очень удобное выраженіе, соотвѣтственное слову литтература и, такъ сказать, дополняющее и выясняющее его: les belles lettres. Само собою разумѣется, что слова̀ литтература и литтераторъ происходятъ отъ литтера, т. е. отъ азбучныхъ знаковъ. Азбука все таки есть начало всего. Но дѣло въ томъ, что грамота грамотѣ рознь. Одной грамоты недостаточно. Нужно еще, чтобы грамота была изящная. Les belles lettres—прекрасныя письмена. Что̀ нужно автору? На этотъ вопросъ чистосердечный отвѣтъ многихъ былъ бы слѣдующій: чернила, перья, бумага и охота смертная писать. Карамзинъ на заданный себѣ вопросъ: что̀ нужно автору? отвѣчалъ иначе. Онъ говорилъ, что таланты и знаніе, острый, проницательный умъ, живое воображеніе все еще недостаточны. Онъ требуетъ еще, чтобы душа могла возвыситься до страсти къ добру, могла питать въ себѣ святое, никакими сферами неограниченное желаніе всеобщаго блага. И мало ли что̀ еще находитъ онъ нужнымъ автору! Но все это было высказано еще въ 1793 году, слѣдов. въ эпоху несовершеннолѣтія человѣческаго разума, когда онъ едва ли ползалъ еще на четвереренькахъ, а теперь онъ не только выросъ и на ногахъ стоитъ, но чуть ли не ходитъ на головѣ, какъ любой плясунъ на канатѣ. Да къ тому же Карамзинъ—извѣстный риториканъ. Смѣшно было бы, въ наше время, съ нимъ справляться.

*

Хвостовъ гдѣ-то сказалъ:

Зимой весну являетъ лѣто.

Вотъ календарная загадка! Впрочемъ, у добраго Хвостова такого рода диковинки были не аномаліи, не уклоненія, а совершенно нормальныя и законныя явленія.

Совѣстно послѣ Хвостова называть Державина, но и у него встрѣчаешь поразительные недосмотры и недочеты. Въ прекрасной картинѣ его:

На темноголубомъ эфирѣ
Златая плавала луна
Въ серебряной своей порфирѣ.

Блистаючи съ высотъ, она
Сквозь окна домъ мой озаряла,
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя окна рисовала
На лаковомъ полу моемъ.

Къ чему тутъ серебряная порфира на золотой лунѣ?

А въ другомъ стихотвореніи его:

Изъ за облакъ мѣсяцъ красный
Всталъ и смотрится въ рѣкѣ.
Сквозь туманъ и мракъ ужасный
Путникъ ѣдетъ въ челнокѣ.

Здѣсь что нибудь да лишнее: или мѣсяцъ красный, или ужасный мракъ.

*

Поэзія поэзіей, а стихотворчество или стихотвореніе стихотвореніемъ. Истинный поэтъ въ творчествѣ своемъ никогда не собьется съ пути; но въ стихотворческомъ ремеслѣ поэтъ можетъ иногда обмолвиться промахомъ пера. Въ эти промахи онъ незамѣтно для себя и невольно вовлекается самовластительными требованіями риѳмы, стопосложенія и другихъ вещественныхъ условій и принадлежностей стиха. Было же когда-то у Пушкина:

Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость?
Гдѣ вѣчная *къ вамъ* риѳма младость?

А въ превосходномъ своемъ exegi monumentum развѣ не сказалъ онъ: „Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный?" А чѣмъ же писалъ онъ стихи свои, какъ не рукою? Статуя ваятеля, картина живописца также рукотворны, какъ и написанная пѣснь поэта.

И. И. Дмитріевъ въ милой пѣсенкѣ своей говоритъ:

Всѣхъ цвѣточковъ болѣ
Розу я любилъ;
Ею только въ полѣ
Взоръ свой веселилъ.

—

Съ каждымъ днемъ алѣе
Все какъ вновь цвѣла,
Съ каждымъ днемъ милѣе
Роза мнѣ была.

—

Но на счастье прочно
Всякъ надежду кинь:
Къ розѣ какъ нарочно
Привилась полынь.

—

Роза не увяла,
Тотъ же самый цвѣтъ;
Но не та ужъ стала:
Аромата нѣтъ.

Здѣсь слѣдовало бы и кончить; но пѣсельника соблазнилъ и попуталъ баснописецъ: онъ захотѣлъ вывесть мораль, а тутъ и вышелъ забавный промахъ пера.

Хлоя, какъ ужасенъ
Этотъ намъ урокъ!

Такъ, увы, опасенъ
Для красы порокъ.

Это неумѣстное и злосчастное намъ причисляетъ, по граматическому смыслу, самаго Дмитріева къ Хлоямъ и красавицамъ.

*

Капнистъ въ одной пѣсенкѣ своей говоритъ:

Хоть хижина убога,
Съ тобой она мнѣ храмъ;
Я въ ней прошу отъ Бога
Здоровья только намъ.

Нечеловѣколюбиво и небратолюбиво это только передъ словами намъ. Это напоминаетъ молитву эгоиста: „Господи, Ты вѣдаешь, что я никогда не утруждаю Тебя молитвою о ближнемъ; молю только о себѣ и уповаю, что Ты воздашь смиренію моему и невмѣшательству въ чужія дѣла“.

Едва-ли кто изъ поэтовъ древнихъ и новыхъ, Русскихъ или чужестранныхъ, совершенно избѣжалъ подобныхъ промаховъ, обмолвокъ, недосмотровъ, затмѣній. У кого ихъ больше, у кого меньше.

*

Дмитріевъ разсказывалъ, что однажды допытывались отъ Хвостова объясненія и смысла одного стиха его. Онъ объяснялъ его и такъ и сякъ; но на каждое объясненіе слѣдовало опроверженіе, которое уничтожало толкованіе. Наконецъ, вышедши изъ терпѣнія, сказалъ онъ съ досадою: „Да отстаньте отъ меня; c'est mon cheval de bataille“ (это мой боевой конь—Французская поговорка, выражающая, что на эту вещь, на это мнѣніе опираешься).

*

Было время, правда давно, когда загадки, шарады, логогрифы служили игрушкою и забавою умнѣйшихъ людей едва ли не умнѣйшаго общества, въ сравненіи съ другими обществами, какъ предъидущими, такъ и послѣдовавшими. Они не пренебрегали этими гимнастическими играми ума (jeux d'esprit). Умные люди той эпохи, т. е. до-революціонной, во Франціи и въ другихъ краяхъ, не стыдились и поребячиться въ часы отдыха отъ дѣла и отъ трудовъ; но за то ничего не было ребяческаго въ ихъ пріемахъ, когда они брались за дѣло. Философъ, энциклопедистъ, великій математикъ, дѣятельный противникъ всѣхъ злоупотребленій, Даламбертъ не былъ равнодушенъ къ этимъ забавамъ. Разсказываютъ, что на болѣзненномъ одрѣ смерти разгадалъ онъ шараду, отысканную имъ во Французскомъ Меркуріи. Что̀ ни говори, а въ этой игрѣ словъ, какъ и въ игрѣ карточной, есть своя доля сметливости, соображенія, а здѣсь и остроумія. Во всякомъ случаѣ, какъ время-препровожденіе, одна игра другой сто̀итъ. Не понимаю, почему призадуматься надъ разгадкою логогрифа унизительнѣе для человѣческаго достоинства, чѣмъ задуматься надъ задачею: съ чего пойти, съ десятки ли червей, или съ валета пикъ.

Французскій языкъ очень удобенъ для подобнаго разсѣченія и растасовки словъ: въ немъ почти каждое слово заключаетъ въ себѣ нѣсколько словъ, имѣющихъ приблизительно, а нерѣдко и положи-

тельно, свое отдѣльное значеніе. Наши слова преимущественно составлены изъ слоговъ, которые ничего не выражаютъ.

Одно общество, въ подмосковной, во время первой Московской холеры, собиралось по осеннимъ и зимнимъ вечерамъ. Для развлеченія оно дѣлало попытки надъ Русскими словами и старалось вытянуть, выжать изъ нихъ чтò только можно. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ попытокъ. Извѣстно, что подъ логогрифомъ разумѣется загадка, состоящая въ словѣ, котораго разбитыя буквы, сложенныя вмѣстѣ, образуютъ другія, новыя слова.

I.

Немного буквъ во мнѣ: всего четыре.
Есть пятая, но здѣсь прихвостница она
И къ дѣлу вовсе ненужна.
А шумомъ я своимъ извѣстенъ въ Божьемъ мірѣ,
И крѣпко спящаго могу врасплохъ со сна
И разбудить, и напугать тревожно.
Во мнѣ еще таится то, что сплошь,
Коли хватить его неосторожно,
До положенья ризъ мертвецкимъ сномъ заснешь.
Крылова вспомнитъ-ли мой стихъ неугомонный?
На басню прекрасную тебѣ я укажу.
Изволь разгадывать, читатель благосклонный!
А я ужъ отъ себя ни слова не скажу.
(Громъ: буква ъ, ромъ, М о р ъ Звѣрей, басня Крылова).

II.

Взять цѣликомъ меня, я пишущая тварь,
Надъ ней комедія не разъ смѣялась встарь;
Но если на клочки меня вы разберете,
Вы многое еще легко во мнѣ найдете.
Хотите-ль утолить вы жажду въ лѣтній зной?
Предъ вами протеку прохладною струей;
Но безъ меня ни пить, ни ѣсть, ни врать не можно.
Исходитъ изъ меня, чтò правда и чтò ложно.
Я дую холодомъ, но дую и тепломъ;
Съ улыбкой, а равно съ зѣвотой я знакомъ;
Цѣлую, но подъ часъ зубастый я кусака,
Не хуже, чѣмъ твоя задорная собака.
А часто, срамъ сказать, беззубый я слюнявй;
То отъ меня несетъ—чинъ чина почитай—
Шампанскимъ дорогимъ, *то пошлою* сивухой.
А какъ ужъ тошно мнѣ, какъ захлебнуся мухой!
Гдѣ нѣтъ меня, тамъ нѣтъ и солнца: тьма одна,
И ночи никогда не серебритъ луна.
Безъ помощи моей, возмете ль книгу въ руки,
Не разберете вы, чтò азъ, ѳита иль буки.
Когда кого нибудь посадятъ на меня,
Тотъ корчится, свое сѣдалище казня;
Но все же, какъ ни рвись, а съ мѣста онъ не встанетъ.
Мной узнаете вы, чтò хлѣбъ иль сахаръ тянетъ.
Я баснословное растенье, чудный плодъ;
Когда поѣшь меня, то память отшибетъ.
А кто жъ, хоть иногда, не радъ и позабыться?
Библейскому лицу не кстати здѣсь явиться,
И только мы его помянемъ стороной.
Я штучнымъ быть могу; а женскій тезка мой
Такія хитрыя выкидываетъ штуки,
Что соблазнитъ тебя и прибираетъ въ руки.
Когда зима сойдетъ и скажешь ей: прощай!
Меня заботливо развертываетъ Май,
Но пасмурный Ноябрь придетъ и обрываетъ.
Здѣсь пошлый враль меня безсовѣстно мараетъ;
Тамъ мною дорожатъ позднѣйшіе вѣка,

Какъ только генія на мнѣ видна рука.
И наконецъ въ моемъ отыщется составѣ
Вамъ имя близкое по всенародной славѣ:
Вы слушали его, иль слышали о немъ,
И вотъ рисуется подъ новымъ образцемъ
Орфей, что не одну въ Европѣ Евридику
Мелодіей своей сбилъ просто съ панталыку.

(Протоколистъ: протокъ, ротъ, око, колъ, лотъ-вѣсъ, лотъ-растеніе (lotus), Лотъ житель Содома, полъ, комнатная настилка, женскій полъ, листъ древесный, листъ бумаги, Листъ-музыкантъ).

*

Кто-то говорилъ, что скупость есть послѣдняя страсть въ человѣкѣ, которая всѣ другія переживаетъ, когда она въ немъ была зарождена. Оно и понятно. Другія страсти съ годами отъ насъ отказываются, или мы, волею или неволею, отъ нихъ отказываемся. Скупость есть страсть такого свойства, что и юноша, и старикъ, бѣдный и богатый, женщина или мужчина, могутъ безконечно предаваться ей, развивать ее, лелѣять, раздувать до изступленія, часто до звѣрства. Но и скупость имѣетъ свои исключенія и такъ сказать причуды. Есть тому примѣры. Живо памятная Петербургскому обществу своимъ избраннымъ салономъ, своею любовью къ искусствамъ, къ литтературѣ, даже къ Русской, N. N. слыла вообще очень скупою. Пожалуй и такъ. Но намъ, напримѣръ, положительно извѣстно, что, по ходатайству Жуковскаго за несчастнаго чиновника, который растратилъ десять тысячъ рублей изъ казенныхъ денегъ, она тутъ-же выдала ломбардный билетъ въ означенную сумму. Можно сказать, что, при расположеніи къ скупости, подобныя благотворительныя дѣянія возвышаются двойною цѣною и достигаютъ почти героическихъ размѣровъ. А вотъ еще трогательное свидѣтельство смягчившейся и умилившейся скупости.

Княгиня Татьяна Васильевна Юсупова также далеко не слыла расточительницей. Вотъ черта ея, переданная мнѣ невѣсткою ея, Татьяною Борисовною Потемкиною. По извѣстному скопидомству своему, княгиня очень рѣдко возобновляла свои туалетные запасы. Она долго носила одно и тоже платье, почти до совершеннаго износа. Однажды, уже подъ старость, пришла ей въ голову слѣдующая мысль: „да, если мнѣ держаться такого порядка, то женской прислугѣ моей немного пожитковъ останется по смерти моей“. И съ самаго этого часа произошелъ неожиданный и крутой переворотъ въ ея туалетныхъ привычкахъ. Она часто заказывала и надѣвала новыя платья, изъ матерій на выборъ и дорогихъ. Всѣ домашніе и знакомые ея дивились этой перемѣнѣ, поздравляли ее съ щегольствомъ ея и съ тѣмъ, что она какъ будто помолодѣла. — „Вы, которыя знаете загадку этой перемѣны, говаривала она невѣсткѣ своей, вы поймете, на какую мысль наводятъ меня эти поздравленія“. И въ самомъ дѣлѣ, она такъ сказать, наряжалась къ смерти и хотѣла въ пользу прислуги своей пополнить и обогатить свое духовное завѣщаніе.—Однажды m-elle Noiseville (Нуазевиль) воспитательница княженъ Голицыныхъ, къ которымъ принадлежала

и Татьяна Борисовна Потемкина, говоритъ княгинѣ Юсуповой о затрудненіи своемъ пріискать нѣсколько тысячъ рублей, необходимыхъ для пріятеля ея Vaudreuil (Водрёль, вѣроятно бывшій Французскій эмигрантъ), который пропадетъ, если не добудетъ этихъ денегъ. Вскорѣ потомъ г-нъ Водрёль получаетъ, неизвѣстно откуда, неизвѣстно отъ кого, спасительное для него пособіе. Позднѣе узнали, что деньги высланы были княгиней Юсуповой.

Все это было разсказано мнѣ въ Гостилицахъ, помѣстіи, подаренномъ императрицею Елисаветою гр. Разумовскому. Въ послѣдствіи было оно куплено за 900,000 рублей Потемкинымъ, но не Таврическимъ. При послѣднемъ гр. Разумовскомъ, кажется Петрѣ Кирилловичѣ, крестьяне, выведенные изъ терпѣнія худымъ и притѣснительнымъ управленіемъ прикащика, вышли изъ повиновенія и, какъ говорится, взбунтовались. По этому дѣлу шестьдесятъ изъ нихъ сосланы были въ Сибирь. По переходѣ имѣнія къ Потемкинымъ, Татьяна Борисовна много ходатайствовала и хлопотала о возвращеніи ихъ на родину. Со стороны министерства были къ тому препятствія. Но, по личной просьбѣ помѣщицы, императоръ Николай приказалъ водворить ссыльныхъ на прежнее мѣсто жительства. Это переселеніе не обошлось, кажется, безъ нѣкоторыхъ драматическихъ столкновеній. Долговременное отсутствіе мужей и непредвидимое появленіе ихъ къ домашнему очагу разстроиваетъ иногда семейную обстановку женъ, покорившихся условіямъ невольнаго вдовства своего. По словамъ Татьяны Борисовны, особенно одна изъ крестьянокъ, которая не послѣдовала за мужемъ своимъ въ Сибирь и голосистѣе другихъ оплакивала свое разставаніе съ нимъ, нынѣ вовсе не рада возвращенію его. Брачная эта реставрація ежедневно празднуется домашними ссорами и драками. Впрочемъ бывшіе ссыльные ведутъ себя исправно и тихо. При новой помѣщицѣ, еще при императорѣ Александрѣ, заведена была въ Гостилицахъ Ланкастерская школа. Смотрителемъ надъ нею былъ назначенъ крѣпостной человѣкъ, также вышедшій изъ острога, куда посаженъ онъ былъ — вѣроятно во времена Фотія и Шишкова — по обвиненію въ какомъ-то евангельскомъ сообществѣ. Чего не бываетъ на Руси? Потемкина добилась освобожденія этого человѣка изъ тюрьмы, выкупила его у прежняго помѣщика и либерально произвела бывшаго арестанта въ учителя и надзирателя Ланкастерской школы.

Во время посѣщенія императоромъ Николаемъ помѣстья Гостилицъ, Т. Б. Потемкина спросила Государя, не смотритъ ли онъ неодобрительно на существованіе въ селѣ ея Ланкастерской школы. Извѣстно, что въ послѣдніе годы прежняго царствованія эти школы подвергались строгимъ правительственнымъ мѣрамъ.—„Нисколько, отвѣчалъ императоръ Николай, и мнѣ жаль, что вы можете быть обо мнѣ такого худаго мнѣнія“.

Въ Гостилицахъ былъ священникъ, котораго Потемкина очень уважала. Выпросивъ у Государя позволеніе представить пастыря его величеству, на что изъявлено было согласіе, она предувѣдомила

о томъ священника. Онъ съ радости, или со страха чрезъ чуръ подкуражилъ себя и предсталъ предъ царскія очи не совсѣмъ на тощакъ. Князь А. Н. Голицынъ, который былъ свидѣтелемъ этой сцены, очень забавлялся ею и долго трунилъ надъ пріятельницею своею Потемкиною за неудачное представленіе ея.

Потемкина была вообще, очень можетъ быть, слишкомъ доступна ко всѣмъ искательствамъ и просьбамъ меньшей братіи, да и середней, особенно духовнаго званія. Она никому не отказывала въ посредничествѣ и ходатайствѣ своемъ; неутомимо, безъ оглядки и смѣло, обращалась она ко всѣмъ предержащимъ властямъ и щедро передавала имъ памятныя и докладныя записки. Нѣсколько подобныхъ записокъ вручила она и покойному митрополиту ***. Однажды была она у него въ гостяхъ; въ разговорѣ между прочимъ сказалъ онъ ей: „А, вы, матушка Татьяна Борисовна, не извольте безпокоиться о просьбахъ, что̀ вы мнѣ дали: онѣ всѣ порѣшены". — Не знаю, какъ и благодарить ваше высокопреосвященство за милостивое вниманіе ваше. — „Благодарить нечего, продолжалъ онъ: всѣмъ отказано".

*

Когда журналистъ *** оскорбилъ въ журналѣ своемъ старика кн. Ю....., кто-то сказалъ: „Того и смотри, что онъ велитъ прислугѣ своей расправиться съ нимъ; это будетъ совершенно поевропейски и поазіатски". За Европейскими примѣрами дѣло не станетъ: молодой Вольтеръ былъ-же, въ подобномъ случаѣ, побитъ лакеями Шевалье-де-Рогана и посаженъ еще въ Бастилью за полученные побои.

*

Повиновеніе не внушается разомъ: не нужно пояснять, что мы говоримъ о законномъ повиновеніи предъ закономъ. Нужно заблаговременно, постепенно и постоянно, возращать и развивать его въ понятіяхъ, нравахъ и привычкахъ народа. Это своего рода нравственное образованіе. Вотъ отъ чего внутреннее устройство Англіи такъ сильно и благонадежно. Стотысячныя прогулки народа по Лондонскимъ улицамъ, съ развѣвающимися хоругвями протеста въ рукахъ противъ того или другаго политическаго положенія или съ требованіемъ такого или другаго измѣненія въ существующемъ порядкѣ, совершаются почти мирно и не угрожаютъ обществу волненіемъ и бѣдствіемъ, перейдя границы дозволеннаго: стоитъ только констабелямъ выставить на видъ свои жезлики, и протестующее возмущеніе расходится, и городъ приходитъ въ свой прежній и обыкновенный порядокъ. Не всѣ города и не всѣ народонаселенія способны выдерживать подобные болѣзненные припадки и пароксизмы. Тутъ надобно имѣть крѣпкую конституцію не только на бумагѣ, но и личную, внутренно-нравственную конституцію, что̀ гораздо благонадежнѣе и вѣрнѣе. Въ Парижѣ, напримѣръ, подобная уличная прогулка, вдвое, втрое малочисленнѣе, не разъ бурнымъ потокомъ своимъ увлекала, ниспровергала цѣлыя династіи и затопляла общество и весь государственный строй.

Мнѣ часто приходило на умъ написать свою Россіяду, не героическую, не въ подрывъ Херасковской, „не попранную власть Татаръ и гордость низложенну", Боже упаси, а Россіяду домашнюю, обиходную, сборникъ, энциклопедическій словарь всѣхъ возможныхъ руссицизмовъ, не только словесныхъ, но и умственныхъ и нравныхъ,то есть относящихся къ нравамъ; однимъ словомъ, собрать, по возможности, все что̀ удобно производитъ исключительно-русская почва, какъ была она подготовлена и разработана временемъ, исторіею, обычаями, повѣрьями и нравами исключительно-русскими.

Въ этотъ сборникъ вошли бы всѣ поговорки, пословицы, туземныя черты, анекдоты, изрѣченія, опять таки исключительно-русскіе, не поддѣльные, не заимствованные, не благо или зло-пріобрѣтенные, а родовые, почвенные и невозможные ни на какой другой почвѣ, кромѣ нашей. Тутъ такъ бы Русью и пахло, хотя до угара и до ошиба, хотя до выноса всѣхъ святыхъ! Много нашлось бы матеріаловъ для подобной кормчей книги, для подобнаго зеркала, въ которомъ отразились бы Русскій складъ, Русская жизнь до хряща, до подноготной. А у насъ нѣтъ пока порядочнаго словаря и Русскихъ анекдотовъ.

Вотъ напримѣръ нѣсколько пробныхъ наметокъ, которыя вошли бы въ составъ нашей Россіады. Пословицы: „Хоть не радъ да будь готовъ".—„Безъ вины виноватъ. — „Все Божіе да государево".—„Казенное на водѣ не тонетъ и въ огнѣ не горитъ". Въ этихъ пословицахъ, въ этихъ завѣтахъ народной мудрости, мало либеральности, мало гуманности, еще менѣе пресловутаго self-governement. Но дѣло въ томъ, что старая Русь не заботилась о томъ и въ томъ не нуждалась. Подъ вліяніемъ силы вещей и какого-то внутренняго голоса, она чувствовала потаенную потребность сложиться, окрѣпнуть: безропотно, безъ отвлеченныхъ умствованій, она поддавалась опекѣ власти, и можетъ быть и даже вѣроятно, благодаря этой опекѣ, разрослась она и возмужала. Всему есть свое время.—А „недосолъ на столѣ, пересолъ на спинѣ!" Въ этой поваренной поговоркѣ слышна и гастрономическая истина, и чисто-практическая истина, выражающая Русское крѣпостное состояніе. Je ne sais si le cuisinier est bon, mais je sais qu'il est mon *), говорилъ одинъ провинціальный хлѣбосолъ и душевладѣлецъ на своемъ Нижегородскомъ-Французскомъ языкѣ. У насъ есть старинная поговорка: „щей горшокъ да самъ большой." Осмѣливаемся думать, что это нѣсколько искаженная редакція. Не правильнѣе и не скорѣе-ли: щей горшокъ да самый большой?

Далѣе. Вскорѣ послѣ бѣдственнаго пожара въ балаганѣ на Адмиралтейской площади въ 1838 году, кто-то сказалъ: „Слышно, что при этомъ несчастіи довольно много народа сгорѣло".

— Чего много народа, вмѣшался въ разговоръ департаментскій чиновникъ, даже сгорѣлъ чиновникъ шестаго класса.—Сюда просит-

*) Я не знаю, хорошъ ли поваръ; но знаю, что онъ мой.

ся иностранная шутка, но выросшая на Русской почвѣ. Лордъ Ярмутъ былъ въ Петербургѣ въ началѣ двадцатыхъ годовъ; говоря о пріятностяхъ Петербургскаго пребыванія своего, замѣчалъ онъ, что часто бывалъ у любезной дамы шестаго класса, которая жила въ шеснадцатой линіи.

А вотъ кстати и характеристическая Англійская черта. Извѣстно, какъ Англичане дóма съ чопорною строгостью соблюдаютъ свѣтскій этикетъ и по туалетной части. На твердой землѣ они любятъ эмансипировать себя. Умный и образованный лордъ Ярмутъ, въ Москвѣ, на большой балъ къ Екатеринѣ Владиміровнѣ Апраксиной явился въ цвѣтномъ галстукѣ.

*

Въ Варшаву прибылъ звѣринецъ съ разными дикими и заморскими звѣрями. Большое раскрашенное полотно съ изображеніемъ животныхъ красовалось на стѣнѣ балагана. Народъ, ротозѣи, толпились предъ нимъ. Счастливые, имѣвшіе злотый въ карманѣ, получали билетъ и входили въ балаганъ. Неимущіе ротозѣи посматривали на нихъ съ завистью. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Русскій солдатъ. Онъ съ отмѣннымъ любопытствомъ разсматривалъ живописную вывѣску и въ тоже время грустно косился на конторку, въ которой продавались билеты и на дверь, въ которую пропускались покупатели. Въ немъ разыгрывалась цѣлая внутренняя драма. Наконецъ смѣлымъ движеніемъ бросился онъ къ сидѣльцу при кассѣ и повелительнымъ голосомъ спросилъ его: что это казенные звѣри, что-ли? На лицѣ его такъ и выражалось сознаніе, что если получитъ онъ въ отвѣтъ: казенные, то и онъ, какъ человѣкъ казенный, имѣетъ полное право, во имя Всероссійскаго оружія, побѣдоносно ворваться въ желанный звѣринецъ. Въ выраженіи этого лица былъ полный натурный этюдъ для живописца, физіолога, психолога, а особенно руссолога.

Здѣсь же въ Варшавѣ, не помнится по какому именно случаю, сдѣлано было распоряженіе В. К. Константиномъ Павловичемъ, чтобы въ такой-то день на службу въ дворцовую Русскую церковь были допускаемы одни Русскіе и православные, за рѣшительнымъ исключеніемъ должностныхъ и чиновныхъ Поляковъ, которые обыкновенно бывали по праздникамъ при богослуженіи. Наблюденіе за этимъ порядкомъ было поручено генералу В. Онъ сталъ въ дверяхъ и для безошибочнаго исполненія возложенной на него обязанности началъ слѣдующимъ образомъ допрашивать каждое сомнительное лице: Позвольте мнѣ спросить васъ: вы не Русскій?—Нѣтъ. — Вы не православнаго исповѣданія?—Нѣтъ.—Стало быть вы Полякъ?—Да. — Стало быть вы католикъ?— Да.—Ну, такъ пошелъ же вонъ!

Въ отсутствіе князя Паскевича изъ Варшавы, умеръ въ ней какой-то генералъ, и князь былъ недоволенъ распоряженіями, сдѣланными при погребеніи. Онъ сдѣлалъ за то выговоръ Варшавскому генералъ-губернатору, который временно замѣщалъ его. Не желая подвергнуть себя новой непріятности, осторожный и предусмотрительный генералъ-губернаторъ пишетъ однажды князю Паскевичу, также тогда отсутствующему: „Долгомъ считаю испросить разрѣше-

нія вашей свѣтлости, какъ, на случай смерти Жабоклицкаго (одного изъ чиновъ Польскаго двора) прикажете вы хоронить его". Жабоклицкій въ то время вовсе не былъ боленъ, а только старъ и замѣчательно-худощавъ.

*

Италіянецъ Тончи, живописецъ, особенно извѣстный портретомъ Державина, былъ еще замѣчательный поэтъ и философъ. Философическое ученіе его заключалось въ томъ, что все въ жизни и въ мірѣ призрачно, что ничего нѣтъ положительнаго и существенно-дѣйствительнаго. По системѣ его, человѣкъ не что иное какъ тѣнь, какъ призракъ, которому все что-то грезится и мерещится; однимъ словомъ, онъ преподавалъ, что все чтó есть не чтò иное какъ ничего. Съ Итальянскою живостью своею, поэтическимъ настроеніемъ и особеннымъ даромъ слова, излагалъ и развивалъ онъ свое ученіе довольно увлекательно, и во всякомъ случаѣ занимательно. Были у него и адепты, между прочими, помнится, генералъ Саблуковъ, а положительно и Алексѣй Михайловичъ Пушкинъ. Онъ говаривалъ на своемъ смѣломъ языкѣ, что система его сближаетъ человѣка съ Создателемъ съ глазу на глазъ (nez à nez avec Dieu).

Разумѣется, эта мнимая жизнь, мнимая радость, мнимое страданіе, все это вѣчно кажущееся относительно всего и всѣхъ давало поводъ къ различнымъ шуткамъ со стороны невѣровавшихъ. Объ этомъ и шла рѣчь въ одномъ Петербургскомъ салонѣ. Кто-то изъ дипломатовъ замѣтилъ, что хорошо бы, если во время преподаванія системы своей философомъ, кто нибудь порядкомъ ущипнулъ бы его, или впустилъ иголку въ икры ему.—Да, подхватилъ тутъ одинъ изъ собесѣдниковъ (довольно крупная личность изъ Русскаго чиноначалія) любопытно было-бы провѣрить, чтó скажетъ Тончи, если влѣпить ему пять сотъ палокъ.

Вотъ дѣло такъ дѣло! Это чисто порусски: аргументъ прямо ad hominem. Мелкопомѣстный, мелкотравчатый дипломатъ думаетъ, что достаточно пощипать и уколоть допросимое лице. Нашему брату это кажется смѣшно и даже малодушно. Большому кораблю большое и плаванье. Богатырю, Ильѣ Муромцу дай въ руку палицу, или по крайней мѣрѣ дубинку батюшки Петра Алексѣевича, а не булавку. Булавкой не зачѣмъ и руку себѣ марать.

Вотъ пока что пришло мнѣ на память изъ матеріаловъ, которыми хотѣлъ я соорудить свою Россіяду. Это только закладка зданія. Можетъ быть, со временемъ выведу еще кое-что. Во всякомъ случаѣ предоставляю усерднымъ зодчимъ и этнографамъ докончить начатое мною; за собою оставляю одну честь почина. А, мимоходомъ будь сказано, немало починовъ моихъ даромъ пропало, то есть въ отношеніи ко мнѣ. Кое-какія издѣлія и товары мои пошли въ потребленіе и въ расходъ подъ чужими фирмами. Богъ дастъ, когда нибудь соберусь съ духомъ и силами и выведу на чистую воду расчеты мои и укажу на должниковъ своихъ, которые даже не признаютъ меня заимодавцемъ своимъ, хотя поживились моими грошами.

Мы упомянули о портретѣ Державина, писанномъ Тончи. Извѣстно, что поэтъ изображенъ въ зимней картинѣ: онъ въ шубѣ, и мѣховая шапка на головѣ. На вопросъ Державина Дмитріеву, что̀ онъ думаетъ объ этой картинѣ, тотъ отвѣчалъ ему: „Думаю, что вы въ дорогѣ, зимою, и ожидаете у станціи, когда запрягутъ лошадей въ вашу кибитку".

*

Поэтъ Милоновъ подражалъ Горацію и, за неимѣніемъ Фалернскаго вина его, переводилъ и Римское вино на Русскіе нравы или Русскій хмѣль. Бросить ли въ него камень за эту слабость? Кто же молодъ не бывалъ? Къ тому же, въ его время не заводили еще обществъ трезвости, да и едва-ли такія общества завербуютъ много поэтовъ: поэты боятся провиниться водяными стихами, а потому любятъ вспрыскивать ихъ виномъ. Право и по совѣсти, не въ укоръ будь сказано, а мы можемъ насчитывать у себя нѣсколько поэтовъ, которые писали подъ двойнымъ упоеніемъ Аполлона и Вакха.

Милоновъ имѣлъ блестящее начало въ жизни своей. Онъ вышелъ однимъ изъ отличныхъ воспитанниковъ благороднаго Московскаго пансіона, состоящаго при университетѣ. Этотъ пансіонъ былъ долго разсадникомъ многихъ дарованій, по разнымъ отраслямъ общественнаго преуспѣянія. Жаль, что у насъ нерѣдко уничтожаются хорошія и полезныя заведенія, въ надеждѣ замѣнить ихъ лучшими. Но такія надежды не всегда сбываются. Милоновъ рано обратилъ общее вниманіе на свои поэтическіе опыты. Ко сожалѣнію, въ послѣдствіи времени, эти удачные опыты недостаточно разростались и созрѣвали. Что̀ виною тому: свойство-ли таланта его, или обстоятельства? Рѣшить трудно. Фактура стиха его была всегда правильна и художетвенна, языкъ всегда изящный. Но, кажется, въ Милоновѣ было мало поэтическаго увлеченія, мало de diable au corps, какъ говорилъ Вольтеръ; не доставало и творчества. Но стихотворецъ былъ онъ замѣчательный, особенно въ сатирическомъ родѣ. Въ одной изъ сатиръ своихъ задѣлъ онъ зло миролюбиваго и простодушнаго Василія Львовича Пушкина. Ошеломленный неожиданнымъ нападеніемъ и чувствительно уязвленный, онъ долго не могъ опомниться, сѣтовалъ на человѣческую неблагодарность и жалобно говорилъ: „Да что же я ему сдѣлалъ худаго? Не позже какъ на той недѣлѣ Милоновъ вечеромъ пилъ у меня чай. Никакъ не могъ я подозрѣвать въ немъ такого коварства".

Не знаемъ за что, но Милоновъ не любилъ и Козодавлева, министра внутреннихъ дѣлъ и задѣвалъ его въ переводахъ своихъ изъ классическихъ поэтовъ, въ лицѣ Рубеллія.

Дашковъ, бывшій нѣкогда сослуживцемъ его въ министерствѣ Дмитріева, не любилъ Милонова. Житія строгаго и характера нѣсколько непреклоннаго, Дашковъ не могъ мирволить съ обычаями, частью распущенными, бывшаго сослуживца своего. Онъ даже сердился на пріятелей своихъ, которые менѣе взыскательно оставались съ нимъ въ прежнихъ отношеніяхъ. Есть ненапечатанное по-

сланіе Воейкова къ Дашкову; тутъ находятся сильные стихи противъ Милонова, едвали не самые укорительные и безпощадные изъ всѣхъ, вылившихся послѣ изъ пера автора Дома Сумасшедшихъ.

Въ какой-то торжественный день Петербургъ былъ вечеромъ освѣщенъ праздничными огнями. Проходя мимо памятника Петра Великаго, остававшагося во тмѣ, Милоновъ воскликнулъ:

Нѣтъ благодарности въ Россіянахъ ни крошки:
Петръ стòитъ алтарей, а нѣтъ предъ нимъ и плошки.

Дмитріевъ, какъ извѣстно, не только отличалъ, ободрялъ молодыя дарованія, но когда могъ старался и давать имъ ходъ. Въ теченіи министерства своего, онъ многихъ изъ нихъ призрѣлъ и зачислилъ по вѣдомству своему. Онъ говаривалъ, что во всякомъ случаѣ они грамотнѣй другихъ и могутъ правильнѣе написать дѣловую бумагу. Литтераторъ такъ уживался въ немъ съ министромъ, что онъ назначилъ Кокошкина на должность губернскаго прокурора въ Москву, преимущественно потому, что переводчикъ Мизантропа, передавшій вѣрно и хорошо характеръ Альцеста, долженъ быть и самъ человѣкъ добросовѣстный и правдивый. Подобное соображеніе, подобный взглядъ, не общепринятые въ министерскихъ нравахъ и обычаяхъ, достойны, чтò ни говори, почетнаго упоминанія; но дружба дружбою, а служба службою. Нерѣдко и министръ одолѣвалъ литтератора. Послѣдній былъ всегда внимателенъ и доброжелателенъ. Первый часто строгъ, взыскателенъ и сухъ. Милоновъ былъ однажды дежурнымъ при немъ, и слѣд. долженъ былъ, какъ часовой, пробыть на мѣстѣ свои срочные часы. Въ этотъ день Дмитріевъ отправился гулять пѣшкомъ по городу. Гдѣ-то на перекресткѣ встрѣчаетъ онъ Милонова. Весь служебный педантизмъ его пораженъ былъ такимъ уклоненіемъ отъ чиновническаго порядка. Онъ приказываетъ ему слѣдовать за нимъ. Милоновъ пошелъ рядомъ. „Я сказалъ вамъ, говоритъ Дмитріевъ, идти за мною, а не со мною“.

Въ первыхъ годахъ своей стихотворческой дѣятельности, Милоновъ перевелъ очень удачно одну изъ одъ Горація. За этотъ переводъ былъ онъ привѣтствованъ слѣдующими стихами (Это листокъ изъ современной литтературной эпохи, помнится, 1811 года).

Тогда, какъ уши намъ терзаютъ
Несносны крики совъ, гагаръ,
И Музы въ наши дни страдаютъ,
Какъ предки наши отъ Татаръ;
Когда Хвостовъ, Анастасевичъ,
Захаровъ, Шаховской, Станевичъ,
И вся Батыева орда
Выходитъ на Парнассъ войною,—
Ты, въ эти темные года,
Другъ вдохновенья и труда,
Съ своею лирой золотою
И юной Музою вдвоемъ,
Невѣждъ рой дикій оставляешь
И славу по пути встрѣчаешь,
Съ которой мало кто знакомъ.
Будь вѣренъ службѣ Музъ и Грацій,
Будь ихъ возлюбленнымъ жрецомъ,
И пусть наставникъ твой Горацій
Съ тобой подѣлится вѣнкомъ.

*

Добрый адмиралъ Рикордъ, завидя однажды на Невскомъ проспектѣ N. N., началъ издалека кричать ему: „Спасибо, большое спасибо за славную статью вашу, которую сейчасъ прочелъ я въ журналѣ: нечего сказать, мастерски написана! Но признаться надо, славная статья и этой бестіи“..... Есть же люди, которые страннымъ образомъ умѣютъ приправлять похвалы свои.

Вотъ еще примѣръ подобнаго нелицепріятія и вмѣстѣ съ тѣмъ образчикъ нашихъ литтературныхъ нравовъ. Одинъ извѣстный литтературный дѣятель и дѣлецъ говорилъ Ив. Ив. Дмитріеву о своемъ пріятелѣ и сотрудникѣ: „Вы, ваше высокопревосходительство, не судите о немъ по нѣкоторымъ выходкамъ его; онъ, спора нѣтъ, часто негодяй и подлецъ, но онъ добрѣйшая душа. Конечно никому не посовѣтую класть палецъ въ ротъ ему, непремѣнно укуситъ; не дорого возметъ онъ, чтобы при случаѣ предать и продать тебя: такая ужъ у него и натура. Но совсѣмъ тѣмъ онъ прекрасный человѣкъ, и нельзя не любить его“. Въ продолженіи вечера, онъ не разъ принимался такимъ образомъ обрисовывать и честить пріятеля своего.

Тотъ-же о томъ-же сказалъ: „Утверждать, что онъ служитъ въ тайной полиціи сущая клевета! Никогда этого не было. Правда, что онъ просился въ нее, но ему было въ томъ отказано“.

*

Старикъ Сумароковъ сказалъ: „Въ прекрасной быть должна прекрасная душа“. Этотъ хорошій стихъ относится къ Елис. Васил. Херасковой, супругѣ извѣстнаго поэта. А вотъ и остроумный стихъ его, изъ эпиграммы на Клавику, которая и въ старости все еще хотѣла слыть красавицею: „И Новъ-городъ ужъ старъ, а Новъ-городъ слыветъ“. При подражаніи пріемамъ западной, такъ называемой классической литтературы, личная своеобразность Сумарокова часто пробивается. Въ немъ бьетъ Русская струя. Въ этомъ отношеніи онъ если не выше, то живѣе Ломоносова. Въ стихахъ не рѣдко, въ прозѣ почти всегда онъ оригиналенъ; часто онъ не пишетъ, не сочиняетъ, а говоритъ. Оригинальность, свое произношеніе, свой выговоръ, свой запѣвъ (intonation)—свойства у насъ рѣдкія: ими должно дорожить. Необходимо реставрировать Сумарокова, выбрать изъ него два, три тома прозы и стиховъ, преимущественно прозы. Но это дѣло не книгопродавческой спекуляціи, а дѣло Русской Академіи, или Московскаго общества любителей словесности.

Вотъ четверостишіе, хотя позднѣйшаго производства, но напоминающее эпиграмму Сумарокова, о которой выше упомянуто:

Она—прекрасная минувшихъ дней медаль.
Довольно-бъ, кажется, съ нея и славы этой;
Но ей на старости проказъ сердечныхъ жаль,
И хочется быть вновь ходячею монетой.

*

Въ чернилахъ есть хмель, зарождающій запой. Сколько людей, если бы не вкусили этого зелья, оставались бы на всю жизнь порядочными личностями! Но отъ перваго глотка зашумѣло у нихъ въ головѣ, и пошло писать! И пьяному чернилами море по колѣно. А на дѣлѣ выходитъ, что и малая толика здраваго смысла, данная человѣку, захлебывается и утопаетъ въ чернильницѣ.

*

Одно изъ удачнѣйшихъ словъ Талейрана, который мастеръ былъ этого дѣла, есть слѣдующее. Когда Наполеонъ произвелъ статсъ-секретаря своего Маре (Maret) въ герцога Бассанскаго (duc de Bassano): „Теперь есть во Франціи человѣкъ, который глупѣе Маре; а именно герцогъ Бассанскій". Тоже можно сказать о нѣкоторыхъ нашихъ литтературныхъ псевдонимахъ. На лицѣ они глупы, подъ загадкою еще глупѣе. И охота многимъ изъ нихъ прятаться подъ маскою! И въ полнолуніи лица своего, и въ полномъ азбучномъ облаченіи имени своего, они все-таки остаются неизвѣстными, благородными инкогнито. Они родились спрятанными.

(*Продолженіе будетъ*)

ПОПРАВКА И ЗАМѢТКА КЪ ДУХОВНОМУ ЗАВѢЩАНІЮ ГРАФА Б. П. ШЕРЕМЕТЕВА.

Выше, на стр. 86—90-й Русскаго Архива помѣщено Духовное завѣщаніе графа Б. П. Шереметева, и нами замѣчено, что подлинникъ хранится въ Москвѣ въ Архивѣ Министерства Юстиціи. Это замѣчаніе не вѣрно: въ Архивѣ Министерства Юстиціи хранится списокъ съ завѣщанія; самый же подлинникъ находится у графа С. Д. Шереметева. По сличеніи съ печатнымъ нашлась небольшая отмѣна: на стр. 89-й вмѣсто: „Женѣ его Өедоровой, а моей невѣсткѣ, Пелагеѣ Борисовнѣ", въ подлинникѣ написано: „Женѣ его Васильевой".

Завѣщаніе это, кромѣ содержанія своего, любопытно еще тѣмъ, что имъ опровергаются показаніе извѣстнаго писателя князя И. М. Долгорукаго о томъ, будто сынъ фельдмаршала, графъ Петръ Борисовичъ „отнялъ все у безсильнаго (т. е. у своихъ брата и сестеръ) и сдѣлался могугъ на чужихъ развалинахъ" (Р. Архивъ 1867, стр. 62), а также другое свидѣтельство князя М. М. Щербатова въ его сочиненіи о поврежденіи нравовъ въ Россіи (стр. 22), будто фельдмаршалъ, умирая, въ своей духовной поручалъ дѣтей Петру Великому. *П. Б.*

ОЧЕРКИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ФАМИЛІЙ.
МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВА ВЪ XVII И XVIII В.

СОБИРАЕМЫЕ А. М. ЛАЗАРЕВСКИМЪ *).

3. БЕЗБОРОДКИ.

1. Яковъ, значковый товарищъ, родомъ изъ м. Березани, переяславск. у. † около 1730. Жены: 1-я, Потаповичъ; 2-я, Агаѳья Гулакъ, 1732.
2. Андрей, генеральный писарь, р. 1711†1780. Жена Евдокія Михайловна Забѣла, р. 1716†1803. . . . . . 1.
3. Семенъ—съ 1734 г. сотникъ березанскій, а потомъ—обозный переяславскій. . . . . 1.
4. Анна. Мужъ—Петръ Петровичъ Галецкій, надворн. совѣтникъ. 2.
5. Ульяна, р. 1742†1777. Мужъ — Павелъ Васильевичъ Кочубей, статскій совѣтникъ . . . . 2.
6. Александръ, канцлеръ и свѣтл. князь, р. 1747†1799. . 2.
7. Татьяна. Мужъ—Яковъ Леонтьевичъ Бакуринскій, тайный совѣтникъ. . . . . 2.
8. Илья, графъ, р. 1756†1816. Жена — Анна Ивановна Ширай. . . . . 2.
9. Андрей, р. 1783†1814, командиръ 1-го Полтавск. регул. конно-козачьяго полка . . . . 8.
10. Любовь. Мужъ—адмиралъ графъ Григорій Григорьевичъ Кушелевъ. Сынъ— графъ Александръ Григорьевичъ Кушелевъ-Безбородко. . . . . 8.
11. Клеопатра. Мужъ—князь А. Я. Лобановъ-Ростовскій. 8.

Яковъ Б. былъ небогатый „значковый товарищъ", родомъ изъ м. Березани, жившій еще въ 1728 г. Въ актѣ 1706 г., читаемъ: „Мы, урядъ Яготинскій, за порадою всего товарищества (козаковъ), такъ тежъ и посполитыхъ людей (мѣщанъ и крестьянъ), даемо сей записъ его мил. пану Якову Безбородченкови въ такомъ целю, ижъ напродъ еще купилъ п. Яковъ у Ивана Ѳедорченка, жителя яготинскаго, ставище на Сухой Оржицѣ и другая гребелка нижей ста́вка того на отнозѣ, при которыхъ ставкахъ и хуторъ знайдовался здавна, и до того ставка, который на Сухой Оржицѣ, есть сѣножати обома сторонами, зо всѣми заходами и съ полемъ до шляху пирятинского..." и проч. Всѣ эти земли, за которыя сотникъ яготинскій спорилъ съ Б-комъ, урядъ яготинскій утвердилъ за послѣднимъ.—Затѣмъ, имѣемъ три универсала, изъ которыхъ видно все количество земель-

*) См. выше, стр. 91.

наго имущества Якова Б. По первому изъ нихъ, въ 1717 г. Скоропадскій утвердилъ за Б-комъ „хуторъ на Сухой Оржицѣ зъ ставкомъ и по обѣихъ сторонахъ сѣножати до пирятинскаго шляху; въ Свѣтильномъ—лѣсъ при р. Трубежѣ; въ Кулажинцахъ—гай; въ Козловѣ—хуторъ зъ полемъ робочимъ и гаями; въ с. Войтовомъ—дворъ, ставъ зъ греблею, млинокъ-вешнякъ зъ сѣножатми, хуторами, полями и гаями; въ Березанѣ—дворовъ два, поля пахатніе и гаи; въ Пристромахъ—гаи при р. Трубежѣ; въ Лѣсникахъ—лѣсъ надъ Супоемъ." Другимъ универсаломъ, 1721 г., Скоропадскій утвердилъ „пану Якову Безбородку, полку переяславского обывателю березанскому," въ спокойное владѣніе купленый хуторъ—Тыкаловскій. Всѣ перечисленныя маетности Апостолъ универсаломъ 1728 г. утвердилъ за Яковомъ Б-комъ, называя его въ это время уже значковымъ полку переяславскаго товарищемъ.

При выдачѣ послѣдняго универсала, старшій сынъ Якова—Андрей уже служилъ въ генеральной канцеляріи канцеляристомъ и скоро, по своимъ способностямъ, былъ замѣченъ Апостоломъ, который „извѣдавши Б-ка добропорядочно и по чистой совѣсти поступающа, къ должности старшаго канцеляриста, въ 1733 г. въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, опредѣлилъ словесно" [1]). При Барятинскомъ (1736—37) Б-ко дѣлается уже близкимъ къ этому „правителю", чиновникомъ. Изъ Переволочной, въ Сентябрѣ 1737 г., Б. пишетъ полтавскому полк. писарю Руновскому: „Его сіятельство (кн. Барятинскій) изволилъ приказать мнѣ писать къ вм. пану партикулярно, дабы проискать доброго пива куфъ зо двѣ и прислать какъ скорѣе возможно; а понеже я надѣюсь, что нигдѣ индѣ какъ въ Нов. Санджарахъ легко доброго пива сискать возможно, того ради совѣтую вм. пану въ томъ своего особливого приложить староня, дабы доброго и тонкого пива куховъ зо двѣ было въ самой скорости въ дворъ его сіят. прислано". Румянцовъ, замѣнившій Барятинскаго, еще болѣе приблизилъ къ себѣ Б-ка и, за смертью ген. писаря Турковскаго, въ 1739 г. поручилъ ему править эту важную въ то время должность. При Кейтѣ, въ 1741 г., Б-ко былъ утвержденъ генеральнымъ писаремъ [2]).

За это время Б. успѣлъ уже получить „въ вѣчное владѣніе", три села и породниться съ мѣстною знатью. Въ прошеніи 1740 г., Андрей Б. писалъ: „По силѣ указа 1736 г., за службы мои опредѣлены мнѣ въ вѣчное владѣніе маетности: село Стольное да въ Гелмязовской сотнѣ села Плешканы и Богданы, кои универсалами—однимъ умершаго кн. Барятинскаго Декабря 1736 г., а другимъ генер. Румянцева, въ Апрѣлѣ 1739 г., мнѣ стверженны; только на оныя маетности для совершенной, въ вѣчные часы, твердости жалованной грамоты не имѣю; прочіе же братья моя (товарищи) въ должности таковой, какъ я нынѣ, въ исправленіи дѣлъ въ войск. генер. канцеляріи званія старшаго войск. канцеляриста и писаря войск. генерального подлежащихъ, находясь, яко то: Кочубей, Володковскій, Валькевичъ и прочіе, жалованныя грамоты получили. Я же чрезъ немалыя лѣта, такъ въ званіи старш. войск. канцеляриста, яко въ болѣзнь и по смерти писаря войск. генерального Турковского, въ его должности трудясь и при главныхъ командирахъ на границы и въ другія въ минувшее военное время, приключаемыя поѣздки безотлучно на своемъ коштѣ отлучался". Б-ко просилъ выдать ему на маетности грамоту, которую и получилъ.

---

[1]) Арх. Генер. Канцел., № 11242.

[2]) Записки Марковича, II, 131.

Женившись на дочери генеральнаго судьи Михаила Тарасовича Забѣлы, Б-ко вошелъ въ кругъ стариннаго панства.

Но только что успѣлъ Андрей Б. утвердиться на своемъ важномъ урядѣ и сдѣлаться необходимымъ человѣкомъ для тогдашнихъ правителей Малороссіи (Барятинскаго, Румянцова и Кейта), какъ на него написанъ былъ въ Петербургѣ такой доносъ, что въ Ноябрѣ 1742 г. присланъ былъ въ Глуховъ указъ—отрѣшить Б-ка отъ должности и произвести по доносу слѣдствіе самому Бибикову (тогдашнему правителю) съ двумя особо назначенными чиновниками [3]). Доносителемъ былъ землякъ Б-ка, яготинскій сотникъ Филипъ Купчинскій.

Купчинскій обвинялъ Б-ка, прежде всего, во взяточничествѣ, которое будто бы онъ, пользуясь довѣріемъ правителей, довелъ до небывалыхъ размѣровъ; затѣмъ—въ лицепріятіи къ родичамъ и пріятелямъ. При этомъ Купчинскій разсказываетъ, что Б-ко началъ опредѣлять полковую и сотенную старшину безъ выборовъ, по личному своему произволу, за деньги. За сотничьи уряды бралъ по 100, по 70 рублей; а для того, чтобъ доходъ свой съ сотниковъ увеличить—убѣдилъ Румянцова многія сотни подѣлить пополамъ и такимъ образомъ учредилъ новые уряды, которые роздалъ также за деньги; недовольствуясь этимъ, Б-ко установилъ новыя должности „вакансовыя,“ т. е., при неимѣніи вакантнаго уряда, выдавалъ свидѣтельство на „вакантовое“ сотничество и даже полковничество, съ тѣмъ что имѣющій въ рукахъ такое свидѣтельство имѣлъ право получить первый открывшійся урядъ. За тѣмъ Б-ко увеличилъ число канцеляристовъ въ своей канцеляріи до 200 человѣкъ, а при Апостолѣ ихъ было всего 30; за принятіе въ канцелярію Б-ко также бралъ взятки и для увеличенія ихъ размѣровъ, сталъ опредѣлять канцеляристами людей „посполитой породы,“ т. е. крестьянъ и мѣщанъ. Доносъ свой Купчинскій подтверждалъ многими примѣрами, въ доказательство которыхъ ссылался на свидѣтелей. Такъ доноситель разсказываетъ, что на урядъ новгородсѣверскаго сотничества Густавъ Биронъ рекомендовалъ Румянцову значковаго товарища Александра Пилатовича, за котораго подали голоса свои и сотняне; но, не смотря на это, Б-ко отдалъ тотъ урядъ Степану Судьенку, взявъ съ него 600 рублей и четыре бочки водки. Выкрещенный Еврей Крыжановскій сначала получилъ въ откупъ два полка, лубенскій и миргородскій, а потомъ опредѣленъ въ Глинскъ сотникомъ; за это Б-ко получилъ отъ него 260 червонцевъ да жемчугу для жены рублей на триста. Родственникамъ роздалъ мѣста: свояку Ивану Сахновскому—черниговскаго обознаго, а сыновьямъ его Григорію и Якиму Сахновскимъ—старосанжаровскаго и менскаго сотниковъ; племяннику жены, Василію Быковскому—гадяцкаго судьи.

Интересны подробности, чѣмъ бралъ взятки Б-ко за опредѣленіе канцеляристовъ: у Киселевскаго взялъ шесть кубковъ серебряныхъ и два перстня; у Григорія Иваненка—лошадь съ рондомъ сребрянымъ; у Григорія Туманскаго—среб. кружку въ двѣ кварты; у Якова и Семена Копцевичей—девять кубковъ сребряныхъ; у Дунина-Борковскаго—пятнадцать стѣнныхъ ковровъ; у Михайловича—портище штофу; у Ивана Тумковскаго—сребр. лядунку; у Кирилла Лукашевича—листоваго стекла на домъ въ Стольномъ [4]); у Ѳе-

---

[3]) Ibid., II, 184.

[4]) Въ нашемъ собраніи рукописей есть нѣсколько частныхъ писемъ Андрея Б-ка; изъ нихъ въ одномъ Б-ко пишетъ, въ Мартѣ 1742 г., къ свояку своему Ивану Сахновскому: „за неоставленіе надсмотромъ села Столного и домишку мо-

дора Чернацкаго—большой турецкій наметъ (палатку) и т. д. Бралъ взятки Б-ко и съ тѣхъ урядниковъ, которые получали мѣста по выбору: съ Андрея Рубца взялъ меду сто пудовъ и водки десять бочекъ, за то чтобъ Рубцу быть судьею стародубскимъ, а не обознымъ и за то, что ему, Рубцу, стараніемъ Б-ка, отданъ былъ въ подданство свободный городъ Мглинъ, что́ послѣ уничтожилъ Леонтьевъ (правитель;) у бунчук. товарища Андрея Полуботка взялъ сто брусьевъ дубовыхъ; у бунчук. товарища Андрея Дунина-Борковскаго взялъ цѣлый домъ, который перевезъ въ Стольное; у компанейскаго полковника Игната Чеснока взялъ турецкую янычарку (саблю); у полковника Капниста—15 лошадей, за рѣшеніе дѣла его съ маяцкимъ сотникомъ.

Изъ этого доноса [5]) видно, что Андрей Б. при „правителяхъ", до́ 1741 г., почти что заправлялъ Малороссіею. Доносъ былъ слишкомъ важенъ; но слѣдствіе по нему производилось замѣчательно медленно: Б-ко отрѣшенъ былъ отъ должности въ Ноябрѣ 1742 г., а первый допросъ былъ сдѣланъ въ концѣ Марта слѣдующаго года; второй допросъ въ Маѣ 1747 г. Б-ко на обвиненія въ самовольной роздачѣ мѣстъ отвѣчалъ, что не онъ опредѣлялъ чиновниковъ, а правители; взятокъ же—онъ-де не бралъ никакихъ. Послѣ втораго допроса, дѣло остановилось снова, пока не пріѣхалъ въ Глуховъ новый гетманъ Разумовскій (1751 г.), который хотѣлъ, повидимому, сразу покончить это дѣло и поручилъ его, въ Іюлѣ, немедленному разрѣшенію генеральной старшины и полковниковъ, съѣхавшихся въ Глуховъ для встрѣчи гетмана; въ Августѣ дѣло было рѣшено: „Купчинскій обвиненъ, а Б-ко оправленъ старшиною генеральною и полковникаками и попрежнему, ордеромъ гетманскимъ, опредѣленъ въ генеральную канцелярію; а Купчинскій лишенъ сотничьяго чина, чести и 100 ударовъ кіями взялъ."

При Разумовскомъ Б-ко продолжалъ пользоваться значеніемъ, хотя уже и не прежнимъ, такъ какъ первыми лицами при новомъ гетманѣ сдѣлались его родственники, между которыми первенствовали Тепловъ и Семенъ Кочубей.

Въ 1762 г. мѣсто генеральнаго писаря понадобилось для Василія Туманскаго, и Б-ко былъ уволенъ въ отставку съ чиномъ генер. судьи. Умеръ онъ въ 1780 г. и похороненъ въ м. Стольномъ [6]).

4. БОРОХОВИЧИ.

1. Андрей . . . .
2. Михайло, обозный Гадяцкій, 1672-1687, полковникъ Гадяцкій, 1687-1704. Жена—Елена Ивановна † 1724. . . 1.
3. Максимъ, обозный Гадяцкій 1695. † прежде 1724. Жена—Татьяна Григорьевна . . . . 2.

его покорно благодарствую и прошу впредь, въ пріуготовленіи для окончанія дому дѣлаючогося, вспоможеніе чинить; на оболоня шкла (на окна стекла) отъ п. Посудевскаго сто шибъ (стеколъ) отправлено и впредь большимъ числомъ отъ п. Лукашевича пришлется, съ котораго оболонѣ прошу приказать дѣлать." Не подтвержденіе ли это доноса Купчинскаго?

[5]) Зап. Марковича II, 297.

[6]) Подробности о семьѣ Безбородковъ см. въ монографіи *Н. Н. Григоровича*: *„Канцлеръ князь Безбородко"*. Р. Архивъ 1874—1875 г.

4. Θедоръ, † прежде 1724. Жена—Татьяна, за вторымъ мужемъ бригадиромъ Θедоромъ Осиповымъ, полковникомъ ахтырскаго полка . . . . 2.
5. Иванъ, † прежде 1724. . . . . 2.
6. Θедосья. Мужъ— Павелъ Николаевичъ Рощаковскій. . . . . 2.
7. Марья. Мужъ— Семенъ Леонтьевичъ Богаевскій, снач. мѣщанинъ Опошанскій, а потомъ бунчуков. товарищъ . . . . : . . . . . . 2.
8. Романъ, † прежде 1724. Жена—Марья Семеновна Савичъ, за вторымъ мужемъ Юріемъ Θедор. Еропкинымъ . . . . 4.
9. Марья. Мужъ—Дмитрій Левенецъ . . . . 4.

Михайла Бороховича встрѣчаемъ въ 1672 г. Гадяцкимъ обознымъ (Величко, II, 317 и 522); затѣмъ, онъ получилъ полковничій урядъ еще при Самойловичѣ, замѣнивъ племянника его, Михайла. Черезъ полгода послѣ избранія своего въ гетманы, Мазепа въ универсалѣ (21 Янв. 1688) пишетъ: „Видячи мы п. Махайла Б-ча старинность и въ статечныхъ поступкахъ досконалъность, розумѣемъ его на урядъ полковництва Гадяцкаго бути годного, сподиваючися по немъ, же и въ дальшій часъ въ тѣхъ своихъ статечныхъ поступкахъ и годныхъ войсковыхъ працяхъ не будетъ отмѣненъ; зачимъ яко заховуемъ его п. Мих. Б-ча цѣло и ненарушно на томъ урядѣ Гадяцкого полковництва и симъ универсаломъ нашимъ ему тотъ урядъ подкрѣпляямъ и пилно приказуемъ, абы кождый ему, п. Мих. Б-чу, чинилъ всегда, яко старшому своему, пристойную учтивость и пошанованье и, подлугъ давной войсковой обиклости, належитое отдавалъ послушенство, знаючи тое, же онъ п. Мих. Б-чъ мѣетъ отъ насъ цѣлое и зуполное змиценье (власть) добраго шановати, а преступного безъ фолиги карать“ 7) Будучи въ Гадячѣ въ 1690 г., Мазепа подтвердилъ универсаломъ Михайлу Б. прежнія его маетности: м. Лютеньку, разные лѣса, „по отцу его належные“, м. Борки, с. Тарасовку и разныя мельницы. Служилъ Б. полковникомъ до смерти, въ 1704 г., въ польскомъ походѣ; въ Ноябрѣ того же года, Мазепа, по просьбѣ вдовы, подтвердилъ ей маетности мужа и взялъ семью подъ свою „оборону“.

Исторія семьи Михайла Б-ча подробно разсказана въ завѣщаніи его вдовы, 1724 г., изъ котораго и приводимъ здѣсь наиболѣе интересныя мѣста. „Живучи я по закону Божію, въ супружествѣ малженства, за мужемъ своимъ Михайломъ Б., немалое время, даровалъ намъ Богъ сыны и дщери и имѣніе отчасти неоскудное; но иныя дѣти еще за живота покойнаго умерли; а другіе, именно: Максимъ, Θедоръ, Іоаннъ, Θедосія и Марья—живы остались послѣ смерти мужа; изъ имѣній одни достались намъ послѣ родныхъ нашихъ, а другія—мы пріобрѣли своими трудами; а маетности, м. Лютенку, съ приселками, м. Борки съ приселкомъ Загруновкою, с. Будища съ двумя приселками, с. Тарасовка—грамотою намъ утверждены; а грамота та, съ иными дорогими вещами, въ престолѣ церкви каменной въ м. Лютенькѣ будучи спрятана, отъ непріятелей Шведовъ, какъ была я въ Полтавѣ, въ осадѣ, взята. Съ тѣхъ маетностей еще за своего живота, покойный мужъ мой, съ позволенія гетманскаго, отдѣлилъ часть дѣтямъ:

7) Арх. Полтавск. Двор. Деп. Собр., дѣло о родѣ Бороховичей.

старшему сыну Максиму, обозному Гадяцкому, уступилъ с. Будища съ двумя приселками; другому сыну Θедору, уступилъ с. Тарасовку; старшему зятю Павлу, мужу Θедосьи, отдалъ приселокъ Лисовку. Послѣ, третьему сыну Ивану гетманъ Мазепа „зъ респекту войскового", надалъ с. Красную Луку. Лютенку же и Борки съ Загруновкою мужъ при себѣ оставилъ. Денегъ же не дѣлили ни межъ сыновьями, ни межъ дочерями, потому что тѣ деньги были у насъ спрятаны въ погребѣ, въ дворѣ лютенскомъ; а было ихъ: въ одномъ суденцѣ пять тысячей и чотириста червоныхъ золотыхъ; другое суденце насыпано было талярами битыми, въ якое вмѣщается четыре гарнца меду; третее насыпано было копѣйками сребрними старыми, въ якомъ вмѣщается меду семь чили большъ гарнцовъ, того не упомню, только тое вѣдаю, что два человѣка тое судно заледва (едва) понести могли; двѣ зась суднѣ насыпаны были розными грошами: талярами, левами, полталярками, чвертками. А когда, по многихъ службахъ войсковыхъ, отъѣздилъ покойный малжонокъ мой остатній разъ съ полкомъ на службу монаршую въ Польшу, того часу приказалъ мнѣ и тую заповѣдь клятвою анаѳема утвердилъ,—что если бы тамъ имѣлъ судомъ Божіимъ преставиться, то я должна была тѣ грóши раздѣлить по равной части сыновьямъ и дочерямъ, чтобы и они имѣли возможность впослѣдствіи одѣлить своихъ дѣтей, а нашихъ внуковъ, и насъ вспоминать, говоря: „одной руки равные пальцы". А одну такую часть должна была оставить себѣ и на молитву за душу его.—По отъѣздѣ мужа, онъ въ томъ же году въ Польшѣ и умеръ. По смерти покойнаго, сынъ мой Θедоръ, Романовъ отецъ, стараючися о полковничество Гадяцкое у Мазепы, многократны стужалъ мнѣ своимъ прошеніемъ, дабымъ позычила ему съ того общаго скарбу недѣленого тысячу червоныхъ и сколько сотъ талярей битыхъ; тогда дала ему въ долгъ 1000 червоныхъ и 400 талеровъ; но онъ не добился полковничества, а деньги потратилъ и ни одной копѣйки мнѣ не возвратилъ; да еще и обманулъ меня: поѣхавши къ Мазепѣ, выпросилъ универсалъ на мои маетности, на Борки съ Загруновкою и на Красную Луку. А потомъ сейчасъ непріятель Шведъ вошелъ въ нашу Малую Россіи, и я съ дѣтьми отправилась въ Полтаву и тамъ до самой баталіи въ осадѣ находилась; а онъ, сынъ мой Θедоръ, былъ при гетманѣ Скоропадскомъ. А какъ вышелъ Шведъ на веснѣ изъ Лютенки, въ ту пору онъ, Θедоръ, съ сыномъ своимъ Романомъ, отправился въ Лютенку и тѣ деньги изъ погреба всѣ забралъ. Объ этомъ я ничего и не знала; но онъ „улѣтовавшися на мою старость", далъ мнѣ съ тѣхъ многихъ тысячъ только 1500 червоныхъ золотыхъ; самъ же, недоживъ и году, умеръ; и въ тотъ день жена его Татьяна, съ горячего часу, объявляла мнѣ и сыну моему Максиму полный сундучекъ, насыпанный доброю сребряною монетою; но то были не всѣ деньги: золотые она утаила, и потому тогда не хотѣла я тѣхъ денегъ брать. А потомъ она, Θедориха, стала отдалять срокъ отдачи и посягла за мужа втораго, покойнаго пана бригадира полковъ слободскихъ, Θедора Осипова. А затѣмъ, высватавши за сына своего Романа Θедоровича, а моего внука, дочь у п. писаря генеральнаго Семіона Савича, вскорѣ и умерла. А Романъ, такимъ же неправеднымъ отца и матери своей путемъ пойдя, а больше слушая совѣтовъ тестя своего, поѣхалъ съ нимъ, при покойномъ гетманѣ Скоропадскомъ, въ Москву и безъ вѣдома моего выправилъ тамъ, ходатайствомъ тестя, монаршую грамоту не только на Тарасовку и Борки съ Загруновкою, но и на половину Лютенки, которой грамоты ни мнѣ, ни сыну моему Максиму не объявлялъ. А когда умеръ, жена его Марья Савичевна съ братомъ своимъ Θедоромъ Савичемъ списокъ только той гра-

моты мнѣ показали". Далѣе старая Бороховичка объясняетъ, какъ жена ея внука (Романа, умершаго бездѣтнымъ) завладѣла тѣмъ имуществомъ, „якое могло иному полковничому соравнитися господарству", и какъ ей было жаль, что „отческіе кровавою працею набутіе дóбра надаремне нищитъ и себе обогащаетъ" вдова Романа. „Пробовала было ей того не позволить (продолжаетъ полковница) и свое добро захотѣла возвратить, но она, Марья Савичевна, не только въ томъ воспрепятствовала, но еще „два раза разбила меня, на добровольной дорогѣ напавши, съ челядью, аки на бой прибраною: какъ изъ Байрака, зподъ Свинарной, забравъ тамъ винокуренную посуду, ѣхала, гдѣ мнѣ руки крутила, старою сукою называла и внука моего, Ивана Бугаевскаго, передъ очами моими, рвала за волосы и, видя то, я принуждена была и ее ударить; а она за то жаловалась въ Глуховъ, откуда прислали универсалъ въ Лютенку и били людей моихъ кіями, въ присутствіи дяди ея Кутневскаго и зятя Іосифа. Я же хотя и жаловалась Полуботку, чрезъ внуковъ моихъ Захарія Рощаковскаго и Ивана Бугаевскаго, но суда мнѣ не дали" [8]).

Разсказавъ исторію своей семьи, изъ которой въ 1724 г. оставались только внуки Михаила Б-ча, Рощаковскіе и Бугаевскіе, и правнуки, Левенцы, да еще вдова сына Максима,—Елена Ивановна распредѣлила межъ ними все свое богатство [9]), которое заключалось, кромѣ Лютенки, Борокъ и Тарасовки, въ значительномъ количествѣ хуторовъ, водяныхъ мельницъ и лѣсовъ.

Какъ видимъ, Михайло Б-чъ оставилъ огромное богатство, которое нажилъ за шестнадцатилѣтнее управленіе полкомъ. Наживалось оно не столько „кровавымъ трудомъ", какъ говоритъ старая полковница, сколько правомъ полковника „доброго миловати, а проступного, безъ фолиги, карати", т. е. тою почти неограниченною властью полковника, пользуясь которою онъ всегда имѣлъ возможность обобрать своего полчанина, взведя па него какое нибудь „проступство". Такъ въ большей части нажилъ свои богатства и Михайло Б. У насъ имѣется слѣдующая записка его жены, писанная въ Мартѣ 1724 г., къ тогдашнимъ двумъ Зеньковскимъ сотникамъ, Василію Рожанскому и Мелетію Жадьку: „Товариство (козаки) сотнѣ Зеньковской, жители Павловскіе, именно Яковъ Лѣсничій, Данило Нестеренко, Василь Паламаренко, Явтухъ Бурдало, Степанъ Строкань и вдова Игнатиха, прекладали мнѣ жалобу за свои грунта, же якобы покойный панъ мой, пріимаючи пріиму (занимая вольныя земли) позаймалъ и ихъ грунта; теди я на прошеніе сихъ людей отдаю тіе позайманіе ихъ грунта, любъ (хотя) на тое и книги есть писанніе, зъ якой мѣры тое позаймано; только жъ на ихъ прошеніе отдаю тіе позайманніе грунта, жебы покойного пана моего костей не трутили, такъ тежъ и мене, при старости лѣтъ моихъ, жебы впредь не тревожили".

По смерти Бороховички, имѣнія ея однакожъ не пошли по ея назначенію: часть Лютенки, находившаяся во владѣніи Елены Ив-ны, была „отписана на

---

[8]) Марья Савичевна писала, въ Мартѣ 1723 г., своему отцу: „Вчерайшаго дня суботнаго, ополуднѣ старая панѣ Бороховичева розграбовала дворецъ мой Свинарскій, а теперейшаго недѣлного дня, забравши всѣхъ людей Лютенскихъ и старшину городовую, маетъ пришедши до двора моего рабовати все. И для той крайней нужды, мусѣ пана масра на квартерѣ стоячого въ Лютенцѣ (Еропкина) просити калауру, на якое мое прошеніе далъ человѣка трохъ для обороны, великороссійскихъ служителей, и—то не знаю—крѣпко ли будетъ или нѣтъ„

[9]) Въ числѣ движимаго имущества встрѣчаемъ: „арматъ восемь спижовыхъ (мѣдныхъ пушекъ) власнымъ коштомъ мужа споряженныхъ".

ея величество", какъ выморочная. Это былъ едва ли не первый случай примѣненія въ Малороссіи великорусскаго закона, который объясняется тѣмъ, что въ это время Вельяминовъ, президентъ малороссійской коллегіи, сбывъ съ рукъ Полуботка, задумалъ было сразу перестроить общественные мѣстные порядки на великорусскій ладъ. Часть имѣній Б-ча, находившихся въ пожизненномъ владѣніи вдовы Максима (третья часть Лютенки) была передана послѣднею племяннику ея Ивану Ивановичу Косагову, лейтенанту Семеновскаго полка, и передача эта сдѣлана была по указу малороссійской коллегіи 1726 г., тоже по великорусскому обряду, посредствомъ „отказа", сдѣланнаго копіистомъ Першинымъ. Владѣніе это удержалось за Косаговымъ и въ послѣдствіи; по крайней мѣрѣ въ 1760 г. мы видимъ владѣльцемъ м. Лютенки того же генералъ-лейтенанта Ив. Ив. Косагова. Наконецъ имѣнія, которыми завладѣлъ внукъ Михайла, Романъ, перешли къ майору Юрію Ѳедоровичу Еропкину, женившемуся на вдовѣ Романа, Марьѣ Семеновнѣ. Ненаселенныя же маетности пошли въ родъ Рощаковскихъ, Бугаевскихъ и Левенцовъ; представителемъ послѣднихъ въ 1749 г. былъ лютенскій николаевскій священникъ Василій Дмитріевичъ Левенецъ.

Изъ приведеннаго родословія Михайла Б-ча, видимъ, что родъ его въ мужескомъ колѣнѣ прекратился на внукѣ Романѣ; существующій же нынѣ родъ Бороховичей происходитъ вѣроятно отъ братьевъ гадяцкаго полковника, о которыхъ не осталось впрочемъ никакой памяти.

5. ГАЛАГАНЫ.

1. Иванъ, уроженецъ м. Омельника, полтавск. губ. . . .

2. Игнатій, полковникъ прилуцкій, 1715—1740. Ж. Тадрина . . . . **1**.

3. Семенъ, миргородскій есаулъ. Ж., 1, N; 2) Евдокія Васильевна Лагода; 3, Степанида N. . . . . **1**.

4. Григорій, полковникъ прилуцкій 1740—1763 . . . . . **2**.

5. Яковъ, значковый товарищъ. . . . . **3**.

6. Андрей, значковый товарищъ, 1753 . . . . **3**.

7. Иванъ, бунчуковый товарищъ, 1760, потомъ—надворный совѣтникъ и прилуцкій повѣтовый судья. Ж.—Катерина Евфимьевна Дараганъ . . . . **4**.

8. Елена, М. Миклашевскій. . . . . **4**.

9. Петръ, Ж. Ульяна Никифоровна . . . . **5**.

10. Григорій, майоръ, 1798. Ж. Ирина Антоновна Милорадовичъ . . . . **7**.

11. Петръ, коллежскій ассесоръ . . . . **10**.

12. Павелъ, р. 1793. Коллежскій ассесоръ. Ж. Катерина Васильевна Гудовичъ . . . . **10**.

Галаганы происходятъ изъ м. Омельника, должно быть отъ рядоваго козака Ивана, такъ какъ два извѣстные его сына оба были неграмотны. Старшій изъ нихъ, Игнатій, вышелъ въ старшину чрезъ Запорожье: въ первый разъ его встрѣчаемъ въ 1706 г., когда онъ, въ то время еще запорожецъ, выбранъ былъ въ Сѣчѣ полковникомъ отряда, посланнаго кошевымъ Петру В., на помощь противъ Шведовъ [1]). Затѣмъ, Игнатій

[1]) Чтенія М. О. Ист. 1859, I, 55.

является полковникомъ одного изъ „охоче-комонныхъ“ полковъ. Старшину въ эти полки гетманы назначали сами; такимъ образомъ выборъ Галагала сдѣланъ былъ Мазепою. Передавшись Шведамъ, Мазепа, въ числѣ другой старшины, увелъ за собою и Галагана. Извѣстно, что послѣднiй вернулся отъ Шведовъ и успѣлъ заслужить царское довѣрiе своими „поисками“ за Шведами: въ Мартѣ 1709 г., Г-нъ назначенъ былъ полковникомъ Чигиринскаго полка. Въ универсалѣ объ этомъ назначенiи Скоропадскiй говоритъ, что Чигиринскiй сотникъ Григорiй съ товариствомъ „прекладалъ, что подъ теперешнее замѣшанне порадки не тилко во всей тамошной Чиригинской околичности, лечъ и въ самомъ Чигиринѣ, не такъ якъ бы належало, имѣютъ свое управленiе, чрезъ неединомыслiе и несогласiе тамошнихъ жителей и просилъ насъ, жебысмо вручили якому доброму, поуфалему и въ войсковыхъ дѣлехъ искусному товарищевѣ урядъ полковництва чигиринского. Углядѣвши справность и способность до уряду Чигиринского пана Игната Галагана, полковника охочекомоннаго, вручили ему тодъ урядъ злецивши, абы онъ всякiе въ самомъ городѣ Чигиринѣ и во всемъ тамошнемъ полку належите и исправне устроевалъ порадки“. Чигиринскимъ полковникомъ Г-нъ служилъ службу и въ изгнанiе Шведовъ изъ Малороссiи, въ награду за которую, въ Августѣ 1709 г., кн. Голицинъ (Дм. Мих.) отдалъ, по царскому указу, Г-ну въ подданство, на правомъ берегу Днѣпра, четыре села: Боровицу, Худяки, Шабелники и Вороновку; а въ слѣдующемъ году Скоропадскiй прибавилъ еще и село Липовое, въ Чигриндубровской сотнѣ.

По прутскому договору 1711 г., правая сторона Днѣпра отошла къ Польшѣ, вслѣдствiе чего Г-нъ потерялъ и чигиринское полковничество, и данныя Голицынымъ маетности. За эти потери Скоропадскiй прибавилъ къ с. Липовому богатое село Веремѣевку, въ той же сотнѣ. Послѣ этого, до 1715 г., Г-нъ оставался безъ уряда, пока, смертью Носа, не открылось мѣсто прилуцкаго полковника. При какихъ обстоятельствахъ Г-нъ получилъ этотъ урядъ, видно изъ промеморiи 1722 г. малороссiйской коллегiи въ генеральную канцелярiю, писанной вслѣдствiе жалобъ прилуцкихъ полчанъ: „Билъ челомъ въ коллегiю прилуцкiй есаулъ Григорiй Панченко, что въ 1715 г. опредѣленъ въ тотъ полкъ полковникомъ Игн. Г-нъ, и видя они, полчане, что тотъ полковникъ не ихъ полку родимецъ и никакихъ тамъ своихъ грунтовъ не имѣетъ, просили гетмана и стольника Протасьева, чтобъ онъ, полковникъ, обидъ и налоговъ имъ не чинилъ; а по тому ихъ прошенiю гетманъ, при врученiи полковыхъ клейнодовъ, далъ ему, Г-ну, за своею рукою пункты, которые полковникъ публично читавъ, обязался ихъ исполнять; и были тѣ пункты отданы на сохраненiе полковому судьѣ; но Г-нъ тѣ пункты черезъ годъ отобралъ и сталъ чинить полчанамъ всякiя насилiя“ [2]).—Видно, что назначенiе Г-на встрѣтило сильную оппозицiю въ прилуцкихъ полчанахъ, которые при этомъ были увѣрены, что новый полковникъ, какъ человѣкъ чуждый мѣстнымъ интересамъ, будетъ заботиться исключительно о своемъ благосостоянiи. Г-нъ видѣлъ эту оппозицiю и просилъ, при своемъ назначенiи, гетмана дать ему право перемѣнять полковую старшину, возбуждавшую противъ него полчанъ; но гетманъ, какъ видно, уклонился отъ разрѣшенiя этой просьбы. Въ Октябрѣ 1717 г., Г-нъ писалъ Скоропадскому: „Было мнѣ устное ваше панское росказанье, чтобъ только Михайло Мовчанъ [3]) урядъ

---

[2]) Рукопись нашей библiотеки.

[3]) Мовчанъ Михайло Ѳедоровичъ, прилуцкiй есаулъ, сынъ прилуцкаго, а потомъ стародубскаго полковника Ѳедора Мовчана, убитаго въ чигиринскихъ по-

свой есаульства полкового, сохранилъ, а о другихъ полковыхъ урядникахъ вельможность ваша тогда не вспоминали; теперь же выданъ указъ вашъ, чтобы и другой есаулъ (Григорій Панченко) и писарь полковой также оставались при своихъ урядахъ; хотя я и не противлюсь вашей волѣ, но ничего добраго отъ урядниковъ тѣхъ себѣ на ожидаю" [4]). Полковая старшина и сотники мѣшали Г-ну распоряжаться полковымъ хозяйствомъ по одному его усмотрѣнію, и онъ преслѣдовалъ ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Наибольшую оппозицію встрѣчалъ онъ со стороны срѣбрянскаго сотника Антона Троцины, который отличался своимъ практическимъ умомъ и былъ лично извѣстенъ гетману. Но Г-нъ, утвердившись на своемъ урядѣ, впослѣдствіи мало уже обращалъ вниманія на неудовольствіе своихъ полчанъ и началъ, не разбирая средствъ, заботиться объ умноженіи своего богатства. Будучи неграмотенъ вовсе, новый полковникъ нашелъ преданнаго себѣ полковаго писаря въ лицѣ Ѳедора Галенковскаго и, съ помощью его, сталъ вскорѣ полновластнымъ распорядителемъ въ своемъ полку. Жалобы Скоропадскому уже не помогали. Въ Январѣ 1720 года, прилуцкая полковая старшина, выхлопотавъ себѣ у Скоропадскаго „оборонный" отъ полковника универсалъ, писала гетману, что универсалъ тотъ былъ ею поданъ Г-ну, который сказалъ только: „нехай себѣ держатъ унѣверсалъ!" и отъ того времени не сталъ поручать намъ никакихъ дѣлъ; а когда прійдемъ къ нему во дворъ, — ни добрымъ чѣмъ, ни злымъ не трогаетъ насъ, говоря, что у него ни есауловъ, ни писаря—нѣтъ; „и такъ, милостивый пане, еще горше на насъ теперь его мил. п. полковникъ нашъ сталъ гонити, когда имѣемъ вашъ рейментарскій, намъ данный въ оборону, универсалъ, ибо и сихъ мимошедшихъ святъ (праздниковъ) не только приказалъ п. войту прилуцкому, чтобы по обыкновенію святочному въ домахъ нашихъ не смѣлъ съ хлѣбомъ-солью быть, но и всѣмъ цеховымъ велѣлъ погрозить, чтобъ тоже не смѣли идти къ намъ съ поклономъ, добавляя, что мы у него—урядники" [5]). Въ томъ же году и Троцина писалъ гетману: „Получивши въ Глуховѣ два ваши универсала, одинъ на уменьшеніе ральця и другихъ „датковъ" [6]), даванныхъ полковнику ратушею срѣбрянскою, а другой—о заплатѣ жалованья старымъ полевымъ сторожамъ нашего полка, оба тѣ универсала я передалъ полковнику, который, прочитавъ ихъ, замолчалъ

ходахъ въ 1678 году Изъ завѣщанія его, писаннаго въ 1742 году видно, что онъ не имѣлъ сыновей, а только двухъ дочерей: Марью — жену Степана Юрченка и Катерину — жену Демьяна Мазаракія, въ чей родъ и перешли имѣнія Мовчана. Д. Мазаракій былъ знатный войсков. товарищъ, т. е. разбогатѣвшій рядовой козакъ. Послѣ него остались три сына: Андрей, Иванъ и Григорій. Первымъ двумъ Мих. Мовчанъ, переживъ зятя, завѣщалъ свое село Талалаевку (прилуцк. у.), а также и всѣ прочія земли; а „третьему ихъ брату, Григорію ничего не опредѣляю", говоритъ М-нъ, „потому что обыкновенной сыновней чести мнѣ не отдавалъ, приказовъ моихъ и наставленій ослушался и въ такое развращеніе пришолъ, же, похищая вещи зъ дому моего и денги, попропивалъ и попроигрывалъ въ карты." Андрей Мазаракій б. жен. на Аннѣ Ѳедоровнѣ Кандибѣ и имѣлъ сына Семена.

[4]) Рукопись нашей б-ки.

[5]) Арх. Млрск. Кол., № 594.

[6]) Ралецъ—обычныя приношенія, которыя два раза въ годъ (на пасху и рождество) чиновники подносили своей непосредственной старшинѣ, начиная отъ сотника и кончая гетманомъ. Датки—всякіе незаконные поборы.

до сего времени. А теперь онъ, Г-нъ, будто желая заспокоить сокиринскихъ своихъ подданныхъ за долгъ ихъ въ 600 зол. срѣбрянской ратушѣ, приказалъ мнѣ съ старшиною (сотенною) прiѣзжать въ Прилуку; а по прiѣздѣ нашемъ туда, обругалъ полковникъ старшину мою какъ только хотѣлъ и затѣмъ отпустилъ ее по домамъ, а изъ подъ меня взявши коня, оставилъ въ Прилукѣ, пока я не заплачу жалованья новымъ полевымъ сторожамъ. Затѣмъ полковникъ поѣхалъ по своимъ хуторамъ, а я въ Прилукѣ сижу и теряю дорогое для хозяйства время.“

Но едва ли Скоропадскiй могъ что̀ сдѣлать по жалобѣ Троцины, вслѣдствiе своего безсилiя, которое очень хорошо понималъ Г-нъ; а безсилiе Скоропадскаго въ это время было таково, что когда, въ началѣ 1722 г., онъ поѣхалъ въ Петербургъ, то вслѣдъ за нимъ туда же поѣхали Апостолъ, Галаганъ и Танскiй, не спрашивая гетманскаго позволенiя. Скоропадскiй жаловался въ Коллегiю Иностр. Дѣлъ, что полковникамъ этимъ нужно готовиться къ Терковскому походу, а не сидѣть въ Петербургѣ, и просилъ выслать ихъ домой [7]). Но Г-нъ прiѣзжалъ хлопотать о грамотѣ на тѣ маетности, которыя онъ успѣлъ уже нажить въ Прилуцкомъ полку за это время, чтобы всѣмъ владѣть ему вѣчно. Это были три села: Ряски, Сокиринцы и Озеряне, пять водяныхъ мельницъ и два хутора. Просьба Г-на передана была на заключенiе гетмана, который отвѣчалъ: 1) „Ряски принадлежатъ на полковничiй урядъ, и потому отдавать ихъ въ вѣчность нельзя; 2) Сокиринцы отдать можно; 3) Озерянами селомъ невѣдомо коимъ образомъ онъ, полковникъ, завладѣлъ, ибо на тое село универсалу моего не имѣетъ“; о мельницахъ, показанныхъ купленными, Скоропадскiй сказалъ, что если онѣ куплены, то должны быть урядовыя купчiя, а ихъ нѣтъ. Но если не было формальныхъ актовъ, то были такого рода: „Я, Пелагея Бездѣтчиха, жителька дегтяровская, даю сiе мое писанiе его мил. п. полк. прилуцкому Игнатiю Галагану, что, оставшись безъ мужа и не имѣя при старости гдѣ жизни своей докончить, того ради вручаю п. полковнику островецъ на Удаи, за такую его милость, что онъ принялъ меня въ панскую ласку до смерти моей“. Этотъ островокъ положилъ начало значительнымъ имѣнiямъ, прiобрѣтеннымъ впослѣдствiи Г-номъ въ с. Дегтяряхъ.

По смерти Скоропадскаго, вмѣсто гетмана явилась коллегiя въ лицѣ Вельяминова, обѣщавшаго „согнуть“ старшину. Послѣдняя, въ лицѣ Полуботка, какъ извѣстно, пробовала отстоять старые порядки и созывала, лѣтомъ 1723 г., полковниковъ въ Глуховъ, чтобы, общимъ совѣтомъ, писать царю челобитную. Полуботокъ звалъ и Г-на, но онъ, „по трикратномъ писанiи, не хотѣлъ прiѣхать“, почему наказный гетманъ просилъ уже прилуцкаго обознаго замѣнить въ этомъ дѣлѣ полковника [8]). Г. хорошо понималъ, что въ это время выгоднѣе было въ челобитныхъ не участвовать. Оно такъ и было. Вельяминовъ старался въ Малороссiи показать себя защитникомъ народа отъ утѣсненiй старшины. Поэтому, когда Полуботокъ пожаловался въ коллегiю, что козаки, высланные изъ сотенъ ивангородской и прохорской для косьбы сѣна артиллерiйскимъ лошадямъ, приказа нак. гетмана не исполнили и разошлись по домамъ: то Вельяминовъ отвѣчалъ ему (Авг. 1722 г.), что „козаковъ не токмо въ оную, но и въ прочiя ни въ какiя работы употреблять не велѣть, понеже то чинить воспрещено его величества указомъ“ [9]). А 7 Марта 1723 г., два козака с.

[7]) Дiарiушъ Ханенка, 28.

[8]) Журналъ Генеральн. Канцел., рукопись.

[9]) Указы Малоросс. Коллегiи, рукопись.

Дегтярей, Манджуренко и Грищенко, дали такую подписку Г-ну: „Ижъ любо покойніе отци наши, а по нихъ мы, козачко, а не посполито служачи, воинскую повинность до сихъ временъ отбували; однакъ теперъ, до крайняго убожества и скудости пришедши и не могучи впредь служби козацкой отбувати, продалисмо его мил. п. Игн. Ив. Г-ну мѣсце землѣ дворовое, на которомъ хати наши построены, гдѣ мы жіючи, мѣемъ его м. п. полковникови посполито, а не козачко служачи, всякія повинности отбувати и въ предніе часы неповинны уже будемъ до козацкого чину отзыватися.“ Привлеченіе козаковъ въ „подданство“, было однимъ изъ средствъ, которымъ старшина богатѣла на счетъ народа; Г-нъ пользовался имъ, какъ и другіе. Еще Скоропадскому сокиринскіе козаки жаловались, что Г-нъ принуждаетъ ихъ переходить въ крестьяне; такъ въ 1720 г., сокиринскій козакъ Онопріенко жаловался гетману: „Прошу милосердія на зятя моего, котораго, за бывшаго еще полковника Щербину, принялъ въ мой козацкій домъ и съ которымъ нѣсколько уже походовъ отбылъ и за Шведовъ; и онъ до сего не зналъ никакихъ посполитыхъ тяглостей; а теперешній полковникъ принуждаетъ его перейти въ посполитые и для того садитъ въ тюрьму“.

Переписывая козаковъ въ „подданные“, Г-нъ умножалъ число своихъ рабочихъ; но также точно переписывалъ онъ и посполитыхъ въ козаки, разумѣется изъ чужихъ маетностей; за это ему „новоуписные“ платили. Въ 1732 г. Апостолъ писалъ генер. хоруж. Акиму Горленку: „Зъ певного донесеня вѣстно намъ учинилось, же п. полковн. прилуцкій, мимо старшины полковой тамошней, природныхъ мужиковъ, которыхъ отцы и дѣды посполитую отбували теглость и сами они въ мужицкомъ пребывали званіи, кого похощетъ вписуетъ въ козацкій компутъ, имѣючи себѣ совѣтника писара своего полкового (Галенковскаго), якій въ дворѣ его пана полковника, край конюшнѣ, полковою канцеляріею правитъ; такъ что старшина тамошняя никогда ни о чемъ не вѣдаетъ; а если до якого дѣла—то ихъ старшину спрашиваютъ. И хочай оная старшина многократне ему писаревѣ договорували, что если кто похощетъ въ козаки вписоватися, то чтобы публѣчне были свѣдители допрашованы, а не такъ, что въ кого деньги только чуютъ, то хочай весма не надлежитъ, по своему пристрастію онъ, писарь, производитъ, а п. полковникъ поставляетъ. И много уже зъ разнихъ маетностей попринѣмали, а мало кого по годности: толко были бы деньги. А поневажъ указомъ имп. величества повелѣно тихъ только до козацкого пріймовати компуту, которыхъ отцы и дѣды козаковали и сами они въ войсковыхъ были походахъ, а не мужиковъ, которыхъ дѣды и отцы козацко не служили и они сами въ походахъ нѣгде не были“ [10]): поэтому гетманъ приказалъ Горленку произвести слѣдствіе, по которому открыто было болѣе 100 человѣкъ, вписанныхъ Г-номъ въ козацкіе компуты (списки) и преимущественно за деньги. Крестьянинъ с. Дальнихъ Сорочинецъ, Мажола, показалъ напр.: „напродъ п. полковниковѣ положилъ рубля 4; якъ принято у значокъ, далъ ему же 3 р.; п. писару полковому, якъ принято мене въ козацство, далъ рубля, а якъ принято подъ значокъ, далъ рубля“ и т. д.

Между тѣмъ вопросъ о маетностяхъ, начатый Г-номъ въ 1722 г., не былъ конченъ, потому что госуд. коллегія тогда ему отказала въ грамотѣ. Въ началѣ гетманства Апостола, Г-нъ успѣлъ выпросить у него еще одно село, Товкачовку; но гетманъ скоро его отнялъ, увидѣвъ, что у Г-на и такъ уже болѣе 800 дворовъ въ подданствѣ: „Понеже по справцѣ въ енер. кан-

---

[10]) Арх. Генер. Канц., въ архивѣ Черниг. Губ. Правленія.

целяріи явилось (писалъ Апостолъ Г-ну по этому поводу), что ваша милость многія маетности наданніе имѣетъ, именно с. Сокиринцѣ—192 дв; с. Озеряне—154 дв., слоб. Дегтяри—48 дв., мѣст. Веремѣевку зъ д. д. Погорѣлою и Миклашевкою—284 дв., с. Липовое—128 дв., итого 806 дворовъ; а панове старшина енералная, оставивши домы свои, при насъ тутъ, въ Глуховѣ, неизъиздно живутъ и всякія войсковыя дѣла отправляютъ, а на чинъ свой жадного (никакого) опредѣленія, чимъ и тутъ живучи, контентоватись не имѣютъ и просятъ, абы на ихъ чины маетностей учинить опредѣленіе: того ради и тое село Товкачовку, кому зъ нихъ п. п. старшины енералной опредѣлить, назначилисмо; для того объ ономъ селѣ намъ стужати большъ не имѣешъ" [11]). Видя немилость гетмана, Г-нъ опять попробовалъ закрѣпить свои маетности царскою грамотою и для того, въ началѣ 1733 г., отправился въ Спб., вмѣстѣ съ сыномъ Григоріемъ, который нуженъ былъ ему, какъ неграмотному, для писанія прошеній. Узнавъ объ этомъ, гетманъ поспѣшилъ отправить вслѣдъ за Г-номъ стараго его соперника Троцину, чтобъ помѣшать Г-ну въ полученіи грамоты на маетности, пріобрѣтеніе которыхъ Апостолъ считалъ незаконнымъ. Въ Апрѣлѣ, Троцина увѣдомилъ гетмана: „Сего Априля 2 числа, заледво зъ великою трудностью, получилемъ видѣти челобитную его мил. п. полковника въ иностр. д. коллегію поданную, въ которой коротко написано: проситъ монаршой грамоты на всѣ свои села и грунта, въ вѣчность ему, женѣ и дѣтемъ; а вѣдѣніе особо подалъ, въ которомъ написано: Веремѣевку, с. Липовое, х. подъ Горошиномъ, х. подъ Переводомъ, х. Озерянскій, с. Сокиринцѣ и проч. Якое вѣдѣніе Маркеловъ по розказанью П. В. Курбатова килко разы, для роспознаня, велѣлъ мнѣ вычитати, и я, по вычитаню, подалемъ въ коллегію спорную челобитну, въ которой изъяснилъ, что хуторъ Озерянскій, що прописано подъ селищемъ Озерянами, то листомъ старшины прилуцкой уличилемъ, же то село старинное и нынѣ въ немъ болшъ 150 хатъ есть, которими п. полковникъ самовластно завладѣлъ; да къ тому же хутору и п. п. Себастіановичовъ хуторъ купленый, зъ поселенными людями, отнялъ насильно и уничтоживши унѣверсалы гетманскіе на той хуторъ и людей, имъ данніе, завладѣлъ самовластно и т. д. И по той моей челобитной сказано: понеже споръ заходитъ, грамота ему не дастся, и ему тутъ жити не для чего, нехай ѣдетъ и вправится въ судѣ за все, а потомъ, упросивши унѣверсалъ на всѣ свои грунта чисто, проситъ подтвержденія.—А сего Априля 9 числа, будучи я въ коллегіи, зновy упросилемъ Маркелова, бы мнѣ вѣдѣніе п. полковника далъ вычитати, ажъ въ томъ доношеніи все перемѣнено: уже хуторъ Переводскій написано Гнилицкимъ и проч. О чемъ когда п. полковникъ провѣдавъ, же я перемѣну вѣдѣнія его постерегъ, заразъ ординовалъ племѣнника своего до Прилуки; а домышляюся, же до пана писара полкового, ищучи собѣ якогось въ своей неправдѣ помоществованія" [12]). Затѣмъ обстоятельства измѣнились. Курбатовъ, совѣтникъ коллегіи, нашелъ, что представленія Троцины не могутъ имѣть для коллегіи значенія,и грамоту Г-нъ, должно быть, получилъ: видно, что Курбатова Г-нъ ублажилъ, и всѣ старанія гетмана не повели ни къ чему.

Игнатъ Г-нъ правилъ полкомъ до 1740 года, когда за старостью былъ уволенъ, съумѣвъ при этомъ урядъ свой передать сыну Григорію.

Но и по выходѣ въ отставку, Г-нъ, какъ видно, дѣятельно занимался пріумноженіемъ своихъ богатствъ; въ указѣ 1746 г. Игнату Г-ну изъ

[11]) Ibid.

[12]) Ibid.

генер. канцеляріи, читаемъ: „Чигриндубровскій сотникъ Александръ Бутовскій пишетъ, что атаманы Веремѣевскій и Липовскій, со всѣми тамошними козаками, жаловались ему, сотнику, что прадѣды, дѣды и отцы ихъ, живя въ Веремѣевкѣ и Липовомъ на козацкихъ грунтахъ, служили козацкую службу, не узнавая никакихъ затрудненій; а сего 1746 г., вы, поѣхавши въ Веремѣевку и Липовое, начали имъ дѣлать разныя обиды, отнятіемъ полей, рыбныхъ ловель и другихъ угодій и верстаніемъ казаковъ у подданство, „выбираніемъ изъ жилыхъ хатъ дверей и оконъ“; что вамъ было писано изъ лубенской полковой канцеляріи, чтобъ оставили козаковъ въ покоѣ. „Но вы на тое не смотря, не только того перестать не хочете, но еще сверхъ всего отбираете у козаковъ скотъ, арестуете имущество и берете ихъ подъ караулъ, принуждая ихъ записываться въ подданство“. Поэтому генер. канцелярія предлагала Г-ну, чтобъ онъ помнилъ высочайшіе указы о „непорабощеніи“ козаковъ и не привлекалъ бы ихъ въ подданство; а что имъ заграблено и отнято, „долженъ возвратить козакамъ“.

О женѣ Г-на извѣстно только, что она была изъ роду Тадринъ; въ 1734 г. она жаловалась въ генер. канцелярію: „Посыланъ былъ отъ мене братъ мой Петро Тадрина въ Ичню, на ярмарокъ, которій, выѣхавши съ двора, встрѣтилъ Степана, сына Якима Горленка, якій Степанъ просилъ помянутого Петра на водку до Грицка Семенюты; а пріѣхавши въ домъ Семенютинъ, поччувавъ брата моего Горленко водкою и, при поччуванѣ, учалъ первѣе его спрашивать: якого-де ты родства и чій сынъ? и за что-де ты зъ Тернавскимъ у монастырѣ ссорился? Онъ-де сынъ отческій, къ тому жъ и свойственній мой. На якія его, Горленка, слова братъ мой отказалъ, что-де намъ здѣ о томъ родствѣ, такожъ и объ отцахъ, говорить не пристойно; то онъ, Горленко, заразъ за тое учалъ брата моего бранить матерно, называя нечистого ложа сыномъ, а послѣ вдарилъ его въ щоку“.

Семенъ Г-нъ, братъ Игната, былъ миргородскимъ есауломъ, получивъ урядъ этотъ, должно быть, чрезъ брата, такъ какъ службы за нимъ никакой не было. Въ противоположность брату, это былъ бѣднякъ: по завѣщанію 1743 г., онъ оставилъ троебрачной женѣ своей съ дочерями ея, подъ Омельникомъ „дворецъ съ новою свѣтлицею, пекарнею и коморою; а сыну Андрею — отеческій свой дворъ въ Омельникѣ и отеческій лѣсъ, тамъ же“ [13]).

Григорій Г-нъ получилъ отцовскій урядъ по именному указу [14]) и правилъ прилуцкимъ полкомъ 23 года. Онъ не менѣе отца заботился объ увеличеніи своихъ земельныхъ богатствъ: такъ въ 1746 г., онъ представилъ для утвержденія въ прилуцкую ратушу двѣнадцать купчихъ записей на грунты, купленные въ с. с. Иванковцахъ и Дегтяряхъ. Купчія записи эти были такія: 1729 г., отъ Ничипора Мѣрочника, на грунтъ съ хатою, за рубля; да въ той же купчей, отъ Аврама Коваля, на грунтъ голой, за золотый (20 к. асс.); 1737 г., отъ Өедора Малка, на грунтъ съ двома мазками (избушками) за рубля; 1740 г., отъ Корнѣя Куця, на ниву дней шесть, за три рубля и т. д. Между тѣмъ еще въ 1731 г. монахи Пустынноколаевскаго монастыря начали съ Г-номъ споръ за Веремѣевку, доказывая, что мѣстечко это поселено на монастырскихъ земляхъ, такъ какъ еще въ 1512 г. дворянинъ короля польскаго Михайло Павша завѣщалъ монастырю пустую землю — селище Климятино, на которомъ потомъ оселился Жовнинъ; что земли этой было по берегу Днѣпра, на семь миль,

[13]) Арх. Полт. Двор. Деп. Собранія.

[14]) Марковичъ, II, 106.

что слѣдовательно и Веремѣевка поселена на той же землѣ. Споръ за Веремѣевку тянулся до 1749 г. и рѣшенъ былъ Сенатомъ въ пользу монаховъ. Григорій Г-нъ воспользовался этимъ случаемъ и выпросилъ въ 1752 г. у Разумовскаго, за Веремѣевку, не менѣе богатое мѣстечко—Ичню.

Галаганы уже успѣли породниться съ тогдашнею малороссійскою знатью (по женитьбѣ Григоріева сына на племянницѣ Разумовскаго) и такимъ образомъ вошли въ кругъ мѣстной аристократіи, съ которой, не имѣя до тѣхъ поръ родственныхъ связей, должны были держаться особнякомъ. Къ концу XVIII в. родъ этотъ сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ: правнукъ Игната Г-на въ 1798 г. имѣлъ болѣе 10000 крестьянъ обоего пола, изъ которыхъ впрочемъ половина взята была въ приданое за его матерью, отъ Дарагановъ.

(*Продолженіе будетъ*).

ТРИ ПИСЬМА КНЯЗЯ АДАМА ЧАРТОРЫСКАГО КЪ Н. Н. НОВОСИЛЬЦОВУ.

I.

Votre courrier nous a rencontré à la première poste de Dresde, à midi et demi. Après avoir pris en considération ce que Strogonoff, vous et le c-te de Stadion [1]) nous ont écrit, Sa Majesté s'est décidée à tourner sur Breslaw. Venant de quitter Dresde et à une heure assez tardive, c'est comme si nous y étions encore; et par conséquence, il n'y avait rien de mieux à faire que de suivre votre conseil de ne plus aller à Prague. L'Empereur passera l'Elbe à Pirna sans rentrer à Dresde, ira à la première poste sur le chemin de Breslaw et s'arrêtera quelques heures pour qu'on puisse commander les chevaux. Nous continuerons notre voyage sans perdre de tems. Si les chemins le permettent, l'Empereur n'ira même pas jusqu'à Breslaw, mais tournera de Lignitz à Neisse. Ayez soin qu'on nous envoye sur la route de Breslaw un courrier à notre rencontre pour nous dire où Sa Majesté aura à se rendre. Les événements vont un tel train, qu'on ne sait pas ce qui peut encore arriver. Ordonnez à votre courrier de s'informer si c'est sur la route de traverse de Lignitz et de Neisse, ou par Breslaw que les chevaux auront été commandés. Je finis pour ne pas retarder plus longtems le départ du courrier. Je ne vous donnerai pas des nouvelles, car j'espère vous revoir dans quelques jours à Olmütz. J'aurai beaucoup à vous dire. Tout serait assez bien sans une déconfiture aussi totale des Autrichiens. Ces trois semaines seront terribles. Tout peut encore bien aller après. Donnez de nouvelles au c-te de Stadion et excusez-moi de ce que je ne lui réponds pas: je n'en ai pas la possibilité, et j'espère qu'il voudra bien ne pas m'en vouloir. Adieu, mon cher ami. Portez-vous bien. J'attends avec impatience le moment où je vous reverrai.

Ce mercredi $^1/_{13}$ Novembre (1805).

N'oubliez pas de nous envoyer un courrier à Breslaw et décommander les chevaux qu'on nous avait preparés sur Prague.

---

[1]) Австрійскій посланникъ при нашемъ Дворѣ.

Переводъ.

Вашъ курьеръ насъ встрѣтилъ въ половинѣ перваго часа, на первой станціи отъ Дрездена. Его величество, принявъ во вниманіе все, что Строгоновъ, вы и графъ Стадіонъ писали намъ, рѣшился повернуть на Бреславль. Мы покинули Дрезденъ, и довольно поздно; это все одно, какъ бы мы все еще тамъ находились; и, вслѣдствіе этого, ничего не оставалось лучше дѣлать, какъ послѣдовать вашему совѣту: не ѣхать дальше въ Прагу. Императоръ переѣдетъ Эльбу въ Пирнѣ, не заѣзжая опять въ Дрезденъ; направится съ первой станціи по Бреславльской дорогѣ и остановится на нѣсколько часовъ для того, чтобы можно было заказать лошадей. Мы будемъ продолжать путь, не теряя времени. Если дороги позволятъ, государь даже не доѣдетъ до Бреславля, а повернетъ отъ Лигница къ Нейссѣ. Позаботьтесь, чтобъ намъ на встрѣчу былъ высланъ курьеръ, по дорогѣ въ Бреславль, который увѣдомитъ васъ, куда его величество изволитъ отправиться. Обстоятельства такъ сложились, что неизвѣстно, что́ можетъ еще случиться. Прикажите вашему курьеру освѣдомиться, гдѣ будутъ заказаны лошади: на перекрестномъ ли пути отъ Лигница и Нейссы или на Бреславль? Я кончаю, чтобы не задержать отправки курьера. Не сообщаю вамъ новостей, потому что надѣюсь увидѣться съ вами чрезъ нѣсколько дней, въ Ольмюцѣ. Все было бы хорошо, если бы не совершенное пораженіе Австрійцевъ. Эти три недѣли будутъ ужасны. Все еще можетъ потомъ перемѣниться къ лучшему. Извѣстите графа Стадіона и извините меня передъ нимъ, что я ему не отвѣчаю: я, положительно, не имѣю къ тому возможности и, надѣюсь, что̀ онъ съ меня не взыщетъ. Прощайте, мой милый другъ. Будьте здоровы. Я съ нетерпѣніемъ жду минуты васъ увидѣть.

Среда. $^{1}/_{13}$ Ноября.

Не забудьте прислать намъ въ Бреславль курьера и отмѣнить приказъ объ лошадяхъ, которыхъ намъ приготовили въ Прагѣ.

*

Письмо это относится къ злосчастной эпохѣ въ жизни императора Александра Павловича, когда, послѣ двухнедѣльнаго пребыванія въ Берлинѣ, послѣ клятвъ на могилѣ Фридриха Великаго, и явнаго обмана со стороны Пруссіи, онъ ѣхалъ въ Ольмюцъ, на свиданіе съ императоромъ Францомъ и къ войскамъ своимъ, обманутымъ Австрійцами. То были дни передъ Аустерлицкимъ погромомъ. „Государь намѣренъ былъ ѣхать черезъ Прагу, но на первой станціи отъ Дрездена, узнавъ о появленіи первыхъ Французскихъ разъѣздовъ въ Пильзенѣ, откуда они могли скоро быть въ Прагѣ, поворотилъ влѣво, на Бреславль“ (Мих. Данилевскій, Война 1805 г. изд. 1849, стр. 93). *П. Б.*

II.

Le gouverneur, qui s'en va à Calvi pour y attendre l'Empereur, vous dira tout ce que mr de Bekleseheff nous a conté. Ses récits ne sont pas bien clairs; il s'y trouve plusieures lacunes. Voici ce qui paraît certain: jusqu'au Narew à la Russie; un duché de Pologne au roi de Saxe. La Russie devient médiatrice entre l'Angleterre et la France. Il n'a pas été question du roi de Naples. Un congrès aura, à ce que l'on dit, lieu pour régler les affaires définitivement. Cattaro rendu à Bonaparte qui paraît avoir de grands projets sur la Turquie. L'espoir pour la Russie d'obtenir la Moldavie et la Valachie.

On dit que l'Empereur arrivera ce soir à Calvi et y passera 24 heures, qu'il ne s'arrêtera pas du tout ici et que, peut-être, il ne passera pas par Mitau et prendra par Baldone droit à Riga. Je vous prie, mon cher ami, de nous faire savoir, aussitot que vous le pourrez, ce qui en sera et ce que vous comptez faire. Il me semble, que si l'Empereur va droit à Riga, sans passer par ici, et continue en route à Pétersbourg, cela ne changera rien à nos projets et qu'on pourra tout de même se mettre en route deux jours après son passage et celui de sa suite. N'oubliez pas les commissions de la Duchesse pour S. M. Impériale.

Ce Samedi, à 2 heures (1807).

Надпись: A son excellence monsieur le sénateur de Novosiltzoff.

Переводъ.

Губернаторъ, который отправляется въ Кальви, чтобы дожидаться тамъ императора, сообщитъ вамъ все, что̀ господинъ Беклешовъ намъ разсказывалъ. Разсказы его несовсѣмъ ясны: въ нихъ много пропусковъ. Вотъ что̀ кажется вѣрно; до Нарева отойдетъ къ Россіи; король Саксонскій получитъ герцогство Польское. Россія становится посредницей между Англіей и Франціей. О королѣ Неаполитанскомъ не было и рѣчи. Какъ говорятъ, будетъ собранъ конгрессъ для того, чтобы окончательно устроить дѣла. Катарро возвращается Бонапарту, у котораго, какъ кажется, большіе виды на Турцію. Для Россіи есть надежда получить Молдавію и Валахію. Говорятъ, что императоръ пріѣдетъ сегодня вечеромъ въ Кальви и проведетъ тамъ 24 часа; что онъ здѣсь совсѣмъ не остановится и, что, можетъ быть, не поѣдетъ чрезъ Митаву, а повернетъ чрезъ Балдону прямо въ Ригу. Прошу васъ, мой милый другъ, дайте намъ знать, какъ только вамъ будетъ можно, что̀ случится и что̀ вы намѣрены дѣлать. Мнѣ кажется, что если императоръ ѣдетъ прямо на Ригу, не заѣзжая сюда и продолжаетъ свое путешествіе до Петербурга, это ничего не измѣняетъ въ нашихъ планахъ, и можно будетъ, точно также, пуститься въ путь спустя два дня послѣ проѣзда его и его свиты. Не забудьте порученій герцогини къ его императорскому величеству.

Суббота, въ 2 часа. (1807).

Надпись: Его сіятельству, господину сенатору Новосильцову.

*

Это письмо писано послѣ Тильзитскаго стыда, которому снова подвергнула Россію руководимая тѣмъ же Чарторыскимъ Петербургская политика, оторвавшаяся отъ Русскихъ преданій XVII и XVIII вѣковъ и тратившая Русскія силы изъ за Польши. *П. Б.*

III.

Vous avez été malade, mon bon ami. On dit que vous êtes rétabli; mais on prétend que vous donnez dans un genre de sauvagerie et de mélancolie qui allarme les personnes qui s'intéressent à vous à Vienne. Quoique je sache que souvent ce que d'autres prennent pour de la mélancolie n'est en vous qu'un peu de paresse et l'amour que vous avez pour une vie sans gêne, je suis cependant inquiet de ces nouvelles, et je vous prie de m'en donner directement sur votre santé, sur votre humeur. Que comptez-vous faire cette année? Restez-vous à Vienne? Comment y passez-vous votre tems? Le mien a été pris par des affaires dont jusqu'à présent je ne m'étais occupé de ma vie. Mon père

vient de partager une partie de ses biens entre nous quatre. Les dettes ont été partagées dans la même proportion. Il est fâcheux d'en avoir dans ce tems-ci, et ce sera une longue et rude besogne que de s'en débarasser.

Recevez-vous des lettres de Pétersbourg? Il y a bien longtems que je n'en ai rien. Je sais indirectement que la comtesse *) a été malade; je leur ai écrit sans recevoir de réponse. Je vous demande de me donner de leurs nouvelles, si vous on avez. A juger par ce qui se passe, la guerre paraît indubitable. On assure que l'Autriche sera neutre. C'est de quoi vous serez mieux informé là-bas. Adieu, mon cher et bon ami; répondez-moi, malgré votre paresse: je voudrais être tranquille sur votre santé. Celle de mes parens est bonne. Ils me chargent de mille choses pour vous.

Sieniawa. Ce 9 Avril 1812.

Надпись: A son excellence monsieur de Novosiltzoff, sénateur etc. à Vienne.

Переводъ.

Вы были больны, мой добрый другъ. Говорятъ, что вы поправились; но также утверждаютъ, что вы вдаетесь въ отчужденіе отъ всѣхъ и въ меланхолію, что̀ огорчаетъ лицъ, интересующихся вами въ Вѣнѣ. Хотя я знаю, что то, что̀ другіе часто принимаютъ за меланхолію, въ васъ есть ничто иное, какъ нѣкоторая лѣность и любовь, питаемая вами къ свободному образу жизни; тѣмъ не менѣе, я очень обезпокоенъ этими извѣстіями, и я васъ прошу непосредственно извѣстить меня о вашемъ здоровьѣ и расположеніи духа. Что̀ вы намѣрены дѣлать этотъ годъ? Остаетесь-ли вы въ Вѣнѣ? Какъ будете проводить тамъ время? Мое же время занято такими дѣлами, которыми я, до сего времени, никогда въ жизни не занимался. Мой отецъ раздѣлилъ часть своихъ имѣній между нами четверыми. Также соразмѣрно были раздѣлены и его долги. Досадно имѣть ихъ въ настоящее время, и нужно много и долго потрудиться, чтобы отъ нихъ избавиться. Получаете-ли вы письма изъ Петербурга? Я уже такъ давно ихъ не имѣю. Я знаю несомнѣнно, что графиня была больна. Я писалъ имъ, но не получилъ отвѣта. Прошу васъ извѣстить меня о нихъ, если вы сами имѣете какое либо извѣстіе. Судя потому, что̀ происходитъ, надо думать, что война неизбѣжна. Увѣряютъ, что Австрія останется нейтральной. Вы тамъ всего вѣрнѣе объ этомъ знаете. Прощайте, мой милый и добрый другъ; отвѣчайте мнѣ, не взирая на свою лѣность: я желаю успокоиться на счетъ вашего здоровья. Здоровье же моихъ родныхъ хорошо. Они посылали вамъ свой привѣтъ.

Сѣнява. 9 Апрѣля 1812. Надпись: Его превосходительству господину Новосильцову, сенатору и проч. въ Вѣну.

Сообщено Николаемъ Яковлевичемъ Макаровымъ, въ подлинникахъ, найденныхъ имъ при разборѣ бумагъ покойнаго члена Государственнаго Совѣта Демьяна Васильевича Кочубея (находившагося въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Н. Н. Новосильцовымъ) и печатается съ дозволенія Аркадія Васильевича Кочубея.—Русскій переводъ сдѣланъ А. М. Барсуковою. *П. Б.*

---

*) Графиня Софія Владиміровна Строгонова?

АНЕКДОТЫ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

(1810—1811).

Предлагаемые здѣсь разсказы извлечены изъ одного Нѣмецкаго сочиненія (во Французскомъ переводѣ), составляющаго теперь книжную рѣдкость. Находится-ли оно, подлинникомъ, въ собраніи иноязычныхъ сочиненій о Россіи, которымъ владѣетъ Императорская Публичная Библіотека,—справиться объ этомъ по ея каталогу я не могъ, при всѣхъ стараніяхъ, такъ-какъ въ попавшемся мнѣ переводномъ экземплярѣ первый листокъ вырванъ, а безъ него нѣтъ указанія ни на заглавіе книги, ни на имя автора. Но изъ двухъ предисловій къ этому сочиненію и отмѣтки на послѣдней страницѣ видно, что Нѣмецкій подлинникъ напечатанъ въ Майнцѣ (въ типогр. Вирта), а Французскій переводъ въ Парижѣ, въ 1813 г. (на сѣрой бумагѣ, въ 8-ю д. л., 551 стр.). Неизвѣстный авторъ, бывшій въ Петербургѣ въ 1810—1811 гг., излагаетъ свои путевыя впечатлѣнія въ четырнадцати письмахъ къ пріятелямъ-соотечественникамъ, описывая Петербургъ и его населеніе со стороны общественныхъ нравовъ, обычаевъ и государственныхъ учрежденій. Общее содержаніе книги свидѣтельствуетъ въ пользу безпристрастія и наблюдательности автора, который съумѣлъ довольно-успѣшно придержаться разумной середины между признаніемъ симпатичныхъ явленій въ жизни посѣщенной имъ страны и обличеніемъ дѣйствительныхъ ея недостатковъ въ тогдашнее время, такъ близко-предшествовавшее погрому Наполеоновскаго вторженія. За всѣмъ тѣмъ, ничего особенно-замѣчательнаго въ литературѣ иностранныхъ сказаній о Россіи эта книга собою не представляетъ: по крайней мѣрѣ, для Русскаго цѣнителя историческихъ матеріаловъ въ ней немного найдется новыхъ свѣдѣній или мнѣній, которыя заслуживали-бы перевода ея въ полномъ объемѣ или въ пространныхъ извлеченіяхъ. Здѣсь выбрано лишь нѣсколько отрывковъ, преимущественно анекдотическаго содержанія, какіе показались болѣе интересными и не оглашенными еще въ Русской печати. *Д. Рябининъ.*

I.

Поѣздка императора Александра Павловича въ экипажѣ биржеваго извощика.

Военные люди въ Петербургѣ не пользуются кредитомъ въ дѣлахъ денежныхъ: они какъ-то отчуждены отъ остальныхъ классовъ общества. Гвардейскихъ офицеровъ вы рѣдко встрѣтите въ домахъ средняго круга или у негоціантовъ; офицеровъ арміи не увидите нигдѣ внѣ военной среды. Они рѣдко бываютъ приняты въ обществѣ, хотя многіе изъ нихъ не лишены ни воспитанія, ни порядочности тона. Откуда-то возникло всеобщее, безмолвно-установившееся отлученіе ихъ отъ общества и упорное недовѣріе ко всякому военному, кого не знаютъ слишкомъ уже коротко, или въ комъ не имѣли случая увѣриться вполнѣ. Купецъ, ремесленникъ, извощикъ не затруднятся повѣрить въ долгъ любому мирному гражданину въ статскомъ платьѣ; но всѣ они откажутъ въ кредитѣ военному, будь онъ обвѣшанъ орденами и обстановленъ наиблестящимъ образомъ: всенижайшій ему поклонъ и всякое почтеніе, а довѣрія ни на грошъ *).

*) Не должно забывать, что всѣ эти разсказы и наблюденія Нѣмца-путешественника относятся къ давно-минувшимъ днямъ 1810—1811 гг. *Д. Р.* Тогда еще могло не совсѣмъ исчезнуть вліяніе такъ называемыхъ Гатчинцевъ, представитель которыхъ графъ Аракчеевъ первенствовалъ въ военномъ вѣдомствѣ. *П. Б.*

Извощики возятъ господъ офицеровъ весьма-неохотно и только страха ради. Они ни одного изъ такихъ сѣдоковъ не спустятъ съ дрожекъ, если не получатъ платы впередъ или, по-крайней мѣрѣ, не удержатъ чего-нибудь въ залогъ. Напротивъ, они безбоязненно довѣряются всякому частному человѣку въ обыкновенномъ, хотя-бы и въ бѣдномъ, платьѣ: такого сѣдока они готовы пустить отъ себя куда угодно и ждать его у подъѣзда по цѣлымъ часамъ, въ твердой увѣренности, что ихъ не захотятъ обмануть на счетъ платы за провозъ, какъ это дѣлаютъ военные. Надобно еще сказать, что офицеры имѣютъ жестокость принуждать нарочно бѣдныхъ извощиковъ, въ самые лютые морозы, послѣ продолжительныхъ поѣздокъ, стоять по́-долгу на холодѣ, у подъѣзда казармъ, въ ожиданіи уплаты; а потомъ, вмѣсто отдачи денегъ, велятъ своимъ деньщикамъ гнать ихъ долой, въ толчки. Эти дикія продѣлки довольно-обыкновенны, и я самъ, вмѣстѣ со многими другими, былъ не разъ свидѣтелемъ подобныхъ штукъ.

Осенью прошлаго (1810-го) года, Императоръ имѣлъ случай убѣдиться, довольно-забавнымъ образомъ, въ неправильныхъ отношеніяхъ своихъ офицеровъ къ этимъ бѣднякамъ-извощикамъ. Однажды онъ прогуливался, по обыкновенію, по Англійской набережной, пѣшкомъ, въ офицерской сѣрой шинели, въ-накидку. Его кучеръ Илья, на этотъ разъ, не слѣдовалъ за нимъ съ экипажемъ; а между-тѣмъ вдругъ хлынулъ проливной дождь. Государь подзываетъ къ себѣ перваго попавшагося извощика и, не будучи узнанъ, велитъ ему везти себя къ Зимнему дворцу. При проѣздѣ мимо Сенатской гауптвахты, узнавшій царя караулъ становится въ ружье и отдаетъ честь, съ барабаннымъ боемъ. Извощикъ озирается кругомъ, полагая, что Императоръ проѣхалъ гдѣ-нибудь близко; а сѣдокъ говоритъ ему: „Ну, да, любезный: это царь проѣхалъ“. Наконецъ, подъѣзжаютъ они къ Зимнему дворцу. Александръ, не имѣя при себѣ денегъ, — какъ случается обыкновенно съ державными особами, — проситъ извощика обождать, обѣщая тотчасъ выслать ему деньги. „Э, нѣтъ, почтенный! Не могу: офицеры въ-часту́ю меня надували. А вотъ оставьте-ка мнѣ вашу шинель въ закладъ; дѣло-то будетъ вѣрнѣе“. Государь безпрекословно соглашается на это требованіе, снимаетъ шинель, отдаетъ ему ее и уходитъ. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ высылаетъ служителя передать извощику 25 рублей, объявить ему, что онъ возилъ Государя и получить обратно оставленную шинель. Служитель исполняетъ порученіе въ точности; но извощикъ, вмѣсто того, чтобы обрадоваться чести, которой удостоился и щедрой платѣ, начинаетъ лукаво смѣяться и говоритъ, съ видомъ человѣка себѣ-на-умѣ: „Ты, голубчикъ, видно, за дурака меня принимаешь: вѣдь шинель-то сто́итъ подороже 25-ти рублей; а почемъ знать, что́ у тебя въ головѣ; — пожалуй, ты хочешь, этакимъ манеромъ, дешево поживиться шинелью этого барина; да не тутъ-то было! Пускай баринъ, котораго я возилъ, самъ придетъ за шинелью, а иначе я ея не отдамъ“. Неизвѣстно, чѣмъ-бы это кончилось, еслибъ не случилось пройти тутъ любимому кучеру царскому Ильѣ, котораго въ Петербургѣ знаетъ всякій ребенокъ: тотъ подтвердилъ увѣренія камеръ-лакея, и тогда уже восторгъ извощика былъ неописанный.

II.

Французская актриса, дѣвица Жоржъ.

Знаменитая трагическая актриса, мамзель Жоржъ (Georges), блиставшая на сценѣ Петербургскаго Французскаго театра *), ѣздила однажды

*) Авторъ говоритъ, что она получала, будто-бы, въ Петербургѣ 60,000 руб. годоваго содержанія; а считая съ царскими подарками, двумя бенефисами въ Петербургѣ и двумя въ Москвѣ, она имѣла до 100,000 руб. въ годъ. *Д. Р.*

въ Москву, гдѣ въ то время находилась Русская сценическая знаменитость, Семенова. И та, и другая получили разрѣшеніе играть на Московскомъ театрѣ. Первый бенефисъ былъ Семеновой. Мамзель Жоржъ посылаетъ ей 50 рублей, прося себѣ ложу въ 3-мъ ярусѣ. Черезъ недѣлю спустя, шелъ бенефисъ и Француженки. Семенова съ своей стороны посылаетъ ей 200 рублей и тоже проситъ ложу 3-го яруса, на что́ гордая артистка отвѣчала слѣдующею запиской:

„Милостивая государыня! Если вы препроводили ко мнѣ ваши двѣсти рублей для того, чтобъ судить о моемъ талантѣ, то я не нахожу словъ, какъ васъ благодарить и прилагаю къ вашимъ деньгамъ еще 250 р., для раздачи бѣднымъ людямъ. Но если вы посылаете деньги эти мнѣ въ подарокъ, то извольте знать, что въ Парижѣ я имѣю у себя двѣсти тысячь франковъ. *Жоржъ*".

Мамзель Жоржъ пользовалась въ Петербургѣ вниманіемъ высшаго общества и была отлично-принята въ лучшихъ домахъ. Въ числѣ хорошихъ знакомыхъ ея была извѣстная остроуміемъ и любезностью супруга генерала Кутузова *). Красивый и ловкій артистъ Французской труппы, Андріё (Andrieux), бывалъ также частымъ гостемъ въ домѣ генеральши; но въ послѣднее время посѣщенія его къ ней сдѣлались значительно-рѣже, и онъ, по-видимому, сталъ предпочитать общество мамзель Жоржъ. Между-тѣмъ изъ Молдавіи пришли въ Петербургъ пріятныя вѣсти о блестящихъ успѣхахъ генерала Кутузова въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Турокъ. Взятые имъ трофеи торжественно были выставлены на парадѣ войскъ въ Петербургѣ, при пушечной пальбѣ изъ крѣпостныхъ орудій. Мамзель Жоржъ сочла долгомъ поѣхать къ генеральшѣ и поздравить ее съ побѣдами мужа; но та приняла гостью необыкновенно-холодно и свысока; подобнаго-же обращенія съ собою артистка испытывать не привыкла и о причинахъ такой странной перемѣны прямо спросила генеральшу. Тогда Кутузова позволила себѣ не совсѣмъ-деликатный намекъ на сношенія дѣвицы Жоржъ съ Андріё, на что́ вспыльчивая актриса отвѣчала съ большою горечью и рѣзкостью, а генеральша возразила ей нѣсколькими ѣдко-оскорбительными словами. Тутъ уже мамзель Жоржъ, вышедшая изъ себя, разразилась надъ ней громомъ самыхъ трагическихъ изреченій и, не давъ опомниться озадаченной хозяйкѣ дома, порывисто бросилась изъ комнаты къ своему экипажу и умчалась. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ этой сцены, генеральша прогуливалась на бульварѣ. Встрѣтившій ее тамъ императоръ Александръ привѣтствуетъ ее *графиней* и говоритъ, что въ этотъ-же вечеръ будетъ объявлено при Дворѣ о возведеніи ея супруга со всѣмъ семействомъ въ графское достоинство, въ награду великихъ его заслугъ **). Дѣйствительно, объ этомъ пожалованіи было возвѣщено тогда-же. Новой графинѣ оказали при Дворѣ особенный почетъ и самое лестное вниманіе, при чемъ пригласили ее въ Эрмитажный театръ, гдѣ играла въ тотъ вечеръ мамзель Жоржъ. Великая артистка превзошла сама-себя въ этомъ спектаклѣ и вызвала восторгъ всеобщій, невыразимый. Графиня не въ состояніи была удержаться, чтобъ не апплодировать, и даже съ тѣхъ поръ всегда первый апплодисментъ артисткѣ исходилъ изъ графининой ложи, абонированной въ Маломъ театрѣ.

---

*) Кутузовъ, тогда генералъ-отъ-инфантеріи и главнокомандующій арміею противъ Турокъ, пожалованъ графомъ 29-го Октября 1811 г. *Д. Р.*

**) Супруга славнаго Михаила Илларіоновича Голенищева-Кутузова, впослѣдствіи князя Смоленскаго, Екатерина Ильинишна, рожденная Бибикова. Р. 5-го Ноября 1754 †23-го Іюля 1824 г.

III.

Директоръ Петербургскихъ театровъ, А. Л. Нарышкинъ и артисты-Французы.

Главный директоръ императорскихъ Петербургскихъ театровъ, оберъ-камергеръ Нарышкинъ *) при всегдашнемъ безденежьѣ вслѣдствіе расточительной жизни, имѣлъ обыкновеніе частенько задерживать у себя, пó-долгу, суммы, отпускавшіяся на содержаніе театровъ и жалованье артистамъ. Однажды пришлось и первостепенной хореграфической знаменитости, танцору Дюпору (Duport), получавшему около 60 т. рубл. въ годъ, подвергнуться продолжительному ожиданію выдачи жалованья. Между-тѣмъ, на Большомъ театрѣ ставился великолѣпный балетъ, въ которомъ Дюпоръ долженъ былъ танцовать соло. Насталъ вечеръ этого спектакля; театръ переполнился зрителями; между ними находилось множество вельможъ и чиновъ дипломатическаго корпуса; ожидали поднятія занавѣса... Но Дюпоръ отказывался на-отрѣзъ выйти на сцену, до тѣхъ поръ, пока дирекція не уплатитъ ему должныхъ денегъ, 10 т. руб. Нарышкинъ зоветъ его къ себѣ въ ложу, уговариваетъ, сыплетъ обѣщаніями, ласкаетъ,— наконецъ, грозитъ; все понапрасну: упрямецъ остается непреклоннымъ. Какъ тутъ быть? Балетъ безъ участія Дюпора оказывался дѣломъ немыслимымъ, и Нарышкинъ вынужденъ былъ послать къ себѣ домой своего секретаря за требуемою суммою, которая, по, особенно-счастливой случайности, могла быть на этотъ разъ собрана сполна. Деньги были тотчасъ-же вручены Дюпору; онъ выступилъ на сцену и въ тотъ вечеръ очаровалъ публику больше, чѣмъ когда-нибудь.

Каланъ (Caland), Французскій комическій актеръ, попалъ въ такую-же бѣду томительнаго и долгаго ожиданія. Не смѣя подражать настойчивости Дюпора, онъ попробовалъ другаго средства: написалъ директору просьбу въ стихахъ, сложившихся довольно-удачно и игриво. Нарышкинъ, всегдашній любитель остроумныхъ выходокъ и самъ бонмотистъ первостатейный, былъ очень доволенъ замысловатымъ посланіемъ и распорядился немедленно удовлетворить находчиваго артиста.

IV.

А. Л. Нарышкинъ и царская Андреевская звѣзда.

Зимою прошлаго (1810-го) года, Государь пожаловалъ этому самому Нарышкину великолѣпный Андреевскій орденъ съ бриліантовыми украшеніями, цѣнностію тысячь въ тридцать рублей. Новопожалованный кавалеръ, вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ, поспѣшилъ заложить этотъ орденъ въ Ломбардъ, какъ вслѣдъ затѣмъ при Дворѣ былъ объявленъ какой-то большой праздникъ, на которомъ, разумѣется, слѣдовало непремѣнно явиться въ новой звѣздѣ. Чтò тутъ дѣлать и какъ выпутаться изъ затрудненія? У Нарышкина въ наличности ни гроша, по обычаю, а директоръ Ломбарда человѣкъ неумолимый и неспособный внять никакимъ краснорѣчивымъ просьбамъ объ отдачѣ ордена закладчику, хоть на четверть часа прежде уплаты всей ссуды. Сказаться больнымъ и принимать лекарство, представлялось въ настоящемъ случаѣ средствомъ неловкимъ, неудобнымъ. Оставался одинъ только возможный исходъ: прибѣгнуть къ царскому камердинеру, у котораго хранились двѣ бриліантовыя звѣзды Государя; одна изъ нихъ, новенькая, стòила 60 т. руб. Нарышкинъ пу-

---

*) Александръ Львовичъ, оберъ-гофмейстеръ съ 1798 г., оберъ-камергеръ съ 1801 г. и Андреевскій кавалеръ, род. 14 Апр. 1760†21 Янв. 1826 г. *Д. Р.*

скаетъ въ ходъ всевозможныя убѣжденія, просьбы, любезности и, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, склоняетъ камердинера дать ему, Нарышкину, надѣть новую звѣзду государеву, подъ клятвой, что онъ возвратитъ ее немедленно послѣ праздника. И такъ, въ этой звѣздѣ Нарышкинъ является на балъ. По четыремъ крупнымъ бриліантамъ, украшающимъ углы ордена, Императоръ замѣчаетъ въ немъ разительное сходство съ собственною новою звѣздой, нѣсколько разъ всматривается въ орденъ очень пристально и потомъ говоритъ Нарышкину. „Вотъ странность, *кузенъ:* вы носите звѣзду точь-въ-точь такую, какую я недавно получилъ отъ ювелира“. Нарышкинъ приходитъ въ ужаснѣйшее смущеніе, теряясь въ безсодержательныхъ и несвязныхъ фразахъ. Такое необыкновенное замѣшательство, въ виду загадочно-тождественнаго сходства одного орденскаго знака съ другимъ,—сходства, признаваемаго болѣе и болѣе,—останавливаетъ на себѣ сосредоточенное вниманіе Императора, который, наконецъ, высказываетъ съ явною сухостью: „Не знаю, кузенъ, ошибаюсь-ли я, но скажу вамъ прямо: полагаю, что это именно моя звѣзда; сходство съ нею просто поразительно“. Ошеломленный, уничтоженный оберъ-камергеръ признается тогда во всей этой продѣлкѣ, предавая себя вполнѣ заслуженной карѣ и только испрашивая помилованія черезчуръ податливому царскому камердинеру. Въ изумленіи отъ этой неожиданной развязки, благодушный и снисходительный Александръ мгновенно смягчается: въ немъ стихаетъ чувство справедливаго негодованія, и онъ милостиво отвѣчаетъ кающемуся придворному: „Успокойтесь. Поступокъ вашъ не на столько важенъ, чтобъ я не умѣлъ его простить; однакожъ, мнѣ самому не приходится уже употреблять этотъ орденъ, а остается подарить его вамъ,—съ условіемъ, чтобы я впередъ не подвергался подобнымъ заимствованіямъ моихъ вещей“.

V.

Фельдмаршалъ Румянцовъ, какъ семьянинъ.

Румянцовъ, безсмертный побѣдитель при Ларгѣ и Кагулѣ, никогда не былъ доволенъ своими сыновьями, Николаемъ и Сергѣемъ: онъ считалъ ихъ людьми ограниченными и дюжинными, избѣгалъ сообщества ихъ и если имѣлъ съ ними рѣдкія свиданія, то всегда противъ воли. Когда его постигла болѣзнь, императрица Екатерина посѣтила больнаго и, при входѣ своемъ, застала его сыновей въ передней плачущими потому что отецъ не хотѣлъ ихъ болѣе видѣть. Екатерина замолвила за нихъ слово, и тогда онъ допустилъ къ себѣ дѣтей, въ ея присутствіи, хотя и тутъ не могъ удержаться отъ выраженія неудовольствія своего на нихъ. Однакожъ, послѣднее желаніе, высказанное имъ Государынѣ, состояло въ томъ, что онъ просилъ ее не оставить ихъ монаршимъ покровительствомъ, которое Императрица и обѣщала съ своей стороны *). Впослѣдствіи Александръ I выполнилъ это обѣщаніе августѣйшей бабки: онъ облекъ графа Николая Румянцова высокимъ званіемъ канцлера и министра иностранныхъ дѣлъ, удостоивъ его своимъ особеннымъ довѣріемъ. Вѣроятно и Сергѣй Румянцовъ достигъ-бы назначенія военнымъ министромъ (?), если бы безвременно не подвергся умственному разстройству, которое было причиною учрежденія надъ нимъ опеки **).

---

*) Румянцову было суждено пережить Государыню болѣе нежели цѣлымъ мѣсяцемъ: она скончалась 6-го Ноября, а онъ умеръ 8-го Декабря 1796 г. *Д. Р.*

**) Это былъ графъ Михаилъ, а не графъ Сергѣй Румянцовъ. *П. Б.*

Въ извѣстныхъ „Запискахъ“ Масона мы находимъ также замѣтку о равнодушіи знаменитаго фельдмаршала къ семейнымъ связямъ:

.... „Онъ прожилъ свой вѣкъ столько-же эгоистомъ, какъ и философомъ, и приносилъ болѣе чести званію воина-полководца, нежели семьянина. Онъ разрознился съ женой [1]) и, подобно Лафонтену, сдѣлался совершенно-чуждымъ своей семьѣ. Одинъ изъ его сыновей, окончивъ курсъ наукъ, пріѣхалъ къ отцу въ армію, просить его о принятіи на службу.—„Да вы-то кто такой“? спросилъ Румянцовъ.—„Сынъ вашъ“.—„А, а! Весьма-пріятно. Вы таки-выросли“. Послѣ нѣсколькихъ, столь-же родительскихъ, вопросовъ, молодой человѣкъ освѣдомился, гдѣ онъ можетъ имѣть свое помѣщеніе и что́ долженъ дѣлать. „А вы поищите, отвѣчалъ отецъ, поищите: у васъ вѣрно найдется здѣсь въ лагерѣ кто-нибудь знакомый, изъ офицеровъ“. Вотъ и другая еще черта: сынъ его, Сергѣй, возвращаясь изъ своего посольства въ Швеціи (1794 г.), просилъ у Николая Ивановича Салтыкова рекомендательнаго о себѣ письма къ отцу своему, чтобъ ему представиться и быть хорошо принятымъ“. (*Mémoires secrets sur la Russie*, 1, 334—335). *Д. Р.*

VI.

Графъ Н. П. Румянцовъ и директоръ Львовъ.

Графъ Николай Румянцовъ, за нѣсколько лѣтъ до настоящаго времени, (т. е. до 1811 г.) завѣдывалъ министерствомъ торговли, а директоромъ тамъ былъ нѣкто *Львовъ*, человѣкъ лукавый, невѣжественный и грубый [2]). Невѣроятные толки ходятъ въ обществѣ о его управленіи дѣлами этого вѣдомства. Разсказываютъ, напримѣръ, будто Львовъ, безъ зазрѣнія совѣсти, велъ систематически торговлю мѣстами по своему департаменту, продавая ихъ какъ-бы съ аукціона и оставляя безъ вниманія людей истинно-достойныхъ, даже рекомендованныхъ министру особами царствующаго дома къ замѣщенію открывающихся вакансій: Львовъ предпочиталъ подобнымъ кандидатамъ всякаго, кто ему больше платилъ. Министръ (т. е. гр. Румянцовъ), зналъ обо всемъ этомъ и... молчалъ!—Что́ я говорю? Онъ даже посмѣивался надъ рекомендованными свыше кандидатами, потому-что они обращались съ ходатайствомъ за себя къ членамъ высочайшей фамиліи, въ надеждѣ вѣрнѣе устроить, при ихъ посредствѣ, свои дѣла. Это факты, которымъ не достаетъ лишь подписи нѣсколькихъ именъ, могущихъ формально удостовѣрить ихъ дѣйствительность.

VII.

Орденскія награды.

Ордена Аннинскій и Владимірскій раздаются въ Россіи весьма щедро и не совсѣмъ разборчиво [3]). Вы можете въ Петербургѣ встрѣтить множество пожалованныхъ этими крестами молодыхъ чиновниковъ, которые прослужили не болѣе одного или полутора года. Особенно-изобильно и торовато расточаются эти награды по вѣдомству водныхъ сообщеній, состоящему подъ управленіемъ принца Петра-Фридриха-Георга Гольстейнъ-Ольденбург-

---

[1]) Екатерина Михайловна, рожденная княжна Голицына, въ замужствѣ за гр. П. А. Румянцовымъ съ 1748 г.; род. 1725 †22 Авг. 1779 г. *Д. Р.*

[2]) Сл. выше, стр. 152 *П. Б.*

[3]) На это жаловался и Карамзинъ въ своей Запискѣ о древней и новой Россіи (Р. Архивъ 1870, въ приложеніи, стр. 2341). *П. Б.*

скаго, генералъ-губернатора Тверскаго, Новгородскаго и Ярославскаго, который, впрочемъ, съ большимъ достоинствомъ начальствуетъ этою частію, въ качествѣ генералъ-директора. Стóитъ кому либо изъ его подчиненныхъ,—хотя-бы простому писцу,—сойти въ воду по-колѣно, при распоряженіи работами на глазахъ принца: совершитель такого подвига можетъ быть твердо увѣреннымъ въ скоромъ полученіи Владимірскаго креста. Недавно, говорятъ, былъ такой случай: императоръ Александръ, встрѣтившій какъ-то на Адмиралтейскомъ бульварѣ очень еще молодаго человѣка съ этимъ орденомъ, спросилъ у юнаго кавалера, за чтó онъ получилъ крестъ; а тотъ, въ смущеніи, отвѣчалъ: „Не могу доподлинно доложить объ этомъ Вашему Величеству; я всего только съ годъ состою на службѣ".

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ М. М. ЕВРЕИНОВА.

Наталья Кириловна Загряжская.

Наталья Кириловна, вдова оберъ-шенка Николая Александровича Загряжскаго, была дочь фельдмаршала графа Кирила Григорьевича Разумовскаго, дама умная, добродѣтельная и всѣми уважаемая, не смотря на то, что въ характерѣ ея было много оригинальнаго, собственно ей принадлежащаго. Узналъ я ее въ преклонныхъ уже ея лѣтахъ, чтó было въ 1825 году, вскорѣ по восшествіи императора Николая Павловича на престолъ. По принесеніи ему въ Москвѣ присяги, князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ долженъ былъ отправиться въ Петербургъ и предложилъ мнѣ, не желаю ли я ему сопутствовать. Не бывши давно въ Петербургѣ, также и потому, что мнѣ пріятно было сдѣлать это путешествіе вмѣстѣ съ княземъ, я немедленно на то согласился. И такъ, въ концѣ Декабря, мы, на почтовыхъ лошадяхъ, въ собственномъ его дормезѣ и съ его свитою, отправились съ тѣмъ, чтобы по ночамъ останавливаться отдыхать. Наканунѣ дня Рождества Христова прибыли мы въ Новгородъ; въ сей день утреню слушали мы въ соборѣ, а обѣдню въ Юрьевѣ монастырѣ; къ вечеру же прибыли въ Петербургъ и остановились къ принадлежавшемъ князю домѣ у Синяго моста. Князь заботясь обо мнѣ, чтобы мнѣ не было скучно, говорилъ, что, не бывши долгое время въ Петербургѣ, вѣроятно я мало имѣю знакомыхъ; но какъ сестра его княжна Елена Михайловна и графиня Екатерина Артемьевна Воронцова пріѣхала сюда и обѣ остановились у Натальи Кириловны Загряжской, и ты съ ними хорошо знакомъ, то можешь у нихъ часто бывать; а при томъ я тебѣ представлю и Натальѣ Кириловнѣ, у которой всякой вечеръ собирается все лучшее Петербургское общество. На другой же день князь это исполнилъ. Наталья Кириловна приняла меня очень ласково и просила чаще ее посѣщать, чѣмъ я и воспользовался. По вечерамъ садилась она играть въ любимой ею бостонъ по 25 коп. и за всякую выигранную игру собирала марки въ стоящую возлѣ нея коробочку; деньги сіи поступали въ пользу бѣдныхъ, которыхъ у ней было много. Вотъ однажды какъ-то посѣтители ея позамѣшкались, а она, всегда спѣша начинать партію, говоритъ: „Я ужъ, знаю, что никто нынче не пріѣдетъ; садись съ нами, (то есть съ

княжной Голицыной и графиней Воронцовой) играть". Черезъ полчаса гостиная ея наполнилась по обыкновенію гостями что̀ бывало и всякій вечеръ, но она вѣчно спѣшила начинать свою партію и всегда думала, что никто не пріѣдетъ. Случилось однажды Родіону Александровичу Кошелеву пріѣхать позднѣе обыкновеннаго, т. е. въ 9-ть часовъ, и она ему говоритъ: „чтой-то батюшка, вѣрно ночевать пріѣхалъ?" Окончивши свою партію, спѣшила она всегда отправляться въ свою спальню, кто бы тутъ ни былъ, съ сопровождающею ее Авдотьей Петровною Загряжской, у ней живущею; гости оставались доканчивать свои партіи, а нѣкоторые и ужинать. Какъ-то я разъ спросилъ у Авдотьи Петровны: вѣрно Наталья Кириловна любитъ рано ложиться почивать. Она мнѣ отвѣчала: „Какое рано, мы прежде трехъ часовъ ночи не укладываемся". Что же вы дѣлаете? — „Да только взадъ и впередъ ходимъ молча по комнатѣ; иногда она скажетъ мнѣ: Авдотья Петровна подыми шторы, погодя немного: Авдотья Петровна опусти шторы; вотъ такъ у насъ время и проходитъ".

Однажды Наталья Кириловна говоритъ мнѣ: „У меня до тебя, голубчикъ, есть просьба". Я отвѣчалъ ей, что всякое ея приказаніе готовъ исполнить. „Вотъ видишь ли что; не знаешь ли, гдѣ бы можно было достать мнѣ самаго крѣпкаго табаку Русскаго"? Я сказалъ, что это очень легко исполнить, только позвольте спросить, для какого употребленія; я знаю, что вы всегда изволите нюхать Французскій. На сіе она отвѣчала: „Я-то всегда нюхаю Французскій; но мнѣ нуженъ самый крѣпкій Русскій: ты самъ знаешь, какое теперь опасное время! Безпрестанно привозятъ заговорщиковъ въ крѣпость, а кто ихъ знаетъ, можетъ ихъ много шатается и по улицамъ; вотъ я часто прогуливаюсь, и когда замѣчу какое подозрительное лицо, я тотъ часъ и насыплю ему въ глаза". Я на сіе сказалъ, что можно ослѣпить и невиннаго.—„Нѣтъ я тотчасъ узна́ю подозрительное лицо и никакъ не ошибусь".

Разсказывала она однажды, въ какомъ она находилась затруднительномъ положеніи. „Каждый Вторникъ привыкла я дѣлать свои счеты и не успѣла ихъ еще докончить, какъ докладываютъ, что императрица Марія Θеодоровна пожаловала; нечего дѣлать, надобно было идти встрѣчать ее. Спустя нѣсколько времени, входитъ императрица Елизавета Алексѣевна, посидѣвъ у меня немного встаетъ и говоритъ мнѣ: какъ мнѣ жаль Наталья Кириловна, что я не могу долѣе у васъ пробыть; спѣшу въ Патріотическій Институтъ, гдѣ нынче назначенъ экзаменъ. Тогда я сказала ей: Государыня, я думаю, никто никогда въ такомъ затруднительномъ положеніи не находился, какъ я теперь. Ваше Величество осчастливили меня Вашимъ посѣщеніемъ, и я обязанностію считаю Васъ провожать; какимъ же образомъ могу я это сдѣлать тогда, какъ Императрица Ваша матушка у меня находится"? Императрица ее успокоивала, что провожать ее никакъ не слѣдуетъ, потому что нельзя же ей оставить императрицу Марію Θеодоровну.

Наталья Кириловна по добротѣ своего сердца имѣла обыкновеніе всегда о комъ нибудь хлопотать и просить, не разбирая то-

го, возможно ли то сдѣлать или нѣтъ. Вотъ она однажды говоритъ князю Сергію Михайловичу, съ которымъ была очень дружна: „Я знаю, что ты очень коротко знакомъ съ Филаретомъ; не можешь ли ты къ нему написать письмо объ одной хорошо мнѣ знакомой игуменьѣ: близъ ея монастыря протекаетъ рѣка, то нельзя ли отъ этой рѣки провести воду, чтобы она протекала ближе къ монастырю?“ Князь отвѣчалъ ей: „Помилуй, Наталья Кириловна, можно ли мнѣ писать къ нему о подобныхъ дѣлахъ? Онъ подумаетъ, что я помѣшался“. „Я напередъ знала, что ты мнѣ откажешь; ты никогда для меня ничего не хочешь сдѣлать. Ну хорошо, по крайней мѣрѣ вотъ что сдѣлай: скажи ты ему, чтобъ онъ самъ ко мнѣ пріѣхалъ; я сама буду его просить“. Князь ей сказалъ: „Ну вотъ это другое дѣло, я его попрошу пріѣхать“. Князь, увидѣвши митрополита, говоритъ ему: „Вы бы когда заѣхали къ Натальѣ Кириловнѣ“. Тотъ отвѣчалъ ему: „Кто такая Наталья Кириловна? Я ея совсѣмъ не знаю“. Князь сказалъ ему, что это весьма почтенная и всѣми уважаемая дама, которую и Императрицы посѣщаютъ. Тогда митрополитъ сказалъ: „Хорошо, какъ нибудь, возвращаясь изъ Синода, къ ней заѣду“. Черезъ нѣсколько времени онъ это исполнилъ. Она, встрѣчая его, говоритъ ему: „У Меня батюшка есть до васъ просьба“, разсказываетъ ему всю исторію объ игуменьѣ и о протекающей водѣ. Митрополитъ только и могъ отговориться отъ ея просьбы, что такъ какъ этотъ монастырь не въ его эпархіи находится, то онъ ничего не можетъ сдѣлать. Не знаю, чѣмъ эта исторія кончилась.

У князя Виктора Павловича Кочубея, съ которымъ она жила въ одномъ домѣ *) былъ балъ, на которомъ находилась царская фамилія; тутъ же былъ и князь Сергій Михайловичъ. Наталья Кириловна махнула ему рукою, чтобы онъ подошелъ къ ней и сказала ему: „Это, кажется, стоитъ Михаилъ Павловичъ (т. е. Великій Князь); скажи ты ему, чтобы онъ ко мнѣ подошелъ“. Когда князь передалъ это Великому Князю, тотъ, пожавъ плечами, сказалъ: „Вѣрно опять какая нибудь новая просьба!“ Отказывать ей было трудно.

Изъ записки князя Кочубея къ Михаилу Павловичу Миклашевскому можно судить о характерѣ Натальи Кириловны. Онъ пишетъ къ нему: „Хотя я ласкалъ себя удовольствіемъ видѣть васъ сегодня у себя на постномъ обѣдѣ, но Наталья Кириловна, съ которой трудно спорить, хочетъ чтобы я у ней ѣлъ, для середы, какое-то кушанье даже и безъ масла. Посему не сдѣлаете ли мнѣ одолженіе завтра пожаловать къ намъ откушать, а сегодня по вечеру въ свободный часъ на бесѣду дружескую!“

Какъ-то Государь Николай Павловичь говорилъ князю Сергію Михайловичу: „Хочется мнѣ заѣхать къ Кочубею. Какое бы было время удобнѣе, а то Наталья Кириловна меня, пожалуй, встрѣтитъ?“

*) Домъ этотъ на Фонтанкѣ близъ Цѣпнаго моста, гдѣ нынѣ помѣщается III-е Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Комнаты Натальи Кириловны были внизу, на лѣво отъ входа.

Въ то время когда я посѣщалъ Наталью Кириловну, хотя тогда она жила въ одномъ домѣ съ княземъ Кочубеемъ, который былъ женатъ на родной ея племянницѣ, Марьѣ Васильевнѣ Васильчиковой (дочери сестры ея Анны Кириловны) но Кочубей и жена его находились въ то время заграницею, почему и не имѣлъ я случая съ ними познакомиться; но въ послѣдствіи, когда князь Викторъ Павловичь пріѣзжалъ въ Москву, князь Сергій Михайловичь предложилъ ему, не желаетъ ли онъ осмотрѣть наши человѣколюбивыя заведенія и когда онъ изъявилъ на то желаніе, то князь написалъ мнѣ, что князь Кочубей на другой день пріѣдетъ въ назначенный часъ, въ Домъ Призрѣнія сиротъ, котораго я былъ директоромъ, чтобы я его принялъ и объяснилъ что̀ ему угодно будетъ знать. Князь Кочубей, по сдѣланному имъ назначенію, пріѣзжалъ; провожая его, я удовлетворялъ его любопытству и все объяснялъ что̀ ему угодно было знать; съ нѣкоторыми дѣтьми онъ разговаривалъ и остался доволенъ всѣмъ порядкомъ, какой онъ нашелъ. Вѣжливость съ моей стороны требовала къ нему съѣздить, чтобы благодарить его; но я не могъ его видѣть, потому что онъ занемогъ и вскорѣ скончался, 3 Іюля 1834 года.

Зналъ я и сестеръ Натальи Кириловны, графиню Прасковью Кириловну Гудовичь, бывшую въ замужствѣ за фельдмаршаломъ графомъ Гудовичемъ, бывшимъ Московскимъ главнокомандующимъ и графиню Елизавету Кириловну Апраксину, также и брата ея графа Льва Кириловича Разумовскаго и супругу его графиню Марью Григорьевну, у которыхъ часто бывалъ на прекрасныхъ ихъ балахъ. Домъ ихъ былъ занимаемый нынѣ Англійскимъ Клубомъ; тогда онъ былъ въ лучшемъ видѣ, украшенъ былъ славными картинами и мраморами, а огромный кабинетъ графини заставленъ былъ бульденежами и разными цвѣтами; и вообще говоря, балы у нихъ всегда были веселые. И это все было до 1812 года, послѣ котораго многое измѣнилось.

И князь Потемкинъ не умѣлъ отказывать Нат. Кириловнѣ. У нея жила мамзель, которая давала уроки музыки ея племянницѣ; въ одинъ день говоритъ она Натальѣ Кириловнѣ, что она хочетъ уѣхать изъ Петербурга, потому что лѣтомъ всѣ Петербургскіе жители разъѣзжаются по дачамъ; не имѣя своего экипажа, она не можетъ къ нимъ ѣздить и не желаетъ оставаться въ праздности. Наталья Кириловна возражаетъ ей, что этого нельзя сдѣлать; тѣмъ или другимъ образомъ она должна у ней оставаться. Въ это время пріѣзжаетъ къ ней Потемкинъ, и она говоритъ ему: „Какъ ты хочешь, Потемкинъ, а мамзель мою пристрой куда нибудь.—„Ахъ, моя голубушка, сердечно радъ; да что для нея сдѣлать право не знаю“. Что же, чрезъ нѣсколько дней приписали эту мамзель къ какому-то полку и дали ей жалованье.

БУМАГИ ПОКОЙНАГО ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА КНЯЗЯ ИЛАРІОНА ВАСИЛЬЕВИЧА ВАСИЛЬЧИКОВА [1]).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ и отдѣльныхъ статьяхъ появлялись въ новѣйшее время пространные и разнорѣчивые разсказы о такъ называемой Семеновской исторіи 1820 года, и такъ какъ мой отецъ Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ командовалъ въ это время гвардейскимъ корпусомъ, то имя его встрѣчается почти во всѣхъ этихъ повѣствованіяхъ со всевозможными коментаріями о его дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ.

Въ Русской Старинѣ (Декабрь 1871 г.) были напечатаны письма И. В. Васильчикова къ князю П. М. Волконскому. Мы здѣсь издаемъ въ свѣтъ отвѣты князя Волконскаго Васильчикову и нѣсколько другихъ переписокъ, въ томъ числѣ весьма замѣчательное собственноручное письмо императора Александра Павловича, отрывки котораго помѣщены въ приложеніяхъ къ Исторіи Александра I-го, генерала Богдановича [2]).

Но издавая эти документы, имѣющіе болѣе или менѣе офиціальный характеръ, мы должны предпослать имъ наши частныя объясненія, основанныя преимущественно на изустныхъ разсказахъ, слышанныхъ нами отъ покойнаго нашего родителя. Эти объясненія не вполнѣ подтверждаются приводимыми письмами; въ нѣкоторыхъ подробностяхъ даже, повидимому, они представятъ разногласіе съ донесеніями командира гвардейскаго корпуса, даже съ письмами интимнаго, дружескаго свойства, адресованными имъ къ старому сослуживцу и товарищу, князю П. М. Волконскому. Но въ такъ называемой Семеновской исторіи (какъ мы постараемся доказать) было столько таинственныхъ, загадочныхъ, темныхъ обстоятельствъ, что не удивительно, если многія изъ нихъ не могли войти въ переписку, или должны были быть изложены только въ видѣ намековъ и общихъ выраженій.

---

[1]) Печатаются съ подлинниковъ.—Не можемъ не пожалѣть, что драгоцѣнныя въ историческомъ отношеніи бумаги эти касаются только одного эпизода въ доблестной жизни князя Васильчикова. Потомство пожелаетъ имѣть полное жизнеописаніе его. *П. Б.*

[2]) Генералъ Богдановичь не указываетъ, откуда получилъ онъ это письмо. Такъ какъ онъ пользовался собственноручными бумагами императора Александра въ Государственномъ Архивѣ, а бумагами И. В. Васильчикова не пользовался, то можно предположить, что въ рукахъ его было письмо черновое. Предположеніе это подтверждается показаніями лицъ, близко знакомыхъ съ письменными работами покойнаго Государя: оказывается, что въ этихъ работахъ онъ былъ неутомимъ, подобно бабкѣ и воспитательницѣ своей Екатеринѣ II-й, и въ важныхъ случаяхъ самъ писалъ и на черно и на бѣло. *П. Б.*

Семеновская исторія имѣетъ двѣ стороны. Первая сторона официальная и всѣмъ извѣстная—это неповиновеніе одной роты одного полка: происшествіе само по себѣ не имѣющее такого значенія, чтобы ему посвящать ученыя историческія изслѣдованія. Вездѣ и во всѣ времена приключались подобные дисциплинарные безпорядки; а въ Россіи, начиная со временъ Петра I и Стрѣлецкихъ бунтовъ и кончая восшествіями на престолъ Елисаветы и Екатерины II-й, эти отборныя и приближенныя къ царскимъ особамъ войска играли всегда первенствующую роль въ политическихъ событіяхъ. Поэтому страннымъ кажется читать въ донесеніяхъ и запискахъ того времени, что происшествіе это было событіемъ неслыханнымъ, случаемъ небывалымъ въ лѣтописяхъ Русской арміи. Скорѣе бы можно сказать, что это возмущеніе, равно и возстаніе 14-го Декабря, были (надо надѣяться) послѣдними проявленіями солдатскихъ бунтовъ, продолжавшихся почти безпрерывно отъ временъ Петра Великаго до царствованія Николая I-го.

И такъ, повторяемъ, само по себѣ это событіе не заслуживаетъ того вниманія, котораго оно было удостоено въ свое время и коимъ вновь воспользовалось въ послѣдніе годы.... Но дѣло въ томъ, что подъ этими внѣшними явленіями скрывалось и сознавалось нѣсколько смутно, но глубоко, общее предчувствіе другихъ болѣе важныхъ послѣдствій и переворотовъ. Семеновская исторія получила въ глазахъ современниковъ нѣсколько преувеличенное значеніе потому, что послужила поводомъ и поприщемъ интриги двоякаго рода: придворной и политической.

Мы сперва разсмотримъ интригу придворную и потомъ перейдемъ къ политической.

Въ то время какъ приключилось возмущеніе Семеновскаго полка и уже за нѣсколько годовъ прежде, въ высшихъ слояхъ военно-придворнаго общества происходило замѣтное раздвоеніе: юные генералы, командиры гвардейскихъ полковъ, болѣе или менѣе отличавшіеся въ отечественную войну въ чинахъ субалтерныхъ и прославившіе себя подвигами въ родѣ взятія Соассона *), поддержанные столь же и еще болѣе юными начальниками, командовавшими бригадами гвардейскаго корпуса, уже начали отдѣляться въ особую группу, рѣзко отличавшуюся отъ первыхъ и нѣсколько состарѣвшихся сподвижниковъ Александра Павловича. Приверженцы стройности и наружнаго блеска, щеголи въ частномъ своемъ быту, они уже начинали приводить гвардейскія войска въ тотъ примѣрно-блестящій видъ, въ коемъ мы ихъ привыкли видѣть на разводахъ и парадахъ, въ теченіи послѣдовавшаго 30-ти лѣтняго царствованія. Всѣ они, эти генералы, принадлежали къ наивысшему кругу великосвѣтскаго общества; всѣ они отличались одинаковою молодцоватостью передъ фронтомъ и на паркетѣ и пользовались всесильною поддержкою прекраснаго и слабаго пола, окружавшаго обѣихъ императрицъ, вдовствующую и царствующую.

Но всего болѣе отличались они особымъ направленіемъ и образомъ мыслей, которыя выражались въ безусловной преданности правительству и ревности къ службѣ, и ни одинъ изъ нихъ не принадлежалъ ни къ числу великодушныхъ мечтателей первой половины царствованія Александра Павловича, ни къ числу преступныхъ заговорщиковъ второй половины. Это были люди въ политическомъ отношеніи чистые, какъ листъ бѣлой бумаги, на которомъ можно было писать всё чтò угодно.

*) См. въ Р. Архивѣ 1868, стр. 903, статью подъ заглавіемъ: „Какъ былъ взятъ городъ Соассонъ?“ *П. Б.*

Вотъ эта-то блестящая плеяда вела скрытую, но неусыпную борьбу съ тѣми лицами, въ коихъ отзывались устарѣвшія преданія прежнихъ лѣтъ. Боролись они не потому, чтобы либеральныя мнѣнія имъ были противны, но потому только, что эти мнѣнія уже не пользовались прежнимъ благорасположеніемъ высшаго начальства и что вѣтеръ, за направленіемъ коего они, какъ истые царедворцы, внимательно слѣдили, подулъ съ другой стороны.

Это противодѣйствіе было тайно подстрекаемо Аракчеевымъ, который находился съ отцомъ моимъ, какъ и съ прочими первыми сподвижниками императора, Кочубеемъ, Строгановымъ, Волконскимъ, въ самыхъ натянутыхъ и непріязненныхъ отношеніяхъ, и происшествіе съ Семеновскимъ полкомъ послужило только благопріятнымъ случаемъ, чтобы взвести на одного изъ нихъ, именно на Васильчикова, обвиненія, болѣе или менѣе касающіяся всѣхъ и каждаго.

Въ то время какъ люди посторонніе, не посвященные въ эти тайны полицейско-придворнаго міра, находили дѣйствія корпуснаго командира слишкомъ строгими: съ другой стороны его обвиняли въ ослабленіи дисциплины и въ доказательство приводили примѣры частныхъ случаевъ неповиновенія между солдатами, или ссоръ, дуэлей между офицерами. Говорили, что генералъ Васильчиковъ окружилъ себя людьми неблагонамѣренными (это выраженіе уже и тогда означало людей болѣе или менѣе либеральныхъ мнѣній). Къ числу ихъ причисляли адъютанта его Чадаева, дежурнаго штабъ-офицера гвардейскаго корпуса Казначеева, и даже Н. И. Греча (mutantur tempora, mutantur mores). Наконецъ, обвиняли его и въ томъ, что Ланкастерскія и другія школы, заведенныя при гвардейскихъ полкахъ, библіотеки, читальни, устраиваемыя въ нѣкоторыхъ казармахъ, служатъ будто разсадниками такъ называемыхъ вредныхъ ученій.

Эта оппозиція тлѣла и разгоралась уже за нѣсколько времени до Семеновской исторіи, и одно происшествіе въ особенности послужило къ оживленію толковъ и нареканій. Заслуженный и израненный генералъ Карлъ Ивановичъ Бистромъ, имя коего, переведенное порусски „Быстровъ", было въ понятіяхъ нашихъ солдатъ тождественно съ понятіями чести и воинской отваги, получилъ очень грубый выговоръ, на ученьи лейбъ-егерскаго полка (коимъ онъ командовалъ) отъ своего бригаднаго командира Великаго Князя Николая Павловича. Бистромъ прямо съ плацъ-парада поѣхалъ къ корпусному командиру и явился къ нему въ такомъ раздраженномъ видѣ, что покойный мой отецъ, разсказывая это свиданіе спустя 20 лѣтъ, не могъ безъ душевнаго волненія вспомнить страшнаго выраженія лица этаго высоко имъ уважаемаго, безстрашнаго воина: челюсть Бистрома, разбитая и изуродованная пулею, ходила вверхъ и внизъ, глаза горѣли, и дрожащая отъ гнѣва рука держалась за эфесъ сабли. Онъ, разсказавъ коротко и отрывисто нанесенное ему передъ фронтомъ всего полка оскорбленіе, просилъ корпуснаго командира передать бригадному генералу, что онъ требуетъ отъ него формальнаго извиненія и, давъ почувствовать моему отцу, что за дальнѣйшія послѣдствія въ случаѣ отказа онъ не ручается—удалился съ холодною торжественностію, хотя и былъ со своимъ корпуснымъ командиромъ въ самыхъ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ.

Васильчиковъ въ тотъ же вечеръ поѣхалъ къ Великому Князю. Переговоры ихъ были, какъ кажется, очень продолжительные и спорные. Встрѣтивъ нѣкоторое сопротивленіе въ Великомъ Князѣ, Васильчиковъ вынужденъ былъ ему объявить, что имѣетъ положительное приказаніе

отъ Государя обращаться съ ними, не какъ съ членами императорской фамиліи, а какъ съ частными лицами, состоящими на службѣ; а когда и этотъ аргументъ не подѣйствовалъ, то Васильчиковъ прибавилъ, что въ случаѣ отказа Его Высочества извиниться передъ генераломъ Бистромомъ, онъ отправитъ немедленно и въ туже ночь курьера къ Государю съ донесеніемъ объ этомъ происшествіи. Какъ бы то ни было, подѣйствовали ли эти увѣщанія, или совѣты императрицы Маріи Ѳеодоровны, но дѣло разрѣшилось мирно, и на другое утро Великій Князь, въ присутствіи всего корпуса офицеровъ егерскаго полка, извинился передъ Бистромомъ. Къ чести обоихъ и особенно перваго слѣдуетъ прибавить, что Императоръ никогда не мстилъ своему подданному за это, очень непріятное съ нимъ столкновеніе и по восшествіи на престолъ всегда оказывалъ старому генералу особую милость и глубокое уваженіе *).

Но въ вышеописанномъ кругу преданныхъ и ревностныхъ гвардейскихъ генераловъ этотъ случай принялъ размѣры неслыханнаго, чуть не преступнаго, нарушенія дисциплины, и изподтишка говорили, что Васильчиковъ, въ связи съ окружающими его революціонерами, хочетъ унизить особъ, принадлежащихъ къ императорской фамиліи. Графиня Нессельроде, жена министра иностранныхъ дѣлъ, вся фамилія Гурьева, министра финансовъ и примыкающіе къ этимъ двумъ домамъ иностранные дипломаты, агенты Метерниха и Священнаго Союза, всѣми силами раздували пламя. Дѣло дошло до того, что нѣкоторыя изъ вышеупомянутыхъ лицъ старались обойдти власть корпуснаго командира и по нѣкоторымъ своимъ дѣламъ обращались прямо къ Императрицѣ и черезъ ея ходатайство къ Государю.

Въ бумагахъ, нами издаваемыхъ, находится между прочимъ очень замѣчательная переписка,—собственноручныя письма императора Александра Павловича къ моему отцу по одному частному дѣлу и, хотя самое это дѣло имѣетъ совершенно-частный характеръ, но оно довольно вѣрно рисуетъ странныя отношенія, установившіяся въ это время между корпуснымъ и полковыми командирами и вмѣстѣ свидѣтельствуетъ о высокомъ тактѣ, съ коимъ Государь разрѣшилъ эти недоразумѣнія заочно и издали, изъ Троппау.

Это свидѣтельствуетъ во первыхъ, что отцу была уже тогда извѣстна государственная тайна объ отреченіи Константина Павловича и во вторыхъ, что онъ и будущему Императору не льстилъ. *Примѣчаніе князя А. И. Васильчикова.* Упоминаемая государственная тайна, причинившая впослѣдствіи столько бѣдъ, въ сущности не могла быть тайною, потому что ожидать потомства отъ Александра и Константина Павловичей было уже поздно. Въ Прусскомъ придворномъ календарѣ съ 1818 года Великій Князь Николай Павловичъ назывался наслѣдникомъ Русскаго престола. *П. Б.*

Одинъ изъ гвардейскихъ генераловъ, пользовавшійся милостію Государя, желалъ вступить въ бракъ съ одной богатой невѣстой и, минуя кор-

---

*) Въ перепискѣ, при семъ издаваемой, находится между прочимъ черновое, написанное карандашомъ и много перемаранное письмо Васильчикова къ Великому Князю Николаю Павловичу, которое, какъ мы полагаемъ, относится къ этому случаю и въ коемъ Васильчиковъ старается изгладить впечатлѣніе, произведенное на него непріятною необходимостію. Замѣчательны послѣднія слова этого письма: „Старайтесь, Ваше Высочество, исправиться отъ единственнаго Вашего порока— „вспыльчивости и, исправившись отъ него, вы можете осчастливить страну и на- „родъ, надъ коимъ Вы призваны царствовать“.

пуснаго командира, обратился прямо съ просьбой о дозволеніи брака къ Государю и вмѣстѣ съ тѣмъ съ просьбой о пожалованіи своей невѣсты во фрейлины,—къ князю П. М. Волконскому.

Эта пустая формальность не имѣла сама по себѣ никакой важности, какъ и пишетъ о томъ Государь; но въ данномъ случаѣ, такъ какъ всѣ сношенія полковыхъ командировъ съ высшими властями должны идти по командѣ, это была маленькая демонстрація, имѣвшая цѣлью заявить, какъ мы высоко, дескать, стоимъ въ милости царской. Государь однако угадалъ мелочную уловку и разрѣшилъ ее такъ: письмо жениха вернулъ въ подлинникѣ корпусному командиру и поручилъ ему, если онъ найдетъ его достойнымъ, ходатайствовать у императрицы Маріи Өеодоровны о награжденіи невѣсты генерала фрейлинскимъ вензелемъ и передать ему непосредственно отъ себя разрѣшеніе испрашиваемой милости. Такъ и было сдѣлано: невѣста получила желаемый вензель, а женихъ—урокъ, имъ заслуженный.

Мы нѣсколько забѣжали впередъ въ нашемъ разсказѣ, потому что этотъ случай съ генераломъ N. N. былъ, если не ошибаемся, немного послѣ Семеновской исторіи. Но, какъ сказано, это происшествіе послужило только взрывомъ издавна готовившейся придворной интригѣ, душою и тайнымъ подстрекателемъ коей былъ Аракчеевъ, а дѣйствующими лицами молодые генералы, пробивавшіе себѣ путь къ тѣмъ высокимъ почестямъ, коихъ они и достигли въ послѣдующее царствованіе. Шварцъ, командиръ Семеновскаго полка, былъ созданіе знаменитаго временщика; онъ былъ поддержанъ Великими Князьями, и опредѣленіе его послѣдовало помимо воли корпуснаго командира.

Но гораздо важнѣе и вліятельнѣе были политическія обстоятельства, сопровождавшія Семеновскую исторію. Вопросъ о связи этого происшествія съ политическимъ заговоромъ и тайными обществами послѣднихъ годовъ царствованія императора Александра, вопросъ этотъ раздѣлялъ мнѣнія современниковъ и большею частію въ публикѣ разрѣшался отрицательно. Такъ какъ при слѣдствіи никакихъ юридическихъ доказательствъ такой связи не обнаружилось, то соображеніе это должно было остаться въ сторонѣ, и подозрѣнія были приписаны особенной мнительности нѣкоторыхъ лицъ, въ томъ числѣ и моего отца.

Между тѣмъ кромѣ Государя для всѣхъ осталось тайною слѣдующее важнѣйшее обстоятельство, которое мы постараемся возстановить въ нашей памяти по разсказамъ покойнаго отца.

Не за долго до возмущенія Семеновцовъ, уже послѣ отъѣзда Государя въ Троппау, однажды явилось къ отцу лице, служившее при гвардейскомъ корпусѣ въ гражданскомъ чинѣ. Оно объявило отцу, что имѣетъ сообщить государственную тайну о политическомъ заговорѣ, которую проситъ довести до свѣдѣнія Государя. На это отецъ, остановивъ его на первыхъ словахъ, отвѣчалъ, что принимать доносы не его дѣло и не входитъ въ кругъ его военныхъ обязанностей, что для этого есть особое вѣдомство и отдѣльное министерство полиціи, куда ему и слѣдуетъ обратиться. N. N. (имя это намъ извѣстно по нѣкоторымъ письмамъ, которыя у насъ имѣются, но мы не считаемъ себя вправѣ его назвать), съ чувствомъ и съ негодованіемъ, возразилъ, что онъ полицейскимъ агентомъ никогда не былъ и не желаетъ быть, что онъ является къ начальнику не какъ доносчикъ, а какъ вѣрноподданный, убѣжденный въ гибельныхъ не столько для Россіи, сколько для молодыхъ людей (съ коими связанъ онъ искреннею дружбою) послѣдствіяхъ этого заговора и наконецъ,

что обращается къ генералъ-адъютанту Его Императорскаго Величества, прося его довести о томъ до свѣдѣнія Государя Императора.

Такая категорическая постановка вопроса до крайности смутила Васильчикова. Онъ однако возразилъ, что все таки не считаетъ себя обязаннымъ вѣрить бездоказательнымъ доносамъ и что это опять дѣло полицейское и не входитъ въ вѣдомство командира гвардейскаго корпуса. Тогда N. N, послѣ нѣкоторыхъ колебаній и видимо взволнованный, отвѣчалъ, что можетъ представить и доказательства. Какія же? спросилъ Васильчиковъ.—Вотъ какія: „Тверской губерніи въ деревнѣ, у помѣщика..... собираются въ установленные дни нѣкоторые изъ членовъ тайнаго общества, въ томъ числѣ и многіе и штабъ и оберъ-офицеры кавалерійской дивизіи, командуемой вашимъ братомъ Дмитріемъ Васильевичемъ Васильчиковымъ; напишите ему и, если мои показанія подтвердятся, то значитъ они достовѣрны. Да вотъ еще лучшій случай, прибавилъ N. N.: такого-то числа и мѣсяца должны съѣхаться въ Москву лица, прописанныя въ этомъ спискѣ (онъ передалъ списокъ); спишитесь частнымъ образомъ съ княземъ Дмитріемъ Владиміровичемъ Голицынымъ и отъ него узнаете, говорилъ ли я вамъ правду или нѣтъ".

Тѣмъ и кончилось это замѣчательное свиданіе.

Отецъ нашъ часто говорилъ, что никогда въ жизни, въ теченіи 50 лѣтней боевой и гражданской своей службы, онъ не испыталъ такого тяжелаго чувства, какъ въ этотъ день. И дѣйствительно, всѣ послѣдующія для публики и даже для ближайшихъ его окружающихъ лицъ необъяснимыя, загадочныя распоряженія корпуснаго командира находились подъ косвеннымъ, но подавляющимъ вліяніемъ этой государственной тайны, которую онъ долженъ былъ, до возвращенія Государя, схоронить въ своей душѣ.

Писать Государю за границу, за неимѣніемъ шифра, Васильчиковъ не рѣшился *).

Между тѣмъ, по справкамъ, наведеннымъ вслѣдствіе указаній N. N., доносъ вполнѣ подтвердился, и въ числѣ лицъ поименованныхъ въ спискѣ оказались многіе офицеры, ротный командиръ Семеновскаго полка Муравьевъ-Апостолъ и нѣсколько командировъ армейскихъ полковъ.

Въ это время, или очень вскорѣ послѣ, вспыхнула Семеновская исторія и окончательно поставила Васильчикова въ положеніе невыносимое.

Люди, знавшіе покойнаго, вѣроятно отдадутъ ему справедливость, что онъ соединялъ въ высшей степени чувство долга съ непоколебимою правдивостію и поймутъ, какъ тяжко было для человѣка, служившаго всю свою жизнь въ арміи и въ авангардѣ,—это двусмысленное политическое и военное положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ. Не рѣшаясь, какъ выше сказано, письменно доносить о столь важной государственной тайнѣ, настоящее значеніе и преступность коей были покрыты мракомъ неизвѣстности, Васильчиковъ убѣдительно, въ каждомъ своемъ письмѣ и донесеніи, настаивалъ о необходимости скорѣйшаго возвращенія Государя

---

*) Въ публикуемыхъ письмахъ есть одно къ князю Волконскому, въ коемъ упоминается о съѣздѣ въ Москву, но въ такихъ выраженіяхъ, какъ будто это дѣло не имѣетъ политическаго значенія, между тѣмъ какъ изъ другихъ свѣдѣній оказывается, что отцу моему была извѣстна принадлежность этихъ лицъ къ тайнымъ обществамъ, что́ доказываетъ, что въ письмахъ, даже дружескихъ, отецъ не рѣшался высказывать столь тяжкаго уголовнаго обвиненія.

и умолялъ отложить судъ и наказаніе Семеновскаго полка до пріѣзда и личнаго разбирательства Императора. Мысль, которой онъ не высказывалъ, но которая лежала въ основаніи всего этого дѣла и впослѣдствіи обнаружилась явно, была та, что грубостію и строгостію полковаго командира Шварца воспользовались офицеры и постороннія лица, принадлежавшія къ тайнымъ обществамъ, чтобы озлобить солдатъ до ослушанія и сдѣлать пробу возмущенія, въ виду будущихъ замысловъ заговорщиковъ, замысловъ, трагически разыгравшихся 14-го Декабря таковымъ же солдатскимъ бунтомъ.

Понятно, что Васильчиковъ, имѣя передъ глазами списокъ заговорщиковъ и въ числѣ ихъ ротнаго командира возмутившагося полка, не могъ раздѣлять легкаго мнѣнія публики о случайномъ и частномъ характерѣ этого происшествія; и съ другой стороны также понятно, что онъ не рѣшался допрашивать и уличать обвиненныхъ или ихъ преслѣдовать, не имѣя на то ни полномочія, ни формальныхъ доказательствъ кромѣ одного словеснаго доноса.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ.

Всѣ старанія ускорить возвращеніе Государя остались безуспѣшными, и на мольбы командира гвардейскаго корпуса Государь отвѣчалъ, что его задерживаютъ такія высшія политическія и всемірныя соображенія, отъ коихъ зависитъ миръ Европы, твердость престоловъ и счастіе человѣчества. Въ пространномъ, къ высшей степени замѣчательномъ, собственноручномъ письмѣ Александра Павловича отъ 10 Ноября 1820 г., написанномъ на 3-хъ листахъ почтовой бумаги большаго формата, начерчена бѣгло, но твердо вся программа политическая, коей слѣдовалъ Государь и вся инструкція для изслѣдованія дѣла о Семеновскомъ полкѣ. Изъ отрывистыхъ выраженій этаго письма, изъ намёковъ на разныхъ лицъ, служащихъ при гвардейскомъ корпусѣ, можно видѣть (что́ впослѣдствіи положительно и дознано), что Государю было извѣстно о политическихъ заговорахъ и что онъ зналъ еще лучше чѣмъ его генералъ-адъютантъ, что эта вспышка была въ связи съ пороховымъ погребомъ, который взорвался черезъ четыре года.

Но отцу было отъ этаго не легче, ибо Государь не открывалъ никому своихъ свѣдѣній и видовъ и продолжалъ дѣйствовать таинственно, черезъ тайную полицію. Изъ переписки съ княземъ Волконскимъ видно, что не проходило почти ни одного дня безъ того, чтобы изъ этаго вѣдомства (тогда еще новоустроеннаго) не доходили слухи, доносы и большею частію сплетни противъ солдатъ и офицеровъ гвардейскаго корпуса, не производились секретныя дознанія и слѣдствія, не предписывалось наблюдать за такимъ-то, присматривать за другимъ, обойдти чиномъ третьяго, удалить отъ должности четвертаго... и все это изъ за границы, по навѣтамъ неизвѣстныхъ и безъимянныхъ доносчиковъ.

Это продолжалось до возвращенія Государя *).

Когда наконецъ Государь пріѣхалъ, Васильчиковъ поспѣшилъ при первомъ же докладѣ довести до свѣдѣнія Его Величества тайну, уже столько мѣсяцевъ угнетавшую его страшною отвѣтственностію и которую онъ никому не считалъ себя въ правѣ повѣрить.

Тогда произошла слѣдующая замѣчательная сцена. Это было въ Царскомъ Селѣ.

---

*) Государь возвратился въ Царское Село изъ многомѣсячнаго пребыванія въ чужихъ краяхъ, 24 Мая 1821 года (См. Письма Карамзина къ Дмитріеву, изданіе Академіи Наукъ, стр. 308). *П. Б.*

Васильчиковъ сначала докладывалъ о текущихъ дѣлахъ. Государь сидѣлъ за письменнымъ столомъ, Васильчиковъ напротивъ. Окончивъ докладъ, онъ сказалъ Государю, что имѣетъ передать ему доносъ о политическомъ заговорѣ, поданный ему такимъ-то и вмѣстѣ съ тѣмъ вручилъ Государю списокъ, составленный и собственноручно писанный вышеупомянутымъ N. N.

Государь, при этихъ словахъ, которыя, повидимому, не были для него неожиданны, долго оставался задумчивымъ и безмолвнымъ, погрузившись въ глубокое и тихое мечтаніе; потомъ произнесъ пофранцузски слѣдующія слова, которыя по важному историческому значенію ихъ передаю для большей точности на томъ же языкѣ, какъ слышалъ ихъ отъ покойнаго отца: Mon cher Wassiltschikoff! Vous, qui êtes à mon service depuis le commencement de mon règne, vous savez que j'ai partagé et encouragé ces illusions et ces erreurs; и послѣ долгаго молчанія прибавилъ: Ce n'est pas à moi à sévir *).

Такъ-то разрѣшилась для моего отца эта тяжкая таинственная исторія, гдѣ онъ подвергался всестороннимъ обвиненіямъ, не имѣя возможности отвѣчать и оправдываться ни передъ кѣмъ и ни въ чемъ: ни передъ либеральною частію современнаго общества, обвинявшаго его въ излишней строгости и въ преувеличенномъ значеніи, будто-бы данномъ этому происшествію, ни передъ придворными интриганами, распускавшими слухи о слабости дѣйствій и нерѣшительности корпуснаго командира.

И дѣйствительно, оба эти упрека имѣли нѣкоторое основаніе, если принять во вниманіе, что никто изъ окружающихъ не зналъ и не могъ знать обстоятельствъ, сопровождавшихъ это дѣло. Такъ напр., Васильчиковъ писалъ и доносилъ все время въ Троппау, что умоляетъ Государя отложить судъ и взысканіе до пріѣзда Его Величества и въ отвѣтъ получилъ приказъ, по коему Семеновскій полкъ былъ раскасированъ, и наряжена коммиссія для слѣдствія и суда. Онъ зналъ, что это частное ослушаніе, мотивированное грубымъ обращеніемъ одного генерала, послужило поводомъ и предлогомъ для подстрекательства солдатъ и другихъ полковъ, въ виду дальнѣйшихъ умысловъ заговорщиковъ, и долженъ былъ дѣйствовать, какъ-будто ничего не подозрѣваетъ и не знаетъ о политическомъ свойствѣ этихъ безпорядковъ. Онъ видѣлъ ясно, что вина солдатъ ничтожна въ сравненіи съ виновностію лицъ, воспользовавшихся ихъ ропотомъ и скрывшихся отъ преслѣдованія и всё таки долженъ былъ наказать явныхъ ослушниковъ и молчать о тайныхъ ихъ подстрекателяхъ.

Эта борьба долга и совѣсти, это испытаніе, мучительное для человѣка, всегда дѣйствовавшаго прямыми путями, стоили покойному моему отцу дорого: они разстроили на всю жизнь его нервный и чувствительный организмъ, который былъ крѣпокъ на полѣ сраженія, но слабъ на поприщѣ придворныхъ интригъ и свѣтскихъ сплетней. Черезъ два года послѣ Семеновской исторіи, онъ вынужденъ былъ просить увольненія отъ службы, поѣхалъ лѣчиться на Кавказскія минеральныя воды, и съ тѣхъ поръ до конца жизни его здоровье уже болѣе не оправлялось.

Мы упустили въ нашемъ разсказѣ эпизодъ, надѣлавшій въ свое время нѣсколько шуму и нынѣ всплывшій вновь въ разсказахъ и замѣткахъ того времени; это поѣздка Чадаева, состоявшаго адъютантомъ при генера-

---

*) Мой любезный Васильчиковъ! Ты, который служишь мнѣ съ самаго начала моего царствованія, ты знаешь, что я раздѣлялъ и поощрялъ всѣ эти мечты и эти заблужденія. Не мнѣ быть жестокимъ.

лѣ Васильчиковѣ, въ Троппау, съ донесеніемъ о возмущеніи Семеновцевъ. Она возбудила, въ средѣ нашихъ библіофиловъ-изслѣдователей, столько пререканій и толкованій, что мы считаемъ нужнымъ сказать и о ней нѣсколько словъ.

Чадаевъ отправленъ былъ моимъ отцомъ, съ собственноручнымъ подробнымъ донесеніемъ, курьеромъ въ Троппау черезъ нѣсколько дней послѣ происшествія; онъ ѣхалъ медленно, далъ себя обогнать курьеру, посланному отъ Австрійскаго посольства, явился къ Государю, когда онъ уже былъ извѣщенъ о всѣхъ подробностяхъ дѣла и влѣдствіе этаго служебнаго проступка лишился навсегда надежды на повышеніе и отличіе.

Вотъ и все. Большой вины или уголовнаго преступленія тутъ, разумѣется, не было. Можно быть очень умнымъ человѣкомъ и глубокимъ мыслителемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣть спеціальнаго призванія къ скорой ѣздѣ на перекладной и вообще высокихъ свойствъ, отличающихъ лихихъ курьеровъ и расторопныхъ фельдъегерей. Повторяемъ, виновность Чадаева сама по себѣ (corpus delicti) состояла только въ томъ, что онъ ночевалъ раза два или три, пилъ по утрамъ кофе, а вечеромъ чай, брился и умывался нѣсколько продолжительно, соблюдая правила чистоплотности, и ѣхалъ, какъ gentleman, въ коляскѣ. Но напрасно составители біографій этого великаго мужа отрицаютъ фактъ, который не можетъ помрачить его памяти. Мы говоримъ напрасно, потому что вина его сама по себѣ не велика, а фактъ положительный, и онъ имѣлъ не столько для самаго Чадаева, сколько для моего отца и вообще для всего хода и исхода дѣла послѣдствія весьма важныя.

Подробности всего этаго происшествія извѣстны. Промежуткомъ между пріѣздами Австрійскаго и Русскаго курьеровъ воспользовались дипломаты для преувеличенія событія, представленнаго ими въ чисто-политическомъ свѣтѣ. Донесенія, привезенныя Чадаевымъ и словесныя его объясненія, успокоили отчасти Государя; но впечатлѣніе было уже сдѣлано, роковой ударъ нанесенъ, достоинство Монарха глубоко оскорблено, и никогда въ жизни онъ не могъ забыть и простить своего смущенія при выслушаніи отъ лукаваго собесѣдника, Метерниха, перваго извѣстія о возмущеніи любимаго имъ гвардейскаго полка.

Чувства свои Александръ Павловичъ показывалъ рѣдко, порывамъ милости и гнѣва не предавался, и очень можетъ быть, что онъ ласково обошелся съ Чадаевымъ, точно какъ и милостиво отвѣчалъ Васильчикову на его донесенія и представленія. Тѣмъ не менѣе для обоихъ, адъютанта и генерала, а всего болѣе для несчастныхъ Семеновцовъ, эта просрочка имѣла послѣдствія неблагопріятныя, въ коихъ положительно слѣдуетъ обвинить лѣниваго курьера.

Такъ-то сошлись въ этомъ частномъ и, повторяемъ, самомъ по себѣ незначительномъ событіи самыя разностороннія и многознаменательныя соображенія, придающія ему историческое значеніе: просрочка нѣсколькихъ часовъ въ пріѣздѣ курьера Чадаева дала столько же часовъ иностраннымъ дипломатамъ для рѣшительнаго дѣйствія на колебавшіяся уже, но еще не пошатнувшіяся мнѣнія Императора Александра I-го. Горечь и разочарованіе, наполнявшія высокій умъ Государя, отъ этихъ ничтожныхъ капель дипломатической интриги, искусно и во время подлитыхъ рукою Метерниха, пролились черезъ край; нѣсколько мелочное, но тѣмъ не менѣе очень естественное чувство оскорбленія, что ему, владыкѣ Европы, пришлось выслушать отъ иностраннаго министра извѣстіе о возмущеніи въ Россіи въ то время, какъ онъ отстаивалъ въ послѣднихъ

усиліяхъ либеральныя движенія Греціи и Италіи, это чувство внушило ему глубокое неудовольствіе противъ лицъ, коимъ поручена была исполнительная власть въ его отсутствіи и разстроило окончательно связь единомыслія Императора съ преданнѣйшими и, можно сказать, честнѣйшими дѣятелями первой половины его славнаго царствованія.

Мой отецъ во всемъ этомъ игралъ роль второстепенную; но на него, какъ на непосредственнаго отвѣтчика по командованію гвардіей, какъ на одного и главнѣйшаго изъ тѣхъ, которыхъ надо было свергнуть, обрушились первые удары, въ послѣдствіи окончившіеся полнымъ торжествомъ Аракчеевской реакціи.

При этомъ произошло обыкновенное явленіе: какъ всегда бываетъ въ высшихъ сферахъ Двора и большаго свѣта, такъ было и въ этомъ случаѣ. Коль скоро разнесся свыше слухъ и предположеніе, что Государь будетъ недоволенъ, то уже всѣ предусмотрительные люди поспѣшили выразить тоже свое предварительное неудовольствіе, и для бо̀льшаго удобства, чтобы не огорчить Аракчеева и другихъ высокопоставленныхъ особъ, покровителей Шварца, избрали въ предметъ своихъ патріотическихъ сѣтованій и гуманныхъ обвиненій корпуснаго командира Васильчикова, врага Аракчеева и имѣвшаго не задолго передъ тѣмъ столкновеніе съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ.

Эта тактика удалась вполнѣ, хотя и не имѣла непосредственнаго, видимаго успѣха. Для поддержанія дисциплины, Государь первое время поддерживалъ корпуснаго командира; но послѣдній скоро почувствовалъ, что надо ему удалиться отъ дѣлъ—и удалился.

Мы этимъ заканчиваемъ нашъ разсказъ, предоставляя читателямъ провѣрить его по подлиннымъ документамъ, при семъ печатаемымъ. Наше дѣло было только возстановить связь между событіями извѣстными публикѣ и тайными обстоятельствами, сопровождавшими это дѣло.

Для насъ, отдаленныхъ изслѣдователей этаго смутнаго времени, многое можетъ казаться увлекательнымъ въ великодушныхъ мечтаніяхъ молодёжи этой блистательной эпохи; но едва ли безпристрастному историку, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, покажется великодушнымъ направленіе агитаторовъ, подстрекавшихъ бѣдныхъ солдатъ къ возмущенію противъ полковника Шварца, или въ пользу конституціи, жены Константина Павловича, и прямо, неизбѣжно подводившихъ ихъ подъ шпицъ-рутены.

Тутъ уже не было никакого великодушія, и понятно, что люди, наиболѣе сочувствовавшіе истинному прогрессу, завѣтною мечтою коихъ было освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, люди убѣжденные, что съ этой реформы, а не со введенія конституціи, должно начаться обновленіе Россіи, что они съ глубокой печалью и съ нѣкоторымъ озлобленіемъ слѣдили за легкомысленными происками либераловъ и съ отчаяніемъ видѣли, что по мѣрѣ того, какъ они разыгрывали свои дѣтскіе заговоры, власть дѣйствительная и несокрушимая власть всё болѣе и тверже закрѣплялась за представителями глухой реакціи, за генералами въ родѣ Шварца и государственными сановниками въ родѣ Аракчеева.

Семеновская исторія была какъ будто разсчитана на то, чтобы окончательно повернуть нашу внѣшнюю и внутреннюю политику на путь реакціи, коему она съ тѣхъ поръ и слѣдовала неуклонно въ теченіи 35 лѣтъ.

Это придаетъ Семеновской исторіи дѣйствительное историческое значеніе.

Еслибъ агитаторы избрали для своего опыта другой полкъ, оно бы не сдѣлало на Государя такого глубокаго личнаго впечатлѣнія, окончательно отвратившаго его отъ политики, коей онъ слѣдовалъ въ началѣ своего царствованія. Еслибъ этаго происшествія вовсе не было, то вѣроятно не рискнули бы отважные Декабристы выйдти на Сенатскую площадь съ криками „Ура Константинъ!", и Россія сохранила бы нѣсколько сотъ молодыхъ людей, лучшихъ, достойнѣйшихъ изъ всего поколѣнія.

Покойный отецъ былъ убѣжденъ, что пропаганда тайныхъ обществъ продолжалась безостановочно въ гвардейскихъ полкахъ во все время до 14-го Декабря 1825 г., и что всѣ полки были болѣе или менѣе подговорены къ возстанію и подготовлены къ нему неудовольствіемъ, возбужденнымъ *излишнею взыскательностію фронтовой службы.*

Мы слышали отъ него слѣдующій разсказъ. Когда 14-го Декабря онъ выѣхалъ въ свитѣ Государя на Сенатскую площадь, то Его Величество, обращаясь къ нему, сказалъ: „Ларіонъ Васильевичъ! Я хочу выбрать войска для атаки бунтовщиковъ; Вы командовали гвардіею, потрудитесь объѣхать полки и скажите мнѣ, на которые изъ нихъ я могу навѣрное положиться". Отецъ поѣхалъ и возвратился съ отвѣтомъ: „На одинъ первый баталіонъ Преображенскаго полка".

Князь Александръ Васильчиковъ.

I. ПИСЬМА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА КЪ (КНЯЗЮ) И. В. ВАСИЛЬЧИКОВУ.

1.

J'ai reçu à 36 heures d'intervalle, cher général, vos deux lettres particulières du 26 et 29 Octobre. Je crois devoir commencer la mienne par vous dire, que les mesures rigoureuses que *) vous avez prises se trouvaient commandées par la gravité de la circonstance, et que vous ne pouviez, ni ne deviez balancer. Ainsi, ne vous embarrassez pas des caquets de la ville. Continuez votre service avec cette loyauté et cette fermeté, qui vous caractérisent. J'ai plus besoin que jamais d'aides tels que vous. Je compte fermement sur votre attachement à votre patrie et sur vos sentiments personnels pour moi. Ne vous laissez donc pas ébranler. Redoublez de surveillance, je dirai de soins envers les soldats; veillez assiduement dans tous les régiments, qu'on ne les maltraitè, ni qu'on ne les rosse, ce qui de toutes les manières d'agir est la plus mauvaise, et vous savez que j'ai toujours détesté les bastonades. Mais une fois que ces soins de votre part sont exercés avec vigilance, vous ne devez, sous aucun prétexte, vous relâcher en rien dans l'exigence du service. Le contraire, dans le moment critique dans lequel nous nous trouvons, serait pernicieux.

Maintenant j'en viens à l'événement en question. Personne n'a pu en être plus profondément peiné que moi. L'attachement personnel que j'ai toujours porté à ce régiment, pour y avoir servi moi-même, l'honneur de l'uniforme russe, la gloire de l'armée, tout s'est trouvé atteint, heurté, par cette scandaleuse sédition. Mais puisque le malheur a vou-

---

*) См. статью Д. А. Кропотова о Семеновской исторіи, въ Р. Архивѣ 1870, стр. 1777. *П. Б.*

lu qu'elle fût arrivée, il ne me restait pas d'autre parti à prendre, que celui que j'ai pris par l'ordre du jour à l'armée que je vous ai envoyé *). Il vous était déjà expédié, ainsi qu'aux généraux en chef de la 1-re et 2-de armées, depuis plusieurs jours, avant que j'aie reçu vos deux lettres particulières. J'avais donné une semaine entière à la réflexion. C'est le 29 Octobre que j'ai reçu la première nouvelle, et l'ordre du jour n'a été expédié que le 5 Novembre. Ainsi vous vous convaincrez, qu'il ne dépend plus de moi d'y rien changer: car il aura été déjà publié aussitôt reçu dans les deux quartiers-généraux.

Mais après vous avoir donné ces explications, je répète que la mesure à laquelle je me suis décidé, était la seule, que pût concilier un exemple, que de nécessité je devais faire à la face de toute l'armée, de la Russie et je dirai de l'Europe, avec l'égard que je voulais témoigner au nom de ce régiment, qui s'est plus d'une fois illustré. Le laisser dans sa composition actuelle, eût été la faiblesse la plus inexcusable et qui, par les nombreux malveillants que nous possédons, aurait été expliquée aussitôt comme une pusillanimité et par conséquent comme un encouragement pour eux de redoubler d'efforts pour gangréner d'autres troupes. Croyez-vous que cette coupable indulgence nous eût épargné des libelles, comme celui qui vient d'être saisi? **) Non, certainement. Vous avez vu qu'on y prêche déjà aux soldats de se regarder comme souverains eux-mêmes, de se défaire ou de mettre de côté celui qui l'a été jusqu'ici, ainsi que tous leurs officiers et supérieurs, et de s'en élire entre eux! Ce n'est donc pas une résolution prise par l'autorité, qui motive des tentatives semblables de leur part. On les essaye sans attendre cette résolution, uniquement parce que c'est dans les plans de ces malveillants et de ceux qui les dirigent. J'espère en Dieu, dans les bons sentiments de nos soldats et dans la fermeté de leurs chefs, que toutes ces tentatives resteront infructueuses; mais il faut que nous tous, nous redoublions de surveillance, et Dieu fera le reste.

Quant à ce que vous insistez, pour qu'aucune mesure ne soit adoptée avant mon retour: je vous dirai, que je ne puis plus changer l'ordre qui a été donné et qui doit être déjà connu dans toute l'armée. Après cela, malgré tout le désir que j'ai de revenir tout de suite à Pétersbourg, je suis retenu ici par les considérations les plus majeures. Notre réunion s'est faite pour prendre des mesures sérieuses et efficaces contre cet incendie qui a embrasé le Midi de l'Europe, et dont plus ou moins il y a déjà des brandons déjettés sur tous les pays. L'entente, l'union entre les souverains et les cabinets a été parfaite. On a travaillé franchement et bien.

Aussi j'espère, avec l'aide de la Providence Divine, que l'ouvrage est aussi bon qu'il peut l'être, vu son énorme difficulté et toutes les entraves dont il est hérissé. Des mesures sages ont été adoptées déjà; il a été décidé que je servirai en quelque façon d'intermédiaire pour

---

*) Этотъ приказъ напечатанъ въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Др. 1864. книга 4. *П. Б.*

**) Какая именно это была брошюра, намъ неизвѣстно. *П. Б.*

les communications à faire passer à Naples. Nous avons quelque espoir de retirer le roi des mains des Carbonaris et alors d'agir par son autorité, secondée par toute l'armée autrichienne, qui, aulieu d'entrer, comme ennemie et de mettre par là toute la population contre soi (comme cela est arrivé aux Français en Espagne) n'entrerait plus que comme conduite par le pouvoir légitime lui-même, appelée par la masse des bien-pensans, encore très considérable, et au nom de l'Europe réunie.

Toutes ces mesures ont été prises avant la réception par moi des nouvelles de Pétersbourg; de leur exécution dépend en grande partie la sécurité future de toute l'Europe et par conséquent celle de la Russie, contre ce fléau révolutionnaire. La réussite contre Naples devra produire immanquablement un effet moral des plus décisifs sur l'Espagne et le Portugal, conjointement avec d'autres mesures, qu'on prend envers ces pays.

Mais pour soigner toute cette besogne, il faut que je me trouve présent encore quelques semaines. Même il a été décidé de se rapprocher de l'Italie, pour être plus à portée des nouvelles et des directions à donner, et c'est à Laybach qu'on a résolu de porter les conférences. Si, dans un moment aussi essentiel, je quitte toute cette besogne pour courir en Russie, la confusion la plus fâcheuse peut en résulter pour toutes les affaires, et leur succès est complétement compromis. Ensuite c'est là le voeu de tous les radicaux et Carbonaris parsemés en Europe, que de me faire quitter la partie ici; nous en avons en main plus d'un document, et ils sont enragés de l'ouvrage dont nous nous occupons ici. Faut-il donc leur donner ce triomphe? Mais de plus, je présenterais par là une conclusion si défavorable, si fâcheuse à faire sur la situation intérieure de la Russie! Immanquablement la considération qu'on lui porte, fondée sur sa force intérieure, court risque d'être ébranlée! Telle est la position dans laquelle je me trouve placé! Elle est plus que délicate. Mais je mets mon espoir en Dieu et en Sa miséricorde. D'ailleurs, il m'est impossible d'envisager toutes ces braves troupes, dont je connaissais les sentiments excellents, devenues tout à coup une masse de révoltés! Ainsi avec de la sagesse, alliée à de la fermeté, une surveillance infatigable et qui ne se relâche sur aucun objet, soit essentiel, soit accessoire, et avec de la confiance dans la protection divine, j'espère que vous traverserez cette époque jusqu'à mon retour, sans accidents majeurs.

Je vous ai fait connaître par Volchonsky et par Tchéadaeff différentes observations qui me sont venues à la pensée. Pesez-les avec réflexion. Comme cette lettre est pour vous seul, je vous en répéterai quelques unes des plus importantes. Observez avec vigilance Gretsch et les individus, soit soldats ou petites filles, qui ont été dans son école. J'avoue avoir beaucoup d'appréhensions sur eux. Veillez aussi sur une certaine tendance, qui se laisse apercevoir depuis quelque temps, d'entrainer le soldat à la débauche. Le nombre des vénériens est plus grand que jamais. Des hommes démoralisés sont toujours beaucoup plus faciles à séduire! Vous pourriez prendre quelques mesures

avec le gouverneur militaire [1]) pour renvoyer successivement et petit à petit celles des filles publiques, qui entraînent le plus à ces désordres. Ne perdez pas de vue Karasin [2]) et ses menées. Je ne connais pas Kaznatschéef, mais il serait prudent de l'observer [3]).

Enfin je termine, en vous répétant, que je mets ma confiance d'abord dans la Providence Divine, ensuite en vous et en votre bon esprit. Réfléchissez à ma position et au devoir que j'ai de maintenir intacte la considération de l'Europe envers la Russie! On a déjà les yeux ouverts sur moi, par rapport à l'histoire survenue au rég. de Séménofsky. Elle n'a pu être cachée: tous les ministres étrangers à Pétersbourg ont écrit. C'était encore une raison qui devait me décider à prendre une mesure telle que je l'ai prise. Finalement je vous dirai, que votre propre autorité exigeait que j'agisse ainsi.

Tout ce que je puis faire, c'est plutôt de témoigner une miséricorde compatissante envers les coupables, jugés par le conseil de guerre, mais non de laisser le régiment dans sa composition actuelle; il ne peut plus inspirer nulle confiance. Par là, la punition sera plutôt morale: car je doute que les uns soient beaucoup plus coupables que les autres, et je crois toujours trouver les coupables réels hors du régiment, dans des hommes comme Gretsch ou Karasin. Quant aux salons de Pétersbourg, sans s'en douter, ils deviennent l'écho de malveillants, qui trouvent bien des moyens cachés pour les diriger! Mais vous, ne vous laissez pas ébranler par ces clabauderies. Faites comprendre que ma résolution est la plus humaine qu'il était possible de prendre. Le régiment n'est pas cassé; il est maintenu, ainsi que son nom et son uniforme; personne n'est fusillé, ni passé par les verges, pas même touché du doigt. C'est assez humain, j'espère; mais il est juste de trouver, je pense, que des hommes, qui se sont mutinés, ne sont plus dignes de porter l'uniforme d'un régiment des gardes, qui s'est toujours illustré.

Je termine cette lettre, cher général, en vous confiant à la protection divine. Recevez l'assurance de mon bien sincère attachement.

Alexandre.

Troppau
ce 10 Novembre
1820.

Отрывокъ изъ этого письма напечатанъ въ 5 кн. Исторіи царствованія Императора Александра I-го, соч. г. Богдановича въ примѣчаніяхъ, на стр. 97, начиная со словъ: mais pour soigner toute cette besogne, до словъ: recevez l'assurance de mon bien sincère attachement.

---

[1]) Графъ Милорадовичь. *П. Б.*

[2]) Василій Назарьевичъ Каразинъ, въ исходѣ Ноября 1820 г., былъ задержанъ, и бумаги его взяты полиціею. См. Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 300 и 301. *П. Б.*

[3]) Александръ Ивановичъ Казначеевъ, человѣкъ высокой честности, непоколебимой вѣрности долгу и вполнѣ непричастный политическимъ безумствамъ того времени. *П. Б.*

Переводъ *).

Я получилъ черезъ 36 часовъ, любезный генералъ, ваши два частныя письма отъ 26 и 29 Октября. Считаю своею обязанностью начать мое письмо тѣмъ, чтобы сказать вамъ, что строгія мѣры, вами принятыя, были вызваны важностью обстоятельствъ, и что вы не могли и не должны были колебаться. И такъ не смущайтесь сплетнями городскими, продолжайте вашу службу съ тою же вѣрностію и твердостію, которыя вамъ свойственны. Я болѣе чѣмъ когда либо нуждаюсь въ такихъ помощникахъ, какъ вы. Я твердо увѣренъ въ вашей привязанности къ Отечеству и въ вашихъ чувствахъ личныхъ ко мнѣ. Не давайте себя поколебать; усугубите надзоръ, скажу даже заботы, относительно солдатъ; наблюдайте тщательно во всѣхъ полкахъ, чтобы съ ними не обращались дурно, не сѣкли-бы ихъ: это изо всѣхъ средствъ самое дурное, и вы знаете, что я всегда ненавидѣлъ тѣлесныя наказанія. Но разъ что вы обратили ваши попеченія на этотъ предметъ и бдительно за нимъ надзираете, вамъ не слѣдуетъ допустить послабленія въ требованіяхъ службы, ни подъ какимъ предлогомъ. Дѣйствовать иначе въ такую критическую минуту, въ которой мы находимся, было-бы пагубно. Теперь приступаю къ самому дѣлу. Никто не могъ быть такъ глубоко огорченъ имъ, какъ я. Личная привязанность, которую я всегда питалъ къ этому полку, такъ какъ я въ немъ самъ служилъ, честь Русскаго мундира, слава арміи, все это задѣто, оскорблено этимъ постыднымъ возмущеніемъ. Но коль скоро по несчастію это случилось, я не могъ принять другихъ мѣръ, какъ тѣ, которыя я принялъ въ приказѣ по арміи, посланномъ къ вамъ и къ главнокомандующимъ 1-й и 2 арміи за нѣсколько дней до полученія мною вашихъ двухъ частныхъ писемъ. Я далъ себѣ цѣлую недѣлю для размышленія. Я получилъ первое извѣщеніе 29 Октября, и приказъ посланъ былъ только 5 Ноября. Стало быть, вы убѣдитесь, что не въ моей уже власти измѣнить тутъ что либо; ибо приказъ былъ объявленъ тотчасъ по полученіи онаго въ обѣихъ главныхъ квартирахъ. Давъ вамъ эти объясненія, я повторяю, что мѣра, на которую я рѣшился, была единственная, способная согласовать примѣръ, который я былъ въ необходимости показать передъ лицемъ всей арміи, всей Россіи, скажу даже Европы, съ тѣмъ уваженіемъ, которое я желалъ выразить къ имени полка, неоднократно отличавшагося. Оставить его въ настоящемъ составѣ было-бы самою непростительною слабостью, которую многочисленные недоброжелатели наши истолковали бы какъ малодушіе, и слѣдовательно она поощрила бы ихъ усугубить усилія къ тому, чтобы заразить другія войска. Думаете ли вы, что эта преступная снисходительность спасла бы насъ отъ пасквилей въ родѣ того, который захваченъ? Навѣрное нѣтъ. Вы въ немъ видѣли, что проповѣдуютъ солдатамъ считать себя самихъ властителями; проповѣдуютъ, чтобы они удалили, или отставили бы того, кто имѣлъ власть донынѣ, также какъ всѣхъ офицеровъ или старшихъ, и выбрали бы другихъ между собою; значитъ, не рѣшеніе, принятое властію, побуждаетъ ихъ къ подобнымъ покушеніямъ. Ихъ испытываютъ, не ожидая этого рѣшенія, единственно потому, что таковъ планъ этихъ злонамѣренныхъ людей и тѣхъ, кто ими руководитъ. Надѣюсь на Бога, на добрыя чувства нашихъ солдатъ и на твердость ихъ начальниковъ, и вѣрю, что эти попытки останутся безплодны; но для этаго нужно, чтобъ мы всѣ усугубили надзоръ, и Богъ сдѣлаетъ остальное.

*) Этотъ и другіе переводы бумагъ князя И. В. Васильчикова сдѣланы Васильемъ Денисовичемъ Давыдовымъ. *П. Б.*

Что́ же касается до вашихъ настоятельныхъ просьбъ, чтобы никакая мѣра не была принята прежде моего возвращенія, то я вамъ скажу, что я не могу измѣнить уже отданный мною приказъ, который извѣстенъ всей арміи. Кромѣ того, не смотря на все мое желаніе вернуться немедленно въ Петербургъ, я здѣсь задержанъ самыми важными соображеніями. Мы собрались, дабы принять серьезныя и дѣйствительныя мѣры противъ пожара, охватившаго весь Югъ Европы и отъ котораго огонь уже разбросанъ во всѣхъ земляхъ. Согласіе, союзъ между государями и ихъ кабинетами были совершенные; работали откровенно и хорошо, и потому я надѣюсь, съ помощію Божественнаго Провидѣнія, что работа такъ хороша, какъ она только можетъ быть, не смотря на великія трудности и препятствія, которыми она была обставлена. Благоразумныя мѣры уже приняты. Рѣшено, что я буду служить въ нѣкоторомъ родѣ посредникомъ для передачи сообщеній въ Неаполь. Мы льстимъ себя надеждою вырвать короля изъ рукъ Карбонаріевъ и тогда дѣйствовать его властію съ поддержкою всей Австрійской арміи. Она войдетъ, не въ видѣ непріятеля, чѣмъ востановила бы все народонаселеніе, какъ Французы въ Испаніи, а войдетъ подъ предводительствомъ законной власти, призванной благомыслящими людьми еще весьма многочисленными и наконецъ именемъ всей соединенной Европы.

Всѣ эти мѣры были приняты прежде полученія мною извѣстій изъ Петербурга; съ исполненіемъ ихъ связана большею частію будущая безопасность Европы, и слѣдовательно Россіи, отъ язвы революціи. Удача противъ Неаполя должна будетъ произвести неминуемо моральное дѣйствіе, самое дѣйствительное, на Испанію и Португалію, совмѣстно съ другими мѣрами, принятыми въ этихъ земляхъ. Но для того, чтобы пещись объ этомъ дѣлѣ, мнѣ необходимо быть здѣсь на лицо еще нѣсколько недѣль; рѣшено даже подвинуться къ Италіи, дабы скорѣе получать извѣстія и отдавать соотвѣтствующія приказанія; и потому положили перенести совѣщанія въ Лайбахъ. Если я въ такую существенную минуту брошу все это дѣло, дабы скакать въ Россію, замѣшательство самое пагубное можетъ произойти во всѣхъ этихъ дѣлахъ, а успѣхъ ихъ окончательно поколеблется. Кромѣ того, всѣ эти радикалы и Карбонаріи, разсѣянные по Европѣ, именно хотятъ заставить меня бросить начатое дѣло здѣсь. Въ подтвержденіе тому мы имѣемъ въ нашихъ рукахъ нѣсколько документовъ; они взбѣшены, видя нашъ трудъ. Нужно-ли имъ дать это торжество? Въ добавокъ, это дало бы поводъ сдѣлать самое невыгодное заключеніе объ внутреннемъ состояніи Россіи. Неминуемо все уваженіе, питаемое къ Россіи и основанное на ея внутренней силѣ, можетъ быть поколеблено. Вотъ положеніе, въ которомъ я нахожусь. Оно болѣе чѣмъ затруднительно; но я надѣюсь на Бога и на Его милосердіе. Впрочемъ мнѣ даже невозможно думать, чтобы эти храбрыя войска, которыхъ отличныя чувства были мнѣ извѣстны, сдѣлались вдругъ толпою бунтовщиковъ. И такъ, при благоразуміи, соединенномъ съ твердостью, при неусыпномъ наблюденіи, неослабляемомъ никакими обстоятельствами, ни существенными, ни побочными, уповая на помощь Божью, я надѣюсь, что вы не будете имѣть въ это тяжелое время, до моего пріѣзда, важныхъ происшествій. Я вамъ черезъ Волконскаго и Чадаева передалъ уже нѣсколько замѣчаній, пришедшихъ мнѣ на мысль. Взвѣсьте ихъ серьезно. Такъ какъ это письмо для однихъ васъ, то я вамъ напомню нѣкоторыя изъ самыхъ существенныхъ. Наблюдайте бдительно за Гречемъ и за всѣми бывшими въ его школѣ солдатами, или маленькими дѣвочками. Признаюсь, что я на нихъ смотрю съ большимъ недовѣріемъ. Наблюдайте

также за намѣреніемъ, которое выказывается съ нѣкотораго времени, увлекать солдатъ въ развратъ. Число больныхъ венерическою болѣзнію никогда такъ велико не было. Люди безнравственные всегда легче даютъ себя увлечь. Вы могли бы, совмѣстно съ генераломъ-губернаторомъ, принять нѣкоторыя мѣры, дабы выслать послѣдовательно и мало по малу публичныхъ дѣвокъ, которыя всего болѣе способствуютъ этимъ безпорядкамъ. Не теряйте изъ виду Каразина и его происковъ. Я Казначеева не знаю, но было-бы благоразумно наблюдать за нимъ.

Кончаю напослѣдокъ повтореніемъ, что упованіе мое возлагаю я сперва на Промыселъ Божій, потомъ на васъ и на вашу разсудительность: сообразите мое положеніе и обязанности, лежащія на мнѣ, поддерживать непоколебимо уваженіе Европы къ Россіи. На меня уже обращены всѣ взоры, вслѣдствіе исторіи Семеновскаго полка. Она не могла быть скрыта: всѣ иностранные посланники въ Петербургѣ писали. Это была также одна изъ причинъ, побудившихъ меня прибѣгнуть къ принятымъ мною мѣрамъ. Наконецъ я вамъ скажу, что поддержаніе собственной вашей власти требовало, чтобы я поступилъ такимъ образомъ. Все что̀ я могу сдѣлать, это выказать сострадательное милосердіе виновнымъ, судимымъ военнымъ судомъ; но я не могу оставить полкъ въ его нынѣшнемъ составѣ, ибо онъ уже не возбуждаетъ во мнѣ никакого довѣрія. Чрезъ это, наказаніе будетъ скорѣе нравственное; ибо я сомнѣваюсь, чтобы одни были виновнѣе другихъ, и я увѣренъ, что найду настоящихъ виновниковъ, внѣ полка, въ такихъ людяхъ, какъ Гречь и Каразинъ. Что́ же касается до гостинныхъ Петербурга, они, сами того не подозрѣвая, дѣлаются отголоскомъ недоброжелателей, которые находятъ тайныя средства, чтобы ихъ направлять; но вы не давайте себя колебать этими сплетнями. Заставьте понять, что мѣры, мною принятыя, самыя человѣколюбивыя изъ всѣхъ тѣхъ, которыя можно было бы принять. Полкъ не уничтоженъ, но сохраненъ, также какъ его имя и мундиръ; никто не разстрѣленъ, не прогнанъ сквозь строй, даже не тронутъ пальцемъ; надѣюсь, что это довольно человѣколюбиво. Но я думаю, что найдутъ справедливымъ то, что люди, которые взбунтовались, недостойны болѣе носить мундиръ полка гвардіи, который всегда покрывалъ себя славою.

Кончаю мое письмо, любезный генералъ, поручая васъ покровительству Божію; примите увѣреніе въ моей искренней къ вамъ привязанности.

Александръ.

Троппау
10 Ноября 1820.

II.

Vous recevrez, cher général, par le présent courrier, les ordres pour le complétement du régiment de Séménofsky. Pour qu'il puisse être bon, et cela tout de suite, vous verrez que j'ai choisi les meilleurs bataillons de la 1-re division de grenadiers. Les régiments, dont on les prend, seront complétés à leur tour, par de très belles compagnies, qu'on a choisies de la 2-de et 3-me divisions de grenadiers, une par régiment. Et ceux-là, par contre, ne perdant qu'une seule de leur compagnie, recevront les plus belles recrues et des hommes de l'armée. Ainsi la brèche, causée par l'événement du rég. de Séménofsky dans l'organisation de notre armée, se trouvera complétement réparée.—Les ordres, que Volchonsky vous communique, vous instruiront de la manière dont j'ai décidé le complétement du corps d'officiers. Par ce moyen

les bataillons qui sont destinés pour le rég. de Séménofs., y entreront avec 12 officiers, qui ont servi avec ces mêmes soldats, dans leurs anciens régiments, ce qui est un avantage réel pour la prompte organisation du nouveau. Le restant se complétera par un officier pris sur chaque rég. de grenadiers. Dans l'ordre du jour, qui a décidé du sort du rég. de Séménofsky, ayant dit à la fin que son complétement se fera par des compagnies tirées de régiments de grenadiers, pour rester conséquent, je n'ai pas fait nommer *bataillons* ceux qui sont destinés à ce but, dans les ordres que vous recevrez par ce courrier; quoique au fond ce sont les 1-ers bataillons des rég. de l'Emp., du Roi de Prusse et du Prince Royal. J'entre dans ces détails, pour que vous sachiez les raisons pour lesquelles on a nommé chaque compagnie de ces trois bataillons séparément. Je désire que cette formation se fasse promptement; ainsi, quand vous aurez préparé les choses, pendant le nombre de jours nécessaires, *fixez en un* et que les trois bataillons arrivent en capotes et en fourachky dans les casernes du rég. de Séménofsky, et que dès ce moment le régiment se regarde comme existant; alors faites ajuster les anciens uniformes de Séménofsky restés dans les casernes, les tschakos, la buffléterie et les havresacs; et aussitôt les choses arrangées, faites commencer le service par ce régiment à son tour de rôle, comme par le passé.

Maintenant venons au choix du commandant. Je vous avoue, que j'aurais préféré Patkul, connaissant son attachement personnel pour moi, son zèle infatigable et sa probité parfaite. Je suis sûr que le rég. sous ses ordres sera excellent. Mais voici ce qui m'arrête. D'abord je suis persuadé, que ce régiment, formé à neuf, sera dans les commencements assez mal vu par le reste des rég. des gardes, et que celui qui le commandera aura assez de désagréments personnels à essuyer. J'aime trop Patkul, pour le placer dans cette pénible situation. — Après cela, on n'a que trop répété, que les choix pour les gardes tombent toujours sur des Livoniens et non sur de vrais Russes. Finalement, passant beaucoup de mon temps à Zarskoselo et désirant aussi que la brigade, composée des rég. de l'Emp. et du Roi de Prusse, fusse bonne, je ne puis avoir quelqu'un de meilleur pour pouvoir me reposer sur lui, que Patkul. Toutes ces considérations réunies m'ont fait porter mon choix sur *Шиповъ* *), qui a prouvé son aptitude par le bon état dans lequel il a mis le rég. du Prince Royal, et dont un bataillon va entrer dans le rég. de Séménofsky. D'ailleurs j'ai été dans le cas de me convaincre des excellents principes qui animent toute cette famille des *Шиповъ*. Cependant je ne l'ai pas nommé encore définitivement à l'ordre du jour, voulant connaître en préalable votre pensée là-dessus. Si vous n'avez aucune raison pour me déconseiller ce choix, vous confierez l'organisation du rég. à *Шиповъ*, en lui disant que c'est lui que j'ai choisi.

Pour Patkul je désire beaucoup que vous le fassiez venir et que vous lui disiez de ma part les raisons qui m'ont empêché de le désigner,

---

*) Нынѣ генералъ-адъютантъ, Сергѣй Павловичъ; братъ его, Иванъ Павловичъ, принадлежалъ тоже къ числу лучшихъ представителей тогдашняго войска. *П. Б.*

en y ajoutant, que je compte sur lui et sur son zèle à maintenir sa brigade dans le bel ordre dans lequel elle s'est trouvée jusqu'ici.

Avant de terminer ma lettre, je m'empresse de vous dire, que la Providence Divine a fait réussir nos premières démarches. Le roi de Naples a accepté notre invitation et s'est embarqué à bord de l'escadre anglo-française, qui était devant Naples et va nous arriver par Livourne à Laybach, pour où nous allons partir. C'est un résultat très conséquent. Voilà le roi sauvé d'entre les mains de véritables assassins, et nous nous trouvons réunis par là au pouvoir légal, par le moyen duquel, soutenus d'une bonne armée et sous la protection divine, nous avons tout espoir d'améliorer l'état des choses en Italie.—Adieu, cher général. Tout à vous. A.

Troppau
ce 14 Déc. 1820.

Mille respects à madame.

Переводъ.

Вы получите, любезный генералъ, съ этимъ курьеромъ приказы относительно комплектованія Семеновскаго полка. Чтобы онъ вышелъ немедленно хорошъ, вы увидите, что я выбралъ лучшіе баталіоны изъ 1-й гренадерской дивизіи. Полки, изъ которыхъ они назначаются, будутъ укомплектованы въ свою очередь прекрасными ротами, выбранными изъ 2 и 3 гренадерскихъ дивизій, по одной изъ полка. Они же, на оборотъ, теряя только по одной ротѣ, получатъ лучшихъ рекрутъ и солдатъ изъ арміи. И такъ ущербъ, причиненный происшествіемъ въ Семеновскомъ полку въ организаціи нашей арміи, оказывается совершенно исправленнымъ. Приказы, которые сообщаетъ вамъ Волконскій, укажутъ вамъ порядокъ, который я опредѣлилъ принять для укомплектованія корпуса офицеровъ; этимъ способомъ баталіоны, предназначенные для Семеновскаго полка, войдутъ въ него съ 12 офицерами служившими съ тѣми же солдатами въ прежнихъ ихъ полкахъ, что̀ доставитъ ощутительную выгоду для быстраго формированія новаго. Остальные недостающіе пополнятся однимъ офицеромъ, взятымъ изъ каждаго гренадерскаго полка. Въ приказѣ, рѣшившемъ судьбу Семеновскаго полка, было сказано къ концу, что его комплектованіе будетъ исполнено ротами, взятыми изъ гренадерскихъ полковъ. Дабы быть послѣдовательнымъ, я не велѣлъ называть баталіонами части, назначаемыя для этой цѣли въ тѣхъ приказахъ, которые вы получите съ этимъ курьеромъ, хотя въ сущности это первые баталіоны полковъ Императора, Короля Прусскаго и Наслѣднаго Принца. Я вхожу въ эти подробности, чтобы вы знали причины, почему были именованы отдѣльно каждая рота этихъ 3 баталіоновъ. Я желаю, чтобы формированіе совершалось быстро. Когда вы все приготовите, въ необходимое на это время, назначьте одинъ день, въ который эти 3 баталіона пришли бы въ шинеляхъ и фуражкахъ въ казармы Семеновскаго полка, и съ этой минуты полкъ считалъ бы себя какъ существующій. Тогда пригоните старые мундиры Семеновскіе, оставшіеся въ казармахъ, кивера, портупеи, ранцы и, какъ только все будетъ устроено, прикажите начать службу полку въ его очередь, по старому.

Теперь перейдемъ къ выбору начальника. Признаюсь вамъ, что я предпочелъ бы Паткуля. Зная его личную привязанность ко мнѣ, неустанное

усердіе и совершенную честность, я увѣренъ, что подъ его начальствомъ полкъ былъ бы чудесный; но вотъ что меня удерживаетъ. Во первыхъ, я увѣренъ, что этотъ новосформированный полкъ будетъ въ началѣ очень нелюбимъ остальными полками гвардіи и что тотъ, кто имъ будетъ командовать, долженъ будетъ испытать много личныхъ непріятностей. Я слишкомъ люблю Паткуля, чтобы подвергнуть его столь тяжелому испытанію; кромѣ того, уже слишкомъ часто повторяли, что выборъ въ гвардіи падаетъ всегда на Лифляндцевъ, а не на вполнѣ Русскихъ. Наконецъ, проводя большую часть времени въ Царскомъ Селѣ и желая, чтобы бригада изъ полковъ Императора и Короля Прусскаго была хороша, я не могу имѣть никого лучшаго, на кого я могъ бы такъ положиться, какъ на Паткуля. Всѣ эти соображенія, вмѣстѣ взятыя, заставили меня обратить мой выборъ на Шипова, который доказалъ свою способность исправностью, до которой онъ довелъ полкъ Наслѣднаго Принца, батальонъ котораго нынѣ поступаетъ въ Семеновской полкъ. Сверхъ того я имѣлъ случай убѣдиться въ отличныхъ правилахъ, одушевляющихъ всю эту семью Шиповыхъ. Однако я его еще окончательно не назначилъ приказомъ, желая предварительно знать ваше мнѣніе на этотъ счетъ; если вы не имѣете никакихъ причинъ отсовѣтать мнѣ этотъ выборъ, то поручите формированіе полка Шипову, сказавши ему отъ моего имени, что я его выбралъ. Чтò же касается Паткуля, то я желаю, чтобы вы его позвали и объяснили бы ему причины, помѣшавшія мнѣ его назначить, прибавивъ къ тому, что я полагаюсь на него и на его усердіе, для поддержанія въ его бригадѣ того блестящаго порядка, въ которомъ она доселѣ находилась. Оканчивая письмо, спѣшу сказать вамъ, что Промыслъ Божій помогъ намъ въ первыхъ нашихъ дѣйствіяхъ. Король Неаполитанскій, по нашему приглашенію, отплылъ на Англо-Французской эскадрѣ, находившейся передъ Неаполемъ и прибудетъ къ намъ черезъ Ливурну въ Лайбахъ, куда мы сами выѣзжаемъ. Этотъ шагъ весьма важенъ: такимъ образомъ король спасенъ изъ рукъ настоящихъ убійцъ, и мы этимъ дѣйствіемъ соединены съ законною властію, посредствомъ которой, съ поддержкою хорошей арміи и съ помощію Божіей, мы можемъ надѣяться улучшить положеніе дѣлъ въ Италіи. Прощайте, любезный генералъ. Весь вашъ. Александръ.

Тысячу привѣтствій вашей супругѣ.

Троппау
14 Декабря 1820 г.

III.

Je me trouve placé, cher général, dans un certain embarras, causé par ma manière de sentir les choses. Le général ...off vient de m'annoncer par une lettre son mariage avec m-lle M....., et par celle qu'il écrit à Volchonsky, il intercède pour que sa promise obtienne le chiffre. Dans toutes autres circonstances, rien ne serait plus simple, puisque la plupart de ses camarades ont obtenu la même distinction. — Mais dans le moment actuel, n'ignorant pas surtout que vous avez des raisons pour ne pas être entièrement content du général .... off, la chose devient différente.—Si je me trouvais à Pétersbourg, je n'aurais pas eu besoin de vous demander votre opinion: car j'aurais eu assez de tact moi-même pour saisir la nuance véritable de sa conduite. A la distance, où je me trouve, par contre, cette nuance m'échappe.

La question se réduit donc à sçavoir: la conduite du général .....off est-elle de nature à lui refuser cette distinction pour sa promise? Ou

bien croyez vous qu'elle puisse lui être accordée sans inconvénient? Dans ce dernier cas, je joins ici une lettre de ma part à ma mère, à cachet volant, que je vous prie de lire avant de la lui remettre. Car si la chose doit avoir lieu, je tiens à ce qu'elle passe par vos mains. Peut-être sera-ce un moyen de ramener le jeune homme dans la ligne de ses devoirs.—Si vous jugez, par contre, négativement de la chose, alors renvoyez moi la lettre à ma mère, et personne ne sçaura plus rien de ce qui s'est passé à ce sujet entre nous: je laisserai la demande faite par Volchonsky sans réponse, et il n'en sera plus question.

La confiance entière que je place en vous, cher général, me porte à agir en conséquence vis-à-vis de vous.

Recevez, cher général, l'assurance de mon bien sincère attachement. Mille respects de ma part à madame Wassiltschikoff. Alexandre.

Laybach
ce 18 Mars
1821.

Ci-joint aussi la lettre de ......off et la copie de ma réponse.

Переводъ.

Я нахожусь, любезный генералъ, въ нѣкоторомъ затрудненіи вслѣдствіе моего способа понимать вещи. Генералъ .....въ увѣдомилъ меня письмомъ о помолвкѣ своей съ дѣвицей М.....вой, а въ письмѣ къ Волконскому проситъ объ назначеніи его невѣсты фрейлиной. Во всякихъ другихъ обстоятельствахъ ничего не могло быть проще этого, такъ какъ большая часть его товарищей получили такое же отличіе; но въ настоящую минуту, когда не безъизвѣстно мнѣ, что вы имѣете причины быть не совершенно довольнымъ генераломъ .....вымъ, дѣло это принимаетъ другой оборотъ. Если бы я находился въ Петербургѣ, я бы не имѣлъ нужды обращаться къ вашему мнѣнію, ибо имѣлъ бы самъ достаточно такта, чтобы уловить настоящій оттѣнокъ его дѣйствій. Въ такомъ разстояніи, въ которомъ я нахожусь отъ васъ, этотъ оттѣнокъ ускользаетъ отъ меня. Вопросъ заключается въ слѣдующемъ: дѣйствія генерала .....ва заслуживаютъ ли отказа въ просимомъ имъ отличіи для его невѣсты, или вы полагаете, что оно можетъ-быть ему даровано безъ неудобствъ? Въ послѣднемъ случаѣ прилагаю къ сему открытое письмо на имя моей матери, которое прошу васъ прочитать до врученія, на томъ основаніи, что если это должно состояться, то я желаю, чтобы оно прошло чрезъ ваши руки. Не послужитъ ли это средствомъ къ тому, чтобы возвратить молодаго человѣка къ его обязанностямъ? Если же вы разсудите объ этомъ дѣлѣ иначе, то возвратите мнѣ письмо мое къ моей матери, и никто не узнаетъ, что̀ по этому случаю происходило между нами: я оставлю безъ отвѣта просьбу, поданную черезъ Волконскаго, и объ этомъ не будетъ болѣе рѣчи. Полное довѣріе, которое я къ вамъ питаю, любезный генералъ, заставляетъ меня дѣйствовать такимъ образомъ относительно васъ. Примите, любезный генералъ, увѣреніе въ истинной моей къ вамъ привязанности. Тысячу привѣтствій г-жѣ Васильчиковой.

При семъ прилагаю письмо .....ва и копію моего отвѣта.

Лайбахъ.
18 Марта 1821 г.

Упоминаемыя въ этомъ письмѣ приложенія не содержатъ въ себѣ ничего особеннаго и потому опускаются. *П. Б.*

(*Продолженіе будетъ*).

КТО ПОСЛѢДНІЙ ОСТАВИЛЪ СЕВАСТОПОЛЬ.

(Изъ воспоминаній о войнѣ 1853—1856 годовъ).

Съ нѣкоторыхъ поръ вопросъ о томъ, кто послѣдній оставилъ Севастополь, слышится отовсюду. Онъ сдѣлался вопросомъ столько, же интереснымъ, сколько и щекотливымъ. Я не буду разсказывать о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ возникъ этотъ вопросъ, а постараюсь, согласно съ письменными документами, съ разсказами очевидцевъ и затѣмъ по собственной, никогда неизмѣнявшей мнѣ памяти, изложить дѣло, какъ оно было въ дѣйствительности.

Въ „Описаніи обороны Севастополя", составленной подъ руководствомъ генералъ-адъютанта Тотлебена (часть II, стр. 244) сказано, между прочимъ, что на южной сторонѣ оставлены были только умирающіе и безнадежно раненные, въ числѣ около 500 человѣкъ, при медикѣ, съ письмомъ къ Французскому главнокомандующему, въ которомъ князь М. Д. Горчаковъ поручалъ вниманію его этихъ страдальцевъ. Далѣе, говорится, что на разсвѣтѣ 28-го Августа лейтенантъ Аѳанасьевъ развелъ малый мостъ черезъ южную бухту; въ 8-мь часовъ утра выѣхалъ изъ города начальникъ гарнизона графъ Дмитрій Ерофеевичъ Сакенъ съ своимъ начальникомъ штаба княземъ Викторомъ Илларіоновичемъ Васильчиковымъ; въ тоже время генералъ-лейтенантъ Шепелевъ и вице-адмиралъ Панфиловъ оставили Корабельную, когда послѣднія части войскъ отплыли отъ берега. Послѣднимъ отступилъ по мосту генералъ Хрущевъ, послѣ чего, по распоряженію генералъ-лейтенанта Бухмейера, начали разводить большой мостъ.

Въ брошюрѣ „349 дневная защита Севастополя", на стр. 339—340, повторено тоже, чтó сказано выше; но прибавлено, что съ Графской пристани, отправивъ послѣдній пароходъ, поѣхалъ капитанъ 2-го ранга Воеводскій, и что въ Севастополѣ не осталось никого, кромѣ нѣсколькихъ человѣкъ смѣльчаковъ, прикрывавшихъ отступленіе и поддерживавшихъ пожары.

Вышеизложенное подкрѣпляется Записками начальника Севастопольскаго гарнизона, генералъ-адъютанта графа Д. Е. Сакена, которыя были читаны въ рукописи въ Комитетѣ Севастопольскаго Отдѣла на Политехнической выставкѣ. Кромѣ того, у меня въ рукахъ копія рапорта графа Сакена къ главнокомандующему *): донося объ очищеніи Севастополя, графъ Сакенъ присовокупляетъ, что, вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ штаба княземъ Васильчиковымъ, онъ послѣдній оставилъ разоренный городъ.

---

*) Отъ 29 Августа 1855 года, за № 4871-мъ.

Вотъ все что̀ извѣстно по существующимъ документамъ. Какъ видно, никому на мысль не приходилъ вопросъ: кто же изъ начальствовавшихъ въ то время лицъ послѣднимъ оставилъ Севастополь; никто не бралъ на себя труда рѣшить, кто изъ нихъ раньше перешелъ на Сѣверную его сторону.

Въ настоящее время, какъ говорится, вопросъ поставленъ на очередь и требуетъ отвѣта.

Генералъ-адъютантъ графъ Павелъ Евстафьевичъ Коцебу полагаетъ, что главнокомандующій князь Михаилъ Дмитріевичь Горчаковъ и онъ послѣдними оставили Севастополь.

Генералъ-адъютантъ Алексадръ Петровичъ Хрущовъ говоритъ, что послѣдними покинули развалины оставленнаго города графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ и князь В. И. Васильчиковъ.

Генералъ-лейтенантъ П. К. Меньковъ, который, по порученію главнокомандующаго арміею, велъ „Журналъ обороны Севастополя", подтверждаетъ сказанное А. П. Хрущовымъ.

Вопросъ остается открытымъ, и я, пользуясь своей памятью и разсказами другихъ очевидцевъ, попробую, если не рѣшить его, то хотя близко подойти къ этому.

Не помню, гдѣ-то говорится, что „27-го Августа, при первомъ извѣстіи о штурмѣ Севастополя, главнокомандующій, со всѣмъ своимъ штабомъ, поскакалъ въ осажденный городъ и оставался тамъ до 2-хъ часовъ ночи".....

Это невѣрно. Главнокомандующій дѣйствительно поскакалъ въ Севастополь изъ лагеря на Инкерманѣ, хотя и не со всѣмъ своимъ штабомъ, но оставался тамъ до разсвѣта. Князь Михаилъ Дмитріевичъ, 27-го Августа, рано утромъ посылалъ на Телеграфную вышку адъютанта своего Николая Владиміровича Мезенцова *), который возвратился съ сильно разбитой головой, и вслѣдъ затѣмъ князь отправился въ Севастополь. Мнѣ пришлось находиться при князѣ безотлучно все время бытности его въ городѣ. Я сопровождалъ его къ Малахову кургану, гдѣ князь ходилъ убѣдиться на мѣстѣ, что было бы безполезно выбивать непріятеля изъ занятаго имъ Корниловскаго бастіона. Онъ меня посылалъ ночью посмотрѣть, какъ переправляются войска чрезъ малый мостъ южной бухты; наконецъ моею рукою была переписана столь печальная депеша Его Императорскому Величеству объ очищеніи Севастополя **). Когда на разсвѣтѣ князь Викторъ Илларіоновичъ Васильчиковъ доложилъ главнокомандующему, что остаются непереправленными только войска генерала Хрущова, расположенныя для принятія непріятеля (если бы онъ началъ преслѣдованіе), тогда

*) Нынѣ генералъ-адъютантъ и товарищъ шефа жандармовъ.

**) Депеша эта была слѣдующаго содержанія: „Войска Вашего Императорскаго „Величества, послѣ семи непріятельскихъ приступовъ, изъ которыхъ пять были „отбиты, вынуждены были оставить Севастополь. Непріятелю достанутся однѣ „окровавленныя развалины". Черновая этой депеши, писанная рукой князя, вся залита его слезами. Дорого стоила ему эта минута!

князь Михаилъ Дмитріевичъ направился съ Николаевской баттареи къ Графской пристани и тамъ нашелъ раненныхъ Французовъ, умолявшимъ его приказать перевести ихъ на сѣверную сторону. Князь Горчаковъ уступилъ ихъ просьбамъ и приказалъ князю Васильчикову перевести ихъ вмѣстѣ съ нашими раненными, находившимися на Николаевской баттареѣ, и, сдѣлавъ еще нѣсколько другихъ указаній, отправился вмѣстѣ съ бывшимъ начальникомъ главнаго штаба арміи П. Е. Коцебу и со мной въ катерѣ на Сѣверную сторону. Въ это время уже разсвѣло, и день предвѣщалъ быть сумрачнымъ. По прибытіи въ Сѣверное укрѣпленіе, главнокомандующій посѣтилъ раненыхъ генераловъ: Тотлебена, Хрулева и Шульца и пилъ чай.

28-го Августа, около 10-ти часовъ утра, мы были въ лагерѣ на Инкерманѣ, и я тѣмъ живѣе помню это раннее время, что засталъ Н. В. Мезенцова только что проснувшимся и ожидавшимъ перевязки своей раны, состояніе которой меня такъ сильно безпокоило.

Мнѣ положительно извѣстно, что князю В. И. Васильчикову поручено было главнокомандующимъ составить и привести въ исполненіе диспозицію объ очищеніи Севастополя войсками гарнизона, что онъ оставался тамъ, пока все не было убрано, пока не перевезли всѣхъ раненныхъ съ Графской пристани, однимъ словомъ, пока не были исполнены приказанія главнокомандующаго, утвердившаго диспозицію безъ малѣйшихъ измѣненій. Перевозка раненныхъ поручена была княземъ В. И. Васильчиковымъ бывшему моряку Якову Петровичу Сербину *), который, распоряжаясь нагрузкою ихъ на пароходъ, получилъ контузію въ правую сторону головы, отъ бомбы, посланной съ Малахова кургана.

Когда въ послѣдній разъ отвалилъ пароходъ съ раненными, князь Васильчиковъ донесъ о томъ начальнику гарнизона, буквально въ слѣдующей формѣ: „Всѣ войска благополучно достигли Сѣверной стороны", Графъ Сакенъ обратился къ обхваченному пламенемъ Севастополю, въ которомъ пробылъ 9 мѣсяцевъ, снялъ фуражку и съ горькими слезами на глазахъ помолился въ ту сторону, гдѣ покоился прахъ доблестныхъ адмираловъ. Затѣмъ, поблагодаривъ князя В. И. Васильчикова за общее его благое содѣйствіе, онъ отправился чрезъ мостъ на Сѣверную сторону, въ сопровожденіи начальника штаба и другихъ чиновъ онаго. За отступавшимъ штабомъ гарнизона слѣдовалъ по мосту начальникъ инженеровъ арміи генералъ-лейтенантъ Бухмейеръ съ саперами, разводившими, по мѣрѣ удаленія, плоты, которые буксировались шлюпками къ сѣверному берегу.

Образъ, пожертвованный Севастопольскому гарнизону Ея Императорскимъ Величествомъ, въ Бозѣ почивающей Императрицей Александрой Ѳеодоровной, былъ въ это время перенесенъ въ Сѣверное укрѣпленіе и принятъ генералъ-лейтенантомъ Семякинымъ.

---

*) Нынѣ подполковникъ въ корпусѣ жандармовъ.

Мнѣ кажется, что изъ всего мною сказаннаго, каждый уразумѣетъ, что послѣдними изъ начальствующихъ лицъ оставили Севастополь бывшій начальникъ его гарнизона графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ и начальникъ его штаба князь В. И. Васильчиковъ; это былъ прямой ихъ долгъ, доблестно ими исполненный. Главнокомандующій, убѣдясь въ точномъ и правильномъ исполненіи его распоряженій, убѣдясь въ томъ, что непріятель не тревожитъ ни войскъ, ни города,—переправился на разсвѣтѣ на Сѣверную сторону, гдѣ къ арміи присоединился бывшій гарнизонъ Севастополя, въ числѣ 40 т. штыковъ.

Желая выразить свое полное удовольствіе князю Виктору Илларіоновичу Васильчикову, главнокомандующій далъ въ его личное распоряженіе 10 Георгіевскихъ солдатскихъ крестовъ для раздачи по его усмотрѣнію отличившимся при послѣднемъ штурмѣ.

Князь Михаилъ Дмитріевичъ, во время путешествій своихъ, часто бесѣдовалъ о Крымской войнѣ и провѣрялъ въ своей памяти главнѣйшія событія Севастопольской обороны, но ни разу не былъ возбужденъ имъ вопросъ, составляющій предметъ этой замѣтки. Я вполнѣ убѣжденъ, что этотъ нравственный герой, рыцарски исполнявшій до конца свои обязанности, не думалъ о томъ, какимъ онъ, по счету, оставляетъ городъ: онъ чувствовалъ себя счастливымъ, что въ данное время нашелъ вѣрныхъ исполнителей его приказаній и уѣзжалъ, полагая свое присутствіе среди арміи болѣе необходимымъ.

И. Красовскій.

23 Января 1875.
Москва.

ПЯТЬ ПИСЕМЪ ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ПЕРЕПИСКИ ПРОШЛАГО СТОЛѢТІЯ.

1. Отъ княгини Маріи Абрамовны Воротынской къ сыну, съ припискою на имя его второй жены.

Князь Юрья Романовичь, желаю вамъ здравствовать и съ княгинею.

Поздравляю, батюшка, съ княгинею и желаю вамъ всякаго благополучія и множество лѣтъ, и радуюся тому, что тебѣ Богъ пожаловалъ достойную жену; и слышу отъ всѣхъ похвалу ей, только я не удостоилась ее видѣть и не надѣюся и впредь ее видѣть за своею болѣзнію; и лежу уже мѣсяцъ и болѣ при самой смерти и цѣлой день не говорила. Въ моей болѣзни меня утѣшаютъ братъ твой и сестра съ мужемъ. Да удивляюся, батюшка, что ты не писалъ къ сестрѣ о своей радости: ко мнѣ и къ брату писалъ, а къ ней не писалъ и что́ тому причина? Ты самъ извѣстенъ, какъ она къ вамъ горяча, не токмо она— и зять; и она теперича сумнѣвается, что вы не сердитесь ли на нее, а она передъ вами ни мыслію не виновата; и самъ разсуди, что она у васъ одна, а князь Николай [1]) ее любитъ и безпрестанно къ ней ѣздитъ. Да прошу, батюшка, васъ, чтобы мнѣ пожаловали ѳалетора, а Пронька у меня былъ фалеторомъ, и я его отпустила въ Проломъ, и теперича мнѣ и къ обѣдни не съ кѣмъ выѣхать, не только что куды въ гости; а вы, какъ были въ Москвѣ, обѣщали мнѣ дать другаго фалетора. Хотя бы изо Ржева приказать какого малаго привезти, да бабу, которая могла бъ за птицами ходить. А деньги 50-тъ рублевъ приняла и оныя за долгъ всѣ отдала. Да покорно прошу, чтобы приказалъ прислать деньги за поминовеніе князь Ѳедора [2]) и за сорокоустъ, и оныхъ денегъ надлежитъ 45 р., а Богоявленскій архимандритъ по всѣмъ Воротынскимъ ѣздитъ и жалуется, что ему деньги не заплачены, а меня изъ двора не спускаетъ; также и попы. А за шапку его на силу взяла 8 р. и то заплатила за псалтырь, что̀ надъ постелей читался. Покорно прошу, сотвори со мною Божескую милость — напомни мое рожденье, пришли оныя деньги за поминовеніе, чтобы ему въ клятвѣ не быть и мнѣ бы въ стыдѣ не остаться. Да еще, батюшка, прошу, что на нынѣшній годъ и на прошлой не пожаловали мнѣ мяса, а жаловали по пятнадцати пудъ: прошу (в)мѣсто того купить мнѣ въ Карачевѣ [3])

---

[1]) Братъ князя Юрія Романовича.

[2]) Сынъ князя Юрія Романовича отъ перваго брака.

[3]) Князь Юрій Романовичь въ 1768 году стоялъ съ своимъ полкомъ въ Карачевѣ.

полпуда кофію, а тамъ дешевъ, а здѣсь [4]) очень дорогъ. Да изо Ржева прикажи мнѣ прислать къ Успеньеву дни 20-ть барановъ; а ежели нѣтъ 20-ти, то на мѣсто того хотя двухъ бычковъ; также присылывали ко мнѣ куры и яицы. А за присланныя деньги 50 р. благодарствую. При семъ посылаю мое матернее благословеніе. Будь, свѣтъ мой, Богомъ хранимъ и Его Богоматерью и всѣми Святыми угодниками.

Приписка.

Государыня моя невѣстушка, княгиня Марья Семеновна, желаю вамъ здравствовать и съ княземъ, и радуюся, матушка, и благодарю Бога моего, чтобъ Богъ мнѣ пожаловалъ достойную невѣстушку и надѣюся, что буду вами радоваться не только здѣсь, и въ будущемъ будетъ душа моя вами радоваться. Покорно прошу, чтобъ меня любить и въ старости меня не оставить; а я васъ, матушка, принимаю не за сноху, но за дочку и равно съ дочерью буду васъ любить. Поговори, матушка, князю, чтобъ онъ писалъ къ сестрѣ; и она вамъ всегда будетъ во всемъ служить. И остаюсь доброжелательная вамъ свекровь ваша княгиня Марія Воротынская. 1768 году Февраля 22 дня.

2. Отъ князя Николая Романовича Воротынскаго къ брату, съ таковою же припискою.

Государь мой братецъ князь Юрья Романовичь. За неимѣніемъ долгое время отъ васъ писемъ нынѣ я отъ васъ получилъ письмо и, увѣдомясь о вашемъ здоровьѣ, весьма радуюсь, и что вы изволили жениться, (съ) тѣмъ васъ поздравляю и прошу впредь увѣдомленіемъ о состояніи вашего здоровья меня не оставлять.

Человѣкъ вашъ Василій пріѣхалъ въ Москву и началъ за дѣлами ходить и ежели бъ вы здѣсь сами съ начала зимы были, то бъ ваши дѣла окончены были, для того что оберъ-секретарь вамъ знакомъ; а нынѣ онъ въ Питербургѣ; однакожъ я буду стараться, токмо жалѣю, что болѣе трехъ недѣль здѣсь не пробуду: поѣду въ Дорогобужскую деревню и тамъ буду лѣто жить.—Ежели вамъ угодно вороная лошадь Г-о-р-д-а-я, которую изволили торговать, а нынѣ за нее давали здѣсь въ Москвѣ 80 р., и я для того не продалъ, разсуждая: не угодно-ли вамъ будетъ? Того ради ее во Ржевскую деревню отослалъ. А другая здѣсь въ Москвѣ вороная, называется Т-а-н-ц-м-е-с-т-е-р-ъ, которую вы изволили видѣть въ Москвѣ. И онѣ, какъ первая, такъ и другая, очень хорошо выѣзжены въ манежѣ; съ того времени, какъ вы изволили видѣть въ манежѣ ѣзжены. А вамъ хотя на ярмаркѣ покупаютъ лошадей, только тонкошей и низкопереды и жидки; а эти лошади Нѣмецкія. У меня жъ нынѣ кромѣ этихъ приведены изъ Уварова восемь лошадей — все вороныя и немалы ростомъ; по пяти лѣтъ, настоящи Датски, не той породы, которыхъ вы видѣли, а отъ воронаго же-

---

[4]) Въ Москвѣ.

ребца, котораго вашего полку ротмистръ господинъ Страховъ видѣлъ. Естьли надобно въ полкъ, извольте присылать офицера ко мнѣ въ Дорогобужскую деревню: я всѣхъ продамъ по вышеписанной цѣнѣ. И ихъ жаль подъ карабинеровъ употреблять: онѣ годны для ѣзды штабъ и оберъ-офицерамъ.— Деньги, которыя затрачены на погребенье сына вашего князя Ѳедора Юрьевича, прошу приказать ко мнѣ прислать: я нынѣ крайнюю надобность въ деньгахъ имѣю; а на комъ хотя мои деньги и есть, не могу еще получить. А оныхъ денегъ человѣкъ мой Илья подалъ реэстръ 172 рубли; а я не знаю, столько-ль они съ Семеномъ человѣкомъ вашимъ издержали; я былъ въ деревнѣ и не зналъ, какъ онъ скончался; по приказу матушкину они покупали и ежели бы у меня денегъ не случилось, тобъ и похоронить было нечѣмъ, а занять негдѣ и въ стыду бы вы превеликомъ были. А нынѣ къ матушкѣ приходятъ изъ Богоявленскаго монастыря и покоя не даютъ за сорокоусты и за псалтирь требуютъ денегъ; и вамъ оныхъ денегъ до двухъ сотъ рублевъ жалѣть нечего — онъ уже у васъ больше наслѣдства не попроситъ, да и послѣ его платья рублевъ на сто осталось. И прошу оныя деньги прислать; а ежели, паче чаянія, оныя деньги меня не застанутъ, то прошу пожаловать приказать моему человѣку Ильѣ отдать; а онъ здѣсь въ Москвѣ будетъ. И остаюсь братъ вашъ и покорный слуга князь Николай Воротынскій.

Приписка.

Государынѣ моей княгинѣ Марьѣ Семеновнѣ приношу мое усердное почтеніе и за приписку покорнѣйше благодарствую, себя жъ вамъ рекомендую въ неотмѣнную пріязнь, и остаюсь вашъ покорный слуга князь Николай Воротынскій отъ 22 дня Февраля 1768 года.

3. Отъ княгини Маріи Абрамовны къ невѣсткѣ.

Моя государыня невѣстушка, княгиня Марья Семеновна, желаю вамъ здравствовать съ матушкой и съ братомъ.

Отпиши, матушка, ко мнѣ, какова ты нынѣ въ своемъ здоровьѣ. Письма и деньги получила и за оныя благодарствую. Да отпиши, матушка, какъ ты съ княземъ *) разлучилась; а я, матушка, сердцемъ сожалѣю о васъ, что ты какъ эту горесть перенесла: того ради, что вамъ еще первая. Только прошу васъ самимъ Богомъ, пожалуй — не крушись. И ежели, матушка, ко мнѣ письма не будутъ, а къ вамъ будутъ, пожалуй, матушка, отпиши объ немъ, что онъ здоровъ-ли.—А я, матушка, въ старости и въ дряхлости и не знаю, какъ могу эту горесть перенесть, и боюся, чтобы безсудной смертью не умереть: онъ, матушка, мнѣ чрезмѣрно дорогъ. Да поздравляю, матушка, вамъ въ день тезоименитства вашего и желаю вамъ нынѣшній годъ благополучно его препроводить. Да послала вамъ, матушка, дорогая именинница, маленькій презентъ—

*) Князь передъ тѣмъ съ полкомъ выступилъ въ походъ.

новоманерный платокъ: изволь носить на здоровье, а нынѣча ихъ носятъ на шеѣ и на головѣхъ. А на большой презентъ не прогнѣвайся, что за скоростію и за худымъ путемъ послать не можно. А у меня сдѣлана вамъ новоманерная шапочка; только пожалѣла послать, чтобъ онѣ не измяли. Да изволишь писать, что послала для моей провизіи въ деревню; и я за оное благодарствую; только, пожалуй, матушка, пришлите мнѣ мальчика, а барановъ прикажи прислать къ Успеньеву дню, тако же куръ и яицы. Да приказала вамъ объявить почтеніе свое дочь моя Аннушка, и при томъ же поздравляетъ вамъ, дорогой именинницѣ, и желаетъ васъ нынѣшній годъ видѣть во всякомъ благополучіи; а на письма ея проситъ не прогнѣваться, что она сама не можетъ (писать), и мужъ ея не можетъ. И я, матушка, истинно, на нихъ глядя, сокрушалась. Остаюсь доброжелательная вамъ свекровь ваша княгиня Марья В. 1769 года Марта 13 дня.

4. Отъ князя Николая Романовича къ брату съ припискою на имя его жены.

Государь мой братецъ Юрья Романовичь.

Письмо отъ васъ я получилъ и весьма порадовался, услыша объ васъ, что вы въ добромъ здоровьѣ; а я отъ васъ болѣе года писемъ не получалъ; я жъ при всякихъ оказіяхъ, да и сверхъ того на почтѣ къ вамъ писалъ, а какъ уже отъ васъ писемъ не получалъ и зная, что вы дѣйствительно мои письма получили, а ко мнѣ писать не изволили, и для того я уже къ вамъ и писать пересталъ, зная, что вамъ тѣмъ я наскучилъ.

Прошу увѣдомленіемъ о вашемъ состояніи меня не оставлять. Я, слава Богу, здоровъ съ женою и съ сыномъ и пробудемъ до весны въ Москвѣ. И остаюсь братъ вашъ и покорный слуга князь Николай В.

Приписка.

При семъ вамъ, государыня моя невѣстушка княгиня Марья Семеновна, приношу мое усердное почтеніе и остаюсь вамъ покорный слуга князь Николай В. Марта 17 дня 1769 года.

5. Отъ княгини Маріи Абрамовны къ невѣсткѣ.

Государыня моя вевѣстушка, княгиня Марья Семеновна, желаю вамъ здравствовать на множество лѣтъ.

Письмо отъ васъ получила и за оное много благодарствую и впредь прошу, чтобы я утѣшена была вашими письмами, которыя всегда сердечно слышать желаю. Посылаю, матушка, вамъ благословеніе—крестъ съ мощами; хотя, матушка, не сподобилась васъ видѣть, однакожъ посылаю мое грѣшное благословеніе. Благодарствую, матушка, за гарнитуръ *); а мнѣ, матушка, не столько гарнитуръ мнѣ дорогъ, какъ мнѣ мило, что вы меня утѣшили; и я,

*) Оборка для платья.

матушка, ничего не желаю кромѣ того, чтобъ вы меня сердечно любили; а я, свидѣтельствуюся Богомъ, такъ васъ люблю—ровно съ своею дочерью. Пожалуй, матушка, отдай отъ меня поклонъ своей матушкѣ и братцу. Да попомни, матушка, князю, чтобы прислалъ деньги за поминовенія. Доброжелательна вамъ свекровь ваша княгиня Марья В.

*

Предшествующія пять писемъ найдены мною въ одномъ архивномъ дѣлѣ, которое началось производствомъ въ 1776 году въ 3-мъ департаментѣ Государственной Вотчинной Коллегіи. По своему чисто-семейному характеру, по разнымъ подробностямъ, относящимся до быта нашего дворянства во второй половинѣ прошлаго столѣтія, наконецъ по рѣзкому отличію склада рѣчи и самыхъ пріемовъ переписки въ трехъ изъ нихъ, писанныхъ матерью, отъ остальныхъ двухъ, писанныхъ сыномъ, письма эти показались мнѣ заслуживающими вниманія лицъ, изучающихъ бытъ того времени.

Какъ простодушно смѣшеніе матерью въ письмѣ къ сыну и поздравленія со свадьбой, и требованія денегъ за похороны внука „чтобы ему въ клятвѣ не быть, а мнѣ въ стыдѣ не остаться"; и просьбы о присылкѣ ѳалетора и птичницы и кофея, который „въ Карачевѣ дешевъ, а въ Москвѣ очень дорогъ", и „двадцати барановъ, а ежели нѣтъ двадцати, то хотя двухъ бычковъ".

Не чужды своебразности и письма „брата и покорнаго слуги", который, очевидно, по своему времени былъ свѣтскій человѣкъ, а все таки за одинъ пріемъ и торгуетъ своему брату лошадей, и пишетъ привѣтствіе его женѣ, и требуетъ себѣ возврата денегъ за похороны племянника, съ колкостію замѣчая, что если бы эти деньги имъ не были даны, то бы „въ стыду превеликомъ вы были", и что денегъ этихъ „жалѣть нечего — „онъ уже у васъ больше наслѣдства не попроситъ".

Такія черты нравовъ, такіе оттѣнки отношеній матери къ сыну, брата къ брату могутъ встрѣчаться лишь въ письмахъ семейныхъ, а этотъ разрядъ писемъ рѣдко когда попадаетъ въ печать и потому почти неизвѣстенъ любителямъ старины нашей. Причина тому понятна: правительство почти по всѣмъ вѣдомствамъ открыло намъ сокровища своихъ архивовъ; столбцы или страницы историческихъ изданій собираютъ изъ нихъ богатую жатву оффиціальныхъ писемъ; но архивы семейные, при своей малочисленности (сколько ихъ сгорѣло въ 1812 году въ Москвѣ, сколько ихъ употреблено на растопку печей и продано съ вѣса на рынокъ!) не столь доступны какъ правительственные, и рѣдкій изъ нашихъ дворянъ рѣшается допустить историческаго изслѣдователя до прочтенія писемъ, обнажающихъ задушевныя тайны предковъ. Поэтому я былъ особенно радъ счастливой случайности, по которой я нашелъ приведенныя письма въ канцелярскомъ архивномъ дѣлѣ. Объясню, какъ они туда попали.

Сынъ княгини Маріи Абрамовны и старшій братъ князя Николая (писавшихъ эти письма), князь Юрій Романовичь Воротынскій, вслѣдъ за смертію своего сына отъ перваго брака, князя Ѳедора, женился вторымъ бракомъ на дочери вдовой Карачевской помѣщицы, дѣвицѣ Маріи Семеновнѣ Звѣнцовой. Невѣстка была, судя по письмамъ, довольно радушно, хотя и заглазно, принята въ семью своего мужа: свекровь приняла ее „не за сноху, а за дочку"; деверь поспѣшилъ „принести ей усердное почтеніе" и „рекомендовать себя въ неотмѣнную пріязнь";

но когда, семь лѣтъ спустя, мужъ ея умеръ, и она обратилась въ Вотчинную Коллегію съ просьбою „о вводѣ ея во владѣніе въ указной части, а дочери ея княжны Варвары въ достальной недвижимаго имѣнія съ людьми и со крестьяны“ покойнаго князя Юрья: то одновременно съ нею въ туже Коллегію вошелъ съ прошеніемъ тотъ же ея деверь, князь Николай, который заявилъ единственными законными наслѣдниками къ сему имѣнію себя и въ указной части свою невѣстку, „генеральшу княгиню Прасковью Васильевну Воротынскую“, а по возникшему спору объяснилъ, что эта княгиня Прасковья Васильевна „по самую кончину его брата, а ея мужа князя Юрья была жива“. Началось тяжебное дѣло, которое едва кончилось одиннадцать лѣтъ спустя, въ Январѣ 1786 года.

По дѣлу этому открылось, что дѣйствительно умершій 29 Сентября 1775 г. въ чинѣ генералъ-маіора князь Юрій Романовичь, въ 1749 году, бывъ сержантомъ л. гв. Семеновскаго полка, женился на вдòвой по первомъ мужѣ Прасковьѣ Васильевнѣ, которая умерла менѣе чѣмъ за мѣсяцъ до него (5-го того же Сентября 1775 года) и что слѣдовательно второй его бракъ съ Марьей Семеновной Звѣнцовой, совершившійся въ 1768 году, былъ вѣнчанъ при жизни первой его жены. Но въ тоже время обнаружилось, что за нѣсколько лѣтъ до этого втораго брака своего мужа, княгиня Прасковья Васильева была розыскиваема мѣстною провинціальною канцеляріею по извѣту объ укрывательствѣ раскольниковъ, бѣжала изъ имѣнія своего мужа и возвратилась туда лишь за нѣсколько дней до своей смерти. Не излишне пояснить, что имѣніе это находилось въ Шацкой провинціи, а что второй бракъ князя вѣнчанъ былъ въ Карачевѣ.

При самомъ началѣ этой крайне любопытной и исполненной самыми разнообразными эпизодами тяжбы, второбрачная княгиня Марья Семеновна представила тѣ письма, которыя выше напечатаны, въ доказательство, что не только мать ея мужа признавала ее снохою, но и что противникъ ея, князь Николай, письменно называлъ ее своею невѣсткою — законною женою своего брата князя Юрія.

Разсказъ мой былъ бы не полонъ, еслибы я не сказалъ, что спорное наслѣдство было предоставлено княгинѣ Маріи Семеновнѣ и ея дочери княжнѣ Варварѣ Юрьевнѣ, въ ущербъ законныхъ правъ князя Николая Романовича. Но рѣшенія судьбы непреложнѣе рѣшеній присутственныхъ мѣстъ: княжна Варвара Юрьевна скончалась послѣ своей матери безъ потомства, и родовыя имѣнія возвратились въ родъ законныхъ наслѣдниковъ; ими владѣетъ нынѣ внукъ князя Николая Романовича Воротынскаго.

Изъ уваженія къ этому внуку (лицу не только по своему высокому сану, но и по личнымъ качествамъ снискавшему себѣ всеобщее уваженіе) настоящая фамилія выведенныхъ здѣсь лицъ — замѣнена другою, давно угасшею, но столь же славною въ нашихъ лѣтописяхъ. Надѣюсь, что интересъ изложенныхъ фактовъ и быто-описательное достоинство печатаемыхъ писемъ не пострадаютъ изъ за того только, что я не рѣшился огласить въ печати настоящее имя двоеженца—роднаго дяди отца того сановника, который (какъ до него его отецъ и его братъ) употребляетъ на дѣла общественнаго благотворенія и на пользу государственной службы доходы съ тѣхъ имѣній, которыя едва было не были безвозвратно исторгнуты изъ владѣнія его знаменитаго княжескаго рода.

Юрій Толстой.

СВАДЬБА ГРАФА ПЕТРА ИВАНОВИЧА ПАНИНА. 1748.

Письмо Василія Евдокимовича Ададурова къ графу Никитѣ Ивановичу Панину [1].

Вчерашняго числа совершилось брачное сочетаніе братца вашего съ Анною Алексѣевною [2], по полудни въ десятомъ часу, въ придворной церкви, въ присутствіи ихъ Императорскихъ Высочествъ Великаго Князя и Великой Княгини. Домъ для сего случая взятъ у Якова Лукича Хитрова по его пріятству, недалеко отъ того, гдѣ вы жить изволили. Въ немъ браутсъ-камера [3]) обита зеленымъ штофомъ, въ которой кровать поставлена такаяжъ съ золотымъ голупомъ; такожъ два стола, канапе, 6 креселъ и 2 табурета, такоюжъ матеріей обитые. Передъ тою камерою поставленъ большой овальный столъ съ конфектами, въ покоѣ, обитомъ штофомъ малиновымъ съ золотыми рамами. Оный десертъ состоялъ изъ 21 штуки большихъ, кромѣ тарелокъ съ конфектами, которыя были по сторонамъ и представляли крѣпость, въ срединѣ которой видно было, на высокой башнѣ, одною стрѣлою пробитое сердце, которое Минерва своимъ щитомъ прикрывала. Крѣпость атаковали геніусы любви, или Купидоны съ послѣдующимъ за ними полкомъ вооруженнаго регулярнаго войска и артилеріею, подъ предводительствомъ ихъ полковника, который сидѣлъ на конѣ; а изъ двухъ Купидоновъ, которые шли при немъ по сторонамъ, держалъ одинъ motto: A cette nuit l'attaque [4]. Для лучшаго успѣху ведены были къ той крѣпости апроши, которыя взялися изъ лѣсу, плодовитыми деревьями наполненнаго. Аммуничныя вещи везены были на лошадяхъ, а на батареяхъ и между шанцкорбами [5]) стояли мѣдныя пушки съ лафетами, которыми командовали Купидоны. Солдаты имѣли знамя съ гербомъ Паниныхъ. И хотя крѣпость многими бастіонами и рвами укрѣплена была, однако, не надѣясь удержаться противъ толь сильной атаки, принуждена была выставить бѣлое знамя, на которомъ

---

[1] Никита Ивановичъ Панинъ, старшій братъ новобрачнаго (въ то время еще не графъ) находился, во время написанія этого письма, нашимъ посланникомъ въ Швеціи (см. его письма оттуда къ графу М. Л. Воронцову въ VII-й книгѣ Архива Князя Воронцова).

[2] Дочерью генералъ-полицмейстера Татищева и сестрою извѣстнаго масона. Это была первая супруга графа Петра Ивановича Панина (род. 1721). Она скончалась въ 1764 году.

[3] Brautskammer—комната невѣсты.

[4] Въ эту ночь нападеніе.

[5] Schanzkorb—крѣпостная корзинка, насыпанная землею.

видѣнъ былъ гербъ Татищевыхъ. Иллюминованъ былъ сей десертъ 18-ю чистыми восковыми свѣчами, которыя разставлены были въ приличныхъ мѣстахъ внутри десерта; да по сторонамъ около десерта 18-тью свѣчами, поставленными въ серебряныхъ подсвѣчникахъ. Всѣхъ свѣчь, которыя освѣщали оную камеру, было больше 60. Передъ тою камерою находился изрядно убранный залъ, и при немъ еще два покоя по сторонамъ, которые всѣ иллюминованы были восковыми свѣчами; а крыльцо и дверь снаружи по карнизамъ, также и ворота, горящими плошками.

Въ томъ домѣ ожидалъ женихъ по себя присылки изъ дворца, при чемъ были ваша матушка [6]), съ свойственниками и нѣкоторые изъ пріятелей. За женихомъ пріѣхали въ 8-мъ часу въ исходѣ графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ etc. По прибытіи въ церковь, невѣсту повели обыкновеннымъ образомъ изъ покоевъ Ея Императорскаго Величества. Убирать ее изволила Государыня сама и при томъ въ знакъ своей высочайшей милости благословила ее образомъ, на которомъ былъ ликъ между двумя другими Анны Пророчицы, яко ангела невѣсты. Съ невѣстиной стороны были отцомъ Его Императорское Величество Великій Князь, матерью Великая Княгиня, братомъ обергофмейстеръ, сестрою княгиня Александра Ивановна [7]); съ жениховой: отцомъ его сіятельство канцлеръ, матерью (для того что княгиня Гессенъ-Гомбургская и Марья Алексѣевна Солтыкова недомогаютъ) Мавра Егоровна графиня Шувалова; братомъ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, сестрою Анна Карловна [8])и Вильбойша. Шаферы были: 1) Пименъ Васильевичъ Лялинъ, 2) князь Петръ Ивановичъ Репнинъ, 3) князь Александръ Юрьевичъ Трубецкой, 4) Ларіонъ Яковлевичъ Овцынъ, 5) Александръ А. Нарышкинъ, 6) Сергѣй Васильевичъ Солтыковъ. Маршаломъ кн. Никита Юрьевичъ Трубецкой. По окончаніи духовной церемоніи были извѣстные вамъ столы и танцы. Ея Императорское Величество изволила послѣ стола быть на балѣ и съ Петромъ Ивановичемъ сама изволила танцовать. Потомъ обыкновенныя чиновныя и другія знатныя персоны проводили въ 12-мъ часу молодыхъ въ ихъ домъ и, отправивъ употребительныя при такомъ случаѣ церемоніи, съ великимъ удовольствіемъ возвратились по своимъ домамъ. Они, какъ при пріѣздѣ за женихомъ, такъ и при возвращеніи съ молодыми изъ церкви, встрѣчены были тремя князьями Голицыными (кромѣ кн. Александра), Михайломъ Петровичемъ Тютчевымъ, Михайломъ Григорьевичемъ Собакинымъ, а при нихъ былъ и я,

---

[6]) Аграѳена Васильевна, урожд. Еверлакова, похоронена въ Панинскомъ селѣ Дугинѣ, Сычевскаго уѣзда.

[7]) Куракина, старшая сестра Паниныхъ, по мужу своему князю Александру Борисовичу, родственница императрицы Елисаветы Петровны (Петръ Великій и князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ женаты были на родныхъ сестрахъ).

[8]) Графиня Воронцова, канцлерша.

по вашей ко мнѣ милости [9]). А когда, оставя уже молодыхъ въ домѣ, начали разъѣзжаться, то провожаемы были до каретъ женихомъ и помянутыми.

Сегодня молодые, бывъ у отца (Алексѣя Даниловича) благодарили Ея Императорское Величество и оставлены были кушать при столѣ Его Императорскаго Высочества. У двора будетъ сегодня обыкновенный ужинъ и балъ, а въ четвертокъ у молодыхъ обѣдъ и балъ. Вчера при столахъ, кромѣ знатныхъ изъ нашихъ, были и послы. Въ протчемъ Ея Императорское Величество изволила Анну Алексѣевну отпускать и объ ней говорить съ великой милостію. Такимъ образомъ, къ совершенному удовольствію фамиліи вашей, имѣетъ сіе окончиться сегодня у Двора, а въ Четвертокъ совсѣмъ. Григорій Николаевичъ женился въ Пятницу, а князь Александръ Михайловичъ и графъ Андрей Михайловичъ Ефимовскій въ Воскресенье. Теперь я тороплюся ѣхать опять къ братцу вашему и для того прошу извинить, что и непорядочно и нечисто писалъ. Наконецъ не должно того пропустить, что ваше имя наилучшимъ и весьма милостивымъ образомъ при томъ упоминаемо было. Вашего превосходительства покорнѣйшій и нижайшій слуга В. Ададуровъ

Въ СПб. 9 Февраля

1748 года. с. с.

Изъ семейнаго архива княгини Маріи Александровны Мещерской, урожденной Паниной.

ПОПРАВКИ.

Къ стр. 65. Въ Старой Записной книжкѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о пріѣздѣ А. И. Тургенева въ Англію, вмѣсто изъ Булони въ Фолькстонъ надо: изъ Булони Темзою въ Лондонъ.

*

Къ стр. 162. Въ стихахъ изъ Чайльдъ-Гарольда, вмѣсто Дюнтана надо фонтана. Тамъ же, вмѣсто Галланда надо Голланда. Къ стр. 168, въ письмѣ графа Каподистріи неправильная разстановка знаковъ: вмѣсто le moyen de le faire? [31]). C'est minuit passé надо le moyen de le faire? C'est minuit passé [31]).

Къ стр. 169, тоже въ письмѣ графа Каподистріи, разобраны уже по отпечатаніи означенныя точками слова: affaires arriérées (отложенныя дѣла).

Къ стр. 172. Въ описаніи казни патріарха, вмѣсто продержавъ долго въ тюрьмѣ надо продержавъ недолго въ тюрьмѣ.

---

[9]) В. Е. Ададуровъ, учившій императрицу Екатерину II-ю (когда ее привезли къ намъ) Русской грамотѣ, и впослѣдствіи кураторъ Московскаго университета, служилъ въ 1748 году въ Иностранной Коллегіи.

ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА ТРЕТЬЯГО.

ЦАРСТВОВАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ ПЯТОЙ КНИГѢ АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Приложенъ портретъ графа М. Л. Воронцова и снимокъ съ его почерка.

Цѣна **два** рубля.

(Пересылка за 4 фунта).

Складъ изданія находится въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, гдѣ можно получать и первыя шесть книгъ Архива Князя Воронцова.

Въ Москвѣ *продается* на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, у И. Г. Соловьева.

РУССКІЙ АРХИВЪ
1875 ГОДА.

(ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ ЖИЗНИ И РУССКОЙ МЫСЛИ.—СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ ВООБЩЕ.—КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

ВЫХОДИТЪ 12 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1875 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1875 году доставляютъ или высылаютъ эти **ВОСЕМЬ** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Берсеневской Набережной Москвы-рѣки, за большимъ Каменнымъ мостомъ, противъ храма Спасителя, въ домъ Московскаго Археологическаго общества, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу*. Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, при книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева*. Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается при книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

Заграничные подписчики къ вышеозначенной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи — **2** р., для Франціи и Англіи—**3** р., для Швейцаріи и Италіи—**2** р. **50** к.

Годовое изданіе Русскаго Архива 1874 года можно получать въ двухъ большихъ книгахъ, съ гравированными на стали портретами при каждомъ томѣ, по 4 рубля за книгу (съ пересылкою).

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартеневъ**.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1875. 4.

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ

(бывшимъ библіотекаремъ Чертковской Библіотеки).

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1875.

СОДЕРЖАНІЕ

СЕДЬМОЙ КНИГИ

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

(688 стр.).

ЦАРСТВОВАНІЕ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

Стр.

БУМАГИ ИВАНА БОРИСОВИЧА ПЕСТЕЛЯ [1]).

I. Краткая біографія И. Б. Пестеля.

Иванъ Борисовичь Пестель родился 6 Февраля 1765 года въ Москвѣ. Въ 1780 году вступилъ онъ въ военную службу ротмистромъ, а черезъ два года былъ опредѣленъ въ Московскій почтамтъ помощникомъ къ отцу своему, Московскому почтдиректору, съ чиномъ коллежскаго ассессора. Въ 1787 году получилъ орденъ св. Владиміра 4-ой степени. Въ 1789 опредѣленъ въ Московскій почтамтъ почтдиректоромъ, на мѣсто своего отца, который былъ переведенъ почтдиректоромъ въ Петербургъ. Въ 1797 г. получилъ орденъ Св. Анны 2-ой степени. Въ 1798 пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и въ томъ же году переведенъ въ Петербургскій почтамтъ почтдиректоромъ, и повелѣно ему быть членомъ Главнаго Почтоваго Правленія, а въ слѣдующемъ году сдѣланъ правящимъ должность президента Главнаго Почтоваго Правленія и пожалованъ орденомъ Св. Анны 1-ой степени. На 36-мъ году отъ роду пожалованъ онъ въ тайные совѣтники и сенаторы. При Александрѣ Павловичѣ Пестель былъ употребленъ для ревизованія Вятской и Казанской губерній, за что удостоился получить благоволительные рескрипты. Въ 1806 году назначенъ Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ 1808 году получилъ орденъ Св. Александра Невскаго. Въ 1813 году повелѣно ему присутствовать въ особо-учрежденномъ комитетѣ о питейныхъ откупахъ, а въ 1815 году въ комитетѣ о недоимкахъ по питейному откупу. Въ 1816 году назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта въ департаментъ законовъ.

Въ 1821 году Иванъ Борисовичь Пестель, удалившись отъ службы, оставилъ Петербургъ и съ тѣхъ поръ постоянно жилъ въ Смоленской губерніи, въ небольшомъ имѣніи супруги своей (въ сельцѣ Васильевѣ, Краснинскаго уѣзда, неподалеку отъ Смоленска) въ уединеніи, помышляя единственно объ уплатѣ долгу (200 тысячь), нажитаго имъ во время 43-хъ лѣтней совершенно безкорыстной службы и многолѣтняго пребыванія въ Петербургѣ съ многочисленнымъ семействомъ. Не имѣя никакого собственнаго состоянія, онъ съ примѣрною совѣстливостію посвящалъ на то всѣ средства, которыми обязанъ былъ милостямъ императоровъ Александра и Николая.

---

[1]) Нижеслѣдующія бумаги получены нами отъ дочери И. Б. Пестеля, Софьи Ивановны Пестель, при обязательномъ, просвѣщенномъ посредствѣ князя Сергѣя Васильевича Друцкаго-Соколинскаго. *П. Б.*

Здоровье его, поколебленное многими ударами, особливо самыми чувствительными для родительскаго сердца, совершенно разстроилось по кончинѣ обожаемой имъ супруги, тоже убитой горестію. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ принужденъ былъ для леченія проживать зимніе мѣсяцы въ городѣ Смоленскѣ, гдѣ, послѣ продолжительной болѣзни, скончался 18-го Мая 1843 г., въ самый день кончины супруги своей, семь лѣтъ послѣ нея, сохранивъ до послѣдней минуты совершенное присутствіе духа и всѣ умственныя способности.

И. Б. Пестель постоянно отличался истинно-христіанскимъ благочестіемъ и искреннею набожностію, строгостію правилъ, совершеннымъ безкорыстіемъ и постоянною готовностію оказать каждому услугу и пособіе, также занимательностію и любезностію въ бесѣдахъ. Многіе оплакивали въ немъ основателя своего благополучія.

Онъ пользовался всеобщею любовью и отличнымъ уваженіемъ всѣхъ знавшихъ его.

Онъ говаривалъ: „Я молю Бога о томъ, чтобы мнѣ прожить только до тѣхъ поръ, когда я уплачу всѣ мои долги". — Въ Апрѣлѣ 1843-го года онъ уплатилъ послѣдній долгъ, а въ Маѣ скончался.

II. Записка о службѣ И. Б. Пестеля, имъ самимъ писанная.

Въ 1799 году былъ я дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ святыя Анны 1 степ. и Владиміра 3 степ. и находился при Герольдіи, куда былъ переведенъ Павломъ съ прежняго моего мѣста предсѣдателя Почтоваго Департамента. Съ женою и тремя сыновьями, изъ коихъ старшему было только 6 лѣтъ, жилъ я своимъ очень малозначительнымъ капиталомъ и деньгами, оставшимися мнѣ еще послѣ уплаты нѣкоторой части моихъ долговъ, отъ продажи имѣнія моего въ Орловской губерніи, пожалованнаго мнѣ государемъ Павломъ Петровичемъ. Ничего другаго не могъ я ожидать въ будущности, какъ горестнаго положенія, въ которомъ я, по издержаніи этого малаго капитала, буду лишенъ не только всѣхъ способовъ къ воспитанію дѣтей моихъ, но даже и всѣхъ средствъ къ существованію. Одному всемогущему Богу извѣстно, какіе горестные часы я проводилъ въ то время.

Въ 1801 году императоръ Александръ вступилъ на престолъ. Ему были отчасти извѣстны причины, которыя лишили меня предсѣдательскаго мѣста и средствъ къ содержанію моего семейства. Я отправился въ Петербургъ [2]) по совѣту тогдашняго Петербургскаго военнаго губернатора графа Палена, который, будучи съ молодыхъ лѣтъ въ дружеской связи съ отцомъ моимъ, былъ всегда особенно хорошо расположенъ ко мнѣ. Онъ призвалъ меня въ Петербургъ съ намѣреніемъ возвратить мнѣ мое прежнее мѣсто предсѣдателя Почтоваго Департамента. Когда я прибылъ въ Петербургъ, то графъ Паленъ былъ уже въ немилости и долженъ былъ оставить не

---

[2]) *Стало быть изъ Москвы?* *П. Б.*

только службу, но и самую столицу, и я остался безъ покровительства, не имѣя никого, кто бы могъ поддержать мое прошеніе о принятіи меня въ дѣйствительную службу. Напротивъ того, я долженъ былъ опасаться встрѣтить въ тогдашнемъ factotum [3]), дѣйствительномъ тайномъ совѣтникѣ Трощинскомъ преграду къ исполненію моего желанія, такъ какъ онъ мнѣ очень не доброжелательствовалъ потому, что я замѣнилъ его, когда онъ былъ отставленъ отъ мѣста предсѣдателя Почтоваго Департамента. Я призвалъ Бога на помощь и послалъ прошеніе свое прямо къ Государю. Прошеніе мое отдано было г. Трощинскому, и я находился въ рукахъ моего врага. Богъ, на Котораго я надѣялся, помогъ мнѣ чудеснымъ образомъ: Государь принялъ прошеніе мое очень милостиво и высочайшимъ приказомъ отъ 21 Апрѣля 1801 года я сдѣлался тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и получилъ пожизненную пенсію въ три тысячи рублей ассигнаціями. Мнѣ было тогда 36 л. Такъ какъ состояніе мое не позволяло мнѣ жить съ семействомъ въ Петербургѣ, то я, по просьбѣ моей, былъ опредѣленъ въ Москву, въ 6-й департаментъ Сената.

Теперь находился я на поприщѣ совершенно для меня новомъ и къ которому я никогда не готовился; а потому мнѣ не доставало достаточныхъ познаній, чтобы начать его такъ, какъ предписывали мнѣ мое усердіе и ревность къ службѣ. Съ большимъ прилежаніемъ старался я ознакомиться съ моею новою должностію, и мнѣ не трудно было въ короткое время превзойти въ семъ отношеніи многихъ моихъ товарищей.

Въ томъ-же году государь Александръ прибылъ для коронованія въ Москву. Въ первый разъ явился Его Величество въ общее собраніе Сената. Въ его присутствіи разсматривали дѣло одного знаменитаго вельможи съ незначительнымъ дворяниномъ Смоленской губерніи, который былъ отставной прапорщикъ, противникъ же его былъ генералъ-аншефъ и имѣлъ Андреевскую ленту. Большая часть сенаторовъ держала сторону сильнаго. Чтобы его поддержать, явились въ общее собраніе всѣ министры, государственный канцлеръ графъ Воронцовъ, графъ Завадовскій, Трощинскій, однимъ словомъ всѣ значительнѣйшіе люди того времени.

Я это дѣло читалъ со вниманіемъ, разсматривалъ подробно, увѣрился по совѣсти, что сильный притѣсняетъ слабаго и даже старается его совершенно раззорить. Съ этимъ убѣжденіемъ отправился я, какъ новичекъ въ моемъ званіи, съ трепещущимъ сердцемъ въ Сенатъ. Государь явился. Дѣло прочли и потомъ разсуждали о немъ. Всѣ вышеупомянутыя знаменитыя особы стояли за вельможу. Съ ними согласились большая часть сенаторовъ. Другіе присовокупили только къ сему мнѣнію нѣкоторыя измѣненія въ пользу притѣсняемаго, но не имѣли довольно твердости духа, чтобы воспротивиться желанію любимцевъ Государя. Начали собирать мнѣнія, чтобы рѣшить дѣло, по старшинству голосовъ. Я былъ младшій сенаторъ во всемъ собраніи и, по принятому порядку, долженъ былъ

---

[3]) Главномъ дѣльцѣ.

первый сказать свое мнѣніе. Я поблѣднѣлъ и вздрогнулъ, но всталъ и говорилъ съ достоинствомъ и силою. Часто былъ я приводимъ въ смятеніе чрезъ разнообразныя чувства, выражавшіяся на лицахъ присутствующихъ особъ, однакоже благополучно окончилъ свой разборъ процесса и заключилъ рѣчь свою мнѣніемъ, что несчастный дворянинъ былъ обиженъ знаменитымъ своимъ противникомъ и долженъ выиграть тяжбу. Пока я говорилъ, Государь безпрестанно смотрѣлъ на меня и нѣсколько разъ приказывалъ говорить громче. Когда стали собирать голоса, то ни одинъ сенаторъ не былъ моего мнѣнія. Государь первый вышелъ изъ собранія. Проходя мимо меня, Его Величество особенно привѣтливо поклонился мнѣ, и я не сомнѣвался болѣе, что ему понравился мой разборъ сего дѣла. Въ послѣдствіи оно было поднесено Государю, и мое мнѣніе удостоилось высочайшаго утвержденія. Слабый преодолѣлъ сильнаго.

Это происшествіе описываю я столь подробно не потому, чтобы поставить себѣ въ похвалу то, что я въ семъ дѣлѣ такъ поступилъ: я ничему другому не слѣдовалъ, кромѣ убѣжденію моей совѣсти; ибо могъ ли я поступить иначе? Этого требовала моя обязанность къ Богу и Отечеству; но мнѣ казалось необходимымъ изъ сего случая вывести причину, по которой я, будучи только нѣсколько мѣсяцевъ сенаторомъ, былъ избранъ самимъ Монархомъ на одно важное слѣдствіе въ Вятской губерніи.

Г. Трощинскій, пригласивъ меня къ себѣ, сообщилъ мнѣ волю Монарха, чтобы я, на правахъ сенатора, предпринялъ обревизованіе Вятской губерніи, на счетъ управленія которой былъ сдѣланъ доносъ. Я удивился и боялся взяться за столь важное и для меня совсѣмъ новое порученіе. Сообщивъ ему мое опасеніе, я просилъ, чтобы мнѣ данъ былъ на помощь другой сенаторъ, которому бы болѣе былъ извѣстенъ ходъ подобнаго дѣла. Г. Трощинскій сказалъ мнѣ, что Государь самъ меня избралъ для сего порученія. Этому я легко повѣрилъ, зная, какъ мало г. Трощинскій благоволилъ ко мнѣ. И такъ вышеозначеннымъ дѣломъ общаго собранія въ Сенатѣ я пріобрѣлъ довѣренность Государя и обратилъ его вниманіе на себя. Г. Трощинскій обѣщалъ представить Монарху мое объясненіе.

Чрезъ нѣсколько дней данъ былъ приказъ, чтобы 72-хъ лѣтній сенаторъ Николай Николаевичъ Салтыковъ вмѣстѣ со мною предпринялъ обревизованіе Вятской губерніи. Этотъ приказъ вышелъ въ Сентябрѣ 1801 г., т. е. пять мѣсяцевъ послѣ моего назначенія въ сенаторы. Теперь я болѣе не сомнѣвался въ довѣренности Монарха и принялъ оное порученіе безъ страха, однакоже все болѣе полагаясь на защиту и покровительство моего Создателя, нежели на собственныя мои силы, слабость которыхъ я совершенно постигалъ.

Въ Октябрѣ 1801 года отправился я съ моимъ товарищемъ изъ Москвы въ Вятку. Назначеніе г. Салтыкова моимъ товарищемъ въ семъ трудномъ дѣлѣ мало помогло мнѣ. Онъ былъ старъ, никогда порядочно не служилъ и во всю свою жизнь никогда не выѣзжалъ изъ Москвы (гдѣ онъ и родился) далѣе Петербурга и Калуги, гдѣ находилось его значительное имѣніе, ибо онъ былъ очень богатый

человѣкъ. Честность его была примѣрна, но его чрезвычайная боязливость и происходящая отъ того нерѣшительность часто заставляли меня раскаяваться, что я не одинъ предпринялъ слѣдствіе. Мы остались въ Вятской губерніи до Генваря 1802 года. Въ это время мы объѣздили большую часть сей во многихъ отношеніяхъ жалкой губерніи. Само путешествіе въ суровѣйшее время года было такъ тягостно, какъ только можно себѣ представить. Однимъ словомъ не могу описать всего, что̀ я вытерпѣлъ, и моральныя страданія мои во время сего ревизованія были неописанны. При исполненіи онаго я строжайше наблюдалъ всѣ правила безпристрастія и правосудія. По окончаніи нашего порученія послали мы нашъ рапортъ Монарху и отправились въ Москву, гдѣ вступили опять въ прежнюю должность.

Всѣ наши представленія были утверждены, и Государь, довольный нашимъ усердіемъ, наградилъ всѣхъ, кого мы представили къ наградамъ, а мы оба получили милостивый рескриптъ отъ 5 Февраля 1802 года, съ собственною подписью Государя, содержащій великую похвалу нашему благоразумному и на правилахъ строгой справедливости основанному обревизованію.

Въ Генварѣ 1804 года получилъ я опять высочайшее повелѣніе отправиться въ Казанскую губернію, чтобы произвести тамъ слѣдствіе по случаю полученнаго оттуда доноса на многія ужаснѣйшія злоупотребленія. Теперь принялся я за это дѣло одинъ, потому что чувствовалъ себя къ тому способнымъ. Когда я прибылъ въ Казань, то сталъ искать доносчика, чтобы онъ, согласно закону, представилъ доказательства къ своимъ обвиненіямъ. Хотя онъ и подписалъ свое имя, однакоже всѣ мои старанія его найти остались тщетны, не смотря на то, что его искали не только въ Казанской, но и во всѣхъ сосѣдственныхъ губерніяхъ. Я доложилъ о томъ Государю, прибавивъ, что гдѣ нѣтъ обвинителя, тамъ не можетъ быть и судьи. Отвѣтъ былъ, что Государю довольно извѣстно мое знаніе дѣла и мое благоразуміе и что онъ увѣренъ, что я и безъ доносчика найду средства изслѣдовать всѣ означенныя въ доносѣ злоупотребленія. Тогда я занялся розысками, объѣздилъ всю Казанскую губернію и нашелъ большую часть обвиненій справедливыми. Это изслѣдованіе заняло меня цѣлыхъ 6 мѣсяцевъ такъ, что я только въ Іюлѣ 1804 года возвратился въ Москву. Тутъ опять мои различныя страданія такъ умножились, что я занемогъ горячкою.

Я послалъ свой рапортъ Монарху, и опять всѣ мои представленія были уважены, и я опять получилъ отъ 21 Іюля 1804 г. рескриптъ съ собственною подписью Государя и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ за достохвальное окончаніе ввѣреннаго мнѣ дѣла, за которое удостоился я также получить въ награду отъ 22 Іюля 1804 года 3000 р. столовыхъ денегъ сверхъ сенаторскаго жалованья.

Въ началѣ 1806 года получилъ я отъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея письмо, въ которомъ онъ мнѣ оффиціально объявилъ, что Государь предлагаетъ мнѣ мѣсто генералъ-губернатора Сибири, такъ какъ тогдашняго генералъ-губернатора Селифонтьева хотѣли отставить. Графъ Кочубей никогда не былъ ко мнѣ

благорасположенъ; я имѣлъ много доказательствъ его недоброжелательства, особливо во время моей службы предсѣдателемъ Почтоваго Департамента. Поэтому я могъ быть увѣренъ, что не онъ меня предложилъ въ губернаторы, но что это былъ опять собственный выборъ Монарха, которому противиться считалъ я невозможнымъ. Я отправился въ Петербургъ, чтобы словесно объясниться по сему предмету. Графъ Кочубей принялъ меня учтиво, но холодно, такъ что я очень хорошо видѣлъ, что не ошибся на счетъ расположенія его ко мнѣ. Онъ сообщилъ мнѣ желаніе Государя, чтобы я принялъ мѣсто генералъ-губернатора Сибири. Я представилъ мое недостаточное состояніе, обремененное долгами, мое многочисленное семейство, состоящее тогда изъ 5 сыновей, которымъ всѣмъ нужно еще было дать воспитаніе; мое слабое здоровье, которое, можетъ быть, не въ состояніи будетъ перенести суроваго Сибирскаго климата и многія другія причины, всѣ основанныя на моемъ искреннемъ убѣжденіи и на фактахъ, которые мнѣ легко было доказать, но здѣсь излишне было бы исчислять. Между прочимъ одна изъ важнѣйшихъ причинъ была та, что, съ самаго введенія намѣстническаго образа правленія въ царствованіе Екатерины II-ой, ни одинъ генералъ-губернаторъ Иркутской губерніи не кончилъ иначе, какъ лишившись своего мѣста и пробывъ много лѣтъ подъ судомъ; напримѣръ, генералъ-лейтенантъ Якоби находился 13 лѣтъ подъ судомъ въ Сенатѣ, пока былъ наконецъ оправданъ; также нынѣ еще живущій генералъ-аншефъ Леццано, послѣ 50 лѣтней военной и статской службы, былъ 8 лѣтъ подъ судомъ и также былъ оправданъ. Туже участь долженъ былъ я ожидать, потому что причины оной не исчезли, а напротивъ того такъ какъ гнусные доносчики оставались всегда безъ наказанія, то они возъимѣли еще болѣе отважности къ новымъ доносамъ. Со страхомъ и трепетомъ долженъ былъ я рѣшиться принять предложеніе Монарха. Кромѣ другихъ соображеній побудило меня къ тому то, что во 1-хъ, я могъ упорнымъ сопротивленіемъ лишиться милости Государя; 2) что мои разстроенныя обстоятельства принуждали меня искать средствъ исправить мое состояніе благодѣяніями Государя; и 3) что я надѣялся на Бога, видя Его десницу во всемъ ходѣ сего дѣла, такъ какъ сіе предложеніе было мнѣ сдѣлано безъ моего вѣдѣнія и желанія, совершенно неожиданно, и отъ кого же?—отъ самаго Монарха. Прежде нежели я согласился, просилъ я во первыхъ дать мнѣ средства заплатить мои долги, потому что не могъ оставить Москвы, не выплативъ ихъ; а во вторыхъ обезпечить судьбу моего семейства, въ случаѣ, ежели я не перенесу Сибирскаго климата. Императоръ велѣлъ мнѣ выдать изъ кабинета 40 т. на 10 лѣтъ, безъ залога и безъ процентовъ. Это было едва достаточно для уплаты моихъ долговъ. Отъ имени Государя получилъ я чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ письменное обѣщаніе, что онъ принимаетъ на себя попеченіе о моемъ семействѣ, въ случаѣ, ежели бы я умеръ во время моей службы въ Сибири. Послѣ сего изданъ былъ 3 Марта 1806 г. высочайшій приказъ моего назначенія Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ.

Тогдашній министръ юстиціи князь Лопухинъ, который постоянно оказывалъ мнѣ дружеское расположеніе съ самой той поры, когда мы были въ одно время, онъ губернаторомъ, а я почтъ-директоромъ въ Москвѣ, представилъ Государю, что мнѣ слѣдовало-бы получить Александровскую ленту, такъ какъ всѣ генералъ-губернаторы ее имѣли, я же и службою своею былъ лично оной достоинъ. Императоръ согласился и сказалъ, что дастъ на сей счетъ повелѣніе графу Кочубею. Не знаю достовѣрно, исполнилъ ли это Государь; но когда я спрашивалъ о томъ графа Кочубея и передалъ ему, съ позволенія князя Лопухина, слова Монарха, то онъ отвѣчалъ мнѣ, что теперь уже поздно, и мнѣ бы слѣдовало съ самаго начала изъявить ему мое желаніе на сей счетъ: теперь онъ опасается, что оно не понравится Государю; и на сей разъ я не получилъ Александровской ленты, а дали мнѣ ее въ послѣдствіи.

Вмѣстѣ съ другими бумагами, относящимися къ моей новой должности, получилъ я тоже и инструкцію, данную моему предшественнику г. Селифонтьеву, со всѣми содержащимися въ ней преимуществами. Разсмотрѣвъ ее подробно, нашелъ я, что она была такъ несовершенна, такъ двухсмысленна, что опасно было ее принять. Напримѣръ, всѣ части правленія, къ которому бы министерству онѣ ни относились, даже военныя и морскія силы, были подчинены генералъ-губернатору, но съ такимъ ограниченіемъ, что онъ долженъ былъ за все и за всѣхъ отвѣчать, не имѣя ни малѣйшей власти требовать повиновенія отъ всѣхъ отдѣльныхъ частей тамошняго правленія, а потому и никакихъ средствъ содержать ихъ въ должномъ порядкѣ и за нихъ отвѣчать. Я испугался и требовалъ отъ графа Кочубея или перемѣнить сію столь неполную инструкцію, или не поручать генералъ-губернатору столь двухсмысленно подчиненныхъ ему частей правленія и избавить его отъ отвѣтственности за нихъ; ежели же онъ долженъ за нихъ отвѣчать, то слѣдовало подчинить ихъ ему такъ, какъ и всѣ прочія части ему ввѣренныя. Графъ Кочубей измѣнился въ лицѣ, когда я сказалъ это ему, но скоро оправился и отвѣчалъ, что испроситъ у Государя позволенія исполнить мое желаніе. Я повѣрилъ его словамъ и довольствовался ими. Но такъ какъ много времени прошло, и графъ Кочубей мнѣ ничего о семъ предметѣ не говорилъ, то я напомнилъ ему о немъ, и онъ отвѣчалъ мнѣ, что Государь приказалъ, чтобы я сперва Сибирь хорошенько узналъ и потомъ уже сдѣлалъ мое представленіе о перемѣнѣ инструкціи. Этотъ отвѣтъ Монарха казался довольно справедливымъ, и такъ какъ онъ мнѣ данъ отъ имени Монарха, то я молчалъ и отправился съ моею жалкою инструкціею къ мѣсту моего назначенія.

Чрезъ долгое время уже узналъ я, что эта инструкція составлена была самимъ графомъ Кочубеемъ вмѣстѣ съ г. Сперанскимъ, который служилъ тогда подъ его начальствомъ. Чтобы ее перемѣнить, должно было представить Государю (который ее утвердилъ) причины къ симъ измѣненіямъ: тогда бы обнаружились всѣ различные недостатки и очевидное безсмысліе сей инструкціи, и Государь

увидѣлъ бы, какимъ образомъ въ ней самой уже заключались всѣ сѣмена неудовольствій и несогласій между генералъ-губернаторомъ и министрами, отъ коихъ зависѣли отдѣльныя части Сибирскаго правленія. Этого не хотѣли ни графъ Кочубей, ни г. Сперанскій, и я долженъ былъ за то пострадать въ послѣдствіи.

Я началъ тѣмъ, что собралъ нужныя свѣдѣнія о трехъ губернаторахъ, которые должны были служить подъ моимъ начальствомъ. Оказалось: 1) Тобольскій губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гермесъ, былъ человѣкъ незначущій, который, будучи управляемъ женою, былъ готовъ на всѣ несправедливости для ея угожденія, при томъ не имѣлъ никакого знанія въ дѣлахъ. Жена же его была въ связи съ генералъ-маіоромъ Куткинымъ, который уже 18 лѣтъ позволялъ себѣ ужаснѣйшіе поступки въ Сибири по провіантской части, находящейся подъ его главнымъ начальствомъ. Эти двѣ особы управляли вмѣстѣ Тобольскою губерніею. 2) Въ Томскѣ—дѣйствительный статскій совѣтникъ Хвостовъ, человѣкъ вспыльчивый, который былъ уже одинъ разъ отставленъ и судимъ за лихоимство, поступалъ и теперь сообразно характеру своему и своимъ свойствамъ, но имѣлъ многихъ значительныхъ покровителей въ Петербургѣ. 3) Въ Иркутскѣ былъ губернаторомъ дѣйствительный статскій совѣтникъ К. который слѣдовалъ всѣмъ корыстолюбивымъ замысламъ своего директора канцеляріи и всякаго, кто только хотѣлъ имъ управлять. Этотъ К.... служилъ прежде въ морской службѣ;... его выболтировали, когда приходилось произвести его въ генералы по старшинству, и онъ долженъ былъ оставить морскую службу. Послѣ того, чрезъ многочисленныхъ покровителей жены своей, которая была умная женщина, онъ сдѣлался губернаторомъ.

Вотъ какихъ помощниковъ я долженъ былъ имѣть въ многосложномъ и чрезвычайно-трудномъ правленіи Сибири. Я испугался, и мои опасенія были выше всего, что̀ можно себѣ вообразить. Чтобы поправить это положеніе дѣлъ, я не могъ ни къ кому другому обратиться, какъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, а это былъ мой пріятель графъ Кочубей. Сколь многія и различныя прѣнія имѣлъ я по сему предмету съ нимъ! Мнѣ бы пришлось написать цѣлый фоліантъ, ежелибы я хотѣлъ подробно изложить всѣ мои переговоры съ нимъ..... Однимъ словомъ, весь результатъ моихъ стараній былъ только тотъ, что Гермесъ былъ переведенъ въ Пермь, а К... ... въ Тобольскъ; Хвостовъ же, болѣе всѣхъ покровительствуемый, остался въ Томскѣ. Нужно замѣтить, что Тобольская губернія менѣе двухъ прочихъ представляетъ затрудненій въ своемъ управленіи, потому что въ ней нѣтъ поселенія ссыльныхъ преступниковъ. Посему хотѣлъ я, что ежели мнѣ непремѣнно должно было имѣть К. при себѣ губернаторомъ, то чтобы онъ по крайней мѣрѣ находился бы въ маловажнѣйшей губерніи. Иркутская губернія мнѣ болѣе всего причиняла заботъ: эта губернія всѣмъ моимъ предшественникамъ, такъ сказать, шею сломила. Съ этой стороны я долженъ былъ болѣе всего обезопасить себя, и потому мнѣ нужно было избрать туда губернаторомъ человѣка совершенно надеж-

наго. Съ твердостію настаивалъ я на томъ, чтобы сей выборъ былъ предоставленъ мнѣ; въ этомъ я успѣлъ и послѣ многихъ, тщетныхъ поисковъ долженъ былъ рѣшиться, потому что время этого требовало. Нынѣшній дѣйствительный статскій совѣтникъ Трескинъ былъ тогда вице-губернаторомъ въ Смоленскѣ. Отецъ его былъ священникомъ. Въ 1789 году я взялъ его изъ Рязанской семинаріи писаремъ къ себѣ въ Московскій Почтамтъ, куда я только что былъ опредѣленъ почтъ-директоромъ. До 1799 года онъ служилъ при мнѣ. Я его, такъ сказать, образовалъ къ службѣ и зналъ его правила, его строгую честность и искреннее благочестіе. Нельзя было найти человѣка надежнѣйшаго, который бы былъ мнѣ болѣе преданъ и даже изъ благодарности болѣе привязанъ. Будучи вице-губернаторомъ въ Смоленскѣ, онъ отличался своею честностію, дѣятельностію и своимъ прилежаніемъ. При томъ онъ былъ человѣкъ съ большими способностями и съ здравымъ разсудкомъ. Я писалъ къ нему, и мнѣ удалось все такъ устроить, что онъ, не смотря на отдаленіе Сибири и на многочисленное свое семейство, рѣшился сопровождать меня туда. Послѣ многихъ причиняемыхъ мнѣ затрудненій успѣлъ я наконецъ въ томъ, что Николай Ивановичь Трескинъ, бывшій тогда статскимъ совѣтникомъ, произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и опредѣленъ губернаторомъ въ Иркутскъ.

Предъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга я былъ представленъ Государю и потомъ приглашенъ на обѣдъ ко Двору. Послѣ обѣда Государь позвалъ меня въ свой кабинетъ и простился со мною въ милостивѣйшихъ выраженіяхъ и съ трогательнѣйшими увѣреніями своего покровительства, необходимость котораго я съ сердечнымъ умиленіемъ изобразилъ Его Величеству. Я надѣялся получить при прощальной аудіенціи Александровскую ленту, однакоже не получилъ ея и уѣхалъ въ Москву къ своему семейству. Тутъ остался я столько, сколько нужно было, чтобы приготовиться къ дорогѣ. Г. Трескинъ прибылъ тоже въ Москву, и мы вмѣстѣ отправились въ Сибирь въ Іюнѣ 1806 года.

Малое время пробылъ я въ Тобольскѣ и старался только узнать различныхъ чиновниковъ. Губернатора К. нашелъ я таковымъ, какъ мнѣ его описали, и меня страшила необходимость имѣть съ нимъ дѣло въ столь важныхъ случаяхъ и поручить ему благосостояніе цѣлой губерніи. Я ревизовалъ присутственныя мѣста, сдѣлалъ нужныя распоряженія, чтобы дать лучшій ходъ дѣламъ и т. под. Излишне бы было подробно изложить здѣсь всѣ мои распоряженія, и потому довольствуюсь увѣреніемъ, какъ отъ честнаго человѣка, что я ничего не упустилъ, что́ отъ меня зависѣло, чтобы въ короткое время принести всю пользу, которую могъ сдѣлать. Тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ Тобольскъ, я отслужилъ въ соборѣ молебенъ чтобы всенародно умолять Всемогущаго о дарованіи мнѣ Его святой помощи на исполненіе обязанностей генералъ-губернатора. Архіерей самъ служилъ при семъ случаѣ, всѣ чиновники въ Тобольскѣ были приглашены къ сему молебну, множество людей собралось въ церковь, и мы молились за Царя и Отечество. Такъ какъ

я не принадлежалъ къ Греческому исповѣданію, то распоряженіе сіе произвело на всѣхъ желаемое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ предшественниковъ моихъ, хотя и Греческаго исповѣданія, этого не дѣлалъ. Каждое Воскресеніе утромъ всѣ чиновники, по изстари заведенному въ Сибири обыкновенію, собирались ко мнѣ; я непремѣнно всегда, вмѣстѣ съ ними, отправлялся въ Соборъ къ обѣдни. Это также произвело выгодное впечатлѣніе, доказывая уваженіе мое къ религіи моего Отечества. Я отправился въ Томскъ, и мое вступленіе въ должность ознаменовалъ также молебномъ, какъ и въ Тобольскѣ, и всѣ мои распоряженія были въ томъ же духѣ. Губернатора Хвостова нашелъ я также такимъ, какимъ мнѣ его изобразили въ Петербургѣ. Онъ хотѣлъ имѣть верхъ надо мною и меня устрашить своими сильными связями въ Петербургѣ, но я умѣлъ держать его въ рукахъ и въ должномъ ко мнѣ почтеніи. Наконецъ, въ Октябрѣ 1806 года, прибылъ я въ опаснѣйшую изъ ввѣренныхъ мнѣ губерній, т. е. въ Иркутскъ. Такое же отслуженіе молебна было и здѣсь первое мое дѣйствіе при вступленіи въ должность.

Я раздѣлилъ свою канцелярію на экспедиціи и занимался особенно съ каждымъ экспедиторомъ по ввѣреннымъ ему дѣламъ. Директора канцеляріи у меня не было. Директоръ канцеляріи моего предшественника былъ главною причиною, что сей послѣдній лишился своего мѣста; онъ во зло употреблялъ довѣренность своего начальника генералъ-губернатора Селифонтьева и чрезъ то причинилъ много безпорядковъ и злоупотребленій. Я обращался съ нимъ такъ холодно, что онъ скоро замѣтилъ, что я не намѣренъ оставить его при себѣ и самъ вышелъ въ отставку; а я почелъ себя счастливымъ, что освободился отъ него, не сдѣлавъ его несчастнымъ, потому что я никому не хотѣлъ вредить, когда этого можно было избѣгнуть.

Опредѣливъ Трескина въ его должность, я принялся за дѣла съ чистѣйшимъ и истинно-христіанскимъ намѣреніемъ содѣйствовать, сколько въ моихъ силахъ было, къ благополучію ввѣренныхъ мнѣ губерній и ихъ жителей. Вся моя жизнь въ Сибири во все время моего пребыванія тамъ была ничто иное, какъ безпрерывное занятіе по дѣламъ моей службы. Даже часы моего отдохновенія, когда я гулялъ пѣшкомъ, ѣздилъ верхомъ или въ экипажѣ, употреблялъ я на то, чтобы посѣщать тюрьмы, изслѣдовать содержаніе арестантовъ, осматривать заведенія Приказа Общественнаго Призрѣнія, больницы и другія заведенія, находящіяся въ городѣ или близь него. Самый городъ старался я строгимъ полицейскимъ порядкомъ содержать въ спокойствіи и безопасности: ибо когда я туда прибылъ, то вечеромъ, какъ только темно становилось, никто не осмѣливался, особенно изъ женскаго пола, явиться одинъ на улицѣ. Не только ссыльные преступники, но даже самые гарнизонные солдаты безпокоили и грабили прохожихъ, а иногда вламывались ночью въ дома. Въ короткое время ввелъ я спокойствіе и порядокъ. Мука стоила 3 рубля, скоро цѣна эта опустилась до 1 р. 50 коп., а наконецъ и до 90 коп. и никогда не превышала 1 рубля, пока я жилъ

въ Иркутскѣ; чрезъ нѣсколько лѣтъ мука вздорожала, но никогда не дошла до прежней 3-хъ рублевой цѣны. Впрочемъ и этому возвышенію цѣны была естественная причина, а именно пятилѣтній неурожай во всей губерніи. Говядина стоила отъ 10 до 12 коп. фунтъ, чрезъ мое распоряженіе лучшій сортъ стоилъ 4 коп., а низшій $2\frac{1}{2}$ коп. фунтъ. Тоже устройство введено было въ Тобольской и Томской губерніяхъ и съ такимъ же счастливымъ успѣхомъ. Но самыя эти перемѣны, столь полезныя для общаго блага и особливо для бѣдныхъ жителей губерніи, были первымъ поводомъ къ неудовольствію тѣхъ, которые обратили торговлю мукою и говядиною въ монополію для себя и, получая отъ того большія выгоды, дѣлились съ чиновниками, обязанными наблюдать за тѣмъ, чтобы не было монополіи. Отъ сего произошло, что богатѣйшіе купцы-монополисты и чиновники, которымъ они платили за ихъ снисхожденіе, видя себя лишенными значительныхъ выгодъ, стали недовольны и желали избавиться отъ подобнаго управленія. Участь моихъ предшественниковъ и даже самихъ губернаторовъ (такъ какъ ни одинъ губернаторъ не прослужилъ въ Иркутскѣ далѣе 3-хъ лѣтъ, не попавъ подъ судъ и не лишившись мѣста) была причиною, что доносчики и, просто сказать, величайшіе плуты въ губерніи начали искать средства избавиться отъ меня и отъ Трескина такимъ же образомъ, какъ они освободились отъ прежнихъ начальниковъ. Они имѣли покровителей во многихъ департаментахъ, министерствахъ и особенно въ Сенатѣ, потому что могли удѣлять значительную часть того, что́ пріобрѣтали въ Сибири столь неправеднымъ образомъ. Уже въ первомъ году моего пребыванія были посланы жалобы и доносы; но такъ какъ я пользовался довѣренностію Монарха, то могъ оправдать себя и г. Трескина, и послѣдствія были для насъ благопріятны.

Главные зачинщики этихъ доносовъ были купцы Мельниковъ и Сибиряковъ; чрезъ ихъ происки уже три губернатора и два генералъ-губернатора, Якоби и Леццано, лишились мѣста и подпали подъ судъ. Такъ какъ они не были довольно образованы, чтобы самимъ писать, то употребляли на то нѣкотораго Гарновскаго, который былъ во время моего прибытія въ Иркутскѣ предсѣдателемъ Гражданской Палаты. Этотъ Гарновскій былъ уже 4 раза подъ уголовнымъ судомъ. Будучи отставленъ имяннымъ указомъ съ тѣмъ, чтобы никогда не быть принятымъ въ службу, онъ однакоже снова былъ опредѣленъ и былъ теперь колежскій совѣтникъ и, какъ сказано выше, предсѣдателемъ одного изъ важнѣйшихъ присутственныхъ мѣстъ,—отъявленный злодѣй, для котораго ничего не было святаго и который Богу не вѣрилъ. Хотя свойства Гарновскаго всѣмъ были извѣстны въ Сибири, но онъ умѣлъ такъ хитро распоряжаться, что ничѣмъ нельзя было доказать его дѣйствій, какъ главнаго виновника всѣхъ безпокойствъ въ Иркутской губерніи; и такъ я долженъ былъ его терпѣть и дожидаться, пока онъ не выкажетъ себя таковымъ, каковъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Но Мельниковъ и Сибиряковъ уже были нѣкоторыми опредѣленіями

Сената, особливо въ ихъ доносахъ противъ Якоби и Леццано, уличены, какъ люди безсовѣстные и безпокойные. Я настоялъ, чтобы они были удалены и лишены возможности производить новые безпорядки въ Иркутской губерніи. Государь прочелъ мое донесеніе съ большимъ вниманіемъ и приказалъ мнѣ предоставить сослать этихъ людей по моему благоусмотрѣнію. Я назначилъ имъ: для пребыванія одному—Нерчинскъ, гдѣ онъ имѣлъ главную торговлю, а Мельникову—Баргузинъ, чтобы онъ могъ тамъ пользоваться минеральнымъ источникомъ, такъ какъ онъ страдалъ ревматизмомъ и параличемъ. Доказательствомъ тому, что я въ этомъ поступилъ не противъ справедливости, можетъ служить то, что родственники Мельникова и Сибирякова по сіе время остались преданы мнѣ и Трескину. Здѣсь долженъ я замѣтить, что въ инструкціи Сибирскаго генералъ-губернатора находится одинъ пунктъ, гдѣ сказано: „Что „генералъ-губернаторъ имѣетъ право всѣхъ доносчиковъ и людей „безпокойныхъ, которые доносы свои ничѣмъ доказать не могутъ, „а дѣлаютъ ихъ только съ намѣреніемъ вредить, сослать подъ при„смотромъ полиціи туда, гдѣ они могутъ по его мнѣнію быть без„вреднѣе". Этою властію генералъ-губернатора я во все время моего 14 лѣтняго управленія Сибири ни разу не воспользовался, но всегда отдавалъ виновныхъ подъ судъ и предавалъ ихъ строгости закона, не слѣдуя собственному моему произволу.

Примѣръ Мельникова и Сибирякова имѣлъ то счастливое слѣдствіе для Сибири, что доносчики, лишившись своей главной подпоры, присмирѣли, и спокойствіе было возстановлено. Но враги остались врагами, и ихъ защитники въ Петербургѣ сдѣлались еще опаснѣйшими непріятелями для меня и Трескина и выжидали только удобную минуту, чтобы выжить насъ изъ Сибири, такъ какъ доходы ихъ значительно уменьшались чрезъ насъ. Я это зналъ и былъ тѣмъ осторожнѣе въ моихъ поступкахъ. Но это не обезопасило меня, и всѣ мои представленія, относящіяся ко благу Сибири, были искажены, опровергнуты, или оставались безъ отвѣта. Всѣ мои старанія о награжденіи чиновниковъ, служащихъ при мнѣ вѣрно и усердно, остались безуспѣшны. Изъ моихъ подчиненныхъ хорошіе не получали одобренія, а дурные были покровительствуемы. Когда я находилъ нестерпимые безпорядки и грабительства въ отдѣльныхъ частяхъ правленія, какъ то по горной части, между духовенствомъ (которое въ Сибири самое безнравственное, какое можно себѣ только представить), въ военной и морской службѣ и, не имѣвъ возможности, благодаря моей двусмысленной инструкціи (какъ выше было подробно объяснено) самъ тому помочь, писалъ о томъ тѣмъ министрамъ, которымъ эти части были подчинены: то они, по внушеніямъ покровителей Сибирскихъ плутовъ, принимали это какъ присвоеніе непринадлежащаго мнѣ права вмѣшиваться въ сіи части правленія, и я получалъ часто обидные отвѣты, а безпорядки тѣмъ болѣе усиливались, чѣмъ вѣрнѣе виновники оныхъ надѣялись на защиту въ Петербургѣ. Не смотря на то, я же долженъ былъ по инструкціи моей отвѣчать за эти безпорядки и злоупотребленія. Я

послалъ все въ Сенатъ, для законнаго изслѣдованія и рѣшенія, а по сему можно судить, какъ несчастно было мое положеніе: съ искреннѣйшимъ желаніемъ, съ живѣйшимъ стремленіемъ принести пользу, я былъ лишенъ всѣхъ средствъ къ тому, и чрезъ кого? Чрезъ тѣхъ, чья подпора мнѣ такъ необходима была. Такимъ образомъ возникли плоды изъ того сѣмени несогласія, которое находилось въ самой инструкціи. Министры были недовольны, я видѣлъ мою опасность и не могъ даже достичь исполненія моего живѣйшаго желанія устроить благосостояніе и счастіе Сибири. Я не могъ быть полезнымъ моимъ подчиненнымъ, не могъ награждать заслуги и наказывать проступки. За чѣмъ же былъ я въ Сибири? Пусть вообразятъ мое положеніе и чувства, которыя съ утра до вечера волновали духъ мой. Одинъ я знаю, сколь несчастны и горестны были дни моего пребыванія въ Сибири, особливо при моемъ чувствительномъ и раздражительномъ нравѣ. Я рѣшился настоятельно испрашивать перемѣны моей инструкціи и права обращаться въ важныхъ случаяхъ прямо къ Государю, чтобы спасти себя на будущее время отъ одинаковой участи съ моими несчастными предшественниками

Во время моего пребыванія въ Иркутскѣ получилъ я извѣстіе о многочисленныхъ злоупотребленіяхъ губернаторовъ К.......а и Хвостова и провіантскаго генералъ-маіора Куткина. Я рѣшился отправиться самъ, чтобы лично во всемъ удостовѣриться на мѣстѣ. Въ инструкціи моей было поставлено мнѣ въ обязанность, въ случаѣ нужды, такъ какъ разстоянія столь велики (ибо Иркутскъ отъ Томска на 1500 верстъ, а отъ Тобольска на 3000) передать мою власть кому нибудь по собственному моему выбору. Сообразно сему далъ я губернатору Трескину право въ чрезвычайныхъ случаяхъ дѣйствовать на моихъ правахъ по нѣкоторымъ пунктамъ, но съ тѣмъ, чтобы каждый разъ донести мнѣ, какія причины его побудили воспользоваться этимъ позволеніемъ. Я извѣстилъ о сей мѣрѣ министра внутреннихъ дѣлъ. И такъ я этого не таилъ, а ежели и поступилъ неблагоразумно, то министръ долженъ бы былъ мнѣ это замѣтить. Но этого не было; въ послѣдствіи же поставили мнѣ это въ вину.

Прибывъ въ Томскъ, получилъ я жалобу на губернатора Хвостова, что онъ, разъѣзжая, для учиненія предписаннаго ежегоднаго обревизованія губерніи, во многихъ уѣздахъ собиралъ мужиковъ и, подъ предлогомъ освободить ихъ отъ нѣкоторыхъ повинностей, собиралъ деньги съ каждой души. Я учредилъ особенную коммисію изъ людей достойныхъ моего довѣрія и извѣстныхъ мнѣ своею честностію и поручилъ имъ отправиться въ назначенные уѣзды и, произвести на мѣстѣ подробное изслѣдованіе. Слѣдствіемъ сего было то, что не только 90 человѣкъ присягою подтвердили истину сей жалобы, но еще нашлись въ волостныхъ правленіяхъ письменные акты, для взысканія съ каждой души по 50 коп. для губернатора. Деньги эти были отданы въ собственныя руки губернатора при свидѣтеляхъ, которые подтвердили это присягою.

Когда я получилъ всѣ бумаги этого слѣдствія, подтвержденныя присягою и другіе акты, не подверженные никакому сомнѣнію, то

самъ донесъ о томъ Государю. Хвостовъ былъ отрѣшенъ отъ мѣста и призванъ въ Петербургъ, чтобы быть судимымъ въ Сенатѣ. Сенатъ нашелъ его виноватымъ, но измѣнилъ его наказанiе, и ему должно было отдѣлаться тѣмъ, что ему вмѣнено было въ наказанiе долговременное пребыванiе подъ судомъ, такъ какъ это рѣшенiе вышло чрезъ 10 лѣтъ. Дѣло это пошло въ Государственный Совѣтъ, который подтвердилъ опредѣленiе Сената; но когда оно представлено было къ Государю, то Его Величество приписалъ собственноручно, чтобы Хвостова впередъ никогда въ службу не принимать. Далѣе будетъ сказано, какъ и это въ послѣдствiи перемѣнено. Я поѣхалъ въ Тобольскъ. Тамъ нашелъ я, что губернаторъ К....въ заключилъ съ купцомъ Пол.... [4]) контрактъ, по которому сей послѣднiй принималъ на себя содержанiе и исправленiе дорогъ въ Тобольской губернiи въ продолженiи 3-хъ лѣтъ за 200 т. руб. и, 50,000 были ему уже выплачены впередъ. Контрактъ былъ заключенъ 20 Марта, а 25 Марта К....въ далъ приказанiе всѣмъ исправникамъ, чтобы крестьяне неотлагательно сами исправили бы дороги. Противозаконное дѣйствiе въ семъ заключается въ слѣдующемъ: 1) По закону никакой контрактъ не можетъ быть заключенъ никакимъ лицемъ и никакимъ присутственнымъ мѣстомъ безъ утвержденiя Сената, ежели сумма превышаетъ 10,000 руб., а тѣмъ менѣе могутъ быть 10,000 руб. казенныхъ денегъ истрачены безъ согласiя Сената; К....въ же заключилъ этотъ контрактъ не только безъ свѣдѣнiя Сената, но даже не спросивъ генералъ-губернатора. 2) Онъ такимъ же образомъ выдалъ изъ казны 50,000 руб. 3) Одна изъ повинностей крестьянъ состоитъ въ томъ, чтобы они: или платили 25 коп. съ души, или сами исправляли дороги. К....въ же, не испросивъ на то разрѣшенiя Сената и не увѣдомивъ меня, какъ генералъ-губернатора, выдалъ купцу Пол..... 50,000 руб. изъ этого 25 копѣечнаго сбора, который крестьяне заплатили за истекшiй годъ для освобожденiя себя отъ исправленiя дорогъ. И такъ какъ онъ притомъ выдалъ повелѣнiе, чтобы въ этомъ году крестьяне сами исправляли дороги, то вышло, что бѣдные крестьяне заплатили и 25 коп. съ души, и все однако же должны были работать. Все это было доказано собственноручно К...вымъ подписанными документами, приказами и контрактомъ, заключеннымъ имъ съ Пол.... въ Губернскомъ Правленiи. Я остановилъ исполненiе контракта, не имѣвъ права его уничтожить, увѣдомилъ о томъ Сенатъ и, препроводивъ къ нему всѣ акты и бумаги по сему дѣлу, донесъ Государю о всемъ ходѣ онаго. К.....въ былъ отрѣшенъ и отданъ подъ судъ въ Сенатъ. Рѣшенiе Сената было тоже, какъ и въ дѣлѣ Хвостова: ему вмѣнили въ наказанiе 10-лѣтнее пребыванiе подъ судомъ. Государственный Совѣтъ утвердилъ это опредѣленiе, но Государь прибавилъ, чтобы К....ва никогда болѣе не принимать въ службу. Теперь, съ 1822 года, К....въ и Хвостовъ сдѣлались тайными совѣтниками и сенаторами и получили жалованье за все время ихъ отставки, по представленiю моего преемника г. Сперанскаго. Мнѣ неизвѣстно, какимъ образомъ эти люди

---

[4]) Такъ въ рукописи. *П. Б.*

оправдались и выхлопотали себѣ столь блестящее вознагражденіе. Я въ этихъ обоихъ дѣлахъ поступилъ по совѣсти и увѣряю, что ежели бы мнѣ еще 90 разъ въ жизни встрѣчались подобныя дѣла, то я точно бы такъ дѣйствовалъ, какъ въ этотъ разъ. Совѣсть моя чиста, и я желаю, чтобы и другіе могли тоже сказать про себя. Пока производилось слѣдствіе по дѣлу К....ва, онъ, опасаясь конца онаго, написалъ въ Петербургъ своимъ покровителемъ, которые выхлопотали ему позволеніе пріѣхать въ столицу и, не спросивъ меня, К....въ получилъ отпускъ и поѣхалъ въ Петербургъ, съ торжествомъ, увѣряя всѣхъ, что скоро онъ возвратится, а я буду отставленъ. Вышло иначе, какъ уже сказалъ.

Наконецъ приступилъ я къ изслѣдованію ужасныхъ злоупотребленій, которыя были въ теченіе 15 лѣтъ производимы генералъ-маіоромъ Куткинымъ въ Тобольскомъ провіантскомъ депо. Здѣсь излишнее было бы ихъ всѣхъ исчислять и описывать; довольно будетъ сказать, что несомнѣнно доказаннаго лихоимства и грабительства открылось на сумму около полмилліона. Куткинъ, подобно другимъ дурнымъ людямъ въ Сибири, имѣлъ сильную руку въ столицѣ. Когда онъ увидѣлъ, что ему трудно будетъ выпутаться, то обратился къ своимъ покровителямъ въ Петербургѣ, и я вдругъ получилъ приказъ, что Куткинъ произведенъ въ члены генералъ-провіантской экспедиціи въ Военной Коллегіи, и ему повелѣно было немедленно туда отправиться. И такъ онъ находился на такомъ мѣстѣ, гдѣ могъ быть самъ себѣ судья, такъ какъ мое слѣдствіе по его дѣйствіямъ въ Тобольскѣ должно было поступить въ туже самую экспедицію, гдѣ онъ былъ членомъ. Я тотчасъ послалъ къ Государю мое донесеніе по дѣлу Куткина. Куткинъ поѣхалъ съ торжествомъ въ Петербургъ и обѣщалъ свое покровительство всѣмъ, которые мною были не довольны, въ полной увѣренности, что я не останусь долго на моемъ мѣстѣ. Онъ прибылъ въ Петербургъ, но вмѣсто того, чтобы вступить въ свою новую должность, былъ немедленно, по повелѣнію Государя, отправленъ съ фельдъ-егеремъ обратно ко мнѣ, съ приказомъ: содержать его подъ арестомъ на гауптвахтѣ, или гдѣ мнѣ заблагоразсудится. Прибывъ въ Тобольскъ, онъ даже не явился ко мнѣ, потому что я тотчасъ же велѣлъ отвезти его въ собственный его домъ, къ его семейству, гдѣ онъ и жилъ постоянно, не будучи нисколько обезпокоенъ. Я продолжалъ мое изслѣдованіе и нашелъ новыя доказательства неограниченнаго лихоимства и грабительства сего безсовѣстнаго, но очень умнаго и хитраго человѣка. Двѣ коммисіи, одна военная, а другая составленная изъ гражданскихъ чиновниковъ, разсматривали дѣло Куткина, и обѣ доказали все вышесказанное. Во время сего слѣдствія, Куткинъ не переставалъ возбуждать всѣхъ недовольныхъ; много просьбъ написано было противъ меня и чрезъ его посредничество доставлено въ Петербургъ. Между прочимъ послалъ и онъ на меня жалобу, будто-бы я содержалъ его подъ арестомъ въ столь тѣсномъ и нездоровомъ помѣщеніи, что онъ, будучи высокаго роста, не могъ прямо стоять и при томъ никогда не могъ видѣть своего семейства.

Доказательствомъ, сколь это несправедливо, можетъ служить слѣдующее: 1) Онъ встрѣтился мнѣ однажды, прогуливаясь со всѣмъ своимъ семейством и, когда я ему поклонился, то онъ даже шляпы не снялъ; этимъ онъ самъ хвалился въ донесеніи, посланномъ имъ въ Петербургъ. 2) Ежели бы я его содержалъ такъ строго, то какимъ образомъ могли бы его жалобы и прошенія доходить къ Государю прямо? Этотъ Куткинъ меня такъ очернилъ, что и теперь еще многіе считаютъ меня тираномъ за мое обхожденіе съ нимъ. Призываю въ свидѣтели Бога, Котораго я съ молодыхъ лѣтъ привыкъ бояться и любить, что съ этимъ злодѣемъ поступалъ я самымъ снисходительнымъ и человѣколюбивымъ образомъ.

Всѣ изслѣдованія обѣихъ коммисій по дѣлу Куткина были, по повелѣнію Государя, переданы въ аудиторіатъ для окончательнаго приговора. Тамъ оставалось это дѣло 12 лѣтъ, пока наконецъ было рѣшено уже послѣ того, какъ Куткинъ умеръ въ Тобольскѣ и, не смотря на всѣ старанія Куткина и его покровителей, меня ни въ чемъ не могли обвинить. Но какихъ непримиримыхъ враговъ это дѣло возбудило противъ меня! Обличая воровъ и плутовъ, я какъ будто раздразнилъ цѣлый рой осъ. Въ свѣтскомъ отношеніи я конечно несчастливъ и много, очень много претерпѣлъ огорченій, обидъ и оскорбленій всякаго рода; но чистой совѣсти и надежды на будущую жизнь—этого не можетъ никакая власть у меня отнять, также какъ и незапятнанной чести, съ которой я нѣкогда, съ Божіею помощію, спокойно сойду во гробъ.

Во время моего пребыванія въ Тобольскѣ, по повелѣнію Государя, былъ присланъ ко мнѣ съ фельдъ-егеремъ тогдашній коммерціи совѣтникъ и откупщикъ Иркутской губерніи Передовщиковъ съ высочайшимъ указомъ: содержать его подъ строгимъ присмотромъ, чтобы законнымъ образомъ изслѣдовать его преступленія, открытыя графомъ Головкинымъ и предать его всей строгости закона. Такъ какъ это дѣло началось уже въ Иркутскѣ, во время моего тамъ пребыванія, то я послалъ Передовщикова подъ карауломъ въ Иркутское Губернское Правленіе, съ предписаніемъ содержать его подъ арестомъ, и это дѣло, самимъ мною изслѣдованное, окончить законными допросами и очными ставками, а потомъ Передовщикова и его соучастниковъ отдать подъ судъ. Я разскажу здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ судьбу и поступки этого преступника.

Передовщиковъ былъ бѣдный мѣщанинъ, съ большимъ умомъ и предпріимчивымъ духомъ. Онъ былъ цѣловальникомъ у одного откупщика и разливалъ водку такъ выгодно для себя, что нажилъ себѣ капиталъ, и откупщикъ прогналъ его. Онъ взялъ откупъ вмѣстѣ съ другими, обманулъ и раззорилъ своихъ товарищей, а самъ обогатился. Въ царствованіе государыни Екатерины II былъ онъ очень долго подъ уголовнымъ судомъ, пока его покровители все изъ него вытянули и когда ему уже нечего было болѣе давать, тогда законъ былъ приведенъ въ исполненіе, и правосудіе одержало верхъ; и такъ какъ онъ былъ уличенъ между прочимъ въ смертоубійствѣ, то былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ, какъ преступникъ, на желѣзные за-

воды въ Туруханскъ, въ Томской губерніи. Тамъ обманывалъ онъ различнымъ образомъ кочевыхъ жителей тѣхъ странъ и нажилъ себѣ значительный капиталъ, посредствомъ котораго пріобрѣлъ много покровителей и между прочимъ довольно сильныхъ. Онъ написалъ въ трогательныхъ выраженіяхъ письмо государю Павлу I и подписался имянитымъ гражданиномъ. Извѣстно, что это званіе даетъ купцамъ одинакія права съ званіемъ комерціи совѣтника. Государь Павелъ I даровалъ Передовщикову прощеніе и позволеніе вступить въ свои прежнія права, такъ какъ онъ былъ въ послѣднее время купцомъ, когда подвергся наказанію кнутомъ и былъ сосланъ. Въ отвѣтъ на его просьбу послѣдовало прощеніе, исходатайствованное ему защитниками его и подписанное самимъ Государемъ; тутъ былъ онъ наимянованъ имянитымъ гражданиномъ и чрезъ то сдѣлался купцомъ первой гильдіи: слѣдственно онъ однимъ почеркомъ пера получилъ всѣ права, принадлежащія купцамъ перваго класса, между прочимъ право ѣздить четвернею. И такъ этотъ плутъ и убійца былъ вдругъ оправданъ и вступилъ съ величайшею отважностію на свое новое поприще, ознаменованное столь блестящимъ началомъ. Въ короткое время онъ сдѣлался комерціи совѣтникомъ и заключилъ контракты на значительнѣйшіе подряды, между прочимъ на доставленіе провіанта всѣмъ войскамъ во всей Сибири, взялъ откупъ въ Иркутской губерніи и проч., что составило все вмѣстѣ сумму на нѣсколько милліоновъ. При его образѣ мыслей и при сообразныхъ тому правилахъ, съ которыми не было для него ничего святаго и непозволеннаго, какъ скоро дѣло касалось до его личной выгоды, нажилъ онъ въ короткое время несмѣтное богатство, пріобрѣлъ нѣсколько каменныхъ домовъ и дачь въ Петербургѣ и окрестностяхъ и жилъ на большой ногѣ. Молодая и красивая жена его была достойная супруга такого человѣка. Множество покровителей имѣлъ онъ въ Сенатѣ и въ департаментахъ всѣхъ министерствъ. Министрамъ давалъ Передовщиковъ часто великолѣпнѣйшіе обѣды и праздники, и когда самъ бывалъ у нихъ, то былъ отлично принятъ, и его сажали на диванъ подлѣ министра и проч., чему я самъ былъ свидѣтель. Таково было положеніе Передовщикова, когда я въ 1806 году сдѣлался генералъ-губернаторомъ. Когда онъ въ первый разъ явился ко мнѣ, то я принялъ его вѣжливо, но какъ начальникъ, такъ какъ это и прилично было и какъ мои правила предписывали мнѣ принять подобнаго человѣка. Онъ хотѣлъ величаться предо мною и говорилъ много про своихъ знатныхъ покровителей, называя ихъ своими друзьями. Однакоже я скоро съ надлежащею холодностію и важностію поставилъ его на свое мѣсто, и разительное различіе было въ его обхожденіи со мною и съ его знаменитыми покровителями. Онъ имѣлъ довольно опытности и довольно ума, чтобы скоро узнать меня и замѣтить, что я не такой генералъ-губернаторъ, какого ему нужно было для его дѣйствій въ Сибири; и потому онъ говорилъ многимъ, что не долго оставятъ меня на моемъ мѣстѣ, ежели я не перемѣнюсь. Въ томъ же году, какъ я былъ сдѣланъ генералъ-губернаторомъ, находился въ Иркутскѣ графъ Юрій Александровичъ Головкинъ, отправленный по-

сланникомъ въ Китай и который былъ главнымъ виновникомъ отрѣшенія моего предмѣстника г. Селифонтьева отъ должности генералъ-губернатора Сибири. Во время своего пребыванія въ Иркутскѣ открылъ онъ тамъ множество злоупотребленій, грабительствъ и разнаго рода лихоимства и преступленій, учиняемыхъ тамъ Передовщиковымъ. Графъ Головкинъ донесъ обо всемъ Государю, и мнѣ поручено было изслѣдовать это дѣло и дать ему законный ходъ. Немедленно по прибытіи моемъ въ Иркутскъ, занялся я этимъ дѣломъ самъ, потому что боялся повѣрить его кому другому, по причинѣ обширнаго покровительства, которымъ Передовщиковъ пользовался въ Петербургѣ и въ Иркутскѣ. Я приступилъ къ нему со всевозможною осторожностію и съ строгимъ безпристрастіемъ. Я велѣлъ захватить всѣ его бумаги, находящіяся въ его Иркутской конторѣ, и оказалось документами, писанными собственною его рукою, что 1) онъ обокралъ казну на сумму болѣе 600 т.; 2) что онъ приказывалъ вливать въ водку воды для своей выгоды, но чтобы покупатели не жаловались на слабость водки, то онъ составилъ и собственною рукою написалъ рецептъ, гдѣ назначены были разныя специи и пропорціи, въ которой ихъ должно было употреблять для приданія водкѣ крѣпости. Между прочимъ опредѣлена была такая сильная порція купороса, что многіе отъ того занемогли, а нѣкоторые умерли. Эти смертные случаи были первымъ поводомъ къ изслѣдованію, предпринятому графомъ Головкинымъ. Умершихъ анатомировали, и доктора утверждали, что причиною смерти былъ купоросъ. Излишне и неумѣстно бы было здѣсь исчислять подробно всѣ преступленія Передовщикова и его соучастниковъ; и такъ я довольствуюсь только замѣчаніемъ, что приговоръ Иркутской Уголовной Палаты былъ самый справедливый и безпристрастный, какой только можетъ быть. По этому приговору Передовщиковъ былъ присужденъ къ лишенію всѣхъ своихъ правъ и къ ссылкѣ на каторжную работу въ Нерчинскъ. Я разсматривалъ это дѣло болѣе 20-ти разъ прежде, нежели его утвердить и потомъ отослать его въ Сенатъ, для разсмотрѣнія и рѣшенія. Такъ какъ Передовщиковъ былъ комерціи совѣтникомъ, то этотъ приговоръ не могъ быть иначе исполненъ надъ нимъ, какъ съ утвержденіемъ самаго Государя. Для обезпеченія казны, Уголовная Палата, осудившая Передовщикова, наложила запрещеніе на его имѣніе; но большая часть онаго уже была спасена, потому что при самомъ началѣ Передовщиковъ, зная всѣ свои плутни и ожидая, что ему придется заплатить похищенныя у казны суммы, умѣлъ сокрыть значительнѣйшіе изъ своихъ капиталовъ и нѣкоторыя недвижимыя имущества, какъ напримѣръ дома и дачи, переписать на имя жены. И такъ это важное дѣло находилось теперь въ Сенатѣ, а при прибытіи моемъ въ Петербургъ, въ 1809 году, враги мои были неизчислимы. Всѣ были противъ меня, между прочимъ и тайный совѣтникъ Сперанскій, бывшій въ послѣдствіи моимъ преемникомъ. Нельзя себѣ вообразить, какіе ужасы разглашали о моемъ управленіи въ Сибири и особенно объ Иркутскомъ губернаторѣ Трескинѣ, такъ какъ онъ по должности своей имѣлъ главное участіе въ безпристрастномъ изслѣдованіи и совѣстливомъ рѣшеніи сего дѣла.

Слѣдствіемъ сей общей ненависти противъ меня и Трескина было то, что всѣ мои представленія, даже самыя общеполезнѣйшія и прямо ко благу Сибири относящіяся, были опровергнуты, перетолкованы и представлены въ ложномъ видѣ, и я не могъ ничего сдѣлать для пользы несчастной Сибири, не могъ достичь и того, чтобы достойнѣйшіе изъ моихъ подчиненныхъ были награждены, а гнуснѣйшіе плуты Сибири наказаны. Пусть вообразятъ себѣ мое положеніе! Кто могъ мнѣ помочь и что̀ могъ я сдѣлать? Не долженъ-ли былъ я опасаться того, чтобы вмѣсто полученія награды подвергнуться еще униженію и посрамленію? Многочисленныя страданія и оскорбленія, которыя я претерпѣлъ во время моей службы генералъ-губернаторомъ, безсомнѣнно сократили мою жизнь многими годами и преждевременно ослабили физическія мои силы. Я теперь еще содрогаюсь, когда вспоминаю все, что̀ долженъ былъ претерпѣть! Когда бъ я не былъ Христіаниномъ (въ этомъ званіи соединяю я всѣ обязанности чести и чистой совѣсти), то взялъ бы съ Куткина и съ Передовщикова по нѣскольку сотенъ тысячь, участвовалъ-бы въ выгодахъ Хвостова и К., былъ бы милліонеромъ, пріобрѣлъ бы значительныхъ покровителей, имѣлъ бы во всѣхъ канцеляріяхъ помощниковъ и соучастниковъ; а ежели бы подпалъ подъ отвѣтственность, то сильные мои защитники меня бы выручили: я былъ бы осыпанъ почестями и богатствомъ и плутомъ жилъ бы беззаботно. Что̀ же теперь вышло? Я обнищалъ. Враги мои, значительнѣйшіе люди въ государствѣ, безчисленны, и я страдаю физически и морально, безъ всякихъ видовъ въ будущности для меня и послѣ меня для моей бѣдной жены и для моей несчастной дочери, которой даже не могу доставить никакихъ учителей. Что̀ же мнѣ остается? Все, что̀ дѣлаетъ истинно счастливымъ, все, чего у меня никакая власть отнять не можетъ: чистая совѣсть и убѣжденіе, что могу однажды предстать предъ судилищемъ Всемогущаго, предъ которымъ мы всѣ, отъ Монарха до поденщика, равныя права имѣемъ, и осмѣлюсь сказать: „Я поступилъ, Всевѣдущій, сообразно Твоимъ законамъ; пріемли меня съ милосердіемъ, прости меня, ежели я ошибся, я дѣйствовалъ по совѣсти!“ Вотъ въ чемъ состоятъ мое спокойствіе и мое счастіе.

Чтобы заключить гнусную исторію Передовщикова, опишу кратко ея конецъ. Сенатъ занимался нѣсколько лѣтъ этимъ дѣломъ. Въ 5-мъ департаментѣ мнѣнія были раздѣлены: нѣкоторые хотѣли этого негодяя оправдать, другіе осуждали его. Дѣло пошло въ общее собраніе. Императоръ приказалъ, чтобы я засѣдалъ при выслушаніи онаго, такъ какъ я былъ сенаторомъ; и хотя бы я и не былъ онымъ, то все же имѣлъ право засѣдать въ Сенатѣ по дѣламъ ввѣренныхъ мнѣ губерній. Но я не хотѣлъ пользоваться этимъ правомъ: я исполнилъ свой долгъ, какъ генералъ-губернаторъ, а впрочемъ нисколько не домогался погибели Передовщикова. И такъ я былъ намѣренъ не являться въ Сенатъ, когда это дѣло будетъ въ немъ разсматриваться. Это сказалъ я Монарху; но мнѣ было повелѣно высочайшимъ приказомъ присутствовать при выслушаніи

сего дѣла. Когда оно было читано въ общемъ собраніи, то туда явились только немногіе изъ министровъ, хотя всѣ они должны бы были присутствовать. Всѣ были противъ меня. 80 сенаторовъ находились тутъ, и сколько помню, то только 3 или 4 были согласны со мною и подтвердили опредѣленіе Иркутской Уголовной Палаты; прочіе же всѣ хотѣли его измѣнить, а нѣкоторые полагали даже Передовщикова совсѣмъ оправдать, а Уголовной Палатѣ наложить еще штрафъ за излишнюю строгость приговора. Между сими послѣдними находились по большей части тѣ сенаторы, которые почитались вообще самыми знающими въ дѣлахъ! Это происходило, разумѣется, отъ тѣхъ причинъ, которыя я выше въ своемъ мѣстѣ изъяснилъ. При томъ долженъ я еще прибавить, что молодая красивая жена Передовщикова находилась въ связи съ однимъ вельможею, который имѣлъ большой вѣсъ при Дворѣ чрезъ свою супругу. Къ сей послѣдней обратилась жена Передовщикова, и Государя просили убѣдительно защитить Передовщикова отъ преслѣдованій моихъ и губернатора Трескина. Имѣніе, которое Передовщиковъ передалъ женѣ своей, для освобожденія отъ взятія въ казну, давало ей средства подкупать судей и дѣлопроизводителей въ Сенатѣ. Это удалось совершенно, и всѣ держали сторону ея мужа. Наконецъ всѣ различныя мнѣнія сенаторовъ и рѣшеніе Сената, клонящееся по большинству голосовъ къ оправданію Передовщикова, были поднесены Государю. Съ твердостію, достойною его великаго духа, не обращая никакого вниманія на ходатайство, покровительство и всѣ старанія въ Сенатѣ дать дѣлу ложный оборотъ, Монархъ утвердилъ мое мнѣніе и опредѣленіе Иркутской Уголовной Палаты, и Передовщиковъ былъ сосланъ на работу въ Нерчинскія рудокопни. При томъ Государь сдѣлалъ строгій выговоръ тѣмъ сенаторамъ, которые старались оправдать Передовщикова и которыхъ мнѣніе въ этомъ смыслѣ содержало выраженія обидныя и для меня и для Трескина. Безъ сомнѣнія этотъ актъ справедливости приноситъ много чести государю Александру, потому что мнѣ извѣстно, сколько употреблено было происковъ и стараній со всѣхъ сторонъ, которыя болѣе всего могли имѣть на него вліяніе, чтобы склонить его въ пользу Передовщикова. Должно замѣтить, что это былъ самый первый примѣръ въ нашемъ Отечествѣ, чтобы откупщикъ былъ наказанъ за лихоимство въ 600,000, и еще такъ строго наказанъ. Это могло послужить къ спасенію многимъ несчастнымъ, которые чрезъ такую безнаказанность столь значительныхъ похищеній могли увлечься къ подобнымъ поступкамъ и впасть въ бѣдствіе, такъ какъ они думали, что ежели большое воровство можетъ быть оправдано, то малое еще легче.

Какъ справедлива Нѣмецкая пословица: „Kleine Diebe fängt man und grosse lässt man laufen“ (За малое воровство вѣшаютъ, а за большое выпускаютъ). Въ продолженіе моего 14 лѣтняго управленія тремя Сибирскими губерніями, не знаю ни одного примѣра, чтобы кто нибудь былъ сосланъ за 100,000 руб., а напротивъ того много людей находилось въ ссылкѣ за похищеніе 500 р., 1000 р. и тому подобныхъ малозначущихъ суммъ. Однакоже и великія суммы бы-

ваютъ похищены. Кто въ Россіи живетъ и ее знаетъ, тотъ конечно въ этомъ не усумнится. Я люблю мое Отечество, и мнѣ больно, что я долженъ это сказать; но истина этого требуетъ. Этотъ примѣръ навлекъ на меня преслѣдованіе общей ненависти, такъ какъ я былъ для многихъ препятствіемъ въ ихъ нечистыхъ и корыстолюбивыхъ намѣреніяхъ. Чѣмъ болѣе я это чувствовалъ на каждомъ шагу, чѣмъ болѣе мнѣ со всѣхъ сторонъ причиняемо было затрудненій въ учрежденіяхъ самыхъ полезныхъ для истиннаго блага Сибири, тѣмъ болѣе я долженъ былъ думать о томъ, какимъ образомъ удалиться мнѣ изъ Сибири и освободиться отъ должности тамошняго генералъ-губернатора.

Когда я прибылъ въ Тобольскъ, то послалъ тотчасъ отношеніе къ министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею и представлялъ ему всѣ причины, которыя требовали моего присутствія въ Петербургѣ для того, чтобы я могъ сдѣлать многія предложенія, касающіяся къ пользѣ ввѣренныхъ мнѣ губерній и которыя не могли быть утверждены безъ точнаго изслѣдованія; но чтобы эти проэкты могли быть обозрѣны съ настоящей точки зрѣнія, необходимо было, чтобы я могъ лично объясниться на счетъ ихъ съ министрами. Это написалъ я отчасти потому, что оно и въ самомъ дѣлѣ такъ было, отчасти также и для того, чтобы тѣмъ настоятельнѣе домогаться позволенія пріѣхать въ Петербургъ: ибо послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Сибири, послѣ того, что я 22000 верстъ объѣздилъ во ввѣренныхъ мнѣ губерніяхъ и подробно освѣдомлялся о всемъ, что могло клониться къ пользѣ Сибири, былъ я въ состояніи судить о семъ краѣ. Я былъ на границѣ Китая и во время моего пребыванія въ Маймачинѣ (Китайскомъ уѣздномъ городѣ, гдѣ производится важнѣйшая торговля съ Россіею и Сибирью) имѣлъ много переговоровъ съ Китайскими пограничными правителями и купцами, узналъ ихъ настоящее и пріобрѣлъ ясное понятіе о ихъ свойствахъ и расположеніи къ Россіи. Я проѣхалъ по Иртышской линіи, граничащей съ Киргизскою степью, отъ одного конца до другаго, обсудилъ всѣ выгоды, которыя можно было извлечь для Россіи изъ сношеній съ Китайцами и Киргизами; я ознакомился съ Монголами и другими кочевыми народами Сибири, посѣщалъ Колыванскія рудокопни; однимъ словомъ, я только тамъ не былъ, гдѣ проѣздъ былъ не возможенъ или потребовалъ-бы болѣе года времени, безъ доставленія настоящей пользы. Снабженный этимъ познаніемъ Сибири, которое было не только теоретическое, но и практическое, такъ какъ я во всемъ нужномъ удостовѣрялся собственными глазами, могъ я смѣло предстать съ моимъ планомъ для Сибири, который началъ въ Иркутскѣ, а кончилъ по возвращеніи моемъ въ Тобольскъ, и пересмотрѣлъ со всѣми тремя губернаторами и еще болѣе съ другими знающими изъ старинныхъ жителей Сибири, и который былъ теперь готовъ. Главнѣйшія измѣненія предлагаемаго мною для пользы Сибири заключались въ новой инструкціи для генералъ-губернатора, которую я имѣлъ намѣреніе представить Государю. Мое прошеніе къ Государю на счетъ прибытія моего въ Петербургъ послалъ я къ графу Кочубею, но

получилъ съ необыкновенною поспѣшностію отвѣтъ, что я могу мой проэктъ прислать, но самъ не долженъ пріѣзжать въ Петербургъ, потому что мое присутствіе въ Сибири могло быть полезнѣе, нежели въ Петербургѣ. Можно себѣ представить, какъ меня этотъ отвѣтъ огорчилъ, ибо въ Сибири оставаться становилось для меня со дня на день опаснѣе. Послать мой планъ безъ меня было столь же опасно, ибо онъ попалъ бы въ руки министровъ, которые бы, по обыкновенному порядку дѣлъ у министровъ, отдали бы его на разсмотрѣніе каждый въ свой департаментъ: тамъ бы мои бумаги находились въ рукахъ моихъ величайшихъ враговъ, канцелярскихъ чиновниковъ въ министерскихъ департаментахъ; они бы увидѣли, какія ограниченія ихъ доходовъ содержалъ мой планъ, и я долженъ былъ ожидать, что отчасти по этой причинѣ, отчасти для того, чтобы имъ отъ меня избавиться, мой планъ будетъ погубленъ, ложно перетолкованъ и наконецъ, вмѣсто того, чтобы принести пользу, послужитъ еще орудіемъ къ моему паденію. И такъ я рѣшился, для предупрежденія всего сего, не посылать моего плана и дождаться благопріятнаго времени, чтобы освободиться изъ Сибири; рѣшился непремѣнно избѣжать этой службы въ Сибири. Тоже было и въ отношеніи моихъ вѣрнѣйшихъ и надежнѣйшихъ подчиненныхъ. Нѣкоторые тотчасъ же вышли въ отставку и покинули Сибирь, другіе хотѣли оставить ее вмѣстѣ со мною. Губернаторы Трескинъ и фонъ-Бринъ подали мнѣ прошенія объ отставкѣ изъ Сибири, безъ означенія числа, чтобы я далъ имъ ходъ, когда самъ найду то для нихъ полезнѣе.

Въ этомъ стѣснительномъ положеніи я пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Тобольскѣ. Начальникомъ войска въ Сибири былъ генералъ-маіоръ Николай Ивановичь Лавровъ, человѣкъ честный, съ которымъ я очень хорошо сошелся и который держалъ себя совершенно согласно съ инструкціею, посылалъ мнѣ рапорты и считалъ себя за подчиненнаго мнѣ. Онъ былъ переведенъ въ армію, и на его мѣсто поступилъ генералъ-лейтенантъ Григорій Ивановичь Глазенапъ, человѣкъ властолюбивый, очень ограниченнаго ума, но съ великою гордостію, который самъ ничего не дѣлалъ, кромѣ того, чего желали и требовали его подчиненные. Онъ объявилъ, что не обязанъ меня ни въ чемъ слушаться, и не только не посылалъ мнѣ никакихъ рапортовъ, но не принималъ отъ меня никакихъ предписаній. Я никогда не пользовался моимъ правомъ посылать приказы корпуснымъ командирамъ, а всегда писалъ письма въ отвѣтъ на рапорты, присылаемые мнѣ Лавровымъ, и Лавровъ умѣлъ цѣнить мое деликатное обхожденіе, а Глазенапъ напротивъ. Въ инструкціи, конечно, не сказано было, чтобы корпусный командиръ стоялъ подъ моимъ начальствомъ; но въ ней было написано, что всѣ морскія и сухопутныя войска должны находиться подъ властію генералъ-губернатора. Изъ этихъ отношеній съ Глазенапомъ произошли несогласія, потому что его подчиненные, которые водили имъ, видѣли, что не могутъ привести въ исполненіе свои корыстолюбивые и на лихоимствѣ основанные планы, ежели я буду ихъ главный началь-

никъ; съ Глазенапомъ же имъ все было можно. Адъютантъ Глазенапа нѣсколько разъ ѣздилъ съ лошадьми и другими подарками въ Петербургъ, и тамъ поддерживали Глазенапа противъ меня, а мнѣ старались сдѣлать славу несноснаго и безпокойнаго человѣка. Такимъ образомъ и департаментъ военнаго министра былъ возстановленъ противъ меня, и я пріобрѣлъ еще одного сильнаго врага.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ я получилъ чрезъ графа Кочубея отказъ въ позволеніи пріѣхать въ Петербургъ, вмѣсто него сдѣланъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ. Немедленно послалъ я сему послѣднему вторично бумагу, въ которой просилъ, чтобы меня призвали въ Петербургъ по дѣламъ Сибири. Прошеніе мое было слово въ слово такое-же, какое я нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ послалъ графу Кочубею. Вслѣдствіе всѣхъ выше подробно описанныхъ причинъ, имѣлъ я поводъ полагать, что графъ Кочубей не хотѣлъ, чтобы я пріѣхалъ въ Петербургъ, и слишкомъ скоро послѣдовавшій отказъ возбуждалъ во мнѣ подозрѣніе, что онъ отказалъ мнѣ, не представивъ моего прошенія Государю. Князь Куракинъ донесъ Монарху о моемъ желаніи, и въ Декабрѣ 1808 года получилъ я повелѣніе прибыть въ Петербургъ, чтобы представить мою инструкцію на разсмотрѣніе. Нельзя себѣ вообразить, какую радость причинило мнѣ сіе позволеніе! Возвращенный изъ ссылки не можетъ болѣе восхищаться, какъ я.

Я сдѣлалъ новыя распоряженія относительно управленія трехъ губерній, далъ губернаторамъ нужную власть черезъ передачу собственныхъ моихъ правъ и т. под., будучи на то уполномоченъ генералъ-губернаторской инструкціей. О всѣхъ этихъ моихъ распоряженіяхъ донесъ я Сенату и сообщилъ министру полиціи и внутреннихъ дѣлъ. И такъ Сенатъ и министръ должны бы были меня остановить тотчасъ при полученіи посланнаго мною распоряженія. Этого не случилось; слѣдственно я не имѣлъ причины ожидать, чтобы эти же самыя распоряженія сочтены были мнѣ за вину 14 лѣтъ послѣ того, какъ это послѣдствіе доказало.

Въ Февралѣ 1809 года прибылъ я въ Петербургъ и тотчасъ же сдѣлалъ визиты всѣмъ министрамъ и значительнѣйшимъ людямъ столицы. Всѣ, безъ исключенія, приняли меня съ уваженіемъ, должнымъ генералъ-губернатору; но впрочемъ я видѣлъ очень ясно, что ни на кого изъ нихъ не могъ я положиться, что ни одинъ изъ нихъ меня не поддержитъ и что мнѣ нечего хорошаго ожидать. Вообще мнѣніе было, что я человѣкъ суровый, жестокій, властолюбивый и безпокойный. Нѣкоторые друзья мои, имѣвшіе однакоже мало вѣсу при Дворѣ, подтвердили мнѣ точно тоже, что̀ я своими глазами видѣлъ. Всѣ канцеляріи Сената и министровъ были основателями этого вреднаго обо мнѣ мнѣнія и начали теперь всѣми силами стараться меня погубить. И такъ я принялъ непоколебимое намѣреніе ни подъ какимъ условіемъ не возвращаться въ Сибирь, хотя бы мнѣ должно было совсѣмъ оставить службу, не имѣвъ насущнаго хлѣба.

Я представлялся государю Александру I-му въ его кабинетѣ. Прежде нежели тогдашній оберъ-гофмаршалъ графъ Николай Александровичь Толстой ввелъ меня туда, сказалъ онъ мнѣ: „Будьте откровенны съ Государемъ, не скрывайте ничего отъ него; онъ ничего такъ не любитъ, какъ довѣренность, и о васъ онъ имѣетъ самое выгодное мнѣніе“. Я выслушалъ слова графа Толстаго, какъ слова человѣка придворнаго, на которыя нельзя полагаться. Я вошелъ въ кабинетъ Монарха. Можно себѣ представить, съ какими чувствами! Я зналъ свое положеніе и зналъ тоже Государя. Монархъ подошелъ ко мнѣ съ отверстыми объятіями, поцѣловалъ меня нѣсколько разъ, какъ будто онъ своего величайшаго и драгоцѣннѣйшаго друга держалъ въ своихъ объятіяхъ. Я былъ пораженъ, но не смущенъ, потому что чистая совѣсть внушала мнѣ всепревышающую твердость духа. Здѣсь стоялъ честный человѣкъ (я могу это сказать съ спокойною совѣстію) съ убѣжденіемъ, что Богъ выше всего, что предъ Нимъ, Всемогущимъ, Монархъ и я никакого другаго преимущества не имѣемъ одинъ предъ другимъ, какъ наши душевныя свойства. Съ твердостію и чистосердечіемъ, не скрывая ничего, кратко, но убѣдительно отдалъ я отчетъ въ моемъ управленіи и удостоился самыхъ лестныхъ изъявленій благодарности Монарха. Такъ какъ я во всю жизнь мою ни на минуту не забывалъ, что благоволеніе государей бываетъ ненадежно и также скоро проходитъ, какъ и приходитъ, то я и воспользовался этимъ благопріятнымъ мгновеніемъ, чтобы представить Императору многія изъ моихъ затрудненій, препятствій и тому под., не называя однако же никого: потому что я поставилъ себѣ за непоколебимое правило никогда никого не обвинять иначе какъ открыто, чтобы обвиняемый мною имѣлъ бы средства оправдаться. Проницательный Государь понялъ меня и сказалъ: „Требую отъ васъ, чтобы вы ни съ кѣмъ не имѣли бы дѣла на счетъ вашего управленія въ Сибири, кромѣ со мною, безъ всякаго посредничества“. Тутъ объявилъ я, что мои физическія силы не позволяютъ мнѣ болѣе служить въ Сибири, гдѣ климатъ мнѣ такъ вреденъ, что мнѣ пришлося бы тамъ въ короткое время лишиться жизни. Я долженъ былъ обѣщать прямо, безъ всякаго посредничества, представлять Государю всѣ мои распоряженія къ пользѣ Сибири. Рѣшено было, что всякій разъ, когда почту за нужное о чемъ нибудь донести Монарху, то доставлю ему, чрезъ дежурнаго камердинера, запечатанную записку, и что тогда Государь немедленно назначитъ мнѣ время, когда онъ можетъ принять меня въ своемъ кабинетѣ на единѣ. Это былъ первый мой разговоръ съ Императоромъ. Конца не было изъявленіямъ благоволенія и одобренія моего образа службы, моего знанія дѣла и проч., и во всемъ городѣ говорили о великой милости Государя ко мнѣ. Все это было, разумѣется, новымъ и важнымъ побужденіемъ министрамъ и другимъ лицамъ еще болѣе ненавидѣть меня и какъ можно скорѣе сломать шею новому любимцу Монарха. Я былъ приглашаемъ къ обѣду во дворецъ, каждый разъ, когда было тамъ небольшое общество. Не было празднества, на которомъ бы я не долженъ былъ явиться, и все вниманіе, кото-

рое оказывается только тѣмъ, кого хотятъ отличить, было мнѣ расточаемо. Я получилъ позволеніе (которымъ пользовались только нѣкоторые изъ министровъ) пріѣзжать, когда хочу, безъ приглашенія, на ежедневные малые обѣды Монарха. Я былъ въ числѣ приглашаемыхъ на вечернія собранія императрицы Елизаветы, которыя составлялись съ строгимъ выборомъ. Не могу припомнить всѣхъ предпочтеній и отличій, оказываемыхъ мнѣ тогда. Но все это не вскружило мнѣ головы, ибо я зналъ истинную цѣну этихъ вещей и непостоянство людей, а тѣмъ болѣе государей, а также всѣ происки и опасности, которымъ подвержена жизнь при Дворѣ. Я предвидѣлъ, какую глубокую бездну между тѣмъ враги мои готовили для моего паденія. Это убѣжденіе дѣлало меня, разумѣется, очень осторожнымъ во всѣхъ моихъ поступкахъ, во всѣхъ моихъ письменныхъ и словесныхъ объясненіяхъ: прежде нежели отправить какую нибудь бумагу къ ея мѣсту, я передумывалъ ее сто разъ, чтобы не дать моимъ многочисленнымъ врагамъ поводу нападать на меня. Доказательствомъ тому, какъ трудно имъ было найти что нибудь порицательнаго во мнѣ, можетъ служить то, что я 14 лѣтъ постоянно оставался въ довѣріи у подозрительнаго Монарха, и никому не удалось мнѣ повредить. Мое пребываніе въ Петербургѣ было для меня истиннымъ мученіемъ, и конечно былъ я самый несчастный человѣкъ, какого можно себѣ представить. Когда стали въ Сенатѣ разсматривать вышеупомянутыя дѣла Передовщикова, Хвостова, К-ва, Куткина, Сибирякова и другія подобныя, которыя всѣ имѣли цѣлію введеніе порядка и благоустройства въ трехъ ввѣренныхъ мнѣ губерніяхъ: то, не смотря на всѣ домогательства, не могли ни въ чемъ меня обвинить, и это еще болѣе увеличило ненависть моихъ враговъ и противниковъ и ихъ желаніе меня погубить.

Между тѣмъ довѣріе Монарха ко мнѣ возрастало, и я получилъ отъ него много особенныхъ порученій, не касающихся до моего поста. Между прочимъ былъ назначенъ комитетъ для розысканія причинъ, почему кончавшійся тогда откупъ составлялъ долгъ откупщиковъ въ 15 милліоновъ. Государь, по собственному побужденію, самъ избралъ меня въ члены сего комитета, къ великой досадѣ всѣхъ прочихъ сочленовъ, и сказалъ мнѣ слѣдующее: „Я васъ избралъ членомъ сего комитета, зная вашу правоту и обширныя познанія по сей части. Вы тутъ членъ съ моей стороны. Не опасайтесь ничего и надѣйтесь твердо на меня". Комитетъ этотъ состоялъ изъ слѣдующихъ особъ: предсѣдателя—дѣйствительнаго тайнаго совѣтника 1-го класса князя Лопухина, графа Кочубея, министра финансовъ Гурьева, Василія Степановича Попова и меня. Въ этомъ комитетѣ, послѣ долгаго разсужденія объ отчетахъ министра финансовъ, доказалъ я по сему предмету: во 1-хъ, что причиною такой значительной недоимки было ничто другое, какъ условія самаго откупа, которыя содержали такое удобство къ обману для откупщиковъ, что послѣдствія онаго должны быть очень невыгодны для казны; во 2-хъ, что какъ министръ финансовъ, такъ

и Сенатъ не имѣли права допустить недоимочную сумму до такого возрастанія, такъ какъ они могли видѣть, что залоги не составляли и половины цѣны того долга, который они должны были обезпечить. Ежели бы взяли назадъ откупъ у откупщиковъ, какъ скоро недоимки достигли половины цѣны залоговъ, то казна бы ничего не потеряла, и эта мѣра была бы совершенно согласна съ условіями откупа. Прежде нежели внести мое мнѣніе въ комитетъ, я прочелъ его князю Лопухину, графу Кочубею и Попову. Всѣ они совершенно согласились со мною. Однакоже, когда я прочелъ бумагу въ полномъ собраніи комитета, то графъ Кочубей первый уговаривалъ меня взять ее назадъ, князь Лопухинъ тоже совѣтывалъ; но я требовалъ, чтобы эти господа оффиціально отдали ее мнѣ и составили бы журналъ въ комитетѣ, съ означеніемъ этого возвращенія. Этого они не хотѣли, и я не взялъ моей бумаги назадъ. Тогда Гурьевъ потребовалъ, чтобы ему отдали мою бумагу, для того чтобы онъ могъ написать на нее возраженіе, для своего оправданія. Я на это согласился и сказалъ, что ежели министръ финансовъ докажетъ мнѣ, что я ошибся въ какомъ нибудь пунктѣ моей бумаги, то я съ радостію въ этомъ сознàюсь и откажусь отъ своего мнѣнія. Чрезъ нѣсколько недѣль мы опять собрались, и возраженіе Гурьева было читано. Выслушавъ его, я объявилъ, что нахожу, что ни одинъ пунктъ моей бумаги не опровергнутъ и что многое въ самомъ возраженіи еще болѣе придаетъ силы моему мнѣнію и моей бумагѣ. Посему просилъ я, чтобы мнѣ отдали бумагу Гурьева, для возраженія съ моей стороны, потому что я имѣлъ такое же право этого требовать, какъ онъ, и такъ нельзя было бы мнѣ въ этомъ отказать, когда тоже самое дозволили Гурьеву. Но господа комитета всѣ воскликнули, что такая переписка между мною и Гурьевымъ не имѣла бы конца и отказали мнѣ рѣшительно. Я заставилъ записать въ журналъ этого засѣданія, что я хотѣлъ возраженіе Гурьева опровергнуть до основанія, но что комитетъ мнѣ этого не позволилъ. Очень сомнѣваюсь, чтобы Государь все это прочелъ; но знаю, что всѣ эти бумаги были разсмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ и слѣдствіемъ того было, что всѣ условія къ новому откупу, помѣщенныя мною въ той бумагѣ, которую Гурьевъ опровергалъ, были буквально и безъ всякаго измѣненія приняты и утверждены Государемъ. По этимъ условіямъ новый откупъ былъ отданъ на 4 года другимъ откупщикамъ, и въ эти 4 года не было ни копѣйки недоимки, и казна получила причитающіеся ей 60 милліоновъ правильно и безъ остановки при концѣ 4-хъ лѣтъ, чего еще не было во все существованіе откуповъ, въ теченіе 90 лѣтъ. Комитетъ этотъ былъ распущенъ по окончаніи этихъ дѣлъ, и члены онаго были награждены слѣдующимъ образомъ: князь Лопухинъ сдѣланъ былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ 1-го класса, графъ Кочубей и Гурьевъ получили орденъ Владиміра 1-й степени, а Поповъ табакерку съ портретомъ Императора, украшенную алмазами, а я—не получилъ ничего, даже никакой благодарности.

Доказательствомъ того, что Государь былъ доволенъ моимъ поведеніемъ въ этомъ комитетѣ служитъ то, что, пока Его Величе-

ство былъ въ арміи, учрежденъ былъ въ Сенатѣ второй комитетъ для изслѣдованія откупнаго управленія и накопившихся въ немъ недоимокъ въ каждой губерніи во всемъ государствѣ. Этотъ комитетъ состоялъ изъ трехъ сенаторовъ: Донаурова, князя Сергѣя Салтыкова и Захарова. Государь возвратился изъ арміи и, увидя, изъ какихъ членовъ составленъ этотъ комитетъ, сказалъ Аракчееву: „Почему Пестеля нѣтъ въ семъ комитетѣ? Его не жалуютъ они. Скажите, что я Пестеля туда назначаю, какъ облеченнаго моею довѣренностію.“ И я сдѣлался членомъ сего комитета. Вступивъ въ него, нашелъ я, что factotum этого комитета былъ сенаторъ Захаровъ, человѣкъ корыстолюбивый, покровительствующій плутамъ между откупщиками и находящій посему свою выгоду въ томъ, чтобы какъ можно долѣе продлить существованіе этого комитета, для того чтобы болѣе брать съ откупщиковъ. Этотъ Захаровъ уже 18 дѣлъ отослалъ въ губерніи, для новаго переизслѣдованія, безъ всякой достаточной причины къ тому. Онъ хотѣлъ далѣе слѣдовать такимъ образомъ своему плану; но я сильно воспротивился этому, и нѣсколько дѣлъ были рѣшены, хотя съ великою медленностію. Однажды Государь спросилъ меня: какъ я думаю, во сколько времени нашъ комитетъ кончитъ свои дѣла? Я отвѣчалъ, что не прежде, какъ въ десять лѣтъ, ежели дѣла будутъ производиться по принятому до меня правилу. „Что же тутъ дѣлать?“ спросилъ Государь. Я отвѣчалъ: „Прикажите, Ваше Величество, чтобы мы въ три мѣсяца всѣ эти дѣла кончили“. Это повелѣніе послѣдовало, и въ два мѣсяца мы все кончили. И тутъ я не получилъ даже благодарности. Въ моихъ засѣданіяхъ въ Сенатѣ, какъ генералъ-губернаторъ Сибири, имѣлъ я много прѣній съ моими товарищами, которые отчасти хотѣли быть несправедливы, отчасти по недостатку знанія держались мнѣнія секретарей, которые объясняли имъ дѣла по своему произволу, и это умножало число моихъ враговъ и противниковъ.

Когда Государь въ 1814 году отъѣзжалъ въ армію, я былъ у него. Онъ былъ чрезвычайно милостивъ ко мнѣ, приказалъ мнѣ въ моихъ нуждахъ прямо обращаться къ нему, и когда я сталъ съ нимъ прощаться, онъ обнялъ меня и сказалъ: „Прикажите Оленину (который былъ тогда исполняющимъ должность государственнаго секретаря, такъ какъ Сперанскій былъ тогда отставленъ и сосланъ) „прикажите Оленину напомнить мнѣ, чтобы васъ сдѣлать членомъ Государственнаго Совѣта.“ На другой день сообщилъ я Оленину милостивое повелѣніе Государя. Онъ поднесъ его Монарху. Его Величеству не понравилось, что я сдѣлалъ это письменно, и я только чрезъ два года, т. е. въ 1816 г. былъ сдѣланъ членомъ Совѣта. Императоръ уѣхалъ. Въ его отсутствіи получилъ я донесенія, которыя меня принудили просить, объ отставкѣ Иркутскаго вице-губернатора ст. совѣтника Левицкаго (такъ какъ онъ по Иркутскимъ виннымъ откупамъ дѣлалъ ужаснѣйшія распоряженія въ Казенной Палатѣ къ убытку казнѣ и не оказывалъ мнѣ ни малѣйшаго послушанія, полагаясь на покровительство Гурьева, моего величайшаго врага). Я написалъ Монарху и представилъ ему

все это дѣло, но не получилъ никакого отвѣта. Наконецъ, послѣ нѣсколько разъ возобновляемыхъ прошеній къ Государю, воспослѣдовало чрезъ графа Аракчеева (который былъ тогда особенно ко мнѣ расположенъ) высочайшее повелѣніе, чтобы всѣ дѣла, касающіяся до Левицкаго, были разсмотрѣны въ особенномъ Сибирскомъ комитетѣ, въ которомъ я долженъ былъ быть членомъ. Этотъ комитетъ былъ составленъ изъ моихъ величайшихъ враговъ: графъ Кочубей былъ предсѣдатель, а члены были, по старшинству чина, я, баронъ Кампенгаузенъ (государственный контролеръ), князь Голицынъ, министръ просвѣщенія и Гурьевъ, котораго называю послѣднимъ, потому что онъ отказался отъ засѣданія въ этомъ комитетѣ. Директоромъ канцеляріи былъ назначенъ колежскій совѣтникъ (который теперь уже дѣйствительный статскій совѣтникъ) Михаиловъ, бывшій тогда директоромъ канцеляріи при баронѣ Кампенгаузенѣ. Онъ былъ подкупленъ приверженцами Левицкаго, и мои сочлены, зная великій кредитъ Гурьева и не доброжелательствуя мнѣ, дѣлали величайшія мнѣ привязки. Все было ведено къ пользѣ Левицкаго, но меня ни въ чемъ не могли обвинить. Важнѣйшее изъ дѣлъ, касающихся Левицкаго, было отложено до конца, ибо не было никакой возможности его оправдать, какъ этого ни желали. Этотъ комитетъ длился нѣсколько лѣтъ, и я не могъ, при всѣхъ моихъ стараніяхъ, сдѣлать ему конецъ. Между тѣмъ кредитъ Гурьева сталъ упадать, и слухъ разнесся (не безъ основанія), что я буду вмѣсто него министромъ финансовъ. Тогда графъ Кочубей сказалъ мнѣ, что онъ хочетъ со мною пересмотрѣть журналъ Сибирскаго комитета по дѣлу Левицкаго и узнать предварительно мое мнѣніе о немъ, чтобы окончить это дѣло по моему желанію. Я просилъ его назначить къ тому день. Вмѣсто того, когда Государь возвратился и кредитъ Гурьева очевидно поднялся, такъ что онъ даже получилъ Андреевскую ленту, то графъ Кочубей и другіе члены, баронъ Кампенгаузенъ и князь Голицынъ, подписали журналъ, по которому, сообразно желанію Гурьева, Левицкій былъ оправданъ, и вся его вина отнесена на счетъ Трескина, Иркутскаго губернатора. Графъ Кочубей взялъ отпускъ, для путешествія въ чужіе края и за нѣсколько дней до отъѣзда послалъ мнѣ для подписанія этотъ безсовѣстный журналъ. Я оставилъ его у себя, и въ послѣдствіи внесъ его съ моимъ возраженіемъ въ Комитетъ Министровъ, гдѣ онъ лежалъ нѣсколько лѣтъ и наконецъ отосланъ былъ въ Сенатъ. Первое явное доказательство, что мои враги повредили мнѣ въ мнѣніи Монарха, увидѣлъ я въ слѣдующемъ, Туруханскомъ дѣлѣ.

Въ Томской губерніи находится большой, совершенно необитаемый уѣздъ, по имени Туруханскій, состоящій по большой части изъ совершенно непроходимыхъ мѣстъ, дремучихъ лѣсовъ и болотъ и примыкающій къ Ледовитому морю. Въ этой обширной провинціи находятся кочевые народы, не имѣющіе никакого понятія о землedѣліи, невозможномъ въ такой безплодной землѣ, и потому не привыкшіе къ пищѣ, свойственной хлѣбопашцамъ: они имѣютъ даже нѣкоторое отвращеніе отъ печенаго хлѣба и только въ крайно-

сти рѣшаются смѣшать муку съ водою для питья. Эти народы съ самаго своего существованія всегда питались рыбною ловлею и охотою въ густыхъ лѣсахъ, и подати, платимыя ими казнѣ, состоятъ изъ шкуръ тѣхъ звѣрей, ловля которыхъ составляетъ ихъ единственное занятіе. Они отправляются на охоту на лыжахъ и отлучаются иногда на нѣсколько лѣтъ отъ тѣхъ странъ, гдѣ находится ихъ настоящее мѣстопребываніе, потому что по своей кочевой жизни они конечно не могутъ имѣть постояннаго жительства. Когда они, находясь въ дремучихъ лѣсахъ, претерпѣваютъ неудачу въ звѣриной ловлѣ, то многіе умираютъ отъ голода, а оставшіеся живыми съѣдаютъ ихъ тѣла. При моихъ предшественникахъ до ста и болѣе людей бывали найдены мертвыми или съѣденными своими товарищами. Каждый разъ число погибшихъ такимъ образомъ было означаемо въ мѣсячныхъ донесеніяхъ, и эти донесенія получалъ Сенатъ, а чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ и самъ Государь.

При вступленіи моемъ въ должность генералъ-губернатора, принялъ я, для предупрежденія сего бѣдствія, всевозможныя мѣры, которыхъ исчислять здѣсь было бы слишкомъ долго, и наконецъ довелъ до того, что число погибшихъ вышеозначеннымъ образомъ ежегодно уменьшалось. При Томскомъ губернаторѣ фонъ-Бринѣ умерло не болѣе 56 человѣкъ, при Марченкѣ 42, при Илличевскомъ только 18. Каждый разъ тогдашній губернаторъ доносилъ о томъ Сенату, а я, какъ генералъ-губернаторъ, Государю. Каждый разь эти донесенія принимались за извѣстія и оставались безъ всякихъ послѣдствій. Донесеніе же мое о 18 человѣкахъ, погибшихъ во время управленія Томскою губерніею губернаторомъ Илличевскимъ, было послано Государемъ тайно съ тѣмъ, чтобы я ничего о томъ не зналъ, генералъ-лейтенанту Глазенапу, начальствующему тогда надъ войскомъ въ Сибири и который по моей инструкціи долженъ былъ состоять, со всѣмъ ввѣреннымъ ему войскомъ, подъ моею командою, а теперь получилъ приказаніе произвести тайное слѣдствіе: отъ чего эти 18 человѣкъ погибли, и не виновато ли въ томъ мѣстное гражданское начальство [5]).

Разумѣется, Глазенапъ былъ очень радъ этому случаю мнѣ вредить. Онъ отправилъ съ тайными приказаніями отъ себя одного аудитора, котораго я нѣсколько разъ уже обличалъ въ лихоимствѣ и потому требовалъ отъ Глазенапа, чтобы онъ отдалъ его подъ судъ. И такъ этотъ человѣкъ находилъ свою выгоду въ томъ, чтобы мнѣ вредить. Онъ произвелъ слѣдствіе, въ которомъ привелъ въ свидѣтели величайшихъ плутовъ между ссыльными, сочинилъ самые нелѣпые и лживые вымыслы и описалъ никогда небывалыя происшествія. Глазенапъ еще столько увеличилъ эти лживые вымыслы въ своемъ донесеніи къ Государю, что Монархъ выразился графу Аракчееву очень немилостиво на счетъ меня и моего управленія. Я написалъ Государю и просилъ позволенія явиться передъ нимъ, для оправданія себя въ вслѣдствіи, учиненномъ Глазенапомъ. Государь велѣлъ мнѣ сказать, чтобы я ему письменно объяснилъ то,

[5]) Какъ видно въ этомъ человѣколюбивое сердце императора Александра Павловича. *П. Б.*

что̀ хочу сказать словесно, потому что вслѣдствіе моего продолжительнаго отсутствія изъ Сибири я не могу имѣть никакихъ нужныхъ для него свѣдѣній. Это сказалъ мнѣ графъ Аракчеевъ отъ имени Государя 2 Апрѣля 1817 года. Я не успѣлъ еще подать никакой бумаги на сей счетъ, какъ 13 Апрѣля графъ Аракчеевъ пригласилъ меня къ себѣ и отъ имени Государя сказалъ мнѣ: „Такъ какъ по слѣдствію, произведенному Глазенапомъ на счетъ Туруханскихъ происшествій, мнѣ невозможно оставаться долѣе Сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, то Государь приказалъ записать въ журналъ Комитета Министровъ слѣдующій имянной указъ: Томскій губернаторъ Илличевскій отрѣшается отъ своей должности и отдается подъ судъ въ Сенатъ; а такъ какъ я чрезъ это дѣло лишился довѣрія Государя, то не могу болѣе оставаться генералъ-губернаторомъ, и вмѣсто меня назначается Глазенапъ генералъ-губернаторомъ въ Сибири". Аракчеевъ прибавилъ, что Государь оставляетъ меня членомъ Сената и сенаторомъ. Я отвѣчалъ съ твердостію: „Ежели я долженъ лишиться содержанія генералъ-губернатора, то мнѣ нечѣмъ жить въ столицѣ съ многочисленнымъ своимъ семействомъ, и мнѣ должно будетъ ходить пѣшкомъ въ Совѣтъ и Сенатъ. При томъ же я угнетенъ долгами, такъ какъ, будучи честнымъ человѣкомъ, ничего не пріобрѣлъ въ службѣ кромѣ долговъ и совершенно раззоренъ. Впрочемъ прошу разсудить: справедливо ли и достойно ли это нашего Государя, по одному только донесенію моего врага Глазенапа, о которомъ самъ Государь мнѣ часто говорилъ, что имѣетъ невыгодное мнѣніе на счетъ его правилъ честности, и что управленіе ввѣреннаго ему корпуса находится въ совершенномъ безпорядкѣ, справедливо ли, говорю я, по одному только одностороннему обвиненію подобнаго человѣка,—меня, который всегда служилъ съ честію и безкорыстіемъ, отставить съ такимъ унизительнымъ объявленіемъ самаго Монарха, не выслушавъ меня даже прежде и лишивъ меня такимъ образомъ всѣхъ средствъ къ оправданію?" Я сказалъ все это съ такимъ жаромъ, что графъ Аракчеевъ былъ потрясенъ и просилъ меня успокоиться, прибавивъ: „Я еще не велѣлъ внести повелѣнія Монарха въ журналъ Комитета и представлю Государю ваше объясненіе".

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора послѣдовалъ высочайшій имянной указъ Комитету Министровъ, чтобы всѣ присланныя отъ Глазенапа бумаги по Туруханскому дѣлу были отосланы ко мнѣ. Я ихъ получилъ и внесъ въ Комитетъ подробное и очень основательное опроверженіе на оныя. Дѣло это было разсмотрѣно въ Комитетѣ съ великою строгостію, и слѣдствіемъ того было, что не только я, но и губернаторъ Илличевскій были оправданы; но Комитетъ призналъ еще, что никогда никто изъ моихъ предшественниковъ не принималъ столь дѣятельныхъ и благоразумныхъ мѣръ противъ подобнаго злоупотребленія, какъ я это сдѣлалъ. Этотъ журналъ былъ поднесенъ Государю, который прочелъ его очень внимательно и наконецъ подписалъ его собствен-

норучно. Тѣмъ кончилось это дѣло, причинившее мнѣ столько огорченія и оскорбленій.

Послѣ этого просилъ я графа Аракчеева донести Государю, что я прошу освободить меня отъ должности генералъ-губернатора Сибири, и такъ какъ я, лишаясь при томъ всего содержанія, сопряженнаго съ этимъ постомъ, не могу безъ онаго жить на службѣ съ моимъ многочисленнымъ семействомъ, то прошу совсѣмъ меня отъ службы уволить. Графъ Аракчеевъ отвѣчалъ мнѣ, чтобы я былъ спокоенъ, увѣряя меня своею честію, что Государь имѣетъ такое выгодное мнѣніе обо мнѣ, какое бы онъ очень желалъ, чтобы Государь всегда о немъ имѣлъ. Я возразилъ, что не имѣю въ томъ никакого доказательства, а напротивъ того могу упомянуть о многихъ признакахъ противнаго, между прочимъ о томъ, что я едва не былъ безъ всякаго оправданія отставленъ отъ должности генералъ-губернатора и что ежели я неизбѣжно долженъ возвратиться къ моему посту Сибирскаго генералъ-губернатора, то прошу убѣдительно дать мнѣ ту инструкцію, о которой умоляю съ 1809 года и безъ которой я ни подъ какимъ условіемъ не возвращусь въ Сибирь. „Не помышляйте о возвращеніи туда", сказалъ графъ Аракчеевъ. „Государь имѣетъ совсѣмъ другія намѣренія на вашъ счетъ. Онъ хочетъ васъ сдѣлать министромъ полиціи" (что́ теперь внутреннихъ дѣлъ). Я отвѣчалъ: „Какой могу я быть министръ полиціи! Когда я теперь, будучи генералъ-губернаторомъ, не могу защитить трехъ губерній противъ моихъ враговъ, то какъ же могу я защитить 52?" Онъ возразилъ: „Тогда все будетъ для васъ иначе, нежели теперь".

Съ того времени не было уже болѣе рѣчи о министерствѣ полиціи для меня. Я остался генералъ-губернаторомъ со всѣми непріятностями, которыя имѣлъ я съ самаго вступленія моего въ сію должность до 22 Марта 1819 года, когда тайный совѣтникъ Сперанскій былъ назначенъ на мое мѣсто, а я остался членомъ Совѣта и сенаторомъ 1-го департамента Сената. Мое содержаніе тогда состояло: въ 3000 р. ассигн. сенаторскаго жалованья, 3000 р. пенсіи, полученной мною пожизненно въ 1801 году и 3000 р. столовыхъ, пожалованныхъ мнѣ въ 1804 году въ награжденіе за обревизованіе Казанской губерніи. Но я лишался 12000 р. генералъ-губернаторскаго жалованья и 6000 руб. для объѣзда губерній [6]).

Такъ какъ Сперанскій поступалъ на мое мѣсто съ повелѣніемъ произвести строжайшее слѣдствіе на счетъ меня и трехъ Сибирскихъ губернаторовъ, Тобольскаго, Томскаго и Иркутскаго, то я полагалъ, что долженъ спокойно дожидаться окончанія онаго, будучи убѣжденъ совѣстію своею, что ничего вреднаго не можетъ произойдти отъ сего слѣдствія; потому что я считалъ г. Сперанскаго совсѣмъ другимъ человѣкомъ, нежели какъ онъ себя послѣ оказалъ.

Поводомъ къ моему удаленію и назначенію Сперанскаго было слѣдующее. Въ Иркутской губерніи жилъ уже 30 лѣтъ одинъ человѣкъ по имени Гарновскій, который былъ въ это время нѣ-

---

[6]) Читатели припомнятъ тогдашнюю страшную дороговизну. *П. Б.*

сколько разъ подъ уголовнымъ судомъ и три раза Сенатомъ отставленъ, какъ человѣкъ вредный для службы, съ тѣмъ, чтобы ни къ какой должности не былъ болѣе опредѣленъ. Не смотря на то, онъ, посредствомъ своего пронырливаго духа, всякій разъ находилъ опять средства ко вступленію въ казенную службу и такимъ образомъ былъ три раза снова опредѣленъ къ разнымъ должностямъ въ Иркутской губерніи. Когда я прибылъ въ Иркутскъ генералъ-губернаторомъ, этотъ низкій и опасный человѣкъ, истинная чума для всей губерніи, былъ надворнымъ совѣтникомъ и предсѣдателемъ Уголовной Палаты. Когда вышеописанное откупное дѣло Передовщикова было передано въ Уголовную Палату, то этотъ Гарновскій былъ главный покровитель Передовщикова, и у сего послѣдняго нашли просьбы, писанныя противъ меня и губернатора Трескина и къ оправданію гнусныхъ поступковъ Передовщикова. Эти просьбы были или поправлены рукою Гарновскаго или совершенно имъ написаны, и Передовщиковъ въ свою защиту нѣкоторыя изъ нихъ послалъ въ Петербургъ Государю, министру и Сенату; нѣкоторыя же подалъ въ Уголовную Палату, гдѣ Гарновскій былъ предсѣдателемъ. Это было первымъ поводомъ къ тому, что Гарновскій не могъ оставаться судьею въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ былъ самъ столь дѣятельнымъ стряпчимъ. По моему представленію былъ онъ отставленъ отъ мѣста предсѣдателя Уголовной Палаты и именнымъ указомъ отданъ подъ судъ въ Сенатъ, какъ человѣкъ опасный для Сибирскихъ губерній и нетерпимый ни въ какой казенной службѣ. Въ послѣдствіи времени, произнесенный надъ нимъ приговоръ Уголовной Палаты поступилъ въ Сенатъ, но остался въ немъ лежать безъ рѣшенія. Этотъ Гарновскій, отставленный такимъ образомъ въ 4-й разъ въ 1807 г. жилъ въ Иркутскѣ и въ своемъ имѣніи близь сего города до 1809 года, не обнаруживая открыто своихъ происковъ. Однакожъ всѣмъ было извѣстно, что онъ покровительствовалъ всѣмъ недовольнымъ и подсудимымъ и писалъ для нихъ прошенія и другія бумаги, самыя лживыя и язвительныя. Этимъ онъ очень много нажилъ, такъ какъ всѣ, кому онъ писалъ бумаги, должны были платить ему значительныя суммы. Этотъ Гарновскій, съ перваго времени своего пребыванія въ Сибири (т. е. въ теченіи 30 лѣтъ), занимался ремесломъ стряпчаго за всѣхъ плутовъ въ Сибири и чрезъ то очень разбогатѣлъ и пріобрѣлъ себѣ пріятелей въ Петербургѣ, въ Сенатѣ и во всѣхъ канцеляріяхъ министровъ, которые вели съ нимъ постоянную переписку и покровительствовали не только ему, но всѣмъ тѣмъ, для кого онъ писалъ бумаги. Онъ же былъ въ большой дружбѣ съ Иркутскимъ архіереемъ Михаиломъ; такъ какъ сей послѣдній былъ великій любитель выпить, то они проводили въ томъ вмѣстѣ цѣлыя недѣли. Разумѣется, что при такомъ архіереѣ большая часть священниковъ были преданы пьянству, которое вообще весьма обыкновенный порокъ въ Сибири. Эти священники обязаны были стараться о распространеніи христіанской религіи между Сибирскими идолопоклонниками. Вмѣсто того они разъѣзжали по губерніи и грабили эти же народы. Мнѣ и губернатору часто при-

носили жалобы на священниковъ. При слѣдствіяхъ возникали безпрестанныя распри между губернаторомъ и архіереемъ, который защищалъ пьяныхъ поповъ; а Гарновскій пользовался этими обстоятельствами, чтобы возбуждать архіерея противъ губернатора, и это ему такъ удалось, что преосвященный писалъ князю Голицыну, министру духовныхъ дѣлъ, доносъ на губернатора Трескина. Но, чтобы этому доносу придать болѣе силы, послалъ Гарновскій подобный же министру юстиціи. Такъ какъ оба доноса были сочинены Гарновскимъ, то они разумѣется во всемъ согласовались. Эти обѣ ничтожныя бумаги, наполненныя ложными вымыслами, были внесены министромъ юстиціи и министромъ духовныхъ дѣлъ въ Комитетъ Министровъ; но Государь приказалъ препроводить ихъ предварительно на разсмотрѣніе ко мнѣ, какъ генералъ-губернатору. Мнѣ не трудно было ихъ разобрать и важнѣйшія статьи опровергнуть, такъ какъ въ моей канцеляріи находились многіе документы, могущіе служить къ опроверженію и оправданію противъ сихъ обвиненій. Чтò же касается до обстоятельствъ, требующихъ мѣстнаго изслѣдованія, то я поручилъ губернатору Трескину произвести оное, и когда у меня все было готово, то я послалъ это образцовое (какъ я по совѣсти могу его назвать) возраженіе въ Комитетъ Министровъ, сказавъ въ заключеніи моего донесенія, что „такъ какъ я въ этомъ дѣлѣ не могу быть самъ судьею и обвиняемымъ, то прошу, чтобы Монархъ самъ избралъ надежнаго и его довѣренности достойнаго человѣка, который могъ бы на мѣстѣ удостовѣриться во всемъ томъ, чтò я помѣстилъ въ своемъ оправданіи". Комитетъ Министровъ не могъ ничего найдти къ ослабленію, а тѣмъ менѣе къ опроверженію моего оправданія. „Хотя, такъ сказано въ резолюціи Комитета Министровъ, хотя генералъ-губернаторъ совершенно опровергъ доносъ Гарновскаго, однакожъ все бы лучше было послать двухъ сенаторовъ, чтобы произвести на мѣстѣ слѣдствіе въ Иркутской губерніи (до которой доносъ Гарновскаго только и относился); при семъ же случаѣ сенаторы могли бы обревизовать и другія двѣ губерніи Сибири, Тобольскую и Томскую, чтобы удостовѣриться, не окажутся ли въ нихъ какіе нибудь безпорядки, такъ какъ генералъ-губернаторъ столько лѣтъ не былъ во ввѣренныхъ ему губерніяхъ". Нѣкоторые члены Комитета Министровъ, какъ то графъ Кочубей, графъ Гурьевъ, баронъ Кампенгаузенъ, князь Голицынъ, были того мнѣнія, чтобы мнѣ не оставаться болѣе генералъ-губернаторомъ, для того, чтобы облегчить сенаторамъ производство слѣдствія, такъ какъ многое могло не обнаруживаться изъ страха отъ генералъ-губернатора. Этотъ журналъ былъ отосланъ Государю на подтвержденіе и остался почти цѣлый годъ въ его кабинетѣ безъ всякаго рѣшенія. Между тѣмъ мои враги сильно дѣйствовали противъ меня, и хотя я нѣсколько разъ повторялъ Монарху мою просьбу о частной аудіенціи въ его кабинетѣ, подобно тому какъ я прежде столь часто и съ такимъ счастливымъ успѣхомъ ею пользовался, однакожъ никогда не получалъ отвѣта на столь часто повторяемую мою просьбу. Охотно бы подалъ я прошеніе о совершенной отставкѣ меня отъ службы,

чтобы не увеличивать ежегодно моихъ долговъ чрезъ пребываніе въ Петербургѣ; но, чтò тутъ было дѣлать? Не приняли ль бы это за доказательство, что я боюсь слѣдствія? И такъ я долженъ былъ противъ воли оставаться въ покоѣ и съ терпѣніемъ ожидать моей судьбы.

Наконецъ, совсѣмъ неожиданно, вышелъ имянной указъ Государя Комитету Министровъ и Сенату отъ 22 Марта 1819 года, въ которомъ было сказано, что тогдашній Пензенскій губернаторъ тайный совѣтникъ Сперанскій назначенъ генералъ-губернаторомъ Сибири. Про меня не было упомянуто ни однимъ словомъ, такъ что послѣ этого указа я даже не зналъ, считаюсь ли еще на службѣ или исключенъ. Я отправился къ князю Лопухину, бывшему тогда предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и спросилъ его: остаюсь ли я еще, послѣ сего указа, членомъ Государственнаго Совѣта и долженъ ли еще засѣдать въ Совѣтѣ и 1-мъ департаментѣ Сената, гдѣ былъ сенаторомъ? Онъ отвѣчалъ, что не можетъ этого рѣшить, и посовѣтовалъ мнѣ сказаться больнымъ, для того чтобы не подвергаться оскорбленію отказа, когда пріѣду въ Совѣтъ или въ Сенатъ. Но я не послѣдовалъ его совѣту, чтобы не дать моимъ врагамъ случая объяснить мою отлучку отъ службы невыгодно для меня. Я ѣздилъ въ Совѣтъ, также какъ и прежде и продолжалъ мою службу какъ въ немъ, такъ и въ Сенатѣ, до той минуты, какъ я былъ отставленъ 26 Января 1822 года.

Теперь мнѣ еще менѣе можно было оставить службу, такъ какъ Сперанскій получилъ повелѣніе строжайше обревизовать ввѣренныя мнѣ прежде губерніи и обо всемъ донести Монарху. Поэтому мнѣ невозможно было удалиться отъ службы, чтобы не дать повода къ новымъ проискамъ моихъ враговъ и къ новымъ подозрѣніямъ. Въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ Государь обходился со мною благосклонно; я былъ приглашаемъ, какъ членъ Совѣта, на всѣ празднества, какъ къ Императору, такъ и къ Императрицамъ и ко всей императорской фамиліи. Каждый разъ, когда въ какомъ нибудь департаментѣ Государственнаго Совѣта не доставало члена, то Монархъ самъ избиралъ меня на его мѣсто, хотя были другіе члены, которыхъ можно бы было избрать. Такимъ образомъ я былъ однажды въ одно время въ трехъ департаментахъ: въ департаментѣ законовъ, гдѣ была моя настоящая должность и также въ департаментѣ финансовъ и въ департаментѣ гражданскихъ дѣлъ. Это доказываетъ, что Государь не сомнѣвался въ моихъ способностяхъ и въ моемъ усердіи къ службѣ. Въ эти два года многія изъ поданныхъ мною мнѣній, которыя не были согласны съ большинствомъ голосовъ въ полномъ собраніи Государственнаго Совѣта и даже нѣкоторыя, противъ которыхъ всѣ прочіе члены спорили, были утверждены Государемъ, и при томъ сказано было: „быть по мнѣнію, поданному отъ тайнаго совѣтника Пестеля“. Тоже самое было и послѣ моей отставки съ нѣкоторыми моими мнѣніями, которыхъ Государь еще не разсматривалъ во время моей службы.

Сперанскій отправился изъ Пензы въ Сибирь въ Іюнѣ. Я немедленно отослалъ мою канцелярію со всѣми бумагами въ Тобольскъ,

гдѣ она должна была ожидать прибытія Сперанскаго. 22 Марта вышелъ указъ о назначеніи его генералъ-губернаторомъ Сибири, а въ Апрѣлѣ уже вся моя канцелярія, со всѣми бумагами и чиновниками, отправилась изъ Петербурга, потому что я уже давно приготовлялся къ сдачѣ этой канцеляріи, такъ какъ уже давно предвидѣлъ мое удаленіе отъ мѣста Сибирскаго генералъ-губернатора, особливо послѣ происшествія при случаѣ вышеупомянутаго Туруханскаго дѣла.

Сперанскій, въ донесеніи, присланномъ къ Монарху, просилъ, чтобы мнѣ приказали отправить мою канцелярію въ трехъ отдѣленіяхъ, т. е. въ 1-мъ отдѣленіи самыя нужныя бумаги, во 2-мъ менѣе важныя, а въ 3-мъ архивъ. Графъ Аракчеевъ сообщилъ мнѣ повелѣніе Государя оффиціальнымъ письмомъ, и я могъ отвѣчать, что я уже все отослалъ, такъ что у меня ни одной бумаги не осталось, потому что за три недѣли до полученія письма́ графа Аракчеева все уже было мною отправлено. Сперанскій принялъ всѣхъ моихъ чиновниковъ очень ласково, но довѣренности своей удостоилъ только тѣхъ, которые были мною недовольны; а такъ какъ таковыхъ было только двое, въ числѣ коихъ особенно отличался директоръ канцеляріи Шкляревскій, то со всѣми прочими онъ обходился съ недовѣрчивостію. Когда онъ прибылъ въ Тобольскъ, гдѣ своякъ мой фонъ-Бринъ былъ губернаторомъ, то увѣрялъ сего послѣдняго нѣсколько разъ, что считаетъ меня за одного изъ честнѣйшихъ и самыхъ знающихъ мужей въ государствѣ и увѣренъ, что все, что̀ со мною случилось, произошло только отъ происковъ и недоброжелательства, но что онъ конечно докажетъ, что честные люди всегда бываютъ заодно, и потомъ просилъ его (т. е. Брина) совершенно успокоить меня. Брину сдѣлалъ онъ выгоднѣйшія обѣщанія, но ни одного не исполнилъ. Однакожъ его изслѣдованія въ Тобольской губерніи были справедливы, и онъ не притѣснялъ Брина. Съ чиновниками, которыхъ нашелъ виновными въ худомъ исполненіи ихъ должностей, обходился онъ снисходительно. Тѣмъ, которыхъ считалъ вредными, посовѣтывалъ выдти въ отставку, и видно было, что онъ хотѣлъ поступать кротко и особенно безъ притѣсненій и совѣстливо, не такъ, какъ онъ это сдѣлалъ въ послѣдствіи. Но, когда это узнали мои враги въ Петербургѣ, то написали ему, что такими поступками онъ никому не понравится, даже и самому Монарху. Тогда онъ, забывъ и совѣсть и правила свои, рѣшился распоряжаться такъ, чтобы найти какъ можно болѣе виновныхъ, а мое правленіе представить въ дурномъ видѣ. Ему особенно препоручали какъ можно строже обходиться съ губернаторомъ Трескинымъ. (Все это было неизвѣстно Государю). Въ Томской губерніи онъ старался всевозможно найти все худымъ, особенно ободрялъ тѣхъ, которые взводили какія нибудь обвиненія на губернатора и покровительствовалъ имъ. Въ Иркутской губерніи употребилъ онъ самыя непозволительныя и безсовѣстныя средства, чтобы вредить губернатору Трескину. Гнусному главному доносчику Гарновскому поручилъ онъ сочинить планъ къ произ-

водству слѣдствія на счетъ Трескина и этому плану слѣдовалъ въ точности. Онъ учредилъ четыре комитета къ разсмотрѣнію всѣхъ доносовъ и мнимыхъ безпорядковъ, о которыхъ ему говорили; въ эти комитеты помѣстилъ онъ членами самихъ доносчиковъ, которые по закону и справедливости не могутъ быть въ одно время обвинителями и судьями. Всѣхъ недовольныхъ, которые за лихоимство были мною отставлены и большею частію находились подъ судомъ, или были законнымъ порядкомъ уже осуждены, опредѣлилъ онъ опять въ службу и употреблялъ ихъ при всѣхъ слѣдствіяхъ. Что же другаго могло изъ сего произойти, какъ то, что всѣ плуты были оправданы, а всѣ честные люди обвинены? Такъ и случилось? 678 человѣкъ были обвинены въ лихоимствѣ, котораго никто не могъ доказать. Стоитъ только прочесть указъ, вышедшій на счетъ этого обревизованія, то можно удостовѣриться въ томъ, что 678 человѣкъ по одному только подозрѣнію, возбужденному безсовѣстными доносами величайшихъ и извѣстнѣйшихъ плутовъ Сибири, были отчасти наказаны, отчасти отданы на 10 лѣтъ подъ присмотръ полиціи; губернаторы же, Томскій и Иркутскій, отъ которыхъ Сперанскій никогда ни малѣйшаго оправданія не спрашивалъ, были сперва отставлены отъ ихъ должности, а потомъ отданы подъ судъ въ Сенатъ! И такъ они могли еще оправдаться, а были уже наказаны.

Я, какъ генералъ-губернаторъ, былъ обвиненъ: 1) въ томъ, что далъ слишкомъ много власти губернаторамъ. Выше было уже сказано, что Сенату и министру полиціи было, въ продолженіи 14 лѣтъ, извѣстно, какую власть я далъ губернаторамъ при отъѣздѣ моемъ изъ Сибири, и они эту мѣру не охуждали; 2) что я защищалъ губернаторовъ въ ихъ противозаконныхъ поступкахъ; но были ль эти поступки противозаконными или нѣтъ, это еще долженъ былъ рѣшить Сенатъ; 3) что я 12 лѣтъ жилъ въ отдаленіи отъ ввѣренныхъ мнѣ губерній. Я уже объяснилъ, за чѣмъ я жилъ въ Петербургѣ и что я нѣсколько разъ письменно и словесно настоятельно просилъ уволить меня отъ управленія сихъ губерній, а Государь самъ мнѣ въ этомъ отказывалъ, и когда даже Комитетъ Министровъ требовалъ, чтобы я отправился въ Сибирь, то Монархъ самъ на это не согласился.

Изъ всего этого видно, что все, въ чемъ меня обвиняли и за что я былъ отставленъ отъ службы, само собою оправдывается и ясно доказываетъ мою невинность. Я долженъ отвѣчать за губернаторовъ Томскаго и Иркутскаго; они же не были допрашиваемы на счетъ взведенныхъ на нихъ обвиненій и должны еще оправдываться въ Сенатѣ; а я нахожусь, послѣ 42 лѣтней вѣрной службы, исключенъ изъ службы безъ насущнаго хлѣба: ибо я ничего болѣе не сохранилъ, какъ 3000 р. пенсіи, назначенной мнѣ пожизненно въ 1801 году; у меня даже отняли 3000 р. столовыхъ, пожалованныхъ мнѣ въ 1804 году за обревизованіе Казанской губерніи. Если бы оба губернатора оправдались, то за что же меня отставили отъ службы? За что сенатскимъ указомъ опубликовали о томъ во всемъ

государствѣ, безъ соизволенія на то Монарха; ибо въ указѣ Государя ничего не сказано объ этомъ распубликованіи, касающагося до моей особы? Первый департаментъ Сената и не хотѣлъ этого сдѣлать, но Журавлевъ, директоръ канцеляріи министра юстиціи (прежде бывшій подчиненный и любимецъ Сперанскаго) настоялъ на томъ и послалъ отъ имени министра юстиціи записку по этому случаю оберъ-прокурору перваго департамента Сената, и сенаторы этого департамента перемѣнили свое первое рѣшеніе и циркулярнымъ указомъ распубликовали меня во всемъ государствѣ, вмѣстѣ съ тѣми, которые должны были 10 лѣтъ пробыть подъ присмотромъ полиціи и до которыхъ однихъ только и касалось повелѣніе Монарха о распубликованіи. Также помѣстили мое удаленіе отъ службы въ иностранныя газеты. Не знаю, кто это сдѣлалъ; но такъ какъ къ тому присоединена великая похвала Сперанскому, то это долженъ быть кто нибудь полагавшій тѣмъ ему угодить.

Послѣ всѣхъ этихъ печальныхъ и для меня оскорбительныхъ происшествій, остался я въ Петербургѣ, на сколько необходимо было для устройства съ моими заимодавцами, чтобы они позволили мнѣ выѣхать. Жена и дочь мои отправились въ Іюлѣ 1822 года къ нашимъ двоюроднымъ сестрамъ въ Псковскую губернію, такъ какъ въ собственной нашей деревнѣ не было устроеннаго дома. Я послѣдовалъ за ними въ Декабрѣ того же года.

По совѣсти могу сказать, что послѣ моей отставки нога моя не была въ домѣ какого нибудь министра, или другаго значительнаго человѣка. Я слишкомъ живо чувствовалъ свою невинность и всю несправедливость подобнаго со мною обращенія, чтобы съ кѣмъ нибудь объясниться на этотъ счетъ. Охотно бы просилъ я средствъ къ оправданію, но кто бы меня судилъ? Тѣже сильные люди, которые такъ много трудились, чтобы меня свергнуть. Мнѣ бы опять пришлось перенести столько оскорбленій, что онѣ сократили бы мою жизнь, которая была еще необходима моему семейству. Я долженъ былъ бы много лѣтъ прожить въ Петербургѣ, прежде нежели выслушали бы меня и рѣшили, какимъ образомъ всѣ мои оправданія уничтожить. Богу Всемогущему ввѣряю мое оправданіе. Ему все извѣстно, какъ я поступалъ, съ какими побужденіями и по какимъ правиламъ я дѣйствовалъ и служилъ. Да благословитъ Онъ умилосердиться надо мною и моимъ бѣднымъ семействомъ. Между тѣмъ я живу въ бѣдности и горѣ и посреди всякаго рода заботъ, въ незначительной деревнѣ жены моей, нашемъ единственномъ имѣніи. Вѣра, надежда и любовь моя ко Всемогущему и меня нѣкогда оправдаютъ и спокойно приведутъ меня къ концу жизни, въ которой я такъ много долженъ былъ страдать. Да не считаютъ меня только жена и дѣти мои виновнымъ, и да унесу я съ собою въ могилу удостовѣреніе ихъ уваженія и любви!

19 Іюня 1823 года прибылъ я съ женою и дочерью въ наше имѣніе Васильево, въ Смоленской губерніи. Отъ дороги мнѣ осталось только 75 руб. ассиг., съ которыми началъ я свое хозяйство въ деревнѣ. Мы должны были претерпѣвать великіе недостатки, ибо не-

урожайные годы 1820, 21 и 22 лишили насъ всѣхъ доходовъ отъ имѣнія, и часто случалось, что у меня копѣйки не было. Терпѣливо переносили я, жена и дочь мои нашу участь; однакожъ, когда заботы мои, особливо на счетъ уплаты моихъ многочисленныхъ долговъ, сдѣлались нестерпимы, то я рѣшился 17 Апрѣля 1824 года написать Государю и просить его о продолженіи моей аренды (которой срокъ кончался въ 1826 году, но которую я уже всю ассигновалъ моимъ заимодавцамъ) и 3000 р. столовыхъ, назначенныхъ мнѣ, когда я былъ сенаторомъ. Слѣдствіемъ сей просьбы моей былъ имянной указъ отъ 16 Іюня 1824 года министру финансовъ Канкрину о выдачѣ мнѣ ежегодно на будущее время 3000 р. столовыхъ. 23 Октября 1824 года я написалъ Монарху письмо, гдѣ изъявлялъ всю мою благодарность и подробно описывалъ мою 42-хъ лѣтнюю вѣрную и усердную службу. Это письмо передалъ Государь съ надписью: „доложить по прибытіи Миницкаго". Поводомъ къ сей резолюціи было слѣдующее обстоятельство. Степанъ Ивановичъ Миницкій былъ генералъ-губернаторомъ Вологды, Архангельска и Олонецка, и когда Государь проѣзжалъ чрезъ Вологду, то Миницкій сказалъ ему, что нѣкоторые купцы, проживавшіе во ввѣренныхъ ему губерніяхъ, съ чувствомъ хвалили ему мое управленіе во время моей службы въ Сибири и увѣряли, что слѣдствіе, произведенное Сперанскимъ, было самое безсовѣстное, какое только можно было себѣ представить, что всѣ его обвиненія основаны были на показаніяхъ величайшихъ негодяевъ Сибири, безъ всякаго формальнаго изслѣдованія и что обвиненнымъ не дано было никакого случая къ оправданію. Это объясненіе г. Миницкаго было тоже поводомъ къ тому, что Государь, получивъ третіе прошеніе Трескина объ окончаніи его дѣла, приказалъ чрезъ графа Аракчеева министру юстиціи князю Лобанову немедленно рѣшить въ Сенатѣ дѣло Трескина и велѣлъ статсъ-секретарю сообщить это приказаніе Трескину.

19 Февраля 1825 года снова написалъ я Государю письмо и просилъ о продолженіи моей аренды, которой срокъ кончался въ 1826 году и которая была необходима для уплаты моихъ долговъ. Это письмо было отослано по высочайшему повелѣнію 14 Марта 1825 года графомъ Аракчеевымъ министру финансовъ Канкрину, для исполненія моей просьбы. 12 Августа 1825 года вышелъ собственноручно Монархомъ подписанный приказъ министру финансовъ: удѣлить мнѣ въ Витебской губерніи на 12 лѣтъ аренду въ 3289 р., и такъ какъ эта аренда могла быть свободна только съ 1828 года, то велѣно было за 1826 и 1827 годы уплачивать такую же сумму изъ казны. Въ указѣ сказано: „не въ примѣръ другимъ", такъ какъ выплачиваніе арендныхъ суммъ до вступленія во владѣніе самой аренды было запрещено самимъ Монархомъ. Извѣстіе о сей милости Государя сообщилъ мнѣ оффиціально, какъ министръ финансовъ, такъ и статсъ-секретарь Муравьевъ, состоящій при собственной канцеляріи Монарха подъ начальствомъ графа Аракчеева.

*

Здѣсь прекращаются записки Ивана Борисовича Пестеля о службѣ его. Нужно замѣтить, что императоръ Александръ отправился скоро въ Таганрогъ и скончался, не видясь болѣе съ Миницкимъ; почему не извѣстно, съ какимъ намѣреніемъ Его Величество надписалъ на письмѣ Ивана Борисовича: „доложить по прибытіи Миницкаго“, и какое слѣдствіе могло бы оно имѣть.

Иванъ Борисовичь Пестель продолжалъ жить въ деревнѣ, Смоленской губерніи, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ и величайшимъ довѣріемъ всей губерніи, но ведя самый уединенный образъ жизни, посреди лишеній всякаго рода; потому что почти всѣ свои доходы посвящалъ на уплату 200,000 р. ассиг. долговъ, нажитыхъ имъ во время своей безкорыстной службы, продолжительнаго пребыванія съ многочисленнымъ семействомъ въ Петербургѣ, вынужденнаго вышеописанными обстоятельствами. Удовлетвореніе заимодавцевъ замедлялось уплатою процентовъ. Послѣ многихъ ужасныхъ семейныхъ ударовъ, растерзавшихъ его чувствительное сердце, онъ въ 1836 году лишился обожаемой супруги, томившейся 10 лѣтъ въ тяжкой болѣзни, отъ неописанной горести ея материнскаго сердца. Въ 1843 году, заплатя послѣдній долгъ свой, что всегда было его живѣйшимъ желаніемъ и постоянною цѣлію его стремленій, Иванъ Борисовичь Пестель тихо скончался въ г. Смоленскѣ, на рукахъ, единственной дочери, послѣ продолжительной болѣзни, на 78 году жизни своей, не оставивъ дѣтямъ своимъ ничего, кромѣ примѣра истинно-христіанской добродѣтели и глубокаго благоговѣнія къ его высокимъ достоинствамъ и строгимъ правиламъ.

III. Записка о генералъ-маіорѣ Куткинѣ [7]).

Въ 1811 году, когда я пріѣхалъ въ Тобольскъ, исторія Куткина была въ свѣжей памяти всѣхъ Тобольскихъ жителей, и во всѣхъ домахъ разсказывали, почти единогласно, о Куткинѣ слѣдующее.

Начальникъ Тобольской Провіантской Коммисіи, генералъ-маіоръ Ѳедоръ Тихоновичь Куткинъ былъ человѣкъ умный, хитрый и крайне самолюбивый. При предмѣстникѣ Пестеля, слабомъ генералъ-губернаторѣ Селифонтьевѣ, онъ имѣлъ большую силу не только по своей части, но вообще по гражданскому управленію всѣхъ Сибирскихъ губерній. Если кто хотѣлъ снискать милость Селифонтьева, тотъ долженъ былъ напередъ пріобрѣсти себѣ расположеніе Куткина, чрезъ котораго почти всѣ важнѣйшія дѣла обработывались. Избалованный такимъ образомъ, Куткинъ мечталъ и при Пестелѣ играть туже роль. Но Пестель былъ остороженъ; при томъ еще въ Петербургѣ, предъ отъѣздомъ своимъ въ Сибирь, онъ уже былъ предубѣжденъ противъ Куткина и имѣлъ въ своихъ рукахъ бумаги, переданныя кѣмъ-то изъ сильныхъ лицъ, съ замѣчаніемъ, что Куткинъ въ Сибири шалитъ, и его надобно унять.

Пестель, пріѣхавъ въ Тобольскъ, встрѣтился съ Куткинымъ не на званомъ обѣдѣ [8]), а принялъ его у себя вмѣстѣ съ прочими чи-

---

[7]) Кто именно писалъ эту записку, намъ неизвѣстно; видно только (стр. 411), что авторъ былъ совѣтникомъ Губернскаго Правленія въ Тобольскѣ. *П. Б.*

[8]) См. Жизнь Сперанскаго, II, 166.

новниками, обошелся съ нимъ вѣжливо и даже отплатилъ ему визитъ. Нѣсколько времени прошло благополучно. Пестель замаскировалъ себя притворною ласкою для того, чтобы ближе и короче узнать Куткина, а чрезъ агентовъ своихъ старался развѣдать подъ рукою о его поступкахъ по службѣ. Конечно нашлись недоброжелатели, которые, пользуясь случаемъ вредить Куткину, поносили его нарочно при такихъ лицахъ, которыя могли передавать все слышанное Пестелю. Сверхъ всего, въ канцеляріяхъ генералъ-губернаторской и Губернскаго Правленія отысканы были бумаги, открывавшія злоупотребленія провіантскихъ чиновниковъ и остававшіяся большею частію безъ движенія. Наконецъ уже и самъ Пестель сталъ получать отъ военнаго въ Сибири начальства жалобы на отпускаемый изъ провіантскихъ магазейновъ затхлый хлѣбъ и прижимки чиновниковъ и вахтеровъ при сдачѣ онаго.

Собравъ всѣ эти свѣдѣнія, Пестель все еще щадилъ Куткина; но, желая пресѣчь зло безъ дальняго шума, пригласилъ его къ себѣ и въ кабинетѣ при секретарѣ сказалъ ему: „Ваше превосходительство, вы имѣете враговъ и здѣсь, и въ Петербургѣ; у меня есть въ рукахъ на васъ доносы; можетъ быть, все это клевета, или можетъ быть ваши чиновники употребляютъ во зло ваше довѣріе: остерегитесь и удалите неблагонадежныхъ; со мною нельзя служить такъ, какъ съ Силифонтьевымъ". Это былъ громовый ударъ для самолюбія Куткина, и онъ такъ растерялся, что почти не могъ отвѣчать; но оправясь сталъ защищать себя и своихъ чиновниковъ. Пестель его прервалъ и сказалъ: „Я охотно вамъ вѣрю, и мнѣ весьма пріятно будетъ, если вы опровергнете клевету на самомъ дѣлѣ".

Вотъ начало, или лучше сказать, искра того пожара, который послѣ вспыхнулъ со всею силою на погибель Куткина. Еще можно было поправить дѣло; еще можно было помириться съ Пестелемъ, еслибъ Куткинъ послѣдовалъ его совѣту; но онъ, какъ избалованный, прежде никогда не получавшій подобныхъ наставленій, невоздержный и даже дерзкій на словахъ, сталъ вездѣ громко жаловаться на причиненную ему Пестелемъ обиду, хвастаться покровительствомъ Петербургскаго начальства и, насмѣхаясь, говорить, что этотъ вѣникъ (т. е. Пестель) теперь только шумитъ, но придетъ время, онъ обметется и будетъ голикъ: тогда мы возмемъ его въ свои руки! Конечно это дошло до Пестеля, и даже съ прибавленіями.

Вскорѣ послѣ сего дѣйствительно былъ непріятный разговоръ у Пестеля съ Куткинымъ на званомъ обѣдѣ у градскаго головы. Пестель обратился къ бывшимъ на обѣдѣ купцамъ съ вопросомъ: почему они уклоняются отъ подрядовъ и поставокъ въ казну провіанта въ Тобольской губерніи? Купцы отвѣчали: что они привыкли вести торговлю въ Кяхтѣ, гдѣ затрачиваютъ всѣ свои капиталы, и что торговля хлѣбомъ имъ незнакома и опасна. — Почему опасна? спросилъ Пестель: развѣ вы боитесь имѣть дѣло съ казною? Будьте увѣрены, что я не допущу притѣсненій, какія бывали здѣсь прежде по этой части.—Куткинъ принялъ этотъ намёкъ на

свой счетъ и тономъ раздраженнымъ сказалъ: Здѣсь никто никого не притѣснялъ при предмѣстникѣ вашемъ; когда вы лучше всмотритесь въ дѣло, то перемѣните невыгодное объ насъ мнѣніе. Этотъ колкій отвѣтъ вызвалъ судорожную улыбку у Пестеля, который, сказавъ: „увидимъ“, обратилъ разговоръ на другіе предметы.—Обѣдъ кончился. Пестель тотчасъ уѣхалъ, а Куткинъ, оставшись съ прочими гостьми и будучи разгоряченъ нѣсколькими бокалами шампанскаго вина, пуще прежняго сталъ хвастаться передъ купцами и говорить: „видите, какъ я озадачилъ этого лилипута; нѣтъ, онъ у меня немного возметъ“. Сими неблагоразумными поступками Куткинъ все болѣе и болѣе злилъ Пестеля и вызывалъ его съ собою на бой.

Пестель, увидѣвъ, что Куткинъ не смиряется и что нѣтъ уже надежды прекратить злоупотребленія въ провіантской части кроткими мѣрами, пустилъ въ ходъ всѣ доносы и разослалъ чиновниковъ для слѣдствій; а Провіантской Коммисіи далъ предложеніе: доставлять ему еженедѣльно свѣдѣнія о хлѣбныхъ операціяхъ, чего при Силифонтьевѣ не было. Но Куткинъ и здѣсь вошелъ въ прерѣканіе: отказалъ въ доставленіи требуемыхъ свѣдѣній, ссылаясь на то, что Коммисія не имѣетъ на сей предметъ отъ своего Петербургскаго начальства предписанія.

Такимъ образомъ ссора открылась явная и оффиціальная.

Въ первое время Куткинъ не унывалъ; но когда стали доходить до него слухи, что слѣдствія идутъ не въ его пользу, онъ тогда только почувствовалъ опасность своего положенія и во избѣжаніе дальнѣйшихъ непріятностей, по совѣту своихъ Петербургскихъ пріятелей, сталъ просить о переводѣ его въ другое мѣсто, въ чемъ и успѣлъ. Получивъ объ этомъ бумагу, Куткинъ немедленно сдалъ должность свою старшему по себѣ члену Коммисіи и, не сказавшись генералъ-губернатору, скрытно выѣхалъ изъ Тобольска въ Петербургъ. Симъ поступкомъ Куткинъ окончательно себя погубилъ.

Слѣдствія шли въ самомъ разгарѣ, и отъ Куткина нужны были объясненія; на семъ основаніи Пестель въ слѣдъ за нимъ отправилъ донесеніе къ военному министру графу Аракчееву съ прописаніемъ всѣхъ обстоятельствъ и съ просьбою возвратить Куткина въ Тобольскъ, какъ лицо необходимо-нужное при слѣдствіи.—Когда Куткинъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, представлялся къ графу Аракчееву, тотъ принялъ его сурово, приказалъ явиться въ департаментъ военнаго министерства и тутъ же далъ ему записку къ начальнику этого мѣста. Въ запискѣ объявлялось высочайшее повелѣніе, чтобы генералъ-маіора Куткина, арестовавъ, отправить на дворцовую гауптвахту и вмѣстѣ съ симъ захватить всѣ его бумаги на его квартирѣ. Куткина отвезли на гауптвахту, но что́ найдено въ бумагахъ, неизвѣстно; а чрезъ три дня Куткинъ былъ отправленъ за карауломъ въ Тобольскъ, гдѣ велѣно содержать его подъ арестомъ въ своемъ домѣ.

Вотъ показанія Тобольскихъ жителей, въ справедливости которыхъ нѣтъ причинъ сомнѣваться, тѣмъ болѣе, что генералъ-губернаторъ Пестель не имѣлъ бы и права арестовать и предавать военному суду военнаго генерала безъ высочайшаго соизволенія.

Странно—разсуждали нѣкоторые—что Куткинъ, при своемъ хитромъ умѣ и опытности, позволилъ себѣ начать ссору съ сильнымъ лицомъ генералъ-губернатора. Но это объясняется тѣмъ: 1) строптивымъ его характеромъ и самонадѣянностію, 2) незнаніемъ характера Пестеля и его кредита у Двора, 3) что дѣла свои по провіантской части онъ обдѣлывалъ ловко и искусно такъ, что если и были на немъ грѣшки, то, ограждаясь формами, онъ не могъ быть уличенъ; и потому не только ничего и никого не боялся, но даже не подозрѣвалъ, чтобъ Пестель могъ сдѣлать ему какой либо вредъ, и наконецъ 4) что имѣлъ покровителя въ лицѣ значительномъ (кажется, генералъ-провіантмейстерѣ) и связи съ близкими къ военному министру чиновниками. Послѣ онъ увидѣлъ свою ошибку, но уже поправить ее было нельзя.

Куткинъ, привезенный въ Тобольскъ арестованнымъ, заключенъ былъ въ своемъ домѣ. Первоначально приставленъ былъ къ его комнатамъ часовой съ ружьемъ, но фонъ-Бринъ смѣнилъ часоваго полицейскимъ солдатомъ, жившимъ въ отдаленной избѣ съ дворовыми людьми Куткина; также и доступъ къ нему сдѣлалъ свободнѣе. Но, къ сожалѣнію, почти всѣ его оставили, какъ обыкновенно бываетъ съ людьми, впавшими въ несчастіе. Только почтенное семейство купцовъ Селивановыхъ, инспекторъ Врачебной Управы добродушный Кернъ и нѣсколько мелкихъ чиновниковъ изрѣдка его посѣщали. Изъ пріѣзжавшихъ изъ столицы чиновниковъ нѣкоторые дѣлали ему визиты, болѣе изъ любопытства. Я не имѣлъ духу быть у него и видѣть страданія старика и его несчастнаго семейства, которымъ ничѣмъ не могъ быть полезенъ. — Непріятели его, во время могущества пресмыкавшіеся предъ нимъ, торжествовали и злорадно подшучивали: „нашла-де коса на камень!“ Фонъ-Бринъ былъ у него одинъ разъ; но Куткинъ принялъ визитъ его съ дурной стороны и спросилъ: Зачѣмъ ваше превосходительство пожаловали? Не осмотрѣть ли мои оковы?“ и самъ горько заплакалъ. Губернаторъ былъ тронутъ и отвѣчалъ ему: „Вы, генералъ, ошибаетесь; я пришелъ лично узнать отъ васъ, не имѣете ли вы въ чемъ надобности; требуйте, я готовъ исполнить все, что̀ только въ моей власти“.—„Благодарю, сказалъ Куткинъ, мнѣ ничего не нужно, дайте только воздуху, воздуху, воздуху“,—и съ этой поры Куткинъ могъ выѣзжать даже за городъ съ своимъ семействомъ и знакомыми для гулянья. У Куткина были должники бездокументальные; нѣкоторые заплатили ему честно, а иные отказывались. Фонъ-Бринъ и въ этомъ случаѣ помогъ, убѣдивъ послѣднихъ раздѣлаться съ Куткинымъ даже съ процентами.

Куткинъ провелъ въ заключеніи 9 лѣтъ по самую смерть свою. Въ теченіи сего времени слѣдствія шли все шире и шире, обняли всю Тобольскую и Томскую губерніи, и наконецъ все дѣло соста-

вилось изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячь листовъ, отправленныхъ въ Петербургъ на возахъ. Судъ надъ нимъ кончился въ Правительствующемъ Сенатѣ. Былъ ли судимъ Куткинъ, какъ военный генералъ, военнымъ судомъ въ генералъ-аудиторіатѣ, неизвѣстно; но едва ли, потому что въ такомъ случаѣ не для чего было судить его вторично въ Сенатѣ. — Куткинъ по суду не признанъ виновнымъ; но въ общественномъ мнѣніи въ Сибири слылъ небезкорыстнымъ, какъ потому, что при Селифонтьевѣ принималъ на себя ходатайство по стороннимъ дѣламъ, конечно не изъ пустыхъ поклоновъ, такъ и потому, что пріѣхалъ въ Тобольскъ почти безъ копѣйки, нажилъ деньги (прожитыя потомъ въ 9 лѣтнее его заключеніе), устроилъ фабрику, купилъ хорошій домъ и жилъ, до паденія своего, открыто; а на все это не могло доставать ему одного жалованья.

Теперь предстоитъ вопросъ: почему же Куткинъ оправданъ?

Вопросъ этотъ можно рѣшить только двумя предположеніями: 1) Куткинъ, какъ хитрый человѣкъ, знавшій всѣ провіантскія тонкости и продѣлки, ограждалъ себя, какъ выше сказано, формами и не могъ быть уличенъ въ лихоимствѣ,—что̀ сплошь и рядомъ бываетъ со всѣми лихоимцами. 2) Сперанскій, принимавшій сильное участіе въ семействѣ Куткина, вѣроятно содѣйствовалъ благополучному исходу дѣла въ Сенатѣ, подобно тому, какъ поступилъ онъ съ Илличевскимъ [9]) въ тѣхъ видахъ, что безъ оправданія Куткина онъ не могъ испрашивать ни пансіона женѣ его, ни задержаннаго жалованья, ни денежнаго вознагражденія за фабрику. А смѣна Пестеля и смерть Куткина еще болѣе облегчили это ходатайство.

Куткинъ умеръ въ Тобольскѣ не въ 1817, а въ 1815 году лѣтомъ; семейство же его выѣхало изъ Сибири въ началѣ 1816 года. Оно было въ самомъ затруднительномъ положеніи: все движимое имѣніе было секвестровано и по описи значилось принадлежащимъ самому Куткину. Вдова-жена Куткина, по смерти своего мужа, оспаривала и описанныя вещи называла своими, но доказательствъ не имѣла и не представила. Губернское начальство затруднялось выдать ей эти вещи; Куткина подавала просьбу къ прокурору въ Губернское Правленіе и къ губернатору и наконецъ, одна изъ дочерей Куткина, Олимпіада Ѳедоровна, не знавшая меня лично, обратилась ко мнѣ и просила, по званію совѣтника Губернскаго Правленія, моего содѣйствія. Я показалъ письмо ея губернатору. Фонъ-Бринъ, какъ всегда склонный къ помощи несчастнымъ, убѣдясь положеніемъ Куткиныхъ, мнѣ сказалъ: по настоящему нельзя выдать вещей, но такъ и быть, я выдамъ, если вы и прочіе члены согласитесь раздѣлить со мною отвѣтственность въ случаѣ взысканія. Конечно всѣ охотно согласились, и вещи были выданы. По описи ихъ значилось, помнится, на 2300 руб. ассиг. За мое содѣйствіе я получилъ отъ Олимпіады Ѳедоровны благодарное письмо, которое и теперь у меня. Послѣ сего Куткины выѣхали изъ Тобольска благополучно, безъ всякаго посторонняго содѣйствія; никто за ними не пріѣзжалъ, и ни одна изъ дочерей не вышла замужъ въ Тобольскѣ. Слыш-

---

[9]) Жизнь Сперанскаго, II, 265.

но было послѣ, что которая-то изъ дочерей вышла замужъ въ Казани за того, кто сваталъ ее прежде, еще при жизни отца, но получилъ отказъ: слѣдовательно онъ женился на ней не изъ жалости, а по любви.

Принимая искреннее участіе въ невинномъ и несчастномъ семействѣ Куткина, нельзя оправдывать ихъ отца, который высокомѣріемъ и заносчивостію ввергнулъ оное въ несчастіе. Если Пестель поступилъ съ нимъ излишне строго, то онъ вынужденъ былъ къ тому, кромѣ упрямства и неисправимости Куткина, еще слѣдующими обстоятельствами: по тѣмъ безпорядкамъ, распущенности и злоупотребленіямъ, которыя существовали при слабомъ Селифонтьевѣ, Государь уполномочилъ Пестеля высочайшею довѣренностію все это прекратить и Сибирь отъ недостойныхъ лицъ очистить. Пестель по сему обязанъ былъ въ точности исполнить высочайшую волю, а исполнить ее, при крайней испорченности нравовъ чиновныхъ лицъ, нельзя было иначе, какъ однѣми энергическими мѣрами, подобно тому, какъ самъ Сперанскій поступилъ съ Иркутскими чиновниками.

Пестель пріѣзжаетъ въ Тобольскъ, всматривается въ дѣла, въ людей, еще никого не караетъ — и что же видитъ?—У него, такъ сказать, подъ носомъ, продолжаютъ дѣлать тоже, что̀ дѣлали при Селифонтьевѣ, и во главѣ этихъ лицъ стоитъ — Куткинъ, который не только не внемлетъ предостереженіямъ генералъ-губернатора, но еще кичится и публично надъ нимъ насмѣхается; а за нимъ приверженцы его, какъ говорится, въ усъ себѣ не дуютъ и знать ничего не хотятъ. Нуженъ былъ рѣзкій примѣръ, чтобъ обуздать своевольство, и къ несчастію Куткина, по его опрометчивости, жребій этотъ палъ на него. — Извѣстно, что Пестель не требовалъ ареста Куткина, а просилъ только высылки его въ Тобольскъ: слѣдственно эту излишнюю строгость должно отнести къ деспотизму Аракчеева, а за симъ 9-лѣтнее содержаніе Куткина подъ стражею уже не зависѣло отъ Пестеля.—Равно нельзя обвинять его въ продолжительности дѣла потому, что оно день отъ дня становилось обширнѣе и многосложнѣе; тысячи лицъ болѣе или менѣе прикосновенныхъ къ дѣлу, какъ то подрядчиковъ, смотрителей, провіантскихъ чиновниковъ, вахтеровъ, подводчиковъ и проч., разсѣянныхъ на огромномъ пространствѣ двухъ губерній — Тобольской и Томской, — требовали разспросовъ, повѣрокъ, очныхъ ставокъ, и лишь оканчивался одинъ доносъ, какъ являлся другой. Часто самъ Куткинъ затруднялъ ходъ дѣла, ссылаясь на такія обстоятельства, которыя требовали новой повѣрки. По служенію моему въ Губернскомъ Правленіи, мнѣ извѣстно, что Куткинъ посылалъ въ разное время болѣе десяти просьбъ къ министрамъ: военному, юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и въ Сенатъ, либо жалуясь на слѣдователей, либо указывая новыя обстоятельства и прося о переслѣдованіи, и всѣ эти просьбы обращались въ Губернское Правленіе съ тѣмъ, чтобы дать имъ законный ходъ. Онъ, какъ будто съ намѣреніемъ, самъ затягивалъ дѣло на продолжительное время, опасаясь ли въ

началѣ того, что чрезъ скорое окончаніе онаго, при силѣ Пестеля, получится неблагопріятный для него результатъ; или, потомъ, выжидая смѣны Пестеля, о которой тогда громко говорили. Пестель самъ тяготился медленностію слѣдствій: мнѣ это извѣстно, какъ по строгимъ предписаніямъ его, чтобъ скорѣе ихъ кончить, такъ и по тому еще, что въ 1815 году, въ пріѣздъ мой въ Петербургъ, въ отпускъ, Пестель лично мнѣ сказалъ: „Когда мы избавимся этого безпокойнаго человѣка (т. е. Куткина); онъ своими кляузами надоѣлъ здѣсь мнѣ и всѣмъ; я радъ бы его выпустить, но это не въ моей власти: Аракчеевъ не хочетъ“.

Описавъ все, что̀ касалось Куткинскаго дѣла, я считаю не лишнимъ бросить бѣглый взглядъ на все управленіе Пестеля Сибирью съ тою цѣлію, что нѣкоторыя мои мысли, можетъ быть, еще болѣе пояснятъ тѣ обстоятельства, которыя авторъ книги „Жизнь графа Сперанскаго“ изложилъ фактически съ полнымъ безпристрастіемъ и добросовѣстностію. Здѣсь встрѣтится въ иномъ разномысліе между нами, но это разномысліе нисколько не измѣнитъ вѣрности изложенія автора и только прольетъ свѣтъ на критическое положеніе, въ которомъ Пестель находился и покажетъ причины, почему онъ такъ, а не иначе управлялъ и дѣйствовалъ.

Отдавая должную справедливость достоинствамъ Пестеля, нельзя скрыть, что онъ былъ властолюбивъ, воспріимчивъ и желченъ; отсюда проистекали всѣ порывы самовластія его. По ложному разсчету онъ хотѣлъ управлять болѣе страхомъ. Будучи самъ дѣятеленъ и честенъ, онъ не любилъ въ службѣ лѣнивыхъ и взяточниковъ: первыхъ называлъ трутнями и удалялъ отъ дѣлъ, а послѣднихъ піявицами и преслѣдовалъ ихъ до могилы. Объѣхавъ Сибирь, Пестель узналъ всю нравственную чиновничью грязь; а потомъ, живя въ Петербургѣ, за 6 тысячь верстъ отъ средоточія Сибири, онъ смотрѣлъ чужими глазами и слышалъ чужими ушами и потому судилъ и дѣйствовалъ иногда пристрастно. Все зависѣло отъ того, какъ представлялись ему дѣла: въ Тобольскѣ, въ семи лѣтнее мое служеніе, только два земскихъ чиновника преданы суду; никто не былъ арестованъ и сосланъ, потому что начальникомъ губерніи былъ кроткій и благонамѣренный Фонъ-Бринъ. Въ Томскѣ, въ управленіе Василія Романовича Марченка, также не было вопіющихъ дѣлъ. Сверхъ сего надобно вспомнить тѣ времена и обстоятельства: что̀ за народъ былъ служебный въ Сибири? Взяточничество, пьянство и распутство всякаго рода были стихіею большей части чиновниковъ. Самъ Сперанскій жаловался на недостатокъ честныхъ и дѣльныхъ чиновниковъ; но онъ уже засталъ присутственныя мѣста и канцеляріи нѣсколько облагороженными и чиновниковъ лучшихъ потому, что по высочайшему указу 1809 года много пріѣхало въ Сибирь изъ столицъ и другихъ городовъ молодыхъ людей за чиномъ колежскаго ассесора; и хотя нѣкоторые изъ нихъ, по минованіи 3 лѣтней обязательной службы, возвратились въ Россію, но многіе остались и продолжали служить въ Сибири. Что̀ же нашелъ Пестель при своемъ пріѣздѣ? — Онъ

пріѣхалъ какъ бы въ дремучій лѣсъ, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчалъ обманъ, противодѣйствіе, невѣжество, воровство казны, взяточничество въ судахъ и гдѣ чиновники, по своимъ поступкамъ, едва отличались отъ дикихъ хищныхъ звѣрей. А въ гражданскомъ обществѣ были двѣ личности въ высшей степени вредныя: откупщикъ Передовщиковъ и монополистъ (не помню фамиліи) Иркутскій купецъ, невѣжда и кляузникъ. Передовщиковъ до того злоупотреблялъ откупомъ, что вино продавалось съ вредною подмѣсью, отъ котораго люди скоропостижно умирали. Это доказано, и Передовщиковъ, по лишеніи добраго имени, сосланъ въ Туруханскъ. Купецъ-монополистъ захватилъ въ свои руки почти всю внутреннюю торговлю и, по огромному своему богатству, имѣя вліяніе на все Иркутское купечество, всегда старался своими кляузами возбуждать оное къ противодѣйствію правительству въ справедливыхъ его требованіяхъ. Онъ былъ удаленъ изъ Иркутска, и тогда торговля и дѣла общества приняли свой правильный ходъ. При такихъ лицахъ въ управленіи и при такихъ согражданахъ, могъ ли Пестель искоренить вѣковое зло гуманными средствами? Самъ Сперанскій, великодушный начальникъ, развѣ не смѣстилъ двухъ губернаторовъ и не предалъ суду множества чиновниковъ? Пестель превышалъ власть свою, но все же, по моему мнѣнію, съ желаніемъ водворить порядокъ и справедливость.

Да не подумаютъ изъ всего вышесказаннаго, что я защищаю Пестеля во всемъ — отнюдь нѣтъ. Я соглашаюсь, что, въ пылу своей раздражительности, онъ дѣлалъ несправедливости; не оправдываю слѣпой его довѣренности къ Трескину и не извиняю деспотическихъ его распоряженій; но при всемъ томъ я убѣжденъ, что онъ не былъ злонамѣреннымъ начальникомъ. Другія дѣла и другіе люди — онъ управлялъ бы справедливѣе и умѣреннѣе, потому что былъ уменъ, дѣятеленъ и безкорыстенъ, въ чемъ отдаютъ ему справедливость самые враги его; даже бывшій министръ юстиціи И. И. Дмитріевъ. Пестель оставилъ Сибирь съ разстроеннымъ состояніемъ, тогда какъ другой на его мѣстѣ, менѣе честный, нажилъ бы милліоны [10]).

---

[10]) Въ Тобольскѣ разсказывали слѣдующій случай:

Откупщикъ Передовщиковъ, среди продолжавшагося объ немъ дѣла, уговорилъ одну значительную и коротко знакомую Пестелю даму пріѣхать изъ Москвы въ Петербургъ и хлопотать за него, съ обѣщаніемъ поднести Пестелю въ подарокъ 500,000 руб. ассиг. Дама эта пріѣхала и когда передала порученіе Передовщикова Пестелю, то Пестель, съ крайнимъ негодованіемъ выслушавъ, отвергнулъ

IV. Письмо Павла Ивановича Пестеля къ своимъ родителямъ отъ 13 Марта 1822 года

(Переводъ съ Французскаго).

Вчера утромъ я получилъ ваше письмо отъ 12 Февраля, любезные родители, и вы можете себѣ представить, что̀ я почувствовалъ при извѣстіи о вашей отставкѣ, дорогой батюшка. Я радовался бы, видя васъ совершенно освобожденнымъ отъ службы, ежели бы финансовыя обстоятельства не были столь горестны. Теперь вижу, что не на что болѣе надѣяться и что слѣдуетъ только принять мѣры для избѣжанія совершеннаго раззоренія, и ежели вы позволите, то я осмѣлюсь представить вамъ нѣкоторыя мои мысли на сей счетъ. Я конечно понимаю, что ничего другаго не остается, какъ поскорѣе уѣхать изъ Петербурга и провести лѣто въ Псковской губерніи: у нашихъ родныхъ будетъ очень хорошо. Потомъ, разумѣется, надо будетъ похоронить себя въ Смоленской губерніи. Но какъ даже и для этого нужны деньги, то я съ своей стороны сдѣлаю все возможное, чтобы ихъ достать и послать вамъ какъ можно скорѣе. Нарочно поѣду для того въ Тульчинъ. Потомъ очень важная статья—это долги. Я еще въ службѣ и человѣкъ одинокій. Сдѣлайте мнѣ великую милость, дражайшіе родители, перепишите всѣ ваши заемныя письма на мое имя: тогда васъ не будутъ болѣе тревожить, а жалованье мое доставитъ хоть что нибудь вашимъ заимодавцамъ. Я думаю, что они охотно на это согласятся, и тотъ день, когда я подпишу всѣ ваши заемныя письма безъ исключенія, будетъ безъ сомнѣнія прекраснѣйшій день моей жизни, такъ какъ я тогда буду знать, что вы освобождены отъ всякаго безпокойства по этому предмету и можете жить въ Смоленской губерніи, хотя конечно очень ограниченно, но покрайней мѣрѣ спокойно. Не откажите мнѣ въ этой милости! Этотъ отказъ огорчилъ бы меня еще болѣе, нежели извѣстіе о неожиданномъ результатѣ дѣлъ Сибирскихъ. Мнѣ еще нѣтъ 30 лѣтъ; я могу еще имѣть успѣхъ въ жизни; для васъ же нуженъ покой послѣ безпрестанныхъ бурь, которыя до сихъ поръ потрясаютъ вашу жизнь. Пусть всѣ ваши долги безъ исключенія будутъ переведены на меня, и пусть какъ ваша особа, дорогой батюшка, такъ и Смоленское имѣніе останутся совершенно свободны отъ этого бремени: вотъ моя убѣдительная просьба, объ исполненіи которой не перестану умолять васъ. Это лучшее и даже единственное средство все устроить. Это будетъ лучше и для васъ, и для кредиторовъ, и для насъ всѣхъ. Но только нужно сдѣлать это поскорѣе, не теряя времени.

Что̀ касается до вотчины въ Смоленской губерніи, то какъ будущность непроницаема, и всякаго изъ насъ можетъ каждую минуту неожиданно постигнуть смерть, то я думаю, что вамъ слѣдуетъ немедленно сдѣлать духовное завѣщаніе и укрѣпить владѣ-

---

предлагаемыя ему деньги и дамѣ сказалъ, чтобъ она скорѣе возвратилась въ Москву, если не желаетъ получить себѣ непріятность. За справедливость этого слуха я не ручаюсь; но говорили такіе люди, которые знали это дѣло хорошо.

ніе этимъ имѣніемъ безраздѣльно Соничкѣ. Мы мущины, мы можемъ и должны безъ него обойтись, но это невозможно для бѣдняжки. Освободите же поскорѣе это имѣніе и укрѣпите его за Софи безраздѣльно. Это необходимая обязанность. Безъ этого, что̀ станется съ этою бѣдною и дорогою дѣвочкой?

Все, что́ я объясняю вамъ здѣсь, не есть мгновенные порывы чувствъ, но просто предложенія, объ исполненіи которыхъ я умоляю васъ на колѣняхъ безпрестанно и настоятельно. Ради Бога, сдѣлайте это все и сдѣлайте поскорѣе.

Что̀ касается до Александра, то я согласенъ съ нимъ въ томъ, что ему нечѣмъ будетъ существовать въ гвардейскомъ полку; и такъ переведите его въ Харьковскій драгунскій полкъ, гдѣ Снарскій полковникомъ. Ему тамъ будетъ очень хорошо, потому что графиня Витгенштейнъ, сестра Снарскаго, принимаетъ большое участіе въ томъ, что̀ съ вами случилось, и Александру болѣе ничего не нужно, какъ письмо отъ графини къ Снарскому. Вы, любезный батюшка, напишите сами къ Снарскому, а я обязуюсь давать Александру ежегодно отъ 1000 до 1500 р. ассиг., что̀ для него будетъ достаточно, тѣмъ болѣе, что казна даетъ офицерамъ лошадей. Пусть онъ продастъ въ Петербургѣ всѣ свои вещи, пусть онъ на эти деньги экипируется какъ можетъ; остальное здѣсь найдется, и пусть онъ сперва пріѣдетъ прямо ко мнѣ, а отъ меня поѣдетъ въ свой полкъ, который стоитъ недалеко отъ моего. Со временемъ можно будетъ опредѣлить его къ кому нибудь въ адъютанты, но сперва пусть послужитъ во фронтѣ. Такимъ образомъ Александръ будетъ служить и полезно, и пріятно и не будетъ вамъ ничего стоить, чего добрый малый очень желаетъ. Такъ какъ я собирался служить въ драгунахъ, то у меня есть много вещей для экипировки, между прочимъ все нужное для лошадей; и такъ ему почти не будетъ расхода.

Ничего не говорю про Владиміра и Бориса: они сами устроятся. Вы видите по моимъ предложеніямъ, мои дорогіе и добрые родители, что, не смотря на все огорченіе, которое причинила мнѣ ваша отставка, любезный батюшка, я болѣе думаю о томъ, что̀ должно дѣлать, нежели о томъ, что́ случилось.

Ожидаю извѣстій отъ васъ съ нетерпѣніемъ и тоскою и прошу васъ еще разъ устроить какъ можно скорѣе дѣло о векселяхъ. Милліонъ разъ цѣлую ваши руки.

Вашъ нѣжный сынъ Павелъ.

V. Нѣкоторыя свѣдѣнія о Павлѣ Ивановичѣ Пестелѣ.

П. И. Пестель родился въ Москвѣ 24 Іюня 1792 года. Мать его, урожденная Крокъ, получила отличное образованіе. Она и супругъ ея постоянно старались образовать въ дѣтяхъ своихъ истинное благочестіе и передать имъ всѣ правила нравственности. Павелъ Ив. воспитывался сперва дома, потомъ провелъ нѣсколько лѣтъ съ гувернеромъ и братомъ своимъ Владиміромъ Ивановичемъ (моложе его двумя годами) въ Дрезденѣ, гдѣ пользовался уроками лучшихъ профессоровъ. Съ раннихъ лѣтъ Пестель оказывалъ необыкновенную понятливость, здравый смыслъ, отмѣнныя способности, прилежаніе и горячую чувствительность. Успѣхи его были замѣчательны. Наставники про него говорили: „другіе учатся, а онъ понимаетъ.“ Въ Маѣ 1810 года поступилъ онъ въ Пажескій корпусъ, въ 4 классъ. Въ Октябрѣ 1810 года на экзаменѣ былъ первый и въ Декабрѣ произведенъ въ камеръ-пажи, а въ 1811 году въ Ноябрѣ былъ опять первымъ на экзаменѣ. Въ Декабрѣ 1811 года Государь самъ экзаменовалъ всѣхъ камеръ-пажей, которые были всѣ выпущены прапорщиками въ гвардейскій Литовскій полкъ. 11 Апрѣля 1812 года П. И. Пестель отправился въ Вильну, въ Сентябрѣ былъ раненъ въ ногу, получилъ шпагу за храбрость, въ Декабрѣ раненый привезенъ въ Петербургъ къ родителямъ. Въ Январѣ 1813 года произведенъ въ подпоручики, въ Апрѣлѣ поступилъ въ адъютанты къ генералу отъ кавалеріи графу Витгенштейну, который былъ въ то время главнокомандующимъ всѣхъ Русскихъ войскъ на войнѣ противъ Французовъ. 7 Мая 1813 года отправился въ главный штабъ арміи за границу; въ Январѣ 1814 года получилъ орденъ св. Владиміра съ бантомъ и произведенъ въ поручики за сраженіе при Лейпцигѣ. Въ Февралѣ 1814 года получилъ орденъ св. Анны, за сраженіе при Баръ-сюръ-Обѣ и при Труа; въ Сентябрѣ 1814 года находился при графѣ Витгенштейнѣ въ Митавѣ; въ Декабрѣ 1814 года получилъ Прусскій орденъ pour le mérite. Въ 1815 году графъ Витгенштейнъ былъ назначенъ главнокомандующимъ резервною арміей въ походѣ противъ Наполеона и въ Апрѣлѣ выступилъ въ Вильну. Въ Августѣ Павелъ Ивановичь былъ въ Дрезденѣ, въ Сентябрѣ опять возвратился съ графомъ въ Митаву, пробывъ недолгое время у родителей въ Петербургѣ. Въ 1818 году графъ Витгенштейнъ былъ назначенъ главнокомандующимъ 2-ю арміей и съ того времени имѣлъ свое пребываніе въ Тульчинѣ, гдѣ и Павелъ Ивановичь оставался при немъ въ званіи адъютанта, пользуясь особеннымъ его довѣріемъ. Во все время, пока Павелъ Ивановичь находился при графѣ Витгенштейнѣ, сей послѣдній всегда довѣрялъ ему всю письменную часть своего управленія войскомъ, оказывая ему величайшую довѣренность, давалъ ему важныя порученія, совѣтовался съ нимъ во многихъ дѣлахъ и даже разрѣшалъ ему, въ свое отсутствіе, распечатывать бумаги, получаемыя на имя графа. Въ 1819 году Ноября 24-го Павелъ Ивановичь пріѣхалъ съ графомъ въ Петербургъ и въ томъ

же году произведенъ въ подполковники въ Маріупольскій гусарскій полкъ; 21 Мая 1820 года онъ отправился къ графу въ Тульчинъ, пробывъ передъ тѣмъ шесть мѣсяцевъ у родителей. Въ журналѣ отца его Ивана Борисовича сказано: „Павелъ разстался съ нами съ большимъ огорченіемъ; я благословилъ его, будучи очень разстроганъ и молился вмѣстѣ съ нимъ Богу: Спаситель мой, Ты даровалъ его мнѣ; охрани, благослови, руководствуй и заступи его!"

1821 года Февраля 28 были получены первыя, но очень неопредѣленныя извѣстія о возникшемъ возмущеніи Грековъ противъ Турокъ. П. И. былъ посланъ въ началѣ Марта въ Бессарабію, чтобы собрать вѣрныя и подробныя свѣдѣнія о семъ происшествіи. Онъ былъ въ отсутствіи 8 дней и по возвращеніи своемъ составилъ по сему дѣлу записку въ 30 страницъ, которую генералъ Киселевъ въ оригиналѣ отослалъ прямо къ Государю. Чрезъ нѣсколько времени онъ былъ еще разъ посланъ въ Бессарабію, для переговоровъ съ княземъ Суцою, господаремъ Молдавіи, и отчетъ его по сему дѣлу былъ въ оригиналѣ посланъ Государю. Въ Октябрѣ произведенъ въ полковники. 15 Ноября получилъ Вятскій полкъ. Прежде нежели отправиться въ свой полкъ, онъ былъ посланъ въ Бессарабію (въ третій разъ) съ важными порученіями и для собранія подробныхъ свѣдѣній по случаю борьбы Грековъ съ Турками. Самъ генералъ Киселевъ (начальникъ штаба) предложилъ его для этого, ручаясь за его способности и за успѣшное исполненіе поручаемаго ему дѣла. По возвращеніи своемъ, П. И. представилъ двѣ очень подробныя записки по сему предмету, которыми остались очень довольны.

1822 года Января 8 отправился П. И. къ своему полку, который былъ въ совершенномъ разстройствѣ и извѣстенъ по всей арміи, какъ одинъ изъ худшихъ. П. И. ревностно занялся приведеніемъ его въ порядокъ. Въ Маѣ или Іюнѣ 1822 года, дивизіонный генералъ князь Сибирскій дѣлалъ смотръ Вятскому полку и остался имъ чрезвычайно доволенъ, что̀ изъявилъ словесно и письменно, въ приказѣ къ бригадному генералу, въ слѣдующихъ словахъ: „Впрочемъ хотя и весьма короткое время вступленіе полковника Пестеля въ командованіе Вятскимъ пѣхотнымъ полкомъ, но усердіе его и жертвованіе даже собственныхъ денегъ на приведеніе полка не только въ должную исправность, но даже и видимое его желаніе сравнить полкъ ему ввѣренный съ лучшими, столь успѣшно и очевидно, что остается только благодарить и ожидать перемѣны по полку во всѣхъ частяхъ и въ столь короткое время."

1823 года въ Августѣ, П. И. прислалъ своимъ родителямъ 2 т. р. ассигнаціями, зная, что они находятся въ затруднительномъ положеніи по случаю переселенія изъ Петербурга въ деревню. Въ Сентябрѣ 1823 года государь Александръ Павловичъ самъ дѣлалъ смотръ войскамъ и остался чрезвычайно доволенъ полкомъ П. И., сказавъ: „C'est superbe, c'est comme la garde [1]), и пожаловалъ ему три тысячи десятинъ земли.

---

[1]) Превосходно, точно гвардія.

1824 года Февраля 26, П. И. пріѣхалъ къ родителямъ въ Васильево и, желая вполнѣ успокоить и обезпечить своихъ родителей, послалъ чрезъ нѣсколько дней, безъ ихъ вѣдома, прикащика въ городъ, чтобы накупить всякаго рода провизіи и хозяйственныхъ потребностей. 6 Марта отправился въ Петербургъ, а 6 Мая опять возвратился въ Васильево, и 17 Іюня отправился къ своему полку. Изъ Петербурга П. И. прислалъ родителямъ и сестрѣ множество подарковъ, соотвѣтствующихъ занятіямъ и вкусамъ каждаго, кои онъ сперва рачительно постарался разузнать. Во все время своего пребыванія въ Васильевѣ, П. И. оказывалъ, какъ и всегда, своимъ родителямъ самую горячую любовь и самое нѣжное вниманіе: читалъ имъ, гулялъ съ ними и безпрестанно старался ихъ утѣшать и занимать; самъ же во все время казался совершенно счастливъ и доволенъ спокойною деревенскою жизнію: по нѣскольку часовъ проводилъ на берегу озера напротивъ островка, восхищаясь мѣстоположеніемъ и углубляясь въ свои мысли. Во всѣхъ письмахъ послѣ своего отъѣзда онъ съ чрезвычайнымъ умиленіемъ и удовольствіемъ вспоминалъ о своемъ пребываніи въ Васильевѣ, называя его своимъ Bassy (Méditations Poetiques de Lamartine), Mon Repos и проч. Прощаніе его съ родителями и сестрою при разставаніи было самое чувствительное и самое горестное, какъ будто предчувствіе страшной будущности.

Въ послѣднихъ числахъ Декабря 1825 или въ первыхъ числахъ Января 1826 года, П. И. былъ вызванъ въ Тульчинъ, при въѣздѣ арестованъ и отправленъ въ Петербургъ, гдѣ содержался въ крѣпости. 23 Февраля 1826 года Иванъ Борисовичь отправился въ Петербургъ, 3 Іюня было свиданіе отца съ сыномъ въ крѣпости, въ присутствіи коменданта. Послѣ душевной бесѣды они оба на колѣняхъ молились, и Иванъ Борисовичь благословилъ сына; комендантъ самъ прослезился. Когда П. И. воротился въ крѣпость изъ Сената, гдѣ несчастнымъ прочли приговоръ, пасторъ былъ у него и говорилъ послѣ: „Я дрожалъ, но онъ былъ твердъ и сказалъ: Я даже не разслышалъ, что̀ хотятъ съ нами дѣлать; но все равно, только скорѣй.“

Пасторъ: Помните слова Спасителя кающемуся разбойнику: „Сегодня же ты будешь со мною въ раю!“ П. И. палъ на колѣни и со слезами воскликнулъ: „Да, мой Спаситель, съ Тобою, съ Тобою!“

13 Іюля 1826 года была казнь несчастнымъ.

28 Іюля, прибывъ въ Смоленскъ, Иванъ Борисовичъ узналъ, какою смертью погибъ П. И. (до того времени ему говорили, что онъ былъ разстрѣлянъ), а 29 онъ прибылъ въ свое имѣніе, гдѣ нашелъ свою супругу исхудѣвшую, изнемогшую и убитую горемъ.

VI. Описаніе свиданія пастора Рейнбота съ Павломъ Ивановичемъ Пестелемъ, составленное отцемъ Пестеля.

Переводъ съ Нѣмецкаго.

П. И. Узнаёте ли вы меня, г. пасторъ?

Пасторъ. Какъ же могу я васъ не узнать, любезнѣйшій г. Пестель? Я давнишній другъ вашего семейства.

П. И. обнялъ пастора съ горячими слезами и спросилъ: Что̀ дѣлаетъ мой отецъ, жива ли еще моя добрая мать?

Пасторъ. Вашъ отецъ въ Петербургѣ и вчера причащался у меня въ церкви съ вашими братьями. Ваша мать осталась въ деревнѣ съ вашею сестрою. Всѣ смертельно огорчены, и отецъ вашъ такъ убитъ, что вы испугались бы, увидя его. Онъ со слезами просилъ меня обнять васъ отъ его имени, благословить и напомнить вамъ тотъ день, когда онъ прощался съ вами въ деревнѣ и то, что̀ онъ вамъ тогда говорилъ, отдавая вамъ булавку съ распятіемъ.

П. И. снялъ съ груди эту самую булавку и показалъ ее пастору, также и крестикъ, который дала ему сестра на память и кольцо отъ своей возлюбленной матери и сказалъ: „Я съ этими вещами ни на минуту не разставался, и онѣ останутся со мною до послѣдняго дыханія, какъ самое драгоцѣнное, что̀ я имѣю. Я твердъ и спокоенъ, но не могу думать о моихъ родителяхъ безъ терзающаго горя, потому что я чувствую, что я ихъ убилъ. Я знаю, какъ они горячо меня любятъ. (Слезы текли по лицу у него такъ, какъ Рейнботъ еще никогда не видалъ, и онъ ничего не могъ говорить безъ слезъ).

Пасторъ. Я долженъ сказать вамъ, для вашего успокоенія, что въ публикѣ никто не возбуждаетъ столько участія, какъ вы, ни про кого изъ вашихъ соучастниковъ не говорятъ съ такимъ уваженіемъ и съ такимъ сочувствіемъ, какъ про васъ.

П. И. Для меня весь свѣтъ ничего не значитъ, только мысль о моихъ родителяхъ меня огорчаетъ и угнетаетъ. Что̀ дѣлаетъ мой младшій братъ Александръ? Причащался ли онъ съ батюшкой? Не нуждается ли онъ? Я не виноватъ, что деньги, которыя я ему назначилъ, не дошли до него.

Пасторъ. Вашъ младшій братъ здѣсь и причащался вмѣстѣ съ вашимъ отцемъ. Я не думаю, чтобы онъ нуждался; конечно вашъ батюшка будетъ имѣть о немъ попеченіе. Всѣ ваши принимаютъ живѣйшее участіе во всемъ, что̀ до васъ касается, и Богъ, къ Которому вы хотите сегодня приблизиться, конечно даруетъ вамъ и всѣмъ вашимъ силу, утѣшеніе и помощь.

П. И. Точно ли моя мать и моя добрая сестра здоровы?

Пасторъ. Онѣ обѣ въ деревнѣ и, сколько знаю, здоровы. Ваша матушка вамъ писала, но это письмо такъ полно материнскихъ чувствъ и такъ грустно, что вашъ отецъ не рѣшается доставить его вамъ, чтобы не умножить вашей печали (П. И. горько заплалалъ и молчалъ).

Пасторъ началъ говорить, чтобы приготовить его къ причастію. П. И. сталъ на колѣни и оставался такъ во все время исповѣди и причащенія. Когда все кончилось, онъ всталъ, былъ покоенъ духомъ и сказалъ: „Обнимите отъ меня моего отца и всѣхъ моихъ братьевъ и просите, чтобы прислали мнѣ письмо моей матери. Теперь я твердъ и могу читать его. Это будетъ мнѣ очень

пріятно. Скажите моимъ родителямъ, что ежели бы меня не мучило горе объ нихъ, я былъ бы спокоенъ и совершенно твердъ. Я на все готовъ; только желалъ бы, чтобы все скорѣе кончилось." Онъ еще много говорилъ на счетъ своей горячей привязанности къ родителямъ, братьямъ и сестрѣ, чего пасторъ не могъ слово въ слово запомнить.

При этомъ случаѣ на П. И. былъ шелковой лѣтній халатъ, въ комнатѣ стояли кровать съ опрятною и приличною постелью, столъ и стулья; на столѣ лежали Нѣмецкая и Русская библіи. Комната его большая и свѣтлая, хотя и съ рѣшеткою передъ окномъ; воздухъ въ ней чистъ. У него лучшее помѣщеніе изъ всѣхъ 14 заключенныхъ, которыхъ Рейнботъ причащалъ въ крѣпости. На постели лежалъ другой ваточный халатъ. Онъ самъ былъ выбритъ, казался здоровъ, и пасторъ не замѣтилъ никакой перемѣны въ его наружности.

VII. Письмо Павла Ивановича Пестеля изъ крѣпости къ родителямъ. 1 Мая 1826.

Переводъ съ Французскаго.

Какое счастіе было для меня, когда я увидѣлъ еще нѣсколько строкъ начертанныхъ вашею рукою, моя добрая, моя обожаемая мать, и когда я прочелъ въ нихъ, что вы посылаете мнѣ ваше благословеніе, этотъ даръ, самый дорогой, самый неоцѣненный для моего сердца. Богу извѣстно, мои добрые, мои дорогіе родители, до какой степени я любилъ васъ во всю мою жизнь и какъ это чувство вполнѣ наполняло всю мою душу. Судите по этому сами, каково мое отчаяніе, когда я думаю объ огорченіи, которое причиняю вамъ теперь. Вашъ образъ не покидаетъ меня ни днемъ, ни ночью ни на одну минуту, и я не могу выразить вамъ весь ужасъ, все терзаніе, которыя чувствую при мысли, что я навлекъ на васъ столько страданій. Благодарю васъ милліонъ разъ за ваше благословеніе. Это сладостный бальзамъ для моего сердца. Это истинное утѣшеніе, это истинное счастіе для меня. Тысячу и тысячу разъ благодарю васъ.

Настоящая моя исторія заключается въ двухъ словахъ: я страстно любилъ мое Отечество, я желалъ его счастія съ энтузіазмомъ, я искалъ этого счастія въ замыслахъ, которые побудили меня нарушить мое призваніе и ввергли меня въ ту бездну, гдѣ нахожусь теперь. Мнѣ слѣдовало ранѣе понять, что должно полагаться на Провидѣніе, а не стремиться участвовать въ томъ, что̀ не составляетъ положительной обязанности того положенія, въ которое насъ Богъ поставилъ и не стремиться выдти изъ своего круга. Я это чувствовалъ еще въ 1825 году [1]), но уже было поздно! Однакожъ, ежели сѣтованіе, скорбь, раскаяніе и горесть могутъ что нибудь за-

[1]) Покойный Н. И. Лореръ, близко знавшій Пестеля, сообщалъ намъ, что осенью 1825 года Пестель думалъ ѣхать въ Таганрогъ и передать Государю, что онъ покидаетъ свои замыслы. Единомышленники его объявили ему, что онъ не

гладить, то ласкаюсь надеждою, что я загладилъ свои заблужденія. Не знаю, какова будетъ моя участь; ежели смерть, то приму ее съ радостію, съ наслажденіемъ: я утомленъ жизнію, утомленъ существованіемъ. Но когда подумаю о васъ, мои дорогіе, мои добрые родители, то желалъ бы, чтобы Государь меня помиловалъ для того, чтобы я могъ посвятить вамъ всю мою жизнь и попеченіями своими доказать вамъ всю искренность моихъ чувствъ. Можетъ быть, я могъ бы исправить прошедшее. Во всякомъ случаѣ, любезные родители, вы будете моею послѣднею, какъ вы были всегда, моею постоянною мыслію, и послѣдній мой вздохъ будетъ вздохъ любви къ вамъ! Я никогда никого не ненавидѣлъ, никогда не былъ ожесточенъ противъ никого. Сердце мое, по истинѣ, нисколько не участвовало въ томъ, что̀ творила голова, и я могу навѣрное сказать, что когда бы настала минута дѣйствовать, то сердце остановило бы голову. Къ счастію, я не могу упрекать себя участіемъ въ какомъ либо настоящемъ дѣйствіи.

Вы знаете, возлюбленные родители, какъ искренно я вамъ всегда говорилъ о своихъ религіозныхъ чувствахъ. Вы знаете, что я всегда вполнѣ вѣрилъ въ Бога, Создателя нашего, но что вѣра моя въ Іисуса Христа была слабѣе. Радуйтесь же теперь со мною! Я обрѣлъ и сіе убѣжденіе, и вѣра въ нашего Спасителя составляетъ теперь мое счастіе и мое утѣшеніе. Я вижу жизнь въ другомъ видѣ, и смерть содержитъ для меня восхитительныя надежды. Могъ ли я довольно дорого заплатить за это счастіе? Дай Богъ, чтобы мои братья были счастливы и во всѣхъ отношеніяхъ благополучно прошли все поприще своей жизни. Богъ до благословитъ дорогую, добрую Софи́. Я очень безпокоюсь о бѣдномъ Александрѣ: какъ можетъ онъ существовать и служить, не имѣя копейки для своего содержанія? Да умилосердится Богъ надъ нимъ!

Что̀ касается до васъ, мои добрые родители, умоляю васъ: умѣрьте ваше огорченіе обо мнѣ. Ежели я не могъ составить ваше счастіе, то у васъ есть другія дѣти, которыя конечно постараются исполнить это. Я васъ такъ люблю, что желалъ бы, чтобы вы могли совершенно забыть меня: такъ какъ я получилъ ваше благословеніе, то мнѣ болѣе ничего не нужно. Ежели Богу угодно будетъ, чтобы Государь помиловалъ меня, то все сдѣлаю, чтобы загладить прошедшее. Въ противномъ случаѣ перенесу мою участь безъ жалобы и безъ ропота. Я даже смерть почту за счастіе въ сравненіи всякаго заключенія. Да будетъ воля Божія! Я чрезвычайно благодаренъ Государю за то, что онъ позволилъ мнѣ имѣть счастіе читать ваше письмо, не смотря на страшно-грустное его содержаніе. Это уже благодѣяніе съ его стороны. Богъ, въ Своемъ безконечномъ милосердіи, да даруетъ вамъ, мои дорогіе и добрые родители, хорошее и крѣпкое здоровье, скорое и совершенное выздоровленіе. Да превратитъ Онъ ваше положеніе, удрученное заботами и затрудненi-

---

можетъ этого сдѣлать одинъ. Но пока Пестель дожидался случая сообщить о своемъ рѣшеніи соучастникамъ заговора, императоръ Александръ Павловичъ скончался. *П. Б.*

ями, въ спокойное благосостояніе! Да даруетъ Онъ вамъ долгую жизнь и многія лѣта и да исполнитъ ихъ счастіемъ, удовольствіемъ и благоденствіемъ всякаго рода! Однимъ словомъ, да услышитъ Онъ горячія мольбы, которыя безпрестанно возсылаетъ Ему за васъ, мои драгоцѣнные родители, вашъ покорный и нѣжный сынъ Павелъ [1]).

(Вслѣдствіе этого письма императоръ Николай велѣлъ предложить Александру Ивановичу Пестелю перейти въ кавалергардскій полкъ [2]), чтобы служить вмѣстѣ съ своимъ братомъ Владиміромъ Ивановичемъ и назначилъ ему 3 т. р. ассигн. ежегоднаго вспомоществованія).

Приписка къ сестрѣ.

Тысячу разъ благодарю тебя, дорогая Софи́, за тѣ строки, которыя ты прибавила къ письму нашей матери. Я чрезвычайно растроганъ нѣжнымъ твоимъ участіемъ и твоею дружбою ко мнѣ. Будь увѣрена, мой добрый другъ, что никогда сестра не могла быть нѣжнѣе любима, какъ ты любима мной. Продолжай, дорогая Софи́, быть радостью и утѣшеніемъ нашихъ бѣдныхъ и несчастныхъ родителей, и Богъ конечно благословитъ тебя въ этой жизни и въ будущей. Я тоже и за тебя возсылаю къ Нему горячія молитвы и никогда не престану тебя любить отъ всего сердца. Прощай, моя дорогая, моя добрая Софи́.

Твой нѣжный братъ и искренній другъ Павелъ.

VIII. Изъ письма И. Б. Пестеля изъ Петербурга въ деревню къ супругѣ и дочери отъ 1 Мая 1826 года.

(Переводъ съ Французскаго).

Павелъ здоровъ, ведетъ себя благородно, раскаевается, причащался въ Субботу на Страстной недѣлѣ по собственному желанію у пастора Рейнбота, показалъ ему кольцо, полученное отъ матери своей, крестикъ съ распятіемъ, данный ему его любимою сестрою, булавку съ маленькимъ распятіемъ, которую я далъ ему, благословляя его въ день его отъѣзда изъ деревни, три года тому назадъ. Рейнботъ былъ съ нимъ $1\frac{1}{2}$ часа на единѣ и увѣряетъ меня, что онъ совершенно примирился съ Богомъ и нашимъ Спасителемъ. Онъ въ отчаяніи объ огорченіи, которое намъ причинилъ, безпрестанно думаетъ и говоритъ о своихъ родителяхъ, съ трогательнымъ умиленіемъ и съ нѣжностію. Всѣ несчастные въ крѣпости содержатся отлично, не терпятъ недостатка ни въ чемъ, что́ можетъ облегчить ихъ положеніе.

---

[1]) Читатели сличатъ съ этимъ письмомъ предсмертныя письма Рылѣева, нынѣ изданныя П. А. Ефремовымъ. Рылѣевъ тоже и немедленно послѣ 14 Декабря выражалъ глубокое, сердечное раскаяніе. *П. Б.*

[2]) И такъ Пушкинъ по справедливости могъ сказать: „Тому, кого каратъ явно, онъ въ тайнѣ милости творитъ“. *П. Б.*

КАНЦЛЕРЪ КНЯЗЬ БЕЗБОРОДКО.

ОПЫТЪ РАЗРАБОТКИ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ *).

X.

Путешествіе въ Крымъ.—Начало войны съ Турціею.

Присоединенный (указомъ 8 Апрѣля 1783 года) къ Россіи Крымъ Екатерина ввѣрила въ управленіе князю Потемкину, переименовавъ покоренное ханство въ Таврическую губернію, а спустя четыре года рѣшилась лично обозрѣть пріобрѣтенный край. За полгода еще до поѣздки Государыни были сдѣланы распоряженія объ этомъ „историческомъ путешествіи въ Тавриду". Исполнителемъ повелѣній Императрицы былъ графъ Безбородко, какъ видно по исходящимъ бумагамъ его канцеляріи. Однимъ изъ первыхъ распоряженій былъ указъ, данный Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, которымъ повелѣвалось, чтобы министры и повѣренные въ дѣлахъ, находящіеся при иноземныхъ правительствахъ, присылали свои донесенія въ пакетахъ, надписанныхъ на имя „нашего тайнаго совѣтника графа Безбородко", чрезъ посредство посла въ Вѣнѣ [1]).

Почти за мѣсяцъ до отъѣзда въ Крымъ, именно 3-го Декабря 1786-го года, Безбородко сообщилъ о такомъ исключительномъ своемъ положеніи графу Румянцову-Задунайскому и просилъ объ отводѣ ему приличнаго помѣщенія въ Кіевѣ. „Осмѣливаюсь донести", писалъ Безбородко, „что, по качеству министра иностранныхъ дѣлъ, нельзя мнѣ обойтися безъ нѣкотораго рода репрезентаціи, слѣдственно я предпочту хотя и не ближній домъ, но который бы немного пообширнѣе и выгоднѣе былъ, тѣмъ болѣе, что однажды или дважды пріѣхать во дворецъ въ извѣстное и обыкновенное время не будетъ мнѣ въ тягость. Надобно мнѣ при томъ имѣть и нѣкоторые покои для канцеляріи. Я, въ надеждѣ благоволенія вашего, отправляю на слѣдующей недѣлѣ одного изъ секретарей моихъ для полученія приказаній отъ тѣхъ, кому вашему сіятельству угодно будетъ ввѣрить надлежащія по сему случаю распоряженія" [2]).

На второй день новаго 1787 года, въ 11 часовъ утра, при громѣ пушекъ, остановилась Екатерина у церкви Казанской Божіей Матери, „что̀ на Невской перспективѣ" и, помолившись по Русскому обычаю, выѣхала въ Царское Село, изъ котораго предположила отправиться въ Тавриду. Черезъ четыре дня, 7 Января, Императрица тронулась изъ Царскаго Села въ путь, въ раззолоченыхъ экипажахъ, которыхъ насчитывалось до 200. Ее сопровождали знат-

---

*) См. выше, стр. 222.

[1]) Дѣла Кабинета Е. И. В., связка 442, № 572.

[2]) Дѣла Кабинета Е. И. В., связка 442, № 581.—Графъ Румянцовъ былъ тогда Малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ.

нѣйшія придворныя лица, дипломаты и все лучшее общество, которымъ славился Русскій Дворъ [3]).

Маршрутъ Императрицы шелъ чрезъ Смоленскъ, Новгородъ-Сѣверскій, Кіевъ, гдѣ положено было дождаться вскрытія рѣкъ ото льда и потомъ уже продолжать путь по Днѣпру водою на Кременчугъ, въ область Таврическую, оттуда въ Черкаскъ и Азовъ и об-

---

[3]) 26 Октября 1786 года Безбородко сообщилъ графу Румянцову-Задунайскому списокъ лицъ, приглашенныхъ сопровождать Императрицу въ путешествіи. Онъ писалъ: „При семъ имѣю честь приложить списокъ особъ, имѣющихъ быть въ свитѣ Ея Императорскаго Величества, во время путешествія, ею предпріемлемаго, и пребыванія въ Кіевѣ; а при томъ въ долгъ поставляю донести вашему сіятельству, что его величество, Римскій императоръ, вновь подтвердилъ намѣреніе свое быть для свиданія съ Ея Величествомъ, естьли непредвидимыя обстоятельства тому не помѣшаютъ. Отъѣздъ Ея Величества назначается 3-го Генваря изъ Царскаго Села; что́ же касается до ихъ императорскихъ высочествъ, молодыхъ великихъ князей, хотя еще нѣтъ донынѣ точнаго положенія о поѣздкѣ ихъ, но и въ семъ случаѣ свита ихъ состоять будетъ въ Николаѣ Ивановичѣ Салтыковѣ, въ господахъ тайномъ совѣтникѣ Сакенѣ и генералъ-маіорѣ Протасовѣ, да въ четырыхъ или пяти кавалерахъ и учителяхъ. О потребныхъ на починку и уборъ домовъ для Ея Величества деньгахъ не угодно-ли будетъ вашему сіятельству снестися съ княземъ Александромъ Алексѣевичемъ Вяземскимъ, который имѣетъ о томъ генеральное повелѣніе. Списокъ особамъ, въ свитѣ Ея Императорскаго Величества назначеннымъ. Дамы: статсъ-дамы графиня А. В. Браницкая, графиня К. В. Скавронская, камеръ-фрейлина А. С. Протасова. Кавалеры: генералъ-фельдмаршалъ князь Г. А. Потемкинъ, Адмиралтейской Коллегіи вице-президентъ графъ Чернышевъ, оберъ-камергеръ И. И. Шуваловъ, оберъ-шталмейстеръ Л. А. Нарышкинъ, дѣйст. т. сов. графъ А. П. Шуваловъ, генералъ адъютантъ Өедоръ Астафьевичъ Ангальтъ, гофмейстеръ графъ А. А. Безбородко, т. сов. С. Ө. Стрекаловъ, генералъ-маіоръ А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ, генералъ-маіоръ В. И. Левашовъ, гофмаршалъ князь Ө. С. Барятинскій, шталмейстеръ Василій Михайловичъ Ребиндеръ; т. сов. и кавалеры: Е. А. Чертковъ, А. Ю. Нелединскій-Мелецкій; кам.-юнкеры: В. П. Кочубей, графъ П. А. Шуваловъ, д. ст. совѣтн. А. В. Храповицкій, флигель-адъютантъ Сергѣй Лаврентьевичъ Львовъ, дѣйств. статск. совѣтн. и лейбъ-медикъ Иванъ Самойловичъ Роджерсонъ, полковникъ Василій Степановичъ Поповъ, четыре гвардіи капитана. Иностранные: Римско-императорскій посолъ графъ Кобенцель, министръ Англійскій Фицгербертъ, министръ Французскій графъ Сегюръ. Прочіе придворные чины: камеръ-юнгферы Перекусихина и Гучи; двѣ камеръ-медхены, три камеръ-динера; лейбъ-хирургъ Кельхенъ, докторъ Вейкартъ, камеръ-хирургъ Мессингъ, аптекарь Гревсъ.

По иностраннымъ и другимъ дѣламъ, въ вѣдѣніи графа Безбородко состоящимъ: ст. совѣтн. Кохъ, коллеж. совѣтники Львовъ и Трощинскій, секретарей и прочихъ чиновъ 8; кабинетъ-курьеровъ, гвардіи сержантовъ и прочихъ 12; почт-директоръ кол. совѣтн. Селецкій съ чинами почтамту принадлежащими; при дѣйств. статск. сов. Храповицкомъ: секретарей или того чина 2 и курьеровъ 2. (Дѣла Кабинета Е. И. В., связка 448, № 445).

Въ письмѣ къ оберъ-камергеру къ И. И. Шувалову, 15 Ноября 1786 г., Безбородко писалъ: „По случаю предпринятаго Ея Имп. Величествомъ путешествія въ Кіевъ, Херсонъ и область Таврическую, высочайше назначены въ свитѣ Ея Величества господа тайные совѣтники и камергеры: Евграфъ Александровичъ Чертковъ и Александръ Юрьевичъ Нелединскій-Мелецкій; камергеры Петръ Степановичъ Валуевъ и Василій Петровичъ Салтыковъ; камеръ-юнкеры графъ Юрій Александровичъ

ратно чрезъ Харьковъ, Курскъ, Орелъ и Москву [4]). Сегюръ, Французскій посланникъ, участвовавшій въ путешествіи, такъ изображаетъ поѣздъ въ экипажахъ ночью: „Мы ѣхали по огненному пути, котораго свѣтъ былъ ярче солнечныхъ лучей“. Прибывъ въ Черниговъ, Екатерина пожелала увѣковѣчить свое путешествіе и повелѣла выбить въ память его медаль [5]): ясный знакъ, что путешествіе очень Государынѣ понравилось. Въ Нѣжинѣ, по словамъ тогдашнихъ С.Петербургскихъ Вѣдомостей, Ея Величество имѣла ночлегъ въ домѣ Безбородки, и когда Государыня восхищалась красотою Украйны, то Безбородко, горячо любившій свою родину, воспользовался случаемъ и указалъ на ближайшіе пути къ благоустройству земли, богато надѣленной природою [6]).

Головкинъ, Александръ Александровичъ Бибиковъ, Викторъ Павловичъ Кочубей и графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ. Изъ нихъ г. Чертковъ уже отправился съ княземъ Григорьемъ Александровичемъ, по соизволенію монаршему. Господамъ Нелединскому, Кочубею и графу Шувалову Ея Величество указала слѣдовать при себѣ, а прочимъ ѣхать впередъ, какъ скоро по пути все пріуготовлено будетъ“. (Дѣла Кабинета Е. И. В., связка 448, № 514).

[4]) Дѣла Кабинета Е. И. В. связка 442, № 572-й.

[5]) Объ этомъ обстоятельствѣ Безбородко писалъ къ кн. Вяземскому: „Ея Императорскому Величеству угодно, чтобъ ваше сіятельство приказали сдѣлать рисунокъ медали на нынѣшнее ея путешествіе и поспѣшили доставить оный на высочайшее усмотрѣніе и апробацію. На одной сторонѣ сей медали долженствуетъ быть портретъ Ея Величества съ обыкновенною подписью ея имени; на другой—карта путешествія, представляющая знатнѣйшія въ ономъ мѣста съ адписью внизу: „Въ память путешествія въ двадцать пятое лѣто царствованія, 1787 года“; а для верхней надписи приличный настоящему случаю сдѣлать проектъ. Медали будутъ всѣ одной величины, противъ втораго сорта тѣхъ, кои на занятіе Крыма и на открытіе монумента Петру Великому сдѣланы; а различіе только между ими будетъ то, что часть ихъ одна имѣетъ быть золотая, а другая серебряная. О числѣ же, сколько тѣхъ и другихъ потребно, послѣдуетъ впередъ высочайшее повелѣніе. Въ заключеніе сего долгомъ поставляю дать знать вашему сіятельству, что Ея Величество желаетъ, чтобы медали сіи къ возвращенію ея въ Петербургъ совсѣмъ были уже готовы; слѣдственно чѣмъ скорѣе ваше сіятельство доставите помянутый рисунокъ, тѣмъ удобнѣе то будетъ для Ея Величества“.

Въ другомъ письмѣ, отъ 15 Марта 1787 г., Безбородко разъяснялъ это дѣло такъ: „Возвращая при семъ рисунокъ извѣстной медали, имѣю честь увѣдомить ваше сіятельство, что Ея Императорское Величество высочайше апробовать оный изволила съ тѣми надписьми, кои тутъ изображены, исключая только въ картѣ Азовское море, Азовъ и рѣку Донъ, какъ мѣста, коихъ не коснутся въ нынѣшнемъ путешествіи, напротиву же того внеся городъ Полтаву, гдѣ по положенію быть ему слѣдуетъ. Объ отпускѣ для сего дѣла на монетный дворъ изъ Нерчинскаго завода золота и серебра потребнаго количества данъ указъ господину генералу-маіору Соймонову; число же тѣхъ медалей долженствутъ быть золотыхъ сто, а серебряныхъ пятьсотъ“. (Дѣла Кабинета Е. И. В., связка 449, №№ 61. 96-й).

[6]) СПетербургскія Вѣдомости 1787 г., Февраля 9-го дня, № 12, стр. 160. Нѣжинскій домъ Безбородки, въ которомъ останавливалась Екатерина, прежде принадлежалъ генералъ-лейтенанту графу Витгенштейну, какъ объ этомъ замѣчено въ книгѣ: Таврическое путешествіе Русской императрицы Екатерины (Taurische Reise der Kaiserin von Russland Katharina II), переведенное съ Англійскаго на Нѣмецкій языкъ въ Кобленцѣ, 1799 г., стр. 62.

Проживъ затѣмъ болѣе двухъ съ половиною мѣсяцевъ въ Кіевѣ, Императрица, 22-го Апрѣля, отправилась въ дальнѣйшее путешествіе водою, по Днѣпру, на галерахъ. Государыня, въ кругу многочисленной и блестящей свиты, была не болѣе, какъ любезною хозяйкою, и ея обворожительное обращеніе не замедлило отозваться на ея спутникахъ, которые старались перещеголять другъ друга веселонравіемъ. Не щадившій издержекъ, изобрѣтательный князь Потемкинъ строилъ по обоимъ берегамъ Днѣпра селенія и разводилъ сады, чтобы „усладить взглядъ высокой путешественницы". Ему хотѣлось доказать Государынѣ, что одна только ненависть и злоба недоброжелателей могли осуждать правительство за пріобрѣтеніе Крыма.

25-го Апрѣля императорская флотилія подплывала къ мѣстечку Каневу. Здѣсь дожидался Екатерину Польскій король Станиславъ-Августъ. Раннимъ утромъ съ Каневскихъ горъ стала видна царственная флотилія на Днѣпрѣ. Она состояла изъ 22 мачтовыхъ галеръ, за которыми тянулось множество провожатыхъ шлюбовъ, дубовъ и челновъ. На осьмой галерѣ Сновъ помѣщался графъ Безбородко и другіе сановники; на девятой, называвшейся Днѣпръ, подъ краснымъ павильономъ, находилась Императрица; а десятую, Бугъ, занималъ князь Потемкинъ съ своими племянницами. Эти три судна были лучшими изъ галеръ. Когда флотилія, тянувшаяся по Днѣпру, поравнялась съ мѣстечкомъ Каневомъ, всѣ галеры стали на якорь, а по данному пушечному сигналу, съ высоты Каневской горы, называемой Московскою, раздались выстрѣлы. Каневскія горы и удолья полны были народомъ, который любовался невиданной флотиліей.

Король хотѣлъ явиться къ Императрицѣ въ качествѣ князя Понятовскаго, но Екатерина предупредила его, что онъ будетъ принятъ, „какъ король и другъ ея" и что „день этотъ будетъ посвященъ единственно веселью".

Переговоры же о дѣлахъ, а именно о неприкосновенности православнаго Русскаго народа въ Польшѣ и о торговыхъ отношеніяхъ Польши къ Новороссійскому краю, начатые еще княземъ Потемкинымъ въ Хвостовѣ, гдѣ онъ видѣлся съ королемъ 9-го Марта, окончены были, 17-го Марта, въ Каневѣ пріѣзжавшими сюда графомъ Безбородкою и посланникомъ нашимъ въ Польшѣ графомъ Штакельбергомъ. Послѣдній, представляя королю графа Безбородку, сказалъ: „Рѣдкое событіе: подчиненный представляетъ королю своего начальника, ваше величество!" [7])

Въ Каневъ за королемъ были посланы, какъ сообщали современныя газеты, „на собственной шлюбкѣ Ея Величества, гофмейстеръ и тайный совѣтникъ графъ А. А. Безбородко и гофмаршалъ князь Ѳ. С. Барятинскій, и съ ними прибылъ его величество, Станиславъ-Августъ, король Польскій" [8]). Король остался съ Императрицею

[7]) Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, соч. Н. И. Костомарова, СПБ. 1873 г. 2-е изд., стр. 153-я.

[8]) СПБ. Вѣдомости 1787 года, 18 Мая, № 40, стр. 521.

нѣсколько часовъ и получилъ отъ нея Андреевскую бриллiантовую звѣзду и обѣщанiе уладить его дѣла.

Король, зная отношенiя Безбородки къ Императрицѣ и къ государственнымъ дѣламъ, обратился къ нему съ вопросомъ о близости войны у Россiи съ Турцiею. „Не такъ близко къ разрыву, какъ думаютъ", отвѣчалъ Безбородко. „Вамъ, сказалъ король, должны быть извѣстны мои и моего народа желанiя приносить пользу Россiи, и теперь я заявляю это искреннее желанiе и ожидаю приглашенiя и соглашенiя." — „Намѣренiя вашего величества, отвѣчалъ Безбородко, вполнѣ извѣстны; нужно, однако, болѣе спокойнаго времени, чтобы привести ихъ въ исполненiе".

Отвѣтъ этотъ привелъ короля въ робость, какъ онъ самъ признался впослѣдствiи. Ясно, что разговоръ этотъ былъ не искренній: Безбородко зналъ, какъ увидимъ ниже, о близости войны съ Турціей, но лукавилъ передъ Станиславомъ, который тоже неискренно завѣрялъ его въ дружбѣ своего народа.

Что же касается до записокъ, поданныхъ Императрицѣ королемъ въ короткiе часы ихъ свиданiя, Станиславъ не распространялся о нихъ съ Безбородкою, а сказалъ: „Пока я буду заботиться только о томъ, чтобъ охранять себя противъ туземной злобы, которая особенно показала себя на двухъ послѣднихъ сеймахъ. При всемъ моемъ искреннѣйшемъ желанiи, я не могу сдѣлать ничего".—„Противъ этого (утѣшалъ его Безбородко), уже приняты и впередъ будутъ принимаемы мѣры, чтобъ ваше величество не терпѣли подобныхъ непрiятностей".

Разговоръ затѣмъ продолжался при послѣ Штакельбергѣ, который передалъ королю распоряженiя Екатерины. „Императрица велѣла передать вашему величеству: до будущаго сейма еще полтора года; будетъ время подумать. Что же касается до союза съ Россiею, то это такая вещь, которая ей особенно нравится. Надобно это устроить, но только вполнѣ устроить".—„Я, съ своей стороны (добавилъ Безбородко), буду совѣтовать Государынѣ созвать сконфедерованный сеймъ".

Само собой разумѣется, что Станиславъ-Августъ не могъ быть доволенъ этимъ кратковременнымъ свиданiемъ; но на него онъ истратилъ 3 миллiона злотыхъ, ожидалъ его шесть недѣль и не получилъ на немъ разъясненiй даже на свои записки. Объ нихъ передъ отъѣздомъ Безбородко сказалъ ему лишь нѣсколько словъ: „Будьте увѣрены, что все уладится; мы въ принципахъ сходимся; только не нужно разславлять этого, ни собирать экстраординарнаго сейма, чтобъ не возбуждать противъ себя сосѣдей" [9]).

Въ 8-мь часовъ вечера король былъ отвезенъ прежнимъ порядкомъ въ сопровожденiи графа Безбородки и князя Барятинскаго. Долѣе оставаться королю Екатерина не позволила и напомнила ему, чтобъ онъ пригласилъ ея сановниковъ къ себѣ на ужинъ.

---

[9]) Послѣднiе годы Рѣчи Посполитой, Н. И. Костомарова, СПБ. 1873 г. 2-е изд., стр. 154-я.

Въ свою очередь и Государыня осталась недовольна свиданіемъ съ Станиславомъ-Августомъ, о чемъ легко заключить изъ словъ Храповицкаго, записавшаго въ Дневникѣ своемъ, 26-го Апрѣля, по отъѣздѣ изъ Канева: „Отъѣхавъ нѣсколько верстъ, были довольны, что избавились вчерашняго безпокойства. Князь Потемкинъ ни слова не говорилъ; принуждена была говорить безпрестанно; языкъ засохъ; почти осердили, прося остаться. Король торговался на 3, на 2 дни, или хотя для обѣда на другой день".

На третій день по своемъ отъѣздѣ, Станиславъ-Августъ прислалъ графу Безбородкѣ свой портретъ, богато украшенный бриллiантами [10]).

Дальнѣйшее путешествіе Екатерины не было столь благополучно. Судно, на которомъ она ѣхала, оказалось поврежденнымъ, и когда, 28-го Апрѣля, во время слѣдованія къ Кременчугу, настала буря и гребцы выбились изъ силъ, чтобы избѣгнуть пороговъ, то графъ Ангальтъ [11]) и Безбородко стали пособлять гребцамъ и работать изо всѣхъ силъ и только этимъ могли избавиться отъ угрожавшей опасности [12]).

8-го Мая прибылъ на царскую яхту сынъ Задунайскаго, графъ М. П. Румянцовъ, съ извѣстіемъ о проѣздѣ императора Іосифа II чрезъ Миргородъ. Императрица тотчасъ же приказала кинуть якорь и отправилась на берегъ, гдѣ, рядомъ съ галерами, ѣхали придворные экипажи. Тутъ она сѣла въ карету и, въ сопровожденіи двухъ фрейлинъ, Задунайскаго и графа Безбородки, поспѣшила на встрѣчу графу Фалькенштейну, который приближался къ Новымъ Кайдакамъ [13]), въ сопровожденіи Потемкина [14]). Послѣ встрѣчи, 14-го Мая, Екатерина съ Іосифомъ и со всею своею свитою обѣдала у графа Безбородки, въ его слободѣ Бѣлозеркѣ, въ 15-ти верстахъ отъ

---

[10]) Подробности о пребываніи Станислава-Августа въ Каневѣ напечатаны въ книгѣ, изданной въ Варшавѣ въ 1787 г.: „Dziennik - podróży króla Jego Mosci Stanisława-Augusta roku 1787". Отсюда эти извѣстія напечатаны въ статьѣ М. А. Максимовича: „Бубновская сотня", въ Журналѣ Минист. Внутр. Дѣлъ, за 1848 и 1849-й годы.

[11]) Ангальтъ, графъ Ѳедоръ Евстафьевичъ (Фридрихъ-Густавъ), род. $^{10}/_{21}$ Мая 1732 г. Началъ свою службу въ Пруссіи; въ 1783 г., по приглашенію Императрицы, вступилъ въ Русскую службу и пожалованъ званіемъ генералъ-адъютанта. Императоръ Павелъ ввѣрилъ ему въ управленіе Сухопутный Шляхетный Кадетскій Корпусъ, который многимъ обязанъ дѣятельности графа. Онъ погребенъ на Иновѣрческомъ Волковскомъ кладбищѣ въ С.Петербургѣ (Краткая исторія перваго кадетскаго корпуса, А. Висковатаго, СПб., 1832 г., стр. 46—48).

[12]) Жизнь генерала-фельдмаршала, князя Г. А. Потемкина-Таврическаго, СПБ., 1811 г. стр. 112 и 113. Храповицкій, въ Дневникѣ своемъ, 29-го Апрѣля, отмѣтилъ: „Вычернено изъ журнала, что вчера по утру прижало къ берегу галеру Днѣпръ, для того, дабы не вышло пустыхъ разглашеній и толковъ".

[13]) Новые Кайдаки, нынѣ село Екатеринославской губерніи, на правомъ берегу рѣки Днѣпра (Географическій словарь П. П. Семенова, II, стр. 430).

[14]) Русская армія въ вѣкъ Екатерины II, статья М. Богдановича, въ Военномъ Сборникѣ 1873 г., № 12 стр. 209.

Херсона. Здѣсь, по словамъ тогдашнихъ нашихъ вѣдомостей, „гости были угощаемы самимъ хозяиномъ", и Государыня, „обозрѣвъ тамошнее пріятное мѣстоположеніе, возвратилась въ городъ по полудни въ пятомъ часу" [15]). Императоръ Іосифъ положилъ, вмѣстѣ съ нею, первый камень въ основаніе Екатеринослава, посѣтилъ Севастопольскую гавань, осмотрѣлъ Черноморскій флотъ и другія сооруженія, быстро возникшія въ странѣ, незадолго предъ тѣмъ пріобрѣтенной Россіею, и всѣмъ восхищался. Сама Екатерина, внимательно вглядѣвшись не только въ раскинутые по берегамъ Днѣпра сады и селенія, но и въ болѣе существенныя учрежденія новаго края, пришла къ твердому и сознательному убѣжденію, что пріобрѣтеніе его разумно. У Храповицкаго, подъ 21-мъ числомъ Мая, читаемъ: „Говорено было съ жаромъ о Тавридѣ. Пріобрѣтеніе сіе важно; предки дорого бы заплатили за то. Но есть люди противнаго мнѣнія"; а 22 Мая Императрица писала въ Москву изъ Бахчисарая къ П. Д. Еропкину: „Весьма мало знаютъ цѣну вещамъ тѣ, кои съ униженіемъ безславили пріобрѣтеніе сего края. Херсонъ и Таврида со временемъ не только окупятся, но надѣяться можно, что если Петербургъ приноситъ осьмую часть дохода Имперіи, то вышеупомянутыя мѣста превзойдутъ плодами безплодныхъ мѣстъ. Кричали и противъ Крыма и отсовѣтовали обозрѣть самолично. Сюда пріѣхавши, ищу причины такого предубѣжденія неразсуднова" [16]).

Труды Безбородки, вызванные путешествіемъ Императрицы въ Крымъ, были безпрерывны и разнообразны. Архивы правительственныхъ мѣстъ, которыми довелось мнѣ пользоваться, представляютъ наглядное тому доказательство. Большая часть указовъ, подписанныхъ Екатериною въ теченіи полугодоваго путешествія, были писаны самимъ Безбородкою. Даже мелочи проходили чрезъ его руки. Храповицкій, за время пребыванія Императрицы въ Бериславлѣ, что̀ былъ Кизикерменъ, отмѣтилъ: „позванъ графъ Безбородко; спрашиванъ, что̀ готовить къ 28 Іюня (ко дню восшествія на престолъ). Все будетъ мелочь безъ большой работы о Сенатѣ". Особенное вниманіе къ своему ближайшему секретарю, исполнявшему обязанности министра иностранныхъ дѣлъ и отличавшемуся замѣчательнымъ даромъ на-лету схватывать мысли Государыни и удобопонятно переводить ихъ на бумагу, путешествующая Императрица выражала тѣмъ, что, при всякомъ удобномъ случаѣ, удостоивала своимъ посѣщеніемъ его имѣнія. И теперь, 3-го Іюня, отобѣдавъ въ Кривомъ Рогѣ, Екатерина остановилась ночевать въ 46-ти верстахъ оттуда, въ слободѣ Анновкѣ, принадлежавшей Безбородкѣ. За тѣмъ, въ 11-й день своего пребыванія въ Москвѣ, наканунѣ выѣзда изъ нея въ Петербургъ, 3-го Іюля, Императрица пожало-

---

[15]) СПБ. Вѣдомости за 1787-й г., № 41; Дневникъ А. В. Храповицкаго, стр. 35.

[16]) Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи, Вейдемейера, СПБ., 1846 г., стр. 40 и 41.

вала Безбородкѣ домъ графа Бестужева-Рюмина, при рескриптѣ на имя Измайлова, завѣдывавшаго постройкою дворцовыхъ зданій въ Москвѣ [17]). Въ письмѣ къ матери въ тотъ же день Безбородко разсказывалъ объ этомъ такъ: „Во время пребыванія въ здѣшней столицѣ, Ея Императорское Величество всемилостивѣйше пожаловала мнѣ домъ въ Москвѣ покойнаго великаго канцлера графа Бестужева-Рюмина, у наслѣдниковъ его купленный въ казну, повелѣвъ притомъ оный починкою исправить, надстроить и перестроить по данному отъ меня плану на счетъ казенный отъ Екатерининскаго новаго здѣсь дворца. Такимъ образомъ, по милости Ея Величества, буду я имѣть въ Москвѣ одинъ изъ лучшихъ домовъ и въ самой здоровой части города".

Здѣсь кстати упомянуть объ одномъ изъ многихъ писемъ Безбородки за время путешествія, рисующемъ великую душу Екатерины и тотъ восторгъ, съ которымъ встрѣчали и провожали ее подданные. Генералъ-губернаторъ Курскаго намѣстничества, графъ Антонъ Богдановичъ Де-Бальменъ писалъ къ Безбородкѣ, что дворяне, мѣщане и казенные поселяне Курской губерніи изъявили желаніе соорудить монументъ въ память высочайшаго шествія чрезъ Курскую губернію. Сообщая Де-Бальмену о докладѣ его письма Государынѣ, Безбородко, 3 Декабря 1787 года, между прочимъ писалъ: „Всемилостивѣйшая Государыня съ особливою благодарностію пріемлетъ таковое единогласное желаніе помянутыхъ обществъ; но какъ Ея Величество всегда уклонялась отъ подобныхъ приношеній, то и на сей разъ изъявила монаршее свое соизволеніе, чтобъ, вмѣсто сооруженія тлѣнныхъ монументовъ, благонамѣренныя общества Курской губерніи назначенную отъ нихъ для того сумму обратили на заведеніе запасныхъ хлѣбныхъ магазейновъ, изъ которыхъ бы, въ случаѣ настоянія нужды, почерпаема была помощь бѣднымъ людямъ; а сіе самое учрежденіе магазейновъ, при названіи ихъ именемъ Ея Величества, могло бы служить какъ памятникомъ усердія тѣхъ обществъ къ своей обладательницѣ и ея къ нимъ благодѣяній, такъ и полезнымъ на грядущія времена монументомъ [18])". Чувства Государыни, выраженныя въ этомъ письмѣ Безбородкою, съ одной стороны намекаютъ на бѣдственные годы

---

[17]) „Михайла Михайловичъ. Мѣсто, гдѣ былъ домъ покойнаго генерала-фельдмаршала графа Бестужева-Рюмина, въ Москвѣ, на рѣкѣ Яузѣ, противъ Екатерининскаго дворца и возлѣ дворца, именуемаго Лефортовскаго, лежащее, съ имѣющимся наономъ ветхимъ домомъ, всемилостивѣйше мы пожаловали нашему гофмейстеру графу Безбородку, въ вѣчное и потомственное владѣніе, повелѣвая вамъ, изъ матеріаловъ для Екатерининскаго дворца заготовленныхъ, тотъ домъ починить и вчернѣ надстроить, по смѣтѣ, вами представленной. Екатерина. Въ Москвѣ, 3-го Іюля 1787 г." (Дѣла Кабинета Е. И. В. исходящій журналъ А. В. Храповицкаго, связка 439, указъ № 59. Рескриптъ этотъ былъ подписанъ „въ Петровскомъ подъѣздномъ дворцѣ", какъ отмѣчено у Храповицкаго въ исходящихъ книгахъ). Нынѣ домъ этотъ занятъ Ремесленнымъ учебнымъ заведеніемъ Воспитательнаго Дома.

[18]) Дѣла Кабинета Е. И. В., связка 449, № 419-й.

голода, которые переживала тогда Россія и которые такъ живо описалъ князь Щербатовъ, а съ другой—отзываются сдержаннымъ упрекомъ въ отношеніи къ нѣкоторымъ сановникамъ, не принявшимъ предписанныхъ мѣръ къ предупрежденію голода.

Путешествіе Екатерины на Югъ, флотъ, заведенный въ Черномъ морѣ, а главнѣе всего присоединеніе Крыма произвели сильныя волненія въ Турціи и подготовили вторую Турецкую войну. Турція первая рѣшилась нарушить трактаты, что̀ и выразила грубымъ образомъ нашему послу Я. И. Булгакову, который писалъ къ графу Безбородкѣ, отъ 25 Августа (5 Сентября) 1787 г. изъ Едикуля [19]), куда онъ былъ посаженъ озлобленными Мусульманами: „Варварской Турковъ со мною поступокъ, конечно, уже вашему сіятельству извѣстенъ; но не знаю, извѣстны ли онаго обстоятельства и мое положеніе, хотя я много просилъ интернунція [20]) донести о томъ подробно. По возвращеніи моемъ [21]), я тотчасъ примѣтилъ, что головы совсѣмъ здѣсь вскружились. Двѣ мои конференціи и курьеръ отъ 22 Іюля то уже доказывали. Везирь, не видя для себя инаго спасенія, пустился на послѣднюю крайность: 1-го Августа взялъ множество денегъ у банкировъ для подкрѣпленія голосовъ, 2-го собранъ совѣтъ, на который назначилъ даже янычарскихъ офицеровъ, и читалъ предъ держаніемъ халифское заклятіе съ смертною казнію всѣмъ, кто отважится вынести тайну; 3-го склонилъ султана, Богъ вѣсть какимъ обманомъ; 4-го прислалъ звать меня къ Портѣ, а 5-го, въ бытность мою у него, отправилъ въ Едикуль. Выслушавъ его объявленіе, я вошелъ въ разсужденіе; но онъ прервалъ, говоря, что трактатовъ больше нѣтъ и требовалъ моего согласія на уступку Крыма и на заключеніе новаго трактата, прибавляя, что инако всѣ старики и малолѣтные отъ семи лѣтъ пойдутъ на войну. Я едва удержался отъ вопроса: да кто жъ останется стеречь столицу и султана? На требованіе мое, въ силу трактата, выѣхать всѣмъ Россіянамъ безопасно съ ихъ имѣніемъ, отвѣчалъ, что трактатовъ у Порты съ Россіею нѣтъ. Муфти былъ при Портѣ, и везирь, оставя меня, видно, обманомъ, вынудилъ у него фетву на войну. Дворы Порты наполнены были военными людьми, и въ залѣ аудіенціи, когда всѣ были высланы, одинъ изъ его служителей стоялъ надо мною, держа руку на кинжалѣ, какъ бы боялись, чтобъ я не закололъ везиря. При провожаніи, чины Порты почти плакали. Дорогою, кромѣ унынія на всѣхъ лицахъ не было примѣтно, и ни одного слова никто не произнесъ. Поселили меня въ домѣ коменданта, который за часъ только былъ о томъ увѣдомленъ и не успѣлъ еще выбраться изъ покоевъ. Поступаютъ со мною учтиво, но пре-

---

[19]) Въ записной своей книжкѣ Я. И. Булгаковъ отмѣтилъ: „Въ Едикулѣ сидѣлъ я съ 5 Августа 1787 по 5 Ноября 1789 г. всего 825 дней“. Драгоцѣнная переписка графа Безбородки съ Я. И. Булгаковымъ обязательно сообщена мнѣ Петромъ Сергѣевичемъ Киселевымъ, который позволилъ мнѣ воспользоваться ею для настоящаго труда.

[20]) Т. е. посла Римско-императорскаго.

[21]) Изъ Крыма.

рвали все сообщеніе и не допущаютъ никого не только ко мнѣ, но даже и въ крѣпость, а мнѣ самому не дозволяютъ выходить изъ покоевъ и все приносимое осматриваютъ. Интернунцій, сколько ни старался обо мнѣ, всегда съ презрѣніемъ и даже ругательствомъ былъ отвергаемъ. Въ несчастіи моемъ нашелся, однако, человѣкъ, который оправдалъ совершенно и мою довѣренность, и свою преданность къ высочайшему Двору, а именно г. Гонфрисъ. Онъ въ самый день моего заключенія изыскалъ средство прислать ко мнѣ все нужное и находитъ оныя понынѣ меня кормить, содержать, утѣшать и доставлять извѣстія о происходящемъ. По всѣмъ догадкамъ заключаю, что везирь, отвергнувъ всѣ о моей свободѣ представительствы, намѣренъ меня съ собою взять; но то его несчастіе, что никто на войну идти не хочетъ,—нѣтъ палатокъ, и онъ не въ состояніи выступить ниже чрезъ четыре мѣсяца. Станется также, что поджидаютъ капитанъ-пашу, дабы его здѣсь оставить. Но, какъ бы то ни было, опасность для меня велика. Везирь, или при неудачѣ, поступитъ со мною варварски, или самъ, конечно, будетъ изрубленъ; а въ сей суматохѣ и я пострадать могу несумнѣнно. Но все въ рукахъ Божіихъ. Для меня все кончилось; не надѣюсь уже способнымъ быть къ службѣ; осталось только желать успѣховъ неминуемыхъ оружію нашей всемилостивѣйшей Монархини. Взятіе Очакова, Суджака, Ахалциха, почитаемыхъ здѣсь за непреоборимую ограду, не только въ крайнюю приведетъ робость Турковъ, и безъ того уже едва отъ страха дышущихъ, но и отниметъ надежду, подпору и пристанище у дикихъ народовъ, коихъ послали возмущать противъ Россіи, начиная отъ Суджака до самаго Каспійскаго моря. При полученіи сего письма, эскарды ихъ держаться въ морѣ ужъ не могутъ и должны или погибнуть, или сюда воротиться. При словѣ о мирѣ не нужны намъ никакія медіаціи, которыя только крайній вредъ принесутъ. Сколь ни скоропостижно меня схватили, успѣлъ я скрыть наиважнѣйшія бумаги, цыфры, архиву моего времени, дорогія вещи и проч. Казна также въ цѣлости, хотя и не велика. Прочее понынѣ не разграблено; но что̀ послѣдуетъ, не знаю. О моемъ не забочусь. Все, что̀ ни имѣю, имѣю все отъ щедротъ всемилосердой нашей Матери: ибо во всю службу нигдѣ и ничѣмъ не корыстовался ни во вредъ оной, ни въ предосужденіе моему характеру, чему свидѣтелями и по смерти моей послужатъ всѣ, кто только меня зналъ. Таковое безпорочное всегда мое поведеніе даетъ мнѣ смѣлость просить всепокорнѣйше ваше сіятельство повергнуть меня въ послѣдній, можетъ быть, разъ къ священнымъ стопамъ и отдать справедливость моему усердію, вѣрности и старанію, съ каковыми я исполнялъ на меня возложенное. Дерзаю также, исполняя долгъ природы, слезно просить о неоставленіи бѣднаго моего отца, ежели онъ еще живъ, безпомощной моей фамиліи и того еще несчастливѣйшихъ малолѣтныхъ моихъ дѣтей, коихъ не имѣлъ я времени и воспитать годными къ высочайшей службѣ. Не могу я не упомянуть еще о г. Гонфрисѣ. Онъ болѣнъ и былъ на отъѣздѣ въ Англію, куды призываютъ его и попеченіе о здоровьѣ, и нужда привести въ порядокъ немалое наслѣдство; но все прене-

брегъ, дабы быть полезну въ моемъ несчастіи, не смотря ни на какія слѣдствія. Живу я его деньгами и на всякій случай заберу у него до двухъ тысячъ червонныхъ, что̀ все прошу приказать заплатить изъ моего жалованья. Прочія дѣла и расходы миссіи поручилъ я держать барону Гюбшу, подъ вѣдомствомъ интернунція. Пишу украдкою и не знаю еще, какъ доставить. Служа подъ повелѣніями вашего сіятельства, могъ васъ чѣмъ прогнѣвать, или не успѣлъ оныхъ исполнить. Ожидаю въ нынѣшнемъ моемъ нагломъ и опасномъ положеніи великодушнаго прощенія. Беру во свидѣтеля Бога, Который все видитъ и предъ Котораго вскорѣ предстану, что когда въ чемъ и погрѣшилъ, было то не съ умысла и противъ моей воли. Кто не подверженъ, впрочемъ, зависти и клеветѣ?“

Варварскій поступокъ съ Русскимъ посломъ нельзя, конечно, вполнѣ приписывать Турціи, изъ памяти которой еще не могли изгладиться блестящія побѣды Румянцова-Задунайскаго. Интриги Пруссіи и Англіи видимо оказали сильное вліяніе на Порту. Дѣйствительность этихъ интригъ подтверждается и словами графа Безбородки, переданными графу Сегюру, который въ своихъ мемуарахъ записалъ: „Графъ Безбородко, пригласивъ меня къ обѣду, говорилъ: тогда какъ мы, сообща съ вами, всячески старались сохранить миръ, министры Прусскій и Англійскій подрывали наши усилія своими кознями и пугали великаго везиря и рейсъ-ефенди личными для нихъ опасностями. Они указывали на нашъ торговый трактатъ, какъ на актъ оборонительнаго союза съ вами, на наши вооруженія на Югѣ, какъ на признакъ скораго нападенія. Наконецъ, они пользовались всѣми поводами, чтобы вовлечь Турокъ въ войну съ нами, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряли ихъ въ счастливомъ исходѣ, представляя имъ въ преувеличенномъ видѣ затруднительныя обстоятельства въ Брабантѣ и нашъ неурожай. Поэтому, къ нашему удивленію, только что Булгаковъ пріѣхалъ изъ Севастополя въ Константинополь, Порта, вмѣсто того чтобы продолжать переговоры о спорныхъ пунктахъ, дерзко потребовала возвращенія Крыма, угрожая нашему министру заключеніемъ, если, въ самый короткій срокъ, не получится удовлетворительнаго отвѣта. Вы видите, что никогда нападеніе не было такъ явно и, не смотря на это, я теперь еще могу увѣрить васъ, что Императрица, хотя и обижена, однако не думаетъ о разрушеніи Оттоманской имперіи. Она хочетъ только удовлетворенія за нанесенную обиду. Чтобы достигнуть этого, она полагается на дружбу короля, и если, благодаря его посредничеству, Порта отвергнетъ злые совѣты, возвратитъ свободу Булгакову и извинится въ своемъ поступкѣ, то Государыня согласится возобновить переговоры на тѣхъ же основаніяхъ, какія предложены были до разрыва“ [22]).

Коханъ-туй (конскій хвостъ) давно уже висѣлъ въ везирскомъ coралѣ: война была объявлена.

Приготовленія къ ней дѣлались и въ Петербургѣ. Здѣсь, 31 Августа, былъ созванъ Совѣтъ, умноженный противъ обыкновеннаго

[22]) Записки графа Сегюра, СПБ. 1865 г., стр. 250 и 251-я.

своего состава осьмью членами. Императрица открыла засѣданіе слѣдующими словами: „Я, чаю, вы знаете, что Турки нарушили миръ съ нашею имперіею и дерзнули даже посадить въ Семибашенный замокъ министра моего. Вы сами разсудите, какія мѣры должны быть приняты и съ моей стороны въ такихъ обстоятельствахъ. Для изъясненія же всего коварнаго и вѣроломнаго поведенія Порты, съ заключенія мира при Кайнарджѣ до нынѣшняго времени, сообщена вамъ будетъ отъ департамента иностранныхъ дѣлъ записка, которую я нарочно составить велѣла" [23]).

Послѣ рѣчи Государыни, Безбородко прочелъ составленную имъ записку о причинахъ къ разрыву мира съ Турціею и другія необходимыя къ ней приложенія. Записка Безбородки имѣетъ то важное значеніе, что въ ней до подробностей выяснена политика Порты по отношенію къ Россіи. Она послужила главнымъ матеріаломъ для манифеста о войнѣ, составленнаго Безбородкою же, и почти вся въ него введена. Кромѣ множества интересныхъ историческихъ подробностей, характеризующихъ тогдашнія отношенія Россіи съ Турціею, записка излагаетъ и слѣдующіе факты:

„Пошлину, подъ названіемъ мастерія, отъ которой Россійскій торгъ точно освобожденъ былъ, (Порта) обратила ухищреннымъ образомъ въ такое учрежденіе, что тягость ея, сложенная на покупщиковъ у Россійскихъ купцовъ или на продающихъ имъ, упадала не меньше и на счетъ нашихъ. Предуспѣвая, съ одной стороны, страхомъ оружія нашего и безъ пролитія крови усмирять бунтующихъ (Татаръ), съ другой же, не желая, по сродному намъ миролюбію, чтобъ и другіе наши споры и недоразумѣнія произвели войну, употребили мы и наши твердыя настоянія, и добрыя услуги дружественныхъ намъ державъ къ обращенію Порты на миролюбивое взаимныхъ дѣлъ распоряженіе. Но посреди наружнаго ея соглашенія на таковое распоряженіе, сверхъ сильныхъ военныхъ пріуготовленій, направлены были ея подвиги на удержаніе въ Татарахъ мятежнаго духа и на присвоеніе себѣ силы въ земляхъ ихъ, такъ что, отправивъ прежде въ городъ Суджакъ, коего принадлежность Туркамъ оспариваема была, двубунчужнаго пашу и съ нимъ извѣстнаго возмутителя Магметъ-Гирея-Бея, вскорѣ затѣмъ послала въ Тамань чиновника ея съ войскомъ, который присланному отъ хана Шагинъ-Гирея съ вопрошеніемъ о причинѣ прихода его отсѣкъ голову. Нѣтъ нужды распространять разныхъ неуваженій и озлобленій консулямъ и другимъ подданнымъ нашимъ, по торговлѣ и по прочимъ дѣламъ оказанныхъ. А хотя министерство Турецкое и являло наружное желаніе поправлять непорядки подобные, но нерѣдко противу всякой справедливости уклонялось отъ доставленія правосудія и удовлетворенія, нашимъ подданнымъ принадлежащаго. Доводомъ того служитъ поведеніе ея въ дѣлѣ касающемся до убійства шкипера Попандопула, предъявя въ извиненіе лжесвидѣтельство Турецкое, будтобы онъ самъ себя умертвилъ,

---

[23]) Архивъ Госуд. Совѣта, СПБ., 1867 г., т. I, ч. 1, стр. 459.

въ обидѣ флагу нашему и дому нашего консуля въ Кандіи и въ явномъ пренебреженіи капитанами кораблей Порты условій, къ коммерческомъ трактатѣ изображенныхъ, въ неподаніи, торговому нашему судну помощи противъ морскаго разбойника въ водахъ Порты Оттоманской флагу нашему прикоснувшагося. Сія держава, возымѣвъ напрасныя подозрѣнія на бывшаго въ Молдавіи господаря Александра Маврокордата, прислала Капичи-Башу для его низложенія. Сей владѣтель, имѣя всѣ причины страшиться, что за низложеніемъ его послѣдуетъ и самый мучительный конецъ жизни его (по примѣру предмѣстника его князя Гики, въ 1777 году безчеловѣчно умерщвленнаго) рѣшился спасать себя бѣгствомъ и взять пристанище подъ сѣнію церкви нашей православной, которая не могла не дать ему убѣжища, наипаче тогда, когда торжественныя о сихъ княжествахъ постановленія толь явно нарушены были отъ самой Порты и когда къ заступленію нашему, трактатомъ выговоренному, столь малое вниманіе оказано было. Въ 1783 году заключенъ между нами и царемъ Карталинскимъ и Кахетинскимъ торжественный трактатъ, въ коемъ сей владѣтель, отрекшися отъ всякой посторонней зависимости, отдалъ себя съ его владѣніями подъ покровительство и верховную власть нашу и преемниковъ нашихъ. Принятіе его подъ державу нашу не было противно обязательствамъ нашимъ съ Портою, ибо царь Карталинскій не зависѣлъ отъ имперіи Турецкой. Порта, извѣстна будучи о нашемъ трактатѣ, не дѣлала ни малѣйшаго оспариванія, да и не имѣла права вмѣшаться въ дѣло для нея постороннее; но обратила коварныя свои дѣйствія въ ту сторону, подкрѣпляя посредствомъ паши Ахалцыкскаго Лезгинъ нападать на области царя Карталинскаго, раззорять оныя и плѣнить Христіанъ. Напоминанія наши не подѣйствовали, и на требованіе рѣшительное со стороны нашей наказанія паши Ахалцыкскаго за нарушеніе сосѣдней дружбы и воздержанія подданныхъ Турецкихъ отъ нападенія на земли помянутаго царя, отвѣтствовала она упорствомъ исполнить требованіе наше, предъявя тутъ мнимое ея право на царя Карталинскаго“.

Обширная записка оканчивалась слѣдующими словами: „Свѣтъ безпристрастный увидитъ, когда всѣ сіи происшествія ему предъявлены будутъ, что когда съ нашей стороны предшествовали искренность, умѣренность и миролюбіе, напротивъ того съ Турецкой коварство и наглость сопровождали всѣ сея державы поступки“ [24]).

По окончаніи чтенія записки, Государыня заявила, „что она конечно весьма любитъ миръ“, но въ настоящемъ случаѣ „не можетъ уже она внимать никакимъ предложеніямъ“. Совѣтъ единодушно одобрилъ принятое Императрицею намѣреніе требовать отъ Турціи удовлетворенія за оскорбленія, нанесенныя коронѣ и достоинству Россійской Имперіи, особенно потому, что число войскъ „весьма

---

[24]) Записка эта, переписанная писаремъ, исправлена рукою графа Безбородки. Она приложена къ протоколамъ Государственнаго Совѣта 1787 года, хранящимся въ Архивѣ этого Совѣта, стр. 12—28. Въ печатномъ изданіи Архива Госуд. Совѣта о ней только упомянуто: т. I, ч. 1, стр. 459-я.

достаточно къ надлежащему начатію военныхъ дѣйствій". Кромѣ того союзникъ Екатерины, императоръ Іосифъ II, писалъ: „Получа извѣстіе, что одинъ изъ вашихъ слугъ посаженъ въ Семибашенный замокъ, я, будучи также вашимъ слугою, посылаю въ походъ всѣ мои войска". Императорскій же посолъ графъ Кобенцель завѣрялъ вице-канцлера, что Государь его „пріемлетъ происшествіе сіе за casus foederis" [25]).

Предводителями нашихъ войскъ были назначены князь Потемкинъ и графъ Румянцовъ-Задунайскій. Война съ Турціею поглощала все вниманіе Совѣта. Сношенія съ главнокомандующими, иностранными державами, обсужденіе мѣръ, предполагаемыхъ для лучшаго веденія войны были, постояннымъ предметомъ совѣщаній въ Совѣтѣ. Всѣ эти сношенія велись непосредственно чрезъ графа Безбородку, какъ докладчика Императрицѣ по военнымъ дѣламъ. На его имя со всѣхъ сторонъ присылались письма и даже донесенія главнокомандующихъ [26]).

Россія была застигнута войною въ расплохъ, и Безбородко видѣлъ и сознавалъ превосходство силъ Турціи, которая, задумавъ войну, приготовлялась къ ней уже нѣсколько лѣтъ. Еще бо̀льшія затрудненія ожидались отъ вмѣшательства Пруссіи и Англіи. Хотя Англійскій статсъ-секретарь лордъ Кармартенъ и Прусскій Дворъ увѣдомляли вице-канцлера „о неосновательности слуховъ, будто Англійскій посолъ Енсли и Прусскій Дицъ въ Царѣградѣ способствовали воспаленію настоящей войны", но тѣмъ не менѣе это была правда: потому-то Совѣтъ „полагалъ, что на эти отзывы прилично отвѣтствовать взаимнымъ въ словахъ расположеніемъ, разумѣя впрочемъ оныя одною политическою уловкою о противномъ тому". Такую же неискренность заподозрилъ Совѣтъ и въ сообщеніяхъ Версальскаго Двора, не смотря на завѣренія гр. Сегюра, который оставилъ намъ любопытнѣйшее извѣстіе о своемъ разговорѣ съ графомъ Безбородкою и этимъ извѣстіемъ вполнѣ подтвердилъ мнѣніе Совѣта о неискренности Франціи [27]). „Я отправился къ графу Безбородку" (пишетъ Сегюръ), „къ тому изъ министровъ Императрицы, который болѣе другихъ пользовался ея довѣріемъ и, поговоривъ съ нимъ о дѣлахъ Константинопольскихъ, о вступленіи герцога Брауншвейгскаго въ Голландію и о замѣшательствахъ, возбужденныхъ Пруссіею въ Брабантѣ, высказалъ ему мое собственное мнѣніе, что нужно наконецъ противодѣйствовать замысламъ Кабинетовъ Лондонскаго и Берлинскаго, которые хотятъ посѣять

---

[25]) Случай, когда надо исполнить обязательство союза.

[26]) Въ началѣ войны, именно 6 Сентября, въ засѣданіи Совѣта читалось письмо князя Потемкина къ гофмейстеру графу Безбородку, излагавшее, какимъ образомъ расположилъ онъ ввѣренныя ему войска для охраненія границъ нашихъ и лучшаго противъ непріятеля ополченія. Другія донесенія и письма, адресованныя на имя Безбородки, упоминаются въ Архивѣ Государственнаго Совѣта и легко могутъ быть провѣрены по приложенному къ этому изданію указателю.

[27]) Архивъ Государств. Совѣта, СПБ., 1869 г., т. 1, ч. 1, стол. 474, 476, 478, 483 и 488.

раздоръ на Югѣ и на Сѣверѣ Европы. Ясно, что ихъ дѣйствія,— говорилъ я,—направлены противъ интересовъ Франціи въ Голландіи, противъ Австріи въ Нидерландахъ и противъ спокойствія Императрицы: ея вліяніе мѣшаетъ имъ, и они хотятъ лишить ее Крыма. Кажется, наступило время намъ соединиться и сблизиться, чтобы поддержать спокойствіе Европы, которое хотятъ нарушить эти честолюбивыя державы. „Я согласенъ съ вами (отвѣчалъ министръ), но имѣете ли вы основанія думать, что ваше правительство того же мнѣнія? Вотъ что намъ нужно знать прежде всего, прежде чѣмъ сообщить что нибудь Императрицѣ". „Я говорилъ о томъ (отвѣчалъ Сегюръ) только съ вице-канцлеромъ, а мысли свои сообщилъ только вамъ, потому что знаю вашу разсудительность и осторожность и знаю, какое довѣріе оказываетъ вамъ Императрица". Тайна осталась тайной до вечера слѣдующаго дня. Въ эрмитажномъ театрѣ Императрица сказала послу: „Вы вчера говорили съ графомъ Безбородкою. Все что̀ онъ мнѣ передалъ, мнѣ очень понравилось. Я вижу, что король угадываетъ настоящія средства для того, чтобы разрушить интриги, которыя затѣваются противъ насъ". На другой день и графъ Безбородко подтвердилъ графу Сегюру о намѣреніяхъ Екатерины. Кажется (говорилъ онъ) ей очень хочется, чтобы этотъ союзъ скрѣпился при вашемъ посредничествѣ. Она такъ рѣшительно выразила желаніе скорѣе уладить это дѣло, что, по моему мнѣнію, теперь вамъ можно будетъ поговорить о немъ съ вице-канцлеромъ. Вы можете быть увѣрены, что ему предписана будетъ строжайшая тайна. Императоръ, вѣроятно, предупрежденъ о намѣреніяхъ вашего кабинета" [28]). Дальнѣйшія событія показали, чего добивалися Европейскія державы.

Наши первые шаги въ войнѣ съ Турціею были неудачны: Севастопольскій флотъ былъ разбитъ бурею, Потемкинъ упалъ духомъ, медлилъ осадой Очакова и молчалъ. Послѣднимъ обстоятельствомъ Безбородко весьма тревожился. Свои мысли о тогдашнемъ положеніи дѣлъ онъ высказалъ въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову. „Трудно себѣ представить мои заботы. Я разумѣю не то, чтобъ или времени, или силъ не достаетъ, но то, что о многомъ надобно брать ad referendum [29]) въ Новороссійскую губернію, а оттуда ни на что не добьешься не скораго, но уже и никакого отвѣта. Время ближится къ высылкѣ флота нашего, а дѣло стало за войсками и генераломъ. По мѣсяцу почти курьеровъ не имѣемъ. Въ случаѣ неудачъ ожидаю навѣрное, что тутъ и негодованіе на насъ, а главнѣйшее на меня обратится, при пособіи всякихъ коварныхъ происковъ, кои опять здѣсь умножаться стали. Я истинно ихъ не уважаю, но нельзя не заботиться, что подобныя происшествія публикою и свѣтомъ относимы будутъ на недосмотрѣніе министерства, у котораго ни силы, ни способовъ дѣлать лучше не достаетъ. Естьли бы можно было только вершить войну безъ потери и хотя съ весьма умѣренными выгодами, направилъ бы я тогда всю возмож-

---

[28]) Записки графа Сегюра, СПБ. 1865 г., ст. 267—269.

[29]) На донесеніе.—Т. е. посылать за совѣтомъ къ князю Потемкину.

ность свою не допускать разрушать покой иногда легкомысленно, вѣдая, что онъ для насъ всего полезнѣе, а при упрямствѣ, по крайней мѣрѣ, пожелая добраго успѣха, своимъ покоемъ поспѣшу воспользоваться".

(*Продолженіе будетъ*).

ОЧЕРКИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ФАМИЛІЙ.
МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВА ВЪ XVII И XVIII В.

СОБИРАЕМЫЕ А. М. ЛАЗАРЕВСКИМЪ *).

6. ГАМАЛѢИ.

1. Михайло } Высоцкіе, родныя братья.
2. Яковъ }
3. Григорій Гамалѣя, полковникъ Лубенскій 1666—87 съ промежутками. † 1702. Ж. Марья Васильевна . **1**.
4. Андрей, сотникъ Лохвицкій 1679—88. Въ 1690 году генеральный есаулъ. . . . . **1**.
5. Михаилъ, сотникъ Лохвицкій 1693; генер. бунчуковый 1703; хорунжій 1707; есаулъ 1708. Ж. Меланія. . . **4**.
6. Антонъ, генер. есаулъ 1708. Ж.: 1-я, Марья Семіоновна Самойловичъ † 1706; 2-я дочь Сумскаго полковника Кондратьева . . . . **4**.
7. Андрей, бунчук. товарищъ; убитъ 1706. Ж. Настасья Михайловна Миклашевская, по второму мужу Корецкая . . . . **4**.
8. Иванъ, сотникъ Лохвицкій 1727; бунчук. товарищъ 1735. Ж.: 1-я, Евдокія Лизогубъ; 2-я, N. . . . . **5**.
9. Степанъ, Ж. Татьяна . . . . **5**.
10. Александръ, бунчук. товар. 1735. Ж. Агаѳья Леонтіевна Свѣчка. . . . . **5**.
11. Ѳедоръ, бунчук. товар. 1735 . . . . **5**.
12. Осипъ, бунчуков. товар. 1735. . . . . **5**.
13. Дочь. М. Ѳедоръ Алексѣевичъ Дмитрашко-Раичъ. **5**.
14. Марья. М. Степанъ Михайловичъ Милорадовичъ . . . . **5**.
15. Григорій, бунчуков. товар. 1742 . . . . **6**.
16. Василій, бунчуков. товар. † 1726. Ж. Маѳа Григорьевна Квитка, дочь Харьковскаго полковника, р. 1703. **7**.
17. Григорій, бунчуков. товарищъ † 1737. Ж. Евдокія Владиміровна Борозднa † 1755 . . . . **7**.
18. Иванъ, генеральный судья 1760. Ж.: 1-я, Маѳа Анненкова; 2-я, Анна Ивановна Бороздна, вдова графа Гаврилы Рагузинскаго. . . . . **7**.
19. Иванъ . . . . **8**.
20. Андрей. Ж. Маѳа . . . . **8**.

---

*) См. выше стр. 311.

21. Марья. М. Василій Стефановичъ, сотникъ Лохвицкій 1731 . . . . **8**.
22. Татьяна. М. Николай Сукъ, лѣкарь . . . . . . **9**.
23. Семенъ, подпоручикъ . . . . **10**.
24. Яковъ, бунчук. товар. 1766; колежскій асесоръ и Пирятинскій городничій 1783. Ж. Катерина Семеновна Мандрика . . . . **10**.
25. Өедоръ, прапорщикъ 1784 . . . . **10**.
26. Анна. М. Григорій Манжосъ. . . . . **11**.
27. Меланья. М. Жуковскій. . . . . **11**.
28. Ульяна. М. Себастьяновичъ . . . . **11**.
29. Иванъ, бунчуков. товар. 1767. Ж.—Өедосья Ивановна Елецкая . . . . **12**.
30. Михайло, бунчуков. товар. 1767; секундъ-майоръ 1787. Ж. Варвара Николаевна Троцина. . . . . . . **12**.
31. Лаврентій. **15**.
32. Василій. . . . . **15**.
33. Григорій . . . . **15**.
34. Михаилъ, бунчук. товар. 1775; потомъ—колежскій асесоръ. . . . . **18**.
35. Николай. . . . . **18**.
36. Елена. М. Григорій Андреевичъ Политика. . . **18**.

О происхожденіи своемъ Гамалѣи, въ к. XVIII в., разсказывали, что они „происходятъ отъ древняго Польскаго шляхетнаго рода Высоцкихъ, жившихъ въ Подольскомъ воеводствѣ, въ Летичевскомъ повѣтѣ. Первый изъ извѣстныхъ жившій тамъ же, на своихъ шляхетныхъ имѣніяхъ, назывался Михайло Высоцкій, а братъ его родной—Яковъ Высоцкій [1]). Сей Михайло имѣлъ у себя двухъ сыновъ, Григорья и Андрея Высоцкихъ, которые во время начавшейся у гетмана Богдана Хмельницкаго и Малороссійскаго народа съ Польшею войны, пристали, для единовѣрія, къ сторонѣ его, Хмельницкаго. Первый изъ нихъ, Григорій Высоцкій употребленъ былъ отъ гетмана Богдана Хмельницкаго, въ посольство къ Турецкому султану, который, увидѣвъ его, назвалъ Гамалѣею, что̀ по увѣренію знающихъ Турецкій языкъ, значитъ—великаго возрастомъ, сильнаго и къ понесенію всякихъ трудовъ способнаго человѣка, каковъ былъ помянутый Григорій Высоцкій. По сему-то случаю, самъ ли собою или по гетманскому повелѣнію или же по народному названію, помянутый Григорій, а ему слѣдуя и братъ его Андрей, оставивъ прозваніе Высоцкихъ, начали называться Гамалѣями“ [2]).

Григорій Г-я принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ междоусобицахъ, волновавшихъ Малороссію со времени Богдана Хмельницкаго до гетманства Мазепы. Въ 1662 г. онъ держалъ сторону Самка и поставленъ былъ отъ него Черкасскимъ полковникомъ; но когда Тетеря овладѣлъ право-

---

[1]) Яковъ Гамалѣя упоминается въ 1674 г. и называется „швагеромъ“ Андрея Дорошенка. Симбирск. Сборн. 1845. Малор. Дѣла, 135.

[2]) Дѣло о родѣ Гамалѣевъ въ арх. Черниг. Двор. Деп. Собр. Есть упоминаніе о посольствѣ Григорія Г-я къ Турецкому султану, 1659 г. Памятники Кіевск. Ком. III. отд. 3, стр. 337.

бережною Малороссіею, Григорій Г-я перешелъ на лѣвый берегъ и въ 1663 г.. сталъ Пирятинскимъ сотникомъ. Съ этого времени онъ является сторонникомъ Брюховецкаго, побѣдившаго партію Самка и Золотаренка; въ 1665 г., будучи уже Лубенскимъ полковникомъ, Г-я взялъ Корсунъ съ находившеюся тамъ генеральною старшиною Тетери — соперника Брюховецкаго [1]). Въ томъ же году Григорій Г-я ѣздилъ съ Брюховецкимъ въ Москву, получилъ, въ числѣ другихъ полковниковъ, дворянство и населенную маетность село Хоружевку. По возвращеніи Брюховецкаго въ Малороссію, Григорій Г-я былъ имъ заподозрѣнъ въ сношеніяхъ съ Дорошенкомъ и за то, около года просидѣлъ въ Гадячѣ, „въ оковахъ" [2]). По смерти Брюховецкаго, Григорій Г-я перешелъ на сторону Дорошенка и во время Чигиринскихъ походовъ былъ его наказнымъ. Съ паденіемъ Дорошенка, Григорій Г-я перешелъ служить къ Самойловичу и въ концѣ его гетманства, занималъ прежній свой урядъ—Лубенскаго полковничества. При Мазепѣ Гамалѣя оставилъ службу вовсе и жилъ до смерти, въ 1702 г., въ своихъ маетностяхъ. Кромѣ Хоружевки, онъ пріобрѣлъ еще села Бодавку и Вел. Пески. Маетности эти, по его смерти, перешли къ брату его Андрею. Вдова Григорія Г-и жила еще и во время Шведскаго нашествія: по универсалу 17 Марта 1709 г., „панѣ Марія Григоріевая Гамалѣевая" получила въ пожизненное владѣніе Бодавку, и кромѣ того за ней утверждено было право на купленный фольварокъ Хрули. Скоропадскій утвердилъ за нею эти маетности, „респектуючи на зруйновання добръ еи отъ непріятельскаго войска Шведскаго, отъ котораго она, п. Гамалѣиная, за слабостью и старостью лѣтъ своихъ, не могучи нѣгде на сторону ухилитися, со всею господарства осталась оголоченна".

Младшій братъ Григорія, Андрей Г-я около десяти лѣтъ служилъ Лохвицкимъ сотникомъ (1679 — 690), а потомъ получилъ отъ Мазепы урядъ генеральнаго есаульства. Получивъ въ 1683 г. отъ своего полковника Илляшенка небольшой участокъ земли около с. Жабокъ, Андрей Г-я, пользуясь своею властью, прибавилъ къ нему сосѣднія земли и устроилъ хуторъ, настоящее село Бербеницы. Жабковскіе селяне въ 1732 г. разсказывали, что Андрей Г-я „занявши селище Бербеницы, перво хуторъ тамъ устроилъ, а послѣ, когда стали населяться къ тому хутору люди и имъ поля недоставало для паханья и кошенья травы, то онъ, Гамалѣя, будучи сотникомъ, у отцовъ выпросивъ степь, съ давнихъ временъ принадлежавшую къ Жабкамъ, учинилъ загоны и заоръ [3]), пока ему тою выпрошенною степью владѣть". Вмѣстѣ съ есаульствомъ, Андрей Г-я получилъ отъ Мазепы и два села: Середину-Буду и Конотопскую Семяновку. Около этого же времени, онъ поселилъ слободу Гамалѣевку въ Глуховскомъ уѣздѣ и устроилъ при ней небольшой монастырь, „пустыньку". Ставъ генеральнымъ есауломъ, Андрей Г-я воспользовался своимъ положеніемъ

---

[1]) Величко II, 88. Бант.-Каменскій называетъ Гамалѣю въ это время Глуховскимъ полковникомъ (II, 83), но такого полка не существовало.

[2]) Кажется, Гамалѣя былъ даже отправленъ въ Москву, въ ссылку; современникъ его, въ 1666 г., говоритъ, что, „Юрій Незамай, Гамалѣя и Высочанъ вины никакой не имѣютъ, а страждутъ отъ него (Брюховецкаго) напрасно; а здѣшнимъ людямъ и смерть не такъ страшна, что Московская отсылка". Акты Ю. и З. Рос., VI, 104.

[3]) Земельныя границы „обгоняли плугомъ для доводу (доказательства) и крѣпости, въ потомные часы".

и вошелъ въ родственныя связи съ старинною старшиною, посредствомъ браковъ своихъ сыновей. Ихъ было трое:

Михаилъ, занявшій послѣ отца Лохвицкій сотничій урядъ; онъ положилъ основаніе богатству, которымъ понынѣ владѣютъ его потомки въ Полтавской губерніи. По двумъ универсаламъ Мазепы 17 Августа и 13 Декабря 1694 г., Михаилъ Г-я получилъ два села—Безсалы и Ивахники [1]; затѣмъ въ 1703 г. Михаилъ уже былъ генеральнымъ бунчучнымъ, въ 1707 г. хоружимъ, а въ слѣдующемъ генеральнымъ есауломъ; въ этомъ же 1708 г., 25 Мая, гетманъ далъ ему с. Позники. Такими милостями привлекалъ Мазепа старшину на свою сторону, готовясь привести въ исполненіе свои планы объ отдѣленіи Малороссіи отъ Россіи.—Михаилъ Г-ѣ хотя и пошелъ за Мазепою къ Шведамъ, но весною 1709 г. вернулся и 3 Марта получилъ универсалъ, въ которомъ Скоропадскій писалъ: „хотя п. Михайло Гамалѣя, есаулъ генеральный, съ иными особами прелестью измѣнника къ Шведамъ былъ уведенъ, однако теперь въ сторону монаршую возвратился и вѣрно служить его царскому величеству обязался“, почему гетманъ подтвердилъ ему всѣ тѣ маетности, которыми Г-ѣя владѣлъ до ухода за Мазепою. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого универсала, Скоропадскій прибавилъ Михаилу еще старое Гамалѣевское село—Вел. Пески, „респектомъ его вѣрности къ маестатови монаршому“. Михайломъ Г-ѣею, значитъ, дорожили и старались крѣпче его привязать къ себѣ. Однакожъ, когда послѣ изгнанія Шведовъ, стали разбирать дѣло сторонниковъ Мазепы, то и Михайло Г-ѣя былъ въ чемъ-то заподозрѣнъ и отправленъ въ Москву, откуда возвращенъ былъ только въ 1715 г. [2]).

Послѣ Михаила осталось пять сыновей, которые такъ подѣлились отцовскимъ наслѣдствомъ: Иванъ взялъ В. Пески, Степанъ—Ивахники, Өедоръ—Бербеницы, а Александръ съ Осипомъ—Безсалы пополамъ. Позники еще раньше были отданы въ приданое Милорадовичу.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣтяхъ Михаила имѣемъ лишь относительно двухъ, Ивана и Осипа. Иванъ Михаиловичь женился первымъ бракомъ на Евдокіи Лизогубъ, за которою взялъ богатое приданое; но все богатство свое, какъ наслѣдственное, такъ и взятое за первою женою, онъ растратилъ, женившись послѣ вдовства на второй женѣ. Зять его, Лохвицкій сотникъ Стефановичъ, приводитъ въ одной своей жалобѣ 1731 г. слѣдующія свѣдѣнія о жизни своего тестя. Тесть мой п. Иванъ Гамалѣя, много задолжавъ людямъ, всѣ „добра“ свои позакладывалъ, а нѣкоторыя изъ нихъ и „двойственными записами въ заставу (закладъ) же позаписывалъ“ и желаетъ за значительную сумму все заложить или и вовсе продать, будто для уплаты своихъ долговъ, на что надѣяться нельзя. Да „материзны“ жены моей взялъ: готовыхъ денегъ — 1700 червонцевъ, да талерами 2000, кромѣ остальнаго „внесення“ (приданаго) нашей матери,

---

[1]) Уже въ это время Михайло Г-я былъ настолько силенъ, что, получивъ Безсалы, онъ, кромѣ посполитыхъ, подчинилъ себѣ въ этомъ селѣ и козаковъ. Когда возникъ было споръ внука его Осипа съ сосѣдомъ Яцыною за одну изъ Безсальскихъ степей, то свидѣтели показывали, что „за державы Михаила Гамалѣи тотъ степъ свободный былъ; какъ же завладѣлъ Безсалами Гамалѣя, то и степъ тотъ увесь завладѣлъ; только на ономъ было всегда свободно косить такъ заровно козакамъ, какъ и мужикамъ: ибо тогда всѣ были Гамалѣевскіе, какъ мужики, такъ и козаки“.

[2]) Зап. Марковича I, 460.

которому у меня и реестръ имѣется [1]); и все то богатое „внесенне“ тесть растратилъ и позакладывалъ и намъ не только что не отдаетъ, а еще и у насъ отбираетъ: изъ шести кунтушовъ, отданныхъ женѣ моей, самый лучшій, „адамашковій“, отобралъ и отдалъ женѣ своей, а нашей мачехѣ. И впредь о возвращеніи должнаго намъ не только не мыслитъ, но еще и гнѣвается, подстрекаемый мачехою; а мачеха злобствуетъ на меня за то, что я, „разсмотрѣвши экономію ихъ“, замѣтилъ разъ, что она мужнія добра напрасно такъ тратитъ; „перла покупаючи, крестики справляючи и перерobляючи, штофовіе съ позументомъ себѣ и дѣтямъ своимъ, еще въ колыскѣ будучимъ, уборы справляючи и прочіе смѣху годные вещи покупаючи“ и—то все въ долгъ, на отцовскую шею, набирая; да что также я, увидѣвъ у нѣкоторыхъ кредиторовъ записи на млины, гаи, сѣнокосы и другія добра, какія она, мачеха, въ отсутствіи отца нашего, сама позакладывала, назвавши ихъ своими, замѣтилъ ей съ удивленіемъ, что, имѣя такъ много экономіи, не можетъ тѣмъ обойтись, а еще и закладываетъ имѣнія. И за то она, мачеха, „неуврачеванно, по природному нраву своему, злобствуючи, не перестаетъ п. тестя моего на гнѣвъ подущать“. — Дѣйствительно, Иванъ Мих-чъ растратилъ свое наслѣдство: сначала онъ заложилъ В. Пески генералу Гампфу [2]), а въ 1746 г. и совсѣмъ продалъ бунчук. товарищу Евѳиму Дарагану, „со всѣми принадлежащими къ нему угодіи, съ землею пахатною и сѣнокосною, съ людьми, подданными и ихъ всѣми грунтами“, за 12 тысячъ рублей.

Интересныя свѣдѣнія объ Осипѣ Г-ѣѣ сохранились въ дѣлѣ о ссорѣ его съ своимъ приходскимъ священникомъ Кантаровскимъ. Послѣдній, въ жалобѣ своей 1728 г., разсказываетъ объ этой ссорѣ. Вдовствующій священникъ села Безсалъ, державства ихъ милостей пановъ Александра и Осипа Гамалѣевъ, взялъ меня изъ Кіевомогилянскихъ училищъ за зятя къ своей дочерѣ съ такимъ уговоромъ, чтобъ потомъ уступить мнѣ свои имѣнія и „усыновить къ престолу своему“, съ вѣдома и позволенія п. п. Гамалѣевъ. Такъ все и сдѣлалось. Когда же тесть мой отошелъ въ монастырь, п. Осипъ, державца половины села того Безсалъ, не вѣдаю за что, озлобясь на меня, сталъ дѣлать мнѣ разныя притѣсненія. Злоба его дошла до крайности, когда разъ, при совершеніи литургіи, во время переноса св. тайнъ, я не помянулъ его п. Осипа: не давши мнѣ и разоблачиться, прислалъ онъ въ церковь слугъ своихъ, чтобъ привели меня къ нему въ домъ; когда же я пришелъ къ нему, Гамалѣѣ, и сталъ, „по обычаю своему священническому“, читать достойно есть, — онъ п. Осипъ сначала порвалъ меня за волоса, а потомъ, положивши, билъ меня „шелепомъ“, пока воли стало. — При слѣдствіи, самъ Осипъ Г-ѣя разсказалъ объ этомъ оскорбленіи священника, слѣдующее. Въ прошломъ 1728

---

[1]) Въ этомъ реестрѣ означены между прочимъ, слѣдующія вещи: кунтушъ блакитній златоглавній на соболяхъ;—кунтушъ бѣлій табиновій на соболяхъ;—кунтушъ червоній златоглавній зъ бляшкою, легкій;—кунтушъ аксамитній червоній;—кунтушъ луданорій рожовій; — кунтушъ суконній кривавій на рисяхъ шлями; запасокъ златоглавнихъ три; плахотъ девять; шапка гаптована на аксамитѣ; китликъ аксамитній; запона златоглавная червоная; поясовъ срѣбнихъ два, а третій поясъ съ каменнямъ; маниста перловіе; ланцужки золотіе; червоніе дукати; перснѣ; карета съ парою возниками.

[2]) Въ 1738 г. гвардіи майоръ Гампфъ скупалъ козачьи и крестьянскія земли въ сс. М. Дѣвицѣ, Обычевѣ и Толкачевкѣ, по сосѣдству съ имѣніями графа Вейсбаха (Ряски и Смошь), котораго онъ былъ, кажется, зятемъ.

г., въ вербную субботу, посылалъ онъ слугу своего Ониска въ церковь позвать священника отца Кантаровскаго къ себѣ въ домъ, для переговоровъ по одному дѣлу и для того, чтобъ съ нимъ водки напиться и пообѣдать", при чемъ дѣйствительно сказалъ слугѣ своему, что если Кантаровскій не пойдетъ, то чтобъ привели его силою. По этому зову священникъ и пришелъ къ нему, Осипу Г-ѣѣ, принесъ просфору и когда поклонился ему, то онъ, взявъ его за плечи, наклонилъ ниже и сказалъ „положитися на землю". Кантаровскій „самъ и положился на землѣ; и такъ его лежачаго канчукомъ (нагайкою) ударилъ разовъ съ десятокъ или больше, загорнувши верхнюю одежду, а за волосы не рвалъ". Потомъ онъ, Г-ѣя, пригласилъ священника обѣдать, но отъ обѣда онъ отказался; однакожъ рюмку водки выпилъ и затѣмъ ушелъ. А билъ его онъ, Осипъ, съ гнѣву, за ссору его съ своею женою и за то, что онъ, на ектеніи и на переносѣ, поминаетъ всѣхъ его братьевъ, а его, Осипа, не поминаетъ. И за тотъ побой и безчестье онъ, Гамалѣя, съ Кантаровскимъ впослѣдствіи помирился; и помирившись, бывали одинъ у другаго на обѣдѣ и на „учтѣ"; а на воскресенскихъ праздникахъ — „яйцами вареными рядки били и тѣжъ рядки вмѣстѣ ѣли" [1]).

Изъ краткихъ этихъ свѣдѣній о дѣтяхъ Михайла Г-ѣи можно сдѣлать одно заключеніе, что изъ пяти сыновей его ни одинъ не выдвинулся изъ многочисленнаго ряда тѣхъ бунчуковыхъ товарищей половины XVIII в., которые, получивъ готовыя имѣнія, нажитыя отцами ихъ, по наслѣдству, стали уклоняться отъ войсковой службы, сосредоточивъ свою дѣятельность на хозяйствѣ.

Второй сынъ Андрея Мих-ча, Антонѣ Г-ѣя благосостояніе свое думалъ устроить женитьбою. Старшій сынъ гетмана Самойловича, Семіонъ около десяти лѣтъ управлялъ Стародубскимъ полкомъ и нажилъ здѣсь богатыя маетности; въ 1685 г. онъ умеръ, оставивъ вдову (Марью Өедоровну, изъ роду Сулимъ) съ двумя дочерьми, обѣими Марьями. По низложеніи Самойловича, не только его имущество было конфисковано, но и имущество его дѣтей—Григорія и Якова; но вдову Семіона почему-то пощадили. На старшей ея дочери и женился Антонъ Г-ѣя. Въ ожиданіи наслѣдства своей жены, онъ сталъ заводить свое хозяйство въ томъ же Стародубскомъ полку, въ сс. Посудичахъ и Жигалкахъ, частью выпрашивая свобоцныя земли у козаковъ, не цѣнившихъ еще своихъ богатствъ, а частью покупая у нихъ же. Посудицкій козакъ разсказывалъ въ 1728 г.: „П. Антонъ Гамалѣя едного времени, пріѣхавши въ Посудичи, привезъ горѣлки (водки), всякаго яствія и собралъ толову (пóмочь) на свое поле жито жать; туда же сошлось много и старинныхъ людей (стариковъ) Посудицкихъ; и всѣхъ ихъ п. Гамалѣя чествовалъ (подчивалъ) и потомъ, подъ веселую мысль, упросилъ, чтобъ уступили ему общевольной дубровы; и всѣ до того приступили, позволили закопать ту дуброву. П. Антонъ Г-ѣя ту дуброву закопалъ, выростилъ и владѣлъ ею до самой руины (1709 г.) свободно". — Покупки были такого рода: „Максимъ Куликъ, житель Посудицкій, добровольно продалъ чвертку своего поля въ Посудичахъ п. Ан-

---

[1]) Арх. Млрск. Кол., № 4375. Показаніе Гамалѣи было довольно вѣрное, такъ какъ Кантаровскій, въ улику ему, могъ только сказать, что, послѣ побоевъ, онъ водки у Г-ѣи не пилъ и—за тѣмъ на воскресенскихъ праздникахъ, пригласивъ къ себѣ Өедора и Осипа Г-ѣевъ, „рядковъ съ нимъ не билъ, а били яйца красныя". Битье „рядковъ яицъ", вѣроятно, составляло какой нибудь обычай, о которомъ теперь мы ничего, кажется, не знаемъ.

тону Г-ѣѣ, за 20 копѣекъ; Ѳедоръ Коршакъ продалъ шестерину поля ему же, Г-ѣѣ, за ту же цѣну; Степанъ Бѣлоножка продалъ ему же полчертки поля за пять талеровъ битыхъ и осмачку жита".

Но Антонъ Г-ѣя пережилъ свою жену, которая умерла въ 1706 г., оставивъ малолѣтняго Григорія. По смерти дочери, Марья Ѳедоровна не отдала зятю слѣдовавшей на долю внука половины имѣній своего мужа, а взяла этого внука къ себѣ, на воспитаніе. Антонъ Г-ѣя женился во второй разъ, тоже на богачкѣ, на дочерѣ Сумскаго полковника Андрея Герасимовича Кондратьева [1]); отъ этого брака вовсе дѣтей не было, и кромѣ того вторая жена почему-то больше жила у матери. Въ 1708 г., Антонъ Г-ѣя, будучи также генеральнымъ есауломъ, ушелъ какъ и старшій братъ, за Мазепою; но покинулъ послѣдняго не вмѣстѣ съ Михайломъ, а уже послѣ Полтавскаго сраженія. Въ это время большинство сторонниковъ Мазепы „вину свою принесли", но повинная не была принята, какъ видно изъ слѣдующаго указа 18 Марта 1710 г., Скоропадскому: „Указали мы, великій государь, измѣнниковъ, бывшихъ напередъ сего въ генеральной старшинѣ, Василя Чуйкевича, Дмитрія Максимовича, да полковниковъ Дмитрія Зеленскаго, Юрья Кожуховскаго, Якова Покотила, канцеляриста Григорья и козака Антона Гамалѣя, которые было довелись за свои дѣла смертной казни, послать въ ссылку на вѣчное житье: Чуйкевича, Зеленскаго, канцеляриста Григорья и козака Гамалѣю—въ Сибирь; Максимовича, Кожуховскаго, Покотила къ городу Архангельскому, съ женами и съ дѣтьми; и тебѣ бъ гетману Ивану Илличю, тѣхъ вышеписанныхъ измѣнниковъ, женъ и дѣтей для той ссылки прислать къ Москвѣ, въ Приказъ Малыя Россіи, за карауломъ" [2]). Антону Г-ѣѣ трудно было выпутаться изъ этого дѣла: по слѣдствію открылось, что онъ, уходя за Мазепою, силою увлекалъ и другихъ. [3]) Родовыя его маетности,—Хоружевка, Ярошевка и Гамалѣевка,—были отобраны.

Сосланный Антонъ Г-ѣя оставилъ одного сына Григорія (какъ жившій не при отцѣ, онъ былъ отъ ссылки освобожденъ), который житейскія свои неудачи подробно разсказывалъ въ одной изъ многихъ своихъ жалобъ. „По смерти матери моей въ 1706 г., отецъ женился на второй женѣ, а я былъ взятъ на воспитаніе бабкою, Марьей Сулимовной; а потомъ и бабка моя умерла, оставивъ всѣ свои имѣнія (мѣст. Семіоновку, с. Гремячее и друг.), не раздѣляя ихъ, до моего совершеннолѣтія, второй своей дочерѣ, а моей теткѣ, Марьѣ, женѣ Михаила Корсака, которой и меня вручила въ опеку. По смерти тетки, я остался на рукахъ мужа ея, который сначала нѣкоторое попеченіе имѣлъ обо мнѣ; а потомъ, желая завладѣть слѣдовавшею мнѣ частью изъ дѣдовскихъ имѣній, выпросилъ въ 1709 г. у гетмана универсалъ, по которому всѣ тѣ имѣнія были утверждены за Корсакомъ, а меня при этомъ онъ утаилъ. — Когда же сталъ я приходить въ возрастъ и могъ самъ уже начать хлопоты за свое наслѣдство, Корсакъ — подъ видомъ обученія меня Латинскому языку — выслалъ меня въ Польшу. Пользуясь моимъ отсутствіемъ, Корсакъ выправилъ себѣ въ 1718 г. на дѣдовскія имѣнія и царскую грамоту. И не зналъ я о той грамотѣ, пока не вернулся изъ Польши; но и тогда Кор-

---

[1]) У внука его, въ 1785 г., въ Сумскомъ уѣздѣ было болѣе 73000 десятинъ земли. Опис. Харьковск. епархіи, архіепископа Филарета, III, 380.

[2]) Указъ въ засвидѣтельствованной копіи XVIII в. въ нашей б-кѣ; объ исполненіи этого указа—письмо Скоропадскаго къ гр. Головкину, въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. 1859, I, 267.

[3]) Матеріалы для Отечеств. Исторіи Судіенка, II, 43.

сакъ продолжалъ обнадеживать меня скорымъ раздѣломъ наслѣдства, изъ котораго я получилъ отъ него лишь х. Холопецъ, съ десятью подсосѣдками. По смерти же Михаила Корсака, всѣмъ дѣдовскимъ наслѣдствомъ, въ которомъ считалось болѣе тысячи дворовъ, завладѣлъ сынъ его Максимъ. Тогда я обратился въ 1731 г., къ гетману Апостолу съ челобитьемъ, по которому хотя Корсакъ и былъ вызванъ въ генеральный судъ, но ему дѣлали всякія понаровки, потому что сынъ гетмана, Иванъ, былъ женатъ на родной его сестрѣ, Еленѣ.—Такъ дѣло и затянулось.—Просьбу эту Григорій Г-ѣя писалъ въ 1742 г., уже на имя императрицы; но не удалось ему добиться правды: имѣнія Самойловича остались въ родѣ Корсаковъ, отъ которыхъ потомъ перешли къ Ладомірскимъ.

Третій сынъ Андрея Мих-ча, Андрей выбралъ себѣ жену такую же богачку, какъ и братъ его Антонъ: онъ женился на дочерѣ Стародубскаго полковника Михаила Миклашевскаго; но и ему не удалось устроить богатство своимъ дѣтямъ: въ 1706 г. онъ былъ убитъ вмѣстѣ съ тестемъ, сражаясь со Шведами въ Несвижѣ. Вдова его снова вышла замужъ за Петра Корецкаго, нажила другихъ дѣтей, а дѣти отъ перваго брака остались безъ оберегателя. Вслѣдствіе этого дѣти Андрея Г-ѣи ничего не получили изъ материнскихъ имѣній, а должны были подѣлиться однимъ отцовскимъ наслѣдствомъ, которое состояло изъ селъ Середины-Буды, Семяновки и Юдинова, полученныхъ Андреемъ Г-ѣею въ 1690—96 гг. Пользуясь малолѣтствомъ дѣтей послѣдняго, Скоропадскій отобралъ у нихъ лучшую маетность—Середину-Буду, „для певныхъ причинъ", въ замѣнъ которой далъ около Юдинова два села, Борщовъ и Чеховку. Братья сначала не дѣлились и жили—Василій съ Григоріемъ въ Борщовѣ, а Иванъ въ Юдиновѣ. Какъ хозяйничали Василій и Григорій въ своемъ Борщовѣ, видимъ изъ жалобы ихъ крестьянъ, которые въ 1723 г. писали Полуботку „о своей незносной скорби и обидахъ отъ державцовъ Гамалѣенковъ". Требуютъ съ насъ державцы, жаловались крестьяне, безмѣрные „пригоны" (барщину), выгоняя съ каждаго двора всѣхъ, отъ мала до велика; многихъ изъ насъ согнали Гамалѣи съ нашихъ старинныхъ грунтовъ, а землю, огороды и покосы себѣ позабирали; а мы съ той земли и подати выплачиваемъ, и солдатъ кормимъ. А когда случится у нихъ какой „актъ" (съѣздъ гостей), то для угощенія все берутъ у насъ: барановъ, гусей, утей, курей, поросятъ. А какъ попросили у нихъ мы милости и облегченія, такъ они стали страшить насъ страхомъ великимъ и грозили бить насъ „березинами", войту по двѣстѣ, а мужику по сто березинъ, говоря: вы наши вѣчные подданные, кровью запечатаны (намекъ на смерть отца въ сраженіи), и не можетъ васъ никто у насъ отобрать! И просимъ — разобрать нашу жалобу здѣсь, въ Глуховѣ, и установить опредѣленіе о количествѣ годовыхъ работъ (опредѣленіе табели рóковой) такъ какъ безъ этого намъ страшно и домой возвращаться [1])" Видно, что Гамалѣи вводили въ Борщовѣ новые порядки, которые тѣмъ тяжелѣ ложились на крестьянъ, что новымъ державцамъ этой маетности пришлось устраивать въ ней и новое хозяйство.

Въ 1725 г., Василій Г-ѣя попалъ въ число бунчуковыхъ, назначенныхъ въ Гилянскій походъ и на дорогѣ, въ Царицынѣ, написалъ свое завѣщаніе, по которому имѣнія свои назначилъ женѣ своей, „таковымъ обра-

---

[1]) Жалоба Борщевцевъ, довольно обстоятельная, подана была Полуботку въ виду тѣхъ облегченій, которыя обѣщалъ Малороссійскому народу царскій указъ, установлявшій въ Глуховѣ коллегію съ Вельяминовымъ во главѣ.

зомъ, что ежели она похочетъ, честно правлячи по смерти моей чинъ свой удовинный, старатися за душу мою и свою, то повинна до смерти своей моимъ владѣть убожествомъ; буде же она, жена моя, въ молодомъ сущи вѣку, похощетъ посягнути замужъ, то, вмѣсто четвертого жеребья, дать ей надлежитъ 600 рублей". — Завѣщаніе было написано кстати: въ Маѣ слѣдующаго года, въ Дербентѣ, „Василій Г-ѣя представился отъ болѣзни, именуемый *етруаета*", какъ отмѣтилъ Марковичъ въ своемъ дневникѣ, а на другой день „погребенъ при церквѣ. Все бунчуковое товарищество при погребеніи было со знакомъ, и сто человѣкъ трикратно стрѣляли". Вдова Василія сохранила „удовинный чинъ" и кромѣ того поступила въ Харьковскій Хорошевскій монастырь, гдѣ нѣкоторое время была и игуменьею [1]).

Второй братъ, Григорій Г-ѣя, умеръ въ 1737 г. бездѣтнымъ, какъ и Василій. Имѣнія ихъ перешли къ Ивану. Наслѣдство свое послѣдній увеличилъ богатымъ приданымъ, которое взялъ за падчерицею Путивльскаго помѣщика Семена Неплюева, Маѳою Анненковою. Почти цѣлую жизнь Иванъ провелъ въ спорахъ съ Неплюевымъ за наслѣдство своей жены, которые нерѣдко сопровождались очень характерными насиліями. Приводимъ здѣсь отрывки изъ одного прошенія, поданнаго Неплюевымъ гр. Разумовскому въ 1750 г. „Имѣю я во владѣніи своемъ въ Путивльскомъ уѣздѣ, на Великороссійскихъ земляхъ, деревни, въ сосѣдствѣ съ имѣніями Ивана Андреевича Гамалѣи, полученными имъ въ приданое за своею женою; и тотъ Гамалѣя чинитъ мнѣ великія притѣсненія: крѣпостныя мои деревни разорилъ и крестьянъ моихъ со всѣмъ ихъ имуществомъ перевелъ въ свои деревни; сжегъ мой хуторъ съ домомъ, заграбивъ скотъ и пожитки; наконецъ приступилъ къ собственному моему селу Успенскому, гдѣ имѣю жилой свой домъ, и стоялъ здѣсь, окруженный значительною толпою, немалое время; вслѣдствіе чего принужденъ былъ я уходить со всею семьею, ночью, въ Конотопъ, при чемъ на дорогѣ уморилъ отъ страху малолѣтнюю свою дочь. А Гамалѣя, безъ бытности моей, снова приступилъ къ тому селу, во многолюдствіи, съ огненнымъ ружьемъ, съ копьями и съ косами, навязанными на длинныя древка, при чемъ люди его были перевязаны черезъ плечи красными, широкими поясами; и людей тѣхъ было болѣе двухъ тысячъ. И стрѣлялъ Гамалѣя съ людьми своими въ мой домъ и копьями кололъ; и весь заборъ разломали; и забралъ при этомъ Гамалѣя весь оставшійся еще скотъ, какъ мой, такъ и крестьянъ моихъ. А крестьянамъ моимъ нѣтъ возможности изъ села выѣхать за нуждами своими: сейчасъ ихъ ловятъ и отводятъ въ деревни его Гамалѣи, гдѣ онъ ихъ заковываетъ въ желѣза и держитъ подъ карауломъ по мѣсяцу и больше [2])".

По смерти первой своей жены, Иванъ Г-ѣя женился на вдовѣ графа Гаврилы Рагузинскаго, дочерѣ Ив. Лавр. Борозды, за которою также взялъ немалое приданое: одними деньгами три тысячи рублей. Служилъ онъ, по обыкновенію, бунчуковымъ товарищемъ; въ 1743 г. былъ назначенъ членомъ генеральнаго суда, а въ отставкѣ получилъ и чинъ генеральнаго судьи. Передъ смертью, онъ завѣщалъ Стародубскія свои имѣнія женѣ, съ правомъ распредѣлить ихъ между дѣтьми отъ втораго брака [3]); Путивльскія же имѣнія съ Семяновкою достались старшему сыну Михаилу.

---

[1]) Опис. Харьк. Епарх., I, 131.

[2]) Арх. Малорос. Кол., № 14609.

[3]) Румянцовск. опись, т. 73, л. 1112; рукопись Черниг. Статист. Комитета.

7. ГЕРЦИКИ.

1. Семенъ Герцикъ, выкрещенный Еврей изъ Умани 1650. Ж. Агаѳья, за втор. муж. Петромъ Михайловичемъ Забѣлою, генер. обозным. . . . .
2. Павелъ, полковникъ Полтавскій, 1675 — 76, 1683—86, 1692—95 . . . . 1.
3. Григорій . . . . 2.
4. Иванъ . . . . 2.
5. Дочь. М. Филиппъ Орликъ, генер. писарь 1708. . . 2.
6. Дочь. М. 1-й, Григорій Новицкій; 2-й Лангъ, майоръ 2.
7. Николай, священникъ мѣстечка Вел. Будищъ. . . . . 3. Въ 1794 г., двѣнадцать дворянъ Полтавск. уѣзда, засвидѣтельствовали, что Григорій Герцикъ былъ дѣйствительно предокъ Николая, а сынъ Николая—Павелъ показалъ, что Григорій Герцикъ былъ его дѣдъ [1]).
8. Павелъ, священникъ с. Покровскаго, Бахмутск. уѣзда. Ж. Меланья Романовна Сербинъ. . . . . 7.
9. Григорій. Ж. Дарья Мищенко . . . . 7.
10. Константинъ. Ж. Лизавета Гринева . . . . . 7.
11. Александръ, діаконъ. . . . . 8.
12. Данило, канцеляристъ; жилъ въ 1805 г. въ с. В. Будищахъ . . . . 9.
13. Исакъ, тоже . . . . 9.

О происхожденіи Герциковъ разсказываетъ современникъ, Василій Кочубей, что отецъ Павла, полковника Полтавскаго, былъ „Жидъ изъ Уманя, который пришелъ въ Полтавщину незадолго до войнъ Хмельницкаго и скупалъ тамъ „лисицѣ, тхоры, вощаны и иншіе подліе рѣчи, яко убогій; и застало его тамъ дѣло войны Хмѣльницкаго; гдѣ (когда), яко всюда, Жидовъ бито, такъ и ему тая же смерть мѣла быти; но онъ никому досады не учинивши, зложился крещеньемъ“ [2]). Крестилъ его Тимоѳей Жученко, братъ Полтавскаго полковника, и назвалъ Семеномъ. Крестившись, Семенъ Герцикъ продолжалъ торговлю разнымъ мелкимъ „крамомъ;“ а по смерти его, тѣмъ же дѣломъ занимались и вдова его съ сыномъ Павломъ. Въ 1667 г., пріѣхалъ въ Полтаву генеральный судъ, разъѣзжавшій иногда по полкамъ, „сессіями,“ для большаго удобства тяжущихся; квартира судьямъ отведена была въ домѣ вдовы Семена Герцика, Агаѳьи; судьями тогда были—Петръ Забѣла и Павелъ Животовскій. Первый изъ нихъ, будучи вдовцомъ, посваталъ въ это время вдову Ивана Яковлевича Искры, но Искриха отказала; тогда Забѣла посваталъ уже безъ отказа, свою хозяйку — вдову Герцика. Въ это время по разсказу Кочубея, сынъ ея Павелъ торговалъ „въ рынку Полтавскомъ зъ крамомъ подлымъ, зъ голками, шпильками и банками; аже природы былъ цѣховой“... Породнившись съ Забѣлою, который вскорѣ затѣмъ получилъ урядъ генеральнаго обознаго, Павелъ Г-къ бросилъ крамарство и, съ помощью вотчима, задумалъ войти въ кругъ Полтавской старшины. Успѣхъ его въ этомъ желаніи обусловливался какъ свойствомъ съ однимъ изъ

[1]) Арх. Полт. Двор. Деп. Собр., дѣло о родѣ Герциковъ.
[2]) Чтенія Моск. Общ. Истор. и Др. 1859, I, 146.

первыхъ войсковыхъ урядниковъ, такъ еще болѣе конечно, „цѣхавою природою“ Павла. Въ 1675 г. онъ добился прежде всего должности полковаго писаря, который, по тогдашнему малограмотству полковой старшины, часто имѣлъ преобладающее вліяніе на полчанъ, особенно въ дѣлахъ судебныхъ. Въ это время, какъ разсказываетъ Кочубей, Герцикъ, „подольстившися и подмогоричившися козакамъ Полтавскимъ, не съ заслуги какой военной, но по лукавому обману, сдѣлался Полтавскимъ полковникомъ; и, побывши на томъ урядѣ нѣкоторое время, былъ скинутъ“ [1]). Мы имѣемъ указанія, какимъ образомъ Герцикъ „подольстился“ своимъ полчанамъ: вслѣдъ за своимъ избраніемъ, Герцикъ отдалъ имъ на судъ дѣло о постройкѣ предшественникомъ его Левенцомъ новой гребли у Чернаго Озера, которою подтоплялись мельничныя плотины другихъ козаковъ и мѣщанъ Полтавскихъ. Полчане съ радостью судили бывшаго своего полковника и присудили греблю его уничтожить [2]). Однакожъ и съ помощью такихъ средствъ, Герцикъ продержался только около году и былъ смѣненъ сначала Яковенкомъ, а потомъ—тѣмъ же Левенцомъ. Вообще нужно сказать, что Полтавскій полкъ во второй половинѣ XVII в. рѣзко отличался своими общественными порядками отъ другихъ „городовыхъ“ полковъ и, по отзыву современниковъ, интересы свои соединялъ болѣе съ Запорожьемъ, чѣмъ съ Гетманщиной; извѣстный Меѳодій, епископъ Мстиславскій, въ 1666 г. говоритъ, что „Запорожцы съ Полтавцы живутъ совѣтно, что́ мужъ съ женою“ [3]). Во втор. половинѣ XVII в. Запорожье существенно отличалось отъ Гетманщины тѣмъ, что въ первомъ—старшина никогда не могла добиться преобладанія надъ массой „войска“ и всегда находилась у нея въ подчиненіи. Тоже явленіе встрѣчаемъ за это время и въ Полтавскомъ полку. Начиная со смерти Пушкаря, въ Полтавскомъ полку нѣсколько коноводовъ постоянно вели межъ собою интриги за полковничій урядъ и при этомъ, должны были конечно, дѣйствовать на страсти полчанъ, которые оттого и мѣняли своихъ полковниковъ такъ легко и часто, что напр. Ѳедоръ Жученко, тесть Кочубея, въ продолженіе тридцати лѣтъ, не менѣе шести разъ получалъ и терялъ полковничій перначъ [4]). При такомъ положеніи дѣлъ, Герцику не трудно было угодить массѣ и получить полковничій урядъ. Отставленный въ 1676 г., Герцикъ продолжалъ, вмѣстѣ съ другими, вести интригу противъ Левенца, который около этого времени, отличившись въ Чигиринскихъ походахъ, былъ въ особенномъ почетѣ у гетмана. Объ этой ин-

---

[1]) Тамъ же, 147.

[2]) Протоколы Полтавск. полков. суда XVII. в., рукопись.

[3]) Акты Ю. и З. Россіи, VI, 99.

[4]) Приводимъ здѣсь послѣдовательный списокъ Полтавскихъ полковниковъ, составленный съ помощью архивныхъ свѣдѣній, изъ котораго видно, какъ часто мѣнялись эти полковники. — Мартынъ Пушкарь 1658. Кирикъ Пушкарь (сынъ Мартына) 1658. Ѳедоръ Жученко 1661. Демьянъ Гужолъ 1661 — 62. Савва Омельницкій 1663. Григорій Витязенко 1665 — 67. Константинъ Кублицкій 1668. Филонъ Горкуша 1669. Ѳедоръ Жученко 1671. Демьянъ Гужолъ 1673. Прокопъ Левенецъ 1674 — 75. Павелъ Герцикъ 1675 — 76. Демьянъ Яковенко 1677. Прокопъ Левенецъ 1677 — 78. Ѳедоръ Жученко 1679. Леонтій Чернякъ 1680—82. Павелъ Герцикъ 1683—86. Ѳедоръ Жученко 1687—89. Леонтій Чернякъ 1689. Ѳедоръ Жученко 1689—91. Павелъ Герцикъ 1692—95. Иванъ Искра 1696 — 1700. Иванъ Левенецъ 1703 — 708. Иванъ Чернякъ 1709 — 726. Василій Кочубей 1726—43. Андрей Горленко 1743 — 774. Павелъ Алексѣевичъ Измайловъ 1774—80.

тригѣ сохранился очень интересный универсалъ Самойловича, писанный 9 Марта 1679 г. „Сими днями, товариство ваше, писалъ гетманъ Полтавской старшинѣ, прислало намъ листъ, подписанный Демьяномъ Гужоломъ, Ѳедоромъ Жученкомъ, Павломъ Герцикомъ и другими, съ жалобою на полковника вашего Прокопа Левенца, что будто онъ похвалки чинитъ на ихъ здоровье и безчеститъ ихъ; но при этомъ товариство проситъ не о разборѣ ихъ жалобъ, а о томъ, чтобы мы теперь же прислали въ Полтаву кого изъ генеральной старшины для немедленнаго отобранія отъ Левенца полковничьяго уряду и для передачи его другому изъ вашего товариства; жалобщики не хотятъ подождать и до святокъ. Но мы разсудили, что незачѣмъ посылать къ вамъ старшинъ; а предлагаемъ всѣмъ, кто знаетъ за Левенцомъ какую неправду, пусть тѣ, дождавшись воскресенскихъ святокъ, пріѣзжаютъ сюда (въ Батуринъ) вмѣстѣ съ Левенцомъ [1]); а здѣсь хотя бы „родному батьку," не только ему полковнику или кому иному, вина не обойдется даромъ. А до того времени предлагаемъ повиноваться вашему полковнику, подъ неласкою нашею гетманскою; годится вамъ и намъ не забывать его заслугъ, которыя показалъ онъ въ прошломъ году, въ очахъ нашихъ, не жалѣя здоровья своего; а нѣкоторые изъ вашего товариства, подписавшихся и на листѣ, въ той часъ гвалтовный, утекши на свою (лѣвую) сторону Днѣпра (изъ подъ Чигирина), по подъ возами криючися, песокъ терли... А кто это былъ—сами знаете! Да и другимъ, подписавшимся на листѣ, не мѣшаетъ прежде самимъ отъ нареканій оправдаться за тѣ интриги, что̀ и теперь они строятъ (що и сими часами оніе межи собою строили" [2]).—Не смотря на защиту гетмана, Левенецъ былъ смѣненъ лѣтомъ того же года; мѣсто его занялъ сначала Жученко, который, пробывъ полковникомъ около году, долженъ былъ въ свою очередь уступить генеральному есаулу Черняку. При Чернякѣ главнымъ искателемъ полковничьяго уряда явился снова Герцикъ. Видя, что мѣстною интригою нельзя побороть Черняка, онъ, какъ человѣкъ „цѣхавой природы," обратился за помощью къ тогдашнему Гадяцкому полковнику, родному племяннику гетмана и, поднеся чрезъ него Самойловичу и сыновьямъ его хорошіе подарки, получилъ, въ началѣ 1683 г., Полтавскій пернач [3]). Добившись опять полковничества, Герцикъ, съ помощью своей власти, исключительно занялся пріобрѣтеніемъ маетностей и за три года своего управленія полкомъ нажилъ ихъ столько, что сталъ однимъ изъ крупныхъ собственниковъ Полтавщины. Получивъ полковничество съ помощью гетманской власти, Герцикъ тѣмъ не менѣе считалъ себя недостаточно обезпеченнымъ на этомъ урядѣ, потому что предмѣстники его, Жученко и Чернякъ, продолжали сохранять въ глазахъ того же гетмана прежнее свое значеніе „старинныхъ особъ въ войскѣ заслужоныхъ." Герцикъ понималъ это и всѣми средствами старался подорвать ихъ кредитъ у Самойловича. Кочубей разсказываетъ, что Герцикъ, ставъ полковникомъ въ 1683 г., „великія чинилъ Жученку досады и униженія; а тутъ же и п. Искрѣ (зятю Жученка), ненавидячи его, задавалъ оскорбленія, до гетмана всякими обидами описывалъ и всякаго часу искалъ без-

---

[1]) На праздники Рождества и Воскресенія, войсковая старшина изъ всей Малороссіи съѣзжалась въ Батуринъ на поклонъ гетману. При этомъ гетманъ разбиралъ жалобы, замѣщалъ убылыхъ старшинъ выборомъ новыхъ и вообще производилъ разные распорядки, требовавшіе личнаго его усмотрѣнія. Объ этихъ съѣздахъ не разъ упоминаютъ лѣтописи, напр. Величко IV, 553.

[2]) Въ современномъ спискѣ, въ нашей библіотекѣ.

[3]) Чтенія Общ. И. и Др., тамъ же, 148.

честія и самоё смерти ихъ." Этимъ способомъ Герцикъ успѣлъ продержаться на полковничествѣ до низложенія Самойловича. Въ годъ избранія Мазепы (1687) Герцикъ опять долженъ былъ уступить тому же Жученку, котораго черезъ два года смѣнилъ опять Чернякъ. Герцикъ не переставалъ и при Мазепѣ интриговать противъ нихъ и, породнившись съ Орликомъ, въ 1692 г. опять добился полковничества, которое сохранилъ за собою, какъ кажется, до смерти. Герцикъ получилъ отъ Мазепы три села съ деревнею: Вакулинцы, Яковцы, Стасовцы и Васильевку; первыя два села онъ оставилъ вдовѣ своей, а два послѣднія—сыну Григорію.

Хотя сыновья Павла Г-ка и не занимали никакихъ урядовъ, но вслѣдствіе свойствà съ Орликомъ, въ 1708 г., должны были пойти за Мазепою. Какъ кажется, изъ Турціи Герцики уже и не возвращались; да и не зачѣмъ было: маетности ихъ были тогда же розданы другимъ, а родни, которая могла бы предстательствовать за нихъ, по крайней мѣрѣ у гетмана, у Герциковъ не было; дядя ихъ Иванъ Петровичъ Забѣла не пользовался значеніемъ. Родъ Герциковъ продолжился въ одномъ сынѣ Григорія, который, какъ выше видно, долженъ былъ ограничиться дѣятельностью сельскаго священника.

Нельзя не замѣтить, что Павелъ Герцикъ стѣснялся своимъ родовымъ прозвищемъ, постоянно называясь, въ юридическихъ даже актахъ, Павломъ Семеновичемъ; примѣру его слѣдовалъ и сынъ Григорій, называясь Павловичемъ: видимо, прозвищемъ своимъ Герцики не хотѣли напоминать о своемъ происхожденіи....

8. ГОГОЛИ-ЯНОВСКІЕ.

1. Евстафій Гоголь, полковникъ Подольскій, а потомъ Могилевскій 1658—74. † 1679. . . . .
2. Прокофій, Польскій шляхтичь . . . . 1.
3. Янъ, Польскій шляхтичь . . . . 2.
4. Демьянъ, священникъ с. Кононовки. . . . . 3.
5. Аѳанасій, р. 1738, секундъ-майоръ. Ж. Татьяна Семеновна Лизогубъ. . . . . 4.
6. Василій, колежскій асесоръ † 1825. Ж. Марья Ивановна Косяровская. . . . . 5.

Евстафій Гоголь былъ одинъ изъ сподвижниковъ Богдана Хмельницкаго, отъ котораго и получилъ въ управленіе Подольскій полкъ [1]). Впослѣдствіи онъ присталъ къ партіи Дорошенка [2]); а когда послѣдній отказался отъ своихъ плановъ, Гоголь занялъ его мѣсто на правомъ берегу Днѣпра. Въ 1674 г., онъ получилъ отъ короля грамоту на с. Ольховецъ, въ которой объясняется и служба Гоголя: „Za życzliwość ku nam y Rzptey urodzonego Hohola, półkownika naszego Mohilewskiego, którą nam w teraznieyszych wyswiadczył czasiech, powróciwszy do obozu naszego, posluszeństwo nam poprzysiągł y fortecę Mohylewską oddał Rzptey, zachęcając go do usług, wieś naszą Olchowiec nazwaną... dajemy jemu.....tak samemu, jak y teraznieyszey małżonce jego, a po smierci ich, syn ich urodzony Prok (op) Batacko Hohoł także prawem dożywotniem zażywać będzie"... Dan w obozie pod Kalnikiem, dnia 6, mca Gru-

---

1) Величко, I, 426. Акты Ю. и З. Росс., VII, 253, 318—20.

2) Тамъ же и Грабянка, 213, 215.

dnia 1674 г.“ [3]). О дальнѣйшей дѣятельности Гоголя мы ничего не знаемъ; умеръ онъ въ 1679 г. [4]). Праправнукъ Евстафія Г-ля, Аѳанасій о предкахъ своихъ въ 1788 г. показалъ: „Предки мои, фамиліею Гоголи, Польской націи; прапрадѣдъ Андрей (т. е. Евстафій) Гоголь былъ полковникомъ Могилевскимъ, прапрадѣдъ Прокопъ и дѣдъ Янъ Гоголи были—Польскіе шляхтичи; изъ нихъ, дѣдъ по умертвіи отца его Прокопа, оставя въ Польшѣ свои имѣнія, вышелъ въ Россійскую сторону и, оселясь уѣзда Лубенскаго въ с. Кононовкѣ, считался шляхтичемъ; а отецъ мой Демьянъ, достигши училищъ въ Кіевской Академіи (гдѣ и названіе по отцу его, Яну, принялъ Яновскаго) принялъ санъ священническій и рукоположенъ до прихода въ томъ же селѣ Кононовкѣ. А я, окончивши училище въ той же Академіи, служилъ въ бывшей войсковой канцеляріи съ 1757 г., чрезъ 25 лѣтъ, за якія службы произведенъ отъ графа П. А. Румянцова чиномъ полковаго писаря въ 1782 г. Женатъ на дочерѣ бунчук. товарища Семена Лизогуба, по маткѣ изъ фамиліи Танскихъ, Татьянѣ, за которою въ посагъ получилъ наслѣдно по дѣду ея, полковнику Василію Танскому, дворы въ с. Келебердѣ, въ м. м. Бубновѣ и Липляевомъ, да въ д. Решеткахъ, наданные по универсалу графа К. Г. Разумовскаго оному жены моей дѣду, Василію Танскому, на мѣсто прежде пожалованнаго было ему, но отшедшаго въ другія руки, села Озерянъ [5]). А во владѣніи моемъ людей по послѣдней 1782 г. ревизіи переписанныхъ, именно по женѣ въ посагъ доставшихся, уѣзда Золотоношскаго, въ с. Келебердѣ,—м. 63 и ж. 59; въ м. Бубновѣ—м. 1. и ж. 1; уѣзда Голтвянскаго въ х. Купчинѣ—м. 77 и ж. 67, да собственно мнѣ наслѣдныхъ въ с. Кононовкѣ—м. 2. и ж. 3.“—Аѳанасій Г-ль предка своего невѣрно называетъ Андреемъ, взявъ это имя изъ невѣрно прочтенной имъ королевской грамоты.

Василій Г-ль въ 1788 г. былъ корнетомъ; потомъ переименованъ гражданскимъ чиномъ и служилъ въ Малороссійскомъ почтамтѣ. Полученный отъ отца хуторъ Купчинскій, близъ р. Голтвы, въ сотнѣ Шишацкой, Василій Г-ль назвалъ Васильевкою (теперь село) и жилъ здѣсь до смерти. Въ 1811 г., въ Васильевкѣ, у Василія Гоголя родился сынъ Николай, авторъ „Мертвыхъ Душъ.“

(*Продолженіе будетъ*).

---

[3]) Арх. Полт. Двор. Депут. Собр.; дѣло о родѣ Гоголей, гдѣ находится копія приведенной грамоты 1674 г., изъ которой видно, что прежде Евст. Гоголя, собственникомъ с. Ольховца былъ какой-то Андрей.

[4]) Акты Запад. Россіи, V, 155.

[5]) Василій Танскій, „полковникъ надъ Волохами,“ по грамотѣ 1718 г., получилъ с. Озеряне, въ Басанской сотнѣ; въ 1749 г., по рѣшенію Сената, Озеряне отошли Захарію Забѣлѣ; а Танскому, въ замѣнъ, даны были въ м. Яготинѣ—62 двора, въ с. Келебердѣ—2 дв. и въ м. Бубновѣ—4 дв., которые Разумовскій и утвердилъ въ 1757 г. за нимъ, В. Танскимъ, въ то время Переяславскимъ полковникомъ.

АЛЕКСѢЙ ѲЕОФИЛАКТОВИЧЪ ПИСЕМСКІЙ

и его двадцатипятилѣтняя литературная дѣятельность *)

М. Г. Мнѣ досталась честь говорить передъ такимъ просвѣщеннымъ собраніемъ, какъ наши посѣтители, отъ имени такого общества, какъ наше, о художественно-литературной дѣятельности такого писателя, какъ Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій. Не могу скрыть отъ васъ, какъ мнѣ лестна эта честь, но въ тоже время не могу не сознаться вамъ, какое затрудненіе встрѣчаю я при этомъ: двадцать пять лѣтъ такой многоплодной дѣятельности, какъ дѣятельность нашего юбиляра, едва ли можно обозрѣть критически въ краткой рѣчи. Но надѣюсь на ваше снисхожденіе; вы примете, конечно, благосклонно чтò вамъ сказано будетъ отъ человѣка, который не смѣетъ назвать себя эстетическимъ критикомъ, но который все-таки постарается сказать вамъ, по мѣрѣ силъ своихъ, что-нибудь интересное о жизни и сочиненіяхъ нашего юбиляра.

Я не стану входить въ мелкія подробности біографіи нашего автора, а укажу только на тѣ вліянія, которыя отразились на его литературной дѣятельности, потому что почитателю всякаго литературнаго таланта больше всего интересно узнать, подъ какими вліяніями образовался этотъ талантъ **).

Какія же вліянія способствовали развитію такого въ высшей степени самороднаго таланта какъ талантъ Писемскаго? Литературными образцами для нашего юбиляра были творенія двухъ нашихъ великихъ писателей-художниковъ, Пушкина и Гоголя; на эстетическія его теоріи имѣли большое вліяніе критическія статьи Бѣлинскаго, а вообще умственное его развитіе совершилось подъ воздѣйствіемъ профессоровъ Московскаго Университета начала сороковыхъ годовъ. Чтò касается до вліянія, про-

---

*) Читано въ извлеченіи въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, 19 Января 1875 года.

**) Составляя эту рѣчь, мы имѣли въ виду не столько читателей, сколько слушателей и, соображая ея размѣры съ тѣмъ временемъ, которое намъ могло быть удѣлено для публичнаго чтенія, не занялись біографіей юбиляра. Теперь, по желанію многихъ, приводимъ здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни его.

Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій родился 20-го Марта 1820 года, въ с. Раменьѣ (Костромской губерніи, Чухломскаго уѣзда). По окончаніи курса въ Костромской гимназіи, онъ поступилъ въ Московскій университетъ, откуда выпущенъ дѣйствительнымъ студентомъ въ 1844 году; затѣмъ онъ поступилъ на службу сперва въ Костромскую, а потомъ въ Московскую Палату Государственныхъ Имуществъ. Прослуживъ два года, онъ вышелъ въ отставку. Два года спустя, онъ снова поступилъ на службу чиновникомъ по особымъ порученіямъ къ Костромскому губернатору. Затѣмъ въ 1849 году Писемскій назначенъ былъ ассесоромъ Костромскаго губернскаго правленія, и въ этой должности онъ прослужилъ пять лѣтъ. Женился онъ 11 Октября 1848 года на Е. П. Свиньиной, дочери основателя „Отечественныхъ Записокъ“ и двоюродной сестрѣ поэта Майкова. Живя потомъ въ Петербургѣ, онъ съ 1858 по 1863 годъ редактировалъ, сперва въ сотовариществѣ съ А. В. Дружининымъ, а потомъ одинъ, журналъ „Библіотеку для Чтенія“. Оставивъ редакцію этого журнала, онъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, переѣхалъ на житье въ Москву, гдѣ около года былъ помощникомъ редактора „Русскаго Вѣстника“ по выбору статей для изящной словесности этого журнала. Въ 1866 г. онъ поступилъ опять на службу совѣтникомъ въ Московское Губернское Правленіе, гдѣ потомъ былъ повышенъ въ должность старшаго совѣтника. Съ 1872 года по сіе время онъ находится въ отставкѣ и живетъ постоянно въ Москвѣ, за исклю-

исходящаго отъ личнаго сношенія съ людьми, то мы знаемъ только одного литератора, который имѣлъ нѣкоторое вліяніе на Писемскаго, — и этотъ литераторъ, какъ ни покажется это странно на первый разъ, былъ никто другой какъ Павелъ Александровичъ Катенинъ. Какъ, подумаютъ многіе, тотъ Катенинъ который, по словамъ Пушкина,

> воскресилъ
> Корнеля геній величавый,

Катенинъ, крайній сторонникъ и самый отчаянный поклонникъ Французскаго псевдо-классицизма, переводчикъ Корнеля, имѣлъ вліяніе на такого писателя-реалиста какъ Писемскій? Какъ это ни странно, а это правда. Познакомился Писемскій съ Катенинымъ случайно: Катенинъ жилъ въ трехъ верстахъ отъ родоваго имѣнія Писемскихъ (въ Костромской губерніи), гдѣ родился, получилъ первоначальное воспитаніе и проводилъ потомъ время гимназическихъ и университетскихъ вакансій будущій авторъ романа *Тысяча Душъ,* трагедіи *Горькая Судьбина* и комедій: *Вааль, Ипохондрикъ, Подкопы.* Ветеранъ литературы, Катенинъ, фанатически вѣрный своимъ идоламъ, Корнелю и Расину, и корану псевдо-классической поэзіи *L'art Poétique* Буало, подружился съ молодымъ студентомъ, жаркимъ поклонникомъ Гоголя и статей Бѣлинскаго,—Бѣлинскаго, у котораго, по духу тогдашнихъ эстетическихъ теорій, имена Корнеля и Расина чуть-чуть не были бранными словами. Какъ же проводили время, сходясь между собою, эти два совершенно противоположные по литературнымъ убѣжденіямъ человѣка? Катенинъ декламировалъ передъ Писемскимъ произведенія Французскихъ лже-классиковъ; Писемскій читалъ Катенину произведенія Гоголя. Разумѣется, послѣ чтенія у нихъ были горячіе споры. „Вашъ Гоголь дрянь, гадость!“ кричалъ въ какомъ-то ожесточеніи Катенинъ. Писемскій, возражая Катенину, обзывалъ вѣроятно тоже не совсѣмъ лестными эпитетами Корнеля и Расина. Но когда умолкалъ споръ, Писемскій слушалъ какую-нибудь трагедію какого-нибудь Французскаго классика, а немного погодя Катенинъ слушалъ повѣсть или комедію Гоголя.

Въ чемъ же отразилось вліяніе Катенина на Писемскаго? Вопервыхъ, въ нѣкоторыхъ сценическихъ пріемахъ нашего юбиляра, ибо я никакъ не могу пройти молчаніемъ сценическій талантъ Писемскаго. Вамъ, милостивые

ченіемъ нечастыхъ выѣздовъ за границу. — Отецъ Алексѣя Ѳеофилактовича былъ женатъ на Евдокіи Алексѣевнѣ Шиповой, двоюродной сестрѣ извѣстнаго Ю. Н. Бартенева, ex-масона и когда-то очень близкаго человѣка къ князю А. Н. Голицыну. Писемскій-отецъ, родившійся въ Буевскомъ уѣздѣ той же Костромской губерніи, близъ рѣки *Письмы*, съ ранней молодости участвовалъ въ славныхъ войнахъ Екатерининскаго времени,—служилъ въ Крыму и на Кавказѣ; и, вышедъ въ отставку, возвратился съ Кавказа на родину, совершенно на легкѣ, верхомъ.—Въ годы отрочества Алексѣя Ѳеофилактовича двѣ личности имѣли главное вліяніе на ходъ его воспитанія: дядя его по матери, бывшій флотскій офицеръ Всеволодъ Никитичъ Бартеневъ и приставленный къ нему чѣмъ-то въ родѣ тутора, старшій его лѣтами и по классу гимназистъ Стайновскій. Бартеневъ, портретъ котораго, вѣрный въ главныхъ чертахъ съ подлинникомъ, можно найти въ IV-й, V-й VI-й главахъ романа „Люди сороковыхъ годовъ“ въ лицѣ Эспера Ивановича (см. „Зарю“ 1869 года), пріохотилъ его къ чтенію; а благодаря вліянію Стайновскаго, въ Писемскомъ съ раннихъ лѣтъ пробудилась любовь къ сценѣ и, еще гимназистомъ, онъ сталъ упражняться въ сценическомъ искусствѣ, играя на домашнихъ театрахъ.—На литературное поприще въ первый разъ выступилъ Писемскій съ маленькимъ разсказомъ *Нина*, въ журналѣ Сынъ Отечества, который впрочемъ былъ напечатанъ въ такомъ сокращенномъ и измѣненномъ видѣ, что авторъ и не перепечатывалъ его потомъ. За тѣмъ появился его *Тюфякъ* въ Москвитянинѣ.

государи, которые чествуете двадцатипятилѣтіе его художественно-литературной дѣятельности, которые не разъ наслаждались въ этой самой залѣ его необыкновенно-искуснымъ чтеніемъ, вамъ, вѣроятно, будетъ пріятно вспомнить объ одномъ изъ сценическихъ успѣховъ Писемскаго, и потому вы мнѣ позволите сдѣлать отступленіе въ моей рѣчи. Поэзія и сцена не дальняя родня между собою, и, говоря о литературныхъ достоинствахъ писателя, позволительно сказать и объ его доистоинствахъ какъ актера.

Въ 1844 году, наше, тогда еще младшее, поколѣніе прослышало, что въ Долгоруковскомъ переулкѣ, въ меблированныхъ комнатахъ—въ тѣхъ самыхъ, которыя потомъ описаны съ такимъ юморомъ въ одномъ изъ романовъ нашего автора,—живетъ какой-то студентъ Московскаго Университета, 2-го отдѣленія философскаго факультета, который читаетъ своимъ пріятелямъ Гоголя и читаетъ такъ, какъ никто еще до того времени не читывалъ. Наше поколѣніе горячо и восторженно принимало къ сердцу всѣ интересы искусства, и потому мы сильно взволновались, услышавъ эту новость, и рвались послушать, какъ Писемскій читаетъ Гоголя. Но намъ, школьникамъ, было слишкомъ недоступно общество студентовъ, а студенты *философскаго* факультета однимъ своимъ наименованіемъ наводили на насъ священный страхъ... Вдругъ доходитъ до насъ слухъ, что на одномъ такъ-называемомъ благородномъ театрѣ будетъ даваться *Женитьба* Гоголя и что въ ней роль Подколесина будетъ играть Писемскій. Съ трудомъ мы пробрались на этотъ спектакль. Конечно не мы были судьями надъ Писемскимъ, но мы были свидѣтелями того изумленія, съ какимъ избранное Московское общество смотрѣло на игру Писемскаго. Въ то время Подколесина игралъ на императорскомъ театрѣ великій нашъ комикъ Щепкинъ; но кто ни взглянулъ на Писемскаго, всякій сказалъ, что онъ лучше истолковалъ этотъ характеръ, чѣмъ самъ Щепкинъ. Не стану, милостивые государи, распространяться о сценическихъ дарованіяхъ Писемскаго: большая часть изъ нашихъ посѣтителей, слыхавшая его чтеніе, уже можетъ вообразить, каковъ онъ долженъ быть на сценѣ; тѣ же кто еще его не слыхали, сейчасъ со всѣми нами услышатъ *). Скажу только, что Писемскій обязанъ Катенину тѣмъ удивительнымъ умѣньемъ владѣть собой, тою удивительно отчетливою и сдержанною интонаціей голоса, которою мы любуемся въ тѣ минуты, когда онъ читаетъ намъ трагическія мѣста изъ своихъ произведеній.

Переходя теперь опять къ литературной характеристикѣ Писемскаго, скажемъ еще о вліяніи на него Катенина. Одержимый литературными предразсудками тогдашняго времени (предразсудками, которые только подъ конецъ жизни оставилъ самъ учитель тогдашняго поколѣнія, Бѣлинскій), Писемскій ни за что́ бы самъ, sua sponte, не сталъ изучать Французскихъ классиковъ и, можетъ-быть, потерялъ бы много въ отношеніи формы своихъ произведеній. Кажется, какую бы пользу могли принести ходульныя произведенія Корнеля и Расина, произведенія, изображающія неестествен-

*) А. Ѳ. Писемскій прочелъ на своемъ юбилеѣ второй актъ драмы своей „Просвѣщенное время“, напечатанной въ первой книжкѣ Р. Вѣстника сего года. Приводимъ выдержку изъ письма П. В. Анненкова къ автору по поводу этой драмы: „Меня не удивляетъ ея успѣхъ на сценѣ, ибо крупные характеры и крупная интрига піесы, намѣченные чрезвычайно-твердою рукою, должны были произвести большой эффектъ. Такъ и должны писаться политическія комедіи, которыя всегда сродни памфлету, и родства этого стыдиться не должно. Въ послѣднее время вы сдѣлались отцомъ драматическаго памфлета и оказываете въ этомъ новомъ родѣ мастерство, не подверженное сомнѣнію. Продолжайте разработывать этотъ новый родъ и не измѣняйте своей манеры: родъ этотъ очень важенъ, очень полезенъ и сбережетъ ваше имя и вашу память въ людяхъ современныхъ и будущихъ“.

но возвышенныя чувства, неестественно красивые образы и крайне изысканныя положенія, произведенія, стѣсненныя, такъ-сказать, колодками лжеклассическихъ законовъ, какъ могли эти произведенія принести какую-нибудь пользу такому писателю, который держался всю жизнь съ неумолимою строгостью математической вѣрности дѣйствительности? Они дали его произведеніямъ ту стройность постройки цѣлаго, ту строгость очертанія фабулы, то строго-соразмѣренное соотношеніе частей, словомъ ту классическую правильность и единство созданія, которую такъ высоко оцѣнили лучшіе Германскіе критики, прочитавшіе нѣсколько романовъ нашего юбиляра въ Нѣмецкихъ переводахъ.

Говоря о вліяніяхъ, которыя отразились на нашемъ юбилярѣ, я долженъ упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, которое сильно подѣйствовало на развитіе его таланта. Это обстоятельство—его служебная дѣятельность. Большая часть нашихъ писателей, изображающихъ чиновничій бытъ и служебную сферу, знаютъ то и другое только съ виду, или даже просто по слуху. Они или служили въ какихъ-нибудь канцеляріяхъ и знаютъ службу только по канцелярскимъ формамъ, или просто только числились на службѣ и даже мало знакомы съ физіономіями своихъ начальниковъ и еще меньше съ физіономіями своихъ товарищей и подчиненныхъ. Но Писемскій отнесся совсѣмъ иначе къ службѣ, чѣмъ эти господа: онъ, можно сказать, отдался всею душой служенію Русскому государству и, служа, только и думалъ, какъ бы побороть ту темную силу, съ которою борется и наше высшее правительство, и лучшая часть нашего общества. Чтобы показать вамъ наглядно, какими чувствами и мыслями руководился онъ въ своей служебной дѣятельности, приведу мѣсто изъ его романа *Тысяча душъ*. Вотъ что̀ говоритъ Писемскій о своемъ героѣ Калиновичѣ, назначенномъ вице-губернаторомъ въ одну изъ тѣхъ губерній, гдѣ въ самомъ роскошномъ видѣ процвѣтали взяточничество, казнокрадство и всевозможныя превышенія власти.

„Калиновичъ могъ дѣйствительно быть названъ представителемъ той молодой администраціи, которая хотя болѣзненно, но замѣтно уже начинаетъ пробиваться то тутъ, то тамъ, сквозь толстую кору подъяческихъ плутней. *Какъ сознательный юристъ, молодой вице-губернаторъ, еще на университетскихъ скамейкахъ, по устройству собственнаго сердца своего, чувствовалъ всегда большую симпатію къ проведенію безстрастной идеи государства, съ возможнымъ отпоромъ всѣхъ домогательствъ сословныхъ и частныхъ*. Въ управленіи приняты имъ были тѣже основанія“.

Взглядъ на государство и на службу, приписанный здѣсь герою романа, есть взглядъ самаго автора; имъ руководился онъ постоянно при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, и мы смѣло можемъ сказать, что онъ много принесъ пользы на службѣ, хотя никогда не занималъ видныхъ должностей. Я укажу вамъ на одну замѣчательную сторону служебной дѣятельности Писемскаго,—на его дѣятельность, какъ слѣдователя по уголовнымъ преступленіямъ. Тутъ онъ изучалъ каждаго преступника, какъ изучаетъ добрый и старательный врачъ каждаго больнаго: оставаясь буквально и неумолимо-вѣренъ закону, онъ относился къ допрашиваемому преступнику съ такимъ участіемъ, съ такою любовью, что и тотъ начиналъ любить его, и разсказывалъ ему про себя все, потому только „что ужъ онъ больно хорошій и умный баринъ“.

Я сказалъ здѣсь о службѣ Писемскаго не для того, чтобы хвалить его, какъ чиновника: оцѣнка его служебной дѣятельности не должна войти въ мою рѣчь, имѣющую цѣлью указать только на литературныя заслуги нашего юбиляра. Но эти заслуги близко связаны со служебною его дѣя-

тельностью. Вы понимаете, какой огромный матеріалъ для своихъ литературныхъ произведеній пріобрѣлъ авторъ, служа такъ усердно интересамъ Русскаго государства, какъ глубоко узналъ онъ чиновническій людъ, какъ глубоко проникъ въ душу Русскаго человѣка.

Нѣсколько послѣ я укажу подробнѣе, какъ отразился служебный опытъ Писемскаго въ его произведеніяхъ; теперь же я долженъ сказать вообще о характерѣ его таланта и о направленіи, которому онъ слѣдовалъ.

Германскіе критики, разбирая романъ Писемскаго *Тысяча душъ,* говорятъ между прочимъ слѣдующее: „Начавъ говорить о Писемскомъ, мы невольно должны упомянуть о другомъ Русскомъ писателѣ, Тургеневѣ, эскизы, повѣсти и романы котораго сдѣлались для насъ съ нѣкотораго времени зеркаломъ Русской жизни и истиннымъ выраженіемъ Русскаго характера. Весьма много значитъ, когда другой писатель того же народа не только можетъ стать на ряду съ нашимъ любимцемъ, но въ нѣкоторомъ отношеніи даже превосходитъ его. Романъ *Тысяча душъ* г. Писемскаго именно принадлежитъ къ этимъ рѣдкимъ явленіямъ. Если съ одной стороны, въ описаніи тонкихъ духовныхъ отношеній между мущиной и женщиной, которое, какъ мы видимъ это въ романахъ и повѣстяхъ Тургенева, составляетъ торжество таланта этого писателя, г. Писемскій и уступаетъ своему сопернику, то съ другой стороны онъ превосходитъ его въ искусствѣ композиціи: у г. Писемскаго фабула и идея тѣсно связаны одна съ другою, тогда какъ у Тургенева въ *Отцахъ и дѣтяхъ*, а равно и въ *Дымѣ*, онѣ разъединяются. У г. Писемскаго каждый фактъ, каждый разговоръ ведетъ дальше нить дѣйствія; развитіе характера есть вмѣстѣ съ тѣмъ и развитіе дѣйствія.“ Далѣе, послѣ разбора самаго романа, критикъ въ заключеніе говоритъ: „Тонкая наблюдательность и проникнутое юмористическимъ сарказмомъ міросозерцаніе составляютъ отличительную черту какъ первыхъ, такъ и послѣднихъ главъ романа *Тысяча душъ*, который *выступаетъ передъ нами какъ сама жизнь*“ *).

Продолжая параллель, проведенную Германскимъ критикомъ между Тургеневымъ и Писемскимъ, мы прибавимъ отъ себя, что Тургеневъ поэтъ картины, а Писемскій поэтъ страсти; оба, каждый по своему, сильны, и ни тотъ, ни другой никому не подражаетъ. У Писемскаго въ каждомъ словѣ дѣйствующихъ лицъ прорываются тѣ чувства страсти, которыя въ концѣ романа вспыхиваютъ пожаромъ и сожигаютъ все окружающее. У него, напримѣръ, разговоръ о литературѣ, о критикѣ Бѣлинскаго завязываетъ страстныя отношенія между молодою дѣвушкою и молодымъ человѣкомъ... Чего бы когда ни коснулся Писемскій, онъ изо всего извлекаетъ страсть, какъ извлекаетъ огниво искру изъ кремня.

Теперь мы должны сказать о направленіи, которому слѣдовалъ Писемскій въ продолженіе всей своей литературной дѣятельности. Онъ былъ необыкновенно чутокъ ко всякому злу, возникающему въ Русской жизни и каралъ его съ неумолимою строгостью. Въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, въ романахъ: *Тюфякъ* и *Бракъ по страсти*, онъ осмѣивалъ недостатки своего поколѣнія—крайнюю мечтательность и крайне непрактическое отношеніе къ дѣйствительной жизни. Но онъ вскорѣ почуялъ, что въ Русской жизни зараждается новое зло, которое онъ въ послѣдствіи назвалъ поклоненіемъ Ваалу или златому тельцу. Онъ первый, слишкомъ двадцать

---

*) Здѣсь можно привести слова покойнаго Ѳ. И. Тютчева, который, прослушавъ чтеніе самаго Писемскаго его трагедіи *Горькая Судьбина*, сказалъ, что про эту драму можно повторить слова одного Французскаго критика: „не знаешь, художникъ ли подражалъ здѣсь природѣ, или природа художнику“.

лѣтъ тому назадъ, замѣтилъ зарожденіе въ нашемъ обществѣ этой болѣзни, болѣзни, которая въ настоящее время стала эпидемическою и которую онъ съ тѣхъ поръ неукосненно и безпощадно преслѣдуетъ своею сатирою.

Для того, чтобъ намъ ярче и выпуклѣе представился характеръ таланта Писемскаго, прослѣдимъ подробно содержаніе одного изъ его произведеній. Обратимся къ его роману „Тысяча душъ“. Когда представляешь характеристику какого нибудь поэта, лучше всего очертить его имъ же самимъ созданными образами и его собственными идеями. Потому-то я и хочу обратить ваше вниманіе на такое произведеніе Писемскаго, гдѣ больше всего выразилось разнообразіе его таланта.

Герой романа Тысяча душъ, Калиновичъ съ самаго дѣтства былъ гонимъ и судьбой и людьми: это развило въ немъ энергію, но въ тоже время и очерствило его сердце. Одаренный замѣчательнымъ умомъ, благороднымъ образомъ мыслей и стремленіемъ къ образованію, онъ долженъ былъ преодолѣть всевозможныя препятствія, чтобъ поступить въ университетъ. Въ университетѣ онъ долженъ былъ бороться съ бѣдностью: онъ давалъ за грошевую цѣну уроки, которые у него отнимали время отъ занятій науками; но онъ посредствомъ самаго упорнаго труда поборолъ все, что становилось ему поперекъ дороги, — и выдержалъ блистательно экзаменъ на кандидата. Онъ кончилъ курсъ по юридическому факультету, да и въ душѣ своей по призванію онъ былъ юристъ. Но по окончаніи курса, не имѣя никакой протекціи, онъ никакъ не могъ найти мѣста, которое соотвѣтствовало бы его способностямъ, наклонностямъ и познаніямъ. Наконецъ, только чтобъ не погибнуть отъ нищеты, схватился онъ за мѣсто штатнаго смотрителя училища въ какомъ-то уѣздномъ городишкѣ. Можете представить себѣ, какое общество нашелъ онъ тамъ: оно состояло только изъ чиновниковъ, чиновниковъ начала сороковыхъ годовъ. Все это были взяточники и люди лишенные всякаго образованія. Онъ бы погибъ съ тоски и со скуки, если бы не нашелъ въ своемъ предмѣстникѣ (тоже воспитанникѣ Московскаго университета) и его дочери людей и съ душой, и съ благороднымъ характеромъ, и съ образованіемъ. Настенька, дочь прежняго штатнаго смотрителя, почти съ отрочества порвала всякія сношенія съ обществомъ уѣзднаго города: она рано поняла, что это за среда; поняла, что лучше совсѣмъ не быть ни съ кѣмъ знакомой, чѣмъ поддерживать отношенія съ людьми безчестными и совершенно не мыслящими. Взамѣнъ общества нашла она себѣ друзей, и эти друзья были Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Бѣлинскій и другіе представители Русской мысли, и имъ-то она отдалась всей душой. Она стала читать съ утра до вечера и даже выучилась почти самоучкой пофранцузски, чтобы имѣть возможность слѣдить ближе за движеніями мысли и на Западѣ Европы. И вотъ передъ этой дѣвушкой, которая только и жила интересами литературы, которая никогда не встрѣчала литературно-образованнаго человѣка, человѣка съ современными взглядами на все окружающее, передъ этой дѣвушкой явился молодой человѣкъ образованный, умный, да еще въ добавокъ красивый собой и притомъ литераторъ. Нечего и говорить, что слѣдствіемъ этой встрѣчи была страстная взаимная любовь. Настенька такъ полюбила Калиновича, что, послѣ непродолжительной борьбы съ своими строго-нравственными правилами, предалась ему совершенно. Казалось, чего бы лучше для Калиновича жениться на этой дѣвушкѣ и, живя честнымъ трудомъ въ маленькомъ домикѣ, наслаждаться тихой семейной жизнью. Нѣтъ, этого ему было мало, слишкомъ мало: въ немъ жилъ демонъ честолюбія, тщеславія и жажды богатства. Онъ напечаталъ какую-то повѣсть въ одномъ изъ Петербургскихъ журналовъ и, прочитавъ по-

хвальный о ней отзывъ въ газетномъ фельетонѣ, уже вообразилъ себя въ самомъ дѣлѣ литераторомъ, — вообразилъ, что въ самомъ дѣлѣ можетъ существовать литературой. Въ это самое время демонъ, его мучившій, явился передъ нимъ облеченный въ кровь и плоть въ лицѣ нѣкоего князя Ивана Раменскаго. Этому князю, человѣку съ необыкновенно-привлекательной внѣшностью и блестящимъ образованіемъ, но съ безчестной, низкой душой, нужно было, по его разсчетамъ, во что бы то ни стало, выдать замужъ свою кузину, владѣтельницу большаго богатства, но старую дѣву и притомъ дѣву самой несчастной наружности. Этотъ князь поддѣлался къ Калиновичу и разъ, въ откровенномъ разговорѣ, посовѣтовалъ ему просить руки своей кузины. Калиновичь на первый разъ страшно возмутился такимъ совѣтомъ и отвергъ его. Но князь нарисовалъ передъ нимъ такъ искусно картину бѣдности, ожидающей его въ случаѣ, ежели онъ женится на Настенькѣ, что Калиновичъ началъ, хотя и безотчетно, стремиться къ разрыву съ дѣвушкой, которую любилъ. Послѣ многихъ мучительныхъ размышленій, онъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ, чтобы сдѣлать тамъ себѣ карьеру какъ литературную, такъ и служебную; князь надавалъ ему кучу рекомендательныхъ писемъ, — и онъ отправился. Но въ Петербургѣ его ждало жестокое разочарованіе: онъ потерпѣлъ совершенное fiasco и на литературномъ и на служебномъ поприщѣ. Каковъ былъ ударъ для его самолюбія, когда оказалось, что редакторъ того журнала, гдѣ была помѣщена его повѣсть, позабылъ и названіе этой повѣсти и фамилію ея автора! Надъ авторскимъ его самолюбіемъ разразился еще ударъ, и ударъ сильнѣе перваго: одинъ изъ его университетскихъ товарищей, лучшій Русскій литературный критикъ и душевно ему преданный человѣкъ, доказалъ ему, какъ дважды два четыре, что у него нѣтъ никакого таланта. Тогда, вооружась рекомендательными письмами князя, онъ отправился по разнымъ вліятельнымъ лицамъ просить мѣста; но вездѣ получилъ хотя и очень учтивый, но рѣшительный отказъ. Съ разбитымъ самолюбіемъ, съ разбитыми надеждами, нуждаясь въ деньгахъ, въ холодномъ во всѣхъ отношеніяхъ Петербургѣ, онъ впалъ въ какое-то отчаяніе и даже занемогъ. Въ его унылымъ одиночествѣ упадшій духъ его расшевелили два чувства: любовь къ Настенькѣ и угрызенія совѣсти:—онъ со всѣмъ пыломъ первой любви сталъ тосковать по своей подругѣ и, какъ человѣкъ все еще съ честными правилами, сталъ упрекать себя въ томъ, что поступилъ съ ней такъ неблагородно. Но вслѣдъ за этими чувствами въ душѣ его возникъ вопросъ: какъ-же онъ долженъ поступить теперь въ отношеніи ея? Вопросъ этотъ онъ былъ не въ силахъ разрѣшить одинъ и чувствовалъ нужду въ чьемъ нибудь совѣтѣ. Разумѣется, за совѣтомъ надо было обратиться къ человѣку умному и благородному, а такого человѣка Калиновичъ зналъ только одного во всемъ Петербургѣ: это былъ нѣкто Бѣлавинъ. Онъ съ нимъ познакомился случайно, и знакомство ихъ было только шапочное. Но зная доброту и благородство этого человѣка, онъ не усомнился пригласить его къ себѣ. Аристократъ по богатству, по рожденію, образованію и чувствамъ, Бѣлавинъ явился къ Калиновичу, въ его бѣдную и грязную квартирку, не устыдившись сдѣлать ему визитъ первый.

— Здравствуйте, проговорилъ онъ, входя къ Калиновичу и радушно протягивая ему руку.

— Какъ я вамъ благодаренъ! произнесъ Калиновичъ голосомъ, полнымъ искренней благодарности.

— Что это вы Петербургу, видно, дань платите? продолжалъ Бѣлавинъ, садясь и опираясь на свою, съ золотымъ набалдашникомъ, трость.

— Да, Петербургъ меня не побаловалъ ни физически, ни нравственно, отвѣчалъ Калиновичъ.

— Кого же онъ балуетъ, помилуйте! Городъ безъ свѣжаго глотка воздуха, безъ религіи, безъ исторіи и безъ народности! произнесъ Бѣлавинъ вздохнувъ.—Ну что вы, однако, скажите мнѣ, продолжалъ онъ: вы тогда говорили, что хотите побывать у одного господина... какъ вы его нашли?

(Здѣсь Бѣлавинъ намекнулъ на какого-то директора департамента, отказавшаго Калиновичу въ мѣстѣ).

Калиновичъ усмѣхнулся.

— Этотъ господинъ, кажется, эссенція, выжимка чиновнической бюрократіи, въ которомъ все ужъ убито.

— И убивать, я думаю, было нечего. Впрочемъ онъ еще лучше другихъ; есть почище.

— Хорошъ и этотъ! Въ другомъ мѣстѣ, пожалуй, и не найдешь.

— Именно. Надобно воспитаться не только умственно, но органически на здѣшней почвѣ, и даже пройти нѣсколькимъ поколѣніямъ и слоямъ, чтобъ образовался такой цвѣтокъ и букетъ... удивительно!.. Все что̀, кажется, самаго простаго, а тѣмъ болѣе человѣка развитаго, при другомъ порядкѣ вещей, стало бы непремѣнно шокировать, поселять смѣхъ, злобу, досаду — они всѣмъ этимъ безконечно услаждаются. Зная, напримѣръ, очень хорошо, что въ дѣятельности ихъ нѣтъ ничего плодотворнаго, живаго, потому что она или скользитъ поверхъ жизни, или гнетъ, ломаетъ ее, они въ тоже время великолѣпнѣйшимъ образомъ драпируются въ свою офиціальную тогу и кутаютъ подъ нее свою внутреннюю пустоту, думая, что никто этого даже и не подозрѣваетъ. Невообразимо, что такое... невообразимо!

— Меня, впрочемъ, этотъ господинъ отсылалъ къ болѣе активному труду, въ провинцію, говоря, что здѣсь нечего дѣлать, замѣтилъ Калиновичъ.

— Это мило, это всего милѣй — такое наивное сознаніе! воскликнулъ Бѣлавинъ и захохоталъ.—И правъ вѣдь, злодѣй! Единственный, можетъ быть, случай, гдѣ, не чувствуя самъ того, онъ говорилъ великую истину, потому что тамъ, дѣйствительно, хоть криво, косо, болѣзненно, но что нибудь да дѣлается, а тутъ ужъ ровно ничего, какъ только писанье и писанье... удивительно! Но, все-таки, значитъ, вы не служите? прибавилъ онъ, помолчавъ.

— Нѣтъ, не служу, отвѣчалъ Калиновичъ.

— И лучше, ей-Богу, лучше! подхватилъ Бѣлавинъ: какъ вы хотите, а я все-таки смотрю на всю эту ихнюю корпорацію, какъ на какую-то невѣдомую богиню, которой каждогодно приносятся въ жертву сотни молодыхъ умовъ, и рѣшительно портятся и губятся люди. И если васъ не завербовали--значитъ довольно ужъ возлежитъ на алтарѣ закланныхъ жертвъ... Количество достаточное! Но пишете-ли вы, однако, что нибудь?

— Нѣтъ, ничего, отвѣчалъ Калиновичъ.

— Это вотъ дурно-съ... очень дурно! проговорилъ Бѣлавинъ.

— Что дѣлать? возразилъ Калиновичъ: — всего хуже, конечно, это для меня самаго, потому что на литературѣ я основывалъ всю мою будущность и, во имя этихъ эфемерныхъ надеждъ, душилъ въ себѣ всякое чувство, всякое сердечное движеніе. Говоря откровенно, ѣхавши сюда, я долженъ былъ покинуть женщину, для которой былъ все; а такія привязанности нарушаются нелегко даже и для совѣсти!

— Да, бываетъ... подтвердилъ Бѣлавинъ;—и вообще, продолжалъ онъ, когда нельзя думать, такъ ужъ лучше предаваться чувству, хоть бы самому узенькому, обыденному. Я, вообще теперь, самъ холостякъ и бобыль, съ позднимъ сожалѣніемъ смотрю на этихъ простодушныхъ отцовъ семействъ, которые живутъ себѣ точно въ заколдованномъ кружкѣ, и все, что внѣ ихъ происходитъ, для нихъ тогда только чувствительно, когда ужъ колетъ ихъ самихъ или какой нибудь членъ, органически къ нимъ привязанный, и такъ какъ требованіе ихъ поэтому мельче, значитъ, удовлетвореніе возможнѣе—право, завидно!..

— Но всякій-ли способенъ себя ограничивать этимъ? возразилъ Калиновичъ. Не говоря уже о матеріальныхъ, денежныхъ условіяхъ, бываетъ иногда нравственная запутанность.

— Что нравственная запутанность... помилуйте! воскликнулъ Бѣлавинъ: все это такъ сглаживается, стирается, принаравливается временемъ....

— Ну, Богъ знаетъ, врядъ-ли на время можно такъ разсчитывать! перебилъ Калиновичъ. Вотъ, теперь, мое положеніе, продолжалъ онъ съ улыбкой: благодаря нашему развитію, мы не можемъ, по крайней мѣрѣ, долгое время, обманываться собственными чувствами. Я очень хорошо понялъ, что хоть люблю дѣвушку, на сколько способенъ только любить; но въ тоже время интересы литературные, общественные и наконецъ собственное честолюбіе и даже болѣе грубыя, эгоистическія потребности, все это живетъ во мнѣ, волнуетъ меня, и какимъ же образомъ я могъ бы рѣшиться всѣмъ этимъ пожертвовать и взять, для нравственнаго продовольствія, на всю жизнь одно только чувство любви, которое далеко не наполняетъ всей моей души... какимъ образомъ? Но въ тоже время, это меня мучитъ.

Прислушиваясь къ словамъ Калиновича, Бѣлавинъ глядѣлъ на него своимъ умнымъ, пристальнымъ взглядомъ. Онъ видѣлъ, что тотъ хочетъ что-то такое спросить и не договариваетъ.

— Что-жъ васъ именно тутъ мучитъ? спросилъ онъ.

— Мучитъ, конечно, вопросъ, что, отрицаясь отъ этой дѣвушки, дурно я поступилъ или нѣтъ? объяснилъ Калиновичъ опредѣлительнѣе.

Бѣлавинъ усмѣхнулся и, наклонившись на свою трость, нѣсколько времени думалъ.

— Объ этомъ, въ послѣднее время, очень много пишется и говорится, началъ онъ. И, конечно, если женщина начала васъ любить такъ, зря, безъ всякаго отъ васъ повода, тутъ и спрашивать нѐчего: вы свободны въ вашихъ поступкахъ, хоть, въ тоже время, я зналъ такія деликатныя натуры, которыя и въ подобныхъ случаяхъ насиловали себя и дѣлались истинными мучениками тонкаго, нравственнаго до̀лга.

— И до́лга совершенно воображаемаго и придуманнаго, замѣтилъ Калиновичъ.

— Да, почти, отвѣчалъ Бѣлавинъ. Но дѣло въ томъ, продолжалъ онъ, что эмансипація правъ женскихъ потому выдвинула этотъ вопросъ на такой видный планъ, что, по большой части мы, обыкновенно, какъ Пилаты, умываемъ руки, ужъ бывши много виноватыми. Почти всегда серьёзныя привязанности являются въ женщинахъ результатомъ того, что ихъ завлекали, обманывали надеждами, обѣщаніями. Ну, и въ такомъ случаѣ, мы, благодаря Бога, не древніе: не можемъ безнаказанно допускать Амуру писать клятвы на водѣ. Шутить чужой страстью также непозволительно, какъ и тратить безплатно чужія деньги.

— Вы говорите: „завлекали"! Кто-же въ наше время рѣшится быть Ловеласомъ, что-ли? возразилъ Калиновичъ. Но хоть бы теперь, я самъ былъ тоже увлеченъ и не скрывалъ этого, но потомъ уяснилъ самому себѣ степень собственнаго чувства и вижу, что нѣтъ...

— Чего-же собственно нѣтъ? спросилъ Бѣлавинъ, еще пристальнѣе взглянувъ на Калиновича.

Тотъ нѣсколько замялся.

— Нѣтъ того, что не могу на ней жениться, отвѣчалъ онъ.

Бѣлавинъ опять на нѣкоторое время задумался.

— Жениться! повторилъ онъ. Что-жъ! Если вы не рѣшаетесь на бракъ по вашимъ обстоятельствамъ, или не рискуете на него изъ нравственнаго опасенія—любите просто!

— Какъ-же просто? воскликнулъ Калиновичъ: это ужъ какая-то черезчуръ рыцарская и донкихотская любовь, не имѣющая ни плоти, ни формы.

— Донкихотская! повторилъ, грустно покачавъ головой, Бѣлавинъ. Не говорите этого. Вамъ особенно, какъ литератору, грѣхъ поддерживать это мертвящее направленіе, которое все, что не носитъ на себѣ какого нибудь оффиціальнаго авторитета, что не представляетъ на ощупь осязательной пользы, все это окрестило донкихотствомъ. И повѣрьте мнѣ, безплодно проживетъ наше поколѣніе, потому что оно окончательно утратило романтизмъ—тотъ общій романтизмъ, который, съ одной стороны, выразился въ сантиментальности, а съ другой слышался въ лирѣ Байрона и сказался открытіемъ паровъ. Да-съ, не комерція ваша, этотъ плутъ общечеловѣческій, который пожинаетъ теперь плоды, создала и изобрѣла желѣзную дорогу и винтъ: ихъ создалъ романтизмъ въ наукѣ. Что вы улыбаетесь? Конечно, ужъ начало этому кроется даже не въ головѣ ловкаго механика, приложившаго силу къ дѣлу, а прямо въ полусумасшедшихъ теоріяхъ алхимиковъ. Помилуйте, какъ это возможно! Я съ ужасомъ смотрю на современную молодёжъ, продолжалъ онъ еще съ большимъ одушевленіемъ. Что-жъ, наконецъ, составляетъ для нихъ смакъ въ жизни? Деньги и развратъ! По ихъ мнѣнію, женщина не имѣетъ другаго значенія, какъ въ формѣ богатой невѣсты, либо камеліи — это ужасно! Тогда-какъ я еще очень хорошо помню нашихъ дядей и отцовъ, которые, еслибъ сравнить ихъ съ нами, показались бы атлетами, были и выпить, и покутить не дураки, а между тѣмъ, эти люди потому только, что нюхнули романтизма, умѣли и не стыдились любить женщинъ, по десятку лѣтъ не видавшись съ ними и поддерживая чувство одной только перепиской.

На послѣднихъ словахъ Калиновичъ опять улыбнулся.

— На романтизмъ, собственно Стéрновской, возразилъ онъ, я смотрю совершенно иначе. По моему, онъ предполагаетъ величайшее безстрастіе. Одна ужъ эта способность довольствоваться какой нибудь перепиской показываетъ нравственное уродство, потому что, какъ вы хотите, но одни вѣчныя письма на человѣка нормальнаго, неизломаннаго, всегда будутъ имѣть скорѣе раздражающее, чѣмъ удовлетворяющее вліяніе.

— Отчего-жь раздражающее? Вы смѣшиваете чувство съ чувственностью, замѣтилъ Бѣлавинъ.

— О, Боже! Но какимъ-же образомъ можно отдѣлить, особенно въ дѣлѣ любви, душу отъ тѣла? Это какъ корни съ землей: они ее переплетаютъ, а она ихъ облѣпляетъ, и я именно потому не позволяю себѣ переписки, чтобъ не сдѣлать дѣвушкѣ еще больше зла.

— Снявши голову, по волосамъ не тужатъ! И вы, кажется, этимъ оправдываете одно свое простое нежеланіе, произнесъ съ улыбкою Бѣлавинъ.

— Напротивъ, мнѣ это очень тяжело, подхватилъ Калиновичъ. Я теперь живу въ какой-то душной пустынѣ! Алчущій сердцемъ, я знаю, гдѣ бѣжитъ свѣжій источникъ, способный утолить меня, но не иду къ нему по милости этого проклятаго анализа, который, какъ червь, подъѣдаетъ всякое чувство, всякую радость въ самомъ еще зародышѣ и, ей Богу, составляетъ одно изъ величайшихъ несчастій человѣка.

Бѣлавинъ опять усмѣхнулся.

— Да, произнесъ онъ, много сдѣлалъ онъ добра, да много и зла; онъ погубилъ было философію, такъ что она едва вынырнула на плечахъ Гегеля изъ того омута, и то еще не совсѣмъ; а прочія знанія, Богъ знаетъ, куда и пошли. Все это бросилось въ детали, подробности; общее пропало совершенно изъ глазъ, и сольется-ли когда нибудь все это во что нибудь цѣлое, и къ чему все это поведетъ... Удивительно!

— Поведетъ, конечно, къ открытіямъ.

— Да, вѣроятно; но все это будетъ мелко, безплодно и, повѣрьте мнѣ, что все истинно-великое и доброе, нужное для человѣка, подсказывалось синтетическимъ путемъ.

— Романтизмомъ науки! замѣтилъ съ усмѣшкой Калиновичъ.

— Да, именно, романтизмомъ, говорилъ Бѣлавинъ, вставая. Прощайте, однако, мнѣ пора.

— Куда же вы?

— Въ оперу Итальянскую таскаюсь. До свиданія.

— Изъ нашихъ, однако, положеній, говорилъ Калиновичъ, провожая гостя, можно вывести довольно странное заключеніе, что господинъ, о которомъ мы съ вами давича говорили, долженъ быть величайшій романтикъ.

— Это какъ? спросилъ тотъ.

— По рѣшительному отсутствію анализа, котораго, я думаю, въ немъ ни на грошъ нѣтъ.

Бѣлавинъ покатился со смѣху.

— Напротивъ! возразилъ онъ: у нихъ, если хотите, есть анализъ, и даже эта безплодная логическая способность дѣлать посылки и заключенія развита болѣе, чѣмъ у кого-либо; но дѣло въ томъ, что единица ужъ очень крупна: всякое нечистое дѣло, прикинутое къ ней, покажется совершеннѣйшими пустяками, меньше нуля. Прощайте, однако, au revoir! заключилъ Бѣлавинъ *).

Послѣ бесѣды этой, Калиновичъ остался, въ какомъ-то лирическомъ настроеніи духа. Первымъ его дѣломъ было сейчасъ-же приняться за письмо къ Настенькѣ".

Вотъ что между прочимъ писалъ онъ ей:

„Я не рожденъ для счастія семейной жизни въ бѣдной долѣ. Честолюбіе живетъ во мнѣ, кажется, на счетъ всѣхъ другихъ страстей и чувствъ, какъ будто-бы древній Римлянинъ возродился во мнѣ. Неудачи не задушили во мнѣ моего честолюбія, но только сдавили его и сдѣлали упруже и стремительнѣе. Подъ его вліяніемъ я покинулъ тебя, мое единственное

*) Мы привели здѣсь этотъ длинный (разумѣется только съ внѣшней стороны) разговоръ потому, что въ рѣчахъ Бѣлавина сильно отражается міросозерцаніе автора, которое гораздо идеальнѣе, возвышеннѣе и міросозерцанія многихъ его близорукихъ судей.

сокровище, хоть, видитъ Богъ, что сотни людей, изъ которыхъ ты могла бы найти добраго и нѣжнаго мужа—сотни ихъ не въ состояніи тебя любить такъ, какъ я люблю; но, обрекая себя на этотъ подвигъ, я не вынесъ его: разбитый теперь въ Петербургѣ во всѣхъ моихъ надеждахъ, полуумирающій отъ болѣзни, въ нравственномъ состояніи близкомъ къ отчаянію и, наконецъ, безъ денегъ, я пишу къ тебѣ эти строчки, чтобъ ты подарила и возвратила мнѣ снова любовь твою. Не надѣйся быть ни женой моей, ни видѣть даже меня, потому что я рѣшился доконать себя въ этомъ отвратительномъ Петербургѣ; но все таки люби меня и пиши ко мнѣ. Это единственная, нравственная роскошь, которую мы можемъ дозволить себѣ. Ты поймешь, конечно, все, чтó я хотѣлъ тебѣ сказать, и снова дружески протянешь руку невольному мученику самаго себя".

Настенька вмѣсто отвѣта на письмо сама пріѣхала въ Петербургъ, чтобы ходить за больнымъ Калиновичемъ и утѣшать его въ горѣ. Она поспѣшно и съ большимъ убыткомъ заложила все небольшое имѣніе, которое досталось ей послѣ матери и сдѣлала это съ цѣлью помочь Калиновичу въ его стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. Калиновичъ былъ внѣ себя отъ радости, когда увидѣлъ передъ собой Настеньку. Она на первое время внесла точно какую-то благодать въ жизнь своего друга. „Здоровье его поправилось совершенно; ему возвратились его прежняя опрятность и джентельменство въ одеждѣ. Вмѣсто грязнаго нумера, была нанята небольшая, но чистенькая и свѣтлая квартирка, которую они очень мило убрали". Но такая жизнь продолжалась недолго: демонъ честолюбія, тоска по роскоши и изящномъ комфортѣ начали снова терзать Калиновича. Калиновичъ сталъ все больше и больше расходиться въ убѣжденіяхъ съ Настенькой, сталъ удаляться отъ нея и все больше и больше сосредоточивался въ самомъ себѣ. „Душа его была не такого закала, чтобъ наслаждаться тихой любовью и скромной дружбой. Маленькій комфортъ, который его окружалъ, сталъ казаться ему смѣшонъ до гадости. Съ чувствомъ какого-то ожесточенія отвертывался онъ отъ магазинныхъ оконъ, изъ которыхъ такъ красиво метались въ глаза разныя вещи, совершенно, кажется бы, необходимыя для каждаго порядочнаго человѣка. Проходя мимо огромныхъ домовъ, въ бель-этажахъ которыхъ, при вечернемъ освѣщеніи, черезъ зеркальныя стекла, виднѣлись цвѣты, люстры, канделябры, огромныя картины въ золотыхъ рамахъ, онъ невольно пріостанавливался и съ озлобленной завистью думалъ: „какъ здѣсь хорошо, а живутъ здѣсь какіе-нибудь болваны-счастливцы!" „Тоже дѣйствіе производили на него экипажи, трехтысячныя шубы и, наконецъ, служащій, мундирный Петербургъ. Онъ не могъ видѣть безъ глубокаго, сердечнаго содроганія, когда выходилъ изъ какого-нибудь присутственнаго зданія господинъ еще не старыхъ лѣтъ, въ крестахъ, звѣздахъ и золотомъ камергерскомъ мундирѣ. Кромѣ ужъ этихъ прихотливыхъ и честолюбивыхъ желаній, впереди возставалъ еще болѣе существенный вопросъ: деньги, привезенныя Настенькой, конечно, проживутся въ какой-нибудь годъ, и чтó потомъ будетъ?"

„Вы юноши и не юноши", взываетъ къ намъ авторъ, „ищущіе въ Петербургѣ мѣстъ, занятій, хлѣба, вы поймете положеніе моего героя, зная, можетъ быть, по опыту, чтò значитъ въ этомъ случаѣ потерять послѣднюю надежду, послѣднюю опору, между-тѣмъ какъ раздражающаго свойства мысль не перестаетъ васъ преслѣдовать, что вотъ тутъ-же, въ этомъ Петербургѣ, сотни дѣятельностей, тысячи службъ съ прекраснымъ жалованьемъ, съ баснословными квартирами, съ любовью начальниковъ, могущихъ для васъ сдѣлать вся и все — и только вамъ ничего не даютъ и

васъ никуда не пускаютъ! Однажды, чтобъ скрыть отъ Настеньки свое отчаяніе, Калиновичъ проворно ушелъ изъ дома. Голова его рѣшительно помутилась: то думалось ему, что не найдетъ ли онъ потеряннаго бумажника со ста тысячами; то нельзя ли, наконецъ, пойти въ разбойники, награбить и возвратиться жить въ общество".

Вдругъ раздался сзади его знакомый голосъ: „Яковъ Васильичъ!" Калиновичъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ. Это былъ голосъ князя Ивана Раменскаго, того самаго, который когда-то соблазнялъ его жениться на богатой, старой и уродливой дѣвушкѣ ради ея миліоновъ.

Возобновивъ знакомство съ Калиновичемъ, князь пустился на всевозможныя козни, чтобъ склонить его (конечно для своихъ личныхъ видовъ) на бракъ съ миліонеркой. Онъ такъ искусно повелъ дѣло, что совершенно запуталъ Калиновича, и Калиновичъ, послѣ долгой, адски-мучительной борьбы съ самимъ собою, борьбы чуть не сведшей его въ могилу, бросилъ Настеньку и женился на дѣвушкѣ, къ которой чувствовалъ полное отвращеніе. Князь, по уговору съ Калиновичемъ, получилъ отъ него 50.000 р. за сватовство.

Лишь только Калиновичъ сдѣлался богатъ, какъ холодный и суровый къ нему доселѣ Петербургъ сталъ къ нему ласковъ до нѣжности, и всѣ его честолюбивыя мечты, какъ бы по взмаху волшебнаго жезла, стали быстро осуществляться. Ему стоило только дать взятку въ 2000 рублей одной вліятельной дамѣ въ видѣ пожертвованія въ пользу пріюта, да проиграть такую же сумму какому-то мощному бюрократу, и служебная карьера его пошла какъ по маслу. „Недѣли черезъ двѣ, въ приказахъ было отдано, что титулярный совѣтникъ Калиновичъ опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при одномъ очень важномъ лицѣ. Черезъ годъ произведенъ онъ былъ въ колежскіе асесоры, награжденъ вслѣдъ за тѣмъ орденомъ Анны 3-й степени, а года черезъ два чиномъ—надворнаго совѣтника. Занявъ потомъ мѣсто чиновника особыхъ порученій пятаго класса, онъ, впродолженіи четырехъ лѣтъ, получилъ колежскаго совѣтника, Владиміра на шею и назначенъ былъ, наконецъ, исправляющимъ должность вице-губернатора въ ту самую губернію, въ которой нѣкогда былъ ничтожнымъ училищнымъ смотрителемъ".

Эта губернія управлялась совершенно въ духѣ добраго стараго времени. Во главѣ управленія стоялъ генералъ-лейтенантъ Базарьевъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которые твердо убѣждены, что не чиновники существуютъ для государства, а государство для чиновниковъ, и потому все чиновническое сословіе губерніи блаженствовало подъ отеческой властью этого воеводы. Новый вице-губернаторъ, какъ уже вы знаете, смотрѣлъ совершенно иначе на государственную службу, чѣмъ генералъ Базарьевъ. Онъ могъ поступить неблагородно съ дѣвушкой, въ которую былъ влюбленъ, могъ обольстить ее, могъ продать себя за деньги женщинѣ, которую презиралъ; но государственная служба была для него дѣломъ священнымъ и, какъ чиновникъ, онъ былъ неподкупенъ и неумолимо-справедливъ съ подчиненными. Понятно, что между новымъ вице-губернаторомъ и начальникомъ губерніи произошло столкновеніе. Калиновичъ, сколько это было въ предѣлахъ его власти, сталъ смѣло раскрывать злоупотребленія по всей губерніи и, не смотря на отпоръ со стороны губернатора и другихъ губернскихъ властей, сталъ энергически противодѣйствовать всякимъ злоупотребленіямъ и беззаконнымъ дѣйствіямъ власти. Слухъ о нѣкоторыхъ злоупотребленіяхъ, раскрытыхъ Калиновичемъ, дошелъ до Петербурга, и оттуда былъ присланъ чиновникъ, для разъясненія дѣла. Чиновникъ этотъ и не заглянулъ къ губернатору, а повидавшись съ од-

нимъ только вице-губернаторомъ, отправился прямо на слѣдствіе. Этимъ оскорбился не только губернаторъ, но и всѣ чиновники губернскаго города пришли въ негодованіе отъ такого laesio majestatis своего благодѣтеля и отца-командира. И вотъ всѣ подчиненные рѣшились дать ему торжественный обѣдъ, дабы излить передъ нимъ чувства благодарности и уязвить его противника—Калиновича. Обѣдъ былъ обильный, собраніе многолюдно. Начались привѣтственные тосты виновнику торжества. Губернаторъ пришелъ въ умиленіе, всталъ передъ собраніемъ и произнесъ слѣдующій краткій, но восторженный до поэзіи спичъ: „Господа, на все это я могу отвѣтить только драгоцѣннымъ для насъ изреченіемъ: „разумѣйте, языцы, яко съ нами Богъ!“ „Съ нами Богъ!“ повторило восторженно за нимъ все нечистое сонмище взяточниковъ и казнокрадовъ и принялось качать на рукахъ своего начальника.

Но результаты слѣдствія оказались въ пользу Калиновича, — и губернаторъ былъ отставленъ, а Калиновичъ назначенъ на его мѣсто. Сдѣлавшись полнымъ хозяиномъ губерніи, онъ могъ показать и показалъ на болѣе широкомъ масштабѣ и свой умъ, и свои познанія, и свою неколебимую честность. Быстро подъ его управленіемъ все начало принимать новый видъ. Онъ цѣлыми толпами сталъ отставлять продажныхъ чиновниковъ, прижалъ откупъ и всюду истреблялъ казнокрадство. Словомъ, въ его правленіе, по выраженію Пушкина, какъ въ правленіе *Анджело*,

Законы поднялись, хватая въ когти зло.

Но эти благія дѣйствія не прошли ему даромъ. Слишкомъ сильна была та темная сила, съ которой ему пришлось бороться. Противъ него были воздвигнуты всевозможныя козни, и онъ вскорѣ былъ отставленъ отъ службы. Съ этимъ обстоятельствомъ совпало другое: его оставила его жена, и онъ пересталъ быть распорядителемъ ея имѣнія и капиталовъ; у него осталась только та совсѣмъ негромадная сумма денегъ, за которую онъ себя продалъ.

Такъ жалко и пошло кончилъ свою карьеру человѣкъ съ такимъ сильнымъ характеромъ и съ такими громадными требованіями отъ жизни, какъ Калиновичъ, благодаря своему слишкомъ ревностному поклоненію извѣстному Ваалу и чрезмѣрному уваженію къ внѣшнему блеску жизни. Конечно, смѣшно говорить съ сожалѣніемъ объ участи вымышленнаго лица; но какъ не скорбѣть глубоко душою, когда вспомнишь, что это лицо является вѣрнымъ зеркаломъ огромнаго большинства нашихъ современниковъ, готовыхъ жертвовать всѣмъ изъ за денегъ и комфорта!

„Для кого же, впрочемъ, восклицаетъ нашъ авторъ, для кого изъ солидныхъ и образованныхъ молодыхъ людей нашего времени не имѣетъ такого значенія комфортъ?“ Авторъ дошелъ до твердаго убѣжденія, что для насъ, дѣтей нынѣшняго вѣка, слава, любовь, міровыя идеи, безсмертіе—ничто передъ комфортомъ. Все это въ душахъ нашихъ случайное: одинъ только онъ стоитъ впереди нашего пути, съ своей неизмѣримо-притягательной силой. Къ нему-то мы направляемъ всѣ наши усилія. Онъ одинъ нашъ идолъ, и въ жертву ему приносится все дорогое, хотя бы для этого пришлось оторвать самую близкую часть нашего сердца, разорвать главную его артерію и кровью изойти, но только близенько, на подножіи нашего золотаго тельца. „Для комфорта проводится трудовая, до чахотки, жизнь; для комфорта десятки лѣтъ изгибаются, кланяются, кривятъ совѣстью; для комфорта кидаютъ семейство, родину, ѣдутъ кругомъ свѣ-

та, тонутъ, умираютъ съ голода въ степяхъ; для комфорта чистымъ и нечистымъ путемъ ищутъ наслѣдства; для комфорта берутъ взятки и совершаютъ наконецъ преступленія!"..

Послѣ этихъ словъ нашимъ слушателямъ не трудно разгадать идею романа.

У насъ, милостивые государи, не достало бы времени. подвергать хотя и краткому анализу каждое произведеніе нашего юбиляра. Онъ написалъ десять большихъ романовъ, десять театральныхъ піесъ и многое множество повѣстей, разсказовъ и разныхъ очерковъ. Между его произведеніями есть такія какъ напримѣръ *Горькая Судьбина*, трагедія изъ Русскаго простонароднаго быта, представляющая такую глубину психическаго анализа, что потребовалось бы написать цѣлый томъ, чтобъ указать подробно на всѣ красоты ея. Лучше въ заключеніе нашей рѣчи бросимъ опять взглядъ на общій характеръ дѣятельности нашего юбиляра.

Въ произведеніяхъ Писемскаго на читателя дѣйствуютъ съ равною силой оба главные элемента поэзіи—и трагическій, и комическій. И паѳосъ его, и его юморъ изумительны. Другая замѣчательная черта его произведеній: какой бы бытъ ни изображалъ онъ, его изображенія всегда поражаютъ вѣрностью. Онъ какъ у себя дома и въ крестьянской избѣ, и въ великолѣпномъ домѣ помѣщика, и въ канцеляріи уѣзднаго суда, и въ засѣданіи акціонернаго общества. Наконецъ должно замѣтить, что въ продолженіе всей его двадцатипятилѣтней литературной дѣятельности не было ни одного соціальнаго вопроса, ни одного общественнаго явленія нашей жизни, ни одной идеи, возникшей въ средѣ нашей интеллигенціи, которыя онъ прошелъ бы равнодушнымъ молчаніемъ въ своихъ произведеніяхъ.

Въ виду такого честнаго, широкаго и многосторонняго служенія Русскому слову и нашей общественной мысли, могло ли Общество Любителей Россійской словесности не почтить привѣтствіемъ Алексѣя Ѳеофилактовича Писемскаго по случаю двадцатипятилѣтняго юбилея его дѣятельности? Могло ли образованное общество Москвы не отнестись съ горячимъ сочувствіемъ къ этому юбилею, и могутъ ли наконецъ любители Россійской словесности не принести глубокой благодарности за это сочувствіе представителямъ Московскаго общества — нашимъ почтеннымъ посѣтительницамъ и посѣтителямъ?

Борисъ Алмазовъ.

ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, НАЧАТОЙ ВЪ 1813 ГОДУ *).

Императрица Екатерина II-я строго преслѣдовала такъ называемыя азартныя игры (какъ будто не всѣ картежныя игры болѣе или менѣе азартны?). Дошло до свѣдѣнія ея, что одинъ изъ приближенныхъ ко двору, а именно Левашевъ, ведетъ сильную азартную игру. Однажды говоритъ она ему съ выраженіемъ неудовольствія: „А вы все-таки продолжаете играть!"—„Виноватъ, Ваше Величество: играю иногда и въ коммерческія игры". Ловкій и двусмысленный отвѣтъ обезоружилъ гнѣвъ Императрицы. Она улыбнулась: тѣмъ дѣло и кончилось.

*

Мы замѣтили, что всякая игра болѣе или менѣе азартна, то есть болѣе или менѣе подвержена случайности. Трудно даже въ точности опредѣлить, какая игра азартная, какая нѣтъ. Обыкновенно называютъ азартными играми игры безкозырныя. И то не вѣрно: въ пикетѣ нѣтъ козыря, а пикетъ считается коммерческою игрою. Въ экарте есть козырь, а эта игра признается азартною и запрещена. Пожалуй, такъ называемыя коммерческія игры еще иногда опаснѣе неопытнымъ новичкамъ: противъ нихъ могутъ дѣйствовать умѣніе противника и случайность въ сдачѣ ему хорошихъ картъ, не говоря уже о нѣкоторыхъ соображеніяхъ, при которыхъ хорошія карты непремѣнно очутятся въ рукахъ его. Въ старое время общепринятая игра была бостонъ. Кто-то сказалъ, что въ ней неминуемо имѣешь дѣло съ двумя непріятелями и однимъ предателемъ, который идетъ тебѣ въ вистъ. Всякая игра бой: умѣніе умѣніемъ, но есть и доля счастія и несчастія, то есть случайности, слѣдовательно азарта. Вообще игра, можетъ быть, и зло, но зло неизбѣжное и законами неуловимое. Можно проиграть въ фараонъ сто рублей и даже пять, въ вистъ можно проигрывать десятки тысячь рублей въ каждый вечеръ. Едвали еще не благоразумнѣе допустить публичныя азартныя игры подъ строгимъ и добросовѣстнымъ наблюденіемъ полиціи и при нѣкоторыхъ оберегательныхъ и ограничивающихъ условіяхъ: такимъ образомъ скорѣе будутъ и волки сыты, и овцы цѣлы, не рѣдко вплоть остриженныя (это такъ), но по крайней мѣрѣ шкура ихъ будетъ удобнѣе спасена, нежели въ потаенныхъ игрецкихъ трущобахъ. Есть люди предопредѣленные роковою силою неминуемому проигрышу. Американецъ Толстой говорилъ объ одномъ изъ таковыхъ обреченныхъ, что, начни онъ играть въ карты самъ съ собою, то и тутъ найдетъ средство проиграться. Одинъ безпристрастный и нелицепріятный сынъ разсказалъ мнѣ, какъ покойный отецъ его, въ концѣ прошлаго столѣтія, вы-

---

*) См. выше, стр. 295.

игралъ у пріятеля своего двадцать тысячъ рублей—на клюквѣ. Вотъ какъ это происходило. Онъ предложилъ добродушному пріятелю своему угадывать, въ которой рукѣ его цѣльная клюковка, въ которой раздавленная. Разумѣется, закладъ былъ опредѣленъ въ извѣстную сумму. Игра продолжалась около двухъ часовъ. Нужно-ли добавить для простодушнаго читателя, что вызванный на игру окончательно назначалъ всегда не въ попадъ? Что-же послѣ, не приписать-ли и клюкву къ азартнымъ играмъ? Законъ упустилъ это изъ виду.

*

Бѣдную старушку больно приколотили. Приколотившій ее былъ присужденъ заплатить ей 25 рублей за побои и безчестье. Она любила припоминать и разсказывать этотъ случай, разсказъ-же свой заключала всегда слѣдующими словами, которыя произносила съ умиленіемъ и съ крестнымъ знаменіемъ: „Вотъ какъ не угадаешь, съ какой стороны взыщетъ тебя Божье милосердіе".

*

Въ 1806 или 1807 году одинъ изъ извѣстнѣйшихъ Московскихъ книгопродавцевъ разсказывалъ слѣдующее приходящимъ въ лавку его: „Ну, ужъ надо признаться, вспыльчивъ авторъ такой-то. Вотъ что со мною было. Приходитъ онъ на дняхъ ко мнѣ и, ни съ того, ни съ другаго, начинаетъ меня позорить и ругать; я молчу и смотрю что̀ будетъ. Наругавшись вдоволь, кинулся онъ на меня и сталъ тузить и таскать за бороду. Я все молчу и смотрю что̀ будетъ. Наконецъ плюнулъ онъ на меня и вышелъ изъ лавки, не объяснивъ въ чемъ дѣло. Я все молчу и жду, не воротится-ли онъ для объясненія. Нѣтъ, не возвратился: такъ и остался я не при чемъ!"

*

Отцу Алексѣя Михайловича Пушкина, пострадавшему въ царствованіе Екатерины II, кто-то, кажется какой-то князь Волконскій, сказалъ: „Не понимаю, почему такъ много говорятъ о книгѣ Гельвеція de l'esprit; я прочелъ ее отъ доски до доски и ничего особеннаго въ ней не нашелъ".—„Вѣрю, отвѣчалъ Пушкинъ; но тутъ, можетъ быть, не одинъ Гельвецій виноватъ".

*

Во время маневровъ, императоръ Александръ Павловичъ посылаетъ одного изъ флигель-адъютантовъ своихъ съ приказаніемъ въ какой-то отрядъ. Спустя нѣсколько времени, Государь видитъ, что отрядъ дѣлаетъ движеніе совершенно несогласное съ даннымъ приказаніемъ. Онъ спрашиваетъ флигель-адъютанта: „что̀ вы отъ меня передали?" Выходитъ, что приказаніе передано было совершенно навыворотъ. „Впрочемъ, сказалъ Государь, пожимая плечами, и я дуракъ, что васъ послалъ".

*

На Каменномъ острову Александръ Павловичъ замѣтилъ на деревѣ лимонъ необычайной величины. Онъ приказалъ принести его

къ нему, какъ скоро онъ спадетъ съ дерева. Разумѣется, по излишнему усердію приставили къ нему особый надзоръ, и наблюденіе за лимономъ перешло на долю и на отвѣтственность дежурному офицеру при караулѣ. Нечего и говорить, что Государь ничего не зналъ объ устройствѣ этого обсерваціоннаго отряда. Наконецъ роковой часъ пробилъ: лимонъ свалился. Приносятъ его къ дежурному офицеру. Это было далеко за полночь. Офицеръ, вѣрный долгу и присягѣ своей, идетъ прямо въ комнаты Государя. Государь уже почивалъ въ постели своей. Офицеръ приказываетъ каммердинеру разбудить его. Офицера призываютъ въ спальню.—„Чтó случилось?“ спрашиваетъ Государь. „Не пожаръ-ли?“—„Нѣтъ, благодаря Бога, о пожарѣ ничего не слыхать. А я принесъ Вашему Величеству лимонъ“. „Какой лимонъ?“—„Да тотъ, за которымъ Ваше Величество повелѣли имѣть особое и строжайшее наблюденіе“. Тутъ Государь вспомнилъ и понялъ, въ чемъ дѣло. Александръ Павловичъ былъ отмѣнно вѣжливъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ иногда очень нетерпѣливъ и вспыльчивъ. Можно предположить, какъ онъ съ просонья отблагодарилъ усерднаго офицера, который долго послѣ того извѣстенъ былъ между товарищами подъ прозвищемъ лимонъ.

*

Въ Варшавѣ разсказывали, что въ одномъ сраженіи Польскій офицеръ (не припомню имени его) былъ на ординарцахъ у Наполеона I. Онъ посылаетъ его съ приказаніемъ къ начальнику отдѣльнаго корпуса, стоящаго въ сторонѣ. Офицеръ пришпорилъ лошадь свою и поскакалъ; но, отъѣхавъ нѣсколько саженей, возвращается онъ къ императору и спрашиваетъ: „А гдѣ найти мнѣ ваше величество, когда исполню порученіе?“—„Хоть ростомъ я и невеликъ, отвѣчалъ Наполеонъ улыбаясь, но все таки вы, вѣроятно, отыщете меня. Поѣзжайте только скорѣе“. Другой случай. Императрица Жозефина подарила часы также одному изъ Польскихъ офицеровъ, находившемуся при особѣ Наполеона. Послѣ расторженія брака съ Жозефиною, Наполеонъ вспомнилъ про эти часы и спросилъ офицера, сохранилъ-ли онъ подарокъ императрицы. „Нѣтъ, Ваше Величество, отвѣчалъ онъ: Son heure a sonné (часъ ея пробилъ)“.

Съ той самой поры офицеръ пересталъ пользоваться прежнимъ благоволеніемъ Наполеона.

*

Во время парада на Саксонской площади, великій князь Константинъ Павловичъ подзываетъ Польскаго генерала, извѣстнаго стихотворца и, показывая на выстроившійся полкъ, говоритъ ему: „Чтò вы на это скажете? Это получше вашихъ стиховъ!“—„Sans aucun doute, monseigneur, mais aussi ce sont des vers Alexandrins, т. е. нѣтъ сомнѣнія, Ваше Высочество, но за то они и Александрійскіе стихи (шестистопные). Кажется, не за чѣмъ добавлять, что это было сказано въ царствованіе Александра Павловича.

*

Байковъ, лице извѣстное въ Варшавѣ, былъ въ началѣ столѣтія причисленъ къ неудавшемуся, или не дошедшему до мѣста на-

значенія своего, посольству графа Головкина въ Китай. Передъ тѣмъ состоялъ онъ на службѣ при посольствѣ графа Маркова въ Парижѣ. Позднѣе былъ онъ главнымъ чиновникомъ, если не совершенно правителемъ дѣлъ, въ канцеляріи Новосильцова въ Варшавѣ. Въ этой должности и умеръ онъ скоропостижно въ каретѣ, недалеко отъ Вильны, когда онъ, помнится, ѣхалъ въ загородный домъ къ невѣстѣ своей. Мицкевичъ, въ сатирической драмѣ по поводу Виленско-университетскихъ дѣлъ, не упустилъ случая нарисовать и его портретъ. По моему убѣжденію, Байковъ много вредилъ Новосильцову; съ этой точки зрѣнія, постараюсь и я въ нѣсколькихъ чертахъ опредѣлить эту личность. Онъ былъ человѣкъ способный, особенно сметливый, вообще умный, очень занимательный и забавный въ разговорѣ. Нельзя назвать его добрымъ человѣкомъ, но нельзя назвать и злымъ. Онъ былъ добръ равнодушно, золъ не всегда неумышленно. Когда поживешь на свѣтѣ и долго потрешься около людей, бываешь радъ и человѣку, который не постоянно готовъ напакостить ближнему изъ одной чистой любви къ искусству пакостить, а пускается на эту охоту только въ извѣстныхъ случаяхъ и по особенно-личнымъ обстоятельствамъ. Отъ первыхъ никуда не уйдешь: они вездѣ отыщутъ тебя, какъ охотникъ отыскиваетъ звѣря. Въ отношеніи къ другимъ сто́итъ только не выбѣгать къ нимъ на встрѣчу и посторониться съ дороги ихъ, когда они неуклоннымъ и безпрепятственнымъ шагомъ идутъ къ цѣли своей.

Въ обращеніи своемъ Байковъ былъ нѣсколько наступателенъ и дерзокъ. Съ нимъ, то есть противъ него, должно было всегда держаться въ позиціи оборонительной. Горе тому, кто захотѣлъ-бы завести съ нимъ равныя и братскія сношенія: простодушный и несчастный Авель сдѣлался-бы неминуемо жертвою Каина. Каинъ уничтожилъ-бы, задушилъ-бы его своею властолюбивою натурою. Онъ не былъ ни любимъ, ни уважаемъ въ Варшавскомъ обществѣ, ни въ Польскомъ, ни въ Русскомъ кругу. А что̀ всего хуже и прискорбнѣе, это нерасположеніе къ нему скоро отозвалось на самомъ Новосильцовѣ. Новосильцовъ любилъ его, т. е. онъ забавлялъ Новосильцова; въ слѣдствіе того онъ баловалъ Байкова и давалъ ему волю. Новосильцовъ былъ отмѣнно мягкаго характера; имъ легко было овладѣть. Байкову не нужно было прибѣгать для достиженія этой цѣли къ изысканнымъ ухищреніямъ и тактическимъ обходамъ. Онъ отчасти владѣлъ Новосильцовымъ, потому что былъ на лицѣ. Можно сказать, что онъ имъ владѣлъ силою какого-то пассивнаго магнетизма, не давая себѣ труда и магнетизировать его. Байковъ былъ самъ натуры довольно беззаботной, тучной и лѣнивой, даже сонливой. Онъ нерѣдко засыпалъ на людяхъ, въ салонахъ и въ театрѣ, гдѣ иногда, съ просонья, обращался на сцену къ актерамъ и особенно къ актрисамъ съ шуткою не всегда приличною. Рѣзкія, высокомѣрныя замашки его, можетъ быть ему и прирожденныя, вѣроятно еще болѣе развились въ дипломатической школѣ графа Маркова, который также нѣкогда славился своимъ бритвеннымъ языкомъ и обращеніемъ часто до заносчивости невѣжливымъ. Какъ-бы то ни было, но подобное обращеніе не могло нравиться тогдашнему ари-

стократическому Варшавскому обществу. Поляки считали Байкова недостаточно благовоспитаннымъ и отъ него уклонялись, хотя по официальному положенію его и не могли совершенно чуждаться его. Чтó ни говори о политической несостоятельности Поляковъ и въ слѣдствіе того о нѣкоторыхъ нравственныхъ недостаткахъ ихъ; но нельзя не признать, что Поляки, мужчины и женщины аристократическаго круга, всегда обращавшіеся въ высшихъ и лучшихъ обществахъ Европейскихъ столицъ, сохранили и послѣ переворотовъ, обезсилившихъ національное значеніе ихъ, всѣ преданія, обычаи, повѣрія и, пожалуй, и суевѣрія золотаго вѣка Европейскаго общежитія. Въ Польшѣ не было уже матеріальнаго, средневѣковаго барства, но изящное салонное барство, основанное на наслѣдственной образованности было еще силою и прелестью общества. Въ первыя времена возрожденнаго Царства Польскаго, въ эти медовые мѣсяцы брачнаго сожительства между Варшавскою Польшею и Русскимъ правительствомъ, сношенія завоеванныхъ съ завоевателями были не только миролюбивы, но вѣроятно и дружелюбны со стороны первыхъ. Разумѣется, могли быть и даже были исключенія; но большинство довольствовалось тѣмъ чтó есть: упованія на лучшее или на бóльшее были пока еще потаенныя pia desideria *). Но послѣ того обнаружилась какая-то incompatibilité d'humeur **); далѣе раздраженіе и окончательно разрывъ. До этого кризиса, во время перемежающейся лихорадки, осторожность, политическая сдержанность, при твердости всѣмъ явной и всѣми признаваемой, даже нѣкоторая терпимость, были-бы на то время не излишнею уступчивостью, не слабостью, а лучшимъ средствомъ къ полному, по возможности, сближенію и къ устроенію равновѣсія. Новосильцовъ былъ нѣкоторое время тѣмъ, чтò называется l'homme de la situation, т. е. человѣкомъ соотвѣтствующимъ настоящему положенію. Онъ не поддавался Полякамъ, но и не унижалъ, не дразнилъ ихъ. Онъ тоже принадлежалъ избранному кругу людей благовоспитанныхъ и отличающихся изяществомъ, блескомъ и, такъ сказать, благоуханіемъ образованности. Въ этомъ отношеніи высшія аристократическія лица сочувствовали ему. Байковъ, съ самаго начала, былъ часто какою-то разноголосицею, рѣзкою, грубою нотою въ этой только что улаживающейся гармоніи.

Въ числѣ смѣшныхъ слабостей его была и та, что онъ сбивался на мѣстоименіяхъ. Новосильцова онъ на языкѣ его всегда сходилъ на мы. Мы сдѣлаемъ, мы рѣшили, нашъ поваръ, мы даемъ балъ и такъ далѣе. Однажды, приглашая Поляка на обѣдъ къ Новосильцову, сказалъ онъ: „Приходите къ намъ сегодня за просто отобѣдать".—„Къ сожалѣнію не могу (отвѣчалъ тотъ съ лукавою вѣжливостью): я уже отозванъ къ его превосходительству сенатору Новосильцову".

Послѣ всего сказаннаго, спрашиваю себя, не грѣшно-ли, и во всякомъ случаѣ не совѣстно-ли, выносить соръ изъ старины, соръ

*) Добрыя пожеланія.

**) Несходство въ нравѣ.

замогильный. Римская поговорка извѣстна; но, если говорить о мертвыхъ только хорошее, то изъ исторіи выйдетъ одно похвальное слово, а не безпристрастный и вѣрный синодикъ. Одно условіе: въ разсказахъ о минувшемъ, въ характеристикѣ людей, болѣе или менѣе замѣчательныхъ дѣятелей, уже сошедшихъ съ почвы дѣйствія, должны соблюдаться педантически осмотрительность и строгость: не повторять на обумъ то, чтò мелькомъ слышалъ отъ стоустной молвы, а еще болѣе отъ тысячеустной сплетни. Нѣтъ, тутъ должно передавать только то, чтò видѣлъ собственными глазами, слышалъ собственными ушами, въ чемъ убѣдился не чужимъ, а собственнымъ убѣжденіемъ. А и тогда еще можешь промахнуться: и глаза иногда обманываютъ, и убѣжденіе оказывается легковѣрнымъ и погрѣшительнымъ. Но покрайней мѣрѣ, въ такомъ прискорбномъ случаѣ, не нарушаешь спокойствія совѣсти и не кладешь пятна на нее. Отъ живописца современной эпохи болѣе требовать нельзя.

Байковъ былъ далеко не историческое лице и не историческій дѣятель; исторія не замѣтитъ его и не догадается о немъ; но положеніемъ своимъ въ обществѣ, прикосновеніемъ къ лицамъ, которыхъ голоса и руки имѣли болѣе или менѣе вліяніе на совершавшіяся событія, и онъ не совершенно чуждъ исторіи, и если будущій дѣеписатель помянутой эпохи могъ-бы вооружиться всеизслѣдующимъ микроскопомъ, то онъ отыскалъ-бы и затерянное имя Байкова въ средѣ дѣйствующихъ лицъ, которыя заслонили его ростомъ своимъ и подавили значительностью своею. Не должно придавать людямъ болѣе важности, чѣмъ они заслуживаютъ; но нельзя, покрайней мѣрѣ, очевидцу не пристроить каждое второстепенное и пятистепенное лице къ мѣсту, которое принадлежитъ ему. Байковъ не былъ недугомъ Новосильцова, но онъ былъ болячкою его.

Вообще должно сознаться, что, за весьма рѣдкими исключеніями, приливъ офиціальныхъ Русскихъ лицъ въ то время не могъ смѣшаться съ Варшавскимъ обществомъ. Уровень ихъ былъ значительно ниже Варшавскаго. Это была большая ошибка. Государь, Новосильцовъ, самъ великій князь Константинъ Павловичъ, не смотря на неровности характера и припадки своей вспыльчивости, нѣкоторые изъ адъютантовъ его, еще три или четыре гражданскія лица, могли конечно дать отрадное понятіе о Русской образованности; но за то, чтó сказать о вліяющемъ большинствѣ, о массѣ? Лучше ничего не говорить. Генералъ Курута, напримѣръ, былъ главнымъ лицомъ при дворѣ Цесаревича. Онъ былъ человѣкъ умный и не злой; во все время нахожденія своего при Великомъ Князѣ, онъ вѣроятно никому вреда умышленно не сдѣлалъ, а, можетъ быть, часто укрощалъ вспышки, готовыя разразиться. Онъ былъ хитрый Грекъ: но признаться должно, что аттицизма было въ немъ немного, и онъ не смотрѣлъ Грекомъ временъ Периклеса. Какого же можно было ожидать отъ него благопріятнаго Русскаго преобразовательнаго вліянія на Польское общество, въ которомъ находились еще живыя преданія, свидѣтели и участники изящныхъ и блестящихъ увеселеній Тріанона или родныхъ Лазенокъ и великолѣпныхъ празднествъ Сенъ-Клу и Фонтенебло?

Многіе изъ насъ думаютъ, что достаточно матеріальной силы для преобладанія въ чужой сторонѣ. Оно не всегда такъ. Нечего и говорить, лестно и пріятно чувствовать за собою дубинку Петра Алексѣевича: она хорошее вспомогательное средство и даже въ своемъ родѣ назидательное. Сила силою, и пренебрегать ею нельзя; но не худо имѣть при ней и нравственную указку для благонадежнаго и окончательнаго преподаванія. Многіе изъ насъ того мнѣнія, что правительственныя лица, въ области болѣе или менѣе чужой, должны, если они хорошіе патріоты, ненавидѣть людей подчиненныхъ власти ихъ и равномѣрно быть ими ненавидимы; не дай Боже, чтобы администраторъ полюбилъ находящихся въ управленіи его, а они его полюбили: тутъ тотчасъ наши публицисты заподозрятъ измѣну! Нужно отвращать и побѣждать враждебныя побужденія, но самому не допускать въ себѣ вражды: вражда одну вражду и родить способна. Императоръ Николай это хорошо сознавалъ и чувствовалъ. Отпуская графа Гурьева въ Кіевъ на генералъ-губернаторство, онъ сказалъ ему слѣдующія достопамятныя и великодушныя слова: „Ты знаешь, что я, послѣ Польскаго возмущенія, до Поляковъ небольшой охотникъ; но если, по предубѣжденіямъ и по страсти, я увлеченъ буду на принятіе какихъ нибудь мѣръ несправедливыхъ противъ нихъ, то обязанность твоя немедленно предостерегать меня".

*

Выдержки изъ разговоровъ.

1.

N. N. Что ты такъ горячо рекомендуешь мнѣ К.? Развѣ ты хорошо знаешь его?

P. Нѣтъ, но X. ручается за честность его.

N. N. А кто ручается за честность X.?

2.

Начальникъ департамента: Мнѣ кажется, я васъ гдѣ-то встрѣчалъ.

Молодой проситель, желающій получить мѣсто въ департаментѣ: Такъ точно, ваше превосходительство: я иногда тамъ бываю.

3.

Молодой офицеръ пріѣхавшій въ Москву: Сдѣлай одолженіе, Неѣловъ: сыщи мнѣ невѣсту. Смерть хочется жениться.

Неѣловъ: Охотно, у меня есть невѣста на примѣтѣ.

Офицеръ: А что за нею приданаго?

Неѣловъ: Двѣ тысячи стерлядей, которыя на волѣ ходятъ въ Волгѣ.

*

Въ Москвѣ (не знаю, какъ теперь) долго патріархально и свято сохранялись родственныя связи и соблюдалось родственное чинъчинопочитаніе. Разумѣется, во всѣхъ странахъ, во всѣхъ городахъ

есть и бабушки, и дядюшки, и троюродныя тетушки, и внучатные братья и сестры; но вездѣ эти дядюшки и тетушки болѣе или менѣе имена нарицательныя, въ одной Москвѣ уцѣлѣло ихъ существенное значеніе. Это не умозрительныя числа, а плоть и кровь. Ужъ если тетушка, то настоящая тетушка; ужъ если дядя, то дядя съ ногъ до головы; племянникъ, за версту его узнаешь. Кругъ родства не ограничивается ближайшими родственниками; въ Москвѣ родство простирается до едва замѣтныхъ отростковъ, ужъ не до десятой, а развѣ до двадцатой воды на киселѣ. Нужно прилежное и глубокое изученіе по части генеалогіи, чтобы вполнѣ усвоить себѣ эти тарабарскія грамоты родословія. А есть такіе профессора, а особенно профессорши, которыя по щепкѣ и по листочку переберутъ любое Московское генеалогическое дерево. Въ тридцатыхъ годахъ пріѣхалъ въ Москву одинъ баринъ, уже за нѣсколько лѣтъ изъ нея выѣхавшій. На вечеринкѣ онъ встрѣчается нечаянно съ однимъ изъ многочисленныхъ дядюшекъ своихъ. Тотъ, обиженный, что племянникъ еще не былъ у него съ визитомъ, начинаетъ длинную нотацію и рацею противъ ослабленія семейныхъ связей и упадка семейной дисциплины. Племянникъ кидается ему на шею и говоритъ: „Ахъ дядюшка, какъ я радъ видѣть васъ. А мнѣ сказали, что вы уже давно умерли". Дядюшка былъ нѣсколько суевѣренъ и не радъ былъ, что накликалъ на себя такое привѣтствіе.

*

Пришло-же въ голову чудаку вывести такую ариѳметическую табличку:

Изъ пошлыхъ риѳмачей у насъ онъ не 1;
Хоть родомъ онъ Москвичъ, а пишетъ какъ Мор 2.
Его стихами ты себѣ хоть носъ у 3.
Ему докажешь-ли, какъ дважды два 4,
Что вретъ онъ. Ничего! онъ врать начнетъ о 5.
У всѣхъ людей пять чувствъ: въ немъ съ глупостью ихъ 6.
Доселѣ на землѣ чудесъ считали 7;
Но чудо вѣдь и онъ, такъ смѣло ставьте 8.
Ему подобнаго, иди хоть за три 9
Земель, не сыщешь: онъ безъ единицы 10.

*

А вотъ и другая шалость найденная въ той-же тетрадкѣ:

Какъ?
Лука Лукичь ужъ не дуракъ?
Что-жъ?
На человѣка онъ похожъ?
Ба!
И знаетъ онъ, что б-а-ба?
Ой,
И сталъ онъ малой дѣловой?
Ну,
И онъ нашелъ себѣ жену?
Эй,
И онъ отецъ своихъ дѣтей?

—

Вотъ полоса такъ полоса:
Теперь я вѣрю въ чудеса.

*

Кстати помянуть здѣсь и Неѣлова. Онъ, между прочимъ, любилъ писать амфигури, и нѣкоторые изъ нихъ очень удачны и забавны. Это послѣднее свойство отличительная черта, если не таланта, то способности Неѣлова. Забавность, истинная и сообщительная веселость, очень рѣдко встрѣчаются въ нашей литтературѣ. А между тѣмъ въ Русскомъ умѣ есть жилка шутливости: мы болѣе насмѣшливы, чѣмъ смѣшливы, преимущественно на письмѣ. Чернила какъ-то остужаютъ у насъ вспышки веселости. На Русской сценѣ мало смѣются и мало смѣшатъ. Мы почти можемъ сказать, что Русской комедіи не до смѣха. У Французовъ называются амфигури куплеты, положенные обыкновенно на всѣмъ знакомый напѣвъ: куплеты составлены изъ стиховъ не имѣющихъ связи между собою, но отмѣченныхъ шутливостью и часто неожиданными риѳмами. Иногда это пародіи на извѣстныя сочиненія, легкіе намеки на личности и такъ далѣе. Вотъ нѣкоторыя выписки изъ Неѣлова:

Пускай Тардивъ *)
Въ компотъ изъ сливъ
Мадеру подливаетъ;
А Жанъ Расинъ,
Какъ въ маслѣ блинъ,
Въ безсмертьи утопаетъ.

*

Андрей Сушковъ
Лишь пять вершковъ
Въ природѣ занимаетъ;
А Бонапартъ
Съ колодой картъ
Одинъ въ пасьянсъ играетъ.

Это было писано въ 1813 году. Тутъ былъ забавный куплетъ о Французскихъ маршалахъ Давустъ (риѳма была кустъ) и Удино, но этой риѳмы не скажу. Въ это время все содѣйствовало патріотизму поражать врага: и лубочныя народныя каррикатуры, и, пожалуй лубочные стихи, которые на этотъ разъ съ большею меткостью попадали въ цѣль, чѣмъ оды Державина.

Въ то самое время Неѣловъ имѣлъ тяжбу, которая разсматривалась въ Правительствующемъ Сенатѣ. Дѣло длилось. Неѣловъ излилъ меланхолическія чувства свои въ заключительномъ куплетѣ своего амфигури:

Мой геморой,
Иной порой,
Вертитъ меня, ломаетъ;
Но ахъ, Сенатъ
Мнѣ во сто кратъ
Жить болѣе мѣшаетъ.

Неѣловъ, истинный поэтъ въ своемъ родѣ, имѣлъ потребность перекладывать экспромптомъ на стихи всѣ свои чувства, впечатлѣнія, замѣтки. Онъ былъ Русская Эолова арфа, то есть народная игривая балалайка. Неѣловъ два раза былъ женатъ, но дѣтей не

*) Петербургскій ресторатор.

имѣлъ; а сердце à priori было очень чадолюбивое. Вотъ какъ эта любовь выразилась однажды:

Дай, судьба, ты мнѣ ребенка;
Тѣмъ утѣшь ты жребій мой:
Хоть щенка, хоть жеребёнка,
Лишь-бы былъ мнѣ сынъ родной.

Этотъ поэтъ, по вольности дворянства и по вольности поэзіи, не всегда былъ разгульнымъ циникомъ. Онъ иногда надѣвалъ и перчатку на правую руку и мадригальничалъ въ альбомахъ Московскихъ барышень. Вотъ что написалъ онъ во время грозы:

Я грома не боюся;
Онъ прогремитъ, пройдетъ.
Но равнодушья твоего страшуся:
Оно меня убьетъ.

*

Я говорилъ о балалайкѣ: это напомнило мнѣ разсказъ Американца Толстаго. Высаженный на берегъ Крузенштерномъ, онъ возвращался домой пѣшеходнымъ туристомъ. Гдѣ-то въ отдаленной Сибири, напалъ онъ на старика, вѣроятно сосланнаго: онъ утѣшалъ горе свое родными сивухою и балалайкою. Толстой говорилъ, что онъ пилъ хорошо, но еще лучше игралъ на своемъ доморощенномъ инструментѣ. Голосъ его, хотя и пьяный и нѣсколько дребезжащій отъ старости, былъ отмѣнно выразителенъ. Толстой помнилъ, между прочимъ, куплетъ изъ одной пѣсни его:

Не тужи, не плачь, дѣтинка;
Въ ротъ попала кофеинка,
Авось проглочу.

И на этомъ авось проглочу голосъ старика разрывался рыданіемъ, самъ онъ обливался слезами и говорилъ, утирая слезы свои: „Понимаете-ли, ваше сіятельство, всю силу этого: авось проглочу!" Толстой добавлялъ, что рѣдко на сценѣ и въ концертахъ бывалъ онъ болѣе растроганъ, чѣмъ при этой дикой и нелѣпой пѣснѣ Сибирскаго рапсода.

*

(Продолженіе будетъ).

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

Прочитавъ въ Русскомъ Архивѣ статью: „Кто послѣднiй оставилъ Севастополь“ и усматривая, что въ оной упоминается и о моемъ мнѣнiи по сему вопросу, считаю долгомъ покорнѣйше просить васъ, м. г., приказать отпечатать и слѣдующее объясненiе на счетъ послѣднихъ часовъ пребыванiя на южной сторонѣ Севастополя главнокомандовавшаго князя М. Д. Горчакова.

28-го Августа, на разсвѣтѣ, князь Горчаковъ вышелъ на площадь предъ Николаевской батареею, гдѣ въ то время проходили послѣдне-отступавшiя войска генерала лейтенанта Хрущова. Когда ему было доложено, что хвостъ этой колонны вошелъ на мостъ, онъ сказалъ мнѣ пофранцузски: „il faut attendre jusqu'à ce que le pont aura été défait“ *). Оставаясь за тѣмъ на площади до того времени, пока не было приступлено къ отбуксированiю первыхъ плотовъ, онъ тогда только направился къ Графской пристани и сѣлъ на ожидавшiй его катеръ. Солнце тогда уже взошло.

Въ записной моей книжкѣ слово въ слово сказано: „Въ 6 часовъ „утра князь Горчаковъ сѣлъ на катеръ у Графской пристани и, за„ѣхавъ на Павловскiй мысъ, отправился на Сѣверную сторону въ „№ 4-ый (фортъ)“. Дѣйствительно, покойный главнокомандующiй, озабоченный положенiемъ тяжелораненныхъ, оставленныхъ въ Павловской батареѣ, посѣтилъ палаты, гдѣ лежали ампутированные, а потомъ переправился на Сѣверную сторону.

За симъ, не подвергая никакому сомнѣнiю, что начальникъ гарнизона графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ, слѣдуя за колоннами генералъ-лейтенанта Хрущова, послѣднiй перешелъ черезъ мостъ на Сѣверную сторону, я остаюсь въ твердомъ убѣжденiи, что послѣднiй оставилъ Южную сторону главнокомандующiй князь М. Д. Горчаковъ.

Графъ П. Коцебу.

(*бывшiй начальникъ Главнаго Штаба Южной армiи и сухопутныхъ и морскихъ силъ въ Крыму находившихся*).

25 Февраля 1875.

Г. Варшава.

---

*) Т. е. надо подождать, пока мостъ уничтожатъ.

СТАРИНА ЦАРСКОСЕЛЬСКАГО ЛИЦЕЯ.

I. МАЛИНОВСКІЙ И ВАЛЬХОВСКІЙ.

„Можетъ-быть", замѣчаетъ Пущинъ въ своихъ Запискахъ *), „когда нибудь появится цѣлый рядъ воспоминаній о лицейскомъ своеобразномъ бытѣ перваго курса, съ очерками личностей, которыя потомъ заняли свои мѣста въ общественной сферѣ".

Теперь, когда въ живыхъ остается уже не болѣе трехъ изъ тридцати первенцевъ Царскосельскаго Лицея (слѣдовательно только $^1/_{10}$ цѣлаго курса), настаетъ время для такой біографической галереи. Въ послѣднее время опять не стало двоихъ изъ самыхъ близкихъ къ Пушкину товарищей: въ 1872 году умеръ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Матюшкинъ, а въ 1873-мъ Иванъ Васильевичъ Малиновскій, сынъ перваго директора Лицея, по лѣтамъ старшій изъ всѣхъ первокурсниковъ: ему при поступленіи въ Лицей уже было лѣтъ шестнадцать. Вышелъ онъ въ военную службу, но уже давно покинулъ ее и доживалъ вѣкъ въ деревнѣ, въ Харьковской губерніи. Съ нимъ и съ Пущинымъ поэтъ былъ особенно друженъ въ Лицеѣ; ихъ обоихъ вспомнилъ онъ и на смертномъ одрѣ, сказавъ: „Какъ жаль, что нѣтъ здѣсь ни Пущина, ни Малиновскаго: мнѣ бы легче было умирать". Въ первоначальной редакціи своихъ стиховъ 19 Октября (1825 года), онъ помянулъ было и Малиновскаго стихами, послѣ зачеркнутыми. Кончивъ обращеніе къ Пущину, посѣтившему поэта въ деревнѣ, онъ говоритъ Малиновскому:

Что жъ я тебя не встрѣтилъ тутъ же съ нимъ,
Ты, нашъ казакъ и пылкій, и незлобный?
Зачѣмъ и ты моей сѣни надгробной
Не озарилъ присутствіемъ своимъ?

Казакомъ Малиновскій слылъ между товарищами за свой горячій, необузданный нравъ, который вездѣ проявлялся задоромъ. Какъ сынъ директора, онъ пользовался покровительствомъ начальства; онъ былъ особенно-симпатическою личностью. Всѣхъ ниже по способностямъ и ученію были: Мартыновъ, Тырковъ, Броліо и Мясоѣдовъ. Послѣдній въ иллюстраціяхъ Илличевскаго изображался обыкновенно съ ослиною головою на человѣческомъ тѣлѣ; въ статьяхъ журнала Лицейскій Мудрецъ онъ являлся подъ именемъ Мясожорова, и ему приходилось читать тамъ жестокія истины о своемъ умѣ и характерѣ. Ему приписывали стихъ:

«Блеснулъ на Западѣ румяный царь природы,

впослѣдствіи распространенный Пушкинымъ въ извѣстное четверостишіе. Мясоѣдовъ, по выпускѣ изъ Лицея, поступилъ въ армію, потомъ вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ, кажется въ

---

*) См. *Атеней* 1859 года.

Тульской губерніи. Къ числу самыхъ способныхъ воспитанниковъ (говорю только объ умершихъ) принадлежали: Масловъ, бывшій напослѣдокъ директоромъ департамента податей и сборовъ, Саврасовъ и Есаковъ. О Саврасовѣ ничего неизвѣстно; Есаковъ былъ благороднѣйшій человѣкъ, но во время Польской кампаніи имѣлъ несчастіе потерять двѣ пушки подъ какимъ-то мостомъ и съ отчаянія застрѣлился. Ломоносовъ умеръ посланникомъ въ Голландіи; за расположеніе къ пронырству, его въ Лицеѣ прозвали кротомъ. Илличевскій былъ вспыльчивъ, задоренъ и сварливъ. По остроумію и поэтическому дарованію онъ, въ годы воспитанія, считался соперникомъ Пушкина, но послѣ не произвелъ ничего замѣчательнаго. Особеннымъ прилежаніемъ отличался Вальховскій, который впослѣдствіи породнился съ Малиновскимъ, женившись на сестрѣ его.

Владиміръ Дмитріевичъ Вальховскій былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ характеровъ въ лѣтописяхъ Лицея. Въ первыя два десятилѣтія послѣ выпуска онъ быстрѣе всѣхъ товарищей шелъ въ гору, пока несчастныя обстоятельства не остановили его и не свели прежде времени въ могилу. О немъ въ мое время ходило въ Лицеѣ много разсказовъ, и мы приняли его съ большимъ почетомъ, когда онъ однажды, кажется въ 1830 году, посѣтилъ насъ. Сообщу о немъ нѣсколько подробностей, пользуясь между прочимъ рѣдкою брошюрою, напечатанною въ Харьковѣ въ 1844 году и присланною мнѣ тогда же Е. А. Энгельгардтомъ. Жаль только, что она относительно второй половины біографіи Вальховскаго касается почти исключительно однихъ внѣшнихъ обстоятельствъ его жизни. Не моя вина, если послѣдняя часть настоящей замѣтки о немъ будетъ отзываться скудостью матеріаловъ: на нѣтъ и суда нѣтъ.

Вальховскій поступилъ въ Лицей изъ числа отличнѣйшихъ воспитанниковъ Московскаго университетскаго пансіона и во все время продолжалъ заниматься съ особеннымъ прилежаніемъ, такъ что сами товарищи передъ выпускомъ пѣли:

Покровительствомъ Минервы
Пусть Вальховскій будетъ первый.

Эти-то стихи, можетъ быть придуманные Пушкинымъ же, конечно вспомнились ему, когда онъ, въ первоначальной редакціи 19-го Октября, такъ началъ одну изъ строфъ:

Спартанскою душой плѣняя насъ,
Воспитанный суровою Минервой,
Пускай опять Вальховскій будетъ первый.

При выпускѣ Вальховскій дѣйствительно получилъ первую золотую медаль. Скромный и щедушный, Вальховскій однакожъ и надъ способнѣйшими товарищами бралъ верхъ трудомъ и желѣзною волей. Чтобы успѣшнѣе работать, онъ сокращалъ часы сна и налагалъ на себя добровольный постъ: лишалъ себя по цѣлымъ недѣлямъ мяса, пирожнаго, чаю; чтобы упражнять тѣлесныя силы, взваливалъ иногда на плеча два толстѣйшіе тома словаря Гейма; чтобы болѣе успѣвать въ верховой ѣздѣ, онъ, во время приготовленія учебныхъ

уроковъ, садился верхомъ на стулъ и наблюдалъ правильную посадку; наконецъ, чтобы усовершенствоваться въ произношеніи, онъ, подобно Демосѳену, клалъ въ ротъ камешки и отправлялся декламировать на Царскосельское озеро. Всѣ эти странности и усилія надъ самимъ собою доставили Вальховскому два товарищескія прозвища: Суворочка и Sapientia. О немъ Илличевскій писалъ въ 1815 году, по поводу посылки Фусу портрета его вмѣстѣ съ портретами Мартынова и Пушкина: „Это портретъ Вальховскаго, одного изъ лучшихъ нашихъ учениковъ, прилежнаго, скромнаго, словомъ, великихъ достоинствъ и великой надежды; этого ты на портретѣ не видѣлъ, а примѣтилъ развѣ большой носъ и большіе усы“ [1]).

Выпущенный изъ Лицея въ гвардію, Вальховскій не побоялся подвергнуться еще разъ экзамену и избралъ мѣстомъ службы Генеральный Штабъ, въ который иначе не принимали. Отсюда начинается рядъ служебныхъ успѣховъ Вальховскаго; они исчислены въ указанной мною брошюрѣ. Упомяну только, что въ чинѣ поручика, въ 1820 году, онъ былъ командированъ въ Бухару при императорской миссіи подъ начальствомъ Негри, а по возвращеніи оттуда, черезъ годъ, удостоился личнаго доклада Александру I въ кабинетѣ Государя и награжденъ пенсіею въ 500 рублей.

Въ 1826 году ему велѣно состоять при генералъ-адъютантѣ Паскевичѣ, при которомъ онъ въ послѣдствіи игралъ важную роль, такъ что ему даже приписывали часть успѣховъ и славы знаменитаго полководца. Подъ начальствомъ Паскевича онъ участвовалъ въ Персидской компаніи и не разъ отличался въ военныхъ дѣйствіяхъ, а въ началѣ 1828 года былъ откомандированъ къ Персидскому шаху въ Тегеранъ и твердостію своею способствовалъ къ побужденію тамошняго правительства уплатить обѣщанные 10 мил. рублей контрибуціи. Позднѣе онъ съ такимъ же отличіемъ принималъ участіе въ дѣйствіяхъ противъ Польскихъ мятежниковъ. Есть однакоже слухъ, будто Вальховскаго вездѣ преслѣдовала какая-то роковая неудача, такъ что его появленіе считалось дурною примѣтой, и солдаты прозвали его *чернымъ ворономъ*: надобно знать, что у него были черные какъ смоль волосы и смуглое лицо.

По окончаніи Польской кампаніи Вальховскій былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса; здѣсь онъ опять быстро подвигался по службѣ и находился въ четырехъ экспедиціяхъ и въ нѣсколькихъ опасныхъ дѣлахъ. Кромѣ того онъ занимался сводомъ матеріаловъ при составленіи проектовъ относительно горцевъ. Съ 1832 года онъ служилъ подъ личнымъ начальствомъ корпуснаго командира барона Розена и въ Ноябрѣ назначенъ исправляющимъ должность начальника штаба Кавказскаго корпуса; но когда въ 1837 году Государь лично посѣтилъ Закавказье и при этомъ главноуправлявшему краемъ были приписаны разныя упущенія, то невзгода постигла и начальника его штаба. Вальховскій былъ переведенъ бригаднымъ командиромъ въ западныя губерніи, а какъ съ этимъ вмѣстѣ онъ попалъ подъ началь-

[1]) См. письма Илличевскаго къ Фусу, въ Р. Архивѣ 1864 года, стр. 1064.

ство нерасположеннаго къ нему князя Варшавскаго, то и нашелся вынужденнымъ, скрѣпя сердце, выйти въ отставку. Онъ былъ уволенъ отъ службы въ Февралѣ 1839 года и поселился въ Харьковской деревнѣ *) по сосѣдству съ Лицейскимъ товарищемъ Малиновскимъ, на сестрѣ котораго онъ былъ женатъ, но жилъ уже не долго: днемъ его смерти было 7 Марта 1841 года.

Пушкинъ, во время своего Закавказскаго путешествія, встрѣтился съ нимъ въ лагерѣ близъ Карса у Паскевича и записалъ: „Здѣсь увидѣлъ я нашего Вальховскаго, запыленнаго съ ногъ до головы, обросшаго бородой, изнуреннаго заботами. Онъ нашелъ однако время побесѣдовать со мною, какъ старый товарищъ".

Скромность и добродушіе, которыя украшали Вальховскаго въ Лицеѣ, остались до конца его отличительными свойствами. Если случалось навести разговоръ на его походы, онъ никогда не выставлялъ своей личности. Никогда, говоритъ его біографъ, не упускалъ онъ случая помочь ближнему и дѣломъ, и совѣтомъ; а въ дѣлахъ правосудія, которыя ему нерѣдко приходилось производить, Вальховскій, строгій другъ правды и исполнитель закона, всегда старался облегчить участь обвиненнаго.

Пожизненную пенсію и аренду обращалъ онъ на очищеніе долговъ своего отца, на устройство дѣлъ родныхъ и на уплату подушныхъ за крестьянъ своей жены.

*

2. МАТЮШКИНЪ.

Въ стихотвореніи Пушкина 19 Октября двѣ изъ самыхъ теплыхъ строфъ посвящены Матюшкину, которому онъ между прочимъ говоритъ:

Счастливый путь! Съ Лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнулъ шутя...
Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
Лицейскій шумъ, Лицейскія забавы
Средь бурныхъ волнъ мечталися тебѣ.
Ты простиралъ изъ за моря къ намъ руку,
Ты насъ однихъ въ младой душѣ носилъ....

За то и Матюшкинъ питалъ горячее сочувствіе къ геніальному товарищу и вполнѣ понималъ его высокую натуру. Когда роковая пуля сразила поэта, Матюшкинъ былъ въ Севастополѣ. Вѣсть объ этомъ несчастіи повергла его въ глубокую скорбь, и онъ могъ написать Яковлеву только слѣдующія строки: „Пушкинъ убитъ! Яковлевъ! Какъ ты это допустилъ? У какого п . . . . ца поднялась на него рука? Яковлевъ, Яковлевъ! Какъ могъ ты это допустить? Нашъ кругъ рѣдѣетъ; пора и намъ убираться... 14 Февраля. Севастополь".

Въ Матюшкинѣ не было ничего блестящаго: онъ былъ скроменъ, даже застѣнчивъ и обыкновенно молчаливъ, но при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ нельзя было не оцѣнить этой чистой, правдивой и теплой души. Онъ до конца неизмѣнно хранилъ завѣтную привязанность къ Лицею и къ своимъ товарищамъ и былъ одинъ

*) Изюмскаго уѣзда, въ селѣ Стратилатовѣ.

изъ тѣхъ, которые знали всего болѣе подробностей о Лицейской жизни перваго курса. Видя, что кто нибудь интересуется ими, онъ охотно передавалъ свои воспоминанія. Съ его словъ я успѣлъ коечто записать, но къ сожалѣнію, по свойственной человѣку привычкѣ откладывать, узналъ далеко не все, что́ могъ бы извлечь изъ бесѣдъ съ Матюшкинымъ.

Въ біографическихъ о немъ извѣстіяхъ насъ прежде всего поражаетъ то обстоятельство, что онъ, нося вполнѣ Русское имя, былъ реформатъ. Эта странность объясняется мѣстомъ его рожденія. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Матюшкинъ родился 10 Іюля 1799 года въ Штутгартѣ, гдѣ отецъ его былъ совѣтникомъ посольства и переводчикомъ. За неимѣніемъ тамъ Русскаго священника, мальчикъ былъ окрещенъ по обряду реформатской церкви и всю жизнь оставался въ этомъ исповѣданіи. Мать его была урожденная Медеръ. Не знаю, когда именно она лишилась мужа; но въ 1810 году, стало быть за годъ до поступленія сына въ Лицей, она была уже класною дамою въ Московскомъ Екатерининскомъ Институтѣ, и это положеніе, при покровительствѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, конечно облегчило г-жѣ Матюшкиной помѣщеніе сына въ новооткрытое заведеніе. Въ должности класной дамы она и оставалась до конца 1825 года, и день рожденія сына, 10 Іюля 1831 года, былъ днемъ ея смерти.

При поступленіи въ Лицей Матюшкинъ выдержалъ экзаменъ изъ языковъ: Русскаго, Французскаго и Нѣмецкаго, изъ исторіи, географіи и ариѳметики. Кромѣ того требовались познанія „общихъ свойствъ тѣлъ“ (т. е. кое-что изъ физики); оказалось, что онъ и объ этомъ предметѣ „имѣлъ понятіе“.

За время его Лицейскаго воспитанія сохранилось нѣсколько профессорскихъ отмѣтокъ о его занятіяхъ. Куницынъ, Карцовъ, Кайдановъ, де-Будри довольно согласно свидѣтельствуютъ въ пользу его способностей и прилежанія. Вотъ что первый изъ этихъ преподавателей записалъ въ 1815 году: „Понятенъ и прилеженъ, занимается науками съ разсужденіемъ. Успѣхи его становятся время отъ времени примѣтнѣе. Въ теченіе прошлаго года онъ превзошелъ многихъ изъ своихъ сверстниковъ. Добрый его нравъ и скромное поведеніе заслуживаютъ особенную похвалу“. По отзыву гувернера Пилецкаго, Матюшкинъ былъ „весьма благонравенъ, при всей пылкости вѣжливъ, искрененъ, добродушенъ, чувствителенъ; иногда гнѣвенъ, но безъ грубости“. При такихъ свойствахъ естественно, что Матюшкинъ сдѣлался въ Лицеѣ однимъ изъ любимыхъ товарищей. По-русски онъ говорилъ совершенно чисто, хотя и родился за границею; но въ иностранныхъ языкахъ онъ не былъ никогда силенъ; профессоръ Французскаго языка де-Будри отмѣтилъ однажды, что онъ любознателенъ и оказываетъ замѣтные успѣхи, но еще очень отсталъ (quoiqu'il soit encore bien arriéré). При выпускѣ онъ попалъ во 2-й разрядъ, т. е. получилъ только 10-й классъ.

Отличительною чертою Матюшкина съ дѣтства была его страсть къ морю. Мы не знаемъ, подъ какими вліяніями она развилась; но при

оставленіи Лицея, онъ, по словамъ директора Энгельгардта, считалъ верхомъ счастія отправиться въ морское путешествіе. И Энгельгардтъ помогъ ему достигнуть этого счастія. Директоръ Лицея далъ очень благопріятный отзывъ о его познаніяхъ, особенно въ математическихъ наукахъ, и прибавилъ: „при твердости характера, нѣтъ сомнѣнія, что онъ въ избираемомъ имъ образѣ жизни полезенъ будетъ“.

Въ числѣ бумагъ, переданныхъ мнѣ Матюшкинымъ, я нашелъ и двѣ черновыя тетради, писанныя имъ въ первые дни по выпускѣ изъ Лицея. Въ одной изъ нихъ помѣщены два письма, посланныя имъ къ товарищу по Московскому университетскому Пансіону Сазоновичу, а въ другой записка его о путешествіи въ Москву и обратно.

По эпохѣ и обстоятельствамъ, къ которымъ относятся эти документы, они для насъ любопытны, тѣмъ болѣе, что знакомятъ насъ и съ степенью литературнаго образованія, вынесеннаго изъ Лицея однимъ изъ товарищей Пушкина, воспитанникомъ средней руки, по оцѣнкѣ начальства.

Вотъ что писалъ Матюшкинъ изъ Царскаго Села 10 Іюня 1817 года, на другой день послѣ выпускныхъ экзаменовъ:

„Публичныя испытанія, которыя продолжались 16 дней, были причиною, что я не писалъ къ тебѣ уже около мѣсяца. Не пеняй на меня: ты знаешь, что я лѣнивъ писать письма. Вчера, любезный Сережа, былъ у насъ выпускъ. Государь на ономъ (т. е. на послѣднемъ экзаменѣ) присутствовалъ; постороннихъ никого не было. Все сдѣлалось такъ нечаянно, вдругъ. Я выпущенъ съ чиномъ коллежскаго секретаря. Ты конечно поздравишь меня съ счастливымъ началомъ службы. Еще ничего не сдѣлавши, быть X-го класса, конечно это много; но мы судимъ по сравненію: нѣкоторые выпущены титулярными совѣтниками. Но объ этомъ ни слова. Я вознагражденъ тѣмъ, что директоръ нашъ Е. А. Энгельгардтъ, о которомъ я писалъ тебѣ уже нѣсколько разъ, обѣщалъ доставить мнѣ случай сдѣлать морское путешествіе. Капитанъ Головнинъ отправляется на фрегатѣ Камчатка въ путешествіе кругомъ свѣта, и я надѣюсь, почти увѣренъ, идти съ нимъ. Наконецъ мечтанія мои быть въ морѣ исполняются! Дай Богъ, чтобы ты былъ также счастливъ, какъ я теперь. Одного мнѣ недостаетъ—товарищей: всѣ оставили Царское Село, исключая меня; я, какъ сирота, живу у Егора Антоновича. Но ласки, благодѣянія сего человѣка, день ото дня, часъ отъ часу, меня болѣе къ нему привязываютъ: онъ мнѣ второй отецъ. Не прежде какъ получу извѣстіе о моемъ счастіи (ты меня понимаешь), не прежде я оставлю Царское. Шестилѣтняя привычка здѣсь жить дѣлаетъ разлуку съ нимъ весьма трудною. Прощай, любезный Сазоновичъ, до радостнаго свиданія. Вотъ тебѣ наша прощальная пѣснь. Ноты я тебѣ не посылаю, потому что ни ты, ни я въ нихъ толку не знаемъ; но впрочемъ скажу тебѣ, что музыка прекрасна,—сочиненіе Tepper de Tergasin, а слова барона Дельвига. Ты объ нихъ самъ судить можешь: они стóятъ музыки“.

(За этимъ въ рукописи слѣдуетъ цѣликомъ пѣсня: Шесть лѣтъ).

Второе письмо Матюшкина начинается размышленіями о сладости дружбы, о томъ, какъ было бы весело быть вмѣстѣ съ другомъ, бродить съ нимъ по пустыннымъ аллеямъ Царскосельскаго сада, вспоминать о прошедшемъ счастливомъ времени и мечтать о будущемъ.

„Теперь я хожу одинъ, задумываюсь, мечтаю. Каждое дерево, каждая бесѣдка рождаютъ во мнѣ тысячу воспоминаній счастливаго времени, проведеннаго въ Лицеѣ. Царскосельскій дворецъ построенъ въ 1744 году графомъ Растрелли, напоминаетъ вѣкъ Людовика XIV, вѣкъ вкуса и роскоши, и не смотря, что время истребило яркую позолоту, коею были густо покрыты кровли, карнизы, статуи и другія украшенія, все еще можетъ почесться великолѣпнѣйшимъ изъ дворцовъ въ Европѣ. Еще видны на нѣкоторыхъ статуяхъ остатки сей удивительной роскоши, предоставленной дотолѣ однимъ внутренностямъ царскихъ чертоговъ. Когда императрица Елисавета пріѣхала со всѣмъ дворомъ своимъ и иностранными министрами осмотрѣть оконченный дворецъ, то всякій, пораженный великолѣпіемъ его, спѣшилъ изъявить государынѣ свое удивленіе; одинъ Французскій министръ, маркизъ де ла Шетарди, не говорилъ ни слова. Императрица, замѣтивъ его молчаніе, хотѣла знать причину его равнодушія и получила въ отвѣтъ, что онъ не находитъ здѣсь главной вещи—футляра на сію драгоцѣнность. Я слышалъ также, что когда Екатерина приказала выкрасить зеленою краскою кровлю, то многіе подрядчики предлагали болѣе 20.000 червонныхъ за позволеніе собрать оставшееся на ней золото".

Кромѣ этихъ двухъ писемъ, сохранилось также черновое начало записокъ Матюшкина, которыя онъ, какъ говоритъ преданіе, сбирался вести по совѣту и плану Пушкина. Приведу изъ нихъ только самое существенное.

Получивъ достовѣрное извѣстіе, что Головнинъ беретъ его съ собой, Матюшкинъ рѣшился съѣздить въ Москву проститься съ своими; напередъ онъ отправился въ Петербургъ за подорожной и отпускомъ и, доставъ ихъ, воротился въ Царское Село. „Поживши три дня у Егора Антоновича, пишетъ онъ, я отправился въ дорогу. Прощаясь съ мѣстомъ, гдѣ я, можетъ быть, провелъ счастливѣйшее время жизни, гдѣ въ отдаленіи отъ родителей я вкушалъ всѣ пріятности сыновней любви, гдѣ, будучи принятъ въ кругъ счастливѣйшаго семейства, и я наслаждался его счастіемъ; прощаясь съ Егоромъ Антоновичемъ и его семействомъ, я не могъ удержаться отъ слезъ... Это было 2-го Іюля. Не знаю, что̀ я чувствовалъ, когда я прибылъ въ Ижору. Хотя я ѣхалъ въ Москву, хотя я ѣхалъ къ любимой мною матери, которую не видѣлъ шесть долгихъ лѣтъ, но я не радовался: какая-то непонятная грусть тяготила меня; мнѣ казалось, что я оставляю Царское Село противъ воли, по принужденію. Изъ Ижоры я спѣшилъ какъ можно скорѣе, чтобы (признаюсь) мнѣ не возвратиться назадъ".

Не продолжая здѣсь выписокъ, упомяну только вкратцѣ, что на дорогѣ близъ Ижоры онъ взялъ съ собою старика, который просилъ довезти его до слѣдующей станціи: это былъ отставной дьячекъ села Грузина, принадлежавшаго графу Аракчееву. Онъ началъ было разсказывать о своихъ дѣлахъ, но нашъ утомленный путешественникъ не въ силахъ былъ слушать и скоро уснулъ. Проснувшись, онъ сталъ было раскаяваться въ предпринятомъ путешествіи; ему казалось, что онъ „удаляется отъ своего счастія; но уже поздно! Счастіе невозвратно. Я долженъ удалиться. Слезы у меня катились изъ глазъ, и я къ ужасу своему увидѣлъ, что это не сонъ, но истина!"

Записки кончаются слѣдующимъ разсказомъ: „На станціи Ранино я имѣлъ удовольствіе увидѣть одного изъ старыхъ моихъ товарищей, Маслова. Онъ выѣхалъ 24-мя часами прежде меня изъ Москвы. Мы ѣхали нѣсколько станцій вмѣстѣ; но въ Бронницахъ онъ получилъ прежде меня лошадей, и такимъ образомъ мы разстались. Мнѣ запрягли послѣ, и очень худыхъ. Я видѣлъ, что мнѣ не проѣхать на нихъ и половины дороги: нечего дѣлать, надобно отъ нихъ какъ нибудь избавиться. Къ счастію ночевали по близости Цыгане; первому, мнѣ встрѣтившемуся, я сунулъ полтину въ руки, и онъ, подошедъ къ извощику, пророческимъ голосомъ ему объявилъ, что если онъ сегодня поѣдетъ, то одна лошадь у него падетъ. Ямщикъ такъ испугался, что тотчасъ распрёгъ телѣгу и нанялъ за себя тройку. Вскорѣ я догналъ Маслова, перегналъ его и двумя днями ранѣе его, 30-го, увидѣлъ Царское Село. Городъ лежитъ на горѣ: всѣ улицы видны. Мнѣ казалось, что я давно тамъ не былъ; съ удовольствіемъ смотрѣлъ я на высокіе златоглавые куполы, на бѣлые красивые домики; искалъ глазами тотъ, гдѣ живетъ мой благодѣтель, мой наставникъ, гдѣ живетъ его любезное семейство; нашелъ его и не могъ спустить глазъ съ него... Я забылъ Москву, когда увидѣлъ Царское Село".

Благодаря стараніямъ Энгельгардта, Матюшкинъ, по выпускѣ изъ Лицея, имѣлъ возможность вполнѣ удовлетворить своей страсти къ морскимъ путешествіямъ. Плаваніе вокругъ свѣта считалось тогда дѣломъ великой важности; такія путешествія были еще рѣдки и поручались только людямъ, снискавшимъ особенное довѣріе: Головнинъ прежде семь лѣтъ прослужилъ въ Англійской службѣ. Матюшкинъ попалъ въ хорошую школу. Любопытно, что, при своей страсти къ морю, Матюшкинъ былъ въ сильной степени подверженъ морской болѣзни и такъ страдалъ отъ нея, что Головнинъ, достигнувъ Англіи, хотѣлъ было тамъ оставить своего молодаго спутника и съ трудомъ уступилъ настоятельной просьбѣ взять его въ дальнѣйшій путь. И впослѣдствіи Матюшкинъ никогда не могъ вполнѣ избавиться отъ наклонности къ морской болѣзни. Два года онъ съ капитаномъ Головнинымъ провелъ на шлюпѣ Камчатка, отправившемся въ Сѣверо-американскія наши колоніи, а потомъ кругомъ свѣта. Въ этой экспедиціи ему данъ былъ чинъ мичмана. По окончаніи ея, онъ опредѣленъ въ Балтійскій флотъ и подъ командою лейтенанта барона Врангеля, съ 1820 по 1824 годъ, былъ упо-

требленъ при описаніи сѣверныхъ береговъ Восточной Сибири и для отысканія земель на Ледовитомъ морѣ. Въ описаніи своего путешествія Врангель не разъ отзывается съ похвалою о дѣятельности и распоряженіяхъ Матюшкина и сообщаетъ, въ видѣ особыхъ главъ, два журнала о совершенныхъ этимъ офицеромъ отдѣльныхъ путешествіяхъ—къ рѣкѣ Анголѣ (притокѣ Колымы) и по тундрѣ къ востоку отъ Колымы до самыхъ Чукотскихъ кочевьевъ. Эти двѣ главы принадлежатъ къ числу самыхъ интересныхъ страницъ книги Врангеля *). Послѣ этого Матюшкинъ съ барономъ Врангелемъ еще разъ совершилъ двухлѣтнее кругосвѣтное плаваніе.

Дальнѣйшее служеніе Матюшкина, въ продолженіи многихъ лѣтъ, происходило почти безпрерывно на кораблѣ; мы видимъ его то въ Архипелагѣ, то въ Средиземномъ, то въ Черномъ морѣ. Въ 1830 году онъ былъ назначенъ командиромъ брига Ахиллесъ, на которомъ позже и крейсировалъ въ Греческихъ водахъ противъ Идріотскихъ мятежниковъ, принадлежа къ эскадрѣ судовъ подъ начальствомъ адмирала Рикорда. 30 Іюня 1831 года, въ Монастырской бухтѣ острова Поро, часть этой эскадры, въ томъ числѣ и бригъ Ахиллесъ, атаковали крѣпость и два Греческіе корвета, бывшіе въ то время во власти Идріотскихъ мятежниковъ. По засвидѣтельствованію Рикорда въ донесеніи князю Меньшикову, Матюшкинъ въ это время дѣйствовалъ не только съ отличною храбростію и благоразуміемъ, но съ изумительной быстротою, находчивостью и искусствомъ морскаго офицера. Другое военное дѣло, въ которомъ участвовалъ Матюшкинъ, было въ 1838 году — сраженіе противъ горцевъ при взятіи мѣстечекъ Туапсе и Шапсухо. Тогда онъ командовалъ фрегатомъ Браиловъ въ эскардѣ адмирала Хрущова, перевозя изъ одного пункта въ другой отряды сухопутныхъ войскъ для дѣйствія противъ горцевъ. Адмиралъ Лазаревъ отдалъ справедливость энергическимъ распоряженіямъ командовавшихъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и Матюшкинъ. Въ 1850 году, во время дѣйствій Голштинцевъ противъ Датчанъ, контръ-адмиралъ Матюшкинъ съ тремя судами успѣшно блокировалъ Кильскій заливъ, гдѣ находились Голштинскіе корабли. Въ 1854 году, во время Восточной войны, Матюшкинъ нѣкоторое время завѣдывалъ морскою частію въ Свеаборгѣ. Тогда онъ былъ уже (съ 1849 г.) контръ-адмираломъ и бригаднымъ командиромъ. Съ этихъ поръ онъ, занимая разныя административныя должности по морскому министерству, былъ вице-директоромъ инспекторскаго департамента, членомъ генералъ-аудиторіата, предсѣдательствующимъ морскаго ученаго комитета и проч., наконецъ въ 1861 году былъ пожалованъ въ сенаторы.

Во время своей службы во флотѣ, Матюшкинъ рѣдко бывалъ въ Петербургѣ. Въ сохранившихся протоколахъ Лицейской годовщины 19 Октября, имя его въ первый разъ встрѣчается въ 1834 году.

---

*) См. Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому морю, Ф. Врангеля, С.Петербургъ 1841 ч. I, стр. 252 и 272 и ч. II, стр. 75 — 114 и 230—279.

Не берусь оцѣнивать дѣятельность и значеніе Матюшкина какъ морскаго офицера; объ этомъ существуютъ разныя мнѣнія и, можетъ быть, со временемъ истина разъяснится. Приведу только довольно характеристическій разсказъ, слышанный мною отъ одного изъ сослуживцевъ Матюшкина по флоту. Одно время князь Меньшиковъ, оцѣнивъ въ немъ одного изъ самыхъ образованныхъ морскихъ офицеровъ, сталъ оказывать ему особенное вниманіе; но какъ скоро скромный адмиралъ замѣтилъ это, онъ по обыкновенію своему сталъ уклоняться отъ благосклонности своего начальника и отступилъ на задній планъ.

Въ послѣдніе годы я имѣлъ чаще прежняго случай сходиться съ Матюшкинымъ, какъ членомъ комитета для сооруженія памятника Пушкину; въ этомъ комитетѣ онъ, вмѣстѣ съ графомъ М. А. Корфомъ, радушно присоединился къ дѣлу прославленія памяти своего бывшаго товарища. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ совѣщаніяхъ и первый подалъ мысль поставить памятникъ въ Москвѣ, гдѣ поэтъ родился и получилъ первыя неизгладимыя впечатлѣнія, опредѣлившія его національное направленіе въ поэзіи.

Матюшкинъ никогда не былъ женатъ. За нѣсколько лѣтъ до смерти, онъ построилъ себѣ по Московской желѣзной дорогѣ, близь станціи Бологово, на берегу озера, изящную дачу Заимку, которую очень любилъ, хотя и не жилъ въ ней, а отдавалъ ее въ пользованіе кому нибудь изъ друзей своихъ. Самъ онъ проводилъ лѣто по большей части недалеко оттуда, въ семействѣ покойнаго друга своего, бывшаго лицеиста, князя Эристова. Тамъ сохранилось о Матюшкинѣ самое теплое воспоминаніе, какъ о добромъ, сердечномъ человѣкѣ. Каждое утро ранехонько отправлялся онъ на свою дачу, присматривалъ за работами и только къ обѣду возвращался; дѣти домашнихъ бѣжали къ нему на встрѣчу; онъ любилъ и ласкалъ ихъ. Проведя тамъ лѣто 1872 года, но чувствуя большой упадокъ силъ, Матюшкинъ въ Августѣ, по совѣту доктора, переѣхалъ въ Петербургъ для лѣченія. Кажется, онъ предчувствовалъ, что ему уже не возвратиться: обойдя весь садъ и сѣвъ въ экипажъ, онъ приказалъ ѣхать шагомъ, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на окрестность. Въ Петербургѣ онъ много лѣтъ сряду жилъ въ гостинницѣ Демутъ, гдѣ занималъ комнату въ 4-мъ этажѣ. Тамъ онъ слегъ и уже не вставалъ болѣе: вечеромъ 16-го Сентября онъ безъ страданій уснулъ навѣки.

Всѣмъ коротко знавшимъ Матюшкина дорога̀ память объ этой искренней, прямодушной натурѣ, неизмѣнной въ своихъ привязанностяхъ, чуждой всякой суетности: онъ не дорожилъ успѣхомъ въ свѣтѣ и обществѣ, далеко не возвысился до той степени значенія и власти, которой могъ бы достигнуть при большемъ честолюбіи; но въ ряду первыхъ питомцевъ Лицея и его преданій этотъ другъ и цѣнитель Пушкина всегда будетъ занимать одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ.

3. ЛИЦЕЙСКІЯ ГОДОВЩИНЫ.

Прославленная Пушкинымъ годовщина 19-го Октября праздновалась бывшими воспитанниками перваго курса Лицея то у одного, то у другаго изъ товарищей, сперва у Тыркова, потомъ у Михаила Лукьяновича Яковлева, въ домѣ II-го Отдѣленія, на Екатерининскомъ каналѣ, гдѣ до сихъ поръ находится типографія этого Отдѣленія, которою онъ управлялъ въ званіи ея директора. Яковлевъ, какъ самый пламенный чтитель Лицейскихъ преданій, былъ и постояннымъ распорядителемъ этихъ завѣтныхъ празднествъ. Самъ онъ назывался „Лицейскимъ старостой", а квартира его „Лицейскимъ подворьемъ". Каждый разъ, когда въ этотъ день собирались товарищи, составлялся протоколъ сходки, разумѣется полушуточный, отчасти даже буфонскій. Нѣкоторые изъ такихъ протоколовъ сохранились и переданы мнѣ Матюшкинымъ, къ которому перешли по смерти Яковлева. Самый ранній изъ нихъ относится къ 1825 году; здѣсь намарано Илличевскимъ нѣсколько неконченныхъ стиховъ и подписаны имена шестерыхъ присутствовавшихъ, въ такомъ порядкѣ: баронъ Корфъ, баронъ Дельвигъ, Илличевскій, Саврасовъ, Комовскій, Яковлевъ. Эта годовщина потому заслуживаетъ особеннаго вниманія, что именно ее заочно отпраздновалъ Пушкинъ въ сельскомъ уединеніи Михайловскаго знаменитыми стихами: „Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ".—За 1827-й годъ нѣтъ протокола, но къ 19-му Октября этого года, относится, какъ извѣстно, прелестное привѣтствіе, начинающееся стихомъ:

«Богъ помочь вамъ, друзья мои»...

Покойный П. А. Плетневъ разсказывалъ, что за окончаніе 2-го куплета:

«И въ мрачныхъ пропастяхъ земли».

Пушкину были сдѣланы внушенія, которыя, въ связи съ офиціальнымъ дѣломъ, возникшимъ о стихахъ Андре Шенье, могли вызвать стихотвореніе Предчувствіе:

Снова тучи надо мною
Собралися въ тишинѣ....

Слѣдующій за тѣмъ протоколъ помѣченъ 1828-мъ годомъ и писанъ весь рукою Пушкина, который, послѣ коронаціи императора Николая, снова сталъ появляться въ Петербургѣ. Здѣсь Пушкинъ прилагаетъ къ своимъ товарищамъ непонятное на первый взглядъ прозвище скотобратцы. Оно объясняется помѣщенными при рукописномъ журналѣ Лицейскій Мудрецъ каррикатурами, изображающими нѣкоторыхъ воспитанниковъ въ видѣ животныхъ. Это названіе было употребительно еще въ Лицеѣ и, кажется, встрѣчается въ самомъ текстѣ поименованнаго журнала.

„Собралися", такъ начинаетъ Пушкинъ протоколъ 1828 года, „на пепелище скотобратца курнофеіуса Тыркова, по прозванію кирпичнаго бруса *), 8 человѣкъ скотобратцевъ". Затѣмъ они исчислены въ томъ же порядкѣ, въ какомъ ниже подписались, именно: Дельвигъ, Илличевскій, Яковлевъ, Корфъ, Стевенъ, Тырковъ, Комовскій, Пуш-

*) Такъ онъ былъ прозванъ по своему тѣлосложенію и цвѣту лица.

кинъ. При каждомъ имени и тутъ и тамъ поставлены одни и тѣже прозванія, изъ которыхъ иныя составлены изъ уменьшительныхъ крестныхъ именъ: такъ Дельвигъ названъ Тося (Антонъ), Илличевскій—Олосенька (Алексѣй), Стевенъ, какъ Финляндскій уроженецъ, названъ Шведомъ, а Пушкинъ—извѣстною уже изъ его біографіи кличкою Французъ, къ чему его же рукой прибавлено: „смѣсь обѣзіаны (sic) съ тигромъ".

Послѣ исчисленія участниковъ пирушки означено въ 11-ти юмористическихъ пунктахъ, чѣмъ они занимались, напр. „вели бесѣду,—пѣли пѣсню о царѣ Соломонѣ *),—пѣли скотобратскіе куплеты прошедшихъ шести годовъ" (тутъ очевидно разумѣется прощальная пѣснь Дельвига); „Олосенька въ видѣ тамбуръ-мажора утѣшалъ собравшихся; Тырковіусъ безмолвствовалъ; толковали о гимнѣ ежегодномъ и негодовали на вдохновеніе скотобратцевъ". Не выписываю всѣхъ пунктовъ, потому что нѣкоторые изъ нихъ потребовали бы слишкомъ мелочныхъ комментаріевъ. Послѣдній пунктъ былъ такъ изложенъ: „И завидѣли на дворѣ часъ 1-й, а въ стражу вторую скотобратцы разошлись, пожелавъ добраго пути воспитаннику Императорскаго Лицея Пушкину, Французу, иже написа сію грамоту". Онъ сбирался тогда въ деревню (см. Матеріалы для его біографіи, въ изданіи г. Анненкова, т. I, стр. 212) и по видимому въ туже ночь долженъ былъ пуститься въ путь. Послѣ подписей, его же рукой набросаны стихи:

Усердно помолившись Богу,
Лицею прокричавъ *ура*,
Прощайте, братцы: мнѣ въ дорогу,
А вамъ въ постель уже пора.

Изъ протоколовъ ближайшихъ за тѣмъ годовъ видно, что однажды Пушкинъ, хотя и находился въ Петербургѣ, не присутствовалъ на праздникѣ своихъ товарищей. Въ краткомъ протоколѣ 1831 года, писанномъ красивымъ почеркомъ Яковлева, у котораго собирались въ этотъ разъ, замѣчено: „Пушкинъ не былъ потому только, что не нашелъ квартиры. При заздравномъ кубкѣ или заздравной чашѣ" (продолжаетъ протоколъ) „вспоминали пѣвца 19-го Октября:

И первую полнѣй, друзья, полнѣй,
И всю до дна въ честь нашего союза!
Благослови, ликующая Муза,
Благослови! Да здравствуетъ Лицей!

Въ 1834-мъ году въ числѣ восьми собравшихся находился и Пушкинъ. Весь протоколъ ограничивается ихъ подписями, но при немъ сохранилась слѣдующая записка поэта, писанная поутру того же дня къ Яковлеву: „Вѣдь у тебя празднуемъ мы годовщину? Не правда ли"? Вмѣсто имени подписанъ номеръ Лицейской комнаты Пушкина—№ 14.

Послѣднее Лицейское собраніе, въ которомъ онъ участвовалъ, было 19-го Октября 1836 года, за нѣсколько мѣсяцевъ до его траги-

*) Обыкновенно Дельвигъ затягивалъ торжественно:

О Соломонъ,
Въ Библіи первый пѣвецъ и первый мудрецъ!

ческой смерти. По странной случайности, это была 25-ая годовщина со дня основанія Лицея. Во время приготовленій къ празднованію ея былъ поднятъ вопросъ, не устроить ли по этому случаю обычный праздникъ какимъ нибудь особеннымъ образомъ, напр. соединившись съ ближайшими изъ послѣдующихъ курсовъ. Эту новость настойчиво предлагалъ бывшій директоръ Лицея Е. А. Энгельгардтъ, какъ видно изъ слѣдующаго письма Яковлева къ Пушкину, писаннаго за десять дней до годовщины:

„Сегодня утромъ былъ у меня Егоръ Антоновичъ съ предложеніемъ соединить по крайней мѣрѣ три выпуска для 19 числа. Я ему рѣшительнаго отвѣта не сказалъ, а совѣтовалъ, чтобъ онъ завтра переговорилъ съ тобою.

„Послѣ обѣда было у насъ съ нѣкоторыми изъ нашихъ совѣщаніе, и рѣшительно положено: праздновать по прежнимъ примѣрамъ одному первому выпуску. Пусть Егоръ Антоновичъ, какъ бывшій директоръ Лицея, соединяетъ подъ свои знамена 2-й, 3-й и прочіе выпуски и воздаетъ честь и хвалу существованію Лицея, но пусть насъ стариковъ оставитъ въ покоѣ.

„Егоръ Антоновичъ въ крѣпкой надеждѣ, что ты на его предложеніе согласишься. Конечно и нѣтъ причины по видимому отказаться отъ соединенія трехъ выпусковъ; но вотъ задача, какъ отстать отъ ветерановъ, которые рѣшительно объявили, что съ мнѣніемъ Энгельгардта согласиться не хотятъ? Итакъ, да здравствуетъ Лицей, и да воскреснетъ его воспоминаніе чрезъ 25 лѣтъ между скотобратцами". „№ 39".

„Пятница,
9-го Октября".

На это Пушкинъ отвѣчалъ Яковлеву:

„Я согласенъ съ мнѣніемъ 39 №. Нечего для двадцатипятилѣтняго юбилея измѣнять старинные обычаи Лицея. Это было бы худое предзнаменованіе. Сказано, что и послѣдній Лицеистъ одинъ будетъ праздновать 19-го Октября. Объ этомъ не худо напомнить". „№ 14".

Послѣдними словами этой записки Пушкинъ указываетъ на окончаніе своей первой годовщины:

Кому жъ изъ насъ подъ старость день Лицея
Торжествовать придется одному?
Несчастный другъ! . . .
Пускай же онъ съ отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведетъ,
Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальный,
Его провелъ безъ горя и заботъ.

Съ мнѣніемъ Пушкина согласились всѣ тѣ, которымъ послѣ сообщена была записка его, какъ показываютъ, сдѣланныя на ней, номерами же, другія подписи: № 40, № 33, № 41 № 35.

Такимъ образомъ 19-го Октября 1836 года состоялось обыкновенное, только нѣсколько болѣе многочисленное, собраніе, котораго протоколъ опять весь писанъ рукой поэта. Замѣчательна грусть, которая, какъ мрачное предчувствіе, овладѣла имъ при этомъ случаѣ:

она выразилась и въ самомъ протоколѣ, гдѣ уже не видно прежней кипучей веселости, и въ приложенныхъ къ нему прекрасныхъ стихахъ, начинающихся словами:

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался....

Это стихотвореніе, впрочемъ неконченное, вскорѣ послѣ годовщины, было отдѣльно напечатано, и оттискъ его пришитъ къ протоколу, который сообщаю здѣсь цѣликомъ.

„Праздновали дватцатипятилѣтіе (sic) Лицея" (слѣдуютъ подписи: „П. Юдинъ, П. Мясоѣдовъ, П. Гревеницъ, М. Яковлевъ, Мартыновъ, М. Корфъ, А. Пушкинъ, А. Илличевскій, С. Комовскій, Ф. Стевенъ, К. Данзасъ"—всего 11 человѣкъ, не болѣе).

„Собрались", продолжаетъ Пушкинъ, „вышепомянутые господа Лицейскіе въ домѣ у Яковлева и пировали слѣдующимъ образомъ:

1) Обѣдали вкусно и шумно.

2) выпили три здравія (по заморскому toasts):

a) за дватцатипятилѣтіе Лицея,

b) за благоденствіе Лицея,

c) за здоровье отсутствующихъ.

3) Читали письма, писанныя нѣкогда отсутствующимъ братомъ Кюхельбекеромъ къ одному изъ товарищей.

4) Читали старинные протоколы, пѣсни и проч. бумаги, хранящіяся въ архивѣ Лицейскомъ у старосты Яковлева.

5) Поминали Лицейскую старину".

(Рукою Яковлева приписано):

6) „Пѣли національныя пѣсни.

7) Пушкинъ начиналъ читать стихи на 25тилѣтіе Лицея, но всѣхъ стиховъ не припомнилъ и кромѣ того отозвался, что онъ ихъ не докончилъ, но обѣщалъ докончить, списать и пріобщить въ оригиналѣ къ сегодняшнему протоколу".

Примѣчаніе (Яковлева же): „Собрались всѣ къ половинѣ 5-го часа, разошлись въ половинѣ 10-го".

Изъ нѣкоторыхъ подлинныхъ записокъ, приложенныхъ къ протоколамъ, можно заключить, что долго 1-й выпускъ праздновалъ лицейскую годовщину ужиномъ, и только съ 1835 года, по желанію многихъ, рѣшено было замѣнить ужинъ обѣдомъ.

Послѣ смерти Пушкина, въ самый годъ рокового событія (1837), Энгельгардтъ наканунѣ 19-го Октября писалъ къ Яковлеву и приглашалъ его явиться на обѣдъ къ одному изъ бывшихъ воспитанниковъ 3-го выпуска, слѣдовательно возвратился къ прежней своей идеѣ собрать первые курсы вмѣстѣ. Неизвѣстно, былъ ли на этомъ обѣдѣ кто либо изъ товарищей Пушкина, но въ 1838 году желаніе Энгельгардта вполнѣ осуществилось. Помѣщаю здѣсь цѣликомъ предшествовавшее тому письмо его къ Яковлеву, такъ какъ оно любопытно во многихъ отношеніяхъ и по многимъ встрѣчающимся въ немъ выраженіямъ, которыя конечно не ускользнутъ отъ вниманія читателя:

„Подходитъ 19 Октября, день родной, Лицейской, день дружбы и воспоминаній. Грѣшно бы было не праздновать его по древнему обычаю дружескою сходкою. Мы, т. е. первые четыре курса, собираемся у Ж., радушнаго холостяка и хлѣбосола. Я принялъ на себя пригласить старѣйшинъ Лицея 1-го курса; обѣщалъ, что они будутъ и надѣюсь, что не выдадутъ стараго директора.—Этотъ общій обѣдъ не помѣшаетъ вамъ, если захотите, собраться и отдѣльно вечеркомъ у кого либо изъ первокурсныхъ, а уже на общую сходку надо явиться неотмѣнно.—Всѣхъ на все здѣсь оказалось на лицо только 27 человѣкъ: исключивъ изъ нихъ обыкновенныхъ дикарей, кружокъ нашъ будетъ очень не великъ; тѣмъ чувствительнѣе и больнѣе, еслибъ 1-й курсъ тутъ не участвовалъ.

„Итакъ, надѣясь на прежнее Лицейство и увѣренный, что пустые расколы, которымъ нынѣ уже и причины нѣтъ, совершенно исчезли, я приглашаю тебя, любезный Яковлевъ, явиться непремѣнно въ среду, въ 4 часа къ Ж. на дружескую трапезу тряхнуть стариной и, если по сердцу прійдетъ, помочь подтягивать наше родное Шесть лѣтъ.—Право хорошо, хотя разъ въ году, сердце дружбою отогрѣть, чтобы не совсѣмъ остыло въ великосвѣтскомъ быту.

„Прощай, до свиданья. Отъ всего сердца твой старой другъ
„16 Октября 1838". „Егоръ Энгельгардтъ".

Съ тѣхъ поръ сборные обѣды первыхъ выпусковъ вошли въ обычай и происходили нѣсколько лѣтъ сряду у того же лица, которое не хочется называть полнымъ его именемъ по прискорбной судьбѣ, постигшей его позднѣе и вскрывшей въ жизни его такія язвы, мысль о которыхъ тяжело соединять съ понятіемъ о Лицейскомъ воспитаніи. Послѣ того сборные Лицейскіе обѣды устраивались самимъ Энгельгардтомъ и на его счетъ, въ особомъ помѣщеніи на Васильевскомъ острову (во 2-й л.), недалеко отъ квартиры, которую онъ занималъ много лѣтъ. По смерти его, сколько мнѣ извѣстно, товарищи Пушкина регулярно уже не собирались 19-го Октября, до недавняго времени, когда, по приглашенію 5-го, 6-го и 7-го курсовъ, которые издавна собираются вмѣстѣ, къ нимъ присоединились немногіе пережившіе прочихъ первенцы Лицея. Протоколы собраній 1-го выпуска прекратились со смертію Пушкина; подобные же велись постоянно и до сихъ поръ ведутся въ 6-мъ выпускѣ.

Изъ сохранившихся бумагъ 1-го курса видно, что къ поддержанію стараго обычая праздновать Лицейскую годовщину болѣе всѣхъ способствовали Пушкинъ и Яковлевъ, который, какъ музыкантъ и пѣвецъ, также обладалъ поэтическою душою. Стихотворенія Пушкина, посвященныя годовщинѣ, и особенно первое изъ нихъ, то самое, въ которомъ высказана мысль о праздновaніи этого дня до тѣхъ поръ, пока останется въ живыхъ хотя одинъ изъ товарищей, были въ этомъ обычаѣ чуть ли не главнымъ связующимъ элементомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что вообще личность и память великаго поэта много способствовали къ живучести и особенному колориту Лицейскихъ преданій. Вотъ одно изъ многихъ доказательствъ важнаго значенія литературы въ исторіи человѣческихъ учрежденій, какъ и цѣлыхъ народовъ.

Я. Гротъ.

О БУМАГАХЪ ГРАФА МИЛОРАДОВИЧА.

Въ 1873 году издана была мною книга „Сказанія о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей", въ которой помѣщены біографическіе очерки нѣкоторыхъ членовъ оной, а о графѣ Михаилѣ Андреевичѣ сказано только нѣсколько словъ *).

Въ настоящее время я имѣю въ виду издать въ свѣтъ полное жизнеописаніе графа Михаила Андреевича и для того собираю по возможности всѣ письменные памятники его дѣятельности. Полагая, что многія бумаги и письма хранятся у потомковъ тѣхъ лицъ, съ которыми онъ находился въ сношеніяхъ, я обращаюсь къ владѣющимъ бумагами или письмами графа Милорадовича съ покорнѣйшею просьбою доставлять ихъ мнѣ; они будутъ мною возвращены, во всей цѣлости, по снятіи съ нихъ списковъ. Кто же пожелаетъ уступить и самые подлинники, тѣ благоволятъ заявить свои условія, надписывая такъ: Въ С. Петербургъ, у Поцѣлуева моста, въ домѣ Фитингофа, графу Григорію Александровичу Милорадовичу.

Графъ Милорадовичъ.

12 Февраля 1875 г.

КЪ ИСТОРІИ ПАЖЕСКАГО КОРПУСА.

Въ приготовляемомъ мною къ печати историческомъ очеркѣ Пажескаго Его Императорскаго Величества Корпуса приложенъ списокъ всѣмъ выпущеннымъ изъ онаго лицамъ съ 1800 по 1875 годъ, съ означеніемъ, въ какой полкъ или въ какое вѣдомство произведены были выпуски; а равно означены, на сколько я могъ собрать, свѣдѣнія о послѣдующей служебной дѣятельности каждаго лица.

Списокъ, составленный мною безъ всякаго посторонняго содѣйствія, заключаетъ въ себѣ пробѣлы; а потому я покорнѣйше прошу въ особенности отставныхъ, а равно служащихъ по гражданскому вѣдомству, по выборамъ и земству, увѣдомить меня о настоящей ихъ служебной дѣятельности, адресуя въ С. Петербургъ, у Поцѣлуева моста, въ домѣ Фитингофа, графу Григорію Александровичу Милорадовичу.

Графъ Милорадовичъ.

12 Февраля 1875.

---

*) Сказанія о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей приложены къ Р. Архиву 1871 года. *П. Б.*

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИГИ РУССКАГО АРХИВА 1875 ГОДА.

Приложенъ портретъ графа М. Л. Воронцова и снимокъ съ его почерка.

Цѣна **ДВА** рубля.

(Пересылка за 4 фунта).

Складъ изданія находится въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, гдѣ можно получать и первыя шесть книгъ Архива Князя Воронцова по 2 р. за каждую, кромѣ первой, которая стоитъ 2 р. 50 к. Пересылка за три фунта, за каждую книгу.

РУССКІЙ АРХИВЪ
1875 ГОДА.

(ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ ЖИЗНИ И РУССКОЙ МЫСЛИ.—СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ ВООБЩЕ.—КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

ВЫХОДИТЪ 12 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1875 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1875 году доставляютъ или высылаютъ эти **ВОСЕМЬ** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Берсеневской Набережной Москвы-рѣки, за большимъ Каменнымъ мостомъ, противъ храма Спасителя, въ домъ Московскаго Археологическаго общества, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу.* Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, при книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева.* Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается при книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова,* на Невскомъ проспектѣ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

Заграничные подписчики къ вышеозначенной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи — 2 р., для Франціи и Англіи—3 р., для Швейцаріи и Италіи—2 р. 50 к.

Годовое изданіе Русскаго Архива 1874 года можно получать въ двухъ большихъ книгахъ, съ гравированными на стали портретами при каждомъ томѣ, по 4 рубля за книгу (съ пересылкою).

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартеневъ.**